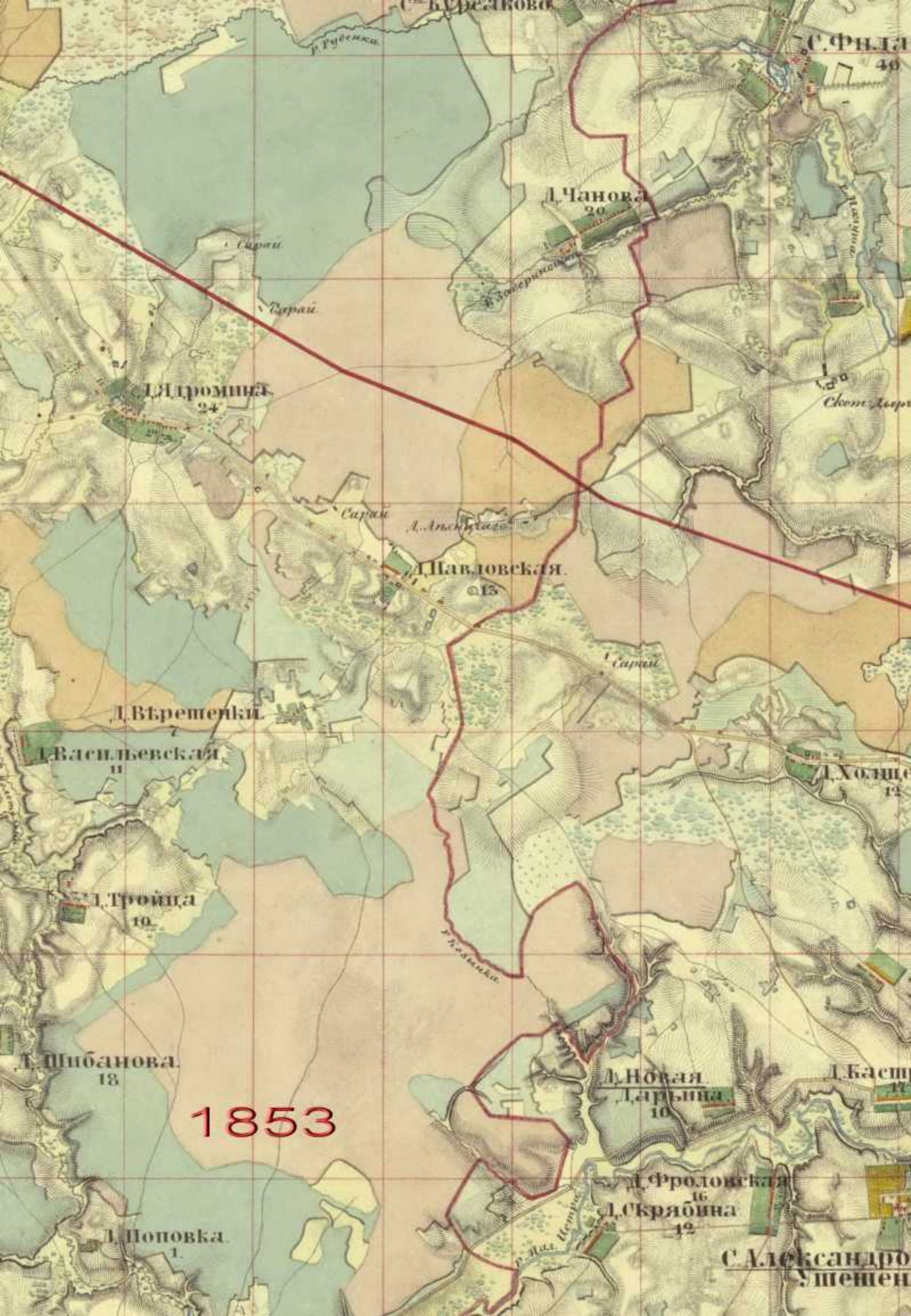

ИСТОРИЯ СЕЛА БРЫКОВО И БОГОЯВЛЕНСКОЙ ЦЕРКВИ

С. Филат
40
Д. Чанова
20
Сарай
Сарай
Д. Ядромина
24
Сарай
Д. Павловская
13
Сарай
Д. Вѣрешенки
7
Д. Васильевская
11
Д. Троица
10
Д. Шибанова
18
1853
Д. Новая
Д. Арьина
10
Д. Фроловская
16
Д. Скрябина
42
Д. Поповка
1
С. Александро
Ушенен

Д.Железникова
16
Д.Михайловка
16
Д.Ефимо
29
Д.Букарева
12
Д.Соколова
11
Д.Зенькина
32
Д.Дедешина
12
Д.Кучи
11
Д.Хмылина
12
Д.Мыконина
11
Д.Ильина
6
Д.Слабошеина
12
Д.Яблоновка
22
С.Телепнево
39
Д.Сергийкова
6
Д.Леонова
6
С.Покровское
Рубцева
Д.Киселева
9
Д.Кречькова
10

С. П. Носиков

История села Брыково и Богоявленской церкви

(по материалам архивных исследований)

Москва

2024

УДК [908+271.22–523.4]
ББК 26.89(2Рос–4Мос) + 86.372.24–65
Н84

Носиков Сергей Павлович
История села Брыково и Богоявленской церкви (по материалам архивных исследований) – М.: ООО "Сам Полиграфист", 2024, 424 с.

В книге описывается история деревни, потом сельца и села Брыково Истринского района Московской области, начиная с конца XVII века. Приводятся сведения обо всех владельцах брыковского имения, включая Шаховских, Квашниных-Самариных, Кильдюшевских и Карповых. Рассказывается об истории церквей Богоявления Господня (деревянной и каменной), приводятся сведения обо всех священно и церковнослужителях. Отдельные главы посвящены последнему настоятелю священномученику Василию Сунгурову, истории народного образования в селе Брыково. В текст книги включены многочисленные материалы из архивных дел, которые прежде не публиковались.

Данное издание является продолжением ранее вышедших книг автора об истории села Филатово и сельца Глебово.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей нашей Родины и краеведением Подмосковья.

© С. П. Носиков

Разрешается свободная перепечатка текста при условии указания ссылок на книгу.

На обложке:
«*фасад дому Села Брыкова или Богоявленска*», 1780–1790-е гг., (ГИМ).
На обороте обложки впереди (форзац):
«*Военная съемка Московской губернии*» (фрагмент), 1852–1853 гг., (РГВИА).
На обороте обложки сзади (нахзац):
«*План Генерального межевания окрестностей села Брыково, владение Ф. П. Квашнина-Самарина*», 1770, (РГАДА).

Оглавление

Введение **6**
Глава 1. Первые владельцы имения Брыково Собакин и Шаховские . . **9**
Все владельцы имения Брыково 10
… 1567–1573 … : Собакины (“А”) 10
1638(?)–1682: Шаховские (“Б”, “В”, “Г”) 13
Глава 2. Владельцы имения Брыково Квашнины-Самарины . . . **16**
Родословное древо Квашниных-Самариных 16
1682–1700: Андрей Никитич Квашнин-Самарин (“Д”) 17
1700–1705(?): Аксинья Семеновна Квашнина-Самарина (ур. Шаховская, “Е”) . 21
1710(?)–1742: Петр Андреевич Квашнин-Самарин (“Ж”) 21
1742–1770: Федор Петрович Квашнин-Самарин (“З”) 24
1770–1815: Петр Федорович Квашнин-Самарин (“И”) 28
Имение Брыково, усадебный дом 32
1815–1817: Анастасия Петровна Квашнина-Самарина (“К”) 36
Елизавета Петровна Чернышева (ур. Квашнина-Самарина) 37
1817–1825: Анна Петровна Квашнина-Самарина (“Л”) 39
Долги Квашниных-Самариных 39
1826–1847: Имение Брыково под опекой 42
Глава 3. Владельцы имения Брыково Кильдюшевские **48**
1847–1858: Павел Николаевич Кильдюшевский (“М”) 48
Основные события жизни Павла Николаевича Кильдюшевского . . . 56
1858–1861: Ольга Ильинична Кильдюшевская (“Н”) 57
Крестьянская реформа в Брыково 58
1861–1868: Имение детей Кильдюшевских (“О”) 59
1868–1874: Михаил Павлович Кильдюшевский (“П”) 61
Глава 4. Владельцы имения Брыково Карповы **63**
Предки Карповы 64
1874–1890: Геннадий Федорович Карпов (“Р”) 71
Основные события жизни Геннадия Федоровича Карпова 97
Имение Брыково и другие владения Карповых в Звенигородском уезде . . 98
1890–1918(?): Анна Тимофеевна Карпова (“С”) 103
Глава 5. Богоявленская церковь села Брыково **128**
1697–1752: Деревянная Богоявленская церковь 129
1752–1866: Каменная однопрестольная Богоявленская церковь . . . 130
Церковная земля в Брыково, ее аренда, земельные споры 141
1866–1917: Богоявленская церковь с тремя приделами 149
1918–1988: Храм при советской власти, запустение 161
1988–2024: Возрождение Богоявленской церкви 166
Основные события в истории Богоявленского храма 172
Глава 6. Служители Богоявленской церкви **174**
Первые церковнослужители 174
Причт Богоявленской церкви в XIX веке 178
Доходы причта 186

1810–1848: Священники Тихомировы 188
1849–1853: Священник Николай Зверев 191
1853–1893: Священник Михаил Михайловский 193
1893–1917: Священник Петр Зверев 203
Церковнослужители в XX веке 206
1896–1925: Псаломщик, дьякон, священник Василий Величкин . . . 212
1921–1931: Псаломщик, священник Иоанн Колобашкин 216
С 1990: Настоятель Богоявленского храма о. Андрей Васильев . . . 220
Глава 7. Священномученик Василий Сунгуров 221
Предки, родственники священномученика 221
Отец священномученика Арсений Сунгуров 226
Юные годы Василия Сунгурова 229
Служение в Волоколамском уезде 231
Служение в Богородском уезде и Щёлковском районе 234
Служение в Истринском районе 239
Братья Василия Сунгурова и его потомки 241
Реабилитация, прославление, почитание 247
Основные даты жизни священномученика Василия Сунгурова и его семьи . 252
Глава 8. Божьи дома в Холуянихе, Холщевиках, Хмолино 254
Несохранившаяся часовня в сельце Павловское, Холуяниха тож (ныне Лужки) . 254
Несохранившаяся часовня в деревне Холщевики прихода села Телепнево . 262
Новый храм-часовня в деревне Хмолино 266
Глава 9. Народное образование в селе Брыково 273
1856–1886: Первые три десятилетия истории Брыковской школы . . . 273
1887–1917: Вторые три десятилетия истории Брыковской школы . . . 280
1887–1918: Учитель Михаил Михайлович Банников 286
1918–1972: Советский период истории Брыковской школы 292
Директора Брыковской школы в советские годы 301
С 2003: Культурно-просветительский центр “Преображение” 305
Глава 10. Брыково в годы советской власти 306
Брыково в довоенные годы 306
Водяная мельница на речке Мологоща (Маглуша) 308
Брыково в войну и в послевоенные годы 311
Заключение 314

Приложение
1. Справка о дореволюционной России 315
2. Дополнительные сведения о Собакиных 318
Царица Марфа 318
3. Дополнительные сведения о Квашниных-Самариных 321
Первый русский лирический поэт 321
4. Дополнительные сведения о Карповых 325
Научные труды историка Геннадия Федоровича Карпова 325
Отзыв академика А. А. Куника на магистерскую диссертацию Г. Ф. Карпова . 326

Вступительная лекция по русской истории, читанная в Харькове . . . 328
Завещание Геннадия Федоровича Карпова 333
Некролог, написанный другом Василием Осиповичем Ключевским . . . 335
Учреждение премии имени Геннадия Федоровича Карпова 337
Переписка Карповых 337
Краткие биографические сведения о супругах Карповых и их детях . . . 343
О репрессированном Тимофее Геннадиевиче Карпове 350
5. Материалы о Брыково в периодических печатных изданиях . . . 351
Выписки из книг В. и Г. Холмогоровых, 1881 351
Публикации в Московских епархиальных ведомостях 352
6. Дополнительные сведения о Богоявленской церкви 354
Дело о построении каменной церкви в селе Брыково, 1752 354
Опись Богоявленской церкви, 1820 355
Опись Богоявленской церкви, 1862 357
Метрика Богоявленской церкви, 1887 362
Клировая ведомость Богоявленской церкви, 1892 364
Страхование от пожара Богоявленской церкви, 1910 368
Опись Богоявленской церкви, 1918–1921 369
Список изъятых ценностей из Богоявленской церкви, 1922 370
Приход Богоявленской церкви в XIX-XX веках 371
Списки архивных дел с метрическими книгами и исповедными ведомостями . 372
7. Служители Богоявленской церкви и учителя Брыковской школы . . 374
8. Дополнительные сведения о священномученике Василии Сунгурове . . 376
Семейные фотографии Василия Арсеньевича Сунгурова 376
Воспоминания Сергея Ивановича Афоничкина о дочерях священномученика . 377
Следственное дело Василия Арсеньевича Сунгурова, 1937 380
9. Изобразительные материалы по теме книги 388
Планы и карты местности 388
Исторические изображения усадьбы, церкви, часовни и школы . . . 393
Фотохроника разрушения и начала восстановления Божьего дома в Брыково . 399
Три десятилетия Богоявленской церкви, 1976–2005 402
Первое десятилетие возрождения Божьего дома 403
Служение архиепископа Одинцовского и Красногорского Фомы в Брыково . . 407
Брыковская средняя школа 408
Культурно-просветительский центр “Преображение” 410
Список источников и литературы 412
Список архивов, музеев и периодических печатных изданий . . . 421
Список принятых сокращений 422
Информация о проезде 423
Об авторе 424

Введение

«История, по определению С. М. Соловьева, есть первая из наук политических; она – народное самосознание. Народ без истории не заслуживает названия народа; это стадо животных, живущих только нынешним днем».

(из публичного выступления историка Г. Ф. Карпова).

Настоящая книга завершает описание истории селений и Божьих домов на берегу небольшой речки Маглуши в ее среднем течении, в старину называемой Моголощей. В 2020 г. была издана первая книга о селе Филатово и Христорождественской церкви[1]. В 2021 г. появилась книга о сельце Глебово и Казанской церкви (спустя год она была дополнена и переиздана). Та книга заканчивалась словами: «*В завершение хотелось бы выразить надежду, что в скором времени появится третья завершающая книга об истории земель по берегам речки Маглуши, посвященная селу Брыково и его Богоявленской церкви*»[2]. Так случилось, что выполнение этого пожелания затянулось. По непредвиденным обстоятельствам работу над третьим томом трилогии пришлось прервать, чтобы срочно написать книгу об истории Ивановской фабрики, Успенской церкви и благотворителях Цуриковых. В 2023 г. эта книга была издана, после чего работа по теме истории Брыково была возобновлена. И вот читатель держит результат этого труда в своих руках.

Общая история селений на берегах речки Мологощи (Маглуши)

У всех трех мест – Филатово, Глебово, Брыково – много общего. Это не только их территориальная близость в пределах нескольких верст и расположение на берегах небольшой чистой и живописной речки Маглуши, и не только наличие в каждом селении красивого Божьего дома (что, собственно говоря, и подвигло автора на написание указанных книг). Это их во многом общая история, которая начинается с упоминания в писцовой книге середины XVI столетия. Потом в Смутное время (нач. XVII в.) произошло полное разорение и запустение указанных земель, а через несколько десятилетий жизнь возродилась в этих местах. Следует отметить, что все три селения (а точнее имения) были владельческими поместьями, т.е. принадлежали не государству, а помещикам. После всего сказанного не стоит удивляться, что во введении всех трех книг много общего. Поэтому приходится повторяться.

Изо Вв-01. Фрагмент военно-топографической карты Московской губернии Ф. Ф. Шуберта[3], 1860.

Среди историков, краеведов популярна карта Московской губернии, изданная в середине позапрошлого столетия. Многим она известна под фамилией ее автора как карта Шуберта. На приводимом фрагменте этой карты цифрами обозначены Божьи дома, о которых говорилось в двух предыдущих книгах (№№ 1–4), а также о тех, о которых пойдет речь в настоящем издании (№№ 5–8): 1 – Христорождественский храм на Рождественском погосте (утрачен); 2 – Скорбященский храм в бывшем селе Саввино (утрачен); 3 – Христорождественский храм в селе Филатово (частично сохранился, действующий); 4 – Казанский храм в сельце Глебово (сохранился, действующий); 5 – Богоявленский храм в селе Брыково (сохранился, действующий); 6 – часовня в Лужках (прежде деревня называлась Холуяниха, Павловское, постройка утрачена); 7 – часовня в дер. Холщевики (постройка утрачена); 8 – новый храм-часовня св. Луки Крымского, построенный на территории Центра восстановительной медицины и реабилитации им. И. М. Сеченова в дер. Хмолино Истринского района.

Как производился сбор материалов для книги

Сбор исторических материалов начался 12 лет назад в рамках краеведческого проекта “Утраченный Божий Дом” (УБД). Тогда были найдены и изучены книги и журнальные публикации как дореволюционные, так и поздние. Наиболее информативной из современных изданий оказалась книга “Истринская земля. Энциклопедия сел и деревень”[4]. Осуществлялся также поиск сохранившихся документов в центральных архивах: ЦГАМ, ГАРФ, РГАДА, РГИА, ЦГАМО и др., а также в подмосковных музеях и региональных архивах. В результате просмотра тысяч различных источников (это не преувеличение – см. библиографию в конце книги), удалось собрать большой объем исторического материала, большей частью XIX столетия, который в значительной мере оказался мало или совсем не изучен.

Ввиду значительного объема собранных сведений эта книга, как и предыдущие, получилась большой по объему. Это при том, что не все найденные по теме материалы вошли в настоящее издание, приходилось сокращать текст. Дело в том, что печать книг в последнее время сильно подорожала. С учетом того, что исторические издания не пользуются широким читательским спросом, тиражи их маленькие. И чтобы цены на книги не стали «заоблачными», все время приходилось думать о снижении себестоимости печати. Поэтому для уменьшения числа страниц выбран формат А4, выполнена плотная верстка текста (в книге почти нет пустых мест, минимальные поля). И даже после принятия всех этих мер, цена книги осталась высокой. Автор никогда не преследует цели извлечения коммерческой выгоды из своих изданий. Главное – чтобы с книгами могли ознакомиться все желающие, независимо от материального состояния. Поэтому данная книга, как и все предыдущие, вскоре после распродажи тиража появится в формате pdf на сайтах РГБ, Истринской библиотеки и УБД, где ее текст можно будет свободно читать или бесплатно скачивать.

Особенности данной книги

При выпуске каждой новой книги приходилось писать об авторском подходе к изложению материала. Вот краткое перечисление основных принципов:

– Излагать только правду, ничего не придумывать[i]. Там, где нет уверенности в интерпретации фактов, добавляются слова «возможно», «скорее всего», «по-видимому» или другие аналогичные.

– Широко использовать исторические источники, цитаты из них выделять в кавычках «*курсивом*». Обязательно указывать библиографические ссылки на источники, если они известны (там, где в тексте подряд идут цитаты из одного источника, ссылка дается только один раз).

– Тексты из исторических источников приводить без искажений «как есть». Однако дореволюционная орфография заметно отличалась от современной. Поэтому для облегчения чтения цитаты адаптированы к более привычному виду: без твердого знака “ъ” в конце слов, старорусская буква “**ѣ**” заменена на “е”, “і” – на “и” и т.п. При этом орфографические ошибки не исправлялись (если только они не искажали смысл), добавлялись лишь знаки препинания для лучшего понимания текста.

– По этой же причине имена и отчества людей решено приводить в современном виде. Т.е. пи-

[i] Какова была радость автора, когда стало известно, что один из героев настоящей книги, владелец брыковского имения, доктор истории Г. Ф. Карпов (о нем подробный рассказ пойдет в четвертой главе), при написании своих научных трудов придерживался точно такого же принципа: «*абсолютно неприемлемо замалчивание любых, даже самых неудобных эпизодов в истории государства*».

сать, к примеру, Григорий Михайлович вместо «*Григорий Михайлов*», как в первоисточнике.

– Все даты приводить в том виде, как они записаны в оригинальных текстах (напомним, что в России до февраля 1918 г. использовался Юлианский календарь, так называемый, старый стиль).

– В книге использовано немало географических планов и карт. Ориентация сторон света традиционная (север предполагается вверху изображения).

– Помимо планов и карт в книге много других графических изображений (изо): фотографий и чертежей, копий картин и листов архивных дел. Ссылки на источники изображений указаны в подписях или в тексте самой книги. Там, где ссылок нет и авторство не указано, означает либо автора настоящей книги, либо то, что изображение обнаружено в интернете, при этом первоисточник указан не был.

В настоящем издании приведено большое количество родословных древ разных семейств. В большинстве случаев даты рождения и смерти людей подтверждены метрическими книгами или же источниками, заслуживающими доверия. Лишь в отдельных случаях использованы сведения из интернета.

Желающие более углубленно ознакомиться с подлинной историей могут обратиться к приложению в конце книги. Там приведены тексты наиболее важных исторических документов, продублированы найденные старые фотографии, чертежи, карты и планы по теме настоящего издания.

Настоящая книга состоит из десяти глав. В первых четырех главах рассказывается о помещиках, владевших имением Брыково. Следующие главы посвящены церковным вопросам: описана история Богоявленского храма и Божьих домов, существовавших на земле прихода, приведены сведения о церковнослужителях. В отдельных главах описана история местной школы, а также жизнь и служение последнего настоятеля Богоявленской церкви о. Василия Сунгурова, ныне прославленного в лике новомучеников. В конце рассмотрены события, происходившие в Брыково в XX в.

Благодарности

Для успешного сбора материалов для книг многое зависит от удачи, от желания разных людей помогать автору. Увы, и того, и другого на сей раз не доставало. Чаще обычного случались неудачи в архивах, когда, несмотря на приложенные усилия, так и не удавалось найти ответы на возникавшие вопросы. Огорчило и то, что оказалось немало людей, которые отказали в помощи, не делились (или недостаточно делились) своими воспоминаниями и семейными документами, как это происходило ранее. В связи с этим настоящая книга вышла не такой полной, какой могла бы быть. Тем ценнее помощь тех людей, которые шли навстречу, когда автор к ним обращался. И таких помощников оказалось немало, хотелось бы их всех отметить.

Прежде всего, следует поблагодарить потомков тех лиц, о которых рассказано в настоящей книге. Упомянутые далее люди поделились семейными фотографиями, а некоторые прислали и воспоминания. Это потомки и дальние родственники владельцев брыковской усадьбы Карповых: М. Г. и М. Смольяниновы, В. Н. Ненароков, Д. Г. Ушков, Е. В. Карпова. Это потомки последнего настоятеля Богоявленской церкви о. Василия Сунгурова: С. И. и И. С. Афоничкины, А. Н. Мочалова.

Спасибо исследователям, которые консультировали и делились своими находками в архивах. Это А. Н. Инюкин, Г. Н. Рыженко, С. В. Худяков, М. Б. Морозов, Л. Р. Вайнтрауб, Е. Н. Кожухова, И. Е. Шторм, Т. В. Максимова, А. Е. Игнатович.

Были и другие люди, оказавшие различную помощь в работе над книгой. Это местные краеведы: А. Н. Гольцев, С. Ю. Мамаев, О. В. Ткаченко, Д. и Н. Журовы. Это научные и музейные работники: Т. В. Агейчева, В. С. Ившин, М. А. Крючкова, Н. В. Молодцова, М. А. Обухова. Это работник библиотеки Е. А. Чибисова. Это сотрудники интернет-проекта “Храмы России”: А. В. Шатохин, Ю. В. Иванов. Это писатели: Н. М. Паглазова и Н. А. Филаткина. Это местные жители, которые поделились фотографиями и воспоминаниями: В. П. Мурачева, А. М. Архарова, М. С. Бобылева, С. П. Солдатов, А. С. Алексеев, П. В. Бойко, М. Б. Жерлыгина. Это люди, помогавшие с оплатой копирования архивных материалов: священники Андрей Васильев и Павел Малкин, а также общественник К. Б. Косенков. Это супруга, помогавшая редактировать текст настоящей книги Т. Н. Носикова.

Огромная благодарность всем перечисленным лицам за оказанную помощь!

Глава 1. Первые владельцы имения Брыково Собакин и Шаховские

Населенный пункт Брыково, находящийся в Истринском районе Московской области, ныне не на каждой географической карте найдешь. Расположен он на правом берегу речки Маглуши (прежде называлась Мологоща[i]), примерно в 10 км на запад от районного центра г. Истра. На другом берегу речки, образующей здесь благодаря плотине небольшое водохранилище, на Морозовой Горе находится старое брыковское кладбище. Выше по течению Маглуши расположены бывшие села Глебово и Филатово, а ниже дер. Кучи и бывшее сельцо Зенькино.

История селения Брыково уходит в глубь веков, впервые это место упоминается в писцовой книге 1567–1569 годов. Таким образом, можно говорить, что летопись данного поселения насчитывает более четырех с половиной столетий, как, впрочем, и соседних поселений Букарево, Глебово, Филатово, Хмолино, которые упоминаются в том же историческом документе. Все эти населенные пункты (некоторые в измененном написании) можно увидеть на «*Генеральном плане Воскресенскаго уезда*»[1], включенном в атлас Московской губернии 1800 г. (названия некоторых селений подчеркнуты).

Изо 1–01. Село Брыково и его окрестности на «*Генеральном плане Воскресенскаго уезда*», 1800.

На протяжении всего времени Брыково было владельческим селением, т.е. принадлежало помещикам. Сначала это была деревня (XVI в.), потом стало сельцо (XVII в.). А после построения здесь церкви (1697 г.) в честь праздника Богоявления Господня его стали именовать селом «*Богоявленское, Брыково тоже*». Но чаще, все же, использовалось одиночное название Брыково (иногда в документах и на картах писали «*Бриково*»).

Первые главы настоящей книги посвящены владельцам брыковского имения, в которое в разное время входило не только само Брыково, но и расположенная рядом деревня Кучи и часть деревень Букарево (часто писали «*Бокарево*») и Морозова Гора (не на всех старых картах показана). В результате проведенных исследований удалось установить имена всех помещиков, уточнить даты владения имением Брыково. Эти сведения представлены в виде таблицы. При этом следует иметь в виду, что для первых хозяев сроки владения указаны примерные, исходя из упоминаний в документах.

[i] Когда, по какой причине речка сменила название – в документах не поясняется. В XVIII в. повсеместно писали «*Мологоща*». А на одной из карт Московской губернии 1843 г. она именована как «*Могуша*», а на карте 1853 г. – как «*Маглуша*».

Все владельцы имения Брыково

Даты	Лет		ФИО, чин (звание) владельцев имения
1567?–1573?	6?	А	Дворянин **Парфений Иванович Собакин**.
с 1638? …	около 44	Б	Князь **Иван (большой) Леонтьевич Шаховской**.
… до 1668?		В	Князь **Семен Иванович Шаховской**.
… до 1682		Г	Князь **Петр Семенович Шаховской**.
1682–1700	143	Д	«*Стольник*» **Андрей Никитич Квашнин-Самарин**.
1700–1705?		Е	Вдова **Аксинья Семеновна Квашнина-Самарина** (ур. Шаховская).
1710?–1742		Ж	«*Обер-кригс-комиссар*» **Петр Андреевич Квашнин-Самарин**.
1742–1770		З	Действительный статский советник, «*Генерал Аншеф*» **Федор Петрович Квашнин-Самарин**.
1770–1815		И	Камергер, сенатор **Петр Федорович Квашнин-Самарин**.
1815–1817		К	«*Штатс Дама*» **Анастасия Петровна Квашнина-Самарина** (ур. Салтыкова).
1817–1825		Л	Фрейлина **Анна Петровна Квашнина-Самарина**.
1826–1847	21		Имение Брыково находилось под опекой.
1847–1858	27	М	Действительный статский советник, дворянин, доктор медицины **Павел Николаевич Кильдюшевский**.
1858–1861		Н	Вдова **Ольга Ильинична Кильдюшевская**.
1861–1868		О	Дети Павла Николаевича Кильдюшевского: дворяне **Николай, Михаил, Виктор, Арсений, Илья, Анна**.
1868–1874		П	Дворянин **Михаил Павлович Кильдюшевский**.
1874–1890	44	Р	Действительный статский советник, дворянин, доктор Русской истории **Геннадий Федорович Карпов**.
1890–1918?		С	Вдова **Анна Тимофеевна Карпова**.
1916?–1918?		Т	**Дворянин Тимофей Геннадиевич Карпов** (возможно).

… 1567–1573 … : Собакины (“А”)

«Щит разделенный на четыре части имеет в средине малый щиток голубого цвета, в коем изображен Воин скачущий на белом Коне в правую сторону с подъятым вверх Мечом. В первой части в серебряном поле виден одноглавый черный Орел коронованный с распростертыми крыльями. Во второй части в красном поле находится стоящий на задних лапах золотой Лев в Короне обращенный к левому боку щита. В третьей части в красном же поле означена серебром Собака в ошейнике бегущая в правую сторону. В четвертой части в серебряном поле видна Крепость красного цвета. Щит увенчан обыкновенным двумя Дворянскими шлемами с Дворянскими на них коронами, […]

Герб рода Собакиных внесен в Часть 3 Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи. С. 12» (сведения с сайта “Общий Гербовник”).

Изо 1–02. Герб рода дворян Собакиных и его описание[2].

В XVI-XVIII веках дер. Брыково относилась к волости Войничи (Воиничи) Рузского уезда (иногда писали: Рузской округи). Как написано в упомянутой писцовой книге: «*Село Есипово на речке Топорихе, да к нему ж припущена в пашню дрв.* [деревня] *Бабкино, да пустошь Березниково Парфена Иванова сына Сабакина.* […] *Того ж села деревни:* ***Дрв. Брыкова на реке на Мологощи*** [Выделено Авт.]. *Пашни в поле середние земли семнатцать чети, а в дву потому ж. Сена дватцать копен*»[3]. Где находилось «*Село Есипово*» – осталось неизвестно. А вот другой топоним встречается в "Экономическом примечании Рузского уезда" за 1798 г.: «*А речка Топариха*[i] *течение имеет малое*»[4].

Парфений Иванович Собакин оказался самым первым известным владельцем Брыково (обозначим его буквой "А"). Очевидно, что деревня существовала и ранее упомянутых в писцовой книге лет (1567–1569). Когда Парфений стал владельцем деревни и кто был ее хозяином прежде – осталось неизвестно (возможно, это было государево или казенное владение).

Собакины относились к старинному роду, так называемым «*столбовым дворянам*»[ii]. Корни рода уходят в XIII в., когда «*датский выходец*» Ольгерд Преги прибыл в Тверь к Великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому, был у него боярином и в крещении получил имя Дмитрий. Спустя два века его потомок боярин Даниил Григорьевич перешел на службу к Великому князю Ивану III. Он носил прозвище Собака и дал, по семейному преданию, начало роду Собакиных.

Царица Марфа Васильевна Собакина

Самым известным представителем рода стала **Марфа Васильевна Собакина**, которая была третьей женой царя Ивана IV Грозного. Из шести официальных браков государя он оказался самым непродолжительным и загадочным. Марфа пробыла царицей лишь две недели, после свадьбы все время болела и скоропостижно скончалась 13 ноября 1571 г.

О загадочной смерти Марфы потом долго судачили, ходило много разных слухов. В 1898 г. знаменитый композитор Римский-Корсаков написал оперу в четырех действиях. Уже в наше время была выпущена почтовая марка на эту тему.

Изо 1–03. Почтовая марка в честь оперы Римского-Корсакова.

В приложении-2 приведена статья доктора исторических наук Т. Д. Пановой "Та самая царская невеста", желающие могут ознакомиться с точкой зрения ученого на события многовековой давности. Здесь же приведем краткие выдержки из этой интересной публикации:

«*Если второй брак Грозного (с черкесской княжной Марией Темрюковной) был обусловлен политическими соображениями, то для третьего выбирали просто русскую красавицу дворянского рода. Для этого уже в 1570 году по всему государству провели перепись дворянских "девок" – кандидаток в невесты. Смотрины происходили в Александровой Слободе, куда были свезены 2000 самых красивых и здоровых девушек.* […] *Тщательный отбор оставил сначала 24, а затем только 12 кандидаток. Их, по воспоминаниям И. Таубе и Э. Крузе, осматривали уже обнаженными.* […] *Победительницей конкурса красоты, как сказали бы мы сегодня, стала дочь худородного дворянина из города Коломны – Василия Степановича Собакина Большого (или Старшего).* […]

26 июня 1571 года царь Иван IV объявил о своей помолвке с Марфой Собакиной. […] *Уже*

[i] Ныне Топориху не найти ни на одной карте, даже самой подробной. Хотя этот ручей протяженностью в несколько километров существует и поныне. Он протекает по окраине бывшей Глебовской птицефабрики и впадает в р. Маглушу недалеко от Казанской церкви (место впадения находится в 1 км на запад от Брыково).

[ii] «*Понятие "столбовое дворянство" возникло в XVIII веке и охватывало тех, чьи предки во время переписи XVI—XVII веков были занесены в столбцы. Столбцами называли родословные книги и другие документы, которые некогда использовали в делопроизводстве. Они имели вид склеенных свитков: листы подклеивали друг за другом, образуя длинную ленту*» (интернет).

после помолвки Марфа Собакина вдруг заболела и стала "сохнуть", как назвали в те времена летописцы состояние невесты царя. Ходили разные слухи и, прежде всего, о том, кому это могло быть выгодно. По одной из версий, Марфу Васильевну отравил кто-то из семьи то ли Романовых, то ли Черкасских – родни первой и второй жен Ивана Грозного. По другой – какое-то "зелье" Марфе передала ее мать, заботясь о "чадородии" будущей царицы. Это снадобье (или другое, если первое подменили) и стало, как считали, причиной болезни царской невесты. […] *И тем не менее, несмотря на плохое самочувствие Марфы Собакиной, 28 октября Иван Васильевич сыграл в Александровской Слободе пышную свадьбу.* […]

А между тем царица Марфа Васильевна не только не поправлялась, но чувствовала себя все хуже и хуже и 13 ноября скончалась. Она фактически так и не стала женой русского царя – об этом существует специальная запись в церковных документах того времени. […] *Царицу Марфу Васильевну похоронили в Москве, в кремлевском Вознесенском соборе – усыпальнице для женщин из царской семьи*»[5].

Высшее духовенство постановило, что брак с Марфой Собакиной можно считать недействительным, так как венчанный муж не вступал с невестой в физические отношения по ее болезни. Через полгода царь Иван Грозный женился в четвертый раз. Его следующей (но не последней) избранницей стала Анна Колтовская, занявшая в смотре невест второе место.

Кем доводилась умершая царица Марфа Собакина владельцу дер. Брыково Парфению Ивановичу? Тут однозначного ответа нет. Где-то их называют двоюродными сестрой и братом, где-то родство показано более дальнее. Как написано в интернете (со ссылкой на публикацию Санкт-Петербургского государственного университета), в 1571 г. Парфений присутствовал на свадьбе царя Ивана Грозного и его родственницы Марфы.

Дворянин Парфений Иванович Собакин (“А”)

Поговорим теперь о первом владельце Брыково, что о нем известно. Как обычно, для лиц из далекого прошлого информации очень мало. Парфений не относился к известным представителям Собакиных (в списке свыше 30 лиц этого рода, приведенных на сайте Википедии, его имени нет). Как написано на сайте “Общий Гербовник”: «*Потомки Данила Григорьевича Собакины равным образом Российскому Престолу служили окольничими, комнатными и в иных знатных чинах, и жалованы были от Государей поместьями*». Так Парфению была пожалована дер. Брыково «*по государевой грамоте “против старые его переславские вотчины”*»[6]. Как видим, у него были и другие владения. Сергиево-Посадские краеведы писали, что ему принадлежало с. Богородское.

К сожалению, неизвестна ни дата рождения Парфения Собакина, ни сколько лет он прожил на свете. Но зато можно говорить о примерном времени его кончины. После смерти царицы Марфы ее родственники Собакины попали у Ивана Грозного в немилость. По его приказу были казнены четверо представителей этого рода. Как известно, в 1583 г. царь объявил прощение всем казненным им боярам и пожертвовал монастырям крупные суммы на помин их душ. Во избежание ошибок в счете Иваном Грозным был составлен обширный поминальный список, известный сегодня как «*синодик опальных*». В списке казненных в 1571–1574 гг. упомянуты четверо Собакиных: Калинник, Степан, Семен и Парфений. На самом деле, дату кончины владельца деревни Брыково можно уточнить. В “Разрядной книге 1475–1605 гг.”, переизданной в советские годы, в записях 7081 года от сотворения мира (т.е. 1573 г. от Рождества Христова) упоминается имя «*Парфеней Иванов сын Собакин*»[7]. Т.е. он был еще жив. Значит, казнь состоялась в конце 1573 г. или в 1574.

На генеалогическом сайте сообщается, что у Парфения был брат Андрей, а их отца звали Иван Григорьевич[8]. Оба брата показаны бездетными, об этом говорится в нескольких источниках. Однако в одной из книг, изданной в советское время, написано следующее: «*Парфений в родословцах показан бездетным, но в действительности у него был сын Роман, который в 1596 г. был поверстан новичным окладом и испомещен в Звенигороде*»[9] (приведена ссылка на дореволюционный источник информации).

Вот и все о Собакиных, один из представителей которых оказался первым из известных владельцем дер. Брыково. Считается, что род дворян Собакиных по всем ветвям прервался в XIX в.

1638(?)–1682: Шаховские (“Б”, “В”, “Г”)

«Щит разделенный на четыре части, имеет в средине малый золотой щиток, в коем изображен черный Медведь стоящий на задних лапах с золотою на плече секирою. В первом и четвертом голубом поле Ангел в сребротканной одежде имеющий в правой руке серебряный меч, а в левой золотой щит. Во втором и третьем серебряном поле означена черная Пушка на золотом лафете, поставленная на зеленой траве, и на пушке […] *сидит райская птица. Щит покрыт мантиею и шапкою принадлежащими Княжескому достоинству.* […]

Герб рода князей Шаховских внесен в Часть 2 Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи. С. 6»[10].

Изо 1–04. Герб рода князей Шаховских и его описание.

Кому стала принадлежать дер. Брыково после смерти ее владельца Парфения Собакина – нигде не сообщается. Скорее всего, вернулась государству. А во времена Смутного времени эти земли, как и большинство мест в округе были разорены польско-литовскими бандами и обезлюдели. Нескоро здесь вновь возродилась жизнь. Как сказано в книге “Истринская земля”: «*в 1625 г. здесь находилась только порожжая земля — “пустошь, что была деревня Брыково”*».

Лишь в середине XVII в. у земель по берегам речки Мологощи вновь появился хозяин, это был представитель иного дворянского рода. В той же книге написано: «*в 1646 г. тут была д. Брыково — в вотчине за князем Иваном Леонтьевичем Шаховским (двор вотчинника, 2 двора бобыльских, 5 человек). Было тогда два брата — оба Иваны Леонтьевичи Шаховские, прозвища "Большой" и "Меньшой". Полагаем, что Брыковом владел “Большой” — дед следующего владельца*»[11].

Согласно историческим документам в течение нескольких следующих десятилетий (без малого полвека) дер. Брыково принадлежала представителям известного старинного княжеского рода Шаховских. Хотелось бы об этих людях рассказать подробнее.

Князь Иван (Большой) Леонтьевич Шаховской (“Б”)

Корни рода Шаховских прослеживаются от одного из основателей русского государства князя Рюрика, правившего Новгородом. В родословной присутствуют знаменитые люди: Владимир Мономах, князья Смоленские. Один из их потомков, князь Федор Ростиславович правил в Ярославле. Он и его сыновья Давид и Константин были канонизированы (причислены к лику святых) в 1467 г. в связи с событиями присоединения ярославского княжества к Москве.

Свою фамилию род получил от князя Константина Глебовича, имевшего прозвище Шах. Он был потомком Рюрика в 7-м поколении и праправнуком Федора Ростиславовича. Многие из Шаховских именовались Шемякиными по фамилии князя Александра Андреевича Шемяки, но с XVII в. их потомки вновь стали называться Шаховскими.

Данный княжеский род со временем очень разросся, до революции в нем насчитывалось много персон. В 23-м колене записан **Иван Леонтьевич Шаховской**, прозванный **Большой**, для отличия от родного брата, полного тезки, прозванного Меньшой. Отцом братьев (помимо двух Иванов были еще Яков и Никита) был Леонтий (Левон) Иванович, родившийся в середине XVI в. и проживший около 70 лет. Как написано на одном из сайтов в интернете (“форум СВРТ”), он был московским дворянином, помещиком Зубцовского, Ржевского, Новоторжского и Московского уездов.

В приведенной выше цитате из энциклопедии “Истринская земля” указан 1646 г. Это самая ранняя дата, встречаемая в литературных источниках об Иване Леонтьевиче Шаховском как владельце дер. Брыково (обозначим его буквой “Б” в древе). Но на самом деле, указанная деревня могла у него оказаться и раньше. В пользу этого свидетельствуют исторические документы в фон-

де № 253 в ОПИ ГИМ. В одном из архивных дел упоминается документ, датированный 1638 г. Это «*Память владельческая*» на пустошь Войнической волости Рузского уезда на речке Топориха, проданная князю Ивану Леонтьевичу Шаховскому[12]. В том же деле говорится также о купчей на землю, проданную в 1641 г. тому же князю в Рузском уезде из порожних свободных земель на р. Топориха. Есть еще бумага того же князя на обмен земель в 1639 г. в Войнической волости.

Кто-то может резонно заметить, что в перечисленных документах дер. Брыково не упоминается. Верно, такого названия в них нет. Но, во-первых, одинаковое ФИО помещика – Иван Леонтьевич Шаховской. Во-вторых, регион один и тот же – волость Войничи Рузского уезда. И, наконец, в-третьих, упоминается та же речка, название которой указано в приведенной ранее цитате: «*Село Есипово на речке Топорихе*». И тогда напрашивается такая цепочка развития событий. В 1638 г. Иван Леонтьевич купил пустошь в Рузском уезде. В последующие годы (1639, 1641) он приобретал и обменивал находившиеся поблизости земли в той же волости. Вполне возможно, что среди них была и бывшая дер. Брыково. Она после Смутного времени обезлюдела и могла называться пустошью. Но князь вновь заселил ее крестьянами. Так дер. Брыково возродилась. Подчеркнем, что это всего лишь версия. Но почему бы так не могло быть на самом деле?

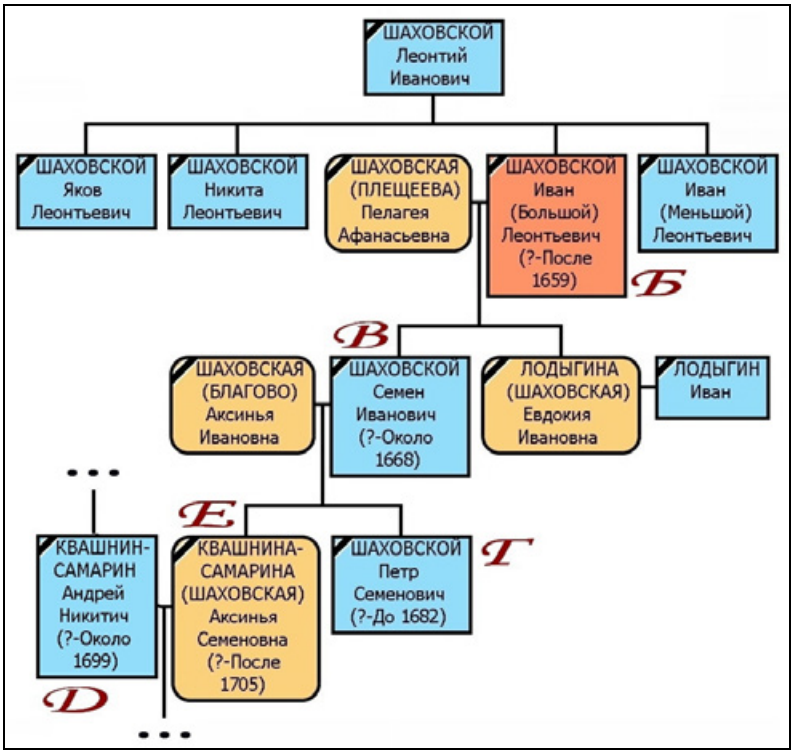
Но возможен и другой вариант. Дер. Брыково могла быть пожалована И. Л. Шаховскому за служение русскому государству. Это вполне логично, если посмотреть на его послужной список (ПС). Вот что об Иване Леонтьевиче говорится на сайте Википедии: «*В 1615 году показан в дворянах Зубцовской десятни. В 1627—1640 годах записан московским дворянином. В 1631 году воевода в Волоколамске, а в 1632 году воевода в Ржеве. В 1634 году находился на службе в Можайске, но в какой должности не показано. В январе 1639 года упомянут вторым судьёю в Судно-Владимирском приказе. В 1642—1644 года воевода в Заонежских погостах, где участвовал в за-Онежских походах. С 1645 года второй судья в Судно-Владимирском же приказе. В 1651—1655 годах воевода в Дмитрове. В 1658—1659 годах воевода в Епифани*»[13]. К написанному можно еще добавить, что согласно информации, приведенной на “форуме СВРТ”, И. Л. Шаховской был воеводой в Кашире в 1638 г. и «*имел вотчину в Дмитровском и Рузском уу.*».

О дате кончины И. Л. Шаховского нигде не говорится. Но учитывая время его служения на последнем месте в Епифани, смерть наступила не ранее 1659 г.

Фрагмент родословного древа Шаховских

Иван Леонтьевич был женат на Пелагее Афанасьевне из рода Плещеевых, у них были дети Семен и Евдокия (Авдотья). На том же “форуме СВРТ” написано, что дочь вышла замуж за Ивана Лодыгина. А про сына сказано, что он был московским дворянином, женился на Ксении (Аксиньи) Ивановне Благово, за которой по данным того же сайта было дано приданое «*д. Ленино и п.* [пустошь] *Елецкая в Ржевском уезде*»[14].

По сведениям, собранным из разных источников, было составлено древо рода князей Шаховских, точнее его фрагмент с представителями, имевшими отношение к дер. Брыково. В древе буквами русского алфавита отмечены лица, которые по документам были хозяевами подмосковного имения.

Изо 1–05. Древо рода князей Шаховских (буквами отмечены владельцы Брыково).

Семен Иванович Шаховской (“В”) и его полный тезка князь Харя

После смерти Ивана Леонтьевича деревня Брыково перешла по наследству его сыну Семену. Об этом написано в изданной в наше время книге Н. К. Телетовой[15]. И хотя первоисточник сведений не указан, верить данному ученому, много работавшему в архивах, можно. А вот далее имеются разночтения.

В некоторых советских и современных изданиях приведено ошибочное утверждение о том, что владельцем подмосковного имения был князь Семен Иванович Шаховской по прозвищу Харя. Вот, например, цитата в одной из книг: «*После князя Ивана, селом* [Брыково] *владел его сын – князь Семен Иванович Шаховской, по прозванию Харя, духовный писатель первой половины XVII в., замечательный по обилию и разнообразию своих сочинений*»[16]. Это был известный человек в то время, о нем довольно много информации можно найти в интернете. Вот только он, увы, не имел никакого отношения к Брыково. На сайте Википедии так и написано, что сына Ивана Леонтьевича Шаховского Семена не следует путать с Харей[17].

Проведенное исследование подтвердило правоту данного сайта. Оказалось, что в роде Шаховских имелись два полных тезки, живших в одно время в середине XVII в. Выяснилось, что у владельца Брыково Семена Ивановича отца звали Иван Леонтьевич, он относился ко второй ветви рода Шаховских. А родителя Хари звали Иван Петрович, он был из третьей ветви рода[18]. У тезок имелся общий предок в 20-м колене рода Шаховских. Из этого следует, что они были дальними родственниками. Все это означает, что ни Харя, ни его трое сыновей никогда не были хозяевами Брыково.

У брыковского помещика Семена Ивановича родились дети Петр и Аксинья. О дате кончины С. И. Шаховского можно судить по словам, написанным в книге Телетовой. Там написано, что он умер «*за четыре года до появления на свет внука Петра*»[19]. Речь идет о Петре Андреевиче Квашнине-Самарине, который, как будет рассказано в следующей главе, родился в 1672 г.

Князь Петр Семенович Шаховской (“Г”)

О следующем помещике в энциклопедии “Истринская земля” написано так: «*В 1678 г. с-цо Брыково было вотчиной князя* ***Петра Семеновича Шаховского****, стольника*[i]». Очевидно, имение досталось после смерти родителя Семена Ивановича. О новом владельце на “форуме СВРТ” приведены такие сведения: «*стольник в 1671–1678 гг., стольник царицы Натальи Кирилловны* [ур. Нарышкиной, второй жены царя Алексея Михайловича] *(1676), помещик Ржевского у. Бездетный*». Можно предположить, что П. С. Шаховской оставался хозяином Брыково пока был жив. Некоторые современные авторы утверждают (без ссылки на первоисточник), что он умер в 1682 г.

На этом рассказ о представителях второго дворянского рода, владевших Брыково, завершен. К сожалению, сведения о помещиках очень краткие, о самом имении никаких подробностей не приводится. Зная послужные списки Шаховских, можно лишь предполагать, что в своем подмосковном поместье они не жили. Это означает, что, скорее всего, барского дома в то время в имении Брыково не было.

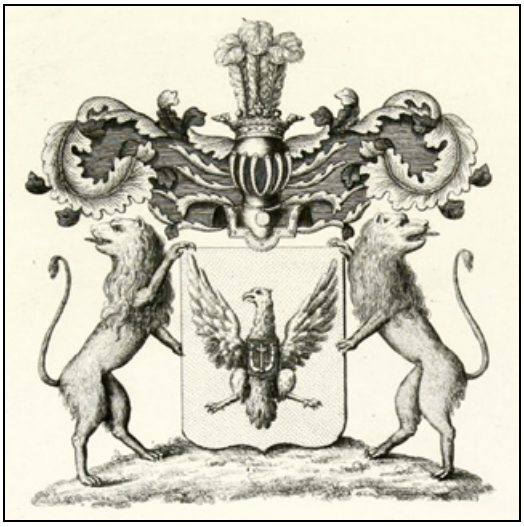

[i] На Руси до XVII в. стольник – это придворный, рангом ниже боярина, назначавшийся из представителей знатных дворянских родов. Стольники находились на престижных придворных службах на официальных церемониях, пирах, в царских военных походах. У комнатных стольников были обязанности в царских покоях, при этом они пользовались рядом особых прав и привилегий. Часто начинали служить с 14–16 лет. В течении XVII столетия число стольников сильно возросло: с 88 до 2724 (интернет).

Глава 2. Владельцы имения Брыково Квашнины-Самарины

«В щите имеющем золотое поле, изображен одноглавый Орел белый с распростертыми крыльями, у коего на груди на малом щитке голубого цвета, виден золотой Крест, поставленный на серебряной Подкове шипами вверх обращенной. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем Короною и тремя страусовыми перьями. Намет на щите золотой, подложенный голубым. Щит держат два льва смотрящие в стороны с загнутыми хвостами. […]

Герб рода Квашниных-Самариных внесен в Часть 2 Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи. С. 39»[1].

Изо 2–01. Герб рода дворян Квашниных-Самариных и его описание.

После князя Петра Семеновича Шаховского Брыково (уже как сельцо[i]) стало владением другого дворянского рода. В книге известных церковных историков братьев Холмогоровых, написано, что сельцо «*в 7205*[ii] *(1697) г. принадлежало стольнику Андрею Никитину Квашнину-Самарину*».

Когда и как Брыково перешло к новым владельцам? Ответ был найден в недавно опубликованной статье Н. М. Паглазовой, в которой говорится, что после смерти Петра Семеновича Шаховского *«в 1682 году поместье Брыково (Рузского, а позже Звенигородского уезда) получила его сестра, княжна Аксинья (Ксения) Семеновна Шаховская, которая в 1669 году вышла замуж за Андрея Никитича Квашнина-Самарина»*[2].

Каким образом подмосковное имение оказалась у сестры? Ответ очевиден. Ранее говорилось, что последний владелец Брыково из рода Шаховских умер бездетным. А как написано на "форуме СВРТ", у Петра Семеновича кроме сестры Аксиньи других близких родственников не было. Поэтому она и наследовала имение Брыково. О точной дате кончины П. С. Шаховского в исторических документах не говорится. Но в одном из архивных дел ОПИ ГИМ упомянута грамота 1682 г. «*об отказе*» (т.е. о переходе по наследству) Аксинье Семеновне вотчины ее умершаго брата Петра Семеновича Шаховского в Рузском уезде. Название имения указано не было, оно приведено в том же деле в другом документе, имеющем название: «*Грамота послушная*[iii]*, данная Аксинье Семеновне Самариной на с. Брыково Рузскаго уезда, 1684*»[3].

Вот так у Брыково появились новые владельцы Квашнины-Самарины: Аксинья Семеновна и ее муж Андрей Никитич (они поженились задолго до смерти Петра Семеновича). По идее имение должно было принадлежать супруге, как доставшееся по наследству. Но иногда его владельцем указывали мужа (об этом свидетельствует приведенная выше цитата из книги Холмогоровых).

Родословное древо Квашниных-Самариных

Забегая вперед, можно сказать, что начиная с Андрея Никитича, на протяжении около полутора столетий имение Брыково находилось во владении разных представителей рода Квашниных-Самариных. Так долго никакие другие помещики не были хозяевами поместья на берегах речки Мологощи (Маглуши). Брыково стало главным родовым поместьем этой ветви дворянского рода.

Хотелось бы теперь немного поговорить о Квашниных-Самариных, их происхождении.

Это старинный дворянский род, который по знатности и титулам уступал Шаховским. Как на-

---

[i] О различиях в терминах деревня, сельцо, село написано в приложении-1.

[ii] 7205 – год от сотворения Мира.

[iii] «*Послушная грамота представляла собой предписание населяющим землю людям повиноваться новому владельцу*» (интернет). По словарю Даля «*послушная грамота*» – это указ о вводе во владение людьми.

писано в интернете: «*древний, хотя и нетитулованный*». Корни рода по преданию из Литвы. Первая часть фамилии наследована от Ивана Родионовича Квашни, который был боярином у великого князя Дмитрия Ивановича. На Куликовом поле в 1380 г. он был в числе первых воевод и сражался во главе Коломенского полка. От его правнука Степана по прозвищу Самара пошла вторая часть фамилии. Тот стал родоначальником самой плодовитой и долговечной ветви рода, в которой были бояре, воеводы и другие люди, занимавшие важные посты в государстве. Потомком Степана Самары в 7-м колене был Андрей Никитич, ставший владельцем сельца Брыково в конце XVII в.

На сайте "Российский Родословный Фонд" (РРФ) приведено обширное древо Квашниных-Самариных[4], выборка из которого представлена далее (изо 2–02, даты жизни некоторых членов рода уточнены по архивным источникам). В древе буквами отмечены представители рода, которые владели имением Брыково. Показаны также их ближайшие родственники (чтобы не усложнять древо, в нем не показаны многие потомки, продолжение рода отмечено многоточием …).

В интернете довольно много публикаций о роде Квашниных-Самариных. Но информация приводится довольно однообразная и, как оказалось, неполная. Для ряда современных авторов почему-то остались неизвестны исследования, проводившиеся еще советскими учеными. Прежде всего, следует выделить статью историка Н. К. Телетовой «*Первый русский лирический поэт П. А. Квашнин-Самарин*», содержащую сведения из документов фонда ОПИ ГИМ[i] (выдержки из этой публикации приведены в приложении–3). Изучение всех этих материалов позволило узнать много нового из жизни владельцев Брыково. Начнем с первого хозяина имения из этого рода.

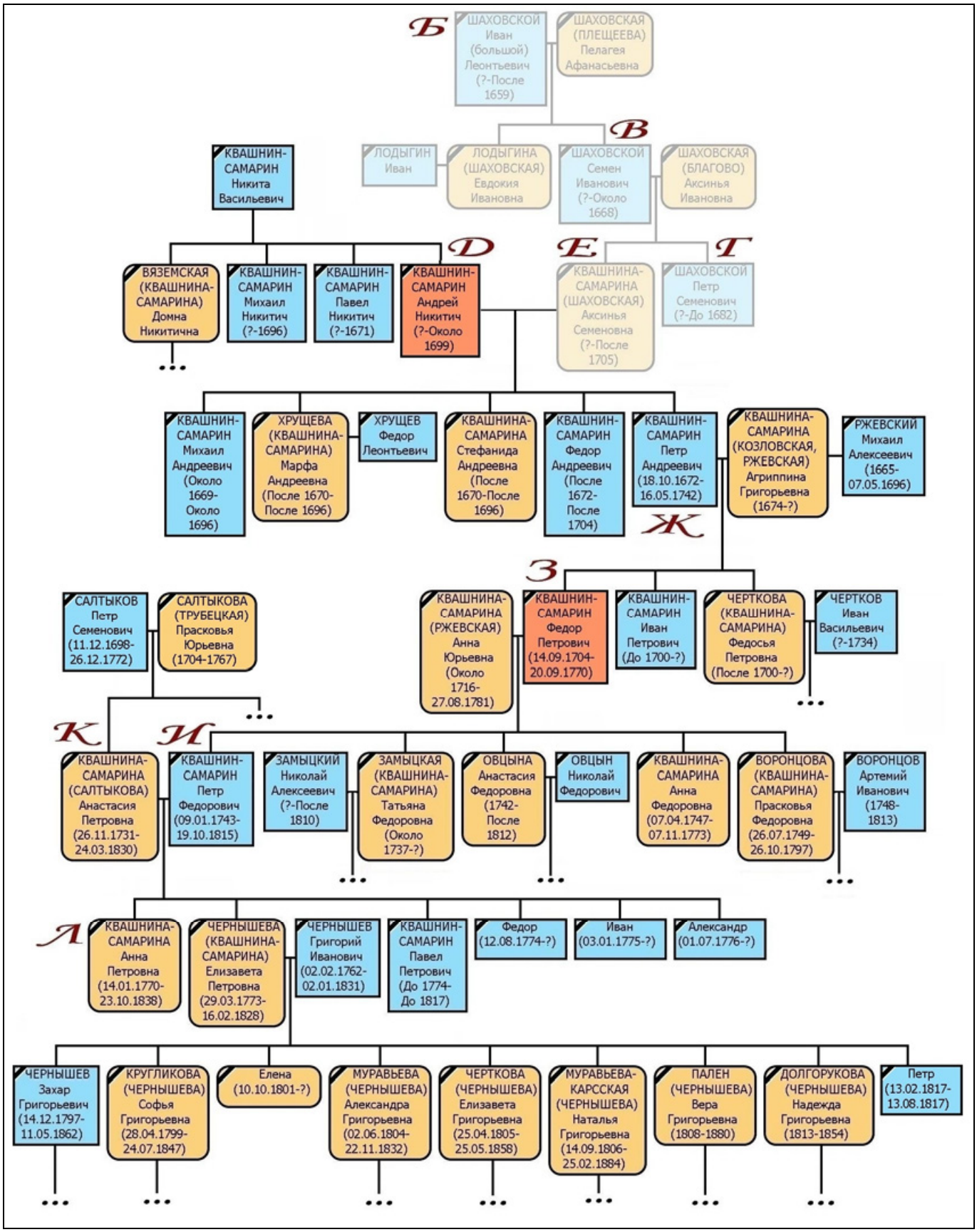
1682–1700: Андрей Никитич Квашнин-Самарин ("Д")

Отца Андрея звали Никита Васильевич, а вот имя матери осталось неизвестным. В семье Квашниных-Самариных выросло четверо детей. О них в упомянутой статье приведены такие сведения: «*Старший брат Андрея Никитича Павел был убит в 1671 г. "воровскими казаками", следующий брат, Михаил, умер, по-видимому, тоже рано; сестра Домна замуж выдана была — очевидно, без надела землею — за кн. Вяземского (имела от него сына Федора). Все земли этой ветви рода наследовал Андрей Никитич*»[5].

Хотелось бы теперь остановиться на написании фамилии помещиков. Кто-то мог обратить внимание на приведенную ранее цитату со словами «*Аксинье Семеновне Самариной*». Почему опущено первое слово из двойной фамилии? По всей видимости, существовал сокращенный вариант написания фамилии. Он вносил путаницу. Оказывается, существовали «чужие» Самарины, которые, судя по документам, пытались «примазаться» к более известному роду. В статье Телетовой рассказано о «*челобитие 1661 г. отца поэта Андрея Никитича, который просит царя заступиться за его род, которому "болши трехсот лет" и к которому хотят причислить себя Самарины*» из Смоленска. Далее написано, что наш «*Предок Иван Квашня сражался в Куликовской битве 1380 г.; его-то славное имя, очевидно, вспоминает Андрей Никитич, говоря о более чем трехсотлетнем дворянстве. Самарины же смоленские не имеют двойной фамилии, не Самарины, что из Квашниных, а Самарины просто: "Они не наших Самариных Квашниных". Сам Андрей Никитич и все его предки и потомки писались Квашнины-Самарины*». К этому остается еще добавить, что в трудах советских ученых фамилия рода иногда писалась наоборот, т.е. Самарины-Квашнины. Короче – разобраться в этом вопросе непросто, если не знать всех тонкостей.

Дополнительные сведения о брыковском помещике можно найти в статье другого советского ученого И. С. Филипповой: «***Андрей Никитич Самарин-Квашнин*** *был стольником в 1650—1651 гг. сопровождал царя Алексея Михайловича в Троице-Сергиев монастырь и в Звенигород; в 1658 и 1660 гг. принимал участие в приеме грузинского царя Теймузара и грузинского царевича; в 1669 г. дневал и ночевал у гроба царевича Симеона Алексеевича; в 1675 г. послан воеводой в Самару. Он был начитанным, образованным человеком, состоял в переписке с просвещенными людьми своего*

[i] В книге С. И. Коткова, изданной в 1964 г. (ее полное название приведено в библиографии), есть такие сведения: *«По фамилии Квашниных-Самариных назван фонд* [№ 253], *хранящийся в ОПИ ГИМ содержащий 40 ед. хранения, включающих 1327 листов. Материалы фонда относятся ко времени с 1562 по 1752 г. Фонд богат частной перепиской XVII – XVIII вв., из которой выбраны для издания письма, относящиеся к 17 и нач. 18 в., связанные с именами Андрея Никитича и его сына Петра Самариных».*

Изо 2–02. Древо рода Квашниных-Самариных
(буквами отмечены владельцы Брыково).

времени: митрополитом Макарием, А. Матвеевым, И. Голицыным и др. Андрей Никитич дорожил книгами и был знаком с поэтическими произведениями, о чем свидетельствуют отдельные рифмованные строки им самим написанного духовного завещания»[6].

Дополнительная информация приведена в публикации Н. К. Телетовой, из которой уже приводились цитаты: «*с братьями в сохранившихся документах впервые упоминается в 1649 г.; тогда им принадлежат земли в восьми уездах. Он много раз бывал в походах. С 1675 г. он, стольник, служит на воеводстве. Сначала это Самара (на Волге), в 1680 г. — Нижний Ломов, в 1686 г. он наместник в Угличе, в 1688 г. — воевода в Саранске*». Еще один советский ученый С. И. Котков писал об А. Н. Квашнине-Самарине: «*Он служил при царе Алексее Михайловиче, был в литовских походах, под Смоленском, в Вильне и в походе под Ригой, а также во многих других*»[7].

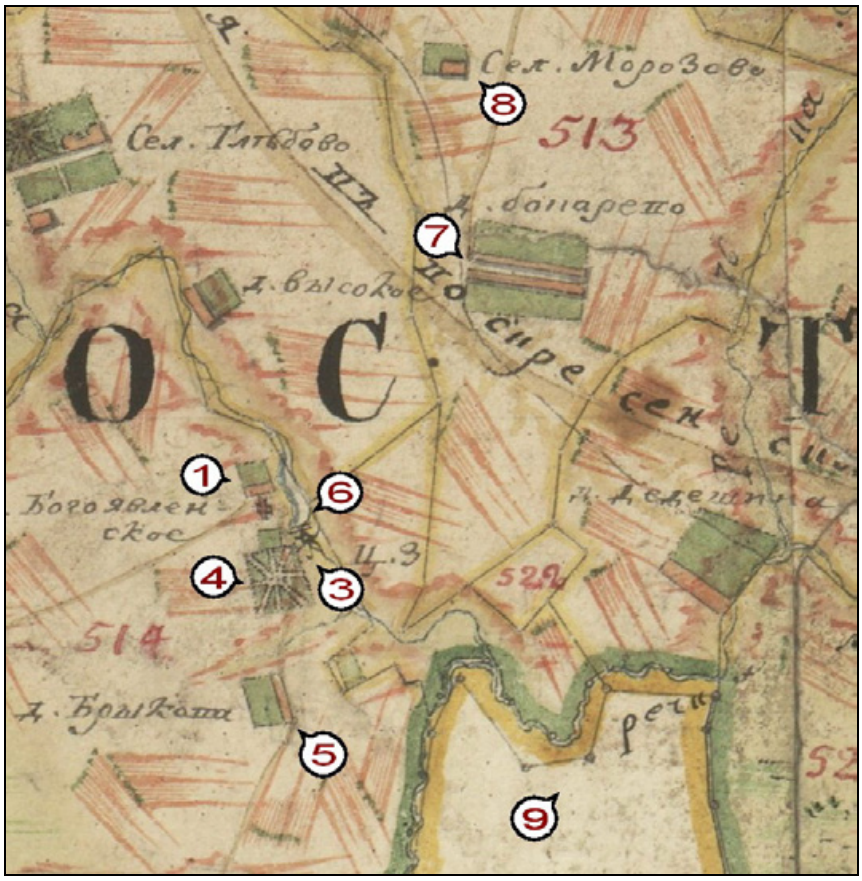
Как видим – славная биография была у Андрея Никитича. Но все же, думается, главные его достижения для нашего края были не в военной и гражданской службах, а в его практических делах, какую оставил память о себе. А. Н. Квашнин-Самарин оказался первым **храмоздателем** на брыковской земле, прежде здесь Божьего дома не было. В **1697** г. по его прошению в сельце началось строительство первой деревянной церкви. Через год она была освящена в честь праздника Богоявления Господня. Обо всем этом подробный разговор пойдет в пятой главе. Как уже говорилось, с этого времени сельцо стало селом и впредь именовалось «*Богоявленское, Брыково тож*».

Приобретение окрестных деревень Кучи, Букарево, Морозова Гора

Андрей Никитич был богатым землевладельцем, у него, как уже говорилось, вместе с братьями были «*земли в восьми уездах*». В книге Коткова эти уезды перечислены: «*владелец вотчин в Алексинском, Владимирском, Вологодском, Дмитровском, Кинешемском, Костромском, Московском и Ржевском уездах*». Помимо этого, были владения у жены Аксиньи Семеновны (ур. Шаховской): имение Брыково в Рузском уезде и «*поместье Мурансково*»[i].

В ОПИ ГИМ имеются также документы о покупках и обменах А. Н. Квашниным-Самариным недвижимости в Сурожском стане Московского уезда, а также в Можайском и Владимирском уездах. Рядом с имением жены в Рузском уезде он в 1683 г. купил у Федора Шакловитова дер. Кучи[9]. Были и другие приобретения недвижимости по соседству с Брыково.

В одном из архивных дел того же архива приведены сведения о том, что в 1691 г. Андрей Никитич получил от Лыкова за не уплаченный долг некую землю в Рузском уезде. Что за земля – не сказано. Подсказку удалось найти в энциклопедии “Истринская земля”: «*В 1646 г. с-цо Морозова Гора и д. Бокарево (7 дворов крестьян и бобылей, в них 26 человек) были за недорослем Прохором Ивановичем Лыко-*

Изо 2–03. Фрагмент карты Рузского уезда[8] (владения А. Н. Квашнина-Самарина), 1777.

[i] Некоторые специалисты считают, что поместье «*Мурансково*» – это ставшее впоследствии знаменитое Мураново (где ныне устроен музей-заповедник им. Ф. И. Тютчева). Другие авторы с этим не согласны.

вым. В 1678 г. д. Бокарево принадлежала Кручине и Леонтию Ивановичам Лыковым, в деревне было 7 дворов. Таким образом, деревня была вотчиной Лыковых в течение длительного времени. Но в 1705 г., согласно переписным книгам, они уже не владели д. Бокарево, которая разделилась между двумя вдовами: "За вдовою Оксиньею Андреевскою женою Квашнина Самарина в деревне Бокареве, а в ней крестьян (указано 3 двора)"»[10]. Сопоставляя собранные сведения и даты, стало очевидно, что в 1691 г. к Андрею Никитичу перешли владения от Лыкова: часть дер. Букарево и часть дер. Морозова Гора. Этой недвижимостью после кончины помещика стала владеть его супруга Аксинья Семеновна.

Расположение упомянутых селений по берегам речки Мологощи можно увидеть на карте 1800 г., приведенной в предыдущей главе (изо 1–01). В архиве РГИА обнаружена еще одна карта Рузского уезда, составленная в 1777 г. (изо 2–03). На ней цифрами отмечены селения, приобретенные Андреем Никитичем Квашниным-Самариным: "7" – дер. Букарево («*д. бокарево*»), "8" – дер. Морозова Гора («*сел. Морозово*»), "9" – дер. Кучи. Последняя деревня на карте не обозначена. Причина понятна – она относилась к Московскому уезду, а не к Рузскому. А вот почему с обозначениями села произошла путаница – не ясно. Ошибка становится очевидной, если сравнить изображение с приводимым далее более детальным планом местности 1770 г. (изо 2–08). Там все отображено верно. Здесь же (изо 2–03) надпись Брыково показана там, где была конюшня, возможно, хозяйственный двор (отметка "5"). На самом деле село Брыково, в котором жили крестьяне, находилось выше (севернее) – в том месте, где надпись «*Богоявленское*» (отметка "1"). В свою очередь правильное расположение села Богоявленского показано на карте цифрой "4". Расположение храма тоже отображено неверно: отметка в виде креста должна находиться там, где поставлена цифра "3". Следует еще отметить, что в XIX столетии селения Брыково и Богоявленское объединились.

Два завещания Андрея Никитича

В статье Телетовой говорится о двух завещаниях А. Н. Квашнина-Самарина, но сами их тексты не приведены. Их удалось обнаружить в другом источнике – книге Коткова. В первом завещании, составленном 1 августа 1692 г., было велено «*тело мое погрести в Егоревском мнстре* [монастыре] *возле гроба отца моево и матери моей и брата моего*»[11]. Андрей Никитич подробно расписал, какие его долги и кому следует вернуть, сколько денег и ржи отдать в храмы и монастыри на помин души, каких «*кабальных*» (крепостных) людей отпустить на волю. А вот свои имения завещатель не стал расписывать по родственникам, отметил только, что все владения переходят жене «*Аксине*». А детям повелел «*воли матери своей не противитца*».

В завещании упомянуты имена детей, всего их было пятеро. Это сыновья Михаил, Петр и Федор, дочери Стефанида и Марфа. После кончины супруги Аксиньи завещатель велел выделить дочерям по 30 дворов в Ржевском и Владимирском уездах. А сыновьям следовало поделить владения в согласии между собой, не обижая младшего Федора. Ну а про разное имущество (соболя, кафтаны и прочее) было сказано: «*поделит*[ь] *поровну*».

Следующее завещание не имеет датировки. Но, как считает Телетова, «*Это завещание Петр пишет под диктовку отца*» и его можно датировать между 1698 и 1700 гг. Однако тут имеется нестыковка: в тексте упоминается старший Михаил. А та же Телетова пишет, что он погиб в 1696 г. Так что либо текст был написан раньше, либо Михаил умер позже.

Второе завещание составлено совсем иначе, чем первое. Оно начинается с того, что каждому члену семьи указано, какая икона переходит. Так «*блгословляю жену свою Аксинью Семеновну образ прчстые бдцы* [Пречистые Богородицы] *в киоте слюденом убрус* […] *сна* [сына] *своего болшего Михаила блгословляю образ вседержителя спса* [Спаса] *обложен серебром в киоте з затворами, сна своего Петра блгословляю образ живоначалныя троцы в киоте слюденом обложен серебром*»[12] и т.д. Кроме того прописано, какому сыну какие земли переходят в Алексинском, Владимирском уездах. А «*жене ж моей*» завещал «*в Суров*[ж]*ском стану дрвня Кучи Могилицы*», а также ее приданное в Ржевском, Дмитровском и Рузском уездах с припиской: «*и в тех вотчинах она жена моя вол*[ь]*на кому хочет тому пожалует*». Про двор (дом) в Москве сказано было так: «*владеть жене моей пополам з детми своими*». Под текстом завещания стоят подписи всех трех сыновей.

Точная дата кончины Андрея Никитича нигде не указана, в разных источниках пишут поразному. Наиболее правдоподобными представляются слова Н. К. Телетовой о том, что завещатель умер *«не позднее 1700 г., потому что опекавший старца* [его сын] *Петр смог покинуть вот-*

чину». О месте погребения храмоздателя также нигде не сообщается. Логичным было б, если его похоронили рядом с построенным Божьим домом. Но это лишь предположение и оно, скорее всего, неверно. Ранее приводились слова из первого завещания, где велено похоронить «*в Егоревском мнстре*[i]». Но с такой припиской: если смерть случиться «*в от*[ъ]*езде»,* то *«грешного тела моего к Москве не возит*[ь]*, где случитца смерть тут и погресть недостоинаго»*. Так что вопрос о месте захоронения первого храмоздателя остался открытым.

Что известно о судьбе детей А. Н. Квашнина-Самарина? О Стефаниде никаких данных нет. О Марфе сообщается, что вышла замуж за Федора Леонтьевича Хрущева. Про Михаила в статье Телетовой говорится, что был стольником, состоял вместе с братом Петром «*в полку А. С. Шеина»*. Далее написано, что оба участвовали «*в Азовском походе 1696 г., когда, по видимости, погибает Михаил»*. О том, что эта дата кончины может быть неверна, уже говорилось. Можно лишь предполагать, что Михаил скончался раньше Петра. Тогда будет проще объяснить, почему имение Брыково от матери перешло не к старшему сыну, а к среднему. А про младшего Федора Телетова написала, что в 1704 г. Петр поделил с ним родительское наследство. О самом Петре Андреевиче поговорим чуть позже.

1700–1705(?): Аксинья Семеновна Квашнина-Самарина (ур. Шаховская, “Е”)

Когда Брыково сменило владельца, кто им стал? Попробуем в этом разобраться.

Напомним, что во втором завещании Андрея Никитича написано, что приданное жены возвращается ей, упомянут Рузский уезд. Брыково как раз находилось в этом уезде и, как мы знаем, досталось **Аксинье Семеновне** после смерти брата Петра Семеновича Шаховского (1682). Завещание было исполнено, это подтверждают сведения из книги Холмогоровых. В ней написано, что Брыково «*после смерти Андрея Никитина Квашнина Самарина, принадлежало в 1705 г. вдове его Аксинье, а в 1715 г. его сыну Петру Андрееву Квашнину Самарину*»[13]. На самом деле, смена владельца имения могла произойти раньше упомянутого в цитате 1705 г. По всей видимости, это произошло вскоре после кончины супруга Андрея Никитича, умершего не позднее 1700 г.

В статье Филипповой Аксинья Семеновна названа «*энергичной, деловой женщиной, способной самостоятельно после смерти мужа управлять собственным московским домом и всеми своими владениями, как о том свидетельствуют материалы упомянутой духовной ее мужа Андрея Никитича*»[14].

Как долго вдова владела подмосковным имением? Здесь однозначного ответа нет. Мы не знаем, когда она умерла. Как видно из цитаты Холмогоровых, в 1715 г. владельцем Брыково указан ее средний сын Петр. Он мог стать хозяином имения как после получения наследства от скончавшейся матери, так в случае ее добровольного отказа от управления поместьем, например, из-за болезни или старческой немощи. Так или иначе, можно констатировать, что в начале XVIII столетия Брыково в течение нескольких лет находилось в единоличном владении Аксиньи Семеновны. При этом сыновья, конечно, могли помогать матери в ведении хозяйственных дел по имению.

1710(?)–1742: Петр Андреевич Квашнин-Самарин (“Ж”)

Как уже говорилось, следующим владельцем Брыково не позже 1715 г. стал **Петр Андреевич Квашнин-Самарин** (1672 – † 1742). На самом деле, это случилось, как минимум, на пять лет раньше. Об этом говорит хранящийся в РГАДА документ «*подушной переписи*» за 1710 г., в котором приведены такие сведения: «*Петра Андреева сына Квашнина Самарина* […] *в селе Богоявленском по переписи* […] *написано 6 дворов*»[15]. Как видим, в указанном году у села новый хозяин.

Как долго Петр Андреевич владел подмосковным имением? Думается, что до конца своей жизни. В исповедной росписи Богоявленской церкви за 1740 г. он по-прежнему показан хозяином с. Брыково и дер. Кучи[16]. Во владении помещика находилось 28 дворовых людей: 18 мужского пола (м.п.) и 10 женского пола (ж.п.). За ним числились в Брыково 8 крестьянских дворов, в дер. Букарево 2, в дер. Кучи 3 (Морозова Гора не показана). Всего в приходе Богоявленской церкви, в котором были владения и других помещиков (сельцо Железниково, дер. Дедешино, другая часть дер.

[i] Речь наверняка идет про Георгиевский женский монастырь в Москве, который был основан в начале XVI в. Он находился на улице Большая Дмитровка (как раз там располагался двор, который Андрей Никитич продал). В 1930-х гг. почти все постройки монастыря были разобраны, монастырское кладбище уничтожено.

Букарево), насчитывалось 86 душ м.п. и 51 ж.п. К подмосковным владениям Петра Андреевича следует еще добавить и владимирские земли, упомянутые в публикации Телетовой.

В статье Филипповой о П. А. Квашнине-Самарине написано: «*Детство провел скорее всего в Москве на Столовой улице, где в 1668 г. находился двор его отца* [Андрея Никитича]. *В 1688 г. двор "меж Дмитровки и Петровки в приходе у церкви Горигория Бгослова" был продан отцом Петра Андреевича Г. С. Караулову. П. А. Самарин-Квашнин под 1686 и 1692 гг. записан в боярских книгах (№ 10 и 11), в 1695 г. он построил себе дом в Москве за Пречистенскими воротами*».

С 15 лет Петр Андреевич находился на государевой службе. С 1686 по 1692 гг. был «*стольником царицы Прасковии Федоровны*» (жены царя Ивана V), в 1696 г. участвовал в Азовском походе. После чего «*просит освободить его от азовской службы за старостью батюшки*». Получив отставку, он переезжает в Брыково, где «*продолжает жить при дряхлом отце*» Андрее Никитиче. Как уже говорилось, пребывание в вотчине продолжалось до 1700 г. (очевидно, до кончины родителя).

Князья Козловские

В январе 1698 г. Петр Андреевич женился на **Агриппине Григорьевне Ржевской** (ур. **Козловской)**, дочери воеводы Григория Васильевича Козловского и Пелагеи (в конце жизни постригшейся в монахини).

Супруга происходила из известного княжеского рода. По данным "Википедии": «*Родоначальник, потомок Рюрика в XV колене князь Василий Фёдорович Фоминский по прозванию Козловский, принявший от владения городом Козловом и Козловской волостью фамилию Козловского. Сын родоначальника, князь Иван Васильевич в январе 1509 года выехал служить московскому Государю Василию III Ивановичу. Его дети князья Роман и Лев Ивановичи состояли в конце XV века в подданстве Литвы, а в начале XVI века князья Козловские, подданные великих князей московских*»[17].

У Аргиппины (Аграфены) это был уже второй брак. Прежде она была замужем за Михаилом Алексеевичем, представителем древнего дворянского рода Ржевских. Брак этот оказался бездетным, супруг скончался в 1696 г., и был похоронен в Знаменском монастыре Москвы (надгробная плита сохранилась). Перед вторым замужеством Аргиппина была уже достаточно богатой, у нее было имение в Костромском уезде в составе с. Чернуха, дер. Останина и Капустина, нескольких пустошей. Помимо этого имелись пустоши в Кинешемском уезде[18].

В книге Коткова приведено письмо, отправленное Петру Андреевичу Квашнину-Самарину и его супруге Агриппине Григорьевне. Дата послания не указана, а вот автор известен: письмо написано «*от старосты и целовальника*[i] *с. Брыково*»[19]. Документ написан с большим количеством ошибок, некоторые слова остались непонятны, но смысл послания очевиден. Из текста следует, что из Брыково в Москву к Квашниным-Самариным был отправлен крестьянин Михайло Константинов с гречневой крупой и какими-то обручами, а взамен староста просил прислать бумагу.

Служба Петра Андреевича

После смерти родителя Петр вновь поступил на службу. С 1700 по 1702 г. он служил воеводой в Ярославле. Чем П. А. Квашнин-Самарин занимался следующие два десятилетия, осталось неясно. Зато имеется информация о его дальнейшей жизни. У Телетовой приводится выписка из послужного списка: *«1722 января 31 обер-кригс-комиссар (интендантская военная служба. — Н. Т.) Петр Андреев сын Квашнин-Самарин 51 года, крестьян в разных городах 189 дворов, у счетного дела в главном военном комиссариате; апреля 28-го 730* [1730] *года пожалован в статские советники, а февраля 1-го 1731 определен герольдмейстером, а ноября 7-го 740 г. в действительные статские советники (4-й класс, равен генерал-майору. — Н. Т.) и от дел отставлен*»[20]. И далее: «*Обнаруживается и разъяснение отставки — сенатский указ от 3 ноября 1740 г. "по челобитью статского советника и герольдмейстера Петра Квашнина-Самарина об отставке его за старостью ото всех дел, с награждением ранга"*. […] *Последний документ о П. Квашнине-Самарине — от 3 декабря 1740 г. Это запрещение продавать в Москве движимое имущество* […] *Очевидно, был сделан заклад, и имущество не было свободно от обложений*». К моменту выхода в отставку брыковскому помещику было уже почти 70 лет.

---

[i] «*Целовальники — должностные лица в Русском государстве, выбиравшиеся земщиной в уездах и на посадах для исполнения судебных, финансовых и полицейских обязанностей. Избранный человек клялся честно исполнять свои обязанности и в подтверждение клятвы целовал крест, откуда и происходит название*» (интернет).

«Первый русский лирический поэт»

Как видим, в конце жизни П. А. Квашнин-Самарин достиг высокого чина действительного статского советника. Но главная его заслуга перед потомками оказалась не в этом. В публикации Паглазовой говорится, как «*В наше время, в 1920–1930-е годы, когда архив рода Квашниных-Самариных поступил в Государственный исторический музей, Петр Андреевич стал известен как первый русский лирический поэт. Стихи, написанные Петром Андреевичем в Брыкове, исследователи датируют периодом времени с 1696 по 1699 годы*» (подробнее об этом рассказано в приложении–3). О Петре Андреевиче в библиографическом словаре, изданном в 1996 г., говорится следующее:

«*К.-С.* [Квашнин-Самарин] – *автор любовных лирических песен, написанных в конце 90-х гг. XVII в. (“Свет, моя милая, дорогая”* […] *и др.). Тексты песен (их более 20, в том числе и украинские, в целом виде и в отрывках), писанных скорописью в строку, без деления на стихи, были обнаружены в конце 1920-х гг. М. Н. Сперанским на оборотной стороне документов XVII в. (столбцов) из семейного архива Квашниных-Самариных, хранящихся в Государственном Историческом музее. М. Н. Сперанский считал, что песни, записанные К.-С., заслуживают внимания “как редкие записи произведений устной поэзии, сделанные еще в XVII в.”. В. В. Данилов, Л. С. Шептаев, В. П. Адрианова-Перетц и Д. С. Лихачев утверждают, что найденные песни – это сочинение К.-С., который в своем творчестве опирался на народную лирическую песню, бытовавшую в среде городской и служилой. Об этом свидетельствуют и вид рукописных текстов с многочисленными поправками, говорящими о том, что скорее всего К.-С. исправлял свои же собственные записи, и тематическое однообразие песен: во всех говорится о любовных переживаниях и неразделенной любви. Этот вывод подтвержден И. П. Ереминым, И. С. Филипповой, Т. М. Акимовой, Н. С. Демковой и др. Но, опираясь на народную песню, К.-С. украшает свои “вирши” образами и речевыми оборотами, заимствованными из повествовательной литературы. Песни К.-С. – памятники русской любовной лирики конца XVII в., созданные на основе лирической песни и книжной культуры XVII в.*»[21].

В качестве примера хотелось бы привести строки одной из песен П. А. Квашнина-Самарина:

«*Ой, коли любишь, да не забывай же, / Ой, коли не любишь, да не поминай же! / Не так будет сердцу моему тяженько вздыхати, / Коли тебя, мои нелюбы, буду споминати*»[22].

Вот как! Оказывается, на нашей земле жил «*первый русский лирический поэт*»! А кто об этом из местных жителей, краеведов знает? Почему-то об этом важном факте в солидном энциклопедическом издании “Истринская земля” не сказано ни слова. А ведь в кругу специалистов Петра Андреевича знают как основателя русской лирической поэзии уже почти столетие. Странно все это. Хотелось бы верить, что настоящая книга исправит историческую несправедливость и об основателе русской лирической поэзии, жившим на нашей земле, узнает широкий круг читателей.

Кончина Петра Андреевича

Если верить публикациям современных авторов, то точная дата кончины П. А. Квашнина-Самарина неизвестна. На множестве сайтов написано, что он умер после 1740 г. и до 1749–1750 гг. Но оказывается, что эта тайна была раскрыта еще в 2008 г. Н. М. Паглазовой. Уже в наше время после того, как православным людям был возвращен Богоявленский храм в Брыково, были обнаружены две старинные надгробные плиты. На одной из них написано: «*1742 года мая в 16 день по полунощи в 5 часу на память преподобного отца нашего Феодора Освященнаго преставися раб Божий статской действительной советник Петр Андреев сын Квашнин-Самарин. Жития его было от роду 69 лет и 7 месяцев. И дне рождение его в 18 того октября месяца. Тезоименитство его октября 5 дня. Погребе его Московскоего* [так в цитате – Авт.] *в Рузском уезде в селе Богоявленском Брыково тож того мая 22 дня в день святого мученика Василиска*»[23]. Из текста на камне можно вычислить дату рождения – 18 октября 1672 г.

Изо 2–04. Надгробная плита П. А. Квашнина-Самарина, 2024.

Эта надгробная плита находится ныне в притворе Богоявленской церкви. Как рассказал нынешний настоятель храма о. Андрей, могильную плиту обнаружили при проведении восстановительных работ, она оказалась вделанной в церковный пол. По мнению батюшки, когда в конце XIX в. производилось расширение трапезной, строители использовали некоторые памятники с прихрамового погоста. Но не исключено, что плита была вмонтирована в пол в результате перезахоронения тела П. А. Квашнина-Самарина.

Дворяне Чертковы

По имеющимся сведениям в семье Квашниных-Самариных родились два сына Иван и Федор и дочь Федосья. Об Иване никаких сведений нет. О Федоре, который через какое-то время стал владельцем Брыково, поговорим позднее. А сейчас остановимся на единственной дочери.

Федосья вышла замуж за **дворянина Ивана Васильевича Черткова.** Отец супруга Василий Иванович Чертков был «*стряпчий (1680), стольник (1686–1714). В 1697 "взят к Москве". С 13.10.1714 ландрат Нижегородской губернии. Ктитор Муромского Спасского и Троице-Сергиевого м-рей, ярославский и муромский помещик*»[24].

По сведениям из интернета «*Чертковы — старинный русский дворянский род, родоначальниками которого были Василий и Гаврило Иванович Чертковы, показанные в разрядах 1558 г. воеводами. Род Чертковых внесен в VI часть Дворянских родословных книг Воронежской, Калужской, Московской и Тамбовской губерний*»[25]. Самым известным представителем рода был живший в XIX в. Александр Дмитриевич Чертков – историк, археолог и создатель Чертковской библиотеки (предшественницы Государственной публичной исторической библиотеки в Москве).

Обнаружена «*Запись сговорной*» грамоты, по сути брачного договора. Вот текст этого любопытного документа: *«1724 г., июля 1.* […] *Военной калегии бывшей казначей Петр Андреев сын Квашнин Самарин, зговорил он, Петр, дочь свою родную девицу Федосию Санкт-Петербургской Академии за ученика Ивана Васильева сына Черткова замуж. А в благословение за нею дает Божия милосердие, да приданного, Каменных и золотых вещей, и платья – по цене на тысячу на восемьсот на пятьдесят* [1.850] *рублев, да на покупку вотчин денег тысячу пятьсот рублев. Всего приданнаго и денег три тысячи триста пятдесят* [3.350] *рублев*»[26]. Свидетелями при заключении брачного договора были 13 (!) человек, их подписи стоят под документом.

В семье Чертковых родились дети Николай и Екатерина, об их судьбе данных нет.

1742–1770: Федор Петрович Квашнин-Самарин (“3”)

Переходим теперь к **Федору Петровичу Квашнину-Самарину** (1704 – † 1770). После смерти родителя Петра Андреевича ему перешло по наследству село Брыково с окружающими деревнями. Самое ранее его упоминание, как хозяина подмосковного поместья, найдено в энциклопедии “Истринская земля”: «*В 1748 г. село* [Брыково] *и та же часть деревни* [Букарево] *принадлежали его сыну морского флота лейтенанту Федору*»[27].

Дворяне Ржевские

Не позднее 1740 г. Федор Петрович женился на дворянке **Анне Юрьевне Ржевской** (ок. 1716 – † 1781). Ее отец Юрий Алексеевич Ржевский был известным человеком, служил Петру I. По указу государя в 1719 г. он был назначен на должность вице-губернатора Нижегородской губернии, потом стал губернатором. После смерти Петра I Юрий Алексеевич впал в немилость. «*В конце 1728 года Ржевский, снова отстранённый от должности, покинул Нижний Новгород и 17 апреля следующего года умер в Москве.* […] *Ю. А. Ржевский имел чин действительный тайный советник*»[28]. По данным “Форума СВРТ”: «*Ржевские — русский дворянский род, происходящий от смоленских князей, потомки князя Рюрика. Князь Федор Федорович был удельным князем города Ржева и в 1315 г. был послан московским князем Юрием Даниловичем в Новгород для защиты его от великого князя тверского Михаила Ярославича; новгородцы выдали кн. Федора великому князю тверскому, который лишил его удела. Потомки кн. Федора не именовались князьями. Род внесен в Бархатную книгу*»[29].

Как видим, уже второй раз в этой главе встречается дворянская фамилия Ржевских. Напомним, что первым мужем Агриппины Григорьевны (матери Федора Петровича) был Михаил Алексеевич Ржевский. Это был родной брат Юрия Алексеевича, отца Анны. Получается близкая родственная связь: Федор Петрович женился на племяннице своей матери? Как же так, это же кровосмешение,

кто дал разрешение на такой брак? Но нет, никакого кровного родства и нарушения закона в данном случае не было. Ибо отцом Федора Петровича был не Михаил Алексеевич Ржевский, а второй муж его матери Петр Андреевич Квашнин-Самарин.

Через Ржевских Квашнины-Самарины породнились с Пушкиными. Как написано в книге Телетовой, сестра Анны Юрьевны Сарра вышла замуж за капитана Алексея Федоровича Пушкина. В их тамбовском имении в 1745 г. родилась Мария, бабушка поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Изо 2–05. Ф. П. Квашнин-Самарин, 1768, (ТОКГ).

Во многих современных публикациях указан год рождения Анны 1720-й. Однако в исповедной ведомости приведены такие данные о возрасте членов семьи: «*Вотчинной колегии советник Федор Петров Квашнин Самарин – 40* [лет]; *жена ево Анна Юрьева – 38; дети их Петр – 11; девица Татиана – 17; Настасия – 12; Анна – 7; Праскева – 6*»[30]. Этот документ датирован 1754-м годом. После вычитания указанного возраста (38) получается, что Анна Юрьевна родилась в 1716 г. или около того.

Сохранились портреты супругов Квашниных-Самариных, это самые ранние изображения владельцев брыковского имения. На сайте Госкаталога приведено такое описание портрета Федора Петровича из Тамбовской областной картинной галереи (ТОКГ): «*Поясной портрет мужчины средних лет. Голова и фигура немного влево. Глаза темно-серые, брови густые, темные, морщина на переносице, несколько ямок на полных щеках, двойной подбородок. На голове парик с двумя буклями. Одет в темновишневый кафтан, по бортам шитый золотом и в такой же жилет с позолоченными пуговицами. В вырезе жилета – небольшой кружевной шейный платок. Фон темно-охристый*»[31].

Изо 2–06. А. Ю. Квашнина-Самарина, худ. Ф. С. Рокотов, нач. 1770-х, (ГТГ).

В свою очередь на сайте Третьяковской галереи (ГТГ) приведено описание портрета супруги Анны Юрьевны: «*На теплом золотистом фоне перед зрителем возникает полуфигура пожилой женщины, одетой в строгое черное платье с кружевом у ворота. В фигуре Квашниной-Самариной подчеркнута вертикаль, что придает образу некоторую чопорность. Живописец запечатлел обострившиеся с годами черты лица, мелкие морщины у глаз и губ, отсутствие румянца и вместе с тем живой взгляд умных глаз, внимательно смотрящих на зрителя. Рокотов не подчеркивает физическую старость, а, наоборот, оттеняет то наиболее значительное, лучшее, что можно найти в пожилом человеке. Это умудренность, достигнутая жизненным опытом, волевое спокойствие. В портрете художник дал воплощение красивой старости, полной достоинства.* […] *Портрет происходит из собрания усадьбы Воронцовка графов Воронцовых Тамбовской губернии*»[32].

Служба Федора Петровича

Вот что написано о Федоре Петровиче: «*Службу свою начал одиннадцати или двенадцати лет в качестве пажа царевны Натальи Алексеевны, сестры Петра I. После ее смерти (1716 г.) он становится одним из первых учеников Морской академии, открытой в 1716 г. По окончании долгие годы служит во флоте, бывает в Данциге, Астрахани, Архангельске*»[33].

Дополнительная информация о брыковском помещике имеется на сайте “Проект Дворяне”. В январе 1733 г. он «*пожалован из унтер-лейтенантов флота в лейтенанты в ранг премьер-майора*»[34]. В 1753 г. (по данным Телетовой в 1744) «*от военно-морской службы отставлен "за болезнями" и пожалован в Вотчинную коллегию советником*». В 1754 г. Федор Петрович «*Член Вотчинной коллегии*». Затем герольдмейстер при Сенате (1760), действительный статский советник и

«*обер-Президент Главного Магистрата*» (1761). В 1765 г. вышел в отставку «*на свое пропитание за болезнями*».

Был ему в это время 61 год, Господь отвел владельцу имения Брыково еще пять лет жизни.

Федор Петрович вместе с семьей большую часть года проживал в Москве. По крайней мере, так было, когда он служил в «*Вотчинной коллегии*» и когда вышел в отставку. Это подтверждают письма, которые он регулярно посылал в Брыково старосте села и своим приказчикам по имению, которых звали Петр Никифоров и Иван Самароков. Так в нескольких архивных делах ОПИ ГИМ сохранились послания, отправленные помещиком из Москвы в подмосковное имение в 1759–1767 гг. В одном из них дано указание «*самым первым зимним путем прислать в Москву сена триста пудов, и бочку елецкой брусники*»[35]. В других посланиях повелевалось доставить в город баранов, уток, куриные яйца, муку, масло, сметану, творог, сено, свиное мясо, свежую рыбу. Помимо продуктов питания в письмах шла речь о присылке в Москву березовых дров. Были также распоряжения об отдаче отдельных крестьян в рекруты (на воинскую службу в солдаты), о посадке плодовых деревьев в саду, об огороде и парниках, о лошадях. Встретилось указание: «*выдать* [девкам] *льну по десяти фунтов и наказать, чтоб рубашки себе пряли сами*»[36].

В другом деле того же архива имеется множество бумаг о финансах Квашниных-Самариных: квитанций, заемных писем, векселей. Из анализа обнаруженных архивных документов следует, что в течение жизни Федор Петрович неоднократно занимал деньги у разных лиц, суммы были разные – от 200 до 2.000 руб. Там же оказались купчие на продажу владений: сельцо Павловское в Ростовском уезде продано в 1743, с. Чернуха в Костромском уезде в 1766, двор в Москве в 1752 г.[37].

Первенцем в семье была Татьяна, она появилась на свет примерно в 1737 г. Вышла замуж за **Николая Алексеевича Замыцкого**, у них родилась дочь Анна. Как писала Телетова: «*Замыцкие — древняя, очень знатная фамилия, к XVIII в. окончательно захиревшая*».

Как далее написано в той же книге: *Следующая дочь Квашниных-Самариных, Анастасия, замуж вышла не позднее 1767 г. за костромского помещика* ***Николая Федоровича Овцына****. Он служил в Измайловском полку, а затем в конной гвардии, выйдя в отставку в чине ротмистра. Интересно отметить, что Овцыным принадлежал в Москве дом».* В этой семье родились две дочери Екатерина и Варвара.

Изо 2–07. П. Ф. Воронцова[38], худ. Д. Г. Левицкий, нач. 1790-е, (ГРМ).

Третья дочь Федора Петровича Анна не успела обзавестись семьей, умерла вскоре после кончины отца в возрасте 26 лет. Была похоронена в родовом подмосковном имении. В справочнике о некрополях о ней написано: «*Квашнина-Самарина Анна Федоровна, девица, р. 7 апреля 1747, † 7 ноября 1773 (С. Брыково Звенигородский уезд Московской губернии, в церковной ограде)*»[39].

Наконец, младшая Прасковья вышла замуж за графа **Артемия Ивановича Воронцова**, ставшего позднее сенатором. В их семье родились сын Алексей и четыре дочери Мария, Анна, Екатерина, Прасковья. Семья Воронцовых жила в родовом имении Воронцовка Тамбовской губернии. В усадебном доме находились портреты родственников, к счастью, некоторые из них сохранились. Ныне они в ГТГ, ТОКГ и Русском музее (ГРМ). Ранее приводились портреты Федора Петровича Квашнина-Самарина и его супруги Анны Юрьевны. Сохранился и портрет дочери брыковского помещика Прасковьи Федоровны Воронцовой.

Храмоздатель

Если оценивать жизнь Федора Петровича Квашнина-Самарина спустя два с половиной столетия, то главным его деяниям следует признать постройку Божьего дома в подмосковном имении. О том, как развивались события в Брыково в середине XVIII в., подробно поговорим в пятой главе. Сейчас лишь приведем первые строки прошения помещика на имя государыни императрицы Елизаветы Петровны, поданного в феврале 1752 г.: «*В вотчине моей Рузскаго уезда в селе Богоявленском, Брыково тож имеется деревянная церковь во имя Богоявления Г-дня, которое строение*

давних лет, а ныне стала быть весма ветхая, за которой ветхостию священнослужение исправляется с трудностию. Того ради я по обещанию своему желаю, что оную деревянную разобрать, вместо оной в том селе во имя означеннаго храма построить вновь каменную церковь […]»[40].

Таким образом, Федор Петрович стал **храмоздателем**, как и его дед Андрей Никитич, построивший первую деревянную церковь в Брыково.

Ф. П. Квашнин-Самарин успел начать строительство храма в своем имении. А вот довелось ли присутствовать при его освящении – сведений нет. Федор Петрович умер в 1770 – том самом году, когда по имеющимся сведениям произошло освящение Богоявленской церкви. Было ему в то время 66 лет. Храмоздатель был похоронен рядом с построенным им Божьим домом. Об этом свидетельствует запись, обнаруженная в книге о некрополях: «*Квашнин-Самарин Феодор Петрович*, […] *могила "заложена позднейшей пристройкой трапезной церкви"; памятник вынесен из церкви*»[41]. Ныне могила храмоздателя считается утраченной.

Через несколько лет в Богоявленскую церковь вдовой храмоздателя был сделан вклад: «*Потир, дискос, звездица, лжица и блюдцы сребро-позлащенные 84 пробы с надписью: 1773 г. генваря дня. Анна Юрьева дочь Квашнина Самарина положила я вклад в сию церковь оныя сосуды весом 3 ф.* [три фунта] *60 золот. и завещаю сии сосуды, чтобы никому не трогать в роды родов*»[42].

О жизни вдовы сохранилось такое свидетельство: «*Анна Юрьевна, овдовев еще в 1770 году, переехала в столицу* [Петербург] *и поселилась вместе с сыном* [Петром] *в Литейной части, по соседству с домом Ганнибалов. В доме, нанятом Квашниными-Самариными, бывала юная племянница Анны Юрьевны Мария Алексеевна, будущая бабушка Пушкина. Их общение зафиксировано документами той поры*»[43].

Владения Федора Петровича: Брыково, Кучи, Букарево, Морозова Гора

В год смерти храмоздателя был изготовлен первый подробный план брыковского имения, выполненный в рамках межевания земель Российской империи. План Генерального межевания (ПГМ) имения Брыково сохранился в архиве РГАДА. Его копия помещена на обороте обложки настоящей книги. Здесь приведен фрагмент этого плана, показывающий окрестности самого села. Т.к. графическое изображение не очень контрастное и не все обозначения и надписи хорошо читаются, то для некоторых из них дана расшифровка: "1" – надпись «*бриково*», "2" – надпись «*Село богоявленское*», "3" – крест, обозначающий Богоявленскую церковь, "4" – барский дом и слева от него усадебный парк с прудом, "5" – по-видимому, постройки хозяйственного двора, "6" – плотина на речке Мологоще (Маглуше). Знаками "1а" отмечены жилые избы крестьян, "2а" – это, видимо, постройки дворовых людей помещика, "3а" – дома причта.

Изо 2–08. Фрагмент ПГМ окрестностей с. Брыково[44], 1770.

Если присмотреть к плану, то в верхней части речки Мологощи видно значительное расширение русла. Это вызвано плотиной, перегородившей речку вблизи с. Брыково. Рядом находилась водяная мельница для обмолота зерна. Вот что сказано об этом в доку-

менте 1848 г.: «*направо от речки и от пруда мельница мукомольная наливная о двух поставах и при оной мельничное строение с огородною землею и домом для мельника*»[45]. Когда плотина и мельница были построены – осталось неизвестно. Но при жизни Федора Петровича эти постройки уже существовали, т.к. в одном из его писем к управляющему упоминается мельник. Разговор о плотине и мельнице будет продолжен в последней главе книги.

В заголовке ПГМ имеется текст (цитата приводится по книге В. С. Кусова): «*Богоявленское, Брыково тож, село Рузского уезда, Воиноческой волости, владение статского советника Федора Петровича Квашнина Самарина, межевал 15 июня 1770 г. Старков. Пашня 253 д* [дес.] *490 с* [кв.саж.], *перелог и лесная мелкая поросль 25 д 1556 с, лес 246 д 2040 с, сенной покос 198 д 150 с, селение 15 д 920 с, дороги 1 д 1758 с, реч. 39 д 1996 с, всего 790 д 1610 с* [790 дес. 1.610 кв.саж.], *душ 83*»[46].

Помимо Брыково помещику принадлежали и другие земли по соседству. На двух других ПГМ также имеются надписи. На первом плане: «*Кучи, деревня Московского уезда, Сурожского стана, владение действительного тайного советника Федора Петровича Квашнина Самарина,* […] *Селение 4 д 2220 с, пашня 106 д 266 с, сенной покос 20 д 888 с, лес 161 д 1421 с, неудобий 5 д 1060 с, всего 298 д 1055 с, душ 33*». На втором плане: «*Морозова Гора, сельцо Рузского уезда, Воиноческой волости, владение действительного статского советника Федора Петровича Квашнина Самарина, надворного советника Петра и коллежского ассесора Василия Ивановичей Богдановых, межевал 11 июня 1770 г. Старков. Пашня 199 д 770 с, перелог и лесная мелкая поросль 23 д 1230 с, лес 38 д 950 с, сенной покос 64 д 1200 с, селение 12 д 1000 с, дороги 7 д 850 с, реч. 9 д 350 с, всего 355 д 150 с, душ в сельце и деревне Бокаревой 103*»[47].

О Морозовой Горе рассказывалось в другой книге автора[48]. Расположение этой давно несуществующей деревни можно увидеть на приводившихся ранее картах – см. изо 1–01, 2–03.

1770–1815: Петр Федорович Квашнин-Самарин (“И”)

После кончины Федора Петровича подмосковное имение перешло по наследству его сыну **Петру Федоровичу Квашнину-Самарину** (1743 – † 1815), названного, очевидно, в честь деда Петра Андреевича. Таким образом, в третий (и последний) раз в истории рода Квашниных-Самариных Брыково перешло от отца к сыну.

Как написано в книге искусствоведа В. П. Старка, служба Отечеству молодого дворянина начиналась так: «*Четырнадцати лет он поступил в Морской корпус, а в 1759 году был произведен в гардемарины. Три года он плавал по Балтике, участвовал в Кольбергской экспедиции, совершил переход от Кронштадта до Архангельска и обратно. 9 июля 1762 года П. Ф. Квашнин-Самарин произведен в первый офицерский чин мичмана и назначен командовать захваченной прусской яхтой “Тониель”. В 1765 году он оставляет морскую службу и переходит в кавалерию, в 1770-м числится уже секунд-ротмистром*»[49].

Графы Салтыковы

В 1769 г. Петр Федорович женился, супругой стала **Анастасия Петровна Салтыкова** (1731 – † 1830), которая была его старше почти на 12 лет. Это была дочь известного тогда в Российской империи человека – фельдмаршала **графа Петра Семеновича Салтыкова**. По информации из “Википедии”: «*Салтыковы (иногда Солтыковы) — обширный русский графский, светлейший княжеский и древний дворянский род, ветвь боярского рода Морозовых. Род внесён в Бархатную книгу. В Бархатной книге их родоначальником назван Михаил Игнатьевич Морозов-Салтык (или Солтык), а его предком — некто Миша Прушанин (1240). Потомки его, Андрей Салтыков, оружейничий (1508) великого князя Василия Ивановича. Борис Иванович воевода Ивана Грозного*»[50]. С именем Петра Семеновича связаны наиболее крупные успехи наших войск в Семилетней войне, разгром непобедимой Пруссии. В 1763–1771 гг. он московский главнокомандующий. В пятой главе о графе (его захоронении) разговор будет продолжен.

Жить молодые стали в Петербурге. Вскоре после свадьбы Петр Федорович пишет своему отцу: *«Милостивый государь батюшка! Наняли дом покоен, подальше от Литейного двора».*

Сохранилось как минимум два портрета супруга и один портрет супруги Квашниных-Самариных: один хранится в Русском музее в Петербурге, а два в Тамбовской областной картинной галерее. Удалось найти эти изображения и их описания.

Изо 2–09. П. Ф. Квашнин-Самарин, 1780-е, (ГРМ).

Изо 2–10. А. П. Квашнина-Самарина, 1790-е, (ТОКГ).

Изо 2–11. П. Ф. Квашнин-Самарин, 1790-е, (ТОКГ).

О правом портрете (изо 2–11) в книге искусствоведа В. П. Старка написано: «*Неизвестный художник конца XVIII века изображает П. Ф. Квашнина-Самарина в расстегнутом кафтане с большими круглыми пуговицами, под ним светлый камзол и белый галстук. На левой стороне груди помещена звезда, а на черно-красной шейной ленте — крест ордена Св. Владимира 2-й степени. Судя по парику, портрет написан в 1790-е годы, но не позже 1797-го, когда Петр Федорович был награжден еще одним орденом — Св. Анны 1-й степени, которого на портрете нет*»[51].

Эти сведения дополняет издание Тамбовской галереи, где хранится указанный портрет: «*Костюм и прическа Петра Федоровича соответствуют моде 80-х – начала 90-х годов. Узкий фрак со стояче-отложным воротником и крупными пуговицами, высоко застегнутый жилет, короткое жабо, белый галстук, подпирающий подбородок, взбитый по бокам парик. В законодательнице мод Франции в 80-х годах чаще всего носили белые жилеты, вышитые цветным шелком. На портрете просматривается фрагмент вышивки жилета – гирлянда тонкого рисунка. Русские дворяне старались не отставать от французской моды!*»[52].

О левом портрете П. Ф. Квашнина-Самарина (изо 2–09) тот же Старк пишет: «*В 1980 году вышел прекрасно иллюстрированный каталог живописи XVIII — начала XX века из собрания Государственного Русского музея. Среди портретов, впервые воспроизведенных в нем, привлек внимание "Портрет неизвестного с орденом Св. Владимира 2-й степени". Портрет имеет фальшивую подпись "Кипренский", имя его настоящего автора не установлено. Портрет датируется 1780-ми годами. Сопоставление фотографии с портрета П. Ф. Квашнина-Самарина, присланной в свое время из тамбовского музея, с репродукцией в каталоге Русского музея показало, что на портретах изображено одно и то же лицо, различны лишь ракурсы: на тамбовском портрете разворот влево, на портрете Русского музея — вправо. Все остальное полностью идентично. Такие совпадения, безусловно, редки, почти случайны, но все же возможны*».

Описание портрета супруги (изо 2–10) приведено в издании Тамбовской галереи: «*Рядом с красивым, моложавым Петром Федоровичем Анастасия Петровна выглядит весьма пожилой дамой. И в самом деле она была на двенадцать лет старше мужа. Лишь на тридцать восьмом году засидевшуюся в невестах графиню Анастасию Салтыкову выдали замуж за Петра Федоровича. Автор портрета умело приукрашивает непривлекательную внешность Анастасии Петровны. Звучный цвет и модный покрой костюма, несоразмерно высокая прическа рисуют облик подтянутой молодящейся женщины, скрывая ее возраст. Как характерно для XVIII века, костюм прямо указывает на социальный статус модели, ее принадлежность к власть имущим. Одной из особенностей женского костюма 80-х годов становится подражание мужской одежде. Такое подобие редингота с несколькими воротниками и большими отворотами представляет платье Анастасии Петровны. Глубокое декольте скрыто пышными складками косынки (фишу). Модные тенденции проявились в покрое узкого длинного рукава и гладкой ткани синего цвета. Дополнительный аккорд привносят модные ленты и муслин – лента банта, венчающего прическу, подобрана в тон ткани платья*».

Взлет карьеры Петра Федоровича

Изо 2–12, 2–13. Крест и звезда ордена св. кн. Владимира 2-й ст.

Как уже говорилось, П. Ф. Квашнин-Самарин начинал службу в морском флоте, потом перешел в кавалерию. Женитьба на дочери фельдмаршала П. С. Салтыкова поспособствовала взлету его карьеры после увольнения из армии. На сайте "Википедии" приведены такие сведения: «*В 1778 году он был пожалован действительным камергерством и назначен возглавлять Юстиц-Коллегию, другой важный апелляционный судебный орган по уголовным делам. В 1782 году он был снят с этой должности и отправлен губернатором в Уфу, однако пробыл там недолго, и после некоторого перерыва, в 1786 году был назначен губернатором в Новгород. С 1788 года Квашнин-Самарин имел чин тайного советника*»[53]. Где-то в это время Петр Федорович был награжден орденом св. Владимира 2-й степени (большая звезда и крест ордена хорошо видны на его портретах).

В 1793 г. П. Ф. Квашнин-Самарин уволился с должности Новгородского губернатора и переехал с семьей в Петербург, заседал в Сенате. Был произведен в действительные тайные советники (2-й чин в табеле о рангах). «*5 апреля 1797 года стал кавалером ордена Святой Анны 1 степени. В 1800 вышел в отставку. В отставке проживал в Москве и в своём подмосковном имении Брыково*».

Война с Наполеоном, ратники, рекруты

В 1812 г. еще при жизни Петра Федоровича, на Россию напала армия Наполеона. Неприятель двигался с запада в сторону Москвы, отдельные вражеские отряды заходили на земли Рузского и Звенигородского уездов. По мнению ряда авторов: «*Их* [Квашниных-Самариных] *подмосковное имение было захвачено французами*»[54], нанесен урон имуществу. Помимо регулярных русских войск с врагом сражалось и народное ополчение. 6 июля был издан «*высочайший манифест императора Александра I, предписывавший дворянам формировать ополчение из своих крепостных, самим вступать в него и выбирать командующего над собой*». В ополчение записывались крепостные, предоставленные дворянами из своих людей. Было решено выставить по одному ратнику с каждых десяти душ, обеспечить их продовольствием на три месяца. Московская губерния в июле-сентябре собрала наибольшее ополчение – около 28 тысяч ратников.

В народном ополчении были и крепостные помещика П. Ф. Квашнина-Самарина. К столетнему юбилею была издана книга "Московское дворянство в 1812 году", в ней говорится «*о распущенных по домам военной силы воинам* […] *село Брыково с деревнями – 7* [воинов]»[55]. Однако по архивным данным число ратников было в два раза больше – 14 (и это больше похоже на правду, т.к. в подмосковном имении в то время насчитывалось 146 душ). В деле приведен поименный список воинов ополчения, крепостных Петра Федоровича. Двое ратников были награждены медалью «*За взятие Парижа*»[56] – это Потап Козмин и Ефрем Иванов. Причем для первого в деле стоит пометка: «*отдан в рекруты*» в 1814 г. Это означает, что он продолжил армейскую службу в регулярных войсках.

В цитате упомянуты рекруты, хотелось бы на этой теме остановиться отдельно.

Рекрут – это лицо, поступившее на военную службу по рекрутской повинности. Петром I в 1705 г. был издан указ «*О наборе рекрут, с 20 дворов по человеку*». Отбирали мужчин в возрасте от 20 до 35 лет. Выбирать людей в ратники могли как по жребию (при этом можно было официально откупиться за деньги[i]), так и по повелению помещика (те старались избавиться от неради-

[i] Подобный случай был в жизни предков автора настоящей книги. Прадедушке Никите Андреевичу Носикову в конце 1860-х гг. выпала очередь пойти служить в армию. Чтобы избежать призыва, он внес в уездное казначейство 570 руб. Большие деньги. Прадедушка был хозяином мельницы и неплохо зарабатывал.

вых и недисциплинированных работников). Срок воинской службы первоначально был пожизненный, в 1793 г. его ограничили 25-ю годами. Очевидцы рассказывали: «*Когда семья провожала рекрута, то плакали по нему как по умершему*». В дальнейшем сроки службы и условия набора в армию неоднократно менялись.

В архивных делах фонда Квашниных-Самариных в ОПИ ГИМ неоднократно упоминается рекрутский набор. Так в одном из писем 1802 г. супруга помещика Анастасия Петровна писала, что «*Нынче объявлен рекрутной набор с 500 душ 2 рекрута, то и я распорядилась одного здесь отдать из дворовых, который совсем избаловался*»[57]. А в другом деле отмечено, что двумя годами ранее с крестьян было собрано «*за оплату рекрута*» 148 руб. Приведены сведения, на что потрачены деньги: «*шуба и кафтан – 10 р., штаны – 1 р. 40 к., сапоги – 2 р. 50 к., чулки – 55 к., шапка – 1 р. 20 к., рукавицы – 55 к., кушак – 45 к., платок – 80 к., две рубашки – 1 р. 80 к.*»[58]. Из приведенного примера наглядно видно, что снаряжение рекрута возлагалось не на государство, а на тех, кто его отправлял.

Кончина Петра Федоровича, его захоронение

После выхода в 1800 г. в отставку П. Ф. Квашнин-Самарин стал чаще бывать в брыковском имении. В книге архимандрита Леонида (Кавелина) про него написано, что он «*провел здесь* [в Брыково] *последние годы своей жизни в сельском уединении, скончался и погребен*»[59]. Однако из другого исторического документа следует, что далеко не все время помещик находился в своем подмосковном поместье. Так в одном из архивных дел приводятся слова приказчика брыковского имения, который в феврале 1809 г. заявил, что «*Господина Его Генерал Майора Квашнина Самарина в селе Брыкове не имеется, а живет в дальных вотчинах, в село Брыково прибудет не ближе как в следующее лето*»[60].

Брыково было родовым поместьем Квашниных-Самариных, и потому именно здесь Петр Федорович был похоронен в октябре 1815 г. В метрической книге Богоявленской церкви обнаружена такая запись: «*Умре по христианской должности в покаянии села Брыкова помещик Генерал аншеф Петр Федоров Квашнин Самарин, коему было отроду лет 70 и погребен* [в] *поместье своего в селе Брыкове при церкви. А погребение* [отпевание] *исправлено было в Москве*»[61]. В дореволюционном издании о некрополях написано, что его могила находилась «*в церковной ограде*»[62] Богоявленского храма. Он был далеко не первым представителем рода Квашниных-Самариных, похороненным здесь.

В советское время все захоронения брыковских помещиков считались утраченными. Но, к счастью, это оказалось не так. Как уже говорилось, во время восстановительных работ в Богоявленской церкви была найдена надгробная плита владельца имения Петра Андреевича Квашнина-Самарина (см. изо 2-04). Примерно тогда же было обнаружено захоронение его внука Петра Федоровича. О том, как это произошло, рассказано в документальном видеофильме, снятом прихожанами Богоявленской церкви в 2008 г. Вот краткий пересказ сюжета.

Летом 1999 г. рядом с колокольней храма начали строить котельную. Отслужили молебен, выкопали котлован, заложили фундамент. А на следующий день обнаружили, что фундамент сделан неправильно, хотя накануне проверяли его размеры. Пришлось все переделывать. При демонтаже фундамента осыпалась земляная стена, и обнажилось захоронение. Работы прекратили. Через некоторое время подошел местный житель. И не зная, что было найдено захоронение, он рассказал, как в детстве видел на этом месте могилы и даже знает место, где находится одна надгробная плита. Ее обнаружили в огороде одного из соседних дворов, она использовалась как пешеходная дорожка. Плиту откопали, очистили от грязи и прочитали надпись: «*Здесь покоится тело Действительнаго Тайнаго Советника Камергера и разных орденов Кавалера Петра Федоровича Квашнина-Самарина, скончавшагося 1815 года октября 19 дня пополудни в шестом часу, жития его было 72 года*».

На месте обрушения в котловане оказались два захоронения: женское (оно было частично разрушено) и мужское, которое лучше сохранилось. Были найдены остатки военного мундира, пуговица с морской символикой (вспомним, что службу Петр Федорович начинал в морском флоте), нательный крест. После получения сведений из архива пришли к выводу, что найдены захоронения супругов, владельцев брыковского имения. Как сказано в видеофильме: «*это останки тел Петра Тимофеевича Квашнина-Самарина и его жены Анастасии Петровны Салтыковой*». Кости собрали и перезахоронили около алтаря Богоявленского храма, туда же перенесли обнаруженную

надгробную плиту. Отслужили панихиду и поставили деревянный крест. Было это в 1999 г. или, возможно, в 2000-м.

Изо 2–14. Захоронение Квашниных-Самариных, 2017.

Хотелось бы прокомментировать слова, сказанные в видеофильме о захоронении. Ошибка в отчестве помещика очевидна: вместо «*Петра Тимофеевича*» правильно «Петра Федоровича». А вот с женским захоронением сложнее. Как будет рассказано далее, супруга помещика Анастасия Петровна (ур. Салтыкова) была похоронена в 1830 г. в Москве в Новоспасском монастыре рядом с дочерью Елизаветой. Тогда чьи женские останки были обнаружены? В справочнике о некрополях говорится о пяти могилах знатных людей, находившихся около Богоявленской церкви. Среди них оказалась только одна женщина из рода Квашниных-Самариных – это Анна Федоровна (сестра Петра Федоровича), скончавшаяся в 1773 г. Других вариантов нет.

В описи Богоявленской церкви, составленной в 1862 г., говорится о вещах храмоздателя, переданных в храм: «*Знаки отличия Действительнаго Тайнаго Советника Петра Федоровича Квашнина-Самарина. 1. Звезда сребропозлащенная* […], *весу в оной 11 золотников, полагая за золотник по 17 копеек, всего сребра на один рубль и семьдесят копеек. 2. Орден Св. Анны сребропозлащенный, без пробы, весу в нем 18 золотников, полагая за золотник по 17 копеек, всего на три рубли и четыре копейки. 3. Большая пряжка с пояса сребропозлащенная* [нрзб] *работы 84 пробы, весу в ней 65 золотников, полагая за золотник по 20 копеек, всего сребра на тринадцать рублей. 4. Малая пряжка сребропозлащенная, без пробы, в коей весу 1 золотник*»[63].

Что стало с этими драгоценностями, куда они делись – достоверных данных нет. Скорее всего, были изъяты советской властью в начале 1920-х гг.

Имение Брыково, усадебный дом

Поговорим теперь о самом брыковском имении. Его владелец Петр Федорович Квашнин-Самарин не забывал о нем, даже находясь на службе в далеких краях. Это подтверждает одно из писем, отправленных в 1798 г. его супругой Анастасией Петровной из Санкт-Петербурга приказчику имения Ивану Никифорову (Никифоровичу?). В нем говорится: «*Петр Федорович намерен не пременно* [в] *нынешней год быть в Брыкове, то бога ради старайся как можно, отделывать дом. И ежели не привезены из Елиц*[i] *рамы, то пошли нарочно* […] *Мы не пременно к лету будем*»[64].

Барский дом в имении Брыково

Слова в письме про отделку дома позволяют предположить, что речь идет о благоустройстве нового здания. Увы, нигде, ни в каком документе не сказано о том, когда строился господский дом в усадьбе Брыково. И даже упоминания о нем в исторических документах вплоть до конца XVIII в. не встречались. Но, несомненно, жилье для проживания хозяев в имении было. Но какое? Учитывая, что история помещичьего владения Брыково насчитывает несколько веков и то, что в сельской местности строили, как правило, здания из дерева (недолговечного материала), то вряд ли существовал единственный господский дом. Наверняка он неоднократно перестраивался и отстраивался заново.

Долгое время попытки отыскать какое-либо изображение (картина, рисунок, фотография или чертеж) барского дома в имении Брыково не приносили результата. Точнее, один вид фасада здания был известен – его в наше время неоднократно публиковали в статьях, разместили на инфор-

[i] Имеется в виду имение Квашниных-Самариных с. Елец в Ржевском уезде Тверской губернии.

мационном стенде центра “Преображение” в Красном поселке. Это вид довольно внушительного красивого здания, можно даже сказать, дворца. И, надо признаться, это обстоятельство смущало. Смущало потому, что не было нигде документального подтверждения, что такой великолепный дом когда-то находился в имении Брыково. Неужели такое замечательное здание, если оно действительно когда-то находилось на нашей земле, ни разу не было запечатлено живописцем или фотографом? Странно это. Смущало и то, что нигде не был указан первоисточник, место хранения оригинала изображения дворца. И только когда была обнаружена статья Н. М. Паглазовой, стало понятно, что искать надо в Государственном историческом музее в Москве.

Не сразу, но, в конце концов, удалось попасть в фонды ГИМ и увидеть изображение дома, а потом и заказать его копию. В каталоге музея это изображение подписано так: «*Проект фасада усадебного дома в Брыково (Богоявленское), 1780–1790-е гг.*». В пользу того, что это чертеж, а не рисунок с натуры свидетельствует показанная внизу привычная в таких случаях масштабная сетка.

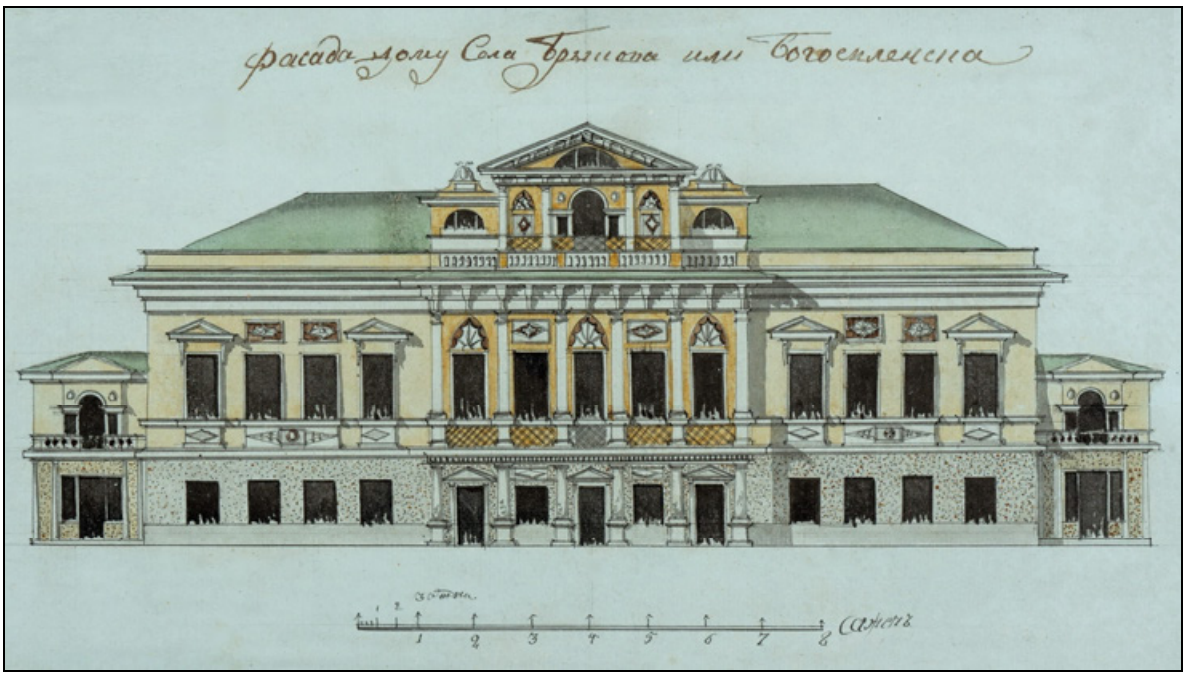
Сотрудник изобразительного отдела ГИМ А. О. Васильченко рассказала, что этот лист попал к ним в 1922 г. «*из коллекции Чернышева*». Что дата на изображении нигде не проставлена и датировка примерная, исходя из фактуры бумаги – конец XVIII в. А это означает, что речь идет о времени, когда хозяином имения был П. Ф. Квашнин-Самарин. Другой музейный специалист сообщила, что здание могло быть построено как из кирпичей, так и из дерева (или из того и другого).

По масштабной сетке были установлены размеры строения. Высота (под конек мезонина) равна 7,2 саж. (15,3 м). Это примерно высота обычного современного четырехэтажного дома! Общая длина здания с боковыми пристройками составила 19 саж. (40,5 м), а без оных 15,6 саж. (33,2 м). Очень внушительное сооружение для сельской глубинки.

Теперь хотелось бы привести выдержки из исторических документов, свидетельствующие в пользу того, что показанное на рисунке здание когда-то существовало в Брыково. При этом следует признать, что ни одного прямого доказательства нет, все свидетельства косвенные. Но, учитывая множественность таких свидетельств, можно почти не сомневаться в том, что трехэтажный (два этажа с мезонином) господский дом с колоннами когда-то существовал на нашей земле. Перечислим эти документы (что важно – они все из разных источников):

1). В “Экономическом примечании Рузского уезда”, хранящемся в архиве РГИА и датированном 1798 г., есть описание имения Брыково, в котором имелся «***дом господский деревянный на каменном фундаменте о 3-х этажах***»[65] (здесь и далее слова выделены автором).

2). В документе с таким же названием из другого архива (РГВИА) формулировки об имении несколько иные: «*В том селе церковь каменная во имя Богоявления Господня, дом господский*

Изо 2–15. «*фасад дому Села Брыкова или Богоявленска*[го]»[66], 1780–1790-е, (ГИМ).

*деревянный **изрядной архитектуры**. При нем сад регулярный, в том саду два пруда, да в селе два пруда копаные с мелкою рыбою карасями»*[67].

3). В письме, написанном в июне 1801 г. помещицей Анастасией Петровной управляющему имением Брыково Ивану Ильичу говориться: *«Отправлен от меня Александр архитектор для скорейшей отделки **брыковскаго дома**, то по приезду его немедленно какия будут надобны мастеровыя, плотники, столяры и протчия* [нрзб] *чтоб совсем работу окончить. Ибо я непременно в конце нынешняго лета в Брыково буду»*[68]. В том же архивном деле имеется послание, отправленное в апреле 1802 г., в котором было велено управляющему: «*И отделай печи и штукатурку»*.

4). В описании имения Брыково, составленном в 1815 г., сказано: *«**Господской дом о двух этажах**, из коих нижней каменной, а верхней деревянной, длиною на 17, поперешнику на 8 саженях. Крыт и снаружи обит тесом, выкрашен краской* [нрзб] ***четыре балкона** деревянные* [нрзб]. *А на верху посредине дома **на втором этаже мезамин** с отдельными комнатами. Весь оной дом заперт и запечатан помещиком»*[69]. Приведена оценка стоимости дома 3.000 руб. Прямо скажем, маловато для дворца.

5). Спустя десять лет было составлено еще одно описание, в котором приведены схожие сведения: *«**Господской дом о двух этажах**, из коих нижней каменной, а верхней деревянной, ветхой, длиною на семнадцати, а поперешнику на осьми* [8] *сажень»*[70].

Как видим, в цитатах упоминаются мезонин, балконы. Все они видны на приведенном изображении дома. Стоит обратить внимание на указанный в двух последних цитатах размер здания – 17 саженей в длину. Это почти совпадает с длиной дома, определенной по изображению фасада (без боковых пристроек) – 15,6 саж. Это еще один веский аргумент в пользу того, что рисунок фасада соответствует виду когда то существовавшего в имении Брыково господского дома.

В описании местности вокруг Богоявленского храма, составленном в 1852 г., есть такие слова: «*При этом с восточной стороны нет жилых строений ближе 40 сажень. И тогда лучше лес посадить с западной стороны, где помещичий дом не далее 10 саж.»*[72]. Десять сажень – это 21,3 метра. Получается, что барский дом находился совсем близко к Богоявленской церкви. Это подтверждает приведенный ранее план местности, на котором контур дома “4” совсем рядом с храмом “3” (для большей наглядности сделана вырезка из этого плана, изображение было просветлено – изо 2–16). Все это позволило определить примерные координаты местоположения барского дома в имении Брыково: GPS 55.93711, 36.71848 (подчеркнем, это лишь приблизительные значения). К этому можно еще добавить, что дом был развернут главным фасадом на восток в сторону колокольни Богоявленской церкви. Это хорошо видно на приведенном плане местности.

Изо 2–16. Фрагмент ПГМ окрестностей с. Брыково[71], 1770.

В четвертой главе разговор об усадебном доме будет продолжен.

Сведения об имении Брыково

Информация о брыковском имении начального периода существования очень фрагментарна, отдельные сведения приводились ранее. Начиная с конца XVIII столетия, в различных источниках стали регулярно встречаться данные о количестве дворов и крепостных крестьян.

Уже приводились цифры для 1770 г., когда умер Федор Петрович, и имение перешло к его сыну Петру. В то время в селе Брыково проживали 83 мужчины, в сельце Морозова Гора и дер. «*Бокаревой*» – 103, в дер. Кучи 33. Всего крепостных 219 душ м.п.[i].

[i] Очень часто в исторических документах указывали только лиц мужского пола. Женщин не считали.

В архивном деле 1787 г. говорится, что в с. Богоявленском вместе «*с деревнями*» насчитывается 174 ревизской души (т.е. без учета женщин), что владелец имения камергер Петр Федорович проживает в Новгороде[73]. По данным "Экономического примечания Рузского уезда" в 1798 г. в селе «*Богоявленское, Брыково тож*» находилось 13 дворов, 72 м.п. и 70 ж.п., итого 142 души.

В 1805 г. (т.е. когда Петр Федорович вышел в отставку) в его подмосковных владениях насчитывалось в общей сложности 146 ревизских душ[74]. Примерно столько же крепостных было и в последующие годы.

В описи брыковского имения Квашниных-Самариных, составленном в 1815 г. приведены подробные сведения обо всех крепостных людях. Для каждого указано имя и отчество (фамилий тогда не было), возраст, состав семьи (перечислены имена детей) и домашнее хозяйство. У некоторых стоят отметки о смерти. Как оказалось, на момент составления документа в усадьбе проживало 18 дворовых людей. В с. Брыково насчитывалось 17 дворов, в них проживал 51 крепостной м.п. В дер. Букарево в 3 дворах было 9 лиц м.п., в дер. Кучи в 20 дворах 61 м.п. Всего насчитывалось 139 м.п., тогда как по ревизии их должно быть 159.

Для примера хотелось бы привести сведения об одном из крестьянских хозяйств. Первым в списке крепостных в с. Брыково указан Михайла Лаврентьевич, ему было 56 лет. Приведены имена и возраст супруги и двоих сыновей, оба были женаты. У сына Самсона имелось трое детей, у сына Митрофана указан один ребенок. Жили все вместе, приведено описание жилья и имущества: «*Изба новая противу оной амшаник,* […] *двор обнесен забором, два сарая заборчатыя, житница. Все оное строение крыто соломою. Скота: Лошадей – 3, коров – 3, овец – 6, кур – 14*»[75]. Судя по количеству скота, зажиточный был крестьянин. У других крестьян в списке указаны по одной или две лошади и коровы. В том же документе говорится, как крепостные работали на свою помещицу: «*пашут землю, убирают хлеб, сено, исправляют садовую работу. Сверх того с каждого тегла* [крепостного] *собирается по одному барану, по курице, по два цыпленка. Еще по 20* [фунтов?] *масла коровьего*». Перечислено и многое другое. Отмечено, что во всем имении сена накашивается от трех до четырех тысяч пудов.

Начиная с середины 1820-х годов сведения о числе людей (численности прихода) стали указываться в клировых ведомостях. Так в 1823 г. у «*Помещицы Генеральши Настасьи Петровны Квашниной Самариной*»[76] было дворовых людей 42 м.п. и 45 ж.п., крестьян в с. Брыково 17 дв., 65 м.п. и 61 ж.п., в дер. Кучи 21, 77 и 71 соответственно, в дер. Букарево на ее часть приходилось 2, 13 и 10. Итого в общей сложности 197 м.п. и 187 ж.п. (сведения за другие года можно найти в приложении–6).

Если данные о количестве крепостных в имении Брыково регулярно встречаются в исторических документах разных лет, то информация о размере земельного надела попадалась значительно реже. Почему так – объяснение нашлось в документе 1837 г.: «*При селе Брыкове с деревнями сколько имеется земли, по не имению планов и межевых книг неизвестно. А по показанию старосты всей земли удобной и неудобной до 1.500 десятин. В том числе лесу строеваго до 100 дес., дровянаго и кустарнику до 400 дес., господскаго сеннаго покоса до 80 дес., крестьянскаго до 420 дес., господской пахотной земли 68 дес., крестьянскаго до 300 десятин*»[77].

Как оказалось, это очень приблизительные оценки размера земли, они оказались преувеличены примерно в два раза. Странно такое положение дел. Куда делись межевые книги и планы местности? Они были, это точно, генеральное межевание, как уже говорилось, проводилось в 1770 г. Все документы хранились у помещиков. В них приведены точные данные о земле, перечислялось, сколько в имении пашни, лесов, сенокосных лугов. Так в пояснениях к ПГМ (1770 г.) указан общий размер земли в брыковском имении – 790 дес. 1610 кв.саж. (подробная цитата приводилась ранее). Ровно столько же отмечено в "Экономическом примечании Рузского уезда", составленном в 1798 г. Этот документ интересен еще и тем, что в нем имеется самое раннее и наиболее подробное описание брыковского имения и окружающей местности:

«*Селением* [Брыково] *на правом берегу речки Мологощи и по обе стороны ручья безымяннаго. Церковь каменная во имя Богоявления Господня, дом господский деревянный на каменном фундаменте о 3-х этажах. На вышеписанной речке мучная мельница о двух поставах, действие имеет всякое время кроме разлития воды, пользуется оною сам владелец* […] *те речки в самое жаркое время ширину имеют Мологаща ниже мельницы 2 сажени, глубины местами в один аршин. Рыба*

в оной ловится щуки, окуни, плотва, головли, налимы и пискари. А речка Топариха течение имеет малое, вода к употреблению людям и скоту здорова […] *Грунт земли иловатой, к урожаю способен ржи, овса, ячменю, гречи, гороху, семян льнаго и коноплянаго, покосы средственны, лес строевой еловой, дровяной, березовой и осиновой. Звери в нем бывают волки, лисицы, и зайцы, и птицы тетерева, рябцы, овсянки, чижи и синицы. Крестьяне на пашне промышляют от хлебопашества, женщины упражняются в домашнем рукоделии, зажитком средственны* [т.е. не богаты]»[78].

Еще одна опись имения была составлена в 1825 г. по случаю учреждения опеки:

«Господский дом о двух этажах, из коих нижней каменной, а верхней деревянной, ветхой, длиною на семнадцати, а поперешнику на осьми [8] *сажень. Крыт и снаружи обит тесом, выкрашен краской* [нрзб]. *Балконы сломаны, и внутри дома полы и потолки обвалились, рам, стекол, дверей и ничего во внутренности нет. По бокам близ онаго дома имеется два флигеля на каменном фундаменте в прочности твердыя, из коих один по правую дома сторону двухэтажной длиною на осми, а шириною на шести саженях. Другой же по левую сторону дома одноэтажной длиною на осми, а шириною на шести саженях, крыты оба тесом. Два погреба длиною на шести, а шириною на трех саженях, крыто тесом. Регулярной сад с березовою рощей, в оном саду в одной связи деревянной дом о двух этажах на каменном фундаменте, по сторонам онаго две ранжереи на каменном же фундаменте и близ оных мест копанной пруд.* […] *на речке Моголоще имеется мукомольная о двух поставах мельница, крыта тесом»*[79].

В тексте приведены также описания плодового сада, теплицы, двух-трех оранжерей *(«ранжереи»)*, в которых росли «*диковинные*» фрукты: ананасы, абрикосы, персики, виноград (это помимо вишни и слив). Судя по тому, как часто Анастасия Петровна Квашнина-Самарина упоминала в своих посланиях оранжереи, велела приказчику ремонтировать и содержать их в порядке, напрашивается предположение, что все это ее достаточно сильно интересовало. Так в письме, отправленном из Москвы в Брыково в июне 1798 г. помещица писала: «*Здесь давно продают Московские фрукты, как персики, так и обрекозы* [абрикосы]. *Для чего ж Вы не присылаете?* [...] *А здесь оне чрезвычайно теперь дороги, да бога ради старайтесь збирать больше косточик персиковых и обрекозовых*»[80]. В том же деле имеется послание, в котором обсуждается вопрос о пруде в имении: «*пишешь ты, что пруд выкопать просют 800 руб.* [...] *не могу согласиться за такую сумму, ты сам знаешь, что неоткуда взять* [денег ...] *еже ли б рублей 200*».

1815–1817: Анастасия Петровна Квашнина-Самарина (“К”)

По сведениям, собранным из разных источников, в семье Петра Федоровича и Анастасии Петровны родилось шестеро детей: четыре мальчика Павел, Федор, Иван, Александр и две девочки Анна, Елизавета. Большинство детей, если не все, появились на свет в Санкт-Петербурге (последнего сына Анастасия родила в возрасте 45 лет). О судьбе сыновей данных нет, кроме Павла (о нем в одном из архивных дел сказано, что скончался бездетным). Исходя из того, что имена мальчиков не упоминались впоследствии среди наследников, можно предположить о непродолжительности их жизни. А вот девочки дожили до взрослых лет.

Кому досталось наследство после кончины П. Ф. Квашнина-Самарина? Завещание помещика не обнаружено, опека над имуществом, похоже, не заводилась (дочери были совершеннолетними). По официальным документам имение перешло супруге Анастасии Петровне. Она официально числилась хозяйкой Брыково всего несколько лет до тех пор, пока в 1817 г. не затеяла раздел наследства (об этом подробный разговор впереди).

Анастасия Петровна успела отметиться одним добрым делом на нашей земле. В 1820 г. за счет присоединения нескольких селений приход Богоявленской церкви расширился, появилась возможность в состав причта ввести дьякона. Помещица не упустила этой возможности, подала соответствующее прошение священноначалию. Очевидно, она была верующим человеком, хотела, чтобы в храме службы были более красивыми, благодатными. Прошение было удовлетворено. Так в 1823 г. впервые в истории Богоявленской церкви в составе причта появился свой дьякон. А. П. Квашнина-Самарина выплачивала ругу на его содержание. Когда она умерла, выплаты прекратились[81].

Анастасия (в документах ее часто именовали Настасьей) прожила немыслимо долгую для того времени жизнь – почти век. О ней еще поговорим в конце настоящей главы. А сейчас остановимся на ее дочерях. Начнем с младшей.

Елизавета Петровна Чернышева (ур. Квашнина-Самарина)

Анна и Елизавета Квашнины-Самарины в 1795 г. стали фрейлинами[i] Императорского двора (семья Петра Федоровича переехала в Петербург за два года до этого). Судьбы сестер сложились поразному. Анна (она была старше на три года) семьей не обзавелась. А младшая Елизавета в 1796 г. вышла замуж за графа **Григория Ивановича Чернышева**. Как написано в интернете, она пользовалась расположением императора Павла I, по некоторым данным получила от него в качестве приданого 12.000 руб. Елизавета Петровна не владела имением Брыково (как далее будет рассказано, она отказалась от родительского наследства). Но, несмотря на это, на ней и ее близких стоит остановиться отдельно. Материала об этой семье оказалось дольно много и он интересный.

Изо 2–17. Г. И. Чернышёв, худ. Э. Виже-Лебрён, 1793.

Изо 2–18. Е. П. Чернышёва, худ. Жан-Луи Вуаля, кон. 1780-х, (ГРМ).

Григорий Иванович Чернышев

Подробный разговор о роде графов Чернышевых отложим до восьмой главы, когда речь пойдет об одном из их владений в сельце Холуяниха (другое название Павловское). Здесь же отметим, что среди наиболее известных представителей рода был фельдмаршал граф Захар Григорьевич Чернышев, который прославился успешными действиями в годы Семилетней войны (1756–1763). Помимо высоких чинов граф был обладателем больших имений. Супруг Елизаветы Григорий Иванович был племянником фельдмаршала. И когда Захар Григорьевич умер, не оставив детей, то его огромные владения перешли ему. Он мог переехать в одно из наследованных поместий. Но остался жить вместе с семьей в родовом имении своих предков в с. Тагино Орловской губернии.

О супруге Елизаветы, его карьере говорится в воспоминаниях М. Д. Бутурлина: «*в молодости принимал участие в походах Суворова и Потёмкина, участвовал в штурме Измаила, дослужился до чина генерал-инспектора, но военная карьера его мало привлекала, и вскоре он оставил службу. Являясь главой богатейшей аристократической фамилии, граф Г.И. Чернышёв был близок ко двору. Знаток французской литературы, остроумный весельчак, он развлекал дворянскую знать своими стихами и пьесами, написанными им для Гатчинского придворного театра; вместе с тем он состоял в тайной масонской организации, занимая в ней видное положение канцлера*»[82].

Семья Чернышевых

О **Елизавете Петровне Чернышевой** (ур. Квашниной-Самариной) на сайте “Википедия” написано следующее: *«В 1813 году была пожалована в кавалерственные дамы ордена Святой Екатерины меньшего креста. Была любима и уважаема в обществе обеих столиц. В своих воспоминаниях её племянник, граф Бутурлин так отзывал-*

[i] «*Фрейлина – это придворная дама, состоящая при царице, королеве, принцессе. Стать фрейлиной при царском дворе была мечтой большинства девушек знатного происхождения в России. Об этом мечтали не только девочки, но и их именитые родители. Сама близость ко двору была очень престижна и почётна. Фрейлина – это вершина карьерной лестницы для женщины, за которую было положено приличное жалование. По сути – это свита императрицы*» (интернет).

ся о ней: "Была женщина с сильным характером, граничившим даже со строгостью в деле семейного управления; невзирая на то или, лучше сказать, именно потому и по аксиоме, что распущенность и слабохарактерность не внушают никакого уважения, она сумела вскоренить в дочерях беспредельную к ней любовь, всецело племеневшую в их сердцах, когда они давно сами были матерями семейства"»[83].

В семье Чернышевых родилось девять детей, их имена показаны в древе рода (изо 2–02). Семеро из них дожили до взрослых лет. Елизавета Петровна «*Считалась образцовой женой и матерью, и воспитывала своих шестерых дочерей в таких же правилах. Младшую дочь родила в возрасте сорока лет, из-за чего называла себя новой Саррой. Дети Чернышёвых получили хорошее домашнее образование, для них в Тагино приглашались учителя французского языка, музыки и рисования. В вопросах воспитания Чернышёвы приветствовали определённое свободомыслие. По словам И. С. Жиркевича, граф входил весьма мало в хозяйственные дела и занимался одним конным заводом, всем распоряжалась графиня. Она назначала работы, проверяла отчеты, управляющего, занималась постройками, садом, фабриками, которых было несколько. Лечила сама больных в устроенном ею в Тагино лазарете. "Трогательно было смотреть на отношения, — писал мемуарист, — который существовали между супругами, они обоюдно старались сделать друг другу приятное и с неподдельной радостью глядели на доставленное удовольствие. Вообще все члены семейства Чернышёвых жили между собой в большой дружбе*"».

Идеальная картина, не правда ли? Все выжившие дети Елизаветы Петровны, когда выросли, обзавелись своими семьями, у всех появилось потомство. После этого можно было бы назвать семейство Чернышевых и в первую очередь мать счастливыми. Но, увы, судьба распорядилась иначе.

Трагедия декабристов

В январе 1826 г. за участие в восстании декабристов были арестованы сын Елизаветы Петровны, ротмистр Кавалергардского полка Захар Григорьевич Чернышев (полный тезка фельдмаршала) и зять Никита Михайлович Муравьёв. Захар не участвовал в восстании декабристов и не принимал активного участия в его подготовке. Но «*знал об умысле на цареубийство и принадлежал к тайному обществу с знанием целей оного*» и потому был осужден к четырем годам каторги. Никиты также не было на Сенатской площади в Санкт-Петербурге в декабре 1825 г., он находился в это время в отпуске в имении родителей супруги в Тагино. Но Муравьёв считался один из главных идеологов движения декабристов и потому был приговорен к каторжным работам на 20 лет (потом срок был сокращен до 15 лет).

Вслед за Никитой Михайловичем в Сибирь отправилась его супруга Александра Григорьевна (ур. Чернышева), оставив у свекрови троих малолетних детей. Там на каторге в семье Муравьёвых

Изо 2–19. Н. М. Муравьёв.
худ. П. Ф. Соколов, 1824.

Изо 2–20. А. Г. Муравьёва,
худ. П. Ф. Соколов, 1825.

Изо 2–21. З. Г. Чернышёв,
худ. П. Э. Рокштуль, 1818, (ГМП).

родилось еще трое детей, двое из которых умерли младенцами. Александра не выдержала тяжелых условий сибирской жизни и умерла в 1832 г., ей было всего 28 лет. Ее похоронили на кладбище г. Петровск-Забайкальский, супруг позднее поставил на том месте часовню.

Мать Александры ушла из жизни еще раньше. Аресты сына и зятя так потрясли «*Елизавету Петровну, что с ней случился удар, вследствие чего она была частично парализована, и до смерти уже не могла более ходить*»[84]. Е. П. Чернышева умерла в феврале 1828 г., немного не дожив до своего 55-летия. Похороны состоялись в Новоспасском монастыре. Почему там? Здесь была фамильная усыпальница Чернышевых, здесь был похоронен ее сын Петр, умерший младенцем в 1817 г.

Дополнительную интересную информацию о семье Чернышевых можно найти в интернете[85].

1817–1825: Анна Петровна Квашнина-Самарина ("Л")

В "Википедии" приведены такие сведения о старшей дочери Квашниных-Самариных Анне: «*фрейлина двора (1795), была уволена от службы 27 октября 1829 года. Дорожа своей свободой, замуж не вышла. Была одной из первых салонных "законодательниц". Её живой ум, любезность и тонкий вкус собирал около нее многочисленных поклонников: В. В. Капнист и Н. А. Львов любили её беседу, за ней ухаживал Державин, который писал: "она так постоянна, как каменная гора; не двигается и не шелохнется от волнующей моей страсти* […]". *Кроме светской любезности, с литературной образованностью Самарина соединяла бойкий житейский такт и самостоятельный характер. Будучи поверенной в делах родителей, была полновластной хозяйкой и всем распоряжалась сама. Но, как говорили, в конец запутала все дела. Графиня Чернышёва приходила не раз на помощь сварливой сестре, не платившей ей особенно взаимностью чувств. Занимала видное место в "раннем оленинском кружке". Была близкой приятельницей Батюшкова и Гнедича, которые посещали её салон*»[86].

Пишут о бывшей фрейлине и в наше время. Статья С. Д. Дзюбанова, хранителя экспозиции музея-усадьбы известного поэта конца XVIII – начала XIX вв. Гавриила Романовича Державина начинается таким образом: «*Анна Петровна Квашнина-Самарина была приметной фигурой в литературной жизни Петербурга 1790–1810-х годов*»[87]. В публикации приведено немало любопытных подробностей о жизни этой женщины, так, например: «*Ею был очарован молодой К. Н. Батюшков*» (поэт был младше на 17 лет). А заканчивается статья словами: «*Такой была утонченная и обаятельная, экономная и расточительная фрейлина Анна Петровна Квашнина-Самарина, за которой "приволачивался иногда" шестидесятилетний Гаврила Романович Державин*».

В отличие от сестры Елизаветы, портрет Анны найти не удалось.

Долги Квашниных-Самариных

Прежде чем продолжить разговор об Анне Петровне и имении Брыково, которое восемь лет находилось под ее управлением, сначала хотелось бы поговорить о финансовой стороне жизни Квашниных-Самариных. Тогда станет более понятной логика происходивших событий.

Надо сказать, что подробные сведения о финансовом положении помещиков не часто встречаются в исторических источниках. Но Квашнины-Самарины тут являются исключением. Столько информации об их владениях и долгах, пожалуй, еще не удавалось собрать ни для какой другой знатной фамилии, о которой доводилось писать. Одних только архивных дел на эту тему обнаружено около двух десятков, а общее число страниц в них исчисляется тысячами (это не преувеличение, правда, зачастую информация в делах дублируется). Как оказалось, история финансового краха помещиков длительная, скандальная и запутанная. Не погружаясь особо глубоко в малоинтересные финансовые подробности, постараемся кратко изложить хронологию развития событий.

Владения Квашниных-Самариных, первые долги

Прежде всего, следует отметить, что Квашнины-Самарины были богатыми помещиками, если судить о размере находившихся в их владении недвижимости и числе крепостных душ. У Петра Федоровича в конце жизни были имения в нескольких губерниях: Московской, Тверской, Оренбургской, Владимирской и Ярославской. Эти владения он получил по наследству от своего родителя (а может еще от каких-то родственников). Были также пожалованные от государства земли в Казанской и Санкт-Петербургской губерниях, имелся «*винокуренный и конный завод*»[88]. У жены

Анастасии Петровны были свои имения в Орловской, Оренбургской, Рязанской и Курской губерниях. Итого получается, что в 10 губерниях Российской империи находились владения семьи Квашниных-Самариных. Общее число крепостных в них составляло 2.640 душ м.п.[89].

Как позднее писала супруга, доход со всех имений доходил до 100.000 руб. в год. Большие деньги. Казалось бы, их должно было хватать на все. Но нет. Квашнины-Самарины тратили денег больше, чем получали с имений. В одном из дел написано, что деньги в долг приходилось брать в связи с частыми переездами Петра Федоровича по службе. Но такое объяснение представляется неубедительным. По практике того времени можно сказать, что служащим, занимавшим важные государственные должности, помимо солидного оклада выдавались немалые «столовые» суммы на пропитание и так называемые «квартирные» деньги (на оплату нанимаемого жилья). Так что причина займов, очевидно, была другая. Квашнины-Самарины не желали вести экономную жизнь, они привыкли к роскоши (для примера можно напомнить про выращивание в подмосковных оранжереях экзотических фруктов). Помещики жили явно не по средствам[i], причем длилось это десятилетиями, и положение только ухудшалось. Когда наступал срок расчета по ранее взятым обязательствам, средств не хватало и брались новые долги с процентами под залог имений, благо их было много. И так по кругу. Только сумма долговых обязательств каждый раз все увеличивалась, и все меньше оставалось денег «на жизнь». В итоге Квашнины-Самарины умудрились набрать огромные долги, с которыми потом не могли рассчитаться ни сами, ни их потомки. Вот такая сложилась печальная ситуация с владельцами имения Брыково.

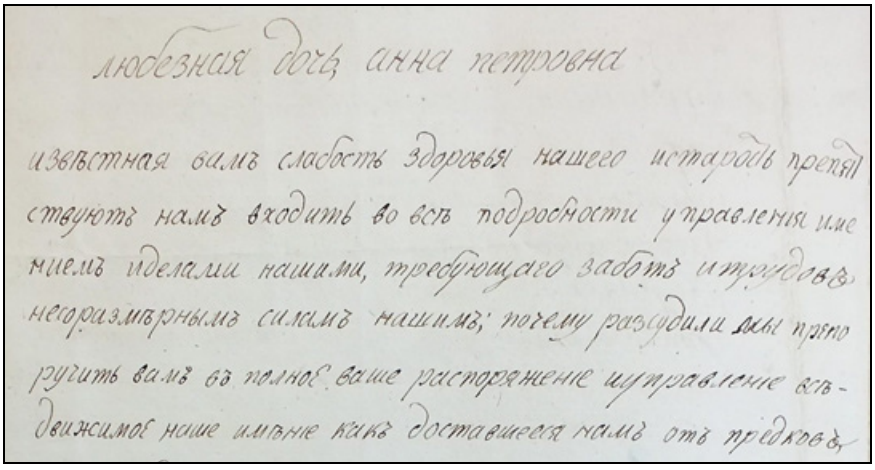
Это если говорить в целом. Теперь рассмотрим на конкретных примерах, как до такого состояния дошли Квашнины-Самарины, когда, у кого и сколько занимали денег. Следует оговориться, что информации на сей счет довольно много. Вряд ли имеет смысл ее полностью приводить. Далее будут описаны наиболее характерные случаи.

Кто из брыковских помещиков и когда впервые занял деньги – история умалчивает. Но, как свидетельствуют сохранившиеся документы, в конце XVIII в. Квашнины-Самарины деньги брали в долг регулярно. Так в 1781 г. Петр Федорович занял у купцов Мамонова и Ларионова 2.000 и 1.650 руб., а в 1785 г. у купцов Уфимского и Ржевского 310 и 500 руб. соответственно[90]. Уже тогда имение Брыково со 176 душами оказалось в залоге[91]. В 1794 г. помещик просрочил выплату заемных денег 25.000 руб., которые ранее были получены под залог московского дома в Зарядье[92]. В 1803 г. петербургский купец Серебряков пожаловался, что Квашнины-Самарины не возвращают долг в 9.000 руб.[93]. Помещики обратились за помощью к властям, дело даже дошло до императора. Тот указом «*повелел под залог части имения нашего* [662 душ] *выдать из Департамента уделов сто тысяч рублей на восемь лет, полагая по 5 процентов в год*»[94] (срок кредита позднее был продлен). Примерно тогда же была заложена тысяча крепостных душ в Государственном заемном банке (условия кредита остались неизвестны).

Привлечение дочери Анны к управлению имениями

Можно себе представить, как тяжело было стареющему помещику П. Ф. Квашнину-Самарину управлять всеми своими имениями, находившимися в разных (в том числе и далеких) губерниях. Как трудно было находить деньги, чтобы вовремя расплачиваться по долговым обязательствам. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в 1804 г. он поручил управление хозяйственными делами имений своей старшей дочери Анне Петровне, которой в то время было уже 34 года. Однако согласитесь, не женское это дело управлять большим хозяйством, разбросанным по всей стране, находить немалые средства для своевременных выплат по процентам долгов. Но что делать, если сыновья Петра Федоровича рано умерли. Трудно сказать, хотела ли Анна всеми этими делами заниматься. Думается, что пришлось это делать от безысходности. Доверять управление большими финансами постороннему человеку – это всегда большой риск. Воров на Руси во все времена хватало (в статье Дзюбанова приведен пример, как управляющий рязанскими и уфимскими

[i] Автор в своей писательской практике сталкивается с банкротством прежде богатых помещиков не в первый раз. На память сразу приходят Шиловские, владевшие имением Глебово, и Голохвастовы, которым принадлежало имение Покровское-Рубцово. Но эти дворяне пострадали от крестьянской реформы 1861 г., не смогли адаптироваться к новым условиям жизни. Квашнины-Самарины жили намного раньше. А итог такой же печальный: имения у них были отобраны и распроданы для погашения долгов.

любезная дочь анна петровна
известная вамъ слабость здоровья нашего и старость препят-
ствуютъ намъ входить во всѣ подробности управления име-
ниемъ и делами нашими, требующаго заботъ и трудовъ
несоразмѣрнымъ силамъ нашимъ; почему разсудили мы пре-
поручить вамъ въ полное ваше распоряжение и управление все-
движимое наше имѣние какъ доставшееся намъ отъ предковъ,

Изо 2–22. Доверенность на управление имениями (начало), 1813.

имениями Квашниных-Самариных А. Шиллер оформил подложные займы на 20 и 5 тыс. руб. и присвоил полученные суммы).

По некоторым данным, в 1808 г. Петр Федорович дал Анне документ на распоряжение родовыми имениями[95]. А спустя пять лет он вместе с супругой оформил на дочь полную доверенность на управление всеми хозяйственными делами с правом продавать отдельные земли и крепостных, оговорив обязательство вовремя расплачиваться по ранее сделанным долгам. Копия этого документа сохранилась, она начинается такими словами: «*Любезная дочь Анна Петровна. Известная вам слабость здоровья нашего и старость препятствуют нам входить во все подробности управления имением и делами нашими, требующаго забот и трудов несоразмерным силам нашим; почему разсудили мы препоручить вам в полное ваше распоряжение и управление все движимое наше имение как доставшееся нам от предков, так и благоприобретенное*»[96].

Размер долговых обязательств Квашниных-Самариных к этому времени был огромный, исчислялся сотнями тысяч рублей. Причем деньги были взяты как в банках, так и у множества частных лиц. Сроки и суммы везде были разные, требовалось своевременно выплачивать набежавшие проценты и закрывать долги, когда подходило время. Размеры выплат достигали десятки тысяч рублей ежегодно.

Можно представить, насколько трудная задача выпала на долю старшей дочери Квашниных-Самариных. Как писал Дзюбанов в своей статье: «*Для улучшения финансовых дел Анна Петровна решила сосредоточиться на управлении имениями. Позднее она признавалась: “Я отказалась от всех связей, знакомств, переезжала из губернии в губернию, из Оренбурга в Орел, из Орла в Тверь, переносила все трудности, все беспокойствия, делала займы на свое имя...”. В начале 1811 года фрейлина Квашнина-Самарина, откланявшись в Оранжевой комнате Зимнего дворца императрице, убыла в отпуск, из которого более ко двору не возвращалась.* […] *Следующие два с половиной десятилетия стали для Анны Петровны временем энергичной, но безуспешной экономической деятельности по управлению имениями и избавлению от долгов*»[97]. Далее тот же автор пишет, что для приведения дел в порядок, была «*составлена сложная финансовая схема. Анна Петровна добилась высочайшего разрешения на получение кредита в 70 тысяч рублей из Департамента уделов*».

Трудно давать оценку, насколько успешно справлялась А. П. Квашнина-Самарина с ролью управителя множеством имений (мать потом говорила, что дочь все дела запутала). Но справедливости ради надо сказать, что слишком сложной оказалась задача. Родители (да и сама Анна) хотели жить по старому, ни в чем себе не отказывая. На это уходили большие суммы. На исполнение долговых обязательств доходов от имений не хватало, приходилось что-то продавать и делать новые займы. Так у своего знакомого Нилова Анна Петровна по пяти заемным письмам одолжила 94.974 руб. У титулярного советника Крамера в 1808 г. заняла 27.750 руб. В 1815 г. у статского советника Бороздина по пяти заемным письмам было одолжено денег на сумму 28.635 руб.[98]. Были сделаны и другие долги. До поры до времени как-то удавалось сводить концы с концами, избегать крупных потрясений. Как написано в одном из дел, со стороны родителей в первые годы особых претензий к дочери не было. Это подтверждают слова в одном из дел: «*доставляя им возможное спокойствие и нетолько не заслужила от них гнева, но час от часу умножались их милости к ней*»[99].

Раздел наследства между дочерьми

Когда в 1815 г. умер Петр Федорович, то по закону на его имущество претендовали жена и две дочери. Спустя два года вдова, «*Следуя родительским чувствам решила начать раздел имения между Анной и ее сестрой Елизаветою*». Причем к наследству умершего супруга Анастасия Петровна решила добавить свои собственные владения. Она хотела все движимое и недвижимое семейное имущество поделить поровну, при этом имение Брыково планировала отдать младшей Елизавете. Условия перед дочерьми были поставлены такие: необходимо было вести хозяйство в имениях и вовремя гасить все ранее взятые долговые обязательства. А долгов к этому времени накопилось почти на полмиллиона: 253.879 руб. казенных и 218.925 руб. «*патрикулярных*», т.е. частных (самые большие долги были Крамеру и графине Брюсовой – каждому почти по 50 тыс. руб.). Помимо этого мать хотела, чтобы каждая из дочерей «*выдавала мне на содержание ежегодно по 15 т. руб.*»[100] и сверх того продукты питания. Не слишком ли «скромное» желание было у одинокой старой женщины? Это лишний раз говорит о запросах Квашниных-Самариных.

Как ранее говорилось, к этому времени Елизавета была уже замужем за графом Г. И. Чернышевым, у которого были свои долги. Взвесив все обстоятельства, она благоразумно отказалась от родительского наследства, чтобы не навешивать на себя непосильные долговые обязательства. В результате единственной наследницей владений Квашниных-Самариных стала Анна Петровна. Раздел наследства был надлежащим образом оформлен в 1817 г. Так старшая дочь официально стала владелицей имения Брыково и многих других поместий с огромными долговыми обязательствами.

Анна Петровна по мере своих сил старалась решать текущие хозяйственные и финансовые вопросы. При этом, судя по документам, жила, ни в чем себе не отказывая. Однако с каждым годом управлять делами становилось все труднее, ком долговых обязательств все нарастал. В 1819 г. удалось договориться о крупном займе в Государственном заемном банке Санкт-Петербурга. По условиям банка было выдано 262.000 руб. асс. на 8 лет под залог 1.310 душ[101] (из расчета 200 руб. за одного). При этом в число заложенных крепостных входили также крестьяне из с. Брыково и соседних деревень. После получения такого займа острота финансового положения снизилась. Но лишь на время. Текущие проценты по долговым обязательствам необходимо было выплачивать. Анна Петровна продолжала искать заемщиков. И как ни странно – находила их. При этом некоторые долговые обязательства оформлялись на имя родительницы Анастасии Петровны. Так в 1822 г. у статского советника Бороздина по 10 заемным письмам было получено 60 тыс. руб.[102].

1826–1847: Имение Брыково под опекой

Финансовое положение Квашниных-Самариных заметно ухудшилось в середине 1820-х гг., когда за просроченные выплаты по займу имение в Звенигородском уезде (надо полагать, Брыково) «*назначено было в публичную продажу*»[103]. Можно представить шок, который испытала престарелая Анастасия Петровна, ведь ей было далеко за 90 лет. Родовое имение, которое почти полтора века принадлежало Квашниным-Самариным, где находились могилы предков, должно было уйти с молотка. Как написано в документе: дела оказались «*совершенно разстроены*». Мать посчитала виноватой во всем свою старшую дочь, обвинила ее в «*безпорядочном управлении*» имениями, в неумении и бесхозяйственности, в невыплате положенного по договору ежегодного содержания. Отношения между родственницами были испорчены. Как потом писала вдова, дело даже дошло до личных оскорблений в ее адрес со стороны дочери Анны.

Учреждение дворянской опеки по просьбе Анастасии Петровны

Выход из сложившейся трудной ситуации подсказал, по всей видимости, военный генерал-губернатор Москвы Д. В. Голицын. Он посоветовал вдове отозвать ранее совершенный (в 1817 г.) раздел наследства в пользу дочери Анны и ходатайствовать перед императором о передаче имений под управление органов дворянской опеки. В таком случае Анастасии Петровне полагались бы ежемесячные денежные выплаты. Она послушалась совета и написала в 1825 г. прошение об учреждении опеки. В нем также излагалась просьба: «*При жизни моей и после оной не допускать* […] *дочь мою Анну Петровну управлять имением по слабости Ея и неопытности*»[104].

31 марта 1826 г. был издан указ, в котором говорилось: «*Принимая во уважение глубокую Старость и болезненное состояние Квашниной Самариной по причине коих она совершенно не в силах заниматься управлением дел своих* […] *дозволить учредить над имением умершаго ея мужа*

опеку»[105]. Так продажа Брыково с торгов была приостановлена, «*за целостностью имения*» было назначено «*наблюдение*» (как потом выяснилось, эта мера оказалась малоэффективной). Для управления многочисленными владениями Квашниных-Самариных и удовлетворения долговых обязательств в Московской дворянской опеке были назначены опекуны, определены ежемесячные выплаты Анастасии Петровне 1000 руб., а ее дочери Анне Петровне 500 руб.

Был составлен «*Реестр Долгам и получениям: в заемный банк с процентами – 282 т.р.; г-ну Крамеру с процентами – 55 т.р.; в Удельный департамент – 100 т.р.; г-же Ниловой – 120 т.р.; разных партикулярных Долгов с лишним – 115 т.р. Итого 672 т.р.* [672.000 руб.]»[106]. Как видим, за прошедшие десять лет долги не только не уменьшились, а наоборот увеличились. Это тем более странно, что на том же листе документа написано: «*с имения всего получалось доходу в правление Анны Петровны до 100 т.р.*» ежегодно. Эту бумагу подписала Анастасия Петровна. Если указанная сумма дохода с имений верна (в этом есть сомнения), то тогда понятны претензии к дочери.

От Анны Петровны власти потребовали передать земельные планы на родительские имения, купчие крепости и долговые обязательства. Но она не спешила исполнять указания. Как написано: несмотря на «*многократные требования со стороны Полиции фрейлина Квашнина Самарины документов тех не выдает*»[107]. Анна Петровна объясняла задержку тем, что бумаги надо привести «*в надлежащий для сдачи порядок*». На самом деле, она тянула время, пыталась опротестовать установление опеки. Но, по всей видимости, безуспешно.

По случаю учреждения опеки была составлена опись имения Брыково. Подмосковное имение земским судом было оценено в 69.920 руб., ежегодный доход определялся суммой 2.350 руб.[108].

Распродажа и разворовывание имущества Квашниных-Самариных

Для удовлетворения требований кредиторов опекуны начали распродажу движимого и недвижимого имущества Квашниных-Самариных в разных губерниях. Однако, как считала Анна Петровна, продажные цены были явно заниженными. Так в одном из архивных дел приведены ее слова о том, что опекуны «*продали в 50 верстах от Москвы в отцовском ея имении* [Брыково] *лес, стоящий более 100 т. рублей за десять тысяч*» (невольно закрадывается сомнение: а все ли в этой сделке было честно?). Там же отмечено, что «*Все хозяйственныя заведения, как то: мельницы, маслобойня, суконное производство и проч. распроданы, уничтожены, оранжереи и сады погублены, движимости даже описи не было сделано, картины, бронзы, зеркала, все до самой малости продано и за всем тем долгов нисколько не заплачено*»[109].

Опекуны в 1827 г. докладывали, что от имения Брыково «*непредвидится получения дохода по нижеследующим причинам: 1) При оном имении состоит огромный сад с разными Аранжереями, и крестьяне всегда находятся в занятии для очищения онаго* […] *2) Оныя крестьяне доставляют всегда к г. Квашниной Самариной в Москву дрова и сено. 3) Хлеб, какой собирается с господской запашки, всегда употребляется на содержание г. Квашниной Самариной во время жительства ея в оном имении,* […] *также выдается на дворовых людей при ней находящихся,* […] *также на прокормление старых и изувечных людей*»[110]. Как видим, местные крестьяне дошли до «*очищения*» (т.е. обворовывания) господского сада. А еще раньше (до 1825), как уже говорилось, они разорили и барский дом в брыковской усадьбе. Можно предположить, что причина разбойного поведения была в том, что, как писала Анастасия Петровна, местные крестьяне «*оскудели*», т.е. совсем обеднели. Можно предположить, что голод, крайняя нужда озлобили крепостных людей на их господ.

Последние годы жизни Анастасии Петровны

Органы опеки нерегулярно производили ежемесячные выплаты денег на «*прожитие*» матери и дочери. А потом и вовсе решили уменьшить их размер в два раза. Опекуны мотивировали это тем, что в результате продажи с торгов некоторых имений суммарный доход уменьшился. А кроме того было учтено, что Анна Петровна «*получает пенсионные деньги*» (видимо, как бывшая фрейлина). Вдова не согласилась с уменьшением размера выплат и в 1827 г. подала бумагу, в которой написала: «*мы своего дому не имеем, а живем в Наемных домах. И Самая Малая Квартира составляет мне 1000 р.*»[111]. И далее просила о выдаче «*мне и дочери квартирных денег по 1500 р. в год*». Было ли удовлетворено указанное прошение – осталось непонятно.

Как видим, бывшая владелица брыковского имения на склоне своих лет стала испытывать если не нужду и голод, то определенные трудности и лишения в ее жизни появились. К тому же она

Изо 2–23. «*Бабушка*» А. П. Квашнина-Самарина, худ. Маньяни, 1820-е.

была крайне слаба и почти оглохла. Ее преклонные лета хорошо видны на рисунке, который был обнаружен в интернете в ходе работы над книгой.

Если бы на помощь не пришла младшая дочь Елизавета (вообще-то, формально говоря, она не обязана была это делать, т.к. отказалась от родительского наследства), то одряхлевшей женщине пришлось бы совсем тяжко. В такой ситуации остается только посочувствовать Анастасии Петровне, которая попала в трудную ситуацию на склоне лет. Но с другой стороны – кто виноват в том, что все так сложилось? Ведь долги Квашнины-Самарины начали делать задолго до того, как управление имениями было поручено дочери Анне.

Кончина Анастасии Петровны, ее завещания

Единственное утешение, что тяжелые времена продолжались для старушки недолго. Через несколько лет на 99-м году жизни дочь фельдмаршала и графа, супруга действительного тайного советника и камергера умерла. В издании о некрополях записано: «*Квашнина-Самарина, Настасья Петровна, р. графиня Салтыкова, р. 26 ноября 1731 † 24 марта 1830 (Новоспасский монастырь)*»[112]. Почему вдову похоронили в московском монастыре, а не рядом с мужем в с. Брыково Звенигородского уезда или не рядом с отцом в с. Никольское Ростовского уезда? Дело в том, что, как уже говорилось, в Новоспасском монастыре за два года до этого была погребена Елизавета Петровна Чернышева[i]. Быть похороненной рядом с младшей дочерью, столько ей помогавшей в старости, – таково было желание матери, которое она высказала в своем завещании.

Обнаружено два текста завещания Анастасии Петровны Квашниной-Самариной. Первое было составлено в 1826 г.[113], а второе незадолго до кончины, им отменялись прежние распоряжения. Это второе завещание далее и будет рассматриваться.

Текст завещания довольно большой (на 15 рукописных листах), в нем все подробно изложено. Начинается оно словами: «*чувствую себя еще довольно в силах и Милостию Божиею в твердой памяти*». Насчет имущества последовало такое распоряжение: «*я предоставляю детям оной покойной дочери моей графини Елизаветы Чернышевой, а моим внучкам по ровной части, в воздаяние за детское ея ко мне почтение, особенное внимание, безкорыстную преданность и нелицемерную любовь так же* […] *многолетную помощь на мое содержание*»[114]. Выражалась благодарность зятю графу Григорию Ивановичу Чернышеву за то, что был «*почтителен и предан, он всегда, и особенно во время моей скудости, мне столь великодушно по его возможности деньгами и всем помогал*».

В тексте завещания довольно много слов о старшей дочери Анне, в основном негативных. Говорилось о ее «*неумеренности в слабостях*», расточительности, неблагодарности. Что «*уже доказала свою неблагонадежность в сбережении родоваго имения, она в течении двадцати лет, за исключением нужных расходов, неизвестно куда прожила более двух милионов доходных и прочих денег, и сверх того умножила долги* […] *В сем крайнем уже положении должна я была просить об учреждении опеки над моим и покойнаго мужа моего имением*». Напротив младшая дочь Елизавета «*не оставляла меня в моих нуждах и облегчила мое дневное пропитание тогда, когда Анна утопала в роскоши и излишестве*».

Анастасия Петровна хорошо знала свою старшую дочь и предвидела, что та не примет ее завещание, захочет оспорить. И потому повелела ей: «*что б под клятвенным моим запрещением не начинала тяжб* […] *против зделанных мною в сем завещании денежных назначений*». И все же мать есть мать. В конце завещания она благословила старшую дочь и велела после своей кончины передать ей ковчег со святыми мощами. А зятя графа Г. И. Чернышева попросила, что ежели Анна «*может впасть в личныя нещастия и тяжкую болезнь*», то иметь о ней «*попечение*», т.е. заботу.

[i] О судьбе семейного некрополя Чернышевых в Новоспасском монастыре достоверных сведений нет. Монастырское кладбище неоднократно разорялось. По всей видимости, захоронения Чернышевых утрачены.

Установление новой опеки после смерти Анастасии Петровны

Изо 2–24. Е. Г. Черткова, 1840-е, (Орловский художественный музей).

В сентябре 1831 г. пять внучек[i] Анастасии Петровны, которым она завещала свое имущество, обратились к государю с прошением, в котором написали, что учрежденная в 1825 г. опека над имениями их бабушки в виду ее смерти должна «*быть уничтожена*». И что необходимо учредить новую опеку «*по правам наследства*»[115]. Это прошение было удовлетворено в 1832 г. Опекуном имения захотела стать одна из внучек – «*полковница*» (т.е. жена полковника) Елизавета Григорьевна[ii] Черткова (ур. Чернышева)[116]. Спустя несколько лет ее желание было исполнено.

Самовольные действия Анны Петровны

Анастасия Петровна оказалась права: старшая дочь Анна попыталась оспорить ее завещание, как якобы незаконное и составленное против воли заявительницы. Писала, что, мать, мол, вообще была глухая и плохо слышала (ей надо было кричать «*громко на ухо*»[117]). Поэтому она не согласилась с решением органов об учреждении опеки и пыталась самовольно решать дела в Брыково. Это доказывает сохранившийся архивный документ.

В апреле 1832 г. опекуны Гессель, Ключарев и Ренненман докладывали по инстанции, что *«Госпожа Анна Петровна Квашнина Самарина прибыв* […] *в село Брыково с деревнею Кучь, самовольно отстранила вотчинное начальство и распоряжает по произволу доходами, продает на срубку лес, притесняет крестьян и совершенно нас опекунов от всякаго влияния над тем имением отстранила. В следствие чего Московская Дворянская Опека отнеслась в Звенигородский Земский Суд о прекращении самовольнаго действия г-жи Анны Петровны Квашниной Самариной. Но несмотря на сие, таковыя самовольные и насильственныя действия ея без препятственно продолжаются с Августа месяца прошлаго 1831-го года.* […] *изволила продать 12 десятин почти единственнаго в сем имении лучшаго строеваго леса*»[118].

В заявлении опекунов также говорилось, что Анна Петровна взыскала «*оброчную сумму*» с крестьян и деньги с «*содержателя мельницы*». По мнению опекунов, общий сбор превысил 10 тыс. руб. Помимо этого Квашнина-Самарина избрала двух старост для наблюдения «*над крестьянами, извозом в Москве промышляющими*». Опекуны просили суд принять надлежащие меры для прекращения самовольных действий с ее стороны. Со старосты деревни взяли подписку, чтобы впредь никаких денег Квашниной-Самариной не давал. Ну а власти решили передать Брыково из Московской дворянской опеки в ведение Звенигородской дворянской опеки. При этом само имение было взято «*под полицейский присмотр*».

Подобные действия со стороны Анны Петровны оказались возможны потому, что, очевидно, возникла некая пауза, как бы теперь сказали, безвластие. Когда после кончины Анастасии Петровны была прекращена опека над имениями, установленная по ее личной просьбе, власти некоторое

---

[i] Была и шестая внучка Александра, которая, как ранее говорилось, вышла замуж за Никиту Михайловича Муравьева. Супруг позднее был обвинен в заговоре декабристов, лишен всех титулов, гражданских прав и сослан в Сибирь на каторгу. Александра отправилась вслед за ним в ссылку. Возможно, по этой причине ее нельзя было упоминать в завещании.

[ii] В интернете можно найти сведения о том, как Н. В. Гоголь сблизился с Е. Г. Чертковой в Риме в мае 1839 г., когда они оба ухаживали за умирающим другом писателя И. М. Виельгорским. Гоголь потом переписывался с Чертковой в 1840–1844 гг. и встречался с ней и с ее мужем в Москве. В “Альбомных записях” писателя есть строки, посвященные Елизавете Григорьевне: «*Наша дружба священна. Она началась на дне тавлинки. Там встретились наши носы и почувствовали братское расположение друг к другу, несмотря на видимое несходство их характеров* […]».

время думали, какое принять решение. Все делалось не спеша, предполагалась продажа имений, составлялись описания оставшегося имущества Квашниных-Самариных в разных губерниях. Такое описание было составлено в октябре 1832 г. и для подмосковного имения.

Плачевное состояние имения Брыково

По непонятной причине описание имения было составлено очень краткое, в нем не в полной мере отражено текущее состояние. Вот выдержка из этого документа: «*Крестьяне частию на оброке, частию на пашне, коей около 25 дес. в поле.* […] *Сколько при сих селениях земли по неимению планов Опекунам достоверно не известно.* […] *Под Опеку сие имение принято 4 сентября 1826 года, а в сем 1832 году по требованию Государственнаго Заемнаго банка, поступило в ведение Звенигородскаго Земскаго суда*»[119]. Было отмечено, что на момент составления описи в брыковском имении «*в наличности*» 172 души. Тогда как по последней (7-й) ревизии их числилось 154, из них «*заложено в С.Петербургском в Государственном Заемном банке ревизских 146 душ*».

В еще одном деле приведены отчеты Звенигородской дворянской опеки по имению Брыково. Вот выдержки одного из отчетов:

«*3). Один Господской флигель на каменном фундаменте с мезонином, длинною 8 аршин, в нем образов без оклада 11, разных портретов 45. Зеркалов 3. Лепных бюстов 6. Мраморной Камин и сверх того разная мебель. Строение и мебель ветхое, Камин разобран на штуки.*

4). Другой флигель одноэтажный, длиною 7 аршин. Крыт тесом, рам и полу нет. […]

6). Регулярный сад с березовою рощею, в нем дом, а по сторонам онаго две аранжереи деревянные на каменном фундаменте, близ онаго пруд, сие строение по ветхости упало.

7). Английский сад, в оном деревянная оранжерея на каменном фундаменте в 3 отделениях с мезанином длинною 16, шириною 3 сажень, крыты тесом, весьма в ветхом положении. […]

11). В сем саду и ранжереях имеется яблонь 18, апелсинов 8 деревь, слив 2 дерева, абрикосов 1, ананасов 60 [нрзб], *виноградных деревь 4. Яблони от сильных в 1837 году морозов померзли.* […]

18). Мукомольная мельница о 2 поставах, при ней изба с чуланом и двором, крыты соломою. Приносит доходу в год по 300 р. ассигнациями»[120].

Обращает на себя внимание несколько раз употребленное слово «*ветхое*» для разных строений усадьбы. Отмечено, что вымерзли некоторые плодовые деревья. Это все от того, что в последние годы у имения Брыково не было рачительного хозяина. За прошедшие после учреждения опеки годы все пришло в упадок. Можно также обратить внимание на то, что в описании имущества из жилых строений упомянуты только два небольших флигеля, а большой барский дом отсутствует. Почему – объяснений нет. То ли перестал существовать, то ли находился в таком ветхом состоянии, что его решили не включать в опись.

До недавнего времени не была известна дата кончины Анны Петровны Квашниной-Самариной. Ее удалось установить из архивного дела, в одной из бумаг которого написано, что «*Фрейлина Анна*» умерла 23 октября 1838 г. в Курске[121]. Как она оказалась в этом городе? Когда-то у матери Анастасии Петровны были владения в Курской губернии, возможно, с этим как-то связано ее пребывание там. О месте погребения Анны сведений нет. У умершей не было своей семьи и детей, единственными родственниками были племянницы, которых она не очень-то жаловала. Им и должно было перейти наследство. Но так ли было на самом деле – неизвестно. Да и имелось ли что-то у женщины, которая вся была в долгах – сказать трудно.

Кому принадлежало имение Брыково в 1830-е – 1840-е годы?

Вернемся во времена, когда Анна Петровна Квашнина-Самарина была еще жива. Хотелось поговорить о длившихся годами спорах, разбирательствах по подмосковному имению.

Обилие информации не всегда вносит ясность. По документам все годы, начиная с 1826, имение Брыково находилось под опекой. Напомним, что сначала опека была установлена по просьбе Анастасии Петровны. А после ее кончины внучки попросили установить новую опеку. По всей видимости, так и было сделано. Были назначены опекуны, выше приводились фамилии некоторых из них.

Анна Петровна не согласилась с таким решением властей, оспорила его. Судебное разбирательство затянулось на насколько лет. Как следует из следующего архивного дела, решение о разделе наследства Квашниных-Самариных рассматривалось «*аппеляционным порядком в 1-м департаменте Московской Палаты Гражданскаго суда*»[122], а потом в 7-м департаменте Правительст-

вующего сената. Было принято решение разделить имения между дочерьми Анной и Елизаветой (к тому времени уже умершей), как это было предусмотрено в раздельном акте еще в 1817 г. При этом имения, выпавшие на долю Анны Петровны, из-за долгов сразу попали в разряд «*запрещенных*» (т.е. их нельзя было продавать). А другая часть имений, предназначенных наследникам Елизаветы Петровны, была оставлена в опеке, как те того и хотели. В 1836 г. четыре из пяти сестер Чернышевых (Вера, Надежда, Софья, Наталья) решили «*отказаться навсегда*» от своих долей наследства. Осталась лишь одна Елизавета Черткова, которая еще раньше была назначена опекуном над имением Брыково «*в предупреждение от дальнейшего разстройства онаго*».

В 1837 г. обсуждался вопрос, кому должно принадлежать имение Брыково. По всей видимости, об этом спрашивала опекун Е. Г. Черткова. В ответе написано, что коль скоро ее мать Елизавета Петровна в 1817 г. отказалась от своей доли наследства, то Брыково перешло ее старшей сестре. Ну а самой Анне Петровне было сообщено, что «*состоящее в Звенигородском уезде имение г-жи Квашниной Самариной, находится в залоге Банка и по неисправному платежу поступило в опекунское Управление; а потому во владение ея Квашниной Самариной отдано быть не может, доколе долг не приведется в исправное положение*»[123] (т.е. пока не будет погашена задолженность).

Надо сказать, что в документах Богоявленской церкви с. Брыково (в клировых и исповедных ведомостях) все годы, пока действовала дворянская опека, писалось, что с. Брыково, дер. Кучи и часть дер. Букарево – это владение «*Помещицы Штатс Дамы Анны Петровны Квашнины-Самариной*»[124]. И даже после того как она умерла, еще несколько лет запись оставалась прежней (только, начиная с 1842 г. напротив ее фамилии ставилась пометка «*покойная*»).

А дальше еще больше вопросов. В одном из документов Звенигородского духовного правления говорится, что в 1835 г. старостой Богоявленской церкви был избран крестьянин «*Полковника Александра Дмитриевича г. Черткова*»[125] (полковник – это муж упомянутой ранее Елизаветы Григорьевны, внучки Анастасии Петровны). Следует отметить, что указанный документ единственный, где упоминается фамилия Чертковых как владельцев Брыково.

Так какому же документу верить, кто все-таки был хозяином подмосковного имения? Думается, что правильный ответ – Брыково находилось под управлением органов дворянской опеки с даты установления опеки в 1825 г. (или в 1826) и до момента продажи имения в 1847 г. Ну а записям в церковных документах не стоит придавать большого значения. По этой причине Чертковы не внесены в список хозяев имения Брыково, приведенный в начале первой главы.

Весь этот разнобой в документах с владельцами имения лишний раз подчеркивает сложившееся положение дел. Да, официально, была установлена опека над имением Брыково. Но люди на местах, то ли не знали этого (что вряд ли), то ли не призвали решение властей. Отсутствие настоящего, рачительного хозяина негативно отражалось на состоянии брыковского имения. Как уже отмечалось, от времени и бесхозяйственности строения и имущество ветшали. А то, что осталось годным, разворовывалось разными людьми.

Подведение итогов

На этом завершилась полуторавековая история владения селом Брыково дворянским родом Квашниных-Самариных.

Есть ли ныне живые потомки брыковских помещиков? У дочери Петра Федоровича Елизаветы Чернышевой было шесть дочерей, каждая вышла замуж и родила детей, у некоторых их было от трех до шести (в древе они не показаны, сведения можно найти на генеалогических сайтах). Учитывая все это, велика вероятность, что где-нибудь живут потомки брыковского помещика (вот только фамилии у них другие). Ну а если по древу Квашниных-Самариных подняться выше, то можно отметить, что у Федора Петровича и у его родителя Петра Андреевича было по несколько детей. Вопрос о наличии у них потомства не изучался.

Глава 3. Владельцы имения Брыково Кильдюшевские

В сентябре 1847 г. имение перешло к новому владельцу[1]. Как это случилось? В одной из дореволюционных публикаций написано: «*с публичнаго торга* [было продано] *село Брыково с мельницею и постройками*»[2] (покупная сумма не сообщена). Покупателем оказался известный в Москве (да и по всей России) врач **Павел Николаевич Кильдюшевский** (1799 – † 1858).

1847–1858: Павел Николаевич Кильдюшевский (“М”)

(дворянский герб рода не найден)

Через “Госкаталог” в интернете был обнаружен портрет доктора, он ныне хранится в музее им. В. А. Тропинина и московских художников его времени. Точно такой же портрет (копия?) имеется в другой коллекции – в Ярославском художественном музее[4].

Изо 3–01. П. Н. Кильдюшевский, худ. В. Пукирев[3], 1850-е, (музей В. А. Тропинина).

Точная дата рождения Павла Николаевича осталась неизвестной. В дореволюционном словаре Половцева указан только год – 1799[5] (в некоторых других изданиях приведен 1801 г., но это представляется ошибкой). Такая же ситуация и с местом рождения медика – оно нигде не указано.

Долгое время не удавалось узнать имена родителей Павла Николаевича. В его формулярном списке (ФС) о них не сказано, написано: «*из духовнаго звания*». Тайна частично раскрылась после обнаружения архивного дела о лицах, поступивших в духовные семинарии. В этом деле оказался аттестат, в котором написано, что Павел был сыном «*Казанской Епархии Симбирской Губернии Буинской Округи села Кильдюшева Священника Николая Семенова*»[6]. Очевидно, свою фамилию Павел получил от названия села, в котором служил его отец. Возможно, здесь он и появился на свет.

Других данных о происхождении медика нет, имя матери осталось неизвестным. Можно лишь говорить о том, что у Павла был брат, которого звали Иван (некоторые сведения о нем приведены в конце настоящей главы).

Село Кильдюшево существует и поныне, теперь оно входит в Тетюшский район респ. Татарстан. Никольская церковь, в которой служил священник Николай Семенович, перед войной была закрыта. Удалось собрать некоторые сведения о селе и о местном храме. А вот фотографии Божьего дома найти не удалось.

Справка. В справочнике, изданном в 1903 г., говорится: «***Село Кильдюшево*** *населено мордвою, но когда они здесь поселились – сведений не имеется. Во время генеральнаго межеванья это село состояло из ста дворов (284 муж. и 230 жен.), а через 70 лет, при освобождении крестьян, оно удвоилось (203 двора) и 547 ревизских душ бывших удельных крестьян получили в надел 2278 дес. 1500 саж. земли (усадебной 38 дес. 600 саж., пашни 1890 дес. 1200 саж., выгону 30 дес. 600 саж., покосу 152 дес., лесу 78 дес. и неудобной 90 дес. 1500 саж.). Ныне здесь 269 дворов, с населением в 1955 человек (980 муж. и 975 жен.). Местные крестьяне занимаются кроме хлебопашества, деланием колес и деревянной посуды (около 50 домохозяев)*»[7]. Как видим, крупное село было.

В другой дореволюционной книге, изданной в 1903 г., приведены такие сведения о сельской церкви и приходе: *«Храм деревянный, на каменном фундаменте, крытый железом, построен был в 1757 г. В 1866 г. в главном храме сделан новый иконостас; в 1872 г. трапезная перестроена по новому плану, крестообразно, и в ней устроены два новых придела. Престолов три: главный (холодный) – во имя святителя и чудотворца Николая, в приделах (теплых): по правую сторону – в честь Покрова Пресвятой Богородицы, по левую – во имя св. великомуч. Феодора Тирона. Храм обнесен деревянной оградой. Земли при церкви пахотной 33 дес. Капитал церкви 712 руб. 22 коп. Причт состоит из священника и псаломщика. Жалованья священнику от казны – 168 р. в год. Дома для причта общественные, на церковн. земле. Прихожан в селе Кильдюшеве в 310 дв. 982 м. и 1057 ж. Церк.-приход. попечительство существует с 1885 г. В с. Кильдюшеве начал. земск. школа»*[8].

Учеба Павла

В прежние времена у подавляющего большинства мальчиков из семей священно и церковнослужителей был единственный путь в жизни – получить духовное образование и потом всю жизнь, пока позволяют силы и здоровье, служить в церкви. Начинали ребята учебу в духовном училище, но не все, правда, доучивались до конца. У кого были способности – продолжали образование в семинарии. После окончания учебы, молодой человек, исходя из полученного образования, определялся в причетника (пономаря или дьячка), либо рукополагался в дьякона или священника.

Очевидно, сын священника с. Кильдюшево был одаренным юношей. Как следует из его аттестата, в 1809 г. поступил «*в бывую Академию, что ныне Семинария*» (имелась в виду Казанская духовная семинария). Учеба продолжалась более десяти лет. Павел наверняка стал бы иереем, как и его отец, если бы не появилась возможность выбора иной профессии.

В те времена (да и в более поздние тоже), в России очень не хватало врачей. Значительная часть докторов, аптекарей была иностранного происхождения. Для исправления этого положения в 1800 г. в Москве была открыта «*Императорская Медико-хирургическая академия*» (МХА). Как написано в интернете: она «*практически полностью формировалась из числа семинаристов*». Почему? Из-за низкой грамотности большинства молодых людей. Юные образованные дворяне не горели желанием становиться медиками (а может, это было им и вовсе запрещено). А детям мещан и освобожденных крестьян просто негде было получить хорошее начальное образование, чтобы поступить в медицинскую академию. Был только один путь – набирать студентов из числа учащихся духовных семинарий. Но принимали в МХА далеко не всех. Кандидат в медики должен был сдать успешно экзамены, показать хороший уровень знаний и помимо этого быть здоровым. В 1817 г. появился документ «*О порядке комплектования Медико-Хирургической Академии*». В нем было предписано директорам духовных семинарий по всей Российской империи отбирать кандидатов на поступление в академию из числа лучших воспитанников, имеющих «*природные дарования*»[9]. Выбирались ученики не моложе 16 и не старше 24 лет.

Этой возможностью воспользовался Павел Николаевич, который учился в «*высшем отделении*» Казанской семинарии. Результаты учебы у него были хорошие. Надо полагать, его не прельщала перспектива пойти по стопам отца, стать священником. Как показало будущее – у юноши, несомненно, были таланты к профессии медика. Летом 1820 г. Кильдюшевский написал заявление о своем согласии «*поступить в означенную Академию по части Медицинской*»[10]. Он успешно сдал экзамены по ряду предметов (латинский, русский и французский языки, математика, философия, риторика, география, церковная история) и получил аттестат. Здоровье также не подкачало. После медицинского осмотра в заключении было записано: «*оной ученик Кильдюшевский всем здоров. Оспа и корь на нем была*» (надо полагать, переболел этими болезнями в детстве и имел иммунитет).

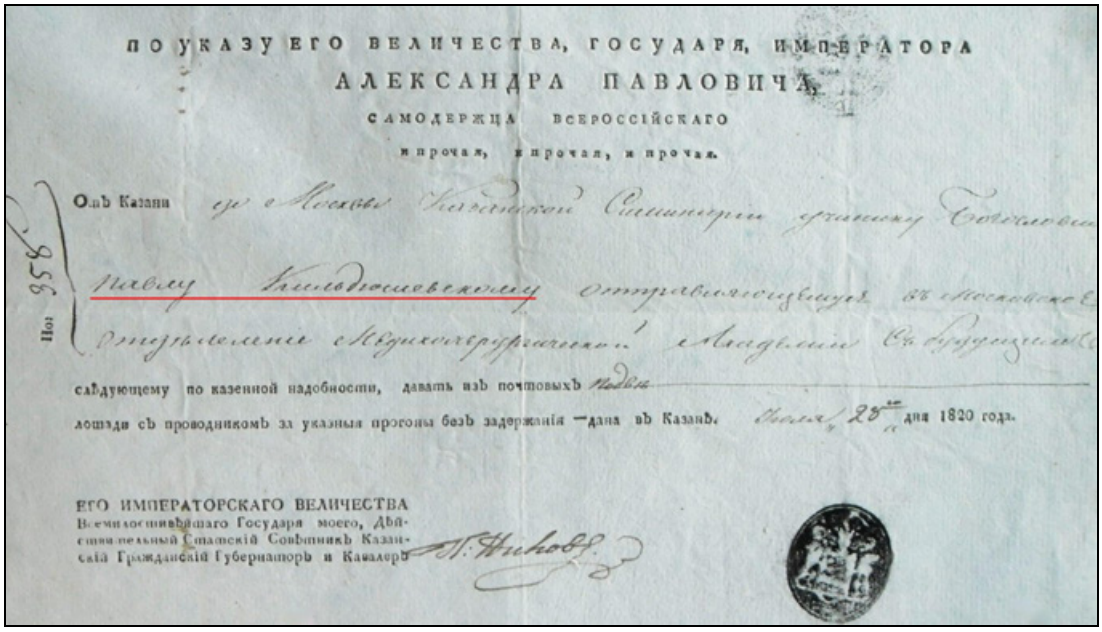
В тот год Кильдюшевский оказался единственным из Казанской семинарии, удостоившимся права поступления в МХА (в 1821 г. таких семинаристов оказалось восемь человек, среди них был родной брат Павла Иван).

Итак, путь в МХА был открыт, осталось только добраться до Москвы. А путь до нее был неблизкий, железных дорог тогда и в помине не было, люди ездили на лошадях. Как правило, перемещались в каретах или дилижансах, лошади менялись на почтовых станциях через каждые 20–30 верст. Ночью путешественники отдыхали на постоялых дворах. Путь из Казани в Москву занимал несколько дней, а то и недель[i]. И был очень дорог. Для проезда Павлу Николаевичу было выдано из казны 90 руб. «*прогонных денег*». Это была значительная сумма по тем временам. Примерно столько зарабатывал за год причетник в обычном сельском храме, столько могла стоить крестьянская изба, на эти деньги можно было купить несколько хороших лошадей и коров. Сохранился документ, так называемый «*прогонный билет*»[ii], выданный Павлу Кильдюшевскому для проезда в Москву «*по казенной надобности*» с выделением двух почтовых лошадей.

---

[i] От Москвы до Петербурга примерно такое же расстояние, как и до Казани (около 700 верст). Дорога между столицами в начале XIX в. занимала по времени от 4 до 6 дней.

[ii] *«Прогонный билет выдавался лицу для свободного движения по почтовому тракту и давал преимущество в выдаче (смене) лошадей на почтовом яме (почтовой станции). При проверке документов являлся удостоверением личности»* (интернет).

ПО УКАЗУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЯ, ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА,
САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО
и прочая, и прочая, и прочая.

Изо 3–02. Документ для проезда Павла Кильдюшевского из Казани в Москву[11], 1820.

Итак, летом 1820 г. Павел Николаевич прибыл в Москву и 1 сентября был зачислен «*казенным воспитанником по медицинской части*» в Московское отделение МХА. Стал посещать «*ветеринарные лекции*», подрабатывал репетитором. Его успехи на втором году обучения оценивались единицей[12], что в то время означало «*превосходно*».

8 августа 1822 г., как записано в ФС, Кильдюшевский был удостоен звания студента медицинской академии. Спустя два года он уже «*Лекарь перваго отделения*». Тогда же «*за превосходные успехи в науках и похвальное поведение*» был награжден «*первою серебряною медалью*»[13]. Были и другие знаки отличия: «*За искусно сделанные им Анатомические препараты и за особенную способность в производстве Хирургических Операций получал неоднократно денежное награждение*».

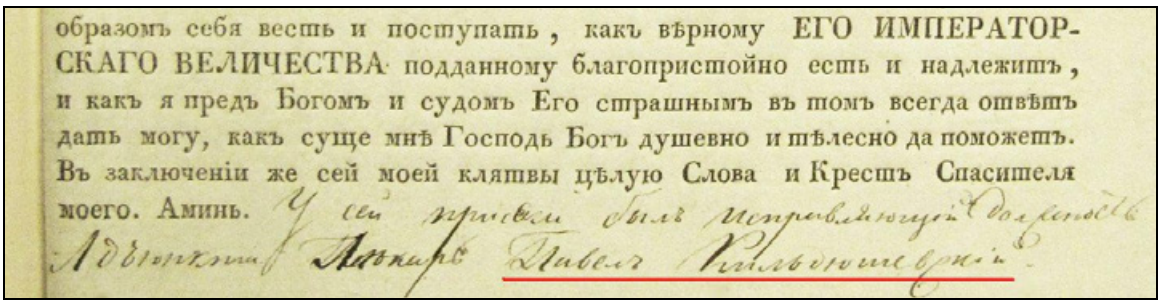
Как видим, с юных лет Павел Николаевич проявлял большие способности в медицине, его успехи поощряло начальство.

Первые годы врачебной практики

В 1824 г. Кильдюшевский успешно окончил МХА, согласно словаря Половцева «*был назначен врачом в лейб-гвардии Финляндский полк*». В дальнейшем работал «*Ординатором в Терапевтической клинике и смотрителем Анатомическаго Кабинета*». Был определен «*в звании исправляющаго должность Адъюнкта*» (помощника) профессора с годовым окладом в 600 руб.[14].

Павел Николаевич «*19 июля 1826 г. получил степень доктора медицины за диссертацию "De usi forcipe obstetricae"*»[15] (перевод с лат.: "Об использовании акушерских щипцов"). Тогда же сдал экзамен на акушера, принял присягу о верности служения Господу Богу и государю императору.

В 1827 г. Павел Николаевич был определен «*оператором при Больнице Страноприимнаго Дома Графа Шереметева*»[16]. В 1829 г. он «*профессор при повивальном*[i] *институте Московскаго Воспитательнаго Дома*»[17].

образомъ себя вести и поступать, какъ вѣрному ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА подданному благопристойно есть и надлежитъ, и какъ я предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніи же сей моей клятвы цѣлую Слова и Крестъ Спасителя моего. Аминь.

Изо 3–03. Подпись под присягой: «*исправляющий должность Адъюнкта Лекарь Павел Кильдюшевский*»[18], 1826.

[i] Повивальные институты – это медицинские учреждения акушерства и гинекологии.

Причисление к дворянскому сословию

Занимаемая должность профессора соответствовала 8-му классу в Табеле о рангах Российской империи, что давало право на причисление к дворянскому сословию. Павел Николаевич воспользовался этой возможностью и в июне 1830 г. подал соответствующее прошение на имя государя. Оно было удовлетворено, фамилия Кильдюшевского была внесена в Дворянскую книгу Московской губернии в ее третью часть, так называемого «*восьмиклассного дворянства*». Так сын священника стал дворянином. Изготовление дворянского герба, по всей видимости, не стал заказывать.

Борьба с холерой, первые ордена, аудиенции у императора

К 30 годам П. Н. Кильдюшевский стал высококлассным врачом, его стали посылать в разные города Российской империи, где местные медики не справлялись с кризисными ситуациями. Как написано в ФС, «*по Высочайшему повелению*» Павел Николаевич был направлен в Саратов и Хволынск для борьбы с эпидемией холеры. В 1830–1832 гг. в России бушевала холера — самое смертоносное заболевание того времени. Она унесла жизни четверти миллиона человек. Эпидемия сопровождалась бунтами населения. Находясь в командировке, Кильдюшевский «*написал наблюдения о свирепствовавшей там болезни холеры*». Сочинение было представлено начальству, труды были «*удостоены превосходнаго отзыва*». В конце того же 1830 г. его снова отправили на борьбу с холерой, на сей раз в Тулу. В следующем году командировали по той же причине в Вологду.

Павел Николаевич успешно справлялся с поручениями, об этом свидетельствуют несколько «*похвальных аттестатов*», которые были выданы местными властями по итогам командировок. Согласно записи в ФС в 1831 г. он был «*награжден бриллиантовым перстнем*» и утвержден в должности ординарного профессора.

В том же году «*За отличное усердие и ревность, оказанныя в действиях по прекращению болезни холеры Всемилостивейше пожалован кавалером ордена Св. Владимира 4 степени*». Это был первый орден, который получил за свои труды Павел Николаевич. Но далеко не последний.

Спустя некоторое время П. Н. Кильдюшевского решили отправить на борьбу с холерой в Варшаву (в то время Польша входила в Российскую империю). Путь лежал через Санкт-Петербург, где он «*Имел счастие быть представлен в Зимнем Дворце Государю Императору*» Николаю I.

В Польше и соседней Пруссии Кильдюшевский помогал местным врачам в борьбе с холерой. К этому времени он обладал богатым опытом лечения этой опасной заразной болезни, написал четыре труда: *«1). Наставление для народа о предохранении себя от холеры и лечение оной простыми домашними средствами. 2). Об устройстве холерных больниц касательно главнаго разделения оных. 3). Описание различных снарядов для приготовления паровой ванны. 4). Краткое изложение свойств холеры и способов пользования оной для врачей»*[19]. По распоряжению местного правительства эти труды в виду важности были изданы на немецком языке для широкого распространения.

По просьбе короля Пруссии Павел Николаевич отправился в города Данциг, Мариенбург, Нейнштадт. Как отмечено в ФС, борьба с эпидемией проходила успешно: «*От всех тех мест, где Кильдюшевский употреблял себя на помощь страждущих, получены от Общества письменные благодарные отзывы о примерном усердии*». Так благодарные жители Мариенбурга «*удостоили его званием гражданина города*», а жители Данцига вышли с инициативой о награждении врача.

22 октября 1831 г. Павел Николаевич был представлен королю Пруссии в Шарлотенбурге и тот «*в знак особеннаго своего благоволения изволил наградить Кильдюшевскаго Орденом Краснаго Орла 3-й степени и подарком в триста червонных*»[20] (300 золотых монет).

Обратный путь на родину пролегал через Санкт-Петербург, где 27 марта 1832 г. врач вновь был представлен Николаю I. Очевидно, император был наслышан об успехах в борьбе с эпидемией, захотел лично увидеть и поблагодарить медика. Как раз перед этим Павел Николаевич был награжден высокой наградой – орденом св. Анны 2 степени. А ведь еще и года не прошло с момента вручения первого ордена (св. Владимира 4 степени). Надо полагать в виду исключительных заслуг доктора был нарушен привычный порядок представления к следующей награде (по правилам того времени должно было пройти не менее трех лет с даты предыдущего награждения).

Работа врачом в Москве

Дальнейшая жизнь доктора протекала более спокойно. Судя по отсутствию записей в ФС о командировках, он все последующие годы трудился в Москве. Около 1834 г. П. Н. Кильдюшевский женился. О его семье поговорим потом, а сейчас продолжил разговор о служебной карьере.

В формулярном списке отражены полученные награды и общественные должности. Павел Николаевич был «*Избран членом Императорскаго Московскаго Общества испытателей природы*». В 1837 г. «*Всемилостивейше пожалован за усердную службу бриллиантовым перстнем*» (уже вторым). В следующем году «*За сделанныя многие важные операции с отличным Успехом, которыми приобрел известность в ученом кругу и доверенность публики, как искусный оператор Медицинским Советом по представлению Конференции Академии удостоен степени Доктора Хирургии*». Позднее был «*Избран членом физико и медицинскаго Общества. Избран членом и Кассиром Комитета Высочайше учрежденнаго Медико-Фармацевтическаго Попечительства*».

Летом 1841 г. «*по положению Комитета гг. Министров*» за 10-летнюю выслугу в звании ординарного профессора Павлу Николаевичу было присвоено «*звание Академика, с произведением ему положеннаго по штату жалования по 500 руб. асс.*»[21]. Тогда же был награжден знаком отличия 15 лет «*безпорочной службы*» и кроме того «*Пожалован за выслугу лет в статские советники*»[22].

В 1842 г. последовала очередная награда. Согласно записи в ФС Павел Николаевич был награжден орденом «*Св. Анны 2 степени с императорскою Короною*». Следует признать, что эта награда поначалу озадачила, т.к. за десять лет до этого согласно записи в том же документе он был награжден таким же орденом, правда, без короны (кажется, в России не награждали одними и теми же орденами одинаковых степеней). Это можно было бы списать на ошибку в тексте, если б она не повторялась в нескольких формулярных списках. Получается, что Кидьдюшевского действительно дважды наградили орденом св. Анны 2 степени.

20 июня 1845 г. Павлу Николаевичу был «*Всемилостивейше пожалован*» орден св. Владимира 3 степени. Это был четвертый орден Российской империи (не считая одного прусского). Больше награждений орденами не было, в дальнейшей жизни врача изменений было немного. Он оставался профессором в Повивальном институте «*без жалования*». Также «*без жалования*» трудился врачом в странноприимном доме графа Шереметева.

В 1848 г. П. Н. Кильдюшевский был уже действительным статским советником (гражданский чин, равный званию генерал-майора в армии). Через год пожаловано почетное звание «*гофхирурга*» (придворный хирург).

В архивном деле обнаружена докладная записка профессора Кильдюшевского от 23 июня 1849 г., она начиналась словами: «*При Императорском Московском Университете состоят ныне вакантными должности Ординарнаго Профессора Кафедры Акушерской и Директора клиники того же предмета*»[23]. Павел Николаевич ходатайствовал о назначении на указанные должности, при этом просил сохранить пенсию, полученную им от бывшей МХА. О величине пенсии удалось узнать из другого архивного дела. Оказывается, за 20-летнюю службу по линии Министерства народного просвещения ему была назначена пенсия в размере двух третей жалования – 1048 руб.[24]. Там же говориться, что доктор получил знаки за 25 и 30 лет «*беспорочной службы*».

Изо 3–04 … 3–08. Ордена Красного Орла, св. кн. Владимира 4 и 3 ст., св. Анны 2 ст. с короной и без.

Изо 3–09. Шереметевский странноприимный дом (ныне институт им. Н. В. Склифосовского), 1914.

В справочнике по Москве за 1855 г. приведены такие сведения: «*Повивальный институт и родильный госпиталь.* […] *Преподаватели:* […] *Кильдюшевский, Пав. Никол.* […] *Странноприимный в Москве дом графа Шереметева.* […] *Доктор Больницы: Кильдюшевский, Павел Никол.*»[25] (аналогичные сведения в изданиях за последующие годы). В Шереметевской больнице он работал до конца своих дней.

Павел Николаевич трудился, можно сказать, до конца своих дней. 13 октября 1858 г. он подал прошение, в которой написал, что «*по болезненному моему положению не могу более исполнять*»[26] обязанности в Повивальном институте. При увольнении профессор был «*пожалован подарком 300 руб. сер.*». Но не успел получить этих денег, т.к. через месяц (чуть более) скончался. Подарок был передан наследникам.

Покупка имения Брыково

Вернемся в наши края. В предыдущей главе говорилось, что имение Брыково по случаю невыплаченной задолженности его владельцев Квашниных-Самариных долгие годы находилось под опекой. В конце концов, имение было выставлено на продажу. В сентябре 1847 г. его купил доктор П. Н. Кильдюшевский. Он был записан покупателем и новым владельцем (хотя деньги могли быть не его, а супруги или ее родственников). Условия сделки остались неизвестны.

Спустя два года, как будет рассказано в шестой главе, в местную Богоявленскую церковь был назначен на должность настоятеля молодой священник Николай Зверев. По словам Павла Николаевича, он в первое время помогал новому батюшке, оказал «*всякое уважение и радушие*». Помог с перевозкой вещей священника из Москвы в Брыково. Более того, на первое время предоставил семье настоятеля жилье в собственном имении. Как позднее писал: «*содержал его* [настоятеля] *на своем иждивении около полутора месяца, для разъездов в разные места ему никогда также не было отказываемо в подводах, вспахал для него под яровые хлебы две десятины и засеял своим зерном, не имея на то никакой положенной законом обязанности*»[27].

Спор с причтом Богоявленской церкви о земле

Но недолго продолжалась такая идиллия, вскоре отношения настоятеля храма и хозяина имения испортились. Кто стал инициатором ссоры – осталось неизвестно, претензии были у обоих.

С одной стороны, помещик Кильдюшевский жаловался, что священник Зверев запретил его людям брать песок с церковной земли, как они прежде это делали, была сломана господская изгородь. А жене доктора Ольге Николаевне, жившей летом в Брыково, настоятель сообщил, что ему не нужен посеянный хлеб. Далее. Зимой во время престольного праздника Богоявления о. Николай не стал заходить с молебнами в господский дом и контору имения, хотя прежние настоятели это делали. Тем самым, как потом было написано в одном из дел: «*священник Зверев показал свое неуважение к помещику*». Но, с другой стороны, это все могли быть лишь ответные действия настоятеля. Как представляется, истинная причина конфликта была иной – из-за возникшего спора о земле.

После покупки имения Брыково П. Н. Кильдюшевский захотел разобраться с недвижимостью, которую приобрел. Это было его законное право. Он увидел, что клирики пользовались земельными участками, которые по документам числились господскими. И захотел их вернуть себе. Но при этом не собирался возвращать находившуюся у него мельницу, которая была церковной собственностью. Помещик не желал этого делать, т.к. мельница сдавалась им в аренду и приносила деньги. Прямо скажем, нечестная позиция.

Разумеется, клирики с таким произволом не согласились. Дело дошло до суда. Судебное разбирательство длилось десятилетиями, после кончины доктора земельным вопросом продолжили заниматься его дети. Далее в пятой главе весь этот спор будет подробно рассмотрен. Сейчас лишь отметим, что, в конце концов, судебная палата вынесла решение в пользу владельцев имения, мельница осталась у них. Церковнослужители проиграли, справедливость не восторжествовала.

Павел Николаевич нечасто появлялся в своих владениях. Как написано в деле: *«г. Кильдюшевский в имении своем, в означенном селе Брыкове никогда постоянно не живет, в летние месяцы иногда приезжает, но весьма редко на сутки* […] *постоянно проживает в Москве*»[28]. Там же отмечено, что зимой в господском доме никто не живет, он «*заколочен*». То, что помещик приезжал в Брыково всего лишь на сутки – это понятно, ведь он, как доктор постоянно был занят врачебной практикой в Москве. В те времена у людей не было привычных нам ежегодных отпусков.

Стоит еще отметить, что после разорения предыдущих владельцев Квашниных-Самариных и долгого нахождения в опеке (1826–1847), усадьба Брыково, как уже отмечалось, была разорена и пришла в весьма ветхое состояние. Нужно было вложить немало трудов и денег, чтобы привести хозяйство и строения в порядок. Вряд ли этим занимался Павел Николаевич – у него на это не было ни времени, ни достаточных средств.

Сведения об имении Брыково

По данным клировой ведомости Богоявленской церкви за 1848 г. (т.е. спустя год после покупки имения) в приходе были записаны крепостные люди П. Н. Кильдюшевского: в с. Брыково дворовые люди 10 м.п. и 5 ж.п., крестьяне 74 м.п. и 84 ж.п., «*в дер. Кучах*» крестьяне 91 м.п. и 89 ж.п., «*в дер. Букаревой*» крестьяне 10 м.п. и 12 ж.п.[29]. Всего 375 крепостных (185 м.п. и 190 ж.п.). Проживали они в 50 дворах не далее одной версты от церкви и помещичьей усадьбы.

В справочнике Московской губернии за 1852 г. приведены такие сведения: «*Богоявленское, Брыково, село 2-го стана,* [владение] *Кильдюшевскаго, Павла Никол., Ст. Сов., крестьян 88 душ м. п., 79 ж., 1 церковь, 17 дворов, 58 верст от стол., 25 от уездн. гор., близ тракта из Воскресенска в Осипов монастырь*»[30]. Три года спустя в клировой ведомости за помещиком, «*который постояннаго жительства* [в имении] *не имеет*»[31], было записано 342 крепостных (177 м.п. и 165 ж.п.) в 49 дворах.

Добрые дела Павла Николаевича, каким он был человеком

Как уже говорилось, в двух медицинских учреждениях доктор работал «*без жалования*», т.е. бесплатно. Это, несомненно, говорит о человеческих качествах, его доброте. В ходе сбора материала для настоящей книги был обнаружен и факт благотворительной деятельности доктора. В 1833 г. в Москве было открыто «*Медико-фармацевтическое попечительство*». Спустя семь лет членом и кассиром этого общества был избран П. Н. Кильдюшевский. Он пожертвовал этому обществу, как написано в дореволюционном справочнике, из своих средств 32.000 руб.[32]. И это еще не все. В книжке, изданной к 40-летнему юбилею указанного попечительства, говорится: «*в 1846*

году он склонил известнаго в то время благотворителя, Гвардии Капитана Дмитрия Петровича Горихвостова, пожертвовать Попечительству 50,000 руб. серебром»[33]. Эти добрые деяния оказались столь значительными, что, как в том же издании написано: «*Павла Николаевича можно справедливо назвать вторым основателем»* данного благотворительного общества.

До сих пор речь шла в основном о работе, карьере врача. Теперь хотелось бы поговорить о том, каким человеком был Павел Николаевич, какую оставил о себе память. К сожалению, воспоминаний людей, знавших доктора, обнаружить не удалось. Единственным источником подобной информации, как это нередко случается, оказался некролог, напечатанный в газете "Северная пчела". В нем есть такие слова о Кильдюшевском:

«*По качествам души покойный Павел Николаевич представлял идеал того, к чему должен стремиться и чем должен быть всяк, посвящающий себя великому служению человечеству в звании врача. Готовый всегда по первому призыву* [придти] *на помощь нуждающимся в нем, он в обращении с больными был примерно терпелив, вежлив и внимателен, чему пишущий эти строки неоднократно был личным свидетелем. Жертвуя всеми удовольствиями и наслаждениями жизни, он находил для себя душевным удовольствием от ранняго утра и до поздняго вечера — служить больным и увечным — видеть, слушать, сочувствовать и помогать их страданиям. Это была прямая цель его жизни, этому он посвящал свои мысли, труды, время и здоровье, предоставляя все прочее относящееся к нему, как отцу многочисленнаго семейства, на попечение своей умной, деятельной и образованной жены. В этом отношении покойный Павел Николаевич выполнил по совести завещанный врачам тяжкий девиз* […]. *Но не этим только добродетельный собрат искупил себе дань памяти и уважения в потомстве. Предоставляем другим подробнее и обстоятельнее изложить биографию и заслуги покойнаго на пройденном им поприще. С нашей стороны припомним, что приобретение большой части капитала и покупка на оный дома для вдов и сирот медицинскаго ведомства в Москве, принадлежит ему и составляет памятник, красноречиво свидетельствующий для кого и для чего жил и трудился почивший друг человечества! С подчиненными П. И. Кильдюшевский был скорее товарищ, сотрудник, нежели начальник. Дружбу, и всякую малейшую оказанную ему услугу или внимание он ценил, и старался никому не быть за это в долгу. Примерный патриот, он любил страстно Москву и все свое доморощеное, и слушая разсказы или похвалы о заморских чудодеях в области медицины, обыкновенно приговаривал: "да, славны бубны за горами!" В жизни своей покойный Павел Николаевич не был тем счастливцем, о которых пословица говорит: "хорошо тому жить, кому бабушка ворожит." Он должен был всего достигать тяжким трудом и усилием, словом брать свое головою. Не смотря однако ж на это, покойный не роптал на судьбу свою, и до смерти остался верным своему долгу и своим убеждениям»*[34].

Кончина

Указанный некролог был напечатан в 1858 году. Павел Николаевич умер 20 ноября, ему не было еще и 60 лет. Можно сказать, мало пожил (причина смерти осталась неизвестной, т.к. метрическую запись о кончине не удалось обнаружить). Погребли врача там, где хоронили родственников его жены купцов Щёкиных – в Симоновом монастыре Москвы. Семейный некрополь не сохранился, монастырское кладбище было уничтожено в советские годы еще до войны.

На этом завершается рассказ о П. Н. Кильдюшевском. Вряд ли об этом докторе ныне кто-то помнит. Он не был известным или выдающимся медиком-ученым наподобие С. П. Боткина, И. И. Мечникова или Н. В. Склифосовского, чьими именами названы медицинские учреждения в Москве. Но современники и особенно специалисты высоко ценили Павла Николаевича, это видно из слов некролога. Следует еще сказать, что он достиг всего в жизни сам. Павел родился в семье обычного сельского священника в отдаленной глубинке Российской империи (в Симбирской губернии). И далее, благодаря неустанному труду и несомненному таланту защитил диссертацию на степень доктора медицины, стал профессором, потом академиком. Его заслуги были оценены по достоинству, Кильдюшевский неоднократно награждался орденами Российской империи, дослужился до высокого чина действительного статского советника. Стал дворянином. Про таких людей в наше время говорят: «человек, сделавший себя сам» (self-made man). В этом он схож с ученым-историком Г. Ф. Карповым, о котором пойдет речь далее, с купцом-благотворителем П. Г. Цуриковым, о котором подробно рассказывалось в предыдущей книге автора.

Основные события жизни Павла Николаевича Кильдюшевского

Годы	Событие
1799	Рождение.
1809–1820	Учеба в Казанской духовной семинарии.
1820–1824	Переезд в Москву, зачисление студентом в Медико-хирургическую академию.
1824, 14 августа	Утвержден «*Лекарем 1-го отделения*» МХА, награжден серебреной медалью за «*превосходные успехи в науках и похвальное поведение*».
1824–1826	Презектор, адъюнкт, «*назначен врачом в лейб-гвардии Финляндский полк*».
1826, 19 июля	Успешная **защита диссертации** «*Об использовании акушерских щипцов*» **на степень доктора медицины.**
1826, 5 октября	Успешная сдача экзамена на акушера.
1827, 7 января	Определен врачом в больницу при странноприимном доме графа Шереметева.
1829, 24 февраля	Определен профессором в Повивальный ин-т «*Московского Воспитальнаго Дома*».
1830	Причислен к дворянскому сословию.
1830–1831	Командирован в г. Саратов, Хволынск, Тула, Вологда для борьбы с холерой.
1831, 7 февраля	Утвержден ординарным профессором.
1831, 14 февраля	Награжден орденом **св. кн. Владимира 4 ст**. «*За отличное усердие и действия по прекращению холеры*».
1831, 6 апреля	Пожалован бриллиантовым перстнем.
1831, апрель	Представлен в Зимнем дворце императору Николаю I.
1831	Командирован в города Пруссии для борьбы с холерой, издание 4 работ на немецком языке.
1831, 22 октября	Представлен королю Пруссии, награжден **орденом Красного Орла 3 ст**.
1832, 17 января	Награжден **орденом св. Анны 2 ст**. «*За примерное усердие*».
1832, 27 марта	Представлен еще раз императору Николаю I.
1832	Избран членом Императорского Московского общества испытателей природы.
1834, 24 октября	Произведен в чин надворного советника.
1834?	Женитьба на дочери купца Ольге Ильиничне Щёкиной.
1837, 20 апреля	Пожалован вторично бриллиантовым перстнем «*за усердную службу*».
1838, 12 июня	Произведен в чин коллежского советника.
1838, 15 декабря	Удостоен степени доктора хирургии «*За многие успешные операции*».
1839	Избран членом Физико-медицинского общества.
1840	Избран членом и кассиром Комитета медико-фармацевтического попечительства, пожертвовал 32.000 руб.
1841, 7 февраля	Произведен в чин статского советника.
1841, 8 июня	Утвержден **академиком** за выслугу 10 лет в звании ординарного профессора.
1841, 1846, 1851, 1856, 22 августа	Пожалован знаками отличия за 15 лет, 20 лет, 25 лет, 30 лет беспорочной службы.
1842, 2 июня	Награжден **орденом св. Анны 2 ст**. с императорской короной.
1845, 20 июня	Награжден **орденом св. кн. Владимира 3 ст**.
1847, сентябрь	Покупка имения Брыково.
1848?	Произведен в чин действительного статского советника.
1849	Пожалован почетным званием «*гоф-хирурга*».
1849	Подано прошение о назначение на должность профессора *«Акушерской Кафедры и Директора клиники того же предмета*».
1854	*«За отличное усердие к службе и особые труды пожалован подарком 300 руб.»*
1858	По случаю увольнения *«пожалован подарком 300 руб.»*
1858, 20 ноября	Смерть, похороны на кладбище Симонова монастыря в Москве.

1858–1861: Ольга Ильинична Кильдюшевская (“Н”)

Поговорим теперь об окружении врача, его близких людях.

В приведенной цитате из некролога есть слова о супруге, которая названа «*умной, деятельной и образованной*». В тексте не указано имя, ее звали **Ольга Ильинична** (ур. **Щёкина**, 1816 – † 1861), она была младше Павла Николаевича на 17 лет. О дате венчания Кильдюшевских нигде не сообщается. Очевидно, свадьба состоялась не позже 1834 г., т.к. в следующем январе родился сын Николай.

Ольга Ильинична происходила из купеческого рода, отца звали Илья Афанасьевич Щёкин.

Изо 3–10. О. И. Кильдюшевская, худ. Василий Пукирев[36], 1868–1869, (ГТГ).

Справка. Илья Афанасьевич Щёкин – «*Купец первой гильдии, потомственный почетный гражданин и кавалер. Его дедом был экономический крестьянин деревни Булыгиной Высоцкой волости Егорьевского уезда Рязанского наместничества. Отец, Афанасий Емельянович, в 1791 г. перешел в московское купечество котельной слободы; купец первой гильдии. Он прославился своими пожертвованиями различным церквам и монастырям. Построил странноприимный дом в Симоновом монастыре. Даже в надписи на надгробной плите А.Е. Щекина он назван “странноприимец”. В 1833 – 1837 гг. И.А. Щекин – член Московского коммерческого суда; с 1839 избран в почетные члены Совета Московского Коммерческого училища. В 1840 – 1843 гг. – старшина Московского биржевого комитета. Владел бумагопрядильной и писчебумажной фабриками (последняя находилась в деревне Ивантеево при селе Копнине Московского уезда). Жил в приходе церкви Иоанна Предтечи в Мясницкой части в своем доме.* […] *Похоронен рядом со своим отцом в Симоновом монастыре*»[35]. С 1849 по 1851 гг. был городским головою в Москве.

По данным генеалогических сайтов, Илья Афанасьевич был дважды женат, имел 14 детей. Одна из них была Ольга, которая вышла замуж за Павла Николаевича.

Первые годы после свадьбы семья Кильдюшевских проживала в Москве на съемной квартире в доме Поченина. Не позднее 1836 г. был куплен дом, в интернете есть сведения о его истории: «*Напротив храма Архангела Гавриила (т.н. Меншиковой башни) находится усадьба, в основе которой сохранились палаты XVII века. В 1699–1700 гг. всесильный фаворит Петра I Александр Данилович Меньшиков приобрел здесь обширный участок земли, выходящий на Мясницкую улицу.* […] *В нач. XIX в. владельцем палат становится бригадир Василий Иванович Левашов (1747–1804 гг.). Скорее всего при его сыне Василии Васильевиче палаты в 1834 г. надстроили вторым каменным этажом.* […] *Уже 1836 г. палатами владеет семейство Кильдюшевских. Современный вид дом получил в сер. XIX в. при штабс-капитане Н.П. Кильдюшевском, отце*[i] *известного врача Павла Кильдюшевского, хирурга Шереметевской больницы и основателя московского медико-фармацевтического общества*»[37].

Указанный дом сохранился, имеет статус федерального памятника, так и называется: «*Усадьба Приклонской – Левашова – Кильдюшевского*». Современный адрес: Архангельский пер., дом 10, стр. 2 (GPS 55.7625, 37.6393). На сайте Википедии приведены дополнительные сведения: «*В советское время в здании размещались жилые квартиры. В 1930-х годах существовал план сноса владения и строительства на этом месте типографии, но он не был осуществлён. В 2014 году была проведена реставрация здания.* […] *В 2020-х в здании находится Росконцерт*»[38].

По данным исследователя О. В. Ткаченко, здесь, в Архангельском переулке родились все дети Павла Николаевича (кроме первенца), тут он прожил более двух десятилетий вплоть до своей кончины. В некоторых документах дом указан как владение самого доктора. Но на самом деле владелицей была супруга. Это на ее деньги (а, скорее всего, на средства отца купца первой гильдии И. А. Щёкина) была приобретена недвижимость. Следует также отметить, что у Ольги Ильиничны

[i] В цитате грубая ошибка (она повторяется на многих сайтах): штабс-капитан Н. П. Кильдюшевский был не отцом врача Павла Кильдюшевского, а его сыном.

было свое имение с 260 душами в «*Тульской губернии в Богородицком и Ефремовском уездах*»[39]. Когда оно было куплено – сведений нет.

Изо 3–11. Бывший дом Кильдюшевских в Архангельском пер.

Завещание П. Н. Кильдюшевского не обнаружено, хотя в документах оно упоминается. Известно лишь, что имение Брыково после смерти доктора перешло супруге. Так в архивном деле 1861 г., содержащего список помещичьих владений Звенигородского уезда, приведены сведения о селениях, принадлежащих «*вдове Действительнаго Статскаго Советника Ольге Ильиничне Кильдюшевской*»[40]. В селе «*Богоявленское Брыково тож, Господский дом*», 76 крестьян и 9 дворовых людей, в сельце Букарево 13 крестьян, в деревне Кучи 87 крестьян (это ревизские души, т.е. мужчины).

Сведений о вдове обнаружено немного. Почему-то она и ее дети исповедовались не в своей приходской церкви Архангела Гавриила, а в Спасо-Божедомском храме на другом конце Москвы[41].

Ольга Ильинична умерла спустя три года после кончины супруга в октябре 1861 г. Ей было всего 45 лет, видимо, у нее были серьезные проблемы со здоровьем (в одном из дел встретились слова Павла Николаевича: «*Моя жена слаба здоровьем*»). В метрической записи[42] указана причина смерти: «*от водянки*[i]». Похоронена вдова была в Симоновом монастыре рядом с мужем.

Место на кладбище О. И. Кильдюшевская оплатила заранее. Обнаружено архивное дело 1859 г., в котором сообщается, что она внесла в Симонов монастырь 100 руб. за «*два могильных места в 3-м разряде*», находившихся «*рядом с местом погребения супруга ея г. Кильдюшевскаго*»[43]. Кому предназначалось второе место – осталось загадкой.

Крестьянская реформа в Брыково

Еще при жизни Ольги Ильиничны в Российской империи было отменено крепостное право. Это оказалось важнейшее событие для большинства жителей страны: как для крестьян, обретших свободу, так и для помещиков, лишившихся одного из главных источников дохода – бесплатной рабочей силы и части своей земли. О том, как проводилась эта реформа в нашем крае, уже приходилось писать: в книгах об истории села Филатово[44] и об истории сельца Глебово[45]. Повторим вкратце суть событий, происходивших более полутора веков назад.

19 февраля 1861 г. император Александр II издал указ о крестьянской реформе, отменившей право помещиков на покупку-продажу людей и владение ими. После опубликования царского указа крестьяне стали считаться «*временно обязанными*» (пояснения в приложение–1). Все дома, в которых они жили, а также дворовые хозяйственные постройки теперь стали их личным владением. Помещики сохраняли собственность на свои земли, однако обязаны были предоставить в пользование крестьянам полевые наделы на каждую душу мужского пола. При этом земля предоставлялась не каждому отдельно, а всему коллективу, называемому в документах: «*сельское общество*» или «*крестьянское общество*». Размер выделяемого надела на одну мужскую душу в Московской губернии был установлен в три десятины и 1200 кв.саж. (т. е. 3,5 дес.).

За пользование этой землей крестьяне должны были отрабатывать барщину или платить помещику оброк (обычно 10 руб. в год за каждый надел). Сельским обществам предоставлялось право выкупа в свою собственность земельных наделов, после чего его члены освобождались от повинностей. Вставал вопрос: а где крестьяне могли взять деньги для выкупа участков, ведь суммы требовались немалые? Для этого государство под невысокий процент (6% годовых) предоставляло сельским

[i] «*Брюшная водянка или асцит – заболевание, при котором в брюшной полости начинает скапливаться жидкость*» (интернет).

обществам ссуду, на которую у помещика выкупалась земля. А крестьяне (члены общества) потом в течение почти полвека должны были государственному банку выплачивать ежегодные платежи для погашения ссуды. Именно все так и происходило в Брыково. Детали происходивших в то время событий можно проследить по нескольким сохранившимся архивным документам.

В начале сентября 1862 г. местные крестьяне собрались на сход, по итогам которого была составлена так называемая «*Уставная грамота*». В ней было прописано, что по результатам состоявшейся в 1858 г. «*10 народной переписи*» населения, в селе Брыково числилось дворовых 6 человек, крестьян 91 м.п.[46]. Из них наделялись наделами 78 крестьян (дворовым людям земля не полагалась). Ну а в Букарево землю должны были получить 13 крестьян (напомним, что Кильдюшевским принадлежала только часть этой деревни). В общей сложности в имении оказался 91 крепостной, которого следовало наделить землей (почему-то в грамоте не были учтены крестьяне из дер. Кучи, видимо, они организовали отдельное сельское общество и составили свою грамоту).

В деле написано, что прежде в пользовании крестьян находилось «*до 345 десятин*», часть из них была неудобная земля. Согласно норме (3,5) на 91 крестьянина следовало отвести 318,5 дес. Однако уездное начальство в 1865 г. эти расчеты не утвердило. По их мнению, в Брыково должны быть наделены землей не 78 хозяйств, а лишь 76. И тогда общий крестьянский надел должен равняться 311,5 дес., т.е. на 7 дес. меньше.

Далее говорится, что в 1866 г. землемером было произведено межевание крестьянских наделов и оказалось следующее (кв.саж. отброшены): в с. Брыково усадебной земли 10 дес., пашни 110 дес., сенокосы 83 дес. Итого 205 дес. У крестьян дер. Букарево 39 дес. Суммарно в крестьянских наделах было на 66 дес. меньше, чем им полагалось по закону. В пересчете на каждого крестьянина получился надел размером 2 дес. 1804 кв.саж. вместо 3 дес. 1200 кв.саж. Как следует из другого документа, помещики Кильдюшевские отвели крестьянам недостающую землю из своего участка. В ОПИ ГИМ хранится карта, на которой показана земля брыковских крестьян общим размером 277 дес. В приложении–9 имеется полная копия этого плана, здесь приводится вырезка из него.

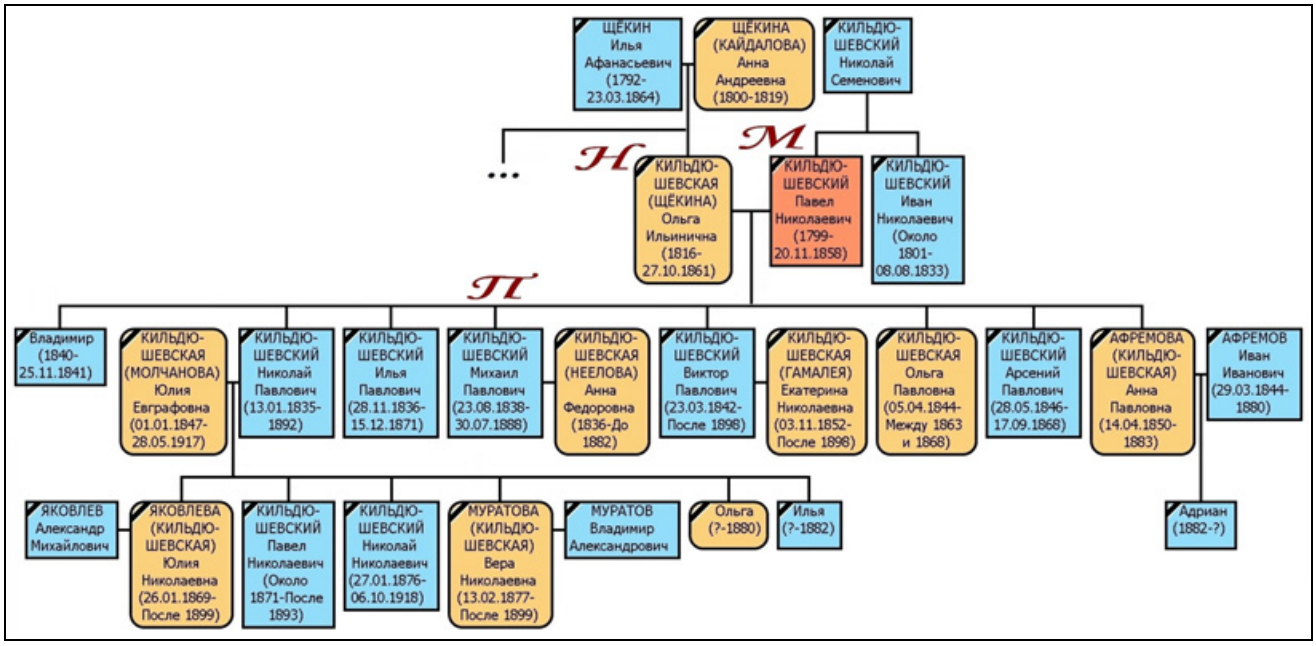
Изо 3–12. Земельный надел крестьян с. Брыково[47], 1866.

В архивном деле РГИА приведены финансовые расчеты по выкупу крестьянами земли. Для погашения выкупной ссуды общество должно было ежегодно платить банку по 712 руб. Как долго брыковские крестьяне вносили деньги за землю? По соглашению срок окончания выкупных платежей заканчивался в 1918 г. Но 3 ноября 1905 г. государь Николай II подписал манифест «*Об отмене всех выкупных платежей за землю*».

1861–1868: Имение детей Кильдюшевских (“О”)

Семья Кильдюшевских была многодетной. По собранным из разных источников сведениям (архивных дел и интернета) построено древо рода, в нем приведены имена и даты жизни членов семьи.

После кончины Ольги Ильиничны осталось семеро детей в возрасте от 10 (Анна) до 26 лет (Николай). Они оказались круглыми сиротами, и по идее над тремя несовершеннолетними должна была назначена опека. Однако соответствующего дела в архиве найти не удалось. Правда, в исповедной ведомости Спасо-Божедомской церкви за 1862 г. первым оказался записан «*Штаб капитан*

Изо 3–13. Древо рода Кильдюшевских (буквами отмечены владельцы Брыково).

Николай Павлов Кильдюшевский», а следом «*его братья и сестры*»[48]. Возможно, он, как старший совершеннолетний член семьи, стал опекуном над младшими родственниками.

Последующие несколько лет (до 1868) наследство родителей не делилось, имение Брыково писалось за «*наследниками Кильдюшевскими*». Как написано в деле РГИА 1865 г. они заложили имение Брыково. Деньги 7.800 руб. одолжила О. П. Мичурина[49].

В другом архивном деле 1866 г. приведены сведения об имении Брыково, находившегося по-прежнему в коллективном владении наследников: усадебной земли 22 дес., пашни 30, «*залеж*» 124, луга 37, лесные покосы 74, лес строевой 31, лес дровяной 245 и 100. Всего удобной земли оказалось 664 дес., неудобной 28 дес., общий размер имения 692 дес.[50].

Наследники доктора

Поговорим теперь о детях Павла Николаевича и Ольги Ильиничны Кильдюшевских.

О **Николае Павловиче Кильдюшевском** (1835 – † 1892), его юных годах обнаружены сведения в архивном деле. Вступил в воинскую службу в 1851 г., был юнкером, потом произведен в прапорщика, подпоручика и поручика[51]. Участвовал в войне с турками, но наград не получал, кроме медали за Крымскую войну 1853–1856 гг. В 1859 г. находился в отпуске «*для излечения болезни*». Через год уволился с армейской службы.

Дополнительная информация была обнаружена в недавно изданной книге О. В. Ткаченко: «*Старший сын Николай родился 13 января 1835 г. в Москве в съемном доме Почепина и был крещен в Сретенской части Успенской церкви на Покровке*»[52]. Николай Павлович женился на Юлии, дочери коллежского советника Евграфа Владимировича Молчанова, дворянина из Тульской губернии. На его деньги молодая семья в 1866 г. приобрела у помещиков Соймоновых имение Теплое, расположенное в Рузском уезде. Недвижимость была записана на Юлию Евграфовну. Размер угодий оказался огромный: 5.842 дес., доход оценивался в 5.264 руб. (данные на 1872 г.)[53].

Семья Николая Павловича жила в Москве в родительском доме в Архангельском переулке. В 1865 г. в нем был произведен ремонт. Спустя четыре года в этом доме в молодой семье появилась на свет Юля. Потом появился Павел. Другие дети – Вера и Николай – родились в имении матери в с. Барятино Богородицкого уезда Тульской губернии. О двух скончавшихся младенцах – Ольге и Илье – стало известно из справочника о некрополях.

Как написано в книге Ткаченко, в 1873 г. Юлия Евграфовна взяла ссуду в Петербургском-Тульском поземельном банке на сумму 120 тыс. руб. под залог имения в Рузском уезде. Четыре года спустя она не внесла проценты по ссуде, и правление банка постановило выставить заложенное недвижимое имущество на публичную продажу. Вскоре у имения Теплое появился новый владелец – вдова подпоручика Г. А. Белавенец.

По данным из сети Николай Павлович скончался в 1892 г. в г. Богородицк Тульской губернии.

Став вдовой, Юлия Евграфовна жила бедно, об этом написано в нескольких источниках. В 1893 г. она содержала «*модное заведение, но заказов не имеет*». В это время ее сын Николай учился в коммерческом училище, однако на оплату его обучения денег не было. Вдова обратилась на имя генерал-губернатора Москвы с прошением о помощи. И тот распорядился оказать разовую поддержку – 75 руб.[54]. Спустя два года Юлия Евграфовна ходатайствовала о внесении в Дворянскую книгу своих детей Николая и Веры. При этом приложила «*копию свидетельства о бедности*». Вот так, спустя несколько десятилетий бывшая владелица огромного поместья в Рузском уезде испытывала затруднения даже при оплате пошлины.

В справочнике жителей Москвы за 1898 г. указана «*Кильдюшевская Юл. Евгр.*»[55], проживавшая на ул. Остоженка в доме Мельникова. В таком же справочнике за 1901 г. у вдовы был уже другой адрес. Понятно, что это были съемные квартиры.

В семье Николая и Юлии Кильдюшевских четверо детей стали взрослыми. Дочери Юля и Вера вышли замуж, причем обе в 1899 г., фамилии мужей указаны в древе. Про Павла сказано, что «*закончил курс в драматическом училище, но занятия не имеет*».

Об остальных детях Павла Николаевича и Ольги Ильиничны Кильдюшевских за исключением Михаила сведений мало. **Виктор** и **Анна** обзавелись семьями. По данным генеалогического сайта у Анны был сын Адриан. А вот были ли женаты **Илья** и **Арсений** – не удалось узнать. **Ольга**, по всей видимости, не выходила замуж, умерла молодой.

1868–1874: Михаил Павлович Кильдюшевский (“П”)

Теперь поговорим об оставшемся сыне – **Михаиле Павловиче Кильдюшевском** (1838 – † 1888).

В архиве РГИА сохранился документ, датированный 3 сентября 1867 г. В нем оказался договор, который подписали «*по доверенности братьев помещик Михаил Павлов Кильдюшевский*»[56] и временно обязанные крестьяне дер. Букарево. В нем упоминается «*питейный дом*» (иначе говоря, трактир), который принадлежал помещикам и находился в дер. Букарево на участке крестьянской земли размером 36 кв.саж. М. П. Кильдюшевский обещал крестьянам взамен этой земли отдать свой участок такого же размера.

Михаил Павлович, как доверенное лицо родственников, вел дела по имению Брыково, регулярно в нем бывал. В ОПИ ГИМ сохранилась книга ежедневного прихода и расхода средств по подмосковному имению за 1864 г., в ней часто встречается его имя. Так, например, имеется запись, сделанная 18 июня: «*принято от г-на Михаила Павловича на раздачу поденщикам 80 коп.*»[57]. Аналогичные записи сделаны 19 июня на 2 руб., 29 июня на 3 руб. Поденщиками могли быть крестьяне, которые косили сено на барских лугах. Михаил также рассчитался за починку печи.

Поэтому нет ничего удивительно в том, что имение Брыково в итоге оказалось у него. Это случилось 19 августа 1868 г., когда был оформлен «*раздельный акт*» между пятью братьями Кильдюшевскими и сестрой Анной (не упомянута Ольга, т.к. ее, видимо, уже не было в живых). Согласно этому документу единоличным владельцем подмосковной недвижимости стал Михаил.

В 1869 г. он получил деньги, которые полагались за выделение крестьянского надела 311,5 дес. Была рассчитана выкупная ссуда 14.833 руб. Однако помещику было выдано только 11.866 руб.

В одном из документов указан адрес проживания М. П. Кильдюшевского в Москве в бывшем доме матери – там, где жил и его брат Николай. Но он не жил в доме постоянно. В отличие от своих родителей Михаил Павлович регулярно посещал имение Брыково. И, как владелец недвижимости в Звенигородском уезде, участвовал в работе местных органов власти. Так его имя несколько раз упомянуто в материалах ежегодных Звенигородских уездных земских собраний. В 1868 г. он избирался «*почетным мировым судьей*», но не был избран (голоса “за” и “против” разделились поровну)[58]. На уездное собрание следующего года не смог прибыть из-за болезни. Спустя еще один год был приведен к присяге в качестве «*гласного*» (правда, уже на следующий день отбыл по причине заболевания). Как видим, у помещика были проблемы со здоровьем.

В документах земства за 1870 г. приведены сведения об имении М. П. Кильдюшевского «*Брыково с деревнями*»: размер 664 дес., оценка доходности 695 руб., уездный сбор 41 руб. 73 коп.[59]. В отчетах собраний последующих лет приведены такие же данные о владении брыковского помещика.

27 ноября 1874 г. Кильдюшевский продал свое подмосковное имение историку Г. Ф. Карпову. В купчей крепости написано, что имение свободно «*от всякаго залога и запрещения*»[60] (очевидно, прежний долг Мичуриной был погашен). В тексте этого документа отмечено, что проданы 664 дес. «*при селе Богоявленском, Брыково тож, Кучах и Бокареве*» за 20.000 руб. Пошлины продавец и покупатель договорились оплатить пополам.

Судьба Михаила Павловича оказалась печальная. Обнаружены два архивных дела, в обоих говорится о признании его умалишенным. В первом деле оказалась справка, в которой сказано, что с 1874 г. (после продажи Брыково) он проживал «*большею частью заграницею*, *после смерти своей жены* [Анны Федоровны, ур. Нееловой], *с 1882 года стал обнаруживать признаки разстройства, которое постепенно усиливалось, вследствие чего в 1883 году, по распоряжению властей в Париже, он был помещен в лечебницу для душевно-больных*»[61]. В следующем году Михаил переехал в Москву к старшему брату Николаю. В деле имеется заявление указанного брата, в котором написано, что он поместил Михаила в гостиницу “Франция” на Тверской улице. Тот проживал в отеле три года, у него имелась своя прислуга, за ним наблюдали врачи. В том же заявлении написано, что объявилась некая мещанка Мария Кузнецова, которая объявила себя дочерью Михаила Павловича. Было ли это правдой – не сказано (если она и была дочерью, то незаконнорожденной).

Другое архивное дело датировано 1886 г. В нем имеется заявление на имя императора, которое подписал «*Отставной Артиллерии Подпоручик Виктор Павлович Кильдюшевский*». В нем сказано, что родной брат Михаил признан умалишенным, детей у него нет и наследников только двое – он и брат Николай. В заявлении излагалась просьба установить опеку над больным и опекуном назначить его, Виктора. В свою очередь Николай написал, что Михаил признан «*одержимым сумашествием в форме прогрессивнаго параличнаго умопомешательства*»[62]. Сообщил, что у брата имелось имущество в векселях и ценных бумагах на сумму примерно 100 тыс. руб. и что все бумаги тот переслал «*по просьбе неизвестнаго лица в Женеву*» (откуда взялись такие большие деньги – осталось загадкой). Полиция занялась этим делом, было установлено лицо в Швейцарии, которому были пересланы документы на сумму «*более 57.000 рублей*». В деле приведен список золотых и серебряных вещей Михаила Павловича, в их числе были часы, запонки и т.п. Помимо этого приложен перечень ценных бумаг.

О том, что происходило дальше, в указанных делах информации нет. Известно лишь из справочника по некрополям, что М. П. Кильдюшевский скончался в 1888 г. и был похоронен в Симоновом монастыре (надо полагать, на семейном некрополе).

Дальние родственники врача

На этом разговор о наследниках П. Н. Кильдюшевского завершен. К сожалению, не попадались данные о том, есть ли ныне живые потомки брыковского помещика.

Зато удалось установить, что у Павла Николаевича был младший брат **Иван Николаевич Кильдюшевский** (ок. 1801 – † 1833). Его биография оказалась во многом схожей. Он учился в той же Казанской духовной семинарии. В 1821 г. был отправлен на поступление в МХА и был зачислен[63]. Иван так же превосходно учился в академии. И стал потом врачом: «*Оренбургскаго Уланскаго полка штаб-лекарь*»[64]. Эти сведения обнаружены в справочнике о московских некрополях, в котором говорится, что И. Н. Кильдюшевский умер в 1833 г. (ему было чуть более 30 лет) и похоронен в том самом Симоновом монастыре, где позднее нашел упокой и его брат Павел.

В интернете можно найти информацию о Петре и Андрее Кильдюшевских (отчество не указано), которые учились в Казанской духовной семинарии в начале 1860-х гг. Известен также Николай Петрович Кильдюшевский, который обучался в Казанском университете и потом написал два учебника по математике. Учитывая довольно редкую фамилию, и то, что эти люди жили и учились в Казани (напомним, что в 1810-х годах в тамошней семинарии учились Павел и Иван), можно предположить родство (возможно дальнее) этих людей с «нашими» Кильдюшевскими.

Глава 4. Владельцы имения Брыково Карповы

«*Розыск затерявшейся исторической правды был для Карпова его служением*»
(радио “Вера”).

«В лазуревом щите пятнадцать золотых шестиконечных звезд, расположенных горизонтально в пять рядов следующим образом: 2–2–4–4–3. В правой верхней вольной части щита в золотом квадрате черный церковный колокол с золотыми украшениями. Щит увенчан дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: встающий вправо черный медведь с червленными глазами и языком, держащий в лапах серебряный свиток с привешенной к нему червленой печатью. Намет: справа лазуревый с золотом, слева черный с золотом. […]
Дата пожалования: 21.03.1901»[1].

Изо 4–01. Герб рода Карповых и его описание, (архив потомков Смольяниновых).

В 1874 г. завершился четверьвековой период владения Кильдюшевскими имением Брыково. И начался следующий 44-летний отрезок времени, когда поместье стало принадлежать Карповым.

Первым владельцем из этого рода был «*доктор Русской истории*» **Геннадий Федорович Карпов** (1839 – † 1890). Забегая вперед, скажем, что он стал дворянином лишь четыре года спустя после покупки имения.

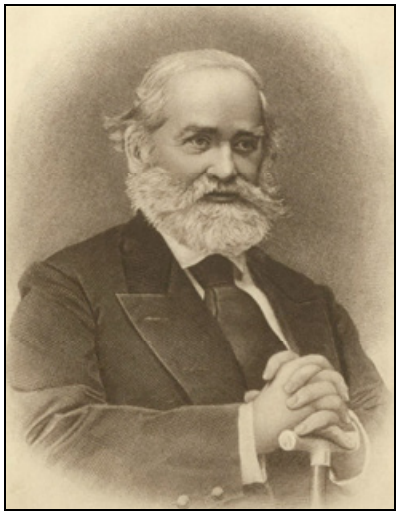
После получения дворянства Карповы заказали изготовление фамильного герба. Элементы герба неслучайны, вот как они объясняются в статье одного из потомков рода Карповых Марины Геннадьевны Смольяниновой: «*Всё значимо в этом гербе. 15 золотых звезд – это 15 детей. Колокол – православная вера. Медведь – символ из герба г. Ярославля (прадед из Ярославской губернии). Хартия с печатью – род занятий Карпова Г. Ф. – изучение древнерусской истории*»[2].

Геннадий Федорович Карпов оказался вторым брыковским помещиком со степенью доктора наук (напомним, что другой владелец имения Павел Николаевич Кильдюшевский был доктором медицины и хирургии). Новый хозяин был известным историком, являлся членом нескольких научных собраний: “Императорское общество истории и древностей”, “Археографическая комиссия”, “Императорское русское историческое общество”. Сферой его научных интересов было «*образование Московскаго государства, завязка и закрепление государственнаго единства русскаго народа*». Карпова особо интересовала история Малороссии (восточная часть нынешней Украины), на эту тему он защитил докторскую диссертацию.

Геннадий Федорович был, как писали современники, одним «*из достойнейших*» учеников знаменитого ученого-историка Сергея Михайловича Соловьева. Его другом и соратником был другой известный историк Василий Осипович Ключевский. Об этих фамилиях ученых – Соловьев и Ключевский – ныне знают не только специалисты, но и многие интеллигентные люди, интересующиеся историей нашей страны. А вот фамилия Карпова мало что говорит простым гражданам, хотя он был не менее талантлив, чем его сверстник Ключевский. Объясняется это просто: Геннадий Федорович прожил почти на два десятилетия меньше товарища. Умер, что называется, в самом расцвете творческих сил, многого сделать и написать просто не успел. Да и потом Г. Ф. Карпов не был профессором Московского университета как Соловьев и Ключевский, не оставил после себя научной школы, последователей своего учения.

Изо 4–02. В. О. Ключевский.

Изо 4–03. С. М. Соловьев.

Изо 4–04. Г. Ф. Карпов.

Взгляды Геннадия Федоровича еще при жизни некоторые специалисты критиковали как «*великодержавные», «реакционные», «националистические», «консервативно-шовинистические».* Историка обвиняли как *«ярого сторонника обрусения Украины», «деятельного борца с "украинским сепаратизмом"»*[3]. Досталось Карпову от ученых и в советское время. Зато теперь в условиях войны с нынешней Украиной становится понятно, насколько он был прав.

Нельзя сказать, что имя Геннадия Федоровича в наше время совершенно забыто, в исторических кругах его знают. Хотя при жизни он был, конечно, намного более известен и не только среди ученых. О Г. Ф. Карпове в прежние времена писали, он сам публиковал свои труды. Когда историк умер, свыше десятка изданий напечатали некрологи. Про него пишут и в наши дни. Такое обилие информации вызвано как его известностью в научных кругах, так и тем, что породнился со знаменитым родом богатых фабрикантов-старообрядцев, купцов-меценатов Морозовых, о жизни и добрых делах которых написаны солидные книги. Сказалось и то, что Карпов жил в относительно недавнее время, умер 134 года назад. Но, как это нередко случается, в море информации порой встречаются противоречивые и ошибочные данные. Попробуем во всем этом разобраться.

Начнем с корней рода. Этот вопрос прежде был мало изучен.

Предки Карповы

Имена родителей историка – Федор Васильевич и Клавдия Анатольевна Карповы – известны давно, они указаны в нескольких исторических документах, включая запись о рождении Геннадия (выписка из метрической книги будет приведена далее – см. изо 4–07). В архивных делах найдены несколько формулярных списков отца. В них оказались сведения, которые прежде не были известны исследователям, писавшим о Карповых. Поделимся информацией, которую удалось собрать о родителе **Федоре Васильевиче Карпове** (1809 – † 1853).

Отец Федор Васильевич Карпов

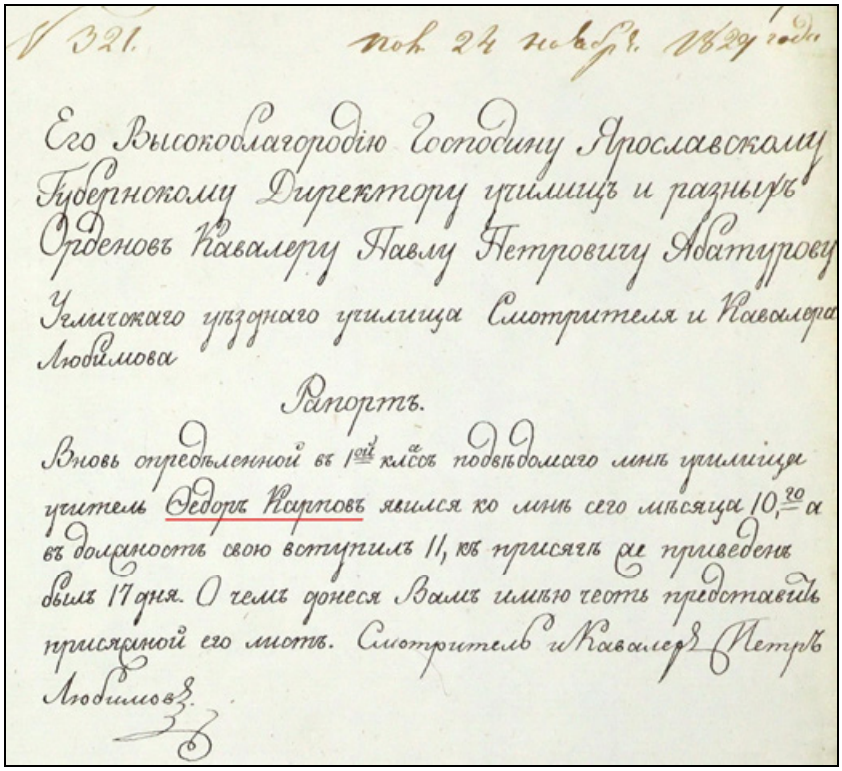
В Ярославском архиве ГАЯО было обнаружено и скопировано дело, в котором имеется аттестат выпускника четвертого класса Ярославской губернской гимназии Федора Карпова. В нем указано имя его родителя «*канцеляриста Василья Карпова*». Упомянутый **Василий Карпов** – это дедушка историка по мужской линии. К сожалению, это все сведения об этом человеке, даже отчество осталось неизвестно. Увы, не удалось узнать имя супруги канцеляриста – бабушки историка.

В упомянутом аттестате написано, что Федор поступил в гимназию в 1820 г., окончил в 1824. Перечислены изученные предметы и итоговые оценки по ним: по «*Закону Божию с добропорядочными успехами, Логике и Российской словесности с прилежанием и успехами хорошими, Истории, Географии и Статистике с довольным прилежанием и успехами, Натуральной истории и физике с прилежанием и успехами довольно хорошими;* […] *Французскому и немецкому языкам с изрядными успехами, и рисовальному искусству с порядочными успехами. Курс гимназическаго учения, как по испытанию оказалось, кончил с довольным успехом, и в продолжении онаго получил*

за прилежание одну награду. В уверение чего и дан ему Карпову сей Аттестат»[4].

Согласно записи в ФС Федор Васильевич «*По окончании курса в Ярославской Губернской Гимназии в службу вступил в Любимский Уездный Суд кописто*м» (т.е. копировщиком документов, иначе говоря, писарем). Произошло это в январе 1825 г. Через год был произведен в «*Подканцеляриста*», потом стал «*Канцеляристом*». Летом 1827 г. Федор Васильевич уволился и пару лет на официальной службе не состоял. Чем занимался в это время – нигде не сказано. Очевидно, проживал в Ярославле, т.к. в полученном при увольнении «*Пашпорте*» (паспорте) написано, что сей документ выдан «*для свободнаго проживания*» в указанном городе.

Дело ГАЯО, из которого приводилась цитата, имеет название: «*Об определении канцеляриста Федора Карпова учителем 1-го класса в Угличское уездное училище*». Из него следует, что в феврале 1829 г. «*Отставной канцелярист*» подал заявление с просьбой определить его на «*праздное место учителя 1-го класса Угличскаго уезднаго училища*». Карпов «*был экзаменован и оказалось к преподаванию наук знающим*», нашли его «*способности достойными*».

№ 321. Ноября 24 дня 1829 года.

Его Высокоблагородію Господину Ярославскому Губернскому Директору училищъ и разныхъ Орденовъ Кавалеру Павлу Петровичу Абатурову

Угличскаго уѣзднаго училища Смотрителя и Кавалера Любимова

Рапортъ.

Вновь опредѣленной въ 1ый классъ подвѣдомаго мнѣ училища учитель Федоръ Карповъ явился ко мнѣ сего мѣсяца 10,20 а въ должность свою вступилъ 11, къ присягѣ же приведенъ былъ 17 дня. О чемъ донося Вамъ имѣю честь представить присяжной его листъ. Смотритель и Кавалеръ Петръ Любимовъ.

Изо 4–05. Рапорт о приеме Ф. В. Карпова на должность учителя, 1829.

Так Федор Васильевич оказался в другом городе Ярославской губернии – в Угличе. В должность вступил 11 ноября того же года, что подтверждает поданный по инстанции рапорт. Карпову было определено положенное по штату жалование, выданы деньги «*на квартиру, дрова и свечи*» (суммы не указаны). Спустя четыре года «*По преобразовании училища определен учителем Арифметики и Геометрии*».

В 1835 г. Ф. В. Карпов стал смотрителем уездного и приходских училищ в г. Угличе. Где-то в это же время был «*Избран Членом Корреспондентом Статистическаго Совета Министерства Внутренних Дел*». Звучит солидно, но непонятно. Очевидно, это была незначительная должность, ибо классный чин у Федора Васильевича был всего лишь 9-й по “Табелю о рангах” – титулярный советник. Трудился Карпов хорошо, об этом свидетельствует выданная «*За отличную усердную службу*» премия: «*единовременно*» 500 руб. (очень солидный по тем временам капитал).

По всей видимости, эти деньги были потрачены на приобретение недвижимости. Согласно документам в марте 1837 г. Федор Васильевич купил 16 дес. земли в дер. Кнутовка и 5 дес. в дер. Андреевская Рыбинского уезда, за которые заплатил 525 руб. ассигнациями[5]. Эти земли были записаны в его ФС как благоприобретенное имение.

Двенадцать лет Федор Васильевич жил и трудился в Угличе, пока позволяло здоровье. Заработал «*знак отличия за беспорочную службу*», получал очередные классные чины по службе. В апреле 1841 г. он подал на имя директора Демидовского лицея прошение, которое начиналось словами: «*К крайнему моему огорчению слабое мое здоровье заставляет меня покорнейше просить* […] *исходатайствовать мне увольнение от занимаемой мною должности, и за свою десятилетнюю службу по учебной части с ношением в отставке мундира и положенное законом вспомоществование*»[6]. Директор лицея поддержал прошение и отправил его по инстанции в Московский учебный округ, указав при этом годовой оклад смотрителя 250 руб. 10 коп. Увы, начальство ходатайство отклонило с мотивировкой: «*служба Карпова была не такова, чтобы можно было удостоить его подобной награды*» (выходным пособием и правом ношения мундира).

Очевидно, что Федор Васильевич был огорчен таким решением и отбыл из Углича, не сдав до конца все дела по службе. Об этом потом сообщал его приемник на должности смотрителя училищ. Понять Карпова по-человечески можно, а вот решение властей нет. Ладно, деньги (годовой оклад) решили на бывшем смотрителе сэкономить. Но уж разрешить носить мундир могли бы, это ничего казне не стоило. Власти стали разыскивать Федора Васильевича. Попутно выяснилось, что он не до конца рассчитался с подрядчиком за ранее выполненные работы по ремонту училища. За ним числилась недоимка в 27 руб., эти деньги были потом взысканы через суд. Как видим, некрасивая история с увольнением получилась.

О последующих годах жизни Ф. В. Карпова сведения краткие. Согласно ФС в 1844 г. он вновь устроился на службу, видимо, здоровье улучшилось. А может нужда заставила (в том году в семье родился четвертый ребенок). Федор Васильевич был определен на должность станового пристава в Ростовском суде. Его службу подтверждает официальное издание “Адрес-календарь” за 1846 г., в котором есть такая информация: «*В Ростове:* […] *В Земском суде:* […] *Стан. Прист.* […] *ТтС.* [титулярный советник] *Федор Вас. Карпов*»[7]. Через несколько лет он перешел на такую же должность в г. Мышкин. После Ярославля, Любима, Углича и Ростова это был уже пятый город Ярославской губернии, где Ф. В. Карпов жил и работал. Годовое жалование пристава было 228 руб., он еще получал 57 руб. «*на разъезды*». Прямо скажем, небольшие деньги.

В 1851 г. Федор Васильевич вышел в отставку и спустя два года в возрасте 44 лет умер. По одним данным смерть наступила 25 июля 1853 г.[8], по другим – 27 июля[9]. Метрическая запись о его кончине не обнаружена, потому место захоронения неизвестно. Скорее всего, его похоронили в имении жены в сельце Иванцево (на кладбище приходской Смоленской церкви с. Лучинского).

Мать Клавдия Анатольевна, ее происхождение

Поговорим теперь о супруге Федора Васильевича, поделимся собранными о ней сведениями.

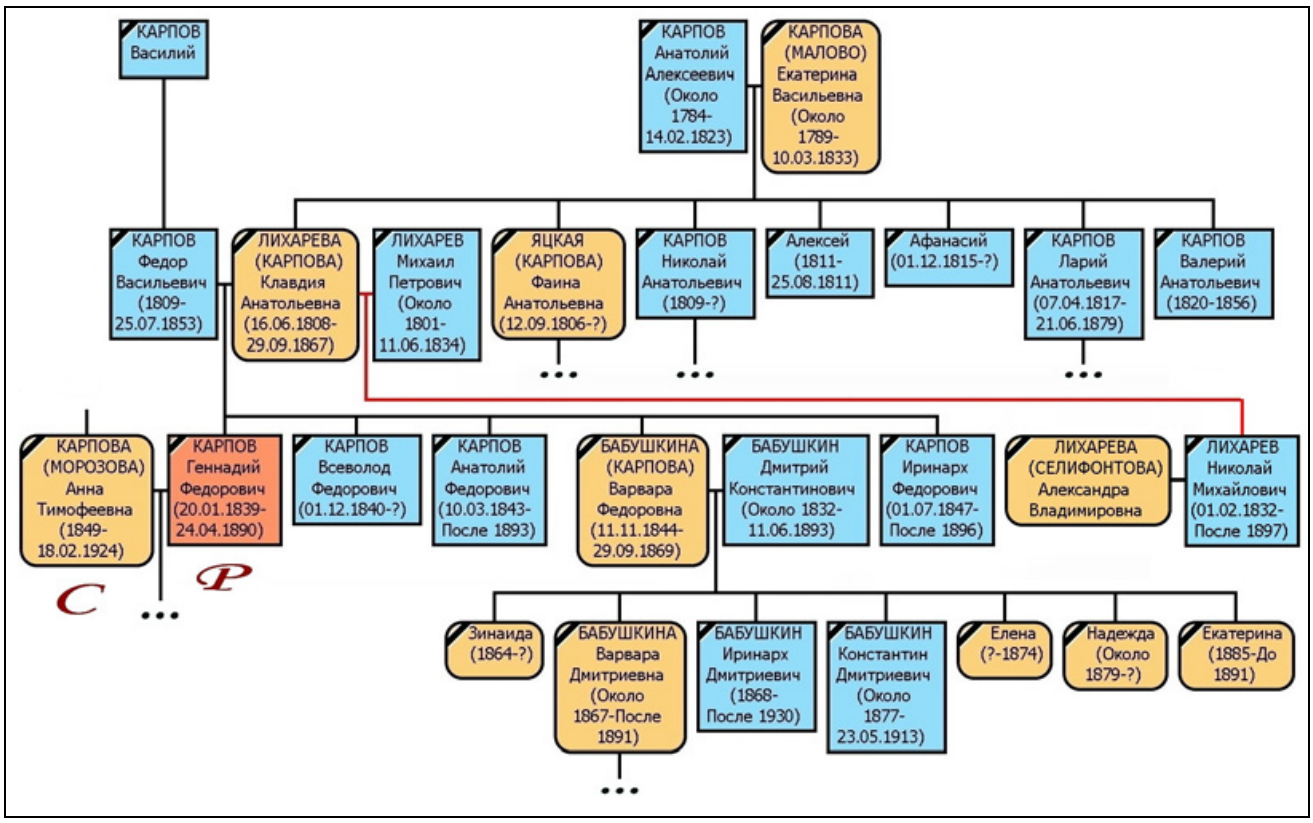
В “Википедии” в статье об историке Г. Ф. Карпове упомянуто имя его матери: «***Клавдия Анатольевна Карпова*** [1808 – † 1867]*, потомственная дворянка, родилась 16 апреля 1808 года в сельце Алексеевское Угличского уезда*»[10]. Поместье это оказалось небольшим. В 1811 г. в сельце насчитывалось крестьян 22 м.п. и 30 ж.п., дворовых людей 9 м.п. и 15 ж.п.[11].

Путем изучения документов архива ГАЯО удалось установить, что сельцо относилось к приходу с. Иванкова, в котором по какой-то причине обитало много военных. Имение Алексеевское принадлежало мичману флота Анатолию Алексеевичу Карпову. Сразу следует сказать, что он не был родственником смотрителя училищ Федора Васильевича Карпова, о котором ранее шла речь. Это были просто однофамильцы. По исповедным ведомостям удалось установить имена детей мичмана, второй по старшинству была Клавдия, мужем которой впоследствии стал Федор Васильевич.

Как позже выяснилось, приведенную цитату на сайте “Википедии” разместила Елена Валерьевна Карпова. Удалось связаться с ней. Оказывается, она из рода Карповых. По ее словам: «*историк Геннадий Федорович — троюродный пра(2)дед ее мужа*». Елена уже несколько лет занимается поисками сведений о предках Карповых, составила древо рода, в котором около 500 персон. Она любезно поделилась своими архивными находками. Здесь приводится фрагмент родословного древа Карповых, в котором показаны предки, а также ближайшие родственники.

Как написала Елена Валерьевна: «*Наши предки – это тульские и ярославские дворяне Карповы. Род Карповых был внесен во II и VI части Родословной книги дворян Ярославской губернии*». Ей удалось установить имя прадеда Клавдии Анатольевны, его звали **Яков Акимович Карпов**. Он был военным, дослужился до звания подпоручика. Женат был на **Татьяне Ивановне**, которая владела землями в с. Иванково Угличского уезда Ярославской губернии. У них был сын **Алексей Яковлевич Карпов**, который стал военным. После увольнения из армии он был определен в г. Углич становым приставом. Алексей был женат на **Екатерине Петровне** (ур. Бревнова). Все перечисленные лица были дворянами (в древе они не показаны).

В семье Алексея Яковлевича и Екатерины Петровны был единственный сын Анатолий, он родился примерно в 1784 г. в с. Иванково. Когда вырос, **Анатолий Алексеевич Карпов** поступил в Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге. Был произведен в гардемарины, на корабле "Борис" плавал в Балтийском море, стал мичманом. В сентябре 1804 г. уволился от службы по болезни. Участвовал в ярославском ополчении 1812–1814 гг.[12] В 1805 г. Анатолий женился на дочери

Изо 4–06. Фрагмент древа рода Карповых: предки историка, его дяди-тети, братья-сестры, племянники (буквами отмечены владельцы Брыково).

дворянина **Екатерине Васильевне Малово**. В семье родилось семеро детей, пятеро из них дожили до взрослых лет. Это Фаина, Клавдия, Николай, Ларий, Валерий.

После смерти мичмана и его жены сельцо Алексеевское, как свидетельствуют исповедки (так на своем жаргоне исследователи именуют исповедные ведомости), досталось их сыну Николаю Анатольевичу Карпову. А дочь Клавдия вышла замуж за дворянина **Михаила Петровича Лихарева**. На сайте "Википедии" об этом роде говорится, что он старинный, «*татарского происхождения*». Дворяне Лихаревы проживали в разных губерниях.

О том, как познакомилась Клавдия с будущим супругом Михаилом – нигде не сказано. Но догадаться нетрудно. Недалеко от сельца Алексеевского, в котором жили Карповы, в соседнем приходе с. Лучинского находилось сельцо Иванцево. Оно, как написано в исповедке 1830 г., было вотчиной «*помещика Михайлы Петрова Лихарева*»[13]. Стало быть, Карповы и Лихаревы являлись соседями и, очевидно, были знакомы. Так и состоялось сватовство.

По сведениям, предоставленным Е. В. Карповой, Михаил Петрович находился на военной службе с 1817 г., спустя год стал прапорщиком. Дослужился до звания поручика, а потом уволился из армии. Определился на службу в Угличский земской суд дворянским заседателем. Венчание Михаила и Клавдии состоялось 18 февраля 1831 г. в Казанской церкви с. Иванково Угличского уезда. Интересно, что одним из поручителей был учитель Федор Васильевич Карпов (будущий второй муж Клавдии). Через год родился сын Николай. Брак Лихаревых оказался недолгим: Михаил Петрович умер летом 1834 г. от чахотки в возрасте 32 лет.

Полтора года Клавдия Анатольевна оставалась вдовой. В архиве ГАЯО удалось найти запись о ее втором бракосочетании. В метрической книге «*Воскресенской, что бывшей монастырь церкви*» г. Углич в январе 1836 г. было записано: «*Двадцать шестаго числа Угличских уезднаго и приходскаго училищ штатный Смотритель Федор Васильев Карпов, холостой* [венчался] *с женою вдовою по первом браке после умершаго поручика, служившаго в Угличском Земском суде дворянским заседателем Михайла Петрова Лихарева Клавдиею Анатолиевою, урожденною Карповою же, вторым ее браком*»[14]. Одним из поручителей со стороны невесты был ее родной брат Николай Анатольевич Карпов.

В связи с этим бракосочетанием хотелось бы обратить внимание на два обстоятельства.

Первое. Клавдия была дворянской. Выйдя замуж за чиновника-разночинца, она многих привилегий своего прежнего сословия лишилась. Тогда зачем выходила замуж? Очевидно, что материального расчета тут не было. Остается единственная версия: этот брак случился по любви. В прежние времена далеко не всегда так происходило, чаще браки совершались по расчету.

И второе. После второго замужества Клавдия Анатольевна вновь стала Карпова, каковой была с рождения. Согласитесь, исключительный случай, когда женщине вернулась ее девичья фамилия не по разводу, а вот таким путем.

Из ФС Федора Васильевича стало известно, что у супруги Клавдии Анатольевны имелись родовые поместья в Тверской и Ярославской губерниях. Они были небольшими: в одном насчитывалось 7 крепостных душ, а в другом 25. Было и «*благоприобретенное*» имение в Рыбинском уезде, о нем сохранилось архивное дело. В документе сказано, что Клавдия Анатольевна купила 53 дес. земли и 21 крепостного в дер. Кнутовке и Андреевской. И тут же выдала супругу Федору Васильевичу доверенность на получение денег под залог имения в «*Ярославском Приказе Общественнаго призрения*»[15].

Хотелось бы прокомментировать последнюю покупку. Если в расшифровке рукописного дела ничего не напутано (а это немудрено, учитывая мало разборчивый почерк, которым написаны документы), то получается, что речь идет о тех же самых населенных пунктах Рыбинского уезда, о которых говорилось ранее. Напомним, что в 1837 г. в этих двух деревнях Федор Васильевич купил 21 дес. Получается, что супруга приобрела в том же месте землю и крепостных крестьян на свое имя.

В некоторых документах говорится, что Клавдии Федоровне принадлежало также имение Иванцево Угличского уезда – то самое, которое в 1830 г. числилось за ее первым мужем Михаилом Петровичем Лихаревым. Надо полагать, что оно досталось после кончины супруга. Судя по всему, это имение стало основным у Карповых. Об этом свидетельствуют исповедные ведомости начала 1840-х гг., согласно которым в указанном сельце Клавдия Анатольевна проживала вместе с мужем и детьми (напомним, что Федор Васильевич в это время уволился по болезни с должности смотрителя угличских училищ). Здесь в Иванцево в 1844 г. в семье родилась дочь Варвара.

Как уже отмечалось, Ф. В. Карпов умер в 1853 г. В это время Клавдии Федоровне было 45 лет. На ее руках находились шестеро детей: Николай от первого брака и пятеро детей от второго брака в возрасте от 6 лет (Иринарх) до 14 (Геннадий). Очевидно, что большого наследства второй супруг не оставил. В архиве ГАЯО сохранилось дело о «*билете*» на 66 руб. с копейками[16], обнаруженном после смерти Федора Васильевича. Клавдия Анатольевна три года (!) добивалась получения этих денег, положенных ей по наследству. Но чиновников все время что-то в документах не устраивало, рассмотрение вопроса затягивалось.

После кончины супруга К. А. Карповой жилось тяжело, надо было поставить детей на ноги. О трудностях говорят ее письма, которые сохранились в архиве ОПИ ГИМ в фонде № 369 историка Карпова. Надо полагать, вдова «сделала ставку» на старшего сына Геннадия. Как могла, помогала ему во время учебы в Московском университете (об этом еще поговорим). Как показали дальнейшие события, Геннадий оказался самым способным и удачливым среди детей. Мать не ошиблась в сыне. Став на ноги, он стал помогать младшим братьям и сестре, а потом и племянникам.

Из писем Клавдии Анатольевны следует, что у нее имелся жилой дом в Ярославле (возможно, этот дом когда-то принадлежал супругу Федору Васильевичу). Она собиралась его продать, т.к. очень нуждалась в деньгах. В одном из писем просила сына Геннадия не задерживать присылку документов на продажу дома[17]. Писала, что приходят покупатели, смотрят дом и дают цену от 1000 до 2000 руб.

Следует еще отметить, что Клавдия Анатольевна очень любила своих детей. Это видно по ее ласковым словам в письмах, сколько она старалась для детей делать: «*Любезный мой друг и драгоценный сынок Генадий Федорович! Я очень безпокоюсь что здоров ли ты мой Ангел, до сих пор нам не отвечал. В последний раз мы к тебе четвергом писали я, Всеволод и Варенька с мужем и ты никому не отвечаешь более месяцу. И я страшусь здоров ли ты хоть бы. Иринарх написал, я бы немедля приехала. Ради бога уведомь меня, а то я праздник буду в неведении и сокрушаться об твоем здоровье. Хотя и далече от тебя живу, но буду покойна что Вы благополучны* […] *дай бог чтобы Вы были здоровы, тебе и Иринаришку* [другой сын вдовы] *мое благословение*»[18].

По сведениям Е. В. Карповой Клавдия Анатольевна умерла 29 сентября 1867 г. Отпевали ее в храме с. Лучинское, там и была похоронена. Имение Иванцево перешло дочери Варваре Федоровне.

Дяди и тетя историка

Как уже говорилось, семья мичмана Анатолия Алексеевича Карпова была многодетной, пятеро детей (включая Клавдию) дожили до взрослых лет. О них известно следующее.

У Клавдии была старшая сестра **Фаина Анатольевна Яцкая**. Очевидно, сестры были очень дружны, коль скоро старшая стала поручительницей на второй свадьбе младшей, а также была записана крестной матерью трех родившихся детей Клавдии, включая Геннадия. По сведениям, полученным от Е. В. Карповой, Фаина вышла замуж в 1827 г. за поручика Василия Петровича Яцкого. Венчались они в Казанской церкви с. Иванково, жить стали в сельце Перетягово. Супруг служил заседателем в Угличском земском суде. В семье был один сын Александр.

Имя брата Клавдии **Николая Анатольевича Карпова** уже упоминалось, это ему досталось родительское имение Алексеевское. Е. В. Карпова предоставила о прямом предке своего мужа (пра-пра-прадедушке) такие сведения. В 1825 г. поступил на армейскую службу юнкером. Спустя четыре года стал прапорщиком. В 1834 г. уволился. Через два года попечитель «*Угличских Хлебных запасных Магазинов*». Венчался Николай Анатольевич в 1835 г., женой стала «*вольноотпущенная*» дочь крестьянина Анна Васильевна. Не столь частый случай в то время. В семье родилось семеро детей. Только трое стали взрослыми. Род Карповых по этой ветви продолжается.

У еще одного брата с очень редким именем Ларий (в исповедках имя писалось «*Ларгий*») было имение Станки в том же Угличском уезде. Имя этого родственника упоминается в письмах Варвары Карповой, об этом еще поговорим. По информации Е. В. Карповой, **Ларий Анатольевич Карпов** «*состоял в отношениях с дворовой девицей Ириной Клеоповной*». В результате этих отношений на свет появилось шесть незаконнорожденных детей. Причем при рождении одной из девочек Ольги восприемником был записан историк Г. Ф. Карпов (он был племянником Лария). Надо отдать должное помещику, в 1886 г. он узаконил свои отношения с бывшей крепостной и добился причисления жены и детей к дворянскому сословию. Умер Ларий Анатольевич в 1879 г.

Младшего брата Клавдии звали **Валерий Анатольевич Карпов** (в документах его имя писалось «*Уалерий*»). О нем сведения мало. Служил в армии, дослужился до звания штабс-капитана. Владел сельцом Липовая Гора. Умер в возрасте 36 лет, детей не оставил.

Родные братья и сестра историка

Теперь перейдем к детям Клавдии Анатольевны.

Рассказ начнем с сына от первого брака **Николая Михайловича Лихарева**. После смерти отчима Федора Васильевича, он проживал в сельце Иванцево вместе с матерью и сводными братьями. Ему по наследству перешла часть имения отца. Это следует из исповедки 1859 г.[19], где он записан помещиком. Из названия одного из дел ГАЯО следует, что помимо Угличского уезда у Николая было владение в Ростовском уезде. По сведениям Е. В. Карповой, Н. М. Лихарев был женат на дворянке Александре Владимировне Селифонтовой. Детей, похоже, у них не было.

Далее пойдет разговор о родных братьях и сестре историка.

Всеволод Федорович Карпов родился спустя год после Геннадия[20]. Обучался в гимназии. Больше о нем сказать нечего, его имя лишь дважды встречается в семейной переписке. Он, почему-то, не упомянут в числе родственников, которые разделили наследство матери в 1873 г. Возможно, к тому времени его уже не было в живых.

О следующем брате **Анатолии Федоровиче Карпове** сведений чуть больше. Найдено свидетельство, согласно которому он родился в 1843 г., как и старшие братья в Угличе[21]. После окончании гимназии перебрался на жительство в Москву. О его занятии стало известно из записи в метрической книге: «*канцелярский служитель*»[22] (место службы не указано). Эта запись была сделана в 1874 г. при крещении племянника Федора (сына Геннадия Федоровича) в московской церкви.

В фонде № 369 ОПИ ГИМ обнаружено письмо, которое Анатолий написал брату Геннадию в 1889 г. В нем он ссылался на материальные трудности, маленькую зарплату. Просил одолжить денег, обещал их вернуть (тест письма приведен в приложении–4). В том же архиве в другом деле сообщается, что Анатолий Федорович получил свою часть наследства 2.665 руб. после продажи имения при с. Панфилово Рыбинского уезда. В документе он назван «*канцелярский чиновник*»[23], указан адрес жительства в Рогожской части Москвы. Сведения о семье не обнаружены, так же остались неизвестны дата и место кончины.

О младшем брате историка **Иринархе Федоровиче Карпове** информации также немного. Его ласкательное имя «*Иринарушка*» часто упоминается в письмах матери Геннадию. Из этих посланий следует, что Иринарх жил в Москве. Его имя упомянуто в документе о разделе наследства матери в 1873 г. В архиве ГАЯО хранится дело с заголовком «*Дело по кассационной жалобе Карпова Иринарха Федоровича, отставного подпоручика на приговор Рыбинского уездного съезда от 4 июня по обвинению Карпова Василия Сергеевича, московского мещанина, в самовольной порубке леса, 1895–1896*» (это дело не изучалось). Так стало известно, что Иринарх служил в армии и что в конце XIX в. был еще жив. Другой информации о нем не имеется.

Сведений о единственной сестре **Варваре Федоровне Бабушкиной** больше, чем о других родственниках. По всей видимости, она была любимицей матери, коль скоро именно ей было завещано имение Иванцево в Угличском уезде, о котором рассказывалось ранее. Как следует из писем, в этом сельце Варвара стала жить со своим мужем дворянином Дмитрием Константиновичем Бабушкиным, за которого вышла замуж в 1865 г. (как следует из заголовка одного из архивных дел ГАЯО, тот за несколько лет до свадьбы служил писцом в Ярославском уездном суде).

Из Иванцево Варвара писала письма брату Геннадию. В ОПИ ГИМ сохранилось несколько довольно подробных ее посланий (некоторые из них приведены в приложении–4). Содержание писем чисто житейское. В одном из посланий (1874 г.) сетовала, что у нее разболелся глаз. Писала, что лечебные мази, которые привезли, не помогли, поэтому, придется ехать в Ростов к врачу. Следом Варвара поделилась радостью о богатом сборе грибов, до которых оказалась большая «*охотница*». Сообщила, что насобирала и насушила много белых грибов и хотела бы их привезти в Москву в подарок. А также варенье. Особо благодарила Геннадия за присылку 50 руб.: «*что для нас составляет много помощи при нашем* [бедном] *состоянии*»[24].

У Варвары было много детей (не все прожили долго), их имена удалось установить по исповедным ведомостям (см. древо изо 4–06). По текстам посланий брату чувствуется, как она переживала за своих детей. В письме 1874 г. очень скорбела по поводу «*Леночкиной смерти*», очевидно, дочери. Другой раз писала, что «*Иринарх мой сын слава Богу выздоровел, но следы оспы остались на лице*». Много позднее: «*За Иринарушку я совершенно покойна, т.к. находится в Москве*». Очевидно, Иринарх переехал в большой город и находился под наблюдением своего дяди. Варвара потом в письмах спрашивала Геннадия, как там ее сын, хорошо ли себя ведет. И не зря. Этот мальчик, видимо, не отличался примерным поведением. Как-то раз он провинился, причем так сильно, что Геннадий Федорович на него серьезно рассердился, и пришлось заступаться Анне Тимофеевне (жене историка, тете мальчика). Вот фрагмент из ее письма мужу: «*Еще хотя и сердилась на Иринарха, но всё таки думаю* […] *позволь ему ходить* [к нам] *по Воскресеньям* […] *Нельзя же уже так гнать Иринарха, хотя он и не особенно хороший мальчик*»[25]. Когда Иринарх вырос, то стал работать в Москве, снимал жилье. В одном из писем дяде Геннадию жаловался на дороговизну, что заработка не хватает: «*да жалованье то все почти съедаю*». Просил помочь деньгами.

В интернете обнаружены сведения об Иринархе Дмитриевиче Бабушкине[26] (1868 г. р.), который в 1930 г. был арестован и осужден по ст.58 ч.10. Учитывая полное совпадение ФИО и года рождения, можно говорить, что это тот самый родственник. О его дальнейшей судьбе данных нет.

Про другого своего сына Костю Варвара Федоровна как-то писала Геннадию, что договорилась о его обучении в соседнем с. Новопавловское, куда приехал окончивший семинарию «*новинькой свеженькой*» учитель. Договорилась с ним, что тот будет заниматься с ее сыном по вечерам за «*15 руб. в месяц с харчами*»[27]. Сестра просила брата помочь деньгами на оплату уроков: «*Занять денег уже негде, доходов никаких нет, только и дышу тем что Вы мне дали. Теперь до Новаго года неоткуда ждать гроша* […] *всего долгу у меня до 500 руб.*». Об этом сыне приведены сведения в справочном издании 1909 г. В нем сообщается, что К. Д. Бабушкин служил в губернском правлении г. Ярославль, получал 600 руб. содержания[28]. По сведениям, полученным от Е. В. Карповой, Константин Дмитриевич умер 23 мая 1913 г. от паралича мозга, похоронен в с. Лучинское.

Как видим, практически все родственники обращались к Геннадию за материальной поддержкой. И, надо полагать, что он помогал по мере возможностей (а иначе к нему и не обращались бы).

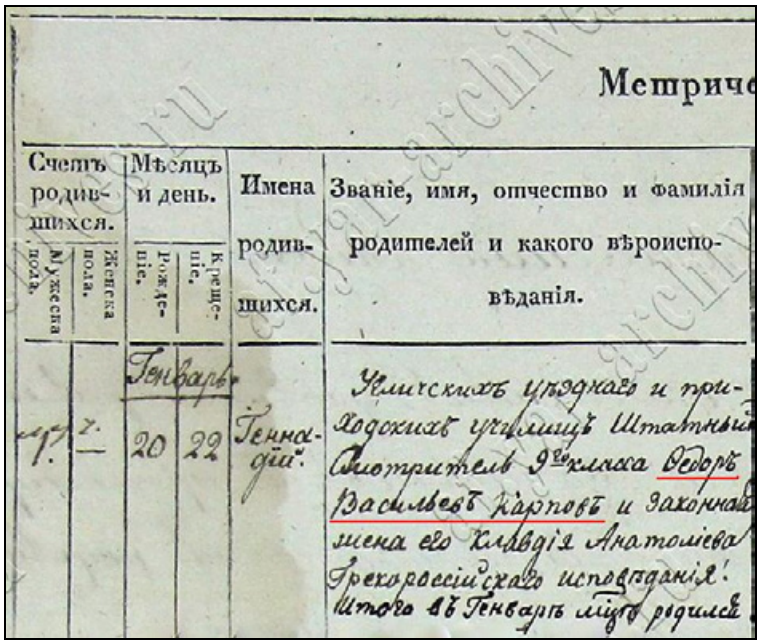
Завершая рассказ о детях, хотелось бы еще сказать о подкидыше Флавии, подброшенном в 1840 г. «*К угличской помещице Клавдии Анатольевой*»[29]. Судьба этого малыша осталась неизвестной, его имя нигде больше не упоминалось.

1874–1890: Геннадий Федорович Карпов (“Р”)

Перейдем теперь к брыковскому помещику. Начнем, как и положено, с рождения.

Правильная дата рождения

В литературе о дате появления на свет историка встречаются разночтения. Так в популярном словаре “Брокгауза и Ефрона” написано: «*род. в 1848 г.*»[30]. Это явная ошибка, о ней известно давно. В большинстве же изданий, как в современных, так и в дореволюционных, включая известный словарь Половцева[31], указана другая дата рождения Геннадия Федоровича – 2 февраля 1839 г. Как выяснилось в ходе работы над настоящей книгой, эта дата оказалась неточна. Это стало понятно после обнаружения первоисточника. В метрической книге бывшей монастырской Воскресенской церкви г. Углич была сделана запись о рождении Геннадия **20 января 1839 г.** и его крещении 22-го числа. Родителями мальчика записаны: «*Угличских уезднаго и приходских училищ Штатный Смотритель 9-го класса Федор Васильев Карпов и законная жена его Клавдия Анатолиева, Грекороссийскаго исповедания*»[32]. Прилагаемая копия документа это подтверждает.

Метриче

Счетъ родив-шихся. Мужска пола.	Женска пола.	Мѣсяцъ и день. Рожде-нiе.	Креще-нiе.	Имена родив-шихся.	Званiе, имя, отчество и фамилiя родителей и какого вѣроисповѣданiя.
		Генварь			Угличскихъ уѣзднаго и приходскихъ училищъ Штатный Смотритель 9го класса Федоръ Васильевъ Карповъ и законная жена его Клавдiя Анатолиева Грекороссiйскаго исповѣданiя!
1.	1.	20	22	Геннадiй.	Итого въ Генварѣ лицъ родилось

Изо 4–07. Метрическая запись о рождении Геннадия, 1839.

Ошибки, неточности встречаются и в других биографических данных историка. Так в официальных документах того времени писали о происхождении Геннадия Федоровича: «*из обер-офицерских детей*». А в некоторых современных книгах можно встретить и такое: «*из духовнаго звания*» или «*сын священника*». После того, как были собраны и обработаны сведения о родителе, стало понятно, что это все неправда. Ранее рассказывалось, как отец историка Федор Васильевич за время своей жизни сменил несколько мест работы, был судебным чиновником в нескольких уездных городах Ярославской губернии, работал учителем и смотрителем училищ в г. Угличе. В ФС Федора Васильевича записано о происхождении: «*из приказнослужительских детей*»[33]. Эти слова с полным основанием можно отнести и к его детям, включая Геннадия.

Юные годы Геннадия, учеба в училищах и лицее

О годах учебы Г. Ф. Карпова написано в некрологе, составленном его коллегой историком К. Барсовым: «*воспитывался сначала в духовном Борисоглебском училище Ростовскаго уезда, затем в Ростовском уездном училище, откуда поступил в Ярославскую гимназию; по окончании в ней курса в 1855 году, он поступил в Демидовский лицей, который должен был однако оставить после двух лет пребывания в нем, вследствие притеснений со стороны одного профессора*»[34].

Может возникнуть вопрос: а почему Геннадий так часто менял места учебы? Это связано со сменой мест работы и жительства его отца. Как уже говорилось, после увольнения с должности смотрителя Угличских училищ Ф. В. Карпов вместе с семьей переехал в имение Иванцево, принадлежавшее супруге. Родитель хотел дать сыну образование, он хорошо понимал его важность, когда-то сам окончив Ярославскую гимназию. Судя по карте местности, ближайшее училище от Иванцево находилось в Борисоглебске. Туда и поступил Геннадий. А когда Федор Васильевич стал работать приставом в Ростове, то перевел сына в местное училище, чтобы тот был рядом.

После смерти родителя (1853) Геннадий продолжил образование в Ярославской гимназии. В ходе работы над настоящей книгой в архиве ЦГАМ было обнаружено дело, в котором приведены сведения об итогах обучения Г. Ф. Карпова в этом учебном заведении: «*на окончательном испытании оказал успехи: в Законе Божием, в Истории, в Физике, в Естественной Истории хорошие,*

в Русской Словесности, в Математической и Физической Географии, в Математике, в Французском и Латинском языках достаточные, в Немецком языке средственные, в Географии отличные, в чем и выдан был ему Аттестат от 22 июля 1855 года»[35]. Как видим, результаты хорошие.

А вот дальнейшая учеба в Демидовском лицее, находившемся в Ярославле, у юноши не заладилась, причем с самого начала. В указанном деле отмечено, что Геннадий Карпов был оставлен «*на том же курсе*», т.е. на второй год обучения, т.к. по французскому языку его знания оказались слабые, а по ряду других предметов и вовсе «*испытаниям не подвергался*». Прошел год. По итогам очередной проверки оценки ученика были лучше, но почему-то «*на испытание в Богословии не явился*» и потому «*подлежал увольнению из Лицея*».

Почему Карпов не пошел на экзамен по Богословию, в деле не сказано. Возможно, этот предмет преподавал тот самый профессор, о котором в некрологе сказано: оказывал «*притеснения*». Как показало будущее, такое развитие событий пошло только на пользу. Как бы сложилась судьба Геннадия Федоровича, если бы он продолжил обучение в Демидовском лицее и окончил его – сказать трудно. В жизни могло случиться так, что Карпов потом не отправился бы на учебу в Московский университет и не стал бы тем высококвалифицированным историком, каким в итоге оказался. И уж точно не был бы владельцем имения Брыково. Тогда о нем не пришлось бы писать в настоящей книге. Так что верна пословица: «все, что не делается – то к лучшему».

1857–1861: Учеба в Московском университете

Изо 4–08. Г. Ф. Карпов, кон. 1850-х(?), (архив потомков Смольяниновых).

Геннадий ушел из Демидовского лицея в первой половине 1857 г. Несмотря на молодость (всего 18 лет), он, надо отдать должное, оказался твердого характера. После неудачи в лицее, не стал отчаиваться и направился в Москву для поступления в университет. Как написано в некрологе: «*Пешком, с котомкой на плечах, с ничтожными средствами или, точнее говоря, без всяких средств прибыл в Москву*». Так ли было на самом деле – что долгий путь преодолел пешком – доподлинно неизвестно. Все это больше похоже на красивую легенду, подобную той, которая когда-то по рассказам случилась с будущим ученым Михайло Ломоносовым.

По прибытии в Москву молодому человеку предстояло решить непростую задачу: убедить университетское начальство принять его на учебу. А это было сделать совсем непросто, т.к. результаты учебы в Демидовском лицее были далеко не блестящими: за два года он так и не смог пройти полный курс обучения первого года. С учетом того, что «*Императорский Московский университет*» котировался выше лицея, осталось непонятно, что в итоге склонило университетское начальство к принятию ярославца в число студентов. Можно предположить, что он подвергался испытаниям (сдаче экзаменов) по разным предметам и показал хорошие результаты. А иначе трудно объяснить, почему в сентябре 1857 г. Геннадий Карпов оказался зачислен на первый курс юридического факультета Московского университета и стал посещать лекции.

Очевидно, к этому времени относится фотография, которая сохранилась в архиве потомков.

Хотелось бы теперь поговорить о материальном положении студента Геннадия.

Из изложенного выше материала следует, что достаток в семье Карповых был скромный, если не сказать более. После того, как в 1853 г. умер глава семейства Федор Васильевич, овдовевшей Клавдии Анатольевне стало совсем трудно воспитывать одной пятерых сыновей и дочь. Ее владения в нескольких уездах были небольшими, значительного дохода очевидно не приносили. А ведь надо было где-то находить деньги на оплату обучения детей. Всем приходилось тяжело: и матери, и детям. Об этом говорят слова, напечатанные в одном из некрологов историка: «*На школьной*

скамье покойный Г. Ф. испытал много нужды, как сын бедных родителей»[36].

Ну а когда Геннадий переехал в Москву и поступил в университет, то он оказался в большом городе совершенно один. Мать Клавдия Анатольевна старалась помочь сыну, как могла. Но ее возможности были очень скромные, как сама говорила: «*Я неимею средств заплатить за дорогу, у меня все серебро и ризы серебрянные заложены, говядины куска не на што купить»*. В другом письме старшему сыну писала: «*Желаю тебе быть здоровым, – посылаю тебе 15 р. сер. Напиши мне, сколько еще тебе нужно прислать денег, чтобы достало до самаго приезда твоего на лето.* […] *Еще уведомь меня, когда кончатся экзамены и поподробнее и сколько тебе нужно окончательно денег, чтоб приехать в Иванцево, потому что я должна занять денег для тебя или серебро продать»*[37] (полные тексты писем приведены в приложении–4). В Москве Геннадий мог рассчитывать только на себя, свои силы, знания и способности. Ему пришлось очень нелегко. *«Началась тяжелая, трудовая жизнь: молодой человек исключительно сам должен был заботиться о себе, добывать средства к своему существованию»* (слова одного из некрологов).

Каким образом Г. Ф. Карпов зарабатывал средства на жизнь – нигде не сказано. Скорее всего, занимался репетиторством, давал частные уроки. Так многие студенты делали в то время (например, подобным образом поступал его товарищ В. О. Ключевский). Положение усугублялось тем, что Геннадию надо было где-то находить (зарабатывать) деньги не только на еду и съем жилья, но также и на оплату обучения[i]. В архиве обнаружен документ, который подтверждает его бедность. В марте 1859 г. из Министерства народного просвещения на имя «*Попечителя Московскаго Учебнаго Округа*» было направлено ходатайство об освобождении нескольких небогатых студентов «*от взноса платы за слушание Профессорских лекций*»[38]. В списке указана фамилия Карпова. К сожалению, в архивном деле нет ответа из министерства на это обращение. Но уже сам факт такого обращения говорит о многом.

Как учился Геннадий Федорович в университете, какие у него были успехи? Зачетки или какого-то иного документа с оценками по отдельным предметам не найдено. Обнаружена лишь «*Именная ведомость об учащихся в Императорском Московском университете к 1-му января 1859 года*»[39]. В ней имеются сведения об итогах обучения студентов, Геннадий тогда учился на втором курсе.

Как видно из приведенной копии документа, у Геннадия Карпова были хорошие оценки. Явно лучше, чем в Демидовском лицее. Однако можно заметить, что в той же ведомости были студенты с более высокими успехами в науках: «*оч. хор.*» и «*отличн.*». Так что Карпова по успеваемости скорее можно было отнести к средним студентам, чем к лучшим. Так было, по крайней мере, во

№	Званіе, имя и фамилія и въ какомъ факультетѣ обучаются.	Какихъ лѣтъ.	Какого вѣроиспо-вѣданія.	Изъ како-го состоя-нія.	Накакомъ содержа-ніи.	Какого поведе-нія.	Какихъ успѣ-ховъ въ наукахъ.	Который годъ въ Университ.	Гдѣ прежде обучался.
40	Карповъ Геннадій.....	20	Правосл.	Изъ Об.-Оф. д.	На собствен.	хорош.	хорош.	2	— Демид. Лицѣе.
41	Каменскій Генрихъ.....	24	Рим.-Кат.	дворянъ.	—	—	оч. хор.	2	Въ С.-Пет. Медико-Хирург. Академ.
42	Кирмаловъ Владиміръ.....	19	Правосл.	—	—	—	хорош.	2	— Симбирской Гим.
43	Клоповъ Алексѣй.....	21	—	купцовъ.	—	—	—	2	— 3-й Моск. —
44	Кмита Петръ.....	20	Рим. Кат.	дворянъ.	—	—	—	2	— Виленской —
45	Ковальскій Эдмундъ.....	21	—	—	—	—	—	2	— Варшавской —
46	Кожинъ Петръ.....	19	Правосл.	—	—	—	средств.	2	— Воронежск. —
47	Козлининъ Михаилъ.....	21	—	Поч. Гр.	—	—	отличн.	2	— домъ родителей.

Изо 4–09. «*Именная ведомость об учащихся в Императорском Московском университете*» (фрагмент), 1858.

[i] Сведения о том, сколько платил Г. Ф. Карпов за обучение в Московском университете, в документах не попадались. В интернете же пишут, что за учебу студенты вносили плату «*до 50 рублей серебром в год*».

время учебы в университете на втором курсе.

Но это если подходить к оценкам знаний формально. А вот профессор Сергей Михайлович Соловьев, который был деканом «*Историко-Филологическаго факультета*» и читал студентам юридического факультета лекции по истории, заприметил даровитого и прилежного студента, выделял его среди прочих слушателей. Вот что написано в одной из современных статей о Карпове и Соловьеве: «*одаренный, вдумчивый, трезвомыслящий и исключительно трудолюбивый молодой человек не мог не привлечь внимания учителя*»[40]. Профессор потом оказывал поддержку молодому человеку. Надо полагать, Геннадию Федоровичу нравилось изучать историю, это увлечение определило всю его дальнейшую жизнь.

1861–1867: Жизнь в Москве, учеба на курсах, защита магистерской диссертации

Изо 4–10. Г. Ф. Карпов, (архив потомков Смольяниновых).

Четыре года продолжалась учеба на юридическом факультете Московского университета. 7 июля 1861 г. Карпов успешно сдал экзамены и был «*удостоен степени кандидата*[i]». И уже спустя две недели согласно записи в ФС был «*определен Корректором в Московской Сенатской типографии*»[41]. Это была вынужденная мера, работа позволяла зарабатывать средства на жизнь. В типографии Геннадий Федорович трудился три года, был утвержден «*в чин коллежскаго секретаря*».

При этом он не терял времени даром, повышал уровень своего образования, занимался изучением истории. Еще по окончании университетского курса Карпов принял решение продолжить научную деятельность под руководством профессора Соловьева. Посещал «*педагогические курсы по предмету Всеобщей и Русской истории*». Причем был «*своекоштным*» слушателем, т.е. платил за посещение лекций. Эти курсы он с успехом окончил в 1864 г. и получил соответствующий аттестат. И тут же уволился из типографии. В последующей своей жизни Геннадий Федорович уже не тратил время на посторонние занятия, занимался только наукой и преподаванием истории.

В 1863 г. еще до окончания педагогических курсов Карпов под руководством профессора С. М. Соловьева написал свою первую статью под названием «*Очерки из истории российской церковной иерархии*». Спустя год эта работа была опубликована в научном сборнике “Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете”[42] (ЧОИДР), а позднее вышло отдельное издание. Соловьев посодействовал устройству своего ученика «*приватным* [т.е. нештатным] *преподавателем истории при третьем военном Московском Александровском училище*»[43] (по другим данным он был репетитором в этом учебном заведении).

Следует отметить, что в тот период в России сложилась сложная ситуация с преподавательскими кадрами в университетах. Много позже В. О. Ключевский вспоминал: «*То было время крайняго оскудения высшаго университетскаго преподавания русской истории. В шестидесятых годах университетския кафедры русской истории начали пустеть и, если не ошибаюсь, были годы, когда С. М. Соловьев оставался едва-ли не единственным профессором этого предмета в русских университетах, профессором русской истории московским и всея Руси, как мы тогда в шутку его называли*»[44]. Власти знали о тяжелом положении с преподавательским составом и принимали меры. Как написано на одном из сайтов: «*Университетским уставом 1863 года официально введено “оставление при университете стипендиатов для приготовления к профессорскому званию” по решению Совета. В 1862–1865 годах при университетах оставлено пять человек, в 1867 году – 42 человека, в 1876 году – 91 человек, в 1899 году – 203 человека. В 1867 году утверждены правила для оставляемых при кафедре. От стипендиатов требовались “очень хороший аттестат зрелости” при*

[i] В то время «*степень кандидата*» означала выпускника, успешно окончившего университет. А в привычном нам понимании кандидата наук выпускник становился, когда защищал магистерскую диссертацию.

отличных оценках по древним языкам, знание французского и немецкого языков, отличные оценки по предмету избираемой кафедры, способность правильно и свободно выражать мысли, "надежная безупречная нравственность"»[46].

Изо 4–11. Московский университет[45], 1872.

Как видим, требования к стипендиатам были достаточно высокие. Профессор среди своих учеников выделил тех, кто, по его мнению, наиболее подходил: «*Кроме Карпова, — писал министру народного просвещения С. М. Соловьев в сентябре 1865 г., — может быть стипендиатом кандидат Ключевский, представивший мне очень хорошее сочинение*»[47]. Кандидатуры обоих были утверждены. С 1 января 1865 г. Геннадий Федорович стал получать от министерства стипендию в 1.000 руб. Как написано в его ФС, стипендия платилась не просто так, а с условием: «*для приготовления себя к занятию кафедры русской истории, с обязательством за каждый год стипендии прослужить год преподавателем истории в одном из Университетов*»[48].

Эти профессорские курсы можно сравнить с очной аспирантурой в советские годы[i]. Судите сами: «*Профессорский стипендиат оставался при университете для подготовки к профессорскому званию сроком на два года. В этот срок ему полагалось сдать магистерские экзамены и написать магистерскую диссертацию. Экзаменов было три: по русской истории, по всеобщей истории и по политической экономии. Работа была очень напряженной*»[49]. Карпов успевал все делать в срок, сдал требуемые экзамены. А вот у его товарища возникли трудности. В письме Геннадий обращался к другу Василию Ключевскому: «*Пора же, пора диссертацию! Подумайте, в какое положение вы ставите Сергея Михайловича, ему проходу не дадут…*»[50].

По истечении двухлетнего срока обучения на профессорских курсах «*7 марта* [1867] *во вторник в 2 часа по полудни*»[51] Г. Ф. Карпов на открытом публичном заседании в Московском университете защищал свою магистерскую диссертацию, написанную под научным руководством С. М. Соловьева. Диссертация называлась: «*История борьбы Московскаго государства с Польско-Литовским. 1462–1508*» (позднее работа была опубликована в ЧОИДР и в виде отдельного издания[52]). Защита прошла успешно. Четыре дня спустя Геннадий Федорович был «*утвержден в степени Магистра Русской Истории*».

Вот какую характеристику работе друга дал В. О. Ключевский: «*Здесь очень живо изображено, с какою находчивостью и удачею разстраивало московское правительство запутанную игру разнообразных сил, сцеплявшихся рука с рукой для борьбы с ним, русскаго Новгорода Великаго, русских удельных князей, азиатских степняков и литовско-польскаго соседа Москвы. — Другим моментом было возсоединение Малороссии с Великой Россией в царствование Алексея Михайловича*»[53]. А академик А. А. Куник в своем отзыве на диссертацию написал, что, несмотря на отсутствие в исследовании «*хоть краткаго библиографическаго обозрения источников*» магистрант изучил по архивным источникам «*статейные* […] *списки с большим усердием*». И что «*было бы весьма справедливым, удостоить автора, за его поучительный труд, Уваровской награды*»[54] (полный текст отзыва можно прочитать в приложении–4). Речь шла о ежегодной премии, присуждаемой в память бывшего президента Академии наук графа С. С. Уварова «*за труды по русской истории*». Мнение академика А. А. Куника было учтено, премия в 500 руб. была вручена Г. В. Карпову в следующем году.

В том же 1867 г. Геннадий Федорович был отмечен и первой государственной наградой за успешную преподавательскую работу в Александровском училище: «*за отлично усердную и ревностную службу, Всемилостивейше награжден* ***орденом св. Анны 3 степени***»[55].

[i] Автор знает, о чем говорит: т.к. в 1980-е учился в очной аспирантуре Московского авиационного института.

1867–1871: Доцент Харьковского университета, защита докторской диссертации

Изо 4–12. Харьковский университет[56], 1890-е.

Изо 4–13. Г. Ф. Карпов[57], 1867–1871.

Как уже говорилось, по условию обучения на профессорских курсах выпускник должен был в последующем отработать на университетской кафедре «год за год». Геннадий Федорович учился на курсах два года, вот и следовало ему преподавать историю не менее двух лет.

По положению того времени «*Для получения звания доцента надлежало иметь по крайней мере степень магистра. Лица, не известныя факультету своими преподавательскими способностями, кроме этого, должны были прочесть публично, в присутствии факультета, две пробныя лекции.* […] *Поручения вакантной кафедры доценту не могло продолжать более 3-х лет*»[58]. Карпов удовлетворял требованиям на получение звания доцента, т.к. имел степень магистра. Поэтому, как написано в статье современных ученых-историков Я. А. Лазарева и В. С. Ившина: «*Практически сразу же после защиты в апреле 1867 г. молодой и подававший большие надежды специалист получил приглашение занять должность доцента и возглавить кафедру русской истории в Харьковском университете, в котором Карпов должен был читать курс по российской истории XVII – первой четверти XVIII в.*»[59].

Как и было оговорено положением, Геннадий Федорович пред вступлением в должность прочитал в Харькове «*публичную ознакомительную лекцию*» (была ли одна или две лекции – не уточнялось). В своем выступлении Карпов отметил, что расценивает приглашение в Харьковский университет как большой аванс для себя, а вовсе не заслугой своим «*незначительным трудам*». И предупредил слушателей: «*не ждите от меня никаких новых взглядов на науку, никаких новых теорий*»[60]. Сказал, что будет излагать историю так, как это делает его учитель профессор С. М. Соловьев. Эту лекцию потом опубликовали, с ее текстом можно ознакомиться в приложении–4.

Хотелось бы несколько слов сказать о научных принципах, которых придерживался Г. Ф. Карпов в своей работе. В. О. Ключевский обращал внимание на следующую особенность трудов товарища: «*вести изложение исторических фактов в неразрывной связи с тщательным критическим разбором источников*». Современные ученые Я. А. Лазарев и В. С. Ившин выделили основной принцип, которым руководствовался Геннадий Федорович: для него «*было абсолютно неприемлемо замалчивание любых, даже самых неудобных эпизодов в истории государства*»[i]. Историку немало доставалось за его «*научную прямолинейность*», за то, что в дискуссиях «*резал правду*». А вот мнение другого ученого нашего времени Т. В. Агейчевой: «*розыск затерявшейся исторической правды, разрушение тенденциозного вымысла, очищение источника от всякого рода наносной информации — вот этим он* [Карпов] *занимался очень всерьез*»[61].

Такой принципиальный подход понравился далеко не всем в Харьковском университете и на Украине в целом. Как написано в статье тех же ученых: «*историк-архивист П. Н. Буцинский счи-*

[i] Как это созвучно с принципами, которых придерживается автор при написании своих книг!

тал, что прочитанная Г. Ф. Карповым лекция якобы сделала последнего "непопулярным профессором" и прилепила к нему ярлык "консерватора", "националиста и русофила", который не соответствовал "требованиям тогдашнего либерального времени"»[62].

Одновременно с чтением лекций в Харьковском университете, Геннадий Федорович работал над своей докторской диссертацией. Тема научной работы оказалась связана с местом, в котором ученый трудился – с Малороссией, территорией Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерний (ныне это многострадальный Донбасс с соседними областями). Почему была выбрана эта тема? Не только потому, что историк оказался в этих краях. Он увидел, как были искажены отдельные периоды истории Малороссии: «*Во-первых, он столкнулся с неудовлетворительным положением дел в источниковедении этих сюжетов, и, как следствие, с мифологизацией исторических событий, во-вторых, с присутствием в исторической литературе политико-идеологической ангажированности. Он предпринял, по определению В.О. Ключевского, двойную работу, розыск затерявшейся исторической правды и разрушение тенденциозного вымысла*»[63].

Свою докторскую диссертацию Г. Ф. Карпов назвал так: «*Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся, за время: 8-е января 1654 – 30-е мая 1672 года*». Труд был завершен в 1870 г. Защита прошла с успехом в Московском университете и 19 сентября того же года диссертация была утверждена «*Университетским Советом»,* Геннадию Федоровичу была присуждена степень «*Доктора Русской истории*». Позднее диссертация была издана в виде отдельной книжки.

В интернете можно найти отзыв-аннотацию на диссертацию Карпова: «*В своей педантичной работе профессор Харьковского университета внимательно описывает исторические источники XVII в. и проводит детальный анализ их использования в современной автору историографии.*

КРИТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

РАЗРАБОТКИ

ГЛАВНЫХЪ РУССКИХЪ ИСТОЧНИКОВЪ,

ДО

ИСТОРІИ МАЛОРОССІИ ОТНОСЯЩИХСЯ,

за время: 8-е генваря 1654—30-е мая 1672 года.

СОЧИНЕНІЕ

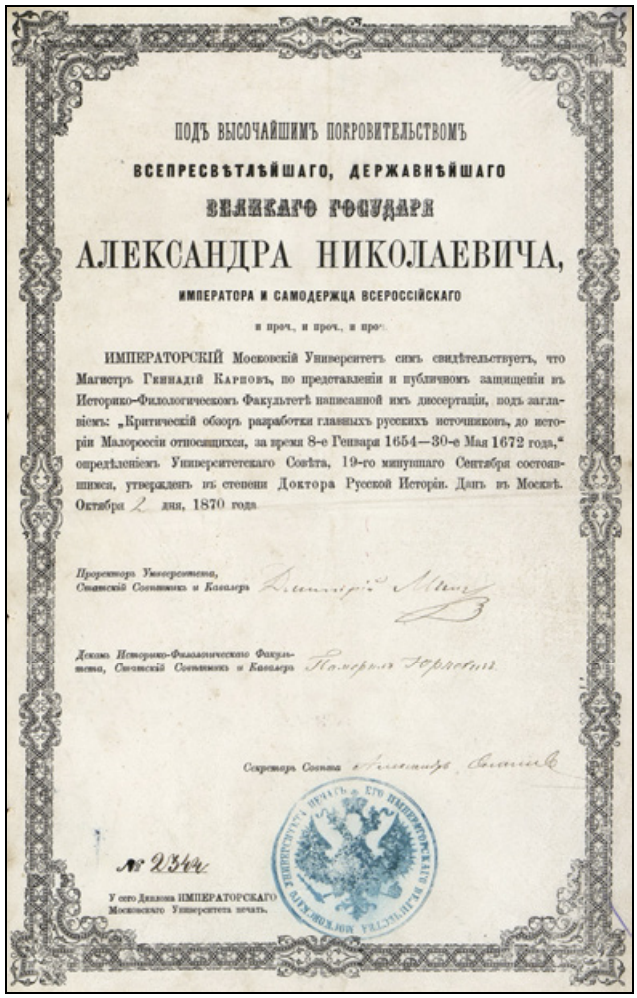
ГЕННАДІЯ КАРПОВА.

МОСКВА

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП. У ПРИЧИСТЕНСКИХЪ В. Д. ШЕЛОВОЙ.

1870.

Изо 4–14. Докторская диссертация Г. Ф. Карпова[64], 1870.

ПОДЪ ВЫСОЧАЙШИМЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШАГО, ДЕРЖАВНѢЙШАГО

ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА,

ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО

ИМПЕРАТОРСКІЙ Московскій Университетъ симъ свидѣтельствуетъ, что Магистръ Геннадій Карповъ, по представленіи и публичномъ защищеніи въ Историко-Филологическомъ Факультетѣ написанной имъ диссертаціи, подъ заглавіемъ: „Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся, за время 8-е Генваря 1654—30-е Мая 1672 года," опредѣленіемъ Университетскаго Совѣта, 19-го минувшаго Сентября состоявшимся, утвержденъ въ степени Доктора Русской Исторіи. Данъ въ Москвѣ. Октября 2 дня, 1870 года.

Проректоръ Университета, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Деканъ Историко-Филологическаго Факультета, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Секретарь Совѣта

№ 2344

У сего Диплома ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета печать.

Изо 4–15. Указ об утверждении Г. Ф. Карпова в «*степени Доктора Русской Истории*»[65], 1870.

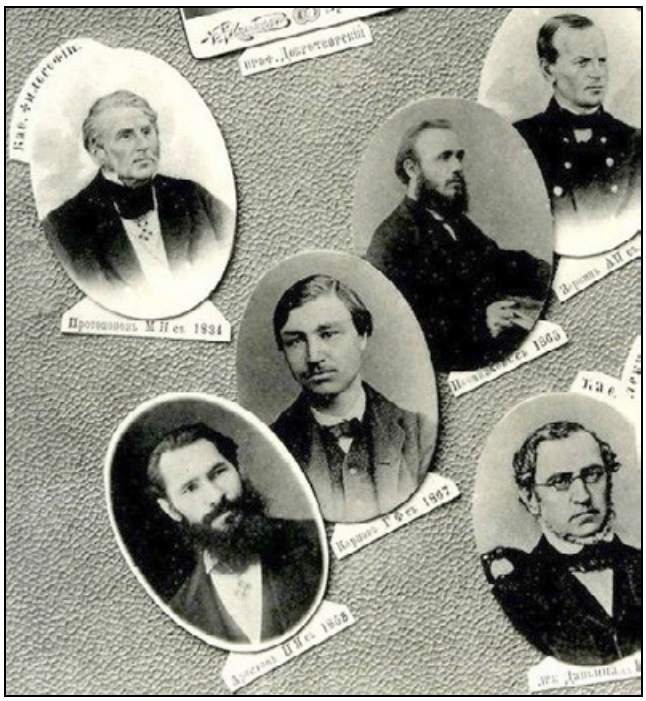
Ученый указывает на фальсификации, ошибки, неточности, неполноту приведенных сведений и ошибочные трактовки, обнаруженные им в трудах своих коллег по историческому цеху»[66].

В докторской диссертации, а также в отдельной статье «*Г. Костомаров как историк Малороссии*» можно проследить концептуальное противостояние государственной точки зрения на историю этой части Украины, отстаиваемой Карповым, и народной (националистической) концепции ученого Костомарова. Геннадий Федорович тщательно разбирает исторические источники и на их основе развенчивает некоторые мифы, сложившиеся на Украине вокруг вопроса вхождения Малороссии в состав Российского государства, истории казачества и личности гетмана Богдана Хмельницкого.

Т. В. Агейчева в своей статье отметила, за что Г. Ф. Карпов критиковал историка Н. И. Костомарова: за «*предвзятость при отборе источников для публикации и в исследовательских трудах, на игнорирование тех из них, что не укладывались в концепцию автора, а также на убежденность в равноправии достоверных исторических фактов и мифологии, закрепленной в массовом сознании*»[67]. А вот что написано в статье других ученых-историков Я. А. Лазарева и В. С. Ившина: «*следствием этого стала неправильная интерпретация процесса включения Малой России в состав Российского государства, особенно характера переговорного процесса 1654 г. (переяславского и московского этапов). По этой причине в историографии стали появляться искаженные и надуманные утверждения о характере и условиях присоединения региона*»[68].

Как видим, Карпов обвинял Костомарова в подтасовке фактов, искаженном изложении истории. Серьезное обвинение. Хотя в настоящее время подобные искажения происходят сплошь и рядом, как у нас в стране, так и особенно за рубежом. История из науки в трудах некоторых «ученых» превращается в мифологию.

По мнению графа С. Д. Шереметьева историк Карпов был менее талантлив, чем его оппонент Костомаров, но был сильнее в точности своих сведений. Утверждение насчет того – кто из этих двух ученых более талантлив? – довольно спорно. Как отмечают специалисты, Николай Иванович Костомаров был ярым украинофилом, историком-романтиком, у которого художественное начало порой брало верх над академическим. Он мог запросто игнорировать какие-то исторические факты, которые не вписывались в его теорию. Это недопустимо для серьезного историка, настоящего ученого. Можно сказать, что Костомаров был популистом. Напротив, Карпов (как и Соловьев) был педантом, строгим ученым, который бережно, тщательно относился к цитированию документов. Он спорил с коллегой, полемика порой была жесткой. Но это не мешало Карпову и Костомарову сотрудничать в рамках Археографической комиссии.

Изо 4–16. Г. Ф. Карпов (в центре) среди преподавателей Харьковского университета[69], 1867.

Объективный взгляд Геннадия Федоровича на историю Малороссии не принял не только Костомаров, но и некоторые другие представители интеллигенции как на Украине в целом, так и в Харьковском университете в частности. В одном из дореволюционных изданий сказано, что докторская «*Диссертация Карпова почти никому не понравилась, затронув будто-бы великих живых*»[70]. Ученому «*больно доставалось от затронутых им местных предрассудков и возбужденных негодований за его будто бы слишком московское, предубежденное отношение к малороссийскому герою XVII в. и его делу*»[71]. Удивляться такой реакции не стоит. По мнению ученых Я. А. Лазарева и В. С. Ившина: «*Харьковский университет был одним из центров украинофильства и украинского национального движения, где Н. И. Костомаров имел весомый моральный авторитет*». Таким образом, против доцента Г. Ф. Карпова (а точнее против его взглядов, изложенных в докторской диссертации) оказались настроены многие преподаватели Харьковского университета.

Как уже отмечалось, по положению доцент мог возглавлять кафедру до трех лет. Геннадий Федорович проработал доцентом в Харькове даже больший срок. После защиты докторской диссертации он имел право на получение звания профессора. Но для этого следовало пройти голосование на факультете и утверждение на университетском уровне. Обычно такая процедура была простой формальностью, как правило, все проходило гладко. Но в случае с Карповым этого не произошло.

Как написано в статье Лазарева и Ившина, осенью 1870 г. (спустя полгода после защиты диссертации) при баллотировке на звание и должность экстраординарного профессора по кафедре русской истории в Харьковском университете за кандидатуру Г. Ф. Карпова «*на уровне совета историко-филологического факультета*» было подано только 3 голоса “за” и 4 “против”. На общеуниверситетском совете результаты голосования за кандидатуру Геннадия Федоровича оказались еще хуже: 14 против 21 (эти данные полностью подтвердились в официальном издании «*Протоколы заседаний Совета Императорскаго Харьковскаго университета и приложения к ним*»[72] за 1871 г.).

Но на этом история не закончилась. Факультет доложил совету университета, что другой кандидатуры на занятие кафедры русской истории в настоящее время нет. Поэтому Г. Ф. Карпову предложили продолжить чтение лекций. Одновременно было принято решение признать кафедру русской истории «*вакантною*» и вести поиск кандидатов (по некоторым данным было предложено занять это место В. О. Ключевскому, но тот отказался). После всего описанного можно представить моральное состояние Карпова: он в Москве с успехом защитил докторскую диссертацию, а в Харькове коллеги его кандидатуру забаллотировали, не захотели принять его точку зрения на историю Малороссии. Поэтому отработав еще несколько месяцев, «*В марте 1871 г. он уволился из Харьковского университета по собственному прошению, полагая, что причиной всему была его дискуссия с Н. И. Костомаровым*»[73]. Таким образом, Геннадий Федорович отработал в Харькове почти четыре года, в два раза превысив обязательный срок по соглашению профессорских курсов.

1869: Женитьба на купеческой дочери Анне Тимофеевне Морозовой

Изо 4–17. А. Т. Карпова[74], 1870(?), Харьков.

Как видим, уже второй раз в жизни Г. Ф. Карпов был вынужден не по своей воле покинуть учебное заведение (напомним, что первый случай произошел в Демидовском лицее). Но на этот раз, думается, он был только рад, когда смог уехать из Харькова, где не приняли его научные взгляды. Помимо естественной обиды к переезду склоняли и личные обстоятельства. Дело в том, что еще в январе 1869 г. Геннадий Федорович женился, свадьба состоялась в Москве, откуда родом была невеста Анна Тимофеевна Морозова. Ее родители – Тимофей Саввич и Мария Федоровна Морозовы – были староверами и богатыми купцами. Они были против выхода дочери замуж за бедного и безродного историка. Но Анна их не послушала, она приезжала к мужу в Харьков, что подтверждает фотография, сделанная в местном фотоателье.

А рожала детей Анна Тимофеевна в Москве, первенец Тимофей появился на свет в 1870 г.[75]. Возможно, Геннадий смог выбраться на крестины сына (как раз была открыта ветка железной дороги Курск-Харьков, позволявшая добираться быстрее на поезде). Через год в марте родился второй ребенок – дочь Елена. И думается неслучайно, что именно в это время Г. Ф. Карпов покинул Харьков. Понятно стремление жить вместе с близкими людьми. Поэтому переезд (а точнее возвращение) в Москву выглядит вполне логичным.

Возвращение в Москву, написание научных статей

Итак, весной 1871 г. Геннадий Федорович вернулся в Москву. Чем он стал заниматься? По какой-то причине не стал преподавать в Московском университете (возможно, свободной вакансии на кафедре не было). По его переписке с другом историком В. О. Ключевским удалось установить, что в 1872 г. они совместно читали курс лекций по российской истории на «*Высших женских курсах*»[76] в Москве, которые только открылись. Сам факт устройства преподавателем на эти курсы говорит о том, что молодая семья нуждалась в средствах.

Тимофей Саввич и Мария Федоровна Морозовы простили свою дочь за своевольный поступок только несколько лет спустя. Возможно, это случилось в 1874 г., когда было приобретено имение Брыково на имя Геннадия Федоровича за 20.000 руб. Очевидно, это были деньги Морозовых. Они же год спустя приобрели дом № 41 на ул. Большая Ордынка, в который переехала жить молодая семья с детьми. Сохранилась фотография одной из комнат дома (по всей видимости, рабочего кабинета). На стене виден большой портрет Г. Ф. Карпова.

Изо 4–18. Одна из комнат дома № 41 на ул. Большая Ордынка, (архив потомков Смольяниновых).

После налаживания отношений с тещей и тестем Геннадий Федорович смог сосредоточиться целиком на науке, посвятить себя любимому делу – изучению истории. О заработке можно было больше не думать, родственники были очень богаты и оказывали помощь.

Но о науке Г. Ф. Карпов не забывал и тогда, когда было материально трудно. Уже в первый год по возвращении в Москву он написал статью: «*Киевская митрополия и Московское правительство во время соединения Малороссии с Великою Россией*» (1871). Потом научные публикации выходили каждый год, а иногда и чаще, вот названия некоторых их них: «*Костомаров, как историк Малороссии*» (1871); «*Переговоры об условиях соединения Малороссии с Великою Россиею*» (1872); «*Начало исторической деятельности Богдана Хмельницкаго*» (1873); «*Дионисий Балабан, митрополит Киевский. Из истории отношений киевской церковной иерархии к московскому правительству*» (1874); «*О крепостном праве в Малороссии*» (1875); «*Мефодий Филимонович, епископ Мстиславский и Оршанский, блюститель Киевской митрополии*» (1875); «*Малороссийские города в эпоху соединения Малороссии с Великою Россиею*» (1876).

Это были серьезные научные работы. Как позднее было отмечено в некрологе: «*Отличительная черта всех статей Г. Ф. Карпова — их полнейшая самостоятельность, богатство фактическаго материала, новые взгляды и выводы иногда совсем неожиданные*»[77]. Пожалуй, эти годы (1871–1876) были самыми продуктивными в жизни Геннадия Федоровича как ученого-историка.

После 1877 г. он практически перестал писать научные статьи. Посвятил себя другому важному делу – публикации древних русских исторических источников. Лишь в конце своей жизни, как вспоминал Ключевский, «*Уже лежа на постели, с которой ему не пришлось встать, он принужден был во имя своего стараго московскаго взгляда на Богдана Хмельницкаго защищать его*». Так в 1889 г. появилась статья: «*В защиту Богдана Хмельницкаго*». В ней Карпов выступил против взглядов историков Костомарова и Кулиша, заявив, что они, преднамеренно проигнорировав важные исторические документы, несправедливо обвинили гетмана в предательстве русского царя[78].

Как отмечали многие, Г. Ф. Карпов был любимым учеником С. М. Соловьева, который считал его даже более талантливым, чем В. О. Ключевского. Но никакой конкуренции, борьбы между учениками не было. Начинающие историки подружились еще на профессорских курсах (если не раньше). И сохранили теплые отношения на всю жизнь (по некоторым данным Ключевский предоставил приют Карпову после его свадьбы, когда тот особенно нуждался в поддержке). Василий Осипович являлся ближайшим другом Геннадия Федоровича, стал фактически членом его семьи, и оставался таковым даже после смерти товарища: «*Ключевский всегда был почётным гостем во время семейных торжеств у Карповых: на крестинах и свадьбах их детей*»[79]. О близких, дружеских отношениях между историками свидетельствуют слова, с которыми Геннадий Федорович обращался в письмах к Василию Осиповичу: «*дорогой мой*»[80].

Издание исторических источников, печать "Изборника"

Как уже отмечалось, в последние годы жизни Карпова характер его научной деятельности изменился: «*С начала восьмидесятых годов труды Геннадия Федоровича обращаются главным образом в другую сторону: он начинает издавать Памятники дипломатических сношений Московскаго государства с державами иностранными.* [...] *Насколько важно и желательно издание означенных памятников известно всякому: в них скрывается не только масса сведений по истории внешних сношений древней Руси, но и для ея внутренней истории*»[81].

О том же писал В. О. Ключевский в некрологе, посвященном памяти друга: «*Последния 12 лет своей жизни он посвятил изданию памятников, с которыми были связаны или соприкасались его изследования. Напечатанные им 4 тома "Памятников дипломатических сношений Московскаго государства" в XV — XVI в. (в Сборнике Императорскаго Русскаго Историческаго Общества) и 2 тома актов по делу о возсоединении югозападной Руси с Московской в XVII в. (в изданиях Археографической Коммиссии) входили в задуманный им обширный план полнаго систематическаго издания документов, касающихся деятельности московской дипломатии тех веков. Эти томы занимают видное место среди изданий подобнаго рода и долго будут поддерживать благодарное воспоминание об издателе среди занимающихся изучением русской истории*»[82].

В ученом мире ценили важность работы, которой посвятил всего себя Г. Ф. Карпов: «*Мы в свое время имели уже случай говорить, с какой тщательностью и с каким неослабным вниманием относился он к изданию актов и их текстам. Работа эта в высшей степени плодотворна для науки,* [...] *но в то же время работа трудная, так как требует необыкновенной сосредоточенности и напряжения, и вместе с тем мало благодарная* [...] *Дело возсоединения югозападной Руси с великою не было для него только академическим вопросом о минувшем историческом факте, а вопросом живым о настоящем и будущем России. Душа его настолько была проникнута этим национальным чувством, что всякий противник Государственнаго единства был как бы его личный недруг*»[83].

Хотелось бы особо рассказать о двух книгах, изданных при самом активном участии Карпова.

Предисловие к первой книге написано самим Геннадием Федоровичем, оно начинается со слов: «*В начале прошлаго 1883 года потомственный почетный гражданин Арсений Иванович Морозов обратился ко мне с просьбой оказать содействие к изданию "Круга древняго церковнаго пения знаменнаго распева Крюковые ноты"*»[84]. Упомянутый А. И. Морозов был дальним родственником по линии жены, являлся «*председателем Совета Богородской старообрядческой общины и создал при своих фабриках в Богородске удивительный церковный хор, который возрождал традиции знаменного пения в старообрядческой среде. Этот хор получил имя "Морозовский"*»[85]. Издание было осуществлено через "Общество любителей древней письменности", членом которого являлся Г. Ф. Карпов. Книгу напечатали тиражом в 1.200 экземпляров. «*фототипическим*» способом, или как он назван в предисловии, способом «*светописи*». Судя по всему, Геннадий Федорович внес личные пожертвования на опубликование этого уникального труда. В архивном деле зафиксированы суммы в 2.000 и 350 руб., внесенные им в 1885 г. «*на издание крюковых нот*»[86].

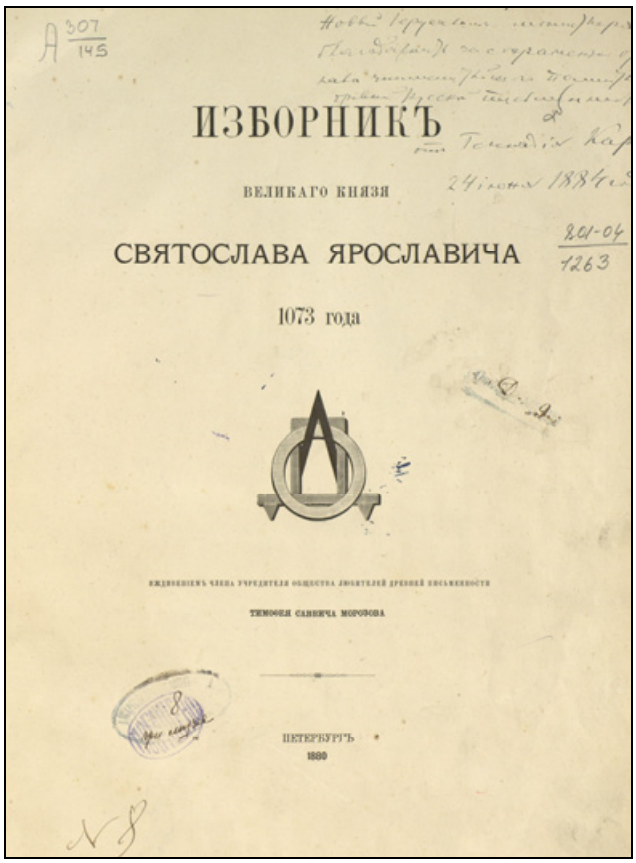
Вторая книга связана с нашим краем. Речь идет о так называемом "Изборнике" – рукописи, написанной в 1073 г. и обнаруженной в 1817 г. в Новоиерусалимском монастыре. Усердием Г. Ф. Карпова была издана новым в то время «*фотохромолитографическим*» (фотолитографическим) способом точная копия древней рукописи в цвете, тираж составил 360 экземпляров. Как тогда писали: это был «*роскошно изданный редкий памятник древней русской литературы*».

Справка. *«**“Изборник”** был списан с древней болгарской рукописи, принадлежавшей болгарскому царю Симеону, которая восходит к греческому протографу (893–927), по заказу старшего сына Ярослава Мудрого – киевского князя Изяслава»* [87]. Этот памятник (наряду с “Остромировым евангелием”, “Изборником” 1076 года и “Новгородским кодексом”) относится к древнейшим русским рукописным книгам с точно установленной датировкой. «*Рукопись содержит 266 листов и выполнена на пергаменте уставом в 2 столбца. Её создавали 2 писца. Изборник украшен великолепными миниатюрами, заставками, инициалами и рисунками знаков зодиака на полях.* […] *Исследователи отмечают, что книжное письмо обладает высочайшей культурой, а рукопись оформлена очень изысканно.* […] *“Изборник Святослава” 1073 года является ценным источником для изучения древнерусского языка самого раннего периода»*[88].

Этот уникальный памятник каким-то непостижимым образом пережил века и был обнаружен в начале XIX в. Произошло это следующим образом. «*Государственный Канцлер Граф Н. П. Румянцев в 1817 году снарядил на свой счет археографическую экспедицию в лице тогдашних молодых ученых Строева и Кайдановича»*[89]. В библиотеке Воскресенского Новоиерусалимского монастыря эти ученые обнаружили уникальную рукопись и поняли ее важность для истории. Два следующих года ушли на снятие точной копии (буква в букву) и на перерисовывание «*десяти картин в точном их виде*», за что художнику были обещаны огромные по тем временам деньги 1.200 руб. «*В 1834 году “Изборник” был передан в ризницу Московской синодальной библиотеки»*. В 1859 г. вышло первое описание “Изборника”, составленное А. В. Горским и К. И. Невоструевым. Ныне литературный памятник хранится в Государственном историческом музее г. Москвы.

На приводимой здесь копии обложки одного из экземпляров “Изборника”, находящегося в библиотеке РГБ, в правом верхнем углу можно прочитать слова: «*Новый Иерусалим монастырю благодарность за сохранение* […] *знаменитейшаго памятника древней русской письменности, от Геннадия Карпова, 24 июня 1884 года*». Получается, что этот экземпляр был подарком историка монастырю.

Факсимильное издание, судя по надписи на титульном листе, вышло в 1880 г. «*иждивением члена учредителя Общества любителей древней письменности Тимофея Саввича Морозова»*. Это тесть историка. Надо полагать, что с выходом этой книги, как и других, особых проблем не было. Морозовы давали необходимые деньги, хотя вряд ли что-то понимали в научных трудах зятя. Родственники вспоминали, что Карпов издавал «*за счет Тимофея Саввича какие-то необыкновенно дорогие, никому ненужные книги*». Очевидно, речь шла о “Изборнике”, очень дорогом издании.

ИЗБОРНИКЪ

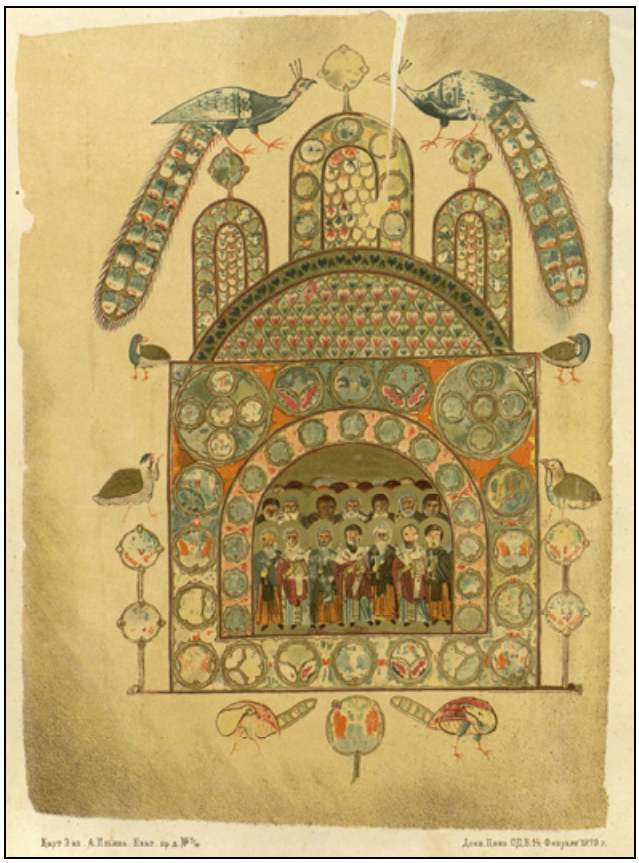
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

СВЯТОСЛАВА ЯРОСЛАВИЧА

1073 года

ТИМОФЕЯ САВВИЧА МОРОСОВА

ПЕТЕРБУРГЪ

Изо 4–19, 4–20. Обложка с дарственной надписью и одна из страниц издания “Изборника”[90], 1880.

Аудиенции у государя императора

Писатель Н. А. Филаткина в одной из своих книг написала: «*За свои исследования в области истории России и Малороссии, а также плодотворную деятельность в Обществе истории и древностей российских и Императорском русском историческом обществе Г. Ф. Карпов получил признание в ученых и правительственных кругах. Карпов имел аудиенцию у императора Александра III*»[91]. Дата и источник информации о встрече на высшем уровне указаны не были.

Подтверждение приема у императора нашлось в письмах, написанных Г. Ф. Карповым из Петербурга своим дочерям. В них есть такие слова: *«Здесь от моего имени печатается большая книга, которую я должен окончить и когда кончу, то говорят, что ее следует представить царю. Боюсь только, что пожалуй не успею кончить, но буду стараться. Царю представляться большое счастие* […] *Передайте Маме, сейчас я был у министра Народнаго Просвещения. Он принял меня чрезвычайно любезно; обязался немедленно доложить государю о приеме и что государь меня примет после четверга*»[92]. Указанные слова были написаны 24 апреля и 1 мая 1884 г. Это означает, что, по всей видимости, в начале мая император Александр III (он в то время правил страной) дал аудиенцию Г. Ф. Карпову. Ну а по какому поводу эта встреча произошла? В письме говорится о большой книге, которую «*следует представить царю*». Название ее не указано. Изучение этого вопроса показало, что в 1884 г. историк своих трудов не печатал, но «*под наблюдением Г. Ф. Карпова*» был издан очередной 41-й сборник "Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными", а также "Круг церковного древнего знаменного пения". Обе книги печатались в Петербурге и, вероятнее всего, какую-то из них (а может обе) Геннадий Федорович представлял императору.

Это была не единственная аудиенция у государя. В личном фонде № 369 Г. Ф. Карпова хранится приглашение следующего содержания: «*Его Императорское Величество соизволит принять Вас в Собственном Его Величества Аничковом Дворце в пятницу 17-го февраля в 12 часов*»[93]. К сожалению, год не указан. Но месяц февраль говорит о том, что это была другая аудиенция, т.к. первая проходила в мае.

Были и другие встречи с царем, но уже не личные. Об этом свидетельствует письмо супруги Анны Тимофеевны: *«Получила сегодня твое письмо, рада, что Ты попадешь на Заседание с Государем; но все-таки очень желаю, чтобы Ты поскорее представился Государю и мог бы поскорее приехать»* [94]. Датировка этого письма неизвестна. Но, скорее всего, речь идет о конце 1880-х гг.

Государя видели и дети Карповых. В том же фонде ОПИ ГИМ обнаружены два приглашения на имя сыновей Федора и Александра на коронование «*Их Императорских Величеств*». Очевидно, это было коронование Николая II, происходившее в Москве в мае 1896 г.

Ордена, чины, дворянство

Геннадий Федорович был членом нескольких научных сообществ. Как написано в дореволюционном словаре Половцова: «*15 октября 1866 г. еще он был избран членом Императорскаго общества истории и древностей, 6 мая 1873 г. — членом Археографической коммисии, 17 марта 1880 г. членом Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. В занятиях этих учебных обществ и учреждений он принимал живое и деятельное участие. Под его редакциею вышло несколько изданий; в Археографической коммисии он постоянно принимал участие в разборе и оценке различных древних документов, в Обществе истории и древностей в течении 12-ти лет был казначеем*»[95].

Труды историка получили должную оценку в научных кругах и в высших инстанциях. В одном из архивных дел обнаружен документ следующего содержания: «*В воздаяние отлично-усердной и ревностной службы вашей, Начальством засвидетельствованной, Всемилостивейше пожаловали Мы вас указом, в 1 день января 1878 года Капитулу данным, Кавалером Императорскаго Ордена Нашего Святаго Равноапостольнаго* ***Князя Владимира четвертой степени***»[96] (по всей видимости, с представлением о награждении вышла Археографическая комиссия).

Это была не первая награда Г. Ф. Карпова. Напомним, что в 1867 г. он получил орден св. Анны 3-й степени. Однако новая награда была выше статусом и давала право награжденному ходатайствовать о причислении к дворянскому сословию, причем, не только лично себя, но и членов своей семьи. Историк этим правом решил воспользоваться, подал соответствующее прошение, к которому

Изо 4–21, 4–22, 4–23, 4–24. Ордена св. Анны 3 ст., св. кн. Владимира 4 и 3 ст., св. Станислава 1 ст.

приложил документы на супругу и родившихся к тому времени восьмерых детей. 25 июля "Московское Дворянское Депутатское Собрание" внесло в «*третью часть дворянской родословной книги Коллежскаго Советника Геннадия Федоровича Карпова*» с женою и детьми. **25 сентября 1878 года** указом «*Его Императорскаго Величества*» это решение было утверждено.

Так ученый-историк стал дворянином. После его кончины в дворянскую книгу Московской губернии были внесены имена еще семерых детей Карповых, родившихся после опубликования указа. Кроме Московской губернии члены семьи были внесены в дворянскую книгу Владимирской губернии, где находилось приобретенное имение Сушнево Покровского уезда. А вот с созданием своего дворянского герба Карповы почему-то не спешили. Лишь в 1901 г. уже после смерти Геннадия Федоровича был утвержден герб рода (его изображение приведено выше – изо 4–01).

Весной 1880 г. Г. Ф. Карпов был награжден очередным, точнее внеочередным орденом. Произошло это благодаря изданию упомянутого "Изборника". Это была уникальная книга, как по изготовлению, так и по научной значимости. Как написано в архивном деле, министр Народного просвещения граф Толстой преподнес экземпляр в подарок государю Александру II и «*испрашивал награждение Карпова, за его важную ученую заслугу по изданию Сборника,* ***орденом св. равноапостальнаго князя Владимира 3 степени***»[97], на что «*последовало Всемилостивейшее соизволение*». Это было нарушением установленного порядка: следующий орден мог быть вручен не ранее чем через три года после предыдущего награждения. А тут прошло всего полтора года (напомним, что похожая ситуация возникла и с внеочередным награждением другого брыковского помещика доктора П. Н. Кильдюшевского). Но такова была воля императора, что мог отступать от правил. Его «*монаршую милость*» на внеочередное награждение отнесли на «*норму наград вне правил*».

15 мая 1883 г. Геннадию Федоровичу был присвоен высокий чин **действительного статского советника**[98]. Спустя четыре года он был отмечен еще одним, четвертным по счету (и последним) **орденом – св. Станислава 1-й ст**. Инициатором награждения вновь выступила Археографическая комиссия, членом которой был историк. В первый день 1887 г. вышел указ о награждении Карпова указанным орденом «*во внимание к ревностной службе и отличным трудам*»[99].

Был ли Геннадий Федорович профессором?

В различных публикациях как дореволюционных, так и современных Геннадий Федорович назван профессором, иногда с добавлением «*профессор Харьковского университета*», порой и вовсе «*профессор Харьковского и Московского университетов*». На это можно сказать следующее. Профессором Московского университета Г. Ф. Карпов в принципе не мог быть, т.к. никогда в нем не работал и преподавателем не был – был только студентом и слушателем курсов. А также защищал здесь обе своих диссертации – магистерскую и докторскую. В Харьковском университете, как написано в статье Я. А. Лазарева и В. С. Ившина (со ссылками на исторические источники), Геннадий Федорович после защиты докторской диссертации стал лишь исполняющим должность профессора на кафедре русской истории. Но официально в этой должности утвержден не был, т.к. дважды не прошел процедуру голосования на факультете и университетском совете (об этом подробно рассказывалось ранее). Ну и, наконец, такой аргумент. Ни в одном из сохранившихся ФС (а в архивных делах сохранились четыре формулярных списка историка разных лет) слово профессор не встречается. И ни в одной из поданных Геннадием Федоровичем бумаг он таким званием не

подписывался. Это означает, что официально у него профессорского звания не было, хотя доктором исторических наук после защиты диссертации он стал. Несмотря на это, еще при жизни Г. Ф. Карпова (а тем более после кончины), во многих публикациях его называли профессором. Кто-то писал так по незнанию, а кто-то, видимо, в знак уважения заслуг ученого.

И все же, во имя исторической справедливости называть Г. Ф. Карпова профессором неверно. «*Доктор Русской истории*» звучит не хуже и это будет правильно.

Каким человеком был историк

Хотелось бы теперь рассказать о Геннадии Федоровиче как о человеке. К сожалению, сведений на эту тему мало. В книге Савиновой дано такое описание внешности: «*Высокий, с русыми волосами и глубокими серыми глазами, гость имел благородные, но мягкие черты лица*» (первоисточник не указан). Доктор Захарьин про историка писал: «*Телосложения сухого, крепкого*».

Изо 4–25. Г. Ф. Карпов[100], (ГИМ).

В некрологе говорится: «*Как личность, покойный Геннадий Федорович был человек умный, умевший просто и практически смотреть на вещи; он часто прямо "резал правду" и говорил под воздействием непосредственных дум и ощущений, что заставляло его переживать не мало тяжелых минут в своей жизни. Как православный христианин, он сознавал и чувствовал себя в единстве народнаго духа*»[101].

Г. Ф. Карпов был ярым патриотом, монархистом, защитником русского государства. Как уже говорилось: кто был против единства России, тот становился его личным недругом.

Хоть об этом нигде прямо не написано, но нет никаких сомнений, что Геннадий Федорович был честным, порядочным человеком. А по-другому и быть не могло.

Отношения с близкими людьми, родственниками

Историк любил жену и своих многочисленных детей[i]. Сохранившиеся в разных архивах письма это подтверждают (см. приложение–4). Например, супруге Анне Тимофеевне он писал: «*Писем от Тебя третий день не получаю, безпокоюсь о вашем здоровье*»[102]. В конце текста стоит подпись: «*любящий тебя муж*». В другом письме Геннадия Федоровича, отправленном в 1884 г. из Петербурга своим детям, есть такие слова: «*что я не с вами, очень жалею, но должен может быть еще целую неделю прожить в Петербурге.* […] *Бог милостив скоро увидимся, неделя скоро пройдет. Поцелуйте за меня маму, скажите чтобы она берегла свое здоровье, а вы старайтесь давать ей покой*»[103]. Спустя неделю он вновь писал любимым дочерям[ii]: «*Вероятно в пятницу или в субботу вечером выеду и как буду рад вас перецеловать – это и сказать трудно. Мне очень – очень скучно без вас, как только теперь благополучно возвращусь, то буду стараться с вами не расставаться*». Какие теплые, душевные, искренние слова. Нет никаких сомнений, что Геннадий Федорович был любящим (и любимым) отцом и мужем.

Так в жизни сложилось, что среди родственников (родителей, братьев, сестры, племянников) Геннадий Федорович был наиболее состоятельным человеком. Думается, что после окончания университета и выхода на работу он не испытывал острой материальной нужды. Ну а после женитьбы на купеческой дочери, и особенно после того, как с тещей и тестем наладились добрые отношения, думать о заработке уже не приходилось. Он мог целиком посвятить себя любимому занятию – изучению истории. О благополучии семьи свидетельствует и то, что Карповы вскоре переехали в свой собственный дом в Москве, стали покупать недвижимость (среди первых было имение Брыково).

---

[i] По какой-то необъяснимой причине ни одной фотографии историка со своими детьми не обнаружено. А вот фотоснимков супруги с детьми и отдельно каждого из детей Карповых сохранилось большое количество (счет идет на десятки, если не на сотни).

[ii] Письма Г. Ф. Карпова дочерям хранятся в архивных делах РГИА в Петербурге. Эти дела смотрел и скопировал один из его потомков Василий Николаевич Ненароков, за что отдельное спасибо.

Короче – материальный достаток в семье был, и был неплохим.

А вот о родственниках историка этого не скажешь. Они часто обращались к нему за помощью, просили денег. О некоторых случаях уже рассказывалось, о том же свидетельствуют сохранившиеся письма родни. За помощью обращались братья Анатолий, Иринарх, сестра Варвара, которая хлопотала за своих сыновей Иринарха и Константина. Ответы Геннадия Федоровича не сохранились. Но нет никаких сомнений, что он помогал своим бедным родственникам. Это подтверждают и слова их благодарности за ранее оказанную помощь, которые нередко встречаются в письмах.

Все это говорит о том, Г. Ф. Карпов любил родню, хотя они, может, и чрезмерно надоедали просьбами. Братья Анатолий и Иринарх жили в Москве, и можно предположить, что Геннадий, как старший брат, давно проживавший в этом городе, помог с их обустройством на новом месте. Помогал и племяннику Иринарху, об этом свидетельствуют как его собственные письма, так и послания его матери Варвары Федоровны (цитаты приводились ранее). Стоит также отметить, что брат Анатолий Федорович был записан крестным отцом родившегося у Геннадия сына Федора. Все это свидетельствует о нормальных, братских отношениях среди родственников.

За помощью к Г. Ф. Карпову обращались и посторонние люди. В ОПИ ГИМ обнаружено письмо священника из с. Лучинское Ярославской губернии. Оно начиналось словами: «*Добрейший Геннадий Федорович*»[104]. Далее батюшка писал, что по новому положению их церковь могут закрыть, т.к. в приходе менее 500 душ. Храм оставят действующим, если в церковной кассе будет капитал, приносящий ежегодно процентного дохода не менее 500 руб. на содержание причта. Прихожане собрали только половину необходимого капитала. А за недостающей суммой обратились к Г. Ф. Карпову (имение его матери Иванцево относилось к приходу Смоленского храма с. Лучинское). К сожалению, в деле нет сведений о том, чем закончилась эта история. Геннадий Федорович мог и отказать, т.к. дело происходило в 1869 г., когда он был всего лишь доцентом Харьковского университета и только что женился. Можно лишь сказать, что спустя два десятилетия он построил храм на свои деньги на станции Болдино во Владимирской губернии (об этом речь впереди).

На выборных должностях в Звенигородском уезде

Как уже говорилось, в 1874 г. на имя Геннадия Федоровича было приобретено имение Брыково. Став владельцем недвижимости в Звенигородском уезде, он получил право на участие в выборах и в работе земских органов. И этим правом воспользовался.

16 сентября 1875 г. Г. Ф. Карпов был избран почетным мировым судьей Звенигородского уезда (при голосовании за его кандидатуру было подано 15 шаров “за” и 3 “против”)[105]. В 1877 г. он был переизбран в этой должности на следующие три года[106]. Одновременно его избрали от землевладельцев уезда в числе девяти гласных (т.е. депутатов) Звенигородского земского собрания[107]. Осенью того же года Карпова выбрали в ревизионную комиссию[108]. А два года спустя согласно записи в ФС он стал «*Председателем Звенигородскаго мироваго съезда*». В 1880 г. на очередном Звенигородском уездном земском собрании Г. Ф. Карпов вновь был избран в почетные мировые судьи[109].

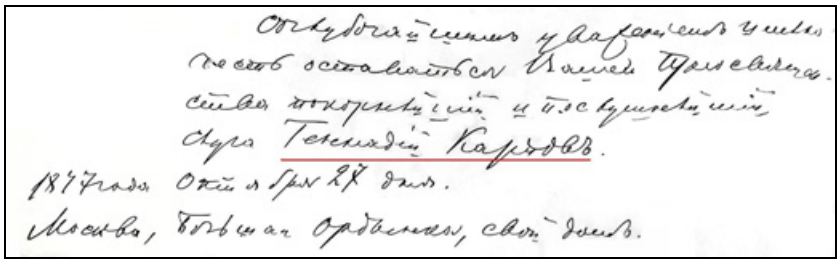
Вот сколько выборных должностей историк занимал в Звенигородском уезде в течение недолгого времени! Это свидетельствует о доверии к нему людей. К сказанному можно еще добавить, что в 1882/83 учебном году проверялась работа земского училища в соседнем селе Покровское-Рубцово. Как в деле записано: «*ревизия училища производилась Профессором Карповым*»[110].

Геннадий Федорович не ограничивался работой в выборных органах. Когда в 1877 г. началась Русско-Турецкая война, то для лечения поступавших с фронтов раненых воинов в г. Воскресенске собирались открыть госпиталь[111]. На это доброе дело по всей округе осуществлялся сбор добровольных пожертвований, Г. Ф. Карпов внес 5 руб.[112]. Примерно в это же время он оказал помощь «*Обществу попечения о раненных и больных воинах*». Сумма не указана, но, по всей видимости, пожертвование было солидным, коль скоро «*Главное Управление*» этого общества в Санкт-Петербурге приняло решение о выдаче историку знака “Красный Крест”.

Имея подмосковное имение, Г. Ф. Карпов не жил в нем постоянно. Это подтверждает адрес жительства в Москве, который он указал под одним из своих обращений: «*Москва, Большая Ордынка, свой дом*» (№ 41).

В виду своего частого отсутствия в мае 1879 г. Геннадий Федорович выдал доверенность

крестьянину Антону Покосонову на управление делами в подмосковном имении. Текст ее гласил: «*Доверяю тебе заведовать нашим имением Московской губернии Звенигородского уезда при селе Брыкове и пустошах Букаревской и Кучах: 1. Охранять мой дом, все постройки в имении и все находящееся в них имущество. 2. Смотреть за сохранностью лесов; в случае же порубок, перерубов, а также потрав полей и травы и тому подобного, при правонарушениях обращаться за помощью к полицейским властям, жаловаться в мировые учреждения и в последних вести по этим делам судебные присутствия. 3. Нанимать лесников и рабочих для полевых работ и наблюдать, чтобы те и другие строго исполняли свои обязанности. Когда найдешь нужным увольнять, то можешь их рассчитывать. 4. Не дозволяю тебе в имении, без особого моего распоряжения, рубить ни одного дерева, а также никого не допускать до осмотра этих лесов. 5. Охоту в лесах и пустошах никому не дозволять, за исключением соседних помещиков гг. Киселева и Шиловского. Дана сия доверенность крестьянину Рязанской губернии села Дубровичи Антону Васильевичу Покосонову. Г.Ф. Карпов*»[114].

Изо 4–26. Подпись историка и его адрес[113], 1877.

Покупка имения Сушнево во Владимирской губернии

После 1883 г. имя Геннадия Федоровича более не встречается в документах, относящихся к Звенигородскому уезду, за исключением ведомостей о ежегодно начисляемых налогах на имение Брыково. Надо полагать, историк прекратил работу в земских учреждениях. Причина этого нигде не объясняется, но она очевидна: в 1879 г. было куплено имение в составе сельца Сушнево и нескольких пустошей во Владимирской губернии. Как показали дальнейшие события, из двух своих владений Карповы выбрали более дальнее, куда предпочитали ездить на летний отдых с детьми.

Справка. Усадьба Сушнево располагалась на берегах речки Пекши, впадающей в Клязьму. *«В середине XVIII в. усадьба принадлежала Василию Григорьевичу Кочегову. Его дочь Прасковья вышла замуж за секунд-майора в отставке Ивана Никифоровича Грибоедова, Это был дед знаменитого писателя А.С. Грибоедова. И.Н. Грибоедов получил в приданое за П.В. Кочеговой усадьбу Сушнево. При Грибоедовых тут был построен главный трехэтажный дом. В этот же период владельцы собрали в Сушневе обширную библиотеку. Усадьба была известна и своими музыкальными традициями. В дальнейшем усадьба была продана отставному полковнику Константину Михайловичу Поливанову»*[115]. В последующие годы владельцем стал Александр Константинович Поливанов, а потом имение перешло его сыну Николаю после раздела наследства с родственниками.

Сделка по приобретению имения была совершена 18 января в г. Покров Владимирский губернии через доверенных лиц. Продавцом был коллежский асессор Николай Александрович Поливанов, а покупателем записан потомственный дворянин статский советник Геннадий Федорович Карпов. В купчей крепости было записано, что продана «*свободная от залога земля*» в Покровском уезде при станции Болдино, сельце Сушнево и пустоши Пестриковой в размере 977 дес. с господским домом, са-

Изо 4–27. Барский дом в имении Сушнево[116], фотограф Д. Д. Нестеровский, 1893–1896.

дом, оранжереями, хозяйственным двором со всей скотиной, трактиром, постоялым двором и прочими строениями, включая мукомольную мельницу на речке Пекша, приносившую в год доход 325 руб.[117]. Помимо этого, в документ о продаже были вписаны пустоши «*Кочугова, Емельянова, Петровский луг*» и другие. Общий размер всей приобретенной историком земли составил 1.742 дес., за нее было заплачено 40.000 руб. сер. В купчей крепости было прописано, что из продажи исключена разработка торфа на болоте, а также лес, растущий на земле имения, который был «*продан весь без остатку*» 16 ноября 1878 г. супруге Анне Тимофеевне. За него она заплатила 10.000 руб. сер.[118].

В течение 1879–1880 гг. на имя Г. Ф. Карпова были оформлены еще три сделки по покупке земель вблизи населенных пунктов Осовец и Пекоцкий Ям в том же уезде. После этого суммарный размер всех владений во Владимирской губернии с учетом имения Сушнево составил 2.331 дес.[119].

В архивном деле приведены и другие ранее неизвестные факты. Если верить документам, то спустя год-два (а иногда и через несколько месяцев) после совершения сделок по приобретению недвижимости Геннадий Федорович брал в долг деньги у своей жены Анны Тимофеевны. Так в феврале 1879 г., т.е. всего месяц после покупки Сушнево, он занял у супруги под залог этого имения 75 тыс. руб. сроком на пять лет из расчета 6% годовых[120]. Были и другие заимствования. В результате общая сумма долга жене составила 109.000 руб.

Что на это сказать? Выглядит все это черезчур меркантильным. Не вяжется как-то со счастливым браком Карповых, в котором на свет появилось 15 детей. Но с другой стороны, на имя Геннадия Федоровича приобреталась дорогая недвижимость. А, очевидно, у него собственных значительных капиталов не имелось, большого наследства ему никто не оставил. Да и стабильного заработка после увольнения из Харьковского университета тоже не было (если не считать непродолжительное время, когда он читал курс лекций совместно с Ключевским). Так что, совершенно очевидно, что деньги на покупку дала супруга или ее богатые родители купцы Морозовы. Ну а займы были лишь на бумаге. По мнению одного из специалистов так в прежние времена поступали, чтобы обезопаситься на всякий случай от притязаний дальних родственников при дележе наследства в будущем.

Хотелось бы остановиться на еще одном вопросе. Зачем приобреталось Сушнево, когда имелось имение Брыково, находившееся намного ближе к Москве? В документах это не объясняется, можно лишь строить предположения. Очевидно, подмосковная усадьба являлась не столь комфортабельной и удобной, не была такой большой, как владимирская. А это было важно для семьи Карповых, которая постоянно росла.

Имелись и другие причины. Имение Сушнево находилось вблизи станции Болдино на Московско-Нижегородской железной дороге, движение по которой было открыто в 1862 г. Добираться из Москвы до Сушнево было проще и удобнее, чем до Брыково, которое находилось в 30 верстах от ближайшей железнодорожной станции Крюково на Николаевской железной дороге (Московско-Виндавская ветка, проложенная в двух верстах от усадьбы Брыково, была запущена только в 1901 г.). Для перемещения большого семейства это было очень существенным обстоятельством.

И еще. Как будет показано далее, у Геннадия Федоровича были трения в отношениях с местными жителями в его брыковском имении. Он не смог договориться с крестьянами об удалении трактира из сельца Букарево. И тогда в отместку запретил им ходить на службы в храм кратчайшим путем, который пролегал по господской земле. Не сложились отношения и с приходским священником о. Михаилом Михайловским, которого Карпов обвинял в недостойном поведении (выпивках, драках). Все это может и не имело принципиального значения для помещика (все-таки, он хозяин, барин). Но, согласитесь, жить в конфликтной обстановке не очень комфортно.

Поэтому не стоит удивляться тому, что более дальнее имение стало любимым у Карповых. Это подтверждают многочисленные источники. В книге Савиновой говорится: «*Дети Карповых проводили в Сушневе все лето. В глубине парка был построен для них небольшой домик, где они занимались составлением "сухих картин" – гербариев, играли в лото или что-то мастерили*»[121]. И вот еще: «*Для оздоровительного отдыха в березовой роще построили гимнастическую площадку, где обитатели усадьбы и их гости занимались атлетикой: качались на трапеции, подтягивались на кольцах, карабкались по шесту*». В оранжереях зрели лимоны, абрикосы, персики.

Историк любил приезжать в свое владимирское имение. Как показывают письма, супруги Карповы обычно жили в Сушнево попеременно. Кто-то из них, пока шли занятия в училищах, оставался со старшими детьми в Москве. А младшие дети проводили в имении все теплое время года.

После смерти Геннадия Федоровича вся недвижимость перешла по завещанию его супруге Анне Тимофеевне. Со временем, когда она стала стареть, дела по владимирскому имению доверила своему старшему сыну Тимофею, он ей присылал хозяйственные счета и бумаги. В Москву регулярно отправляли фляги с молоком, масло, сметану, мясо, овощи, возили на поезде двора, сено.

Усадьбу Сушнево неоднократно посещали различные знаменитости. Еще при Геннадии Федоровиче в гости регулярно приезжал его товарищ **Владимир Осипович Ключевский**. Тот потом вспоминал, как вместе гуляли по имению[122]. Сохранились коллективные фотографии с известным историком, сделанные во владимирском имении. Ему настолько понравились здешние места, что он решил построить рядом для себя жилье. Как написано в книге Филаткиной: «*Здесь же, в Сушнёве, выстроил для себя дачу старый друг главы семейства Карповых — В. О. Ключевский. Его дача состояла из двух деревянных домиков на берегу р. Пекши. Один из них предназначался им для своих научных занятий, в другом историк отдыхал. Однажды навестить историка в Сушнёве приезжал* ***П. И. Чайковский****. Красоты земли Владимирской вдохновляли многих деятелей русской культуры. Известно, что в 1891 г. по приглашению В. О. Ключевского эту усадьбу посетил* ***А. П. Чехов***»[123].

И далее в той же книге говорится: «*Во время работы над образом Бориса Годунова, в одноименной опере П. И. Чайковского, сюда также по инициативе В. О. Ключевского прибыл* ***Ф. И. Шаляпин****. Знаменитый певец, познакомившись с владельцами Сушнёва, в дальнейшем посещал его неоднократно он подружился со старшим сыном Карповых — Тимофеем Геннадьевичем.* […] *По свидетельствам старожилов Сушнёва, по утрам на лужайке перед этим домом Федор Шаляпин любил распеваться, его песня была слышна на расстоянии четырёх верст. В этот момент косари, косившие траву на окрестных лугах по берегам Пекши, заслушавшись прекрасного голоса певца, невольно отставляли в сторону свои косы и наслаждались его пением*».

Приезжал в Сушнево и известный художник **И. И. Левитан**: «*в 1892 г., здесь он заканчивал свою картину "У омута". Своеобразным свидетельством пребывания Левитана в этих местах осталось и его знаменитое полотно "Владимирка", написанное в окрестностях Сушнёва».* Художник вместе с другими гостями попал на фотографию, сделанную во владимирском имении: «*Сидят (слева направо): З. Г. Морозова (жена Саввы Морозова), Наталья Карпова, Анна Тимофеевна Карпова, М.* [Николай?] *Поливанов, Савва Тимофеевич Морозов. Стоят (слева направо): Исаак Левитан, сын В. О. Ключевского* [Борис], *Тимофей Карпов, Н. П. Муратов, Анна и Алевтина Карповы*»[124].

Изо 4–28. Гости в имении Сушнево, 1888–1892.

Строительство храма на станции Болдино

Геннадий Федорович Карпов был истинно православным человеком, это подтверждают слова владыки, сказанные на похоронах: «*К числу глубоко Верующих ученых принадлежал и почивший досточтимый труженик исторической науки болярин Геннадий Феодорович*».

Историк в конце своей жизни стал храмоздателем. Правда, в отличие от Квашниных-Самариных его добрые дела проявились не в Брыково, а на владимирской земле.

Жителям Сушнево и ближайших селений было не удобно ходить на службы, т.к. православный храм находился от усадьбы далеко – за 7 верст в с. Абакумово. Поэтому понятно желание иметь церковь поближе к имению. Карповы были богаты, они могли построить Божий дом на свои деньги, нужно было только получить разрешение у священноначалия. О том, как это доброе дело начиналось, стало известно из статьи, напечатанной в местных епархиальных ведомостях:

«*Покойный разсказывал, что еще в молодых летах, будучи болен, он дал обет, если Господь возвратит ему здоровье, употребить все силы и дарования, при материальной возможности, на устройство храма Божия* […] *вынесши прочное религиозное настроение из верующей православной семьи, он остался верующим навсегда, и не забыл данный в юности обет, когда, чрез женитьбу на дочери известнаго фабриканта Т. С. Морозова, сделался человеком богатым. Теперь, когда открылась возможность выполнить свое давнее желание — построить храм Божий, Г. Ф. Карпов, при содействии глубоковерующей супруги своей, расположил и богатых родственников ея к участию в святом деле. Известно, что в устройстве храма немалое участие принимали мать Анны Тимофеевны Карповой Мария Федоровна Морозова, братья Савва и Сергий Тимофеевичи Морозовы и сестры их*»[125].

Дело о постройке Божьего дома началось, когда Геннадию Федоровичу оставалось жить три года. За это не столь продолжительное время он успел многое сделать. «*В ГАВО*[126] *сохранилось его прошение от 22 апреля 1887 года владимирскому архиепископу Феогносту о благословении и разрешении построить на своей земле близ станции Болдино и на собственные средства каменную церковь в честь Боголюбской иконы Божьей матери по проекту епархиального архитектора Н. Д. Корицкого*»[127]. Выбор посвящения храма не случаен, данная икона Богоматери особо почитаема на владимирской земле еще со времен великого князя Андрея Боголюбского.

19 июня проект Божьего дома был рассмотрен и одобрен епархиальной строительной комиссией[128]. В архивном деле сообщается, что на строительство было заготовлено 200.000 штук кирпича[129].

О дальнейшем развитии событий говорится в статье, напечатанной во “Владимирских епархиальных ведомостях”: «*Место для храма, по совету с архитектором Карицким, избрано на земле, принадлежащей Г. Ф. Карпову, в двух верстах от Сушнева и ста саженях от станции Болдино, на сухом ровном грунте.* […] *Чтобы ускорить дело и иметь под рукой материал в достаточном количестве для построения храма, г. Карпов устроил на своей земле кирпичный завод. Осенью прошлаго* [1887] *и весною настоящаго года произведены были предварительные работы: выкопаны рвы под стены храма и забучены, а равно приготовлен материал для постройки*»[130].

В той же заметке сообщалось, как 6 августа 1888 г. в праздник Преображения Господня была осуществлена закладка храма. В торжестве приняли участие помимо Геннадия Федоровича и его жены Анны Тимофеевны, также ее родители купцы Тимофей Саввич и Мария Федоровна Морозовы, старообрядцы по вере. Они потом оказывали помощь при строительстве храма. За год с небольшим успели возвести каменное здание храма и колокольни. Оставалось внутри оштукатурить стены, настлать полы и устроить иконостас. Но смерть не дала историку самому закончить все дела.

Доброе начинание завершала супруга: «*По смерти мужа заботами Анны Тимофеевны, с помощию ея еще несовершеннолетних тогда сыновей, устроен Московским мастером Спиридоновым иконостас резной, дубовый, весьма искусной работы; иконы написаны в древнем Греческом стиле, на золоте, мастером Постниковым*»[131]. В архивном деле обнаружено «*условие* [т.е. контракт] *на постановку дубового иконостаса в Болдино*»[132] к 1 февраля 1892 г. За него мастеру Григорию Спиридонову было обещано 6.800 руб. За написание 50 икон для храма «*в Новогородском стиле*» мастеру Николаю Постникову было заплачено 3.000 руб., им же была изготовлена лампада за 150 руб.[133]. Доставка камня на ст. Болдино стоила 1.404 руб. На средства вдовы была закуплена вся необходимая церковная утварь, «*а также и все прочее, что необходимо иметь, даже с избытком, для совершения Богослужения*». От храма до усадьбы была проложена прямая аллея.

Изо 4–29. Боголюбская церковь на ст. Болдино[134], фотограф Д. Д. Нестеровский, 1890–1896.

Изо 4–30. Венчание Алевтины Карповой и Николая Ненарокова на ст. Болдино[135], 1899.

Основные работы были завершены к лету 1893 г. О том, как далее развивались события, было рассказано в другой статье, напечатанной в епархиальных ведомостях:

«Освящение храма предположено было совершить 6-го июня, по окончании экзаменов учащимися детьми А. Т. Карповой, и освятить его приглашен был Высокопреосвященнейший Сергий, который принял приглашение. […] *Так как заранее было известно окрестным жителям об освящении, то еще с вечера народу собралось довольно, — храм был наполнен богомольцами.* […] *Утром 6-го числа* […] *Чин освящения храма совершен по уставу, благолепно. Каждое слово Высокопреосвященнейшаго Сергия ясно слышно было для всех присутствующих в храме. Освящение закончено было многолетиями Государю Императору,* […] *возглашением вечной памяти храмоздателю болярину Геннадию и многолетия храмоздательнице с семейством и благотворителями храма.* […] *Служение в церкви закончилось краткою литиею, соборне отслуженною Высокопреосвященнейшим Сергием со всем духовенством на могиле храмоздателя, находящейся на южной стороне в храме.* […] *В Сушневе, после литургии, радушною хозяйкой и виновницей торжества г-ой Карповой для Высокопреосвященнейшаго Сергия, духовенства, родных и знакомых предложен был обед*»[136].

На фотоснимках видно, каким красивым был Божий дом, построенный на станции Болдино. В этом храме потом венчались некоторые дети Карповых – дочери Алевтина и Мария, сохранившаяся фотография это подтверждает. В последующие годы вдова Анна Тимофеевна не забыла о Боголюбской церкви в своем имении. Так в 1915 г. ею было пожертвовано в храм 722 руб.[137].

Последний год жизни историка, кончина и похороны

Но вернемся во времени назад, когда историк еще был жив. 8 января 1889 г. в семье Карповых отметили 20-летие свадьбы. После благодарственного молебна юбиляров приветствовал священник Иверской церкви на Большой Ордынке о. Николай Мячин. Батюшка сказал много теплых слов в адрес юбиляров, особо отметил подвиг многодетной матери Анны Тимофеевны (к тому времени в семье было уже 14 детей): «*испытать страшные болезни почти ежегодных рождений при возможности и существовании многих средств избежать их, и все-таки предпочитать их – не есть ли это полное послушание и повиновение Божественному определению Творца еще прематери нашей Еве*?»[138]. Упомянул и Геннадия Федоровича: «*не разгибая спину просиживать почти целыя ночи за ученою работою – не по какой-то необходимости, а из-за одной только чистой любви к самому великому и кропотливому труду, при едва терпимых физических страданиях – не есть ли это полное и безропотное повиновение все тому же райскому голосу Творца*?» А в конце настоятель приходского храма сказал: «*наши юбиляры, крепко веря в промысел Божий, одно любят часто повторять: "Лишние не рождаются"*». Пожелал также супругам отметить 50-летие своей свадьбы.

Увы, пожелание батюшки не сбылось. Чуть более года прожил после юбилея Геннадий Федорович. В последние месяцы, а может и годы, он тяжело болел, страдал. Так в 1888 г. писал в Петербург, что приехать «*на заседание не могу, сердечно скорблю. Тяжеская болезнь приковала меня всю зиму к постели*»[139]. Незадолго до кончины попросил освободить его от обязанностей казначея в "Императорском обществе истории и древностей российских", написав в заявлении причину: «*Не имея более переносить* [боли…] *от почечных колик*»[140]. По мнению одного из священников такие испытания были даны неспроста: *«пред кончиною усопшаго послана была ему продолжительная и тяжелая болезнь для большаго очищения души его и для лучшаго перехода в другой мир».*

Вообще же Г. Ф. Карпов, по всей видимости, здоровьем не отличался. Так в его ФС отмечено, что в 1869 г. он просрочил возвращение из отпуска на пять месяцев «*по болезни».* Доктор Захарьин после осмотра больного в июне 1888 г. в истории болезни записал: «*Катар желудка и кишек резко выраженный. Попечные колики – болит правая почка. Мышечные боли в пояснице. Дурной сон, слабость. Апатия после обеда*»[141]. Врач назначил соблюдать диету «*не употреблять жаркое, копченое, резко соленое и кислое; не пить воды так много, как сейчас».* Еще была рекомендация: «*Употребление вина строго воспрещается. Но отказ не сразу. Употреблять 2 раза в день за завтраком и обедом по 1 столовой ложке рислинга».* Лечение было назначено такое: «*принимать теплые ванны с солью; кушать почаще; от болей в пояснице – 4 пьявки».* Увы, лечение если кратковременно и помогало, то кардинально ситуацию изменить не могло.

Умер Геннадий Федорович Карпов 24 апреля 1890 г. в своем доме № 41 по ул. Бол. Ордынка. В метрической книге приходской Иверской церкви указана причина смерти: «*от рака в печени*»[142].

Во "Владимирских епархиальных ведомостях" была опубликована статья, в которой подробно описано, как происходили похороны храмоздателя. Приведем выдержки из этой публикации.

Начинается статья со слов: «*24-го апреля настоящаго* [1890] *года, после продолжительной и тяжкой болезни, скончался в Москве известный в ученом мире доктор Русской истории, действительный статский советник, Геннадий Федорович Карпов 51 года*»[143]. Далее написано: «*Будучи истинно Русским по своим воззрениям и симпатиям, Геннадий Федорович был также истинным сыном православной церкви, имея глубоко верующую спутницу жизни*».

Отпевание историка состоялось в Москве: «*Оставя лучшую память о себе, почивший Геннадий Федорович удостоился от своих почитателей самых лучших проводов в загробную жизнь.* […] *26 апреля* […] *гроб с прахом почившаго был перенесен в приходскую церковь и поставлен посреди храма (в честь Иверской иконы Божией Матери) на катафалк, покрытый дорогими покровами из золотой и серебряной парчи; кругом его были положены на шести подушках из белаго глазета — ордена, медали и другие знаки отличия, которые имел Геннадий Федорович».* На гроб было возложено несколько венков.

«*В 10-м часу утра началась божественная литургия, которую совершал Преосвященный Александр, Епископ Можайский, в сослужении многочисленнаго Московскаго духовенства. В храме за богослужением присутствовали многочисленные почитатели усопшаго: профессора университета, представители ученых обществ, где почивший состоял членом, именитое купечество и родственники*». Затем «*металлический гроб был отправлен на станцию Моск.-Нижегородской железной дороги, чтобы с особым экстренным поездом отправить его в Болдино*».

Изо 4–31. Г. Ф. Карпов[144].

Железнодорожный состав с телом историка отошел во Владимирскую губернию на следующий день 27 апреля. «*Во время следования от Москвы поезд останавливался в Орехове-Зуеве, где встретила его масса народа, более тысячи человек. Здесь, как зять Т. С. Морозова, почивший имел много друзей и знакомых, по желанию которых местным причтом, при хоре отличных певчих, совершена была панихида*».

В час дня поезд прибыл в Болдино, где на станции собралось много людей. «*После литии, отслуженной местным духовенством с прибывшими из Москвы певчими, гроб до новой церкви был*

несен на руках друзьями и почитателями почившаго, причем, по желанию весьма многих, духовенство постоянно, чрез несколько шагов, останавливалось для служения литий. С разрешения Высокопреосвященнейшаго Феогноста, в трапезе строющагося храма, на южной стороне, еще заранее приготовлен был склеп, пред которым на паперти поставлен был гроб для служения последней панихиды».

Статья завершалась словами: «*По окончании речи гроб был опущен в склеп, над которым сделан свод, и положены все венки от почитателей. Прибывшие из Москвы, после поминальнаго обеда в Сушневе, с тем же экстренным поездом возвратились в Москву. Местные очевидцы печальнаго торжества разошлись под грустным впечатлением о преждевременной кончине добраго, умнаго человека, православнаго христианина и отца многочисленнаго семейства*».

Сохранилось несколько документов с подробностями о дне похорон Г. Ф. Карпова. В архивном деле найдены сведения о том, что, например, изготовление гроба с подушечками для орденов стоило 450 руб. Наем карет, колясок, линеек для перевоза гостей обошелся в 252 руб.[145] Содержателю духовного хора певчих И. И. Воздвиженскому «*за пение панихид, литургия, отпевание, проводы на вокзал, на другой день проводы в имение*»[146] было заплачено 300 руб. Было выдано за служение во время похорон: «*архиерею – 150 р.; благочинному – 50 р.; единоверческому* [священнику] *– 50 р.; кладбищенскому* [священнику] *– 15 р.; диакону соборному – 25 р.; служащим при архиерее – 21 р.*». Помимо этого были потрачены суммы на закупку 150 калачей, «*на чай городовым и жандармам»,* извозчикам, на раздачу нищим.

Поминальных обедов было организовано два: один 26 апреля в Москве на 200 персон, он обошелся вдове в 1.400 руб., а второй на следующий день в Болдино на 100 персон, он стоил 700 руб.[147]. Обнаружено меню поминального обеда для гостей, вот выдержка из него: «*Скоромное. Блины с зернистой икрой. Суп протаньер с торталетами. Пирожки разные. Осетрина по-американски. Зелень разная. Жаркое. Каплуны. Рябчики. Огурцы просольные. Желе мараскинный с земляникой. Бланманже со сливками. Рыбное.* […]»[148]. В дни поминовения Г. Ф. Карпова 26 апреля и 3 мая работала «*народная столовая*» для простых людей. На кормление 200 человек было отпущено по 20 руб. в первый и второй день.

Из всего перечисленного видно, как дорого обошлись похороны (счет шел не на одну тысячу рублей). Вдова хотела, чтобы все было по высшему разряду.

В 1891 г. Анна Тимофеевна внесла одну тысячу рублей на поминовение души умершего мужа в Троицкую единоверческую церковь у Салтыкова моста[149] (это тот самый храм, в котором 22 года назад обвенчались супруги Карповы). Настоятель храма о. Иоанн Звездинский[i] пообещал, что причт будет ежедневно поминать усопшего.

Теперь хотелось бы поговорить о месте погребения храмоздателя Г. Ф. Карпова.

Из приведенных в статье слов – «*в трапезе строющагося храма, на южной стороне, еще заранее приготовлен был склеп* […] *По окончании речи гроб был опущен в склеп, над которым сделан свод*» – получается, что тело историка поместили в склеп. Однако храм был еще не достроен, и не все было сделано в том виде, как хотела вдова. Через некоторое время она обратилась с прошением к владимирскому владыке, которое начиналось словами: «*При посещении вами в июне 1891 г. вновь строящейся церкви при станции Болдино, я просила Вас разрешить мне переложить тело покойнаго мужа, похороненнаго в этой церкви. Быть положенным в каменном гробу было его предсмертное желание. Позволение было дано мне Вашим Высокопреосвященством, но до сих пор мне не удалось исполнить это. Теперь камень приготовлен и все сделано, и я покорнейше прошу Вашего Благословления приступить к переложению в каменный гроб*»[150]. Разрешение было дано.

В архиве ОПИ ГИМ обнаружен уникальный снимок захоронения Геннадия Федоровича Карпова, сделанный внутри церкви на ст. Болдино. Позднее рядом был похоронен его сын Николай.

Увы, ни сам Боголюбский храм, ни захоронения в нем не сохранились. По сведениям из интернета церковь была разрушена в 1934 г. В начале XXI в. на бывшем церковном месте была построена часовня Боголюбской иконы Божией Матери.

---

[i] У о. Иоанна Звездинского был сын Николай, который был пострижен в монахи с именем Серафим, потом рукоположен в сан епископа. В 1922 г. он был арестован советской властью, осужден. По возвращении из ссылки в 1925 г. проживал в Аносином монастыре. Позднее подвергался арестам и был расстрелян в 1937 г. Ныне Серафим Звездинский прославлен в лике новомучеников.

Изо 4–32. Захоронение Г. Ф. Карпова в Боголюбской церкви на станции Болдино[151].

Увековечивание памяти Г. Ф. Карпова

Геннадий Федорович много делал для "Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете", долгое время был его казначеем. Когда стало известно о кончине историка, то решено было «*первое из осенних заседаний посвятить воспоминаниям об ученой деятельности и заслугах Г. Ф. Карпова*». 18 ноября 1890 г. после панихиды состоялось специальное чрезвычайное заседание общества, в нем было два пункта.

Первым пунктом было зачитано письмо, с которым обратилась вдова А. Т. Карпова. В нем были такие слова: «*Желая увековечить в Обществе память своего мужа Геннадия Федоровича и вместе выразить мое глубочайшее уважение к Обществу, я изъявляю готовность основать при Обществе поощрительную премию за историческия работы*»[152] (копия полного текста обращения приведена в приложении–4). Анна Тимофеевна изъявила готовность внести неприкосновенный капитал 11.500 руб. с тем, чтобы на проценты с него ежегодно в день памяти мужа 24 апреля вручалась премия за лучшую работу на тему по «*разработке первоисточников Русской Истории*».

Предложение вдовы было принято. Высочайшим повелением в марте 1892 г. премия имени действительного статского советника Геннадия Федоровича Карпова за исследование по русской истории при "Императорском обществе истории и древностей российских" была учреждена. Была утверждена специальная памятная медаль[i], предназначенная для лауреатов премии. В. О. Ключевский потом писал вдове: «*Вы первая за 100 лет, кто помогает исторической науке*». По его предложению Анна Тимофеевна была избрана почетным членом общества.

Изо 4–33, 4–34. Лицевая и оборотная сторона памятной медали Г. Ф. Карпова.

[i] По неподтвержденным данным ежегодно изготавливалась одна золотая медаль, которая вручалась лауреату премии. И еще одна-две серебряные медали (одна из них приведена на изображении).

Карповская премия, начиная с 1893 г., ежегодно вручалась за лучшую работу на историческую тему. И так продолжалось вплоть до революции[i]. При этом комитет по вручению премии, который возглавлял В. О. Ключевский, письмом информировал вдову об очередных номинантах и лауреате (в семейном архиве потомков Карповых сохранилось одно из таких писем).

Вторым пунктом чрезвычайного заседания было сообщение члена общества В. О. Ключевского, в котором тот поделился воспоминаниями об ушедшем друге-ученом Г. Ф. Карпове, рассказал, какой вклад он внес своими трудами в историческую науку. Сохранилось письмо, с которым Анна Тимофеевна позднее обратилась к Василию Осиповичу: «*Простите, что безпокою Вас, но всё таки решаюсь просить Вас, не найдете ли Вы возможным пересмотреть и подготовить к печати читанное Вами в Обществе о Геннадии Федоровиче. Хотелось бы видить это и иметь. Может быть теперь по случаю праздников Вы будете сколько нибудь посвободнее и найдете свободные минуты для этого. Если можно, очень прошу Вас об этом, и буду Вам сердечно обязана за это. С истинным к Вам уважением и благодарностью остаюсь Анна Карпова*»[153]. Ключевский просьбу вдовы друга выполнил, некролог об историке Г. Ф. Карпове был напечатан в очередном томе ЧОИДР, а также в виде отдельного издания (см. приложение–4).

Помимо указанной премии имя историка было присвоено двум общественным учреждениям. В с. Полевшина Звенигородского уезда была организована «*земская богадельня для престарелых им. Г. Ф. Карпова*»[154]. А при ст. Болдино открыта больница для простых людей, которая в 1914 г. была расширена. Она носила имя супругов А. Т. и Г. Ф. Карповых[155].

Был ли историк «*запойный пьяница*»?

В завершении разговора об историке хотелось бы обсудить еще одну «щекотливую» тему. Автор должен признаться, что не сразу решился об этом писать, т.к. нет полной уверенности в справедливости утверждений некоторых авторов о пьянстве историка. С другой стороны, умолчать вовсе о подобных мнениях было бы неверно, т.к. это противоречило бы принципам, которых придерживался сам Г. Ф. Карпов. Для него «*было абсолютно неприемлемо замалчивание любых, даже самых неудобных эпизодов в истории*».

Кто-то, возможно, обратил внимание на причину смерти, указанную в записи о кончине историка: «*от рака в печени*». Такой диагноз бывает у людей, склонных к чрезмерному употреблению алкоголя. Неужели этим недугом страдал Геннадий Федорович? Что об этом говорят исторические документы? Проведенное исследование выявило, что прямых, убедительных доказательств алкоголизма историка нет. Но обнаружено несколько косвенных свидетельств, перечислим их.

Первое. В книге Филаткиной приведены слова из воспоминаний М. А. Гарелиной о Карпове: «*профессор, проводил жизнь между веселой компанией за бутылкой или рылся в каких-то архивах*»[156].

Второе. В одном из писем Анны Тимофеевны к мужу есть такие слова: «*Умоляю не зови Барсова и не пей*»[157].

Третье. В архиве ГАРФ хранится дело 1926 г., в котором имеется ходатайство за находящегося под арестом Тимофея Геннадиевича Карпова, сына историка. К этому документу еще вернемся, сейчас лишь выделим слова о его отце: «*сумел выбиться до профессуры, но тут же ее потерял, т. к. был запойный пьяница (умер от своей слабости* [в] *1890 г.)*»[158]. Очень резкое, даже можно сказать, оскорбительное высказывание. Насколько оно справедливо? Попробуем в этом разобраться.

О словах «*сумел выбиться до профессуры, но тут же ее потерял*» можно однозначно сказать, что это неправда. Как уже отмечалось, Г. Ф. Карпов никогда не был профессором и соответственно никак не мог потерять это звание. А насчет правдивости слов «*запойный пьяница*» возникает резонный вопрос: как мог алкоголик написать столько серьезных работ, издать немало ценных для исторической науки книг? Ну а если одни слова в тексте лживы, то как можно верить другим словам?

В защиту Геннадия Федоровича хотелось бы привести документы, в которых говорится о его негативном отношении к алкоголю, к пьянству людей. Таких документов обнаружено два.

Первое архивное дело датировано 1877 г. В это время приходской священник Михаил Михайловский занимался перестройкой Богоявленской церкви в с. Брыково (расширялась трапезная,

[i] Как написано в статье Лазарева и Ившина, премия имени Г. Ф. Карпова присуждалась в общей сложности 21 раз. Однако, по мнению этих авторов, укреплению памяти самого историка премия не поспособствовала.

строилась колокольня). Стройкой руководил содержатель местного трактира воскресенский купец Павел Григорьевич Купцов. Геннадий Федорович считал такое положение дел недопустимым, о чем прямо написал настоятелю храма: «*Ваше Высокопреподобие Многоуважаемый отец Михаил. Сейчас Вы изволили сказать моей жене, что ненайдет ли она возможным, ввиду приближающагося освящения здешняго храма, пожертвовать, в память умершей ея сестры* [Алевтины – Авт.], *церковные сосуды. Мы всегда готовы жертвовать на храм Божий не только просимое, но и все что можем, особенно в тот храм, в приходе которого живем. Но при этом, прошу вперед извинения, за следующее откровенное объяснение: Сколько мне известно здешняя церковь находится в крайне близких отношениях с кабаком. Кабатчик у Вас строитель храма; и смею уверить он подобную обязанность взял на себя не из усердия к храму Божию. Это строительство он производит не на свой счет, а только распоряжается теми кровью нажитыми крестьянскими деньгами, которыя они жертвуют на построение храма*»[159].

Далее помещик писал, что такой союз церкви и трактира противоестественен и безнравственен, и выражал уверенность, что настоятель храма постарается разорвать этот союз. Но этого, увы, не случилось. Напротив, священник сам оказался не без греха. Г. Ф. Карпов, по его же словам, стал свидетелем драки настоятеля храма с местным «*десятским*»[i], когда оба ругались, таскали друг друга за бороду и волосы. После этого он обратился к священноначалию с прошением об «*освобождении брыковского прихода от такого пастыря*». Об этом случае еще поговорим в шестой главе. А сейчас лишь отметим, что прошение помещика в консистории было отклонено ввиду того, что тот не смог доказать свои обвинения в адрес настоятеля (не нашлось других свидетелей драки).

Второй документ на тему о деревенском трактире (вероятнее всего, том же самом) датирован пятью годами позже. Суть происходившего описана в книге Савиновой (со ссылкой на архивное дело[160]). «*В 1882 г. владелец имения "Брыково" профессор Московского университета*[ii] *Г.Ф. Карпов решил ликвидировать питейное заведение в деревне Букарево и потребовал от ее жителей выразить содержателю кабака "несогласие". Они желание Карпова не разделили, после чего Геннадий Федорович принял такое решение: пастбища своего имения отдал в аренду крестьянам другого селения и запретил ослушавшимся пасти с ними скот. Вражда между помещиком и крестьянами нарастала. Ее подогревало то, что угодья Карпова подходили прямо к крестьянским домам, и даже дорога к местной церкви находилась на его земле и была перекопана, что заставляло местных обитателей тратить часы и обходить барские десятины, чтобы попасть в храм*»[161].

К сказанному остается добавить, что в архивном деле земства за 1877 г. в дер. Букарево числилась принадлежавшая П. Г. Купцову «*Харчевня*», доход которой оценивался всего в 25 руб.[162] (явно заниженная сумма). Очевидно, это и был тот кабак, в котором осуществлялась торговля спиртными напитками, о нем говорилось в жалобе помещика Карпова.

Вот каких два похожих случая произошли в имении Брыково почти полтора века назад. Оба раза владелец имения пытался ликвидировать рассадник пьянства среди местного населения – кабак. Увы, в обоих случаях потерпел неудачу. Но разве не очевидны благие мотивы Карпова в борьбе со злом, постигшим крестьянство? Да, эти эпизоды не служат доказательством того, что сам Геннадий Федорович был трезвенником и не пристрастился к вину после описанных случаев. Но его отношение к этому пороку очевидно.

Так что на вопрос о склонности историка к употреблению спиртных напитков нет однозначного убедительного ответа. В любом случае не нам судить о грехах людей. Ну а о несомненных заслугах Геннадия Федоровича много уже сказано в настоящей главе.

На этом завершается рассказ об очередном брыковском помещике. Остается только подытожить собранную информацию о нем.

---

[i] «*Десятский – выборное должностное лицо из крестьян для выполнения полицейских и различных общественных функций. Отвечали за общественный порядок, противопожарную безопасность и санитарный надзор*» (интернет).

[ii] Простим автору указанного текста Е. Н. Савиновой ошибку: Геннадий Федорович не был профессором, тем более Московского университета. В архивном деле, в котором описан указанный эпизод о трактире, Г. Ф. Карпов назван просто помещиком.

Основные события жизни Геннадия Федоровича Карпова

Годы	Событие
1839, 20 января	Родился в Угличе, крещен 22 янв. в бывшей монастырской Воскресенской церкви.
до 1855	Учеба «*в духовном Борисоглебском училище Ростовскаго уезда, затем в Ростовском уездном училище, откуда вступил в Ярославскую гимназию*».
1855–1857	Учеба «*своекоштно*» в Демидовском лицее, г. Ярославль.
1857–1861, 7 июля	Учеба «*своекоштно*» в Императорском Московском университете на юридическом факультете, по окончании удостоен «*степени кандидата*».
1861, 21 июля	Определен корректором в Московскую сенатскую типографию.
1861–1864,26 ноя.	Учеба «*своекоштно*» на педагогических курсах при ун-те, получение аттестата.
1863	Выход первой статьи «*Очерки из истории российской церковной иерархии*».
1864, 21 июня	Произведен в чин титулярного советника по выслуге лет.
1864, 25 сентября	Уволен из типографии по прошению.
1865–1866	Учеба на профессорских курсах при университете, стипендия 1000 руб.
1865–1867(?)	Преподавание истории в третьем Александровском военном училище в Москве.
1866, 15 октября	Избран «*членом Императорскаго общества истории и древностей*».
1867, 11 марта	Успешная защита в Московском университете **магистерской диссертации**, утвержден в степени магистра Русской истории.
1867, 16 апреля	Награжден **орденом св. Анны 3 ст**. «*за отличную службу*».
1867, 8 мая	Переезд в Харьков. Утвержден на должность доцента в Харьковском университете на кафедре Русской истории.
1868, 12 сентября	Удостоен премии графа Уварова 500 руб. за магистерскую диссертацию.
1869, 8 января	Женитьба на дочери купца Анне Тимофеевне Морозовой.
1870, 19 сентября	Успешная защита в Московском университете **докторской диссертации**, утвержден в степени доктора Русской истории.
1871, 18 марта	Увольнение из Харьковского университета «*в отставку*», возвращение в Москву.
1871–1876	Написаны и напечатаны в научных журналах 8 статей на исторические темы.
с 1872 …	Преподавание истории совместно с Ключевским на «*Высших женских курсах*».
1873, 6 мая	Избран членом «*Археографической Комиссии М-ва Народнаго Просвещения*».
1874, 27 ноября	Покупка у М. П. Кильдюшевского имения Брыково в Звенигородском уезде.
1875	Переезд семьи Карповых в дом № 41 по ул. Большая Ордынка в Москве.
1875,16 сентября, 1877, 29 сентября	Избран в почетные мировые судьи по Звенигородскому округу, через два года переизбран на ту же должность.
1877	Избран гласным Звенигородского уездного земского собрания на трехлетие.
1878. 1 января	Награжден **орденом св. кн. Владимира 4 ст**. «*В воздаяние отлично-усердной и ревностной службы*».
1878, 25 сентября	Причислен вместе со своим семейством к дворянскому сословию.
1879, 18 января	Покупка у Н. А. Поливанова имения Сушнево во Владимирской губернии.
1879, 8 октября	Избран председателем Звенигородского мирового съезда.
1879–1890	Подготовка к печати томов древнерусских исторических документов.
1880, 17 марта	Избран членом «*Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*».
1880, 22 апреля	Награжден **орденом св. кн. Владимира 3 ст**. за издание “Изборника” 1073 г.
1883, 15 мая	Произведен в чин действительного статского советника.
1887, 1 января	Награжден **орденом св. Станислава 1 ст**. «*во внимание к ревностной службе и отличным трудам*».
1887, 22 апреля, 1888, 6 августа	Подано прошение о построении за свой счет Боголюбского храма на ст. Болдино Владимирской губернии, через год освящен закладной камень.
1889	Выход последней статьи «*В защиту Богдана Хмельницкаго*».
1890, 24 апреля, 27 апреля	Кончина в своем доме на ул. Большая Ордынка, 41. Тело перевезено на поезде на ст. Болдино и погребено в строящемся Боголюбском храме.
1890, 17 ноября	Вдова Анна Тимофеевна заявила о желании внести капитал 11.500 руб. для учреждения премии на поощрение за лучшую работу на историческую тему.

Имение Брыково и другие владения Карповых в Звенигородском уезде

Ранее уже говорилось, что Г. Ф. Карпов купил подмосковное имение. Настало время поговорить об этом подробнее.

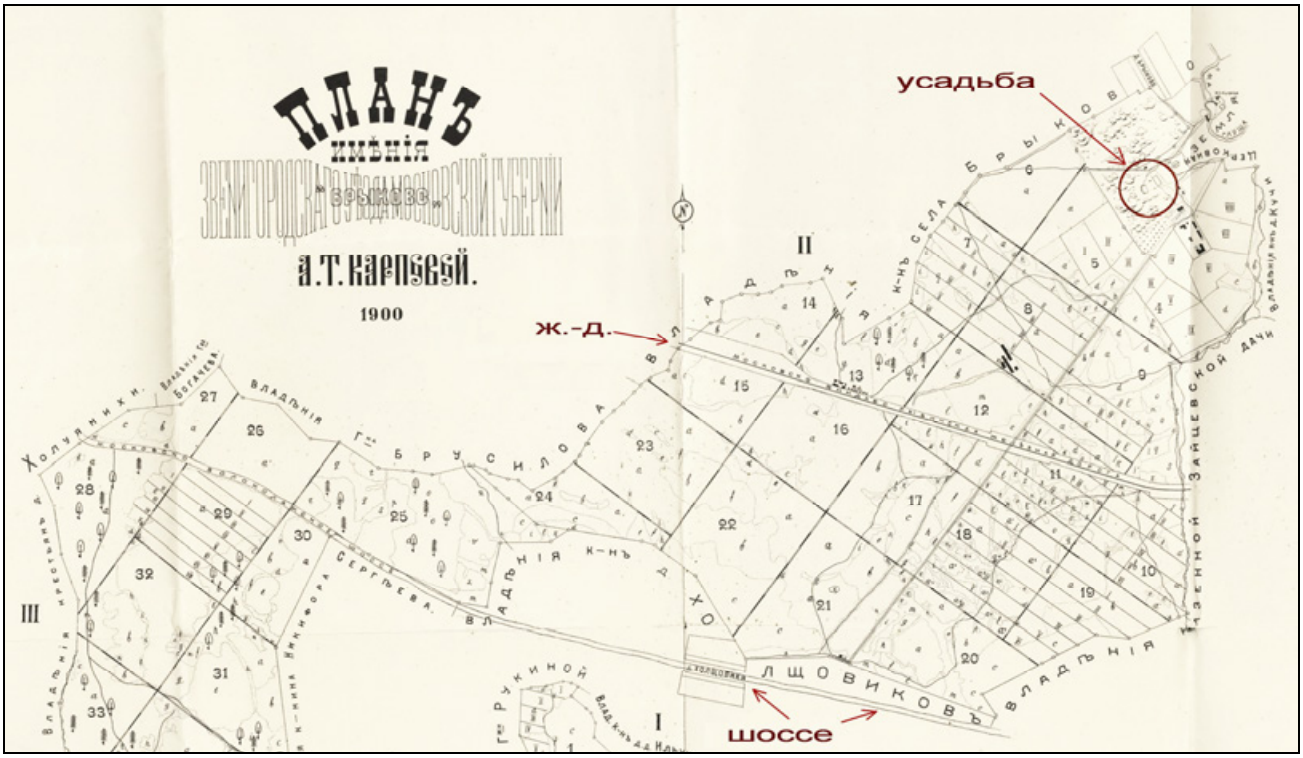
Покупка подмосковного имения

Что привело Геннадия Федоровича к приобретению недвижимости, каким образом было выбрано брыковское имение – осталось тайной. Но зато обнаружен архивный документ – купчая крепость, которая раскрывает некоторые детали сделки.

В этом документе написано, что 27 ноября 1874 г. явились к нотариусу «*Коллежский Регистратор Михаил Павлович Кильдюшевский, живущий в Москве Мясницкой части 3 квартала, в доме Кильдюшевскаго и Доктор Русской Истории Геннадий Федорович Карпов, живущий в Москве, Яузской части, в Кривом переулке в доме Карповой* […] *с объявлением, что они гг. Кильдюшевский и Карпов заключают договор о продаже первым последнему земли на следующих условиях: Я, Коллежский Регистратор, Михаил Павлов сын Кильдюшевский, продаю Доктору Русской Истории Геннадию Федоровичу Карпову собственную мою, свободную от всякаго залога и запрещения, оставшуюся от надела крестьян землю, состоящую Московской губернии Звенигородскаго уезда, при селе Богоявленском-Брыково тож и деревнях Кучах и Бокареве, доставшуюся мне вместе с поселенным имением по духовным завещаниям умерших родителей моих* […] *и по раздельной записи с братьями моими* […] *и сестрою* […] *а всего удобной и неудобной* [земли 664 дес. 1854 кв.саж.]. *А взял я продавец, Кильдюшевский с него покупщика Карпова за оную мою землю денег серебром двадцать тысяч рублей* [20.000]»[163].

В покупку входили все постройки на приобретенной земле, включая мукомольную мельницу. Но без самих селений. Земли имения показаны на плане 1900 г. из архива ОПИ ГИМ (в полном виде изображение приведено в приложении–9).

В тот же день 27 ноября М. П. Кильдюшевский совершил еще одну сделку с Карповыми. Он продал супруге историка Анне Тимофеевне «*разнаго рода движимое имущество*»[164] в имении Брыково на 5.000 руб. Какое именно имущество – в документе не поясняется. Можно предположить по аналогии со сделкой по приобретению имения Сушнево, что супруга купила растущий в имении лес. Для чего это было сделано, почему нельзя было продать все сразу по единой купчей – можно только догадываться. Так или иначе, какой-то смысл в раздельных сделках у Карповых был.

Изо 4–35. Земельный план имения с. Брыково[165] (фрагмент), 1900.

Хотелось бы сказать вот еще о чем. Покупателем Брыково записан Геннадий Федорович, хотя понятно, что столько своих денег у него не могло быть. Как и в случае в Сушнево, средства на покупку предоставила либо супруга Анна, либо (что более вероятно) теща М. Ф. Морозова. Барский дом усадьбы был продан с обстановкой, которая осталась от предыдущих владельцев (то, что не было разграблено). Об этом сказано в книге архимандрита Леонида, вышедшей в 1878 г.: «*В доме нынешняго землевладельца с. Брыкова Г. Ф. Карпова уцелели портреты фельдмаршала графа Петра Семеновича Салтыкова, его зятя П. Ф. Квашнина-Самарина, князя А. Д. Меньшикова и графа Головкина, да несколько книг военнаго содержания, принадлежавших библиотеке фельдмаршала*»[166].

Геннадий Федорович числился владельцем имения Брыково до конца своих дней в общей сложности около 15 лет. Как уже говорилось, он не жил подолгу в своем поместье. Его любимая работа с архивными документами предполагала пребывание в Москве и иногда в Петербурге. В этих городах историк находился большую часть года. Но в свое загородное имение, все же, выбирался. Надо учесть, что в семье Карповых регулярно появлялись дети, им на природе, конечно же, было лучше. Это подтверждают записи о рождении детей: двое из них появились на свет в Брыково. Это Александр, родившийся 17 августа 1875 г., и Алевтина, появившаяся на свет 28 августа 1876 г. При крещении мальчика его восприемником записан настоятель Новоиерусалимского монастыря архимандрит Леонид (Кавелин)[167].

В 1880 г. историк прикупил за 300 руб. небольшой участок земли в 20 дес. в «*пустошах Аверкиевой и Щукиной*»[168] у обедневшего помещика Константина Степановича Шиловского, владевшим соседним имением Глебово (о нем подробно рассказывалось в другой книге автора[169]).

Село Брыково в конце XIX – начале XX века

Хотелось бы теперь поговорить о самом Брыково, каким оно было, когда хозяевами имения стали Карповы (напомним, что к тому времени крепостное право было уже отменено и село, как и населявшие его крестьяне, не принадлежали помещикам).

Для начала приведем выдержки из архивного дела ОПИ ГИМ, которое хоть и не имеет датировки, но все равно представляет интерес. В нем имеется счет, выставленный неким воскресенским купцом Геннадию Федоровичу за окраску крыш строений «*при с. Брыково*». Указана цена работы: на скотном дворе 155 руб., на конюшне 15 руб., «*на флигеле, где живут рабочие*» 45 руб. и т.д.[170] Самый интересный последний пункт: «*оштукатурить 4 колонны*» 75 руб. Очевидно, речь шла о барском доме (хотя на изображении дома изо 2–15 можно насчитать шесть колонн).

В архивном деле 1877 г. приведены сведения о ежегодном доходе, которое приносило брыковское имение. По оценке земства он составлял 690 руб. На эту сумму был начислен налог 63 руб. 92 коп.[171]. Мельница на р. Маглуше сдавалась в аренду, ее доходность оценивалась всего в 1 руб. 75 коп. Такие же данные приведены в документе за 1881 г.

По данным следующего архивного дела в 1883 г. в Брыково насчитывалось 35 изб, в которых проживало 72 души м.п. и 83 ж.п., из них только 21 мужчина и 4 женщины были грамотными[172]. Во всех этих хозяйствах имелось 33 лошади и 24 коровы. Они принадлежали 25 крестьянским хозяйствам, у которых были земельные наделы. Помимо этого в Брыково числились «*безземельные гуляки*» в количестве 22 м.п. и 16 ж.п. Так называли тех бывших крепостных людей, которые жили не крестьянским трудом, а заработками на стороне (в основном в Москве). Только двое из этих «*гуляк*» имели свои избы в селе.

В это время за брыковским сельским обществом числилась «*недоимка*» в 2.141 руб. (напомним, что освобожденные от крепостного права крестьяне были обязаны ежегодно выплачивать деньги за ранее взятую ссуду на выкуп земельных наделов). Сумма долга перед государством росла постепенно, т.к. предыдущие года выдались неурожайными. Так «*в 1879 году, выбило градом озимаго хлеба до 15 десят., т.е. половинная часть посева*». А за несколько лет до этого у крестьян села пало (умерло) «*5 лошадей от опухоли груди*». Все это свидетельствует о том, как тяжело жили брыковские крестьяне. Впрочем, в соседних селениях дела обстояли не лучше.

В еще одном архивном деле приведена любопытная информация, которая дополняет картину жизни местных крестьян. В 1885 г. приходской священник настоятель Богоявленского храма Михаил Михайловский предоставил в губернское земство сведения для сельскохозяйственного отчета: «*Яблоков родилось мало; порча была в цвету от мороза весной. Малина была тощая — в сборе*

мало. Крыжовник мелок. Сбор черной смородины был средний, и в ней много было червоточины. Сравнительно с прежними годами, урожай садовых плодов и ягод, кроме черной смородины, был плохой. […] *На огородах растительность была повреждена мошкой и червем; для истребления мошки посыпали известью и золой, жгли навоз; капусту червь ел до сентября*»[173].

Батюшка также привел довольно редкие данные о местных расценках на выполнение различных сельскохозяйственных работ: «*Обработка, уборка и молотьба десятины ржи обходилась в 25 р.; сжать десятину и связать — 5 р., возка снопов — 1 или 2 р., возка навоза — 6 р., 1-ая вспашка и бороньба — 4 р. 50 к., 2-я вспашка, бороньба и посев — 4 р. 50., итого обработка 15 р.; косьба и возка овса с десятины —2 или 3 р.; выпахать десятину картофеля — 5 р., копать его — 6 р.*». Очевидно, настоятель Богоявленского храма нанимал крестьян для обработки своей земли и потому хорошо знал расценки.

В энциклопедии "Истринская земля" приведены сведения о населении в Брыково в 1899 г. Всего было 26 «*надельных*» и 14 «*безнадельных*» (безземельных) семей (52 м.п. и 69 ж.п.), они занимали 37 изб. Крестьяне имели 21 рабочую лошадь, 26 голов крупного рогатого скота. 12 семей не имело лошади или коровы, либо ни того, ни другого. Люди отправлялись в Москву в ломовые извозчики (этот промысел был главным), работали столярами, торговцами, чернорабочими. В 1913 г. село насчитывало 33 крестьянских двора, здесь имелась чайная лавка.

В архивном деле 1914 г. обнаружено описание построек, находившихся вблизи Брыково. Указана мельница «*при реке Маглуше*»[174], при ней стоял дом, в котором проживали один мужчина и три женщины (видимо, это был мельник и члены его семьи). В том же деле описаны три лесных сторожки, в которых жили лесники с семьями (от 3 до 8 человек). Сама «*Владельческая усадьба*» была малонаселенной – в ней насчитывалось только 9 мужчин и 6 женщин (вероятно, наемные работники). Был еще показан «*Собачий двор*» близи Морозовой Горы, при нем жили 7 человек.

Заготовка лесоматериалов

О ведении хозяйственной деятельности в имении Брыково, когда им владел историк, сведений не обнаружено. Перемены наступили после его кончины. Как уже отмечалось, Геннадий Федорович завещал все свое имущество супруге Анне Тимофеевне. Вступив в права наследства, она решила, что земля должна приносить прибыль. Она ведь была родом из купеческой семьи.

Одним из источников дохода было разведение лесных насаждений, заготовка древесины с целью ее продажи. Любопытные сведения приведены в деле 1890 г. (т.е. вскоре после смерти историка). В нем имеется «*Выписка по осмотре и оценке лесов и других угодий при с-це Брыкове с пустошами, принадлежащих г-же А.Т. Карповой*». В составленном отчете для брыковского участка имения указано: «*Леса крупнаго строеваго и дровянаго смешаннаго 60 дес.*»[176] на сумму 27.000 руб. Помимо этого было 80 дес. «*леса дровяннаго*» на 24.000 руб., молодой поросли 220 дес. на 6.600 руб., покос 32 дес. и т.д. Аналогичные сведения приведены для букаревского и кучинского участков (в них наделы и стоимость были поменьше). В конце указана итоговая оценка стоимости леса и заготовки сена по всему имению – 98.145 руб. В качестве примечания отмечено, что «*Лес в Бры-*

Изо 4–36. Заготовка леса в имении Карповых Филатово[175], нач. XX в.

ковском участке под статьями № 1 и 2 по своему положению, т.е. по возрасту и его спелости, а также принимая во внимание влажность почвы, […] *требует немедленной сводки* [т.е. рубки]*, в виду того, что дальнейшей его рост не будет давать никакой пользы, потому что как переспелый он, уже подсыхает и валится ветром* […] *Сводить его следует начать в скором времени и свести в течении первых 8–10 лет».*

Следующие архивные дела показывают, как намеченные планы выполнялись. Так в 1892 г. был «*срезан*» лес на 5 дес. брыковского участка, на его «*разработку*» было потрачено 586 руб. В итоге было заготовлено лесных материалов и дров на сумму 2.960 руб.[177].

А. Т. Карпова решила из подмосковных владений сделать образцовое коммерческое предприятие, где развивалось бы рациональное лесопромышленное производство. Эти земли стали для нее не более чем «угодьями», с которых на московский рынок вывозились тес, слеги, доски, березовые, еловые и осиновые дрова, горбыль и сучья.

Вопрос организации лесного хозяйства Анны Тимофеевны довольно подробно рассмотрен в публикациях Е. Н. Савиновой. Так в одной из них, например, сказано: «*Поставив хозяйство на капиталистические рельсы, она занялась и лесоразведением. Ежегодно в марте нанимала крестьянских баб с детишками для сбора сосновых и еловых шишек, из которых затем добывали семена. Для их сушки были построены специальные помещения с печами. На разбитых на квадраты землях закладывали питомники, а до этого надо было несколько лет землю на этом месте пахать и засевать рожью или овсом, как требовала немецкая технология*»[178].

Прокладка железной дороги вблизи Брыково

В конце XIX в. было принято решение о постройке железной дороги от Москвы до г. Виндава (ныне г. Рига в Латвии). Часть пути должна была пройти по территории брыковского имения. Земля под железную дорогу выкупалась у ее владельцев. Анны Тимофеевна продала 14 дес. «*Московско-Виндаво-Рыбинскому обществу железной дороги*». Через несколько лет тому же обществу она подарила землю для прокладки грунтовой дороги до Волоколамского шоссе.

Строительство железной дороги началось весной 1898 г. и уже спустя три года она была введена в эксплуатацию. Обозначение этой дороги (как и Волоколамского шоссе) можно увидеть на приведенном ранее плане имения 1900 г. (см. изо 4–35). Через несколько лет был построен разъезд, он упоминается в путеводителе “Спутник по Московско-Виндавской железной дороге”: «*к разъезду Холщевики, на 65-й версте, построенному в 1905 году, в целях увеличения пропускной способности дороги, и расположенному вблизи большого имения г-жи Карповой*»[179] (подробнее о Холщевиках разговор пойдет в восьмой главе).

В 1911 г. предводитель дворянства Рузского уезда, князь Павел Дмитриевич Долгоруков арендовал у А. Т. Карповой часть имения Брыково (две десятины с постройками) вблизи разъезда Холщевики *«под склад лесных материалов для отправки их в Москву»*[180]. Был заключен договор аренды на шесть лет с ежегодной платой 360 руб. В нем было прописано, что арендатор обязуется получить от управления Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги *«разрешение на устройство погрузочнаго тупика от станции до арендуемого участка, все расходы принимает на себя»*. По договору А. Т. Карповой разрешалось отправлять свои грузы с погрузочного тупика. По окончании срока аренды все постройки переходили в ее собственность.

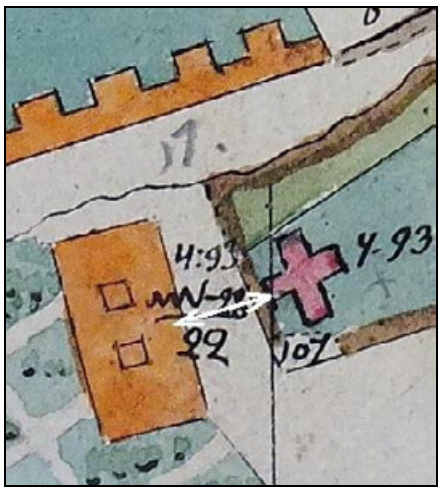
Сколько усадебных домов было в Брыково?

Ранее приводилось изображение красивого усадебного дома, датированное концом XVIII столетия (см. изо 2–15 и обложку настоящей книги). Приводились аргументы в пользу того, что барский дом в Брыково мог быть построен в таком виде.

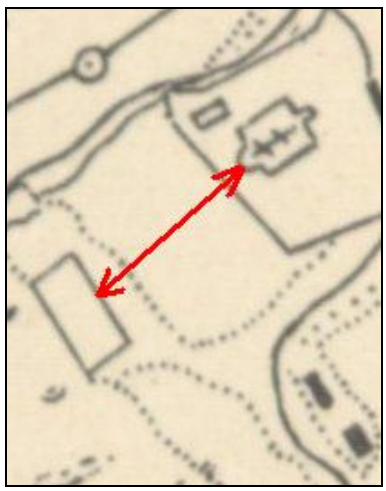
Какова судьба этого господского дома? До недавнего времени считалось, что он просуществовал до революции, в советские годы в нем была школа, учились дети. А в годы войны здание сгорело (обо всем этом подробнее поговорим в девятой главе). Однако в ходе работы над данной книгой вскрылись обстоятельства, которые заставляют усомниться, что указанный дом просуществовал до 1941 г., т.е. полтора века с момента постройки. Вот эти аргументы.

Во второй главе рассказывалось, как с осложнением финансового состояния брыковских помещиков Квашниных-Самариных ухудшалось состояние барского дома. При установлении дворянской опеки (1826–1847) в нем никто не жил и его особо не охраняли. В нескольких документах

говорилось о ветхости здания, что вся обстановка внутри подверглась разграблению. Таково было состояние здания в середине XIX в. И что же – оно потом простояло еще почти целый век? Сомнительно. В пользу этого свидетельствуют и планы местности.

Изо 4–37. План имения Брыково[181] (фрагмент), 1849.

Изо 4–38. План имения Брыково (фрагмент), 1900.

На плане брыковского имения 1849 г. слева от креста, обозначающего приходскую Богоявленскую церковь, совсем близко находится вытянутый прямоугольник. Судя по масштабу – примерно в 20 метрах (см. изо 4–37, полный план в приложение–9). Этот прямоугольник, по всей видимости, обозначает барский дом. Об этом написано в одном из дел середины XIX в.: «*с западной стороны* [от храма], *где помещичий дом не далее 10 саж.*»[182]. А на приведенном выше плане 1900 г. прямоугольник дома показан намного дальше от храма – до него около 100 м или даже больше (см. изо 4–38). Что это – ошибка рисовальщика? А может на двух планах два разных здания? Это могло означать, что красивый усадебный дом, находившийся вблизи Богоявленской церкви еще в середине XIX в., позднее по причине ветхости был снесен. А вместо него было построено другое здание, расположенное заметно дальше от храма. Если так оно и было, то это снимает ряд вопросов, на которые прежде не было ответов.

Так искусствовед Надежда Михайловна Паглазова, которая написала большую статью об имении Брыково[183], при личном общении рассказала, что сама видела в подвале школьного здания остатки фундамента бывшего усадебного дома. И при этом говорила, что фасад барского дома повернут в сторону церкви. А бывшее здание школы (в нем сейчас центр “Преображение”) находится от храма примерно на том месте, где показан прямоугольник на плане 1900 г. (Яндекс-карта показывает расстояние 105 м).

Кто и когда мог построить новое здание взамен обветшавшего? Вариантов ответа немного – это помещики либо Кильдюшевские, либо Карповы. Практически нет сомнений, что первый вариант отпадает. У доктора Павла Николаевича и его наследников просто не было для этого необходимых денег. Да и зачем это было им нужно? Кильдюшевские редко появлялись в подмосковном имении. А вот Карповы вполне могли такую перестройку осуществить. У Анны Тимофеевны, ее родителей были деньги. Семья историка каждый год росла, появлялись новые дети. Вот для них и могла быть затеяно строительство нового господского дома. Правда, брыковская усадьба использовалась Карповыми как загородная дача всего около пяти лет: с момента приобретения в 1874 г. и до покупки Сушнево в 1879 г. А потом выбор был сделан в пользу более благоустроенного и более обширного владимирского имения, в нем семья историка проводила теплое время года. Подмосковное же имение после этого оказалось почти заброшенным. Лишь после смерти историка его вдова занялась в нем лесоразработками. При этом никто из Карповых в Брыково подолгу не жил. На территории бывшей усадьбы находилась контора, которая занималась хозяйственными вопросами по разведению и заготовке леса в брыковском имении. Для нужд этой конторы вполне мог быть построен новый дом, в котором в советское время разместилась Брыковская школа.

Подчеркнем, что все вышесказанное – это всего лишь версия. Снять все сомнения могла бы фотография усадебного дома Брыково или находившейся в нем в довоенные годы школы. Если бы она нашлась. Но, увы, несмотря на предпринятые усилия, исторического снимка здания найти не удалось. А может таких фотографий и не было? Если вместо красивого усадебного дома было построено ничем не примечательное деревянное здание, то оно могло просто не представлять интереса для фотографов. Вот еще один аргумент в пользу того, что усадебный дом Квашниных-Самариных просуществовала не полтора столетия, а намного меньший срок.

1890–1918(?): Анна Тимофеевна Карпова (“С”)

Изо 4–39. А. Т. Карпова, (архив Смольяниновых).

Как уже отмечалось, после смерти историка хозяйкой имения Брыково стала его супруга. Это произошло согласно воле почившего. В первом пункте своего духовного завещания Геннадий Федорович написал, что его имущество целиком должно перейти жене: «*все без изъятия недвижимое и движимое мое имение, мною благоприобретенное, могущее остаться после моей смерти, в чем бы оно не заключалось и где бы ни находилось, я завещаю супруге моей, Анне Тимофеевне Карповой в полную исключительную и независимую ея собственность и в неограниченное владение и распоряжение*»[184]. Указаны размер и стоимость владений недвижимости: с. Сушнево с деревнями 1742 дес., «*по земской оценке*» 40.000 руб.; с. Брыково с деревнями 664 дес. и пустошами Аверкиевой и Щукиной 20 дес., 21.936 руб. В следующем пункте завещания сказано, чтоб «*Библиотеку*[i] *мою не продавали, а передали в дар одному из сыновей или зятю, который будет заниматься поучением русской истории*». Помимо этого имелся капитал в акциях 19.463 руб. Общая оценка всех активов историка составила 120.138 руб. (с учетом стоимости недвижимости).

Геннадий Федорович упомянул в завещании также наследство своих умерших родителей Федора Васильевича и Клавдии Анатольевны Карповых – их имения в Ярославской губернии в Угличском и Рыбинском уездах. Отметил, что на эти владения «*остались и другия наследники*» (братья и сестра). Но из-за того, что он не имел возможности «*явиться для раздела имения*», велел «*деньги получить и употребить по вашему усмотрению*».

Таким образом, **Анна Тимофеевна Карпова** (ур. **Морозова**, 1849 – † 1924) стала владелицей имения Брыково в 1890 г. Ее имя уже не раз упоминалось в настоящей книге. Настала пора поговорить о супруге историка подробнее. Начнем с самого начала – с происхождения, родителей.

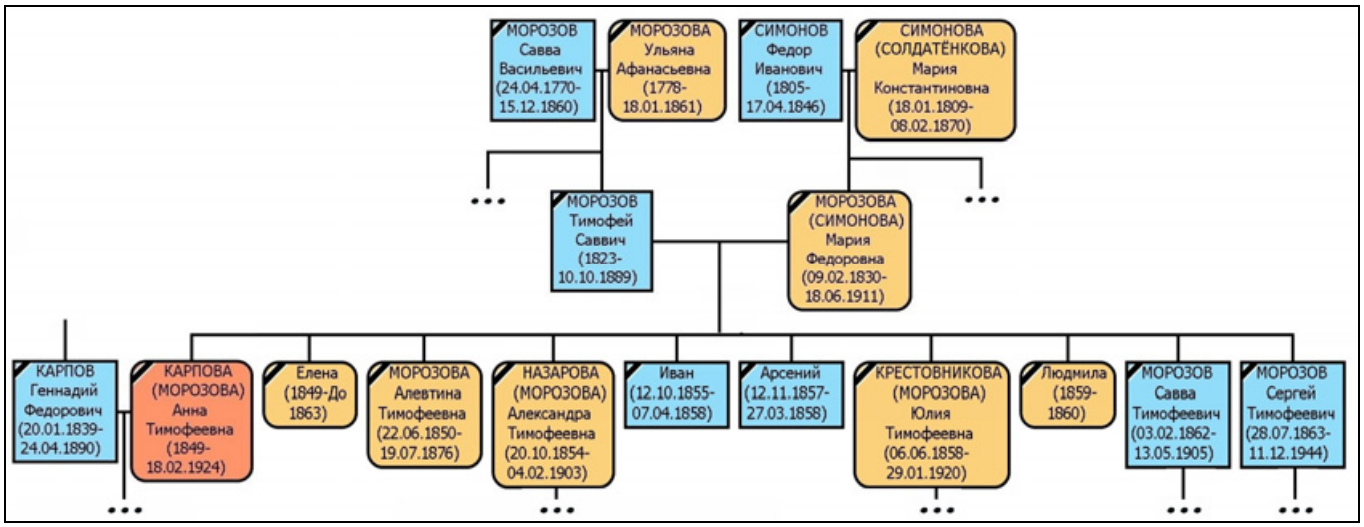
Отец Тимофей Саввич и мать Мария Федоровна Морозовы

О купцах Морозовых написано несколько книг (названия некоторых приведены в библиографии). О происхождении купеческого рода, предках подробно рассказано в книге Н. А. Филаткиной[185]. Немало сведений имеется в интернете. Короче – объем информации о Морозовых довольно большой и до нее добраться нетрудно. Пересказывать содержание этих публикаций нет смысла, отметим лишь основные моменты биографии предков жены историка.

Отец Анны **Тимофей Саввич Морозов** (1823 – † 1889) родился по одним данным в 1823, по другим в 1824 г. Его родителем был **Савва Васильевич Морозов** (1770 – † 1860), происходивший из старообрядческого рода. Предки жили в дер. Зуево (сейчас г. Орехово-Зуево) Богородского уезда Московской губернии. В 1797 г. Савва женился на дочери красильного мастера **Ульяне Афанасьевне** (1778 – † 1861). В том же году открыл собственную шелкоткацкую мастерскую. В семье Морозовых родилось шестеро детей, Тимофей был младшим. Савва Васильевич выкупился из крепостной зависимости вместе с сыновьями за огромную по тем временам сумму — 17.000 руб. ассигнациями. Как написано в интернете: «*в 1842 году за многолетние деловые успехи С. В. Морозов получил звание потомственного почетного гражданина*». Это звание получили и его дети, оно передавалось по наследству. Скончался Савва Васильевич в 1860 г. купцом первой гильдии, оставив своим потомкам огромный капитал, несколько фабрик.

На сайте “Википедии” говорится, как в начале 1850-х гг. С. В. Морозов доверил своему сыну Тимофею «*функции по организации и управлению производством и торговлей своих фабрик.* […] *Тимофей Саввич полностью оправдал надежды отца: с 1857 года он начал приобретать земли в Тверской губернии под будущую фабрику — Тверскую мануфактуру, которая открылась в 1859*

[i] Надо полагать, этот пункт завещания не был выполнен, т.к. никто из детей Геннадия Федоровича не пошел по его стопам. Историком был зять Н. П. Лихачев (муж дочери Натальи). Но библиотека, видимо, ему не была передана, т.к. согласно документам после революции она была реквизирована советской властью.

Изо 4–40. Фрагмент древа рода Морозовых.

году. В 1871 году после раздела с другими наследниками Тимофей Саввич переименовал семейную фирму в торговый дом "Саввы Морозова сын и К", став главным владельцем этого предприятия»[186]. Он владел несколькими текстильными фабриками во Владимирской, Московской, Тверской губерниях, организовал "Товарищество Никольской мануфактуры"[i].

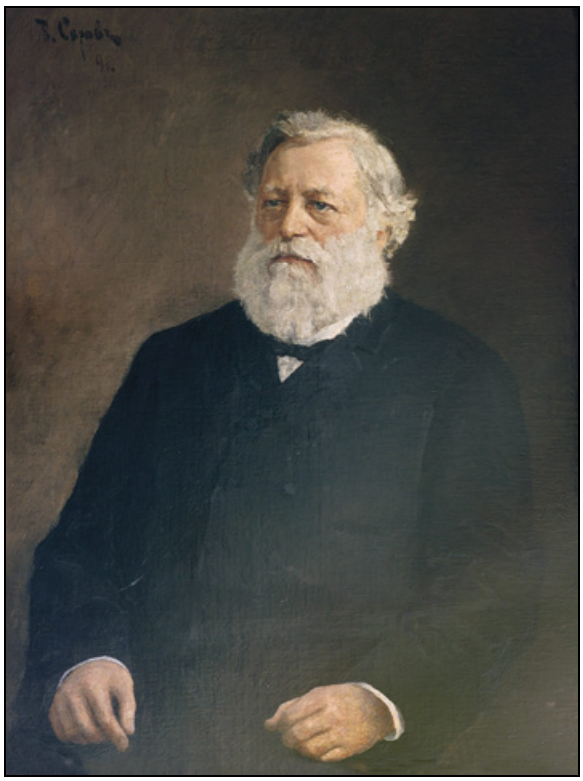
В 1846 г. Тимофей Саввич женился на купеческой дочери Марии Федоровне, которая происходила из семьи старообрядцев Симоновых, владельцев бумаготкацкой фабрики в Москве. На сайте "Википедии" о ней приведена такая информация: *«Её отец, **Фёдор Иванович Симонов**, расширил бизнес и стал хозяином уже трёх фабрик в Московской губернии. Мать, **Мария Константиновна**, происходила из семьи крупных фабрикантов-староверов **Солдатёнковых**, также связанных с текстильным производством. Мария Фёдоровна была старшей среди троих детей Марии Константиновны и Фёдора Ивановича. С детства отличалась сильным характером. Получила прекрасное домашнее образование: знала немецкий и французский языки, разбиралась в математике».*

Тимофей Саввич и Мария Федоровна имели в Москве собственный дом в Трехсвятительском переулке, который был куплен в 1864 г. В семье родилось 10 (по другим данным 11) детей, их имена и годы жизни показаны в древе рода, некоторые умерли в детстве. В одной из недавно изданных книг написано: «*Семья Морозовых жила дружно, в мелочах Тимофей Саввич уступал жене и часто обращался к ней за советом, но в "больших" делах всегда поступал по-своему. Детей в доме никогда не наказывали, они не только не знали, что такое "угол", но даже не слышали от родителей слов угрозы. По воспоминаниям Юлии Тимофеевны, Тимофей Саввич был человеком поистине необыкновенного ума и энергии, доброты и мягкости. Его редко видели рассерженным, а если у него была какая неприятность в делах, он умолкал и уходил в себя.* […] *В хозяйство и образование детей Тимофей Саввич почти не вмешивался, доверив это Марии Федоровне*»[187].

Тимофей Саввич скончался в 1889 г. Почти все свое нажитое имущество в шесть млн. руб. он завещал жене, каждому из детей досталось по 100 тыс.

Вдова **Мария Федоровна** (ур. **Симонова,** 1830 – † 1911) оказалась достойной хозяйкой и приумножила семейный капитал Морозовых. Автор воспоминаний "Москва купеческая" Павел Бурышкин писал о ней так: «*Это была женщина очень властная, с ясным умом, большим житейским тактом и самостоятельными взглядами. Подлинная глава семьи*»[188]. О М. Ф. Морозовой в интернете можно найти такие слова: «*Одна из самых ярких российских женщин — представителей купечества, известная своим влиянием в обществе. Крупная фигура русского предпринимательства, оставила после себя самое большое состояние в России (30 млн. рублей). Первой среди российских купчих была удостоена знака отличия за двадцать пять лет беспорочной службы в благотворительных заведениях по Ведомству учреждений императрицы Марии.* […] *Мария была*

[i] В 1890 г. Никольская мануфактура занимала по объему производства второе место среди всех российских предприятий, произведя товаров на сумму 13,3 млн. руб. На ней трудилось 17.252 рабочих (интернет).

Изо 4–41. Т. С. Морозов, худ. В. Серов, 1891, (Музей искусства авангарда).

Изо 4–42. М. Ф. Морозова, худ. В. Серов, 1897, (ГРМ).

счастлива в браке и очень богата. Она исправно вела дела семьи, а потом и бизнес мужа, постепенно отошедшего от дел, и имела железный характер»[189].

Мария Федоровна умерла в 1911 г., намного пережив супруга. Как написано в "Википедии", каждому из пятерых своих детей, она завещала по равной доле в 5,5 млн. руб. Правда, в архивном деле указана вдвое меньшая величина капитала, перешедшего Анне Тимофеевне по наследству от матери: в банках находилось 896.689 руб. и наличными 1.649.752 руб.[190]. Это тоже очень много.

Сохранились портреты супругов купцов Морозовых, написанные знаменитым русским художником Валентином Александровичем Серовым. Глядя на портрет Марии Федоровны, так и хочется сказать: настоящая, дородная купчиха. О создании этого полотна существует такая история:

«Когда кто-нибудь из друзей находил Серову клиента на заказной портрет, тот, случалось, с опаской интересовался: "Не рожа ли?". В случае с купчихой Марией Федоровной Морозовой художник угодил впросак – то ли забыл спросить, то ли был жестоко обманут. Одетая в бесформенное черное платье, с умопомрачительным бантом на голове и физиономией, воплощающей хрестоматийные представления о незатейливой торгашеской хитрости, – прямо скажем, это был не самый любимый Серовым тип. Кроме того, Морозова выспрашивала, женат ли художник, много ли у него детей, сколько он зарабатывает своим ремеслом. И, сделав вывод, что шиковать Серову не приходится, сказала: "Ты, милок, получше меня списывай, я тебе поболее тогда заплачу". Сдерживая бешенство, Серов рисовал хитрый прищур и фальшиво-елейную улыбку. На свой обычный вопрос он отвечал собственной кистью, и отвечал утвердительно. Эта работа была первой из серии портретов Морозовых – известных в России богачей. Чувствуется в портрете миллионерши неприязненное отношение художника к ней. Будто уверен он в нечестных путях достижения ее огромного богатства. Нет света и духовного содержания в ее пугающей, но несколько жалкой фигуре. "Крепкая умная старуха" – так смело называл Марию Федоровну автор портрета. Эта "мамаша" зажиточных фабрикантов и купцов явно властная не только в отношении работников, но и с собственными сыновьями и мужем – Тимофеем Саввичем. Небрежно выполненный задний план явственно отличается от детальной проработки мимики и деталей лица. Серов сумел в ограниченной цветовой палитре описать отчетливый характер»[191].

У прочитавшего эти строки, может сложиться негативное впечатление о М. Ф. Морозовой.

А ведь она была крупной благотворительницей. В благодарность о выздоровлении своей дочери Анны после родов она вместе с мужем Тимофеем Саввичем построила гинекологическую клинику на Девичьем поле (об этом эпизоде еще поговорим). В соответствии с последней волей, в день похорон Марии Федоровны состоялись благотворительные раздачи денег неимущим, а более 26 тыс. рабочих ее фабрик получили суммы приблизительно в размере дневного заработка и «*харчи на поминовение*». Кроме того поминальные обеды на тысячу человек были оплачены в двух московских бесплатных столовых. Около миллиона рублей было велено передать на благотворительные дела[i].

Тайна рождения Анны

Старшей среди детей Тимофея Саввича и Марии Федоровны Морозовых была Анна. Во всех источниках (книгах, интернете) приведен год ее рождения 1849-й без указания числа и месяца. Захотелось узнать точную дату появления Анны на свет. Казалось бы, это не так сложно сделать – надо найти первоисточник, а именно запись в метрической книге. Семья купцов Морозовых была старообрядческая. Известно, что староверы крестили своих детей в церквях на Рогожском кладбище в Москве. В архиве НИОР РГБ в фонде № 246 “Рогожское кладбище” сохранились метрические книги старообрядцев. В одной из них за 1850 г. удалось найти запись о рождении 22 июня девочки Алевтины, родителями которой были «*Богородский Купеческий сын Тимофей Савин и жена Его Марья Федорова Морозовы*»[192]. А вот запись о рождении другой дочери Морозовых Анны найти не удалось, несмотря на то, что были просмотрены подряд все записи в метрических книгах не только за 1849, но и за соседние года 1848 и 1850 гг. Были обнаружены десятки записей о рождении девочек с именем Анна, но у всех родителями были указаны другие старообрядцы.

Изо 4–43. А. Т. Морозова (до замужества?), (архив потомков Ненароковых).

Таким образом, тайну появления на свет Анны Тимофеевны Морозовой пока не удалось разгадать. Может она родилась в другое время (раньше 1848 или позже 1850 г.). А может была крещена в другом месте. Но где тогда? Можно лишь уверенно говорить, что согласно старообрядческой вере родителей она была обязательно крещена.

Сведений о том, как росли дети в семье Морозовых немного и они общего характера:

«*Дочери получили хорошее домашнее образование, изучали иностранные языки, занимались музыкой. Сохранилось немало воспоминаний о том, какая доброжелательная атмосфера царила в Морозовском доме. Здесь устраивались вечера для московской молодёжи, попасть на которые мечтали многие. Из Москвы Мария Фёдоровна часто выезжала с детьми в Орехово, где в парке вблизи Никольской улицы стоял её особняк. Бывали они и на загородной даче Морозовых в Усадах. Дети гуляли по живописным окрестностям, катались на лодке и ездили на лошадях, играли в завезённые англичанами игры крокет и кегли. Летом семья уезжала на отдых в Мисхор* [курортное место в Крыму недалеко от Алупки], *где у Тимофея Саввича была большая дача. Морозовы побывали в Германии, Франции, Швейцарии и других странах*»[193].

[i] Подробный рассказ о благотворительных делах семьи Морозовых не входит в планы настоящей книги. Можно лишь отметить, что представители этого рода отметились добрыми делами и на нашей Истринской земле. Ими были пожертвованы средства на сооружение “Народного дома” (ныне здание театра в г. Истра) и училища в г. Воскресенске (ныне школа им. А. П. Чехова). В окрестностях с. Филатово было построено училище «*повышенного типа*», в с. Покровское-Рубцово (ныне п. Пионерский) организован приют для сирот и брошенных, построено ремесленное училище. Благодарные жители поселка в 2012 г. установили памятник Савве Тимофеевичу Морозову, сыну Марии Федоровны и брату Анны.

Как Анна Морозова вышла замуж за историка Геннадия Карпова

В современных изданиях изложены три разных версии о том, где и как познакомились Геннадий и Анна, как решили пожениться.

Первая версия. В литературном рассказе Е. Н. Савиновой описан эпизод, как однажды Тимофей Саввич зашел с гостем в комнату дочери Анны: «*Разрешите представить вам, Геннадий Федорович, дочь мою... И ты, Аннет, люби и жалуй: господин Карпов, приват-доцент. Лучший ученик историка Соловьева. Можно сказать, будущее светило науки... Молодой человек сдержанно поклонился. Потертый сюртук и неловкие манеры выдавали его разночинное происхождение. Высокий, с русыми волосами и глубокими серыми глазами, гость имел благородные, но мягкие черты лица. Никого красивее Анна в жизни не видела! Краска бросилась ей в лицо. Ничего не ответив, она схватила из рук молодого человека поднятую книгу и убежала... Карпов редко бывал у Морозовых, но когда наведывался в столицу, непременно наносил визит Марии Федоровне и навещал Аннет. Она же считала дни от встречи до встречи.* […] *Разумеется, не имевший никакого состояния провинциальный ученый и не смел помышлять о браке с дочерью Морозова, но Аннет думала иначе. Его робость только укрепляла ее настойчивость. Ни увещевания маменьки, ни ее предостережения и угрозы не останавливали строптивую девицу*»[194]. А далее произошло следующее: «*...На осеннем балу в Благородном собрании, где барышни Морозовы привлекали всеобщее внимание роскошными туалетами и прекрасным воспитанием, Аннет открыто подошла к стоявшему у стены одетому во взятый напрокат фрак приват-доценту и заговорила с ним, затем приняла его приглашение на котильон, а потом он выбирал ее постоянно, что считалось совершенно недопустимым! Но самое ужасное случилось при прощании. Когда молодой человек бережно усаживал Аннет в экипаж, она стянула с руки шелковую перчатку и вручила ее изумленному ученому со словами: "А за рукой приезжайте завтра!" На другой день в дом Морозовых явился жених. Тимофей Саввич его принял сочувственно, однако согласия на брак, разумеется, не дал*».

Вторая версия изложена в статье правнучки М. Г. Смольяниновой: «*Анна Тимофеевна Морозова слушала в Московском университете лекции по истории, в частности В.О. Ключевского. Для нее это не прошло бесследно: она влюбилась в молодого историка, друга Ключевского – Геннадия Федоровича Карпова. Избранник был образован, умен, но беден. Он робко ухаживал за девушкой. И тогда 19-летняя Анна помогла ему. На балу она подарила ему перчатку, добавив: "А за рукой приезжайте завтра". И на следующий день он приехал просить ее руки*»[195].

Третья версия описана в книге писательницы Н. А. Филаткиной: «*Старшая – Анна, девушка умная, начитанная и независимого характера, не стала ожидать сватов, как это полагалось по купеческому обычаю. Своего избранника она определила сама, им оказался репетитор братьев Геннадий Карпов, сын смотрителя уездной библиотеки. Он с юности интересовался историей и выбрал ее своей профессией, преподавал в Казанском и Московском университетах, получая несколько тысяч в год, однако ни большим состоянием, ни родовыми и благоприобретенными имениями не обладал и не мог считаться с точки зрения ее родителей достойной партией. Поэтому замуж Анна вышла "уходом", без благословения отца и матери – попросту сбежала из-под "золотой крыши"*»[196].

Как видим – изложенные версии отличаются друг от друга в деталях. Откуда же такие расхождения? Увы, супруги Карповы своих воспоминаний, насколько известно, не оставили. Но Анна Тимофеевна могла рассказывать своим детям, как познакомилась и полюбила их отца, как инициатива о браке исходила от нее, а родители были против. Яркий, запоминающийся эпизод с вручением перчатки упомянут в двух версиях, он вполне мог быть на самом деле. А вот другие детали знакомства родителей потомки могли позабыть, в своих воспоминаниях путались, что-то придумывали. Ведь с тех пор несколько поколений сменилось, столько времени прошло. А человеческая память – вещь ненадежная.

Так какая же из трех изложенных версий наиболее правдоподобна? Во второй и третьей версиях есть очевидные ошибки и нестыковки с историческими данными[i]. В первой таких противоречий не

[i] Если говорить про вторую версию, то Анна не могла познакомиться с Геннадием, посещая лекция Ключевского в Московском университете, т.к. Василий Осипович стал преподавателем много позже свадьбы Карповых. В третьей версии ошибок еще больше. Карпов не преподавал в Казанском и Московском университетах, а только в Харьковском. Он не был сыном «*смотрителя уездной библиотеки*», а был сыном смотрителя училищ. Был ли Геннадий репетитором у братьев Анны – возможно. Но подтверждающих исторических документов этому не найдено. Зато есть свидетельства, что репетитором у Морозовых был Ключевский.

заметно, хотя есть явно придуманные литературные отступления типа «*Краска бросилась ей в лицо.* […] *Она же считала дни от встречи до встречи*». Возможно, в жизни так все и было, мы этого не знаем. Однако знакомство Анны с Геннадием могло произойти совсем иначе.

Уже когда завершалась работа над текстом настоящей книги, появилась **четвертая версия**. Доцент исторического факультета МГУ Татьяна Владимировна Агейчева сообщила о небольшой статье в малотиражном краеведческом сборнике. Оказывается, еще два десятилетия назад М. С. Дроздов нашел в архиве интересное дело, заведенное секретным отделением по делам старообрядцев, которых именовали тогда не иначе, как раскольниками. В опубликованной краеведом статье говорится, что «*Анна Морозова в ноябре 1868 г. обратилась к попечителю Московского учебного округа с просьбой о выдаче ей свидетельства на звание домашней учительницы, выдержав перед этим экзамен в Московском университете. Но допустила "оплошность" — указывая вероисповедание, назвала себя старообрядкой. А это Уставом о предупреждении и пресечении преступлений (издание 1857 г.) было запрещено. В дело вмешался Святейший Синод, который указал, что "Морозова в официальной бумаге называет себя старообрядкой, тогда как... раскольникам воспрещено именоваться не свойственными названиями"*»[197].

В деле есть рапорт обер-полицмейстера Московскому генерал-губернатору, в нем написано: «*Секретно. Вследствие предложения Вашего сиятельства от 3 сего февраля за № 60, имею честь донести, что дочь раскольника потомственнаго почетнаго гражданина Анна Тимофеевна Морозова, как по собранным сведениям оказалось, при значительном состоянии своего отца фабриканта, получила хорошее домашнее образование, ходатайствовала о выдаче ей диплома на звание домашней учительницы, для чего и выдержала в здешнем университете экзамен на это звание. Между тем, познакомясь через племянника раскольника Солдатенкова, бывшего студента здешнего университета Солдатенкова, с бывшим студентом, а ныне доцентом Харьковского университета Геннадием Федоровым Карповым, вышла за него замуж*»[198].

Вот, по сути, и все. В этом деле всего несколько листов, большая часть которых – это служебная переписка, которая велась между ведомствами по делу Морозовой. Само дело посвящено не столько прошению о выдаче свидетельства на звание учительницы, сколько тому, что просительница назвала себя старообрядкой, а не раскольницей, как требовал закон. В верхах потребовали, чтобы Морозова дала подписку с обязательством впредь себя не называть старообрядкой. И Анна подписала такую бумагу: «*я согласно предписанию впредь поступать обязуюсь*». А вот получила ли она в итоге просимое свидетельство на звание домашней учительницы – так и осталось неизвестно.

На самом деле это не так уж и важно. Важно другое: из указанного дела стало известно, что Анна просила о выдаче свидетельства на звание учительницы и успешно прошла испытания в Московском университете. Еще более ценными являются сведения о том, как она познакомилась с молодым историком Карповым – через «*раскольника Солдатенкова*». В деле не упоминается его полное имя, в статье предполагается, что это мог Василий Иванович Солдатёнков. Что ж, это вполне возможно. Напомним, что данная фамилия уже упоминалась ранее: бабушку Анны звали Мария Константиновна, ур. Солдатёнкова. На генеалогическом сайте РРФ можно найти древо этого рода[199], из которого видно, что указанный Василий был дальним родственником бабушки (ее двоюродным племянником). Где В. И. Солдатёнков мог познакомиться с историком Г. И. Карповым? Видимо, в Московском университете (слова «*бывшего студента здешнего университета*» свидетельствуют в пользу этого).

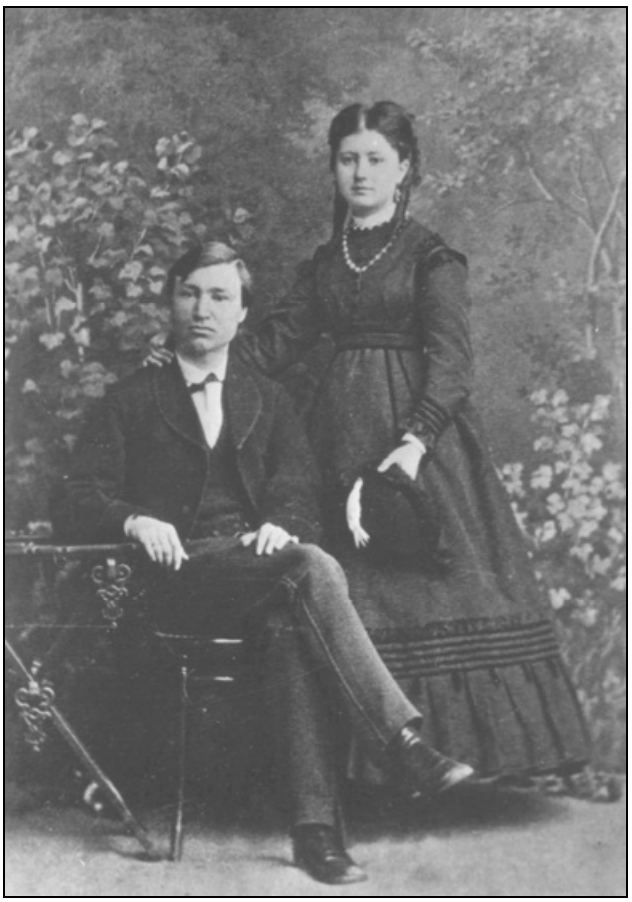
Подведем небольшой итог. В отличие от первых трех версий, в основе которых лежат воспоминания и публикации современных авторов, последняя основана на подлинном историческом документе. И потому она внушает больше доверия. Ну а эпизод с перчаткой вполне мог быть, он не противоречит архивному делу.

И еще. Все изложенные варианты сходятся в главном: Анна полюбила молодого безродного историка, причем настолько сильно, что решила соединить с ним свою судьбу, вопреки воле родителей. Понять ее отца Тимофея Саввича можно: он хотел, чтобы дочь вышла замуж за человека его круга, т.е. за купца или фабриканта. Тем самым деловые связи подкреплялись бы семейными узами, так тогда принято было. Поэтому вполне логичным выглядит то, что родитель был настроен против желания дочери выйти замуж за небогатого ученого-историка, который деловыми качествами не отличался. Посчитал это неравным браком, мезальянсом. Но старшая дочь купца оказа-

лась твердого характера, не остановилась ни перед чем, лишь бы быть рядом с любимым человеком. Она не только отказалась от родительского благословения на брак и материальной поддержки[i], но ради венчания в церкви даже перешла из старообрядчества в православную, точнее единоверческую веру[ii]. Об этом свидетельствует запись в метрической книге «*Троицкой единоверческой за Салтыковым мостом церкви*» г. Москвы, в которой сказано: «*присоединена из поповщинского согласия к Православной церкви на правилах единоверия Потомственная Почетная гражданка девица Анна Морозова, 19 лет – 30 декабря 1868 г.*»[200].

Через девять дней в том же храме состоялось бракосочетание: «*Генваря 8-го* [1869] *дня женился Доцент Императорского Харьковского Университета Геннадий Федоров Карпов 28 лет, холост, Православного Вероисповедания первым браком. Взял за себя Потомственную Почетную Гражданку девицу Анну Тимофеевну Морозову 19 лет, православного вероисповедания первым браком*»[201]. Одним из поручителей со стороны жениха был профессор Сергей Михайлович Соловьев.

Сохранилась фотография молодой четы Карповых, это их единственное совместное изображение (снимок напечатан в нескольких книгах, он есть и в интернете). Дата на фотоснимке не проставлена, но ее можно примерно высчитать. Судя по тому, что рука Анны лежит на плече Геннадия, они были уже женаты (такая «легкомысленная поза» была немыслима в то время для незамужней женщины, тем более старообрядки). Детей в кадре нет, наверное, их еще и не было. Свадьба состоялась в январе 1869 г., а первый ребенок в семье родился ровно год спустя. Так что, скорее всего, до его рождения молодожены и сфотографировались.

Изо 4–44. Г. Ф. и А. Т. Карповы, 1869(?)

Изо 4–45. А. Т. Карпова с первыми детьми, ок.1873.

[i] Как написано в книге Филаткиной: «*Если бы Анна вышла замуж с одобрения родителя, то её приданое составило бы не менее полумиллиона рублей*».

[ii] *«Единоверие — направление в старообрядчестве, сторонники которого при сохранении древних богослужебных чинов (двоеперстие, служба по старопечатным книгам и др.) и древнерусского бытового уклада признают юрисдикцию Русской православной церкви»* (интернет).

Счастливый брак Карповых, переписка супругов

О первых годах жизни молодой семьи информации мало. Вскоре после свадьбы Г. Ф. Карпов вернулся в Харьков, где продолжил чтений лекций в местном университете. Как ранее уже говорилось, Анна к нему приезжала, в доказательство приводилась фотография, сделанная в этом городе (изо 4–17). Но она не жила с супругом постоянно, детей рождала в Москве. Об этом свидетельствуют записи в метрических книгах, согласно которым Тимофей появился на свет в первопрестольной в январе 1870 г. Спустя 14 месяцев там же родился второй ребенок – дочь Елена. Жизнь на два дома продолжалась два года, молодая семья выдержала это испытание.

Геннадий Федорович уволился из Харьковского университета весной 1871 г. и вернулся в Москву. Супруги стали жить вместе, и впредь надолго не разлучались. Ну, разве что, муж уезжал на несколько недель в командировку (Петербург, Казань). Или же жена отправлялась с детьми на летний отдых в имение Брыково или Сушнево.

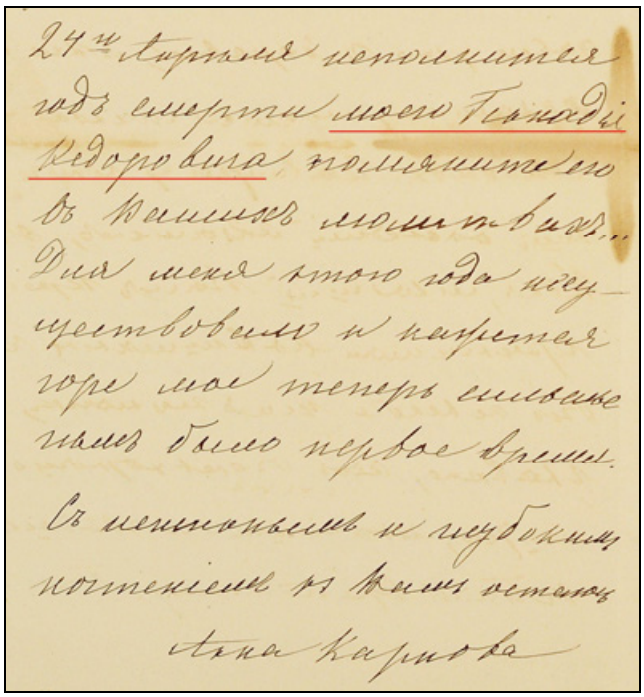
В некоторых публикациях отмечено, что брак Геннадия Федоровича и Анны Тимофеевны был счастливым и в доказательство приводится факт рождения 15 детей. Действительно, трудно представить себе семью, в которой супруги не ладили между собой, ссорились и при этом нарожали столько детей. В ходе сбора материалов для настоящей книги удалось собрать и другие свидетельства о добрых отношениях между супругами Карповыми, об их любви друг к другу.

Пожалуй, самым ярким свидетельством проявления нежных чувств являются письма, которыми обменивались муж и жена. Тексты их можно найти в приложении–4, здесь приведем отрывки из некоторых посланий.

Письмо, отправленное Геннадием Федоровичем из Петербурга в 1887 г. начинается ласковым обращением: «*Милая Анет*». Далее он пишет: «*Писем от Тебя третий день не получаю, безпокоюсь о вашем здоровье, да и не сердишься ли Ты на меня, что я в такое время оставил Тебя одну*»[202]. А завершается послание словами: «*любящий тебя муж.* […] *Сижу дома, делать нечего, об Вас все тоскую – скоро ли увижу*». К сожалению, обнаружено только одно письмо Геннадия Федоровича Анне Тимофеевне. Нет никакого сомнения, что были и другие письма. Но по какой-то причине они не сохранились, тогда, как посланий жены дошло до наших дней намного больше (более десяти).

Все письма Анны мужу начинаются словами: «*Милый Друг!*». А заканчивались они обычно так: «*Перекрести и поцелуй детей. Любящая тебя жена Анна Карпова*»[203]. Ну а в самих письмах, как это обычно бывает, обсуждаются семейные новости, различные жизненные ситуации, бытовые мелочи. По тексту посланий видно, как супруга с уважением относилась к мужу, не спорила с ним («*Разумеется делай, как думаешь лучше*»). Регулярно поздравляла с очередной годовщиной рождения кого-то из детей. Иногда (когда на то были причины), проявляла беспокойство: «*Берегись когда поедешь в Лавру. Не уставай и не простудись*». В другом письме: «*Что твое здоровье? Это меня очень беспокоит. Помогает ли тебе лечение молоком*». Или вот еще: «*Очень буду рада, когда получу известие о твоем приезде*».

Анна Тимофеевна сильно переживала ранний уход супруга из жизни. В письме архимандриту Леониду (Кавелину), отправленном в 1891 г., она пишет: *«24-го апреля исполняется год смерти моего Геннадия Федоровича, помяните его в Ваших молитвах* […] *Для меня этого года не существовало и кажется горе мое теперь сильнее чем было первое время*»[204].

Изо 4–46. Письмо А. Т. Карповой архимандриту Леониду (Кавелину), 1891.

Недвижимость Карповых в Москве, дома на Большой Ордынке № 41, 36, 38

Поговорим теперь о том, где жили Карповы в Москве. Напомним, что ранее упоминался адрес их жительства в первопрестольной столице – ул. Большая Ордынка, 41. Однако в этом доме они стали жить далеко не сразу после свадьбы.

Где поселился Геннадий Федорович, когда в 1871 г. уволился из Харьковского университета и переехал в Москву? Нигде прямо об этом не сказано, лишь в публикации Филаткиной написано: «*В. О. Ключевский был первым, кто поддержал, помог молодой чете и дал им приют. По семейным преданиям, первоначально молодые поселились на М. Ордынке в доме В. О. Ключевского*»[205] (осталось непонятно, идет ли речь в цитате о времени сразу после свадьбы или же уже по возвращении из Харькова). Как долго Карповы жили у друга? Скорее всего, не очень долго. Ведь каждый год в молодой семье рождались дети. Так что очевидно, рано или поздно Геннадию Федоровичу и Анне Тимофеевне пришлось подумать о своем собственном жилье. Этот вопрос молодой семье пришлось решать самим, т.к. родители Анны по-прежнему были на нее обижены.

Если посмотреть записи в метрических книгах о рождении первых пяти детей в семье Карповых, то каждый раз крещение рожденного малыша происходило в новой церкви: Тимофея во Владимирской, что в Старых Садех (1870), Елены в Ильинской на Воронцовом поле (1871), Анны в Троицкой единоверческой, что у Салтыкова моста (1872), Натальи в Тихоновской, что в Сокольничьей роще на Ширяевом поле (1873), Федора в Воскресенской в Барашах (1874). Думается, что такое разнообразие было не от хорошей жизни. Напрашивается предположение, что молодая семья жила на съемных квартирах и менять места проживания пришлось несколько раз.

В ходе работы над книгой был выявлен еще один, ранее неизвестный адрес проживания Карповых. О нем стало известно из купчей на приобретение Брыково 1874 г. Цитата из этого документа уже приводилась, следует выделить адрес проживания покупателя имения Геннадия Федоровича: «*живущий в Москве, Яузской части, в Кривом переулке в доме Карповой*»[206]. В справочном издании "Адрес-Календарь Москвы" за тот же год есть строчка о доме, принадлежащем «*Карповой Анны Тимоф. ж. докт. Истории – Яуз., 1, 75*»[207]. Эти слова следует понимать так: жене доктора истории принадлежало владение № 75 в 1-м квартале Яузской части Москвы. Он находился в Кривом переулке[i]. Получается, что у Анны Тимофеевны имелся свой дом. Странно, почему о нем ни в одной книге не сказано. Когда этот дом был приобретен, или же перешел по наследству, или подарен кем-то из родственников – данных нет. А если был куплен – то на какие средства? Откуда у Анны Тимофеевны оказалась крупная сумма[ii] на приобретение недвижимости, если принять во внимание, что ее родители поначалу молодой семье не помогали?

Вопросов много – ответов пока нет. Зато обнаружены достоверные сведения о продаже упомянутого дома в Яузской части Москвы. В архивном деле оказалась расписка, в которой Г. Ф. Карпов написал, что по доверенности жены в августе 1875 г. им получены 27 тыс. руб. от В. К. Дубровского, которому было продано владение в Кривом переулке[208]. В другом архивном деле отмечено, что Дубровскому был продан деревянный дом на каменном фундаменте с земельным участком, имевшем размеры 24 на 21 саж.[209] (это примерно 23 сотки земли).

Почему в указанном году была продана недвижимость в Кривом пер.? Тут все понятно. Как раз в это время у молодой семьи появилось другое, более просторное и комфортабельное жилье – тот самый дом № 41 на ул. Бол. Ордынка, о котором уже говорилось. Во многих современных книгах написано, что этот двухэтажный особняк недалеко от церкви «*Иверской иконы Божией Матери на Всполье*» в 1875 г. приобрела Мария Федоровна Морозова (по некоторым данным вместе с мужем). Мать видела, что Анна счастлива в браке, родила пятерых детей, ожидала появления на свет шестого. Вот и смягчилась, простила дочь. При этом, однако, недвижимость записала на свое имя.

В интернете можно найти сведения об истории указанного здания, которое прежде принадлежало дворянскому роду Киреевских. «*Главный дом усадьбы на Большой Ордынке был выстроен по красной линии улицы после пожара 1812 года. Свой нынешний, характерный для ампира,*

---

[i] Старые здания в Кривом пер. (GPS 55.76208, 37.6467), принадлежавшие А. Т. Карповой, не сохранились. Поздняя постройка имеет адрес: пер. Жуковский, д. 14, стр.1. Это на задворках театра "Современник".

[ii] По мнению историка Т. В. Агейчевой у Анны могли быть паи морозовского предприятия.

Изо 4–47. ул. Бол. Ордынка, д. 41 (вдали видна Иверская церковь), 1909.

парадный фасад дом приобрел к 1821 году. Владельцем усадьбы был гвардии поручик Степан Алексеевич Киреевский – дядя поэта и философа А. С. Хомякова»[210]. И вот продолжение: «*В 1830 годы в фамильном особняке на Большой Ордынке проживал сын Киреевского Иван Васильевич, известный литературный критик и славянофил*»[211]. Вскоре Киреевские переезжают в свое родовое имение Долбино в Тульской губернии. В московском особняке никто не живет, долгие годы он пустует. К сожалению, пока не удалось обнаружить документ о покупке дома Морозовыми и потому стоимость сделки, и дата ее совершения остались неизвестными (известен лишь год 1875).

Обнаружена дореволюционная фотография дома № 41. Здание уцелело до наших дней, в московских справочниках его так и называют «*дом Киреевских-Карповых*» (GPS 55.735822, 37.624575).

В этом доме родилось большинство детей Карповых, Геннадий Федорович прожил здесь последние 15 лет своей жизни. Особняк стал собственностью Анны Тимофеевны после случая, едва не окончившегося трагедией: одни из ее родов чуть не стали роковыми, последними в жизни. Об этом эпизоде говорится в нескольких источниках.

27 апреля 1881 г. А. Т. Карпова родила десятого ребенка, сына Георгия, после чего у нее случилась родовая горячка. Как писала Филаткина: «*у нее началось внутреннее воспаление, она слабела день ото дня, час от часа, и врачи уже расписались в своем бессилии помочь молодой матери. Вызвали священников, Анну соборовали и оставили под иконами умирать*».

А вот как этот случай описан в другой книге: «*Через два дня после Таниной свадьбы в дом Крестовниковых вбежала Мария Федоровна, едва одетая и задыхающаяся: “Софья Юрьевна! Помогите! У меня Аннет умирает! Вы знакомы с доктором Соловьевым. Ради Бога, достаньте мне его!” — говорила она, рыдая. Нашли Соловьева в Английском клубе и привели к больной.* […] *Все дети Анны Тимофеевны, сама она, еще молодая, интересная, милая и симпатичная женщина, произвели впечатление на доктора Соловьева. Он поклялся употребить все средства для ее спасения. Родители на лечение тоже не скупились: были приглашены все известные в Москве доктора. Но никто не надеялся вылечить А. Т. Карпову. Да и сама она уже приготовилась, благословила детей, со всеми простилась, причастилась и сделала все распоряжения. В этот день доктора уехали, казалось, навсегда. Но Анна Тимофеевна чудом выздоровела, и в честь исцеления больной дочери родители построили* [гинекологическую] *клинику на Девичьем поле*»[212] (здание сохранилось).

Говорят, что от большой радости чудесного спасения дочери Мария Федоровна тут же переписала на нее дом на Большой Ордынке, сказав при этом: «*Живи на счастье*!»

Вполне естественно, что этот случай остался в памяти Анны на всю жизнь. Вот что она написала в одном из писем супругу: *«Сегодня день рождения Юрочки, поздравляю тебя с новорожденным 8-м лет. Слава Богу, вижу его восьмилетним, а думала, что умру, не подержав его на руках. “Слава Богу, Добродетелю нашему всегда и ныне и присно во веки веков. Аминь”. Вот что говорю от глубины моего сердца*»[213].

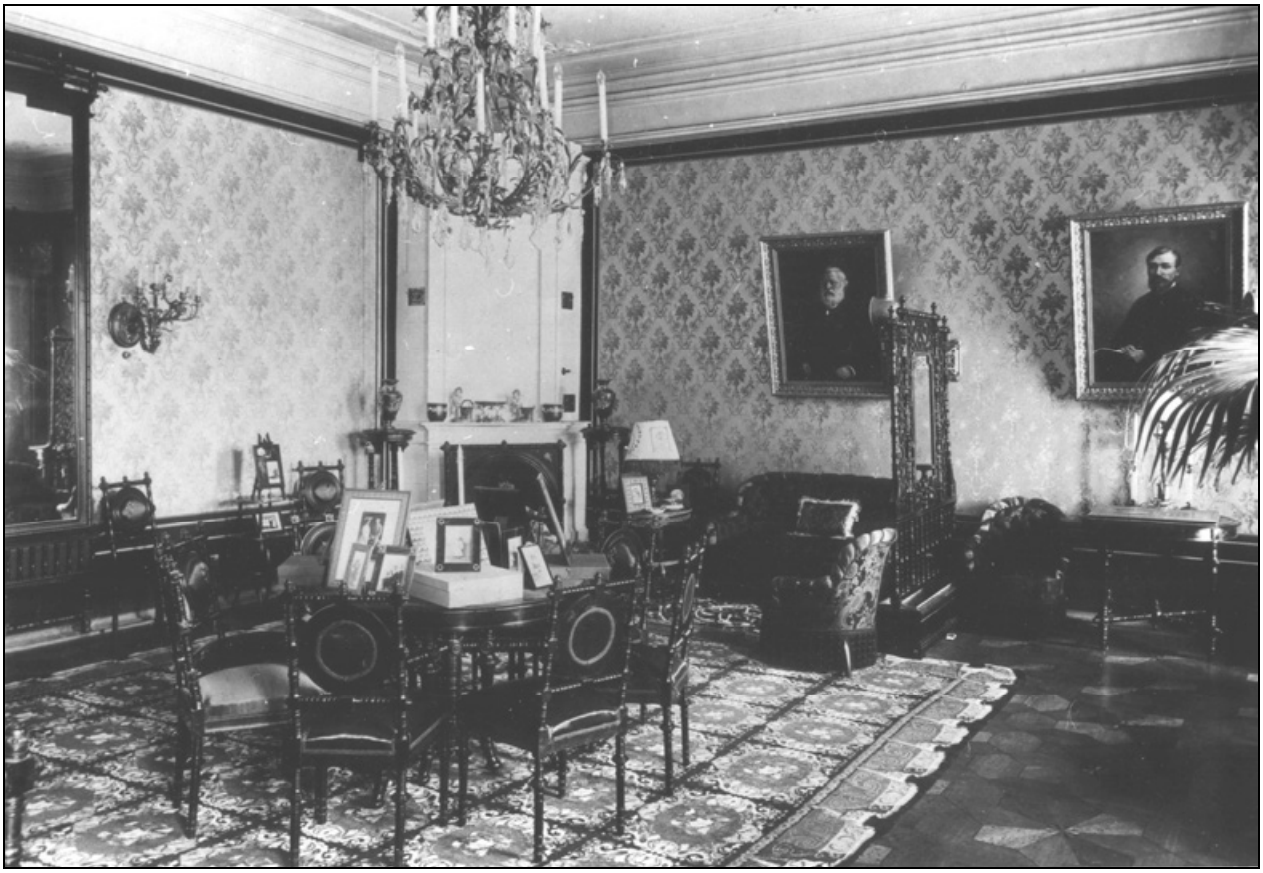
Семейство Карповых с каждым годом все увеличивалось и вскоре понадобилось произвести перестройку дома № 41 для увеличения жилых помещений. Как написано в интернете: «*В 1885 году было принято решение расширить дом, пристроив с юга новый объем, а вместо одноэтажного северного корпуса начала XIX века построить флигель. Проект реализовал архитектор А.Н.*

Кнабе. Еще раньше в 1877 году была возведена чугунная ограда с каменными столбами и широкими воротами. Парадный вход был перенесен с южного торца на улицу. Для этого пришлось превратить одно из окон в дверной проем»[214]. На том же сайте далее написано: «*Анна Тимофеевна и Геннадий Федорович Карповы часто принимали у себя в доме на Большой Ордынке виднейших деятелей культуры того времени – Ф.И. Шаляпина, К.С. Станиславского, И.И. Левитана, А.П. Чехова, П.И. Чайковского и др. В гостиной дома висели портреты Тимофея Саввича и Марии Федоровны* [Морозовых], *написанные Серовым»* (портреты эти приведены выше – изо 4–41, 4–42).

В доме на ул. Большая Ордынка было много комнат, сохранилось несколько фотографий, сделанных внутри. Снимок рабочего кабинета уже приводился (см. изо 4–18). Здесь показан другой фотоснимок, судя по всему, гостиной. В центре кадра виден портрет Тимофея Саввича Морозова (тот самый, руки художника В. Серова). А вот что за картина справа – полной уверенности нет. По всей видимости, это несохранившийся портрет хозяина дома Г. Ф. Карпова.

В доме № 41 отмечались все семейные торжества, справлялись свадьбы детей. В книге Н. А. Филаткиной приведены воспоминания одного из потомков М. В. Лепёшкиной о том, как проходила одна из свадеб: «*В церкви* [Иверской – Авт.] *был разостлан от самой двери ковер и пели синодальные певчие – самый лучший хор в Москве, служил дьякон из Успенского собора. Он так ревел, что люстры со свечами на потолке дрожали.* […] *У дверей церкви стоял пристав и отгонял толпу, пуская лишь приглашенных. Гости были разряженные, сверкали драгоценностями, у дам шляпы с необыкновенными перьями. Здесь можно было наблюдать за генералами со звездами и широкими лентами через плечо, камергерами в белых рейтузах и шитых золотом мундирах – важными людьми, специально приглашенными из Петербурга, чтобы придать блеск свадьбе»*[215].

И далее продолжение: «*По окончании венчания молодые в карете ехали домой, не смотря на близкое расстояние, все остальные следовали также в экипажах за ними. Дома торжество продолжалось: “Во всех залах и гостиных огромного бабушкиного дома, — вспоминает та же мемуаристка, — были накрыты столы, за которые усаживалось более сотни гостей. Детей сажали за специальным столом, так как их было очень много. Все были настолько подавлены торжественной обстановкой, что сидели разинув рты и почти ничего не ели из роскошных блюд, которыми*

Изо 4–48. Гостиная в доме № 41 по ул. Большая Ордынка.

обносили их лакеи... Свадьбы у бабушки Карповой были теми торжествами, которые знакомили детей с так называемой светской жизнью, и они, совершенно не привыкшие к роскошным приемам, с любопытством наблюдали за этой блестящей суетой"».

В начале XX в. владение № 41 сменило хозяина, им стал Федор Геннадиевич[i] Карпов, сын Анны Тимофеевны. Произошло это следующим образом.

Когда дети Карповы выросли, обзавелись своими семьями и разъехались, дом опустел. Анне Тимофеевне такой большой особняк был не нужен. И тогда она уступила его одному из своих сыновей, точнее – продала недвижимость. Сын Федор Геннадиевич был богатым фабрикантом, являлся совладельцем крупной Никольской мануфактуры, но своего жилья в Москве не имел. По сведениям Савиновой, мать хотела получить с сына за дом 150.000 руб. в рассрочку.

Через некоторое время после покупки Ф. Г. Карпов затеял перестройку купленного особняка:

«В 1909 году флагман русского модерна и друг семьи Морозовых-Карповых Ф.О. Шехтель и архитекторы И.С. Кузнецов и М.Ф. Бугровский занялись пристройкой дополнительных объемов, частичной переделкой фасадов и оформлением интерьеров. Приглашение такого "триумвирата" было неслучайным: зданию, простоявшему почти сто лет, требовалось не только обновление, но и ремонт. Бугровский пристроил к особняку трехэтажную северо-восточную часть. Кузнецов произвел замену перекрытий, полов, дверных и оконных коробок и печей, сделал перестройку и перепланировку парадного этажа. Южное помещение анфилады превратилось в большой зал, в котором остались декоративные украшения начала XIX века. Кузнецов ратовал за сохранение ампирного облика интерьеров, поэтому в зале был установлен мраморный камин, а стены украсились пилястрами коринфского ордера. Шехтель привнес в интерьеры черты своего любимого модерна, оформив в этом стиле вестибюль, парадную лестницу и столовую, выделившиеся особой торжественностью и пышностью»[216].

После продажи дома сыну Анна Тимофеевна переехала в приобретенное здание по соседству на противоположной стороне Большой Ордынской улицы, которое было поскромнее и меньше размерами. В архивном деле обнаружено, что ею было куплено не одно, а даже два соседних здания: в 1910 г. приобретено владение № 297/308 от Лебедева за 118.000 руб, а в 1912 г. владение № 297/309 от Гоппер за 64.000 руб.[217]. Эти строения сохранились, современные их адреса – дом № 36 и дом № 38 по ул. Большая Ордынка.

Про первый дом № 36 можно найти такие сведения в интернете: «*Это двухэтажное прямоугольное в плане здание с двумя боковыми нежилыми ризалитами было построено купцом Кириллом Ивановичем Ивановым в 1861 году. При Карповой по проекту архитектора И.А. Германа производили реконструкцию. Над дворовой частью здания были устроены антресоли, произошло увеличение объема за счет трехэтажной каменной пристройки со стороны двора. По просьбе Анны Тимофеевны на территории был устроен сад с деревянной беседкой, а вокруг усадьбы возведена каменная ограда с воротами*»[218].

Во втором доме № 38 после революции жила семья младшей дочери Варвары фон Мекк. А в доме № 36 проживала Анна Тимофеевна до конца своих дней. Разговор о последних годах жизни вдовы и о судьбе ее владений будет продолжен.

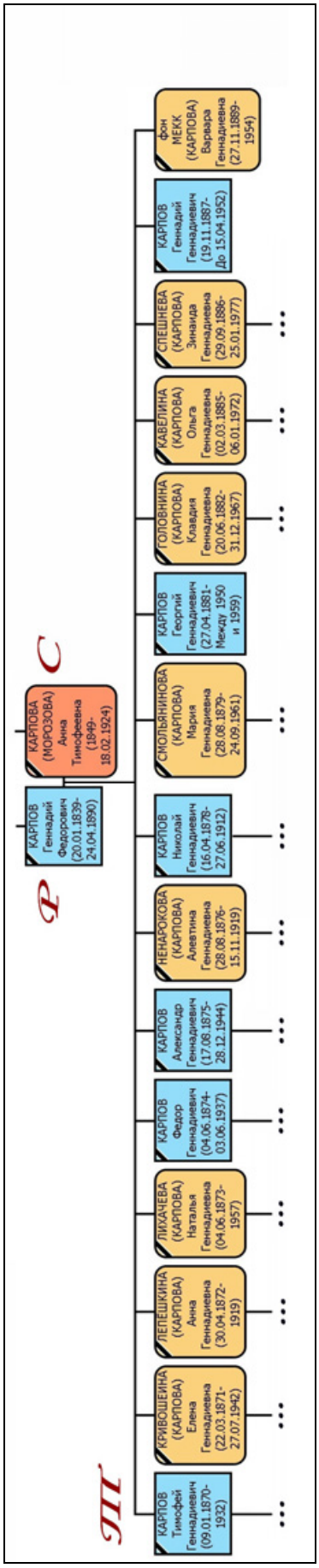
Дети Карповы

Теперь поговорим о детях в семье Карповых, их воспитании. Малыши появлялись на свет с завидной регулярностью, почти каждый год происходило пополнение. «*Лишние не рождаются*». Эти слова, которые любили повторять супруги, озвучил на 20-летнем юбилее их бракосочетания настоятель Иверского храма на Большой Ордынке о. Николай Мячин. Всего родилось и выжило 15 детей (6 мальчиков и 9 девочек)[ii], что было редкостью даже по тем временам. Так что семью Карповых с полным основанием можно называть многодетной, даже «сверхмногодетной». В советские годы и в наши дни Анна Тимофеевна получила бы звание "Мать-героиня".

---

[i] Правила русского языка допускают написание отчества Геннадиевич и Геннадьевич. В книге преимущественно используется первый вариант, так в большинстве исторических документов написано отчество Карповых.

[ii] В книге Н. А. Филаткиной утверждается, что всего в семье родилось 18 детей, но трое умерли в детстве. Увы, их имена, годы жизни остались неизвестны. При личном обращении писательница Наталия Александровна сказала, что сведения о трех рано умерших малышах предоставили потомки.

Изо 4–49. Фрагмент древа рода Карповых (буквами отмечены владельцы Брыково).

После изучения метрических записей были уточнены даты жизни некоторых детей Карповых. Собранные сведения отображены в родословном древе, у женщин приведены новые фамилии после замужества (чтобы не перегружать чрезмерно древо рода, в нем не показаны супруги и потомство). Информация о продолжателях рода дана в книге Н. А. Филаткиной (в виде поколенной росписи), выдержки из этого издания приведены в приложении–4.

Сначала поговорим о сыновьях в семье Карповых, их звали: Тимофей, Федор, Александр, Николай, Георгий, Геннадий. К сожалению, общего снимка братьев (в отличие от сестер) отыскать не удалось, есть только отдельные фотографии (они приводятся далее).

Если не все, то большинство мальчиков учились в частной гимназии Л. И. Поливанова. Судя по аттестатам зрелости, ребята учились средне, итоговые оценки по большинству предметов были 4 и 3. А вот с дисциплиной у всех было в порядке.

С получением высшего образования ситуация оказалась такая. Четверо сыновей поступали в Московский университет, но не все смогли успешно пройти полный курс обучения. Наилучшие успехи оказались у Тимофея, он учился на юридическом факультете, окончил его и получил диплом первой степени[219]. Николай, проучившись на историко-филологическом факультете шесть лет (при обычных четырех), потом оставил учебу. Георгий подавал документы на юридический факультет Московского университета[220], но, то ли не поступил, то ли вскоре бросил учебу.

Геннадий Геннадиевич Карпов учился на физико-математическом факультете. В его деле обнаружено любопытное заявление на имя ректора о дозволении жениться: «*Имею честь просить Ваше Превосходительство выдать мне удостоверение в том, что со стороны Университета не встречается препятствий к моему вступлению в законный брак*»[221]. Надо полагать, нужная бумага была выдана, т.к. в 1910 г. Геннадий женился на Вере, дочери московского городского головы Николая Ивановича Гучкова[222]. А вот учеба у жениха не задалась: он то бросал, то возобновлял учебу. Да и оценки по разным предметам были от 2 до 4 баллов. Геннадий проучился в университете семь лет, но, так и не пройдя полный курс, подал прошение об «*увольнении*» из студентов.

О следующем сыне Александре известно, что он «*агроном 1 разряда*» (так записано в свидетельстве о бракосочетании). А о последнем сыне Карповых Федоре в книге Филаткиной говорится, что «*Окончил Петербургский технологический институт, инженер-технолог*».

Как видим, все шестеро сыновей Карповы пытались получить высшее образование, но не все смогли это сделать. Можно еще сказать, что никто из ребят не пошел по стопам отца, не стал заниматься исторической наукой.

Теперь поговорим о дочерях Геннадия Федоровича и Анны Тимофеевны.

Где и как воспитывались девочки – ни в одном документе сведения не попадались. Можно лишь предположить, что воспитание было домашним с приходящими учителями, как это когда-то было у их матери. Благосостояние Анны Тимофеевны позволяло нанимать для обучения своих детей самых лучших учителей.

В воспоминаниях потомка одной из дочерей М. В. Лепёшкиной говорится: «*В доме Карповых было очень весело. Взрослые члены семьи*

Изо 4–50. Дочери Карповы, 1899, (архив потомков Смольяниновых).

интересовались литературой, у них [в] *гостях бывали учёные-историки, приятели отца, устраивали спектакли, писали стихи, спорили, влюблялись, танцевали. Анна Тимофеевна тяготела к высшему свету <...>. В доме Карповых находили радушный приём всевозможные отпрыски обедневших дворянских родов <...>. Блестящие офицеры ухаживали за некрасивыми дочерями, и те выбирали красивых женихов, уверенные в согласии матери*»[223].

Здесь хотелось бы прервать цитирование воспоминаний и высказаться по поводу некрасивых дочерей. Это оказалось не единственное подобное высказывание. В книге Филаткиной приводятся слова другого потомка, которая писала: «*мама была некрасивая*» (речь про Ольгу, после замужества ставшей Кавелиной). В ответ на эти слова хотелось бы привести замечательный фотоснимок, на котором показаны все девять дочерей Карповых. Любопытно, что девушки сидят по убыванию возраста: Лена, Аня, Наташа, Алевтина, Маша, Клава, Оля, Зина, Варя (некоторые были уже замужем).

Трудно оценивать женскую красоту, пусть читатели сами всмотрятся в молодые лица. По мнения автора настоящей книги, может писаных красавиц в роду и не оказалось, но и откровенных дурнушек тоже не было. Ну а если посмотреть на фотографии, приведенные в приложении–4, то некоторые дочери Карповы вполне красивы, особенно в подвенечных платьях.

По воспоминаниям некоторых потомков, Анна Тимофеевна неодинаково относилась к своим дочерям: кто-то (Наталья) был в любимчиках, а кого-то она «*держала в отдалении*» (кажется, в их числе были Ольга, Варвара). Честно говоря, трудно поверить в то, что мать по-разному относилась к родным детям. Но, с другой стороны, если об этом говорили члены семьи, то игнорировать данные слова не стоит. Так что, кто знает, как было на самом деле. А вот то, что Анна Тимофеевна стала хуже относиться к сыну Николаю после того, как тот женился против ее воли, это точно, документы это подтверждают (об этом еще поговорим позднее).

Ну а дети, конечно же, любили свою мать. В качестве примера хотелось бы привести письмо одной из девочек: «*Милая дорогая мамочка! Мы сегодня будем стряпать для Аннетиного рождения. Скажи Лёле, что нам не будет время для стряпни, если я напишу ей письмо и Тиме тоже. Анюта, наверно, тебе напишет, что она очень рада, что её рождение завтра. Мы сегодня гуляли с Марией Васильевной, которая нашла, что Сушнёво очень красиво, больше, чем она думала, и была очень рада стряпать. Целую тебя, мамочка миллион раз. Любящая тебя дочь Алевтина*»[224].

Продолжим теперь цитирование воспоминаний М. В. Лепёшкиной: «*После свадьбы офицеры выходили в отставку, увозили своих молодых жён в родовые имения, где те рожали бесконечное*

количество ребят, безвременно отцветали и блекли. У Анны Тимофеевны, таким образом, появилось около 70 внучат[i]*, в судьбе которых она принимала деятельное участие. Она разъезжала по имениям дочерей, по городам, где они жили, присутствовала при родах и крестинах, помогала ухаживать за больными, устраивала учиться*». И вот еще: «*Весной праздновали Пасху, а на Масленицу целую неделю ели блины, причём за столом велись бесконечные разговоры о том, кто сколько съел блинов. А старики, грустно качая головами, замечали, что люди теперь стали не те, и сотню блинов никто не съест, а бывало …*».

Изо 4–51. А. Т. Карпова с внуками Лихачевыми, нач. XX в., (архив потомков Кондратовых).

Предпринимательская деятельность Анны Тимофеевны, подарки детям

Как не раз уже говорилось, родители Анны были богатыми купцами, успешно вели хозяйственные и торговые дела. Это умение передалось и их старшей дочери. Как писала историк Агейчева: «*А.Т. Карпова была, несомненно, одаренной натурой. Будучи достойным членом своего рода, она обладала твердым характером, крепкой предпринимательской хваткой, была прекрасным управленцем. Она умело и эффективно распоряжалась своей частью семейного состояния и, в то же время, являлась горячей сторонницей развития народного просвещения, науки, образования, культуры как единственно верного пути к процветанию России*»[225].

Коммерческая хватка Анны Тимофеевны подтверждается многими историческими источниками. В архиве ЦГАМ в фонде Морозовых № 357 сохранилось немало бухгалтерских документов конца XIX – начала XX веков, среди них «*Ежемесячные финансовые отчеты по имению», «Главные книги Анны Тимофеевны Карповой*» и т.п. По ним видно, с какой дотошностью хозяйка записывала абсолютно все расходы и доходы. Фиксировалась заготовка различных видов стройматериалов и их реализация, покупка разнообразной мелочи вплоть до гвоздей, выплата жалования работникам, отмечалась продажа зерна, сена, муки и т.п. Записывались траты на медикаменты, покупку белья, мебели, угля, на свет и отопление, суммы на подарки и пожертвования. По книгам ежегодных отчетов А. Т. Карповой можно проследить, как с годами рос ее капитал.

По данным различных источников вдова скупала земельные участки – в основном те, на которых произрастал лес. Цель очевидна: как истинная купчиха она стремилась расширять свои владения для получения все большей прибыли.

По информации Савиновой к началу XX в. в Звенигородском уезде Анна Тимофеевна владела 3.239 дес. лесных угодий. Некоторая часть этих земель позднее была подарена сыновьям. Это был, как бы теперь сказали, их стартовый капитал. Мать хотела, чтобы сыновья стали настоящими купцами, научились самостоятельно вести дела, зарабатывать деньги. При этом брыковское имение она сохранила за собой. В хозяйском доме Анна Тимофеевна велела устроить контору, где разместилась администрация всех ее лесных угодий. В самой усадьбе Брыково она не жила, если и приезжала в имение, то редко и не надолго. Все хозяйственные дела вел назначенный ею управляющий.

Поговорим теперь подробнее: когда и какие совершались сделки, кому потом переходила земля.

[i] По мнению Филаткиной, на самом деле у А. Т. Карповой было около 50 внуков. Это тоже очень много.

В 1896 г. А. Т. Карпова приобрела в Звенигородском уезде у В. Н. Хомутовой участок 181 дес. вблизи сельца Саввино за 8 тыс. руб.[226]. В 1898 г. у отставного поручика С. И. Соколова было приобретено за 75.000 руб. расположенное недалеко от Брыково имение Филатово в составе 663 дес., из которых большая часть была занята лесными насаждениями (об этой сделке подробно рассказывалось в ранее изданной книге автора[227]). Хозяином филатовского имения с самого начала был записан **Александр** Геннадиевич Карпов, сын Анны Тимофеевны. Деньги на покупку, конечно же, были не его (откуда могла взяться такая большая сумма у 23-летнего молодого человека?) Несомненно, это были деньги матери. В 1913 г. А. Т. Карпова выделила из своего брыковского имения участок в 137 дес. около дер. Букарево и подарила его вместе с ранее приобретенной землей близ сельца Саввино (181 дес.) все тому же сыну. Тем самым земельные владения Александра заметно расширились.

На рубеже веков Анна Тимофеевна приобрела 310 дес. земли в Звенигородском уезде вблизи с. Александрово. Позднее (в 1911 г.) это владение перешло другому сыну **Тимофею**.

Около 1902 г. вдовою было приобретено в том же уезде имение Полевшина (иногда писали Полевщина) размером около 840 дес. Оно находилось вблизи сел Малинки и Куртасово, дер. Скориково. Хозяином недвижимости был записан 21-летний **Георгий** Геннадиевич Карпов, еще один сын Анны Тимофеевны. Сколько было заплачено денег за землю – не сказано. В 1912 г. произошел раздел имения Полевшина поровну между братьями Георгием и **Федором**, каждому достался участок земли размером немногим более 400 дес.[228].

Вообще надо сказать, что Анна Тимофеевна ежегодно делала подарки своим детям, все они детально фиксировались. Это подтверждает архивное дело 1916 г., в котором приведены такие данные (для дочерей указаны их новые фамилии): Елена Кривошеина – 1.100 руб.; Мария Смольянинова – 1.100 руб.; Зинаида Спешнева – 1.500 руб.; Ольга Кавелина – 2.500 руб.; Алевтина Ненарокова – 16.200 руб.; Тимофей – 25.120 руб.; Александр – 2.000 руб.; Юрий – 25.325 руб.; Геннадий Карповы – 53.910 руб.[229]. В общей сложности в том году было сделано подарков на сумму 273.299 руб. Все это показывает, как Анна Тимофеевна любила своих детей.

Делая подарки, А. Т. Карпова не становилась беднее, напротив, с каждым годом богатела, ее капиталы все увеличивались. Если в 1890 г. по данным «*Главной книги*» стоимость всех ее активов (недвижимость, ценные бумаги и т.д.) равнялась 719.128 руб.[230], то спустя десять лет общий капитал был уже 2.038.977 руб.[231]. Еще через восемь лет активы вдовы составили 2.341.164 руб.[232]. В эти суммы входили и оценки недвижимости.

В начале XX в. Анне Тимофеевне принадлежали 10 имений. В «*Главной книге*» за 1907–1908 гг. приведен их список с оценочной стоимостью в рублях: «*Сушневскаго имения – 160.000. Брыковскаго имения – 132.076. Панфиловскаго имения – 4.200. Филатовскаго имения – 82.010. Дагаевскаго имения – 51.781. Сочинскаго имения – 20.905. Варсевскаго имения – 21.901. Батумскаго имения – 3.295. Полевщинскаго имения – 122.000. Имения "Городок" – 10.600*»[233]. Местонахождение имений не указано, остается ориентироваться на их названия. Получается, что недвижимость была не только в Московской и Владимирской губерниях, но и на юге страны (Сочинское, Батумское имения).

В 1917 г. активы Карповой оценивались уже в 4.976.360 руб.[234], из них значительная часть капиталов (примерно половина) досталась по наследству от матери, умершей несколькими годами ранее.

Добрые дела Анны Тимофеевны

Как уже отмечалось, родители Тимофей Саввич и Мария Федоровна Морозовы были благотворителями. Напомним о построенной ими гинекологической клинике на Девичьем поле в Москве. Помимо этого было пожертвовано 100 тыс. руб. на устройство «*Алексеевской московской больницы*»[235].

Пожертвования делала и сама Анна Тимофеевна Карпова. Суммы были разные, как небольшие, так и крупные. Прежде всего, стоит напомнить об учрежденной ею в 1890 г. премии в память своего мужа Геннадия Федоровича за лучшую научную работу на историческую тему. Вдова внесла неприкосновенный капитал 11.500 руб., ежегодно начисляемые проценты около 500 руб. шли на выплату премии и изготовление памятных медалей. Когда этих денег не хватало, то организаторы обращались к А. Т. Карповой за дополнительной субсидией[236].

В том же документе, где приведены эти сведения, сообщается, что вдова внесла (в 1891) на поминовение Геннадия Федоровича 1.000 руб. в Троицкую единоверческую церковь. В 1896 г. она передала 100 руб. «*на обновление*» Христорождественского храма при Архиерейском доме в г. Владимир.

«*В 1897 г. Анна Тимофеевна Карпова стала действительным членом Императорского Православного Палестинского Общества*». Это подтверждает почетная грамота, фотокопия которой приведена в книге М. Г. Смольяниновой[237]. К сожалению, не удалось узнать, за какой конкретно вклад вдова была отмечена этой наградой.

В 1901 г. А. Т. Карпова пожертвовала Саввинскому братству 50 руб., столько же передал и ее сын Александр[238]. Когда в 1908 г. в Москве случилось наводнение, вдова внесла в фонд пострадавших 100 руб.[239]. В 1914 г. ею было пожертвовано 2.000 руб. «*на поезд государыни императрицы*»[240].

В 1909 г. на ул. Большая Ордынка великая княгиня Елизавета Федоровна открыла Марфо-Мариинскую обитель милосердия. А. Т. Карпова, проживая по соседству, оказывала различную помощь сестрам этого монастыря. Так в 1915 г. было «*Выдано в богадельню при Марфо-Мариинской обители*» 10.028 руб.[241]. По сведениям правнучки М. Г. Смольяниновой Анна Тимофеевна «*жертвовала средства на сооружение Музея изящных искусств, хотя и не входила в Комитет по его созданию. Пожертвовала 130 тыс. руб. на создание корпусов Староекатерининской больницы*»[242].

Изо 4–52. А. Т. Карпова, 1910-е (?), (музей предпринимателей, меценатов и благотворителей).

Много доброго вдова сделала в Покровском уезде Владимирской губернии, где находилось имение Сушнево. По словам той же правнучки: «*Анна Тимофеевна под влиянием мужа и культ. среды, кот. его окружала, считала, что единств. возможный путь развития России – в просвещении, а не в революции*»[243]. Ее девиз был: «*Уж если помогать, так лечить и учить*». Вдова продолжила творить добрые дела, начатые ее мужем сооружением на ст. Болдино православного храма и больницы для простых людей. В 1897 г. А. Т. Карпова заявила о согласии открыть в своем имении Сушнево народную библиотеку, все расходы взяла на себя[244].

В архиве ОПИ ГИМ сохранился интересный исторический документ. Это благодарственный адрес, отправленный Анне Тимофеевне за расширение больницы при ст. Болдино (она потом просуществовала около ста лет). Обращение единогласно было принято гласными на Покровском уездном земском собрании 25 сентября 1911 г., в нем говорится: «*Земство вспоминает, что некогда при станции "Болдино" возникло, благодаря пожертвованиям и заботам Вашего незабвенного супруга Геннадия Федоровича, скромное лечебное заведение, которое не замедлило стяжать себе вполне заслуженную признательность окружающего населения. Учреждение это, расширяясь из года в год при Ваших жертвах и заботах, ныне, благодаря Вам же и детям Вашим, следующим благому примеру своих родителей, превратилось в прекрасно оборудованную согласно новейшим требованиям медицинской науки образцовую больницу, прочное существование и процветание которой стоят вне всяких опасений. И не только медицинская помощь населению составляла предмет неусыпных забот Ваших: – нет, Вы и дети Ваши всемерно содействуете и задачам народнаго образования, созидая и поддерживая земские школы в этой местности*»[245].

Видя такую единодушную поддержку, в 1912 г. А. Т. Карпова передала в дар Покровскому земству участок земли в размере «*1 дес. 1.650 кв.саж.*», на котором находилась больница[246].

Когда началась Первая мировая война, в с. Брыково был открыт госпиталь для лечения раненых воинов (его местоположение осталось неизвестно, возможно, где-то в имении). В документах Анны Тимофеевны отмечено, что она передала через своих сыновей по полторы тысячи рублей на содержание лазаретов в имениях Брыково и Сушнево. Помимо этого вдова пожертвовала 5.000 руб. на Красный крест. В 1915 г. «*На нужды войны*» было выдано 3.028 руб.[247].

Год спустя по данным «*Главной книги*» общий размер пожертвований составил 29.047 руб.[248].

Деятельность сыновей Карповых в Звенигородском уезде

Со Звенигородским уездом были связаны сыновья Анны Тимофеевны, которым она здесь подарила участки земли. Это Александр, Юрий (Георгий), Тимофей и Федор. По данным справочника 1914 г. все четыре брата являлись гласными Звенигородской земской уездной управы[249]. Их неоднократно выбирали в различные комиссии земства (финансовая, ревизионная, «*Лесоохранительный комитет*», «*Губернский санитарный совет*», «*Совет по общественному призрению*»). Помимо этого Александр Карпов был членом правления брыковского кредитного товарищества, членом «*Братства Преподобнаго Саввы*», одно время являлся почетным мировым судьей. В 1910 г. на этой должности оказались Тимофей и Юрий Карповы[250]. В 1915 г. Звенигородским уездным предводителем дворянства стал Тимофей Геннадиевич Карпов[251].

В одном из архивных дел упоминается дом Карповых в г. Звенигороде[252]. Кем, когда и с какой целью он был приобретен – установить не удалось. Можно предположить, что в нем жил кто-то из братьев (а может и несколько братьев), ведь у каждого были дела в уездном городе.

В 1908 г. **Александр Геннадиевич Карпов** на земле филатовского имения построил земское училище, названное в память своего дяди Саввы Тимофеевича Морозова, рано ушедшего из жизни (подробнее об этом добром деле, а также о судьбе А. Г. Карпова рассказано в книге автора[253]).

Год спустя другой сын историка **Юрий Геннадиевич Карпов** построил в своем имении Полевшина земскую школу для крестьянских детей[254] и стал ее попечителем. Шесть лет спустя в том же селе имелась «*земская богадельня для престарелых им. Г. Ф. Карпова*»[255].

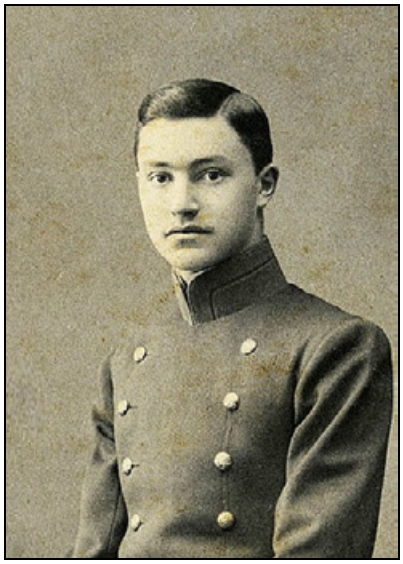
Юрия Геннадиевича в 1907 г. избрали председателем Звенигородской уездной земской управы, он также состоял членом «*Благотворительнаго Общества при Звенигородской Земской лечебнице*». Во времена его председательства произошел один несчастный случай, о котором хотелось бы рассказать. О случившемся в 1909 г. дорожном происшествии сохранились два документа – газетная публикация и архивное дело. Начнем со статьи.

В газете “Русское слово” была напечатана заметка с вызывающим названием «*Пьяный председатель земской управы*», вот ее содержание:

«В дорожном отделе губернской земской управы получено донесение смотрителя Нахабинской шоссейной заставы г. Лебедева о несчастном случае, происшедшем вблизи этой заставы 23-го сентября. В этот день, в 12 ½ час., через заставу со страшной быстротой промчался автомобиль № 368, принадлежащий председателю Звенигородской уездной земской управы г. Карпову. Полчаса спустя на заставу явился крестьянин Рузскаго уезда и заявил о несчастии, происшедшем с его женою. Крестьянин с женою ехал с возом сена, к которому сзади была привязана корова. Заметив издали приближавшийся с невероятной быстротой автомобиль, не дававший никаких предупредительных сигналов, он бросился отвязывать корову, а жену заставил держать лошадь. Лошадь

Изо 4–53. Александр Карпов, (архив потомков Смольяниновых).

Изо 4–54. Юрий Карпов.

Изо 4–55. Тимофей Карпов, (архив потомков Ушаковых).

испугалась, взвилась на дыбы и повалила жену на землю. В это мгновение на нее налетел автомобиль и, не уменьшая хода, протащил ее, по крайней мере, на протяжении 8-ми сажень, как об этом свидетельствовал случайно находившийся неподалеку служащий с фабрики Полякова г. Некрасов. Жену крестьянина подняли в совершенно изуродованном виде. Ее доставили в больницу при фабрике Полякова, где она через четыре дня и скончалась. Смотритель заставы сообщает, что автомобиль ехал не по той стороне, которой следовало, и, переехав женщину, не остановился и поспешил скрыться. В заключение смотритель сообщает, что г. Карпов проезжал через заставу неоднократно и "всегда в безобразно пьяном виде со всевозможными скандалами, останавливая на себе внимание даже всех жителей деревни, которые выскакивали из домов, чтобы полюбоваться на его безобразия"»[256].

Эта газетная заметка показывает председателя Звенигородской уездной земской управы Юрия Геннадиевича Карпова в крайне негативном свете, один заголовок чего стоит. Из текста публикации выходит, что он оказался непосредственно виновным в гибели несчастной женщины. Но, возможно, репортер черезчур сгустил краски. В архивном деле приведены другие подробности этого несчастного случая, и по ним уже выглядит не все так однозначно.

Во-первых, за рулем автомобиля сидел не хозяин Карпов, а его шофер Чурилов, который ввиду юного возраста (22 года) явно не обладал нужным опытом вождения и даже не имел водительских прав. Автомобили в то время были редкостью, домашние животные, скотина к ним не привыкли и при встрече реагировали по-разному. При испуге лошадь могла сильно испугаться и встать на дыбы, и тогда с ней трудно было справиться, тем более женщине.

Во-вторых, «*страшная скорость*» была всего 50 верст в час – смешная по нынешним временам.

В-третьих, во время следствия Юрий Геннадиевич показал, что велел шоферу не останавливаться *«из-за боязни самосуда»*[257]. Получается, что испугался. Это выглядело, мягко скажем, некрасиво (тогда оставление места происшествия не каралось законом, как в нынешнее время).

Дело о несчастном случае на дороге закончилось следующим образом. Ю. Г. Карпов заплатил пострадавшему крестьянину в качестве компенсации за гибель его супруги 2.500 руб., после чего тот написал расписку, что претензий не имеет. Юрию Геннадиевичу было предъявлено обвинение в том, что он допустил до управления своим автомобилем лицо, у которого не было водительских прав. Однако на заседании суда, состоявшегося в следующем году, хозяин автомобиля был оправдан. А молодой шофер Чурилов, как виновный в смерти крестьянки, был приговорен к тюремному заключению сроком на 2 месяца. Да, да, всего на два месяца! Такие тогда были законы.

Судьбы детей Карповых

По имеющимся сведениям все дети Геннадия Федоровича и Анны Тимофеевны (кроме Георгия) обзавелись своими семьями, у большинства имелось потомство[i]. В книге Филаткиной говорится: *«почти все дочери А. Т. Карповой породнились с дворянами. Старшая — Елена — вышла за будущего министра земледелия А. В. Кривошеина (1857–1921), Наталья (1873–1957) за потомственного дворянина, известного историка Н.П. Лихачёва (1862–1936), Алевтина (1876–1919) — за потомка дворян Ненароковых и одновременно знаменитого мореплавателя Крузенштерна — Николая Васильевича Ненарокова (1867–1919), ставшего впоследствии владимирским губернатором, Мария (1879–1961) — за представителя дворянской семьи Смольяниновых, Клавдия (1882–1967) — за отпрыска славного рода Головниных, Ольга (1885–1972) — за выходца из калужских дворян А. М. Кавелина (1879–1947), Зинаида — за адвоката из дворянской семьи Спешневых, младшая, Варвара (1889–1954) — за В.В. фон Мекка (1877–1932), представителя немецкого баронского рода»*[258].

В приложении–4 приведены краткие сведения обо всех 15 детях Карповых, их семьях, даны фотографии. Здесь хотелось бы остановиться на судьбах некоторых из них.

Первым умер **Николай Геннадиевич Карпов**, случилось это еще до революции. Об этом сыне историка хотелось бы рассказать особо, т.к. в книгах информации о нем мало, даже имя супруги не указано и о потомстве не говорится. Написано только, что «*Его брак не был признан семьей, что привело к сложностям в отношениях с родственниками*». В ходе сбора информации для настоящей книги удалось найти дополнительную информацию о Николае, его семье. Хотелось бы поделиться собранными данными, тем более, что какие-то из них прежде не публиковались.

---

[i] Своих детей не было лишь у троих: у Георгия и Геннадия Карповых и Варвары фон Мекк.

Прежде всего, следует сказать, что подтвердилось негативное отношение А. Т. Карповой к жене Николая[i]. В своем завещании она особо указала, что *«Мария Николаевна Карпова ни при каких обстоятельствах ничего из имущества моего получить не должна и исключается из наследников»*[259]. Так стало известно имя супруги Николая Геннадиевича. А вот чем она так сильно прогневала свекровь – так и осталось тайной.

Если говорить о самом Николае, то о нем удалось собрать такие сведения. По данным архивного дела он учился в Москве в частной гимназии Л. И. Поливанова. В 1897 г. подал прошение о поступлении на историко-филологический факультет Московского университета[260]. Однако по причине заболевания до конца не доучился и был отчислен с 4 курса. Чем занимался в последующие годы – осталось неизвестно. По данным книги Филаткиной он «*Пайщик Товарищества Никольской мануфактуры. Помещик Покровского уезда Владимирской губернии*»[261].

Благодаря помощи историка Т. В. Агейчевой удалось найти запись о венчании Николая Геннадиевича. Бракосочетание состоялось 29 апреля 1907 г. в Иверской церкви на Большой Ордынке. Невестой оказалась «*Дочь потомственнаго дворянина Мария Николаева Россет*»[262]. После свадьбы семья проживала в г. Козельск Калужской губернии. В 1908 г. родился первенец Всеволод, спустя три года появился на свет другой сын Георгий[263]. Далее в молодой семье, видимо, произошел какой-то разлад и Николай вернулся в Москву, стал жить у матери в ее доме. Как потом писала Анна Тимофеевна про сына: «*им было начато дело о расторжении брака*»[264]. Но, очевидно, оно не было доведено до конца, т.к. 27 июня 1912 г. Н. Г. Карпов умер. Как написано в метрической книге Иверской церкви, скончался «*от порока сердца*», было ему всего 34 года[265].

О состоявшихся похоронах была напечатана заметка в газете “Старый Владимирец”. Поездом 1 июля тело почившего перевезли из Москвы на ст. Болдино, на похороны собралось 400 человек. В заметке также было написано: «*Гроб с прахом покойнаго положен в большом каменном склепе при церкви имения “Сушнево”*»[266]. Это означает, что сын был погребен в Боголюбском храме рядом с отцом Геннадием Федоровичем.

Т. к. Николай Геннадиевич был дворянином и у него были несовершеннолетние дети, то органами дворянской опеки после его кончины было заведено соответствующее дело, точнее даже два. В одном из них говорится, что согласно завещанию Марии Федоровны Морозовой каждому из внуков, включая Николая, была отписана определенная часть ее огромного капитала. Вдова Мария Николаевна подала заявление о наследстве, и суд определил, что на ее долю приходится сумма 49.000 руб., а ее двум сыновьям по 73.500 руб. каждому[267]. К этому остается добавить, что через несколько лет мать с детьми переехала в Московскую губернию. Семья поселилась на ст. Апрелевка, где, как Мария Николаевна писала: «*дети мои могут быть лучше воспитаны, чем в Козельске*». Информации о дальнейшей судьбе детей Н. Г. Карпова нет.

Идем дальше. Вскоре после прихода к власти большевиков ушли из жизни две дочери – Анна Лепешкина и Алевтина Ненарокова (обе в 1919). Во время гражданской войны погиб муж Клавдии Б. С. Головнин (1920). Эмигрировали за границу члены семей Елены Кривошеиной, Клавдии Головниной, Варвары фон Мекк. Также уехали из страны братья Георгий, Геннадий с семьей, Федор с семьей и Александр с дочерьми, но без жены. Остальные потомки Карповых остались жить в СССР, некоторые были репрессированы. Муж Алевтины Н. В. Ненароков был расстрелян (1919), погиб в тюрьме Тимофей Карпов (1932), подвергался аресту муж Натальи Н. П. Лихачев (1930). В 1917 г. был приговорен к пожизненному заключению муж Марии А. Н. Смольянинов, но потом его амнистировали. В 1923 г. он вновь был арестован и сослан, скончался в ссылке (1932). Был расстрелян его сын Г. А. Смольянинов (1938).

Хотелось бы подробнее остановиться на судьбах двух семей.

Елена Геннадиевна стала женой Александра Васильевича Кривошеина, ставшего в последующем министром земледелия, одним из соратников председателя Совета министров П. А. Столыпина в проведении аграрной реформы. В годы гражданской войны А. В. Кривошеин был председателем Совета министров крымского “Правительства юга России” генерала П. Н. Врангеля. Разработал ряд

[i] Хотелось бы задать вопрос Анне Тимофеевне, если б она была жива: а как быть с ее собственным выходом замуж за безродного выходца из провинции Геннадия Федоровича, совершенном в 1869 г. вопреки воле родителей? Ведь те потом ее простили. Почему же она этого не сделала в отношении невестки?

законодательных актов по аграрной реформе. В 1920 г. Кривошеины эмигрировали, перебрались во Францию. У Елены Геннадиевны и Александра Васильевича родилось семь детей. Один из сыновей Всеволод Александрович Кривошеин (1900 – † 1985) стал известным церковным деятелем, **архиепископом Брюссельским и Бельгийским Василием**[268].

Изо 4–56. Владыка Василий (Кривошеин).

Самой трагичной оказалась судьба **супругов Ненароковых**. Алевтина Геннадиевна вышла замуж за дворянина Николая Васильевича Ненарокова, у них родилось пять детей. В 1910-х годах супруг поочередно занимал посты вице-губернатора в Вологодской, Владимирской и Нижегородской губерниях. С приходом советской власти Николай Васильевич с семьей перебрался в Москву, был принят на работу в Комитет государственных сооружений. Зимой 1918–1919 гг. во время Гражданской войны большевики арестовали бывшего вице-губернатора и держали в заключении в качестве заложника. Алевтина, разыскивая мужа, ходила по тюрьмам и простудилась. Осенью 1919 г. анархисты в Москве взорвали бомбу, погибло 12 человек. В ответ большевики расстреляли сотни заложников, среди них оказался и Н. В. Ненароков. Алевтина Геннадиевна, не выдержав горя, скончалась от гриппа «*испанки*» через два месяца после трагедии. Дети Ненароковы стали круглыми сиротами. Федору Геннадиевичу Карпову удалось вывезти троих младших племянников (Вера, Николай и Мария) во Францию, а двое старших (Василий и Анна) остались в России.

Карповы и архимандрит Леонид (Кавелин)

Отдельно хотелось бы поговорить о Кавелиных.

Ольга Геннадиевна Карпова в 1904 г. вышла замуж за офицера русской армии Александра Михайловича Кавелина из старинного рода дворян Калужской губернии. Жителям Истринского района хорошо известна эта фамилия. С 1869 по 1877 гг. настоятелем Воскресенского Новоиерусалимского монастыря был архимандрит Леонид, в миру Лев Александрович Кавелин (о нем уже доводилось писать[269]). Супруг Ольги Александр Михайлович был племянником священнослужителя.

Согласно записям в метрических книгах, архимандрит трижды был восприемником при крещении детей, рождавшихся в семье Карповых: Александра (1875) и Алевтины (1876) в Брыково, а так же Николая (1878) в Москве. Глядя на эти даты, получается, что Карповы познакомились с архимандритом задолго до свадьбы Ольги. Причем очевидно, что знакомство состоялось на почве единства интересов, любви к истории Геннадия Федоровича и архимандрита Леонида. Это подтверждают воспоминания Ольги Александровны Кавелиной (в постриге инокини Серафимы), дочери Александра Михайловича и Ольги Геннадиевны:

Изо 4–57. Архимандрит Леонид (Кавелин).

«Когда отец Леонид вернулся из Иерусалима [со Святой земли], *его назначили в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь. Туда как раз пустили железную дорогу — раньше она называлась Виндавская, теперь Рижская. Ну, времени не хватает — он обычно читал в вагоне. А напротив него занимал место какой-то человек. Раз с ним проехал, потом опять, наконец спросил: "Скажите, пожалуйста, кто вы и чем это вы интересуетесь?" Человек этот был Геннадий Федорович Карпов — профессор Московского университета, историк, друг Ключевского, женатый на дочери Тимофея Саввича Морозова, Анне Тимофеевне.* […]

И вот Геннадий Федорович и отец Леонид таким образом нашли друг друга. Они были очень дружны, ну, отец Леонид и вспомнил: у меня же есть племянник Саша, в Москве болтается, а у вас такое семейство большое, можно ли Саша будет у вас в доме на выходные дни? И папа бывал у них запросто и очень с ними сдружился»[270].

В этом рассказе есть существенные ошибки. Дело даже не в словах «*профессор Московского университета»* (как уже говорилось, Г. Ф. Карпов не был профессором, тем более в Москве). Речь идет о Виндавской железной дороге. Дело в том, что она была открыта в 1901 г., когда в живых не было ни архимандрита, ни историка. Если и ездили они вместе в поезде, то по Николаевской дороге до ст. Крюково, а оттуда на лошадях до Воскресенска (а Карпов еще дальше до Брыково). А вообще-то они, скорее всего, познакомились в другом месте – на заседаниях "Императорского московского общества истории и древностей Российских". Архимандрит был избран его членом в 1867 г., а Геннадий Федорович годом ранее. А после того, как Леонид стал настоятелем Новоиерусалимского монастыря в 1869 г., а Карпов пять лет спустя купил находившееся в десяти верстах от обители имение Брыково, то видеться они стали намного чаще (кстати, архимандрит и мог посоветовать историку приобрести имение в местности, с которой успел близко познакомиться). Есть свидетельство, что священнослужитель приезжал в Брыково.

Но вернемся к племяннику архимандрита. По окончании учебы, Александр Михайлович Кавелин был определен для прохождения воинской службы на Кавказ. А далее, как написано в воспоминаниях инокини Серафимы про отца: «*когда приехал в отпуск — ему уже было года двадцать четыре, — он сделал дочери Анны Тимофеевны Ольге предложение»*. Предложение было принято, свадьба состоялась в 1904 г. Вот так породнились роды Карповых и Кавелиных. В семье офицера потом родились четыре девочки.

В нескольких письмах Анны Тимофеевны говорится о путешествиях Геннадия Федоровича вместе сыном в Троице-Сергиеву лавру: «*То что Вы собираетесь с Колею к Троице, я тому очень рада и очень это одобряю. Одно только боюсь что по этой холодной погоде* […] *Коля не простудился»*[271]. Если учесть, что настоятелем лавры в 1877 г. стал архимандрит Леонид (и оставался в этой должности до своей кончины в 1891), и что он был крестником упомянутого Коли, то становится очевидным, к кому и зачем отправлялись в паломничество Карповы. В приложении–4 приведены тексты двух писем супругов Геннадия Федоровича и Анны Тимофеевны архимандриту Леониду. Они обращаются к нему как к родственнику куму, написаны с такой теплотой, что не оставляет сомнения в их добрых отношениях.

Был ли Тимофей Геннадиевич Карпов последним владельцем имения Брыково?

Вернемся теперь на подмосковную землю.

Повсеместно считается, что последней владелицей Брыково была вдова Анна Тимофеевна Карпова, что имение было реквизировано у нее советской властью. Когда это случилось? Точная дата в документах не приведена. С одной стороны, известно, что уже на второй день после захвата большевиками власти 26 октября 1917 г. II Всероссийский съезд Советов принял составленный В. И. Лениным Декрет о земле, провозгласивший национализацию всех угодий, конфискацию помещичьих владений и установление бесплатного крестьянского землепользования. С другой стороны, на примере Ивановской суконной фабрики, находившейся вблизи г. Воскресенска, видно, что реально это предприятие было отобрано советской властью у хозяев Поповых лишь в 1918 г.

Так что имение Брыково могло быть национализировано как в 1917 г., так и в 1918 (скорее всего) и даже в 1919. Но не позже, т.к. в одном из архивных дел ЦГАМ приведен «*Список бывших частновладельческих имений*» по состоянию на 1919 г., в котором записаны фамилии прежних хозяев недвижимости (в родительном падеже): *«Филатово – А. Г. Карпова; Брыково – Т. Г. Карпова»*[272]. Как видим, у владельца Брыково указаны инициалы не А. Т. (Анна Тимофеевна), а Т. Г. (Тимофей Геннадиевич). И это дело оказалось не единственным, где он записан как владелец имения, пусть даже и бывший. Вот список этих источников:

1) В деле о разбойном нападении на священника брыковской церкви Петра Зверева, совершенном весной 1917 г., упоминается рузский мещанин Никита Григорьевич Щеглов, который заявил о себе: «*Я – управляющий имения Т. Г. Карпова близ с. Брыково»*[273].

2) В архиве ОПИ ГИМ хранится дело за тот же год, в котором имеется обращение граждан

дер. Мыканино в «*Звенигородский уездный комитет по топливу*». В нем крестьяне писали о неимении у них дров на зиму и просили «*разрешить рубку сухостоя, бурелома за плату*»[274] в оврагах, принадлежавших Тимофею Карпову. Осталось непонятно, почему люди обратились в комитет, а не напрямую к хозяину (бумага написана в сентябре еще до октябрьской революции). Комитет пошел навстречу и вынес соответствующее распоряжение управляющему имением Брыково. Выходит, что овраги, хозяином которых числился Т. Г. Карпов, относились к имению Брыково? И тогда получается, что Тимофей Геннадиевич был хозяином этого имения?

3) В другом архивном деле за 1922 г. приведены такие данные для бывших владений: «*Филатово – Карпова Ал-ра Геннадиевича, всей земли 1157* [дес.]; *Брыково – Карпова Анна Тимофеевна, всей земли 898* [дес.]; *бл. с. Брыково – Карпов Тимофей Геннадиевич, всей земли 900* [дес.]»[275].

Подведем итоги. Как видим, во всех перечисленных документах Тимофей Карпов прямо или косвенно указан владельцем имения Брыково (в ряде случаев уже бывшим). В принципе, это согласуется с завещанием А. Т. Карповой, в котором она свои земли в Звенигородском уезде отписала старшему сыну[276]. Но ведь это завещание не было исполнено, вдова умерла в 1924 г., когда все частные владения помещиков были давно реквизированы. Тогда когда же она успела передать земли в Звенигородском уезде сыну Тимофею? В документах об этом не сказано.

Есть и другие вопросы. Почему в последнем деле для Брыково бывшим владельцем указан не только Тимофей, но и его мать, причем каждый со своей землей (898 и 900 дес.[i])? И что означает сокращение «*бл. с. Брыково*»? Это можно истолковать как: «*близ села Брыково*». И тогда выходит, что само имение Брыково осталось за матерью, а у старшего сына находились земли где-то по соседству (включая дер. Мыканино).

Как видим – вопросов много, а достоверных ответов на них нет. Поэтому в приведенной в начале первой главы таблице владельцев имения Брыково хоть и вписан Тимофей Геннадиевич Карпов (“Т”), но с пометкой: «возможно». Кто был последним владельцем брыковского имения, у которого советская власть его реквизировала – мать или сын? – так и осталось непонятно.

Дело о Тимофее Геннадиевиче Карпове 1926 года

На этом разговор о старшем сыне Карповых не окончен. В архиве ГАРФ был обнаружен документ советского времени, имеющий прямое отношение к Тимофею Геннадиевичу. Материал, прямо скажем, спорный и неоднозначный, его правдивость (по крайней мере, в отдельных суждениях) вызывает серьезные сомнения. Выдержки из этого документа уже приводились ранее. Сейчас настала пора поговорить о нем более подробно.

После прихода советской власти Т. Г. Карпов поступил на службу. Летом 1926 г. он был арестован и заключен в тюрьму. Какие ему предъявлялись обвинения – осталось неизвестно. Надо полагать, кто-то из близких родственников ради спасения арестованного обратился в комитет “Помощи политическим заключенным”, который возглавляла Екатерина Павловна Пешкова, жена известного советского писателя Максима Горького. Была составлена справка о Т. Г. Карпове, которая приведена в указанном деле ГАРФ. В ней отмечено, что Тимофей «*рос очень больным мальчиком*», был «*незлобливым и честным*», «*абсолютно безвредным*» и в то же время больным и недалеким человеком, «*заслужил себе прочную репутацию “дурачка”*». Подчеркивалось, что никакого вреда советскому обществу он нанести не может. Очевидно, чтобы вызвать жалость к арестованному и повысить шансы на освобождение, его родители представлены в отрицательном свете. Написано, что отец Геннадий Федорович «*запойный пьяница*», мать Анна Тимофеевна «*душевнобольная истеричного типа*».

Многое из того, что написано в этой справке, вызывает отторжение, совершенно не вяжется с написанным в этой главе о семействе Карповых. Ранее уже объяснялось, почему некоторые слова об историке Геннадии Федоровиче в справке откровенно лживы. Точно так же вызывают большие

[i] Остались непонятными значения 898 и 900 дес., где конкретно эти земли находились, в документе пояснений нет. В исторических источниках приводятся другие размеры владений Карповых. Так известно, что в 1874 г. при покупке имения Брыково его размер равнялся 664 дес.. Потом из имения было выделено несколько десятин под прокладку дорог. А уже в XX в. Анна Тимофеевна выделила из брыковского имения 137 дес. вблизи дер. Букарево и подарила их сыну Александру. Так что значения 898 и 900 дес. объяснить не удается. Но именно эти цифры приведены в советском документе. Доверия они не вызывают.

сомнения правдивость слов о его сыне Тимофее Геннадиевиче. Если он был дурачком, то как тогда успешно окончил юридический факультет Московского университета, получил диплом первой степени. И таких несуразностей, нестыковок, неправды и преувеличений в тексте немало.

Один из потомков Карповых, ознакомившись с текстом указанной справки, высказался категорически против написанного, заявил, что это наглая ложь, и публиковать ее нельзя. Автор должен признаться, что долго сомневался: стоит ли говорить об этом деле. И все же решено было это сделать. Ведь это тоже исторический источник, документ первых лет советской власти! Да, в нем много неправды. Он наглядно показывает обстановку того времени. Желающие могут ознакомиться с самим документом (его полный текст приведен в приложении–4) и вынести свое собственное суждение о нем.

Потомки рода Карповых

На этом разговор о детях Геннадия Федоровича и Анны Тимофеевны Карповых завершен. Осталось лишь сказать несколько слов о продолжении рода «*доктора Русской истории*».

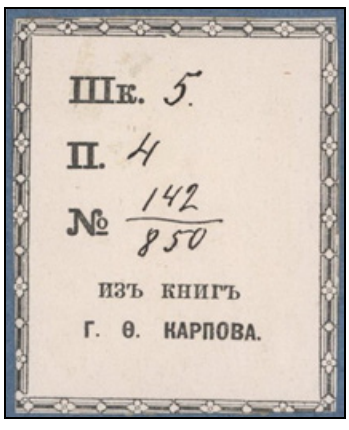
В отличие от многих других исторических лиц, о которых шла речь в настоящей книге (и еще пойдет в следующих главах), про брыковского помещика Г. Ф. Карпова можно уверенно сказать, что его род продолжается. Как оказалось, живы наследники историка сразу по нескольким ветвям рода, число потомков исчисляется десятками лиц. Они проживают не только в России, но и во Франции, США. Граждане нашей страны носят фамилии Карповы, Ненароковы, Ушковы, Кондратовы, Смольяниновы. Как видим, у кого-то даже сохранилась фамилия предков. С некоторыми наследниками удалось лично пообщаться. Причем для их розыска прилагать особых усилий не пришлось, потомки историка давно известны благодаря ранее изданным книгам. А познакомиться с представителями рода удалось на одной из встреч, организованной в центре “Преображение” в Брыково. Потом завязалась переписка. Кто-то из потомков поделился фотографиями из своих семейных архивов, они были использованы при подготовке настоящей главы и приложения. А кто-то, к сожалению, уклонимся от помощи.

Жизнь Анны Тимофеевны при советской власти

Ранее рассказывалось, как в начале XX в. А. Т. Карпова приобрела на ул. Большая Ордынка два дома. Примерно в 1910 г. она переехала в один из купленных домов № 36. В нем она и проживала до конца своих дней. Правда, при советской власти ей пришлось потесниться (тогда это называлось уплотнением).

В завещании, составленном в 1913 г., вдова после своей смерти предписывала один дом (№ 36) передать сыну Юрию, а второй (№ 38) младшей дочери Варваре, которая незадолго до этого вышла замуж за дворянина В. В. фон Мекк[277]. Однако дочь переехала с мужем в указанный дом еще при жизни матери, это подтверждает документ 1918 г.[278].

Анна Тимофеевна прожила шесть трудных лет при советской власти. Сведений об этом периоде ее жизни, к сожалению, немного. В книге Смольяниновой приведена копия «*Охранной грамоты*», выданная 29 августа 1918 г заместителем Наркома просвещения М. Покровским. В этом документе написано: «*квартира вдовы профессора А.Т. Карповой (Большая Ордынка, д. № 36) заключающая в себе обширную библиотеку изданий по истории, а также картины и другие предметы обстановки, имеющие художественно-историческое значение, – не подлежит уплотнению и реквизиции и вещи, в ней находящиеся, не могут быть изъяты или вывезены без ведома и согласия Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народнаго Комиссариата по Просвещению*»[280]. Увы, эта «*Охранная грамота*» не уберегла художественные и исторические ценности Карповых. Позднее книги Геннадия Федоровича были вывезены в Историческую библиотеку Москвы. Некоторые книги, как свидетельствует сохранившийся штамп, оказались во Владимиро-Суздальском музее (по всей видимости, это тома из имения Сушнево).

Изо 4–58. штамп на одной из книг Г. Ф. Карпова[279].

В 1919 г. хозяйку дома № 36 переселили в подвал того же здания, а в ее прежних жилых помещениях поселили чужого человека. Тогда

же Анне Тимофеевне, которой было уже 70 лет, пришла повестка об уплате «*чрезвычайного революционного налога*» в два миллиона руб. В ответ она написала, что заплатить ей нечем «*вследствие полного разорения*»[281], т.к. все имущество новая власть реквизировала. И добавила, что проживает «*на иждивении внуков*». Советский суд учел ее преклонный возраст и постановил: «*Карпову от уплату налога* […] *и от наказания освободить*».

Спустя год вдове понадобилось забрать из своего бывшего имения Сушнево теплую одежду, обувь и ряд предметов личного обихода. Однако власти в этой незначительной просьбе отказали.

Доживала свои дни одна из богатейших женщин царской России в крайней бедности. Одна из внучек О. А. Кавелина вспоминала, как «*навестила бабушку А.Т. Карпову в 1921 году*. [Ей] *тогда было 6 лет. Анна Тимофеевна расстраивалась, что она не может подарить внучке игрушку или иной подарок. Она отыскала для нее один рубль, на который внучка купила килограмм вишни и маленького пупсика*»[282].

Умерла Анна Тимофеевна Карпова 18 февраля 1924 г., похоронена в Москве на Рогожском кладбище в усыпальнице Морозовых. Захоронение сохранилось (GPS 55.742747, 37.701823 примерно).

Судьба владений Карповых

Судьба бывших владений А. Т. Карповой такова. Сначала о московской недвижимости.

Все три дома на ул. Большая Ордынка сохранились. После революции в дом № 41 въехал народный суд Москворецкого района. Как пишут: «*Коллекцию картин Карповых распределили в разные музеи, панно Коненкова передали в Третьяковскую галерею. Из особняка пропала вся мебель, был уничтожен знаменитый камин*». Уже в наше время по данным из интернета: «*В 1993 году дом Киреевских – Карповых приобрела российско-американская компания "Интелмас" (Интеллектуальные материалы и системы), генеральным директором которой был В.В. Кантор – общественный деятель, предприниматель и меценат. К реставрации исторического здания Кантор подошел со всей основательностью: для проведения работ были приглашены лучшие специалисты, в том числе и зарубежные. Кантор даже выкупил из частной коллекции портрет Тимофея Саввича Морозова кисти В.А. Серова, висевший здесь более ста лет назад, и добился разрешения сделать гипсовую копию "Пиршества". В результате были отреставрированы парадная лестница, паркетные полы, лепнина, камин, окна и двери. Можно сказать, что дому возвращены интерьеры Шехтеля и Кузнецова.* [...] *Теперь в особняке располагаются офисы принадлежащих Кантору компаний "Интелмас" и "Акрон" и Институт корпоративной реформы*»[283] (информация на 2021 г.).

Опять же по сведениям, найденным в сети, дом № 38 ныне также находится в частном владении, в нем бизнес-центр. А третье здание № 36 принадлежит Марфо-Мариинской женской обители, в нем воскресная школа.

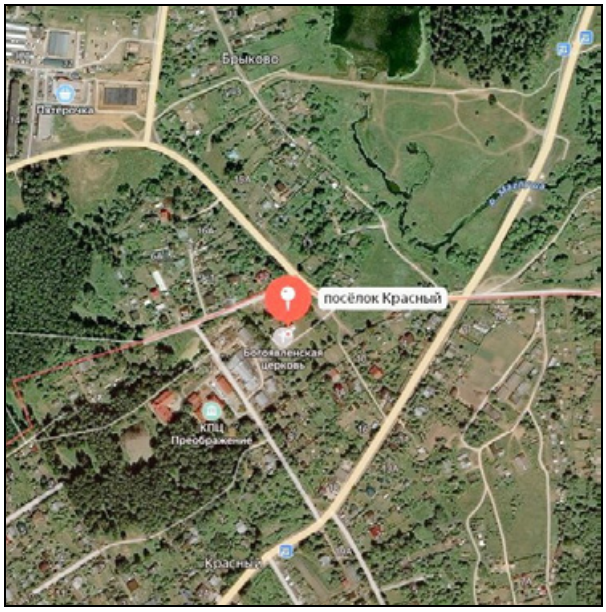
Теперь о судьбе имения Сушнево во Владимирской губернии. При Карповых в нем было много построек. Помимо главного трехэтажного усадебного дома имелись отдельные домики для сыновей Тимофея и Геннадия, помещения для прислуги, часовня. Недалеко стояли два дома, принадлежавшие историку В. О. Ключевскому. Владимирское имение Карповых было реквизировано советской властью и использовалось ею. «*В 1921 г. в Сушнево был открыт дом отдыха, взятый впоследствии на баланс обкомом профсоюзов.* […] *С 1941 по 1945 гг. здесь был развернут эвакогоспиталь № 3003 для восстановления раненых солдат и офицеров*»[284]. После войны в Петушинском районе Владимирской области вновь стал функционировать дом отдыха, он просуществовал до 1994 г.

Увы, картина нынешнего состояния бывшего имения печальная. Как написано в интернете: «*Старинная усадьба, являющаяся объектом культурного наследия регионального значения, к сожалению, сегодня находится в удручающем состоянии*». Многие усадебные постройки оказались утрачены. Главный барский дом сгорел еще в 1935 г. (по другим данным в 1933). Несколько сохранившихся построек пребывают в запустении, разрушаются. Боголюбский храм, построенный Карповыми на станции Болдино, не сохранился. Считается утраченным захоронение храмоздателя Геннадия Федоровича Карпова и его сына Николая.

О судьбе брыковской усадьбы речь пойдет в последней главе.

Глава 5. Богоявленская церковь села Брыково

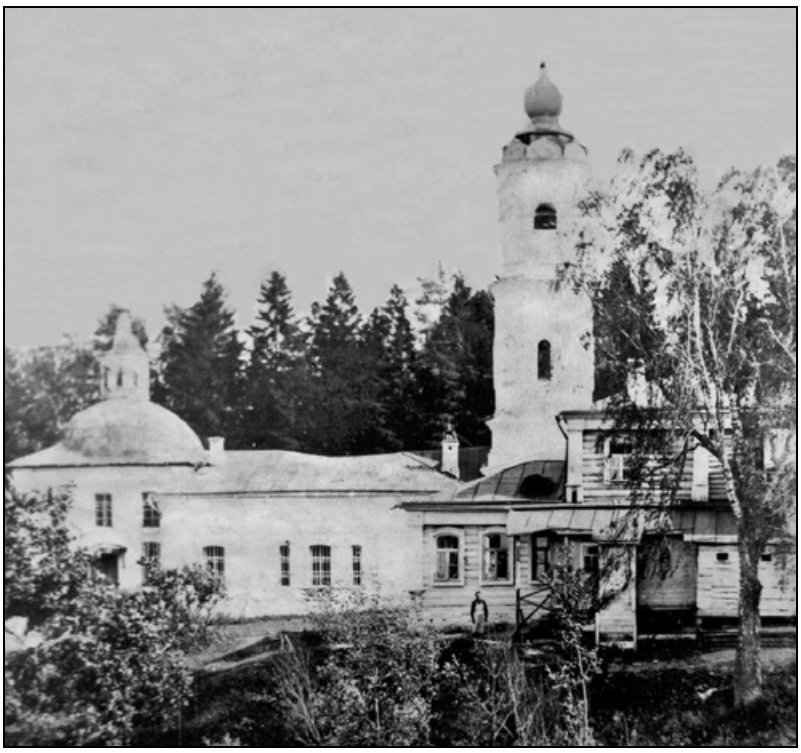

Изо 5–01, 5–02. Карты окрестностей «*с. Бриково*»[1], 1853 и космоснимок Красного поселка, 2024.

В первых главах настоящей книги неоднократно упоминалась находившаяся в с. Брыково церковь Богоявления Господня. Настало время поговорить о ней более подробно.

Настоящая глава целиком посвящена указанному Божьему Дому. Будет рассмотрена его история, начиная с появления первой деревянной церкви и последующей замене ее на кирпичную. Будут приведены обнаруженные в архивах сведения о ремонтах и обновлениях храма. Рассказ о духовенстве будет продолжен в следующих главах. В приложениях–5, 6, 7 собраны дополнительные материалы по церковной теме.

Итак, начнем с самого начала, с появления Божьего дома на берегу речки Мологощи.

Изо 5–03. Богоявленская церковь и школа, вид с севера, нач. XX в. (?), (архив храма).

1697–1752: Деревянная Богоявленская церковь

Напомним вкратце, о чем шла речь в первой главе настоящей книги.

Самое ранее упоминание о поселении людей в данной местности найдено в писцовой книге 1567–1569 гг.: «*Дрв. Брыкова на реке Мологощи*»[2]. Это было владение «*Парфена Иванова сына Сабакина*». Упоминание с пометкой «*дрв*», т.е. деревня означает, что храма в то время не было.

По завершении Смутного времени владельцами Брыково стали князья Шаховские. При них по-прежнему Божьего дома в селении не было. После кончины кн. Петра Семеновича деревня по наследству перешла его сестре Аксинье Семеновне, которая была замужем за стольником Андреем Никитичем Квашниным-Самариным. Смена владельца произошла в 1682 г., населенный пункт в документах именовался сельцом Брыково. В то время это была волость Войничи Рузского уезда.

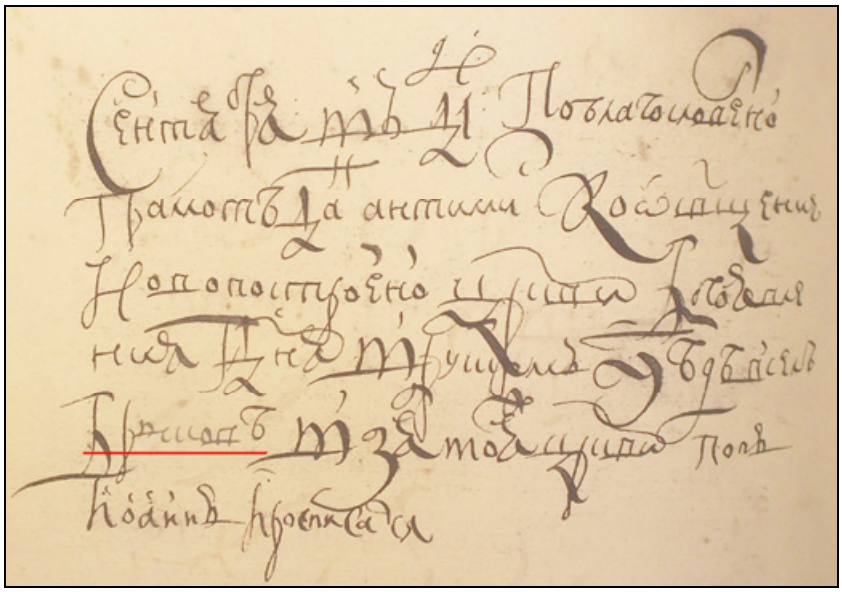
Через какое-то время Андрей Никитич решил, что в имении должна быть своя церковь. Ближайший Божий дом в то время находился в трех верстах на Рождественском погосте (о нем подробно рассказано в другой книге автора[3]).

1697–1698: Строительство в Брыково первой церкви, деревянной

Наиболее старые исторические документы о Богоявленском храме собраны в книге известных церковных историков братьев В. и Г. Холмогоровых (см. приложение–5). Первые данные относятся к концу XVII столетия: «*В нынешнем в 205[i] (**1697**) г. по указу святейшаго патриарха и по помете на выписке Андрея Денисовича Владыкина, велено новопостроенныя церкви Богоявления Господня, которую построил в Рузском уезде, в вотчине своей, в селе Брыкове стольник Андрей Никитин сын Квашнин-Самарин, на попа с причетники дани положить*»[4]. И далее говорится, что в исходящей книге Поместного Приказа записано: «*сентября в 14 день* [1698] *по благословенной грамоте дан антиминс к освящению новостроенной церкви Богоявления Господня в Рузском уезде в селе Брыкове.* [подчеркнуто Авт.] *Взял тоя ж церкви поп Иоанн и росписался*». Здесь приводится копия расписки священника за полученный антиминс. Это самый древний сохранившийся исторический документ, имеющий непосредственное отношение к Богоявленской церкви.

Таким образом, **первым храмоздателем** на брыковской земле стал местный помещик **Андрей Никитич Квашнин-Самарин**. По какой причине он решил построить храм в своем имении, почему выбрал посвящение в честь Богоявления Господня – в исторических документах объяснений нет. У Холмогоровых написано просто: церковь построена «*по челобитью* [т.е. по прошению] *стольника Андрея Никитина сына Квашнина-Самарина*».

Сооружение деревянного храма продолжалось два летних сезона 1697 и 1698 гг. По окончании строительства, как уже сообщалось, был выдан антиминс. И вскоре состоялось освящение нового Божьего дома. В одной из газетных публикаций недавнего времени об этом событии написано так: «*В 1698 г. церковь была освящена Святейшим патриархом Андрианом*»[6]. Первоисточник информации не указан. Думается, что утверждение об освящении храма самим патриархом ошибочно: с какой стати глава РПЦ поехал бы освящать обычный[ii] деревянный храм в сельской глубинке,

Изо 5–04. Расписка попа Иоанна за полученный антиминс[5], 1698.

[i] 205 – это 7205, год от сотворения Мира.

[ii] Никакого изображения или описания первого храма в Брыково не обнаружено. Известно лишь, что он был деревянный и, надо полагать, традиционной архитектуры, «*построенный клетцки*», небольшой по размерам.

куда еще из Москвы добраться надо было? Таких сельских церквей на Руси было сотни, если не тысячи. Вероятнее всего, утверждение об освящении храма патриархом – это следствие неверного истолкования слов, написанных в книге Холмогоровых о Богоявленской церкви. Точная цитата в книге церковных историков выглядит так: «*вышеписанная церковь построена и освящена в прошлом 206 (1698) году при святейшем Адриане патриархе*». Эти слова надо понимать как то, что освящение состоялось не самим первосвятителем (во главе РПЦ в то время был патриарх Андриан[i]), а при его правлении, т.е. во время его правления. И только.

Так в имении Квашниных-Самариных появился Божий дом, а само поселение стало именоваться «*село Богоявленское, Брыково тож*».

В исповедной ведомости 1748 г. приведены сводные данные о приходе. Всего в указанном году было 39 дворов (включая один клириков), в которых проживало 124 души м.п. и 105 ж.п.[7] Типичный небольшой, небогатый сельский приход. Этим, видимо, объясняется то, что «*служба в той* [Богоявленской] *церкви бывает временная, а не повседневная*».

Наделение храма землей, денежные сборы

В прежние времена с каждого действующего храма власти ежегодно собирали подать (налог). Клирики Богоявленской церкви отдавали в казну «*по рублю по три деньги на год, да казенных пошлин по 5 алтын по 4 деньги, ямских и полоняничных с дву дворов*». Откуда у церковнослужителей были деньги на оплату этих сборов? Государство помощь не оказывало. Деньги и продукты (в виде натуроплаты) клирики получали за исполнение треб прихожан. Им также была дана земля, называемая в документах церковной, на ней можно было выращивать урожай. Как написано у Холмогоровых: «*а на пропитание ему попу с причетники дано земли по 5 десятин в поле, а в дву потому ж, да сенных покосов 5 копен*. […] *кормятся они у тоя церкви вышеписанною землею и приходом с попом вообще*».

Церковную землю служители могли обрабатывать сами, а могли сдавать в аренду. Нередко арендаторами выступали местные помещики, так было и в Брыково. В качестве платы за использование церковной земли помещики Квашнины-Самарины выдавали клирикам так называемую ругу в виде продуктов питания. А вот сено служители обычно косили и заготавливали сами. Сено на прокорм домашнего скота было необходимо, ведь почти в каждой сельской семье (в том числе и служителей) была корова и лошадь, а то и ни одна.

Разговор о церковной земле будет продолжен.

1752–1866: Каменная однопрестольная Богоявленская церковь

История первой брыковской церкви оказалась недолгой – всего 55 лет или немногим больше. За это время деревянное строение успело обветшать. Вместо ремонта владелец имения решил построить более долговечное кирпичное здание. Очевидно, средства на такое дорогостоящее начинание у него были. Вот как все происходило.

1752: Начало строительства в селе Брыково второй церкви, кирпичной

Напомним, что в 1742 г. новым хозяином имения Брыково стал лейтенант морского флота Федор Петрович Квашнин-Самарин – внук первого храмоздателя. Он решил продолжить традицию добрых дел своего деда и в феврале 1752 г. подал прошение (челобитную) на имя государыни императрицы Елизаветы Петровны. Сохранилось архивное дело, в котором имеется этот важный исторический документ. В приложении–6 приведена его полная расшифровка, здесь процитируем начало:

«*Бьет челом морскаго флота лейтенант Федор Петров сын Квашнин Самарин* [подчеркнуто Авт.], *а о сем мое прошение тому следует пункты:*

1. В вотчине моей Рузского уезда в селе Богоявленском, Брыково тож имеется деревянная церковь во имя Богоявления Г-дня [Господня]*, которая строение давнее быть, а ныне стала быть весма ветха, за которой ветхостию с-щеннослужение исправляется с трудностию.*

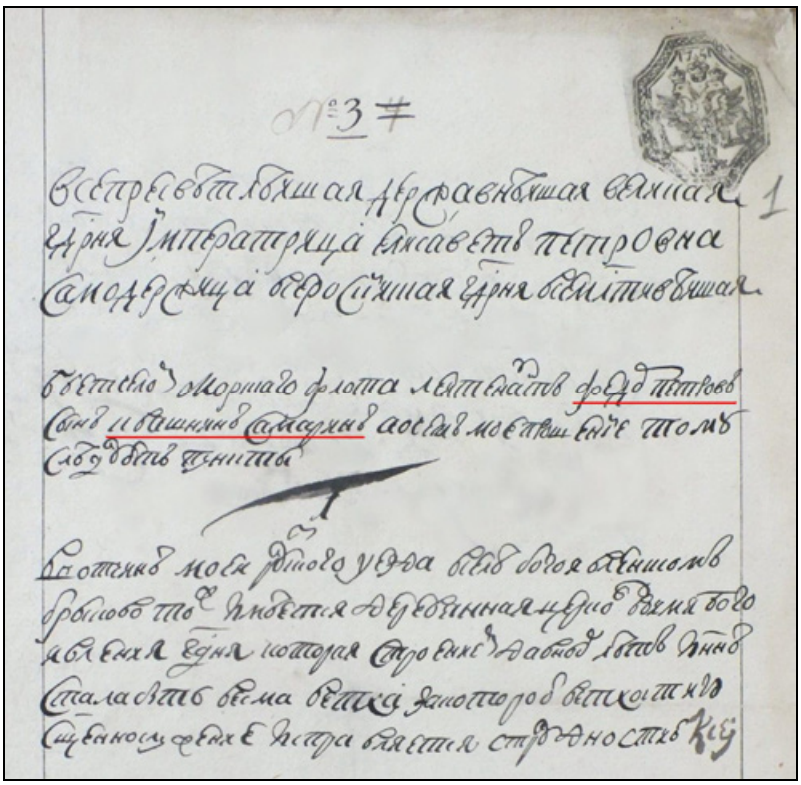
2. Того ради я по обещанию своему желаю, что оную деревянную церковь разобрать, и вместо оной в том селе во имя означенного храма построить вновь каменную церковь, точию [только] *без указу строить не смею.*

---

[i] Андриан был последним патриархом на Руси. После его кончины († 1700) наступил синодальный период.

И дабы высочайшим Вашего Императорскаго Величества указом повелено сие мое прошение в Переславской духовной консистории[i] *принять, по разобрании показанной деревянной церкви, по построении вновь каменной церкви дать указ.*

Февраля 20 дня 1752 года»[8].

Изо 5–05. Прошение о строительстве каменной церкви в с. Брыково (начало), 1752.

В этом прошении обращают на себя внимание слова: «*по обещанию своему желаю*». Это означает, что у храмоздателя было некое обетное обязательство[ii].

Власти прошение Федора Петровича удовлетворили, вскоре был издан указ от имени императрицы, в котором особо прописывалось, чтобы новая церковь была «*в благолепии*», снабжена необходимыми для служения серебряными сосудами и другими принадлежностями. А старый деревянный Богоявленский храм, когда отпадет в нем необходимость, предписывалось разобрать и материал от него «*употребить на печение просфор да на обжиг кирпича, а кроме того никуда онаго не употреблять*». При этом пригодные утварь и иконы из старого храма предлагалось повторно использовать. В архивном деле[9] написано, что в 1754 г. на средства помещика осуществлялась починка старого церковного паникадила[iii]. Видимо, оно было из деревянной церкви.

О дате завершения строительства второй церкви

Если с датой получения разрешения на сооружение каменного храма все понятно (1752 г.), то сколько времени продолжалось строительство – тут ясности нет. В различных источниках приводятся противоречивые сведения. Например, в описи церкви Богоявления, составленной в 1862 г., и в клировой ведомости храма следующего года написано: «*Построена в 1778 году вместо бывшей деревянной*»[10]. В документах конца XIX в. (Метрика храма, клировые ведомости) указано: «*Церковь основана и создана в 1762–1770 гг.*»[11]. В официальном справочнике “Краткие сведения о соборах и церквах Московской епархии”[12], составленном И. Благовещенским, для храма в Брыково приводится 1772-й год постройки. Ну а в некоторых современных изданиях сообщается, что Богоявленская церковь «*сооружена в 1752—1754 гг.*»[13]. Из чего следует, что строительство Божьего дома длилось всего два года.

Если все просуммировать, то получаются такие варианты со сроками завершения строительства храма в Брыково: 1752–1754, 1762–1770, 1772, 1778. Довольно значительный разброс по датам.

Чем вызвано такое разнообразие в данных? Обращает на себя внимание, что все выше перечисленные документы составлены не очевидцами событий, а столетие спустя или еще позднее. К сожалению, пока не обнаружен первичный исторический документ о завершении строительства или об освящении Богоявленской церкви, который бы снял все вопросы.

---

[i] В те времена с. Брыково территориально входило в Рузский уезд Московской губернии, а по церковному управлению относилось к Переславской духовной консистории.

[ii] «*Обет – это обещание, которое дают верующие люди Богу взамен на его помощь или покровительство в каком-либо деле*» (интернет). В прежние времена церкви часто строили по обетному обещанию, были такие случаи и на нашей земле. Например, храмы в соседних селах Филатово, Саввино, Глебово.

[iii] «*Паникадило – большой светильник, подобный люстре со множеством свечей (или лампочек), свисающий из купола в центральной части храма*» (интернет).

Хотя нет – один архивный документ на эту тему сохранился. Речь идет о деле ЦГАМ, озаглавленном так: «*Дело по прошению вотчинной колегии советника г-на Квашнина Самарина о освящении в вотчине ево Рузского уезду в селе Брыкове построенной вновь церкви и о даче антиминса, сентября 16 дня 1754 г.*»[14]. Название дела многообещающее[i]. А вот его содержание разочаровало. Текст документа в отличие от заголовка написан трудно читаемым почерком (похож на черновик). И даже обращение к специалистам по старинным русским текстам не помогло его целиком прочитать. Удалось только разобрать отдельные слова: *«Богоявленская церковь», «антиминс»,* «*1722 года апреля 12 дня*». Стало понятно, что в указанном документе речь идет о некоем старинном антиминсе 1722 года[ii]. А вот слов о завершении строительства храма в Брыково обнаружить не удалось.

Указанный документ изучал в конце XIX в. известный церковный историк протоиерей Николай Скворцов. В своих записях он потом отметил: «*вложено не то дело*»[15]. Так что вопросы остались. Действительно ли в Брыково был выдан антиминс в 1754 г.? Было ли к этому времени завершено строительство Богоявленской церкви? Уверенности в этом нет, т.к. соорудить кирпичный храм в сельской глубинке за три летних сезона (1752, 1753, 1754) совсем не простое дело, особенно в те давние времена.

Так какой же год следует принять за дату окончания строительства Богоявленской церкви? В одной из клировых ведомостей поздних лет приводятся такие слова: «*вновь построена каменная в 1762–1770 г.г. вотчинником же Действительным Статским Советником Феодором Петровичем Квашниным-Самариным.* ***В 1770 г. она была освящена*** [выделено Авт.] *и богослужение в ней совершалось на св. Антиминсе, перенесенном из деревянной церкви, выданным в 1698 году, по указу св. Патриаршего Андриана. В 1778 году выдан был новый св. Антиминс*»[16]. Как видим, про антиминс 1754 г. не сказано ни слова, что еще более заставляет усомниться: а были ли он тогда выдан в Брыково?

Приведенная цитата многое проясняет и позволяет выстроить временную цепочку событий, происходивших при построении каменной церкви в с. Брыково. По всей видимости, события во второй половине XVIII столетия развивались так.

В 1752 г. владелец брыковского имения Федор Петрович Квашнин-Самарин подал прошение о постройке каменного храма, и в том же году от церковных властей было получено разрешение. Возможно, тогда же состоялась закладка Божьего дома, и даже какие-то строительные работы были выполнены. Скорее всего, стройку в короткие сроки не удалось завершить (а может она и не была начата), и основные работы по возведению здания начались только в 1762 г. Строили восемь лет, и в 1770 г. сооружение кирпичного здания было завершено, состоялось освящение храма. Богослужения в первое время совершались на старом антиминсе, перенесенном из деревянной церкви. Через несколько лет в построенный Божий дом был выдан новый священный плат: «*Антиминс на отласе с мощами освящен Преосвященным Феофилактом Епископом Переславским и Дмитровским в 1778 году марта в 4 день*»[17]. Другим подтверждением того, что строительство церкви в Брыково было завершено не в 1778-м, а раньше, являются слова из другого исторического документа: «*В плане Генеральнаго межевания и межевой книге, составленных в 1770 г., церковь в плане значится и в межевой книге прямо сказано: церковь Богоявления Господня каменная*»[18].

Итак, с хронологией строительства каменного храма в с. Брыково, будем считать, в целом разобрались. Но некоторые вопросы остались. Например: когда была разобрана деревянная Богоявленская церковь, был ли каменный храм поставлен на ее месте или в стороне? Учитывая, что строительство нового здания длилось довольно долго, а все это время богослужения должны были где-то проводиться, то, вероятнее всего, деревянная церковь была разобрана не сразу. В ней проходили службы все время, пока продолжалось сооружение нового храма. Это означает, что слова «*каменная церковь построена вместо бывшей деревянной*» в данном случае не следует понимать буквально. Скорее всего (как это чаще всего случалось в подобных случаях), какое-то время суще-

---

[i] Видимо на это дело (точнее на его заголовок) опирались авторы современных изданий, когда указывали 1752–1754 года как время строительства Богоявленской церкви.

[ii] Можно было бы предположить, что упоминаемый в документе антиминс в 1722 г. был выдан в деревянную Богоявленскую церковь села Брыково. Но это предположение не подтверждается цитатой из другого дела, в которой сказано, что после постройки каменной церкви служение велось на антиминсе 1698 года, «*перенесенном из деревянной церкви*», а об антиминсе с другой датой речи нет.

ствовали оба храма, и находились они поблизости друг от друга. И все же, справедливости ради, отметим, что это всего лишь предположение.

Подведем итог. Есть основание считать, что в 1770 г. было завершено строительство кирпичной церкви и вскоре произошло ее освящение. Это был уже второй храм в Брыково, освященный в честь праздника Богоявления Господня. Его **храмоздателем** стал **Федор Петрович Квашнин-Самарин**, внук первого храмоздателя Андрея Никитича Квашнина-Самарина.

Изображений построенного Божьего дома нет, имеется только краткое описание, сделанное уже в наше время: «*скромное здание стиля барокко с пониженным удлиненным алтарным выступом*».

Захоронения знатных людей в Брыково

В 1770 г. 20 сентября, когда строительство Богоявленского храма было окончено (или близилось к завершению), умер его храмоздатель. Как написано в Метрике храма, статский советник Федор Петрович Квашнин-Самарин был «*погребен при сей церкви*». Его могли похоронить рядом с родственниками, умершими ранее. О том, что такие захоронения в Брыково были, считает современный ученый Н. К. Телетова. По ее мнению при перестройке в конце XIX в. Богоявленского храма «*были скрыты первые могилы, т.е. **Андрея Никитича с супругой Аксиньей** и, вероятно, сына его Петра Андреевича, не говоря о других братьях и сестрах, как отца, так и сына*»[19]. Но это лишь предположение, документального подтверждения нет. А вот в отношении места захоронения второго храмоздателя можно говорить более определенно. В дореволюционном издании “Русский провинциальный некрополь” есть такие слова о похороненных в с. Брыково: «***Квашнин-Самарин Феодор Петрович***, […] *могила “заложена позднейшей пристройкой трапезной церкви”; памятник вынесен из церкви*»[20].

Через несколько лет после похорон храмоздателя вдовой Анной Юрьевной был сделан вклад в Богоявленскую церковь, он упомянут в Метрике: «*Потир, дискос, звездица, лжица и блюдцы сребро-позлащенные 84 пробы с надписью: 1773 г. генваря дня. Анна Юрьева дочь Квашнина Самарина*[i] *положила я вклад в сию церковь оныя сосуды весом 3 ф.* [три фунта] *60 золот. и завещаю сии сосуды, чтобы никому не трогать в роды родов*»[21]. Пор всей видимости, этот вклад был сделан в память скончавшейся в том году дочери Анны, которой было всего 27 лет. Девушка была похоронена в Брыково, об этом имеется запись в книге о некрополях: «***Квашнина-Самарина Анна Федоровна**, девица*», ее могила была «*в церковной ограде*».

В упомянутом справочнике о некрополях упомянуты и другие люди, похороненные в Брыково: в конце XVIII столетия «***Соколова Устинья Авдеевна**, жена премьер-майора “Володимерского пехотнаго полка” Алексея Григорьевича Соколова*» (владелица соседнего имения Глебово); в 1815 г. «***Квашнин-Самарин Петр Феодорович**, действительный тайный советник, камергер и разных орденов кавалер*» (владелец имения Брыково), в 1830 г. «***Волчкова Мария Христиановна**, коллежская советница*»[22] (владелица соседнего имения Железниково).

В 1824 г. к священноначалию обратился князь Николай Иванович Авессов за разрешением захоронить «*по завещанию*» умершую в Москве родственницу тетку **Анну Петровну Богданову** «*в селе Брыкове при церкви Богоявления Господня*»[23]. Спрашивается: а почему эта женщина, жившая в большом городе, вдруг захотела быть погребенной в сельской глубинке? Ответ простой: она владела совместно со своими родственниками частью соседнего сельца Букарево. Хозяйка имения Брыково Настасья Петровна Квашнина-Самарина не возражала против захоронения соседки-помещицы, на прошении стоит резолюция: «*Дозволить*».

В завершение остается еще напомнить, что во второй главе рассказывалось, как уже в наше время в Брыково были обнаружены надгробные плиты двух представителей рода **Квашниных-Самариных: Петра Андреевича и** Петра Федоровича. Были приведены фотографии надгробий.

Был ли генерал-фельдмаршал П. С. Салтыков похоронен в Брыково?

Среди местных жителей и некоторых специалистов бытует легенда, согласно которой в Брыково был якобы захоронен знатный вельможа. Об этом сказано в одной из статей, опубликованной в наше время в районной газете: «*Здесь же при* [Богоявленской] *церкви похоронен в 1772 (73?) году русский генерал-фельдмаршал, граф Петр Семенович Салтыков. В семилетней войне, командуя русской армией в 1759–60 гг. он одержал победы при Пальциге и Кунерсдорфе*»[24]. О погребении

[i] Анна Юрьевна, ур. Ржевская – жена храмоздателя Федора Петровича Квашнина-Самарина.

фельдмаршала в Брыково говорится также в “Паспорте” Министерства культуры СССР. К сожалению, нигде не указан первоисточник этих сведений. Попытка разобраться в этом вопросе привела к следующим результатам.

Изо 5–06. граф П. С. Салтыков, худ. Пьетро Ротари, 1760.

Прежде всего, напомним, что фамилия графа упоминалась во второй главе: его дочь Анастасия Петровна Салтыкова вышла замуж за владельца имения Брыково Петра Федоровича Квашнина-Самарина. Петр Семенович в 1764–1771 гг. был генерал-губернатором Москвы. Вполне возможно, что он иногда приезжал в гости к дочери и зятю в их подмосковное имение. Так что теоретически граф мог быть похоронен около Богоявленской церкви. Но так ли это было?

В упоминавшемся справочнике по некрополям говорится о людях, похороненных в Брыково, их имена только что упоминались. Среди них нет графа. Зато в той же книге (и в некоторых других исторических документах) утверждается, что П. С. Салтыков умер в декабре 1772 г. в своем подмосковном имении Марфино, а погребен был в родовой усыпальнице в Спасской церкви с. Никольского Ростовского уезда Ярославской губернии. Это не единственная версия о захоронении, существует и другая. В некоторых источниках говорится, что могила генерала-фельдмаршала находится в подмосковном с. Марфино. А вот вариант с его погребением в Брыково в исторических публикациях не попался ни разу. Так откуда же могло появиться такое утверждение? Возможный ответ такой.

В 1878 г. настоятель Новоиерусалимского монастыря архимандрит Леонид (Кавелин), о котором рассказывалось в предыдущей главе, написал книгу об истории церквей Звенигородского уезда. В ней есть такие слова: «*Брыково* […] *в XVIII столетии было вотчиною П. Ф. Квашнина Самарина, женатаго на дочери Фельдмаршала графа Петра Семеновича Салтыкова, который провел здесь последние годы своей жизни в сельском уединении, скончался и погребен*»[25]. Фраза написана так, что ее слова можно трактовать двояко: «*скончался и погребен*» – это мог быть, как упомянутый первым Квашнин-Самарин, так и упомянутый вторым Салтыков.

Практически нет сомнения, что архимандрит Леонид предполагал первый вариант. Он, конечно же, знал, что Петр Федорович Квашнин-Самарин в конце своей жизни проживал в своем подмосковном имении, умер здесь и был похоронен рядом с Богоявленской церковью. И наверняка видел его могилу, когда приезжал в Брыково на крещение детей историка Г. Ф. Карпова, с которым дружил. Но, видимо, нашлись люди, которые приведенную цитату поняли иначе: что в ней говорится о погребении графа. Их также могла смутить другая фраза в книге архимандрита, что в в брыковской усадьбе находились «*портреты фельдмаршала графа Петра Семеновича Салтыкова*» (очевидно, картины достались при покупке имения). Интересно, какова судьба этих картин?

Брыковские кладбища: первое, второе, третье

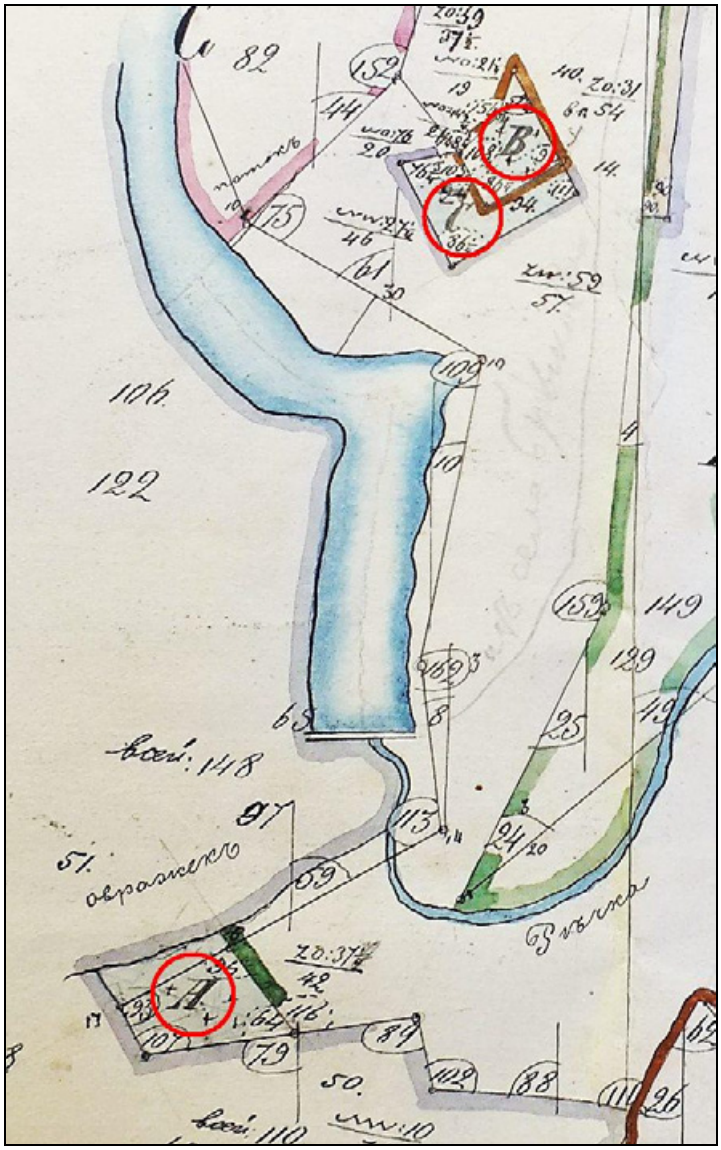
Поговорим теперь о том, где хоронили простых прихожан Богоявленской церкви.

Со стародавних времен в сельской местности умерших погребали вблизи приходских храмов. Логично предположить, что и для первой деревянной церкви в Брыково кладбище находилось рядом с ней. Это подтверждается историческими источниками. На плане местности 1849 г. (изо 5–19) хорошо видна площадка на восток (справа) от алтаря. На другом плане из архивного дела 1864 г. (изо 5–07) данное место отмечено литерой “А” (литеры на плане для наглядности обведены кружками). Это и есть первое приходское кладбище в Брыково. Его размер составлял почти одну десятину, а точнее 2.175 кв.саж.

На Руси всегда хоронили умерших людей в земле, а не сжигали тела, как в некоторых странах. Для погребений отводились специальные кладбища. Проходили десятилетия, и наступало время, когда свободных мест для захоронений не оставалось. В Брыково это случилось в начале XIX в. Прошло свыше ста лет с момента постройки деревянного храма, и кладбище при нем (“А”) оказалось заполненным. В документе 1808 г. так и написали: «*ныне для умерших тел совсем негде и*

могилы вырыть»[27]. Приход предложил новое место для захоронений на противоположном левом высоком берегу речки Мологощи. Это был участок церковной земли – литера “B” на плане.

В одном из дел фонда № 253 Квашниных-Самариных, когда село принадлежало Петру Федоровичу, в приходо-расходной книге по имению обнаружена интересная запись. Оказывается, в июне 1808 г. было передано пять рублей Звенигородскому протопопу Василию, который как благочинный приезжал освидетельствовать место на кладбище[28]. Там же еще написано, что в сентябре в село вновь приезжал протопоп, на сей раз ему было передано почти три с половиной рубля. Трудно сказать, были ли эти деньги «официальными» платежами (например, в качестве компенсации за проезд в отдаленное село) или просто «вознаграждение» для успешного решения дела. Так или иначе, отводимое место для захоронений проверяющий признал как «*самое удобное и способное*». И прошение об открытии нового кладбища (“B”) было удовлетворено.

Изо 5–07. Три брыковских кладбища “A”, “B”, “C” на плане местности[26], 1864.

Прошло полвека и вновь возникла проблема нехватки мест для захоронений на приходском кладбище. В 1861–1865 гг. в МДК рассматривались два дела с названием: «*Об отводе места под кладбище церкви села Брыкова*». Суть вопроса состояла в следующем. Оказывается, что отведенная в начале XIX в. одна десятина земли для захоронений (“B”) за истекшие десятилетия оказалась «*занята почти вся могилами*» (на самом деле по данным на 1862 г. размер второго кладбища оказался всего 1.080 кв.саж. вместо одной десятины, т.е. 2.400 кв.саж). Рядом с погостом свободной крестьянской земли не было, была только церковная. Причт готов был ею поделиться с прихожанами. В прошении, поданном в Московскую духовную консисторию (МДК), служители предлагали добавить к кладбищу еще одну десятину из прилегающего участка церковной земли (“C”). А т.к. по закону под кладбище могла отводиться только земля прихожан, то возник вопрос о компенсации причту. С учетом же того, что и ранее отведенная земля (“B”) также была церковная, предлагалось «*для соблюдения полной пропорции церковной земли*» произвести обмен участками.

Прихожане были согласны выделить из своего надела общественной пахотной земли необходимые две десятины, смежные с церковной землей. А также брали на себя труд по расчистке места под кладбище от поросли. Поначалу против предлагаемого обмена земельными участками выступил местный помещик Кильдюшевский. Он не хотел выделять компенсацию причту (мол, служители и так имеют излишек земли). Но потом, все же, согласился, и обмен участками состоялся. В итоге, к существующему погосту с южной и западной сторон были добавлены участки церковной земли. Таким образом, третье кладбище “C” оказалось рядом со вторым “B”. Можно еще добавить, что на выделенном кладбище хоронили людей и потом в советское время.

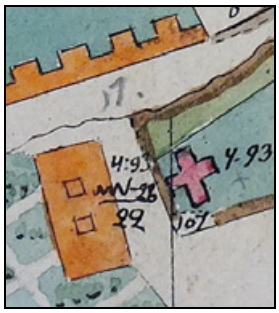
Отметки Богоявленской церкви на картах и планах

Изо 5–08, 1770, (РГАДА).

Изо 5–09, 1777, (РГИА).

Изо 5–10, 1849, (ЦГАМ).

Изо 5–11, 1853, (РГВИА).

Изо 5–12, 1900, (ОПИ ГИМ).

Отметка брыковского храма неоднократно встречается на картах и планах местности. Некоторые из них уже приводились, другие еще будут приведены. Все эти изображения были обработаны и вырезки из них приведены в хронологическом порядке (на некоторых для наглядности церковное здание обведено кружком). Хотелось дать некоторые комментарии.

Как видно, не все изображения сделаны в подробном масштабе. Это понятно. Первое (1770), третье (1849) и пятое (1900) изображения – это вырезки из планов имения Брыково, там нарисовано детально. Причем первые два плана по сути одно и то же изображение (в 1849 г. был заново перерисован ПГМ 1770). На указанных планах хорошо виден прямоугольный контур усадебного дома слева от церкви. Только на последнем из них (1900) он расположен заметно дальше (этот момент подробно обсуждался в четвертой главе, высказывалось предположение, что это разные усадебные дома).

Второе (1777) и четвертое изображения (1853) – это фрагменты карт Рузского и Звенигородского уездов. Поэтому изображения местности на них неподробные, схематичные. Следует отметить, что отметка Богоявленской церкви на карте 1777 г. ошибочно показана не в том месте. Об этом говорилось во второй главе (там же отмечалось, что перепутаны названия Богоявленское и Брыково, в то время это были разные селения).

1778: Замена антиминса и изъятие «*двоеперстных*» икон

Обнаружено архивное дело, в котором приведены результаты проведенного в 1778 г. осмотра церквей Рузского духовного правления. Проверяющие обращали внимание на благолепие храмов, нет ли каких нарушений навроде «*антиминсы неисправныя, престолы колеблющиеся*». Смотрели, чтоб в церквях не было оловянных богослужебных сосудов, вместо них следовало использовать серебряные. Местный благочинный по результатам инспекции докладывал начальству: *«Села Брыкова в церкви каменной Богоявления Г-дня антиминс на полотне несколько зачернился, риз и подризников доволно, стихарь один, в чем недостаток бывает церковникам, книг недостает Октоиха всего, Четьи Миней и прочего. Образа во всей церкви исправны, толко в трапезе имеются некоторые образа местныя старинныя двоеперстнаго сложения»*[29]. Эти старые иконы могли остаться от первой деревянной Богоявленской церкви.

В консистории на доклад благочинного отреагировали так: *«Стихарей устроить еще два из шелковой материи, Октоих купить* […] *образа из трапезы старинныя двоеперстнаго сложения вынести и отдать Рузскаго собора в ризницу, а вместо оных, есть ли надобно,* [то] *написать новыя, в чем священника и обязать подпискою со сроком. Да есть ли еще где найдутся образа по раскольническому суемудрию написанные, от всех церквей отобрать* [и] *отнесть в Волоколамской Иосифов мнтрь для хранения».* По резолюции священноначалия «*зачернившийся*» антиминс в Богоявленской церкви был заменен на новый из «*отласной*» материи, старые иконы были изъяты.

Приход Богоявленской церкви, расширение его

Самые ранние сведения о приходе брыковской церкви относятся к середине XVIII в. В 1748 г. в нем насчитывалось 39 дворов и 239 душ обоего пола. Крестьяне прихода проживали в селениях Брыково, Кучи, Дедешино, Железниково и частично Букарево. С годами население росло, это видно по цифрам, приводимым в различных документах. Так, в 1776 г. в приходе было уже 47 дворов и 433 прихожанина[30], в 1789 – 55 и 435 соответственно[31], в 1798 – 56 и 518[32]. При этом доба-

вились крестьяне деревень Красновидово и Павловское (Холуяниха). Когда вышло распоряжение о включении указанных деревень в приход – установить не удалось. А было бы интересно узнать, на каком основании присоединили деревню Павловское к Богоявленской церкви, до которой по дороге было 7 верст. Неудобства от такого большого расстояния испытывали все: как прихожане, которые регулярно ходили (или приезжали на лошадях) на службы в Богоявленскую церковь, так и клирики, которым приходилось добираться в дальнюю деревню для исполнения приходских треб. В качестве примера можно привести слова о священнике Михаиле Михайловском, относящиеся к концу срока его пребывания на посту настоятеля Богоявленской церкви (1892): «*дальнейшее служение его на этом месте при преклонных (63) летах и разбросанности приходских селений на 14-ти верстное разстояние между собой становится для него затруднительным и не посильным, особенно при занятиях в училище*»[33].

Как уже говорилось, территориально с. Брыково относилось к волости Войничи Рузского уезда, а по церковному подчинению к Переславской епархии. Так было в XVIII в. и ранее. А в конце указанного столетия произошли изменения административных границ и церковного управления. В 1781 г. по указу императрицы Екатерины II в Московской губернии был образован город Воскресенск и одноименный уезд, к которому стало относиться с. Брыково. При этом Богоявленский храм приписали к Московской и Коломенской епархии. Через 15 лет по указу императора Павла I Воскресенский уезд был расформирован и Брыково вернули в Рузский уезд. Но в начале XIX в. произошла очередная административная реформа, в результате которой село было переведено в Звенигородский уезд. При этом церковь Богоявления еще долгое время относилась к Рузскому духовному правлению Московской епархии, пока не была переведена в Звенигородское духовное правление.

Расширение границ брыковского прихода произошло в начале XIX в. по следующим обстоятельствам. В апреле 1818 г. в расположенном в 10 верстах с. Лучинском сгорела деревянная Никольская церковь. Ее хотели отстроить заново, но потом от этих планов отказались. И возник вопрос: куда распределить селения, относившиеся к сгоревшему храму? Первоначально весь бывший Никольский приход приписали к Покровской церкви соседнего с. Рубцово. Часть прихожан такое решение устроило (проживавших в с. Лучинское, дер. Сычевка и Слабошеина). А жители отдаленных селений остались недовольны, их путь в храм стал длиннее.

Осенью 1819 г. помещик князь Яков Андреевич Голицын вместе с супругой Натальей Николаевной подали на имя митрополита прошение о переводе своего имения в составе сельца Зенькино, деревень Ильино и Избище в приход Богоявленской церкви. Мотивировка была такая: от этих селений до Рубцово было около восьми верст, а «*от села же Брыкова наши вотчины разстоянием в трех верстах с половиною, а некоторые и ближе*»[34]. В справке, имеющейся в деле, говорилось, что по данным на 1816 г. в Богоявленском приходе имелось 70 дворов, в них проживало 303 души м.п. и 306 ж.п. А в трех присоединяемых селениях насчитывалось в общей сложности 19 дворов. В ноябре в консистории было принято решение о причислении Зенькино, Ильино и Избище к приходу Богоявленской церкви: «*в Духовное Правление послать Указ, и велеть Брыковским священно и церковнослужителям в тех Сельце и деревнях у Крестьян всякия требы исправлять*».

Вскоре аналогичное прошение о приписке в брыковский приход подал владелец сельца Хмолино коллежский советник Сергей Семенович Волчков[35]. Это прошение тоже было удовлетворено.

Так в 1820 г. приход Богоявленской церкви увеличился сразу на 32 двора, в которых проживали 166 душ "*мужеска пола*". В итоге приход стал следующим: село Брыково и сельцо Богоявленское (часто их жителей считали вместе), сельца Железниково (Медведково), Зенькино, Красновидово, Холуяниха (Павловское) и деревни Букарево, Дедешино, Избище, Ильино, Кучи, Хмолино. Следует отметить, что дер. Букарево состояла одновременно в двух приходах: часть дворов относилась к брыковской церкви, другая – к филатовской. Аналогично часть дворов дер. Избищи входила в приход с. Брыково, другая – с. Рубцово. Самое дальнее селение – сельцо Холуяниха – территориально относилось к Рузскому уезду. Все остальные населенные пункты находились в Звенигородском уезде. С тех пор границы прихода не менялись вплоть до революции. Данные об изменения численности прихожан на протяжении XIX и XX веков приведены в приложении–6.

В 1892 г. в Богоявленском приходе насчитывалось уже 198 дворов, 645 мужчин и 677 женщин (всего 1322 человека). Приход таких размеров относился уже не к малым, а к средним в

Изо 5–13. Примерные границы брыковского прихода на карте Шуберта[36], 1860.

Звенигородском уезде. Стоит добавить, что иногда в документах писали: «*Раскольников в том приходе не имеется*». Это означало, что старообрядцев среди прихожан Богоявленской церкви не было (приверженцев старого обряда было довольно много на юге и востоке Московской губернии).

На приводимом фрагменте карты Ф. Ф. Шуберта условно показаны границы брыковского прихода (карта нарисована С. Ю. Мамаевым в рамках проекта УБД). Севернее располагался соседний филатовский приход, о котором подробно рассказывалось в другой книге автора[37]. Оба прихода были небогатыми по достатку для причта.

Стоит также отметить и некоторое сходство самих храмов – Христорождественского в Филатово и Богоявленского в Брыково. Речь идет не столько о внешнем виде, сколько о первоначальных примерно одинаковых размерах[i] и схожей архитектуре, которую можно отнести к “типовой” для сельских приходских церквей. Любопытно также и то, что оба храма были построены в одно время – в середине XVIII столетия. А еще у обеих церквей оказались прославлены последние служившие в них священники: о. Алексий Смирнов и о. Василий Сунгуров. Вот сколько общего оказалось у храмов, расположенных в четырех верстах друг от друга на берегу одной и той же речки Мологощи!

Были, разумеется, и отличия. Самое существенное, пожалуй, в том, что филатовской приход был заметно компактнее брыковского. В нем не было селений дальше трех верст от храма. Тогда как брыковский приход территориально оказался сильно вытянутым, это хорошо видно на карте. В нем имелись селения, находившиеся на расстоянии 6–7 верст от Богоявленского храма (например, дер. Холуяниха и Ильино). Это доставляло дополнительные трудности клирикам в исполнении приходских треб, а прихожанам в посещении служб.

1823: Введение дьякона в состав причта Богоявленской церкви

Увеличение числа дворов после присоединения части селений лучинского прихода позволило владелице с. Брыково Анастасии Петровне Квашниной-Самариной в 1822 г. обратиться в консисторию с ходатайством: *«В вотчине моей Звенигородской округи Села Брыкова при церкви Богоявления Господня прежде за малоприходством неимелось диакона; но как ныне приход наш умножился и может поступить и быть доволен при церкви нашей диакон, по чему я по прозбе сего просителя Сретенского Сорока Вознесенской церкви, что близ Сретенки дьячка Василья Васильева и избираю во диакона, ежели Благоволение Вашего Преосвященства на то воспоследует»*[38].

Прошение помещицы было удовлетворено. Дьякон появился в составе причта в 1823 г. Анастасия Петровна положила из своих средств особую плату (иначе говоря – ругу) на содержание служителя и его семьи. О продолжении истории с дьяконом в причте, поговорим в следующей главе. Сейчас только отметим, что должность дьякона в составе причта была закрыта в 1848 г.

[i] Богоявленская церковь после расширения оказалась больше Христорождественской, в ней стало 3 придела.

О ремонтах и перестройках в первой половине XIX столетия, описи храма

Как ранее уже говорилось, долгое время хозяевами имения Брыково были Квашнины-Самарины. По приходо-расходным книгам имения можно проследить, как они помогали своему храму, пусть эта помощь и была скромных размеров (напомним, что помещики испытывали значительные финансовые трудности). Так, в 1800 г. было потрачено 10 руб. на «*большой медный подсвечник на аналое*»[39]. Через несколько лет такая же сумма была израсходована на приобретение в храм двух икон. Возможно, одна из них оказалась той самой иконой, о которой написано в Метрике: «*Образ Спаса Нерукотвореннаго Образа иконнаго писания, писанный в 1808 году июля 11 дня. Находится на стене трапезы в общем киоте с другими образами. Киот без стекла*»[40].

Во время Отечественной войны 1812 г. французы хотя и появлялись в окрестностях с. Брыково, но ущерба церковному зданию и утвари не нанесли. Про Богоявленскую церковь сказано так: «*не видав по благости Божией никакого неприятельскаго нахождения, находится в целости*»[41].

В 1820 г. была составлена первая **опись церковного имущества Богоявленской церкви**. В приложении–6 имеется текст этого важного для истории документа, здесь приведем выдержки из него: «*Церковь каменная как снаружи, так и внутри общекатурена* [оштукатурена] *и отбелена, на ней крыша железная светлозеленая, глава обита белым железом, на ней крест железный позлащен чрез огонь. При той церкви паперть и колокольня каменныя, на ней крест железный, при колокольне прикладены по обеим сторонам две палатки каменныя с деревянною крышею. В оной церкви иконостас столярной работы, выкрашен зеленою краскою и по местам позлащен. В ней царские двери с резьбою столярной работы, выкрашены под цвет иконостаса и по местам позлащен с пятью образами* […] *Колоколов четыре: "1" 12 пуд, "2" 6 пуд, "3" 3 пуда, "4" 2 пуда*»[42].

Как видим по описи, не то что больших, но даже средних по весу колоколов в то время не было. Это еще раз свидетельствует, что брыковский храм не был богатым. В тексте также указаны богослужебные книги, среди которых самой первой идет: «*Толкование на Евангелие на все дни, в полулист в кожаном переплете, Москва, 1698 год*». Учитывая год издания, можно предположить, что эта книга была в первом деревянном храме с. Брыково с момента его постройки.

В 1830 г. причт Богоявленской церкви сообщил о ветхих срачицах[i] на престоле и жертвеннике. Священноначалие распорядилось: «*переменить с водоосвящением, молитвою и пением псалмов*»[43].

Данных о каких-либо ремонтных работах в Богоявленском храме в первой трети XIX столетия не выявлено. Надо полагать, церковное здание находилось в хорошем состоянии (не так много времени прошло с момента его постройки). Но проходят года, десятилетия и любое строение потихоньку начинает ветшать и требовать починки. Дошла очередь и до брыковского храма.

В документе, датированном 1836 г., обнаружена запись о том, что «*Церковь Богоявленская в селе Брыкове требует исправления: ибо в трапезе совсем нет пола и в окнах рам*»[44]. Этот текст порождает вопросы. Что значат слова: «*в трапезе совсем нет пола*»? Получается, что строительство кирпичного храма в 1760-х годах не довели до конца? Или был деревянный пол, но потом весь сгнил? Так или иначе, пришлось ремонтировать трапезную часть храма.

К этому времени в опись Богоявленской церкви, составленную в 1820 г., было внесено немало исправлений и добавлений, причем некоторые предметы были «*записаны на полях очень утеснительно*»[45]. Поэтому в МДК велели составить новую опись церковному имуществу, что и было сделано в 1837 г. (данный документ найти не удалось, возможно, не сохранился).

В 1842 г. брыковскому причту было вынесено предписание исправить трещину «*на олтарном правом углу, простирающуюся внутри алтаря в куполе до леваго клироса*»[46]. Вскоре требуемый ремонт был выполнен, подробностей нет.

В начале 1848 г. настоятель храма о. Илья Тихомиров подал прошение о замене антиминса, который «*от долговременности пришел в ветхость*»[47]. Оно было удовлетворено. Был выдан новый плат, «*священнодействованный Высокопреосвященнейшим Филаретом Митрополитом Московским*». В том же году в Богоявленскую церковь поступил «*Билет Московской Сохранной Казны* […] *в 30 рублей серебром от Титулярнаго Советника г. Медианова, с коего проценты получаются в пользу причта за поминовение*»[48] (по другим данным вклад был от Василия Никитича Цветкова[49]).

---

[i] «*Срачица (сорочка) – нижнее облачение престола, белое льняное покрывало. Символически являет плащаницу Иисуса Христа*» (интернет).

Выполнение ремонтных работ в храме священником Зверевым

О следующих исправлениях в Богоявленской церкви информации заметно больше, есть некоторые подробности. Это благодаря тому, что в это время настоятелем храма был священник Николай Алексеевич Зверев. Он пробыл в Брыково всего четыре года (1849–1853), но его служение отмечено разбором в Московской консистории и Звенигородском духовном правлении нескольких дисциплинарных дел. По каждому делу проводилось тщательное расследование, благодаря чему о Богоявленском храме за эти годы имеется довольно много информации. Подробнее о прегрешениях о. Николая речь пойдет в следующей главе. Здесь поговорим о том, какие работы выполнялись в Богоявленской церкви, когда он был ее настоятелем.

В одном из документов отмечается, что в 1852 г. Зверев променял старые лампады на новые с доплатой 415 руб. ассигнациями из церковных денег. Все бы ничего, но сделал это настоятель самовольно без уведомления священноначалия, что являлось грубым нарушением существовавшего порядка. В архивном деле рассказывается, как все произошло. Настоятель объяснял*: «скорбя о внутреннем неблаголепии храма, я вознамерился, сколько сил моих достанет, исправить ветхие лампады и подсвечники, что составило главную мою заботу»*[50]. Далее о. Николай сообщил, что мастер Игнатий, к которому он обратился, сказал, что починить лампады можно, но прослужат они недолго, это будет «*безрасчетная трата денег*». Поэтому решили делать новые лампады и заказали их тому же мастеру. Священник добавил, что часть денег (50 руб. сер.) обещал дать князь Голицын. А московская почетная гражданка М. И. Усачева пожертвовала облачение на 40 руб. Как свидетельствует заголовок несохранившегося дела, с мастером Игнатием так и не рассчитались полностью за изготовление лампад. Он обратился в консисторию с жалобой на невыплату денег 183 руб. (по другим данным 170 руб.).

В другом документе сообщается, что «*Храм действительно имеет нужду в поправке тесовой крыши, штукатурке извне и внутри, в починке рам*»[51]. Священник Зверев обратился за помощью к местному помещику П. Н. Кильдюшевскому, но тот отказал в просьбе из-за конфликта с причтом по земельному вопросу (подробнее об этом поговорим чуть позже).

Вопрос с ремонтом брыковского храма затянулся. В 1852 г. о. Николай от имени причта вновь обратился с прошением в МДК, в котором написал, что «*от ветхости крыши в трапезе оказывается течь, поэтому они имеют надобность покрыть крышу железом и окрасить всю церковную крышу, также и обелить извне стены храма*». Получается, что даже в середине XIX в. не вся крыша Богоявленского храма была железной: «*трапеза, колокольня и пристроенныя к колокольне с обеих сторон палатки до сего 1852-го года были покрыты тесом, тогда как с восточной* [стороны] *самый храм и олтарь с давних лет покрыты железом*»[52]. Священноначалие дало разрешение на проведение работ, дозволялось истратить 500 руб. церковных денег.

Как проводился ремонт – описано в другом архивном документе. Священник Зверев, осознавая собственную неопытность в ремонтных делах, обратился к благочинному. И тот посоветовал известных ему мастеров из Тверской губернии – Ивана Николаевича Ушакова и крестьянина Семена Терентьева. Были закуплены необходимые материалы в количестве *«5-ти пудов 4 ф. белил, пуда медянки и 13-ти пудов масла*»[53]. Было составлено “Условие” (иначе говоря, договор), в котором оговаривались сроки, и подробно было расписано, сколько раз следовало окрасить крышу и карнизы. Было оговорено, что нужно оштукатурить стены и потолок внутри трапезы, стереть старую краску и окрасить стены всего храма, растесать окна, окрасить все рамы белилами на масле, а решетки у окон медянкою. Иначе говоря – «*всю ветхость церковную поправить*». Настоятель храма обязался заплатить «*сто рублей серебром по окончании всей работы*»[54]. Позднее было решено оплатить дополнительные работы по перекрытию шейки церкви за пять рублей.

Начался ремонт. Однако качество выполнения работ не устроило Зверева. Например, он требовал двукратной грунтовки крыши, тогда как мастер сделал лишь один раз, причем «*во многих местах довольно жидко*». В итоге произошел конфликт, священник не спешил расплачиваться за сделанную работу. Против настоятеля храма выступил староста Богоявленской церкви Егор Яковлевич. Он пожаловался священноначалию на то, что о. Николай купил слишком много краски «*медянки*» и напротив, недостаточно закупил белил. Помимо этого священник запер кладовку со стройматериалами, оставив тем самым рабочих без работы на целый день

В МДК распорядились провести разбор поданной жалобы. Многое подтвердилось. Помимо

этого в ходе расследования выяснилось, что настоятель храма самовольно (без спроса у священноначалия) вырубил росший вокруг храма мелкий лес (было подсчитано 340 срубленных «*корней*», т.е. деревьев). И хотя Зверев оправдывал свои действия потребностью в дровах и тем, что деревья затеняли церковь с восточной стороны, это не было принято во внимание. В итоге его сначала отправили «*для исправления*» в Саввино-Сторожевский монастырь на одну неделю, а в 1853 г. он был «*за немиролюбие и нетрезвость удален от занимаемого места*», т.е. уволен из брыковского причта. При этом еще несколько лет с бывшего настоятеля священноначалие пыталось получить деньги в счет погашения долгов, которые он оставил за Богоявленским храмом.

Священнику Николаю Звереву во время своего недолгого пребывания в с. Брыково пришлось также заняться земельным вопросом, остановимся на нем подробнее.

Церковная земля в Брыково, ее аренда, земельные споры

Следует сразу отметить, что вопрос с землей Богоявленской церкви оказался крайне запутанным, в различных судах на протяжении многих лет длилась тяжба причта с местными помещиками, о чем говорят сохранившиеся архивные документы. Попробуем разобраться в этой истории. Но сначала приведем немного общих сведений об актуальности земельного вопроса для церковнослужителей в прежние времена.

Для чего сельским храмам выделялась земля, какой был ее размер

На Руси издавна сельские храмы имели свою землю. Спрашивается, зачем она им была нужна? Ответ следует искать в материальной стороне.

Клирикам, как и всем людям нужно на что-то жить. Почти у всех служителей имелись семьи, в которых росло много детей. Их надо было кормить, одевать, платить за образование. А откуда духовенство брало средства на жизнь? Доходы, получаемые от исполнения приходских треб, как правило, не покрывали всех потребностей семей. Православие хоть и было на Руси государственной религией, но власть не имела возможности платить зарплату всем служителям церквей (как это до недавнего времени происходило в Греции). Напротив, храмы должны были вносить различные сборы в казну и консисторию. Вот государство и решило вместо денег давать клирикам землю, которой, к счастью, было много. Расчет был на то, что духовенство сможет получать урожай, продукты питания для своих семей. Но не все церковнослужители умели работать на земле или хотели это делать. Это был тяжелый труд. На обработку земли нужно было находить время и немало. С этим же порой возникали проблемы. Ведь главной задачей клириков было служение в храме, проведение молебнов, исполнение приходских треб. А как тогда быть с сельхозработами, которые надо совершать вовремя? Вот потому часто служители отдавали свои земельные участки в аренду, получая взамен плату в виде продуктов питания и (или) денег. Нередко арендаторами были местные помещики, они за пользование землей платили ругу.

Размер церковной земли у сельских храмов примерно был одинаков и составлял в Московской губернии от 33 до 36 десятин, это называлась «*пропорция*». Земля делилась между служителями согласно их должностям в причте.

Теперь поговорим конкретно о ситуации с церковной землей в Брыково. Увы, для начального периода существования Богоявленского храма сведений на эту тему мало. Ранее приводилась цитата 1711 г. (для деревянной церкви): «*а на пропитание ему попу с причетники дано земли по 5 десятин в поле, а в дву потому ж, да сенных покосов 5 копен*». Если цифры просуммировать, то 33 дес. никак не получается. О «*пропорции*» церковной земли в Брыково стали писать намного позже в конце XVIII в. после церковной реформы, проведенной Екатериной II.

Аренда церковной земли Квашниными-Самариными, выплата руги клирикам

На ПГМ имения Брыково, составленном в 1770 г., показаны границы церковной земли. В пояснительном тексте указано, сколько имелось пашни, леса и сенокоса, сколько занято под поселениями, огородами, дорогами, речками. Приведен общий размер «*земли для довольствия священно и церковно служителей*»[55] – 36 дес. 2106 кв.саж., т.е. почти 37 дес. Полное изображение плана приведено на форзаце, здесь показана вырезка из него (границы земли Богоявленского храма для наглядности обведены белой штриховой линией). Стоит обратить внимание, что часть церковной земли находилась за речкой Мологощей, что доставляло неудобство служителям (моста тогда не было).

Изо 5–14. Церковная земля на плане Генерального межевания окрестностей имения Брыково, 1770.

В клировой ведомости 1828 г. написано: «*Земли при сей* [Богоявленской] *церкви усадебной две десятины, пашенной и сенокосной земли тридцать три десятины, на которую землю особеннаго плана и межевой книги при церкви не имеется, а значит* [числится] *вместе во владельческом плане*»[56].

Еще в давние времена брыковские помещики забрали церковную землю для своих нужд. А взамен клирикам выделили участок господской земли, который хоть и был меньше по размеру церковной, но качеством и расположением был лучше. А еще служителям выплачивалась руга, размер которой всех устраивал. Замечательно. Но договоренности об аренде и руге были лишь на словах, не оформлены на бумаге (были «*без акта*»). Такая ситуация была типична для многих сельских храмов. Изготовить документы на землю, и нарисовать карту было довольно хлопотным и дорогостоящим делом. То же самое и с договором аренды. Вот клирики и не оформляли договора. Отсутствие же документов до поры до времени никого не беспокоило. Когда все вопросы решались мирно (как говорили – «*полюбовно*»), когда все были довольны, то бумаги и не были нужны.

О том, какая руга в прежние времена выплачивалась брыковскому причту, полной информации нет, есть лишь фрагментарные сведения. Первые данные относятся к 1700 г., когда Богоявленская церковь была еще деревянной. В фонде Квашниных-Самариных сохранилась расписка о получении в том году ржи «*попом Иваном*»[57]. Спустя век в хозяйственных книгах по брыковскому имению Квашниных-Самариных обнаружена такая запись: «*Выдано попу в генваре одна четверть*[i] [ржи], *в феврале одна четверть*»[58] и т.д. (каждый месяц по одной четверти).

Проблемы с выплатой руги

Шли года, проходили десятилетия, служители церкви и владельцы имения менялись. И новые люди не знали, не помнили уже всех деталей прежних договоренностей об аренде земли и платы за нее. Однако выплата руги клирикам до поры до времени продолжалась. Так бы и шло далее своим чередом, если бы все устные договоренности соблюдались. Но в начале XIX в. у владельцев брыковского имения Квашниных-Самариных возникли серьезные финансовые трудности, с годами они только усугублялись (об этом подробно рассказывалось во второй главе). Все это напрямую сказалось на жизни семей причта.

Вот что написано в документе 1808 г.: «*священник Павел Васильев прошением объявил: определен де он в оное село к Богоявленской церкви в 1774 году апреля 24 дня, по собственной прозьбе помещика Самарина, со обязательством Его таковым, дабы ему священнику вместо отмежеванной церковной земли получать ругу, а именно: Ржи двенатцать четвертей, десять рублей денег,* [выделить] *работника несменнаго навсегда*»[59]. Однако, как писал батюшка далее, помещик выполнял не все договоренности. Так обещанного работника не было уже более двух десятилетий. Последние десять лет хлеб выдавался не зерном, а мукою, денежного содержания (10 руб.) за последние два года и вовсе не было. Решить вопрос о положенных выплатах с помещиком (в то время им был Петр Федорович Квашнин-Самарин) оказалось сложно: его приказчик объявил, что господин живет в дальних вотчинах, в Брыково прибудет не ранее следующего лета. В связи с этим настоятель храма и обратился к священноначалию. О принятом решении сведений нет, скорее всего, ни к чему обращение не привело, слишком серьезные проблемы были у хозяина имения.

Однако, судя по документам, какие-то выплаты клирикам со стороны брыковских помещиков все же продолжались. В деле об опеке упомянута руга, которая выплачивалась служителям в 1820-х годах. В отчете по имению Брыково за 1828 г. написано, что *«С диаконовой и дьячковой земли по договору получено 9* [четвертей ржи]», «*выдано священнику руги 6* [четвертей ржи]» и, наконец, «*Выдано дьячку по договору за посев на его земле 1* [четверть жита]*»*[60].

Весной 1830 г. умерла помещица Анастасия Петровна Квашнина-Самарина, по ходатайству которой несколькими годами ранее была введена должность дьякона в состав причта Богоявленской церкви. Как писали в документах: она «*выдавала Диакону особую ругу; руга сия со смертию ея прекращена*»[61] (размер выплат служителю нигде не указан).

Как мы знаем, в дальнейшем проблемы у помещиков Квашниных-Самариных только нарастали. В клировой ведомости написано: «*На содержание Священно и Церковнослужителей жалованья не получается ни от кого, кроме, что из числа пашенной земли обрабатывается помещиком одна десятина в поле и в двух потомуж в пользу священника, а за остальную принадлежность пашенной земли получается от помещика по двенадцати четвертей ржанаго хлеба в год. А диакон и причетники обрабатывают принадлежащую им землю сами. За 1834, 1835, 1836 год ружнаго положения священник не получал, почему содержание имеет недостаточное*»[62].

По всей видимости, у брыковского причта была и другая земля, «неучтенная». В одном из архивных дел сообщается, что «*землю в дачах деревни Дедешиной князей Голицыных в количестве 4-х дес. с небольшим, данную ими же издревле в церковь на поминовение, как слышал он священник от покойнаго князя Николая Яковлевича Голицына, Священно-церковнослужители отдавали его же крестьянам деревни Дедешиной, но за какую цену, по какому акту и с дозволения ли начальства, неизвестно*»[63]. В других документах упоминаний об этой земле не нашлось. Скорее всего, действительно, священноначалие не знало о подаренной Голицыными земле причту и

[i] "Четверть" в разные времена имела разное значение. По данным сайта "Википедия" в XIX в. четверть для сыпучих тел равнялась 210 литрам (примерно объем бочки).

сдаче ее в аренду. Можно лишь отметить, что четыре десятины – это небольшой по размеру участок и много денег за него не получишь (вряд ли более 25 руб. в год). Так что «погоду» эти деньги для причта не делали. И поэтому не стоит удивляться тому, что в документах того времени о благосостоянии брыковских клириков писали: «*Содержание имеют средственное*» (т.е. посредственное).

Возникновение конфликта с новым хозяином имения Павлом Кильдюшевским

Напомним, что в 1847 г. владельцем имения Брыково стал известный московский врач, доктор медицины Павел Николаевич Кильдюшевский. Он постоянно проживал в Москве и нечасто появлялся в своем загородном поместье. Но это вовсе не означало, что его мало интересовали свои владения. Павел Николаевич решил разобраться с документами на приобретенную недвижимость (план на землю, как помещичью, так и церковную, был у него).

В ходе разбирательства выяснилось, что клирики пользовались господской землей. Помещика это не устраивало. Он был свободен от обязательств прежних владельцев имения и, видимо, не очень лояльно настроен по отношению к служителям. Ну а те были недовольны тем, что у них отбирали удобную землю. А еще возник спор о том, кому принадлежит запруда на речке Маглуша и мельница, которыми много лет пользовались помещики. Так возник конфликт, дело дошло до суда.

Забегая вперед, скажем, что земельная тяжба затянулась на долгие четверть века. Все это время имение Брыково находилось в руках Кильдюшевских (после смерти помещика Павла Николаевича судиться продолжили его наследники). В архиве ЦГАМ сохранилось несколько дел на эту тему. Спорная земля неоднократно перемежевывалась, было проведено несколько судебных разбирательств. Ситуацию усугубило то обстоятельство, что в первые годы, когда возник земельный спор, на должности настоятеля находился молодой неопытный иерей Николай Зверев. И только когда в 1853 г. в Богоявленскую церковь пришел другой священник Михаил Михайловский, который оказался не временщиком и искренне заботился о благополучии храма и причта, за решение земельного вопроса взялись всерьез.

Это если оценивать всю ситуацию в целом. Теперь перейдем к изложению хронологии событий спора о земле, происходивших в Брыково более полутора веков назад.

Межевания церковной земли в Брыково

П. Н. Кильдюшевский в одной из бумаг написал: «*По поступлении Села Брыково в мое владение, я узнаю, что Священно Церковно служители значительную часть земли далеко отстоящей от их домов, обрабатывают в господских клинах, составляя с моею пашнею чрезполосность, а свою церковную их ближайшую и самую лучшую из всего имения, отведенную для церкви еще в 1770 году, числом 36 десятин 2100 квадратных сажень отдают в наем. Посему тут же было мною им объявлено, чтобы они пользовались землею издавна им предоставленною прежними владельцами по генеральному межеванию, а не господскою*»[64].

Проблема была в том, что многие межевые знаки, обозначавшие границы земли, за истекшие десятилетия утратились. Кильдюшевский был готов оплатить все работы по межеванию земли, включая церковную, и в связи с этим обратился в уездный суд за выдачей разрешения.

Решение помещика вернуть свою землю разом осложнило жизнь клирикам, привычный порядок их жизнеобеспечения был нарушен. В том же деле приведены слова дьячка Богоявленской церкви Василия Лаврова, который в 1848 г. заявил: «*мы претерпеваем величайшую бедность* […] *наш помещик Кильдюшевский отнял у нас удобную к хлебопашеству землю, и вместо оной указал землю отдаленную, гористую, к хлебопашеству неудобную*». В клировой ведомости за тот же год написано: «*Земли при сей церкви значится тридцать пять десятин, из коих две десятины усадебной, пашенной двадцать три десятины, которая вся неудобна к плодородию, и вместо коей причт пользовался 15-ю десятинами пашенной земли во Владельческих полях без акта. Ныне же по поступлении Новаго Помещика причт не имеет в виду земли сей, который отказывает от обладания ею как не их собственностию. Сенокосной же земли не более десяти десятин, которая есть собственно церковная и состоит в их собственном владении*»[65].

Межевание церковной земли в с. Брыково было произведено в 1849 г., за основу был взят план 1770 г. Приглашенным землемером было произведено сравнение указанных в документе границ с положением на местности, возобновлены утраченные межевые знаки (где требова-

лось, в особых точках выкопаны специальные ямы). После восстановления межевых знаков и произведенных расчетов оказалось, что у причта земли даже больше, чем написано в документах и положено по закону. По завершении всех работ был составлен новый план местности, на котором показана церковная земля, а также «*село Богоявленское, Брыково тоже*» (к этому времени село и сельцо объединились). Полная карта приведена в приложение–9, здесь показана вырезка из него.

Изо 5–15. План земли Богоявленской церкви с. Брыково после перемежевания, 1849.

Описание церковной земли

На приведенном плане хорошо видна отметка храма в виде креста (укрупнено см. изо 5–10), плотина и запруда на речке «*Мологошка*». В пояснениях к плану дано описание церковной земли (оно в точности повторяет пояснения к ПГМ 1770 г.): «*из того числа в силу положенной пропорции по поданным от владельческих поверенных полюбовным сказкам, от села Богоявленскаго, сальца Морозовой Горы с деревнею Бокаревой и деревни Дедешиной по разчислению десятин назначено к церкви земли, для довольствия священно и церковно служителей пашни 28 д. 250* [кв.] *саж., покосу 4 д. 100 саж., под поселением, огородами, гуменниками и конопляниками 1 д. 1550 саж., под кладбищем 1750 саж., под дорогами 1340 саж., под речками и водороинами* [оврагами] *1 дес. 1916 саж. Всего у священно-церковно-служителей 36 дес. 2106 саж*.»[66].

Церковную землю проверил благочинный и написал такое заключение: «*осмотрел пахотную и сенокосную землю, отведенную для Причта Села Брыкова, помещиком того Села г. Кильдюшевским и оказалось: Сенокосная земля отведена не подалеку от Церкви на речке Маглуше качеством хорошее. Для Пахотной земли отведена в полуверсте от Церкви за речкою, Гора количеством 14-ти десятин песчана, камениста и заросшая Кустарником и из оной вырезано для приходского Кладбища. Остальная небольшая часть пахотной земли смежная с помещичьей качеством хороша*»[67].

Как видим, не вся церковная земля была плохая, были и хорошие участки.

Новое межевание церковной земли

При проведении межевых работ в Брыково в 1849 г. не присутствовали члены причта Богоявленской церкви и депутат с духовной стороны. Это было нарушением, поэтому священноначалие приняло решение опротестовать установленные границы земли. Причт заказал новое межевание. При его проведении уже другой землемер выявил: «*мельницу мукомольную о двух поставах, наливную находящуюся всю с надворным Строением на церковной земле и по праву долженствующую принадлежать ко владению священно и церковнослужителям. Между тем в журнале* […] *показано, что означенная мельница принадлежит Статскому Советнику и Кавалеру Павлу Николаевичу Кильдюшевскому* […] *а не показано, почему именно владеет Помещик Кильдюшевский*»[68].

Все описанные события происходили при молодом настоятеле Богоявленской церкви о. Николае Звереве. Он не знал многих деталей из прежней истории владения землей и на следствии заявил: «*слышал от своего предместника* [предшественника] *и причта, что они действительно владели при прежних помещиках 15-тью десятинами в помещичьем поле, взамен мельницы, состоящей по плану Генеральнаго межевания, бывшаго в 1770 году, на церковной земле, но находившейся во владении прежних помещиков. Г-н же Кильдюшевский в самом начале* […] *отнял означенную землю, а прошлаго 1849 года весною с землемером, без всякаго законнаго права вырезал из церковной дачи и мельницу, оставив между прочим дом с надворным строением, в котором и доселе помещается мельник на церковной земле*»[69].

Также было отмечено, что мельничный пруд затоплял несколько десятин церковной земли, что делало невозможным ее использование.

По итогам межевания земли в клировых ведомостях о церковных владениях стали писать так:

«*Земли при сей церкви усадебной одна десятина* [1.550] *квадратных сажень, пашенной и сенокосной тридцать две десятины* [350] *квадратных сажень, из коей более 14-ти десятин неудобной, более одной десятины находится под приходским кладбищем, около десяти десятин по неудобству зарощены мелкою лесною порослью, ибо находятся на косогоре, покрытом ямами, из которых во время нескольких лет владения сим косогором местные помещики брали песок и глину для запрудки мельничнаго пруда. Более трех десятин сенокосной земли затопляется мельничным прудом. Вместо сего косогора священно церковнослужители владели пятнадцатью десятинами в помещичьих полях. В 1848-м же году помещик отказал в обладании сими* [этими] *десятинами, а отмежевал причту неудобную землю на означенном косогоре, оставив в свое владение мельницу с избою мельника, с надворными ея строениями и огородом, тогда как мельница, по указанию межевой книги, и изба мельника, надворное строение и огород по указании возобновленным Помещиком в 1848 году признакам находятся на церковной земле*»[70].

Суть земельного спора

Цитат приведено много и длинных, но не все в них может быть понятно. Попробуем разобраться.

Итак, давным-давно (в 1770 г.) причту Богоявленской церкви была отведена положенная по закону «*пропорция*» 36 дес. земли. Это та самая земля, которая показана на ПГМ (изо 5–14). С Квашниными-Самариными клирики договорились, что отдадут им свою землю в аренду, договоренности были на словах. Помещики взяли себе большую часть церковной земли, включая ту, на которой находилась мельница. Для поддержания запруды на речке Мологоще в рабочем состоянии (весной в половодье нередко часть плотины размывалась) работники помещиков брали землю с соседнего косогора (Морозовой Горы), находившегося на церковной земле. Тем самым сделали этот косогор непригодным для земледелия. В качестве компенсации Квашнины-Самарины предоставили причту 15 дес. своей пашенной земли (она была лучше качеством и удобнее расположена, чем церковная), а также выплачивали ежегодную ругу, как деньгами, так и продуктами питания.

Новый хозяин брыковского имения П. Н. Кильдюшевский, который был свободен от прежних устных договоренностей, захотел привести владение землей в исходное состояние согласно плану Генерального межевания, не хотел платить служителям никакую ругу. Чтобы члены причта пользовались только своей, а не господской землей. Но при этом помещик пошел на хитрость – решил оставить у себя мельницу на речке Мологоще. Он не захотел признавать мельницу чужой собственностью, не принимал во внимание, что она находится на церковной земле, а ссылался на давность владения ею помещиками. Позиция хозяев имения не изменилась и после смерти Павла Николаевича, случившейся в 1858 г. Как сказано в одном из более поздних документов, вдова Ольга Ильинична Кильдюшевская отдавала мельницу в аренду, получая взамен плату *«115 руб. сер. в год»*. Не такая уж маленькая сумма, для клириков небогатого прихода она была бы очень кстати.

Еще одно межевание, обращение в суд

Настоятель о. Михаил Михайловский и священноначалие не оставляли надежды восстановить справедливость, вернуть мельницу и землю под ней, которые должны были по праву принадлежать Богоявленской церкви. В связи с этим по инициативе причта в 1858 г. в Брыково было проведено еще одно межевание, уточнены размеры участка земли, занимаемой запрудой, мельницей, и строениями при ней, а также огородами. Они составили 460 квадратных саженей (не считая зеркала мельничного пруда). При этом выяснилось, что размер земли, указанный на старом плане, не соответствует действительности. Производивший замеры и расчеты землемер «*нашел, что в селе Брыкове церковной земли 41 десятина 569 саж., а по плану Генеральнаго межевания в этих самых границах показано только 36 десят. 2106 саж.*»[71]. Расхождение объяснял тем, что излишками *«3 десят. 1469 саж. причт совершенно непользуется, потому что означенная земля состоит под мельницею, мельничным прудом и проч.»*[72].

МДК велела причту села Брыково «*войти с прошением в надлежащее присутственное место*» (местный орган власти). В 1863 г. был подготовлен иск «*с вознаграждением нас священно-церковнослужителей от помещиков Кильдюшевских, за безплатное их пользование с 1847-го года нашею землею*»[73]. В нем отмечалось, что от прежних хозяев имения причт «*получал вознаграждение за занятую мельницею землю*», а сейчас этого не происходит. Говорилось, что нынешняя помещица О. И. Кильдюшевская имеет прямую выгоду, сдавая мельницу в аренду и получая за это ежегодно деньги. Помимо этого клирики терпели «*ущерб*», т.к. арендатор мельницы слишком высоко поднял уровень воды в плотине, от чего случается «*подтоп нашим лугам, выше мельницы находящимся*». И кроме того он «*без согласия нашего от нашего луга припахал к своему огороду сверх меры*». С этим иском служители обратились в Звенигородское полицейское управление. Оттуда спустя некоторое время получили ответ, что «*дело о мельнице, по давности владения оною помещиками, подлежит производству судебным порядком*». После этого в том же 1864 г. причт подал прошение в Звенигородский уездный суд. Но и оттуда был получен отказ, т.к. обращение было написано «*на бумаге не в 20 к. сер., а в 15 коп.*»! Попутно было заявлено, что требуется представить копию земельного плана. Пришлось вновь вызывать землемера для выполнения еще одного межевания (в который уже раз!)

Что происходило в следующие несколько лет (1865–1870), проследить не удалось, т.к. документы по земельному спору за этот период времени не обнаружены (возможно, их и не было).

Завершение многолетнего спора о земле

Следующее дело на земельную тему датировано 1871 г. Из него следует, что тяжба о церковной земле с. Брыково рассматривалась в Московском окружном суде и в Судебной палате, которые вынесли решение в пользу причта. Как отмечено в документе: «*дело наше производилось в судебных местах более 3-х лет, и труды повереннаго по ведению дела были много сложны и дело г. Муромским выиграно – земля возвращена в собственность церкви*»[74]. Казалось бы, поставлена точка и справедливость восторжествовала. Но, не тут то было, история на этом еще не закончилась. Помещиком Михаилом Павловичем Кильдюшевским была подана кассационная жалоба, предстояло новое разбирательство. В связи с этим настоятель Михайловский обратился с прошением к священноначалию о дозволении взять из церковной кассы 100 руб. для передачи их адвокату Муромскому на продолжение ведения судебного дела и на компенсацию понесенных личных затрат. Консистория дозволила отнести издержки «*на счет церкви*», но велела деньги потом вернуть в кассу храма, если дело в суде будет выиграно.

Увы, этого не случилось. Последнее окончательное решение суд вынес не в пользу причта Богоявленской церкви. Это стало понятно из текста в клировой ведомости: «*460 сажень занятыя мельницею, пристройками к ней и огородом решением Харьковской Судебной Палаты*[i] *от 23 февраля 1872 года присуждены в собственность бывшаго землевладельца Кильдюшевскаго*»[75]. Видимо, причт с этим не согласился, т.к. несколько лет спустя (в 1876 г.) было затеяно очередное межевание церковной земли. К сожалению, в соответствующем архивном деле[76] какие-либо подробности о земельном споре отсутствуют. Но судя по тому, что клировая ведомость, из которой приведена цитата, датирована 1892 г., вынесения решения о церковной земле в свою пользу причт не добился.

Почему так произошло, почему Харьковский суд вынес решение в пользу помещиков, а не причта, что было бы справедливее? Не хочется думать о возможном криминальном следе (т.е. о подкупе судей). Тут, наверное, сыграло то обстоятельство, что после очередного измерения у причта оказалось 41 дес. земли, что больше положенного по закону даже без учета спорного участка. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что помещики использовали плотину и мельницу издавна. Но самое главное: если бы прежние договоренности между заинтересованными сторонами были оформлены официально, то думается, у помещиков не было бы шансов выиграть в суде это дело. После этого становится понятно, почему МДК требовало от причтов все соглашения об аренде оформлять договорами на бумаге. Вот только такой порядок стал вводиться в XIX в., а ранее его не было.

Так печально для местного духовенства закончилась многолетняя история земельного спора с помещиками. Разобраться в ней непросто, т.к. почти в каждом следующем деле приведены новые цифры о размере и составе церковной земли. Но главное понятно: справедливость в этом деле не наступила, ибо в итоге победили землевладельцы, которые захватили не принадлежавшую им плотину с мельницей. Назидательная история.

Использование церковной земли в последующие годы

В 1880-х гг. состав земли Богоявленской церкви по документам был таким: под садом и огородом – 1550 квадратных саженей, под заливным лугом – 1 дес. 600 кв.саж., сенокос – 3 дес., под кустарником – 8 дес. 932 кв.саж, под песками и дорогами – 5 дес. 1464 кв.саж, под пашней – 20 дес. (из них под паром – 5 дес, рожь – 5 дес., яровая рожь – 5 дес., овес – 5 дес.)[77]. А всего 36 дес. 1646 кв.саж. К 1916 г. произошли небольшие изменения: «*Земли при церкви состоит: усадебной вместе с погостом церковным 1 десят. 1550 квадр. саж., пахотной 17 десят. 480 квадр. саж., сенокосной 17 десят. 1440 квадр. саж. в разстоянии ½ версты от церкви. Всего*[ii] *33* [35?] *десят. 1440 квадр. саженей за исключением неудобной*»[78].

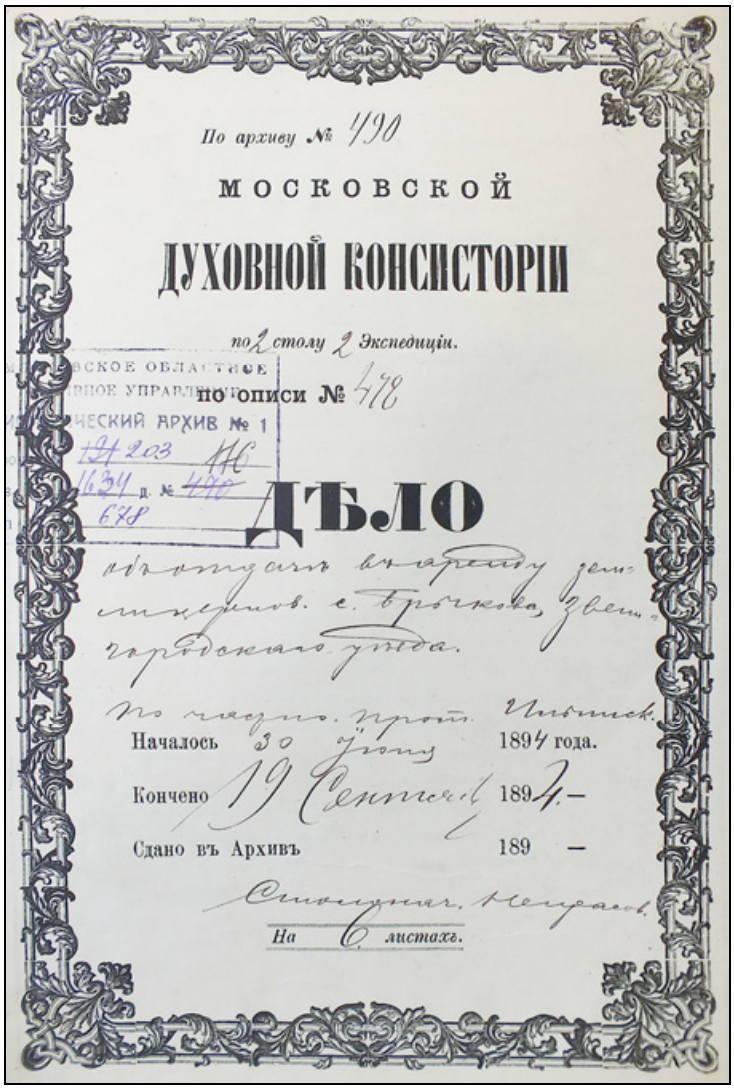
Еще в 1864 г. церковнослужители с. Брыково решили отдать в аренду местным крестьянам часть своих владений – «*участок земли примерно до 12 десятин пахатной и сенокосной земли*». Было подано прошение в МДК о разрешении аренды, в нем приводились сведения о земле как о «*находящийся от нас за речкою, через каковую в настоящее время не имеется моста, а в брод*

[i] Не понятно, почему в столь отдаленном регионе выносилось решение по спору о подмосковной земле.

[ii] Где-то в указанных в ведомости числовых значениях участков земли допущена ошибка. Если все сложить, то итоговая сумма будет превышать приведенное значение почти на две десятины.

по причине глубины речки проезд затруднительный. Посему оная земля остается без удобрения, а за отдаленностию и без надзора»[80]. По сути, этим заявлением клирики признавали, что не в состоянии оберегать свою землю от злостных посягательств, недобросовестные крестьяне могли самовольно ею пользоваться без всякой оплаты. Так что лучше было эту землю отдать в аренду и получать за это деньги.

Было составлено “Условие”, по современному говоря, договор. Согласно нему арендаторы (крестьяне дер. Кучи) должны были каждый год в течение 10 лет платить причту по 70 руб. сер. (равными частями летом и зимой). Они обязались «*при посеве ржи землю удабривать в самом лучшем виде и не истощать оную*». Произрастающий на этой земле мелкий кустарник крестьяне не могли забирать себе, а должны были «*доставить оный на своих лошадях для отопления священно и церковнослужителям*». По истечении срока в 1874 г. стороны решили продлить договор аренды еще на 10 лет, увеличив ежегодную плату до 76 руб.[81]. И так далее. В архиве ЦГАМ сохранилось еще два дела за 1884 г.[82] и 1894 г.[83] аналогичного содержания о продления аренды каждый раз на десятилетие, только плата за землю была увеличена до 100 руб. в год.

По архиву № 490

МОСКОВСКОЙ

ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРІИ

по 2 столу 2 Экспедиціи.

по описи № 478

ДѢЛО

Началось 30 Іюня 1894 года.

Кончено 19 Сентября 189 4.

Сдано въ Архивъ 189 —

На 6 листахъ.

Изо 5–16. Обложка дела об отдаче в аренду церковной земли с. Брыково[79], 1894.

1866–1917: Богоявленская церковь с тремя приделами

Но вернемся на несколько десятилетий назад. В 1853 г. на смену о. Николаю Звереву на должность настоятеля Богоявленской церкви был назначен молодой священник Михаил Никифорович Михайловский. О нем подробнее поговорим в следующих главах, здесь же кратко опишем то, чем ему пришлось заниматься в храме. На его долю выпало немало дел.

О. Михаилу достался в наследство неулаженный спор о церковной земле. Как уже говорилось, его предшественник Зверев испортил отношения с помещиками Кильдюшевскими, священноначалие потом его корило «*за неуважение*» к владельцам имения. Новому настоятелю не удалось исправить конфликтную ситуацию. Все возникавшие вопросы по Богоявленскому храму приходилось решать силами небогатого прихода без помощи помещиков.

1857: Первая школа в приходе, составление очередной описи храма

В конце 1850-х гг. о. Михаил решил начать учить грамоте приходских крестьянских детей, открыл школу в своем доме. Он оказался одним из первых подвижников народного образования на нашей земле, в то время мало кто подобным делом занимался в сельской местности. Священник сам проводил все уроки, причем оплату за обучение детей не брал. Так продолжалось много лет. После передачи училища в ведение земства о. Михаил продолжил преподавание Закона Божия. Его заслуги в части народного образования были отмечены вручением ордена св. Анны (1879). Подробнее о Брыковской школе поговорим в девятой главе.

Как уже говорилось, в 1837 г. была составлена опись Богоявленского храма. Спустя два десятилетия понадобилось составить новую опись церковного имущества, третью по счету. Не с первого раза получилось сделать ее так, как надо. Составленная настоятелем в 1858 г. опись не удовлетворила начальство, пришлось переписывать заново. Через несколько лет был подготовлен новый вариант. Этот важный архивный документ сохранился, его расшифровка имеется в приложении–6, здесь же приведем выдержки из него. Опись начинается со слов:

«*Церковь во имя Богоявления Господня, зданием каменная, с таковою же колокольнею, верхи коих покрыты железом и выкрашены медянкою на масле; главы на церкви и колокольне покрыты железом и выкрашены краскою синяго цвета, кресты на церкви железный вызолоченный, на колокольне железный выкрашенный. При колокольне имеются две палатки каменныя, верхи коих покрыты железом и выкрашены медянкою на масле; церковь построена в 1778, иждивением покойнаго Генерала Аншефа Феодора Петровича Квашнина-Самарина*»[84].

В документе приведены сведения о внутреннем убранстве храма, перечислены все иконы и различная утварь. Про иконостас главного придела сказано: «*Иконостас Лаковый, в два яруса, окрашен масляною краскою, с позлащенною резьбою по местам, с 16 полуколоннами, выкрашенными под малахид, у осьми* [8] *– внизу капители вызолочены, базы выкрашены желтою краскою, у осьми снизу базы и капители вызолочены*». Опись была составлена еще до устройства двух приделов в трапезной и потому их описаний, к сожалению, нет.

В 1861 г. церковный староста крестьянин Семен Иванович пожертвовал в Богоявленский храм 170 руб. на покупку паникадила. Прихожане собрали еще 45 руб. С добавлением 25 руб. церковных денег было куплено медное высеребреное паникадило «*о 3 ярусах в 27 свечи весом 7 пудов*»[85]. Это паникадило сохранялось вплоть до 1918–1921 гг. (оно было включено в опись храма, составленную с участием представителей советских органов власти). Доподлинная судьба паникадила неизвестна. По всей видимости, было отправлено большевиками на переплавку.

В архиве ЦГАМ обнаружена клировая ведомость Богоявленской церкви за 1863 г. В ней приведены такие сведения:

«2. Зданием каменная, с таковою же колокольнею, притвором и папертиею. При колокольне по обеим сторонам, имеются две каменныя палатки. Вся крыта железом, крепкая.

3. Престолов в ней один, во имя Богоявления Господня. Вся теплая, исключая притвора.

4. Утварью достаточна.

5. Причта, издавна, положено по штату: Священник один, дьячек и пономарь. В 1862-м году утвержден Диакон, на пономарской вакансии.

6. […] *Копии, с плана Генеральнаго межевания, и межевой книги, всей владельческой земли, в коих означена и церковная земля, имеются и хранятся в церковной ризнице. Землею владеют, сами священно-церковнослужители.*

7. Домы у священно-церковнослужителей собственные, деревянные, на церковной земле. […]

9. При сей церкви, имеется сторожка деревянная, на церковной земле»[86].

Сбор средств на расширение храма, приходское попечительство

В 1866 г. причтом Богоявленской церкви было подано прошение «*о выдаче сборной книги*[i] *на возобновление церкви в селе Богоявленском Брыкове Звенигородскаго уезда, и о дозволении поставить, на сей же предмет в трех селениях кружки*»[87]. Цель сбора подаяний указана в общих словах: «*на возобновление церкви*». В другом документе написано конкретнее: «*о возобновлении Богоявленской их церкви по случаю тесноты и ветхости*»[88].

Проблема тесноты Божьего дома нарастала постепенно с увеличением количества прихожан: к концу XIX в. их число стало заметно превышать тысячу человек (динамика изменения численности прихода показана в приложении–6). Однопрестольная Богоявленская церковь стала мала для

[i] До революции существовал порядок, согласно которому сбор подаяний для церковных нужд осуществлялся только по уважительным причинам с разрешения епархиального начальства. Все собираемые средства должны были обязательно записываться в особой прошнурованной, так называемой “сборной книге”, скрепленной печатью. Книга выдавалась на один год. Власти нередко отказывали в просьбах о ее выдаче. Например, митрополит Филарет (Дроздов) на одно из подобных прошений наложил следующую резолюцию: «*Сборные книги даются по существенной нужде, а не для украшений*».

молящихся. Кроме того, за истекшее столетие с момента постройки здание церкви заметно обветшало (напомним об обнаруженной в 1842 г. трещине в стене алтаря). «*Для осмотра ветхостей церкви*» в село Брыково был приглашен **архитектор Владислав Осипович Грудзин**[i]**,** по всей видимости, это случилось в 1869 г. После изучения состояния церковного здания он вынес решение: «*безотлагательнаго фундаментальнаго исправления и даже перекладки*»[89] алтаря храма.

Вскоре был разработан проект переустройства трапезной и колокольни Богоявленской церкви, он был утвержден в апреле 1870 г. К сожалению, в архивном деле чертежей не оказалось, и осталось неизвестно, как выглядел храм до перестройки. В различных документах более ранних лет есть упоминания о трапезной части храма (напомним о приведенной ранее цитате из документа 1852 г.: «*от ветхости крыши в трапезе оказывается течь, поэтому они имеют надобность покрыть крышу железом*»). Это означает, что трапезная была в однопрестольной Богоявленской церкви и прежде. Но каких размеров – нигде не сказано. Можно лишь предполагать, что была невелика, а иначе не писали бы про тесноту храма[ii]. В новой просторной трапезной планировалось обустроить два боковых придела.

К сожалению, не удалось найти строительного дела о расширении трапезной в Богоявленской церкви (скорее всего, оно не сохранилось). Но по информации из других источников удалось восстановить примерный ход событий.

Работы по переустройству Божьего дома предполагались значительные по объему и дорогостоящие. А денег было мало: в церковной кассе имелось лишь 300 руб. Как уже говорилось, местные помещики Кильдюшевские конфликтовали с церковнослужителями, на их помощь рассчитывать не приходилось. Для сбора средств настоятель храма Михайловский вместе с причтом и прихожанами решил учредить "**Приходское попечительство**"[iii] и получил на это разрешение от священноначалия в том же 1870 г. (по другим данным, попечительство появилось в Брыково в 1866 г.).

Вскоре в епархиальном журнале была напечатана заметка со следующим текстом: «*Согласно прошению приходскаго попечительства Звенигородскаго уезда, Богоявленской, в селе Богоявленском, Брыкове тож, церкви, с разрешения Московскаго епархиальнаго начальства, состоявшегося 14 мая сего 1870 года дозволено ему* [попечительству] *на церковную сумму, пожертвования прихожан и другия, имеющиеся в виду, средства распространить трапезу при означенной Богоявленской церкви с устройством в ней двух приделов во имя святаго пророка Илии и святителя Николая, а также построить новую каменную колокольню*»[90].

Удалось собрать некоторые сведения о данной организации. «*Председателем этого попечительства был выбран соседний помещик* ***Николай Владимирович Рукин***»[91]. В нем были и другие члены: «*главным и первым членом попечительства*» был избран настоятель храма о. Михаил Михайловский. Помимо этого в состав организации вошел воскресенский купец Павел Григорьевич Купцов. От прихожан были выбраны крестьяне Егор Михайлович (из Зенькино), Стефан Дементьевич (из Дедешино), Антон Дементьевич, Василий Павлович, Алексей Кириллович (все из Брыково), «*и прочие члены, находящиеся на жительстве, по промыслам своим в Москве*»[92].

На сходе всего прихода было принято решение о сборе с 413 прихожан по три рубля серебром с каждого. Однако сбор этих средств осуществлялся плохо, денег не хватало. В архиве МДК обнаружено упоминание о деле 1872 г. с названием «*О разрешении взять 700 рублей из банка на церковную постройку с. Брыково*». К сожалению, этот документ не сохранился, подробности остались неизвестны. Известно только о кирпичном заводе, устроенном попечительством для нужд храма.

---

[i] Владислав Осипович Грудзин – известный архитектор, с его именем связаны церкви и часовни в г. Воскресенске (Истре), в Павловской Слободе, в селах Бужарово, Телепнево, Лучинское. Об этом человеке подробнее написано в последней книге автора об истории Ивановской фабрики (с.116, 117).

[ii] О том, что прежняя трапеза была меньше по размерам, говорит то, что храмоздатель П. Ф. Квашнин-Самарин был похоронен вне здания церкви, а после перестройки трапезной его могила оказалось внутри.

[iii] «*В 1864 году государство разрешило создавать при храмах "приходские попечительства". По закону они могли собирать деньги на благоукрашение храма, устройство первоначального обучения детей, а также на улучшение быта священно и церковнослужителей и поддержку малоимущих прихожан. Однако проект забуксовал. В основном все средства попечительств уходили на первое – на ремонт и украшение храмов*» (интернет).

1874–1876: Строительство трапезной, освящение двух приделов

Очевидно, по причине нехватки средств, строительные работы в Богоявленском храме долгое время не начинались. Лишь к 1874 г. удалось собрать достаточную сумму. В указанном году началась перестройка (расширение) трапезной в Богоявленской церкви, которая продолжалась три строительных сезона. Сохранился отчет о сборе и расходовании средств: «*за 1874 год собрано 1.435 руб. 96 коп., за 1875 год – 2.156 руб. 23 коп., в 1876 году – 8.235 руб 32 коп. Всего за 3 года – 11.827 руб. 51 коп. Израсходовано их на построение церкви: в 1874 году – 1.272 руб. 40 коп., в 1875 году – 2.386 руб. 44 коп., в 1876 году – 8.414 руб. 43 коп. Всего – 12.073 руб. 27 коп.*»[93]. Как видим, солидные средства поступали и тратились каждый год. К сожалению, источники поступления денег остались неизвестны[i]. Можно лишь отметить, что «*в сборную кружку*» такие крупные средства обычно не клали.

Для проведения работ в храме были приглашены три мастера. Главным строителем стал член попечительства купец **Павел Григорьевич Купцов**. Личность, прямо скажем, неоднозначная. С одной стороны, это был опытный в строительных делах мастер. В конце 1850-х годов он (в то время еще крестьянин) руководил работами по возведению Крестовоздвиженской церкви в соседнем с. Телепнево. Но, с другой стороны, Павла Григорьевича потом обвиняли в нечестности при строительстве указанного храма[ii]. В последующие годы он стал содержателем трактира, находившегося в брыковском приходе (напомним, что на этой почве у него возник конфликт с помещиком Г. Ф. Карповым, об этом рассказывалось в предыдущей главе).

Но не следует думать о Купцове лишь в негативном плане. В Брыково он не только руководил строительными работами, но и сам жертвовал немало личных средств: «*при расчетах с подрядчиками много пошло и его собственных денег, да вообще, нет возможности перечислить всех его жертв и забот*»[94].

У Павла Григорьевича были помощники. «*Работы каменную, кровельную, плотницкую, столярную, малярную*» взялся выполнить за 2.900 руб. крестьянин Владимирской губернии **Филипп Ефимович Арапов**. А изготовление двух иконостасов в трапезной было поручено сделать «*иконостащику*» крестьянину Калужской губернии **Михаилу Егоровичу Трофимову**, которому обещано было за это заплатить 2.000 руб.

Мастера свое дело сделали. Однако по завершении работ ввиду недостатка средств в церковной кассе с ними не смогли полностью рассчитаться. В итоге за храмом остался долг 1.295 руб. первому мастеру и 500 руб. второму. Помимо этого самому «*Купцову церковь также состоит должною 1.155 рублей,* […] *церковь осталась еще должною 50 руб. живописцу за написание иконы нерукотвореннаго образа Спасителя*»[95]. В сумме всех долгов набралось ровно на 3.000 руб.

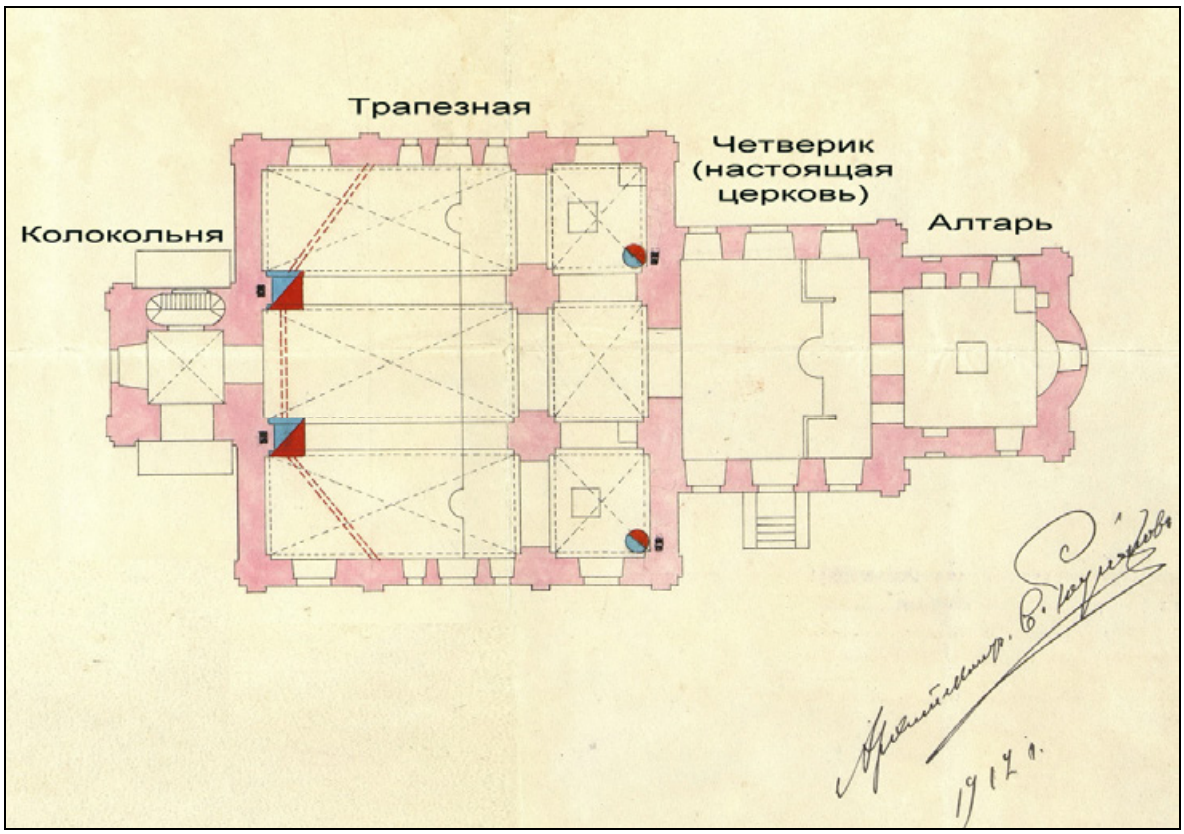
Как видим, сумма долговых обязательств оказалась немалой. Приходское попечительство в лице настоятеля Михайловского обратилось в МДК с просьбой оказать материальную помощь. Многие в епархии знали, что в 1869 г. по завещанию петербургской мещанки Евдокии Барановой в распоряжение Московского митрополита была передана сумма в 11.500 руб. В завещании было сказано, чтобы проценты с сего капитала ежегодно употреблялись «*на построение и поддержание церквей в беднейших приходах*». В Брыково посчитали, что они относятся к особо нуждающимся храмам и подали прошение. И не ошиблись в своих расчетах. После рассмотрения всех поданных заявлений (таких оказалось около десяти) консисторией были отобраны три храма, которым решено было оказать помощь. Среди них оказалась Богоявленская церковь, ей было передано 90 руб.[96]. Сумма, прямо скажем, невелика по сравнению с долгом (составила всего три процента). И осталось непонятно, как были погашены остальные долговые обязательства.

В архивном деле 1913 г. обнаружен «*Проект Устройства духового отопления храма в селе Брыково Московской губернии Звенигородскаго уезда*». На плане хорошо видна старая часть храма (четверик и алтарь) и новопостроенная часть (трапезная). Слева показано основание колокольни, которая была сооружена через несколько лет.

---

[i] В то время на Ивановской суконной фабрике жил известный благотворитель Звенигородского уезда купец Павел Григорьевич Цуриков. Может он помог деньгами Богоявленскому храму? К сожалению, подтверждающих исторических документов не найдено. Такая помощь для него была бы вполне естественной.

[ii] При сооружении Крестовоздвиженского храма в с. Телепнево у П. Г. Купцова возникли разногласия с местным священником Ефимом Смирновым, в результате чего он был «*удален от должности строителя*».

Изо 5–17. План Богоявленской церкви[97], 1913.

Работы по расширению трапезной были завершены осенью 1876 г. Священник Михайловский обратился к епархиальному начальству с просьбой о выдаче двух новых антиминсов в построенные приделы, которые и были получены в Чудовом монастыре[98].

17 октября 1876 г. при большом стечении народа состоялось торжественное освящение новых приделов: правого в честь пророка Божия Илии и левого в честь святителя Николая Чудотворца. Об этом важном событии в истории храма была опубликована заметка в "Московских епархиальных ведомостях". Вот выдержка из этой публикации (полный текст приведен в приложении–5):

«в нынешнем 1876 году все было окончено и 17-го октября совершилось торжественное освящение 2-х великолепно отделанных приделов во имя св. пророка Илии и святителя и чудотворца Николая. Первый придел освящал протоиерей Московской Софийской, на Лубянке, церкви, Павел Михайлович Волхонский[i]; а 2-й придел освящал местный священник Михаил Никифорович Михайловский. Торжество было великое, так что в селах подобные случаи можно назвать редкостью; каждый придел освящали 5 священников и 3 диакона; для большаго благолепия членом попечительства Василием Павловичем был приглашен хор Воскресенских певчих. После поздней литургии протоиереем Павлом Михайловичем Волхонским сказано было слово. Погода благоприятствовала этому торжеству и стечение народа было громадное, так что очень много было прибывших и из Москвы; но особенно порадовал своим прибытием прежний благотворитель Богоявленской-Брыковской церкви и Брыковскаго училища Московский купец Василий Гаврилович Климушин с своею супругою; его благожелательства и жертвы, как сей час, так и всегда будут незабвенны у св. престола. По окончании этого торжества, все уважаемые гости приглашены были строителем храма Павлом Григорьевичем на обед»[99].

Было б интересно узнать и потом рассказать читателям, как московский купец Климушин оказался связан с Брыково, почему стал помогать местному храму и школе. Но, увы, это осталось тайной, удалось лишь собрать некоторые сведения о самом купце и его семье (фотографии найти не удалось).

[i] Участие московского протоиерея Павла Волхонского в торжествах в Брыково неслучайно. По информации, предоставленной исследователем А. Н. Инюкиным, он был родственником двух служителей Богоявленской церкви: священника Михаила Михайловского и дьячка Александра Синайского.

Справка. Василий Гаврилович Климушин (1824 – † 1901) «*Происходил из старинного купеческого рода. Московский чаеторговец XIX — начала XX века. Московский купец 2-ой гильдии (по состоянию на 1897 год). В купеческом сословии состоял с рождения, как и его предки. Вёл в Москве торговлю чаем и сахаром. Занимал массу общественных должностей: с 20 апреля 1865 года по 1867 год служил судьёю словесного суда. Состоял Гласным Московской Городской Думы с 1877 года по 1881 год. Состоял выборным от московского купеческого общества с 4 ноября 1882 года по 5 декабря 1891 года. С 1879 года состоял экспертом московской таможни. Проживал в Москве по адресу: Тверская часть, 1 участок, в доме Баклановой. Долгое время вёл торговлю чаем и сахаром по адресу проживания: Тверская часть, 1 участок, в доме Баклановой. Владел Товариществом чайной торговли "Климушин Василий" (альтернативное официальное название фирмы – "Василий Климушин"). Товарищество "Климушин Василий" было учреждено в 1888 году в Москве (чаеторговый бизнес был начат в 1848 году, и в 1888 фирма была преобразована в Товарищество),* […] *Чайная торговля и склады чая располагались в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Варшаве, Харькове и на ярмарках: Нижегородской, Урюпинской и украинских ярмарках»*[100]. Торговлей чаем занимался также брат Василия Михаил.

Василий Гаврилович был дважды женат. В 1852 г. женился на Ольге Семеновне Долговой[101]. В 1861 г. супруга умерла, и в том же году купец женился во второй раз на Анне Павловне Колокольниковой[102]. По данным исповедной ведомости в семье Климушиных было не менее семи детей: Наталия, Александра, Николай, Юлия, Сергей, Василий, Надежда[103].

Как и положено, была составлена опись двух построенных приделов, она упоминается в клировой ведомости Богоявленской церкви за 1892 г. К сожалению, указанная опись не обнаружена, возможно, не сохранилась.

1876–1877: Строительство колокольни

После сооружения приделов строительные работы в Богоявленской церкви не завершились. На очереди была «*Колокольня новая, каменная заложена, но еще не создана по неимению средств церковных и приходских к окончательной выкладке колокольни.* […] *Чтобы сложить колокольню и переложить Св. Олтарь требуется денег, по самой меньшей мере 5000 руб.*»[104]. С учетом накопленного долга в три тысячи, всего необходимо было найти восемь тысяч руб. Это была серьезная сумма для небогатого сельского храма. Священник Михаил Михайловский обратился за помощью к новому помещику историку Г. Ф. Карпову, приобретшему имение Брыково в 1874 г. О Геннадии Федоровиче подробно рассказывалось в четвертой главе, упоминался и этот случай. Помещик в качестве условия помощи потребовал убрать трактир, который находился недалеко от Богоявленской церкви. Пикантность ситуации заключалась в том, что владельцем питейного заведения был тот самый купец П. Г. Купцов, который являлся членом попечительства, руководил строительными работами по обновлению храма и являлся одним из основных жертвователей.

В трудной ситуации оказался настоятель церкви. Поддержать помещика в желании закрыть трактир означало проявить неблагодарность, поссориться с главным строителем храма, который много потрудился при сооружении трапезной. Поэтому нетрудно догадаться, что о. Михаил отказался выполнять условия хозяина имения, чем, конечно, настроил его против себя. А тут еще случился некрасивый эпизод, после которого Г. Ф. Карпов обвинил священника в пьянстве и недостойном поведении. По итогам разбирательства в МДК пришли к выводу, что обвинения помещика голословны. Многие прихожане встали на сторону своего батюшки. Общее мнение было такое: «*мы всегда остаемся довольны простодушным обращением нашего Священника и особо ценим его труды и усердие в построении для нас новой теплой каменной церкви и возведении нынешним летом новой каменной колокольни при самых ничтожных средствах церковных*»[105]. А вот за спаивание рабочих судья приговорил владельца трактира Купцова к «*денежному штрафу в размере 25 руб., которые* […] *обратить на благотворительныя заведения Звенигородскаго Земства*».

Каким образом удалось собрать нужную сумму на достройку колокольни – осталось тайной. Известно лишь, что в церковной кассе денег не было: «*В приходной книге церкви села Брыкова к 1-му генваря текущаго 1877 года, значится в остатке денег 3 руб. и 2 коп.*»[106]. Священник Михайловский неоднократно обращался в консисторию, ходатайствовал «*о выдаче им взаимообразно денег на достройку колокольни*»[107]. Просил в 1876 г. «*О выдаче сборной книги на построение в с. Брыкове новой каменной трапезной и колокольни*» (дело, к сожалению, не сохранилось).

Так или иначе, необходимую для завершения строительства сумму удалось собрать, причем довольно скоро. Как написано в Метрике храма: «*Колокольня вновь построена в 1877 году на*

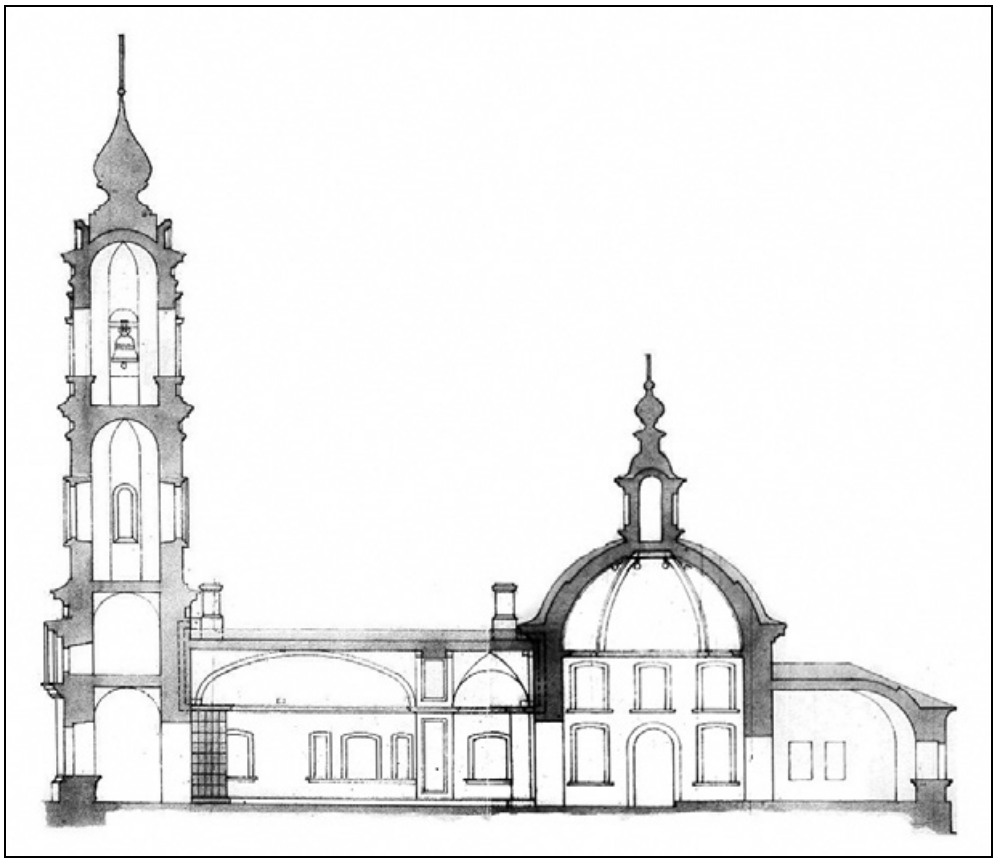
средства приходскаго попечительства»[108]. В том же документе приведено ее описание: «*Столпообразная. Колокольня вышиною 33 арш.* [23,5 метра] *В нижнем ярусе длины 6 арш.* [4,3 м]*, ширины 8 арш.* [5,7 м]». А в страховой ведомости приведены такие слова: «*Колокольня в 3 яруса, общею высотою до верха карниза 10 саж.*»[109].

Спустя год в епархиальном журнале было напечатано сообщение о награждении отличившихся лиц: «*за заслуги по духовному ведомству преподано благословение Святейшаго Синода с выдачей установленных грамот следующим лицам:* […] *председателю приходскаго попечительства при Богоявленской церкви, что в селе Брыкове коллежскому секретарю Николаю Рукину, члену сего попечительства крестьянину деревни Дедешиной Степану Дементьеву и непременному члену сего же попечительства церковному старосте Богоявленской, села Брыкова, церкви крестьянину сельца Зенкина Феодору Мартынову*»[110].

Таким образом, в конце XIX в. Богоявленская церковь приобрела вид, который в целом сохранился до нашего времени. Серьезных конструктивных и архитектурных изменений в храме больше не было. Современные специалисты-реставраторы так описывают церковь в Брыково:

«Скромный образец стиля барокко, небольшой бесстолпный одноглавый храм четвериком перекрыт глухим восьмидольным сомкнутым сводом на слабо развитых ступенчатых тромпах. Пониженный прямоугольный алтарь сильно выдвинут к востоку. Вероятно, композиция здания сначала была симметричной и алтарю отвечал равновеликий объем западного притвора [скорее всего, трапезной – Авт.]. *Гладкие фасады храма с двумя ярусами окон обрамляют рустованные, крепующие углы лопатки и многорядный карниз простого профиля. Штукатурные наличники окон скрывают следы срубленных кирпичных обрамлений с лучковой перемычкой, "ушами" и фигурным навершием. Сдержанные художественные формы позднейших частей здания эклектичны. Ориентация на древнерусское зодчество особенно ощутима в архитектуре столпообразной колокольни с восьмигранным объемом верхних ярусов и детальным убранством по мотивам XVII в.*»[111].

Чертежи храма Богоявления Господня обнаружены в архивном деле 1913 г. План церкви уже приводился (изо 5–17), здесь дан чертеж вертикального разреза, на котором хорошо видно внутреннее устройство храма и колокольни (в исходном виде чертеж приведен в приложении–9).

Изо 5–18. Разрез Богоявленской церкви и ее колокольни[112], 1913.

Ремонтные работы в конце XIX века

Относительно работ, проводившихся в Богоявленской церкви в последующие годы, собрана такая информация. Из заголовков несохранившихся дел МДК следует, что практически ежегодно причт подавал прошения о выдаче сборных книг на различные потребности (удовлетворялись ли эти просьбы – сведений нет). Обоснования были такие: *«на окраску крыши и побелку стен каменной церкви и колокольни»* (1878), *«на разные нужды в церкви»* (1879), *«на уплату церковных долгов и устройство алтаря»* (1880–1881), *«на возобновление церкви»* (1882). Как видим, мотивировки были разными. Но цель, очевидно, была такая: закончить начатые работы и погасить большие долги, которые образовались при возведении трапезной и колокольни. Приходилось собирать средства, как говорится, по копеечке отовсюду. У храма также оказалась значительная задолженность по обязательным платежам в консисторию, которые не вносились несколько лет. Церковные власти, понимая сложившуюся сложную ситуацию для прихода, задолженности простили: «*недобор по Богоявленской, села Брыкова, церкви за прежние годы в 222 р. 20 к. также сложить со счетов по вниманию к тому, что церковь сия по случаю возобновления главнаго храма и постройки трапезы с колокольнею, обременена значительными долгами*»[113].

Идем дальше. В клировой ведомости обнаружена краткая запись, которая поначалу озадачила: «*В 1884 году реставрирован настоящий храм и октября 7-го дня освящен*»[114]. Почему вдруг в храме понадобилась реставрация, если не прошло еще и десятилетия после его капитальной перестройки? В какой части здания проводились работы и какие именно? Разгадка нашлась в заголовке другого (несохранившегося) дела: «*О выдаче сборной книги в Брыково на возобновление олтаря, 1883–1885 года*». Очевидно, что речь шла о главном Богоявленском приделе. В Метрике храма указано, какие работы были выполнены: «*В алтаре окна расширены по случаю поставки колод, которых прежде не было*»[115]. По церковным правилам, если происходил ремонт в главной части храма, то его потом требовалось повторно освящать[i].

В это же время произошло еще одно важное событие для брыковского храма и церковной общины: на колокольню был повешен «*Большой колокол весом 123 п.*[ii] *28 ф. с надписью: "при священнике Михаиле Михайловском и старосте Феодоре Мартынове, 1884 г. октября 12. Пожертвован сей колокол к храму Богоявления Господня Воскресенским купцом* ***Василием Степановичем Кухтиным*** *со братьями Григорием и Ильею и женами их Евдокиею и Надеждою за упокой родителей их Стефана и Марии со сродниками их. Лит в Москве на заводе Почетнаго Гражданина Андрея Дмитриевича Самгина"*»[116].

Что можно сказать о благотворителях Кухтиных? Упоминание об этом семействе обнаружено в дореволюционной книге, в которой перечисляются лица, похороненные около Вознесенской церкви г. Воскресенска (ныне г. Истра): «*Воскресенский мещанин Илья Степанович Кухтин † 21 марта, 1895 г., 57 лет. Воскресенская купчиха Евдокия Васильевна Кухтина † 26 сентября, 1887 г., 50 лет. Воскресенский купец Василий Степанович Кухтин † 6 декабря, 1887 г., 55 лет. Поставлены эти памятники от любящей племянницы Анастасии Ивановны Шишкиной. Воскресенский купеческий брат Григорий Степанович Кухтин † 12 июня, 1887 года, 44 лет*»[117]. К этому можно еще добавить, что в последней книге автора подробно рассказывалось о семье Захара Афанасьевича Кухтина, сыновья которого были мещанами г. Воскресенска. Очень может быть, что это были родственники брыковских благотворителей.

В служебных материалах (журналах) МДК обнаружены сведения о проведении различных ра-

---

[i] На сайте pravoslavie.ru дано такое пояснение: «*Существуют два чина освящения: великий и малый. В учительном известии мы читаем, что чин великого освящения Церкви совершается заново, когда она осквернена насилием языческим или еретическим или при исправлении и возобновлении храма был поврежден или поколеблен престол. Малое освящение нужно проводить тогда, когда при ремонтах в храме Престол не был сдвинут с места и не был поврежден, когда к Престолу прикоснулись лица несвященного сана, когда в храме была пролита человеческая кровь, когда храм или его святыни были осквернены какою-либо нечистотою*».

[ii] 123 пуда – это более двух тонн в современном измерении. Такими большими колоколами может похвастаться далеко не каждый современный храм. Например, в соседней Казанской церкви с. Глебово на данный момент самый большой современный колокол весит 1.120 кг, т.е. почти в 2 раза легче. А в Брыково самый тяжелый колокол весит немногим более 200 кг.

бот в Богоявленской церкви в последнее десятилетие XIX в. Вот эти записи: «*О разрешении на пожертвованную 600 рублей сумму произвести в их Богоявленской церкви стенную живопись в трапезе, промыть живопись в иконостасах придельных храмов и подправить на иконостасах позолоту и на церковную в размере 400 рублей сумму перезолотить кресты на церкви и колокольне и окрасить крышу на церкви масляною краскою, наружныя стены храма обелить известкою*» (отметка об исполнении 1895 г.)[118]; *«заменить в трапезном храме лещадные полы бетонными – с израсходованием на то 200 руб. жертвуемых денег и 200 церковных»* (1897)[119]; «*возобновить стенную живопись, вновь выкрасить иконостас белилами и подправить сбежавшую позолоту с употреблением на сие 300 руб. церковных денег»* (1899)[120].

1887: Метрика церкви села Брыково

Ранее уже неоднократно приводились цитаты из так называемой Метрики церкви. Этот документ следует отнести к наиболее важным для истории. По сути это подробная анкета с вопросами о Богоявленском храме, на которые в 1887 г. ответил его настоятель о. Михаил Михайловский. Полные ответы священника даны в приложении–6, здесь же приведем некоторые из них:

«9) Всё здание церкви (алтарь, настоящий храм, трапезная церковь и колокольня) представляет крест. Храм и настоящая церковь квадратные. Всё здание одноэтажное […] *11) Церковь в вышину до крыши фонаря* [т.е. купола церкви – Авт.] *имеет 6 сажень, в длину и ширину 4 сажени. Алтарь до крыши в вышину 7 арш., в длину 8 арш., в ширину 6 арш. 13) Алтарь и настоящий храм из кирпича. У трапезной церкви в цоколе белый камень.* […] *15) Наружныя стены гладкия. На углах алтаря и храма имеются выступы из кирпича с поясками.* […] *16) У настоящей церкви карниз поясками из кирпича, у трапезной церкви из белаго камня.* […] *21) Крест на церкви железный 4-х конечный железный позлащенный.* […] *27) В настоящем храме свод в виде круговой дуги без опоры на столбах. В трапезной церкви крестовый свод, опирающийся на столбах. В трапезе своды разделяются двумя арками.* […] *37) Иконостас новаго устройства из дерева, выкрашенный белою краскою с позлащенными колоннами и по местам с позлащенною резьбою – в 4 яруса.* […] *52) Стены настоящей церкви по местам расписаны живописным письмом. Купол в ней весь расписан»*[121].

Самым старым из датированных был «*53) Образ Спаса Нерукотвореннаго Образа иконнаго писания, писанный в 1808 году июля 11 дня. Находится на стене трапезы в общем киоте с другими образами. Киот без стекла*». Стоит также отметить описание колоколов. В 1820 и 1862 гг. их было четыре, на момент составления Метрики их стало уже семь. О самом большом (пожертвованном Кухтиными) уже говорилось выше. Об остальных сказано так: *«2. Средний колокол в 29 пуд. и 37 ф. Вылит сей колокол на заводе Димитрия Самгина. 3. Малый колокол – 12 пуд 31 ф., 1803 г. февраля 23 дня. 4. Колокол 6 пуд. 5. Колокол 4 пуд. 6. Колокол 3 пуд. 7. Колокол 2 пуда.* [Колокола № 4–7] *Без надписей».* Здесь нужно обратить внимание на то, что в описи 1918–1921 гг. упоминаются 8 кампанов, запись о них очень краткая: «*большой 123 пуд, средний 29 пуд, и малых 6*»[122]. В какое время появился еще один небольшой колокол – осталось непонятно.

Жилые дома причта

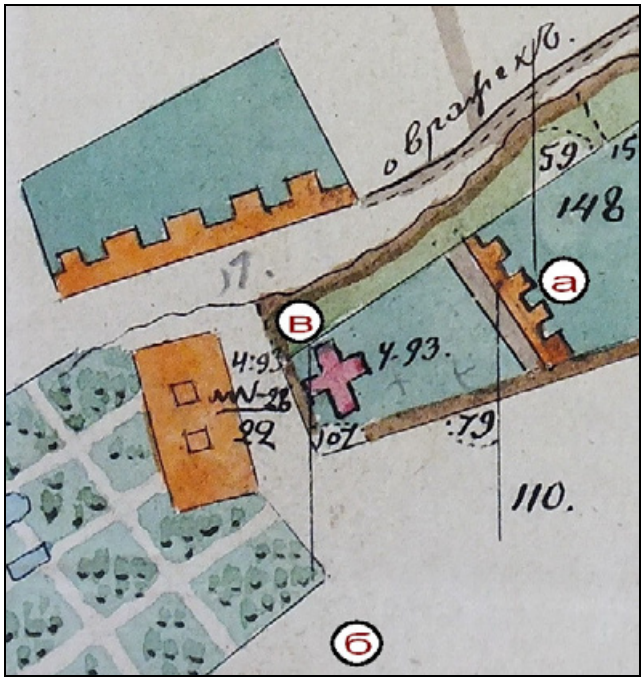
Церковнослужители проживали с семьями недалеко от Богоявленского храма. Самая ранняя запись о жилье причта обнаружена в клировой ведомости 1825 г.: «*Домы у священно-церковнослужителей собственные, деревянные на церковной земле*»[123]. Такие же слова встречаются в аналогичных документах последующих лет, иногда лишь добавлялось, что они собственность причта. Интересные подробности об условиях проживания имеются в деле об оценке священнического дома в селе Брыково: *«Деревянный дом на 8 аршин ширины и 9 аршин длины* [5,7 на 6,4 м], *построенный в 1840 г., пол и потолок в нем старые, входная дверь досчатая и одна в переборке, печь израсцовая из старых кафель, 5 окон, в них 10 рам. Цена 60 руб.»*[124]. Указанная цитата свидетельствует, в какой небольшой неказистой избе жила семья настоятеля в Брыково.

В конце XIX в. служители Богоявленской церкви построили на своей земле дома для проживания семей. Надо полагать, прежнее жилье стало ветхим и потребовало замены. Об этом сказано в клировой ведомости за 1916 г.: «*Дома для священно и церковнослужителей на церковной усадебной земле деревянные построены тщанием священно-церковнослужителей в 1897 году.* […] *Состояние домов: удовлетворительное*»[126].

Где именно находились дома причта? По словам нынешнего настоятеля Богоявленской церкви о. Андрея Васильева, который ссылается на информацию, полученную от старожилов, священнический дом в с. Брыково сохранился. Как оказалось – это старый одноэтажный деревянный дом, находящийся ныне в частном владении. При проверке по современной Яндекс-карте выяснилось, что расстояние от церкви до этого дома по прямой составляет около 150 метров в южном направлении (см. отметку “б” на приводимом земельном плане 5–19). Но действительно ли в этом месте прежде проживали служители Богоявленской церкви? В этом есть сомнение. Согласно данным из двух исторических документов, жилье служителей церкви находилось с восточной (точнее с северо-восточной) стороны от храма.

Первый документ – это следственное дело от убийстве настоятеля о. Петра Зверева в 1917 г. Подробнее о нем будет рассказано в следующей главе, здесь же имеет смысл привести цитату: «*дом с.* [священника] *Зверева находится в 70 саженях от церкви и в ½ версты от с. Брыкова, укрытой растительностию от села*»[127].

Второй документ (документы) – это план Генерального межевания 1770 г. и его копия 1849 г. На приводимой вырезке из последнего плана литерой “а” обозначены жилые строения, которые хоть и не помечены на изображении как жилые дома священнослужителей, но, скорее всего ими являлись. Эти постройки находились в восточном направлении в 40–50 саженях от отметки храма, т.е. в 85–105 метрах. На этом месте ныне нет капитальных строений, там пустырь и садовые участки с дачными домиками местных жителей.

Изо 5–19. Окрестности Богоявленской церкви[128], 1849.

Так все-таки, в каком месте – “а” или “б” (до обоих примерно одинаковое расстояние) – располагались дома церковнослужителей? А может быть правы обе версии? Т.е. в различное время члены причта проживали с семьями в разных местах. До революции их жилые дома располагались на восток от храма (“а”). Но последний служивший батюшка о. Василий Сунгуров (а, возможно, и некоторые его предшественники) в середине 1930-х гг. проживал в другом доме (“б”). В пользу этого свидетельствует заметка, напечатанная в газете в первые годы советской власти, в которой говорится о том, что прибывший в 1917 г. «*поп Величкин»,* несмотря на то, что имел собственное жилье, «*поселился в общественном доме кр-н с. Брыково*»[129]. А в следственном деле 1937 г. говорится, что священник Сунгуров был арестован в доме крестьянина Горячева, там производился обыск и была изъята личная переписка батюшки.

На самом деле вопрос о местоположении жилых домов церковнослужителей еще запутаннее, существует и третья версия. В архиве Богоявленской церкви сохранился довоенный снимок, внизу которого имеется подпись: «*За колокольней видна часть здания земского училища и дома священника*» (см. изо 9–16). Речь идет про красивое двухэтажное здание, которое видно слева на дальнем плане. Это действительно когда-то было училище (его место отмечено литерой “в” на приводимом плане). О нем подробнее поговорим в девятой главе. Но вот утверждение о том, что здесь жил священник с семьей, скорее всего, ошибочно. Здание училища после постройки принадлежало уездному земству, а не церкви и потому в нем мог проживать (и жил) светский учитель, но не священнослужитель. По крайней, так было до революции. Указанный снимок, как свидетельствует карандашная пометка в правом верхнем углу, сделан в 1936 г. В это время, судя по имеющимся данным, в здании бывшего земского училища располагалась советская школа. И представить, что в том же здании мог проживать служитель церкви, невозможно, этого бы не допустили власти. Стало быть, подпись под снимком ошибочна. Судя по шрифту, ее сделали, скорее всего, в наше время на компьютере.

Начало XX века

В 1902 г. Богоявленской храм посетил епископ (об этом сказано в клировой ведомости). Какой именно владыка приезжал и с какой целью – осталось неизвестно (скорее всего, это был викарный епископ, Дмитровский или Можайский). Можно лишь говорить о том, что владыки больше не посещали брыковский храм до революции. По крайней мере, в документах это не зафиксировано.

В описях архива ЦГАМ имеются сведения о двух делах, заведенных по случаю случившихся в Богоявленской церкви **кражах** в 1902 и 1907 гг. К сожалению, эти дела оказались утрачены, и потому подробности произошедшего установить не удалось.

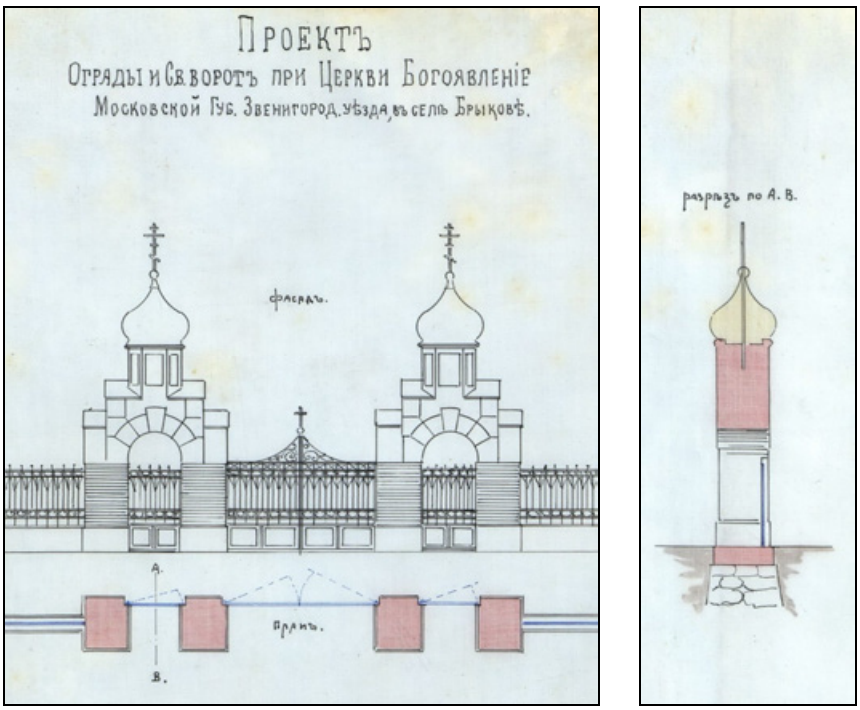
Был и третий случай воровства: «*В 1913 году кражу из церкви с. Брыкова совершили каторжане из Калуги*». Такие частые преступления в одном и том же храме можно объяснить его близостью к Виндавской железной дороге (две версты до разъезда Холщевики). Но истинная причина была в повсеместном падении нравов в России в начале XX в., стремительном росте преступности.

В архивах сохранилось несколько дел о некрупных ремонтных работах в храме.

Первое дело 1904 г. содержит проект «*на постройку, при церкви села Брыкова, Звенигородского уезда, каменной, с железными решетками и таковыми же воротами ограды*»[130]. Строительное отделение Московского губернского правления рассмотрело предложенный проект и нашло его «*составленным правильно и постройка ограды согласно онаго, в техническом отношении, может быть допущена*». Это дело ценно тем, что в нем приведен не только чертеж предполагаемой к постройке ограды, но и план земельного участка, на котором обозначены храм, школа и церковный сарай (см. изо 9–02 и приложение-9). По этому плану видно, что в прежние времена вход на территорию храма был напротив алтаря. Из служебных документов консистории стало известно о сумме, выделенной из церковной кассы на обустройство **ограды вокруг храма**: 700 руб.[131].

В 1905 г. государственные чиновники, наконец, обратили внимание на скудное существование клириков Богоявленской церкви, решено было выплачивать пособие из казны. По смете Святейшего синода в год на причт выделялась сумма 400 руб., при этом 2% сразу забирались в пенсионную кассу. Из оставшихся денег священник получал 294 руб., а псаломщик 98 руб.[132]. Эти суммы, надо полагать, выплачивались служителям ежегодно вплоть до революции (по крайней мере, в клировой ведомости 1916 г. указаны те же самые цифры).

Следующее дело датировано 1907 г. и посвящено внутренним работам в храме. В прошении причта и церковного старосты говорится: «*Трапезная церковь наша от времени и топки голландских печей порядочно закоптела, не стала иметь подобающаго дому Божию благолепия и неотложно требует следующаго ремонта: 1) промыть стенную живопись и выбелить белилами иконостасы, 2) перезолотить вновь полинявшия колонны в нижнем ярусе иконостасов, а в верхних ярусах всю резьбу промыть, и, где нужно, заправить золотом, 3) вызолотить вновь медныя ризы в обоих иконостасах на местных иконах, 4) и заменить три западных двери простой плотнической работы более прочными и изящными столярной работы с устройством вновь глухого тамбура над наружными дверями*»[133]. На все это предполагалось потратить 650 руб. церковных денег. Разрешение было получено, и указанные работы выполнены.

Изо 5–20, 5–21. Чертежи церковной ограды Богоявленской церкви, 1904.

В **страховой карточке** потом написали: «*Тамбур при церкви деревянный, длиною 1 ½ саж., шириною 1 1/3 саж., покрыт железом, имеет четыре большия окна и одну дверь; построен в 1907 году, сохранился хорошо – 70* [руб.]»[134].

Упомянутая карточка впервые была составлена для Богоявленской церкви в 1910 г., когда в духовном ведомстве вводилась практика обязательного страхования церковных построек от несчастных случаев, прежде всего от пожаров. В сохранившейся в архиве страховой карточке приведены сведения о трех подлежащих страхованию строениях в с. Брыково: каменной церкви, деревянном тамбуре и деревянном сарае (см. приложение–6). Тамбур и сарай были оценены в 70 и 30 руб. соответственно[135]. А вот разобраться с суммой страхования церкви сложнее, т.к. в документе цифры исправлялись (видимо, для разных лет), с 5.000 на 8.000 руб. (сделаны также приписки об иконостасах в 700 и 500 руб.). Причина этих исправлений становится понятной из другого документа (даты на нем нет, но, видимо, он тоже 1910 г.). Предлагалось обсудить с причтом вопрос: «*не высока ли оценка церквей и не будет ли обременительною уплата страховой премии*»[136]. Рекомендовалось понизить сумму страхования церкви «*до 5000 р.*».

В 1913 г. было подано прошение об еще одном внутреннем переустройстве Богоявленского храма. В сохранившемся документе сказано, что «*в трапезной церкви голландския печи от времени пришли в полную негодность: внутренность их выгорела и провалилась, израсцы дали трещины, отчего во время топки печей замечается в церкви дым, который вредно влияет на позолоту иконостасов и стенную живопись. Настоит неотложная нужда к осени сделать новыя печи: у западной стены две полукамерныя с притоком холоднаго воздуха для обмена воздуха в церкви и вентиляционной трубой для вытягивания сыраго воздуха из церкви, а в алтарях две железныя печи, выложенныя огнеупорным гжельским кирпичем*»[137]. По смете на материалы и работы предполагалось потратить 825 руб., в церковной кассе в то время имелось 906 руб. 61 коп. В деле Строительного отделения, посвященном этому вопросу, сохранились чертежи: план и разрез Богоявленской церкви (см. изо 5–17, 5–18). Проведение ремонта в храме разрешили, при этом местному священнику предписали, чтобы он «*озаботился охраною святых престолов во время производства работ от прикосновения к ним мирян и принял меры к соблюдению производителями работ должнаго приличия в храме*».

Сохранилась клировая ведомость Богоявленской церкви за 1916 г. Вот выдержки из этого документа: *«Жалования положено четыреста рублей. Кружечных доходов за 1916 год получено пятьсот восемьдесят руб.* […] *Дома для священно и церковно-служителей на церковной усадебной земле деревянныя построены тщанием священноцерковнослужителей в 1897 году и составляют собственность священноцерковнослужителей. Другие здания, принадлежащия церкви: церковный сарай. Состояние домов: удовлетворительное.* […] *Книги до церковнаго круга подлежащия имеются в достаточном количестве. В церковной библиотеке находится книг для чтения предназначенных 100 томов. Церковные деньги в целости за ключем церк. старосты и печатию церковною. Неподвижной суммы состоит в кредитных учреждениях 559 руб. 61 коп., а билет находится в целости* […] *Имеющиеся в приходе школы: при церкви села Брыкова Богоявленская земская школа и в сельце Зенькине земская школа»*[138].

Перед самой революцией в Брыково произошла ужасная трагедия: в апреле 1917 г. бандиты зверски убили в своем доме настоятеля Богоявленской церкви о. Петра Зверева. На его место в причт был назначен о. Василий Величкин, которого перед этим рукоположили в сан священника. Обо всем этом подробнее поговорим в следующей главе.

В декабре того же 1917 г. (т.е. спустя два месяца после большевистского переворота) от причта и старосты было подано прошение о разрешении возобновить живопись на стенах трапезного храма, а также в придельных алтарях[139]. Запрос на проведение работ был подан в Археологическую комиссию, находившуюся в Петрограде. Та в январе следующего года запросила фотоснимки Богоявленской церкви. К сожалению, никаких фото в архивном деле не оказалось. Были ли они посланы и вообще, производилось ли поновление живописи в храме – осталось неизвестно. Учитывая бурные события, происходившие в то время в стране, есть сомнение, что это было сделано.

1918–1988: Храм при советской власти, запустение

Судьба Богоявленской церкви в XX в. схожа с судьбой большинства православных храмов. В первые годы советской власти все шло своим чередом. Духовенство по-прежнему служило в своих храмах, исполняло требы прихожан. Единственно – практически сразу прекратилось преподавание Закона Божия в школах. Потом новая власть стала притеснять церковнослужителей, причем с каждым годом все сильнее, поражала их в гражданских правах. В 1930-е гг. повсеместно стали происходить репрессии служителей. Все это было и в Брыково.

Во время войны с немцами Божий дом почти не пострадал. Намного больше вреда храму принесла советская власть. К счастью, само здание в целом уцелело, хотя и оказалось к концу 1980-х в руинированном состоянии. Но уже спустя несколько лет началось возрождение святыни.

Такова история Богоявленской церкви в XX в. вкратце. Поговорим теперь об этом подробнее.

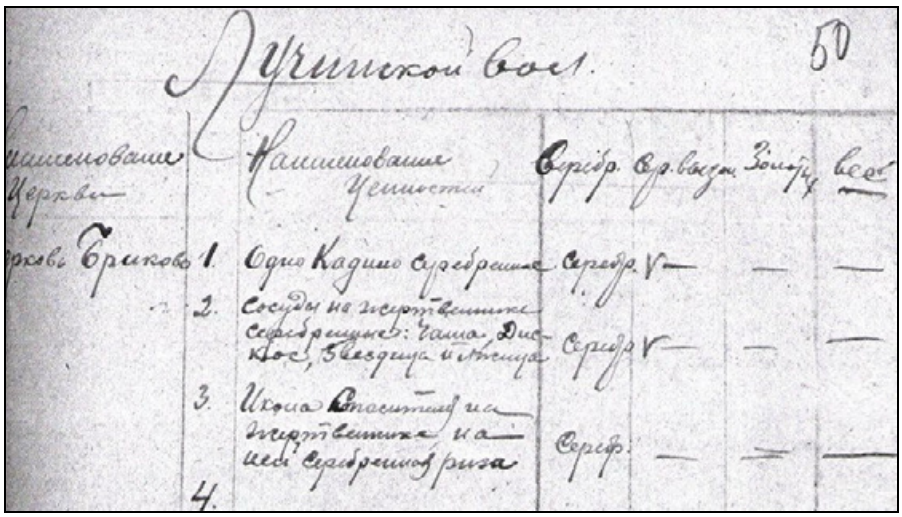
Брыковский храм в довоенные годы

Для первых лет советской власти сохранилось совсем немного документов, касающихся церквей. Тем ценнее то, что уцелело, удалось обнаружить.

В частном архиве оказалась клировая ведомость Богоявленской церкви за 1918 г. В этом документе следует выделить слова о том, что жалование причту не выдавалось и проценты с банковского капитала не выплачивались (что вполне естественно, если учесть события, происходившие в то время в стране). Как написано: «*кроме кружечного дохода ни откуда ничего не получается*». А доход сей составил 700 руб. (напомним, что двумя годами ранее было собрано 580 руб.). Эта сумма можно сказать ничтожная в условиях происходившей тогда гиперинфляции. Остается только догадываться, как тяжело жилось церковнослужителям и их семьям в то время.

В архиве ЦГАМО обнаружена «*Опись храма и утвари церковной*» Богоявленской церкви 1918–1921 гг. Такие документы составлялись по инициативе советской власти с целью поставить на учет все имевшиеся материальные ценности в храмах. Указанное архивное дело очень важно для истории. Выше уже говорилось, что не удалось найти описи двух боковых приделов Ильинского и Никольского. В данном документе их описания имеются, правда, в кратком виде. В приложении–6 приведена полная версия документа, вот выдержки из него:

«Иконостас в холодном храме из трех ярусов. Царския двери. Вся живопись без риз писаны масляною краскою. Пред Иконостасом четыре больших подсвечника медныя высеребрянныя. Два клироса деревянных: на правом клиросе Икона Скорбящия Б. Матери в киоте без ризы за стеклом. На левом клиросе Икона Серафима Саровскаго без ризы, но с резьбой золоченой. Пред ними четыре подсвечника медныя высеребренныя. По стенам живопись писана маслеными красками. […] *Большая паникадила с 27 местами для свеч медная вызолоченная.* […] *В этом храме находится выносная плащаница деревянная.* […] *В теплом храме в правой стороне придел во имя Св. Пророка Божия Илии.* […] *В алтаре печь контромарка.* […] *В левой стороне теплаго храма придел во имя Св. и Чудотворца Николая.* […] *По стенам Алтаря живопись из масленной краски.* […] *Церковный сарай деревянный, крыт железом. Сторожка, в ней находятся: калун, топор, ведро, деревянный стол, две скамейки*»[140].

Изо 5–22. Список изъятых церковных вещей (начало), 1922.

Как видно из текста, переписано все мало-мальски ценное, вплоть до топора и ведра.

Очень скоро эти сведения большевикам потребовались. В **1922 г.** по всей стране производилось изъятие ценностей «*в Гохран в фонд помощи голодающим*». Не миновала сия участь и Богоявленскую церковь. В акте, состав-

ленном 3 мая, перечислены вещи, которые были изъяты властями из храма: «*кадило (одно), чаши (две), дискосов (два), тарелочки (четыре), лжицы (две), ковши (один), звездиц (две), риз (одна), напрестольный крест (один)*»[141]. Под документом стоит подпись «*Представ. верующ. Василий Величкин*» (так был именован настоятель, служивший в то время в храме).

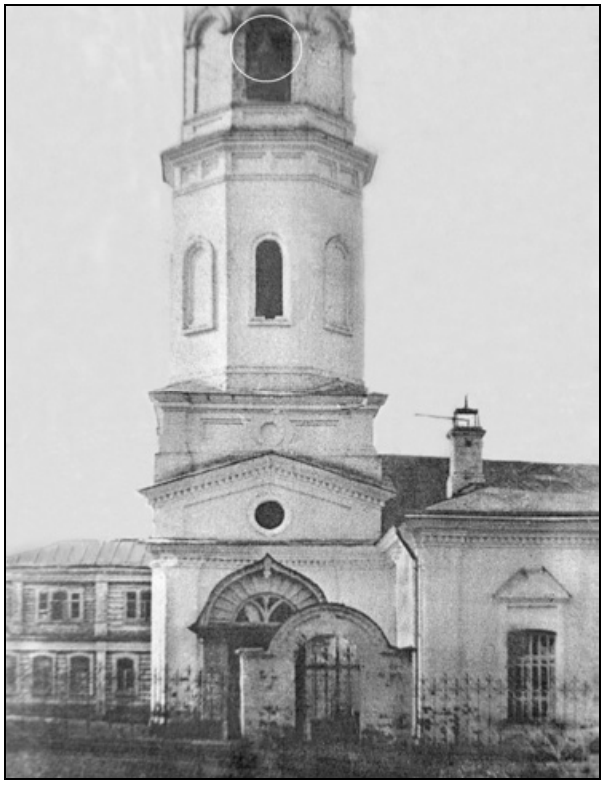
В апреле-мае 1924 г. в Богоявленском храме работали художники из г. Воскресенска (Истры) Строевы[i] (вероятно, поновляли роспись на стенах храма)[142].

Через два года с общинами действующих храмов местные органы власти заключили договора, в которых были оговорены правила использования и охраны церковных зданий. 20 мая 1926 г. Воскресенский уездный исполнительный комитет заключил договор с религиозной общиной верующих с. Брыково[143]. К сожалению, в архивном деле сам текст договора отсутствует.

В следующем году Московским отделом народного образования был составлен список архитектурных памятников, находящихся на территории Воскресенского района. В него была включена и «*церковь "Богоявления" в с. Брыково*»[144] (правда, историческое описание было составлено с ошибками). Увы, подобная мера не уберегла Божий дом от разорения.

1937: Закрытие Богоявленского храма

Еще до войны власти начали повсеместно снимать колокола с церквей и отправлять их на переплавку. Та же участь постигла и храм в Брыково. Однако осталась неизвестна дата, когда это точно произошло. Постановление Совнаркома СССР «*Об изъятии колоколов церквей в целях использования их для снабжения промышленности цветными металлами*» вышло 30 октября 1930 г.

Изо 5–23. Богоявленская церковь, слева школа, вид с юга, 1936, (архив храма).

Но, по всей видимости, кампаны сняли с Богоявленской церкви далеко не сразу после выхода этого постановления. По крайней мере, на фотографии, датированной 1936 годом, на верхнем ярусе колокольни можно разглядеть нечто похожее на колокол (для наглядности обведен кружком).

В следующих главах будет рассказано о настоятелях Богоявленской церкви, служивших при советской власти. Это о. Василий Величкин, о. Иоанн Колобашкин, о. Василий Сунгуров. Последний священник был арестован в конце августа **1937 г.,** и после этого настоятеля в храме уже не было. С этого времени Богоявленский храм не действовал[ii]. Хотя подтверждающих исторических документов о его закрытии не обнаружено, но, скорее всего, так оно и было. Такова была практика местных властей: когда храм оставался без настоятеля, его обычно вскоре закрывали и опечатывали, либо использовали для каких-то своих целей.

Война и послевоенные годы

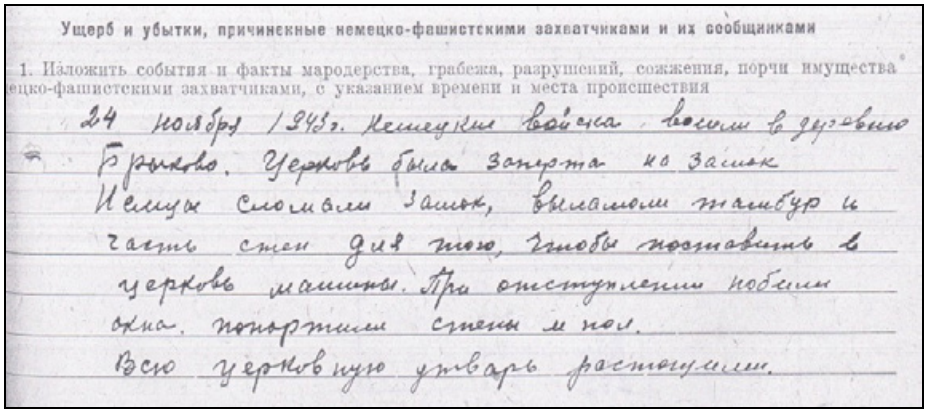
Во время наступления немцев на Москву осенью **1941 г**. Брыково временно оказалось в зоне оккупации, враг находился здесь около трех недель. Богоявленская церковь попала в зону боевых действий. Как написано в книге "Истринская земля": «*на колокольне находились наши автоматчики, обстреливавшие дорогу; враги ответили огнем из пушки*»[145]. В архиве храма имеется такая информация: «*Один из снарядов попал в колокольню, оставив большую пробоину*». Пробоина от снаряда между двумя верхними ярусами колокольни видна на послевоенных фотографиях храма.

---

[i] Михаил Степанович Строев ныне прославлен, входит в Собор новомучеников земли Истринской.

[ii] В энциклопедии "Истринская земля" говорится, что храм закрыли в 1937 или 1939 г., первоисточники информации при этом не приведены.

В **1943 г**. в Московской области собирались сведения о вреде, который нанесли оккупанты народному хозяйству. Комиссия в составе «*председателя Брыковского Сельского Совета Булочникова Василия Павловича, секретаря Сельского Совета Колобашкиной Вере Филипповне, от верующих – Шестеркиной Марии Ивановне из деревни Брыково*» составили акт осмотра «*церкви в деревни Брыково*». Вот что в нем было написано: «*24 ноября 1943 г.* [ошибка, должно быть 1941 – Авт.] *немецкие войска вошли в дер. Брыково. Церковь была заперта на замок. Немцы сломали замок, выломали тамбур и часть стен для того, чтобы поставить в церковь машины. При отступлении побили окна, попортили стены и пол. Всю церковную утварь растащили*»[146].

Ущерб и убытки, причиненные немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками

1. Изложить события и факты мародерства, грабежа, разрушений, сожжения, порчи имущества немецко-фашистскими захватчиками, с указанием времени и места происшествия

24 ноября 1943 г. Немецкие войска вошли в деревню Брыково. Церковь была заперта на замок. Немцы сломали замок, выломали тамбур и часть стен для того, чтобы поставить в церковь машины. При отступлении побили окна, попортили стены и пол. Всю церковную утварь растащили.

Изо 5–24. Акт об ущербе Богоявленской церкви (фрагмент), 1943.

В акте также приведен перечень уничтоженного, разграбленного и поврежденного имущества, а также оценка нанесенного ущерба: каменное здание церкви – 14.000 руб. (уничтожена внутренность); иконостасы – 15.000 руб.; подсвечники, паникадила – 2.000 руб. Общая стоимость составила 29.000 руб. По сравнению с некоторыми другими храмами Истринского района вред был нанесен относительно небольшой[i]. Судя по размеру ущерба и отсутствию в акте сведений о серьезных повреждениях здания, можно сделать вывод, что во время боев Богоявленская церковь пострадала не сильно. В отличие от школьных построек.

В интернете был обнаружен фотоснимок здания храма (изо 5–25), датированный 1945 г. Эта дата вызывает сомнение и вот почему. Видно, что фотография сделана с высокой точки. Такой точкой для съемки могла быть двухэтажная средняя школа, построенная в 1955 г. И тогда выходит, что не раньше времени строительства данной школы и был сделан указанный снимок.

Что стало с Богоявленским храмом в дальнейшем? Удалось установить отдельные эпизоды его послевоенной истории. В Истринском архиве в протоколах заседания Брыковского сельсовета (потом он стал именоваться Букаревским) были найдены краткие упоминания о местной церкви.

Первое из них относится к апрелю **1948 г**., когда обсуждался вопрос об открытии клуба в Брыково. В протоколе заседания сельсовета было записано: «*Учитывая, что Брыковская церковь с 1932 г. не функционирует, в период великой Отечественной войны 1941–1945 г. разбита и пришла в исключительную ветхость, просить исполком Райсовета решить вопрос о передачи полуразрушенного здания церкви в распоряжение Брыковского сельского совета для оборудования под клуб*»[147]. Было принято решение: «*просить исполком Истринского Райсовета Депутатов трудящихся отпустить из средств Культотдела района десять тысяч рублей на ремонт клуба*».

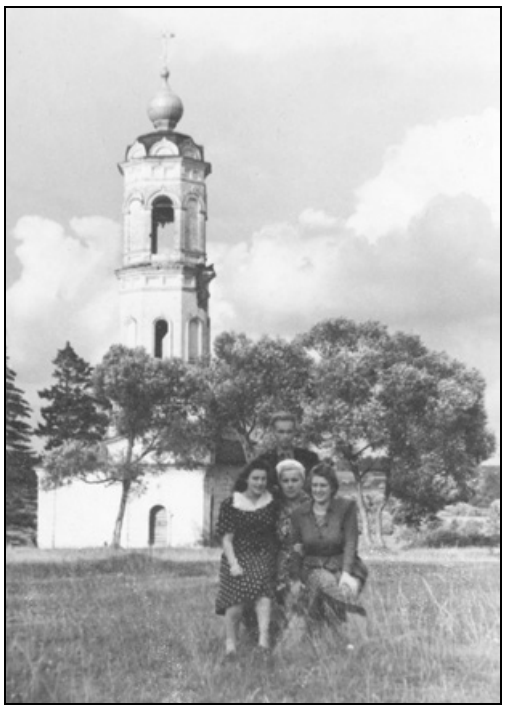
Что на это сказать? Понятно желание использовать пустующее здание под культурные нужды. В условиях масштабных разрушений, нанесенных войной, и дефицита стройматериалов, наверное, это было логичное решение местных властей. А вот почему в протоколе написано, что «*церковь с 1932 г. не функционирует*» – не понятно. Как далее будет рассказано, в Богоявленской церкви в 1935–1937 гг. служил священник Василий Сунгуров. Значит, храм в то время не был закрыт.

Второе упоминание о храме относится к февралю **1951 г**. В протоколе заседания исполкома Брыковского сельсовета записано, что поступило «*ходатайство колхоза имени Кирова о передаче в их пользование здания бывшей Брыковской церкви под клуб*»[148]. Председатель колхоза М. И. Андрианов заявил, что «*оборудование помещения под клуб будет произведено с помощью средств и рабсилы шефской организации завода "Каучук"*». Было решено поручить председателю Брыковского сельсовета П. И. Комарову «*аннулировать договор с Глебовской Птицефабрикой на арендное*

[i] В том же документе приводятся цифры ущерба, нанесенного храмам в селах: Дарна – 578.000 руб., Еремеево – 490.000, Юркино – 560.000.

Изо 5–25. Богоявленская церковь, вид с запада, 1945 (кон. 1950-х?).

Изо 5–26. Учителя Брыковской школы у Богоявленской церкви, 1960-е (?)

помещение здания быв. Брыковской церкви с 15.3.1951», чтобы открыть клуб к 1 мая.

Это решение хотелось бы прокомментировать. Коль скоро вновь был поднят вопрос о клубе, то, очевидно, в 1948 г. не удалось его решить (возможно, в районе не смогли найти нужных средств). Тогда церковное здание было передано в аренду птицефабрике. Спустя три года решили открыть клуб собственными силами, а точнее путем привлечения шефской организации из Москвы. Но, очевидно, и тут постигла неудача. Нет ни одного документа, подтверждающего, что в брыковской церкви работал клуб. Что-то не срослось у инициаторов этой идеи.

Третье упоминание о церкви относится к марту **1960 г**. В протоколе записано: «*В виду того, что находящиеся на балансе Букаревского сельского Совета бывшие церкви не представляют исторической ценности, на протяжении многих лет приходят в ветхость, решили: 1) Предложить в первую очередь правлению колхоза им. Кирова и администрации Глебовской птицефабрики закупить у сельсовета бывшие церкви в д. Глебово и с. Брыково по балансовой стоимости: а) Брыковская церковь – 15 т.р.; б) Глебовская церковь – 10 т.р.*»[149].

Очевидно, церковное здание в Брыково было выкуплено Глебовской птицефабрикой в свою собственность, т.к. оно потом оказалось на ее балансе. В 1960-х – 1970-х гг. в бывшем храме и на его территории располагалась тракторная мастерская этого предприятия[i]. В то время продолжилось разрушение церковного здания. В стене трапезной сделали пролом для заезда машин внутрь бывшей трапезной (вполне возможно, что пролом появился раньше во время войны – о сломе части стены говорилось в акте 1943 г.). На приводимом снимке (изо 5–27) видны большие деревянные ворота на южной стене трапезной. Со временем оказались разрушены не только стены, но и своды храма, уничтожены старинные захоронения около церкви. Рядом образовалась свалка мусора.

1976: Паспорт Министерства культуры

Министерством культуры Московской области в 1970-е годы составлялись так называемые Паспорта на памятники архитектуры региона. Был составлен такой документ и на Богоявленскую церковь. Этому предшествовали выезды специалистов на место, осмотр состояния здания, его обмеры и фотофиксация. Техническое состояние храма в Брыково в целом оценивалось как «*среднее*».

[i] В книге “Святыни Истринской земли” на стр. 91 написано, что «*в 1930-е гг. здание использовалось под машинно-тракторные мастерские и кузницу*». Это неверное утверждение, т.к. перед войной в здании храма оставалось еще церковное имущество и иконостасы, что следует из акта 1943 г.

При этом отмечалось, что на охране памятник не стоит[i]. Балансовая принадлежность: «*Тракторный парк Глебовской птицефабрики*».

Изо 5–27. Тракторный парк на территории Богоявленской церкви, вид с юго-востока, 1976.

В Паспорте приведены общие сведения о памятнике и его состоянии на **1976 г**.: «*Скромная усадебная церковь в стиле позднего барокко выстроена владельцем усадьбы Ф.П. Квашниным-Самариным. Здание кирпичное. От церкви XVIII в. остался бесстолпный двухсветный одноглавый четверик с восьмичастным сомкнутым сводом и удлиненный прямоугольный с апсидальным выступом алтарь. На месте аналогичного ему притвора в 1876 г. выстроена обширная двухпридельная трапезная с крестовыми вспарушенными сводами и столпообразная трехъярусная колокольня. В наружном сдержанном декоре пристроек использованы псевдорусские, барочные и классицистические мотивы. Внутренние убранство утрачено. Колокольня, видимая издалека, играет организующую роль в природном ландшафте».*

На приводимой фотографии из Паспорта наглядно видно плачевное состояние сельского храма. Но худшее было еще впереди. Если при осмотре здания специалистами из министерства культуры еще оставались купола и кресты на церкви и колокольне, кровля выглядела целой, еще висели двери и виднелись рамы окон, то многого из этого здание лишилось в последующие годы. После выезда тракторной мастерской в конце 1970-х гг., храм оказался фактически бесхозным, его никто не охранял, пустующее здание оказалось во власти вандалов. Некоторые местные жители начали разграбление того, что в нем еще осталось пригодным для личного хозяйства. В газете потом написали: «*А с 75 по 90 гг.* [1975–1990] *жители окрестных сел и деревень растаскивали церковь по кирпичику, пока она не превратилась в руины – разобрали своды, стены, алтарь; надгробные плиты использовали в бытовых нуждах; исчезли иконы – из одной сделали мостик через ручей (хорошо, что положили ликом вниз: когда ее нашли, то местный мастер смог отреставрировать)*»[150]. В другой книге написано: «*В 1970-е годы полностью утрачены все кровли и завершения, а также проломлены и обрушены своды трапезной*»[151].

В видеофильме, снятом прихожанами в наше время[ii], приводятся слова местного старожила, который вспоминал, что в храме «*были хорошие голубые полы с лаком*». Но однажды этого человека положили на несколько недель в больницу. А когда он вернулся домой, то увидел, что в храме уже не было полов. Кто их выломал и утащил – осталось неизвестно. На этом разорение Богоявленской церкви не закончилось, наоборот, только начиналось. На территории храма паслась домашняя скотина. На месте поруганной святыни стала мерзость запустения.

На фотографии, сделанной в следующем десятилетии, наглядно видны негативные изменения во внешнем облике храма. Это были последние годы существования СССР, и указанный снимок является

---

[i] Это довольно странно, т.к. ранее говорилось о включении Богоявленской церкви в списки памятников архитектуры 1920-х гг. Это вполне логично, учитывая время постройки храма (середина XVIII в.). Наверное, те довоенные списки были неофициальными, коль скоро о них полвека спустя уже не помнили.

[ii] Видеофильм несколько лет назад предоставил нынешний настоятель Богоявленской церкви о. Андрей Васильев. В нем несколько сюжетов с рассказами и интервью, снятыми в разное время (на одном из них проставлен год 2001). Сам фильм, вероятно, был смонтирован в 2008 г.

Изо 5–28. Руины Богоявленской церкви[152], вид с севера, фотограф А. Агафонов, 1987.

убедительным свидетельством того, во что превратилось красивое старинное здание Богоявленской церкви при советской власти. Его остатки вполне можно было уже называть руинами. Как будто кто-то умышленно пытался стереть из памяти людей веру в Бога. Прежде село имело двойное название: «*Богоявленское, Брыково тож*». После революции никто уже не вспоминал о первой божественной части названия. Да и от самого с. Брыково осталось всего несколько домов, остальные здания относятся к Красному поселку, который начал строиться в 1940 г. вдоль дороги на ст. Холщевики.

1988–2024: Возрождение Богоявленской церкви

Всякому произволу рано или поздно приходит конец. Долгие десятилетия безбожия в нашей стране миновали и на смену им пришли другие времена. Наступила горбачевская Перестройка.

1988–1989: Консервация церковного здания

В **1988 г.** Глебовская птицефабрика, по вине которой во многом Божий дом пришел в такое плачевное состояние, решила начать восстановление зданий полуразрушенных церквей в ближайшей округе. В районной газете было опубликовано интервью с парторгом Ю. В. Савельевым, в котором он рассказал о планах предприятия. Публикация эта во многом уникальна, в ней описан самый начальный этап восстановительных работ, поэтому цитата приводится большая:

«— Юрий Васильевич, прежде всего как пришло это решение. Ведь никому сейчас не секрет, что у нас слишком много везде „дыр", которые нужно „латать", а средств не хватает.

— Думаю, многие наши сегодняшние беды от того, что в первую очередь занимались латанием „дыр" в экономике, а уж потом думали о воспитании, истории, культуре. Глебовцы всегда с болью смотрели на то, как рушатся памятники истории. Их-то и осталось так мало, что по пальцам можно сосчитать. Поэтому часто на партсобраниях, профсоюзных конференциях, да и просто в парткоме люди задавали вопросы: „Когда приведем в порядок церкви, которые расположены у нас под боком?"

Каждый день многие из них ходят мимо Казанской церкви, что в Глебове. В Брыкове тоже стоит памятник — церковь Богоявления, в Филатове есть древняя постройка — церковь Рождества Христова. Для нас они не культовые строения, а народные памятники. Поэтому давно руководство объединения взялось за эту работу. Был составлен проект. И часть объема по проектированию была выполнена. Но тогда работа затормозилась...

— Значит, это уже вторая попытка восстановить памятники архитектуры? Кто на нее подтолкнул?

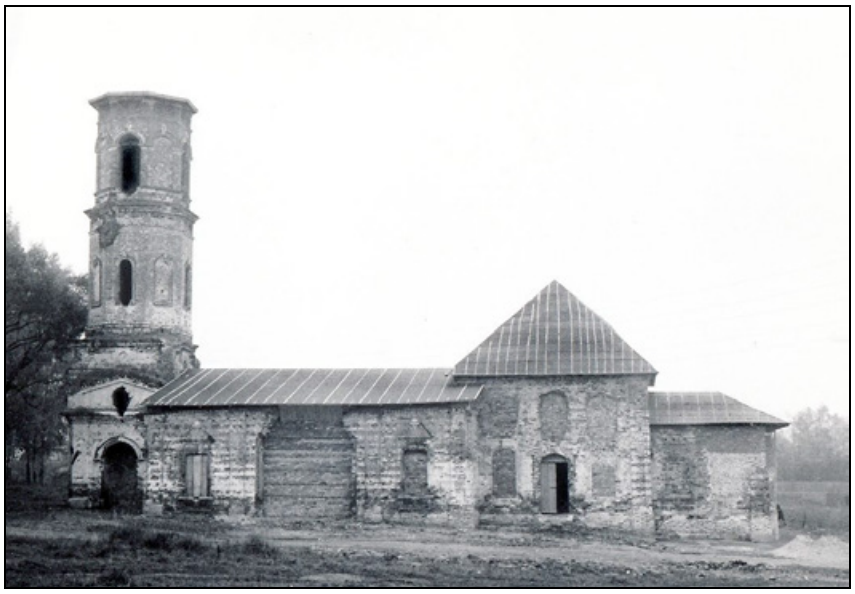
— Общество охраны памятников истории и культуры района нас, конечно, критиковало за состояние этих трех памятников. Но, думаю, главное все же не это. А осознание нашего долга перед будущими поколениями.

Когда предприятие получило право распоряжаться своими средствами по усмотрению, сразу встал вопрос о работах по реставрации. Правда, были и отдельные возгласы: „А зачем сейчас это надо?" Но подавляющее большинство глебовцев мыслят здраво и правильно.

Поэтому после обсуждения в коллективе в начале 1987 года был заключен новый договор со специализированной организацией Московского областного правления Всесоюзного научно-технического общества строительной индустрии на проектирование и реконструкцию трех объектов. […]

— Все три объекта основательно обследованы. И договор заключался, исходя из реальной ситуации, причем он будет возобновляться каждый год. Начали с проекта на реставрацию. На нынешний год по договору на эти цели выделено 100 тысяч рублей. […]

На церкви Богоявления в деревне Брыково проведены консервационные работы. Она очищена от мусора, битого кирпича, всевозможного хлама как внутри, так и снаружи. Реставраторы ее закрывают крышей, чтобы получше сохранить до начала больших работ. Сейчас на этой церкви будет освоено 20 тысяч рублей. […]

Изо 5–29. Богоявленская церковь после выполнения консервационных работ, вид с юга, фотограф А. Агафонов, 1989.

— И последний вопрос: что планируется разместить в отреставрированных памятниках?

— Разговор об этом еще предстоит. Вопрос не решен. Но я думаю, в Казанской церкви можно было бы разместить небольшую картинную галерею... Церковь Богоявления была раньше приходской, ее помещение побольше. И какой чудный бы получился концертный зал! Но это только мои мысли. А окончательное решение будет принято сообща»[153].

Вот так: местные руководители планировали возрождать не храм для молитвы, а использовать церковное здание для других целей. Но, как говорится, и на этом спасибо, т.к. Божий дом в то время просто погибал. Работы решено было начать с соседней Казанской церкви в Глебово, наверно потому, что она была ближе к птицефабрике. Пригласили бригаду строителей, которые работали три сезона и многое успели сделать (об этом подробно рассказано в другой книге автора[154]). При этом не забыли и о Брыково: в 1989 г. выполнили противоаварийные и консервационные работы на здании храма: замуровали проемы, сделали временную крышу. Это хорошо видно на снимке того времени.

1990–1991: Передача храма церковной общине, назначение настоятеля, первая служба

В **июне 1990 г.** церковное здание передали местным жителям, верующим людям. В районной газете была напечатана заметка, в которой среди решений исполкома Истринского горсовета было и такое: «*Рассмотрев заявление граждан поселка Красный Букаревского сельского Совета, исполком горсовета согласился с регистрацией религиозного общества верующих, принадлежащих к православному вероисповеданию, этого населенного пункта. Принято решение передать религиозному обществу здание церкви Богоявления, расположенной в п. Красный*»[155].

Первое важное дело было сделано. Теперь надо было найти настоятеля, который мог бы совершать богослужения в храме. Как написано в другой газете: «*в 90-м году жители поселков Глебовский, Красный, дер. Дедёшино, Холщевики выбрали актив и послали его в Епархию с просьбой назначить настоятеля в храм Богоявления*»[156]. И, несмотря на острый дефицит кадров, священноначалие пошло навстречу пожеланиям верующих. Так произошло еще одно знаковое событие в истории Богоявленского храма: **19 ноября 1990 г.** в него был назначен настоятелем священник Андрей Борисович Васильев (его рукоположение в сан состоялось за две недели до этого). Молодой иерей, которому было 35 лет, приехал возрождать старинный полуразрушенный храм в подмосковном селе.

Следующий год также оказался очень важным в истории Божьего дома. Как вспоминает о. Андрей, в самом его начале в январе на праздник Рождества Христова состоялся первый молебен, его отслужили во дворе храмовой территории. 4 февраля из епархии был получен святой антиминс. И вскоре **31 марта 1991 г.** на праздник Входа Господня в Иерусалим была отслужена первая литургия. Более полувека стены церкви села Брыково не слышали молитвы и славления Господа! Так открылась новая страничка в истории Богоявленского храма.

Начало работ по восстановлению Божьего дома

В 1991 г. птицефабрика прекратила финансировать работы по реставрации Казанского храма в Глебово. Оставшуюся без работы бригаду строителей во главе с Александром Чернышевым пригласил о. Андрей, предложил восстанавливать храм в Брыково. Один из членов этой бригады Валерий Иванович Неведров вспоминал, как ходил на расположенный поблизости в Холщевиках хлебокомбинат, пытался убедить его руководство в необходимости помогать восстановлению Богоявленской церкви. И это удалось, помощь стала поступать. Как потом рассказывал Неведров, они установили в храме временный деревянный потолок, чтобы сверху не падали обломки штукатурки и кирпичей. Позже настоятель храма о. Андрей Васильев решил сменить бригаду строителей и работу продолжили другие люди. В работах принимала участие архитектор М. Ю. Горячева. Настоятели действующих храмов Истринского района – о. Георгий Тобалов и о. Руф Поляков – пожертвовали для нового прихода иконы Николая Чудотворца и Спасителя.

В результате неустанных трудов настоятеля о. Андрея и многих его помощников, строителей Богоявленская церковь стала первым действующим храмом в этом уголке Истринского района. Работы было еще много, здание находилось в полуразрушенном виде. Но временная крыша имелась, окна и двери были вставлены, молиться было можно. В храме регулярно совершалась Божественная литургия.

Это были, пожалуй, самые трудные годы в истории возрождения храма Богоявления Господня. Верующим людям хотелось как можно скорее восстановить святыню. А возможностей для этого было мало, собственных ресурсов не хватало. Страна погружалась в жесточайший экономический кризис, помощи ждать было неоткуда.

Но помимо финансовых трудностей были и другие проблемы. В среде духовенства остро ощущался кадровый голод. В 1992 г., в интервью местной газете благочинный Истринского округа о. Георгий Тобалов сказал: «*Еще одной проблемой новых приходов является отсутствие священнослужителей. К сожалению, духовные учебные заведения не могут обеспечить сейчас своими выпускниками все вновь открывающиеся храмы*»[157]. Поэтому священников назначали настоятелем сразу несколько храмов. Это коснулось и о. Андрея. Ему по благословению священноначалия помимо Богоявленского храма пришлось окормлять верующих соседних приходов, пока в них не были назначены свои настоятели. Так в 1992 г. он по совместительству стал настоятелем Казанской церкви в Глебово, а в 1997 г. – еще и Христорождественского храма в Филатово. Естественно, у батюшки не хватало времени и сил, особенно учитывая, в каком тяжелом состоянии все храмы находились. Основное внимание настоятель уделял восстановлению Богоявленской церкви.

Примерно в 1992 или 1993 г. от Сергея Викторович Грицая были пожертвованы шесть колоколов, вес самого большого превышал 200 кг.

Путь возрождения храма был тернистым, случались чрезвычайные происшествия. Так по воспоминаниям о. Андрея в 1996 или 1997 г. в восстанавливаемом церковном здании случился пожар. Загорелся тамбур при входе, пострадала крыша над алтарем. И когда тушили огонь, вода попала на антиминс. Батюшка потом высушил священный плат и еще много лет служил на нем.

Но, не взирая ни на какие препятствия, работы по восстановлению Богоявленской церкви не прекращались. Фотографии, приведенные в приложении–9, это наглядно показывают.

В 2002 г. в местной газете вышла статья, в которой рассказано, как возрождался храм в Брыково:

«*И закипела работа: прихожане начали восстанавливать свою церковь, собирались после рабочего дня и в выходные: убирали, расчищали, строили. Работали всем миром, но особенно старались старики и молодежь. Сначала, чтоб была возможность проводить службы, положили временную крышу, забили стекловатой дырки и оконные проемы, настелили пол из нестроганых досок. Один селянин принес со своего чердака Распятие, сильно испорченное – росписи видно не было. Распятие поставили в углу церкви... И вдруг во время Херувимской, к великому удивлению и радости прихожан на нем стали проступать изображения: сначала появились стопы, потом постепенно и все остальное. Батюшка для реставрации отвез Распятие в Москву, долго не мог найти мастера – не хотели браться, уж слишком оно было повреждено. Наконец, нашелся художник Николай Чулков, который после двух лет кропотливой работы восстановил Распятие. Теперь оно в храме, на своем месте. Выкопали около храма колодец на месте, где его наметили, о.*

Андрей с молитвой три раза копнул землю лопатой. Теперь в колодце бьют три ключа – видно, как в глубине в трех местах струится вода. […] *Община храма во главе с о. Андреем благодарит за помощь ООО "Кванта", Администрации района и Букаревского округа*»[158].

В другой публикации написано: «*К 1999 году храм был в значительной степени восстановлен, поставлен двухярусный иконостас*»[159]. Тогда же были обнаружены две надгробные плиты с захоронений помещиков Квашниных-Самариных (об этом рассказывалось во второй главе).

В 2005 г. РПЦ в лике новомучеников был прославлен последний священник Богоявленский церкви о. Василий Сунгуров. Об этом святом подробно поговорим в седьмой главе.

В настоящее время Богоявленский храм полностью восстановлен.

Изо 5–30. Богоявленская церковь с. Брыково, вид с юга, 2017, (GPS 55.93725, 36.71918).

Святые образа

В истории возрождения Богоявленской церкви случалось немало удивительных, запоминающихся событий, о некоторых уже говорилось выше. Теперь настала пора рассказать о том, как в родной храм вернулись святые образа.

В видеофильме прихожан, о котором уже говорилось, есть сюжет об одной удивительной и поучительной истории. Речь идет о том, как уже в наше время была обретена (причем дважды!) икона Богоявления Господня, прежде находившаяся в брыковском храме. Вот рассказ местного жителя:

«*Икона Богоявления исчезла из храма 60 лет назад и весной 1942 года была найдена на берегу безымянного ручья, что протекал за храмом. Икону вынесли из храма, видимо, тогда, когда в селе были немцы (т.е. в декабре 1941 года). Икону нашел местный парнишка Гена Арбатов. Как он рассказывал, икона лежала ликами вниз на льду и часть ее замерзла. Она видимо пролежала на льду всю зиму. Гена ее раскачал и вынул, она вся была мокрая. И не мог ее унести домой, позвал на помощь. Икона была найдена еще до весеннего паводка. А если бы он случился, то икону бы унесло (вода заливает весь овраг). Это было первое обретение иконы. Потом кто-то из родни, видимо, забрал эту икону. Долгое время не было иконы. А затем тот же Гена находит*

Изо 5–31. Старая икона Богоявления Господня, 2017.

икону во второй раз. Находит ее на берегу другого ручья – его прежде называли Татарский. Икона была в ужасном состоянии. Какие-то ребята, не понимая, что делают, икону превратили в мишень и расстреливали ее из мелкокалиберного ружья. Сделали 12 дыр. Целились в лики (три дыры было на лике Иоанна Крестителя, и две – на лике Иисуса Христа). А потом выстрелили также из дробового ружья, все было в мелких отверстиях. Кто-то отпилил верхнюю часть иконы, т.к. она видимо не помещалась у кого-то до потолка. А теперь после реставрации икона снова в своем доме, в храме».

Эта видеозапись многое открыла, но и поставила ряд новых вопросов. В рассказе не говорится, когда случилось второе обретение иконы, когда она была передана в храм. Интересно, что в описи брыковской церкви, составленной в 1862 г., упоминаются две иконы Богоявления Господня. Но по размерам более-менее подходит только одна: «*п.13.5. Против праваго клироса образ Богоявления Господня о шести ликах с изображением Св. Духа, живописный, верх полукруглый, вышины 1 аршин 9 вершков*»[160]. Если перевести в современное измерение, то это 131 см. А у найденной на ручье иконе размеры 121 на 63 см. Как видим – описание и размеры в целом соответствуют спасенной святыне. За исключением формы: в описи сказано, что у образа «*верх полукруглый»,* тогда как сохранившаяся икона прямоугольная. Это расхождение можно объяснить так: как сказано в видеозаписи, верх у иконы был отпилен. Неизвестно, попала ли отпиленная часть к реставратору, специалист мог и не знать о первоначальном облике иконы. И потому после реставрационных работ образ принял другую форму. Таким образом, можно уверенно говорить, что обретенный образ Богоявления Господня действительно до революции находился в брыковской церкви.

В том же видеофильме есть еще один интересный рассказ о небольшой иконе Казанской Божией Матери, он датирован 2001-м годом. Происхождение этого образа неизвестно, его кто-то принес в храм, возможно, он не из Богоявленской церкви. Икона до поры просто лежала, т.к. была темная, различим был только лик Богородицы. Когда ее взяла домой одна из прихожанок храма, на ней постепенно стало проявляться изображение. После этого образ вернули в Богоявленскую церковь. И изображение на иконе окончательно просветлилось.

Помимо упомянутой выше иконы Богоявления в брыковскую церковь были возвращены еще три старых образа. Один из них довольно большой по размерам, на нем изображена Святая Троица. К сожалению, о нем пока ничего неизвестно (в описи 1862 г. подходящей иконы нет). Про два других образа можно говорить более определенно. По сохранившимся записям на обратной стороне досок установлено, что они принадлежали настоятелю Богоявленской церкви о. Михаилу Михайловскому. Об этих иконах, их возвращении в родной храм подробнее погорим в следующей главе.

Памятные события последних лет

Среди событий, происходивших в последние годы, стоит выделить, следующие.

Летом **2017 г**. было завершено строительство нового храма-часовни в реабилитационном центре, находящемся в дер. Хмолино. Этот небольшой Божий дом был освящен **12 июля** в честь святителя Луки Войно-Ясенецкого (Крымского). Решением священноначалия он приписан к Богоявленской церкви, о. Андрей в нем регулярно проводит богослужения. Подробный разговор о храме в Хмолино пойдет в восьмой главе.

14 июля 2023 г. в Брыково приехал архиепископ Одинцовский и Красногорский Фома, слу-

жил литургию. Позднее на сайте Московской митрополии появилось такое сообщение: «*Это было первое архиерейское богослужение со дня основания храма. Высокопреосвященнейшему Владыке сослужили: благочинный Истринского благочиннического округа протоиерей Сергий Еремин; настоятель храма протоиерей Андрей Васильев; духовенство Одинцовской епархии Истринского благочиния. На Малом входе за усердные труды на благо святой Церкви настоятель храма протоиерей Андрей Васильев был удостоен Патриаршей награды: ПРАВА СЛУЖЕНИЯ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ С ОТВЕРСТЫМИ ЦАРСКИМИ ВРАТАМИ ПО “ОТЧЕ НАШ...”*»[161]. На том же сайте были размещены фотографии.

В приведенной цитате, возможно, имеется неточность. До революции в Брыково неоднократно приезжали викарные епископы. В документах зафиксированы визиты в 1836 и 1902 гг. Правда, в исторических текстах не сообщается – служили ли владыки в местном храме.

Служба владыки Фомы в Богоявленской церкви оказалась не последней. Менее чем через год он вновь приехал в Брыково, чтобы освятить храм Великим чином. Надо сказать, что это удалось сделать только с третьего раза, два предыдущих анонсированных его визита почему-то в последний момент отменялись. На сайте Московской митрополии потом появилось такое сообщение:

«***6 июня 2024 г.**, в день памяти блаженной Ксении Петербургской, архиепископ Одинцовский и Красногорский Фома совершил Великое освящение Богоявленского храма в поселке Красный г. о. Истра и Божественную литургию в новоосвященном храме. Его Высокопреосвященству сослужили: благочинный Истринского церковного округа протоиерей Сергей Еремин; настоятель Богоявленского храма протоиерей Андрей Васильев; Духовенство Истринского благочиния.* […] *По окончании Божественной литургии Владыка Фома вручил Патриаршие и епархиальные награды особо потрудившимся во славу Божию в деле восстановления храма*»[162].

На этом рассказ о Божьем доме в с. Брыково завершен. Желающие более углубленно ознакомиться с его историей смогут найти дополнительные исторические материалы в приложении. В следующих главах поговорим о людях, служивших в Богоявленской церкви.

Изо 5–32. Литургия в Богоявленской церкви. В центре владыка Фома, справа от него благочинный Истринского округа прот. о. Сергий Еремин, слева настоятель храма прот. Андрей Васильев. На переднем плане клирики Истринского благочиния, 2023.

Основные события в истории Богоявленского храма

1697–1770?	I. Строительство деревянной церкви, служение в ней
1697	«*по указу святейшаго патриарха*» Андриана стольнику Андрею Никитичу Квашнину-Самарину выдано разрешение на постройку церкви Богоявления Господня в его вотчине в сельце Брыково Войнической волости Рузского уезда.
1698, 14 сент.	Выдан антиминс в построенную деревянную церковь.
1698	Освящение Богоявленской церкви в с. Брыково.
ок. 1699	Умер храмоздатель А. Н. Квашнин-Самарин, похоронен рядом с храмом.
после 1770?	Разборка деревянного здания, использование материала для выпечки просфор.
1752–1917	**II. Строительство каменной церкви, служение в ней**
1752, 20 февраля	Лейтенант флота Федор Петрович Квашнин-Самарин подал прошение на строительство в имении Брыково каменной церкви взамен деревянной. Выдан «*Указ Ея Императорскаго Величества*» с разрешением на постройку храма.
1762–1770	Строительство кирпичной церкви в с. Брыково.
1770	Освящение построенной церкви в честь праздника Богоявления Господня.
1770, 20 сент.	Умер храмоздатель Ф. П. Квашнин-Самарин, похоронен рядом с храмом.
1778, 4 марта	Выдан новый антиминс взамен обветшавшего.
1808	Перенос приходского кладбища на новое место за речку Мологоща.
1819–1820	В приход храма приписаны селения Зенькино, Ильино, Избище, Хмолино.
1823–1848	В причт введена должность дьякона, через 25 лет она была закрыта.
1836	Посещение Богоявленской церкви епископом с инспекцией.
1842	Исправление трещины в куполе алтаря.
1848	Выдан новый антиминс взамен обветшавшего.
1848–1872	Спор с помещиками Кильдюшевскими о земле Богоявленской церкви.
1852	Выполнение ремонтных работ в храме, установка железной крыши на трапезе.
1857	Открытие настоятелем о. Михаилом Михайловским школы для детей крестьян.
1861	Пожертвовано паникадило церковным старостой Семеном Ивановичем.
1864-1904?	Сдача в аренду 12 дес. церковной земли крестьянам дер. Кучи.
1870 (1866?)	Открыто приходское попечительство по сбору средств на расширение храма.
1874–1876	Строительство новой трапезной с двумя боковыми приделами.
1876, октябрь	Выданы два новых антиминса для построенных приделов.
1876, 17 октября	Освящение Ильинского и Никольского приделов.
1876–1877	Строительство колокольни.
1883–1884	Ремонт в алтаре главного Богоявленского придела, его освящение.
1884, 12 октября	На средства воскресенских купцов Кухтиных на московском колокольном заводе Самгина отлит колокол весом 123 пуда для Богоявленской церкви.
1902	Посещение Богоявленской церкви епископом.
1902, 1907, 1913	Кражи в храме.
1904	Строительство каменной ограды с железными решетками вокруг церкви.
1905	Введена ежегодная выплата из казны 400 руб. двум членам причта.
1907	Проведение ремонтных работ в храме.
1913	Устройство печей в храме и алтаре.
1917, 24–25 марта	Убийство настоятеля о. Петра Зверева.
1918–1937	**III. Служение при советской власти**
1922	Изъятие из храма церковных ценностей.
1926, 20 мая	Воскресенский исполком заключил договор с религиозной общиной верующих об использовании здания Брыковской церкви.
1937, 28 августа, 20 сентября	Арест настоятеля о. Василия Сунгурова, вынесение приговора о высшей мере наказания, расстрел на полигоне в Бутово.
1937 (1939?)	Закрытие церкви.

1939–1988	IV. Война, использование храма не по назначению, запустение
1941 г., ноя.-дек.	Повреждение колокольни во время боев, разграбление церкви оккупантами.
1948, 1951	Решения Брыковского сельсовета об организации клуба в здании храма.
1960-е – 1970-е	Размещение в храме тракторной станции Глебовской птицефабрики.
1980-е	Храм стал бесхозным, местные жители «*растаскивали церковь по кирпичику*».
1988–2024 …	**V. Возрождение Богоявленской церкви, служение в ней**
1988, 29 февраля	Генеральный директор Глебовской птицефабрики Н. К. Свириденко подписал письмо на обследование 3 храмов, включая «*церковь Богоявления в д. Брыково*».
1989	На средства Глебовской птицефабрики проведены противоаварийные работы: установлена временная крыша, досками закрыты проемы в стенах здания.
1990, июнь	По решению Исполкома Истринского горсовета зарегистрирована религиозная община, ей передано «*здание церкви Богоявления, расположенной в п. Красный*».
1990, 19 ноября	По ходатайству религиозной общины в Богоявленскую церковь назначен на должность настоятеля священник Андрей Борисович Васильев.
1991, 6 января	На территории храма отслужен первый молебен на праздник Рождества Христова.
1991, 4 февраля	Выдан антиминс в Богоявленскую церковь с. Брыково.
1991, 31 марта	На праздник Входа Господня в Иерусалим в храме совершена первая литургия.
1992 или 1993	Сергей Викторович Грицай пожертвовал в храм шесть колоколов.
1996	Начало реставрационных работ. Руководитель – архитектор М. Ю. Горячева.
1996 или 1997	Пожар в храме, повреждена временная крыша.
1999, 2000, весна	Начало работ по сооружению котельной, обнаружено захоронение помещиков Квашниных-Самариных и двух могильных плит. Перезахоронение останков за алтарем Богоявленской церкви, установка Памятного креста.
1999	В храме установлен временный двухъярусный иконостас.
2000, 11 апреля	Перерегистрация религиозной общины Богоявленского храма.
ок. 2000	Принесено старое распятие, ранее находившееся в храме с. Филатово. Святыню два года «*кропотливо восстанавливал художник Николай Чулков*».
2001	Чудо обновления в храме Казанской иконы Божией Матери.
2003	Из газетной статьи: «*все каменные работы завершены: построена трапезная часть церкви, сделан свод над алтарём*».
2005	Восстановление внешнего облика Богоявленского храма в целом завершено.
2005, 20 апреля	Священным синодом РПЦ канонизирован служивший в Брыково священник Василий Сунгуров. Установлен день его памяти 20 сентября.
2000-е	Приезд паломников из с. Улиткино Щелковского района, где служил священно-мученик Василий Сунгуров. Ответная поездка прихода в с. Улиткино.
2000-е	Обустройство левого Ильинского придела в трапезной части храма.
ок. 2007	Возвращена старая икона Богоявления Господня, прежде находившаяся в храме.
2010-е	Обустройство главного Богоявленского и правого Никольского приделов.
2013	Сщмч. Василий Сунгуров включен в Собор Новомучеников земли Истринской.
2013, 20 сентября	В Богоявленском храме совершена первая литургия в день памяти сщмч. Василия Сунгурова. В этот день прот. Димитрий Шмелев передал две старые иконы, которые ранее принадлежали настоятелю храма о. Михаилу Михайловскому.
2015–2016	Строительство в дер. Хмолино на территории реабилитационного центра храма-часовни святителя Луки Войно-Ясенецкого силами Сеченовского университета.
2016, 19 ноября	Освящение храма-часовни святителя Луки Войно-Ясенецкого дер. Хмолино.
2017, 8 апреля	Первая литургия в храме святителя Луки Войно-Ясенецкого дер. Хмолино.
2023, 14 июля	Архиепископ Одинцовский и Красногорский Фома совершил Божественную литургию в Богоявленском храме.
2024, 6 июня	Архиепископ Одинцовский и Красногорский Фома совершил великое освящение Богоявленского храма и Божественную литургию.

Глава 6. Служители Богоявленской церкви

В этой главе пойдет разговор о клириках, которые служили в Богоявленской церкви на протяжении почти двух с половиной столетий: с момента построения и освящения первой деревянной церкви (1698) и до настоящего времени. О священнике о. Василии Сунгурове, служившем до закрытия храма, поговорим в следующей главе.

В приложении–7 приведены имена служителей Богоявленской церкви за всю ее историю (синодик). Это наиболее полный список членов причта, хотя в нем еще могут быть добавления, т.к. для XVIII в. сохранилось мало документов и они фрагментарны. Тоже самое касается и первых лет советской власти. Могли быть люди, служившие в Брыково какое-то время, которые остались «незамеченными» (в сохранившихся документах о них информации нет). Кроме того, требуют уточнения годы служения некоторых клириков (особенно это касается стародавних времен).

Далее речь пойдет о служителях, которые оставили свой след в истории брыковской церкви (не всегда положительный). Сведения собирались из многочисленных источников, часть информации предоставили исследователи А. Н. Инюкин и М. Б. Морозов, за что им большая благодарность.

Первые церковнослужители

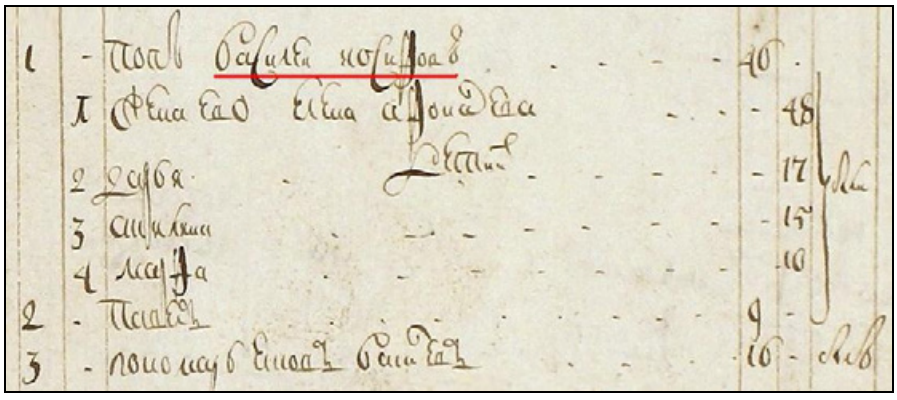
Как было установлено, с момента появления первой церкви в с. Брыково состав ее причта был трехчленный, т.е. состоял из настоятеля (священника) и двух причетников (дьячка и пономаря). Таким он оставался более века вплоть до 1823 г. Однако, судя по документам, не всегда в причте присутствовали все три клирика, иногда одна или обе причетнические должности оставались свободными. Так, например, в 1740 г. в храме служил один настоятель о. Стефан Маркович[1].

Из первого состава причта, который начинал служение в деревянной брыковской церкви после ее освящения в 1698 г., достоверно известно лишь имя настоятеля «***попа Иоанна***» – того самого, который расписался за получение антиминса (в других документах он именован как «*священник Иван Иванов*», т.е. Иван Иванович). С кем батюшка служил – осталось неизвестно, имена первых причетников в документах не указаны. Согласно книге Холмогоровых в 1705 г. в составе причта находился **дьячок «*Иван Абрамов*».** Возможно, он служил в Богоявленской церкви с самого начала.

Вообще же за всю полувековую историю существования первой деревянной церкви удалось установить имена восьми клириков: четырех священников, двух дьячков и двух пономарей. Вообще-то их было семь, т.к. один и тот же служитель **Стефан Маркович** в 1722 г. записан пономарем, а в 1740 г. он уже находился в храме на должности настоятеля. К сожалению, документов той поры сохранилось немного и потому в списке остались лакуны («дыры» во времени). Возможно, в составе причта первого храма были и другие служители помимо этих семерых человек.

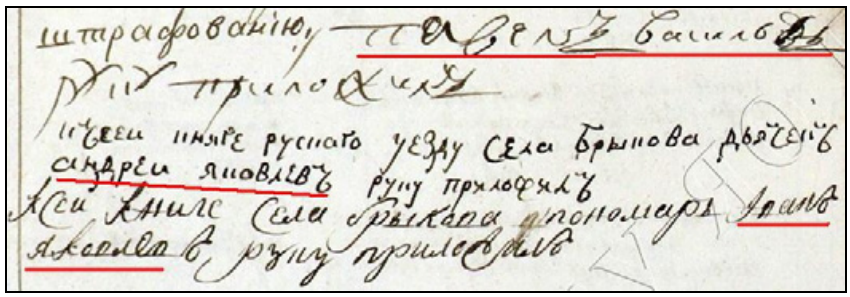
В ярославском архиве ГАЯО сохранилась одна из самых старых исповедных ведомостей Богоявленской церкви, датированная 1748 г. В ней вписаны имена следующих клириков и членов их семей: *«Поп Василей Иосифов* [подчеркнуто Авт.] *– 46* [лет]. *Жена ево Елена Афонасева – 48. Дети их: Дарья – 17. Акилина – 15. Марфа – 10. Павел – 9. Пономарь Еков* [Яков] *Василев – 16*»[2].

Отметим, что упомянутый **пономарь Яков Васильевич** был сыном **священника Василия Иосифовича**. Через 14 лет он уже служил в Богоявленской церкви взамен отца на должности настоятеля. А потом на его месте оказался брат **Павел Васильевич**. Как далее будет показано, семейственность в составе причта была характерна для начального периода существования брыковской церкви. Да и потом встречались подобные случаи.

Изо 6–01. Исповедная роспись Богоявленской церкви (начало), 1748.

1772–1838: Рекордсмен среди служителей причетник Иван Зернов

Изо 6–02. Подписи клириков Богоявленской Церкви в метрической книге: священник Павел Васильевич, дьячок Андрей Яковлевич, пономарь Иван Яковлевич[3], 1780.

В семье служителя Якова Васильевича было трое детей: Иван, Андрей и Дарья. Дочь вышла замуж за Аверкия Лукина, который с 1781 г. стал служить пономарем в Богоявленской церкви (о нем еще поговорим). Но прежде на этой должности находился брат Дарьи Иван (впоследствии у него оказалась фамилия Зернов). А другой брат **Андрей Яковлевич**, судя по заголовку архивного дела[4], в 1778 г. был назначен на должность дьячка в тот же храм. Росписи братьев можно увидеть в метрической книге Богоявленской церкви за 1780 г., фрагмент которой здесь приводится.

Имя **причетника Ивана Яковлевича Зернова** (ок. 1762 – † 1838) хотелось бы выделить особо. Его стаж служения на причетнических должностях составил **66 лет**, дольше никто не служил в Брыково! Он оказался продолжателем церковной династии. Как уже говорилось, его отец Яков Васильевич в 1748 г. служил пономарем в Богоявленской церкви, а дед Василий Иосифович был там же настоятелем (см. приводимое далее древо рода изо 6–04).

Согласно записи в клировой ведомости Иван в 1772 г. (т.е. в 10-летнем возрасте!) стал пономарем брыковском храма[5]. А точнее был записан «*свещеносцем*» (носил зажженные свечи во время богослужений). Через четыре года посвящен в стихарь (объяснение термина дано в приложении–1).

В 1781 г. Иван Яковлевич был «*переименован в чтеца*», т.е. стал дьячком. До конца своих дней им и оставался. На более высокую церковную должность претендовать не мог, т.к. никакого образования не имел (в документе так и записано: «*В школах небыл*»[6]). Зернов был добропорядочным служителем, о его способностях в документах писали: «*Читает и поет очень хорошо, Катехизис знает не худо*». А про поведение сказано так: «*Штрафован не был, под судом не состоял*»[7]. Забегая вперед, отметим, что дисциплинированных клириков в причте Богоявленской церкви было большинство. Но рекордсменом по сроку служения среди них оказался И. Я. Зернов.

В 1834 г. дьячку было уже за 70 лет. В то время редко кто дотягивал до такого возраста, тем более среди простых людей. А если и доживали, то трудиться, как правило, не могли. Это не относилось к Зернову. В одном из служебных документов МДК сказано: сообщить «*дьячку Ивану Яковлеву, что он по резолюции Его Высокопреосвященства оставлен по прежнему в своей должности в уважение долго времяной и безпорочной его службы*»[8]. После этого дьячок прослужил еще четыре года. И только в 1838 г. был уволен с причетнической должности и вскоре умер.

Иван Яковлевич был женат на Ирине Ивановне, дочери пономаря Ивана Ильина, служившего по соседству в Рождественской церкви с. Филатово. В семье родилось не менее десяти детей (см. древо), есть сведения о некоторых из них. Дочь Александра вышла замуж за Василия Васильевича Соболева, который в 1823 г. был определен на должность дьякона в брыковский храм. Таким образом, Иван Яковлевич последние годы служил в Богоявленской церкви вместе с зятем, жили они в одном доме. По сведениям, полученным от исследователя М. Б. Морозова, сын дьячка Дмитрий Иванович учился в Звенигородском духовном училище при Саввино-Сторожевском монастыре. Затем «*был выбран в певческий хор в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь для архимандричьего служения*». В последующем Дмитрий служил пономарем в храмах Звенигородского уезда в селах Пронское и Локотня. В его семье были дети. Еще один сын брыковского дьячка Петр Иванович служил на причетнических должностях в храмах Рузского уезда в селах Богородское и Дютьково. Интересно было бы узнать: есть ли ныне живые потомки рекордсмена брыковской церкви? Если такие окажутся – знают ли они о своем достойном предке церковнослужителе?

Когда Иван Яковлевич в 1838 г. был уволен с должности дьячка, на освободившееся место в Богоявленскую церковь был определен его внук Николай Дмитриевич Покровский, который учил-

ся в Саввинском духовном училище. При назначении в брыковский причт с молодого человека было взято письменное обещание содержать дедушку и бабушку. Вот как об этом сказано в клировой ведомости: «*Сиротствующие. Бываго в сем причте дьячка жена вдова Ирина Иванова живет на пропитании вышеписаннаго дьячка Николая Дмитриева по обязательству*»[9]. Покровский находился в составе брыковского причта 7 лет. В 1845 г. был переведен на должность пономаря к церкви с. Каринское Звенигородского уезда[10]. На новом месте Николай Дмитриевич прослужил 28 лет.

Другие рекордсмены среди первых служителей

Хотелось бы отметить еще двух служителей, долго прослуживших в Богоявленской церкви.

Первый из них – настоятель храма **иерей Павел Васильевич** (ок. 1739 – † 1819), это его подпись «*Павел Васильев*» приведена на изо 6–02. Он оказался из той же церковной династии Зерновых. Напомним, что его отец Василий Иосифович был настоятелем Богоявленской церкви. Брат Яков Васильевич сначала служил пономарем, а потом сменил отца на должности настоятеля. А племенники Андрей и Иван (см. приводимое далее древо изо 6–04) находились на причетнических должностях в том же причте. Фамилия Павла Васильевича ни в одном документе не указана. Но, если один из его племянников был Зернов, то, возможно, у дяди была такая же фамилия.

Судя по заголовку ветхого[i] архивного дела ЦГАМ, он в 1762 г. был назначен на место дьячка в Богоявленскую церковь[11]. И, по всей видимости, на этой должности находился 12 лет.

Павел стал настоятелем в Брыково вскоре после постройки кирпичного храма, сменил на этом посту своего брата Якова. О его назначении на должность стало известно из документа, цитата из которого приводилась в предыдущей главе: «*священник Павел Васильев прошением объявил: определен де он в оное село к Богоявленской церкви, в 1774 году апреля 24 дня, по собственной прозьбе помещика Самарина, со обязательством Его таковым, дабы ему священнику вместо отмежеванной церковной земли получать ругу, а именно: Ржи двенатцать четвертей, десять рублей денег,* [выделить] *работника несменнаго навсегда*»[12]. Там же рассказывалось о произведенной в 1778 г. инспекции храма и о необходимости замены ветхого антиминса. Исправить недостатки обязали о. Павла.

Он стал настоятелем Богоявленской церкви, когда ему было 35 лет. Ровно столько же (35 лет) он потом находился на этой должности. По показателю долголетия Павел Васильевич вошел в тройку иереев, больше всех прослуживших в Брыково настоятелями. Впереди него оказались священники Михайловский (40 лет) и Тихомиров (37 лет). Ну а если приплюсовать срок нахождения на должности дьячка (12 лет), то суммарный стаж служения в Богоявленской церкви составит 47 лет, т.е. без малого полвека! Дольше него в Брыково служил только племянник Иван Яковлевич Зернов.

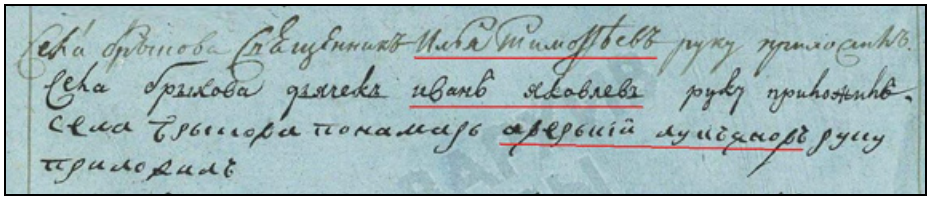
В отношении о. Павла не найдено дисциплинарных дел, о поощрениях так же не сообщалось. В клировых ведомостях в графе «*состояние*» (т.е. поведение) благочинные писали: «*хорошаго*».

В 1783 г. батюшка овдовел. В последующие годы проживал в Брыково вместе с дочерью Феклой и овдовевшей сестрой Дарьей, прежде бывшей замужем за пономарем, служившим в церкви с. Поздняково. Спустя какое-то время дочь вышла замуж за пономаря Петра Петровича, его потом рукоположили в сан священника.

Последний по времени документ Богоявленской церкви, в котором упоминалось имя настоятеля о. Павла – это дело о расширении брыковского кладбища в начале XIX в. В 1809 г. священнику исполнилось 70 лет и его уволили «*от должности по старости*». По информации, полученной от М. Б. Морозова, он переехал жить к своему зятю священнику церкви с. Рождествено, что на р. Сходне. Умер бывший настоятель Богоявленской церкви в 1819 г. в возрасте 80 лет.

Второй долгожитель – это **пономарь Аверкий Лукьянович Лукин** (ок. 1758 – † 1823). Он был почти ровесником Ивана Яковлевича Зернова, но появился в причте на девять лет позже. В отличие от других служителей, о которых ранее рассказывалось, он родом был не из Брыково. Согласно информации из ПС в 1776 г. Аверкий был определен «*к церкви Обновления храма Воскресения Христова во священосца*»[13] (село не указано), прослужил там пять лет. В 1781 г. из состава причта Богоявленской церкви выбыл дьячок Андрей Яковлевич. И на это место, как уже говорилось, был определен находившийся на пономарской должности его брат Иван. На ставшее свободным пономарское место и был переведен Аверкий.

[i] Ветхие дела в архиве ЦГАМ на руки исследователям не выдаются, известны лишь на их названия в описи.

Изо 6–03. Подписи клириков Богоявленской церкви в метрической книге: священник Илья Тимофеевич, дьячок Иван Яковлевич, пономарь Аверкий Лукьянович[14], 1819.

Где-то в это время он женился на дочери священника Якова Васильевича Дарье. Скорее всего, эта женитьба была условием получения желанного места. Можно сказать, женился за должность в причте, как еще говорили: «женился на месте». Роспись Аверкия Лукьяновича можно увидеть в метрической книге Богоявленской церкви.

Тут необходимо сделать небольшое отступление. Подобных случаев «**женитьбы на месте**» («женитьбы с обязательством») в церковной жизни известно немало, нередко они случались и в Брыково (о них далее будет рассказано). Такова была до революции практика заочного сватовства, когда, с одной стороны, выпускникам духовных училищ, семинарий не хватало свободных мест в церковных причтах, а, с другой стороны, в государстве отсутствовала система пенсионного обеспечения (ее зачатки появились лишь в конце XIX в.). Поэтому престарелые служители были вынуждены беспокоиться о своем будущем сами. Когда возраст не позволял служить дальше, то те клирики, у кого были сыновья, передавали им свое место. А если сыновей не было, то искали для своей дочери молодого холостяка из числа семинаристов или причетников, который согласился бы занять освободившееся место в причте при условии женитьбы с обязательством содержать родителей невесты в старости.

Итак, в 1781 г. Аверкий Лукин женился на Дарье и был зачислен на пономарскую должность. Год спустя была выдана ставленая грамота за подписью епископа Переславского и Дмитровского на имя «*Аверкия Лукианова по прозванию* [фамилии] *Лукина*»[15] на посвящение в «*первую ступень священства в свещеносца*» в храм Богоявления Господня с. Брыково.

О служении пономаря Лукина (как и многих других служителей) почти никаких подробностей нет. Ввиду отсутствия на него дисциплинарных дел можно говорить о хорошем поведении. И действительно в клировых ведомостях о его «*состоянии*» писали: «*хорошаго*» или «*добраго*», «*штрафован не был*». К профессиональным качествам также претензий не было: «*читает хорошо и ноту знает*»[16].

В марте 1823 г. Аверкий Лукьянович умер от простуды[17]. Ему было 65 лет, из них 42 года прослужил в Богоявленской церкви на пономарской должности. Среди причетников это второй по продолжительности срок пребывания в причте с. Брыково.

Сохранилась архивное дело, в котором имеется ставленая грамота[i] пономаря Лукина, а также опись имущества, оставшегося после его кончины: «*1). Изба, Горенка, сени, двор и в нем амбар деревянные, ветхие. 2). Сарай деревянной ветхой. 3). Лошадь. 4). Телега с колесами кованые. 5). Кур пять. 6). Кафтан суконный синей новой. 7). Тулуп нагольной бараний новой. 8). Сапоги двои. 9). В посеве ржаннаго хлеба четверть и четыре четверика*»[18]. Как видим, небогато жил причетник: жилье ветхое, из скотины только лошадь, да пять кур, коровы не было. У Аверкия было трое детей: Захар, Петр и Анна. Об их судьбах данные не собирались.

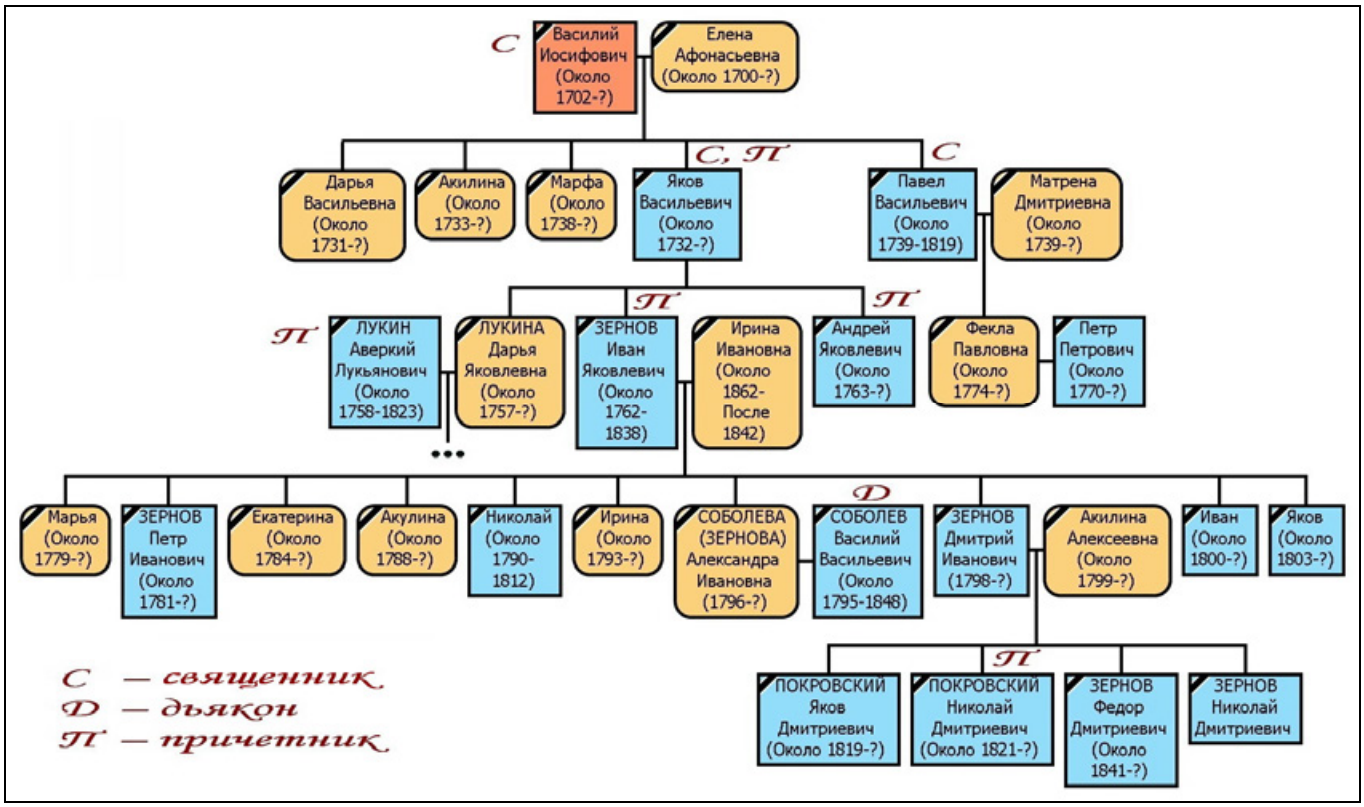
На этом завершается рассказ о духовенстве, служившем в первые полтора века существования Богоявленской церкви. Если говорить о причте в целом, то можно отметить интересные закономерности начального периода его истории.

Во-первых, относительно стабильный состав, как правило, клирики служили в Брыково долго. Так, например, на протяжении 28 лет (1781–1809) состав причта не менялся, в нем находились иерей Павел Васильевич, дьячок Иван Яковлевич и пономарь Аверкий Лукьянович.

Во-вторых, семейственность в причте. Трое упомянутых лиц были близкими родственниками. И это не было исключительным случаем. На приводимом древе рода буквами отмечены люди, служившие на разных должностях в Богоявленской церкви. Таких оказалось восемь человек! В последующие годы в брыковском причте семейственность также встречалась. Но уже не так часто.

---

[i] «*Ставленая грамота — документ, выдаваемый епископом священнослужителю, в удостоверение действительности и правильности его рукоположения, с указанием его степени и принадлежащих ему прав*» (интернет). Сей документ возвращался в консисторию после кончины служителя или исключения его из духовного звания. Далее приводится образец ставленой грамоты (изо 7–02).

Изо 6–04. Древо рода церковнослужителей Зерновых (буквами отмечены клирики Богоявленской церкви).

Приведенные факты семейственности и стабильности причта свидетельствуют о том, что место в Богоявленской церкви в то время считалось хорошим. А иначе бы должности не передавались близким людям. Пока брыковские помещики Квашнины-Самарины не разорились, они выплачивали служителям ругу. Богоявленский приход после присоединения в 1819–1820 гг. деревень из прихода сгоревшей Никольской церкви с. Лучинское стал средним по размеру (примерно тысяча человек обоего пола). Доходы служителей в Брыково были не хуже, чем во многих других местах.

Если говорить в целом, то клирики в XVIII в. и в начале XIX в. за свои места в причте Богоявленской церкви держались, дисциплину не нарушали и не искали лучших вариантов служения.

Причт Богоявленской церкви в XIX веке

Изменения в составе причта следует рассматривать в тесной связи с историей имения Брыково, его владельцев. Тогда происходившие в те годы события станут более понятными.

Дьяконы в составе причта

В предыдущей главе рассказывалось, как на расширение брыковского прихода в 1819–1820 гг. среагировала помещица Анастасия Петровна Квашнина-Самарина. Она подала священноначалию прошение, в котором написала, что прежде в Богоявленской церкви «*за малоприходством*» дьякона не было. «*Но как ныне приход наш умножился и может поступить и быть доволен при церкви нашей диакон, по чему я по прозбе сего просителя Сретенскаго Сорока Вознесенской церкви, что близ Сретенки дьячка Василья Васильева и избираю во диакона*»[19].

В то время в России действовало положение (принятое еще в 1768 г.), согласно которому дьякон мог быть в составе причтов тех приходов, в которых имелось не менее сотни дворов. После же присоединения селений Зенькино, Ильино, Избище и Хмолино к Богоявленском церкви оказались приписаны 104 двора. Поэтому препятствий к удовлетворению просьбы вдовы не возникло.

Почему помещица хлопотала за назначение на должность дьякона московского дьячка Василия, нигде не сказано. Не исключено, что прежде его знала и осталась довольна. В том же архивном деле приведены сведения о том, что **дьякон Василий Васильевич Соболев** (ок. 1795 – † 1848) был сыном московского дьякона Василия Михайловича, служившего в Ржевской церкви у Пречистенских ворот. Учился в Московском уездном училище. В 1818 г. был определен на должность пономаря в

церковь с. Соснино Подольского уезда. Через два года был переведен в Москву на должность дьячка Вознесенской церкви.

Василий Соболев был холост и обещал при удовлетворении его прошения о переводе в Брыково на должность дьякона жениться на Александре, дочери местного дьячка Ивана Яковлевича Зернова. Готов был на это пойти ради должности в причте (типичный случай «жениться на месте»). Но в то время желания жениха и согласия родственников невесты было мало, надо было получить у священноначалия разрешение на совершение брака. В том же архивном деле сохранился документ, который называется «*Билет*». В нем написано: *«Дан сей из московской духовной Консистории в силу Резолюции* […] *Филарета Архиепископа Московскаго и Коломенскаго* […] *Сретенскаго сорока Вознесенской, что близ Сретенки церкви дьячку Василью Васильеву производящемуся Звенигородской округи села Брыкова к Благовещенской* [ошибка – к Богоявленской] *церкви во диакона на вступление ему в законный брак с честною духовнаго звания девицею»*[20].

События развивались достаточно быстро. В ноябре 1822 г. в состав брыковского причта была введена новая должность дьякона. Спустя два месяца 18 января дьячку Соболеву был выдан упомянутый билет с разрешением на вступление в брак. И уже через десять дней 28 января в Богоявленской церкви местный священник Илья Тихомиров обвенчал Василия с дочерью дьячка Александрой Зерновой. 7 марта состоялось рукоположение нового клирика в сан дьякона. При этом он дал подписку, что «*обязуется неленостно»* носить платье «*приличное диаконскому сану»*, жизнь вести *«трезвенную»*, не ходить «*в питейные домы*», а также ссор и драк ни с кем не чинить. После этого был направлен на служение в Брыково.

Так в марте 1823 г. в Богоявленской церкви появился свой дьякон. По имеющимся данным, это произошло впервые в истории храма. Образец подписи служителя на изо 6–06.

О служении дьякона Соболева в Богоявленской церкви сведения мало. В клировых ведомостях о нем писали: «*Читает и поет хорошо, Катехизис* [знает] *похвально.* [Поведения:] *добраго. Диакон дьячку зять. Судим и штрафован не был»*[21]. Слова «*Диакон дьячку зять»* относились к служившему в Брыково **дьячку Николаю Дмитриевичу Покровскому,** чей отец Дмитрий Иванович Зернов[i] был родным братом жены дьякона Александры Ивановны.

С возрастом у всех здоровье становится хуже. В клировой ведомости 1836 г. о служителе Соболеве написано: «*Читать и петь умеет, но по старости не все видит и слышит»*[22]. В документах последующих лет о проблемах со здоровьем почему-то не говорится.

Весной 1830 г. умерла помещица Анастасия Петровна Квашнина-Самарина, по ходатайству которой появился дьякон в Богоявленской церкви, и которая платила ему ругу. С ее кончиной выплаты прекратились, что негативно сказалось на благосостоянии служителя. Несмотря на это, Соболев, надо отдать ему должное, не стал искать другого места, продолжил служение в Брыково.

Умер Василий Васильевич в июне 1848 г., прослужив в Богоявленской церкви ровно четверть века. В записи о кончине указана причина: от «*Епидимической болезни»*[23]. В это время в Московской губернии разразилась эпидемия холеры, смертность среди прихожан увеличилась в разы. Согласно записям в метрической книге Богоявленской церкви почти каждый день умирали люди, да не по одному. В причте это был уже второй случай смерти от холеры (далее будет рассказано, как ранее от той же болезни скончался настоятель храма о. Никита Назаров). Дьякон был похоронен около храма. По имеющимся данным у него детей не было.

На освободившееся место дьякона просился дьячок Николай Розанов, служивший в Гаврило-Архангельской церкви при московском почтамте[24]. В консистории рассмотрели его прошение и отказали. Священноначалие приняло во внимание, что выплата помещичьей руги дьякону давно прекратилась. Кроме того, как ранее уже говорилось, новый владелец брыковского имения П. Н. Кильдюшевский забрал у клириков свою землю и вернул им малопригодные церковные участки. В результате содержание причта значительно ухудшилось, семьям четырех членов причта приходилось туго. Поэтому в МДК решили закрыть должность дьякона в причте, оставив настоятеля и двух причетников. Так брыковский причт вновь стал трехчленным, как это было до 1823 г.

В дальнейшей истории Богоявленской церкви в ее причте больше не было отдельной должно-

[i] Пусть не смущают разные фамилии у сына и отца – Покровский и Зернов. Подобное случалось в начале XIX в., когда поступившим в духовное училище ученикам давали новые фамилии, не глядя на фамилии их отцов.

сти дьякона. Хотя дьяконы в ней служили, и было это ни один раз. Рассмотрим эти случаи.

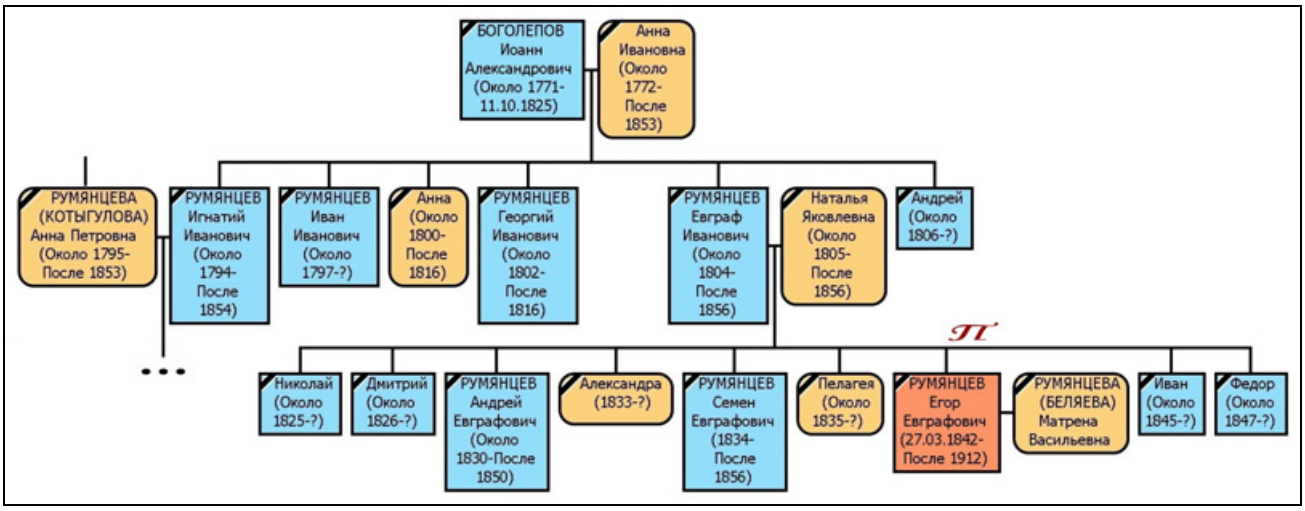
Так в 1845 г. в брыковский причт был направлен с понижением в должности в качестве наказания 53-летний **дьякон Иван Михайлович Остроумов** из с. Хотеичи Богородского уезда. Наказание последовало за «*венчание казеннаго крестьянина с удельною девкою без дозволения начальства*»[25]. При этом служить, как дьякону, ему было запрещено, он мог исполнять только причетнические обязанности. Сначала Остроумова назначили служить дьячком, а через год перевели на пономарскую должность. По всей видимости, данный случай был первым в истории Богоявленской церкви, когда в нее направили служителя для отбытия наказания. Данный пример свидетельствует о том, что место в брыковском причте уже не считалось столь привлекательным, как ранее.

Иван Михайлович недолго пробыл в Брыково. Согласно клировой ведомости, он характеризовался поведением «*довольно хорошаго*»[26], и начальство вскоре сняло с него запрещение по службе. В начале 1847 г. Остроумов был назначен на должность дьякона в церковный причт с. Новое на р. Дубне Дмитровского уезда[27].

Осенью 1861 г. на причетническую должность в Брыково поступил **Егор (Георгий) Евграфович Румянцев** (1842 – † после 1912)[i]. Он был из духовного звания. Его дед Иоанн Александрович Боголепов был священником, служил настоятелем в Воскресенской церкви с. «*Волынцево, Кондырево тож*» Коломенского уезда. Об этом служителе подробнее поговорим в следующей главе, когда речь пойдет о Сунгуровых. Сейчас только отметим, что у Боголепова было много детей, среди них сыновья Иван, Евграф и Игнатий[28]. Евграф в 1819 г. был определен пономарем к Троицкой церкви с. Коледино Подольского уезда, женился. Его семья также была многодетной[29]. Одного из сыновей звали Егор, он поступил в Московскую духовную семинарию (МДС). Но не доучился до конца, был исключен «*из средняго отделения*» и определен в причт с. Брыково. По сведениям, найденным в ревизских сказках и исповедных ведомостях, построено древо рода Румянцевых.

Назначение Егора Евграфовича на служение в Богоявленскую церковь стало очередным случаем «женитьбы на месте». Он взял в жену Матрену, дочь местного пономаря Василия Алексеевича Былеева, который согласился освободить свое место в причте для будущего зятя (об этом служителе еще поговорим).

Спустя год в Богоявленской церкви произошли изменения в штатном расписании: «*В 1862-м году утвержден Диакон, на пономарской вакансии*»[30]. Им и стал молодой причетник Егор Румянцев. Он был рукоположен в сан дьякона, но при этом остался на своей прежней должности пономаря. Поэтому его доходы остались прежними (схожая ситуация произошла позднее в 1914–1915 гг. с Василием Ивановичем Величкиным). Прошло 13 лет. В 1875 г. дьякон Георгий Румянцев был рукоположен в сан священника и назначен на должность настоятеля в храм с. Селевкино Дмитровского уезда. Потом в 1888 г. он был переведен на такую же должность в церковь с. Кончинино того же уезда[31]. Батюшка служил добросовестно, отмечался начальством. По сведениям, полученным от М. Б. Морозова (они

Изо 6–05. Древо рода церковнослужителей Румянцевых (буквой отмечен клирик Богоявленской церкви).

[i] Сведения об этом служителя помогал собирать исследователь А. Н. Инюкин.

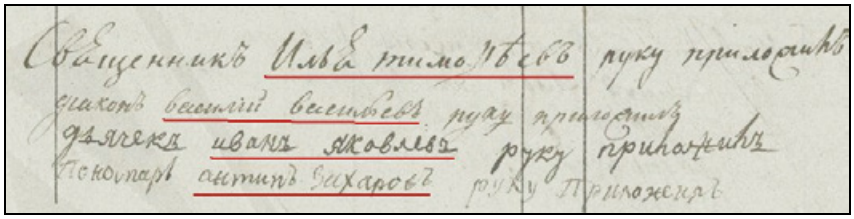
подтверждаются публикациями в епархиальном журнале), о. Георгий в последующие годы награждался за примерную службу набедренником, скуфьею, камилавкою (далеко не все настоятели имели такие награды). В 1912 г. согласно прошению был уволен за штат. К этому времени общий стаж служения клирика Румянцева у престола Божия насчитывал ровно полвека, из них 14 лет в Брыково.

Причетники Богоявленской церкви

Ранее уже рассказывалось о некоторых пономарях и дьячках, включая Ивана Зернова и Аверкия Лукина. Говорилось о дьяконах, находившихся на причетнических должностях: Иван Остроумов, Егор Румянцев. Теперь поговорим о других причетниках Богоявленской церкви.

Если глянуть на синодик, приведенный в приложении–7, то сразу бросается в глаза, что таких долгожителей на причетнических должностях, как Зернов и Лукин, в храме больше не было. Ранее отмечалось, что к середине XIX в. Богоявленская церковь уже не выглядела столь привлекательной для служителей, как прежде. Об этом свидетельствует и то, что случаи семейственности среди клириков стали реже. В состав причта стали попадать случайные люди, которых так и хочется назвать «летунами», т.к. они служили всего по несколько месяцев. Доходило и до того, что провинившихся в других местах служителей отправляли в брыковский причт для отбытия наказания с понижением в должности, как, например, того же дьякона Ивана Остроумова или пономарей Якова Беляева и Василия Былеева, о которых пойдет речь далее.

В 1823 г. после смерти Аверкия Лукина пономарское место в причте, как тогда писали, «*стало праздным*», т.е. свободным. За назначение нового служителя в причт ходатайствовала помещица Анастасия Петровна Квашнина-Самарина: «*Вотчины моей* […] *при церкви Богоявления Господня имеется пономарское место праздно, на которое я с согласия священника избрала Рузской округи села Петрова Николаевской церкви пономаря Антипа Захарова, ежели на оное от Вашего Преосвященства Благоволение последует*»[32]. **Пономарь Антип Захарович Александровский** был молод (23 года), женат на Елене Григорьевне. Учился в Саввинском духовном училище, но не окончил полный курс, поэтому не мог претендовать на высокую должность в причте. О способностях пономаря в клировой ведомости писали: «*читает и поет порядочно; катехизис знает не исправно*»[33]. Поведение: «*порядочнаго*» или «*хорошаго*», «*судим и штрафован не был*». Прослужил Антип в Брыково девять лет, больше сказать о нем нечего. Обычный, дисциплинированный служитель. Таких в Брыково было большинство. Единственное, что его отличало от многих – в семье был всего один ребенок, девочка Александра. О дальнейшей судьбе клирика написано в ревизской сказке: «*выбыл в Московскую Духовную типографию, 1832 года*»[35]. Приводится образец росписи Антипа в метрической книге.

Изо 6–06. Подписи клириков Богоявленской церкви в метрической книге: священник Илья Тимофеевич, дьякон Василий Васильевич, дьячок Иван Яковлевич, пономарь Антип Захарович[34], 1832.

Освободившееся место в причте занял **пономарь Яков Матвеевич Беляев**. Согласно клировой ведомости он был сыном пономаря, учился в Московском училище, в 1816 г. был исключен из него[36]. Его определили «*в свещеносца*» (пономаря) к московской церкви Феодора Студита, «*что у Никитских ворот*». Яков был женат на Марии, имел сына Василия. Увы, этот причетник оказался склонным к употреблению спиртных напитков, за что был удален из причта московской церкви и в мае 1833 г. был направлен на служение и исправление в Богоявленскую церковь с. Брыково. Однако такая мера не привела к его исправлению. В одном из служебных документов МДК обнаружена запись о том, что «*пономарь Яков Матвеев с 1-го Генваря 1834-го года ведет жизнь не трезвую и с женой своею живет не миролюбиво*»[37]. В октябре причетнику было велено явиться в консисторию для сдачи своих документов. Надо полагать, его лишили церковного звания и запретили служить. Таким образом, Беляев находился в составе причта Богоявленской церкви около года и ничем хорошим не отличился. Как после этого не назвать его случайным человеком в Церкви.

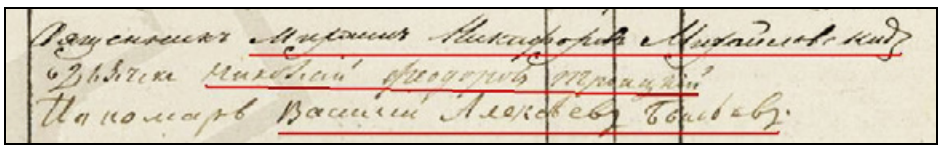
Следующий **причетник Василий Иванович Лавров** служил в брыковском причте долго. Сначала 12 лет (1834–1846) был пономарем. Потом был переведен на должность дьячка и прослу-

жил еще 6 лет (1846–1852). Таким образом, в общей сложности 18 лет находился в Брыково (образец его подписи есть на изо 6–13).

О происхождении этого служителя такие данные. Василий был сыном дьячка, учился в Саввинском духовном училище, но был отчислен после третьего класса (история очень похожая на предшественника Антипа Александровского). В ноябре 1834 г. Василий был определен на должность пономаря в брыковский причт, было ему всего 18 лет. Вскоре женился, супругу звали Наталья Петровна. Здесь в Брыково у них родилось четверо детей. В клировых ведомостях о пономаре писали: «*поет и Катехизис знает порядочно.* [Поведения:] *изряднаго. В родстве ни с кем не состоит. Судим и штрафован не был*»[38]. В марте 1852 г. Василий был переведен на должность дьячка в церковь с. Финеево Верейского уезда[39]. Почему перешел в другой храм на аналогичную должность – сказать трудно. Наверное, что-то на новом месте больше устраивало.

При его увольнении из Брыково произошла не очень красивая история, о ней стало известно из архивного дела. Каким-то образом у Лаврова оказался церковный холст, который стоил семь с половиной рублей (немалая сумма для простого служителя). При увольнении из Брыково он не стал возвращать холст, и денег на его оплату не было. Церковный староста, радея за кассу храма, хотел забрать у дьячка лошадь в погашение долга[40]. Но настоятель Богоявленского храма о. Николай Зверев не допустил этого, заступился за Лаврова, дал гарантийную расписку. Потом дьячок с семьей отбыл на новое место, и долг повис на батюшке. Правда, Лавров в качестве залога оставил некоторое свое имущество. Но очевидно, его было недостаточно для погашения долга, коль скоро священноначалие велело настоятелю Звереву самому отыскивать должника, чтобы взыскать с него деньги.

Если приходившие до этого в причт Богоявленской церкви причетники были молодыми, то следующий служитель стал исключением. В 1847 г. в брыковский причт был назначен 50-летний **пономарь Василий Алексеевич Былеев**. Это был опытный клирик с 30-летним стажем, начавший служение Церкви еще в 1815 г. дьячком в одном из храмов Подольского уезда. Потом был переведен в храм села Клёново того же уезда[41]. Увы, Былеев так же оказался недисциплинированным служителем. Его дважды посылали в Екатерининскую пустынь для отбытия наказания за совершенные проступки (так, например, назвал церковного старосту «*татем*», т.е. вором). После очередного нарушения был отрешен от места и направлен для продолжения служения на пономарскую должность в Богоявленскую церковь.

Изо 6–07. Подписи клириков Богоявленской церкви в метрической книге: священник Михаил Никифорович Михайловский, дьячок Николай Феодорович Троицкий, пономарь Василий Алексеевич Былеев[42], 1853.

На новом месте Былеев похоже исправился. 14 лет он прослужил в Брыково, дисциплину не нарушал. В 1859 г. подал прошение на «*увольнение на богомолье*» в г. Ярославль и г. Ростов. Прошение было удовлетворено, по решению священноначалия был выдан паспорт «*сроком на месяц*»[43]. Через два года пономарь подал прошение на увольнение от должности. Объяснений в документах о причине такого решения найти не удалось. Но это и так очевидно. Во-первых, Василий Алексеевич был уже в летах (ему было 64 года). Очевидно, стало тяжело служить, одолевали болезни. А во-вторых, засиделась в девках его дочь Матрена. Вот пономарь и решил «убить двух зайцев» сразу. Нашелся молодой студент Московской духовной семинарии Егор Евграфович Румянцев, который согласился взять в жены Матрену (она была на 4 года старше) и поступить в причт Богоявленской церкви на место пономаря, освобожденное отцом невесты.

О Румянцеве уже рассказывалось ранее, он служил в Брыково 14 лет, в последние годы дьяконом на пономарской вакансии. После его увольнения из причта в 1875 г. пономарская должность была упразднена. Причт стал двухчленным и состоял из настоятеля (священника) и дьячка.

Теперь поговорим **о дьячках брыковской церкви**. Доходы у них были такие же, как и у пономарей, но в списках клириков они всегда стояли выше.

Ранее уже рассказывалось об отдельных служителях-дьячках: о Иване Яковлевиче Зернове, Николае Дмитриевиче Покровском, запрещенном дьяконе Иване Михайловиче Остроумове. После того, как последнему из перечисленных священноначалие разрешило служение в прежней долж-

ности дьякона, он уволился из брыковского причта и место дьячка освободилось. На вакантную должность перешел служивший в Богоявленской церкви пономарем Василий Иванович Лавров. Обо всем этом уже шел разговор.

Так же говорилось, что в марте 1852 г. дьячок Лавров был переведен на аналогичную должность в церковь с. Финеево Верейского уезда. Оказывается, это был не просто перевод, а обмен местами службы двух клириков. В финеевском храме служил **дьячок Николай Федорович Троицкий**. Вот на его место и пришел Лавров, а тот занял освободившуюся должность в брыковском причте. Наверное, у обоих были свои резоны в таком обмене. Но какие – осталось тайной.

Новый причетник приехал в Брыково с женой Пелагеей Алексеевной и двумя дочерьми Ольгой и Анной. Он был достаточно опытным служителем с 20-летним стажем. Сведения о нем нашлись в клировой ведомости. Троицкий был сыном пономаря, учился в Перервинском духовном училище[44]. В 1831 г. определен на должность дьячка к Спасской церкви с. Ивашково Волоколамского уезда. Потом сменил несколько мест служения (включая Москву). Богоявленская церковь стала пятой в его послужном списке. Почему Николай так часто менял места службы – нигде не объясняется. По практике других церковнослужителей известно, что порой такие частые перемещения происходили по решению священноначалия в качестве наказания за какие-либо проступки. Но в отношении Троицкого дисциплинарных дел не найдено. Уволился ли сам из брыковского причта (а был не старым – 46 лет) или выбыл по иной причине – осталось тайной. Последний раз фамилия дьячка упомянута в метрических книгах Богоявленской церкви в 1862 г. О дальнейшей судьбе служителя данных нет (образец подписи служителя на изо 6–07).

В январе 1863 г. на освободившееся место в причте был назначен молодой **дьячок Александр Григорьевич Синайский**. Образование он получил в Коломенском духовном училище. Несмотря на свою молодость (21 год), успел два года прослужить причетником в с. Селевкино Дмитровского уезда[45]. После прихода в Богоявленскую церковь сначала был дьячком, а после церковной реформы с 1885 г. был переведен на должность псаломщика (образец его подписи на изо 6–20).

Синайский служил в Брыково долго. В отношении него архивных дел не обнаружено (точнее было одно дело, но оно оказалось утраченным). Сохранились лишь метрические книги Богоявленской церкви, в которых он расписывался, да в клировых ведомостях о нем писалось: «*Читает, поет и Катехизис знает хорошо.* [Поведения:] *хорошаго*». Все это говорит о том, что Александр был дисциплинированным служителем. Однако при этом почему-то не ладил с настоятелем храма о. Михаилом Михайловским. Выяснилось это следующим образом.

В одном из архивных дел ЦГАМ написано, как 1892 г. во время служения литургии в Богоявленской церкви священнику стало дурно, он обратился к окружающим его людям за помощью. Однако находившийся рядом причетник не стал помогать настоятелю. Почему? Объяснение нашлось в словах, приведенных в указанном деле: «*Псаломщик Синайский все 30 лет, враждебно относившийся к нему*»[46] (к священнику). К этому случаю еще вернемся, когда речь пойдет о Михайловском. Сейчас лишь отметим, что атмосфера внутри брыковского причта была далека от идеальной.

В мартовском номере епархиального журнала за 1896 г. были напечатаны такие слова: «*Псаломщик с. Богоявленскаго-Брыкова, Звенигородскаго у., Александр Синайский вследствие прошения уволен за штат*»[47]. О причине увольнения не сказано. Есть две версии, почему это произошло.

Первая версия вытекает из заголовка утраченного дела ЦГАМ: «*О псаломщике с. Брыкова Александре Синайском, приговоренным земским начальником к аресту на один месяц за порубку леса, 25.1–18.3.1896*». Увольнение из причта могло быть наказанием причетника за совершенный противоправный проступок.

Вторая версия такая. Как далее будет рассказано, у псаломщика была дочь Ольга, она в том же 1896 г. вышла замуж за Василия Величкина, который после бракосочетания занял место тестя в причте. Сопоставляя эти факты, можно предположить следующее развитие событий. Ожидая наказания за совершенный проступок (порубку леса), Синайский договорился с начальством, что добровольно освобождает место в причте для своего будущего зятя. Тем самым он не только пристроил свою дочь, но и обеспечил собственное пропитание в будущем.

После ухода из причта Александр Григорьевич остался жить в Брыково, стал «*заштатный псаломщик*». В одном из архивных дел про него написано: «*с 1899 по 1902 г. временно исправлял д.* [должность] *псаломщика при сей же ц.* [церкви]»[48]. Это произошло потому, что в указанные го-

ды Величкин служил в армии. Синайский с разрешения начальства заменил зятя на его должности в причте и стал исполнять привычные обязанности. Так продолжалось три года. В итоге общий стаж пребывания Синайского на двух причетнических должностях (пономаря и псаломщика) составил 36 лет. Он оказался среди старожилов Богоявленской церкви.

Александр Григорьевич был женат, жену звали Анна Николаевна. Помимо дочери Ольги в семье выросли двое сыновей Александр и Алексей, оба учились в местной брыковской школе. Старший сын потом обучался в Звенигородском духовном училище.

Церковные старосты в XIX веке

Помимо лиц духовного звания (священники, дьяконы, причетники) в каждом храме был церковный староста, у которого были свои обязанности (см. приложение–1).

Когда впервые староста появился в Богоявленской церкви, как его звали – история умалчивает. Самый ранний обнаруженный документ на эту тему – это приговор[i] прихожан, который начинается со слов: «*1821-го года Генваря 3 дня Московской губернии Звенигородской округи Села Брыкова мы нижеподписавшиеся Священно и Церковнослужители и прихожане при общем Собрании к нашей брыковской Церкви выбрали в старосту церковнаго на трехлетие, паки прежняго прихожанина из числа нашего доверия вотчины Генеральши Настасьи Петровны Квашнины Самариной Села Брыкова крестьянина* ***Михайлу Лаврентьева****, которой в прошлом трехлетии нетолько имел попечительность о пользе церкви и безкорыстие, но и приращение церковных доходов*»[49]. Этому крестьянину собравшиеся прихожане выразили коллективное доверие на «*хранение церковной суммы*». Слова «*в прошлом трехлетии*» говорят о том, что Михаил Лаврентьевич был на этой должности и в предыдущие три года (1818–1821). А может, избирался старостой и раньше.

Список старост Богоявленской церкви, имена которых удалось установить, приведен в приложении–7. Увы, в списке есть лакуны. Так остались неизвестны имена старост в 1825–1826 и в 1840–1841 гг. Это объясняется тем, что о них писали редко и далеко не все документы сохранились.

Глядя на список старост, бросается в глаза то, что на этой должности были только крестьяне. Нельзя сказать, что так было везде. В четырех селах, об истории которых автору довелось писать книги, только в одном (Никулино) старостами были так же исключительно крестьяне. И это легко объяснялось – указанное село было «казенным». А в трех других селениях (Филатово, Глебово, Ивановская фабрика) в приходе имелись помещики или купцы-фабриканты. Они и выбирались старостами. Это вполне объяснимо, ведь финансовые возможности землевладельцев, а тем более купцов заметно превышали возможности обычных крестьян. Конечно, далеко не каждый помещик становился старостой. На эту должность прихожане выбирали верующих, достойных людей. Конечно, и у самих кандидатов должно быть желание занять эту должность.

Почему-то среди старост Богоявленского храма за всю его многовековую историю не оказалось ни одного помещика (по крайней мере, подтверждающих документов нет). Это довольно странно, можно сказать нетипичный случай в церковной практике. Если порассуждать на эту тему, то можно найти объяснение, почему так произошло.

Безусловно, храмоздатели Богоявленской церкви Квашнины-Самарины могли быть церковными старостами. Возможно, ими и были, но документы об этом не сохранились. Но могли и не быть, и тому есть причины. Вряд ли на этой должности был Андрей Никитич Квашнин-Самарин, ибо он жил во время Петра I, который только ввел институт церковных старост и думается, что появились они сначала в столичных храмах. А вот его внук Федор Петрович вполне мог оказаться старостой Богоявленской церкви. Вот только было ли так на самом деле? Ведь по имеющимся данным этот помещик не проживал постоянно в своем подмосковном имении. Его сын Петр Федорович также вряд ли был церковным старостой, т.к. почти всю свою жизнь находился на службе, занимал высокие посты. Ну а в Брыково длительное время жить мог только в старости, когда уже силы были не те. Должность же старосты была довольно хлопотная, требовала немало времени.

В начале XIX в. имением Брыково по-прежнему владели представители рода Квашниных-Самариных. Но то были женщины, которых в прежние времена на должность старосты не избирали. Потом долгие годы имение находилось под дворянской опекой. Во второй половине XIX сто-

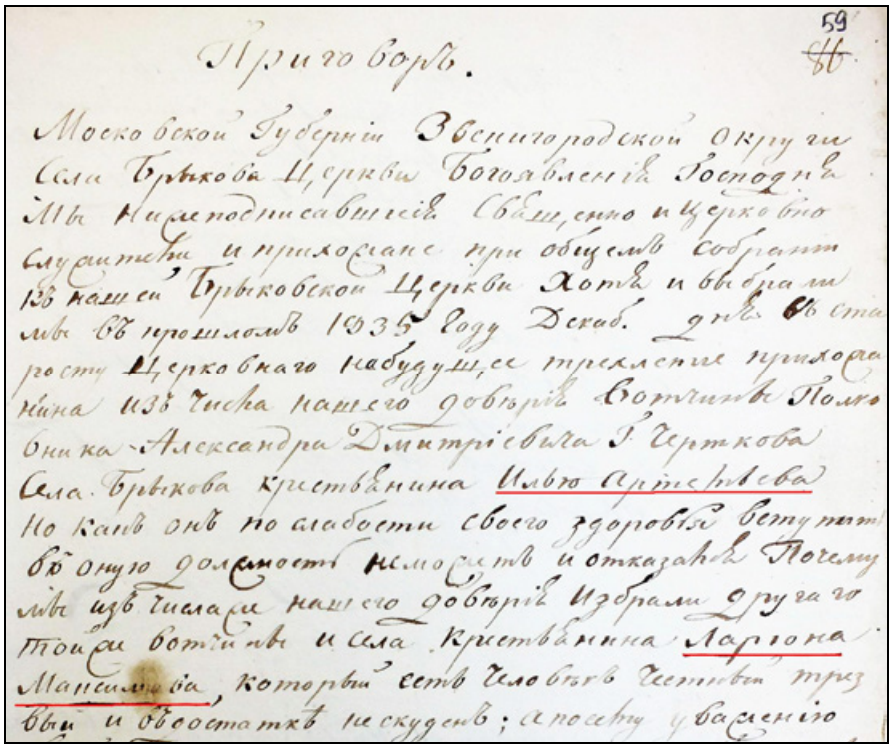
[i] Слово приговор ранее имело иной смысл. Он следует из фразы: «*собрались и приговорили*», т.е. решили. Синоним слова приговор в данном случае – это решение.

летия Брыково стало принадлежать врачу П. Н. Кильдюшевскому (и его потомкам), потом историку Г. Ф. Карпову. Это были верующие и небедные люди. Они вполне могли стать старостами Богоявленской церкви. Но не были ими, т.к. не ладили с местным причтом и некоторыми прихожанами. Ну а последней владелицей имения вновь была женщина А. Т. Карпова. В приходе Богоявленской церкви были селения, принадлежавшие другим помещикам, например, сельца Зенькино, Железниково, Красновидово, Холуяниха. Вот тут загадка: почему владельцы этих селений не избирались на должность церковного старосты? В результате весь XIX век и годы до революции старостами были только крестьяне. Этим, видимо, объясняется то, что брыковский храм никогда не относился к обильно украшенным Божьим домам с богатой утварью.

Из всех церковных старост в первую очередь следует выделить крестьянина сельца Зенькино **Федора Мартыновича**, который восемь раз (!) избирался старостой и находился на этой должности дольше всех – 24 года (1867–1891), т.е. считай четверть века. При этом он был неграмотным. В статье, напечатанной в епархиальном журнале, об этом старосте есть такие слова: «*во все время проходивший свою должность честно и верно*»[50]. На его долю пришлось трудное время: в Богоявленской церкви расширялась трапезная и строилась колокольня. Напомним, что из-за бедности прихода стройка затянулась, приходилось заниматься изысканием средств, неоднократно просить священноначалие о выдаче книг для сбора пожертвований. Значительная часть этих забот лежала на старосте. Когда стройка была окончена, и храм освящен, в том же епархиальном журнале было написано: «*преподано благословение Святейшаго Синода с выдачей установленных грамот следующим лицам* […] *непременному члену сего же попечительства церковному старосте Богоявленской, села Брыкова, церкви крестьянину сельца Зенкина Феодору Мартынову*»[51]. Надо сказать, что нечасто и далеко не все церковные старосты удостаивались такого знака отличия.

Были и другие достойные люди на должности старосты, к их числу относится крестьянин **Семен Иванович**. Очень жаль, что оказалось утраченным архивное дело «*О награждении церковного старосты с. Брыкова Семена Иванова похвальным листом за усердную службу*». Из другого документа удалось узнать, что награда была вручена за ценный дар: «*В сем 1861 году в нашу Богоявленскую, села Богоявленскаго Брыково тож, Церковь, старостою церковным, временно обязанным крестьянином, Семеном Ивановым, пожертвовано на покупку новаго паникадила сто семьдесят рублей*»[52]. 170 руб. – большая сумма для простого крестьянина. Через четыре года Семен Иванович вновь был поощрен начальством. Но чем именно и за какие заслуги – не сообщается. По имеющимся данным он 10 лет (1857–1867) находился на своей должности. Это третий по продолжительности срок пребывания на данном посту.

Увы, не все старосты отрабатывали три года, на которые избирались (отсюда сроки пребывания на должности у некоторых не кратны трех годам). Бывало, мешала исполнять обязанности болезнь. В качестве примера можно привести цитату из еще одного приговора прихожан брыковской церкви: «*хотя и выбрали мы в прошлом 1835 году* […] *в старосту Церковнаго на будущее трехлетие прихожанина из числа нашего доверия вотчины Полковника Александра Дмитриевича г. Черткова Села Брыкова крестьянина* ***Илью Артемьева***, *но как он по слабо-*

Изо 6–08. Приговор прихожан на избрание старосты Лариона Максимовича, 1836.

сти своего здоровья вступить в оную должность неможет и отказался, почему мы из числа ж нашего доверия избрали другаго той же вотчины и села крестьянина ***Лариона Максимова****, который есть человек честный трезвый и в доставке не скуден*»[53]. Получается, что упомянутый крестьянин Илья Артемьевич был старостой менее года. Точно так же по болезни был вынужден прервать исполнение своих обязанностей упоминавшийся ранее староста Семен Иванович. Взамен него на должность был выбран крестьянин Федор Мартынович, который, как уже говорилось, стал рекордсменом среди всех старост Богоявленской церкви.

Может возникнуть вопрос: получал ли староста зарплату за свою работу? Трудный вопрос, об этом редко когда прямо говорили. Обычно предполагалось, что люди бесплатно работают на этой должности. Но были и исключения. Вот что написано в одном из архивных дел, датированным 1852 г.: «*получает от прихожан более ста рублей асс. в год жалованья за свою должность, чего прежним старостам не давалось*»[54]. Имя старосты не указано, но в этот год указанную должность занимал крестьянин дер. Кучи **Егор Яковлевич**. В предыдущей главе рассказывалось, как этот староста пожаловался на настоятеля Богоявленского храма о. Николая Зверева. Эти обвинения подтвердились, и в итоге священник был отрешен от места. Данный пример показывает, что голос церковного старосты имел достаточно значимый вес. К разговору о старостах еще вернемся.

Доходы причта

Сейчас поговорим о том, о чем нечасто пишут в книгах, особенно церковных – о доходах служителей. В церковных изданиях больше рассуждений о высоких материях, о духовном. А материальные вопросы на втором, если не на десятом месте. Поэтому сведений о бытовой жизни клириков намного меньше. Об этой малоизведанной стороне и пойдет разговор далее.

Источники доходов клириков Богоявленской церкви

В одной из книг автора обсуждался вопрос о доходах клириков Христорождественской церкви с. Филатово[55]. На примере этого храма оценим, какие источники доходов имелись в Богоявленской церкви с. Брыково:

1). **Выплат от государства** клирикам долгое время не было, они были введены лишь с 1905 г. (об этом говорилось в предыдущей главе).

2). Проценты с **банковского капитала**.

В кассе Богоявленской церкви до середины XIX в., видимо, не имелось ценных бумаг. Впервые они упомянуты в клировой ведомости за 1863 г.: «*По свидетельству от 14 ноября 1862 года за № 7204-м, на 4% билет, Московской Сохранной казны, в тридцать рублей серебром, получается процентов один рубль и двадцать копеек серебром*»[56]. Эти деньги поступили в церковную кассу еще в 1848 г. «*на поминовение*» от титулярного советника Медианова[57] (по другим данным от надворного советника Василия Никитича Цветкова[58]). Увы, этот финансовый билет позднее был утрачен (обстоятельства данного происшествия уточнить не удалось, т.к. заведенное по этому случаю архивное дело не сохранилось). Через некоторое время в Богоявленскую церковь был сделан еще один вклад, о нем в клировой ведомости сказано так: «*По Государственному непрерывному доходному 4% билету Московской Конторы Государственнаго Банка за № 03626-м на сто рублей на вечное время, получается процентов пять рублей и двадцать копеек*»[59]. Как видим – сумма начислений в пересчете на год была крайне незначительной (1 руб. 20 коп. по первому банковскому билету и 5 руб. 20 коп. по второму). Эти деньги делились на всех клириков согласно занимаемым должностям (в каких пропорциях – поговорим чуть позже).

3). **Оплата преподавания в школах**.

В девятой главе пойдет подробный разговор об истории народного образования в с. Брыково, как в 1857 г. в своем доме стал учить грамоте крестьянских детей священник Михаил Михайловский, причем делал это поначалу бесплатно. Потом преподавательский труд настоятеля стал оплачиваться. Вначале местные власти платили 109 руб. в год за преподавание всех предметов. Потом, когда за священником остался только Закон Божий, оплата была снижена до 50 руб. Но когда через некоторое время губернское земство стало приплачивать наставникам за каждый двухчасовой урок по одному рублю, то доходы о. Михаила увеличились до 118 руб. в год. Причетники не имели этого источника дохода.

4). **Требы и пожертвования прихожан.**

Сохранилось несколько архивных дел, в которых приводятся сведения о приходе и расходе денег в кассе храма. В одном из них имеется такая информация для Богоявленской церкви: «*К генварю месяцу 1835 года состояло наличных денег – 282 р. 57 к. За проданныя свечи – 174 р. 50 к. От поданных в кошельки и кружки – 140 р. Итого* [поступило] *– 314 р. 50 к. А всего остаточными – 597 р. 7 к. Употреблено на покупку воска и свеч – 149 р. 50 к. Употреблено на починку церквей и разныя расходы – 74 р. 40 к. Внесено на хранение и приращения в пользу церкви – 25 р. Итого* [в расход] *– 248 р. 90 к. Затем осталось наличных денег – 348 р. 17 к.*»[60]. В другом деле приводятся сведения о пожертвованиях в церковь за 1857 г.: «*Кружечнаго сбора – 37 р. 72 к., кошельковаго сбора – 608 р. 62 к., на призрение беднаго духовенства – 1 р., итого – 647 р. 34 к.*»[61]. В таком же документе за 1882 г. сборы на аналогичные цели были такие: «*245 р. 88 к., 23 р. 51 к., 1 р. 30 к.*»[62].

Следует пояснить, что указанными деньгами причт не мог распоряжаться, например, тратить на свое пропитание. Часть пожертвований были целевыми. К их числу относились: «*На призрение беднаго духовенства», «Возобновление православия на Кавказе», «Содержание церквей и школ в Западных губерниях», «На улучшение быта православных поклонников в Палестине», «В пользу раненных и больных воинов»*. Суммы этих поступлений были невелики и исчислялись копейками, иногда рублями (за целый год). И все они передавались в духовное правление и консисторию. Так называемые «*кружечный*» и «*кошельковый*» сборы оставались в храме. Но эти деньги причт также не мог тратить на себя, они шли в общую кассу на нужды храма. Только в редких случаях епархиальное начальство по подаваемым прошениям могло выделить какую-то часть церковных денег особо нуждающимся клирикам, например, на постройку жилого дома погорельцам.

Тратить на себя и свои семьи служители церкви могли средства, получаемые с прихожан за исполнение различных треб (крещение, отпевание, венчание, молебны). Поступления от треб были наиболее существенной частью всех доходов клириков. Как правило, размер таких поступлений в церковных документах не отражался (по Брыково таких данных нет, есть сведения по соседнему[i] приходу[63]). В клировых ведомостях и других документах указывали лишь общую оценку состояния ежегодных доходов причта без указания сумм. Например, в ведомости 1813 г. сказано: «*Священно и церковнослужители от вышеписанной земли и прихожан содержание имеют довольное*»[64]; 1832 – «*На содержание священно и церковнослужителей жалованья не получается ни от кого. Содержание имеют посредственное*»[65]; 1842 – «*Содержание имеют средственное*»[66]; 1851 – «*На содержание священно и церковнослужителей жалованья не получается ни от кого. Содержание имеют весьма скудное*»[67]; 1863 – «*Содержание их посредственно*»[68]; 1892 – «*Содержание для двух членов причта достаточное*»[69].

Все перечисленные сведения еще раз показывают, что приход с. Брыково никогда не относился к богатым. По оценке самих членов причта их сосуществование находилось между словами «*скудное», «посредственное»* и «*довольное*», «*достаточное»* (в отдельные годы). Если отталкиваться от приведенных цитат, то клирики более-менее сносно жили в начале XIX в., когда помещики Квашнины-Самарины еще выплачивали ругу на троих клириков. И в конце того же столетия, когда в причте вместо трех осталось два служителя и собираемых доходов на пропитание семей стало хватать.

5). Доходы от **церковной земли**.

В предыдущей главе этот вопрос уже затрагивался. Говорилось, что Богоявленской церкви, как и другим сельским храмам был выделен земельный надел 33 дес. (по другим данным 36). На своем участке можно было выращивать урожай, а можно было отдавать его в аренду, получая взамен деньги или (и) продукты питания. Церковной землей частично пользовались сами служители (на так называемых усадьбах находились жилые дома, хозяйственные постройки, сады и огороды, а также имелись луга для заготовки сена). Но большую часть церковной земли использовали местные помещики, предоставив взамен более удобную землю вблизи села. Так продолжалось до тех пор, пока в середине XIX в. хозяином имения не стал П. Н. Кильдюшевский, при котором все изменилось. Начался земельный спор, длившийся много лет и завершившийся не в пользу клириков. Об этом подробно рассказывалось в предыдущей главе.

---

[i] Настоятель соседней Троицкой церкви с. Мушкино Александр Постников в 181 г. установил определенную плату на требы: за крещение и отпевание младенцев – 1 руб. 10 коп., отпевание взрослого – 4 руб. 50 коп., венчание – 15 руб. Эти цены вызывали возмущение у местных крестьян (прежде они были меньше).

Распределение доходов в составе причта

Все получаемые доходы (за исключением оплаты преподавания уроков в школе) делились между клириками по определенным правилам, согласно занимаемым должностям. В трехчленном причте, состоящем из священника, дьякона и причетника (пономаря, дьячка или псаломщика), получаемые из разных источников доходы, как правило, делились в пропорции 3:2:1. Это означало, что все доходы клириков (как деньги, так и натуроплата в виде продуктов питания) сначала складывались, как бы теперь сказали, «в общий котел». А потом делились на шесть частей. Далее каждый получал в соответствии со своей должностью. Так священник получал три части из шести (т.е. половину всех доходов). Дьякон забирал две части (т.е. треть). А причетнику оставалась одна шестая часть. По некоторым данным в той же пропорции 3:2:1 между клириками распределялись церковная земля, сенокосы, дрова.

В Брыково пропорция была немного иная. В составе причта Богоявленской церкви поначалу не было дьякона, но имелись два причетника, причем у дьячка и пономаря с точки зрения распределения доходов доли были равными. Поэтому доходы делились в пропорции 3:1:1 (каждый причетник получал по 1/5 части). После же назначения в причт дьякона пропорция стала такая: 3:2:1:1 (причетники стали получать по 1/7 части доходов). Из этих пояснений становится понятно, почему клирики ратовали за сокращение членов в причте: тогда их доли становились весомее.

После увольнения в 1875 г. из причта дьякона Егора Румянцева, служившего на пономарском месте, второе причетническое место в брыковском причте никто больше не занимал. Так что с этого времени в Богоявленской церкви служили только двое – настоятель и один причетник, их доходы делились в пропорции 3:1 (причетник получал 1/4 часть).

1810–1848: Священники Тихомировы

Поговорим теперь о священниках, настоятелях Богоявленской церкви в первой половине XIX в.

Напомним, что в 1809 г. по старости был уволен священник Павел Васильевич. Несколько месяцев должность настоятеля Богоявленская церковь оставалась свободной, требы исполнял священник соседней Крестовоздвиженской церкви с. Телепнево о. Тимофей. В марте 1810 г. в сан священника был рукоположен студент «*Троице-Лаврской*» (Вифанской) семинарии **Илья**[i] **Тимофеевич Тихомиров** (ок. 1786 – † 1871) и назначен на должность настоятеля Богоявленской церкви. В отличие от прежних настоятелей этот служитель не был в родстве с другими членами причта, его отцом был священник Тимофей Иванович из с. «*Троицкаго, Голенищева тож Московскаго округа*».

О. Илья долгое время служил без замечаний, напротив, поощрялся начальством. Был награжден бронзовым наперсным крестом в память войны 1812 г.

В 1830 г. Тихомиров стал «*депутатом благочиния*». В 1832 г. был назначен благочинным одного из округов Звенигородского уезда[70]. Четыре года трудился на этом посту. Наверное, и дальше находился бы на данной должности, если бы не один случай. Как оказалось, в 1836 г. викарный епископ ездил с инспекцией по Звенигородскому уезду и в нескольких храмах выявил нарушения. Среди них оказалась Богоявленская церковь, в которой настоятелем являлся благочинный округа Тихомиров. По итогам этой инспекционной поездки был издан указ МДК, в котором отмечено:

Изо 6–09, 6–10. Наперсный крест "В память войны 1812 года" для иереев (лицевая и оборотная стороны).

«*Церковь Богоявленская в селе Брыкове требует исправления: ибо в трапезе совсем нет пола и в окнах рам. Причту нужно зделать подтверждение о соблюдении чистоты и опрятности по церкви, о своевременном писании приходорасходных и Метрических Книг, ибо при осмотре ока-*

[i] По православным правилам имя священника следовало бы писать Илия. Но в большинстве исторических документов Тихомиров записан как Илья. Он сам так писал свое имя (см. изо 6–03, 6–06).

залось, что приход и расход церковной суммы за два месяца не вписан в книги, а Метрические Книги небыли совсем написаны. А священнику Илие Тимофееву в особенности, что бы на праздничные дни без особой нужды не отлучался от своего прихода и неоставлял церкви без Богослужения. И поелику сей священник есть местный Благочинный, а у него и по своей церкви оказались значительныя неисправности, и по Благочинию его наприм. в селе Филатове не совсем исправно, то как неблагонадежнаго положил удалить его от благочиннической должности»[71].

Помимо этого у епископа были замечания и к описи Богоявленского храма.

Таким образом, за то, что о. Илья допустил такие беспорядки в своей церкви и вовремя о них не доложил начальству, его посчитали виновным и с должности благочинного сняли. При этом в консистории сочли, что выявленные нарушения не столь серьезны для более строгого наказания. И потому оставили Тихомирова в священническом сане и от должности настоятеля Богоявленской церкви не отстранили. Можно сказать, что батюшка легко отделался, даже в графе о наказаниях о снятии с должности благочинного не писали. Так в клировой ведомости за 1842 г. записано, что в течение года прочитал в храме «*6 проповедей*», поведения *«честнаго*», «*судим и штрафован не был*»[72].

В Богоявленскую церковь о. Илья прибыл уже женатым, супругу звали Лукерья (Гликерия) Ивановна. Здесь в Брыково родились дети: Анна, Павел, Яков, Елизавета[73]. Сыновья пошли по стопам отца, обучались в Вифанской семинарии, стали потом церковнослужителями (по крайней мере, Павел точно им был).

В архивных делах крайне редко встречаются описания жизни церковнослужителей, данные об условиях их быта. Тем ценнее подобные сведения, которые иногда попадаются в документах.

В одной из ранее написанных автором книг рассказывалось о помещике графе Федоре Толстом (более известном под прозвищем “Американец”), который проживал неподалеку в своем имении Глебово. Описывался эпизод, как граф наказал мещанина Игнатьева (вырвал зубы) за то, что тот обманул его с постройкой фабрики[74]. По этому случаю было заведено следственное дело, оно сохранилось. О данном деле здесь зашла речь потому, что в нем упоминается с. Брыково и служители местной церкви. Далее пойдет речь только о том, что имеет отношение к теме настоящей книги (подробности скандала мещанина с графом Толстым опускаются).

О. Илья вспоминал: «*В 1840 году в июне или июле м-це достоверно неупомню какого числа пред вечером была гроза, молнии и дождь весьма сильный. В это самое время означенный Петр Иванов Игнатьев приехал ко мне в дом на телеге и своей лошади с женою и детьми своими и просил меня укрыть его от бури и непогоды, почему я в тоже время впустил его к себе и по его прозбе велел поставить самовар и он пил чай*»[75]. Священник оставил на ночлег семью мещанина, но перед этим позвал в дом дьякона и пономаря. Игнатьев договорился с причетником, что тот на своей лошади за пять рублей поможет довезти имущество до дер. Пешки, находившейся в 35 верстах на Санкт-Петербургском тракте. На другой день выехали в 6 или 7 утра.

Вот и все сведения, которые в указанном деле имеют отношение к Брыково. Как видим, ничего особенного в этом рассказе нет, просто он иллюстрирует, как жили в те годы простые люди. Отметим еще, что в том году И. Т. Тихомиров построил новый дом для проживания своей семьи.

После 36 лет службы в Богоявленской церкви в ноябре 1846 г. о. Илья был уволен с должности настоятеля с формулировкой: «*за старостию лет*»[76]. В другом документе написано: «*по слабости здоровья*», указан возраст 61 год. Какая ж это старость лет? И как быть со слабостью здоровья, если Илья Тимофеевич прожил после этого еще 25 лет, при этом (как будет рассказано далее) служил в московском храме? Явные нестыковки. Оказывается, истинная причина увольнения была иная – батюшка хотел пристроить младшую дочь Елизавету, вот и уступил свое место в причте для зятя.

Женихом оказался выпускник МДС **Никита Иванович Назаров** (ок. 1819 – † 1847). Он согласился взять в жены Елизавету Ильиничну Тихомирову и занять в брыковском причте место ее отца (вот еще один случай «женитьбы на месте»). После совершения брака Никита был рукоположен 21 апреля 1847 г. в сан священника и направлен на служение в Богоявленскую церковь. При этом, как написано в клировой ведомости за указанный год, Илья и Лукерья Тихомировы стали жить «*на содержании зятя*» Никиты Назарова «*без обязательства*»[77] (надо полагать, без документального оформления). Прибывший в Брыково батюшка был молод (28 лет), но вскоре серьезно заболел. По этой причине клировую ведомость заполнял не он, а находившийся за штатом тесть Илья Тихомиров: «*Исправляющий должность за болезнию местнаго священника*». А вскоре и во-

все случилось непоправимое: 30 декабря 1847 г. о. Никита умер о холеры[78]. Чуть более восьми месяцев он находился на должности настоятеля (как показали последующие события, это был не самый короткий срок пребывания служителей в брыковском причте). Так матушка Елизавета Ильинична стала вдовой. Ей не было еще и 20 лет, на руках находился только что родившийся младенец Дмитрий. Трудности молодой вдове помогал преодолевать ее отец Илья Тимофеевич, который был назначен опекуном над малышом, своим внуком (увы, ребенок не прожил и года, вскоре умер).

Была составлена опись имущества умершаго священника Никиты Назарова:

«*1). Икона Божия Матери Казанския в серебренном венце. 2). Икона Св. Мученик Гурия, Самона и Авива в ризе* [нрзб]. *3). Дом, взятый за женой в приданое с принадлежностию, как то жилая горница 9 аршин, против этой другая горенка 7 аршин, между ними сени 5 аршин, крыто все тесом. 4). Двор в длину 18 аршин, а поперечнику 13 аршин, в переднем углу у ворот мшаник в той же 13-арш. мере, 5 аршин. 5). Два амбара, 1-й семи и 2-й 5 и ¼ аршин. 6). Два сарая, один новый, длиннику 18 аршин, поперечнику 7 аршин и 3/4; другой ветхий длиннику 18 аршин, поперечнику 7 аршин с половиною. 7). Погреб ветхий 4 ½ арш. 8). Баня старая длины 5 арш., а ширины 3 аршина. Все прописанное строение крыто соломою, и примерно стоит всем стройка сто пятьдесят рублей серебром. 9). Еще денег осталось взятых за женою в приданное пятьдесят рублей серебром в ламбартном билете, положенном на неизвестнаго. В.* [Верхнюю] *Одежду всю и пуховую шляпу, оставшуюся после покойнаго, по завещанию его, взяла родная его мать Акилина Степанова, живущая в Москве, в приходе Бориса и Глеба, что на Арбате просвирнею. 10). Лошадь гнедая белоногая 18 лет, примерно стоит три рубля серебром, летняя запряжка в шесть рублей серебром. 11). Корова черная 8 телят, примерно стоит десять рубл. сер. 1848 мая 10 дня*»[79].

Ранее приводилась опись имущества умершаго пономаря той же церкви Аверкия Лукина. Из сравнения текстов видно, что причетник жил намного беднее. Это и понятно, данная опись – это фактически перечень имущества прежнего настоятеля Ильи Тихомирова, который передал свой дом со всеми постройками и скотиной дочери в качестве приданного. Как уже говорилось, священнические доходы в три раза превышали причетнические. Вот о. Илья и скопил некоторое имущество (не ахти, правда, какое богатое) за долгие годы своего служения в Богоявленской церкви.

После смерти о. Никиты должность настоятеля храма вновь стала вакантной. Обычно в таких случаях, пока шел поиск и утверждение кандидата на освободившуюся должность в причте (а на это порой уходило несколько месяцев), требы прихожан выполняли настоятели соседних храмов. Но в этот раз дело обстояло иначе. Ведь в Брыково проживал заштатный священник Илья Тихомиров. Поэтому священноначалие уже через несколько дней после кончины о. Никиты 3 января 1848 г. приняло решение: «*о дозволении уволенному от должности священнику села Брыкова Илье Тимофееву продолжить служение в означенном селе по прежнему*»[80]. Так пожилой батюшка вновь стал настоятелем храма, в котором прослужил столько лет. И буквально через две недели после вступления в должность он подал прошение о замене ветхого антиминса[81].

Как ранее сообщалось, у служителя Ильи Тимофеевича помимо дочери Елизаветы, вышедшей замуж за Никиту Назарова, были и другие дети. Один из них **Павел Ильич Тихомиров** (ок. 1819 – † 1893) служил дьяконом в Воскресенской церкви с. Раменье Волоколамского уезда. По информации, полученной от исследователя М. Б. Морозова, в конце августа 1848 г. настоятель о. Илья подал прошение священноначалию об определении на его место в причт Богоявленской церкви сына Павла[82]. Это прошение было удовлетворено. Дьякона рукоположили в священнический сан, и 15 октября он получил назначение на служение в Богоявленскую церковь с. Брыково.

Павел Ильич прибыл на родину вместе с женой, которую звали Евдокия Михайловна и тремя детьми. Помимо своей семьи ему пришлось содержать родственников: отца, мать, овдовевшую сестру с малолетним сыном[83].

В Брыково о. Павел ничем не успел отметиться, т.к. уже через три месяца 19 января 1849 г. вернулся на прежнее место служения. Туда, откуда прибыл – в Воскресенскую церковь с. Раменье[84]. Только уже не на должность дьякона, а на место настоятеля храма.

В истории Богоявленской церкви прежде не было такого столь краткого срока пребывания служителя в причте (по крайней мере, в документах это не зафиксировано). Почему Павел Ильич не захотел остаться на родине, где жили его родители, почему вернулся на прежнее место службы? Со стороны это выглядит странным, если не знать деталей.

За прошедшие годы в Брыково многое изменилось. Напомним, что в 1847 г. имение купил доктор П. Н. Кильдюшевский, который почти сразу рассорился с местным причтом. Помещик забрал у служителей свою лучшую землю, и заодно присвоил приносившую доход мельницу, находящуюся на церковной земле. Жить клирикам и их семьям стало труднее. Об их благосостоянии в то время лучше всего говорят слова в одном из архивных дел: «*мы претерпеваем величайшую бедность*»[85]. Причина такого положения была не только в притеснениях со стороны помещика, но и в прихожанах: «*Крестьяне имеют скудное состояние*». Если у людей мало денег, то как они могут хорошо платить за исполнение треб? Очевидно, в с. Раменье условия жизни клириков и служения в храме были лучше, чем в Брыково, там был большой приход. Да и потом за возвращение служителя ходатайствовали его бывшие прихожане, которым он понравился, когда еще служил у них дьяконом.

После возвращения в Воскресенскую церковь о. Павел восемь лет исполнял обязанности ее настоятеля. А потом, как написано в епархиальном журнале, продолжил служение в другом храме того же Волоколамского уезда: «*по просьбе князя Михаила Михайловича Голицына, переведен священником*[i] *в его имение в с. Плосском*»[86]. Батюшка служил честно, добросовестно, за что неоднократно отмечался начальством. Согласно ПС был награждался набедренником, «*бархатною фиолетовою скуфьею*», камилавкою. В память Крымской войны 1853–1856 гг. ему был вручен бронзовый наперсный крест на Владимирской ленте[87]. А 3 февраля 1884 г. император подписал указ о награждении орденом св. Анны 3-й степени: «*за 25-летнее прохождение должности законоучителя в народных училищах* […] *священнику Павлу Тихомирову*»[88].

Изо 6–11, 6–12. Орден св. Анны 3 степени (лицевая и оборотная стороны).

Вскоре (очевидно, в силу возраста и здоровья) священник уволился за штат и был определен в Подольский уезд *«на должность экономa Островскаго дома призрения»,* Там, как написано в епархиальном журнале: *«за 9 лет своей службы успел снискать себе доверие начальства, любовь призреваемых и искренее уважение всех знающих его»*. 28 июня 1893 г. Павел Ильич умер «*от воспаления в легких*»[89], был похоронен на территории Николо-Угрешского монастыря. Было ему 74 года. Вот таким достойным служителем у престола Божия оказался бывший настоятель Богоявленской церкви. Остается только сожалеть, что слишком мало батюшка прослужил в Брыково. По данным клировой ведомости 1872 г. в семье священника было шестеро детей: Екатерина, Николай, Анна, Евлампия, Анастасия, Евдокия[90]. О них сведения не собирались.

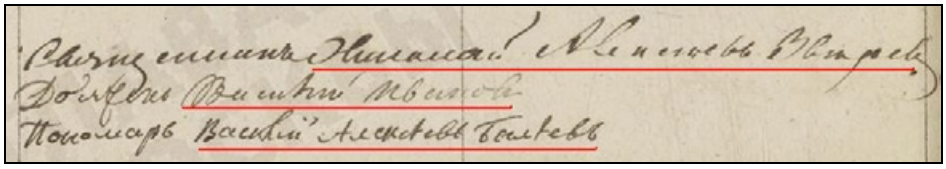
Но вернемся по времени назад. После ухода о. Павла место настоятеля в Богоявленской церкви вновь стало вакантным. По какой-то причине его отец Илья Тимофеевич Тихомиров не захотел возвращаться на эту должность и вместе с женой и дочерью-вдовой переехал в Москву. По данным, предоставленным М. Б. Морозовым, 15 мая 1849 г. бывший священник церкви с. Брыкова был определен «*для служения ранних Литургий*»[91] в церковь Преображения Господня на Большой Ордынке. Сколько он служил в этом храме – осталось неизвестно. Но прожил Илья Тимофеевич долго, умер в Москве в начале 1871 г.[92]. Было ему 85 лет. Очень почтенный возраст для того времени.

1849–1853: Священник Николай Зверев

Вернемся в Брыково. После отъезда о. Павла три с половиной месяца должность настоятеля Богоявленской церкви оставалась вакантной. Наконец, 2 мая 1849 г.[93] на это место был назначен молодой выпускник МДС, сын дьякона **Николай Алексеевич Зверев** (ок. 1825 – † 1864). Перед прибытием в Брыково он был рукоположен в священнический сан. Срок его служения в Богоявленской церкви оказался невелик, всего четыре года. Но это было больше, чем у двух его предшественников.

[i] В статье написано, что перевод в указанное село состоялся в 1849 г. Это ошибка. Согласно клировой ведомости это случилось в 1857 г.

И даже за такое не столь долгое пребывание в Брыково о. Николай успел отметиться несколькими неблаговидными поступками, за которые был наказан. Но обо всем по порядку.

Изо 6–13. Подписи клириков Богоявленской церкви в метрической книге: священник Николай Алексеевич Зверев, дьячок Василий Иванович (Лавров), пономарь Василий Алексеевич Былеев[94], 1850.

С переездом Зверева на место назначения в подмосковную глубинку помог брыковский помещик П. Н. Кильдюшевский, он же оказал содействие с первоначальным обустройством. Как написано в архивном деле: *«из Москвы перевез его со всем имением на своих подводах в самое нужное для крестьян время. До приобретением им покупкою дома от прежняго священника, поселил его со всеми родными и гостями в своем доме, давши ему особенные комнаты, услугу, стол, словом содержал на своем иждивении около полутора месяца. Для разъездов в разные места ему никогда также не было отказываемо в подводах, вспахал для него под яровые хлебы две десятины и засеял своим зерном, не имея на то никакой положенной законом обязанности и проч.»*[95].

Вот сколько доброго помещиком с его слов было сделано для нового батюшки. А тот не ответил взаимностью. Кильдюшевский потом жаловался, что священник в престольный праздник Богоявления Господня «*не удостоил быть со Святою Водою ни в конторе моей, где живет сельское начальство, ни в моем доме*».

В ответ на это о. Николай заявил, что просить приюта у помещика пришлось потому, что купленный дом предшественника требовал некоторых поправок. И жил он в господском доме не полтора месяца, а только две недели. А потом его выгнала жена помещика, потребовав на ночь глядя освободить комнаты. Зверев также отказался от засеянного для него овса, т.к. за уборку и обмолот зерна требовалось заплатить 40 руб. И вообще, как написано в том же деле, священник заявил: «*если бы я знал, что мне не будут его крестьяне обрабатывать землю, то ни в коем случае не решился бы утруждать Его Высокопреосвященство об определении меня на настоящее место, потому что я, как Московский урожденец, несведущ в обработке земли и чрез это прошлым летом понес большой убыток*». И добавил: «*я косить не умею*».

Так отношения настоятеля храма с владельцем имения Брыково оказались испорчены. Они еще больше ухудшились после возникновения спора о церковной земле (о нем ранее подробно рассказывалось). Дошло до того, что помещик пожаловался на местный причт, обвинил служителей в неуважении. И добавил, что не будет помогать Богоявленской церкви, пока в ней не сменятся клирики. В МДК завели дело по жалобе помещика, разбирательство длилось несколько лет.

Надо сказать, что священнику Звереву выпало трудное время служения в Брыково. Помимо возникших трений с помещиком и судебных разбирательств по земельному делу, было много вопросов по ремонту Богоявленского храма, приведению его в должный вид. По всей видимости, в предшествующие годы никто из настоятелей за состоянием церковного здания особо не следил. Это объяснимо. Священнику Илье было не до того в силу своего преклонного возраста. Два других иерея Никита и Павел слишком мало времени находились на должности настоятеля и ничего толком сделать не успели. А храм ветшал. Разгребать ворох накопившихся проблем пришлось о. Николаю. В предыдущей главе описано, как батюшка затеял ремонт стен и крыши Богоявленской церкви, как скандалил с мастером по поводу качества работ. Священник Зверев был молодым, неопытным служителем и совершал ошибки. Так самовольно вырубил вокруг храма мелкую поросль и употребил хворост по-своему усмотрению. Но оказалось, что без ведома начальства этого нельзя было делать, данный проступок был поставлен в вину. Помимо этого о. Николай обменял старые обветшалые лампады на новые с доплатой. Однако церковных денег не хватило, и за храмом образовался долг. Были и другие прегрешения, все это потом припомнили настоятелю.

Вскоре последовали наказания. Как написано в архивном деле: «*В 1852 г. за своеволие и непрямодушные ответы* [Зверев] *был послан в Саввин Монастырь на одну неделю, с запрещением священнослужения*»[96]. Хотели наказать и за самовольную рубку деревьев. Однако по манифесту в ознаменование вступления на царство императора Александр II батюшке это нарушение простили. В МДК решили оставшуюся древесину *«отдать на отопление домов священно и церковнослужи-*

телей»[97]. А вот нетрезвость и «*немиролюбие с прихожанами*» о. Николаю не простили, и он 21 февраля 1853 г. был отстранен от должности настоятеля Богоявленской церкви с дозволением «*приискать другое священническое место*»[98]. Но это еще не все. Биография священника Зверева показывает, сколько неприятностей ему пришлось пережить в дальнейшем.

По данным все того же архивного дела иерея сперва направили в с. Городок Дмитровского уезда. Там он прослужил несколько месяцев, прихожане были им довольны. В августе 1854 г. о. Николая перевели в Москву в холерный госпиталь для исполнения треб, это было временное служение (пока был болен настоятель храма). Через какое-то время Зверев попросил назначить его в храм с. Майданово Клинского уезда. Но начальство отклонило прошение, уличив в ложном показании (в прошение написал, что, мол, прежде под судом не был). За сокрытие правды наказали «*положить сорок поклонов*». Наконец в декабре того же года о. Николая определили в далекий малодоходный приход в с. Каменищи Серпуховского уезда. Но и после этого начальство не оставило его в покое.

К этому времени в МДК, наконец, завершили рассмотрение дела по проступкам, совершенным Зверевым в с. Брыково. Было решено, что бывший настоятель Богоявленской церкви виновен в том, что во время ремонта самовольно запер материалы и оставил строителей без работы на сутки. Далее «*во время принесения жалобы Благочинному на подрядчика работ, быв в нетрезвом виде, оказал ему благочинному грубости,* […] *без основания и противозаконно поступил, взяв из кассы 5 руб. сер. за письмоводство церковных приходорасходных книг*»[99]. За священником также числился денежный долг, причем часть суммы была не его, а дьячка Лаврова (об этом уже рассказывалось). Учитывая, что Зверев и прежде подвергался взысканиям за разные нарушения, священноначалие хотело на сей раз вынести строгое наказание. Но, приняв во внимание «*рекомендацию г. Московскаго Военнаго Генерал Губернатора о примерном его Зверева усердии при исполнении треб во временной Больнице, по случаю эпидемической болезни*» в МДК решили ограничиться посылкой на один месяц в Давыдову пустынь «*для научения всегдашнему добросовестному действию по делам службы*». Помимо этого решено было со Зверева взыскать числившиеся за ним долги. Однако у него было мало денег, он даже не мог выкупить дом своего предшественника в с. Каменищи. Поэтому оплатил только часть долгов.

Через некоторое время о. Николай уже служил настоятелем Знаменской церкви в с. Иевлево (оно же Михайловское) Клинского уезда. Это был уже четвертый храм после Брыково. Похоже, что тут, наконец, священник нашел свое место, погасил оставшиеся долги. Вот только служить довелось недолго. Зверев умер 27 декабря 1864 г. «*от водянки*»[100]. Батюшке было всего 38 лет, в его семье осталось четверо детей: Александр, Екатерина, Николай и Дарья[101]. Похоронили священника при церкви, в которой он служил настоятелем.

Вот таким неоднозначным и, можно даже сказать, непутевым оказался очередной настоятель брыковского храма. Были у него положительные и отрицательные поступки. Следующим на этой должности иерей о. Михаил оказался совсем другим.

1853–1893: Священник Михаил Михайловский

9 мая 1853 г. в Богоявленскую церковь был назначен новый настоятель **священник Михаил Никифорович Михайловский**[102] (1830 – † 1899). Имя этого иерея неоднократно упоминалось ранее (образец подписи см. изо 6–07). И еще будет упоминаться. Так в девятой главе пойдет разговор о том, как он в своем доме открыл школу для сельских детей и потом их учил.

Михайловский служил в Брыково четыре десятилетия. Дольше него никто не находился на должности настоятеля Богоявленской церкви. Ранее говорилось об Иване Зернове, который служил в Брыково 66 лет без перерыва. Ну так он был причетником. А среди священников о. Михаил оказался рекордсменом по сроку службы, немного опередив по этому показателю иереев о. Илью и о. Павла (нынешний настоятель о. Андрей Васильев может превысить этот срок).

Первая икона о. Михаила

Прежде чем начать рассказ об иерее Михайловском, хотелось бы отметить, что его за долгие годы служения полюбили прихожане Богоявленской церкви. Подтверждением этому служат не только соответствующие цитаты в архивных делах, но и сохранившиеся вещественные доказательства. Это две иконы, подаренные прихожанами почти полтора века тому назад своему батюшке.

На одном из образов – пророк Илия и святой Николай Чудотворец. Примечательным является то, что святые держат в руках – икону Богоявления Господня! Почему выбраны эти два чудотворца при написании образа, объясняется просто – в честь этих святых были освящены приделы в трапезной брыковского храма, в их сооружении большая заслуга о. Михаила. Ну а держат святые в своих руках икону праздника, в честь которого был освящен главный придел. На обороте образа написано: «*В день 25-летия* [служения в Богоявленском храме] *9 мая 1878 г. Брыковскому священнику Михайловскому от прихожан*».

Изо 6–14. Первая икона, подаренная прихожанами священнику Михайловскому, 2017.

О происхождении очередного настоятеля Богоявленского храма информацией поделился исследователь А. Н. Инюкин:

«*Михаил Никифорович Михайловский родился 21 мая 1830 года в селе Яковлевское Пехорка тож Московского уезда*[103]. *Отец его, пономарь Спасской церкви указанного села Никифор Михайлович Никольский (1797? – † 1856), сын священника села Стрелкова Подольского уезда Михаила Иванова, начинал службу пономарем в Никитской, у речки Дроздны, церкви Богородского уезда в 1815 году, в 1818 году переведен к Спасской церкви села Яковлевского, Пехорка тож. Там женился на дочери умершего дьячка Василия Григорьева Мавре Васильевне и служил в этом селе до своей смерти, став дьячком. Михаил Михайловский и его братья, старший Иван и младший Николай в январе 1836 года остались без матери, она умерла при родах, а отец в конце этого же 1836 года женился на Евдокии Петровне, дочери пономаря села Образцова Богородского уезда Петра Гаврилова. От этого брака у Михаила Михайловского было две сестры Екатерина и Зинаида. Все трое братьев носили не отцовскую фамилию Никольские, а были записаны как Михайловские. Старший брат, Иван Никифорович Михайловский (1822 – † 1890), не закончив МДС, стал диаконом в селе Стромилово Серпуховского уезда, прослужив там всю жизнь. Младший брат, Николай Никифорович Михайловский (1833 – † 1897), окончил духовное училище и стал псаломщиком Богородицерождественской церкви в селе Рождествено на реке Сходня Московского уезда».*

Михаил Михайловский учился в Московской духовной семинарии, успешно ее окончил в 1852 г. с аттестатом второго разряда[104]. Перед рукоположением в священнический сан женился на Александре Михайловне, которая была старше на четыре года. По информации от того же исследователя бракосочетание состоялось 26 апреля 1853 г. в Москве в Троицкой в Хохловке церкви. Отец невесты Михаил Петрович Волхонский в разные годы служил в храмах сел Свинорье и Еремеево Звенигородского уезда. Сосватал же молодых брат невесты иерей Павел Михайлович Волхонский, работавший помощником инспектора в МДС (напомним читателем, что это он освящал один из приделов Богоявленской церкви в 1876 г.). Он же, очевидно, помог определению о. Михаила на вакантное место настоятеля в церковь Богоявления Господня с. Брыково. П. М. Волхонский потом неоднократно помогал семье Михайловских, ее детям.

Покупка дома у прежнего настоятеля

Михайловский был назначен в брыковский причт на место настоятеля иерея Зверева. По сложившийся традиции вновь назначаемый служитель для своего проживания должен был купить дом с постройками и двором у предшественника. Однако стороны не сошлись в цене. Прежний настоятель оценил свое жилье в 550 руб. асс., что, по мнению о. Михаила, было завышенной ценой: «*по его совершенной ветхости столько не стоит*». Для разрешения ценового спора по реше-

нию священноначалия была создана комиссия из нескольких священников соседних приходов. Те осмотрели хозяйство Зверева и оценили все постройки в 92 руб. сер. (по курсу обмена 1 к 3,5 это составляло 322 руб. асс.). В деле приведено описание осмотренного имущества:

«*1). Деревянный дом на 8* [аршин] *ширины и на 9 аршин длины, построенный в 1840 году, пол и потолок в нем старые* [...] *– 60* [руб.] *2). Сени на 5 и на 6 аршинах, кухня, в сенях две досчатыя двери и чулан с дверью, потолок и пол досчатыя. В кухне три окна и три рамы, в ней печь кирпичная с трещинами.* [...] *Все строение под одной тесовою крышею. – 12* [руб.] *3). Во дворе: створчатыя ворота на железных петлях,* [...] *четыре забора с деревянными столбами, двое стропил свалились.* [...] *– 8* [руб.] *4). Амбар для хлеба 5 аршин, некоторыя углы сгнили, крытый соломой.* [...] *– 4* [руб.] *5). Сарай из двух семи аршинных угольников* [...] *крыша соломенная, ветхая. – 5* [руб.] *6). Два погребца 4-аршин перекосились* [...] *– 2* [руб.] *7). Баня малая обветшалась, печь в ней развалилась, окно без косяков и без рамы. –1* [руб.]»[105].

Напомним, что ранее приводилось описание имущества умершего священника Никиты Назарова, составленное в 1848 г. Нетрудно убедиться, что это тот самый дом и хозяйственный двор. Только тогда имущество оценивалось в 150 руб. сер., а пять лет спустя за него давали только 92 руб. сер. Новый настоятель согласился с оценкой комиссии, внес деньги и просил разрешить ему немедленно переехать: «*прошу дозволить мне Священнику Михайловскому взойти в означенный дом предместника моего Священника Зверева, ибо живя в дальнем растоянии от Церкви Села Брыкова в одной версте примерно, – в особенности в настоящее время на открывшейся полой воде проход к Церкви весьма затруднителен и плачу за квартиру нанимаемою мною у крестьянина с мая месяца 1853 года по два рубля серебром».*

Как и ожидалось, прежний настоятель Зверев итоговую оценку имущества посчитал несправедливо низкой. Говорил, что дом *«был куплен у его предшественника за двесте руб. сер., жил я в нем 4 года,* [...] *и употребил на поправку онаго около шестидесяти рублей сер. И даже на сломку онаго давали ему сто тридцать руб. сер.»*[106]. Однако спорить по цене не имело смысла, ибо о. Николай не мог приехать, т.к. ныне проживал далеко *(«от Брыково в 165 верстах»*). Поэтому он вынужден был смириться и предложенные деньги принял.

В годы служения в Богоявленской церкви настоятелю Михайловскому пришлось решать массу вопросов. Среди самых значимых – это расширение трапезной части храма с обустройством двух приделов, строительство колокольни, а также открытие приходской школы (одной из первых в уезде). Об этих делах здесь подробно говорить не будем, приведем лишь выдержки из двух статей в епархиальном журнале (полностью тексты публикаций приведены в приложении–5).

В одной заметке написано: «*В селе Брыкове с 1857 г. до 1868 г. церковноприходская школа открытая священником М. Н. Михайловским помещалась в его доме*»[107]. В другой статье говорится о том, что 17 октября 1876 г. в Брыково происходило освящение двух новопостроенных приделов в Богоявленской церкви. Причем один из приделов – Никольский – «*освящал местный священник Михаил Никифорович Михайловский. Торжество было великое, так что в селах подобные случаи можно назвать редкостью*»[108].

Много хлопот, нервов и личных средств настоятель потратил на многолетнюю тяжбу с помещиками Кильдюшевскими по земельному вопросу, о получении компенсации за незаконно занятую ими мельницу. Состоялось несколько судебных заседаний, надо было оплачивать услуги адвоката. Однако служители не могли самостоятельно распоряжаться церковными средствами, каждый раз необходимо было обращаться к священноначалию за дозволением взять деньги из кассы храма. Так в 1871 г. Михайловский писал: «*Мною передано из собственных денег ему,* [адвокату] *Муромскому, 100 рублей собственных моих денег, да судебных издержек 58 р. 20 к. А всего истрачено мною собственных моих денег 158 р. 20 к., несчитая употребленных мною на разъезды по сему делу более 50 рублей.* […] *Крайне истощенный денежными средствами по ведению сего дела в Московском Окружном суде и Судебной Палате, я поставлен в большое затруднение*»[109].

Потраченная сумма в двести с лишним руб. для сельского священника, имевшего шестерых детей, была очень большой по меркам того времени, составляла значительную часть его годового дохода. В том же деле написано, что священноначалие сначала отклонило просьбу о компенсации судебных издержек за счет церковной кассы. Но потом все же разрешило взять деньги, но с условием их возврата, если дело будет выиграно в суде.

Отношения с клириками и разными людьми

За годы пребывания о. Михаила в причте Богоявленской церкви неоднократно менялись клирики, сменилось четыре церковных старосты. Начинал Михайловский служить с дьячком Николаем Троицким и пономарем Василием Былеевым. Потом на их место пришли Александр Синайский и Егор Румянцев. В 1875 г. брыковский причт из трехчленного стал двухчленным: в Богоявленском храме помимо настоятеля остался только один причетник (Синайский).

Если говорить об отношениях членов брыковского причта, но на эту тему почти нет информации за одним исключением, о котором кратко уже говорилось. Напомним, о чем шла речь.

Произошло это в 1892 г., когда о. Михаилу шел уже седьмой десяток лет. Однажды во время богослужения он почувствовал себя дурно. Попросил находившихся рядом людей помочь ему, но никто не откликнулся. Не стал оказывать помощь и псаломщик Синайский, который, как написано в деле, «*все 30 лет враждебно*» относился к настоятелю. Откуда такая давняя неприязнь – непонятно, в деле не объясняется. А ведь батюшка ранее помогал этому причетнику. В другом архивном деле написано, как однажды священник заезжал в Звенигородское духовное училище, чтобы передать плату за обучавшегося там сына Синайского (в итоге же попал в неприятную ситуацию).

Михайловскому дважды приходилось жаловаться на настоятелей соседних причтов на их незаконное вмешательство в пределы брыковского прихода. Следует отметить, что в те времена это было серьезным нарушением церковных правил. Священноначалие за этим строго следило и наказывало служителей, вторгнувшихся без согласия на чужую территорию.

Первый случай вмешательства относится к 1871 г., когда сельцо Зенькино от княгини Е. А. Голицыной перешло к дворянину Н. В. Рукину[110]. Новый помещик пригласил в свое имение для проведения молебна священника Преображенского храма с. Никулино о. Михаила Кудрина. Помещик знал, что его имение Зенькино приписано к брыковской церкви. Но он был благотворителем никулинского храма, в приходе которого находились другие его владения. Помещик хотел, чтобы все его земли относились к одному приходу, и потому ходатайствовал о приписке сельца Зенькино к Преображенской церкви с. Никулино. Однако местные крестьяне были против этого, священноначалие встало на их сторону, и Рукину в просьбе было отказано. Если же на ситуацию с молебном посмотреть современным взглядом, то по идее отвечать за вторжение в чужой приход должен не никулинский священник, а пригласивший его помещик, это была его инициатива. Более того, как написано в деле, Кудрин говорил Рукину, что следует приглашать приходского священника. Но помещик не послушался. И все же в итоге начальство виновным сочло о. Михаила Кудрина, однако наказание было нестрогим: «*сделать выговор со внушением*»[111].

Как следует из этого дела, у помещика Н. В. Рукина были какие-то резоны не приглашать иерея Михайловского на проведение молебна в своем имении. Об этом в деле написано так: «*по лично ему известным причинам и даже просил не бывать его* [брыковского священника] *в доме*». Откуда такая неприязнь к приходскому священнику – осталось неизвестно. Но кажется этот негативный эпизод не получил развития. В документах последующих лет фамилии Михайловского и Рукина неоднократно встречаются вместе. По всей видимости, их отношения, в конце концов, наладились.

Второй случай незаконного проникновения в чужой приход произошел в 1879 г., когда причт с. Брыково подал жалобу на неправильные действия священника соседнего с. Филатово Феодора Ильинского. Претензия была в том, что тот исполнял требы в брыковском настоятеля, а именно: хоронил местных прихожан, плату при этом забирал себе. В свое оправдание филатовский священник заявил, что хоронил умерших по просьбе родственников, когда брыковского настоятеля не было в приходе. И добавил, что обвинения Михайловского для него «*в высшей степени обидны*»[112]. Однако Ильинского все равно признали виновным и объявили выговор «*без занесения в послужной список*».

А вообще-то настоятели могли служить в чужих приходах с ведома начальства или по приглашению местных священников. Так, например, произошло в 1892 г., когда требы по брыковскому приходу (на сей раз на законных основаниях) исполнял тот же настоятель Христорождественской церкви о. Феодор Ильинский (в это время о. Михаил отбывал наказание в монастыре). А в 1911 г., судя по записи, обнаруженной в метрической книге, умершую жену филатовского священника Алексия Смирнова отпевал брыковский батюшка о. Петр Зверев. Все это свидетельствует о том, что отношения с причтами соседних церквей в целом были нормальными.

Михайловский много полезного делал для церкви и для прихода. Как уже говорилось, он открыл

Пожертвованія въ пользу голодающихъ Самарцевъ.

Въ Редакціи Епарх. Вѣд. получили слѣдующія пожертвованія: 1) чрезъ священника Звенигородскаго уѣзда, села Брыкова, Михаила Михайловскаго собранныя имъ въ церкви 6-го января послѣ произнесеннаго имъ поученія: отъ слѣдующихъ лицъ: отъ Н. В. и М. Г. Рукиныхъ—11 р; И. Н. Рыбникова 3 р. Н. И. Разсказова 2 р., крест. А. М—са 1 р., семейства священника 1 р., отъ діакона и дьячка 50 к., отъ Евдокіи—20 к., Софіи 20 к., мелкихъ подаяній на тарелку—3 р. 10 к.. а всего *22 р.* 2) отъ причта и прихожанъ—

Редакторъ священникъ В. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Въ тип. А. В. Кудрявцевой, комм у Каменнаго моста,

Изо 6–15. Московские епархиальные ведомости, 1874.

в своем доме училище для крестьянских детей, и потом несколько лет сам их учил грамоте, причем бесплатно. При этом, как говорил батюшка: «*ни один ученик, ни одна ученица мною не были обижены словом. Об этом могут засвидетельствовать все прихожане, все ученики и даже родители их, из которых многие у меня учились*»[113]. Простые люди все это видели и ценили, подаренные иконы батюшке этому прямое свидетельство. А в одном из архивных дел обнаружены такие слова прихожан: «*Мы всегда остаемся довольны простодушным обращением нашего Священника и особенно ценим его труды и усердие в построении для нас новой теплой каменной церкви и возведении нынешним летом новой каменной колокольни при самых ничтожных средствах церковных. Учрежденное при селе Брыкове сельское училище обязано также своим началом ему священнику Михайловскому*»[114]. Позднее Брыковская школа была передана в ведение земства, в ней появился свой учитель. За о. Михаилом осталось преподавание Закона Божия, за свой труд он стал получать вознаграждение.

Хотелось бы еще привести выдержки из заметки о пожертвовании голодающим в Самаре, напечатанной в епархиальном журнале в 1874 г. В ней говорится, что «*чрез священника* […] *Михаила Михайловского*» поступило 22 руб., собранных в приходе (довольно большая сумма для таких случаев). Из них от «*семейства священника 1 р.*»[115]. Как видим, батюшка жертвовал личные средства на добрые дела, а также привлекал к этому и других людей из своего прихода.

Скандалы, обвинения в нетрезвости

Теперь перейдем к рассказу о случае, который принес много скорби о. Михаилу.

В 1886 г. в МДК поступило донесение от смотрителя Звенигородского духовного училища. В нем было написано, что 23 января в канцелярию училища «*буквально вломился Священник Звенигородскаго уезда села Богоявленскаго, Брыкова тож о. Михаил Михайловский в нетрезвом и притом крайне безобразном виде*» и заявлял, что учеников училища кормят плохим мясом, совсем не таким, «*которое подается наставникам*». Священноначалие потребовало от брыковского священника объяснений. Батюшка заявил, что в училище пришел по просьбе псаломщика своей церкви Синайского, чтобы внести плату 5 руб. за обучение его сына. Еще сказал, что попутно попробовал у знакомого в училище солонину, и она ему показалась «*черная, сухая как кожа*».

В объяснении о случившемся конфликте со смотрителем училища о. Михаил написал, что крайне тяжело перенес его последствия: «*я рядовой священник,* [...] *безпорочно служащий около 33 лет и никогда никто меня так не оскорблял.* [...] *Я убит* [...] *нравственно и физически растерзан и обезображен смотрителем. Он напал на меня священника больнаго, я болел воспалением легких от Вознесения до Петровок и едва был спасен Земским Врачом Архангельским*[i] [...] *Приехавши домой, 12 дней страдал сердцебиением. И на первых порах нельзя было креститъ, приглашал соседняго Священника. До сих пор я не могу далеко ехать, сильно болит у меня левый бок.* [...] *Смотритель унес у меня здоровье на много лет жизни*»[116].

В ходе разбирательства выяснилось, что о. Михаил не был пьян. И все же в МДК посчитали его виновным, отметив: «*В характере его кроется недостойная пастыря черта придирчивости, несдержанности, обидчивости, и что свойственныя священнику добродетели кротости и смирения, по крайней мере, в состоянии возбуждения чужды ему. А потому Консистория мнением своим полагала бы: сделать священнику Михайловскому выговор без внесения в формуляр со строгим внушением держать себя везде прилично и на будущее время не подавать поводов к новым на себя жалобам*».

Обвинения священника в нетрезвости встречаются и в другом деле. Напомним историю, о ко-

[i] Дополнительный материал о враче Воскресенской больницы П. А. Архангельском можно найти в книге автора “История Ивановской суконной фабрики …” (с.194–196).

торой рассказывалось в четвертой главе. Тогда местный помещик Г. Ф. Карпов жаловался на то, что в брыковском приходе имеется трактир и что о. Михаил это спокойно терпит. Более того, Карпов в своем обращении к священноначалию обращал внимание на недостойное поведение настоятеля Богоявленского храма: «*считаю нужным сообщить* […] *о священнике Михайловском, очень часто пьян и в пьяном виде дерется*»[117]. Однако при этом не было представлено доказательств произошедшей драки, ее свидетелей не нашлось. Напротив, многие местные прихожане встали на защиту своего батюшки. Как написано в том же деле: «*отзыв о нем был одинаков, а именно: "хотя священник пьет вино, но в должности своей всегда исправен. А чтобы священник Михайловский, в пьяном виде, с кем-либо ссорился и дрался, этого никто не подтвердил и у них в Брыкове слухов, как они говорят, о сем не было"*». Поэтому и на сей раз жалобу на недостойное поведение иерея священноначалие оставило «*без последствий*».

Хотя не совсем так. Да, официального наказания батюшки не последовало. Но очевидно, что в консистории настоятелю сделали внушение, чтобы он примирился с помещиком. В архиве сохранилось письмо, которое Михайловский написал Карпову, в нем есть такие слова: «*По предписанию Алексия, еп. Можайскаго я был у его Преосвященства в июне 22-го и выслушал из вашего письма на имя Его Преосвященства, касающееся меня. По воле митрополита Московскаго Иннокентия, чтобы я с христианскою любовию испрашивал у Вас мира и любви.* […] *Сим письмом извещаю Вас, Ваше высокоблагородие Геннадий Федорович* […] *слезно прошу и молю личнаго свидания с Вами, дабы мне иметь счастье выразить пред Вами все свое искреннее желание иметь мир с Вами* […] *и мне быть с Вами в духе любви христианской. С высокопочитанием и всею преданностию имею честь быть Вашего Высокоблагородия истинным молитвенником и на всегда покорным слугою села Брыкова Богоявленской церкви священник Михаил Михайловский*»[118]. Состоялось ли свидание, о котором слезно просил священник, простил ли его помещик – сведений нет.

Неоднозначное впечатление оставило это письмо. Уж слишком оно подобострастно написано. Представляется, что не должно лицо в священническом сане так унижаться перед светским человеком, пусть и помещиком. Очевидно, внушение епархиального начальства было столько сильным, что настоятель готов был пойти на все, чтобы не испортить свое будущее.

Теперь насчет того, бывал ли о. Михаил пьяным. Очевидно, он не был трезвенником. Но не верится, чтобы вдрызг напивался. Если б такое было – не прослужил бы в Брыково так долго. Настоятель знал меру потребления спиртного, знал, когда и сколько можно выпить. Сам заявил, что «*38 лет служит на этом месте, прихожане не упрекали в нетрезвой жизни, хотя он позволял и позволяет себе по окончании праздничных молебнов принимать у некоторых благорасположенных и почтенных прихожан угощение, но никогда не позволял и не позволяет себе выпивать лишнее*»[119]. Это подтверждают и слова прихожан: «*хотя священник пьет вино, но в должности своей всегда исправен*». Поэтому слова помещика о том, что настоятель «*очень часто*» бывает пьяным, выглядят явным преувеличением. А на самом деле – кто его знает. В истории много темных пятен осталось.

О должностях и наградах священника Михайловского

Надо прямо сказать, что отдельные некрасивые эпизоды из жизни о. Михаила не портят общей положительной картины. Из многих документов следует, что он был в целом достойным пастырем. Помимо своих непосредственных дел в храме и приходе, батюшка исполнял и другие обязанности, находился на нескольких должностях. Был учителем, а потом законоучителем в открытом им училище для крестьянских детей. С 1883 г. духовник благочиния. С 1888 г. состоял «*членом уезднаго Звенигородскаго Отделения епархиальнаго училищнаго Совета*»[120].

Труды настоятеля не прошли мимо внимания священноначалия. За годы служения в Брыково о. Михаил неоднократно отмечался наградами с формулировками: «*за честное служение во священстве и ревностные труды*». В клировой ведомости Богоявленской церкви 1892 г. приведен послужной список Михайловского на трех рукописных листах (см. приложение–6). В нем отмечено, что настоятель награжден бронзовым наперсным крестом в память Крымской войны 1853–1856 гг., награжден набедренником (1863), «*преподано благословение Святейшаго Синода*» (1867, 1873, 1878), награжден «*бархатною фиолетовою скуфьею*» (1870), награжден камилавкою (1873), награжден орденом св. Анны 3-й степени (1879), «*за 35-летнюю честную службу*» награжден наперсным крестом (1890).

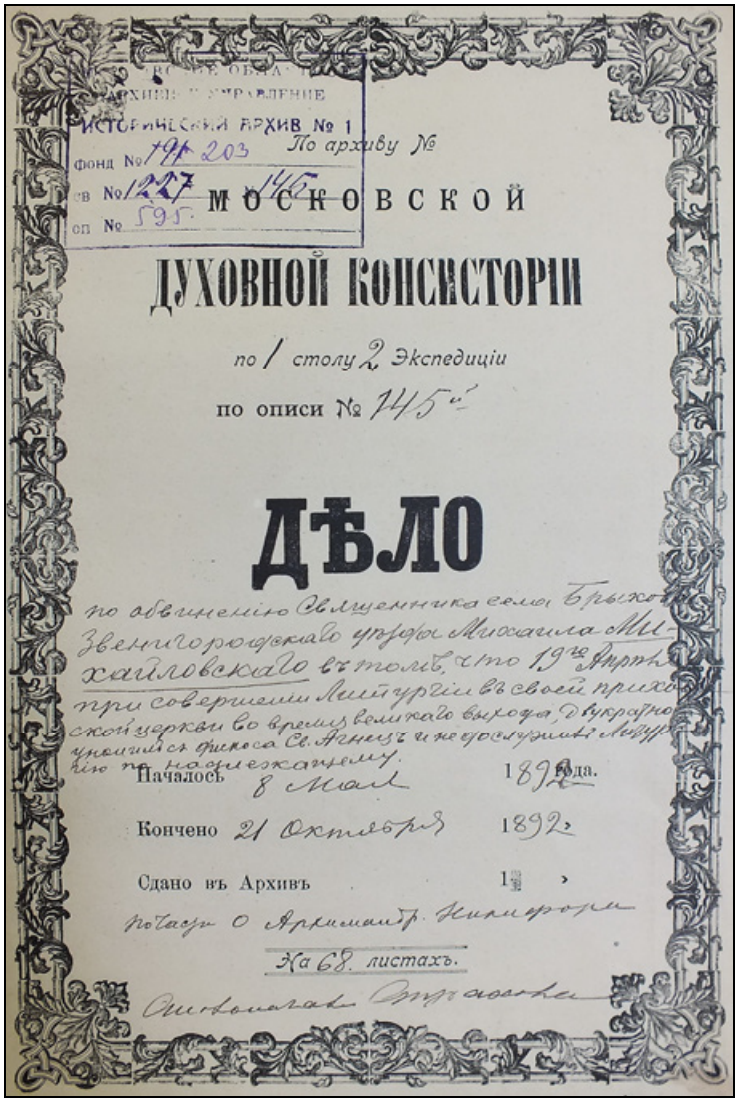
Как видно из перечисленного – список наград и поощрений внушительный, мало у какого священнослужителя было столько знаков отличия. Настоятель Богоявленской церкви заслужил уважение и своих коллег. Например, именно ему, как старейшему клирику, было доверено в 1882 г. открывать съезд депутатов от духовенства Звенигородского училищного округа[121]. В последующие годы он также удостаивался этой чести. Мало того – избирался председателем съезда.

Несчастный случай, перевод на новое место служения в с. Лыково

Священник Михаил Михайловский был настоятелем Богоявленской церкви 40 лет без перерывов. Вероятно, прослужил бы в Брыково и дольше, если бы здоровье не подкачало. Еще в 1873 г. у него возникли проблемы, в деле писалось о его «*болезненном состоянии*» (детали не приводились). Ну а в 1892 г. при служении литургии в Богоявленском храме с ним случилась беда, о которой уже кратко говорилось. Настало время на этом эпизоде остановиться подробнее.

Как написано в деле: «*священник Михаил Михайловский 19-го минувшаго Апреля, при совершении Литургии в своей приходской церкви, во время Великаго выхода, двукратно уронил с дискоса Св. Агнец и Литургию совершил с пропусками: не переносил Св. Даров с престола на жертвенник и не читал заамвонной молитвы*»[122]. Это было серьезное нарушение богослужебных правил. Среди прихожан нашлись недоброжелатели, которые донесли священноначалию о случившемся и заявили, что священник был пьян. Было назначено расследование.

Настоятель отрицал свое опьянение, заявил – это «*наглая клевета*», что он выпивает перед службой. Оправдывал случившееся тем, что во время богослужения почувствовал себя плохо, просил о помощи. «*Но никто к нему не подошол и не подал помощи*». Сказал, что это произошло от общей усталости: «*переутомления при исправления приходских треб. В этот день после утрени крестил, молебны служил, ездил на вынос покойника за 4 версты, труп котораго сильно разложился. От сильнаго трупнаго запаха случилась дурнота, которая овладела им во время великаго выхода. С большой слабостью докончил совершение Литургии*»[123]. Батюшка также заявил, что могло это произойти и от «*душевной тревоги, по случаю неожиданно постигшей смерти его молодого зятя, прожившего с его дочерью только 10 месяцев. Еще вследствие физическаго утомления при преклонных летах при хождении в дурную погоду по плохой грязной дороге. Когда он был моложе, то все трудности службы переносил легче*». Сообщил, что уже неоднократно обращался к священноначалию с просьбой о переводе в другой, более компактный приход, «*потому что дальнейшее служение его на этом месте при преклонных (63) летах и разбросанности приходских селений на 14 верстное разстояние между собой становится для него затруднительным*».

Изо 6–16. Обложка архивного дела по обвинению священника Михайловского, 1892.

При проведении следствия большинство опрошенных прихожан встали на защиту своего настоятеля. Взвесив все обстоятельства, епархиальное начальство вынесло решение, что по закону о. Михаила следовало бы «*отрешить от места*

и уволить за штат. Но принимая во внимание то, что священник Михайловский, как можно видеть из дела, стал предаваться нетрезвости с недавнего времени, а раньше проходил свое продолжительное служение исправно и усердно, заботясь особенно о благоустройстве храма и о приходской школе, Консистория полагала бы, послать Священника Михайловскаго на два месяца в Волоколамский Иосифов монастырь [с] *запрещением священнослужения. По окончании же монастырской епитимии, в случае одобрительнаго отзыва о поведении его во время пребывания в монастыре, священослужение разрешить и дозволить ему в течении полугода приискивать себе священническое место в другом приходе. Но на новом месте подвергнуть его особому надзору местнаго благочиннаго. По истечении полугодичнаго срока священническое место в селе Брыкове считать вакантным*».

По предписанию начальства в конце октября о. Михаил отправился в Иосифо-Волоцкий монастырь. Пока там отбывал наказание, в приходе Богоявленской церкви временно исполнял требы священник соседнего с. Филатова о. Феодор Ильинский[124]. По истечении двухмесячного срока архимандрит Сергий *«донес Консистории, что священник с. Брыкова Михайловский отбыл в монастыре назначенный ему срок подначалия, и во время пребывания в монастыре вел себя очень хорошо, к богослужениям ходил неопустительно»*[125]. Архимандрит также ходатайствовал о снятии «*запрещения священнодействия*» с Михайловского.

Вернувшись в Брыково, о. Михаил не стал искать свободное священническое место на стороне, а решил поступить по-другому. Его дочь Александра была замужем за священником Петром Николаевичем Зверевым, служившим в церкви Василия Великого с. Лыково Коломенского уезда. Вот с ним то по-родственному и договорился поменяться местами службы. Дело об обмене, увы, в архиве не сохранилось. Но зато известна дата, когда оно было заведено – 17 февраля 1893 г. Какое-то время в консистории все утверждалось. Поэтому в течение месяца (с середины февраля по середину марта) о. Михаил по-прежнему исполнял требы в родном Богоявленском храме.

О новом настоятеле Звереве поговорим позднее, а сейчас лишь отметим, что переезд Михайловского состоялся весной того же года. О. Михаил стал служить в Васильевской церкви в с. Лыково, продолжал это делать пять лет. Из сообщения в епархиальном журнале стало известно, что в марте 1898 г. настоятель «*уволен, согласно прошению, за штат*»[126]. В начале следующего года в том же издании было напечатано о назначении пенсии заштатному священнику в 130 руб.[127].

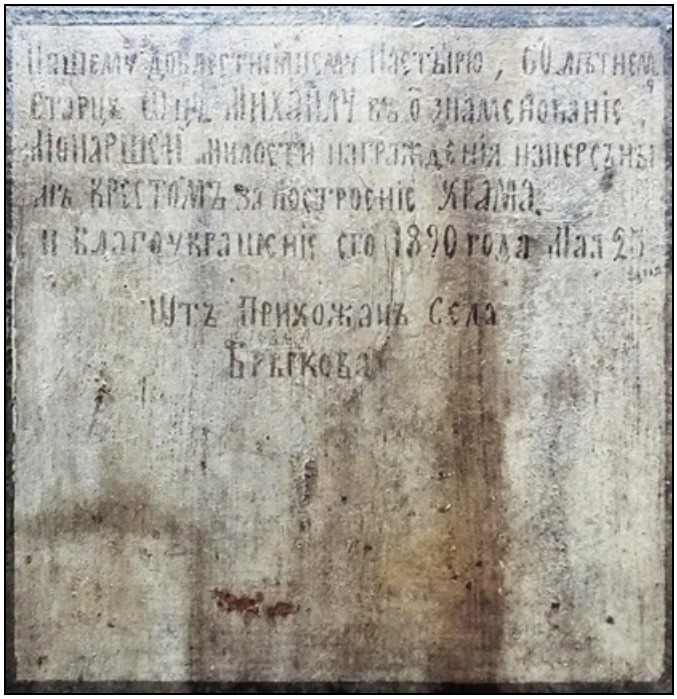
Увы, Михайловский недолго находился на пенсии. Это удалось узнать благодаря сведениям, полученным от исследователя Инюкина. Бывший настоятель Богоявленской церкви умер 7 августа 1899 г. «*от паралича сердца*», матушка ушла из жизни раньше (6 декабря 1898)[128]. Оба скончались, живя у сына Николая, который служил в храме Дорогомиловой слободы (Москва). Похоронены состоялись на Ваганьковском кладбище. Памятник супругов Михайловских сохранился (GPG 55.76623, 37.55071). Он находится рядом с памятником сыну Павлу Михайловичу Михайловскому.

Вторая икона о. Михаила

Последнюю награду батюшки (наперсный крест) прихожане Богоявленской церкви решили отметить своим подарком, об этом свидетельствует надпись на обороте сохранившейся иконы: «*Нашему доблестнейшему пастырю 60-летнему старцу отцу Михаилу в ознаменование монаршей милости награждения наперсным крестом за построение храма и благоустройство сего 1890 г. мая 25, от прихожан села Брыково*». На самой иконе изображены архистратиг Михаил и святая Александра. Выбор понятен – это святые покровители батюшки и матушки.

Это вторая икона, подаренная прихожанами настоятелю, первая со святыми Ильей и Николаем приводилась ранее (изо 6–14). Обе эти иконы в киоте в наше время оказались в Борисоглебской церкви с. Куртниково Истринского района. Когда после реставрации смогли прочитать дарственные надписи на обороте, то стало понятно, что эти святые образа принадлежали о. Михаилу из с. Брыково. После этого настоятель Борисоглебской церкви о. Димитрий Шмелев в 2013 г. принял решение передать указанные иконы в родной брыковский храм. Было бы очень интересно проследить судьбу этих святынь: кто сохранил образа, принадлежавшие настоятелю Богоявленской церкви, как этот человек был связан с о. Михаилом, как удалось сохранить святыни в лихие безбожные годы. Но, увы, достоверных сведений нет. О. Димитрий лишь сказал, что прежде киот с указанными иконами хранился в одном из домов в с. Куртниково (увы, связи с этими людьми сейчас нет). А потом они были переданы в местный Борисоглебский храм.

Изо 6–17, 6–18. Вторая икона, подаренная прихожанами священнику Михайловскому, 2017, (лицевая и оборотная стороны).

Так как все-таки иконы могли оказаться в с. Куртниково, до которого от Брыково по прямой 13 верст, а по дорогам будет все 20? У автора есть версия, как это могло произойти.

Как уже говорилось, в 1892 г. о. Михаил поменялся местами службы с зятем о. Петром Зверевым. Наверное, Михайловский, когда отправлялся в дальнее село Лыково Коломенского уезда, не стал забирать с собой все свое имущество. Оставил подаренные иконы дочери, переехавшей с мужем священником Петром Зверевым в с. Брыково. Забегая вперед, скажем, что о. Петр был убит в 1917 г. (супруга умерла раньше). Детей в семье Зверевых не было, и, скорее всего, все имущество настоятеля осталось в доме. В этот дом заселился следующий священник, который был назначен на должность настоятеля Богоявленской церкви, им оказался о. Василий Величкин. Разговор о нем еще впереди. Но можно уже сейчас сказать, что он в советские годы после Брыково стал настоятелем Борисоглебской церкви. При переезде мог забрать с собой эти две иконы, так они оказались в Куртниково. У о. Василия были дети, кто-то из них, очевидно, остался жить в селе и сберег эти святыни. Вот так были спасены иконы брыковского настоятеля о. Михаила Михайловского. Подчеркнем, что это всего лишь версия. Но вполне правдоподобная, ничего сверхъестественного в ней нет, все выглядит логично.

Потомство священника Михайловского

В семье батюшки Михаила Никифоровича выросло пятеро детей: два сына и три дочери. В клировой ведомости 1892 г. о них приведены такие данные: «*Дочь девица Ольга М. Михайловская, 29 лет, домашняя учительница. Дочь вдова Елисавета М., 31 года, жена земскаго врача Георгия Тимофеева Родионова, проживает в г. Москве. Сыновья: Павел. М. Михайловский холост,* […] *Московской Судебной Палаты присяжный поверенный, проживает в Москве. Николай М. Михайловский, женат, Московской Духовной Академии кандидат Богословия, преподаватель русскаго языка в Волоколамском духовном училище. Дочь Александра М. – жена священника Василиевеликской села Лыкова Коломенскаго уезда церкви Петра Николаева Зверева*»[129] (документ составлялся до обмена местами Зверева и Михайловского).

К этому можно добавить следующее. Дочь Александра, как уже говорилась, жила в Брыково. По всей видимости, там же умерла и похоронена. Относительно присяжного Павла можно сказать, что в 1910 г. он подал прошение о выдаче свидетельства на звание потомственного почетного гражданина[130] (право на это звание имели священно и церковнослужители). Прошение было удовлетворе-

но. На Ваганьковском кладбище сохранился памятник Павлу Михайловичу Михайловскому, на котором выбиты даты жизни: «*родился 10 февраля 1854 года скончался 27 сентября 1912 года*».

Больше сведений оказалось о сыне Николае. О нем материал представлен в нескольких книгах и в интернете. Родился мальчик в Брыково в 1865 г., учился в местной школе у отца. По сведениям из справочника Дубинского образование получил в Звенигородском духовном училище (окончил в 1879 г.) и в Вифанской духовной семинарии (1885)[131]. Николай Михайлович после завершения учебы в семинарии поступил в Московскую духовную академию, которую окончил в 1889 г. со званием кандидата Богословия. Далее несколько лет работал учителем. Согласно ПС (сведения предоставлены исследователем А. В. Шатохиным) один год преподавал в Шелепихинской школе, а потом еще три года в Волоколамском духовном училище[132].

Дальнейшие сведения о судьбе Николая Михайловского приведены в книге С. И. Матюшина:

«В 1894 г. он был рукоположен во иерея и определен вторым священником к Богоявленскому храму в Дорогомилове. Вся его дальнейшая жизнь была связана с этой церковью. […] *В конце* [XIX] *века возникла идея построения нового храма в слободе, поскольку прежний уже не вмещал всех прихожан. Отец Николай явился главным инициатором и тружеником этого строительства, храм был освящен в 1908 г. Это было действительно выдающееся сооружение, он мог вместить до 10 тыс. молящихся и в Москве уступал только храму Христа Спасителя. Прихожане очень уважали отца Николая и в 1909 г. ходатайствовали о досрочном его награждении камилавкой.* […] *В 1909 г. иерей Николай был назначен настоятелем новопостроенного храма. В 1916 г. он был возведен в сан протоиерея.* […] *В 1931 г. храм в Дорогомиловской слободе становится кафедральным собором, здесь служит местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергий (Страгородский).* […] *2 июля 1938 г. собор был закрыт, а в сентябре того же года великолепный храм Богоявления Господня, строительство и благоустройство которого было делом всей жизни протоиерея Николая, взорван. Это произошло на глазах старца. Можно только представить, что переживал он, наблюдая, как рушатся столь дорогие для него стены и купола.* […] *Ровно год прожил он после этого, Господь призвал его 8 сентября 1939 г. на 74-м году жизни*»[133].

Николай Михайлович Михайловский был женат на Елизавете Викторовне, дочери протоиерея Виктора Петровича Гурьева, настоятеля церкви Покрова в Филях. На Ваганьковском кладбище сохранился некрополь Гурьевых (на нем имеется могила известного церковного композитора П. Г. Чеснокова, о котором рассказывалось в предыдущей книге автора[135]). Захоронение о. Николая Михайловского рядом с могилой отца и матери, а также родного брата Павла. Судя по датам на памятниках ваганьковского некрополя, а также по семейным фотографиям на сайте ПСТГУ, род брыковского настоятеля о. Михаила Михайловского продолжается. Здесь приводится одна из фотографий семей Михайловских и Гурьевых, размещенная на указанном сайте.

прот.Николай Михайлович Михайловский (2-й ряд 2-й справа), рядом его жена Елизавета с сыном, далее ее мать Мария Афанасьевна, справа Гурьев Петр Викторович. В 1-м ряду дети Михайловских и зять профессор Нечаев,. Справа дочь Никольских Нина. Снимок сделан у дома Михайловских

Изо 6–19. Священник Николай Михайловский с родными[134].

1893–1917: Священник Петр Зверев

Из записей в метрических книгах Богоявленской церкви следует, что с середины мая 1893 г. требы в брыковском приходе стал исполнять новый настоятель **священник Петр Николаевич Зверев** (1866 – † 1917).

Сразу возникает вопрос: а не сын ли это священника Николая Алексеевича Зверева, служившего в Брыково с 1849 по 1853 гг.? Это было бы логично, т.к. фамилия, отчество и возраст подходят. Изучение данного вопроса показало, что эта версия ошибочна. Согласно сведениям из справочника А. Дубинского, родитель Петра служил в с. Куликово Дмитровского уезда[136]. Отчество отца не указано, его полное ФИО удалось найти в справочнике Шереметевского по некрополям, в котором записано, что в с. Куликово похоронен священник Николай Петрович Зверев[137]. Это был отец брыковского священника Петра. Как видим, отчества у двух Николаев разные – Петрович и Алексеевич. Это означает, что близкого родства между двумя настоятелями брыковской церкви не было, скорее всего, это были просто однофамильцы. Хотя дальнее родство исключать нельзя.

Согласно того же семинарского справочника Петр Николаевич родился 23 августа 1866 г., учился в духовном училище в г. Дмитров. По окончании учебы в 1880 г. поступил в Вифанскую семинарию в Сергиевом Посаде и завершил обучение спустя семь лет по второму разряду.

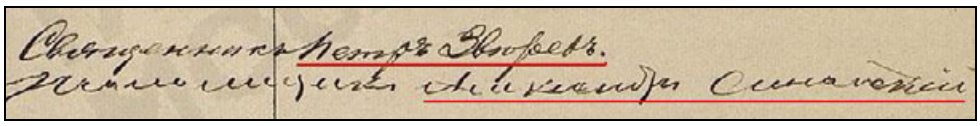
Служение в с. Лыково

Следующие сведения о биографии П. Н. Зверева взяты из его ПС в клировой ведомости.

В 1888 г. в жизни молодого выпускника семинарии произошли важные события. Петр женился на Александре, дочери брыковского настоятеля Михаила Михайловского. После этого был рукоположен в сан священника и назначен на должность настоятеля церкви Василия Великого, находившейся в с. Лыково Коломенского уезда. Место службы находилось на противоположном крае Московской губернии довольно далеко от родного с. Куликово.

В Васильевском храме молодой иерей прослужил пять лет. А потом, как уже рассказывалось, произошел обмен местами служения с тестем о. Михаилом Михайловским. В ПС Зверева записано, что «*С 1893 г. февраля 16 дня состоит священником Богоявленской села Брыкова церкви Звенигородскаго уезда*»[138]. Хотя, как уже говорилось, первые требы по приходу новый батюшка стал исполнять лишь три месяца спустя. Очевидно, какое-то время заняли различные хлопоты, связанные с организацией переезда, перевозом имущества и обустройством на новом месте. Удивляться такому большому отрезку времени не стоит, если принять во внимание реалии жизни в конце XIX столетия. Перемещались люди в то время в основном на лошадях. Расстояние между селами Лыково и Брыково по карте свыше 140 верст – за один день на лошадях не доберешься.

Жизнь и служение в с. Брыково

Изо 6–20. Подписи клириков Богоявленской церкви в метрической книге: священник Петр Зверев, псаломщик Александр Синайский[139], 1894.

Итак, весной 1893 г. семья иерея Зверева оказалась в Брыково и стала жить в священническом доме, в котором прежде жил Михайловский. Жизнь пошла своим чередом, о. Петр служил в Богоявленском храме, исполнял требы прихожан. Батюшка оказался дисциплинированным, ответственным служителем. В его служебной характеристике записано: «*Взысканиям не подвергался, под следствием или судом не состоит*». А в послужном списке сказано: «*Поведения отлично-хорошаго*». В отношении о. Петра не обнаружено ни одного дисциплинарного дела, поэтому не стоит удивляться скудости информации о нем[i]. Сведения о его жизни ограничиваются краткими строчками из ПС.

Сразу по приезде в Брыково о. Петр был назначен законоучителем в местное училище, нахо-

[i] Такой вот несправедливый парадокс истории: если священник или причетник служил добросовестно и честно, то информации в архивах о нем, как правило, немного (если только не было особых случаев поощрения). А вот если он совершал какие-то проступки, то производилось расследование, подчас очень подробное. Заполнялось много бумаг, из которых можно узнать (конечно, если они сохранились) разные интересные подробности не только о провинившемся и его семье, но и о храме, а также о жизни в те времена.

дившееся рядом с приходской церковью. По документам МДК в 1894–1896 гг. он был «*депутатом*» (т.е. представителем) от благочиния при проведении одного из следственных дел. В декабре 1906 г. Зверев был назначен «*духовным следователем 5-го благочинническаго округа Звенигородскаго уезда*». С открытием в 1908 г. земского училища в приходском сельце Зенькино был определен на должность законоучителя (при этом оставался в той же должности в Брыковской школе).

Начальство видело старание настоятеля и периодически его поощряло. В 1896 г. он был награжден набедренником. В представлении к награде отмечены заслуги: «*Богоявленской, села Брыкова церкви священник Петр Зверев состоит на службе с 1888-го года, пастырское служение проходит с отличным усердием, за свою добрую пастырскую жизнь, за свои добрыя истинно отеческия отношения к прихожанам и ревностное исполнение своих пастырских обязанностей, пользуется со стороны их полным расположением, уважением и любовию. И как настоятель церкви он, о. Зверев, уже заявил себя попечительным об ея благоукрашении, за неимением церковной суммы он нашел средства, и украсил вновь всю трапезную церковь, а также и наружный вид храма*»[140].

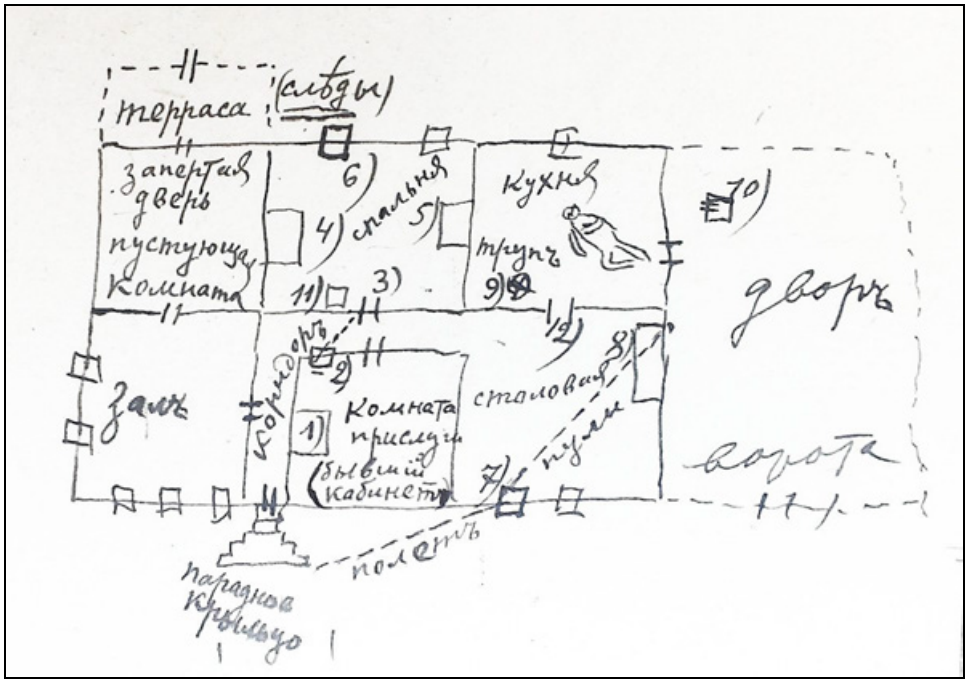
Это была первая награда, потом последовали и другие. По сведениям из ПС в 1904 г. настоятель был награжден «*бархатною фиолетовою скуфьею*», в 1911 – камилавкою. В 1915 г. был «*награжден наперсным крестом от Святейшаго Синода выдаваемым*»[141].

О доходах о. Петра в клировой ведомости 1916 г. написано так: «*Кроме кружечных доходов из Казны получает содержание 300 руб. в год. По должности законоучителя в Брыковском и Зеньковском начальных училищах получает жалование 300 руб. в год*». Не Бог весть какие средства с учетом тогдашней высокой инфляции. Но на жизнь хватало (и даже кое-то что оставалось). Вот как высказался о настоятеле исполняющий должность псаломщика Сергей Моисеев: «*Бездетный священник Зверев (вдовец) жил в своем доме давно уже один и при нем служила одна лишь прислуга.* […] *Был очевидно со средствами*» (т.е. при деньгах).

Короче говоря, о. Петр был обычным сельским пастырем, который честно и без конфликтов исполнял свои священнические обязанности и вполне справедливо заслужил любовь местных прихожан. Тем огорчительнее было узнать о кровавой трагедии, случившейся с ним после того, как он почти четверть века прослужил в Богоявленской церкви.

Злодейское убийство сельского пастыря

В архиве ЦГАМ сохранилось дело «*О разбойном нападении на дом священника П. Н. Зверева с убийством его и прислуги*». В нем описывается, как в ночь с 24 на 25 марта 1917 г.[i] в доме настоятеля брыковской церкви было совершено разбойное нападение бандитов с «*весьма тяжкими ранениями*» священника и убийством его прислуги Александры Кукуевой. В деле приведен акт осмотра места происшествия с нарисованной следователем схемой преступления (показано расположение трупа служанки) со всеми жуткими подробностями: «*ранен-*

Изо 6–21. Нарисованная следователем схема убийства священника в его доме, 1917.

[i] Как видим, убийство произошло после февральской революции, когда в России свергли царя. Но до захвата власти большевиками.

ный в область живота, праваго плеча и лица (спереди) священник Зверев лежит в спальне на своей кровати, – видимо невыносимо страдая; но сохраняет сознание и лишь не может от боли последовательно разсказать о нападении на него; на отд. вопросы мог лишь кратко сказать, что нападавших было 3–5 мужчин (примет их указать не может); что грабители потребовали у него деньги, и он сам открывал им сундук и комод, отдал 200 руб. […] *и 20 руб. мелким серебром*»[142].

К сожалению, текст в архивном деле написан корявым трудночитаемым подчерком и не все слова удалось разобрать. Понятно лишь, что священник от полученных ранений вскоре скончался, ему было 50 лет. Прихожане очень скорбели об этом. В деле приведены слова: «*характер священника очень хороший, его любили*». А церковный староста Сергей Мартынович Гудович заявил: «*Зверев служил здесь 23 года, пользовался общей любовью. Народ навзрыд оплакивает его*».

Следствие по делу об убийстве иерея продолжалось несколько месяцев. Выяснилось, что преступники прибыли в Брыково с разъезда Холщевики Московско-Виндавской железной дороги, расположенного в двух верстах от села. Очевидно, кто-то из местных жителей навел бандитов на одинокого священника. Не зря же столько поехало в такую даль. И как выяснилось – не впустую.

Был определен круг подозреваемых и в июле 1917 г. арестовали некоего Казимира Францевича Левандовского. Тот рассказал, что нападение в Брыково совершил его брат Ян и еще 5 человек. И добавил, что крест, который забрали у священника, успели уже продать. Казалось бы, когда стали известны имена преступников, осталось только немного подождать, когда они будут арестованы. Но, увы, страна в это время бурлила, скоро грянула большевистская революция. Следственное дело было завершено постановлением, вынесенным уже советской властью: «*1918 г. ноября 9 д.* [дня] *Уголовно-Следственная комиссия Звенигородскаго Уезднаго Совдепа в составе* […] *разсмотрев дело № 235 по делу вооруженнаго нападения на дом священника с. Брыкова Звенигородскаго у. Петра Николаевича Зверева* […] *постановила: что 1) на месте преступления грабителями никаких следов не оставлено, 2) потерпевший Зверев описать приметы грабителей не мог,* […] *Следствие по сему делу производством прекратить впредь до розыска преступников*».

Где был похоронен настоятель брыковской церкви Петр Зверев – достоверно установить не удалось[i]. Однако, учитывая сложившуюся практику захоронений действующих священнослужителей, наиболее естественно предположить, что погребение было совершено на прихрамовой территории, скорее всего, вблизи алтаря церкви. Хотя не факт, что так все и было.

Трудно говорить за стародавние времена. Но если ограничиться XIX и XX веками, то это был всего второй случай кончины настоятеля Богоявленского храма на своей должности. Напомним, что в 1847 г. в Брыково от холеры умер священник Никита Назаров, он был похоронен близ церкви.

Рассказы местных жителей об убийстве священника в Брыково

В предыдущей главе рассказывалось про снятый в наше время видеофильм, посвященный Богоявленской церкви. В нем есть два рассказа местных жителей об убийстве священника.

В первом рассказе упоминается некий старик-старожил из дер. Лужки (Холуяниха), который дружил с местным священником. По его словам примерно в 1926 г. пришел он к священнику в гости, тот жил один. Подъехала телега, на ней командир и три красноармейца с винтовками. Старик на всякий случай спрятался на кладбище, которое было вокруг церкви. Слышит выстрел. Красноармейцы сели на телегу и укатили. Он подходит, батюшка еще жив, но на последнем издыхании. Ползет к двери, но уже ничего не может сказать и умер на руках. Он оповестил тех, кому доверял, чтобы забрать тело. Ночью это делать боялись, хотели с рассветом. Но когда пришли – тела нет. Смотрят – остались свежие следы от колес телеги. Кто-то, видимо, приезжал и забрал тело. Где похоронили батюшку – неизвестно.

Вторую историю в видеофильме рассказывал местный житель Кузнецов, который жил в сторожке в огороде. К нему как-то приходила монашка и рассказала, как они пришли в церковь на службу, а там мертвый батюшка, убитый. Других подробностей нет.

Что на все это сказать? Как видим – детали в рассказах заметно разнятся. Но их объединяет то, что речь идет про убийство местного священника. К сожалению, имя батюшки не указано. Про кого

[i] Метрическая книга Богоявленской церкви за 1917 г. в архиве ЦГАМ, увы, не обнаружена.

шла речь? И вообще – правда ли все, о чем говорится в видеофильме, как к этому относиться?

Память человеческая – штука ненадежная. Какие-то детали люди помнят долго, какие-то напрочь забывают. Со времени убийства прошло много лет (на момент снятия фильма чуть менее столетия), живших в то время людей давно уже нет. Рассказ о кровавой расправе местными жителями передавался из уст в уста. При этом неизбежны искажения, люди что-то вольно или невольно домысливали, добавляли от себя. Вот и получилось что-то типа игры в «испорченный телефон». Поэтому к подобным рассказам следует относиться с осторожностью, не всему можно верить, о чем говорят люди. И все-таки, не хотелось бы вот так огульно полностью отметать воспоминания старожилов. Попытаемся разобраться. Как известно – дыма без огня не бывает.

В ходе работы над настоящей книгой удалось установить, что как минимум[i] два настоятеля Богоявленской церкви умерли в XX в. насильственной смертью, их имена известны. Это убитый в 1917 г. злодеями о. Петр Зверев, о котором только что говорилось. И расстрелянный в 1937 г. чекистами о. Василий Сунгуров, о нем речь пойдет в следующей главе. Местные жители могли и не знать о втором случае (советская власть скрывала расправы над неугодными ей людьми). Ну а об убийстве Зверева уж точно все люди в округе знали. Отдельные детали в первом рассказе совпадают с обстоятельствами из следственного дела: преступление совершено ночью, священник после выстрела не сразу умер, тело его увезли (забрали следователи). Другие детали отличаются. Например, указан год 1926-й. Если это верные сведения, то тогда речь идет о другом священнике. Далее в настоящей главе будет рассказано, что в это время (или чуть раньше) куда-то исчез служивший в брыковском храме в первые годы советской власти о. Василий Величкин. И казалось, что описанный трагический случай относится к нему. Но когда открылись новые факты в судьбе этого священника (он был арестован в 1937 г. в с. Куртниково), то стало понятно, что не про него воспоминания в видеофильме. Тогда про кого же? Кроме о. Петра Зверева, убитого в 1917 г., никто другой не подходит. После этого стало очевидно, что в первом рассказе видеофильма допущена ошибка в датировке убийства. А так в целом все верно. Батюшка был зверски убит. Только не красноармейцами, а бандитами.

Церковнослужители в XX веке

Напомним, что с 1875 г. церковным причт в с. Брыково стал двухчленным, состоял из священника и дьячка. На должности настоятеля храма находились о. Михаил Михайловский, потом о. Петр Зверев, о них уже рассказывалось. Теперь поговорим о дьячках (с 1885 г. псаломщики).

В конце XIX в. на причетнической должности Богоявленской церкви находился Александр Синайский. Об этом клирике ранее уже говорилось, сообщалось, что в 1896 г. он по собственному желанию вышел за штат. Ему на смену пришел Василий Иванович Величкин, он служил в Брыково до 1915 г. А потом после некоторого перерыва оказался на должности настоятеля Богоявленской церкви. В связи с этим разговор о нем немного отложим.

После ухода Величкина в оставшиеся два года до революции сменилось аж три псаломщика – Никольский, Булочников и Моисеев (напомним, что подобная «чехарда» случилась с настоятелями храма в 1846 – 1849 гг.). Все трое причетников, можно сказать, незаметно промелькнули в истории Богоявленской церкви. И, все же, кое-какую информацию о них удалось собрать.

1915: Псаломщик Леонид Никольский

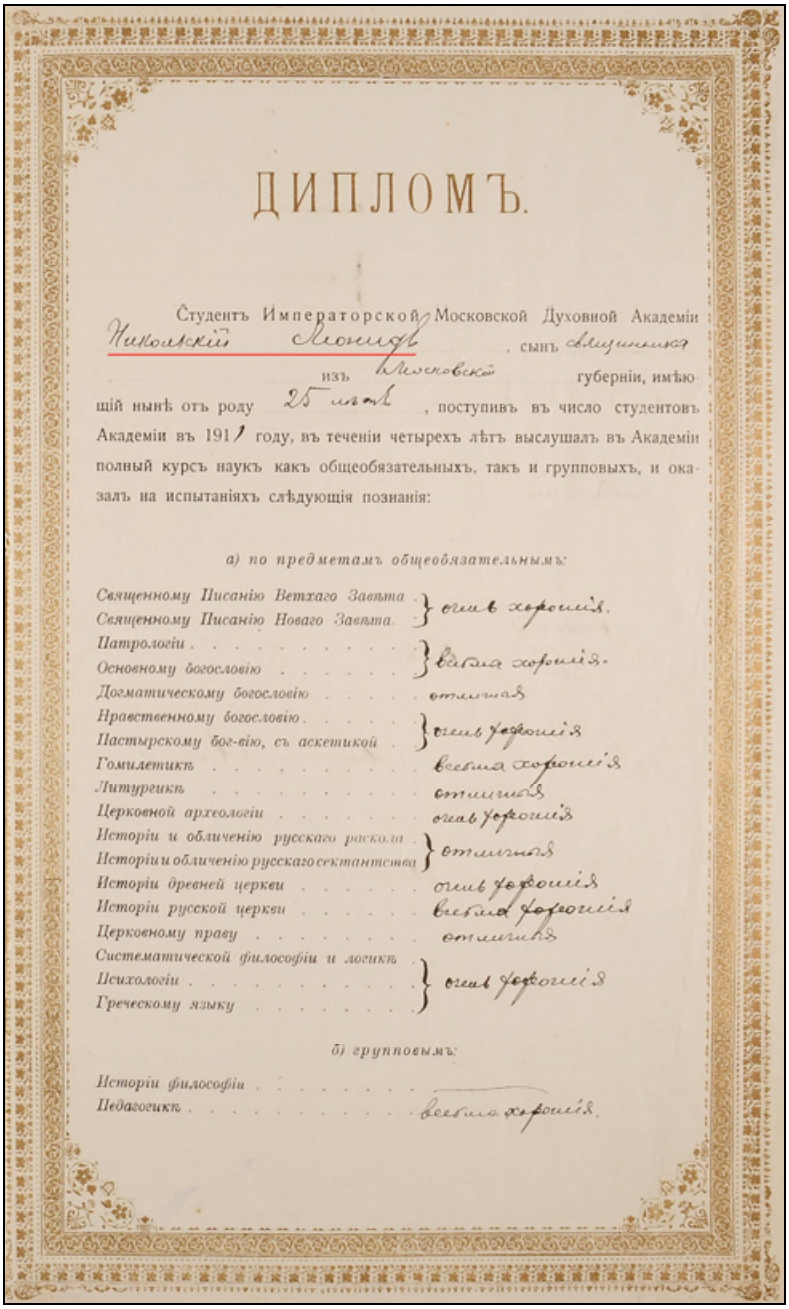
Первый – **псаломщик Леонид Петрович Никольский**. Его имя упомянуто в сообщении, напечатанном в епархиальном журнале в 1915 г.: «*На вакансию псаломщика при Богоявленской, села Брыкова, церкви Звенигородскаго уезда,* [определен] *кандидат богословия Императорской Московской Дух. Академии Леонид Никольский – 13 июня*»[143]. С помощью справочника А. Дубинского удалось установить, что Леонид родился в 1890 г. в семье священника Петра Алексеевича Никольского, служившего в Покровской церкви в Филях[144]. Юноша учился в Перервинском духовном училище, потом в МДС. В 1911 г. поступил в Московскую духовную

[i] Слова «как минимум» написаны потому, что могут быть и другие настоятели Богоявленской церкви, умершие не своей смертью. Далее будет рассказано о служивших в XX в. в Брыково священниках о. Василии Величкине и о. Иоанне Колобашкине. Оба перед войной были арестованы советской властью и приговорены к ссылке. Об обстоятельствах их кончины и месте погребения сведений нет.

академию, которую по истечении четырех лет окончил с отличными и хорошими оценками, сохранившийся диплом это подтверждает. По результатам обучения Никольский был удостоен звания кандидата Богословия.

Довольно странным выглядит назначение выпускника академии, отличника учебы на должность псаломщика в отдаленный сельский храм (обычно люди с такими результатами обучения сразу становились настоятелями московских церквей либо оставались преподавателями в семинарии или академии). Так или иначе, Никольский недолго задержался в штате брыковской церкви. По данным генеалогического сайта в 1916 г. он был призван прапорщиком на военную службу[146] (напомним, что в эти годы шла Первая мировая война). Других данных об этом служителе нет.

Следует еще отметить, что пока не найден ни один документ Богоявленской церкви, в котором в составе причта фигурировала бы фамилия Никольского. Нельзя исключать вариант, что по каким-то причинам Леонид не приехал в Брыково, несмотря на распоряжение священноначалия. Т.е. его назначение в брыковский причт могло остаться на бумаге.

ДИПЛОМЪ.

Студентъ Императорской Московской Духовной Академіи Никольскій Леонидъ, сынъ Мещанина изъ Московской губерніи, имѣющій нынѣ отъ роду 25 лѣтъ, поступивъ въ число студентовъ Академіи въ 191 году, въ теченіи четырехъ лѣтъ выслушалъ въ Академіи полный курсъ наукъ какъ общеобязательныхъ, такъ и групповыхъ, и оказалъ на испытаніяхъ слѣдующія познанія:

а) по предметамъ общеобязательнымъ:

Священному Писанію Ветхаго Завѣта	очень хорошія.
Священному Писанію Новаго Завѣта	
Патрологіи	весьма хорошія.
Основному богословію	
Догматическому богословію	отличныя
Нравственному богословію	очень хорошія
Пастырскому бог-вію, съ аскетикой	
Гомилетикѣ	весьма хорошія
Литургикѣ	отличныя
Церковной археологіи	очень хорошія
Исторіи и обличенію русскаго раскола	отличныя
Исторіи и обличенію русскаго сектантства	
Исторіи древней церкви	очень хорошія
Исторіи русской церкви	весьма хорошія
Церковному праву	отличныя
Систематической философіи и логикѣ	очень хорошія
Психологіи	
Греческому языку	

б) групповымъ:

Исторіи философіи	
Педагогикѣ	весьма хорошія.

Изо 6–22. Диплом Л. П. Никольского об окончании академии[145], 1915.

1916: Псаломщик Василий Булочников

Второй причетник Богоявленской церкви – **псаломщик Василий Павлович Булочников** – фигурирует в клировой ведомости за 1916 г. Он так же упомянут в «*Ведомости о бытии на исповеди и причастии*» церковнослужителей за тот же год. Поэтому в отношении данного клирика нет сомнений о его нахождении в причте. В момент назначения в Брыково Василию было 34 года, он происходил из крестьян. Это было новое явление для того времени. В дальнейшем в причте Богоявленской церкви появятся еще служители с крестьянскими корнями – Моисеев, Величкин.

В клировой ведомости о Булочникове написано: «*Обучался в Брыковском земском училище, в котором окончил курс. Сдал экзамен в Псаломнической Экзаменационной Комиссии, которой признан достойным к прохождению должности псаломщика. Состоит и. д.* [исполняющий должность] *псаломщика при Богоявленской церкви, 1916, с 29 апр.*»[147]. Там же приведены имена жены Марии Ивановны и пятерых детей: Иван, Василий, Михаил, Анна и Клавдия. Коль скоро Василий ребенком учился в брыковском училище, напрашивается предположение, что он из местных.

В том же документе отмечено, что псаломщик «*Принят как ратник ополчения на военную службу*». Дата призыва приведена в другом деле – 28 августа 1916 г. Таким образом, получается,

что Василий Павлович прослужил в брыковском причте всего четыре месяца. После Величкина и Никольского, это уже третий известный случай отправки служившего в Богоявленской церкви причетника на воинскую службу. Как известно, псаломщики брони от призыва в армию не имели.

Сохранилось архивное дело, в котором имеется заявление Булочникова. Он его подал, находясь уже в армии, в нем написано: «*1916 года Августа 28 дня будучи мобилизован на военную службу ратником ополчения 2-го разряда, на которой и нахожусь* […] *В настоящее время получив сведения, что место нашего прихода оказывается свободным, по каким либо причинам не знаю. В виду сего высокопокорнейше прошу разобрать мое дело и оставить место за мною на прокормление моей семьи оставшейся в числе шести человек*»[148]. На это обращение священноначалие ответило отказом: «*место в селе Брыкове объявлено свободным потому, что он, Булочников, состоял на оном не штатным псаломщиком, а лишь и. д. псаломщика и что о пособии семьи его он должен обратиться в Комитет по оказанию помощи семьям призванных на военную службу*».

О дальнейшей судьбе Булочникова сведения отрывочные. В архиве ЦГАМО хранится дело, в котором имеется «*Опись храма и утвари церковной*» Богоявленской церкви (см. приложение–6). На самой описи даты нет, на других документах этого дела проставлены годы 1918, 1921. И тогда выходит, что опись Богоявленской церкви была составлена в указанном интервале лет 1918–1921 (более вероятна вторая дата). На последнем листе описи стоят подписи: «*Члены приходскаго Совета Илья Малюков, Дмитрий Газов, Василий Булочников*»[150]. Получается, что причетник после Первой мировой войны вернулся домой и стал членом приходского совета Богоявленской церкви. Однако в списках лишенных избирательных прав 1923–1925 гг., куда советские органы власти вносили действующих служителей, его фамилии нет (в отличии, например, от Колобашкина и Величкина). Это могло означать как то, что Василий Павлович куда-то выехал, как и то, что он отошел от Церкви. Другие источники свидетельствуют в пользу второго варианта.

НА СНИМКЕ: председатель Брыковского колхоза „6-й с'езд Советов" В. П. Булочников. За успехи в истекшем сельскохозяйственном году колхоз занесен на районную Доску почета.
Фото И. Егорова.

Изо 6–23. В. П. Булочников[149], 1948.

Речь идет о советских документах 1940-х годов, в которых упоминается местный житель с таким же ФИО. В архиве ГАРФ хранится акт осмотра «*церкви в деревне Брыково*», составленный в 1943 г. для фиксации разрушений, нанесенных церковному зданию немецкими войсками в годы войны. Этот акт подписала комиссия, в составе «*председателя Брыковского Сельского Совета Булочникова Василия Павловича»* и других членов (см. предыдущую главу, изо 5–24). А в районной газете "Истринская стройка" в 1948 г. была напечатана фотография достаточно пожилого председателя колхоза с той же фамилией и инициалами.

В Истринском архиве оказалось много дел послевоенного времени, в которых упоминается фамилия председателя колхоза "6-й съезд Советов" Булочникова. Он был депутатом Букаревского сельсовета, в одном из документов приведены анкетные сведения о нем: «*Булочников Василий Пав.* [Год рождения:] *1883* [Образование:] *нисшее, член КПСС*»[151].

Есть ли уверенность, что в перечисленных дореволюционных и советских документах речь идет не об однофамильцах, а об одном и том же человеке, который в молодости был псаломщиком Богоявленской церкви, потом служил в царской армии, а в зрелые годы стал руководителем советских организаций? Надо признать, что подтвержденных документально доказательств этому нет. Но учитывая множество косвенных свидетельств (полное совпадение ФИО, редкая фамилия, подходящий возраст, проживание в одном селении), можно почти наверняка утверждать, что речь идет об одном и том же человеке. Ну а то, что он стал руководителем советских органов, свидетельствует о том, что Василий Павлович отошел от Церкви. И не просто отошел, а стал активным сторонником новой власти, был принят в члены коммунистической партии. Это был далеко не единичный случай, подобное в те годы происходило со многими церковнослужителями.

В одном из номеров газеты за 1953 г. напечатан очерк, в котором говорится о старейшем читателе брыковской библиотеки: «*заведующая библиотекой берет формуляр Василия Павловича Бу-*

лочникова. Василию Павловичу около 80 лет. Он лишь недавно передал заведывание животноводческой фермой колхоза, а за животноводство болеет попрежнему. Недавно Василий Павлович взял в библиотеке брошюру "Механизация животноводческих построек". – Колхоз строит большой каменный скотный двор с полной механизацией, – пояснил он, – Книгу эту прочитаю, представления больше о механизации иметь буду, а может быть еще и полезный совет строителям дам»[152].

В другой газетной публикации встретилась та же фамилия с другими инициалами: «*И. В. Булочников – полковник Советской Армии*». Возможно, это сын председателя колхоза (напомним, что у псаломщика Василия был сын Иван). Не исключено, что ныне живы потомки бывшего служителя Богоявленской церкви.

1917: Псаломщик Сергей Моисеев

Третий (и последний в царское время) причетник Богоявленской церкви – **псаломщик Сергей Васильевич Моисеев**. О его назначении сообщалось в одном из номеров епархиального журнала за 1917 г.: «*Определены.* […] *На вакансию псаломщика при Богоявленской, села Брыкова, церкви, Звенигородскаго уезда, крестьянин Сергей Моисеев исправл. должн. псаломщика – 17 апреля*»[153]. Имя этого служителя также упоминалось в деле об убийстве священника Зверева. Он следователю о себе заявил: «*Я служу последнее время псаломщиком при церкви с. Брыкова* […] *живу в дер. Кучах*»[154].

Это все, что до недавнего времени было известно о данном клирике. В сборе дополнительной информации помощь оказали коллеги-исследователи А. Н. Инюкин, А. В. Шатохин, М. А. Обухова, Н. М. Мордвинова. С их помощью сведений о псаломщике Сергее Моисееве стало больше.

О его происхождении стало известно из следственного дела ГАРФ, в котором указаны анкетные данные: из крестьян (как и Булочников), родился в 1886 г. в с. Самылово Касимовского уезда Рязанской губернии[155], окончил начальную школу. Сведения о родителях не приведены.

Как отмечено в том же деле, в 1904 г. С. В. Моисеев стал работать на текстильной фабрике (название не указано). Трудился там семь лет. А в 1911 г. по данным клировой ведомости, «*держал экзамен в Московской экзаменационной Коммисии на звание Псаломщика*»[156]. Испытания прошел успешно и 5 июля был зачислен на причетническую должность в Троицкую церковь с. Болычево Можайского уезда. В том же документе приведены сведения о доходах Сергея Васильевича в 1916 г.: «*Содержание от казны 98 рублей и от прихода 108 рублей 9 копеек*». Прямо скажем, не густо, особенно, если принять во внимание его многодетную семью: жена Пелагея Григорьевна и пятеро детей от года до семи лет: Екатерина, Александра, Анна, Василий и Николай.

Как следует из следственного дела, Моисеев в годы Первой мировой войны был призван в армию, находился «*на военной службе рядовым солдатом*». Ну а в 1917 г., как уже говорилось, был определен в причт Богоявленской церкви. По каким-то причинам не задержался в Брыково (в 1918 г. на его месте в причте был другой служитель). Не исключено, что на решение уйти могло повлиять убийство настоятеля о. Петра Зверева (трагедия произошла за три недели до назначения Моисеева в Брыково).

Сведения о дальнейшей жизни обнаружены в том же деле. В нем написано, что с 1918 по 1924 гг. С. В. Моисеев служил в другом месте сначала псаломщиком, а потом дьячком. В документе указано село. Но из-за сгиба бумаги названия селения полностью прочитать не удалось. Видна только нечетко первая буква “Б” или ”В” и окончание слова «*чево*». Это могло быть село Болычево, где в Троицкой церкви Моисеев начинал свое служение в 1911 г. Если это так, то получается, что причетник вернулся на старое место. В 1924 г. Сергей Васильевич стал священником и перешел служить в Покровскую церковь соседнего с. Княжево (между двумя селами всего пять верст).

В следственном деле указан адрес проживания С. В. Моисеева по данным на 1930 г.: Волоколамский район, с. Княжево. Приведены данные о хозяйстве: дом, лошадь и корова (примерно такое же имущество было и до революции). Советской властью служитель был обложен налогом в 241 руб. Как написано там же, в 1929 г. священник был осужден «*за расхищение дров*» (о том, какое последовало наказание – не сказано).

В марте 1930 г. о. Сергия пригласили служить в с. Архангельское Шаховского района, где находилась Михаилоархангельская церковь. Здесь по данным органов НКВД он проводил «*систематическую агитацию, выразившуюся в подготовке крестьян против организации колхоза и срыва создания семенного фонда*»[157]. Помимо этого указано, что окроплял коров святой водой.

А уже через месяц был выписан ордер на арест С. В. Моисеева и состоялся первый допрос в Мо-

скве в Бутырской тюрьме. Арестованного обвиняли по «стандартной» статье 58 п.10 Уголовного кодекса (УК) РСФСР. Следствие было проведено быстро и уже 25 апреля на заседании так называемой «*тройки*» ОГПУ священника приговорили к заключению «*в концлагерь сроком на три года*».

В деле имеется «*Заключение*», датированное 7 декабря 1932 г., в котором отмечен «*положительный отзыв администрации концлагеря о поведении Моисеева*». В связи с этим властями было принято решение по окончании срока заключения освободить его «*без дальнейших ограничений*». Священник вышел на волю досрочно. Это следует из данных, приведенных на сайте о репрессированных лицах: «*Прибыл в Ухтпечлаг 10.05.1930. Освобожден 03.11.1932*»[158].

В конце дела имеется заключение о реабилитации Сергея Васильевича Моисеева в 1999 г.

На сайте ПСТГУ оказалась информация о том, что сын священника Николай Сергеевич Моисеев (1915 г.р.) служил псаломщиком в с. Астафьево (Остафьево) Подольского района, был арестован 19 ноября 1937 г. и уже через три недели расстрелян на Бутовском полигоне. О нем приведены такие сведения: «*когда у него умер отец, который служил там, приехал в село* [Остафьево], *чтобы устроить хозяйство и по просьбе священника Крымкина сделать перегородку в церкви*»[159]. Имя умершего родителя не указано, но понятно, что это был Сергей Васильевич. Получается, что он служил в 1930-е гг. в Остафьево и умер не позднее 1937.

Сведения о еще одном сыне священника Василии обнаружены на сайте Троицкого храма с. Остафьево: «*Богослужение в 1930-е годы вели священник Василий Иванович Крымкин, дьякон Василий Сергеевич Моисеев и его брат псаломщик Николай Сергеевич плоть до закрытия церкви*»[160]. О том же сыне на другом сайте написано, что участвовал в войне с немцами, «*пропал без вести*» в 1942 г.[161]. Это еще не все. Исследователь М. А. Обухова в архиве ЦГАМО нашла справку, согласно которой в 1948 г. в г. Каширу в церковь Флора и Лавра состоялось назначение священника «*Моисеева В. С.*»[162]. Был ли это Василий Сергеевич (сын «нашего» С. В. Моисеева) – не ясно.

По информации, полученной от того же исследователя, недалеко от Княжево ныне проживают Моисеевы. К сожалению, эти люди не обладают сведениями, являются ли они потомками Сергея Васильевича, служившего в Болычево, Княжево, Брыково и Остафьево.

Церковные старосты в XX веке

Поговорим теперь о церковных старостах, о них уже шел разговор ранее.

Если глянуть на список служителей Богоявленской церкви, приведенный в приложении–7, то бросаются в глаза три следующих друг за другом церковных старосты, у которых одинаковое отчество Мартынович (в документах иногда писали «*Мартинов*», «*Мартинович*»).

Учитывая редкость данного отчества, а также то, что все трое были крестьянами, проживали примерно в одно время и в одной местности (двое и вовсе в сельце Железниково), то так и напрашивается предположение, что это были родные братья, даже, не взирая на их разные фамилии. Возможно, так оно и было. Но документально подтвердить это не удалось.

Последним старостой Богоявленской церкви в царское время оказался крестьянин **Сергей Мартынович Гудович**. Родился он примерно в 1865 г., учился в брыковской школе. В марте 1902 г. он впервые был избран церковным старостой. Помимо традиционных обязанностей (сбор и учет церковных денег, закупка и продажа свечей, мелкие ремонты храма), Гудовичу пришлось заниматься и другими делами. В предыдущей главе рассказывалось об устройстве в 1904 г. вокруг Богоявленской церкви каменной ограды с железными решетками и воротами. Спустя три года в храме производилась промывка стенной живописи, ремонт иконостаса, исправление трех дверей. В 1913 г. осуществлялась замена износившихся голландских печей. В конце 1917 г. возникла необходимость вновь промывать настенную живопись. Все эти работы ложились на плечи старосты. Он должен был все организовать, закупить необходимые материалы, найти и нанять мастеров, а потом проследить за качеством выполняемых работ.

С. М. Гудович зарекомендовал себя положительно, прихожане доверяли ему. В клировой ведомости написано: «*В 1909 году получил при своей должности кафтан*»[163]. Не каждый староста удостаивался этого. Его неоднократно переизбирали на ответственную должность. Последний раз это случилось 26 февраля 1917 г. В архиве сохранился приговор прихожан и причта об избрании в этот день Сергея Мартыновича на очередной (шестой) трехлетний срок на должность старосты Богоявленской церкви. Присутствовали 23 человека, решение было принято единогласно. На до-

кументе стоят две печати и роспись: «*согласен принять на себя должность церковнаго старосты Крестьянин Сергей Мартынов Гудович*»[164]. Доработал ли свой срок до конца (он истекал в 1920 г.) – сказать трудно, документальных подтверждений нет. Последний раз его имя как старосты упоминается в клировой ведомости 1918 г. И все же думается, что такой человек вряд ли оставил бы свой пост в наступившие трудные времена (если конечно не случился какой-то форс-мажор, например, серьезная болезнь или смерть). По сроку нахождения на посту церковного старосты (18 лет) Сергей Мартынович уступил лишь крестьянину Федору Мартыновичу, о котором ранее рассказывалось.

Фамилия следующего старосты встречается в документах архива ЦГАМО за 1922–1925 гг. Это был **Илья Алексеевич Малюков**. Его имя и фамилию «*Малюков, Илья А.*» можно увидеть в нескольких списках лиц, лишенных избирательных прав, в так называемых «*списках лишенцев*» (в одном из них он помечен как бывший торговец).

СПИСОК

лиц не имеющих права избирать и быть избранными в Совет, согласно конституции Р. С. Ф. С. Р.

Лучинской вол., Воскресенского уезда.

№№ по пор.	Фамилия, имя и отчество.	Место жительства.	Причины отстранения от выбора.	№№ по пор.	Фамилия, имя и отчество.	Место жительства.	Причины отстранения от выбора.
1	Романов, Петр Павл.	Бужарово.	Быв. торг.	45	Шишин, Евстигней А.	Ябедино.	Быв. торгов.
2	Зоеводин, Николай,	„	„	46	Зиновьев, Степан.	Никулино.	„
3	Мелов, Илья Карп.	Борисково.	„	47	Каменский, Егор.	Дергайково.	„
4	Головастиков, Александр.	Вельяминово.	Торговец.	48	Безгрознов, Евстигней.	Давыдовское.	„
5	Фадеев, Иван.	Борисково.	„	49	Комков, Филип.	Бужарово.	„
6	Степанов, Яков.	„	„	50	Романов, Петр Павлович.	„	„
7	Сироткин, Димитрий.	Дубровское.	„	51	Зайцев, Никита.	„	„
8	Иванов, Федор Иванович.	„	„	52	Маркова, Евдокия Яковлв.	д. Сычевки.	Судилась.
9	Готовцев, Данила.	„	„	53	Шадаев, Герасим.	д. Вельямин.	„
10	Голованов, Василий.	Юфимоново.	„	54	Юсупов, Александр Иван.	с. Петровск.	„
11	Копейкин, Герасим.	Зенькино.	Быв. торгов.	55	Самсонов, Михаил	д. Крючково.	„
12	Кузьминов, Михаил.	„	„	56	Мещанинова, А. Ф.	д. Ивановск.	„
13	Мещанинов, Ефим М.	Ивановское.	„	57	Земсков, Мих. Андр.	„	Б. торговец.
14	Евстратов, Степан.	Лукино.	„	58	Сергеевы, Бр,	д. Кострово.	„
15	Иванов Н.	Ст. Н.-Иерус.	Торговец.	59	Антонин.	д. Ивановск.	Сл. Рел. Кул.
16	Царихин, Василий.	Лучинское.	„	60	Страшнов, Тимофей Мих.	д. Букарево.	Эксплоататор.
17	Баулин, Евстигней.	Мыканино	„	61	Смирнов, Тимофей Иван.	д. Скрябино.	„
18	Гольцев, Андрей.	„	„	62	Кузьминов, Федор. Алекс.	д. Вельям н.	Торговля
19	Большев, Авдей.	„	„	63	Дрегалин, Дмитрий Карп.	д. Ивановск.	„
20	Павлов, Борис Н.	„	„	64	Дрегалина, Агрип. Григ.	„	„
21	Беляев, Иван Алексеев.	Никулино.	Священник.	65	Талызин, Михаил Иванов.	д. Железник.	Эксплоататор.
22	Орлов, Петр Петров.	Бужарово.	„	66	Кухтина, Екатерина Егор.	д. Ивановск	Торговля.
23	Смирнов, Алексей.	Филатово.	„	67	Кухтин, Василий Захаров.	„	„
24	Величкин, Василий.	Брыково.	„	68	Головастиков, Григор. Ник.	Ст. Н.-Иерус.	„
25	Тропаревский, Алек.	Александрово.	„	69	Головастиков, Алекс, Григ	„	„
26	Орлов, Сергей Вас.	Покров.-Руб	„	70	Головастиков, Алекс. Гавр.	„	„
27	Орлов, Иван Иванов.	Ильинс. Горо.	„	71	Сысоев, Дмитрий Петров.	д. Ивановск.	„
28	Виноградов, Николай.	Ивановское.	„	72	Сысоева, Елизавета Яков.	„	„
29	Лабзин, Иван Яковл.	Глинки	Служ. полиц.	73	Осипов, Гавриил Андреев.	д. Сычевки.	„
30	Ефимов, Павел М.	Телешнево.	„	74	Чурейкин, Николай Андр.	д. Ефимоново	„
31	Миронов, Николай.	Петровское.	„	75	Куликов, Василий Тимоф.	д. Сычевки.	„
32	Лавров, Семен.	„	„	76	Бальянова, Мария Никол.	Вельяминово.	„
33	Сергеев, Николай П.	Телешнево.	„	77	Федосеев, Александр Никол.	57 в. Бал. ж.-д.	„
34	Тарасов, Тимофей А.	Филатово.	„	78	Емельянов, Николай Тимоф.	д. Лукино.	„
35	Исаев, Василий И.	Холщевики.	„	79	Головастиков, Дмитр. Иван.	Вельяминово.	„
36	Морозов, Андрей.	„	„	80	Румянцева, Екатер Гавр.	Слобошенно.	„
37	Газов, Никифор.	Брыково.	„	81	Кокорев, Никол. Иван	Скрябино.	Углежигат.
38	Газов, Прокофий.	„	„	82	Блохин, Иван Иванович.	И. Дарьино.	„
39	Чурашов, Яков. Тимоф.	„	„	83	Королева, Мария Никандр	Петровское.	Торговля.
40	Малюков, Илья А.	„	бывш. торг.	84	Чумичев, Сергей Васильв.	Лучинское.	„
41	Никифоров, Андрей.	Букарево.	„	85	Кукуев, Семен Михайлов.	Петровское.	„
42	Страшнов, Тимофей.	„	„	86	Третьяков, Иван Васильев.	Брыково.	Предприним.
43	Гудович, Иван Алек.	Железниково.	„				
44	Гудович, Николай И.	„	„				

Председатель Избирательной Комиссии Я. Боровков.

Изо 6–24. Список лиц, лишенных избирательных прав по Лучинской волости[165], 1923.

К сожалению, сказать о последнем старосте больше нечего, о его судьбе никаких данных нет. Правда в местной районной газете в послевоенные годы неоднократно упоминалась заведующая брыковской избой-читальней, потом клуба Матрена Павловна Малюкова, которая была членом партии. Возможно, это была родственница старосты.

Был ли староста в Богоявленской церкви после 1925 г., сказать трудно, подтверждающих документов нет. Времена были трудные, гонения на служителей с каждым годом все усиливались.

1896–1925: Псаломщик, дьякон, священник Василий Величкин

Первым настоятелем Богоявленской церкви при новой власти оказался **Василий Иванович Величкин** (1877 – † после 1937). При нем большевики захватили власть в 1917 г., священник служил в годы Гражданской войны и несколько лет позже.

Это оказался человек с интересной биографией. Около четверти века (с перерывами) Величкин находился в причте Богоявленской церкви. Не рекордный показатель. Но Василий Иванович оказался среди трех клириков, которые начинали служение в брыковском храме на причетнической должности, а завершали в священническом сане. Первые двое – Стефан Маркович и Яков Васильевич – служили еще в XVIII в. В отличие от них Величкин был некоторое время еще и дьяконом (на вакансии псаломщика). И поэтому он оказался уникальным клириком: кроме него никто больше не служил на трех указанных должностях в Богоявленском причте, не прошел весь путь от причетника, дьякона и до священника. Но обо всем по порядку.

Напомним, что в 1896 г. из Брыково уволился псаломщик Александр Синайский, сообщение об этом появилось в епархиальном журнале в номере от 17 марта. А неделей ранее в том же журнале было напечатано: «*К Богоявленской, с. Богоявленскаго-Брыкова церкви, Звенигородскаго у., на псаломническое место определен бывший воспитанник Волоколамскаго духовнаго училища Василий Величкин*»[166]. Вскоре вновь назначенный причетник женился. В метрической книге Богоявленской церкви 15 апреля была сделана запись о бракосочетании 18-летнего псаломщика Василия Ивановича и 26-летней Ольги Александровны, дочери «*заштатного псаломщика* […] *Александра Григорьева Синайскаго*»[167]. Получается, что этот брак стал очередным случаем «женитьбы на месте».

Происхождение Василия

О дате и месте рождения В. И. Величкина полной ясности нет. В деле ГАРФ написано, что родился 22 декабря 1877 г. в с. Спас-Нудоль Клинского района. Проверить эти данные по метрической книге не получилось (соответствующее дело из-за ветхости не выдается). Но удалось установить, что отец Василия, которого звали Иван Алексеевич Величкин, согласно выписке из клировой ведомости в 1877 г. служил в другом храме – в Успенской церкви в соседнем с. Пречистенском. Так что, возможно, место рождения (а может и дата) в деле ГАРФ указаны неверно.

В той же выписке отмечено, что родитель Иван Величкин начинал свое служение в 1848 г. пономарем в с. Теплое Рузского уезда[168]. Оттуда был переведен в 1871 г. на причетническую должность в с. Пречистенское того же уезда (ныне дер. Пречистое Истринского района). Там в 1877 г. Иван Алексеевич был рукоположен в сан дьякона. И уже в следующем году был переведен в с. Спас-Нудоль Клинского уезда. Прослужил там пятнадцать лет, пока не вышел за штат.

Супругу дьякона Ивана Алексеевича звали Дарья Федоровна. По сведениям, полученным от А. Н. Инюкина, она была дочерью пономаря Садковского из с. Алферьево Клинского уезда. Согласно той же клировой ведомости в семье были дети: дочери Александра, Анна и Евдокия, сыновья Александр, Митрофан, и Павел (старшие дети с отцом в это время не жили). Как видим, Василия в списке нет, он ко времени составления ведомости (1877) еще не родился.

По информации от того же исследователя деда Василия (отца Ивана Алексеевича) звали: «*Алексей Иосифович Величкин (1806 – † после 1876), родом из села Раменья Волоколамского уезда, сын пономаря Иосифа Ивановича Величкина*». Алексей учился в Волоколамском духовном училище и после исключения из оного в 1823 г. жил в Раменье при отце, как тогда писалось «*для приискания места*». И когда такое место нашлось, женился на Евгении Петровне, дочери умершего дьякона с. Спасского на Нудоли Петра Сергеевича Смирнова. После женитьбы Алексей Величкин «*прослужил пономарем более 30 лет в селе Ивойлово Рузского уезда, оставив место зятю, продолжил службу дьячком в селе Козлово того же Рузского уезда во Флоро-Лаврской церкви*».

На причетнической должности

Вернемся теперь к Василию Ивановичу Величкину. Как и дед, он учился в Волоколамском духовном училище. И также не доучился до конца: в 1895 г. был отчислен из четвертого класса «*по малоуспешности*»[169]. Спустя год Василий был определен псаломщиком в Богоявленскую церковь.

Прослужив в Брыково три года, в 1899 г. он был «*принят на военную службу*»[170]. В 1902 г. Величкин вновь объявляется в причте Богоявленской церкви на своей причетнической должности. Как ранее уже говорилось, во время его отсутствия обязанности псаломщика в причте исполнял его тесть Александр Григорьевич Синайский.

В Богоявленской церкви Василий Иванович служил вместе с настоятелем о. Петром Зверевым. О каких-либо конфликтах между ними неизвестно. Надо полагать, все протекало мирно.

По информации, полученной от М. Б. Морозова, в 1909 г. псаломщику Величкину было «*назначено пособие на лечение за 2-ю половину 1909 года*»[171]. В чем заключалось заболевание – не сообщалось. Можно лишь отметить, что подобную помощь в то время редко кому оказывали. Видимо, было что-то серьезное.

На должности дьякона

Должность причетника В. И. Величкина не устраивала, ему хотелось большего. В мае 1914 г., как написано в клировой ведомости, он сдал экзамен на звание дьякона, был рукоположен в сан и 12 июня стал «*диаконом на вакансии псаломщика при той же* [Богоявленской] *церкви*»[172]. Ситуация возникла точно такая же, как в свое время с Егором Румянцевым. Служил Василий Иванович в Брыково в новом статусе недолго (около года), летом 1915 г. был переведен на штатную должность дьякона в Никольскую церковь с. Луцыно того же Звенигородского уезда.

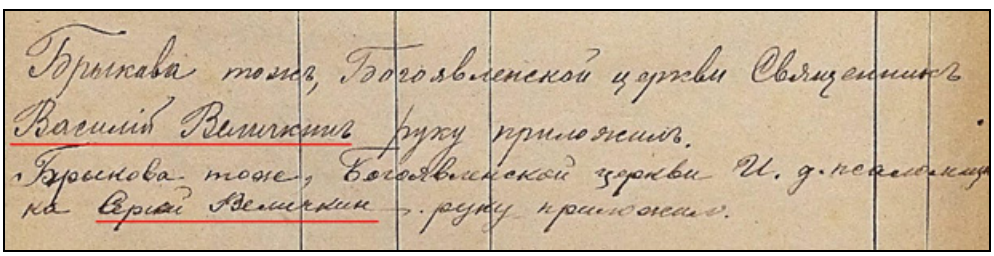
В клировой ведомости 1916 г. приведен состав семьи служителя. В то время в семье Величкиных было шестеро детей. Сын Николай служил псаломщиком в храме с. Гнилуши Бронницкого уезда. Клавдия окончила Мариинское епархиальное училище, там же продолжала обучение Евгения «*на своем содержании с платою 103 р. в год*». Сергей находился в Вифанской семинарии. Виктор обучался в местной школе. Самая младшая Зина в силу малого возраста еще нигде не училась.

На должности настоятеля

В луцынском храме Василий Иванович прослужил около двух лет. Когда после злодейского убийства освободилось место настоятеля в Богоявленской церкви, Величкин был рукоположен в сан священника и переведен в родную ему церковь. Случилось это 18 апреля 1917 г. Так Василий Иванович стал настоятелем в храме, в котором начинал служение псаломщиком.

Может возникнуть вопрос: а как Величкин смог стать священником? Ведь он не получил необходимого для этого сана богословского образования. Учился в духовном училище, но не получил аттестата об успешном окончании, был отчислен из-за низкой успеваемости. А «в семинариях» и вовсе не был. Прежде подобное рукоположение в священнический сан недоучившегося клирика вряд ли бы произошло. Но в XX в. обстановка в стране была уже иная, в обществе назревала смута. Все меньше находилось желающих учиться в семинариях и становиться священнослужителями, часть клириков слагали с себя сан добровольно. В итоге все больше появлялось вакансий в причтах различных храмов. Поэтому к отбору кандидатов в иереи священноначалие относилось уже не так строго.

В частном архиве сохранилась клировая ведомость Богоявленской церкви за 1918 г. Согласно приведенным данным в семье Величкиных произошли небольшие изменения. Николай был переведен на должность псаломщика в собор г. Клина. Сергей уже не учился в Вифанской семинарии. А вот чем занимался – в документе приведены противоречивые сведения. В одном месте написано, что находится в составе причта Богоявленской церкви как «*исполняющий должность псаломщика*». А в другой месте указано,

Изо 6–25. Подписи служителей Богоявленской церкви в клировой ведомости: священник Василий Величкин, и. д. псаломщика Сергей Величкин, 1918.

что состоит «*учителем при Земской школе*». Странно это. После революции не мог один и тот же человек быть церковнослужителем и учителем в школе.

Следует отметить, что больше имя Сергея Величкина ни разу не встретилось в документах Богоявленской церкви. Это позволяет предположить, что недолго он находился в причте.

Трудности служения при советской власти

Вернемся ко времени, когда Василий Величкин стал настоятелем храма в родном селе. О его приезде несколько лет спустя в районной газете "Голос деревни" была напечатана критическая заметка антирелигиозного содержания под заголовком «*Избу-читальню променяли на попа*», в ней говорилось: «*В 1917 г. в с. Брыково Лучинской вол. приехал поп Величкин. Несмотря на то, что он имел свой дом, батя поселился в общественном доме кр-н с. Брыково. Многим крестьянам это не понравилось и они решили батю выселить из общественного дома, а в нем открыть избу-читальню. Но как видится попа выжить не так-то легко. Услыхал поп, что его собираются выселить и в праздник после обедни, стал просить защиты у "православных". Православные сжалились над попом и написали приговор с просьбой оставить своего "пастыря" в общественном доме. Хорошо-же граждане сделали: избу-читальню променяли на попа. Вместо того, чтобы к знанию стремиться – забивают себе головы сказками поповскими*»[173].

По духу этой насмешливой и оскорбительной статьи можно представить, в каких сложных условиях оказался новый священник. Помимо морального давления со стороны властей были еще и чисто материальные трудности. В клировой ведомости 1918 г. отмечено, что жалование причту не выдавалось и проценты с банковского капитала не выплачивались. Написано, что «*кроме кружечного дохода ни откуда ничего не получается*». Указан общий доход храма за год – 700 руб. Ничтожная сумма, если учесть, что деньги в то время сильно обесценились.

Церковных источников той поры сохранилось немного. Из уцелевших документов стало известно, что в 1919 г. о. Василий был награжден набедренником. Его имя также встречается в архивном деле 1922 г. среди представленных к награждению фиолетовой скуфьей. Однако это представление сопровождено резолюцией: «*отклонить*»[174] (причина не указана). Фамилия иерея Величкина (как «*представителя верующих*») имеется в нескольких документах Богоявленской церкви той поры: в договоре об аренде церквей (1921), в протоколе изъятия церковных ценностей (1922).

В архиве ЦГАМО хранится дело «*Подворный список селения Брыково*» середины 1920-х гг., в нем приведены сведения о семье Василия Ивановича Величкина. Помимо жены Ольги Александровны указаны все те самые дети (новых членов семьи не прибавилось): Николай, Клавдия, Сергей, Евгения, Виктор и Зинаида. Стоят пометки, что Николай с 1916 г. не живет в семье, Сергей с 1924 г. находится в Москве, а Евгения вышла замуж[175].

Одной из мер давления советской власти на церковнослужителей было ущемление их гражданских прав. Клирики не могли быть избраны в органы власти. Более того, им даже запрещалось принимать участие в общенародных голосованиях. Так уже в 1923 г. Василий Величкин был включен в список лишенных избирательных прав (см. изо 6–24). Через два года в одном из таких документов оказалась жена *«Величкина С.А.»* (правильные инициалы О. А.) и дочь *«Величкина Е.В.»*. Подобные списки в то время обновлялись и издавались ежегодно.

Помимо приведенной ранее критической статьи в той же газете в 1924 г. были опубликованы еще две небольшие заметки. В одной было напечатано следующее: «*Поп села Брыково, Лучинской вол. решил обзавестись собственным домиком. А что-бы не тратить лишние деньги на покупку леса "святой отец" задумал упереть лес у гр. дер. Высоково. Запрег лошадку и тихим манером отправился за высоковским лесом. Но не тут-то было. Один из гр. дер. Высокого сцапал „отца" за этим душеспасительным делом. При обыске у бати нашли 30 корней. Вот они духовные-то отцы — на словах одно, а на деле другое — как-бы к чужому карману подобраться.* [подпись:] *Бедный.*»[176].

Что на это сказать? Вполне возможно, что случай самовольной (несогласованной с властями) рубки леса имел место. Никто церковнослужителей в советские годы бесплатно дровами и лесоматериалами не снабжал (если только не находились сердобольные прихожане). А откуда у священника могли взяться деньги на покупку древесины, дров? Прихожан в церковь ходило все меньше, деньги за требы платили небольшие, т.к. народ жил бедно.

„ГОНИ, ЖЕНИХ, МОНЕТУ!"...

Некий гражданин дер. Брыково, Лучинской вол. задумал „сочетатся законным браком".

Перед началом венчанья поп приехал к жениху:

— „Давай деньги, гони 15 рублей!".

Жених в спор—сбавляй батя... Торговались-торговались и, наконец, сошлись на 10 рублях.

Не успел отойти поп—сыпет дьячек—то-же за монетой. За дьячком староста, за старостой сторож и другие причендалы духовные. И все одно:—„гони монету, жених!"..

Недурно устроена церковная лавочка; войдешь туда с деньгами, а выйдешь чуть-ли не без штанов.

Изо 6–26. Заметка в газете "Голос деревни"[177], 1924.

Другая газетная заметка с названием *«Гони, жених, монету!»* представлена в виде фотокопии. Тон ее все такой же – насмешливый, оскорбительно-вызывающий.

После 1925 г. фамилия Величкина ни в каких документах (ни церковных, ни советских), касающихся Богоявленской церкви и Брыково, не встречается. Было непонятно: то ли умер (хотя и был не старым – всего 40 лет), то ли перешел в другой храм, а может и вовсе отрекся от сана. Многое прояснилось, когда на сайте архива ГАРФ было обнаружено дело 1937 г., имеющее заголовок: «*Следственное дело. Величкин Василий Иванович, 1877 г. р.*». С помощью исследователя Н. М. Мордвиновой и о. Павла Малкина были изготовлены копии нескольких листов этого дела (к сожалению, фотографии арестованного почему-то не оказалось). Их изучение позволило открыть ранее неизвестные эпизоды биографии о. Василия Величкина.

Выяснилось, что во второй половине 1930-х гг. священник проживал в с. Куртниково Истринского района и служил в местной Борисоглебской церкви, там и был арестован советской властью. К сожалению, в следственном деле не сказано, когда он появился в указанном селе. Кое-что прояснилось, когда в архивном деле ЦГАМО были найдены списки лишенных избирательных прав. В одном из документов оказались имена супругов Величкиных, указан адрес: Куртниково[178]. Это дело не имеет точной датировки, имеющиеся в нем бумаги помечены 1928–1932 гг. Надо полагать, что в это время священник уже служил в местном Борисоглебском храме. И, скорее всего, продолжал это делать вплоть до своего ареста.

Осенью 1937 г. в районной газете "Истринская стройка" была напечатана небольшая заметка. В ней написано, что 13 октября учитель Куртниковской школы Новиков «*организовал ячейку союза воинствующих безбожников*»[179]. А три дня спустя «*местный поп Величкин*» обратился к руководителю сельсовета Графову с жалобой: мол, указанный учитель обижает его. Начальник, как написано в заметке, «*принял сторону попа*». Автор недоумевал такому повороту дел. Чем все закончилось – в газете не написано. Был ли наказан Графов – осталось неизвестно. А вот священник вскоре был взят под стражу. Послужила ли эта заметка поводом для ареста или же чекисты сами собирали материал – прямого ответа нет. Но, судя по датам архивных документов, публикация в газете сыграла негативную роль в судьбе Величкина. Возможно, благодаря ней власть обратила внимание на местного священника. Это было время самого разгула репрессий.

По следственному делу можно восстановить хронологию событий осени 1937 г.

31 октября Карцевский сельсовет предоставил справку, в которой написано: «*Величкин Василий Иванович* […] *служитель религиозного культа, священник при Куртниковской церкви, Карцевского сельсовета, проживает в церк. сторожке*»[180]. Отмечено, что на его иждивении находилась одна жена Ольга Александровна, другие члены семьи не указаны (дети к тому времени выросли и жили своей жизнью). 10 ноября в УНКВД были подписаны постановление на избрание меры пресечения «*содержание под стражей*» и справка на арест священника. «*Служитель культа*» Величкин обвинялся по ст.58 п.10 ч.1 в том, что «*систематически ведет к/р* [контрреволюционную]

деятельность среди населения». В доказательство приведены слова, сказанные им на проповеди: «*Все дано от бога, надо больше молится богу и соввласть* [советская власть] *переменится, большевики захватили власть временно и это дано от бога за наши грехи*». 18 ноября был выписан ордер на арест. В тот же день в доме батюшки был произведен обыск, изъят его паспорт.

Выписка из протокола
заседания судебной тройки при Управлении НКВД СССР по МО
От „ “ 193 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
Дело № 10001- по обвинению: 18. ВЕЛИЧКИНА Василия Ивановича, 1877 г.р. ур. с.Спасс-Рудаль, Ново-Петровского р-на, МО, служитель религиозного культа-свящ[енник]. Не судим. Обвиняется в а/с. агитации.	ВЕЛИЧКИНА Василия Ивановича заключить в ИТЛ сроком ДЕСЯТЬ ЛЕТ считая срок с 19 ноября 1937 г.

Изо 6–27. Приговор В. И. Величкину[181], 1937.

Арестованного перевезли в Москву в Таганскую тюрьму. И уже на следующий день арестованный был допрошен. На допросе следователь спрашивал о дочери Клавдии, которая с 1930 г. проживала в Персии (ныне Иран). Василий Иванович ответил, что дочь вышла замуж за торговца и уехала с ним за границу. Сказал, что она помогает, присылает продукты. Далее следователь начал задавать вопросы по сути обвинений. Священник на них ответил: «*никогда я контрреволюционной деятельности не вел*».

Несмотря на отрицание вины арестованным, было составлено «*Обвинительное заключение*». В качестве доказательства вины в нем приводились слова В. И. Величкина, сказанные им во время переписи населения в СССР 1937 г.: *«Если кто во время переписи запишется неверующим, тому не будут давать хлеба», «Каждая власть дана от бога, а соввласть явилась от сатаны»*. 27 ноября на заседании «*судебной тройки при Управлении НКВД СССР по МО*» было принято решение «*служителя религиозного культа*» оправить в лагерь на десять лет.

Вот так оперативно работал карательный механизм советской власти. После первого допроса, который, похоже, был единственным, спустя восемь дней был вынесен приговор. С другой стороны, Василию Ивановичу, можно сказать, повезло. Многих других церковнослужителей с подобными обвинениями приговаривали к смертной казни. Почему ему не вынесли высшую меру наказания, сказать трудно. Возможно, сыграло роль то, что он проходил по делу один. Надо отдать должное, что ни одной фамилии Величкин на допросе не назвал. Другие невинные люди не пострадали.

О дальнейшей судьбе бывшего настоятеля брыковского храма и его детей сведений нет.

1921–1931: Псаломщик, священник Иоанн Колобашкин

По всей видимости, после ухода о. Василия Величкина несколько лет (примерно четыре года) в Богоявленской церкви своего настоятеля не было. В пользу такого заключения свидетельствует то, что в сохранившейся клировой ведомости с. Филатово за 1928 г. среди приписных храмов указана «*Богоявленская села Брыкова церковь*»[182]. Это могло означать, что требы местных прихожан исполнял настоятель соседней филатовской церкви о. Алексий Смирнов (ныне прославленный как священномученик). Служил ли он при этом литургию в Брыково, хотя бы изредка, нигде не сказано.

Собственный настоятель у Богоявленской церкви вновь появился в 1929 г. Им стал уроженец здешних мест **Иван Михайлович Колобашкин** (1877 – † после 1940). Об этом служителе сохранились два дела ГАРФ и несколько упоминаний в делах других архивов. Только следует отметить, что это советские документы и о церковной деятельности там очень мало сведений.

Согласно паспортным данным И. М. Колобашкин по происхождению из крестьян, родился в с.

Брыково в 1877 г. (однако почему-то записи о его рождении не оказалось в метрических книгах Богоявленской церкви ни за 1877 г., ни за 1878). О родителях сведений нет. В возрасте 19 лет Иван женился на девице Екатерине Васильевне, дочери крестьянина из дер. Фроловской[183].

Работа кучером в Москве, знакомство с дворянкой Любощинской

О юных годах Ивана никаких сведений нет. Очевидно, как все местные крестьянские дети он учился в Брыковской школе. О его грамотности свидетельствуют сохранившиеся в архиве ЦГАМ письма, написанные хорошим почерком. Иван Михайлович направлял свои послания дворянке Анне Егоровне Любощинской[i]. Где и когда они познакомились, что их связывало – история умалчивает. Однако тексты посланий Колобашкина позволяют выстроить такую версию. Он вместе со своим отцом находится на заработках в Москве, работал кучером, занимался извозом. Так в одном из писем жаловался на раны на своих ногах, что они болят от ежедневного мытья двух конных экипажей (отцовского и своего)[185]. Учитывая большую разницу в социальном статусе (дворянка и кучер), можно предположить, что знакомство их произошло случайно. Иван Михайлович, видимо, подвозил Анну Егоровну и ни один раз. Об этом свидетельствуют его слова: «*Не могу забыть поездку в Рязанскую губернию, которую совершил с вами*». Из текста других посланий следует, что Любощинская давала книги для чтения, Колобашкин потом ее благодарил: «*Книги для меня величайшие друзья*». В одном из писем указан обратный адрес кучера: «*Москва, угольный рынок на Миусах. Дом Полякова*». Это было съемное жилье. В другом письме Иван писал, что «*здоровье мое не позволяет находиться в нынешней должности (в извозе), я был на волосок от смерти, со мной случился удар*». Просил Анну Егоровну найти какую-нибудь работу для него. Как долго продолжалось их знакомство и чем все закончилось – сведений нет. Можно лишь утверждать, что Иван Михайлович через какое-то время вернулся в Брыково, где у Колобашкиных имелся свой земельный надел. Но, очевидно, перспектива стать крестьянином его не привлекала, об этом свидетельствует его дальнейшая жизнь.

ПАСПОРТ

Действителен по 9 мая 1945 г.

1. Имя, отчество, фамилия Колобашкин Иван Михайлович

2. Время и место рождения 1877 г. д. Брыково Петрищев р-н М.О

3. Национальность русский

II-РТ № 665256

4. Подпись владельца паспорта Колобашкин

Изо 6–28. Первая страница паспорта И. М. Колобашкина[184], 1940.

На причетнической должности

Если в прежние времена духовенство было закрытым сословием, из него редко уходили и в него редко попадали посторонние люди, то перед революцией ситуация стала меняться. С одной стороны, все больше детей церковнослужителей не хотели связывать себя со священством и выбирали светскую жизнь. А с другой стороны, в Церковь усилился приток людей из иных сословий, прежде всего, крестьянского (напомним, что в XX в. в Богоявленской церкви уже служили псаломщики с крестьянскими корнями – Булочников и Моисеев).

Как следует из ПС, И. М. Колобашкин стал причетником в 1912 г. Он был направлен на служение в храм с. Соснино Подольского уезда как «*исправляющий должность псаломщика*»[186]. Это случилось весной. А уже осенью того же года Иван Михайлович обменялся местами с псаломщиком Розановым из Успенской церкви с. Петровское Звенигородского уезда[187]. По данным клировой ведомости, в 1916 г. он по-прежнему служил в том же храме. К этому времени в семье имелось шестеро детей. По сведениям, полученным от М. Б. Морозова, в марте 1918 г. Колобашкин уволился за штат с формулировкой: «*впредь до выздоровления*»[188] (о характере заболевания ничего не сказано).

[i] Согласно сведениям из интернета у Анны имелась старшая сестра Наталья Егоровна, мужем которой был известный русский ученый Владимир Иванович Вернадский.

После увольнения из петровского храма Иван Михайлович вернулся на родину в Брыково. Сложные, голодные тогда были времена. Пережить трудности многодетной семье помогла земля и крестьянский труд. В 1921 г., когда советская власть уже прочно устоялась, Колобашкин не побоялся начать служение в родной Богоявленской церкви, помогал священнику Василию Величкину, который в то время в причте был один. Колобашкин, как написано в документе: «*исполнял должность псаломщика*»[189]. Так продолжалось несколько лет. То, что он жил и служил в Брыково, подтверждают списки лишенных избирательных прав. Так в списке 1925 г. указаны лица, связанные с церковью: «*Колобашкин И. М., д. Громово, псаломщик; Величкин В., священ.; Малюков И. А. церковн. староста*»[190]. В качестве местожительства у всех троих указана некая дер. Громово, при этом в аналогичных списках за другие года написано Брыково. Очевидно, это ошибка, т.к. ни в каких других документах данный топоним не встречается.

Рукоположение в сан священника

Чем занимался И. М. Колобашкин, когда из Богоявленского храма в 1925 г. ушел священник Василий Величкин, сказать трудно. Наверное, продолжал числиться псаломщиком, хотя службы в церкви не проводились (или изредка проводились священником со стороны). Так продолжалось несколько лет, истинно верующие прихожане испытывали неудобства. Трудно сказать, уговаривал ли кто-то Ивана Михайловича стать священником или он сам к этому пришел. Так или иначе, в 1929 г. он был рукоположен в сан священника, после чего стал именоваться отцом Иоанном и продолжил служить в Богоявленском храме уже как настоятель. Следует отметить, что официальных церковных документов об этом нет, имеются только сведения в советских документах (показания самого Ивана Михайловича в следственном деле).

Колобашкин помимо исполнения служебных обязанностей настоятеля занимался также крестьянским трудом. Это была необходимость, на церковные доходы в советские годы было трудно прожить. У него (его семьи) имелся земельный надел, причем довольно большой. Помимо этого он владел профессией сапожника. Об этом стало известно из дела ГАРФ, в котором оказалось много интересных деталей. Остановимся на них подробнее.

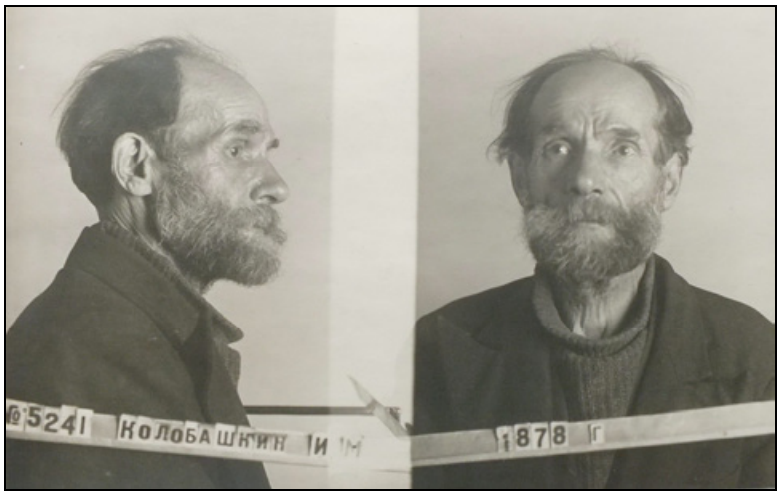
Повышенный налог на священника

В конце 1920-х гг. И. М. Колобашкин платил государству сравнительно небольшой налог – 16 руб. Но в 1930 г. ему начислили намного большую сумму – 599,5 руб. Он обратился с жалобой в центральный орган советской власти ВЦИК. Дело даже дошло до «*всесоюзного старосты*» М. И. Калинина, второго человека в СССР после Сталина. Последовало распоряжение в Истринский районный исполнительный комитет (РИК) во всем разобраться, прислать полные копии документов. Далеко не все написанное в этом деле оказалось понятно. Но логика властей очевидна: после того, как Колобашкин из псаломщика стал священником, к нему применялись другие нормы исчисления налога. В деле приведено много цифр, ссылок на статьи закона. Говорится о его доходах «*служителя религиозного культа*» до 100 руб, «*Кустарь в артели 334 рубля и сапожник 60 руб.*»[191].

По запросу из центра Букаревский сельсовет предоставил справку, согласно которой в 1930 г. И. М. Колобашкин имел земельный надел 5,10 га. Из этой площади «*было занято посевом под следующие культуры*»: под рожь 0,93 га; овес 1,00; картофель 0,23; сеянные травы (клевер) 1,25; лен 0,17; капуста 0,02; огурцы 0,01. А всего было засеяно 3,65 га. Помимо того были «*незаливные укосы*» 1,40 га. В крестьянском хозяйстве имелись лошадь, корова и овца. Кто-то может сказать – богатое хозяйство (сам Иван Михайлович называл себя середняком). Только надо иметь в виду, что в семье в то время было девять едоков. В той же справке написано, что на Колобашкина, как имеющего «*нетрудовыя доходы служителя религиознаго культа*» было наложено «*твердое задание по хлебозаготовкам*». Он должен был сдать государству: ржи 800 кг, овса 1.200 кг, картофеля 2.400 кг, соломы ржаной 800 кг, соломы яровой 960 кг. Всякий, мало-мальски разумеющий в сельском хозяйстве, согласится, что выполнение такого задания было трудным делом для семьи, в которой применялся только ручной труд, и имелась всего одна лошадь. А ведь надо было еще заготовить запасы для собственного пропитания. Немудрено, что такой большой налог о. Иоанн не мог заплатить. Как написано в деле, ржи сдал только 67 кг, овса 707 кг и т.д.

Арест, следственное дело

После 1931 г. фамилия Колобашкина в документах с. Брыково и Богоявленской церкви не встречается. До недавнего времени его судьба оставалась неизвестной. Но когда было изучено следственное дело ГАРФ 1940 г., кое-что прояснилось.

Изо 6–29. И. М. Колобашкин, фотографии из следственного дела, 1940.

В указанном деле имеются показания свидетеля, который заявил, что И. М. Колобашкина знал «*как служителя культа*» с 1932 по 1940 гг. Учитывая, что этот свидетель проживал в с. Микулино Лотошинского района (это довольно далеко от Брыково), то можно предположить, что Иван Михайлович уехал из родного села на запад Московской области в 1932 г. или даже раньше. Возможно, переезд был вызван стремлением избавиться от непосильных налогов, наложенных советской властью.

Из показания другого свидетеля следует, что о. Иоанн был священником «*Судниковской церкви Лотошинской района*». Потом (скорее всего, в 1937 г.) он стал настоятелем Богородицерождественской церкви с. Возмище Волоколамского района (ныне это окраина г. Волоколамска, храм сохранился). В паспорте указан адрес проживания: «*Возмище, в церковной сторожке*». Именно здесь и был арестован иерей 27 сентября 1940 г. Его перевезли в Москву, заключили под стражу в Бутырскую тюрьму, следователь стал проводить допросы.

Против арестованного служителя были выдвинуты традиционные для того времени обвинения. В постановлении на арест написано: «*Колобашкин Иван Михайлович является враждебно настроенным против ВКПб и советского правительства, систематически среди населения гор. Волоколамска ведет злостную антисоветскую агитацию, группирует вокруг себя бывших кулаков, активных церковников и лиц, возвратившихся из ссылки*»[192]. Все обвинения священник отвергал, на допросе заявил: «*Я контрреволюционной деятельностью не занимался и виновным себя ни в чем не признаю*». Повторил это несколько раз.

Надо отдать должное, что о. Иоанн на допросах не отрекся от веры в Бога (один из свидетелей передал слова священника: «*Он говорил что умрет, а не бросит службу в церкви*») и не сообщил никаких имен людей, которые могли бы от этого пострадать.

В следственном деле приведены сведения об арестованном и его родственниках. Иван Михайлович заявил, что был крестьянином-середняком, трудился сапожником. А в 1929 г. стал священником. Сказал, что отец умер в 1920 г., а мать в 1912 г. Что жену зовут Колобашкина Екатерина Васильевна, 64 года, иждивенка, живет в «*дер. Мыкнино*» (Мыканино) Истринского района. О семерых своих детях (Прасковья, Пелагея, Анна, Василий, Михаил, Николай и Валентина) сообщил, что все (кроме Василия) проживают в Москве, точных адресов проживания не знает. Добавил, что дочь Пелагея певица, а Валентина машинистка.

Когда следствие было закончено, Иван Михайлович, предчувствуя, что ему грозит срок заключения, обратился к прокурору с просьбой о свидании с женой и выдаче ей разрешения «*на право передачи мне вещевой посылки из следующих вещей: 1) валеных сапог с галошами, 2) теплых варежек, 3) теплых шерстяных чулков, 4) денег 200 руб. Так как я уже старик, мне 65-й год, и я очень плох здоровьем, очень прошу Вас не отказать выполнить эту мою просьбу*». Из дела неясно, была ли удовлетворена эта просьба.

Несмотря на то, что И. М. Колобашкин не признал свою вину, решением Московского областного суда от 30 ноября 1940 г. ему был вынесен обвинительный приговор по ст.58 п.10 УК РСФСР: пять лет лишения свободы с отбыванием срока в исправительно-трудовых лагерях.

К сожалению, дальнейшая судьба репрессированного священника осталась неизвестна, нет данных о том, вернулся ли он домой из ссылки. В 2004 г. И. М. Колобашкин был реабилитирован.

Продолжение рода, возможные родственники

На сайте “Память народа” имеются сведения о сержанте Михаиле Ивановиче Колобашкине, служившего в годы Великой Отечественной войны в саперном батальоне и награжденного орденами “Красной звезды” и “Славы” 3-й степени[193]. Одного из сыновей служителя звали Михаилом. Наверняка это он, т.к. совпадает и год рождения 1913-й.

Если говорить о продолжении рода, то следует отметить, что достоверных сведений на этот счет нет, несмотря на то, что фамилия Колобашкиных неоднократно встречались в различных исторических документах (один из людей с такой фамилией перед войной даже был председателем местного колхоза “Трудовик”). Но имели ли эти люди какое-то отношение к семье репрессированного служителя, осталось непонятно. Дело в том, что по данным архивного дела «*Подворный список селения Брыково*» в середине 1920-х гг. в селе помимо семьи Ивана Михайловича проживали еще две семьи с такой же фамилией Колобашкины. В первой семье было четыре едока, главой записана Мафра Тимофеевна, во второй насчитывалось десять едоков, главой был Андрей Семенович[194]. Были ли это просто однофамильцы или какие-то родственники – данный вопрос не изучался.

В завершении хотелось бы сказать, что в интернете можно найти упоминание о монахине Марии Ивановне Колобашкиной, арестованной в 1931 г.[195]. Совпадение фамилии и отчества навело на предположение, что это могла дочь брыковского священника. В пользу такой версии говорит и то, что указанная женщина с 1923 г. была монахиней Акатова монастыря, который находился не так далеко от Брыково (по прямой 20 км). Но данное предположение о близком родстве монахини и священника неверно. Во-первых, год рождения монахини 1894-й не подходит (Иван Михайлович женился только в 1897 г.). А, во-вторых, в списке имен детей священника нет Марии.

Разговор о следующем настоятеле о. Василии Сунгурове продолжим в следующем главе.

С 1990: Настоятель Богоявленского храма о. Андрей Васильев

Изо 6–30. Протоиерей Андрей Васильев, 2017.

Ранее говорилось, как **19 ноября 1990 г.** в Брыково на должность настоятеля был назначен только что рукоположенный молодой священник Андрей Борисович Васильев. Рассказывалось, как ему с помощью прихожан в самые трудные постперестроечные годы пришлось восстанавливать разрушенный Божий дом. 34 года бессменно служит в Богоявленской церкви батюшка, ныне уже в сане протоиерея. На сайте Московской митрополии приведены сведения о нем.

О. Андрей из семьи служащих, родился 16 марта 1955 г. в Москве, окончил Московский техникум автоматики и телемеханики (МТАТ) в 1974 г. «*Хиротонисан 03 ноября 1990 епископом Можайским Григорием в Новодевичьем монастыре*»[196]. Духовное образование получил в МДС в 1994 г.

Отмечен следующими наградами: 1991 г. – набедренник; 1992 – камилавка; 1997 – наперсный крест; 2001 – сан протоиерея; 2006 – палица; 2012 – крест с украшениями; 2018 – «*право служения Божественной литургии с отверстыми царскими вратами по “Иже Херувимы…”*»; 2019 – медаль “За усердное служение” III ст.; 2023 – «*право служения Божественной литургии с отверстыми царскими вратами по “Отче наш…”*».

У о. Андрея есть дети, внуки.

Глава 7. Священномученик Василий Сунгуров

Последним настоятелем Богоявленского храма перед его закрытием был **иерей Василий Арсеньевич Сунгуров** (1878 – † 1937). Он был арестован в Брыково, заключен в тюрьму и после наскоро проведенного «расследования» осужден и расстрелян на Бутовском полигоне. В наше время о. Василий прославлен как священномученик РПЦ. Он входит в соборы новомучеников трех благочинных округов Московской митрополии: Истринского[1], Щелковского[2] и Лосино-Петровского[3]. На их официальных сайтах о нем приведены краткие сведения.

О Василии Сунгурове до недавнего времени имелось совсем немного сведений, а некоторая известная информация (например, о дате и месте рождения) оказалась и вовсе ошибочной. В ходе архивных изысканий удалось найти новые достоверные данные, которые ниже и предлагаются вниманию читателей. Теперь о жизни священномученика стало известно намного больше.

Чудесным образом так сложилось, что удалось найти прямых потомков святого – **правнука Сергея Ивановича Афоничкина и правнучку Аллу Николаевну Мочалову**. Эти люди с готовностью откликнулись на просьбу поделиться материалами о Василии Сунгурове, за что им отдельное спасибо. В семьях потомков бережно чтится память о пострадавшем предке, сохранились ценные исторические фотографии. Сергей Иванович и Алла Николаевна поделились своими воспоминаниями. Полученные сведения, снимки были использованы при работе над настоящей книгой.

Изо 7–01. Потомки А. Н. Мочалова и С. И. Афоничкин в храме в Бутово с иконой убиенных на полигоне 21 сентября 1937 г., 2019, (семейный архив потомков).

Предки, родственники священномученика

По информации, полученной от исследователя А. Н. Инюкина, в Московской епархии в XIX в. существовали два рода церковнослужителей Сунгуровых: московские и коломенские (помимо них были еще и светские лица с такой же фамилией, включая дворян). Имелись ли у них общие предки – осталось неизвестно. Наши Сунгуровы относились к коломенским церковнослужителям.

Прадед иерей Иоанн Боголепов

Еще до начала поисков в архивах было известно, что отца священномученика звали Арсений Игнатьевич, а вот о деде никаких сведений не было. А. Н. Инюкин предоставил выписку из архивного дела, в которой написано, что ученик «*Арсений Сунгуров бываго Коломенской округи в селе Шеметове исключеннаго из Духовнаго ведомства дьячка Игнатия Иванова сын*»[4]. Так стало известно имя и отчество деда священномученика по мужской линии – Игнатий (Игнат) Иванович. А позднее (из клировой ведомости) удалось установить и фамилию – Румянцев.

Далее будет показано, что дети дьячка Игната Румянцева, по крайней мере, некоторые из них (Матвей, Иван и Арсений), носили другую фамилию – Сунгуровы. Как такое могло произойти, ведь речь идет о сыновьях, а не о дочерях, которые при замужестве берут фамилию супруга? Оказывается, в первой половине XIX в. ребятам при поступлении в духовные училища давали новые фамилии. Обычно они были производные от посвящения храмов, где служили отцы (отсюда столько много

служителей Покровских, Никольских, Благовещенских, Рождественских и др.). Как было установлено, сыновья Игната учились в Коломенском духовном училище. Очевидно, при поступлении в него им и была дана новая фамилия. А вот почему была выбрана фамилия Сунгуровы – осталось тайной.

В приведенной выписке указано село, в храме которого служил Игнат – Шеметово Коломенского уезда. В архиве были обнаружены исповедные ведомости Благовещенской церкви, которая находилась в этом селе. Согласно ведомости за 1829 г. в приходе были: *«Дьячек Игнатий Иванов, 35* [лет]. *Жена его Анна Петрова, 35. Дети их Ираида, 18. Марфа, 17. Матвей, обучающийся Коломенскаго уезднаго училища в нижнем отделении, 13. Фекла, 10. Мария, 7. Алексей, 4. Иван, полгода»*[5] (среди перечисленных детей нет Арсения, он появился на свет позже).

В ревизской сказке церковнослужителей Коломенского уезда за 1816 г. приведены сведения о пономаре Игнатии Ивановиче, отмечено, что его отцом был священник «*Иван Александров*», служивший в Воскресенской церкви с. «*Волынцево, Кондырево тож»*[6]. Фамилия родителя в документе не указана, ее удалось установить из клировой ведомости – Боголепов[7]. Так стало известно полное имя прадеда священномученика по мужской линии – **священник Иван[i] Александрович Боголепов** (ок. 1771 – † 1825). Интересно получается: у Василия и его отца Арсения фамилия была Сунгуров, у деда Игнатия – Румянцев, а у прадеда Ивана – Боголепов. Во как!

Удалось собрать некоторые сведения о прадеде. В той же клировой ведомости приведен его ПС. Написано, что в школах «*не обучался*»[8]. В 1786 г. определен пономарем в Вознесенскую церковь г. Серпухова. Спустя десять лет его перевели на аналогичную должность в причт Крестовоздвиженской церкви с. Лукино Серпуховского уезда. В 1801 г. Ивана рукоположили в священнический сан и определили на должность настоятеля в Коломенский уезд в Воскресенскую церковь с. Кондырево (иногда писали Кондарево, Кондорево или Кондрево). Он был награжден наперсным крестом в память войны 1812 г. Каких-либо дисциплинарных дел в отношении Ивана Александровича не обнаружено, по всей видимости, служил честно и добросовестно.

Умер прадед от простуды в октябре 1825 г. на 55-м году жизни[9]. В архивном деле сохранилась ставленая грамота о его «*Ионна Александрова*» рукоположении в сан священника 15 ноября 1801 г. и назначении в Воскресенскую церковь «*что в селе Волынцеве*» (см. изо 7–02).

Иван Александрович был женат на **Анне Ивановне** (это прабабка священномученика). Она прожила дольше, ей перешло по наследству имущество супруга, включая дом в с. Кондырево. По собранным архивным данным удалось установить, что в семье Боголеповых родилось как минимум шестеро детей: Игнат, Иван, Анна, Георгий, Евграф и Андрей. Все они показаны в древе рода (изо 7–03), большинство носило фамилию Румянцевы.

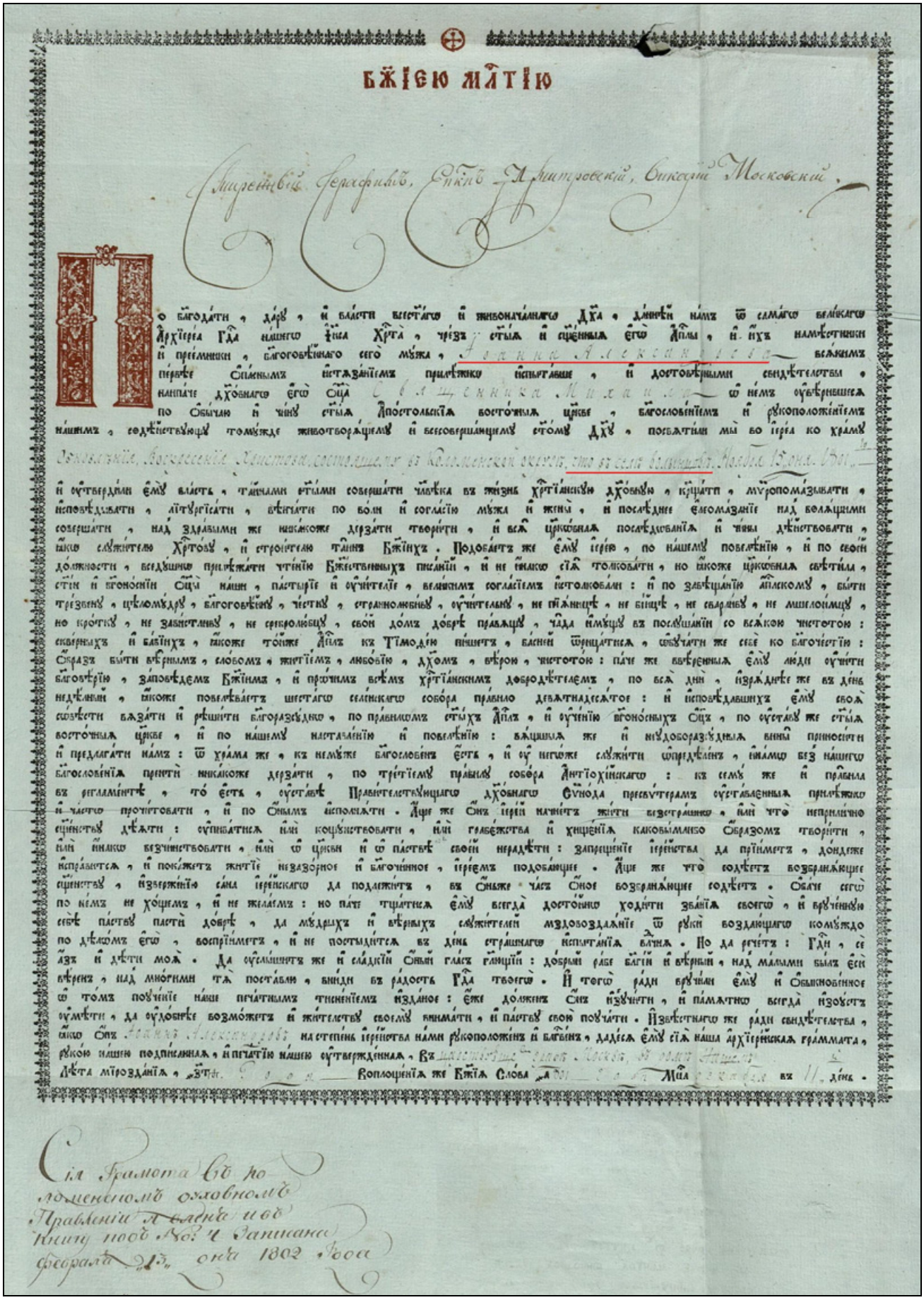
Удалось найти кое-какие сведения о судьбе некоторых потомков. Сын Георгий, как написано в ревизской сказке, «*Выбыл в медикохирургическую Академию в 1814 году»*[10] (напомним, что в ней учился в молодости брыковский помещик П. Н. Кильдюшевский). Андрей в 1815 г. стал канцелярским служащим в МДК. Остальные сыновья пошли по пути родителя, служили в церквях.

Один из сыновей Иван Иванович Румянцев с 1812 г. состоял в причте вместе с отцом в том же храме с. Кондырево. Об этом служителе сохранилось архивное дело. В 1820 г. он подал в МДК прошение о переводе на пономарское место в с. Былово Подольского уезда. К нему претензий по службе не было, и перевод был разрешен. А дальше случилось неожиданное. Буквально через несколько дней Иван подал еще одно прошение: «*по причине случившейся болезни отца Его, находящагося в том же селе Кондыреве священника Ивана Александрова выти из онаго села и оставить больнаго родителя не может»*[11]. Просил оставить его на прежнем месте. Как видим, сын переживал за отца. Начальство отменило свое решение, и Иван продолжил службу в Кондырево. По данным исследователя А. Н. Инюкина пономарь Иван Иванович в 1832 г. перешел на должность дьячка в с. Сабурово Московского уезда, но через год уже умер.

Другой сын Ивана Боголепова Евграф в 1819 г. был определен пономарем в Троицкую церковь с. Коледино Подольского уезда. У него было девять детей (см. изо 6F–05). Один из сыновей Егор Румянцев, когда вырос, служил в Богоявленской церкви с. Брыково в 1861–1875 гг. сначала пономарем, а потом дьяконом на пономарской вакансии. О нем рассказывалось в шестой главе.

---

[i] Несмотря на то, что по православным правилам имя священника следовало писать Иоанн, во многих церковных документах того времени он записан как Иван.

Изо 7–02. Ставленая грамота И. А. Боголепова (прадеда священномученика Василия Сунгурова)[12], 1825.

Дед причетник Игнатий Румянцев и его семья

Старшего сына Ивана Александровича Боголепова звали **Игнат Иванович Румянцев** (ок. 1794 – † после 1854). Это дед священномученика. О нем удалось собрать такую информацию.

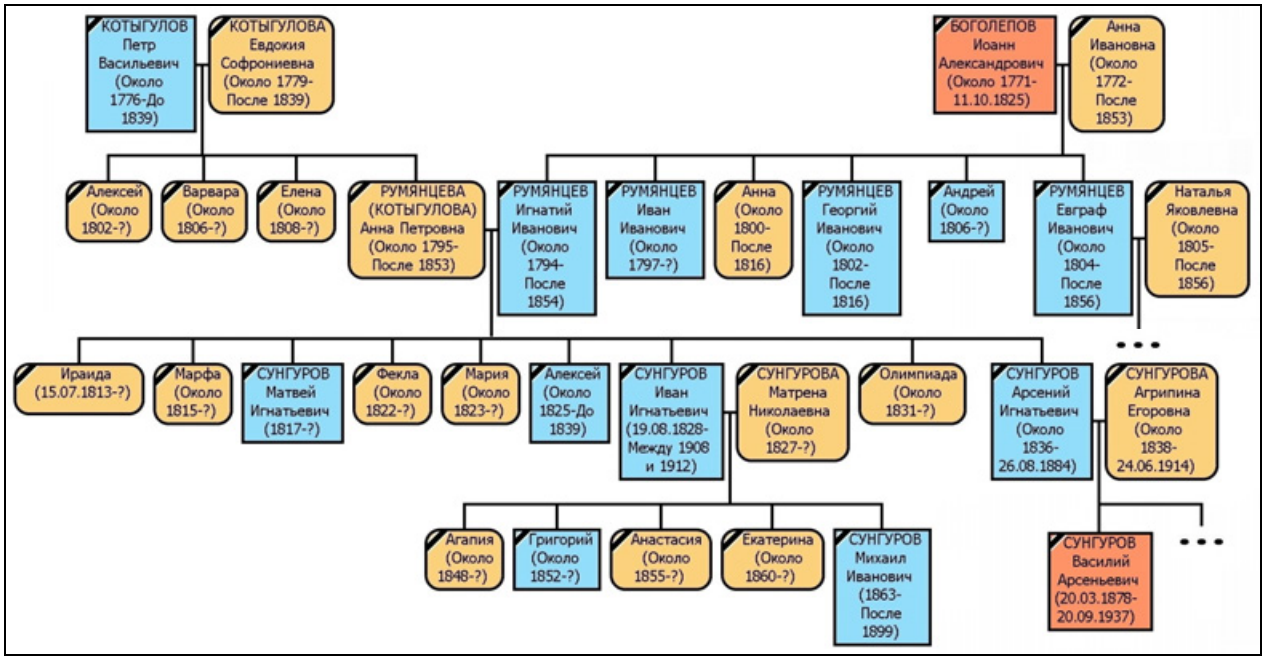
По данным клировой ведомости до 1809 г. Игнат обучался в Коломенской семинарии (позднее это стало училище) «*до нисшаго грамматическаго Класса*»[13]. Это означает, что полный курс обучения не прошел, был отчислен. Его определили пономарем в с. Кондырево, где прежде на этой должности находился его отец Иван Боголепов. В феврале 1812 г. Игнат был переведен на аналогичную должность в Спасскую церковь г. Коломны. И уже через три месяца в указанном храме молодой причетник обвенчался. Невесту звали **Анна Петровна**, она была дочерью «*уездnаго суда концеляриста* ***Петра Васильева Котыгулова***»[14] (это другой прадедушка Василия Сунгурова).

К сожалению, мало сведений удалось собрать о бабушке священномученика Анне Петровне и ее происхождении. Была обнаружена исповедная ведомость коломенской «*Никольской церкви в крепости*» за 1822 г., в которой записана семья Котыгуловых. Увы, среди членов семьи Анны не оказалось, она к этому времени вышла замуж и переехала жить к мужу. Но зато из этой ведомости стало известно имя супруги Петра Васильевича – **Евдокия Софрониевна**[15]. В документе записаны их дети: Алексей, Варвара и Елена. Несмотря на предпринятые усилия, не удалось найти метрику о рождении Анны или другого документа, в котором было бы записано имя ее родительницы. Остается надеяться, что матерью была Евдокия, как и у других детей Петра Васильевича Котыгулова. Несмотря на отсутствие подтверждающих данных, будет считать ее прабабушкой священномученика.

Спустя год после свадьбы у пономаря Игнатия Румянцева родился первенец. Это была девочка, родители ей дали редкое имя Ираида. В последующем почти каждый два года в семье на свет появлялись малыши (даты их рождения указаны в древе рода). Крещение малышей производилось в Спасской церкви г. Коломны, где служил их отец.

В клировой ведомости о причетнике Игнате писали: «*чтение и пение* [умеет] *не худо, Катехизис* [знает] *слабо*», [поведение] *от части не худаго*»[16]. Это все обычные формулировки, неожиданные сведения оказались в графе о судимости: «*с 1818 года по объявлению священника, диакона и старосты о пропаже из церкви вещей состоит под судом; впрочем штрафован не был*». К сожалению, не удалось найти в архиве само дело о краже. Поэтому подробности преступления остались неизвестны и непонятно, чем завершилась эта история. Но, судя по тому, что И. И. Румянцев продолжил служение в Коломне и в последующих документах ничего не сказано о его наказании за кражу, то это означает, что с него или сняли обвинение, или дело закрыли за недоказанностью.

Последний документ, в котором пономарь Игнат указан в составе причта Спасской церкви – это исповедка 1828 г. А в следующем году он служил в Благовещенской церкви с. Шеметово

Изо 7–03. Фрагмент древа рода Сунгуровых: предки и родственники священномученика.

Коломенского уезда. Когда и почему состоялся его переход в этот храм? Это стало понятно из другой клировой ведомости, в которой сказано, что И. И. Румянцев был уличен в нетрезвой жизни и в качестве наказания «*из города Коломны переведен в сие село* [Шеметово] *в прошлом 1828 году и штрафован житием в Николаевской Берлюковской пустыне два месяца в черной работе, и при том обязан подпискою, чтобы впредь вести себя будет воздержано, под опасением отрешения занимаемаго им ныне места*»[17]. Немного странным выглядит это перемещение. По факту переход в новый храм оказался повышением в должности: Игнат из пономарей перешел в дьячки. А ведь этот перевод был наказанием.

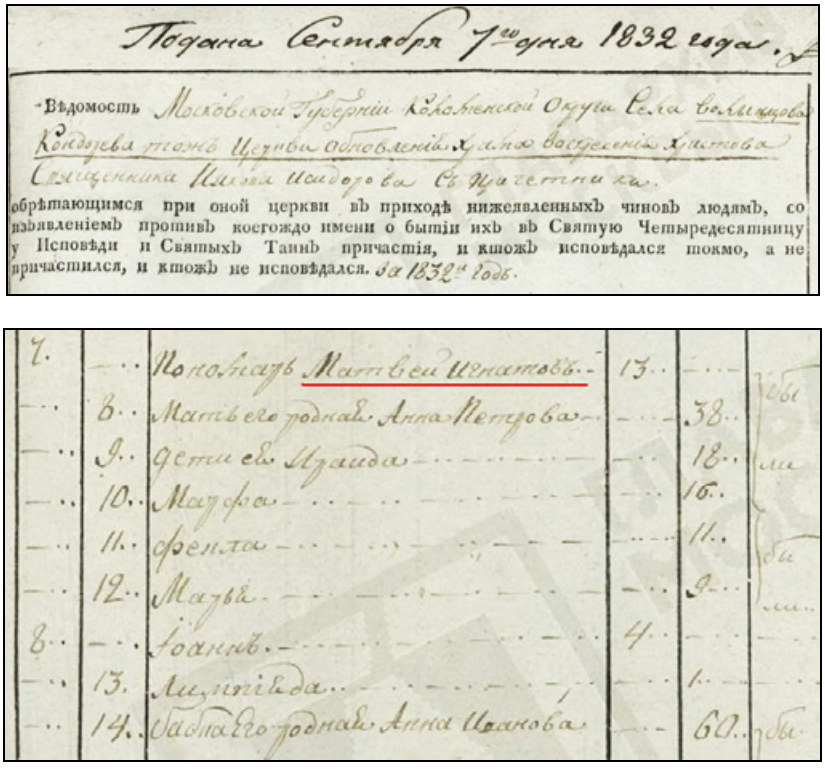
Далее события развивались следующим образом. В следующие три года дьячок И. И. Румянцев продолжал служить в Шеметово. А с 1832 г. его имя в документах Благовещенской церкви не встречается. Не оказалось его и в составе причтов других храмов. А вот семью удалось найти: имена Анны Петровны и ее детей на протяжении нескольких лет писались в исповедках с. Кондырево. Главы же семейства Игнатия Ивановича в этих ведомостях нет, очевидно, он не проживал с семьей.

Чтобы это значило? Подсказка оказалась в той выписке, которая приводилась в самом начале: «*исключеннаго из Духовнаго ведомства*». Надо полагать, Игнат не сдержал обещание вести себя «*воздержано*», совершил какой-то очередной проступок. Причем настолько серьезный, что у священноначалия терпение лопнуло, и он был исключен из духовного звания. Вот такой непутевый дед оказался у священномученика.

Где находился Игнатий Румянцев в последующие годы, чем занимался и помогал ли семье – информации нет. Можно лишь предположить, что свидания с семьей были, об этом свидетельствует рождение у Анны сына Арсения примерно в 1836 г. К сожалению, запись о его рождении найти не удалось. Остается лишь надеяться, что это был законнорожденный ребенок и что его отцом был Игнат (отчество у Арсения записано Игнатьевич).

Последняя информация, которую удалось найти о бывшем причетнике И. И. Румянцеве – это упоминание его имени в исповедных ведомостях 1848–1854 гг. московской «*Вознесенская церкви, что на Большой Никитской*». В одном из этих документах записано: «*Уволенный из Духовнаго звания Игнатий Иванов Румянцев, 62* [лет]»[18]. О дальнейшей судьбе бывшего причетника сведений нет.

Но вернемся в 1832 г. Положение семьи Румянцевых было тяжелое. После того как Игната исключили из духовного звания, он должен был освободить жилье в Шеметово для нового причетника, назначенного в Благовещенскую церковь на его место. Куда было деваться семье с шестью Несовершеннолетними детьми, младшему из которых был всего один годик? На счастье у Анны Ивановны Боголеповой был свой дом в с. Кондырево, оставшийся после кончины супруга. Вот и поехала Анна Петровна с детьми к свекрови. Так вопрос с жильем был решен. Остался другой – а на что жить большой семье? Что-то подсказывает, что на непутевого главу семейства Игната особой надежды не было. Выход был найден такой. Старший сын Матвей прервал учебу в Коломенском училище и, несмотря на свой юный возраст (13 лет), поступил на службу пономарем в Воскресенскую церковь с. Кондырево. Так **Матвей Игнатьевич Сунгуров** стал главным кормильцем семьи. Исповедная ведомость 1832 г. это подтверждает. Но какие доходы у пономаря? Как известно, самые

Изо 7–04, 7–05. Пономарь Матвей Игнатьевич и его родственники в исповедной ведомости Воскресенской церкви с. Кондырево[19], 1832.

низкие в причте. Денег на большую семью не хватало и на помощь пришли добрые люди. В одной из более поздних клировых ведомостей написано, что Анна Петровна получает «*на пропитании от попечительства*» 144 руб.[20].

О дальнейшей ее судьбе сведения такие. В последний раз имя Анны Петровны упомянуто в исповедке 1853 г., когда она жила у младшего сына Арсения, служившего пономарем в Успенской церкви с. Морозово Дмитровского уезда. Ей тогда было 58 лет. Где и когда умерла – информации нет.

Дядя дьякон Иван Сунгуров

Матвей Игнатьевич Сунгуров, о котором только что говорилось, был дядей священномученика. Поговорим теперь о другом дяде.

Иван Игнатьевич Сунгуров родился в Коломне в 1828 г.[21], и оказался церковнослужителем-долгожителем. Как он сам писал в конце своей жизни (в 1898 г.): *«Я Сунгуров поступил из 1-го класса Московской Духовной Семинарии на должность псаломщика Дмитровскаго уезда, погоста Подболотскаго* [другое название – Тимоново] *к Христорождественской церкви в 1847 году. В 1858 году переведен на должность псаломщика же того же уезда в село Ольявидово.* […] *в 1885 году удостоен сана диаконскаго на псаломнической вакансии*»[22]. Далее клирик просил наградить его «*за 52-й год беспорочной моей службы полным саном Диакона*», т.е. перевести с пономарской должности на дьяконскую. Однако в этой просьбе ему было отказано, т.к. в причте, где он служил, уже был свой штатный дьякон. Священноначалие решило отметить Ивана иначе. В знак признания долголетней службы решено было: «*преподать названному диакону благословение Святейшаго Синода с выдачей установленной грамоты*»[23].

И все-таки мечта служителя в 1905 г. сбылась. Это подтверждает информация из епархиального журнала: «*На вакансию диакона при Преображенской, с. Гарей, церкви, Дмитровскаго у., определен диакон-псаломщик с. Ольявидова Иоанн Сунгуров*»[24]. Вот только недолго находился он на новой должности. Иван Игнатьевич был уже стар и через три года попросил увольнения за штат. И вскоре умер. Таким образом, его общий стаж служения Церкви составил 61 год! Редко, кто мог похвастаться таким долголетием службы у престола Божия. Как рассказывалось ранее, за всю историю брыковской церкви только один клирик служил дольше – Иван Яковлевич Зернов находился на причетнических должностях 66 лет.

И. И. Сунгуров был женат на Матрене Николаевне. Согласно исповедной ведомости в 1864 г. в их семье было пятеро детей: Агапия, Григорий, Анастасия, Екатерина и Михаил[25]. О младшем сыне Михаиле в клировой ведомости 1899 г. написано, что «*состоит на службе в Сергиевом посаде*»[26]. Других сведений о потомстве нет.

Отец священномученика Арсений Сунгуров

Перейдем теперь к младшему сыну Игнатия Румянцева – Арсению, отцу священномученика.

К сожалению, не удалось найти[i] метрическую запись о рождении **дьячка Арсения Игнатьевича Сунгурова** (ок. 1836 – † 1884). Поэтому место и точная дата появления на свет остались неизвестными. Примерный год рождения рассчитан из исповедной ведомости 1839 г., где указан его возраст три года[27].

Сведения о детстве Арсения собраны такие. В 1844 г. он был принят в Коломенское уездное приходское (по другим данным – духовное) училище на «*бурсачное*»[28] (т.е. казенное) содержание. До конца не доучился, был исключен в 1850 г. из третьего класса за слабые результаты в учебе, но при хорошем поведении. Так закончился первый, юношеский период жизни Арсения, который условно можно назвать коломенским (1836–1850).

В документах консистории обнаружено распоряжение о переводе А. И. Сунгурова в ноябре 1851 г. на пономарское место в причт Успенской церкви с. Морозово Дмитровского уезда[29]. В такую даль (из Коломны до Дмитрова почти две сотни верст) молодой причетник, которому было

[i] Хотелось бы отметить какую-то странную, неприятную закономерность. Многие метрические записи (рождение, венчание, смерть) для разных членов рода Сунгуровых в архиве ЦГАМ не удалось отыскать, несмотря на предпринятые усилия. Процент неудачных поисков оказался заметно выше обычной практики в таких случаях. Поэтому так часто в данной книге встречаются слова сожаления.

всего 15 лет, поехал не один, с ним отправилась мать Анна Петровна. Это подтверждает исповедная ведомость Успенской церкви[30]. В 1855 или 1856 г. пономарь был переведен в с. Вороново в состав причта Богородицерождественской церкви на должность дьячка.

В это же время Арсений Игнатьевич женился на **Агрипине Егоровне** (ок. 1839 – † 1914). Т.к. запись о венчании не удалось найти, то ее девичья фамилия, происхождение осталось неизвестными. В 1859 г. у дьячка родился сын Иван, потом рождались еще дети, некоторые умирали младенцами (см. древо изо 7–18). В исповедной ведомости за 1865 г. приведены такие сведения о семье: «*Дьячек Арсений Игнатьев Сунгуров, 29* [лет]. *Жена его Агрипина Егорова, 27. Дети их Иван, 6. Матвей, 2*»[31]. В том же году родился еще один сын Петр. Судя по записи в клировой ведомости, претензий к дисциплине причетника у начальства не было: «*судим и штрафован не был*».

В одном из документов МДК упоминается, что в 1867 г. дьячок Сунгуров подал прошение об увольнении от должности по болезни[32]. О характере заболевания не сказано. Но судя по тому, как много времени в дальнейшем Арсений Игнатьевич проводил в больницах, болезнь была серьезная. По каким-то причинам решение по поданному прошению затянулось. Лишь спустя год или два причетника уволили из причта Богородицерождественской церкви за штат[33]. С тех пор в документах о нем писали «*заштатный дьячек с. Вороново*». Так закончился второй период жизни А. И. Сунгурова (1851–1869), который можно назвать дмитровским. К этому времени в семье было не менее трех детей.

Следующий, московский период времени (1869–1881) в биографии причетника оставил много вопросов. В одном из архивных дел о нем написано в общих словах: «*12 лет находился в Москве трапезником*[i] *при разных церквах*»[34]. Как показывают документы, Сунгуров не имел постоянного места проживания в городе. Но это не мешало появлению детей в семье. Так вначале родился Василий (1872), потом Арсений (1874). В записи о рождении второго из них о родителе написано: «*Живущий в церковной сторожке*» храма «*св. Николая в Покровском*»[35]. Через год первый Василий умер, семья в это время жила «*в церковной палатке Космодамианской церкви*»[36]. В 1878 г. родился еще один мальчик, которого родителя назвали тем же именем Василий. Семья в это время обитала «*В помещении сторожа при церкви Алексия Митрополита*» (см. изо 7–06).

В виду частого пребывания в больницах постоянного заработка у Арсения Игнатьевича не было, его многодетная семья бедствовала. Так в 1875 г. он обратился в совет «*Московскаго Епархиальнаго училища иконописания*» с прошением о зачислении на учебу своего сына Матвея на казенное содержание, указав, что «*я в настоящее время не получаю ни откуда никакого содержания, а при том нахожусь в болезненном состоянии и в крайней бедности*»[37]. Прошение было удовлетворено, сына приняли в училище, за обучение денег не брали.

Через два года в то же училище поступило аналогичное прошение уже от имени «*Жены заштатнаго дьячка уволеннаго по болезни, Московской губернии, Дмитровскаго уезда, Богородицерождественской, села Воронова церкви Агрипины Егоровой Сунгуровой*». В нем, в частности, говорилось: «*Муж же мой Арсений Игнатьев Сунгуров по своему слабому здоровью очень часто находится в больнице, а в настоящее время хотя и вышел, но никакого занятия неимеет, почему я и лишена всяких средств для поддержания своего семейства. Поэтому припадаю к стопам и покровительству Вашему с покорнейшею просьбою принять сына моего Петра Сунгурова 12 лет в Иконописное Училище на казенное содержание*»[38]. Это прошение так же было удовлетворено, сына зачислили в ученики. Однако, как следует из другого дела, Петр не отличался дисциплинированностью: дрался, грубил, плохо учился и потому был оставлен на второй год обучения[39].

В начале 1881 г., когда, видимо, здоровье немного поправилось, Арсений Игнатьевич попросил определить его на службу. Надо же было как-то содержать семью. В марте он был направлен с испытательным сроком на причетническое место в Преображенский храм с. Спасского Рузского уезда[40] (ныне село Спас Волоколамского района, церковь сохранилась). Так начался последний, самый короткий рузский период биографии (1881–1884).

Во время испытательного срока претензий к Арсению Игнатьевичу не было: «*Поведения довольно хорошаго*». Поэтому по истечении шести месяцев его утвердили в должности дьячка. Но уже вскоре за ним стали замечаться грехи: посещал трактир и выпивал вино, курил, самовольно

---

[i] «*Трапезник – это монах в монастыре, наблюдающий за трапезой. Трапезником также называют низшего служителя при церкви, исполняющего должности звонаря и сторожа*» (интернет).

отлучался. На замечания священника отвечал дерзко, во время хождения по приходу вел себя «*неблагопристойно*». После сделанного благочинным внушения о необходимости исправить поведение, причетник написал расписку. В ней говорилось, что «*если же я буду замечен в нетрезвости в непоновении* [повиновении] *к священнику, в которых я сознаю себя виновным: в таком случае я без всякаго со своей стороны оправдания должен ожидать законаго наказания*»[41]. Увы, положительного результата эта мера не принесла, вскоре причетник вновь был замечен в пьяном виде. После проведенного разбирательства в консистории в феврале 1883 г. приняли решение отправить Сунгурова на два месяца на исправление в Лужецкий монастырь под Можайском.

Увы, пребывание в обители не пошло на пользу. По возвращении в с. Спасское, А. И. Сунгуров окончательно поссорился с настоятелем Преображенского храма о. Феодором Виноградовым. Священник, очевидно, делал причетнику замечания за различные неблагопристойные поступки, неподобающее поведение. А тот в ответ решил написать жалобу священноначалию. В ней Сунгуров жаловался на незаслуженные притеснения со стороны настоятеля, что тот якобы желает на его место причетника назначить в причт собственного сына. Были и другие обвинения: *«об утаении доходов после деревенских праздников»*[42]. В качестве примера приводил тот факт, что «*В пасху 1881 года ему Сунгурову пришлось получить из сборов со всего прихода 28 руб., а 1882 году только 19*»[43]. Было назначено расследование по случаю поданной жалобы и выяснилось, что выдвинутые против Виноградова обвинения несправедливы, являются наговором. За ложный донос причетника было решено повторно послать в Лужецкий монастырь, но уже на четыре месяца.

В конце 1883 г. Сунгуров отправился в обитель. Но не прошло и месяца из положенных четырех, как архимандрит монастыря Дионисий подал донесение, в котором написал, что причетник с. Спасского «*предавался нетрезвости на столько, что не нес возложенной на него епитимии, неявлялся в церковь на богослужения и делал грубости старшим Иеромонахам*». Настоятель просил начальство «*в освобождении Лужецкаго монастыря от означеннаго причетника Сунгурова*». В деле стоит резолюция: «*Сунгуров не должен быть допущен к должности по силе определения*».

Однако это указание не сразу было исполнено. После отбытия срока в монастыре причетник вернулся в с. Спасское и исполнял свои обязанности при выполнении приходских треб. Это подтверждают его росписи в метрической книге, сделанные в апреле и мае 1884 г. А потом он все же был удален из причта. Но было ли это добровольное увольнение или как результат наказания (которого он, безусловно, заслужил своим поведением) – осталось неясно. В епархиальном журнале было напечатано сообщение, что уволен за штат «*Рузскаго уезда села Спасскаго причетник Арсений Сунгуров – 9 июля*»[44]. А в документах консистории написано так: «*согласно его прошению, за болезнию уволить за штат*»[45].

На освободившееся место в причте был назначен сын уволенного дьячка Петр Арсеньевич Сунгуров, у которого не сложилась учеба в иконописном училище. По мнению А. Н. Инюкина ему предоставили место в причте, чтобы мог содержать отца и мать, оставшихся без доходов.

Спустя полтора месяца после увольнения заштатный дьячок Арсений Игнатьевич Сунгуров умер «*от водянки*»[46], случилось это 26 августа 1884 г. Ему и не было еще 50 лет. Мало пожил человек. Думается, что если б не страдал алкогольной зависимостью, то жил бы еще. К счастью, его сын Василий, о котором пойдет речь далее, не перенял пагубной привычки родителя (как написано про него в одном из документов: «*жизнь ведет трезвую»).* И вообще хотелось бы отметить, что ни Игнатий Румянцев, ни его сын Арсений Сунгуров не отличались примерным поведением, неоднократно наказывались епархиальным начальством за различные неподобающие поступки.

Жена умершаго причетника Агрипина Егоровна Сунгурова осталась жить в с. Спасском. Позднее она стала «*просфирней*»[i] при местной Преображенской церкви[ii]. Вдова намного пережила мужа, свою жизнь окончила в «*Островских Духовных Приютах Подольскаго уезда*» в 1914 г.[47].

На этом разговор о предках, родственниках священномученика завершен, перейдем собственно к описанию его жизни.

---

[i] «*Просфирня – церковнослужительница, в обязанности которой входит испекать просфоры – особые хлебцы, используемые для служения литургии*» (интернет).

[ii] Указанные сведения о жизни А. Е. Сунгуровой предоставил М. Б. Морозов, обнаруживший их в архиве ЦГАМ в служебных документах консистории, до которых редко кто из исследователей добирается.

Юные годы Василия Сунгурова

Как уже отмечалось, Арсений Игнатьевич двоих своих сыновей называл Василием. Первый мальчик появился на свет в 1872 г. и после трех лет жизни умер. Второй прожил намного дольше. О нем и пойдет далее речь.

1878: Загадка рождения Василия

В официальном житии святого Василия Сунгурова, подготовленном игуменом Дамаскиным (Орловским) говорится: «*Родился 20 марта 1876 года в селе Спасское Рузского уезда Московской губернии в семье псаломщика Арсения Сунгурова*»[48]. В дальнейшем этот текст был продублирован на множестве интернет-сайтов и в различных публикациях. Указанные сведения были взяты из следственного дела (расшифровка этого документа приведена в приложении–8). Год рождения 1876-й записан в советском паспорте священника Василия Арсеньевича Сунгурова.

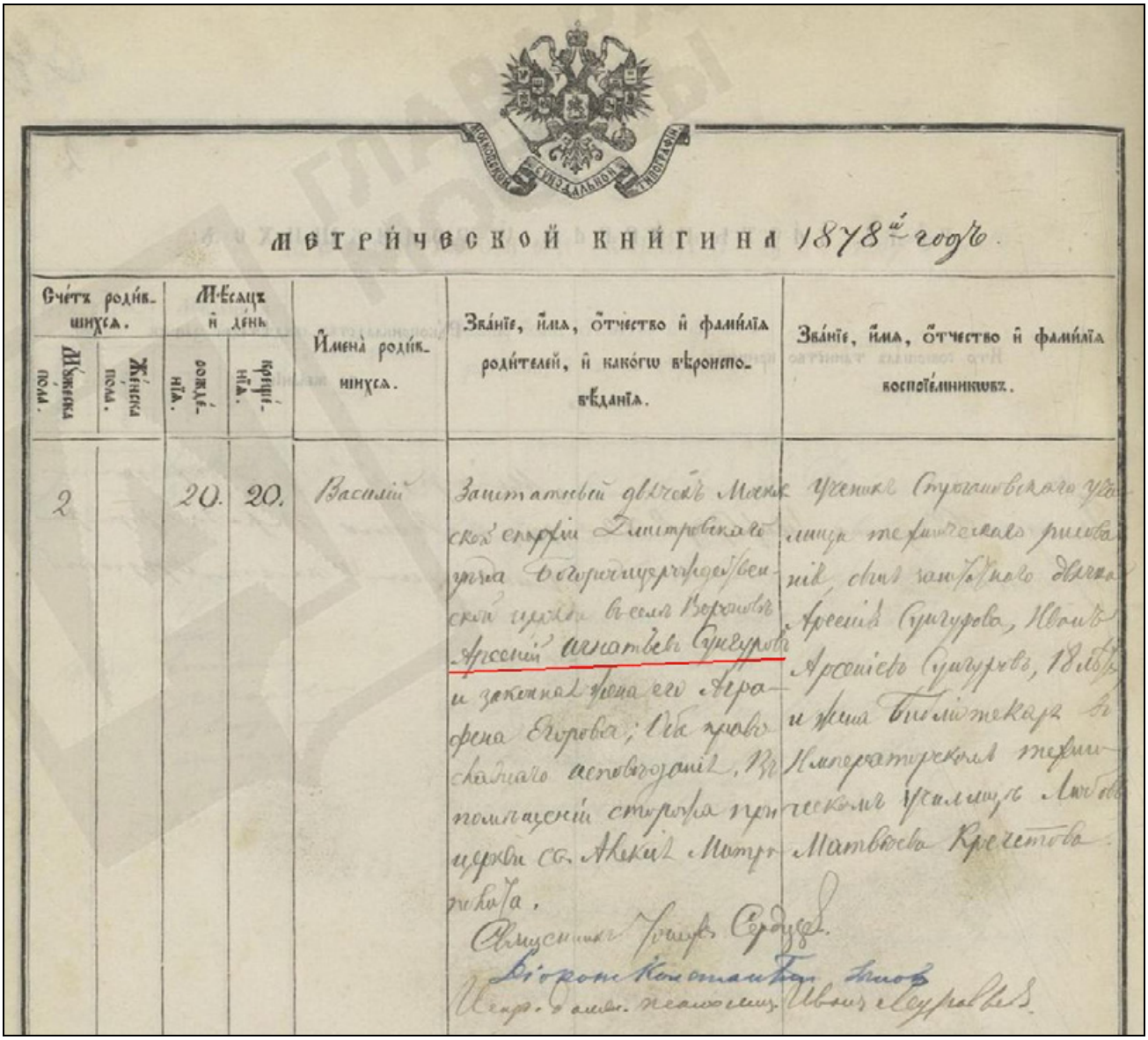
При проверке биографических данных была предпринята попытка отыскать запись о рождении священномученика. В архиве ЦГАМ метрические книги Преображенской церкви с. Спасское Рузского уезда сохранились. Однако найти в них запись о рождении мальчика Васи в 1876 г. не удалось (и за близкие года тоже). Более того, в составе причта Преображенской церкви не оказалось его отца псаломщика Арсения Сунгурова, такой человек там в то время не служил. Как уже говорилось, он появился в селе лишь спустя пять лет. Стало понятно, что в следственном деле приведены ошибочные данные. Василий родился где-то в другом месте и, возможно, в другое время. Забегая немного вперед, скажем, что так в итоге и оказалось.

Вообще, следует отметить, что установление истинной даты и места рождения священномученика оказалось едва ли не самой сложной задачей, которую пришлось решать в ходе работы над настоящей книгой. Поиск нужных документов занял примерно три года. За это время было рассмотрено несколько возможных версий происхождения Василия Сунгурова, просмотрено множество архивных документов. Но обо всем по порядку.

Если принять во внимания слова, приведенные в одном из документов, что Арсений Сунгуров «*12 лет находился в Москве трапезником при разных церквах*»», то становится очевидным, что мальчик, скорее всего, появился на свет в большом городе. Но в каком храме производилось его крещение? Поиск ответа на этот вопрос и оказалось самым трудным делом.

Проблема была в том, что заштатный дьячок А. И. Сунгуров не имел постоянного места жительства в Москве. Как ранее уже отмечалось, крещение рождавшихся у него детей производилось в разных городских храмах, в записях метрических книг указывались каждые раз новые адреса проживания. Для каждого упомянутого в архивных документах адреса была проделана поисковая работа. Устанавливались ближайшие приходские храмы, просматривались их метрические книги. И все впустую, искомой записи о рождении Васи в них не было. Искать же «вслепую» – просматривать подряд метрические книги сотен церквей большого города – это значило потратить много времени без гарантии отыскать нужную запись. А когда нет уверенности в правильности года рождения – объем просматриваемых документов кратно увеличивался. Предстояла гигантская работа! Но этого, слава Богу, удалось избежать.

Эту непростую задачу помог решить исследователь Александр Николаевич Инюкин. Произошло это после того, как в ЦГАМ началось сканирование церковных документов. Сканы листов метрических книг выкладывались в свободный доступ в интернет на сайт архива и по этим сканам начал работать Яндекс-поиск (программа, распознающая рукописный текст). Используя эту новую возможность, исследователь в итоге обнаружил искомую запись в метрической книге «*Алексеевской, что на Глинищах церкви*» Никитского сорока за 1878 г. (к счастью, указанный документ был оцифрован один из первых). В этой книге оказался текст о рождении и крещении мальчика Василия 20 марта. Родителями родившегося малыша записаны: *«Заштатный дьячек Московской епархии Дмитровскаго уезда Богородицерождественской церкви в селе Воронове Арсений Игнатьев Сунгуров и законная жена его Аграфена Егорова; Оба православнаго исповедания. В помещении сторожа при церкви Алексия Митрополита*»[49]. Восприемниками при крещении были: «*ученик Строгановскаго училища техническаго рисования, сын заштатнаго дьячка Арсения Сунгурова, Иван Арсениев Сунгуров* [старший брат новорожденного], *18 лет, и жена Библиотекаря в Императорском техническом училище Любовь Матвеева Кречетова*».

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ НА 1878-й ГОДЪ.

Счётъ родившихся. Мужскаго пола.	Женскаго пола.	Мѣсяцъ и день рожденія.	крещенія.	Имена родившихся.	Званіе, имя, отчество и фамилія родителей, и какого вѣроисповѣданія.	Званіе, имя, отчество и фамилія воспріемниковъ.
2		20.	20.	Василій	Законнаго сына Московскаго старшины Дмитровскаго цеха Единовѣрческой церкви всѣхъ Святыхъ Арсентія Матвѣева Сунгурова и законной жены его Ирины Ефремова; Православнаго исповѣданія, Купеческой старожила при церкви Св. Алексія Митрополита.	Ученика Строгановскаго училища техническаго рисованія, сына канцелярскаго служителя Арсентія Сунгурова, Иванъ Арсентіевъ Сунгуровъ, 18 лѣтъ и жена библіотекаря Императорскаго техническаго училища Любовь Матвѣева Крячетова.

Изо 7–06. Метрическая запись о рождении Василия Сунгурова, 1878.

Таким образом, установлено, что Василий Сунгуров родился не 20 марта 1876 г. в с. Спасское Рузского уезда, а **20 марта 1878 г. в Москве**, крещение состоялось в церкви Алексия, Митрополита Московского в Глинищах.

Как видим, день и месяц появления на свет Василия 20 марта оказались верными. А вот год рождения в официальных документах, включая паспорт, отличался от истинного на два года[i]. Почему Василий (или кто-то иной) приписал возраст? Напрашивается такая версия. В некоторых бедных семьях родители увеличивали возраст своим детям, чтобы они раньше могли пойти в школу, раньше вступали во взрослую жизнь и начинали зарабатывать себе на жизнь сами.

Учеба Василия

О детстве Васи сведения очень скудные. Как уже говорилось, семья причетника Арсения Сунгурова была многодетной и жила бедно. Когда же глава семейства в 1884 г. умер, жить стало особенно тяжело. Правда, к тому времени старшие дети уже выросли и начали самостоятельную жизнь. С матерью Агрипиной Егоровной остались младшие сыновья Арсений и Василий. Она смогла их пристроить, мальчики получали образование, причем на казенном содержании, можно было не думать о их пропитании.

[i] Увы, ошибок в официальных документах, особенно в следственных делах советского времени, встречается много. Например, в паспорте Василия Сунгурова ошибочен не только год, но и место рождения: «*1876 г., д. Улиткино Щелковского района Мос. обл.*». Улиткино – это место его служения, но не родина!

Осенью 1885 г. в сельце Марфино на загородной даче, принадлежащей Московскому Богоявленскому монастырю, был открыт **Александро-Мариинский приют** с начальной школой для мальчиков сирот и детей беднейших родителей из духовного звания. Как написано в интернете, в него принимали ребят от 7 до 9 лет. Васе в год открытия приюта как раз было семь лет. Вполне возможно, для того, чтобы повысить шансы приема сына на учебу, мать приписала ему лишние два года[i], записав 1876-й год рождения. Когда Василий начал учиться – достоверных сведений нет, можно лишь предположить, что это произошло с момента открытия приюта. А вот дата завершения обучения в школе Александро-Мариинского приюта точно известна – **весна 1889 г.** В одном из номеров епархиального журнала за этот год был напечатан материал, в котором приведены имена и фамилии ребят, прошедших полный курс обучения и получивших право перевода в первый класс духовных училищ без дополнительных экзаменов. В списке таких учеников оказался «*Вас. Сангуров*»[50]. Как видим, фамилия немного искажена (это обычная опечатка).

Для продолжения образования Василий поступил в **Волоколамское духовное училище**. А. Н. Инюкин выяснил, что он учился в нем пять лет вместо положенных четырех. По всей видимости, однажды остался на второй год. Это могло произойти после первого года обучения. В пользу такого предположения свидетельствует заметка, напечатанная в епархиальном журнале в 1890 г.: «*Назначаются к переэкзаменовке:* […] *Сунгуров Василий – по арифметике*»[51] (по правилам, если повторный экзамен ученик не мог сдать, то оставался на второй год обучения). Василий окончил Волоколамское духовное училище в **1894 г.** по третьему, низшему разряду после переэкзаменовки «*по русск. и латин. язык.*»[52]. Такие невысокие результаты в учебе не давали ему право на поступление в семинарию. Оставалось только служение причетником в храме. Но назначение на должность произошло не сразу.

Служение в Волоколамском уезде

Василий Сунгуров окончил Волоколамское училище в 1894 г. А на свое первое место службы был определен лишь четыре года спустя. Чем занимался все это время – осталось неизвестно. Скорее всего, проживал с матерью или с кем-то из старших братьев. При этом служить в церкви не мог, т.к. у него не было ставленой грамоты. Надо полагать, ждал своей очереди, когда освободится место причетника в каком-либо храме. Претендентов было много, и ждать пришлось долго.

1898–1904: Служение в с. Амельфино

Судьба Василия определилась в конце лета 1898 г., когда он почти одновременно женился и был назначен на первое место службы. Это подтверждают исторические документы. 20 августа (по другим данным 30 августа) В. А. Сунгуров был определен псаломщиком в сельскую церковь **св. Николая Чудотворца с. Амельфино Волоколамского уезда**[53].

Справка. Амельфино. «*Отдаленность приходских деревень от церкви послужила главной причиной решения населения деревень Амельфина, Лысцово, Ситниково и Шишкино о строительстве нового храма с образованием самостоятельного прихода. Планы прихожан поддержал митрополит Московской и Коломенский Филарет (Дроздов), который обратился с ходатайством к Святейшему Синоду. 18 июня 1857 г. последовал синодский указ*»[54]. Церковь была построена в 1861 г., в ней имелось три престола: главный во имя Святителя Николая, другие Богоявления Господня, Казанской иконы Божией Матери.

Церковь была закрыта в конце 1930-х годов. Храм сохранился. Вновь открыт в 2004 г.

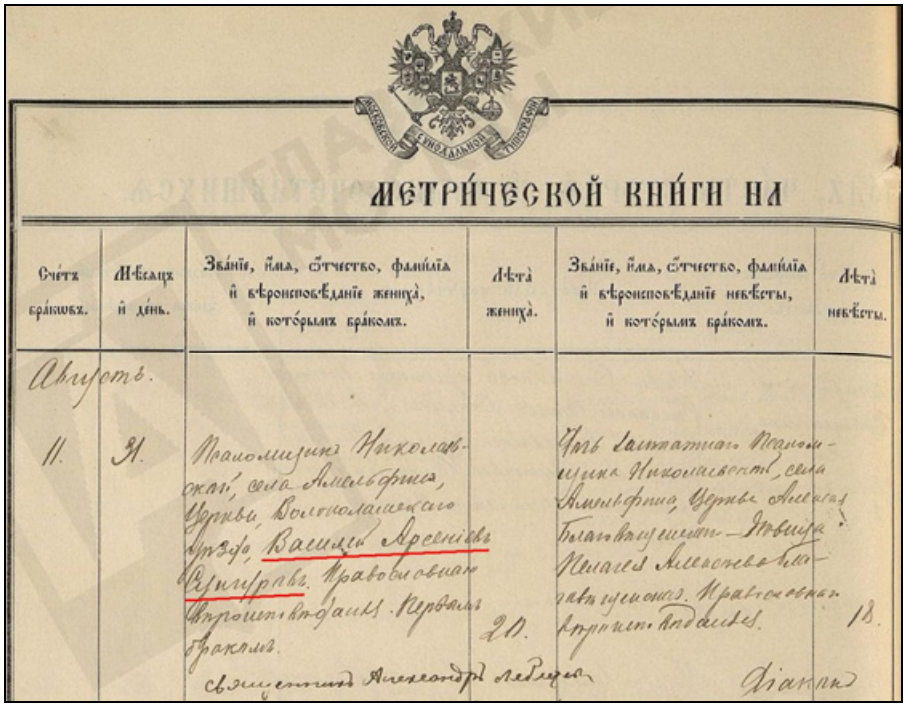
Современный адрес: МО, г.о. Волоколамский, дер. Амельфино, д. 22. (GPS: 56.0615, 36.1295).

Изо 7–07. Никольская церковь д. Амельфино, 2014.

[i] По опыту работы с дореволюционными делами по народному образованию можно сказать, что в случае нехватки мест преимущество при приеме в училища отдавалось старшим детям. Мол, младшие могут еще год или два подождать.

И уже 31 августа того же 1898 г. Василий Арсеньевич в своем храме обвенчался. В метрической книге была сделана запись: «[жених:] *Псаломщик Николаевской, села Амельфина, церкви, Волоколамскаго уезда, Василей Арсениев Сунгуров, православнаго вероисповедания, первым браком, 20* [лет]. [невеста:] *Дочь заштатнаго псаломщика Николаевской, села Амельфина, церкви Алексия Благовещенскаго, девица Пелагея Алексеева Благовещенская, православнаго вероисповедания, 18*»[55]. Таинство венчания совершили местный священник Александр Лебедев и дьякон Петр Воинов.

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ НА

Счетъ браковъ.	Мѣсяцъ и день.	Званіе, имя, отчество, фамилія и вѣроисповѣданіе жениха, и которыхъ браковъ.	Лѣта жениха.	Званіе, имя, отчество, фамилія и вѣроисповѣданіе невѣсты, и которыхъ браковъ.	Лѣта невѣсты.
Августъ.					
11.	31.	Псаломщика Николаевскаго, села Амельфина, Церкви, Волоколамскаго Уѣзда, Василій Арсеніевъ Сунгуровъ. Православнаго Вероисповѣданія. Первымъ браком.	20.	Дочь заштатнаго Псаломщика Николаевскаго села Амельфина, Церкви Алексія Благовѣщенскаго. Дѣвица Пелагея Алексѣева Благовѣщенская. Православнаго Вероисповѣданія.	18.

священникъ Александръ Лебедевъ — Діаконъ

Изо 7–08. Метрическая запись о венчании Василия Сунгурова, 1898.

Сведения о тесте псаломщике Алексее Благовещенском

Переходим теперь к рассказу о супруге Василия Арсеньевича – **Пелагее Алексеевне Благовещенской** (1881 – † 1963), ее происхождении. Прежде всего, следует отметить, что в метрике неверно записан ее возраст: на момент венчания невесте было не 18 лет, а только 17, т.к. родилась она 1 мая 1881 г.[56]. Далее будет продолжен разговор о жизни Пелагеи.

Как видно из записи в метрической книге, Василий женился на дочери местного причетника, **Алексее Михайловиче Благовещенском,** перед этим вышедшем за штат. Это был еще один случай «женитьбы на месте» (который уже по счету в настоящей книге?). Можно предположить, что условием занятия места в причте была женитьба на дочери уходившего клирика с обязательством содержать его в старости.

Исследователь А. Н. Инюкин предоставил такую информацию: «*Родитель невесты, Алексей Михайлович Благовещенский родился в 1851 году. Отец его, дьячек Троицкой церкви в селе Голенищеве,* ***Михаил Никитич Благовещенский*** *(ок. 1800 г.р.) родом из села Благовещенского Верейского уезда, сын без вести пропавшего пономаря* ***Никиты Егорова*** *и внук священника этого же села Благовещенского,* ***Егора Тимофеева***» (см. древо изо 7–13). Алексей обучался в Перервинском духовном училище. Досрочно был уволен и в 1864 г. определен пономарем в с. «*Алексеевском, Яркино тож*»[57] Клинского уезда. В 1871 г. был наказан посылкой на две недели в Иосифо-Волоцкий монастырь за участие в венчании брака несовершеннолетнего. В 1872 г. перешел на должность пономаря в Воскресенскую церковь с. Волочаново Волоколамского уезда. 19 лет Алексей Михайлович прослужил в этом храме, пока не уволился[58]. В конце 1891 г., как свидетельствуют записи в метрических книгах, он находился уже в причте Никольской церкви с. Амельфино Волоколамского уезда, где и служил до выхода за штат в 1898 г.

Благовещенский уволился совсем не старым, ему еще и 50 лет не было. Чем занимался в последующие годы – данных нет. Но, очевидно, не служил. В 1910 г. в епархиальном журнале было напечатано такое сообщение: «*Определены: 1) На вакансию псаломщика к церкви с. Благовещенскаго, Дмитр. у., заштатный псаломщик с. Амельфина, Вол. у., Алексей Благовещенский, 30 сентября*»[59]. Однако недолго довелось служить причетнику на новой месте. Через несколько месяцев 20 июля 1911 г. он умер, как написано в метрической книге «*от паралича сердца*»[60].

Алексей Михайлович был женат на **Анне Ивановне** (девичью фамилия осталась неизвестна). В семье помимо Пелагеи были дети: Агрипина, Николай, Михаил и Илья, который станет псаломщиком в Дмитровском уезде.

Вернемся теперь к Василию Сунгурову. В с. Амельфино он прослужил шесть лет, здесь же был посвящен в стихарь. В семье псаломщика регулярно происходило пополнение. По данным, полученным из метрических книг, удалось установить имена появившихся на свет детей в с. Амельфино: Зина (1900)[61], Виктор (1901)[62] и Владимир (1903)[63]. Забегая вперед, скажем, что из троих до взрослых лет дожил только Виктор.

1904–1910: Служение в с. Федоровское, пожар

В марте 1904 г. Василий Арсеньевич подал прошение о переводе на должность псаломщика к **Скорбященской церкви с. Федоровское Волоколамского уезда**[64]. Через несколько дней прошение было удовлетворено. О причине перехода в другой храм нигде не сообщается. Удалось лишь установить (по заголовку несохранившегося дела), что это был обмен причетническими местами. Сунгуров пришел в храм с. Федоровского на место псаломщика Николая Знаменского, а тот занял его место в церковном причте с. Амельфино. Согласно записям в метрических книгах в Скорбященской церкви в то время служили: священник Александр Покровский, дьякон Дмитрий Рождественский, еще один псаломщик Сергей Цветков.

Справка. Федоровское. О времени постройки первого храма в с. Федоровское достоверных данных нет. Известно лишь, что он был сожжен в Смутное время. В середине XVII в. хозяин села Василий Стрешнев построил новую деревянную церковь. Строительство каменного храма было завершено в 1768 г. По просьбе храмоздателя Петра Шаховского он был освящен в честь иконы Божией Матери “Всех Скорбящих Радость”[65]. Два боковых придела посвящены св. Николаю Чудотворцу и священномученику Василию, епископу Херсонскому. В 1802 г. была построена небольшая колокольня, в 1894 г. сооружена новая, значительно больших размеров.

Изо 7–09. Скорбященская церковь с. Федоровское, 2015.

Храм был «*Закрыт в 1930-х, во 2-й пол. XX в. сломаны трапезная и боковые пристройки к церкви*»[66].

В 1997 г. началось оформление документов о передаче Скорбященской церкви Богородице-Рождественскому монастырю г. Москвы. Сейчас это подворье женской обители, продолжается восстановление храма.

Современный адрес: МО, г.о. Волоколамский, дер. Федоровское, д.2. (GPS: 56.14514, 35.7583).

Как написано в следственном деле, в 1900-х гг. у Сунгуровых была корова. Это и понятно, в семье были маленькие дети. На новом месте служения семья причетника пополнилась тремя малышами: родились Мария (1905)[67], Анна (1907)[68] и Ольга (1909)[69]. Все дожили до взрослых лет.

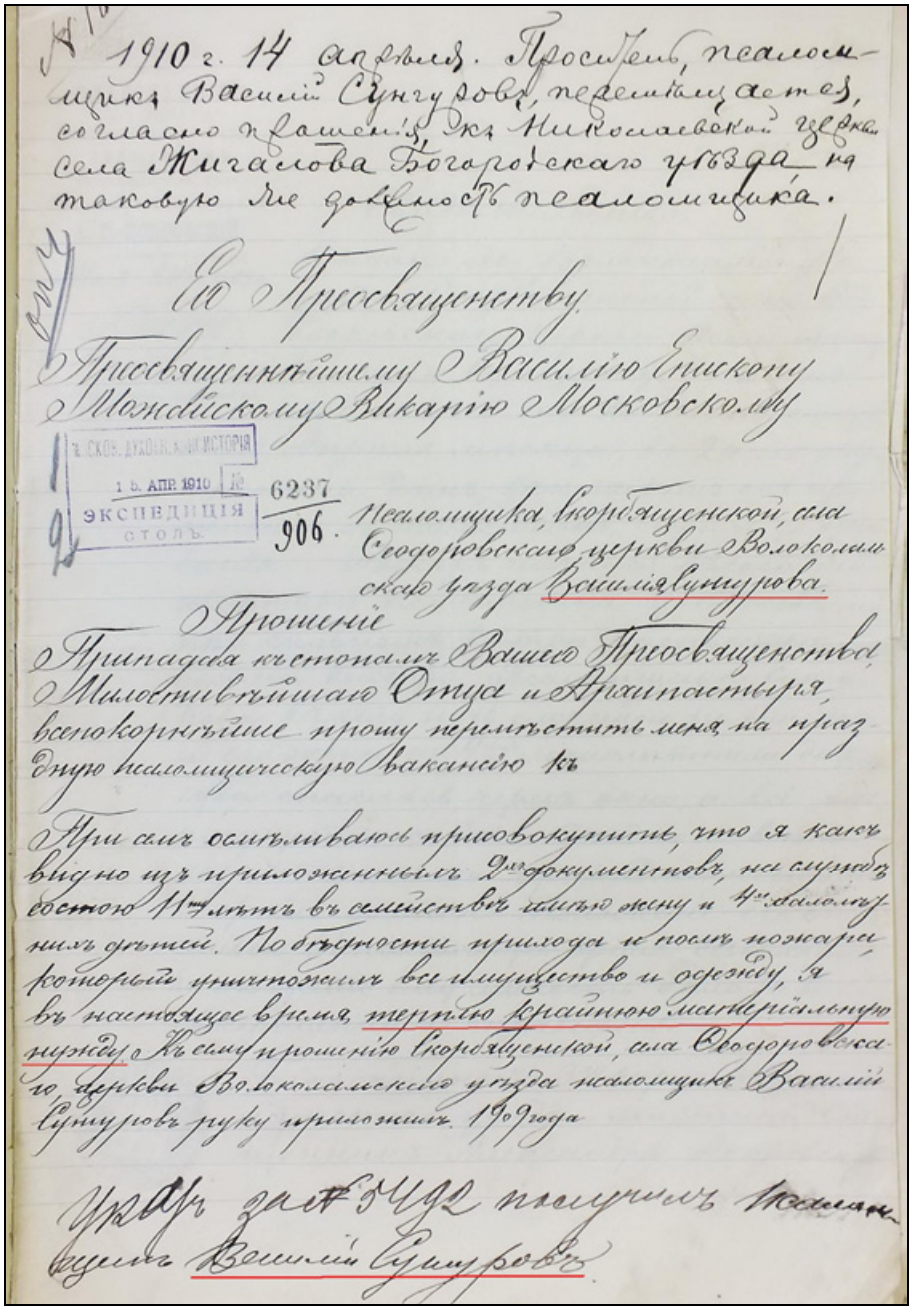
В с. Федоровском Волоколамского уезда Василий Арсеньевич прослужил шесть лет и по прошению в апреле 1910 г. был перемещен *«На вакансию псаломщика к церкви с. Жегалова, Богор. у.»*[70]. Эти несколько слов ничего не говорят о причине такого перемещения. И по незнанию может сложиться впечатление о причетнике Сунгурове как о «летуне», который в течение 12 лет служил в трех разных храмах, искал более легкую жизнь. Но все оказалось не так, когда в архиве было обнаружено дело, пролившее свет на обстоятельства последнего перехода.

В указанном деле имеется свидетельство, выданное Василию Арсеньевичу благочинным 3-го округа Волоколамского уезда, в котором сказано, что «*в ночь на 25-е число минувшаго Апреля месяца* [1909], *в 2 часа утра, церковный дом, в котором он проживал с семейством, сгорел до основания. Пожар начался в соседней квартире псаломщика Цветкова и при сильном ветре распространился весьма быстро. Псаломщика Сунгурова в эту ночь случайно не было дома и его жена с 4-мя малолетними детьми едва спаслась через окно, а все их имущество со всею одеждою и всеми хозяйственными принадлежностями сгорело до тла. Положение его с семьею в настоящее время безвыходное и оказать ему милость было бы весьма своевременно и справедливо*»[71].

В том же деле имеется прошение погорельца Василия, в котором написано: «*Припадая к стопам Вашего Преосвященства, Милостивейшаго Отца и Архипастыря, всепокорнейше прошу переместить меня на праздную псаломническую вакансию. При сем осмеливаюсь присовокупить,*

что я как видно из приложенных 2-х документов, на службе состою 11 лет, в семействе имею жену и 4-х малолетних детей. По бедности прихода и после пожара, который уничтожил все имущество и одежду, я в настоящее время терплю крайнюю материальную нужду».

К делу приложен послужной список причетника, на котором благочинный изложил свое мнение: «*Псаломщик Василий Сунгуров катехизис, чтение и пение знает очень хорошо. Жизнь ведет всегда трезвую, к исполнению своих обязанностей всегда исправен; знает нотное пение и, обладая сильным голосом, принимает участие как в местном хоре, так и на внебогослужебных собеседованиях, при общем пении. По своей многосемейственности и крайне ограниченным средствам к жизни, он заслуживает поощрения в деле перевода его на лучшее место, если это признано будет Епархиальным начальством возможным*».

Изо 7–10. Прошение о переводе, подписанное Василием Сунгуровым, 1909.

Все перечисленные бумаги датированы апрелем-маем 1909 г. Рассмотрение прошения о переводе затянулось на целый год. Причины такой длительной задержки в МДК остались неизвестны (возможно, просто не было подходящего хорошего места). Но ведь семья погорельца, которая лишилась всего имущества, все это время должна была как-то жить, обзаводиться хозяйством. Доходы же псаломщика, как известно, самые низкие в причте. Поэтому вполне логично, что, не видя реакции на поданное прошение, Сунгуров в декабре подал еще одну бумагу с просьбой о переводе на «*диаконскую вакансию при Ильинской церкви с. Синькова Дмитровского уезда*» (информация предоставлена исследователем М. Б. Морозовым).

Служение в Богородском уезде и Щёлковском районе

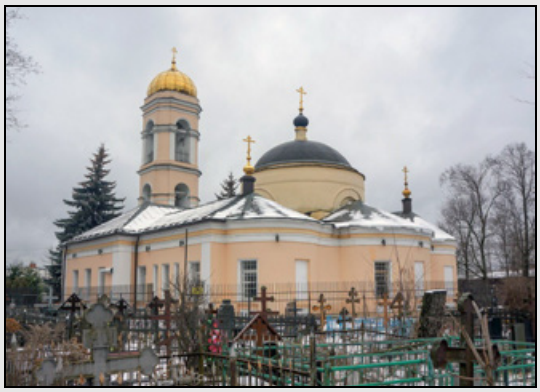
Назначение на должность дьякона не состоялось. Может и к лучшему, потому что 14 апреля 1910 г. наконец-то последовала резолюция священноначалия на поданное ранее прошение: «*Проситель, псаломщик Василий Сунгуров, перемещается, согласно прошения, к* ***Николаевской церкви села Жигалова Богородскаго уезда****, на таковую же должность псаломщика*» (см. изо 7–10).

1910–1919: Служение в с. Жегалово

Справка. Жегалово. Первое упоминание о Никольском храме в селе относится к 1623 г. «*Новая деревянная Николаевская церковь в с. Жегалове была построена в 1766 г. тщанием приходских людей.* […] *Каменная однопрестольная Николаевская церковь в с. Жегалове была заложена вместо ветхой деревянной церкви 26 мая 1830 г.* […] *была освящена 10 ноября 1835 г.*»[73]. До революции помимо главного Никольского придела были боковые в честь великомученика Димитрия Солунского и в честь Смоленской иконы Божией Матери.

Храм за исключением короткого периода 1940–1942 гг. не закрывался.

Современный адрес: МО, г. Щёлково, ул. Московская, д.109. (GPS: 55.8969, 37.98173).

Изо 7–11. Никольская церковь[72]
г. Щёлково, фото Ю. С. Квасников, 2020.

После получения нового назначения Василий Сунгуров вместе с семьей переехал в с. Жегалово (ныне в черте г. Щёлково). Село находилось на востоке Московской губернии, где экономика в то время бурно росла благодаря развитию текстильного производства, сопровождавшегося большим притоком рабочей силы. Как следствие с ростом числа прихожан доходы причта тоже возрастали (как показал просмотр метрических книг, число исполняемых треб в новом храме было в несколько раз больше, чем в прежнем). Так что жизнь церковнослужителей в данном регионе была напряженнее, но и явно лучше, чем на западной окраине Московской губернии, где крупной промышленности не было, жили в основном небогатые крестьяне.

В клировой ведомости Никольской церкви с. Жегалово за 1910 г, приведены сведения о причте. В храме служили два священника: Николай Семенович Любимов (ему был 51 год) и Василий Иоаннович Воздвиженский (30 лет). Кроме них в составе причта находились дьякон Сергий Стефанович Мясоедов (23 года) и еще два псаломщика: Сергий Николаевич Казанцев (34 года) и Василий Арсеньевич Сунгуров (30 лет). Там же дана характеристика поведения нового причетника: «*очень хорошаго*». А про его доходы написано: «*от прихода получено 275 руб.*»[74]. Приведен состав семьи псаломщика. Новых членов не прибавилось, отмечено только, что сыновья Виктор и Владимир «*Обучаются в начальном земском училище на содержании отца»,* а дочери Мария, Анна и Ольга *«Находятся при отце»*. Следует отметить, что в перечне детей нет первенца Зины. Вероятно, она умерла к тому времени, когда заполнялась ведомость.

В домашнем альбоме потомков Сунгуровых сохранились две старые семейные фотографии, на которых служитель запечатлен с женой и детьми. Очень здорово, что эти важные для истории снимки дошли до наших дней. И еще лучше, что фотокарточки оказались на обороте подписаны, что позволяет определить, кто на них изображен.

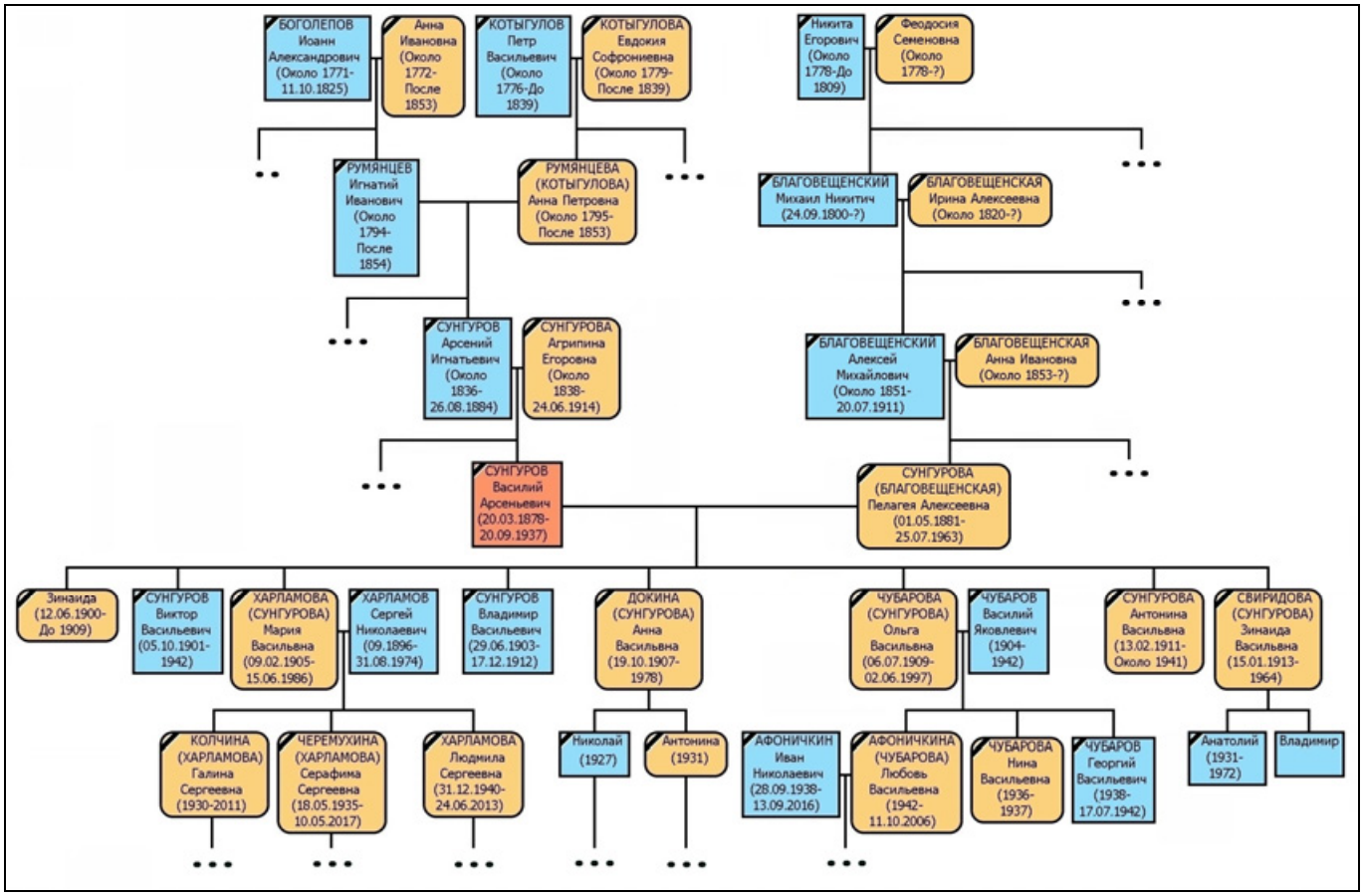
Первый фотоснимок сделан в 1914 г., когда Василий служил в с. Жегалово Богородского уезда. На фото помимо главы семейства, его жены Пелагеи и «*брата Ильи*» (крайний справа), есть еще сын Виктор и пять дочерей разного возраста. Сын в это время учился в Перервинском духовном училище (его имя упоминается в списке учеников, напечатанном в епархиальном журнале[75]).

К моменту съемки в составе семьи Сунгуровых произошли изменения. На приведенной фотографии только один из сыновей Виктор, нет Владимира. Оказалось, что он умер в 1912 г., об этом свидетельствует обнаруженная запись в метрической книге[76]. К трем ранее перечисленным девочкам добавились Антонина (1911)[77] и Зинаида (1913)[78]. Как видим, родители младшую дочь решили вновь назвать Зиной (напомним, что такое же имя носила девочка-первенец). Это был, видимо, последний ребенок в семье. По собранным документам удалось установить, что у Сунгуровых родилось как минимум, восемь детей, из них до взрослого возраста дожили шестеро. Сопоставляя даты рождения детей, можно заметить, что прибавление в семье случалось каждые два года.

Василий Арсеньевич прослужил в Никольской церкви с. Жегалово девять лет. Хотя этот срок мог оказаться короче. В начале 1913 г. (т.е. на третьем году службы) в епархиальном журнале было напечатано распоряжение: *«На вакансию диакона к церкви с. Новаго, на р. Дубне, Дмитровскаго у.,* [назначается] *псаломщик с. Жегалова, Богор. у., Василий Сунгуров, с рукоположением во диакона,*

Изо 7–12. Семья псаломщика Василия Сунгурова, 1914,
(семейный архив потомков, снимок отретушировал А. Н. Гольцев).

Изо 7–13. Фрагмент древа рода Сунгуровых: предки и потомки Василия Арсеньевича.

по сдаче им экзамена по законоучительской программе, 16 января»[79]. Однако другие документы свидетельствует, что указанного перевода не было. О служении в с. Новом ничего не сказано в ПС Василия Арсеньевича. Это же подтвердил и просмотр метрических книг за 1913 г. приходского храма в указанном селе: фамилии Сунгурова в записях нет, на должности дьякона находился другой клирик. Зато имя Василия Арсеньевича в эти годы регулярно встречается в метрических книгах все той же Никольской церкви в с. Жегалово. Почему же не состоялся перевод на новое место, ведь это было повышением по службе? Трудно сказать. Может причетник не смог сдать «*экзамена по законоучительской программе*». А, возможно, и сам передумал уезжать с обжитого места. Ведь в Дмитровском уезде не так сильно была развита промышленность, как в Богородском уезде, доходы дьякона могли быть ниже, чем доходы причетника на старом месте.

Ну а дьяконом В. А. Сунгуров все-таки стал, причем в своем же храме, где служил. Случилось это два года спустя. В том же епархиальном журнале в 1915 г. было напечатано сообщение: «*На штатную вакансию* ***диакона*** *при Николаевской, села Жегалова, церкви, Богородскаго уезда,* [переводится] *псаломщик сей церкви* ***Василий Сунгуров*** *– 7 июля*»[80]. Таким образом, оставшиеся несколько лет до революции он служил в новой должности. При этом его доходы удвоились. Если рассматривать материальную сторону, то, наверно, это были лучшие годы в жизни Василия Арсеньевича. Только недолго это благополучие продолжалось, скоро большевики захватили власть в стране, и жизнь у всех в корне переменилась. У многих перемены оказались в худшую сторону.

1919–1935: Служение в с. Улиткино

Но были и положительные изменения. Вскоре после революции Сунгуров стал иереем. В начале апреля 1919 г. он был **рукоположен в священнический сан** и назначен настоятелем в **церковь св. Марии Магдалины в село Улиткино Богородского уезда** (иногда писали Улитино, ныне это дер. Улиткино г.о. Лосино-Петровский). Он заменил на должности настоятеля священника Иоанна Кроткого. Новое место служения оказалось недалеко от прежнего – по прямой линии около 10 км. Здесь о. Василий прослужил полтора десятилетия – дольше, чем в каком-либо другом месте.

Справка. Улиткино. Инициатором строительства храма выступила светлейшая княжна Мария Дмитриевна Кантемир, которая приобрела сельцо Улиткино в 1745 г. Было получено разрешение на строительство и спустя три года состоялось освящение каменного храма во имя равноап. Марии Магдалины. Сельцо стало именоваться «*село Марьино, Улиткино тож*». «*Трапезная со Скорбященским и Никольским приделами и колокольня пристроены в 1835–1842*».

Храм оставался действующим до 1935 г. В советские годы были «*сломаны венчания, в 1960-х снесены трапезная и колокольня, занят магазином. Возвращен верующим в 1996, отремонтирован без восстановления первоначального облика*»[82].

Изо 7–14. Магдалининская церковь в с. Улиткино[81], 1896.

Адрес: МО, г.о. Лосино-Петровский, д. Улиткино, ул. Центральная, д. 24А. (GPS: 55.93261,38.13910).

Об этом периоде жизни батюшки сведений обнаружено не так много: помимо воспоминаний старожилов и родственников в архиве сохранились клировые ведомости церкви св. Марии Магдалины первых лет советской власти – две в архиве ЦГАМ (1921, 1922) и одна в РГИА (1923)[83]. Причт храма в то время, как написано в документах, состоял из двух служителей: «*священник Василий Арсениев Сунгуров,* […] *псаломщик Василий Павлов Скворцов*». Приведены сведения о доходах настоятеля: в 1921 г.: «*кружечный доход от прихожан*» составил 600.420 руб., а в 1922 г. – 50 млн. руб. (в то время в стране была гиперинфляция денег).

В феврале 1923 г. «*благочинный 3-го округа Богородскаго викариатства*» ходатайствовал о награждении набедренником к празднику св. Пасхи священника с. Улиткино Василия Сунгурова[84]. Это награждение, видимо, не состоялось, т.к. о наличии набедренника у батюшки не сказано ни в одном документе, включая клировую ведомость за указанный год. В изданной в наше время Г. В. Ровенским и иереем Андреем Пугановым книге “Церковь святой мироносицы Марии Магдалины Улиткино” несколько раз написано, что Василий Арсеньевич был протоиереем. При этом ссылка

на первоисточник этих сведений не приведена. Однако ни в одном официальном документе не сказано, что Сунгуров был протоиереем. Так что вопрос о сане остался открытым.

В упомянутых клировых ведомостях Магдалининской церкви имеются сведения о семье настоятеля. В первой из них (1921) написано: «*жена Пелагея Алексеева 40 л. Дети: Виктор 19 л., обучался в 3 кл. Московской духовной Семинарии. Мария 16 л., обучалась в 3 кл. в 3-м Епархиальном женском училище, учение приостановлено. Анна 15 л. Ольга 14 л. Окончили земскую школу. Антонина 11 л. и Зинаида 9 л. Обучаются в земской школе*»[85]. Во второй ведомости (1922) данные о детях приведены такие: «*Виктор* […] *состоит в военной службе. Мария 17 л. обучается в среднем учебном заведении на содержании родителей. Анна 16 л. находится при родителях. Ольга 15 л., Антонина 12 л. и Зинаида 10 л. обучаются в земской школе*»[86].

Как видно из приведенных цитат – состав семьи с дореволюционных времен не изменился, попрежнему у священника было шестеро детей. Все они, заметно повзрослевшие, имеются на фотографии, сделанной в 1926 г. (вероятнее всего, съемка производилась в Улиткино).

Потомок священномученика, правнук С. И. Афоничкин прислал воспоминания, озаглавленные «*Из рассказов моей бабушки, Ольги Васильевны Сунгуровой*» (дочери настоятеля). В них есть такие слова: «*Отцу Василию не раз предлагали отречься от Бога и обрести благосклонность властей и спокойную жизнь, но он всегда отвечал, что Бог есть, и Он устроит все так, что православие восторжествует, и, что иначе и быть не может*». И далее: «*Батюшка был мудрым и заботливым духовником и наставником для жителей села. Имея огромную любовь и кротость, он всегда стремился помочь своей пастве не только в духовной жизни, но и в быту, узнавал какие у них проблемы и нужды, и, отдавая всего себя, бескорыстно помогал всем, чем мог. В свободное от службы время отец Василий занимался крестьянским хозяйством, ловил рыбу, чинил обувь*». По информации из следственного дела в 1929–1930 гг. семья имела корову, которая «*За неуплату налога изъята*».

Изо 7–15. Семья священника Василия Сунгурова, 1926, (семейный архив потомков).

В упомянутой книге Ровенского и Пуганова написано: «*Служение его* [о. Василия] *проходило в обстановке все усиливавшихся гонений, но, несмотря на это, он всегда оставался верным своему пастырскому долгу. Известно, что однажды злоумышленники подожгли дом о. Василия в то время, когда он совершал литургию, но священник, узнав об этом, не прервал службу, предоставив случившееся воле Божией. В другой раз во время крестного хода загорелся сарай, находившийся поблизости с храмом. В поджоге обвинили участников крестного хода. И самому о. Василию, и его семье приходилось терпеть как неприязненное отношение односельчан, прельщенных атеистической идеологией, так и давление властей, для которых сама принадлежность человека к духовному сословию была равнозначна его враждебности новому строю. Но верующие мужественно несли свой крест и, пока это было возможно, старались отстоять храм*»[87].

В той же книге написано, что клирики Сунгуров и Скворцов были лишены избирательных прав и продовольственных карточек. Отец Василий служил в Магдалининской церкви до тех пор, пока позволяла советская власть. Местные органы несколько раз пытались отобрать у церковной общины здание храма. В мае 1934 г. на собрании верующих председатель Улиткинского сельсовета уговаривал согласиться на закрытие церкви. Говорил, что колхозу нужно помещение под культурные нужды, а кто хочет – может ходить на службы в соседние храмы. Однако люди не поддержали это предложение и большинством голосов постановили оставить Божий дом действующим. Но это, увы, не уберегло его от поругания. 9 января 1935 г. Щёлковский райисполком принял решение «*церковь закрыть по просьбе проживающих граждан*. […] *в Щелковском горархиве сохранился даже план вычерченного в масштабе нового "советского" клуба с радиоузлом, избой-читальней и кинозалом*». 26 марта того же года Президиум Мособлисполкома по ходатайству местных властей принял постановление о **закрытии церкви в Улиткино** и предписал здание «*использовать для оборудования зала-читальни и кино*»[88].

Безбожная власть в конце концов добилась своего. «*Так на долгие годы прекратились богослужения в Улиткинском храме и началось безвременье. Живопись была закрашена клеевой краской, иконы вынесены, алтари разобраны. В храме разместился клуб и кинопередвижка. Словно для того, чтобы усилить глумление над святыней, новый вход был устроен со стороны главного алтаря, так что входящие, по всей видимости, вытирали ноги как раз на месте престола. В довершение ко всему новая волна атеистического безумия при Хрущеве снесла с лица земли трапезную часть церкви вместе с колокольней и куполом на древней части храма. К концу XX века памятник истории и архитектуры превратился в невзрачный домик под двускатной крышей, в котором размещался сельский магазин*»[89].

Возрождение началось в конце XX в. В 1996 г. в Улиткино были проведены первые молебны. «*До переезда магазина из здания церкви богослужения служились в обычном доме*». Осенью 1999 г. на должность настоятеля в Магдалининский храм был назначен молодой иерей Андрей Пуганов, до этого шесть лет прослуживший в военном оркестре Академии ВВС. Батюшкой вместе с помощниками в последующие годы было многое сделано, храм возрожден, пусть и не в том виде, какой имел прежде. После того принятия решения о прославлении настоятеля храма о. Василия Сунгурова ежегодно в день его памяти проводится богослужение (об этом еще пойдет речь далее).

Служение в Истринском районе

Храм в Улиткино закрыли, когда Сунгурову было 57 лет. Батюшка остался без места служения. Очевидно, он не собирался отрекаться от сана и переходить в светскую жизнь, как поступали некоторые клирики в подобной ситуации. Отец Василий желал продолжить служение у престола Божия, хотя, безусловно, осознавал всю опасность этого. Можно предположить, что он решил довериться воле Господа. И принял назначение на новое место служения – **в Богоявленскую церковь с. Брыково Истринского района** Московской области.

1935–1937: Служение в Брыково, арест, следствие, приговор, расстрел

Как ранее уже рассказывалось, прежний настоятель Богоявленской церкви о. Иоанн Колобашкин покинул Брыково примерно в 1931 г. Несколько лет в храме не было своего священника, он не действовал, пока не приехал о. Василий Сунгуров. Когда это случилось? В книге "Жития новомучеников и исповедников Российских" написано: «*В 1935 году отец Василий назначен служить в*

Богоявленскую церковь в селе Брыково Истринского района»[90]. Эта дата подтверждается в следственном деле показаниями свидетеля, местного жителя И. П. Колобашкина: «*Сунгурова я знаю как служителя культа с 1935 г.*»[91]. В том же деле имеется паспорт Василия Арсеньевича, выданный «*Отд. милиции Истринского р/о УНКВД Мос. обл.* […] *25 января 36* [1936] *года*».

Вместе с батюшкой на другой край Московской области поехала его верная спутница матушка Пелагея. Дети Сунгуровых к тому времени выросли и жили своей жизнью. Брыково оказалось пятым и последним местом служения о. Василия. И самым коротким по времени пребывания – всего около двух лет.

Информации об этом периоде служения обнаружено крайне мало. Удалось найти сведения о том, что в 1936 г. о. Василий был награжден наперсным крестом[92]. В следственном деле, о котором пойдет речь далее, арестованному священнику вменялось в вину, что в июне 1936 г. он собирал деньги за проведение молебна. Говорилось о том, что в доме Горячева вел с местными жителями беседы. Вот, пожалуй, и все данные о брыковском периоде жизни В. А. Сунгурова.

1937 и 1938 года – время самых жестоких гонений советской власти на духовенство. Почему именно в это время случился пик репрессий? В январе 1937 г. в СССР прошла всенародная перепись населения. И она показала результаты, которые руководители страны не могли оставить без внимания: более половины граждан отнесли себя к верующим людям (по данным интернета 56%). Был сделан вывод, что принимавшиеся ранее меры (закрытие храмов, атеистическая пропаганда, давление на церковнослужителей, аресты и ссылки некоторых из них) недостаточны, надо усилить борьбу с религией и духовенством. Органы власти, как местные, так и центральные, принялись срочно исправлять положение, делали это своими кровавыми методами. Начались массовые аресты служителей Церкви с последующими скорыми вынесениями приговоров, казнями или ссылками в лагеря (что было почти равнозначно вынесению смертного приговора, т.к. в нечеловеческих условиях лагерной жизни многие до конца срока заключения не доживали).

Не избежал этой печальной участи и священник Василий Сунгуров. Он был **арестован в Брыково 28 августа 1937 г.** представителями Истринского Управления НКВД по сфабрикованному обвинению. Батюшка, видимо, предвидел свою судьбу, поскольку сказал при расставании: «*Прощайте*».

Вот таким трагическим образом прервалось служение о. Василия у престола Божия, которое продолжалось без малого 39 лет (а точнее 38 лет 11 месяцев и 17 дней), из них почти половина срока в священническом сане. В архиве ГАРФ хранится следственное дело по обвинению Василия Арсеньевича Сунгурова. В приложении–8 имеется расшифровка указанного дела. Здесь приводятся выдержки из этого важного документа.

При аресте в доме священника был произведен обыск, изъята личная переписка, а его самого увезли в Москву и заключили в Таганскую тюрьму. Сунгурову как «*служителю религиозного культа*» было предъявлено стандартное обвинение в борьбе против советской власти. В подготовленном заранее “Постановлении об избрании меры пресечения” священнику вменялось в вину, что «*среди граждан деревни Брыково проводит к/р агитацию защищает известных расстрелянных контрреволюционеров*»[93]. В “Анкете арестованного” указано: национальность русский, никакого имущества не имеет. Про состав семьи священника написано так: жена Сунгурова Пелагея Алексеевна, 61 год, «*иждивенка*», проживает в Брыково. Дети в анкете указаны не были.

Изо 7–16. Фотографии арестованного В. А. Сунгурова в следственном деле, 1937.

На третий день после ареста состоялся первый допрос священника. Следователь задал вопрос: *«в марте 1936 года Вы распускали провокационные слухи о войне и скором падении Советской власти»*. На это арестованный ответил, что о войне говорил,

но добавил: «*обидно, что люди не могут жить мирно между собой*». Далее чекист озвучил показания нескольких свидетелей, которые утверждали, что священник клеветал на советскую печать и в частности сказал: «*конституция выпущена, а нашего брата* [церковнослужителей] *арестовывают все больше*». Василий Арсеньевич признал отдельные свои высказывания, но в целом отвергал приписываемые ему слова о критике советского строя.

На следующий день он был вновь допрошен. Арестованный священник отрицал предъявляемые обвинения в том, что якобы восхвалял политику Гитлера и вел агитацию за развал колхоза. В протоколе записаны его слова: «*Никогда контрреволюционной деятельностью я не занимался*». 7 сентября состоялся третий и, судя по документам, последний допрос. Священник вновь отверг все выдвинутые против него обвинения.

Несмотря на то, что арестованный никакой вины не признал, было подготовлено "Обвинительное заключение", в котором было написано, что обвиняемый В. А. Сунгуров «*среди граждан села Брыково ведет активную контрреволюционную деятельность, распространяет гнусную клевету против советской власти*». Были приведены высказывания, приписанные о. Василию: «*На Украине страшная голодовка, все люди мрут с голода и бегут, а газеты пишут ложь, что там хороший урожай* […] *сейчас арестовывают еще хуже чем раньше, нет гарантий за то, что завтра не будешь арестован*». Трудно судить, говорил ли в действительности священник все эти слова. Но как мы сегодня знаем – все написанное в документе (о голоде, массовых арестах) на самом деле было правдой, так в то время в стране обстояли дела. Но власти от народа это скрывали.

19 сентября 1937 г. "Тройкой" при Управлении НКВД Московской области, которая заменяла суд, Василий Арсеньевич Сунгуров был осужден по статье 58 п.10 ч.1 УК РСФСР «*антисоветская агитация и пропаганда*» и приговорен к расстрелу. В следственном деле имеется выписка из акта о том, что приговор приведен в исполнение на следующий день 20 сентября. По другим данным расстрел состоялся на сутки позже – 21 сентября (см. изо 7–22). Не исключено, что священника убили в ночь с 20-го на 21-е. Таким образом, Василий прожил ровно 59 с половиной лет.

Ф. 896

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

заседания тройки при Управлении НКВД СССР по МО от "19" IX 1937 г.

СЛУШАЛИ: | ПОСТАНОВИЛИ:

50. дело № 15977 по обвин. СУНГУРОВА Василия Арсеньевича, 1876 г.р. ур.д. Спасское, Рузского р-на, МО, священник. Обвиняется в том, что среди населения вел активную к… деятельность, распространял гнусную клевету на сов. власть, высказывался в з… щиту известных контрреволюционеров-террористов, восхвалял фашизм и клеветал на … сталинскую Конституцию.

СУНГУРОВА Василия Арсеньевича РАССТРЕЛЯТЬ

Секретарь тройки

Изо 7–17. Приговор из следственного дела, 1937.

Вот так промыслом Божиим все случилось: арестован священник был в день праздника Успения Пресвятой Богородицы, а расстрелян – в день ее Рождества. Погребен о. Василий в общей безвестной могиле на Бутовском полигоне НКВД.

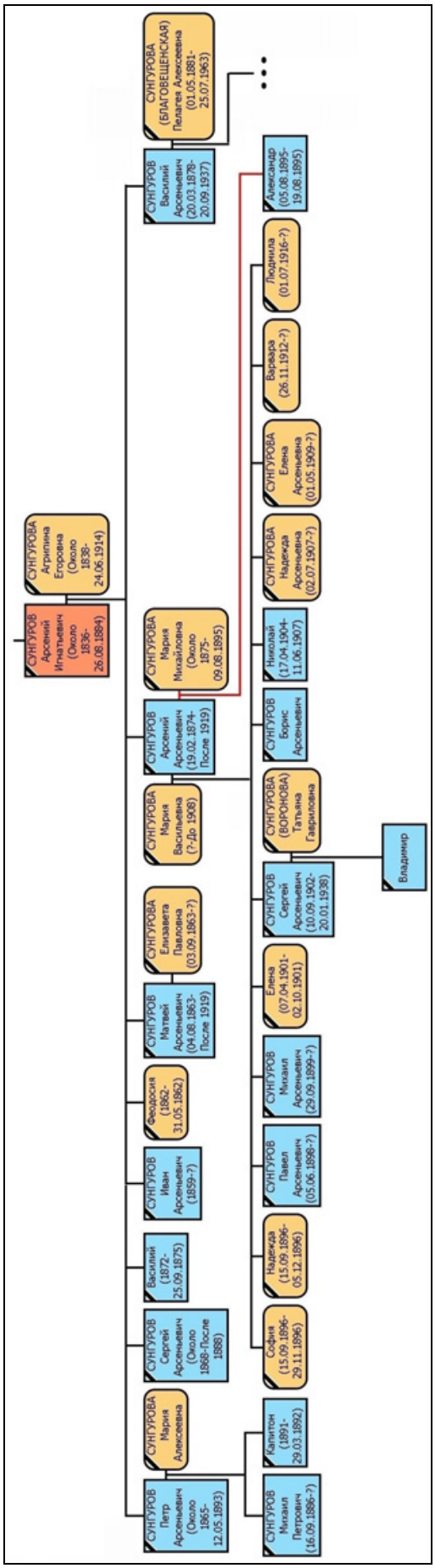
О прославлении убиенного священника поговорим позже. А сейчас остановимся на его родственниках.

Братья Василия Сунгурова и его потомки

В семье дьячка Арсения Игнатьевича Сунгурова было много детей. Некоторые из них скончались в раннем возрасте. Так девочка Феодосия прожила всего несколько дней, первый Василий немного больше. Остальные дети дожили до взрослых лет, причем это все были мальчики. Вот о них, братьях священномученика и пойдет далее речь. Рассказ начнем с тех, о которых информации мало.

Был ли брат Илья?

Начнем с «загадочного брата» Ильи. На обороте первого семейного снимка Сунгуровых, сделанного в 1914 г. (см. изо 7–12), написано: «*брат Илья Арсентьевич*». Увы, ни один исторический документ не подтвердил существование родственника с таким именем. Живущие ныне потомки также ничего не знают о нем. Возможно, ошибся человек, подписавший данный снимок. Судя по современной орфографии слов, подпись была сделана намного позже. Память могла

Изо 7–18. Фрагмент древа рода: потомки Арсения Игнатьевича Сунгурова.

подвести. Да, на семейном фото, скорее всего, кто-то из близкой родни (например, брат Арсений, с которым Василий поддерживал наиболее тесные отношения). Но нельзя исключать варианта с более дальним родственником. Короче – остались большие сомнения, что у Василия был брат по имени Илья. Поэтому в древо рода он не внесен.

Брат Сергей Сунгуров

О существовании брата Сергея до недавнего времени ничего не было известно. Его имя упоминалось в епархиальном журнале в 1886 и 1887 гг. как ученика Волоколамского духовного училища (там же позднее учились братья Арсений и Василий). В журнале не указано отчество ученика. Поэтому оставались сомнения – действительно ли это сын Арсения Игнатьевича Сунгурова? Вопрос отпал после обнаружения другого документа. В служебных материалах МДК говорится о прошениях, поданных в 1888 г. рядом лиц о выдаче *«свидетельства по их родопроисхождению»*. Среди этих лиц оказалось имя *«сына умершаго дьячка села Спасскаго, Рузскаго уезда, **Сергия Арсениева Сунгурова**»*[94]. Как полагает исследователь М. Б. Морозов, который предоставил ссылку на данный документ, подобное свидетельство обычно запрашивали те люди, которые хотели выйти из духовного сословия и перейти *«в гражданское ведомство»*. О дальнейшей судьбе Сергея Арсеньевича Сунгурова информации нет.

Брат Иван Сунгуров

Первенца в семье Арсения Игнатьевича назвали Иваном, он родился примерно в 1859 г. Его имя было обнаружено в двух документах (не считая исповедных ведомостей). Ранее говорилось о поданном в 1875 г. прошении о зачислении в иконописное училище Матвея Сунгурова. В конце этого прошения стоит подпись: *«К сему прошению за болезнию отца сын его Иван Сунгуров* [руку приложил]»[95]. Он также упоминается как восприемник в записи о рождении в 1878 г. брата Василия: *«ученик Строгановскаго училища техническаго рисования, сын заштатнаго дьячка Арсения Сунгурова, Иван Арсениев Сунгуров»*[96].

На этом исчерпываются известные сведения о данном родственнике, в достоверности которых нет сомнений. Но есть еще непроверенная информация. На одном из сайтов была размещена такая информация: *«Личный состав и воспитанники Рязанской Александровской учительской семинарии»*. В большом списке лиц был указан: ***«Сунгуров Иван Арсеньевич Статский советник**. Учитель чистописания, рисования и черчения Александровской учительской семинарии (упом. 1898 – 1912). Учитель чистописания, рисования и черчения Рязанской классической прогимназии (упом. 1891 – 1898). Прожи-*

вает: Полевая, д. Глебова. (1911 – 1912)»[i]. Сведения о семейном положении не приведены.

Что на это сказать? Неожиданная, можно даже сказать, удивительная информация. Совпадает полностью ФИО, профессия художника (напомним, что сын дьячка Иван учился в Строгановке), время жизни подходит. Так и напрашивается предположение, что это был родной брат Василия. Но что-то настораживает от такого очевидного скороспелого вывода. Когда, за какие заслуги мог получить такой высокий чин статского советника Иван Арсеньевич, сын простого дьячка? Ведь сколько лет должно пройти, сколько последовательно чинов получить, чтобы дойти до 5-го чина в табеле о рангах? Обычно следующий чин присваивался человеку после трех службы без замечаний. А согласно "Адрес-календарю" по Рязанской губернии И. А. Сунгуров был статским советником уже в 1898г.[97] (сыну дьячка тогда не было еще и 40 лет). Как-то во все это не очень верится. Хотя … чего в жизни только не бывает. Очень хотелось бы узнать о происхождении учителя Рязанской семинарии, увидеть его послужной список. Тогда и можно уверенно говорить – был ли это сын дьячка Арсения Игнатьевича или же его полный тезка.

Брат Матвей Сунгуров

О следующем брате священномученика Матвее проверенной информации больше. Установлена точная дата его появления на свет – 4 августа 1863 г.[98] (увы, далеко не для всех детей дьячка удалось найти записи о рождении). Как уже говорилось, в 1875 г. родитель подал прошение о зачислении в Московское епархиальное училище иконописания сына **Матвея Арсеньевича Сунгурова**, прежде обучавшегося в Лефортовском училище Москвы[99]. Тот был принят и учился 5 лет. Иконописцем или художником в итоге не стал, в марте 1882 г. был определен на должность псаломщика в Покровскую церковь с. Новое Карцево Дмитровского уезда[100]. И уже через два месяца молодой причетник женился, супругой стала Елизавета Павловна, дочь дьячка из с. Козино Волоколамского уезда.

Свыше четверти века прослужил на одном месте и в одной должности Матвей Арсеньевич. Характеризовался положительно: «*Чтение, пение и катехизис знает удовлетворительно.* [Поведения:] *очень хорошаго*». По-доброму относились к псаломщику и прихожане. Все хорошо, но доходы причетника самые низкие в причте. Поэтому летом 1910 г. М. А. Сунгуров подал прошение, в котором написал: «*Прослужив в должности псаломщика 28 лет в одном из беднейших мест, состоящаго из 139 душ мужескаго пола, в продолжении сего время не разу на утруждал Епархиальное Начальство о переводе себя на лудшее место. Кроме прямых служебных обязанностей я более 10 лет обучал грамоте детей своих прихожан: Закону Божию, Арифметике и славянскому языку в своем доме безплатно. Осмеливаюсь припасть к стопам Вашего Высокопреосвященства с покорнейшею просьбою об определении меня на праздное диаконское место при Николаевской, села Луцына церкви Звенигородскаго уезда*»[101].

К огорчению Матвея Арсеньевича его прошение не было удовлетворено, и он продолжил службу причетником в Новом Карцево. Но недолго, в 1911 г. мечта стать дьяконом все же исполнилась. Служить в новой должности стал в другом месте – в Троицкой церкви с. Болычево[ii] Можайского уезда[102]. Дьяконом М. А. Сунгуров прослужил здесь шесть лет.

За время пребывания в Болычево случился один скандальный эпизод, зафиксированный в архивном деле. Была подана анонимная жалоба на нетрезвость дьякона, якобы он упал от опьянения[103]. В ответ М. А. Сунгуров заявил, что падение случилось не от опьянения, а по причинения заболевания малокровием. Дьякон также сообщил, что ему в 1909 г. была сделана операция. И еще сказал, что зрение стало плохое. Настоятель храма это подтвердил, сообщил, что Сунгуров «*с трудом читает Евангелие*». И добавил про него, что «*На замечания не реагирует, с прихожанами тоже груб*». А еще несколько раз был нетрезв: «*Во время хождения с иконами дьякон был изрядно выпимши*». Но были и положительные отзывы, прихожанам служитель нравился. «*У дьякона могучий, приятный голос. Голосистый. Он привлек к службе не только своих прихожан, но и других*». По итогам разбирательства клирик был послан в качестве наказания на две недели в Лужецкий монастырь под Можайском. Сам же дьякон считал это несправедливым решением.

---

[i] В ходе работы над настоящей книгой ссылка на страницу «*Личный состав и воспитанники Рязанской Александровской учительской семинарии*» https://62info.ru/history/node/6944 стала «битой».

[ii] Троицкий храм с. Болычево упоминался ранее, когда речь шла о псаломщике Богоявленской церкви Сергее Васильевиче Моисееве. Несколько лет Сунгуров и Моисеев служили вместе в одном причте.

В революционном 1917 году М. А. Сунгуров был рукоположен в сан священника и направлен в с. Княжево[104]. Однако в данном храме о. Матвей не задержался, менее чем через год состоялся еще один перевод: «*На вакансию священника при Крестовоздвиженской, села Воздвиженского, церкви, Рузскаго уезда,* [определен] *священник Николаевской, села Княжева, церкви, Можайскаго уезда, Матвей Сунгуров, 30 января* [1918]»[105].

Таким образом, за два года сменилось три места служения. Клирику было 55 лет, и не все ладно в жизни складывалось. Это подтверждает его заявление, в котором сказано: «*Сего 1919 года февраля 2 дня главари означеннаго прихода* [с. Воздвиженского] *состоящие не более из 18 человек, которых возмутил местный псаломщик Никольский, заявили мне Священнику Сунгурову, чтобы я оставил служение в ихнем храме и притом в скором времени*»[106]. Когда иерей спросил – «*за что и за какую провинность*»? Последовал ответ – мол «*стар стал и нендравится нам твоя выходка* […] *нечего разсуждать, нынче время такое*». Батюшка опасался дальнейших неприятностей и просил о переводе «*на другое место состоящим праздным*». О реакции начальства на данное прошение в деле нет. О дальнейшей судьбе, дате кончины иерея сведений нет. Детей у М. А. Сунгурова не было.

Брат Петр Сунгуров

Переходим к следующему брату священномученика **Петру Арсеньевичу Сунгурову**. Некоторые сведения о нем уже приводились. Напомним, как мать Агрипина Егоровна ходатайствовала о принятии сына в епархиальное училище иконописания. Петра приняли, но он потом нарушал дисциплину. До конца не доучился, был отчислен из училища. Летом 1884 г. принят на место дьячка, которое занимал его отец Арсений Игнатьевич в причте Преображенской церкви с. Спасское Рузского уезда. И уже буквально через месяц-два ему пришлось похоронить родителя.

А спустя еще пару недель молодой дьячок перевелся на причетническое место в Борисоглебскую церковь с. Дьяково того же уезда. На самом деле, это был обмен местами с Алексеем Раевским, служившим в том храме. Осенью того же года Петр Арсеньевич женился на Марии Алексеевне[107], дочери дьячка, с которым поменялся местами. Это навевает на мысль о том, что, возможно, обмен местами производился не просто так, а как бы теперь сказали «с обременением» (обязательством жениться). Прослужив в с. Дьяково восемь лет, П. А. Сунгуров вышел за штат «*по болезни*»[108], произошло это в 1892 г. На его место был назначен родной брат Арсений. Петр, после увольнения прожив всего год, скончался в возрасте 28 лет. Выписку из метрической книги о его кончине прислал исследователь А. Н. Инюкин: «*Призреваемый в Островском приюте заштатный псаломщик села Дьякова Русскаго* [Рузскаго] *уезда, Петр Арсеньев Сунгуров,* [умер] *от паралича*»[109] (напомним, что в этом приюте позднее скончалась его мать Агрипина Егоровна).

У Петра был сын Михаил Петрович Сунгуров. О нем известно следующее. Согласно справочнику А. Дубинского он в 1900 г. окончил Перервинское духовное училище, поступил в МДС и завершил в ней учебу шесть лет спустя[110]. Что с ним стало в дальнейшем – достоверного ответа нет. Среди служивших в церквях Москвы и губернии его имя не встречается (мог уволиться из духовного ведомства). Зато его ФИО оказалась в нескольких источниках. В метрической книге 1907 г. он записан как «*личный почетный гражданин*». А в 1929 г. человек с таким именем и фамилией издал в Самаре книгу под названием: “Антирелигиозная работа в школе 1-й ступени”. Получается, Петр Арсеньевич отрекся от Церкви? Утверждать так однозначно нельзя, т.к. нет полной уверенности в том, что автор указанной книги относится к «нашему» роду Сунгуровых, а не полный тезка.

Брат Арсений Сунгуров

Переход к последнему брату священномученика. 19 февраля 1874 г. в Москве в семье заштатного дьячка А. И. Сунгурова родился мальчик, которого назвали именем отца – Арсений[111]. По всей видимости, с этим родственником у Василия сложились наиболее тесные отношения. Это доказывают метрические книги о рождении их детей. При крещении некоторых детей Василия восприемником записан **Арсений Арсеньевич Сунгуров**, зафиксирован и обратный случай.

После окончания Волоколамского училища в 1892 г. Арсений был назначен на причетническое место в причт Борисоглебской церкви с. Дьяково Рузского уезда[112], которое освободилось после ухода его брата Петра (а до этого на указанной должности служил отец братьев Арсений Игнатьевич). Где-то в это время или немного позднее молодой причетник женился. В отношении А.

А. Сунгурова в архиве обнаружен довольно необычный документ.

В 1908 г. прихожане Борисоглебской церкви обратились с прошением разрешить псаломщику служить в стихаре, который прежде у него имелся, но потом был лишен права его надевать. А произошло это вот почему. Как написано в деле, у Арсения умерла первая супруга, в семье остался «*детю*», т.е. ребенок. Причетник не мог «*нанять кормилицу, по бедности нашего прихода*»[113]. И потому, как написано в деле, «*в силу необходимости*» вступил в брак вторично. Изучение метрических книг Борисоглебской церкви показало, что псаломщик этого храма А. А. Сунгуров действительно был дважды женат. Первую супругу звали Мария Михайловна. Ей было 20 лет, когда она умерла спустя несколько дней после рождения сына Александра, как написано: «*от родов*»[114]. Через десять дней умер и новорожденный, случилось это в 1895 г. А год спустя в том же храме были крещены родившиеся у псаломщика девочки-близнецы София и Надежда, их матерью записана вторая жена Мария Васильевна. Увы, и эти дети прожили всего несколько месяцев.

По церковным правилам того времени после второго брака причетник лишался права надевать стихать «*для входа в Святый Алтарь*». Прихожане ходатайствовали перед священноначалием о снятии этого запрета с псаломщика. Отмечали, что за 16 лет службы он ни разу не штрафовался, показал себя как «*кроткаго, тихаго и благопристойнаго*» клирика. Это прошение было удовлетворено. Однако служение Арсений продолжил уже в другом месте. Как о нем написано в том же деле: в 1908 г. «*перемещен на псаломническую вакансию к Параскевиевской, что у речки Березовки, церкви, Богородскаго уезда*». В этом храме он прослужил на причетнической должности до революции.

В семье А. А. Сунгурова родилось много детей, шестеро дожили до взрослых лет (их имена приведены в древе рода изо 7–18). Есть сведения о некоторых из них. Сыновья Михаил, Павел и Сергей Сунгуровы обучались в Перервинском духовном училище. Первые двое потом поступили в МДС и учились там четыре года, пока не наступила революция. Сведений о дальнейшей судьбе Михаила и Павла нет.

Информация о Сергее Арсеньевиче Сунгурове и его родственниках имеется в базе данных на сайте ПСТГУ. В учетной карточке приведены такие сведения: «*Родился в благочестивой православной семье священника Арсения Арсеньевича и Марии Васильевны Сунгуровых*»[115]. Там же написано, что в 1918 г. «*скрываясь от преследований НКВД, они уехали в Тамбовскую губ.*». Сергей стал псаломщиком в церкви с. Преображеновка (Слеповка), в которой служил вместе со своим отцом Арсением Арсеньевичем. О дальнейшей судьбе родителя на сайте не говорится. А вот про Сергея Арсеньевича сказано, что в 1923 г. был призван в Красную армию. Спустя два года демобилизовался, поступил в Московскую духовную семинарию, женился на Татьяне Гавриловне Вороновой. В 1926 г. стал дьяконом, а через пять лет был рукоположен в сан священника. В течение трех лет (1931–1934) сменил три храма. Последнее место службы оказалось в Богоявленском соборе Бондарского района с. Пахотный Угол (Солдатчина). Отец Сергий защищал этот храм от закрытия. В ноябре 1937 г. его арестовали и поместили в Тамбовскую тюрьму. Священнику были предъявлены традиционные обвинения: «*Контрреволюционная деятельность, клевета на Советскую власть, призывал к восстанию против Советской власти*». 20 января 1938 г. карательные органы советской власти священника расстреляли. 14 июня 1989 г. он был реабилитирован.

Изо 7–19. Священник Сергей Сунгуров с семьей и родственниками, 1930-е (?)

На том же сайте размещена фотография с подписью: «*Священник Сунгуров Сергей Арсеньевич с матушкой Татьяной, маленьким сыном Володей и родственниками семьи*».

* * *

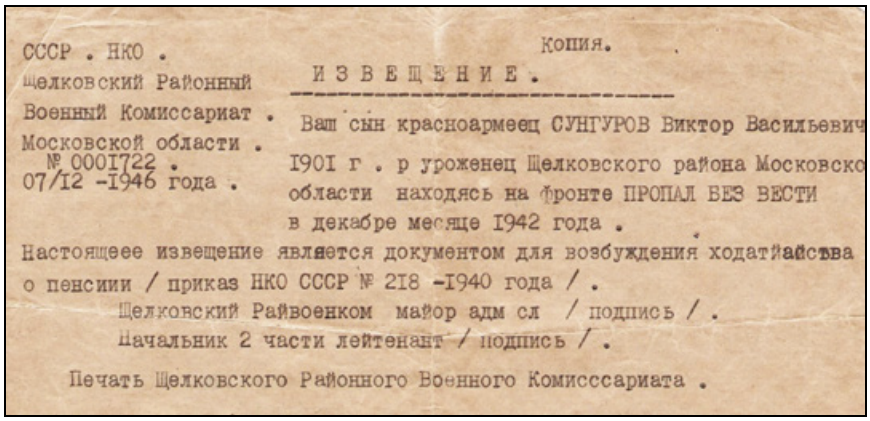
Подведем итоги рассказа о родственниках. Четыре сына Арсения Игнатьевича Сунгурова Матвей, Петр, Арсений и Василий, а также внук Сергей повторили путь своего родителя, деда и прадеда: все стали церковнослужителями. Всех пятерых объединяет общее: начинали службу с причетнических должностей (некоторые на них и остались). Объяснение этому простое: за исключением Сергея ни у кого не было хорошего церковного образования. Сунгуровы начинали учиться, но не проходили полный курс обучения, подлежали исключению из-за слабой успеваемости. Поэтому приходилось начинать служение с низших должностей в причте. И надо отдать должное – никто из пятерых не повторил грехов отца Арсения Игнатьевича Сунгурова и деда Игнатия Ивановича Румянцева, страдавших тягой к спиртным напиткам. Ни к кому из них (за исключением Петра в юности) не было замечаний по службе и поведению, дисциплинарных дел в отношении них не обнаружено.

Следует еще отметить, что в советские годы, когда в стране начались репрессии, и часть служителей отрекалась от духовного звания, двое из братьев – Матвей и Василий – напротив, не побоялись гонений и приняли священнический сан. Потом тот же путь (из псаломщиков в иереи) повторил их племянник Сергей. Таким образом, среди потомков дьячка Арсения Игнатьевича Сунгурова, как минимум, пятеро оказались церковнослужителями, причем трое из них потом стали священниками. К сожалению, судьба двоих – Василия и Сергея – оказалась трагичной и схожей. Обоих арестовали и расстреляли с разницей в несколько месяцев: одного в Московской области, а другого в Тамбовской. Отличие еще и в том, что прославлен пока только Василий.

Жизнь членов семьи репрессированного священника

Вернемся теперь в 1937 г., когда чекисты арестовали и увезли в Москву последнего настоятеля Богоявленской церкви Василия Арсеньевича Сунгурова.

Так и не дождавшись возвращения мужа, матушка Пелагея вернулась в Улиткино и стала жить вместе с дочерью Ольгой. Единственный сын священника **Виктор Васильевич Сунгуров** выучился на бухгалтера, трудился на фабрике в поселке Свердловский. Жизнь тех, у кого имелись арестованные по политическим мотивам родственники, была крайне тяжела, они считались семьями «врагов народа». Особенно трудно пришлось всем во время войны. В августе 1941 г. взяли на фронт Виктора. Долгое время о нем не было вестей. Уже после войны Пелагее Алексеевне пришло извещение, в котором говорилось, что «*ваш сын красноармеец Сунгуров Виктор Васильевич* […] *находясь на фронте пропал без вести в декабре 1942 года*». Было ему в ту пору 40 с небольшим лет.

СССР . НКО . Копия.
Щелковский Районный
Военный Комиссариат .
Московской области .
№ 0001722 .
07/I2 -1946 года .

И З В Е Щ Е Н И Е .

Ваш сын красноармеец СУНГУРОВ Виктор Васильевич
I90I г . р уроженец Щелковского района Московско
области находясь на фронте ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ
в декабре месяце I942 года .

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства
о пенсии / приказ НКО СССР № 2I8 -I940 года / .

Щелковский Райвоенком майор адм сл / подпись / .
Начальник 2 части лейтенант / подпись / .

Печать Щелковского Районного Военного Комисссариата .

Изо 7–20. Извещение о пропаже без вести на фронте Виктора Сунгурова, 1946, (семейный архив потомков).

Дочь священника **Ольга Васильевна** была воцерковленным человеком, соблюдала посты, ходила на богослужения, пела на клиросе в храме соседнего с. Гребнево Щелковского района. В возрасте 26 лет она вышла замуж за односельчанина – Василия Яковлевича Чубарова. В самом начале 1942 г. родилась дочка Люба. Несмотря на сильный мороз, Ольга вместе с племянницей Антониной пошли за 5 км в храм Гребнево, чтобы окрестить родившуюся девочку. И Бог все управил, беды не случилось. Так и жили вместе женщины трех поколений: Пелагея, Ольга и Люба (мать, дочь и внучка). Пелагея, как вспоминала позже ее дочь, иногда пыталась скрасить невеселые будни: «*По православным праздникам и по воскресным дням пекла пироги и угощала селян, тем самым создавала праздничное настроение людям и может быть надеялась встретить с пирогами своего мужа*».

Жена священника ушла из жизни в 1963 г., так и не узнав о судьбе супруга: «*Верная спутница, матушка Пелагея, до конца дней ждала его, надеялась, что он вернется*»[116]. Она погребена на

кладбище с. Улиткино. Там же поблизости похоронены все ее дочери, кроме Антонины, которая умерла раньше (ее могила находится на Новодевичьем кладбище в Москве). Дом в Улиткино, в котором жил настоятель о. Василий с семьей, не сохранился, сгорел. В приложении–8 приведен рассказ правнука Сергея Ивановича Афоничкина (он на изо 7–01), который вспоминает о своей бабушке, других дочерях священномученика, как сложились их судьбы.

Реабилитация, прославление, почитание

Летом 1989 г., наконец, восторжествовала историческая справедливость: было восстановлено честное имя невинно репрессированного священника, с него сняли все обвинения перед государством. В следственном деле сохранилось заключение о реабилитации, в котором сказано: «*Сунгуров Василий Арсеньевич подпадает под действие ч. 1 с. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. "О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов"*»[117]. Документ подписан членами комиссии УКГБ СССР 12 июля. Через три дня прокурор Московской области это решение утвердил. Однако родственники об этом извещены не были.

Как родные узнали о месте захоронения Василия Сунгурова

Все десятилетия с момента ареста никто среди родных не знал о судьбе о. Василия. Как рассказывала правнучка Алла Николаевна Мочалова (она на изо 7–01), все думали, что, скорее всего, его увезли на Соловки, и там он погиб. Так же думала и она сама до той поры, пока не приснился следующий сон-видение: *«я стою на службе в деревянном храме, что на Бутовской земле, сердце переполняется радостью, открываются Царские Врата и оттуда выходит отец Василий в красивых одеждах и почему-то сразу выходит из храма в северную часть, как раз на полигон, на котором пролили кровь тысячи невинных людей в страшные годы репрессий. О. Василий проходит немного по земле и все исчезает*». Было это примерно в 1995 г., т.е. задолго до прославления о. Василия Сунгурова. С этого времени Алла Николаевна была уверена, что батюшка пострадал на Бутовском полигоне. И буквально через несколько лет это предположение подтвердилось. Случилось это так.

В конце 1999 г. зимой настоятель храма равноапостольной Марии Магдалины о. Андрей Пуганов и несколько прихожан, среди которых были внуки и правнуки о. Василия, поехали на Бутовский полигон. Трудно описать их чувства, когда они увидели слова «*Сунгуров Василий Арсеньевич*» на доске, установленной в память расстрелянных здесь в годы гонений советской власти. Близких людей одновременно охватили боль и радость. Боль за невинно расстрелянного родного человека. И радость, что, наконец, прояснилась его судьба, стало известно место, где батюшка обрел свой покой. Еще большая радость посетила всех, когда через несколько лет пришла весть о прославлении о. Василия Сунгурова.

Изо 7–21. В Бутово у памятной доски, на которой начертано имя Василия Арсеньевича Сунгурова. Слева направо: А. Н. Мочалова (правнучка о. Василия), ее муж М. Г. Мочалов, Н. Н. Харламов (правнук), С. С. Черемушкина (внучка) и Л. В. Чубарова (внучка), 1999, (семейный архив потомков).

Прославление Василия Сунгурова

Начиная с 1989 г., Русская Православная Церковь начала прославлять людей, невинно пострадавших за веру в годы советской власти, не отрекшихся при этом от Бога, никого не предав и не оговорив. Членам комиссии по прославлению предстояло выполнить огромный объем работы: собрать достоверные материалы о тысячах пострадавших людях, разобраться в обстоятельствах дел каждого. В 2005 г. дошла очередь и до материалов о. Василия. Изучив хранимое в ГАРФ следственное дело священника, комиссия вынесла решение о его возможном прославлении. 20 апреля того же года Священным синодом РПЦ иерей Василий Арсеньевич Сунгуров был канонизирован как священномученик и включен в Собор новомучеников и исповедников Российских[118].

Помощь святого близким людям

Потомки о. Василия бережно сохраняют память о своем святом предке (некоторые документы и фотографии из семейного архива приведены выше – изо 7–12, 7–15, 7–20). Родные молятся новомученику и получают помощь от него. Одна из дочерей батюшки – Ольга Васильевна – как-то вспоминала случай из своей жизни: «*Сплю я и вижу очами душевными, подходит ко мне мой папа и спрашивает: "Что ты хочешь?" Я робко попросила ума моей дочери"*». В итоге дочь Люба, о которой шла речь, окончила институт, и всю свою жизнь работала учителем математики.

Помощь получали также другие потомки батюшки, и такой случай был ни один. Вот как об этом говорит правнук С. И. Афоничкин: «*Василий Сунгуров, безусловно, и сейчас с нами. Мы молимся ему и чувствуем его поддержку. По молитвам отца Василия и Ольги Васильевны у меня родился долгожданный сын (21 сентября)* [т.е. в день памяти нашего святого!], *мой папа со своей женой Любовью и прихожанами храма Марии Магдалины участвовал в его восстановлении и впоследствии стал звонарем, помогал по хозяйству, чистил снег, убирался вокруг храма во славу Божью*».

В свою очередь правнучка А. Н. Мочалова рассказала такой случай (было это еще до прославления о. Василия): «*денег катастрофически не хватало, а нужно было одевать сына в школу. После простой и искренней молитвы нашему заступнику мы поехали на рынок и купили с машины, которой раньше там никогда не было, все вещи по низкой цене. Когда приехали домой, я удивилась, почему же мужу не купила ботинки за такую-то цену... И мы решили завтра туда вернуться; приезжаем, а от машины уж и след простыл. Откуда она только взялась в тот день?... Конечно, это машина появилась не случайно, а как бы для нас, по молитвам батюшки. А ботинки, наверное, были уже лишними, ведь мы за сына просили*».

Вот какие чудесные случаи происходили и происходят у потомков священномученика.

Почитание священномученика Василия Сунгурова в наши дни

27 сентября 2017 г. на бывшем полигоне НКВД в Бутово митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий совершил освящение вновь построенного мемориала “Сад памяти”, посвященного расстрелянным и захороненным здесь жертвам репрессий. На одной из установленных памятных плит в самом низу можно найти имя: «*священник Василий Сунгуров*»[119].

Помимо этого в построенной рядом с полигоном церкви Новомучеников и Исповедников Российских в Бутово имеется икона, на которой изображены святые, убитые 21 сентября (именно с ней сфотографировались потомки – см. изо 7–01). На ней есть и лик настоятеля брыковского храма. Он также есть и на большой общей иконе святых, убиенных в Бутово.

Изо 7–22. Фрагменты стены мемориала “Сад памяти” на Бутовском полигоне, 2017.

Вскоре после прославления была написана икона св. Василия Сунгурова в Магдалининской церкви с. Улиткино – в храме, где батюшка прослужил дольше всего. Автор ее иконописец Олег Лисенков. Второй образ священномученика был написан

с. Улиткино, иконописец Олег Лисенков, 2007 г.

г. Щелково

г. Щелково, иконописец Игорь Кривов, 2016 г.

с. Мансурово, иконописцы В.А. и И.В. Лебедевы, 2013 г.

Изо 7–23, 7–24, 7–25, 7–26. Иконы священномученика Василия Сунгурова в храмах с. Улиткино и г. Щёлково, фрагмент иконы собора Истринских святых в храме с. Мансурово.

для Троицкого собора г. Щёлково. Также святой лик о. Василия имеется на иконе Собора Щелковских новомучеников. В настоящее время написано несколько таких соборных икон для разных храмов благочиния, подробнее об этом рассказано в статье Ж. Курбатовой “Новомученики Щелковские: иконография храмовых росписей”[120].

Как сообщил о. Андрей Пуганов, нынешний настоятель храма в с. Улиткино: «*Первая литургия в день памяти сщмч. Василия в Магдалининском была совершена 20 сентября 2007 года и с тех пор совершается ежегодно. В первый четверг Петрова поста совершается память новомучеников Щелковской земли, в число которых входит о. Василий. Память о. Василия также чтится в Никольском храме г. Щелково (Жегалово), где тот служил несколько лет*».

Эти слова батюшка написал по памяти. И ошибся в датировке первой службы на один год. В октябрьском номере газеты Щёлковского благочиния за 2006 г. была напечатана фотография с иконой святого на аналое храма и приведен такой текст: «*20 сентября в церкви святой мироносицы Марии Магдалины собрались верующие, чтобы впервые торжественно почтить память священномученика Василия (Сунгурова), настоятеля храма, служившего здесь в страшные 30-е годы.* […] *Божественную литургию в день памяти новомученика возглавил благочинный церквей Щелковского округа протоиерей Андрей Ковальчук. В своем слове окончании литургии он подчеркнул, что не всякий храм может похвалиться тем, что имеет такого Небесного заступника*»[121].

Изо 7–27, 7–28. Икона сщмч. Василия Сунгурова в день его памяти на аналое храма с. Улиткино, храм святой равноапостольной мироносицы Марии Магдалины с. Улиткино, 2006 и 2015.

В 2013 г. священноначалием Московской областной епархии было вынесено решение о внесении настоятеля брыковской церкви в собор Истринских новомучеников. О. Василий стал 12-м по счету святым покровителем данного района Подмосковья и первым по дате убиения. 20 сентября того же 2013 г. состоялась первая литургия в память священномученика в Богоявленской церкви – последнем храме, в котором он служил. Через несколько дней на сайте Московской епархии появилось сообщение, в котором стоит выделить такие слова:

«*Божественную литургию совершил благочинный церквей Истринского округа протоиерей Димитрий Подорванов в сослужении настоятеля протоиерея Андрея Васильева и священнослужителей благочиния. Отрадно отметить, что в будний день в храме было много молящихся, желающих почтить память мученика. По окончании богослужения состоялся молебен. С приветственным словом к собравшимся обратился благочинный протоиерей Димитрий. Все участники общей молитвы получили специально подготовленный катехизационный листок, рассказывающий о жизни священномученика Василия. В этот день состоялось ещё одно примечательное для храма событие, были переданы две иконы, которые принадлежали священнику Михаилу Михайловскому, бывшем настоятелем храма в конце XIX века с дарственными надписями от прихожан*»[122].

Изо 7–29. После первой литургии в память священномученика Василия Сунгурова в Брыково, 2013.

С этого времени ежегодно накануне праздника Рождества Пресвятой Богородицы в день памяти святого 20 сентября в храмах, в которых он служил (в Улиткино, Щёлково, Брыково), совершается Божественная литургия. Отдельная икона священномученика Василия Сунгурова в Истринском благочинии пока не написана. Но его лик имеется на иконах собора Истринских святых в храмах г. Истры, Дедовска, селах Лужки, Полевшины, Глебово, Мансурово (см. изо 7–26).

Имя новомученика Василия Сунгурова регулярно поминается на богослужениях в храмах Русской Православной Церкви. Помимо установленного дня памяти 20 сентября он поминается совместно с другими святыми еще несколько раз в году: 7 февраля (или в ближайшее воскресенье) в соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской; 17 февраля в День памяти новомучеников Подмосковных; в четвертое воскресение по Пасхе в соборе новомучеников Бутовских; в первый четверг Петрова поста в соборе новомучеников Щёлковских и Лосино-Петровских; в третью субботу октября в соборе новомучеников Истринских.

Изо 7–30. Памятная доска на храме в Брыково, 2024.

В московском женском Богородице-Рождественском монастыре, которому принадлежит ныне подворье в с. Федоровское Волоколамского района с храмом “Всех скорбящих Радость”, не знали, что когда-то здесь служил псаломщик Василий Сунгуров. Когда в ходе работы над настоящей книгой в монастырь была передана эта информация, то сестры обители ответили, что «*Это для нас большая радость, конечно же, мы будем почитать священномученика Василия*». И буквально через несколько дней на монастырском сайте появилась страничка с подробной информацией о жизни и служении святого[123]. Точно также не знал о служении святого и настоятель Никольского храма в с. Амельфино Волоколамского о. Игорь Павлов.

Основные даты жизни священномученика Василия Сунгурова и его семьи, почитание[i]

1878, 20 марта	В семье заштатного дьячка Арсения Игнатьевича Сунгурова родился мальчик Вася, крещение состоялось в «*Алексеевской, что на Глинищах церкви*», г. Москва.
1884, 26 августа	Умер отец Арсений Игнатьевич Сунгуров, с. Спасское Рузского уезда.
1885?	Вася поступил в Александро-Мариинский приют, с. Марфино Московского уезда.
1889	Окончил школу в Александро-Мариинском приюте, с. Марфино.
1889	Поступил в Волоколамское духовное училище, г. Волоколамск.
1894	Окончил полный курс Волоколамского духовного училища, г. Волоколамск.
1898, 20 (30?) августа	Определен на должность псаломщика в Никольскую церковь, с. Амельфино Волоколамского уезда (храм сохранился).
1898, 31 августа	Бракосочетание с Пелагеей Алексеевной Благовещенской, дочерью заштатнаго псаломщика Алексия Благовещенского, с. Амельфино.
1900, 12 июня	Родилась дочь Зинаида, с. Амельфино (умерла в детстве).
1900, 16 декабря	Посвящен в стихарь.
1901, 5 октября	Родился сын Виктор, с. Амельфино (пропал без вести на войне в 1942).
1903, 29 июня	Родился сын Владимир, с. Амельфино (умер в детстве).
1904, 20 марта	Переведен из с. Амельфино на должность псаломщика в Скорбященскую церковь, с. Федоровское Волоколамского уезда (храм сохранился).
1905, 9 февраля	Родилась дочь Мария, с. Федоровское (вышла замуж за С. Н. Харламова, имела детей, род продолжается).
1907, 19 октября	Родилась дочь Анна, с. Федоровское (вышла замуж за Докина, имела детей, род продолжается).
1909, 25 апреля	Сгорел дом, в котором жила семья Сунгуровых, с. Федоровское.
1909, 6 июля	Родилась дочь Ольга, с. Федоровское (вышла замуж за В. Я. Чубарова, имела детей, род продолжается).
1910, 14 апреля	Переведен из с. Федоровское на должность псаломщика в Никольскую церковь, с. Жегалово Богородского уезда (храм сохранился).
1911, 13 февраля	Родилась дочь Антонина, с. Жегалово (замуж не выходила, умерла бездетной).
1913, 15 января	Родилась дочь Зинаида, с. Жегалово (вышла замуж за Свиридова, имела сына).
1914, 24 июня	Умерла мать Агрипина Егоровна Сунгурова, с. Остров Подольского уезда.
1915, 7 июля	Рукоположен в сан дьякона, продолжил служение в том же храме, с. Жегалово.
1919, 2, 4 апреля	Рукоположен в сан иерея, переведен из с. Жегалово на должность настоятеля в храм св. Марии Магдалины, с. Улиткино Богородского уезда (храм восстановлен).
1923, 15 февраля	Представлен к награждению набедренником (награды, возможно, не было).
1935, 26 марта	Президиум Мособлисполкома вынес решение о закрытии храма в с. Улиткино.
1935	Переезд с матушкой на новое место служения в Богоявленскую церковь, с. Брыково Истринского района (храм сохранился).
1936	Награжден наперсным крестом, с. Брыково.
1937, 28 августа	Обыск в доме, арест, заключение в Таганскую тюрьму, г. Москва.
31 авг., 1, 7 сент.	Первый, второй и третий допросы в тюрьме, г. Москва.
1937, 19 сентября	Постановление “Тройки” НКВД о расстреле.
1937, 20–21 сент.	Приведение приговора в исполнение (расстрел) на полигоне НКВД, Бутово.
1989, 15 июля	Заключение прокуратуры Московской обл. о реабилитации В. А. Сунгурова.
2005, 20 апреля	Канонизация священника Василия Сунгурова Священным синодом РПЦ.
2006, 20 сентября	Первая литургия в память сщмч Василия Сунгурова в храме св. Марии Магдалины, с. Улиткино Щёлковского района.
2007	Написана первая икона сщмч. Василия Сунгурова, с. Улиткино.
2013, 20 сентября	Первая литургия в память сщмч. Василия Сунгурова в храме Богоявления Господня с. Брыково Истринского района.

[i] даты до февраля 1918 г. по старому стилю, после – по новому стилю.

* * *

На этом рассказ о церковно и священнослужителях Богоявленской церкви завершен. Удалось установить имена всех клириков, служивших в XIX в. (список их приведен в приложении–7). Среди церковнослужителей остались лакуны в XVIII в., также неизвестны имена некоторых церковных старост в начале XIX столетия. Ну и по людям, служившим в Брыково в годы советской власти до закрытия храма, остались вопросы.

В целом же можно сказать, что подавляющее число клириков оказались достойными, добросовестными служителями. Нарушителей дисциплины среди них оказалось совсем немного (по сравнению с некоторыми другими храмами Звенигородского уезда). Были и долгожители, прослужившие по 30, 40 и даже более лет. Рекордсменом в этом плане стал причетник Иван Зернов, прослуживший в Брыково 66 лет! Не все люди столько живут, а он все эти годы находился у престола Божия. И служил без замечаний.

А вот с владельцами имения Брыково в XIX в. приходскому храму и его служителям можно сказать не повезло. После храмоздателей Квашниных-Самариных, построивших обе Богоявленские церкви, местные помещики мало помогали Божьему дому в своем имении. Некоторые из них даже ссорились с причтом. При этом каких-то особых претензий к человеческим качествам помещиков нет, все они, по имеющимся данным, были в целом хорошими людьми, имели много положительным черт. Но почему-то с местными клириками не ладили. Стоит также отметить, что на должности церковного старосты в Брыково за всю историю не было ни одного помещика.

Все это негативно сказывалось как на благолепии Богоявленской церкви, так и на благополучии церковнослужителей. Поэтому, начиная с середины XIX в., места в местном причте уже не были столь привлекательны у клириков, как в начальный период существования храма. Тогда служители стремились сохранить свои места, оставить их за членами своей семьи. Это приводило к семейственности среди клириков (ничего плохого тут нет). Но даже тогда, когда начиная с середины XIX в. Богоявленский храм потерял былую привлекательность у церковнослужителей, в причте, как правило, оказывались вполне достойные люди. Как, например, о. Михаил Михайловский, который открыл в своем доме школу для крестьянских детей и потом много лет учил их бесплатно (об этом подробнее поговорим в девятой главе).

И после такой неидеальной, но в целом более-менее нормальной картины в истории храма обращает на себя внимание одно труднообъяснимое наблюдение. Если взять XX век, то среди клириков, служивших в Богоявленской церкви, оказалось пять репрессированных и (или) убиенных служителей. Перечислим их (в порядке хронологии событий):

Первый – это **священник Петр Зверев** (настоятель Богоявленской церкви в 1893–1917 гг.). Его зверски убили бандиты в Брыково в начале 1917 г. Большевики тут не причем. Остальные четыре случая лежат на совести советской власти.

Второй – это **псаломщик Сергей Моисеев** (служил в 1917 г.). Был арестован в 1930 г. в с. Княжево Волоколамского района как священник и приговорен к ссылке на три года.

Третий – это **священник Василий Величкин** (настоятель в 1917–1925 гг.). Был арестован в 1937 г. в с. Куртниково Истринского района и приговорен к ссылке на десять лет.

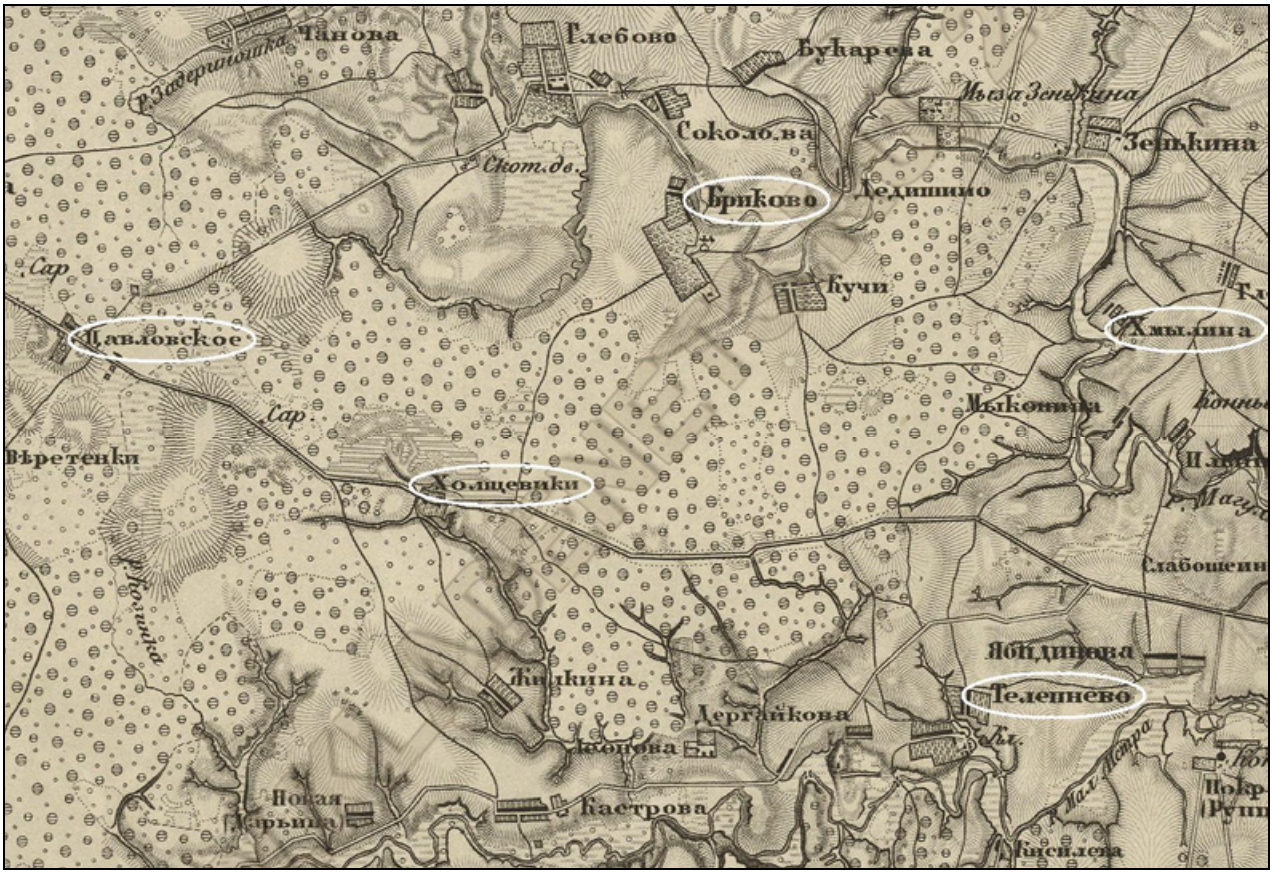
Четвертый – это **священник Василий Сунгуров** (настоятель в 1935–1937 гг.). Был арестован в Брыково Истринского района в 1937 г. и приговорен к расстрелу.

Пятый – это **священник Иоанн Колобашкин** (настоятель в 1929–1931 гг.). Был арестован в 1940 г. в с. Возмище Волоколамского района и приговорен к ссылке на пять лет.

Страшная картина получается: все пятеро перечисленных клириков в разное время служили в Брыково. Не хочется по этому поводу давать комментарии, делать выводы. Пускай читатели сделают это сами. Хотелось бы только отметить, что двое из пяти умерли действующими настоятелями Богоявленской церкви. А трое оставшихся были арестованы после ухода из Брыково.

Глава 8. Божьи дома в Холуянихе, Холщевиках, Хмолино

В настоящей главе речь пойдет о трех сельцах и деревнях Истринского района: Холщевики, Хмолино, Холуяниха (она же Павловское, она же Лужки). Первые два населенных пункта находились в Звенигородском уезде, а последний в Рузском. На карте Московской губернии середины XIX в. эти селения обведены. Так же отмечены села Брыково и Телепнево, в которых были приходские храмы.

Изо 8–01. «*Военно-топографическая карта Московской губернии Ф. Ф. Шуберта*»[1] (фрагмент), 1860.

Несохранившаяся часовня в сельце Павловское, Холуяниха тож (ныне Лужки)

На Волоколамском шоссе там, где поворот на с. Онуфриево и г. Рузу, находится небольшая деревня Лужки. С виду ничем непримечательная, однако, именно о ней пойдет далее рассказ. Из всех описываемых в настоящем издании селений это место единственное, которое в XVIII в. не относилось к волости Войничи, и единственное, которое в следующем столетии осталось в Рузском уезде (остальные перешли в Звенигородский уезд).

Так почему же решено включить в настоящую книгу сведения о дер. Лужки? Все объясняется просто – здесь находилась часовня, приписанная к Богоявленской церкви с. Брыково. Но прежде чем об этом говорить, хотелось бы вначале вкратце рассказать о самом населенном пункте.

История поселения

Описываемый населенный пункт стал называться деревней Лужки с 1939 г. Почему было выбрано это название – разъяснений найти не удалось. В прежние времена селение называлось иначе: встречаются названия Холуяниха и различные его варианты Холуянцево, Холуяново. Несколько позже стало попадаться двойное наименование: «*Павловское, Холуяниха тож*», иногда просто Павловское[i]. Причем употреблялись слова как деревня (реже), так и сельцо (чаще).

[i] Как видим, данный населенный пункт имел много наименований, можно и запутаться. Автор предпочитает использовать топоним Холуяниха, т.к. два других варианта – Павловское и Лужки – не уникальны, в нашем регионе имеется еще населенные пункты с такими же названиями.

В энциклопедии “Истринская земля” на трех страницах описывается история этого поселения. Первое упоминание относится к 1623 г., когда пустошь Холуянцево принадлежала Ивану Ивановичу Пушкину. Далее «*Сельцо Холуяново было поселено действительным камергером и архангельским губернатором Алексеем Михайловичем Пушкиным не ранее конца 1720-х гг. Для этого Пушкин переселил своих крестьян (из Илинского уезда) и купленных — из Московского, Пронского, Тверского и Углицкого уездов. В 1748 г. сельцо насчитывало 27 душ мужского пола. А. М. Пушкин — потомок по боковой линии Федора Григорьевича Товарка — родоначальника угасшего рода Товарковых-Пушкиных. В 1716 г. был гардемарином, позже служил посланником в Копенгагене*»[2].

В той же книге в продолжении написано: «*В 1773—1784 гг. с-цо Павловское, Холуяново тож (11 дворов, 76 человек в 1784 г.), принадлежало графу Захару Григорьевичу Чернышеву (1722—1784), генерал-губернатору Москвы в 1782—1784 гг. Сельцо лежало на суходоле, при большой Волоколамской дороге. В нем стоял деревянный господский дом, имелось три копаных пруда*». Здесь прервем цитирование источника, поговорим о владельцах сельца.

Владельцы сельца графы Чернышевы

«Щит четверочастный, который в первом и четвертом серебряном поле содержит располовинчатого черного орла с распростертыми крыльями, златом коронованного, с носом также и когтями златыми и языком красным. Во втором и третьем червленом поле городовую серебряную стену о пяти верхних стоящих зубцах наподобие перевязи от верхнего правого угла к левому наискось в низ проведенную; а на грудном щите в голубом поле золотую конскую подкову задними шипами вниз обращенную, с четвероконечным лапчатым крестом, внутри того же металла, яко собственной рода его старинный герб»[3].

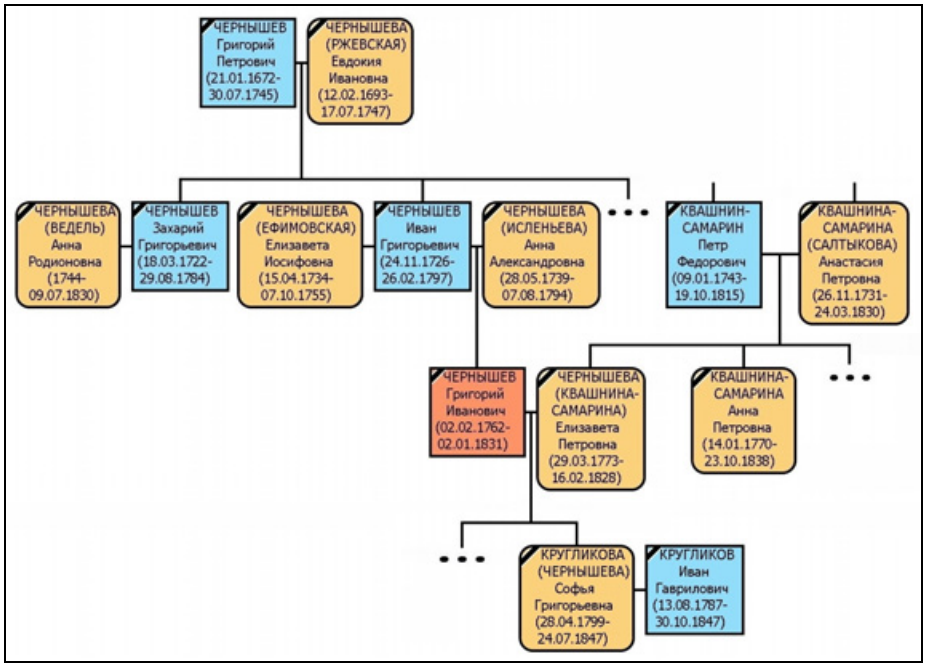
Изо 8–02. Герб рода графов Чернышевых и его описание.

Фамилия Чернышева читателям знакома, представители этого знатного семейства упоминались во второй главе. Напомним вкратце, о чем шла тогда речь. У брыковского помещика Петра Федоровича Квашнина-Самарина было много детей (см. древо изо 2–02), но до взрослых лет дожили только две дочери – Анна и Елизавета. В 1796 г. Елизавета Петровна (см. портрет изо 2–18) вышла замуж за графа Григория Ивановича Чернышева, который «*участвовал в штурме Измаила, дослужился до чина генерал-инспектора*». Супруг был племянником фельдмаршала графа Захара (Захария) Григорьевича Чернышева, знатнейшего вельможи. Родственная связь показана в древе рода Чернышевых (изо 8–03, сведения о годах жизни брались с генеалогического сайта РРФ[4]).

В энциклопедии “Истринская земля” приведены сведения об этом известном деятеле: «*В молодости граф отличился в Семилетней войне, он сумел на несколько дней захватить Берлин. После первого раздела Польши, когда Восточная Белоруссия стала частью России, Чернышев был назначен наместником Полоцкой и Могилевской губерний. За очень короткое время привел в порядок вверенную ему территорию. “Дороги ваши как сады”, — сказала ему Екатерина II, проезжая по Белоруссии. Его недолгая деятельность в Москве отмечена решением задач нового административно-территориального деления, реставрацией многих старых и строительством новых зданий.* […] *Граф отличался умом, трудолюбием, исполнительностью*».

Захар Григорьевич был богат, в Волоколамском уезде в с. Ярополец у него была роскошная усадьба, которую однажды (в 1775 г.) посещала императрица Екатерина II и осталась очень довольна. Путь в это имение из Москвы пролегал по Волоколамскому тракту. На всем его протяжении находились усадьбы (путевые дворцы), принадлежавшие графу и предназначенные для отдыха: в Трухоловке (ныне пос. Снегири), в упомянутом Павловском и в Покровском (Волоколамский уезд). З. Г. Чернышев умер бездетным в 1784 г. В той же энциклопедии написано, что «*свое*

имущество граф завещал в основном младшему брату Ивану Григорьевичу» (тестю Елизаветы). Однако исторические документы это не подтверждают, по крайней мере, в отношении сельца Холуяниха. Согласно исповедным ведомостям Богоявленской церкви после смерти графа этот населенный пункт принадлежал вдове Анне Родионовне Чернышевой вплоть до ее кончины в 1830 г. А ведомость 1833 г. показывает уже нового владельца – Ивана Гавриловича Кругликова. Это был зять Елизаветы Петровны Чернышевой (ур. Квашниной-Самариной), ее дочь Софья вышла замуж за этого дворянина.

Изо 8–03. Древо рода Чернышевых, владельцев Холуянихи (фрагмент).

Произошло это следующим образом. После смерти графа Григория Ивановича Чернышёва (сына Ивана Григорьевича и племянника Захара Григорьевича), по решению Комитета министров 14 января 1832 г. Иван Гаврилович Кругликов получил имение майорат[i] Чернышёвых, графский титул, герб и двойную фамилию. Так Иван и Софья стали Чернышевыми-Кругликовыми.

В интернете распространены сведения о том, что знаменитый русский поэт Александр Сергеевич Пушкин, когда заезжал к теще Наталье Ивановне Гончаровой в ее имение Яропolец Волоколамского уезда, навешал также и соседнее имение Чернышевых в том же селе, встречался с его хозяевами: «*В августе 1833 и октябре 1834 годов Пушкин был у кавалерственной дамы Чернышевой и ее мужа обер-шенка графа Григория Ивановича Чернышева в их имении Яропolец Волоколамского уезда Московской губернии*»[5]. Однако, это не совсем так. Да, поэт мог посещать имение Чернышевых,

Изо 8–04, 8–05, 8–06: владельцы сельца Холуяниха: граф З. Г. Чернышев, его внучатый племянник И. Г. Чернышев-Кругликов, и сын последнего И. И. Чернышев-Кругликов.

[i] *«Майорат — система наследования, при которой имущество переходит нераздельно, неделимым, к одному лицу по принципу старшинства в роде или семье». «Детей у Захара Чернышёва не было, в 1772 году из своих владений образовал первый в России майорат — неделимое владение, которое призван был наследовать старший из графов Чернышёвых»* (интернет).

когда приезжал в с. Ярополец. Только видеться с Елизаветой Петровной и ее мужем Григорием Ивановичем он не мог, т.к. во время его приездов тех уже не было в живых (супруги умерли в 1828 и 1831 гг.). Поэт мог встречаться с новыми владельцами имения Иваном Гавриловичем и Софьей Григорьевной Чернышевыми-Кругликовыми, если они в это время находились в Яропольце.

По данным архивного дела за 1868 г. в дер. Холуяниха, которая тогда принадлежала Ипполиту Ивановичу Чернышеву-Кругликову (сыну Ивана Гавриловича), имелся «*Постоялый двор с продажею питей*»[6], т.е. питейных напитков. Его годовая доходность оценивалась в 100 руб., уездный сбор был начислен в 8 руб. 25 коп. У Ипполита Ивановича имелся также дом в г. Воскресенске на Дворянской ул. (недалеко от усадьбы А. С. Цуриковой), участок оценивался в 2.000 руб.[7].

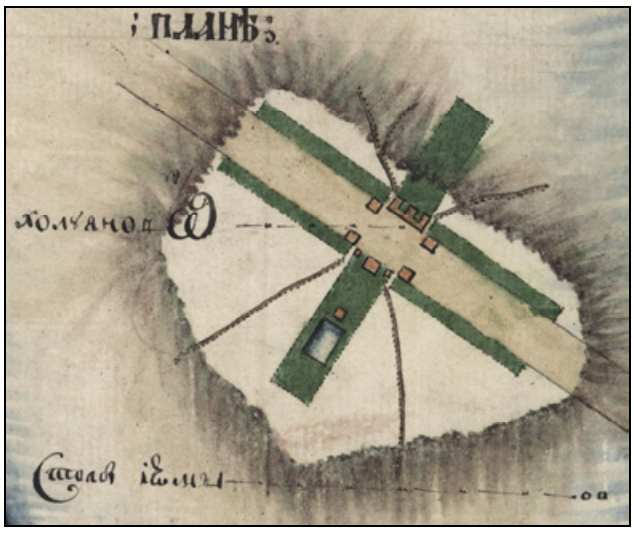
Сведения о сельце

При императрице Екатерине II по всей Российской империи проводилось межевание земель. В архиве РГАДА сохранился план ПГМ, в заголовке которого приведены такие данные: «*Павловское, Холуяново тож, сельцо Московского уезда, Сурожского стана, владение графа Захара Григорьевича Чернышева, межевал 22 июня 1769 г. Сонин А. Лес 44 д* [дес.] *2281 с* [кв.саж.], *пашня 101 д 1826 с, сенной покос 45 д 781 с, селение 3 д 1478 с, бол. дорога 15 д 1500 с, болот 1325 с, пруды 1 д 728 с, дороги 2 д 2100 с, реч. 1340 с, всего 216 д 1359 с, душ 37*»[8]. В приложении–9 приведен полный план имения Холуяново[i], тут приводится фрагмент с изображением сельца.

Деревня Холуяниха (потом сельцо) никогда не была большой. В 1784 г. в ней имелось 11 дворов, в которых проживало 76 человек. В 1800 г., как написано в той же энциклопедии, крестьянских дворов уже не значилось, в сельце «*стоял одноэтажный деревянный господский дом*». В приложении-6 приведены данные из клировых ведомостей Богоявленской церкви, по которым можно проследить, как менялось число хозяйств: от 9 дворов в 1825 г. до 23 в 1916.

Интересно еще одно архивное дело, содержащее сведения о «*Подворовой переписи селений Рузскаго уезда*» за 1883 г.[9]. В нем приведен список всех домохозяев сельца, каковых оказалось 23, из них пятеро без земельных наделов. Трое помечены, как находившиеся в Москве (надо полагать, там работали). Приведены статистические данные о количестве домов (у четверых хозяев оказалось по две избы), лошадей и коров. В 23 хозяйствах имелось 27 лошадей и 30 коров.

В энциклопедии “Истринская земля” приведены дополнительные сведения о населении Холуянихи последующих лет: «*при деревне известны имения инженера путей сообщения Валентина Алексеевича Кожевникова (1905 г., 34 дес.) и Анисимовых (1913 г.). Крестьянин Холуянихи Алексей Федоров владел в Васильевской волости пустошью Тимофейково (1905 г., 44 дес.). В 1898 г. в деревне в 29 избах проживало 50 мужчин и 58 женщин, составлявших 21 надельную и 4 безнадельных семьи. Земля (165,5 дес., из них леса — 28,5) была разделена между 48 душами. Имелось 18 рабочих лошадей, 25 голов крупного рогатого скота. 5 семей не имело лошадей, 4 — ни лошади, ни*

Изо 8–07. Сельцо «*Холуяново*» на ПГМ[10] (фрагмент), 1769.

Изо 8–08. «*Военная съемка Московской губернии*»[11] (фрагмент), 1853.

[i] План Холуяново из архива РГАДА предоставил Б. К. Косенков.

коровы. В 1906 г. д. Холуяниха насчитывала 24 двора и относилась к Васильевской волости Рузского уезда. В 1924 г. жители Холуянихи (69 мужчин, 86 женщин) имели 211,5 десятины земли (120,5 — пашни), 27 лошадей, 30 коров. Из 29 хозяйств деревни два были безземельными. В одном хозяйстве работали портные. В деревне находились 2 чайные. В 1926 г. в д. Холуяниха Дуплевского сельсовета Новопетровской волости, 35 крестьянских и 10 "прочих" хозяйств, 83 мужчины, 99 женщин»[12]. В той же книге также можно найти сведения о советском периоде истории Холуянихи (Лужков), о боевых действиях во время войны.

Неудобства дальнего расстояния от Холуянихи до Брыково

Но вернемся в позапрошлый век. Холуяниха находилась по обеим сторонам оживленного тракта, который в XIX столетии имел название «*Большая столбовая*[i] *Волоколамская дорога*». Дорога эта была оживленная. Но вот беда – до приходской церкви Богоявления Господня в с. Брыково было целых семь верст (правда, особых преград на пути вроде речек, оврагов или топких мест не было). Как уже рассказывалось в шестой главе, из-за такого дальнего расстояния приходской священник Михаил Михайловский, когда уже стал пожилым, обратился к начальству о переводе его в другой, более компактный приход.

Когда и почему Холуяниха оказалась приписанной к Богоявленской церкви? Сразу скажем, что точного ответа нет, можно сказать следующее. В исповедке 1788 г. деревня уже значилась в брыковском приходе, а в 1740 ее там еще не было. С ответом на вторую часть вопроса ситуация такая. Если глянуть на карту Московской губернии, то станет понятно, что нет ни одной церкви, расположенной к деревне ближе пяти верст. Среди храмов в округе – в селах Савельево, Филатово, Телепнево, Александрово, Брыково – последний, пожалуй, был самый удобный для жителей Холуянихи. Удобный потому, что большая часть пути пролегала по Волоколамскому тракту, который в отличие от проселочных дорог в другие храмы был всегда проезжим. Можно предположить, что местные жители добирались на службу в Богоявленскую церковь кто на лошадях, а кто победнее, шли пешком.

Неудобства испытывали не только взрослые. Каково было крестьянским детям из сельца Холуянихи, учившимся в Брыковской школе? По семь верст туда и обратно каждый день не находишься, особенно в непогоду. В связи с этим попечитель училища А. М. Михайлов устроил приют (ночлег) для далеко живущих учеников. Ребята, которым было по 8–10–12 лет, оставались в нем жить на целую неделю (об этом еще поговорим в девятой главе). В приюте при школе они учили уроки, спали. А кушали ту еду, которую принесли с собой из дома. В выходной день ребята отправлялись домой. Запасались продуктами на неделю и обратно в школу. Так продолжалось до 1901 г., когда в дер. Троица была построена новая школа, которая находилась в два раза ближе к сельцу. Дети из Холуянихи стали ходить в нее.

Архивные сведения о часовне

Теперь, собственно говоря, перейдем к вопросу, из-за которого зашел разговор о данном населенном пункте в настоящей книге.

До недавнего времени о часовне в сельце Холуянихе не было никакой информации, даже составители энциклопедии "Истринская земля" о ней не знали. Впервые о ее существовании стало известно в 2012 г., когда начался сбор сведений об утраченных святынях Истринского района в рамках краеведческого проекта УБД. В архиве ЦГАМ было обнаружено дело «*Строительнаго Отделения при Московском Губернском Правлении*» 1907 г., озаглавленное «*О постройке деревянной часовни взамен ветхой в сельце Павловское-Холуяниха Рузского уезда*». В нем имелись чертежи предполагаемой постройки и план расположения. При этом про предыдущую часовню ничего не было сказано. Но она, очевидно, была, об этом говорят слова в деле: «*взамен ветхой*»[13]. Здесь приводятся чертежи, отретушированные С. Ю. Мамаевым, их оригиналы в приложении–9.

На одном из листов дела стоит подпись: «*архитектор Ив. Дм. Боголепов*[ii]». И указано посвящение часовни: «*во имя Св. Петра и Павла*». Почему выбраны именно эти святые, нигде не объясняется. Нет сомнения, что прежняя (ветхая) часовня называлась так же. Более того, неслучайно

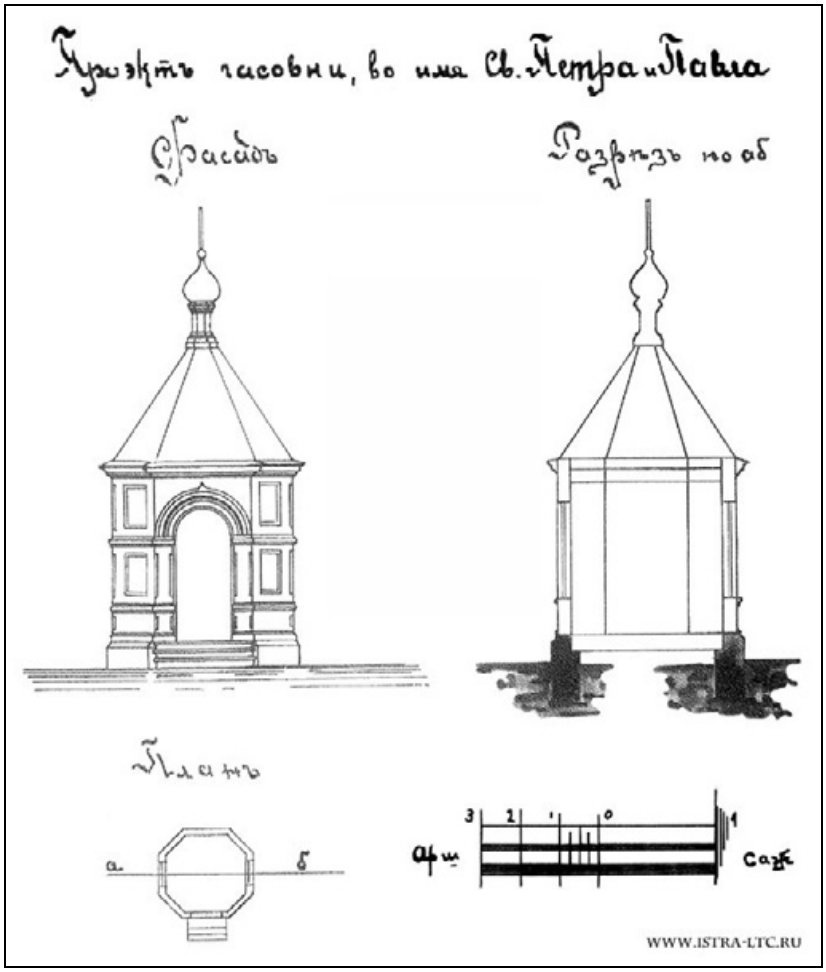
---

[i] «*Столбовая дорога — (устар.) большая проезжая дорога с верстовыми столбами*» (интернет).

[ii] В предыдущей главе рассказывалось об Иване Александровиче Боголепове, прадеде священномученика Василия Сунгурова. Скорее всего, архитектор и священник были просто однофамильцами.

сельцо имело второе наименование Павловское, это явно не простое совпадение.

Когда-то местные жители стали особенно почитать апостолов Петра и Павла. Почему? Кто его знает, документы об этом умалчивают. По практике других селений можно сказать, что крестьяне особо начинали почитать каких-то святых или икону, если получали спасение, например, от пожара или заразной эпидемии типа холеры. В благодарность избавления от беды нередко ставили часовню. В день памяти святых (или иконы) в селении происходил праздник. Очень может быть, что именно так происходили события в Холуянихе, и она получила двойное наименование. Когда это произошло? К сожалению, документов XVIII в. и более ранних сохранилось мало. Можно лишь говорить о том, что в заголовке ПГМ 1769 г. уже указано двойное наименование: «*Павловское, Холуяново тож*». Вероятно, что к тому времени часовня (надо полагать, деревянная) в сельце уже была.

Изо 8–09. Чертежи часовни в Холуянихе[14], 1907.

Но вернемся к делу о постройке часовни. Строительное отделение 14 августа того же 1907 г. рассмотрело представленный проект и одобрило его. В решении было написано: «*нашло этот проект составленным правильно и означенная постройка согласно онаго, в техническом отношении может быть допущена, с тем только, чтобы работы производились с соблюдением надлежащих правил и под надзором техника, получившего на то законное право*».

На этом исчерпывается информация, имеющаяся в упомянутом деле (в нем всего три листа, на одном из которых чертеж и план местности). В служебном журнале МДК за указанный год обнаружены дополнительные сведения о том, что соответствующее прошение о часовне подавал священник с. Брыково (его фамилия не указана, но и так понятно, что это был о. Петр Зверев, служивший в то время в Богоявленской церкви). Там же отмечено, что строительство предполагалось осуществить «*на средства местнаго крестьянина Петра Воронцова*[i]»[15].

А была ли построена часовня в Холуянихе?

Когда все бумаги у начальства были подписаны, можно было приступать к строительству. Но была ли построена часовня в сельце Холуяниха? Кому-то, возможно, подобный вопрос может показаться странным. Откуда взялись сомнения?

Дело в том, что получение всех необходимых разрешений не гарантировало, что постройка потом была осуществлена. Многолетняя практика сбора информации по различным храмам и часовням Истринского района показала, что бывали случаи (пусть и не такие частые), когда одобренные начальством строительные проекты так и не были реализованы. В качестве примера можно привести такой известный случай. В 1912 г. в МДК был представлен проект на сооружение новой каменной церкви в с. Мушкино (по прямой 8 км. от Брыково). Строительный комитет проект-

[i] Увы, о Петре Воронцове никакой информации нет. Можно лишь предположить, что это был кто-то из местных, видимо, предприимчивый крестьянин, коль скоро смог заработать деньги на сооружение часовни.

ные чертежи утвердил, епархиальное начальство дало разрешение. Но строительные работы, возможно, так и не были начаты (подробности смотри на сайте УБД[16]).

Сомнения в отношении строительства часовни в Холуянихе не возникли бы, если б был обнаружен хоть один официальный документ, подтверждающий ее существование в сельце после 1907 г. Увы, такие источники пока не найдены. Более того в клировой ведомости Богоявленской церкви за 1916 г., где есть отдельный пункт "приписные часовни", написано слово «*нет*». По идее это должно означать то, что часовня в сельце не была построена (или была сооружена, а потом перестала существовать). Но на самом деле такой однозначный вывод делать нельзя. Как показало изучение многочисленных клировых ведомостей различных церквей, подобные ситуации (когда реально существовавшие приписные часовни не отображались в документе) на практике встречались довольно часто.

В отношении часовни в Холуянихе ситуация следующая. Несмотря на отсутствие исторических документов, подтверждающих, что часовня в сельце была построена, есть почти полная уверенность в том, что она все же была. Информация на эту тему стала собираться в рамках проекта УБД более десяти лет назад. Факт существования часовни подтвердили два местных жителя еще в 2012 г. Правда, это не были свидетельства очевидцев, ни один из опрошенных лично часовню не видел. По всей видимости, она прекратила свое существование еще до войны. Увы, среди ныне живущих в дер. Лужки людей не оказалось стариков-старожилов. Тем ценнее показания тех, кто хоть что-то смог сказать об утраченной святыне. Опрошенные люди ссылались на воспоминания своих давно умерших близких родственников. Вот эти показания.

Местный житель Константин Альбертович Гузенко рассказывал, что «*часовня находилась за деревней у Кошачьего пруда, который примерно в 1983–1984 годах при мелиорации засыпали*»[17]. Еще он слышал, что когда-то «*местные мужики на поле в низине (метрах в 100 от дороги)*» нашли крест, возможно, от часовни. Другой житель Лужков Виктор Михайлович Андреев сообщил, что о часовне «*слышал от старожила Василия Шестеркина*[i]*, который давно уже умер*». И добавил: «*Дядя Вася говорил, что часовня провалилась и ушла под землю».* Когда это было, Виктор Михайлович не знает, но точно еще до войны. Часовня по его словам находилась на поле, там, где было два пруда. Пруды были небольшие (примерно 15 метров в диаметре), их позже засыпали.

Где стояла часовня?

Приведенные слова старожилов относятся к советскому времени. Ну а где располагалась часовня до революции? Если приглядеться к расположению домов на приводимом фрагменте карты 1800 г. (изо 8–10), то можно увидеть в центре сельца на пересечении двух дорог небольшую

Изо 8–10, 8–11. Карта Воскресенского уезда[18] (фрагмент), 1800, и план расположения часовни в Холуянихе[19], 1907.

[i] Эта фамилия уже упоминалась в пятой главе. Так на акте 1943 г. об ущербе, нанесенном немецкими оккупантами Богоявленскому храму, оказалась подпись «*Шестеркиной Марии Ивановне из деревни Брыково*».

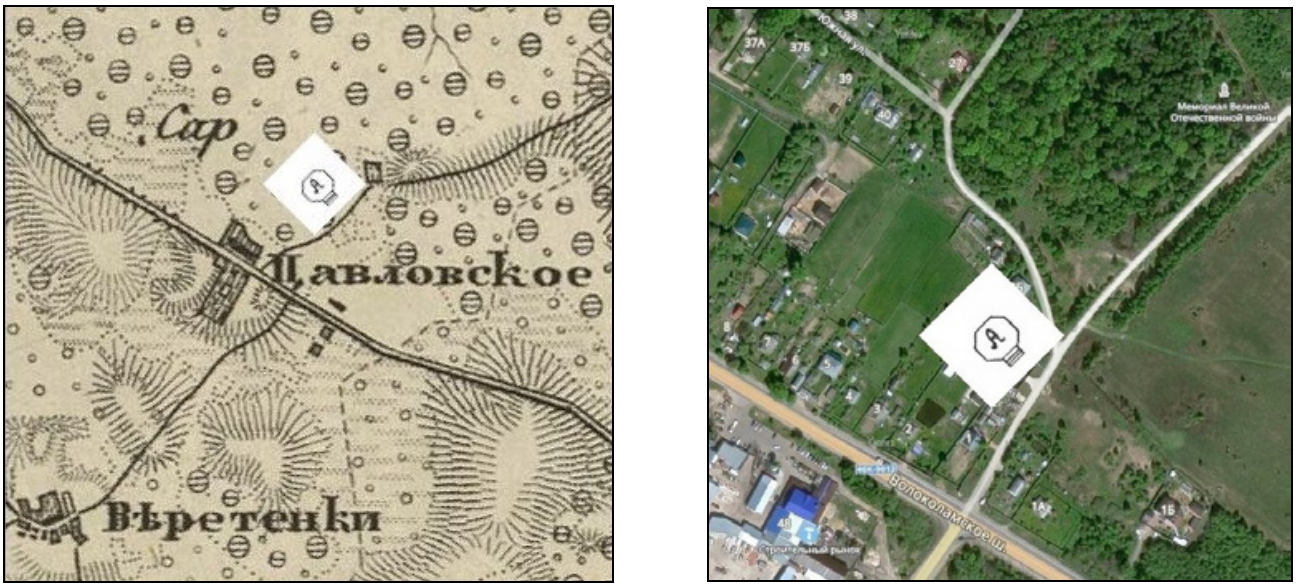
площадь. Она же видна и на плане 1769 г. (изо 8–07). Напрашивается предположение, что именно здесь и могла стоять часовня, тут для нее было бы наиболее подходящее место (в старину Божии дома располагались на самом лучшем видном месте, чаще всего в центре селения). Возможно, так оно когда-то и было в Холуянихе. Но в 1907 г., когда шла речь о замене ветхой часовни, подразумевалось другое место.

Почему другое? Дело в том, что в указанном строительном деле помимо чертежей строения имеется план местности, на котором условным символом "А" отмечена часовня и даже показан вход со ступеньками в нее (изо 8–11). По краям изображения нанесены надписи: с двух сторон «*поле*», с еще одной «*деревня*» и напротив входа написано «*дорога к Волоколамскому шоссе*».

Наличие на плане обозначений полей отвергает вариант расположения часовни в центре сельца на площади, окруженной домами. Значит, речь шла о каком-то ином месте, очевидно, на окраине поселения. Для определения местоположения часовни ключевыми являются приведенные на плане слова: «*дорога к Волоколамскому шоссе*». Сравнивая старые карты сельца Холуяниха 1800 г. и 1853 г. с современным космоснимком дер. Лужки, можно заметить, что сохранилось не только само шоссе, но и перекресток (дороги, правда, ориентированы не строго по сторонам света, а под довольно заметными углами от 30 до 45 градусов). На карте Шуберта 1860 г. (изо 8–12) хорошо видна проселочная дорога, пересекающая (с небольшим разрывом в сельце) двойную линию, которой обозначена «*Большая столбовая Волоколамская дорога*». Эта грунтовка[i], видимо, и есть та самая «*дорога к Волоколамскому шоссе*», показанная на плане.

Но этой информации не достаточно для того, чтобы однозначно определить местоположение часовни, т.к. на плане в строительном деле, к сожалению, ориентация по сторонам света не указана. Часовня могла находиться как на северной стороне сельца, так и зеркальным образом на его южной стороне. Так, где именно? И тут на помощь пришло указанное слева на плане (изо 8–11) слово «*деревня*». Если обратить внимание на карту Шуберта (изо 8–12), то можно увидеть, что жилые постройки показаны за перекрестком (в сторону Волоколамска). А до перекреста их нет. Это предполагает северное расположение часовни. На приводимых изображениях карты 1860 г. и современном космоснимке условно (не в масштабе) показано место "А", где примерно часовня могла находиться. Сопоставляя приведенный выше план из строительного дела и объекты на изображении Шуберта, можно отметить, что взаимное расположение «*поле*», *деревня*» и «*дорога к Волоколамскому шоссе*» хорошо согласуется со старой картой местности.

Но не все так гладко получается, как хотелось бы. Если часовня находилась в указанном месте,

Изо 8–12, 8–13. Карта Ф. Ф. Шуберта[20] (фрагмент), 1860, и космоснимок дер. Лужки, 2019, с указанием примерного места "А", где могла стоять часовня, (GPS 55.9312, 36.6299).

[i] Данная дорога (грейдер) сохранилась и поныне, она ведет на север мимо бывшего «*Кошачьего пруда*» и примерно через 1 км выходит к железнодорожной платформе "73 км".

определенном в результате логических рассуждений, то получается, что вход в нее находился с юго-восточной стороны (см. изо 8–13). Тогда как у часовен и храмов вход традиционно расположен на западе. Изучение этого вопроса показало, что не всегда это правило на практике соблюдалось. Самый яркий случай исключения – это, пожалуй, часовня Кувуклия в Воскресенском соборе Новоиерусалимского монастыря под Москвой, вход в которую расположен с восточной стороны. И все же, надо отметить, что такие отклонения от правил были довольно редки.

Есть и другой не вполне понятный момент. Ранее приводились слова местного жителя К. А. Гузенко о том, что «*часовня находилась за деревней у Кошачьего пруда*». Он также показал, где ранее находился этот пруд. Оказалось, что это место примерно в 250 метрах от деревни, если двигаться на север к лесу по той самой проселочной дороге. Это местоположение, увы, никак не согласуется с планом местности из архивного дела. Как эту нестыковку можно объяснить? Самое простое было бы списать на то, что Константин Альбертович сам часовню не видел и знает о ней лишь по рассказам давно умерших людей. С тех пор прошло много лет, местный житель мог что-то напутать в воспоминаниях.

Однако не исключен и другой вариант объяснения запутанной ситуации, возможно, в жизни все обстояло иначе. Во-первых, в архивном деле лишь указано место, где планировалась установка часовни. Но не факт, что именно там она и была построена. По каким-либо причинам ее могли поставить в другом месте. Во-вторых, часовня, поначалу могла быть установлена там, где отмечена на плане. А уже в советское время строение (или его остатки) люди могли перенести подальше за деревню. Однако необходимо подчеркнуть, что обе версии – это всего лишь предположения.

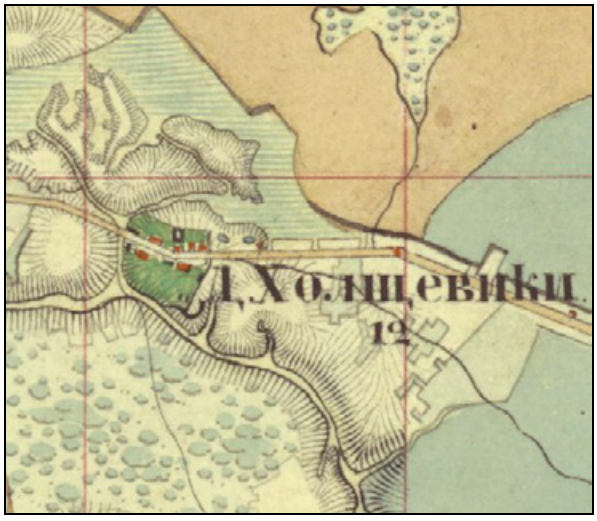
Подвеем итоги. Слишком много вопросов осталось по часовне в сельце Павловское-Холуяниха-Лужки. Фотографии ее, увы, нет, есть только чертежи разрешенной постройки. Но была ли она построена по этим чертежам? Остались так же вопросы по ее расположению на местности. Далеко не все понятно в ее судьбе, не ясно сколько лет просуществовала часовня при советской власти. На эти вопросы могли бы ответить старожилы, видевшую церковную постройку своими глазами. Но, увы, таких людей давно уже нет в живых. Удастся ли когда-нибудь приоткрыть эти тайны?

Подведем итог. Несмотря на все нестыковки, нерешенные вопросы, практически нет сомнений, что до революции в Холуянихе находилась небольшая деревянная часовня в честь ап. Петра и Павла. Она просуществовала и некоторое время при советской власти.

Несохранившаяся часовня в деревне Холщевики прихода села Телепнево

Если ехать из тех самых Лужков в Красный поселок (Брыково) Истринского района, то дорога проходит по Волоколамскому шоссе через дер. Холщевики. Оказывается, в прежние времена здесь тоже находилась деревянная часовня.

С данной деревней такой исторический парадокс: она находилась на полпути из Холуянихи в Брыково. Однако жители Холщевиков были приписаны не к Богоявленской церкви, а к более дальнему Крестовоздвиженскому храму в с. Телепнево. По этой причине рассказ о часовне в Холщевиках следовало бы включить в книгу об истории с. Телепнево. Но дойдет ли когда-либо очередь до данного населенного пункта – сказать трудно. Поэтому, учитывая территориальную близость Холщевиков к Брыково (всего 3 км), решено было поделиться собранной информацией в настоящей книге.

Изо 8–14. «*Военная съемка Московской губернии*»[21] (фрагмент), 1853.

История населенного пункта

Как и в случае с Холуянихой (и с Хмолино), в задачу настоящей книги не входил сбор архивных сведений об истории самого населенного пункта. Поэтому рассказ в основном будет вестись на основе энциклопедии “Истринская земля”, где все подробно описано и информация выверена:

«*В прошлом это место* [Холщевики] *было известно под именем Гаврилово или Гаврилково. В*

1584 г. пустошь Гаврилово пребывала в поместье у Семена Федоровича Нагого. Он владел также пустошью, "что было селцо Рязанцово". В 1623 г. пустошь Гаврилово была в полном запустении: пашни и сенные покосы поросли лесом. Земля названа доброй, но 150 лет спустя оценивалась как малоурожайная. По сведениям 1747 г., деревня еще не значилась. В 1773 г. д. Гаврилково (6 дворов, 32 человека) входила в Горетов стан Московского уезда и принадлежала секунд-майору Григорию Ивановичу Строкину. Она располагалась по обе стороны большой Волоколамской дороги и на левой стороне речки Лукшенки. Земля иловатая, хлеб и сенные покосы на ней родились "средственно". Лес еловый, березовый и осиновый. После Генерального межевания д. Гаврилково была вновь уничтожена, здесь образовалась пустошь "на суходоле" (110 дес.), которой в 1800 г. владел тот же помещик. Пустошь была вытянута вдоль Волоколамской дороги, находясь к югу от нее. Крестьян, наверное, пришлось переселить в д. Киселево»[22].

План местности, где позднее появилась дер. Холщевики, сохранился в РГАДА (он не копировался для книги). В книге В. С. Кусова приведен заголовок этого ПГМ: «*Гаврилкова, деревня Московского уезда, Сурожского стана, владение майора Григория Ивановича Строкина, межевал 19 мая 1771 г. Назимов. Пашня 20 д* [дес.] *811 с* [кв.саж.], *лес 75 д 602 с, сенной покос 6 д 95 с, селение 1 д 1578 с, бол. дорога 6 д 600 с, дороги 330 с, реч. 1800 с, всего 110 д 1016 с, душ 15*»[23].

В энциклопедии есть информация и про XIX столетие:

«*В 1816 г. д. Холстова, Холщева тож (41 крестьянин), принадлежала майорше Татьяне Павловне Строкиной вместе с детьми губернским секретарем Иваном и штабс-ротмистром Павлом Григорьевичами Строкиными. Между 1811 и 1816 гг. деревня перешла из Рузской округи в Звенигородскую. В 1819 г. деревню купил статский советник Никифор Иванович Спасский; после его смерти она перешла к его вдове Александре Герасимовне и малолетним детям: Сергею, Алексею, Владимиру, Александру, Платону, прапорщику Аркадию, дочерям Ольге и Екатерине. В 1834 г. д. Холщевики насчитывала 94 крестьянина. Почти все население составляли семьи, переселенные из д. Киселево. В 1852 г. деревней владела статская советница А. Г. Спасская. В 1859 г. в д. Холщевики Звенигородского уезда, при пруде, — 12 дворов, 51 мужчина, 39 женщин. В 1899 г. в 21 избе проживали 40 мужчин и 52 женщины, составлявшие 16 надельных и 5 безнадельных семей. Земля (109 дес., из них пашни — 62, покоса — не было, леса — 35,5) была разделена на 44 доли. У крестьян было 24 рабочих лошадей и 23 головы крупного рогатого скота. 2 семьи не имели ни лошадей, ни коров. Жители работали ломовыми извозчиками, серебрениками, торговцами. В деревне было 1 торговое заведение и 2 промышленных*».

Как видим, по размерам населенного пункта (количеству дворов) и числу проживавших в них крестьян, дер. Холщевики оказалась схожа с Холуянихой. К началу революции население деревни почти удвоилось. Что интересно – дети крестьян из Холщевиков ходили учиться не в школу в с. Телепнево (куда на службу в местный храм отправлялись их родители), а в Брыковскую школу, которая была ближе расположена. Так, в 1882 г. на учебу из деревни ходили два мальчика и одна девочка[24].

По сведениям из архивных дел в Холщевиках в разные годы имелось до семи постоялых дворов[25], две-три кузницы, «*чайные лавки*»[26]. Все они принадлежали разным хозяевам, монополистов не было. Удивляться такому большому числу подобных заведений для небольшой деревни не следует, если принять во внимание ее удобное расположение на оживленном тракте. Предприимчивые крестьяне устраивали чайные в своих домах. В книге П. В. Бойко приводятся воспоминания местного старожила: «*В Холщёвиках было три или четыре чайных. Одна из них была у нас. И она была лучшей. Мне дядя Митя рассказывал.* […] *Москва же питалась древесным углем. И целые обозы угля шли со стороны Волоколамска. И эти обозы останавливались в Холщёвиках на чаепитие. Как я понял, бабушка Евдокия очень хорошо пекла пироги. Их и предлагали вместе с чаем.* […] *Потом просто перестали возить эти обозы, пошли поезда, и отпала надобность в чайной*»[27].

Железная дорога, названная Московско-Виндавской, начала функционировать в 1901 г. Как рассказывалось в четвертой главе, полотно частично было проложено по землям, принадлежавших владелице брыковского имения А. Т. Карповой. А четыре года спустя на 65-й версте был построен разъезд, названный по имени ближайшего населенного пункта Холщевики (расстояние до деревни было чуть более версты). Как написано в изданном до революции путеводителе, этот разъезд был сооружен «*в целях увеличения пропускной способности дороги, и расположенному вблизи большого имения г-жи Карповой*»[28].

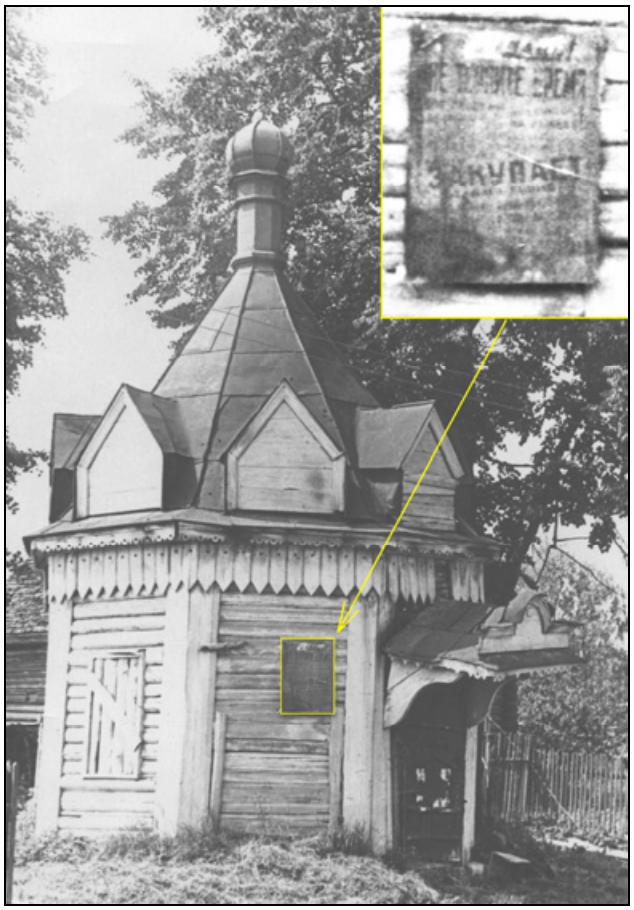
Как стало известно о часовне

Теперь переходим к главному – к разговору о часовне в Холщевиках. В отличие от часовни в Холуянихе, здесь все оказалось наоборот. Строительное дело не найдено, но зато нашлась фотография часовни, и было установлено точное место, где она находилась.

Сведения о часовне в Холщевиках так же начали собираться в 2012 г. в рамках краеведческого проекта УБД[29]. О том, что здесь когда-то находился Божий дом, стало известно из клировой ведомости Крестовоздвиженской церкви с. Телепнево за 1916 г., в которой было записано: «*Приписных к сей церкви церквей нет, часовен в дер. Холщевиках* [одна] *деревянная*»[30]. Долгое время это было единственное историческое свидетельство. Несмотря на предпринятые усилия, в архиве ЦГАМ больше не удалось найти ни одного (!) упоминания о существовании часовни в Холщевиках. Лишь в обнаруженной позднее в частном архиве аналогичной клировой ведомости за 1918 г. оказалась точно такая же запись о приписной часовне. А вот в ведомости Крестовоздвиженской церкви за 1905 г. упоминаний о ней нет. Это могло означать то, что часовенное здание было сооружено в промежутке между 1905 и 1916 годами. Подчеркнем – это всего лишь предположение. Так же нет сведений о том, по какому случаю была сооружена часовня. Лишь одна из местных старожилов высказала предположение, что она могла быть Вознесенской.

Отсутствие в архиве строительного дела, аналогичного постройке в Холуянихе, наводит на мысль, что часовня в Холщевиках могла быть построена неофициально, т.е. без получения надлежащего разрешения у священноначалия и оформления проектной документации. Такие случаи на практике случались и достаточно часто (желающие могут найти на сайте УБД любопытные сведения о часовне, самовольно построенной крестьянами в дер. Падиково Звенигородского уезда[31]). Если в Холщевиках ситуация складывалась подобным образом, то становится понятно, почему в архивах отсутствует всякая информация о сооружении часовни в этой деревне.

Фотография неизвестной часовни

Изо 8–15. Фотография часовни в Холщевиках, 1960-е (?), (GPS 55.91713, 36.68018).

В жизни порой «черные» полосы чередуются с «белыми». Бывает, что долгое время не везет с поиском информации в различных источниках. А потом неожиданно появляются великолепные данные. Так было и на этот раз. После неудачных поисков в архивах у нас вдруг оказалась фотография неизвестной часовни. Ее принесла местный краевед Е. В. Штейдле и сказала, что ей этот снимок более десяти лет назад передала одна женщина (фамилию не сообщила). На обороте имелась надпись: «*В р-не Глебовской птицефибрики. Часовня стала палаткой в 60-е годы*». Об использовании постройки как торговой точки свидетельствовало и объявление на ее стене, в котором можно прочитать слово «*закупает*» (оно в увеличенном виде показано в верхнем углу).

Рассказы старожилов

Этих сведений оказалось недостаточно, чтобы идентифицировать место, где была сделана указанная фотография. Снимок был размещен в интернете и на него откликнулся местный житель Павел Бойко. Он предположил, что это могла быть часовня, когда-то находившаяся в дер. Холщевики. Как показали дальнейшие события, данная версия оказалась верной. Был осуществлен выезд в деревню, и в беседе с местными старожилами удалось узнать некоторые подробности. Вся эта история потом была описана:

«Сначала состоялась встреча с Верой Павловной Седыгиной, которая указала место нахождения бывшей часовни – у дороги (Волоколамское шоссе), где заканчивается зеленый забор, и начинаются белые кирпичные столбы, то есть у границы двух участков. "Раньше, – вспоминала Вера Павловна, – дорога поуже была, и часовня стояла вблизи нее, примерно там, где теперь проходит пешеходная дорожка. Часовня была не квадратная, с ровными бревнами, посередине вход, железные ворота. Часовня предназначалась для отпевания покойников, возможно, была Вознесенская. Во время войны немцы ее не уничтожили. За часовню отвечала Анастасия Аникина, а после войны там жила Прасковья Гаврилина". Также Вера Павловна подтвердила, что одно время в этом здании находилась торговая лавка.

Из разговора с другим старожилом деревни, Клавдией Васильевной Аникиной, удалось узнать, что после войны, когда их дом сгорел, она со своей семьей одно время жила в этой самой часовне. Фотографию неопознанной часовни она узнала сразу, о заколоченном окне сказала, что оно было единственное. Удивилась, что на фото нет креста на куполе и трубы от печи. "Дважды после войны, – рассказывала Клавдия Васильевна, – нам пришлось зимовать в ней, поэтому установили печку. Затем мы с семьей построили свой дом. Сначала в здании часовни, которая стояла в 3–4 метрах от дороги, разместилась торговая лавка, а при Хрущеве ее и вовсе разобрали".

Эти данные подтвердила и жительница Телепнева Валентина Александровна Крянина, детство которой прошло в Холщевиках»[32].

О том, как была утрачена часовня, рассказала упомянутая В. П. Седыгина: «*Злые люди с Птицефабрики ее разобрали. Купол снесли – думали, там золото. Но их всех Бог наказал! Я в это время депутатом была. В райисполком заявляла! Плакала, зачем ломаете церковь? А мне райисполком сослался на местную власть! Они меня не послушали и разломали часовню. Я им говорила: вас Бог накажет! А какая она была красивая! Какой был крест!*»[33].

К сказанному можно еще добавить, что по воспоминаниям другого старожила, в часовне было много икон (об их судьбе ничего неизвестно). Когда старое часовенное здание решили разобрать, то одна из жительниц деревни выкупила его и потом использовала материал для топки печи.

В том же 2012 г. удалось установить примерное место в Холщевиках, где стояла деревянная часовня. Это место оказалось в конце пешеходной дорожки, идущей по деревне вдоль Волоколамского шоссе с южной стороны. Как говорили старожилы, раньше часовня находилась в нескольких метрах от дороги. А после того как шоссе расширили, это место оказалось примыкающим к краю дорожного полотна (на изо 8–17 это место обведено овалом).

В 2014 г. упомянутый П. Бойко прислал копию старой фотографии, которую он обнаружил в домашнем архиве все той же В. П. Седыгиной. В правой части кадра вдали виднеется часовня (она обведена в овал). Как можно заметить, часовня стоит недалеко от дороги, но не вплотную к ней. Тем самым подтвердились слова местных жителей.

Изо 8–16. Дер. Холщевики, справа вдали видна часовня, 1960-е (?)

Установка Поклонного креста

Грустно, конечно, что симпатичная часовенка не дошла до наших дней. Но у этой истории есть счастливое продолжение. После того, как вышли наши публикации о часовне, местные жители захотели увековечить память об утраченной святыне в виде Поклонного креста. Его решили поставить не на историческом месте, а в 50 метрах западнее. На краю деревни была подготовлена площадка, на которой установили большой красивый белый крест и информационный щит. Об этом радостном событии в газете Истринского благочиния была напечатана заметка:

«11 декабря [2015], *в день освобождения Истры от немецко-фашистских захватчиков, настоятель Казанского храма с. Глебово протоиерей Александр Чепрасов совершил чин освящения Поклонного креста. Кованый 5-ти метровый крест был выполнен по проекту архитектора А.В. Субботина и находится на 69-м километре Волоколамского шоссе в деревне Холщевики, вблизи разрушенной в 1960-х гг. часовни. На освящении присутствовала глава администрации Костровского сельского поселения Ольга Табунцова, которая выделила участок под установку креста и оказала всестороннюю помощь, а также глава Букаревского сельского поселения Татьяна Кулагина. Рядом с крестом был установлен информационный стенд об истории села и утраченной часовне»*[34].

Изо 8–17, 8–18. Место часовни в дер. Холщевики, 2012 и Поклонный крест в ее память, 2016.

Новый храм-часовня в деревне Хмолино

Деревня Хмолино, а точнее «*Хмилилино*» впервые упоминается в писцовой книге Рузского уезда 1567–1569 гг. Это означает, что ее история насчитывает, как и у сел Филатово, Глебово и Брыково, как минимум четыре с половиной столетия. По информации из энциклопедии "Истринская земля": «*свое название деревня получила от изгородей вокруг домов, которые были из вьющегося хмеля*». Там же написано (со ссылкой на источник в РГАДА):

«*Вероятно, из-за событий Смутного времени деревня стала пустошью. Затем здесь возникла кое-какая жизнь. Так, писцовая книга 1625—1626 гг. сообщает: "За подьячим приказа Болшого дворца за Савельем Алексеевым сыном Зверевым, что было преж сего за Идарцом Игнатьевым сыном Арцыбашова: починок, что была пустошь Хмилина, а Хмолино тож на речке на Маклыше, а в ней двор помещиков"*. […] *В 1646 г. здесь была в поместье за Зверевым д. Хмелина, в которой был двор помещиков с деловыми людьми и 6 дворов крестьянских, в них 17 человек. Затем деревня запустела из-за эпидемии. В переписных книгах 1678 г. сказано: "За Дмитреем Степановым сыном Кирсановым да за Прокофьем Титовым сыном Зверевым деревня Хмелина... (2 двора помещиков и 6 дворов крестьянских пустых), а те крестьяне в моровое поветрие вымерли"*. […] *В 1720-х гг. с-цом Хмолином владел дьяк Михаил Васильевич Михайлов, а в 1748 г. — Дворцовая конюшенная канцелярия*»[35].

Владельцы сельца дворяне Волчковы

«Щит разделен горизонтально на три части, из коих в верхней в серебряном поле изображены Корона и Знамя; в средней в красном поле три серебряные Стрелы, положенные крестообразно остроконечием средняя вверх, а крайние вниз; в нижней части в золотом поле Яблоко с Ветвью. Щит увенчан обыкновенным дворянским Шлемом с дворянскою на нем Короною и тремя Страусовыми перьями. Намет на щите золотой, подложенный красным. Фамилии Волчковых, многие служили Российскому Престолу дворянские службы в разных чинах и жалованы были от Государей в 1665 и других годах поместьями. […] *Герб рода Волчковых внесен в Часть 4 Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи. С. 124*»[36].

Изо 8–19. Герб рода дворян Волчковых и его описание.

На ПГМ приведена такая информация: «*Хмолино, Хмалино тож, сельцо Рузского уезда, Воиноческой волости, владение коллежского советника и Сенатской типографии директора Сергея Саввича Волчкова, межевал 24 июля 1770 г. Старков. Пашня 86 д* [дес], *26 с* [кв.саж.], *лесная мелкая поросль 4 д 68 с, сенной покос 6 д 120 с, селение 5 д 80 с, дороги и реч. 8 д 1370 с, всего 110 д 1664 с, душ 35*»[37]. Как видим, в цитате указано имя нового владельца. Он так же упоминается в энциклопедии: «*В 1773 г. с-цо Хмолино (8 дворов, 72 человека) входило в волость Воиничи Рузского уезда и принадлежало коллежскому советнику и директору сенатской типографии Сергею Саввичу Волчкову. В 1784 г. сельцом владел он же, число дворов не изменилось».* Это был представитель старинного дворянского рода Волчковых. Об этом роде и самом помещике удалось собрать кое-какие сведения. В “Словаре русских писателей XVIII века” приведена такая информация:

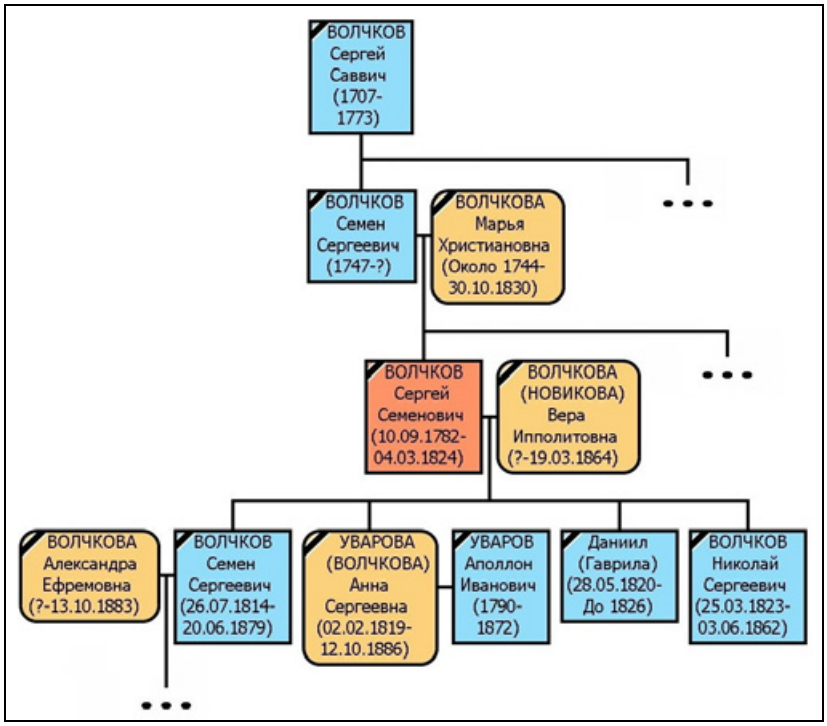
«ВОЛЧКОВ Сергей Саввич [1707–1773]. Сын небогатого дворянина. Начал службу юнкером в Сенате (1723). Благодаря хорошему знанию нем. и фр. языков в 1725 отправлен “для мануфактурных дел” в Силезию; по возвращении (1728) зачислен в Коллегию иностр. дел переводчиком. С 1730 по 1735 находился в Берлине в должности секретаря посольства. В связи с прошением Академии наук (“Волчков все оные свойства имеет, которые к доброму переводчику требуются”) В. поступает секретарем в Академию, где переводит с нем. языка для “СПб. вед.” (с 1735 по 1739) […] *Кроме того, он переводит “партикулярные* [т.е. не государственные] *книги, для народной и своей пользы, в праздничные и шабашные дни и часы, с французского и немецкого на российский диалект и с российского на оба означенные языка”. С 1748 — штатный переводчик. В 1759–1773 — директор Сенатской типографии, в которой ему было разрешено печатать свои книги.* […] *Со времени перехода в Академию наук В. почти безвыездно жил в Петербурге; в 1747 в связи с ухудшением здоровья получил четырехгодичный отпуск “без вычету жалованья”, во время которого находился в Москве и в деревне, продолжая заниматься переводами. В. опубликовал более двадцати переводных книг* […] *Эти книги были особенно распространены в масонской среде.* […] *Оценка переводов В. не была единодушной»*[38].

В цитате написано, что Волчков жил в деревне, наименование ее не указано. Возможно, это было Хмолино. Там он мог заниматься переводами. Умер Сергей Саввич в 1773 г. в Петербурге.

Далее в книге “Истринская земля” говорится: «*В 1800 г. с-цо Хмолино, а Хмалино тож (10 дворов, 78 человек), значилось за камер-пажом Сергеем Семеновичем Волчковым. Сельцо относилось к Рузскому уезду (без волостей). В 1816 г. сельцо принадлежало надворному советнику Сергею Семеновичу Волчкову. В нем было в это время 6 дворовых, 78 крестьян».* Упомянутый в цитате Сергей Семенович – это сын Семена Сергеевича, внук Сергея Саввича.

В брыковском приходе находилось сельцо Железниково, 41 душ м.п. (сельцо можно увидеть на карте форзаца книги). Владелицей сельца в начале XIX в. была записана Марья Христиановна

Волчкова. Она умерла в 1830 г. в возрасте 86 лет[39] и согласно изданию о некрополях была похоронена в с. Брыково[40]. В книгах и интернете не удалось найти сведений о том, в какой степени родства находилась эта женщина с владельцами сельца Хмолино. Нужная информация была найдена в архивном деле, в котором написано, что после смерти указанной помещицы имение Железниково досталось «*малолетним детям Волчковым по наследству после покойной бабки их Коллежской Советницы Марьи Крестьяновны Волчковой*»[41]. Слова «*малолетним детям*» относятся к детям Сергея Семеновича. И тогда получается, что упомянутая бабка Марья Христиановна была женой Семена Сергеевича Волчкова.

Изо 8–20. Древо рода Волчковых, владельцев Хмолино (фрагмент).

Хотелось бы еще отметить, что в 1793–1809 гг. владельцем соседнего села Филатово был бригадир, затем тайный советник Данила Григорьевич Волчков. О нем уже доводилось писать[42]. Это дальний родственник Волчковых, которые владели сельцом Хмолино. Согласно данным сайта РРФ у них был общий предок в 4 или 5 колене.

По собранным из разных источников сведениям (генеалогических сайтов, книг и архивных дел), было построено древо рода дворян Волчковых, в разные годы владевших сельцом Хмолино.

Согласно ФС Сергей Семенович по окончании в 1796 г. первого кадетского корпуса поступил на службу пажом, в 1802 г. был «*произведен* [в] *Лейб гвардии Измайловский Полк Прапорщиком*»[43]. В 1810 г. ему было присвоено звание штабс-капитана, а через год он перешел на гражданскую службу, получил чин надворного советника. В 1818 г. назначен директором Московской конторы Государственного коммерческого банка. В 1821 г. награжден орденом св. Владимира 4 ст. Умер владелец имения Хмолино в 1824 г. на 42-м году жизни.

После его смерти имущество перешло вдове Вере Ипполитовне и детям Семену, Николаю и Анне. Наследство в себя включало: 1) сельцо Хмолино в Звенигородском уезде (40 душ м.п., 31 дес. земли, водяная мельница); 2) сельцо Никольское в Подольском уезде (89 душ); 3) село Артемьево во Владимирской губернии (32 души). Т.к. дети были несовершеннолетними, была установлена дворянская опека[44]. Спустя год после смерти помещика в счет погашения его долгов вдове пришлось продать имение в Подольском уезде за 91.000 руб. асс.[45].

Когда дети подросли, в 1837 г. был оформлен акт раздела наследства Сергея Семеновича Волчкова. Сельцо Железниково (оно досталось от матери Марьи Христиановны Волчковой) отошло младшему сыну Николаю. Сельцо Хмолино вместе с мельницей было передано Семену и Анне.

Об Анне Сергеевне Волчковой остались интересные воспоминания. Неподалеку находилось имение Глебово, хозяином которого был граф Федор Иванович Толстой, больше известный под прозвищем “Американец” (его имя уже упоминалось в шестой главе). У графа росла дочь Сарра, она была на полтора года старше Анны. Девочки много времени проводили вместе, очень подружились, увлекались живописью. К сожалению, Сарра рано умерла, ей было всего 17 лет. Смерть близкой подруги очень переживала Аня Волчкова, это все не прошло мимо внимания убитого горем графа. Он «*видел в этой девушке образ ушедшей из жизни Сарры. Он настолько полюбил Анну и осыпал ее ласками, что хотел отдать ей имение. Но этому воспротивилась жена Авдотья Максимовна и Глебово осталось в семье Толстых*»[46].

Еще при жизни Сергея Семеновича Волчкова Хмалино (так тогда сельцо писалось) было пере-

ведено из прихода сгоревшей Никольской церкви с. Лучинского в приход Богоявленского храма с. Брыково. Это случилось в 1820 г., об этом рассказывалось в пятой главе. В то время в сельце было 9 дворов. Примерно такое же число хозяйств насчитывалось в нем на протяжении всего XIX в. – когда чуть меньше, когда чуть больше. И только перед революцией дворов стало 16, в них проживало более сотни человек (дополнительные данные о жителях приведены в приложении-6).

Владельцы сельца князья Голицыны

«Щит разделен горизонтально на две равные части. В верхней в красном поле изображен герб Литовский, то есть: скачущий на белой лошади воин с подъятым вверх мечем. В нижней части означены: в правом серебряном поле герб Новгородский, малинового цвета стул, на коем положены крестообразно державный жезл и длинный Крест; над стулом тройной подсвечник с горящими свечами, по сторонам стула два черные Медведя, стоящие на задних лапах, в левом голубом поле серебряный крест, имеющий в средине черного двуглавого Орла. Щит покрыт мантиею и шапкою принадлежащими Княжескому достоинству.. […] *Герб рода князей Голицыных внесен в Часть 1 Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи. С. 2.»*[47].

Изо 8–21. Герб рода князей Голицыных и его описание.

Как следует из клировых ведомостей, где-то в начале 1840-х гг. хозяином сельца Хмолино стал (очевидно, в результате покупки) князь Николай Яковлевич Голицын, который относился к знатнейшему дворянскому роду России. О нем на сайте Википедии приведена такая информация:

«Князь Николай Яковлевич Голицын (1788—1850) — генерал-лейтенант, участник революционных и наполеоновских войн. […] *По отцу прямой потомок князя Бориса Голицына, воспитателя Петра I; по матери — племянник графа Н. Н. Головина.* […]

Службу начал эстандарт-юнкером конной гвардии, откуда в 1807 году был произведён в корнеты. В 1806—1807 годах находился в Восточной Пруссии, где сражался с французами. Принимал участие в Отечественной войне 1812 года и в Заграничных походах русской армии (1813—1815). В 1813 году произведен в ротмистры, в 1814 году был откомандирован в резерв; с 1817 года полковник, в 1825 году произведен в генерал-майоры. […] *По болезни 25 января 1836 года вышел в отставку с чином генерал-лейтенанта.* […] *По словам графа М. Д. Бутурлина, Голицын был "личностью оригинальной, добрейшего и большей прямоты души человека, как он, трудно было встретить; в житейских же своих привычках он был методичен и пунктуален до крайности". Скончался в январе 1850 года от рожи, образовавшей на раненной его ноге. Похоронен в усыпальнице князей Голицыных (Михайловской церкви) в некрополе Донского монастыря»*[48].

Н. Я. Голицын владел соседними землями и крестьянами в сельцах Зенькино и Красновидово, деревнях Избище, Ильино и Дедешино (напомнил, что в пятой главе говорилось о том, что князь передал причту 4 дес. около Дедешино на поминовение). Сельцо Железниково осталось у Волчковых. К этому времени относится изображение деревни Хмылина (сельца Хмолино) на карте Московской губернии (изо 8–22). В интернете удалось найти портрет князя (изо 8–23).

Николай Яковлевич был женат на Вере Дмитриевне Голицыной, которая была его пятиюродной сестрой[49]. Она трагически погибла вскоре после смерти мужа в том же 1850 г. Полным сиротой остался единственный сын Голицыных Александр Николаевич, которому в ту пору было 20 лет. Сын оставил свой след в истории тем, что собирал иностранные книги о России, они после революции оказались в ГИМ и ГПИБ (исторической библиотеке в Москве).

Еще когда была жива мать, Александр Николаевич женился на Елизавете Александровне Чертковой. Интересно, что эта фамилия уже дважды упоминалась в настоящей книге. Во второй главе рассказывалось, как Федосья, дочь Петра Андреевича и Агрипины Григорьевны Квашниных-

Изо 8–22. «*Инструментальная военно-топографическая съемка*» (фрагмент)[50], 1839.

Изо 8–23. Князь Н. Я. Голицын, рис. К. А. Горбунова, 1840-е.

Самариных, в 1724 г. вышла замуж за Ивана Васильевича Черткова (см. древо изо 2–02). Далее в той же главе говорилось, как праправнучка упомянутых Петра и Агрипины, которую звали Елизавета Григорьевна Чернышева, вышла замуж за Александра Дмитриевича Черткова (случилось это в 1828 г.). В их семье родилась Елизавета, которая и стала женой князя Александра Николаевича Голицына.

Имя супруги князя упомянуто в книге “Истринская земля”: «*В 1864—1870 гг. при д. Хмолино была часть имения жены гвардии штабс-ротмистра княгини Елизаветы Александровны Голицыной. Крестьянский надел состоял из 105 десятин, крестьяне входили в Зенькинское сельское общество Лучинской волости. В 1899 г. население деревни (33 мужчины, 44 женщины) проживало в 17 избах, образуя 12 надельных и 3 безнадельных семьи. Земля (всего 114 дес., пашни 86, леса — 9) делилась на 36 долей. Крестьяне имели 13 рабочих лошадей, 13 голов крупного рогатого скота. 5 семей ни имело коровы. Существовало только 2 промысла: легковой извоз (главный) и столярное дело. В 1913 г. в д. Хмолино Лучинской волости — 18 дворов*».

Как видим, хозяином Хмолино в цитате указан не князь А. Н. Голицын, которому имение перешло по наследству от родителей, а его супруга. Оказалось, смена владельца внутри семьи произошла 3 августа 1862 г. по купчей крепости, в которой указана продажная цена 54.000 руб.[51] (можно предположить, что эта сделка была проведена лишь на бумаге). Через несколько лет 16 марта 1871 г. новая владелица княгиня Е. А. Голицына продала за ту же цену имение «*при с-це Зенькине с деревн. Хмолиной, Ильиною и Дедешиною*»[52] в составе 720 дес., включая мельницу на р. Маглуше дворянину Николаю Владимировичу Рукину (тому самому, который позднее стал председателем приходского попечительства Богоявленской церкви).

С той поры до самой революции Рукины оставались владельцами имения Зенькино, в составе которого находилось Хмолино. Следует иметь в виду, что после крестьянской реформы из состава имения были исключены территории населенных пунктов, а также земельные наделы крестьян.

Строительство храма-часовни, его освящение

В 1959 г. на окраине Хмолино, в то время уже ставшем деревней, был организован Центр восстановительной медицины и реабилитации при Первом московском государственном медицинском университете им. И. М. Сеченова. Как написано на сайте этого учреждения, сначала было детское отделение, а потом оно было перепрофилировано во взрослое[53].

По имеющимся данным в Хмолино никогда прежде не было ни церкви, ни часовни. И вот несколько лет назад на территории медицинского учреждения появился свой Божий дом.

Хронологию строительства молитвенного здания для больных можно было проследить по ленте новостей сайта Истринского благочиния[i]. Там было написано: «*Идея построения храма принадлежит Глыбочко Петру Витальевичу, ректору Первого МГМУ им. И. М. Сеченова*». В январе 2016 г.

[i] Во время работы над книгой старый сайт Истринского благочиния http://blagoistr.ru/ перестал действовать, ссылка на него стала «битой».

на месте будущего строительства был совершен молебен перед началом доброго дела. После этого *«14 апреля 2016 г. Его Высокопреосвященству митрополиту Крутицкому и Коломенскому Ювеналию было подано прошение о благословении на строительство сего храма-часовни*[i]». Благословение на сооружение Божьего дома было получено.

Изо 8–24. Строительство храма-часовни в Хмолино, 2016.

В том же году начались строительные работы, все делалось быстро. Летом 7 июля был освящен крест, который был водружен на купол сооружаемого здания. Строительство было завершено осенью того же года.

19 ноября 2016 г. состоялся первый **водосвятный молебен** при большом стечении народа: «*На богослужении присутствовали ректор университета П. В. Глыбочко, главный врач реабилитационного центра Ю. К. Морхов, сотрудники университета, реабилитационного центра, пациенты, жители Хмолино и близлежащих поселений*».

В начале весны следующего года был получен антиминс для нового храма. И уже **8 апреля 2017 г.** в Хмолино состоялась **первая Божественная литургия**, которую совершил благочинный протоиерей Димитрий Подорванов в сослужении настоятеля брыковского храма протоиерея Андрея Васильева. А спустя два года в день праздника святых первоверховных апостолов Петра и Павла произошло еще одно радостное событие – **Великое освящение храма в Хмолино**:

«12 июля [2019] *по благословению митрополита Ювеналия епископ Луховицкий Петр совершил великое освящение храма свт. Луки Симферопольского деревни Хмолино и возглавил Божественную литургию в новоосвященном храме. Его Преосвященству сослужили: благочинный Истринского церковного округа протоиерей Димитрий Подорванов, настоятель протоиерей Андрей Васильев,*

Изо 8–25. После великого освящения храма-часовни Луки Крымского в Хмолино, 2019.

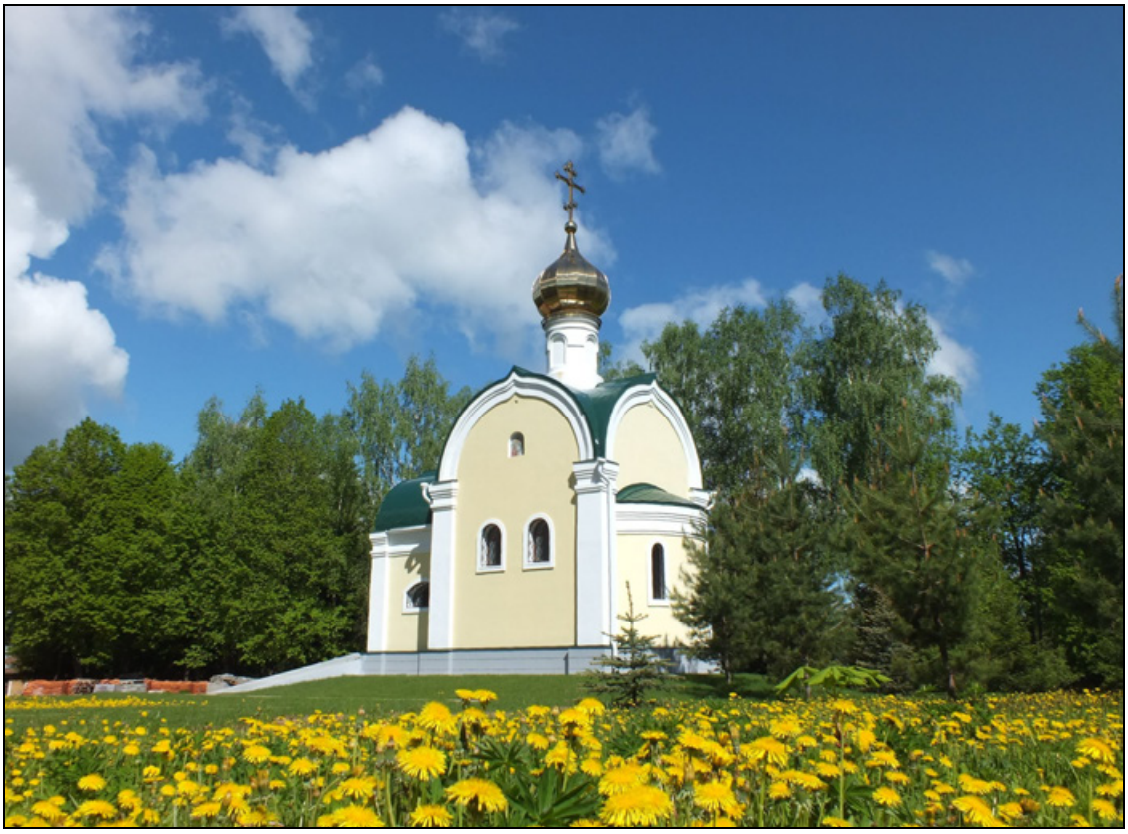
[i] Храм-часовня – это новое понятие, не встречающееся в дореволюционных источниках. На сайте “Древо” приводится такое определение: «*Так называемые* ***храмы-часовни*** *имеют алтарь и потому являются на деле храмами, но отличаются от обыкновенной церкви либо малой вместимостью, либо первоначальным использованием как часовня*». Построенный Божий дом в Хмолино небольшой по размерам, но с алтарем.

духовенство Истринского благочиния. По окончании богослужения Владыка Петр передал собравшимся благословение митрополита Ювеналия и вручил епархиальные награды благотворителям. Ректор Первого Московского государственного медицинского университета имени Сеченова П.В. Глыбочко был удостоен медали "За жертвенные труды" I степени, протоиерей Андрей Васильев – медали "За усердное служение" III степени. Затем епископ Петр посетил пациентов реабилитационного центра и передал им образы святителя Луки, архиепископа Крымского»[54].

Божий дом в Хмолино освящен в память святителя Луки Войно-Ясенецкого (Крымского). Он был архиепископом и одновременно являлся выдающимся хирургом. Лука стал лауреатом Сталинской премии за труды в области медицины, несмотря на то, что еще до войны был репрессирован, провел 11 лет в тюрьмах, лагерях и ссылке. Он до последних дней своей жизни лечил и спасал людей. Но при этом, несмотря на сильнейшее давление советских властей, не отрекся от своего сана. В 2000 г. Архиерейский собор РПЦ прославил Луку Войно-Ясенецкого в сонме новомучеников и исповедников Российских XX в. Известно множество чудесных случаев исцеления больных людей по молитвам этому святому. Так что выбор посвящения храма в Хмолино представляется верным. Где как не на территории медицинского учреждения подобному Божьему дому быть?

Так на территории Истринского района появился еще один действующий православный храм. Он приписан к Богоявленской церкви Красного поселка (с. Брыково). Настоятель этого храма протоиерей Андрей Васильев регулярно служит в Хмолино. По словам батюшки службы в храме-часовне Луки Крымского проходят еженедельно по субботам, чередуются молебны и литургии.

В настоящее время бывший Центр реабилитации им. И. М. Сеченова передан в другое ведомство, он теперь является структурным подразделением Федерального госбюджетного учреждения "Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского" Министерства здравоохранения Российской Федерации[55].

Изо 8–26. Храм-часовня Луки Войно-Ясенецкого в дер. Хмолино, 2017.

Глава 9. Народное образование в селе Брыково

В начале XIX в. подавляющая часть населения Российской империи была неграмотной. Особенно сложная ситуация была в сельской местности. За исключением помещиков, да служителей церквей, остальная часть населения, в основном крепостные крестьяне, за редким исключением не умели писать и читать. Ситуация постепенно стала меняться в лучшую сторону в середине столетия. В разных селениях стали открываться первые школы для детей местных жителей. Правда, это не была заслуга государства, все зависело от доброй воли отдельных благотворителей. После отмены крепостного права (1861) и земской реформы (1864) этот процесс ускорился.

1856–1886: Первые три десятилетия истории Брыковской школы

Краткая история первых десятилетий существования Брыковского училища описана в клировой ведомости: «*При сей церкви с разрешения Высокопреосвященнейшаго Филарета Митрополита Московскаго от 10 января 1857 года открыто было церковноприходское училище в доме священника, где помещалось до 1868 года. В 1868 г. по 1873 год ученики учились в церковной сторожке, построенной на церковной земле. В 1873 году попечителем училища крестьянином приходскаго сельца Железникова Алексеем М. Михайловым к сторожке было пристроено училищное помещение. В 1881 году попечителем училища Михайловым строжка и училище перестроены и расширены по случаю устройства квартиры для учителя*»[1]. Рассмотрим теперь все происходившие события подробнее.

Село Брыково оказалось среди первых[i] небольших сельских поселений в Звенигородском уезде, где простым людям стало доступно обучение грамоте. Это стало возможно благодаря доброй воле молодого настоятеля приходской Богоявленской церкви о. Михаила Михайловского. Уже вскоре после своего назначения в Брыково (1853) он стал учить детей крестьян из своего прихода. Когда это случилось? В исторических источниках приводятся разные данные – 1857 и 1860 гг. Причем, что любопытно, поначалу писали более позднюю дату. Но в конце XIX в. почти везде указывался 1857 как год открытия Брыковской школы. Попытка разобраться в этом вопросе принесла довольно неожиданные результаты. Оказалось, что учить детей батюшка начал еще раньше.

1856: Училище для девочек

В одном из архивных дел говорится, что с **1 мая 1856 г.** в с. Брыково местной помещицей Кильдюшевской[ii] было открыто «*училище для девочек*»[2]. В нем «*учителем и наставником*» был настоятель приходской церкви о. Михаил Михайловский. К сожалению, никакие подробности не приведены. Так и не удалось найти ответы на вопросы: почему помещица решила организовать обучение крестьянских детей, в чем заключалась ее помощь, где размещалась школа, сколько детей ее посещало? Известно лишь, что это училище просуществовало всего несколько месяцев (максимум полгода), а потом по неизвестной причине было закрыто.

Как видим, первая попытка организовать обучение крестьянских детей оказалась неудачной. И все же это было важное событие, с него началась история народного образования в Брыково.

1857–1864: Смешанное училище в доме священника

К счастью, настоятель храма о. Михаил Михайловский с решением помещицы не согласился и, как написано в том же архивном деле, заявил «*о своем желание открыть училище для мальчиков и девочек, в своем собственном доме с принятием на себя должности законоучителя и наставника безвозмездно*». Священник подал соответствующее прошение начальству, и **10 января 1857 г.** последовала резолюция митрополита Филарета с разрешением открыть училище. Надо полагать, что вскоре после этого начались занятия.

Это была, что называется, проявленная «инициатива снизу». Но она оказалась, как бы теперь сказали, «в тренде». В это же время училища стали открываться и в других селах. Это было неслучайно, поддержка (в основном моральная) оказывалась на самом высшем уровне: «*Рост числа*

---

[i] В Звенигородском уезде первые школы были открыты в больших и богатых селах Вяземы, Ильинское на Москва-реке, Дмитровское, Пятница-Берендеево, Павловское, Луцыно. После них стали открываться школы в меньших по размеру селениях. Среди них оказалось и Брыково.

[ii] Имя ее в документе не названо. Очевидно, это была Ольга Ильинична, супруга хозяина брыковского имения Павла Николаевича Кильдюшевского.

Изо 9–01. «*Сельская бесплатная школа*», худ. А. И. Морозов, 1865, (ГТГ).

школ произошел в царствование Александра II. В 1858 году, как сообщает видный деятель народного образования Н.В. Чехов, один из губернаторов во всеподданейшем отчете упомянул о том, что некоторые священники обучают у себя на дому крестьянских детей. Идея понравилась Александру II, и он указал обратить на это внимание епархиальных архиереев, которые, в свою очередь, через благочинных предписали духовенству на местах приступить к открытию школ»[3].

По сохранившимся архивным данным удалось установить, что в 1860/61 учебном году в Брыковской школе обучалось 14 мальчиков и 7 девочек (все дети крепостных крестьян)[4]. Но далеко не все начинавшие учебу дети проходили полный курс обучения. Так в том же документе написано, что в 1863 г. 4 мальчика ушли, в школе осталось 18 ребят (девочек не было). Осенью 1867 г. обучались 25 мальчиков и 4 девочки, при этом выбыло 5 мальчиков и 2 девочки[5].

О. Михаил учил детей в своем доме. Как в нем помещалось столько учеников – не совсем понятно. Для демонстрации обстановки, как проходили занятия в крестьянской избе, можно привести картину художника Морозова, написанную как раз в это время.

Когда семейство священника Михайловского стало увеличиваться (после Павла, родившегося в 1854 г., в 1857 появилась на свет Елизавета, в 1859 – Мария[6]), проводить учебные занятия в жилой избе стало сложно. Встал вопрос об отдельном помещении для школы.

1864–1873: Училище в церковной сторожке

О найденном решении стало понятно из публикации в епархиальном журнале. В заметке под названием *«Училище в селе Брыкове Звенигородскаго уезда»* говорилось, что «*С умножением учеников помещение для школы в доме священника оказалось тесным. После сего школа помещалась в церковной сторожке*»[7] (полный текст публикации приведен в приложении–5). Там же написано, что переезд состоялся в 1868 г. По всей видимости, это не совсем точные сведения, т.к. обнаружен архивный документ, датированный **1864 годом**, в котором написано, что в это время училище размещалось *«В приходской церковной сторожке»*[8].

Пример служения священника Михайловского делу образования простого народа был достоин подражания. Мало того, что батюшка выделил на первое время «*безвозмездно*» собственный дом для проведения учебных занятий, так еще более 10 лет никакого вознаграждения за учительский труд не получал – ни от властей, ни от родителей школьников. Однако деньги были нужны как на учебные нужды (закупка учебников, тетрадей, чернил и т.п.), так и на бытовые (дрова для отопления, ремонт мебели и помещения). В одном из архивных дел 1866 г. прямо сказано, сколько требовалось средств: «*Священник отец Михаил хотя готов по прежнему обучать безплатно, но настоятельно заявляет о материальных нуждах училища до 200 руб. в год*»[9]. Начальство услышало этот призыв и, как написано в другом деле, «*В 1868 году Священнику Михайловскому Звенигородским училищным Советом за прохождение должности преподавателя определено жалованья в год 109 рублей*»[10]. Так благородный труд сельского священника, наконец, стал оплачиваться, пусть на первое время и не полностью. В сборнике по Московской губернии за 1869 г. написано: «*в с. Богоявленском-Брыкове препод. 1 духов. зв., учащихся мальч. 10, содержание из земских сборов 75 р.*»[11].

1872–1873: Постройка училищного здания в Брыково

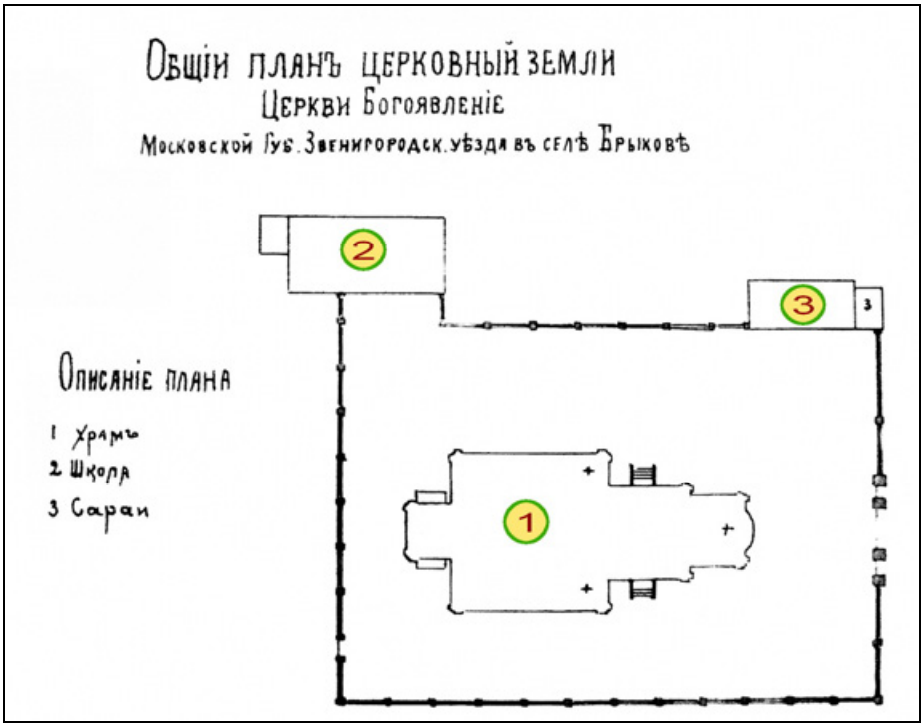
Церковная сторожка оказалась мало приспособленной для проведения учебных занятий: «*Помещение крайне неудобное*». Требовалось другое здание для школы. К счастью, надолго решение этого вопроса не затянулось. О том, как в дальнейшем развивались события, написано в той же журнальной статье: «*Средств к постройке училища не находилось. В конце 1872 г. по приглашению священника, прихожанин, сельца Железникова крестьянин Алексей Михайлович, имеющий в г. Москве ящичное заведение, изъявил согласие построить училище. Звенигородский училищный совет разрешил ему постройку училища. С великою охотою он принялся за постройку его; подвигнутый единственно любовию к детям своих собратов, не имея у себя детей, не пощадил своего небольшаго достояния, употребив на постройку училища и на мебель 1000 рублей серебром. Училищный совет утвердил его попечителем училища*» (о попечителе отдельный разговор пойдет позже).

Строительство нового школьного здания продолжалось не более года. По сути это была пристройка к церковной сторожке. **25 ноября 1873 г.** после литургии в Богоявленском храме состоялся крестный ход при колокольном звоне, было совершено освящение построенной школы. «*Местные жители, для детей которых устроено училище, своему отцу духовному М. Н. Михайловскому принесли поздравление и благодарность за его труды и заботы по устройству училища и за обучение их детей; поднесли попечителю училища А. М-чу* [Алексею Михайловичу] *и супруге его В. В-не хлеб и соль, благодарили за устройство училища, за великое для их детей благодеяние и за великую жертву для их самих и за благопопечение о храме*».

Новое здание школы располагалось на церковной земле недалеко от Богоявленского храма. Как позднее было написано в страховой ведомости: «*Ближайшая к церкви чужая постройка – земское училище с квартирою учителя находится с северо-западной стороны на разстоянии 10 саж.* [чуть более 20 м]»[12]. Это хорошо видно на плане прихрамовой территории (школа отмечена цифрой “2”).

Брыковская школа долгое время оставалась единственной в ближайшей округе, в нее ходили на учебу дети из разных селений прихода: Брыково, Кучи, Букарево, Зенькино, Хмолино, Избище, Дедешино и др. Некоторые населенные пункты находились довольно далеко от училища (за 5–7 верст), как, например, Холуяниха. Поэтому попечитель Алексей Михайлович Михайлов предусмотрел возможность ночлега для детей из таких селений. Как написано в одном из архивных дел, до 10 ребят оставались ночевать после уроков.

Конечно, это здорово, что крестьянские дети получили возможность обучаться грамоте. Но трудно представить, как с такой большой нагрузкой справлялся приходской священник, который учил детей – ведь отдельного учителя в то время не было. Все-таки, основной обязанностью настоятеля было служение в храме и исполнение приходских треб (крещение, венчание, отпевание, молебны). Как о. Михаилу удавалось все совмещать, везде успевать – осталось загадкой. Его труды на ниве просвещения были отмечены в 1879 г. вручением ордена св. Анны 3-й степени. Немногие настоятели сельских храмов удостаивались такой высокой награды.

Изо 9–02. План церковной территории Богоявленского храма[13], 1904.

1876–1880: Первый светский учитель Михаил Надеждин

Очевидно, что начальство видело ненормальность сложившего положения. И потому в марте 1876 г. в Брыковское училище был назначен специальный учитель. Им оказался воспитанник первого класса Вифанской семинарии 21-летний **Михаил Дмитриевич Надеждин** (ок. 1855 – † 1891). Он стал вести все уроки за исключением одного и получал за это от земства 200 руб. в год[14]. Квартира для проживания учителя находилась в том же здании, что и школа.

За настоятелем храма Михайловским осталось преподавание Закона Божия. В итоге его зарплата уменьшилась со 109 до 50 руб. в год, деньги платило уездное земство. В одном из архивных дел написано, что батюшка давал по три двухчасовых урока в неделю (позднее таких уроков стало четыре). Забегая вперед, скажем, что через несколько лет губернское земство за каждый двухчасовой урок стало приплачивать священнику по одному рублю[15]. В итоге с учетом «постоянного оклада» от уездных властей в 1885/86 учебном году Михайловский получил 118 руб.[16].

О первом светском учителе Брыковской школы удалось собрать такие данные. Он был сыном «*умершаго Священника, Можайскаго уезда, села Благовещенскаго Бражникова тож, Благовещенской церкви Димитрия Сергеева Надеждина*»[17], учился в 1-м классе Вифанской семинарии. В другом документе отмечалось его хорошее поведение и преподавание хорового пения.

Учебная нагрузка у Михаила Дмитриевича была не очень большая: в 1876/77 учебном году в Брыковской школе учились 34 мальчика и 3 девочки. Через год число мальчиков осталось прежним, а девочек стало вдвое больше. Прошло еще три года и число учеников стало таким: начинали учебу 40 мальчиков и 6 девочек, а к концу обучения осталось 32 и 3 соответственно[18]. Общее состояние учебного процесса проверяющий оценил как «*неудовлетворительно*». Почему оказалась столь низкая оценка – в документе не раскрывается.

Возможно, по этой причине Надеждин работал в Брыково недолго – всего четыре года. В одном из архивных дел написано, что 9 января 1880 г. его перевели в училище, находившееся в том же Звенигородском уезде в с. Каринское[19]. На новом месте зарплата стала выше[i] – 240 руб. в год.

Дополнительные сведения о М. Д. Надеждине предоставил исследователь А. Н. Инюкин: «*После Брыкова стал учительствовать в селе Каринском, женился в 1882 году на дочери диакона Можайского уезда Егора Соболева. Понял, что учительством не проживешь и в 1885 году подался в диаконы к Христорождественской церкви села Юркино Рузского уезда* [ныне это Истринский район, храм сохранился – Авт.]. *К 1891 году родилось пятеро детей, но в 1891 году* [Михаил Дмитриевич] *умер от паралича в 35 лет, и похоронен в ограде церкви. Старшая дочь, Мария Михайловна Надеждина, закончила Филаретовское Епархиальное училище в 1900 году. Старший брат Михаила Дмитриевича, Николай Дмитриевич Надеждин, священник села Введенского Клементьева Рузского уезда тоже умер молодым*».

С 1876 (1868?): Земское училище

Поговорим теперь о ведомственной принадлежности Брыковской школы.

С момента открытия училище в официальных документах писалось как приходское, а по сути было церковно-приходским (в газетной заметке 1874 г. таковым и названо). Это логично: школьное помещение находилось на церковной земле. Сначала это был дом священника, а потом церковная сторожка. В 1873 г. на средства попечителя к зданию сторожки было пристроено помещение для проведения учебных занятий. При этом статус (ведомственная принадлежность) училища не изменился, оно осталось приходским (церковно-приходским).

Как уже говорилось, в 1876 г. в Брыковскую школу был назначен учитель Надеждин. С этого времени в документах писали «*начальное народное училище*», иногда «*сельское училище*». По сути же, это была земская школа[ii]. Земство выплачивало зарплату учителю и закупало учебники.

Местные крестьяне взяли на себя отопление училища и наем сторожа. Так в 1882 г. ими было потрачено на нужды школы 53 руб. 30 коп.[20]. Это были общинные деньги (собиралось по 13 коп. «*с души*»). Ну а письменные принадлежности оплачивал попечитель А. М. Михайлов из своих средств.

---

[i] У учителей величина оклада зависела от учительского стажа. А еще от уезда, в котором находилась школа. Так, например, в училищах Московского уезда у учителей были наиболее высокие зарплаты.

[ii] В клировой ведомости 1892 г. сказано, что настоятель Михайловский «*Состоял преподавателем* […] *в земском начальном народном училище, открытом при означенном селе Брыкове – с 19 сент. 1868 г.*»

1880–1885: Учительница Клавдия Белоусова

Учитель М. Д. Надеждин уволился из Брыковской школы в середине учебного года. Кто учил детей зимой и весной 1880 г. – нигде не сказано. Возможно, это был настоятель храма о. Михаил Михайловский. А может школьных занятий и вовсе не было.

В сентябре того же года в Брыково была назначена учительница – 20-летняя **Клавдия Александровна Белоусова** (ок. 1860 – † ?). Она была дочерью священника, служившего в Волоколамском уезде, обучалась в «*Женской Учительской Семинарии*», по окончании которой и была направлена в Брыково[21]. О себе в одном из документов написала, что «*девица*», летом отдыхает у отца. Высказала пожелание об устройстве школьной библиотеки и утеплении своей квартиры.

По сведениям А. Н. Инюкина родственники Клавдии трудились в сфере народного образования: сестры «*Екатерина и Людмила также были учительницами; младший брат Сергей Александрович Белоусов тоже был сельским учителем*». К этому можно еще добавить уточнение, что сестра Екатерина преподавала в училище с. Куртниково, расположенном неподалеку.

Со временем число учеников в Брыковской школе стало возрастать и приблизилось к полусотне. Построенное А. М. Михайловым здание не было рассчитано на такое количество учащихся, требовалось его расширение. Как написано в архивном деле, в **1881 г.** тем же попечителем здание училища было «*перестроено*»[22]. А в следующем году им же был построен «*новый дом*»[23] для проживания учительницы (возможно, это было не отдельное строение, а надстройка мезонина над первым этажом учебного здания).

Приведенные сведения о перестройке училища обнаружены в архивном деле, имеющем название «*Статистические отчеты по школам Звенигородскаго уезда за 1882/83 учебный год*», там же приведены и другие данные об училище в Брыково. Дети учились бесплатно (если не считать сбор на дрова с каждой «*души*» прихода). Отмечена нехватка учебных пособий. Обучение длилось три года, прием новых учеников завершался в октябре «*по недостатку мест*». Имелось три отделения, при этом «*параллельных отделений нет*». Здесь хотелось бы сделать небольшое отступление, рассказать об особенностях народного образования до революции.

Особенности народного образования до революции

В конце XIX столетия обучение в большинстве сельских школ продолжалось три года. Было младшее отделение (по-нашему 1-й класс), среднее (2-й) и старшее (3-й). Далеко не все ребята, начинавшие учебу, проходили полный трехлетний курс обучения (в одном из дел отмечалось, что таких оказалось менее половины – 40%). Причины отсева были разные: кто-то оказывался неспособным к учебе, кого-то досрочно забирали родители (в бедных семьях каждая пара рабочих рук была на счету), у кого-то не было теплой одежды для посещения школы в холодное время года, а кто-то из детей и умирал.

Большинство школ в сельской местности были небольшими с одной классной комнатой и одним учителем, квартира которого обычно находилась в том же учебном здании. Занятия проходили в одну смену во всех трех отделениях одновременно. Когда учитель одному отделению что-то объяснял, другие ребята в это время самостоятельно выполняли свои задания. Можно представить, как тяжело приходилось одному преподавателю вести учебный процесс с ребятами трех отделений одновременно. И чем больше было учеников – тем труднее. Дети есть дети.

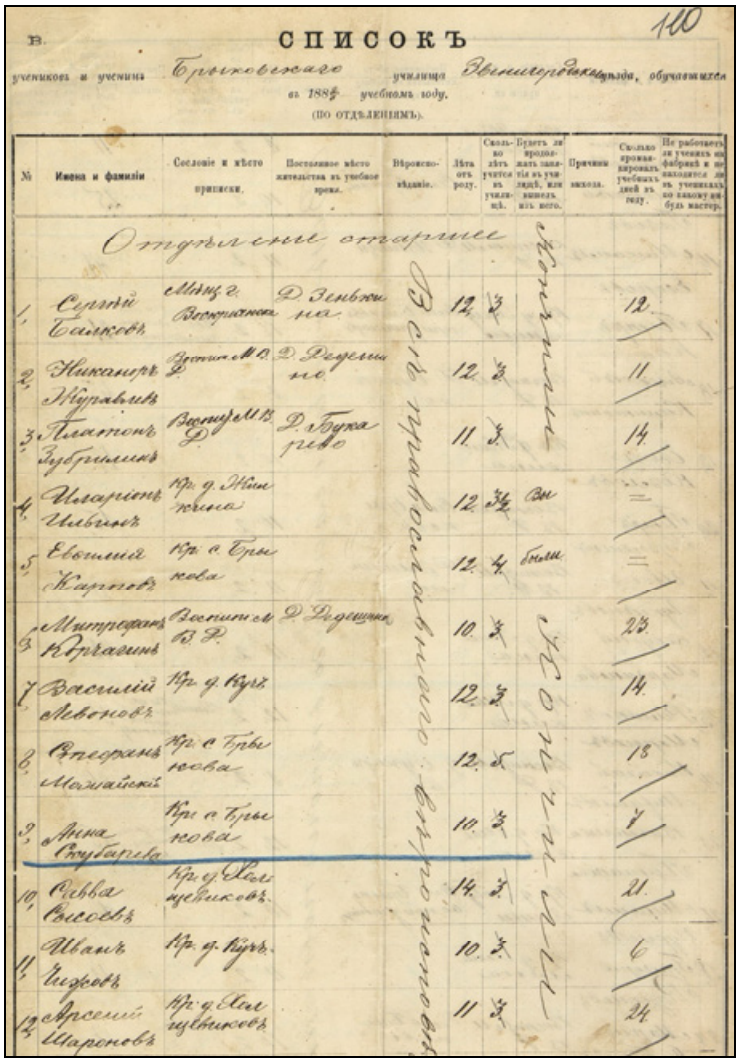
Упомянутое статистическое дело за «*1882/83 учебный год*» интересно еще и тем, что в нем имеется полный список учеников трех отделений Брыковской школы с указанием имен и фамилий, места жительства и сословия (см. изо 9–03). В основном учились дети крестьян, да несколько сирот из «*Воспитательного дома*». Приведены сведения о возрасте каждого ребенка и сколько им пропущено учебных дней в году. У некоторых ребят указаны причины досрочного прерывания учебы: «*по желанию родит.*» или «*по домашним обстоят.*». В младшем отделении учились 22 ученика, в среднем 24, в старшем 12. Итого 58 учеников (50 м., 8 д.).

Указанный отчет за 1882/83 учебный год о Брыковском училище составила учительница К. А. Белоусова. Она написала, что учеба началась 9 сентября и закончилась 1 июня. Приведены названия учебников, вот некоторые из них: «*Св. История Ветхаго и Новаго завета П. Смирнова* […] *грамматика Д. Тихомирова, Азбука правописания Тихомирова*». Написано, что «*Шесть учеников вследствие отдаленности живут при школе*», и что «*Из соседних селений семь человек ночуют в училище во время неблагоприятной погоды*». Отмечено, что пропуски занятий

(«*манкировки*») чаще всего случались «*в Декабре, Январе, Феврале и Апреле вследствие неблагоприятной погоды*».

Теперь поговорим о материальной стороне. При поступлении учительницы Клавдии Александровны в Брыковскую школу ей был положен годовой оклад от земства 240 руб. В одном из отчетов она написала: «*Мало жалование*». В 1884 г. получала уже 300 руб. в год, из них 240 от уездного земства и 60 от губернского земства[25]. Помимо этого Звенигородское земство отпускало 290 руб. на нужды самого училища. «*Сельское общество*» потратило на наем сторожа 61 руб. 95 коп. и на отопление 41 руб. 30 коп. Попечитель Михайлов израсходовал 58 руб. 50 коп. на страхование школьного здания и учебные пособия.

По данным архивного дела в 1883/84 учебном году в Брыковской школе обучалось 57 учеников. Спустя год их было уже 61. Как видим, нагрузка на учителя все возрастала. Возможно, это и стало причиной увольнения Клавдии Александровны. В 1885 г. она перешла на работу в Алексеевскую школу того же уезда. В новой школе было всего 43 ученика. По архивным данным, в 1890 г. К. А. Белоусова работала все там же, оставалась не замужем.

В. СПИСОКЪ 110

учениковъ и учениць Брыковскаго училища Звенигородскаго уѣзда, обучавшихся въ 1883 учебномъ году.
(ПО ОТДѢЛЕНІЯМЪ).

№	Имена и фамиліи	Сословіе и мѣсто приписки.	Постоянное мѣсто жительства въ учебное время.	Вѣроисповѣданіе.	Лѣта отъ роду.	Сколько лѣтъ учится въ училищѣ.	Будетъ ли продолжать заниматься въ училищѣ, или выйдетъ изъ него.	Причины выхода.	Сколько пропускали учебныхъ дней въ году.	Не работаетъ ли ученикъ на фабрикѣ и не находится ли въ ученикахъ по какому-нибудь мастер.
	Отдѣленіе старшее									
1.	Сергій Сапковъ	Мѣщ. г. Вознесенска	Д. Зенькина		12	3	Остается		12	
2.	Никаноръ Муравьевъ	Крестьянинъ	Д. Федулино		12	3			11	
3.	Пластонъ Губрилинъ	Вознесенскій	Д. Бужарево		11	3			14	
4.	Иларіонъ Ивлиевъ	Кр. д. Жемчужина			12	3½	Вы		11	
5.	Евгеній Карповъ	Кр. с. Брыкова			12	4	Были		11	
6.	Митрофанъ Кургасинъ	Воспитанникъ Б. Ш.	Д. Федешкино		10	3			23	
7.	Василій Ивановъ	Кр. д. Курилово			12	3			14	
8.	Ѳеофанъ Можайскій	Кр. с. Брыкова			12	5			18	
9.	Анна Губарева	Кр. с. Брыкова			10	3			8	
10.	Савва Высоевъ	Кр. д. Малыгинскихъ			14	3			21	
11.	Иванъ Кирѣевъ	Кр. д. Курилово			10	3			6	
12.	Арсеній Шароновъ	Кр. д. Малыгинскихъ			11	3			24	

Изо 9–03. Список учеников старшего отделения Брыковской школы[24], 1883.

Попечители и благотворители Брыковского училища

Поговорим теперь о попечителях школы. В 1873 г. им стал уроженец здешних мест. В одном из дел приведены такие сведения: «***Крестьянин*** *звенигор. уезда дер. Железникова* ***Алексей Михайлович Михайлов***[i]*, ящичник, жительствующий постоянно в Москве при мастерской. Человек небогатый, но на свой счет в* [1873] *году выстроил училище, и когда оно оказалось тесно, он выстроил новое настоящее училище. Сужает* [снабжает] *училище бумагой, перьями и чернилами. Так что недостачи не бывает. Когда бывает в деревне, непременно навестит и школу, любит слушать, как читают в школе, смотрит письмо учеников. Сам грамоты не знает, бездетный*»[26].

Как видим, попечитель Брыковской школы был не купцом, а крестьянином, занимавшийся ремеслом – изготовлением ящиков. Очевидно, труд был нелегкий, но заработок он приносил. В итоге Алексей Михайлович скопил некоторую сумму денег. Своих ребятишек у него не было, и он решил помогать чужим детям. Попечитель – это была не просто почетная должность, в его обязанности входило радение о благополучии опекаемой школы, решение возникающих вопросов. Так, когда возникла необходимость в расширении училища и постройке квартиры для учителя, А. М. Михайлов в 1881–1882 гг. на свои средства выполнил все необходимые работы.

Помимо разовых, довольно крупных пожертвований, со стороны попечителя были и ежегодные траты на поддержание учебного процесса. Алексей Михайлович оплачивал текущий ремонт помещения, страховку школьного здания (в 1887 г. она составила 25 руб.[27]), приобретение пись-

[i] Любопытное наблюдение: настоятеля Брыковской церкви звали о. Михаил Никифорович Михайловский, первого учителя – Михаил Дмитриевич Надеждин, попечителя – Алексей Михайлович Михайлов. Как видим – у всех в ФИО присутствует имя Михаил, да у некоторых еще по два раза.

менных принадлежностей. Так в 1885/86 учебном году на его средства были закуплены: «*4 стопы бумаги, 4 флаконов чернил, 42 карандаша, 60 грифелей, 3 коробки перьев, 44 ручки для письма, грифельных досок 22, 12 книжек для чтения*»[28]. Достойный пример для подражания!

В отчете за 1889/90 учебный год написано: «*В настоящем году попечитель выбыл*»[29] (о причине увольнения не сказано). Это был А. М. Михайлов. Таким образом, 16 лет он состоял попечителем.

Алексей Михайлович был не единственным человеком, помогавшим Брыковской школе. В статье, опубликованной в епархиальном журнале в 1876 г. упомянуто еще одно имя – «*благотворитель Богоявленской-Брыковской церкви и Брыковскаго училища Московский* ***купец Василий Гаврилович Климушин***»[30]. В чем заключалась помощь этого купца, ее размер – осталось неизвестно. Напомним, что некоторые сведения о В. Г. Климушине приводились в пятой главе.

1885–1886: Учительница Зиновия Бобцева

10 июля на освободившееся место учителя в Брыковскую школу была назначена **Зиновия Иосифовна Бобцева**. Как и предшественница Белоусова, она также происходила «*из духовнаго звания*», была молодая (20 лет) и незамужняя. В статистическом отчете за 1885/86 учебный год написано, что Зиновия имела домашнее образование, получила «*право учительницы в Клинском городском уездном училище*»[31]. До поступления в Брыково успела поработать два года учительницей в Веневском уезде Тульской губернии.

По какой-то причине оклад новой учительнице был положен меньше, чем предшественнице – всего 199 руб. 92 коп. Помимо основных предметов она дополнительно преподавала девочкам рукоделие, причем делала это «*без вознаграждения*». Мало того, как написано в том же документе, Бобцева потратила свои 25 коп. за «*починку классной доски*». И еще «*на бумагу и ручки для письма, 4 рубля 50 коп. из собственных денег учительницы*». Это значительная сумма при невысокой зарплате.

В том же архивном деле отмечено, что в Брыковской школе проводились уроки пения, их бесплатно преподавала дворянка Мария Григорьевна Рукина (о ней подробнее поговорим чуть позже). Написано, что «*Под ея руководством дети поют в церкви, по итальянским нотам, очень хорошо*». Отмечено, что Рукина поощряла учеников подарками «*за усердие*».

В отчете отмечалось, что в школе есть книги для внеклассного чтения. Но было замечено, что книг очень мало и у некоторых вырваны отдельные страницы. Для исправления сложившегося положения уездное земство прислало в детских школу 40 книг писателя Л. Н. Толстого.

Зиновия Иосифовна работала в Брыковской школе меньше других учителей – всего один учебный год. 28 октября 1886 г. она уже была определена на должность учительницы во вновь открывшееся училище в дер. Падиково Звенигородского уезда. Основателем этой церковно-приходской школы был родной брат Зиновии священник Иоанн Иосифович Бобцев, иногда фамилию писали Бобцов (об этом служителе подробно рассказано в недавно вышедшей книге автора[32]). Брат и сестра были из многодетной семьи священнослужителя Иосифа Ивановича Бобцева, оба родились в с. Федоровское[i] Волоколамского уезда, где в местной Скорбященской церкви их родитель служил дьяконом. В Падиковской школе Зиновия проработала учительницей по некоторым данным 12 лет. О дальнейшей ее судьбе сведений нет.

1885–1887: Антон Павлович Чехов в Брыково

Во многих источниках говориться, что в течение трех летних сезонов (1885, 1886, 1887) у владельца имения Бабкино Киселева снимал дачу начинающий писатель Антон Павлович Чехов. Также известно его письмо издателю Суворину, написанное в 1887 г., в котором говорилось о продаже имения Глебово. Оба селения – Бабкино и Глебово – находились не так далеко от Брыково. В книге автора, посвященной истории Глебово, рассказывалось о том, как было найдено документальное подтверждение о визитах писателя в Брыково, точнее на запруду на речке Маглуше. В напечатанной в 1945 г. в центральной газете "Известия" статье об учительнице Е. И. Банниковой есть такие строки: «*Брыковская школа стояла в лесу, у озера. Антон Павлович Чехов любил там удить. Муж рассказывал Елизавете Ильиничне о нем: "Очень сочувствует сельским учителям"*»[33]. Упомянутый в цитате муж – это учитель Брыковской школы М. М. Банников.

---

[i] О с. Федоровском уже рассказывалось в настоящей книге в седьмой главе, когда шла речь о служении в приходской Скорбященской церкви псаломщика Василия Сунгурова, будущего священномученика.

1887–1917: Вторые три десятилетия истории Брыковской школы

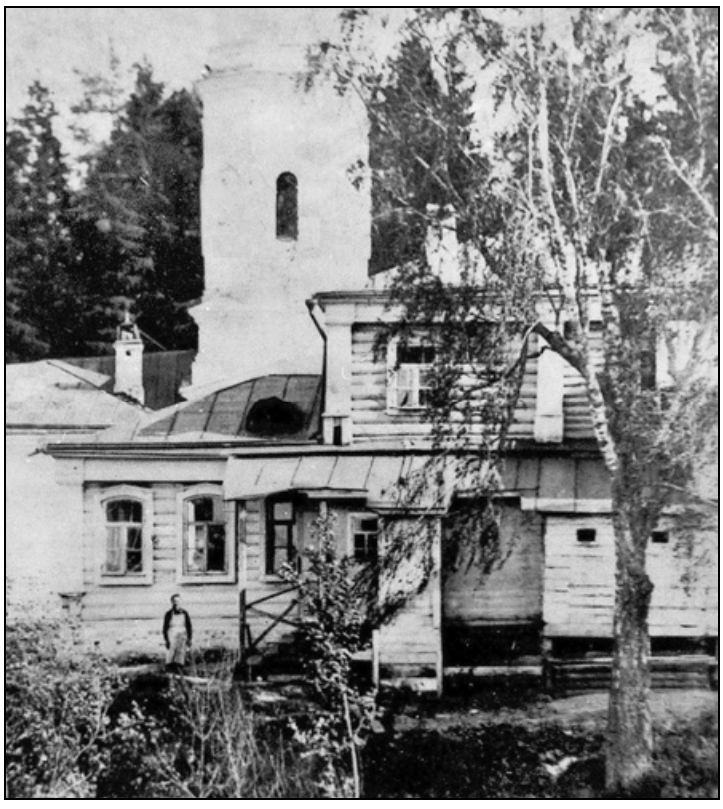
Как уже говорилось, З. И. Бобцева уволилась из Брыковской школы осенью 1886 г. Несколько месяцев место учителя оставалось вакантным. Проводились ли в это время занятия (и кем) – осталось неизвестно. В январе 1887 г. в школу был назначен новый учитель Михаил Банников. О нем поговорим попозже, а сейчас остановимся на самой школе и других людях, связанных с ней.

Сведения о Брыковском земском училище

Ранее говорилось, что в 1881 г. училище в Брыково было «*перестроено, расширено и с особым помещением для учителя*». Что конкретно имелось в виду под последними словами – в документе не уточнялось. В статистическом отчете по школам за 1889/90 учебный год написано, что квартира учителя находилась в том же учебном здании на втором этаже, а точнее в мезонине. Там были две жилые комнаты (см. изо 9–07). Мезонин можно разглядеть на приводимом снимке бревенчатого дома (здания школы) за деревом. На дальнем плане видна колокольня Богоявленской церкви.

В том же отчете приведены сведения о расходах на содержание училища. Зарплаты учителя и законоучителя остались прежними – 200 и 50 руб. соответственно (это «*без учета приплаты от губ. зем.*»)[34]. Местное приходское попечительство оплачивало страхование и ремонт учебного помещения (25 руб.), «*ремонт классных принадлежностей*» (4 руб.) и «*очистку ретирад*», т.е. туалетов (6 руб.). На крестьян было возложено отопление (42 руб.), а также затраты «*на сторожа и поддержание чистоты*» (62 руб.). Всего 404 руб. Как видим, в смете нет средств попечителя, т.к. в указанном году А. М. Михайлов «*выбыл*». То, что он раньше оплачивал, теперь делало приходское попечительство. Со временем почти все затраты по училищу земство взяло на себя. Помимо этого в указанном отчете сказано: «*Все ученики в училище поют молитвы пред началом и после учения, а некоторые поют в церкви; пение преподается с голоса*».

Врач Воскресенской больницы П. А. Архангельский при осмотре в 1889 г. учебных заведений отметил, что в Брыковской школе холодно[35]. Осенью того же года проходил 10-й губернский съезд врачей. В издании по его итогам приведены сведения о школе в Брыково. Отмечено, что она построена в 1881 г. на церковной земле, «*уступленная под школу безплатно*»[36]. Школьное здание находится «*Близ барск. усад.*» и рядом с церковью. Постройка деревянная на кирпичном фундаменте и с железной крышей. Наружные стены украшены «*резбой белаго цвета, а здание покрыто дикой масл. краской*».

Изо 9–04. На переднем плане здание школы с мезонином, нач. XX в., (вид с севера, архив храма).

В Брыковской школе была всего одна учебная комната высотою в 3,5 аршина (2,5 м) и площадью 108,7 кв.арш. (55 кв.м.), имелось 11 окон с трех сторон света. Для обогрева в классе находилась печь «*Голландка*». Тепла от нее было недостаточно, коль скоро врач отмечал, что в помещении холодно. Причина была в том, что стены в классной комнате не держали тепло, как написано, «*требуют конопатки*».

В 1890 г. в училище училось 57 учеников, включая 20 девочек[37]. В классе было расставлено 10 широких парт, за каждой сидели по 5–6 учеников. В одном из документов отмечено, что помещение «*Моется 1 раз в мес. матерями учен. по очереди; метется после класса*». В школьном здании имелась теплая «*раздевальня*» и кухня. Питьевая вода приносилась в ведре из находившейся неподалеку речки Маглуша (250 м), для питья имелся железный ковш.

Школьные уроки (Закон Божий, чисто-

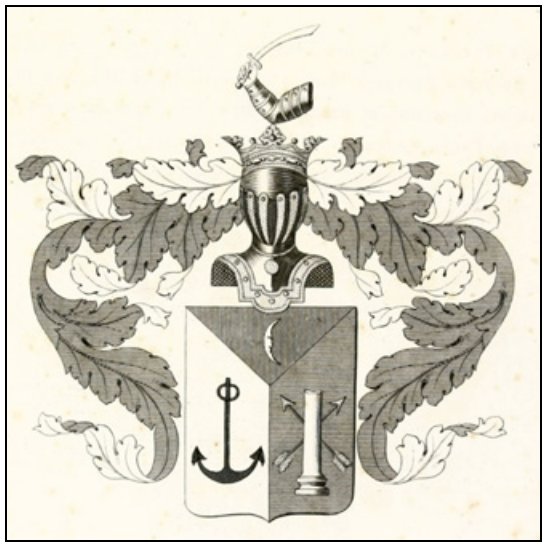
писание, русское чтение, церковно-славянское чтение, диктант, арифметика, пение) проходили шесть дней в неделю, выходной день был в воскресенье. Дети занимались утром с 9 до 12 часов с переменами на 5–10 минут. Потом был часовой перерыв на обед. И затем занятия продолжались с 1 до 3 часов дня. Всего пять уроков. Давались домашние задания из расчета полутора часов на их выполнение. Также написано, что старшее отделение ночует в школе и занимается по 2 часа вечером при керосиновом освещении.

Как и в нынешние времена, учебный год начинался 1 сентября и завершался в конце мая. Были перерывы в учебе, но их было меньше. С 23 декабря по 8 января продолжались зимние («*Рождественские*») каникулы. Имелись также небольшие перерывы на несколько дней на время празднования Пасхи и Масленицы. В 1892 г. в Брыковской школе на средства земства была открыта библиотека.

В 1893 г. в школьной жизни произошли важные события. Это был последний год работы в школе ее основателя священника Михайловского. В шестой главе рассказывалось, как он поменялся со своим зятем Петром Зверевым местами службы. В общей сложности 36 лет о. Михаил преподавал детям Закон Божий в Брыково. После него это стал делать новый настоятель о. Петр.

С 1893: Попечительница Мария Рукина, ее семья

«Щит разделен двумя диагональными с верхних углов и на середине соединенными чертами и третьей отвесной. В верхней части на красном фоне изображен серебреный полумесяц, рогами в левую сторону обращенный. В правой части в серебряном поле означен железный якорь. В левой в голубом поле серебреный столб с двумя золотыми стрелами, проходящими крестообразно сквозь столб. Щит увенчан дворянскими шлемом и короною, на поверхности которой согбенная рука в латах с саблею. Намет на щите голубой, подложенный серебром. […] *Герб рода Рукиных внесен в Часть 6 Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи, с. 59»* (сведения с сайта “Общий Гербовник”).

Изо 9–05. Герб рода дворян Рукиных и его описание[38].

Спустя четыре годы после ухода А. М. Михайлова у Брыковской школы появился новый попечитель. На эту должность в 1893 г. была избрана дворянка **Мария Григорьевна Рукина** (ур. Ломоносова, 1848 – † 1921). Это та самая женщина, которая прежде преподавала ученикам пение. Мария Григорьевна была замужем за Николаем Владимировичем Рукиным из старинного дворянского рода, корни которого, по некоторым данным, уходят в XV век. Супруг владел поместьем Зенькино в Звенигородском уезде, входившим в приход Богоявленской церкви с. Брыково. Дополнительные сведения об этой женщине были найдены в рукописи[i], подготовленной в 1982 г. ее внуком Владимиром Алексеевичем Рукиным.

У Николая Владимировича Рукина в годы его учебы в Московском университете был близкий друг Григорий Григорьевич Ломоносов. В рукописи написано, что тот был потомком Леонтия, брата знаменитого ученого Михаила Васильевича Ломоносова: «*Семья Ломоносовых, к которой принадлежала моя бабушка Мария Григорьевна, по семейному преданию, имела отношение к великому русскому ученому. У самого Михаила Васильевича была только одна дочь, но у него были два брата – Леонтий и Константин. Однажды, воспользовавшись хорошим настроением императрицы Елизаветы, которой он угодил очередной одой, на вопрос императрицы, чего бы он хотел, Ломоносов испросил у нее согласия на пожалование его братьям звания потомственных дворян, поскольку в те времена только одно это сословие пользовалось в России всеми гражданскими правами. После*

[i] Машинописный (очевидно, неопубликованный) текст рукописи “История русского дворянского рода Рукиных” любезно предоставил настоятель Борисоглебской церкви с. Куртниково о. Димитрий Шмелев.

Изо 9–06. Попечительница М. Г. Рукина[39].

этого Леонтий стал родоначальником Смоленской линии Ломоносовых, а Константин – Тамбовской».

Как-то университетские приятели поехали в Смоленскую губернию в родовое имение Ломоносово. Там Николай Рукин познакомился с сестрой друга Марией, которая была на два года его старше. Молодые люди понравились друг другу и вскоре поженились. После свадьбы молодожены поселились в имении Рукиных в сельце Бабкино под г. Воскресенском. Там в 1874 г. родился первенец – дочь Варя. Как написано в рукописи, у Николая Владимировича после ее рождения случился сердечный приступ. Опасаясь, что после его кончины львиная часть имения отойдет дальним родственникам, он решил продать родовое поместье Бабкино, и купил неподалеку другую недвижимость в сельце Зенькино.

Однако исторические источники такую хронологию событий не подтверждают. Обнаруженная в архиве ЦГАМ «*Книга записи крепостных актов*» содержит запись о продаже 3 марта 1871 г. княгиней Елизаветой Александровной Голицыной «*несовершеннолетнему дворянину Николаю Владимировичу Рукину с согласия попечителя*»[40] имения «*при сельце Зенькине с деревнями Хмолиною, Ильиною и Дедешиною*» за 54.000 руб. Всего в имении было 720 дес. 1840 кв.саж. земли, включая водяную мельницу на р. Мологоще.

А вот поместье Бабкино Н. В. Рукин продал согласно документам не до покупки имения Зенькино, а спустя полтора года после его приобретения, а именно 20 ноября 1872 г. Покупатель «*Рижский гражданин*» Иван Иванович Репер заплатил 16.000 руб. за 160 дес. земли[41]. Это противоречит тому, что написано в рукописи: мол, Н. В. Рукин продал Бабкино А. С. Киселеву. На самом деле до Киселева были и другие владельцы[i].

Вот так в 1871 г. семья Рукиных оказалась в приходе Богоявленской церкви с. Брыково. Как написано в рукописи: «*Это новое родовое имение* [Зенькино] *оставалось в руках семьи Рукиных (в лице бабушки Марии Григорьевны и ее дочерей – папиных сестер) свыше 40 лет – до 1918 года, когда, вопреки протестам окрестных крестьян, они были выселены и переехали жить в Воскресенск (Истру). У Николая Владимировича, на Кургане, родилась дочь Мария (1876–1945) и сыновья – Николай (1878–1931) и Алексей (1880–1921)*».

В упомянутой рукописи имеется много интересных подробностей о жизни Рукиных в имении Зенькино, потом в г. Митава (ныне г. Елгава в Латвии). Эти сведения здесь не приводятся, т.к. в них ничего не говорится о Марии Григорьевне. Николай Владимирович умер в 1894 г., супруга намного его пережила. Ее кончина в 1921 г. оказалась трагичной. По воспоминаниям внучки Анастасии Николаевны Рукиной, у Марии Григорьевны загорелась блузка, когда она пыталась поставить самовар[42]. От полученных ожогов бабушка скончалась.

Завершая разговор о М. Г. Рукиной, следует сказать, что нет сведений о том, как долго она оставалась попечительницей Брыковского училища. Не исключено, что до самой революции находилась на этой должности (самый поздний подтверждающий документ датирован 1910 г.). Надо еще отметить, что ее помощь школе была довольно скромной: «*Все учебныя пособия получаются от попечительницы училища. Всего израсходовано на учебныя пособия 20 руб.* […] *Недостатка в учебн. пособиях нет*»[43] (данные на 1895/96 учебный год). Аналогичные записи обнаружены и в других делах. Имя попечительницы нигде не указано, но понятно, что это была Мария Григорьевна Рукина.

---

[i] Согласно сведениям из того же архивного дела И. И. Репер продал имение Бабкино 12 марта 1874 г. Ф. И. Пейкеру. Следующим владельцем Бабкино 30 июня 1877 г. стала М. П. Егорова. И лишь 10 апреля 1878 г. новым хозяином имения оказался А. С. Киселев. У Киселевых в Бабкино несколько лет снимала дачу семья Чеховых.

Дополнительные сведения о Брыковском училище

Основные средства на содержание школы в Брыково поступали от земства. Ежегодная сумма на рубеже веков превышала 500 руб., она делилась примерно поровну на зарплату преподавателям (учитель и законоучитель) и на остальные нужды. Случались и непредвиденные расходы. Как написано в том же архивном деле: «*В августе 1895 года из 11 столов старой конструкции сделан 21 стол новой* [конструкции] – *на сумму 75 руб*.». В чем именно заключалась переделка – не сказано. Можно лишь предположить, что широкие парты на 5–6 учеников были переделаны в парты на двоих.

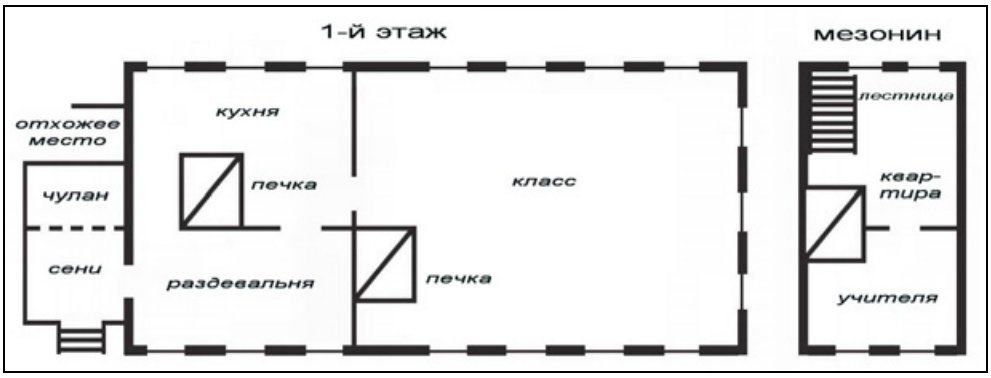
Учебники поставляло земство. В училище были также Евангелия, псалтыри и молитвословы. Всего в школьной библиотеке насчитывалось 160 томов. В отчете за 1895/96 учебный год, составленном учителем Банниковым, подробно перечислено, сколько имелось бумаги, перьев, перьевых ручек, грифелей, чернил, чернильниц, счет. Указана мебель и другие предметы, включая две иконы с лампадами, 13 «*Картин двунадесят. праздн*.», две географические карты и один «*Глубус*» (глобус).

В указанном документе также отмечено, что в сторожке при училище постоянно проживал сторож, ему прихожане из своих средств платили за охрану церкви и школы 25 руб. в год (очень незначительная сумма). Помимо этого крестьяне договорились собирать по 15 коп. с души на ремонт училища. Вот только сбор этих средств проходил, как написано, *«очень неаккуратно»*.

На крестьян также возлагалась заготовка дров для отопления Брыковской школы. Всего в тот год на зиму было закуплено 8 куб. сажень дров на сумму 32 руб. Отмечено, что «*Школа не освещается*». Учитель Банников для освещения собственной квартиры купил один пуд керосина (на 1 руб. 60 коп.) и два фунта свечей (60 коп.).

В другом архивном деле, датированным 1897 г., есть такие слова: «*Учитель Бриковскаго Земскаго училища заявил, что попечительница школы* [М. Г. Рукина – Авт.] *дает некоторую сумму на постройку кухни при училище, обратился с просьбой об оказании дополнительнаго пособия на этот предмет. Эта просьба учителя поставила Управу в недоумение, так как Управе известно, что при Брыковском училище есть довольно большая размером 8 на 10* [аршин] *кухня. И хотя в ней живет церковный сторож, но он же в тоже время состоит и сторожем при школе и исполняет обязанности прислуги. Поэтому Управа полагает просьбу* […] *отклонить*»[44].

Справедливость данного утверждения подтверждает план Брыковской школы, на котором видна отметка кухни. Справа план мезонина с квартирой учителя. По нему видно, что помещение разделено на две комнаты с печкой посередине. Квартира имела размеры 6 на 10 аршин (около 30 кв.м.).

Изо 9–07. План первого этажа Брыковской школы и мезонина с квартирой учителя[45] (реконструирован), 1912.

Школьный приварок

Поговорим теперь о школьной кухне. Надо сказать, что в первые годы становления народного образования никто не занимался организацией детского питания не только в Брыковской, но и в других сельских школах. А ведь ребята учились с 9 утра и до 15 часов дня. У некоторых уходило много время на дорогу в школу и обратно. Получался слишком большой перерыв между приемами пищи. Конечно, детям хотелось кушать. В обеденный перерыв (с 12 до 13 часов) они питались тем, что брали с собой из дома (обычно это был хлеб, иногда вареная картошка). Ну а в школе имелась только питьевая вода (не факт даже, что заваривали чай – о нем нигде не сказано). И только в самом конце XIX столетия ситуация с детским питанием стала меняться в лучшую сторону. Руководители земства понимали, что для продуктивного обучения нужно кормить ребят в школе.

Деньги на это стали выделять благотворительные общества и отдельные жертвователи, как, например, С. М. Попов, Б. А. Брусилов. В отчете «*благотворительнаго общества при Воскресен-*

ской земской лечебнице» за 1897/98 отмечено, что в течение указанного учебного года было организовано питание (так называемые «*школьные приварки*») в 10 школах Звенигородского уезда, среди них была и «*Бриковская*»[46]. По всей видимости, это произошло впервые. В документе написано, что в школе каждый день обедал в среднем 41 ученик, четверо ужинали. Всего в течение учебного года было выдано 2.024 порции, на них было потрачено 13 руб. 98 коп. Стоимость одной порции составила 0,69 коп. При этом хлеб дети по-прежнему приносили свой из дома, так же было и с ложками. На приобретение котлов для кухни и чашек было потрачено по 2 руб. 22 коп. на каждую школу.

В последующие годы в Брыковской школе продолжали кормить учеников. В отчете указанного благотворительного общества за 1898/99 гг. написано, что питались 50 учеников, им было выдано за год 4.140 порций[47]. Стоимость одной порции осталась примерно той же – 0,7 коп. Помимо этого дети приносили из дома картофель, капусту и грибы, они шли на общий стол. Дополнительно кем-то были пожертвованы 3 рубля на еду. Приготовлением пищи занималась жена сторожа. Надо сказать, что питание было организовано не с первого дня занятий в школе, а с 15 ноября и по 15 мая (всего 100 учебных дней). И хотя условия для приема пищи были неподходящими («*В Брыковской школе обедают на скамьях, сидя на полу*»), всеми отмечался положительный эффект от введения школьного питания: уменьшилось число пропусков занятий, ребята после обеда стали заниматься бодрее и усерднее. Родители благодарили за заботу об их детях.

В отчете следующего года приведены схожие данные. В течение 97 дней в Брыковской школе обедали в среднем 45 учеников и еще 5 ужинали (кто оставался на ночлег). Питание улучшилось: стоимость одной порции выросла до 0,9 коп. Приведены такие сведения о еде: «*Приварок состоял: в скоромные дни из щей или картофельнаго супа со свининой, в постные дни со снитками и на подсолнечном масле – эти порции или суп гороховый или крупяной*»[48]. Как видим, это был обед из одного блюда. И не ясно, насколько дети наедались или оставались голодными. В том же отчете отдельно отмечены произошедшие изменения в школе: «*устроены разборные столы* [для приема пищи]; *приобретено 50 эмалированных мисок, взамен за три года износившихся железных луженых, и 10 больших эмалированных чайников*». Тем ученикам, кто оставался на ночлег, стали давать утром чай.

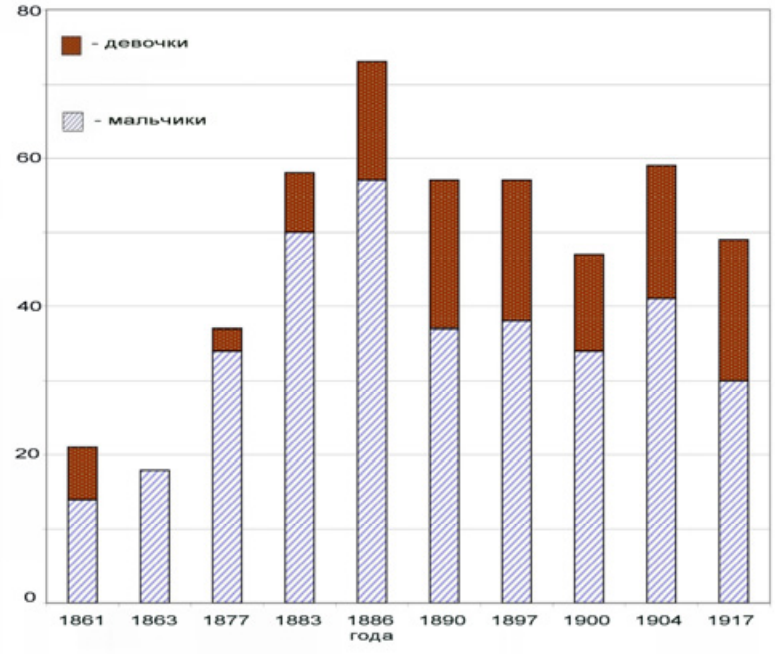
В 1901/02 учебном году в Брыковской школе питалось 60 детей, стоимость одной порции снизилась до 0,8 коп.[49] Наверно потому, что от населения поступали картофель, горох и крупы. А в отчете за 1903/04 гг. приведены такие сведения: питание осуществлялось в течение 74 дней, кормили 65 учеников, одна порция стоила 0,9 коп.[50] В отчете за 1910 г. написано, что стоимость одной порции возросла до 1,0 коп. Остается лишь добавить, что детей кормили в школе до самой революции.

Численность учащихся

Поговорим теперь о количестве учеников в Брыковской школе, о том, как оно менялось в разные годы.

Напомним некоторые уже приводившиеся сведения. Самые ранние данные о количестве учащихся относятся к 1860/61 учебному году, когда священник Михайловский в своем доме учил 21 ребенка (14 м., 7 д.). После постройки в 1872/73 гг. отдельного здания для училища появилась возможность обучать большее количество детей. А когда в школу был назначен учитель М. Д. Надеждин, то уже в первый год его работы (1876/77) в Брыковской школе учились 37 детей (34 м., 3 д.).

Спустя несколько лет школьное здание было расширено и возможностей стало больше. Так в 1882/83 учебном году училось уже 58 детей (50 м.,

Изо 9–08. Гистограмма изменения численности учеников в Брыковской школе до революции.

8 д.). Ну а максимальное число учеников за всю дореволюционную историю Брыковской школы зафиксировано в 1885/86 гг. – 73 (57 м., 16 д.)[51]. Большинство были дети крестьян, помимо этого 13 сирот («*питомцев Моск. Восп. Дома*») и еще 4 ребенка «*других сословий*». Это была уже запредельная нагрузка на одного учителя. К счастью, такое положение длилось недолго. Уже два года спустя в школе учились 50 детей (35 м., 15 д.). Как показывают исторические документы последующих лет, на протяжении долгого времени в школе обучалось от 50 до 60 учеников. По данному показателю Брыковская школа относилась к числу средних по Звенигородскому уезду. Динамику изменения числа учащихся можно проследить по ежегодно заполнявшимся статистическим отчетам.

Дополнительные сведения о Брыковском училище

В одном из отчетов (1899/1900) говорится, что в Брыковской школе в течение года было проведено 24 сеанса «*народных чтений*» с картинами (в других документах они именовались «***чтения с туманными картинами***»). Спустя четыре года было проведено 20 сеансов, на каждом присутствовало от 70 до 150 человек[52] (очевидно, что среди зрителей было много взрослых).

По сути это был коллективный просмотр в темноте на большом экране сменяющих друг друга отдельных картинок (что-то типа слайд-шоу). Людям старшего возраста это хорошо знакомо, в СССР были популярны диафильмы для детей, для просмотра которых использовались небольшие аппараты с источником света, их называли диапроекторами. А в старину подобные аппараты именовали «*волшебный фонарь*». Источником света в них вместо электрической лампочки была керосиновая лампа. Ну а сами картинки (диафильмы) в советские времена были на гибкой целлулоидной пленке, до революции же использовались прозрачные стеклянные пластины с нанесенными на них изображениями. Коллективные просмотры картинок через «*волшебный фонарь*» в конце XIX и начале XX вв. пользовались огромной популярностью. Тогда ведь еще не было кино, а книги с рисунками и фотографиями (которые тогда были черно-белыми) простым людям были малодоступны в силу неграмотности и бедности значительной части сельского населения. Эти «*туманные картины*» были как бы окном во внешний мир. Ведь многие крестьяне в своей жизни никуда далеко за пределы родной деревни не уезжали (если не служили в армии). В лучшем случае бывали в уездном городе и в соседних селениях, хорошо, если иногда выбирались в Москву.

Теперь хотелось бы поговорить о самой Брыковской школе, о состоянии учебного помещения. Построенное в 1873 г. и перестроенное в 1881 г. здание школы, как выяснилось со временем, оказалось не совсем удобным. В отчете училищного совета за 1900/01 гг. приведены такие слова: «*Помещение школы находится в одном здании с церковной сторожкой, которая за отсутствием специальной раздевальни и служит раздевальней для учеников. Квартира учителя помещается в мезанине, ход из которой прямо в класс. Классное помещение может вместить по мнению учителя до 50 чел. Размер: 9 на 12 на 3 и ¾* [аршин]»[53]. Стоит обратить внимание на слова о вместимости: «*до 50 чел.*». Ранее же говорилось, что в отдельные годы в школе училось около 60 учеников, а однажды даже 73. Класс был переполнен.

В одном из архивных дел написано, что в 1904 г. в Брыковской школе были «*вновь устроены сени*». В другом отчете приведены такие сведения: «*В 1905 были окрашены стены снаружи и внутри.* […] *Вообще школа обезпечена всем необходимым; желательно было бы только иметь отдельный шкаф для школьной библиотеки*»[54].

Все эти ремонты, мелкие переделки не решали главной проблемы – тесноты и духоты классной комнаты. 60 учеников было слишком много для помещения площадью 55 кв.м и невысоким потолком. Как написано в том же отчете училищного совета: «*школа слишком низка, следовало бы прибавить в вышину 2 арш.*». Привести существующее школьное здание в соответствие с санитарными нормами не представлялось возможным. Поэтому в одном из документов 1908 г. записано, что в будущем потребуется строительство новой школы, а существующее здание предлагалось переоборудовать под квартиры учителей. На все это необходимо было 4.500 руб.[55].

Однако решение проблемы тесноты класса пришло с другой стороны: в 1908 г. по соседству в сельце Зенькино (имении Рукиных) была открыта новая школа, куда перешла часть учеников. Вот что было написано в докладе Звенигородской уездной земской управы: «*В виду уменьшения числа учащихся, вследствие устройства Зенькинской школы, помещение* [в Брыковском училище] *можно признать пока пригодным. При чем, однако, большое неудобство составляет соединение шко-*

лы с церковной сторожкой в одном здании. Половина мебели неудовлетворительна. Устройство сторожки – для освобождения школы от семьи церковнаго сторожа – [потребует] *600 р.*»[56].

Была ли построена отдельная церковная сторожка – в документах не сообщается.

В одном из дел 1913 г. приведена сумма в 6.000 руб., которую планировалось выделить для исправления Брыковской школы[57]. Но были ли выполнены запланированные работы – не ясно, подтверждений этому нет. Есть сомнения в этом, т.к. вскоре началась Первая мировая война. А потом власть в стране захватили большевики.

1887–1918: Учитель Михаил Михайлович Банников

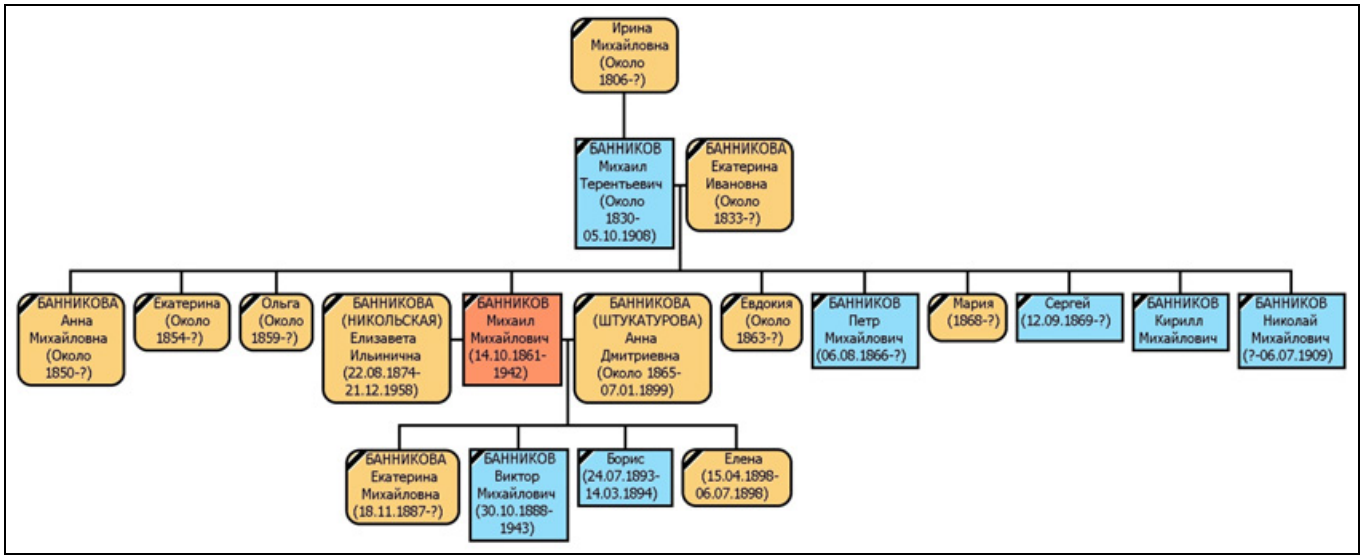
Переходим теперь к учителю, чья фамилия уже неоднократно упоминалась – к Банникову. Это оказался уникальный учитель: по стажу работы в Брыковской школе (31 год) с ним никто и близко не может сравниться. Да и в других школах Звенигородского уезда мало было преподавателей, проработавших столько лет без перерыва на одном месте (в этом плане его опередила супруга, об этом позже поговорим). С учителем Михаилом Михайловичем Банниковым автору уже приходилось дважды сталкиваться. Первый раз при сборе материала для книги об истории села Глебово. А второй раз при написании статьи о жизни его жены учительницы Елизаветы Ильиничны. Однако в этих публикациях сведений о М. М. Банникове приведено довольно мало. При работе над настоящей книгой удалось собрать намного больше информации. К ее рассмотрению и перейдем.

Отец учителя крестьянин, купец Михаил Терентьевич Банников

Долгое время не получалось найти сведений о происхождении учителя, его родителях. Хотя один кандидат в отцы был, причем давно. В исторических источниках по г. Воскресенску, начиная с середины 1860-х гг. неоднократно попадался один и тот же человек из с. Верхний Белоомут Зарайского уезда Рязанской губернии, писавшийся поначалу как крестьянин, а позднее как купец. Это «*Михаил Терентьев Банников*»[58]. Учитывая совпадение фамилий и соответствие имени крестьянина отчеству учителя, возникло предположение, что это отец и сын. Но для полной уверенности хотелось найти документ, подтверждающий их родство. И такое доказательство в итоге было найдено. В одной из метрических книг за 1887 г. обнаружена запись о рождении Екатерины, отцом которой записан «*Учитель Брыковской школы Михаил Михайлов Банников*», а восприемником указан «*г. Воскресенска временный купец Михаил Терентьев Банников*»[59], дедушка новорожденной.

Каким образом рязанский крестьянин оказался в далеком заштатном городе другой губернии, осталось тайной. Хотя одна версия имеется. Дело в том, что согласно ревизским сказкам в 1834 и 1850 гг. в Воскресенске проживал мещанин Матвей Иванович Банников. Возможно, это был дальний родственник, и именно он мог посодействовать переезду Михаила Терентьевича в Подмосковье.

Пока нет достоверных сведений о времени переезда крестьянина из Рязанской губернии в Московскую. Но в 1861 г. М. Т. Банников уже жил в Воскресенске, осенью в этом городе у него родился

Изо 9–09. Родословное древо Банниковых.

сын Михаил, будущий учитель. Возможно, тогда и состоялся переезд. Это вполне логично, если вспомнить, что в феврале того же года было отменено крепостное право, крестьяне обрели свободу. В исповедной ведомости Вознесенской церкви г. Воскресенска за 1865 г. записана семья: «*Госуд. крест. Михаил Терентьев Банников, 35* [лет], *жена Екатерина Иванова, 32. Дети их Анна, 14. Екатерина, 11. Ольга, 6. Михаил, 4. Евдокия, 2. Мать его Ирина Михайловна, 59*»[60]. Здесь в заштатном городе рождались и другие дети, это подтверждают записи, обнаруженные в метрических книгах. По собранным из разных источников сведениям было составлено древо рода Банниковых.

Михаил Терентьевич всю оставшуюся жизнь прожил в Воскресенске, его фамилия регулярно встречается в городских документах конца XIX в. Надо полагать, он обладал коммерческой жилкой, дела у него шли в гору. Из крестьян перешел в мещанское сословие, потом стал купцом (в архивном деле 1893 г. показан «*временным*» Воскресенским купцом второй гильдии).

Чем конкретно занимался выходец из Рязанской губернии? В книге "У стен Нового Иерусалима" есть такие строки: «*Свою землю на 2-й Торговой площади* [в г. Воскресенске] *имели крестьяне отец и сын Банниковы — Михаил Терентьевич и Кирилл Михайлович. Большая семья владельца (14 человек) жила в деревянном доме с мезонином (площадь 133 м^2). В доме площадью 150 м^2 находился трактир. Услугами этого заведения пользовался А. П. Чехов. 23 августа 1884 г. в письме Н. А. Лейкину он писал: "Все оные рубли я собрал воедино и отослал их в трактир Банникова, откуда получаю для своего стола водку, пиво и прочие медикаменты". Михаил Терентьевич имел еще участок земли (5,2 сотки) с домом (40,3 м^2) на Садовой улице. Вероятно, участки находились рядом. В казну города Банниковы платили 11 рублей 50 копеек*»[61]. Упомянутый в цитате участок земли (360 кв.саж.) на Садовой улице М. Т. Банников приобрел в 1873 г. по купчей крепости у московского купца В. А. Виноградова, заплатил за него 250 руб.[62].

В той же книге приведен рисунок трактира с таким пояснением: «*Дом, в котором он находился, существовал в Истре до войны. В 1930-х гг. его зарисовал Б.С. Земенков*»[63]. Сведения о том, что М. Т. Банников содержал заведения, торгующие спиртными напитками, нашли подтверждение в исторических источниках. Так в документе 1877 г. за ним в г. Воскресенске записан трактир, доходность которого оценивалась властями в 25 руб., и «*рейнский погреб*»[64] с доходностью в 10 руб. С первого заведения уездный земской сбор составил 2 руб. 31 коп., а со второго 93 коп. В деле за 1899 г. отмечено, что Банникову принадлежали 36 дес. в местечке Солтаново, земля оценивалась в 1.336 руб.[65].

Михаил Терентьевич занимался общественной деятельностью. В 1872 г. был избран «*товарищем*» (т.е. заместителем) директора банка в г. Воскресенске, а также стал гласным Воскресенской городской думы[66]. В последующие годы он также неоднократно баллотировался в думу (но не всегда успешно проходил выборы). В 1896 г. участвовал в выработке проекта устава благотворительного общества при Воскресенской лечебнице, потом платил членские взносы в эту организацию[67].

М. Т. Банников скончался осенью 1908 г. в возрасте 78 лет, был похоронен не как большинство прихожан на приходском кладбище (которое находилось за городом), а при Вознесенской церкви. В метрической книге записано, от чего умер: «*от разрыва сердца* [нрзб] *почек, артериосклероза*»[68]. Интересно, что в записи он указан не как купец или мещанин, а как «*крестьянин Рязанской губернии, Зарайскаго уезда, Верхне-Белоомутской волости, села Верхне-Белоомута*». Видимо, гордился своим происхождением, своей родиной.

Изо 9–10. Трактир М. Т. Банникова в Воскресенске, рис. Б. С. Земенкова, 1930-е.

Завещание Михаила Терентьевича не найдено. Но известно, что одним из наследников оказался его сын учитель Михаил. Это следует из архивного дела 1910 г., в котором сказано, что на очередном собрании «*городских уполномоченных г. Воскресенска*» рассматривался вопрос: «*Читано прошение довереннаго наследников умершаго кр-на Михаила Терентьевича Банникова – Михаила*

Михайловича Банникова ходатайствующаго о перенесении сосредоточенной близ дома Банникова мелочной торговли на другое место, […] *в виду часто происходящих в этом месте неприличных сцен, напр. драки, брани между покупателями и торговцами и проч.*»[69]. Однако это прошение было отклонено, как и следующее, в котором запрашивалось разрешение устроить деревянный палисадник перед двухэтажным домом Банниковых на 2-й Торговой площади в г. Воскресенске.

1887? – 1899: Первый брак Михаила с Анной Штукатуровой

Перейдем теперь собственно к **Михаилу Михайловичу Банникову** (1861 – † 1942).

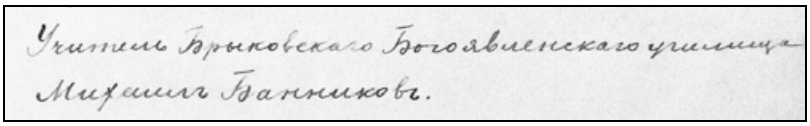
До самого последнего момента не была известна точная дата рождения будущего учителя, т.к. не было ясно, в какой метрической книге ее искать. И вот, когда работа над данной книгой уже завершалась, искомый документ был найден. В метрической книге Вознесенской церкви г. Воскресенска за 1861 г. была обнаружена запись о рождении 14 октября Михаила, родителями указаны: «*Рязанской губернии Зарайскаго уезда села Верхняго Белоомута крестьянин Михаил Терентьев Банников и законная его жена Екатерина Иванова*»[70].

О детстве мальчика сведений нет. В его анкетных данных написано, что в 1876 г. окончил курс в Московском уездном училище[71]. Чем Михаил занимался последующие 10 лет – осталось неизвестно. Лишь 8 января 1887 г. он был определен на работу в Брыковскую школу, получил перед этим свидетельство учителя от Звенигородского училищного совета. Было М. М. Банникову в это время 26 лет, это было первое место его работы.

Примерно тогда же Михаил женился на учительнице из мещанского сословия **Анне Дмитриевне Штукатуровой** (ок. 1865 – † 1899), которая была на четыре года младше. О невесте известно, что окончила Мариинское женское училище в Звенигороде и в 1881 г. была направлена на работу учителем в школу с. Еремеево Звенигородского уезда. Через три года перешла в Лучинское училище того же уезда[72]. В 1888 г. Анна Дмитриевна вновь сменила работу: была переведена в соседнее училище с. Телепнево.

Молодая семья жила «*на два дома*»: от Телепнево до Брыково, где в земской школе работал муж, было около семи верст. В семье учителей появлялось потомство, удалось найти сведения о четверых родившихся детях. Первой в ноябре 1887 г. появилась на свет Екатерина (выписка из метрической книги о ее рождении уже приводилась), спустя год Виктор[73]. Позднее в семье учителей родились Борис (1893) и Елена (1898). Последние двое детей, увы, умерли в младенчестве.

В архиве ЦГАМ обнаружено архивное дело, которое показывает, как трудно жилось учителям. Невысокой зарплаты не хватало на оплату обучения своих детей. Михаил Михайлович подал бумагу, в которой написано: «*В январе месяце сего 1898 года мною было подано прошение в Уездную Управу о зачислении моей дочери* [Екатерины] *стипендиаткою от Земства в Учительскую Женскую Семинарию Чепелевской. В случае отказа в моем прошении, покорнейше прошу Управу оказать мне денежное пособие из капитала имени А.А. Оленина на воспитание дочери в вышесказанном учебном заведении*»[74]. Была приложена справка о том, что зарплата учителя 300 руб., супруги-учительницы 360 руб. (у нее педагогический стаж был больше). Спустя год М. М. Банников подал еще одно прошение о выделении ему 150 руб. на «*воспитание сына* [Виктора] *в Комисаровском техническом училище*». Как стало известно из другого документа, сын Виктор окончил указанное училище. А вот в отношении дочери Екатерины таких данных нет.

Учитель Брыковскаго Богоявленскаго училища
Михаил Банниковъ.

Изо 9–11. Подпись М. М. Банникова под прошением, 1898.

1902–1942: Второй брак Михаила с Елизаветой Никольской

В 1899 г. умерла учительница Анна Дмитриевна, она скончалась в возрасте 33 лет «*от чахотки*»[75]. Около трех лет Михаил Михайлович оставался вдовцом, на его руках было двое малолетних детей. В августе 1902 г. он вновь женился, второй супругой стала еще одна учительница Звенигородского уезда **Елизавета Ильинична Никольская** (1874 – † 1958). Она была на 13 лет младше Михаила, до свадьбы успела проработать шесть лет в школе с. Лучинское. Ко времени бракосочетания Елизавета была уже сиротой, из родных у нее осталась только сестра Екатерина, которая была замужем за священником Алексием Смирновым, настоятелем Христорождественской церкви

с. Филатово (подробности о жизни Смирновых можно найти в недавно изданной книге[76]).

Вновь жизнь у Михаила Михайловича стала «*на два дома*», как написано в газете: «*И пришлось жить так: Елизавете Ильиничне в Лучинском, мужу ее — в десяти верстах, в Брыкове*». В будние дни с понедельника по субботу каждый из супругов учил детей в своей школе. А виделись, по всей видимости, только по воскресеньям. Жили Банниковы вместе лишь во время школьных каникул. Так продолжалось все годы вплоть до революции,

Елизавета Ильинична прожила долгую жизнь, оказалась достойным человеком, уважаемым педагогом. У нее оказалось единственное место работы – Лучинская школа, где 55 лет учила детей младших классов. Неоднократно избиралась депутатом районного и сельского Советов. Труд Банниковой был по достоинству оценен страной, она дважды была награждена самой высокой наградой СССР – орденом Ленина. Ей были присвоены почетные знания "Отличник Народного Просвещения", "Заслуженный учитель школы РСФСР". В 1945 г. в одной из центральных газет был напечатан о ней очерк, озаглавленный «*Большая жизнь*»[77]. Увы, это все в прошлом, в наше время имя заслуженной учительницы оказалось почти забыто. Поэтому автором была написана большая статья, в которой подробно описана жизнь Е. И. Банниковой[78].

Изо 9–12. Е. И. Банникова, 1950-е, (музей сщмч. Алексия Смирнова).

1887–1917: Работа в Брыковской школе

Вернемся к Михаилу Михайловичу, поговорим теперь о его работе в училище с. Брыково.

При поступлении в 1887 г. на работу ему был положен годовой оклад 200 руб., который выплачивало Звенигородское уездное земство. Это были совсем небольшие по тем временам деньги. У М. М. Банникова не было никакого стажа педагогической работы, поэтому и оклад был минимальным. В 1893 г. его зарплата увеличилась до 240 руб. Еще три года спустя выплаты составили 300 руб. В 1900 г. учитель получал за свой труд уже 360 руб. (из них 120 руб. шли из кассы губернского земства). Сведения о величине зарплаты в последующие годы не попадались.

Работу педагогов оценивали по результатам сдачи итоговых экзаменов учениками. Так же учитывались результаты проверки инспекторами школ в течение года. Педагогическая деятельность Михаила Михайловича оценивалась в разные годы по-разному, но в основном положительно. Так в документе за 1890 г. среди лиц, отмеченных начальством «*особо полезною учебно-воспитательною деятельностию*» упомянут учитель «*Богоявленско-Брыковскаго*» училища Банников[79].

В отчете уездного училищного совета за 1898/99 гг. приведены сведения об испытаниях (экзаменах) 9 выпускников старшего отделения земского училища в Брыково. Результаты проверки знаний по Закону Божию, чтению, письму и арифметике оказались весьма достойными: у семерых школьников оценки оказались отличные и у двоих хорошие[80]. Учеников со слабыми знаниями вовсе не было. По показателю успеваемости Брыковская школа была среди лучших в уезде.

Спустя два года результаты проверки оказались хуже. В отчете инспектора написано: «*Общее впечатление среднее. Ученики не отличаются, ни особенными знаниями курса начальной школы, ни бойкостью ответов, ни общим развитием, но вместе с тем нельзя подчеркнуть и каких-либо недостатков. – Пение преподается учителем участвующим в хоре ученикам*»[81]. Фамилия преподавателя не указана, им был М. М. Банников.

В 1905/06 учебном году школа проверялась дважды. По итогам январской проверки было записано: «*Школа производит симпатичное впечатление – в нее вкладывают всю душу. Успешность хорошая*». В апреле результаты инспекции были такие: «*По Закону Божьему во всех трех отделениях познания толковыя и хорошия. Читали осмысленно и бегло. По славянски также совершенно свободно. По арифметике отвечали быстро и верно. Старшие очень хорошо рассказывали кроме*

Изо 9–13. М. М. Банников, 2017.

того по истории и только по географии немного слабее. Разбор осмысленный. Задачу довольно сложную решили хорошо, некоторые великолепно. На счетах за немногим исключением считают быстро и уверенно. Вся школа очень недурно поет, при чем многие ученики участвуют в церковном хоре под руководством учителя. В общем школа оставляет вполне благоприятное впечатление: виден интерес к работе»[82]. Как видим, Михаил Михайлович оказался хорошим преподавателем, добросовестно относился к своим обязанностям. При этом работать в Брыково было трудно, учительская нагрузка (более 50 учеников) была близка к предельной. Поэтому в одном из документов 1908 г. написано, что училище нуждается «*в усилении персоналом*» (по всей видимости, имелось в виду введение ставки второго учителя). Но этого не произошло. Как уже говорилось, после открытия нового училища в приходе в сельце Зенькино, число учеников в Брыковской школе заметно уменьшилось.

Михаил Михайлович не ограничивался работой только с детьми. В конце XIX столетия он проводил для населения так называемые «*народные чтения с туманными картинами*» (об этом уже шел разговор ранее). В год проводилось по 20–24 сеанса, т.е. примерно два раза в месяц.

В 1908 г. в Брыково открылось «*Кредитное товарищество*», членом правления которого и счетоводом стал учитель Банников. Как следует из названия, товарищество занималось выдачей кредитов своим членам. Крестьяне нуждались в деньгах, причем неодинаково в разное время года. В одном из отчетов встретилось такое объяснение: «*распределение заработков по временам года весьма неравномерно: заработки бывают осенью (ликвидация урожая) и зимой (извозный промысел), а весной и летом, когда нужно покупать семена и орудия* [труда], *денег нет*»[83]. Товарищество пользовалось популярностью, и спустя два года после открытия в нем числилось уже 395 членов. Ссуды в среднем составляли 10–15 руб. (максимально до 75 руб.)[84]. Условия выдачи ссуд в документе не оговорены, но явно деньги выдавались под некий процент. Откуда у товарищества находились средства для выдачи кредитов? Во-первых, люди приносили свои сбережения и им на вклады выплачивались ежегодно проценты (от 5 до 6%). Во-вторых, Звенигородская уездная земская управа ссудила кредит до 1.000 рублей. Как долго Банников состоял в указанном товариществе? По документам в 1914 г. он по-прежнему числился его членом. Помимо этого Михаил Михайлович вместе с супругой Елизаветой Ильиничной был членом «*Благотворительнаго общества при Воскресенской земской лечебнице*»[85].

Подводя итог, можно сказать, что М. М. Банников пользовался авторитетом у населения и был на хорошем счету у начальства.

1917–1918: Работа в Брыковской школе при советской власти

С приходом в 1917 г. к власти большевиков в стране многое стало меняться. От каждого учителя, который хотел продолжать трудиться по своей профессии, требовалось подтверждение лояльности к новой власти. В архиве ЦГАМО сохранились редкие документы той поры. 25 апреля 1918 г. учитель «*Брыковской народной школы Мих. Мих. Банников*» подал заявление в «*Звенигородский Исполнительный Комитет Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов*». В нем написал: «*я желаю работать в должности учителя в Брыковской обновленной народной школе. На службе в должности народнаго учителя состою с 1887 года*»[86]. При этом прилагались «*рекомендации от граждан*» селений, из которых дети ходили в школу.

В одной из рекомендаций написано: «*Мы нижеподписавшиеся граждане дер. Букарева, свидетельствуем, что народный учитель Брыковской школы Михаил Михайлов Банников в продолжении своей, тридцатилетней службы в должности учителя, исполнял свои обязанности честно и усердно, вполне отвечая требованиям народа. За все время своей многолетней службы он работал на пользу народнаго просвещения, за что от нас и заслужил искреннюю признательность и*

сердечную благодарность. Мы очень желаем, чтобы он и на будущее время продолжал работать в Брыковской школе, просвещая наших детей». В конце заявления стоит много подписей. Помимо этого, «*Лучинский Волостной Совет Народных депутатов*» засвидетельствовал, что учитель Банников «*противуправительственной пропагандой не занимался, ни к каким вредным политическим партиям не принадлежит, дело свое исполняет добросовестно, работал в интересах демократии*». После таких рекомендаций Михаил Михайлович мог продолжить работу в Брыковской школе.

1918–1936: Работа в Лучинской школе

Но недолго Банников трудился на старом месте. Как следует из того же дела, в конце сентября 1918 г. он подал новое прошение, в котором заявил о желании перейти в Лучинскую школу, где освободилось штатное место преподавателя. Заявление о переходе было удовлетворено. Так, наконец, сбылась мечта супругов Банниковых жить и трудиться вместе (16 лет они жили порознь).

В энциклопедии "Истринская земля" есть такая информация: «*В октябре 1918 года в Лучинском открылся культурно-просветительный кружок, организованный учителями Банниковыми. Кружок, ставивший спектакли на сельской сцене, первоначально насчитывал 15–17 человек*»[87].

Лучинская школа в первые годы советской власти оставалась небольшой начальной школой с четырехлетним обучением. В архиве ЦГАМО сохранился паспорт этого учебного заведения за предвоенные годы. В нем отмечено, что в 1935/36 учебном году педагогический коллектив состоял лишь из трех учителей: это супруги Банниковы и А. Д. Цыганова[88]. Заведующим был Михаил Михайлович. В школе училось 150 учеников в четырех классах, занятия проходили в две смены. В 1936/37 учебном году были введены параллельные классы, всего их стало шесть (248 учеников). Год спустя насчитывалось восемь классов (342 ученика), а перед войной их было уже двенадцать (446 учеников). Такой бурный рост Лучинской школы в предвоенные годы объясняется тем, что она считалась среди лучших, власти способствовали распространению передового опыта.

Сразу несколько материалов об учителях Банниковых обнаружено в подшивке районной газеты "Истринская стройка" за январь 1936 г. В одном из номеров была напечатана статья, в которой есть такие слова: «*Всюду видна заботливая рука заведующего школой М. М. Банникова.* […] *благодаря добросовестной и настойчивой работе педагогического персонала Лучинская школа стала одной из передовых школ Московской области*»[89]. Особо отмечено, что «*В Лучинской школе нет ни одного неуспевающего ученика; это объясняется тем, что учителя настойчиво и кропотливо работают с каждым учеником в отдельности*». И еще: «*Учителя школы, прежде всего Банникова Е. И. и Банников М. М., проработавшие в Лучинской школе много лет, выростили в своей школе немало дельных людей: 3 бывших ученика сейчас работают врачами, 6 – инженерами, 4 – командирами РККА, 8 – учителями и т. д.*». Тогда же было выдвинуто предложение о присвоении супругам Банниковым звания заслуженных учителей.

В том же номере было напечатано постановление Мособлисполкома от 19 декабря 1935 г.:

«1. Отметить высокое качество работы учителей школы и особенно преданную работу зав. школой тов. Банникова М. М. и учительницы Банниковой Елизаветы Ильиничны. (Дети, оканчивающие Лучинскую школу, имеют высокий уровень знания и при поступлении в 6-й класс неполной средней школы показывают лучшие успехи по сравнению с учащимися, поступившими из других школ). […]

5. За высокое качество работы премировать зав. Лучинской школой т. Банникова М. М. и учительницу Банникову Е. И. денежной премией по 500 руб., а учительницу Цыганову — 300 руб.

6. Отмечая многолетний педагогический стаж учителей Банникова Михаила Михайловича (48 лет стаж) и Банниковой Елизаветы Ильиничны (40 лет стаж) и их преданную работу по обучению и воспитанию подрастающего поколения, поручить МособлОНО […] *поставить вопрос о назначении им пенсии местного значения»*[90]. (Михаилу Михайловичу в это время было уже 75 лет).

Через месяц в той же районной газете полстраницы было отведено материалам о работе Банниковых, сообщено о «*премировании Мособлисполкомом*»[91], напечатаны отзывы благодарных родителей. В газете и дальше печатались статьи об учителях-передовиках, но в основном о Елизавете Ильиничне.

В воспоминаниях Е. И. Банниковой, касающихся времен оккупации нашей земли немцами, говорится про слепого мужа. Очевидно, с таким диагнозом невозможно было продолжать работу в школе. По постановлению Мособлисполкома ему в 1936 г. была назначена пенсия. А супруга Елизавета Ильинична продолжила работать в Лучинской школе еще почти два десятилетия.

Кончина Михаила Михайловича Банникова, его потомки

О дате смерти учителя (точнее о годе) стало известно благодаря помощи местного краеведа Виктора Федоровича Мосалева (к сожалению, уже ушедшего из жизни). Он показал на Фаворском кладбище в Новом Иерусалиме памятник, на котором выбиты имена и фамилии трех человек: «*БАННИКОВЫ / Елизавета Ильинична 1958 / Михаил Михайлович 1942 / сын их Виктор 1943 / от племянницы, дочери*». Получается, что М. М. Банников прожил 81 год. Очень ценным является то, что на памятнике оказалась фотография интеллигента-учителя, которая неплохо сохранилась (изо 9–13). Елизавета Ильинична прожила немного больше супруга – 84 года.

В семье Банниковых выросли двое детей от первого брака (во втором потомства не было) – сын Виктор и дочь Екатерина. По материалам архивного дела Виктор Михайлович окончил Комиссаровское техническое училище, работал помощником механика в управлении Московского городского телеграфа. В 1912 г. подал заявление о приеме в Московское техническое училище (ныне МВТУ)[92]. Был принят на учебу, но на третьем курсе его призвали в армию (началась Первая мировая война). Уже после революции в 1921 г. Виктор Михайлович ходатайствовал о восстановлении в учебном заведении. К сожалению, нет сведений о том, был ли он женат и имел ли детей.

В. М. Банников умер в 1943 г. и был похоронен вместе с отцом, скончавшегося годом ранее. Позднее там же была похоронена и Елизавета Ильинична. Первоначало захоронение Банниковых находилась в с. Лучинском, потом оно было перенесено на Фаворское кладбище.

О дочери Екатерине Михайловне, увы, ничего неизвестно, кроме того, что она пережила всех родственников (это следует из надписи на семейном памятнике). Остается надежда, что, возможно, кто-то из потомков учителей Банниковых (или их родственников) жив.

1918–1972: Советский период истории Брыковской школы

С приходом к власти большевиков в народном образовании произошли значительные изменения. Уже в январе 1918 г. был введен декрет об отделении церкви от государства. Из учебной программы был исключен Закон Божий, священники теперь больше не проводили уроки в школах.

К сожалению, информации о школьной истории первых лет советской власти мало. Напомним, что в 1918 г. учитель М. М. Банников перешел в Лучинскую школу. Кто его заменил в Брыково – увы, осталось неизвестно.

Старожилы рассказывали, что до войны занятия проходили в двух зданиях. Одно старое около Богоявленского храма, в нем дети занимались еще до революции. А второе здание – это бывший усадебный дом помещиков Карповых. Правда, этот дом был отдан под школьные нужды не сразу. По документам в 1923 г. его собирались сдать в аренду некоему Потапову[93].

Местный старожил Валентина Петровна Мурачева (1933 г.р.) вспоминала, как начинала учебу в первом классе в бывшем барском доме. Она припомнила, что это было двухэтажное здание с колоннами. На первом этаже было по два класса в левом и правом крыле здания, а между ними находился большой зал. Там был небольшой буфет. На втором этаже находился еще один класс. Старожил также сказала, что у Брыковской школы было и другое здание, которое они называли «*Камчаткой*». Оно также было двухэтажным и находилось рядом с храмом. Практически нет сомнений, что это было здание земской школы, построенное еще до революции в 1873 г.

В интернете обнаружена подробная топографическая карта «*250-метровка Генштаба*», ее фрагмент приводится здесь. По виду это современная карта. Но за ее основу была взята довоенная карта. Об этом свидетельствует расположение «*шк.*» (школы) – оно обращено фасадом к церкви. А именно так и в этом месте был расположен барский дом на плане 1900 г.! Это еще одно подтверждение того, что довоенная школа находилась в бывшем усадебном доме.

Изо 9–14. План, 1900.

Изо 9–15. Карта, 2010-е.

В справочнике 1924 г. в Брыково показана двухкомплектная (т.е. с двумя учителями) школа первой ступени с четырехлетним обучением, в ней учились 84 школьника[94]. Фамилии преподавателей не приведены.

По сведениям из архивного дела в 1926 г. властями Воскресенского уезда рассматривался вопрос «*об образовании школьного участка при сел. Брыкове*». Школе планировалось выделить землю: «*под парком и постройками 10,04 дес., под фруктовым садом 1,98 дес., под скотным двором 1,80 дес., под выгоном и постройками 1,90 дес., под оврагом 0,48 дес., под дорогами 0,87 дес., всего 17,07 дес.*»[95]. Надо полагать, что часть этой земли (по крайней мере, сад и парк) была из бывшего имения Карповых. Обращает на себя внимание большой размер выделяемого участка – почти 17 га. Судя по всему, предполагалось, что школа с этого участка сможет заготавливать сено для лошади, продукты питания для своих нужд и преподавателей.

По данным другого дела в 1927 г. в Брыковской школе был выполнен капитальный ремонт[96].

Изо 9–16. Слева здание школы, 1936, (архив храма).

В архиве Богоявленского храма оказался снимок, сделанный, судя по подписи, в 1936 г. Слева от колокольни видно двухэтажное здание. Это бывшая земская школа, та самая «*Камчатка*».

Паспорт НСШ предвоенных лет

В 1932 г. школа в Брыково стала семилетней, как тогда говорили – неполная средняя школа (НСШ). В 5-й класс переходили как местные ребята, так и ученики, окончившие четыре класса в соседних начальных школах. В архиве ЦГАМО сохранился паспорт Брыковской НСШ за 1935–1940 гг. В указанном документе оказалось много разнообразной интересной информации.

Так в 1935/36 учебном году школьный бюджет составил 46.885 руб. Брыковской школе в то время принадлежали пять зданий. «*Школа № 1*» – это деревянная постройка, которая оценивалась в 40.000 руб.[97]. Очевидно, это был бывший усадебный дом. «*Школа № 2*» – тоже деревянная постройка стоимостью в 13.000 руб. Про нее написано: «*треб. ремонта*». По всей видимости, это была «*Камчатка*». При НСШ имелась также требовавшая ремонта кухня и две «*Учительские квартиры*». Это были два дома без всяких удобств, даже света в них не имелось. В них проживали девять семей учителей, еще шестеро снимали жилье у местных жителей.

В Брыковской школе имелась учительская и «*Рекреационный зал*» (надо понимать, спортзал). Имелись также скотный двор, погреб и сарай для дров. Год спустя к ним добавился сарай для фуража (сена) и сарай для нужд учителей. Еще была «*мастерская по дереву*» на 20 мест (для проведения занятий уроков труда). В школьном хозяйстве числилась одна лошадь (использовалась как транспортное средство и в работах на земле) и одна корова. За школой была закреплена собственная земля: два гектара «*школьной усадьбы*» и еще «*Земельный участок*» размером в 12 гектар для заготовки сена и посадки картофеля. Для преподавательского состава отдельно был выделен участок под огород размером в один гектар. У учителей имелись три своих коровы.

В 1935/36 учебном году в Брыковской НСШ занимались 11 классов, занятия проходили в две смены, т.к. учебных комнат было только 6. Всего училось 378 учеников, из них по итогам года 63 были оставлены на повторное обучение (второгодники). Спустя два года в школу ходили 538 учеников, они занимались в 16 классах. В 1939/40 гг. было соответственно 647 учеников и 19 классов. Как отмечено в паспорте, учебных комнат в это время было 11. Как смогли почти в два раза увеличить классный фонд – осталось загадкой. О строительстве новых школьных зданий информации нет, видимо, смогли изыскать какие-то резервы.

Две трети школьников были пионерами, было и несколько комсомольцев. В школьной библиотеке насчитывалось 1.416 книг, имелось по одной гитаре, балалайке и винтовке.

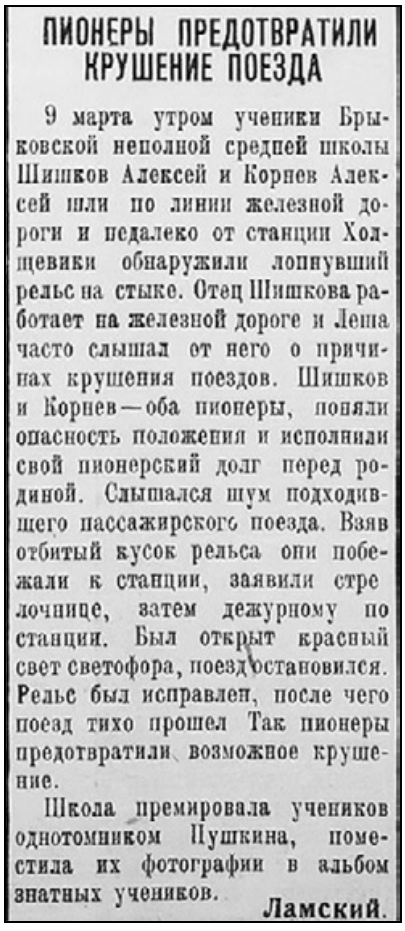
Очень ценно то, что в паспорте приведен списочный состав учителей с указанием для каждого ФИО, года рождения, образования, происхождения, преподаваемого предмета, педагогического стажа. Директором в 1935/36 гг. был **Михаил Павлович Сучков** (1893 г.р.), в администрации работали В. Н. Голубев и А. П. Рябов. Педагогический состав в то время состоял из завуча В. А. Полякова и 14 учителей. Это М. Д. Сучкова, А. И. Рыжова, Е. Ф. Любимова, М. Г. Гоголевская, М. П. Транчукова, З. С. Ткачева, А. М. Пузанова, А. М. Сидорова, В. В. Бакин, Л. А. Рачков, Г. П. Мягков, О. А. Прохорова, Е. И. Любимов, М. И. Кашкарова (трое последних были из семей *«служ. культа»*[i]). О еще одном учителе А. А. Газе ранее доводилось писать[98].

В штате школы было еще пять уборщиков, один истопник и один счетовод. Аналогичные данные приведены и для следующих учебных годов. При этом учительский состав все время расширялся, т.к. увеличивалось число классов. Перед войной в школе работали 22 учителя.

Довоенные газетные публикации

Дополнительную информацию об истории Брыковской школы советского периода времени удалось найти в статьях, опубликованных в местной районной газете “Истринская стройка”[ii].

Как следует из газетной заметки в 1933 г. в Брыково существовала ШКМ. Так сокращенно именовалась школа крестьянской молодежи, в которой не имевшие полного образования молодые люди учились без отрыва от производства. ШКМ была организована на базе Брыковской школы: школьники занимались утром и днем в две смены, а рабочая молодежь приходила на занятия вечером. Ну так вот, в газете было напечатано обращение группы учителей ШКМ (Я. Олейников, Е. Соболева, Н. Акелькин) к руководству совхоза “Глебово” с просьбой об организации питания, библиотеки. На это последовал отказ с мотивировкой: «*разбазаривание совхозных средств*»[100].

ПИОНЕРЫ ПРЕДОТВРАТИЛИ КРУШЕНИЕ ПОЕЗДА

9 марта утром ученики Брыковской неполной средней школы Шишков Алексей и Корнев Алексей шли по линии железной дороги и недалеко от станции Хлебцевики обнаружили лопнувший рельс на стыке. Отец Шишкова работает на железной дороге и Леша часто слышал от него о причинах крушения поездов. Шишков и Корнев — оба пионеры, поняли опасность положения и исполнили свой пионерский долг перед родиной. Слышался шум подходившего пассажирского поезда. Взяв отбитый кусок рельса они побежали к станции, заявили стрелочнице, затем дежурному по станции. Был открыт красный свет светофора, поезд остановился. Рельс был исправлен, после чего поезд тихо прошел. Так пионеры предотвратили возможное крушение.

Школа премировала учеников однотомником Пушкина, поместила их фотографии в альбом знатных учеников.

Ламский.

Изо 9–17. Заметка в газете о подвиге пионеров[99], 1937.

В той же районной газете год спустя была напечатана критическая заметка о том, как ученики Брыковской школы отправились в соседнюю Филатовскую школу для показа спектакля. Но, увы, по вине местного «*избача*» (ответственного за избу-читальню) Балюкова это культурное мероприятие было сорвано[101].

В 1936 г. школа упоминалась сразу в нескольких номерах газеты “Истринская стройка”.

В № 87 приведена фотография ребят с подписью: «*группа московских пионеров, прибывшая в детский лагерь в Брыковскую школу*»[102]. Оказывается, летом помещение НСШ использовалось как загородный пионерлагерь для отдыха московских школьников. Забегая вперед, скажем, что та же практика продолжилась и после войны (так в 1949 г. был организован «*лагерь МОГИЗ*»).

У кого-то может возникнуть вопрос: а зачем школьное здание отдавали для проживания в нем посторонних детей? В этом была обоюдная выгода. У предприятий, организаций тогда еще было мало своих загородных лагерей для организации детского отдыха. Вот и искали в сельской местности помещения, в которых можно было разместить ребят на отдых. Школьные же здания в летнее время пустовали. Была своя выгода и у принимающей стороны. Помещения сдавались не просто так, а по договору, по которому шефы были обязаны выполнить какие-то работы, например: ремонт хозпостроек, установка забора, оборудование спортплощад-

[i] В причте Богоявленской церкви не было клириков с такими фамилиями (см. приложение-7). Очевидно, эти учителя пришли в Брыковскую школу откуда-то со стороны.

[ii] Большая благодарность краеведу А. Н. Гольцеву, который сфотографировал все подшивки местной прессы и потом предоставил копии газетных страниц.

ки, обеспечение завоза дров и т.п. (увы, договоренности не всегда по факту выполнялись).

В № 90 было напечатано: «*Квартиры учителей Брыковской неполной средней школы тт. Транчуковой и Гоголевской требуют ремонта. Зимой в них бывает очень холодно: промерзают стены, и никакая топка не помогает. Летом же во время дождей протекает крыша*»[103]. Как написано далее, директор школы Сучков пообещал произвести ремонт, но слово не сдержал.

В № 139 местные ученики, желавшие вступить в комсомол, сетовали, что в школе нет комсомольской ячейки.

В 1937 г. была напечатана заметка, в которой описано, как ученики Брыковской НСШ предотвратили крушение поезда (см. изо 9–17). Их героический поступок отметили вручением подарков.

В газетных публикациях 1938 г. несколько раз в негативном ключе упоминался новый директор школы **Владимир Никитич Голубев** (1899 г.р.). Сообщалось, что он нередко пьянствовал, растратил три тысячи казенных денег. Потом на его место был назначен выпускник пединститута **Александр Петрович Рябов** (1910 г.р.).

В другой статье написано, что Брыковская школа стала одной из крупнейших в Истринском районе. В ней училось 637 школьников, занятия проходили в две смены. Некоторые ребята были родом из селений за 4–6 верст: Телепнево, Костров, Железниково, Хмолино. Как же они добирались на занятия? Ведь тогда автобусное сообщение еще было слабо развито. По всей видимости, ребята оставались ночевать у кого-то из родственников. Или снимали жилье у местных жителей. После войны для далеко живущих учеников был организован интернат.

Брыковскую школу порой и критиковали. Еще недавно она была на хорошем счету, средняя успеваемость достигала 90% (второй показатель в районе). А в 1938 г. этот показатель снизился до 75%. В статье разбирались причины, почему так произошло.

И, все-таки, надо отметить, что больше было ребят, которые хорошо учились. Так в той же заметке отмечено, что лучшим в школе был признан 5”Г” класс с успеваемостью 91%, он «*получил переходящее Красное знамя*»[104]. А лучшей ученице 7 класса Соколовой в виде премии была вручена балалайка. Другие отличившиеся в учебе школьники в качестве подарков получили «*книги, готовальни, чернильные приборы, краски, цветные карандаши*». Сообщалось, что в школе был открыт буфет (проработал он, правда, недолго).

Большая статья с фотографией была посвящена одной из лучших учительниц Брыковской школы **Екатерине Филипповне Тумановой**, преподававшей географию[105]. В другой заметке сообщалось, что она премирована исполкомом суммой в 300 рублей. В еще одной газетной публикации написано: *«Усилиями учителей Л.Г. Игнатович и В.А. Семенова»* при школе был заложен «*ботанический участок*» в 4 сотых гектара[106].

Учительница географии Брыковской неполной средней школы Екатерина Филипповна Туманова за объяснением материала на методической секции преподавателей. Фото Ан. Наместникова.

Изо 9–18. Учительница Е. Ф. Туманова, 1940.

В 1940 г. в Истринском районе рядом с Брыково появился новый населенный пункт – **Красный поселок**. Администрация Глебовской птицефабрики выделила лучшим своим работникам на поле около церкви земельные участки по 0,11 га для строительства жилых домов. Люди стали быстро осваивать выданную землю. Где-то в это же время НСШ была электрифицирована. В газете сообщалось: «*Брыковская школа построила линию* [электро] *передачи*, *потратила 13 тыс. рублей*».

Оккупация немцами нашей земли

В одной из газетных статей начала 1941 г. сообщалось, что был проведен полный ремонт Брыковской школы. Увы, все это оказалось напрасным трудом. Как известно, 22 июня началась война с немцами. Враг быстро продвигался к столице, уже осенью началась эвакуация отдельных предприятий и жителей Подмосковья. Как написано в анкете учительницы А. И. Рыжовой, с 21 октября были прекращены занятия в Брыковской школе (основном здании)[107]. А на «*Камчатке*» (т.е. в деревянном учебном здании около храма), по воспоминаниям ветерана-учителя Валентины Петровны Мурачевой разместился госпиталь для раненых советских воинов.

Немцы находились на нашей земле меньше месяца: оккупация Красного поселка длилась с 25 (по другим данным с 24) ноября по 15 декабря 1941 г. Но вреда народному хозяйству и отдельным людям было нанесено немало. Среди наиболее пострадавших оказалась школа в Брыково. О том, когда и как были уничтожены школьные здания, сведения разнятся.

Первая версия. В архивном деле ГАРФ имеются «*Акты оценки ущерба учреждениям народного образования Истринского района»,* составленные в 1943 г. (директором школы в то время была **Ольга Павловна Прохорова**). В акте о Брыковской НСШ написано, что 25 ноября обстрелом со стороны врага были разрушены все школьные здания, две учительские квартиры над зданием № 2 (старая школа) и жилой дом учителя. Разграблено школьное оборудование. При отступлении немцы сожгли то, что оставалось. Сгорели два школьных здания и три квартиры учителей. Общий ущерб составил 205.325 руб.[108].

Вторая версия. В газетной заметке, напечатанной много лет спустя, написано, что в ночь с 12 на 13 декабря 1941 г. (т.е. еще когда территория была оккупирована врагом) «*всюду полыхали пожары, горели деревни Кучи, Дедешино, ярко полыхала Брыковская школа*»[109].

Третья версия. Несколько иначе описала события тех дней бывшая ученица, потом учительница, а ныне старожил В. П. Мурачева. Она рассказала, что когда немцев выгнали из Брыково, наши солдаты затопили в школе печь. И тут начался пожар (говорили, что в печи была граната).

Какие сведения более достоверны – сказать трудно. Можно лишь констатировать, что оба школьных здания (бывший усадебный дом и бывшее земское училище) перестали существовать.

“Красная школа” в послевоенные годы

По сообщению в газете Брыковская школа оказалась среди 29 учебных заведений Истринского района, которые были разрушены в конце 1941 г. во время боевых действий. Сразу, как только враг был изгнан из Красного поселка, началась подготовка к возобновлению школьных занятий. По сведениям учительницы А. И. Рыжовой уже в феврале следующего года начались занятия в младших классах[110]. А с сентября 1942 г. стали проводиться уроки во всех семи классах НСШ. По словам местных старожилов Валентины Петровны Мурачевой и Валентины Васильевны Зерновой занятия проходили в “Красной школе”. Еще один старожил, библиотекарь Мария Степановна Бобылева сказала, что школа так называлась из-за красного цвета, в который была выкрашена.

Прежде о таком названии не было известно, в исторических документах оно не встречалось. На помощь пришла упомянутая В. П. Мурачева, которая поделилась своими воспоминаниями. Она рассказала, что не только училась в “Красной школе”, но потом и жила в ней в послевоенные годы (после открытия новой школы). Валентина Петровна сообщила, что это здание было построено еще до революции и принадлежало владельцам брыковского имения Карповым. И что в нем жила их прислуга. Примерно тоже самое рассказала другой старожил, бывшая учительница Валентина Михайловна Архарова. Она еще добавила, что этот дом местные называли “Наполеоновский”. Почему – ответить не смогла.

Удалось найти снимок “Красной школы”, когда здание было уже заброшено. По воспоминаниям М. С. Бобылевой в правой пристройке находилась школьная библиотека, в которой она работала.

Просматривая подшивку старых номеров районной газеты “Истринская стройка”, удалось найти кое-какую информацию о Брыковской школе. Так в 1942 г. писали, что, несмотря на тяжелые условия военного времени, многие учебные заведения «*В тесных, временных помещениях возобновили учебу*». Отмечено, что некоторые школы, включая Брыковскую, «*успешно ремонтируются и запасаются топливом*»[111]. В одном из номеров газеты за 1945 г. написано, что «*Школа электрифицируется*»[112]. Во как! Прошло три с лишним года, как прогнали немцев, и все это время

Изо 9–19. Здание "Красной школы" в пос. Красный[113], фотограф А. С. Алексеев, 1970-е (?)

жили без света. Трудно представить, как учителя проводили уроки в темное время суток, особенно зимой (ведь занятия проходили в две смены). Очевидно, использовали керосиновые лампы. Электричество в домах местных жителей появилось только в 1946 г. (а в дер. Хмолино и вовсе в начале 1950-х). Но и после этого свет долгие годы подавался с перебоями, об этом писали в газете в 1953 г. и даже в 1955.

Трудно было всем в те годы. После войны осталось мало мужчин, не хватало рабочих рук. Ученики помогали колхозу, работали на колхозных полях. Так осенью 1946 г. на воскреснике школьники вместе с учителями накопали 4,5 тонны картофеля, убрали свеклу с одного гектара и овощи с 0,75 га[114]. В последующие годы в газете печатались заметки аналогичного содержания.

В статье, опубликованной в 1950 г., отмечена положительная работа биолога школы Семенова[115]. В следующем году писали, что в Истре в городском кинотеатре проходил «*слет натуралистов*». На нем «*Юннаты Брыковской семилетней школы показали на выставке экспонаты крыжовника, землянику, яблоню-однолетку*»[116]. Это была заслуга все того же биолога Семенова.

В 1953 г. для семей учителей построили четырехквартирный дом. В том же году открылась библиотека. В ней с лекциями для населения регулярно выступали учителя местной школы. Работала и школа рабочей молодежи.

В поселке имелась изба-читальня (расположение осталось неизвестно), ею заведовала М. П. Малюкова. Там работал драмкружок, «*Предполагается создать хоровой и шахматный кружок*».

Ранее приводилась информация из довоенного паспорта Брыковской НСШ. В архиве ЦГАМО сохранился такой же документ послевоенных лет. К сожалению, он не настолько информативен, как довоенный паспорт, например, в нем нет сведений об учительском составе, приведены только фамилии директоров. Так в 1946/47 учебном году директором по-прежнему была Ольга Александровна Прохорова (1903 г.р.). Через год ее сменил **Дмитрий Иванович Комиссаров** (1906 г.р.), до этого он был директором Филатовской школы. В 1951 г. директором стал **Виктор Петрович Смирнов** и оставался на этой должности четыре года. Про педагогический состав в одном из архивных дел 1954 г. приведены такие данные: в то время в школе работало 13 учителей, из них трое жили в собственных домах, шестеро в школьных (служебных) квартирах, а четверо снимали жилье[117].

В послевоенном паспорте указано, что у Брыковской НСШ было два деревянных здания с шестью классными комнатами. Оба здания, как написано, были «*приспособленные*». Упоминание двух учебных зданий найдено в другом архивном деле: «*школа временно теперь размещается в двух помещениях, в прошлом приспособленных для общежитий рабочих птицефабрики*»[118]. Про первое здание в паспорте написано, что оно 1811 года постройки[i]. По всей видимости, это та самая "Красная школа", в ней занимались 100 учеников. Второе здание тоже было старое (якобы построено в 1827 г.), в нем учились 80 школьников.

Где располагались два упомянутых школьных здания? Старожилы пояснили, что "Красная школа" находилась в Красном поселке у дороги на станцию Холщевики. Здание не сохранилось, но место его известно – оно находится там, где теперь расположена автобусная остановка в центре поселка. На этом месте, судя по плану Генерального межевания 1770 г. в прежние времена находился, по всей видимости, хозяйственный двор усадьбы Брыково (см. отметку "5" на изо 2–08). Для проживания работников имения в том месте мог быть построен двухэтажный деревянный

[i] В эту дату верится с трудом, т.к. за истекшие почти полтора столетия постройка настолько б обветшала, что наверняка завалилась бы.

дом, который потом стал “Красной школой”. А с вот расположением второго школьного здания остались вопросы. По воспоминанием М. С. Бобылевой, эта была одноэтажная постройка, находившаяся неподалеку от “Красной школы”.

В 1946 г. директор НСШ О. А. Прохорова докладывала на заседании Брыковского сельсовета (с/с), что школа требует ремонта: покраска крыши, побелка внутренних помещений, окраска оконных рам, ремонт парт, перестройка и очистка уборных[119]. Особо сложная ситуация сложилась с дровами на зиму, необходимо было заготовить 270 кубов (тогда не было центрального отопления, помещения отапливались печами).

В 1946/47 учебном году Брыковскую школу посещало 270 учеников из 10 классов. Как видим, число школьников по сравнению с довоенным временем уменьшилось более чем в два раза. Занятия по-прежнему проходили в две смены.

В другом архивном деле приведена информация, согласно которой в 1953 г. в НСШ училось 343 школьника, всего было 12 классов[120]. В следующем году школа стала средней (СШ) с 10-летним сроком обучения, в ней уже было 425 учеников. Трудно представить, как все ученики помещались в двух небольших приспособленных зданиях, как проходили занятия. Давно назрела необходимость постройки в Красном поселке нового просторного здания школы.

Не все, видимо, знают, что в СССР еще «*В 1940 году ввели плату за обучение в 8–10-х классах школы. Семилетка по-прежнему оставалась бесплатной, но за более глубокие знания, необходимые для поступления в вуз, нужно было платить 150–200 рублей в год*»[121]. Очевидно, ученики старших классов Брыковской школы, как и все, платили за обучение. Эту плату отменили в 1956 г.

О постройке новой школы

Здания НСШ, в которых проводились занятия, не отвечали самым элементарных требованиям. Так на одном из заседаний Брыковского с/с в 1947 г. было заявлено, что здание школы ветхое, «*грозит обвалом, ремонт произведен небрежно и плохо,* [Глебовской] *Птицефабрикой договор по ремонту не выполнен*»[122]. В следующем году новый директор Д. И. Комиссаров говорил, что школа требует капитального ремонта, просил помочь. Председатель с/с П. И. Комаров обещал оказать помощь[123].

Но все эти ремонты мало что решали, школьные здания продолжали ветшать и грозили обрушением. Все понимали, что не ремонтировать надо, а строить новую школу. В 1949 г. Брыковским с/с было принято решение ходатайствовать в вышестоящие организации (исполком Истринского райсовета, Истринский РОНО, Министерство народного образования) о строительстве нового школьного здании в Брыково.

Однако обращение наверх, очевидно, не принесло результата, коль скоро в следующем году на заседании с/с вновь звучали те же самые слова: «*Постройка новой школы в Брыкове крайне необходима, иначе здания грозят обвалом*»[124]. Снова было решено обратиться в вышестоящие организации с просьбой о включении Брыковской школы в «*титульный список*» строительства на 1950 г. И вновь положительного ответа не последовало. Ситуация с каждым годом все ухудшалась.

В архивном деле 1951 г. приведен «*Акт технического состояния*» школы, в нем сказано:

«*1. Здание школы, рубленное на кирпичном ленточном фундаменте, построено в 1807 году, размещено в двух зданиях. 2. Фундаменты здания в результате выветривания* […] *совершенно разрушились. 3. Угловые сопряжения зданий совершенно сгнили* […]. *4. Стены внутренние и наружные имеют отклонение от вертикали на 5–10 см. 5. Балки потолочные и половые на опорах подгнили,* […] *коробки дверные и полы опустились на 10–15 см. Кровля течет и требует замены всей площади. Древесина стен превратилась во многих местах в труху* […].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: считаем, что при такой ветхости здания […] *устойчивость нарушена, в любой момент здание может рухнуть, что угрожает жизни детей и учителей. Во избежание случая жертв немедленно прекратить работу школы*»[125].

Но даже такой угрожающий акт не возымел действия. Никто не взял на себя смелость закрыть школу. Не позавидуешь тому, кто принимал решение. Должности (а то и свободы) можно было лишиться, как приняв решение о закрытии Брыковской НСШ (а куда тогда было деть сотни учеников, ближайшие школы также были переполнены), так в случае беды, не дай Бог с человеческими жертвами. Оставалось только надеяться на чудо, на благополучный исход.

Изо 9–20. Яндекс-карта окрестностей Брыково, 2024.

Такое чрезвычайное положение продолжалось несколько лет. Как свидетельствуют документы из Истринского архива, практически каждый год местные власти обращались в вышестоящие инстанции с просьбой о строительстве новой школы. И все безрезультатно, положительного решения не было. Почему? В СССР после войны сложилась очень трудная ситуация, страна занималась восстановлением разрушенного войной хозяйства. Остро не хватало всего: финансов, стройматериалов, строительной техники, рабочих рук. Приходилось властям решать, куда направлять ресурсы в первую очередь. Очевидно, строительство Брыковской школы не относилось к первоочередным задачам. Непостижимо, как в таких тяжелейших условиях учебный процесс не прекращался. Какое счастье, что в эти годы беды не случилось, ветхие стены и потолки не обрушились.

И все же дошла очередь и до Брыково. Когда началось строительство школы? Вероятно, в 1953 г. Об этом свидетельствует информация, обнаруженная в архивном деле с заголовком: «*Пятилетний план о школах Истринского района*». В нем отмечено, что строительство запланировано на 1953–1955 гг., здание рассчитано на 280 учеников[126]. Странная цифра, если учесть, что на момент утверждения плана в школе занималось в полтора раза больше ребят (очевидно, изначально закладывалась учеба в две смены). На строительство из государственного бюджета было отпущено 400 тыс. руб.[127]. Большая сумма по тем временам. Для постройки нового здания выбрали место, где прежде находилась «*Школа № 1*» (бывший усадебный дом). Только фасад здания решили развернуть на 90 градусов: не на восток (северо-восток) в сторону Богоявленского храма, а на юг (юго-восток). Это хорошо видно из сравнения старой карты (изо 9–15) и современного плана местности (бывшее здание школы обведено кружком).

В том же архивном деле написано, что в Брыково в 1956/57 гг. запланировано строительство интерната на 50 учеников. Он был необходим для ребят, проживавших далеко.

Местные жители хотели, чтобы новая школа была построена поскорее. В начале 1954 г. через газету обращались к строителям, чтобы те окончили строительство к новому учебному году (т.е. досрочно). Но рабочие не спешили. Как писали в газете: «*Работы на стройке школы идут крайне медленно. До сих пор не закончена кирпичная кладка стен. Крыши, дверей, окон и необходимого внутреннего оборудования нет. На стройке наблюдается плохая организация труда. Рабочие простаивают из-за поломок растворомешалки, крана*»[128].

1955–1972: Новая средняя школа в Брыково

Новая школа была открыта к началу 1955/56 учебного года. Почему-то о таком важном событии для Истринского района местная газета не опубликована специального репортажа. Об открытии школы мимоходом одной строкой сказано в номере от 7 сентября.

Строители спешили со сдачей школы и оставили кучу недоделок. В августе 1955 г. (т.е. до начала занятий) новый директор Иван Иванович Герасин на заседании Брыковского с/с просил «*о выделении 2.200 рублей для достройки физкультурного зала при школе*»[129]. О принятом решении информации нет, но, скорее всего, деньги не были выделены, т.к. вопрос о строительстве спортзале в последующие годы поднимался неоднократно.

Школа была возведена по типовому проекту с 7 классными комнатами и физическим кабинетом. А в Брыковской СШ к моменту открытия было 15 классов. Поэтому по-прежнему занятия проходили в две смены. В новом двухэтажном кирпичном здании, конечно, всем было намного удобнее – и учителям, и ученикам. В помещениях имелось центральное паровое отопление. Для этого была

построена котельная, работавшая на угле.

После открытия новой школы старое здание “Красной школы” освободилась. В нем решено было разместить производственную мастерскую (со слесарным и тракторным отделениями) для обучения ребят рабочим профессиям. Глебовская птицефабрика передала для учебных целей автомобиль и трактор. Оканчивающие школу ребята получали удостоверение тракториста третьего класса. Еще одно помещение занимала библиотека (потом для нее директор Герасин нашел комнату в новом здании). А в остальных помещениях “Красной школы”, где раньше размещались классы, теперь стали жить учителя. Девять преподавателей снимали жилье в частном секторе. В 1959 г. на очередной сессии с/с было принято обращение в Красногорский исполком (в то время Истринский район был присоединен к Красногорскому) о постройке двухквартирного дома для преподавателей.

Изо 9–21. Торжественная линейка у Брыковской школы, фотограф С. П. Солдатов, 1960-е (?)

С каждым годом число учащихся в СШ увеличивалось. Так в 1959/60 учебном году в школе было 17 классов, училось 442 ученика (из них 59 первоклассников).

В 1958 г. в СССР было введено 11-летнее образование. В Брыковской школе прикинули, и вышло, что в 1962 г. будет уже 24 или 26 классов. В связи с этим даже ставился вопрос о занятиях в третью смену. Чтобы этого избежать, были ликвидированы кабинеты физики и химии, обходились без пионерской комнаты[130]. Когда позднее в 1964 г. в стране вернулись к 10-летнему сроку обучения, стало чуть полегче. Но все равно, школа в Брыково была перегружена, и потому был поставлен вопрос о сооружении пристройки для размещения до восьми классов. Заявлялось также о необходимости строительства здания интерната на 70–80 мест, т.к. около 30 далеко живущих учеников проживали на частных квартирах, плату за них вносила школа.

В 1961 г., наконец, были построены спортзал, столовая. Брыковская СШ получила «*переходящее красное знамя Истринского горсовета и горкома КПСС за хорошие производственные показатели*»[131]. Очевидно, в этом была и заслуга нового директора школы Николая Николаевича Беккера. В одном из протоколов с/с за 1962 г. отмечено, что школа имеет «*хороший ботанический и фруктовый сады*»[132]. Был отремонтирован дом учителей, заложен новый дом-интернат.

С 1972: Новая средняя школа в пос. Глебовский

В одном из отчетов за 1967 г. написано: «*Необходимо строить новую школу, занятия проводятся в 3 смены. Помещение не соответствует контингенту учеников*»[133]. Вот так – прошло всего 12 лет после постройки школьного здания, и вновь остро возникла необходимость в расширении. Однако пришлось всем потерпеть еще пять лет, пока не был решен этот вопрос.

Большое учебное здание было построено в соседнем поселке Глебовской птицефабрики. Открытие состоялось осенью 1972 г., в новые помещения переехал весь коллектив СШ (и учителя, и ученики). На этом собственно завершается история школы Брыковской школы. С отдельными ее фотографиями можно ознакомиться в приложении–9.

Об истории Глебовской школы информация не собиралась. Но кое-что хотелось бы сказать.

С сооружением учебного здания не все проходило гладко. В ходе строительных работ случилась авария, вот как она потом была описана в специализированном издании: «*14 марта 1972 г. в поселке Глебовской птицефабрики Истринского района Московской обл. произошло обрушение части крупнопанельного 4-этажного корпуса школы.* […] *Обрушение части 4-этажного корпуса А было вызвано несколькими причинами, главными из которых являлись: зимние условия монтажа при ста-*

бильных отрицательных температурах привели к замораживанию раствора, а в период оттаивания — к значительным деформациям и снижению устойчивости стеновых панелей; использование многопустотных плит перекрытий с не заделанными бетоном пустотами; низкое качество строительно-монтажных работ и несвоевременное замоноличивание стыков»[134]. Строители успели заново отстроить разрушенную часть здания, и школа была открыта вовремя 1 сентября.

По отчету Букаревского с/с в первый год занятий в новой школе обучались 1040 учеников в 31 классе[135]. Имелись отдельные кабинеты химии, физики, военный кабинет, была оборудованная спортплощадка. Директором Глебовской школы стала Екатерина Сергеевна Анисимова, которая занимала такую же должность в Брыковской школе.

В освободившемся здании в Красном поселке вскоре стала работать школа рабочей молодежи. Первое время она пользовалась успехом: в 1973/74 учебном году при плане 197 в нее было набрано 224 ученика. Потом учеников становилось все меньше, и в годы перестройки она была закрыта. Здание пустовало, не охранялось и постепенно стало разрушаться. О дальнейшей его судьбе разговор пойдет чуть позже, а сейчас хотелось бы поговорить о директорах школы в Брыково.

Директора Брыковской школы в советские годы

К сожалению, имена первых директоров после революции остались неизвестны. Ранее упоминались отдельные фамилии, напомним их.

Первым советским директором, имя которого удалось установить – это Михаил Павлович Сучков, он работал в Брыковской школе в 1935/36 учебном году (возможно, и раньше). Потом на должности директора оказались Владимир Никитич Голубев, Александр Петрович Рябов, Ольга Александровна Прохорова, Дмитрий Иванович Комиссаров, Виктор Петрович Смирнов. О трех следующих директорах хотелось бы поговорить отдельно.

1955–1960: Директор Брыковской школы Герасин

Первым директором новой кирпичной школы стал **Иван Иванович Герасин** (1910 – † 1995). До назначения в Брыково он долгое время работал директором соседней Филатовской школы. Одна из бывших учениц той школы вспоминала, что «*он поначалу ходил с палкой после ранения*»[136]. К сожалению, его автобиографии или послужного списка обнаружить не удалось, информация собиралась из разных источников – интернета, архивных дел. Когда уже завершалось работа над книгой, удалось найти и встретиться с сыном директора Геннадием. Подробного разговора, к сожалению, не получилось. Но кое-какую ранее неизвестную информацию он сообщил.

По сообщению Геннадия Ивановича его дедушку (отца директора) звали Иван Гаврилович, а бабушку Фекла Сергеевна. Дед относился к зажиточным крестьянам, на заемные деньги купил 30 дес. земли, имел три лошади.

Иван родился 5 июля 1910 г. на Орловщине в Покровском районе, дер. Ефросимовка (Ефремова). Об этом написано на одном из орловских сайтов. Там же говорится: «*Из воевавших учителей обратно в Покровскую школу* [в с. Покровское Покровского района Орловской обл.] *возвратился только Иван Иванович Герасин (он был командиром хозяйственного взвода в 13 гвардейском стрелковом полку 3 гвардейской стрелковой дивизии, награждён медалью "За боевые заслуги" – А.П.)*»[137]. Сведения о том, что И. И. Герасин воевал с немцами, нашли подтверждение на сайте "Память народа". Его боевой путь начался под Ленинградом. Потом полк, в котором он служил, был переброшен под Сталинград. Закончил войну Иван Иванович на территории Пруссии в звании стар-

Изо 9–22. Директор И. И. Герасин с учениками Филатовской школы, 1950-е (?), (архив М. И. Лариковой).

шины. Помимо медали "За боевые заслуги" (1943) был также награжден медалью "За оборону Сталинграда" (1942) и по окончании войны получил "Орден Красной Звезды" (1945)[138]. Вероятно, еще на фронте вступил в ряды Коммунистической партии.

Как следует из приведенной цитаты, И. И. Герасин стал учителем еще до войны. Сын Геннадий не смог точно ответить, где отец учился на педагога, наверное, на каких-то курсах. Но после войны он заочно окончил педагогический институт и получил высшее образование. А далее, как написано на том же орловском сайте: «*летом 1946 года переехал в Истринский район Подмосковья, куда его пригласил Иван Никитович Чесноков. Оба они там так и остались, посвятив жизнь образованию (директора школ, заведующие РОНО) и добившись на ней успехов и всеобщего уважения*».

После направления в Филатовскую школу И. И. Герасин стал ее директором (возможно, не сразу). В Истринском архиве обнаружен довольно необычный документ, датированный октябрем 1947 г. Он показывает, в каких трудных условиях жили после войны некоторые семьи. Обращение в исполком Истринского райсовета, которое подписал директор Герасин, начиналось так: «*С наступлением холодов 11 учащихся – детей работниц Глебовской птицефабрики прекратили посещение Филатовской школы из-за отсутствия одежды и обуви*»[139]. Далее написано, что руководство фабрики не смогло решить этот вопрос, вот потому школа и обращается за оказанием помощи. К сожалению, в деле нет информации о том, помогли ли ученикам из бедных семей.

Филатовская школа всегда была на хорошем счету, в ней трудились замечательные учителя. Несомненно, в этом была и заслуга Герасина, он около десяти лет возглавлял педагогический коллектив, пока не был переведен на новое место. Случилось это еще до начала 1955/56 учебного года.

К этому времени в Брыково было окончено строительство здания кирпичной школы. Как уже отмечалось, строители оставили много недоделок, их устранением пришлось заниматься новому директору. В частности, строительством физкультурного зала. Брыковская школа, как и Филатовская, была неполной средней, но классов и учеников в ней было больше. Классных комнат не хватало, занятия проходили в две смены, а в некоторые годы даже и в три. Ивану Ивановичу приходилось решать множество самых разнообразных вопросов, как учебных, так и хозяйственных.

В "Похозяйственной книге" Букаревского с/с приведены сведения о семье И. И. Герасина, проживавшей в Брыково. Жену звали Антонина Ивановна (1918 г.р.), она также была учительницей, преподавала химию (по другим данным географию).

Пять лет Иван Иванович работал директором в Брыковской школе. А в 1961 г. он уже стал заведующим Истринским ГорОНО (отделом народного образования). Находясь на новой должности, он неоднократно приезжал в Брыково на заседания сельсовета, когда обсуждались школьные вопросы. И. И. Герасин недолго находился на работе в ГорОНО, в 1962 г. должность заведующего занимал другой человек. Где он трудился последующие несколько лет – поначалу было неизвестно. Ответ на этот вопрос помог найти исследователь А. Н. Гольцев. Он прислал статью из районной газеты за 1965 г. с отчетом о сессии совета депутатов трудящихся г. Истры. В ней упомянут «*заместитель председателя исполкома горсовета т. Герасин И. И.*»[140].

В 1967 г. (а может и ранее) Герасин был уже директором Котеревской школы в военном городке около г. Истры. И находился на этой должности как минимум до 1971 г. Этому автор сам свидетель, т.к. учился в указанной школе и помнит невысокого, довольно плотного пожилого директора.

После выхода на пенсию Иван Иванович проживал в частном доме в г. Истра на ул. Щёголева. Умер 3 марта 1995 г., похоронен на городском Истринском кладбище. В семье было два сына: Геннадий и Владимир. Род Герасиных продолжается.

1960–1965: Директор Брыковской школы Беккер

Следующим директором школы в Брыково стал **Николай Николаевич Беккер** (1929 – † 2012). По информации, полученной от его дочери Марины Борисовны Жерлыгиной, он был знаком с И. И. Герасиным, они дружили. Николай Николаевич также посвятил всю свою жизнь народному образованию. В интернете имеются о нем материалы.

Дочь предоставила дополнительную информацию об отце: «*Беккер Николай Николаевич родился 6 мая 1929 года в Калязине. Мама Ольга Яковлевна заслуженный врач РСФСР, отец Николай Всеволодович заслуженный учитель РСФСР. Беккер Н. Н. получил два высших образования по русскому языку и литературе, и по библиотечному делу*».

Изо 9–23. Директор Н. Н. Беккер, 2000-е (?), (семейный архив М. Б. Жерлыгиной).

Эти краткие строчки можно дополнить сведениями, опубликованными в 2009 г. в "Учительской газете" к 80-летнему юбилею директора: «*Его далекий пращур Вольф Беккер прибыл в Россию лекарем в незапамятные времена. Род был испытанным и твердым по мужской линии, и все мужчины в нем были медиками. Поколение за поколением жили в Москве при царях – пока не грянула революция. В* [19]*20-е деда и бабку направили в Пермь организовывать тифозные лагеря. Гиппократа они не посрамили, а вот от тифа не уберегли – погибли оба. Николай Беккер-старший рос в детском доме под Звенигородом. Выбрал профессию учителя, но династическое ремесло в семье сохранил, женившись на враче. Дорогой отца пошел и сын: начинал когда-то с русского и литературы, потом потянуло в историю…*»[141].

Немного позднее у Н. Н. Беккера взяли интервью, которое было размещено на сайте: *«Родители, коренные москвичи, после окончания моей матерью медицинского факультета Московского государственного университета имени Ломоносова, были направлены в город Калязин на Волге. Я считаю себя волжанином, Волга это мое детство и моя юность. Моя школьная жизнь пришлась в основном на военные годы*»[142]. Как сказала М. Б. Жерлыгина, семья Беккер после рождения сына переехала в село Решма Кинешемского района Ивановской области, там прошло детство Коли.

Н. Н. Беккер позднее вспоминал: «*Не могу забыть, как в старших классах мы трудились в колхозе. Трудились самоотверженно, не уступая взрослым. Мы понимали, что наш труд нужен Родине, что мы трудились для фронта, для Победы, поэтому из всех наград мне особенно дорога медаль "За доблестный труд в Великой Отечественной войне". Получил я ее за работу трактористом с 1943 по 1946 годы. Эту работу я совмещал одновременно и со своей учебой*».

Николай Николаевич рассказал корреспонденту, что его трудовая биография началась в 1950 г. Первое место работы оказалось в Нахабинской школе № 2 Красногорского района, там он был директором (возможно, не сразу). Потом в 1960 г. его перевели на директорское место в Брыковскую школу, там проработал пять лет. Согласно архивному документу в январе 1965 г. Н. Н. Беккер стал «*заведующим Истринским ГорОНО*». По информации, предоставленной Т. И. Антиповой, с мая 1968 по сентябрь 1976 г. он был директором Лучинской школы.

Следующие 34 года вплоть до выхода на пенсию Николай Николаевич работал директором Истринской средней школы № 2 (до 1992 г. она носила имя Н. К. Крупской). Занятия в школе проходили в две смены. В середине 2000-х гг. он добился строительства пристройки для начальных классов с тем, чтобы ребята учились в одну смену. При Н. Н. Беккере школа № 2 была на хорошем счету. Как написано на школьном сайте: «*из нашей школы выходит самое большое число медалистов (по сравнению с другими школами района). В 2008 году она выпустила 14 человек с золотыми и серебряными медалями. Каждый год в ВУЗы поступает до 90% наших выпускников. За последние десять лет школа сохраняет первое место по всем видам спорта общерайонной олимпиады*».

Корреспондент завершила свой материал словами: «*Когда я беседовала с Николаем Николаевичем, я еще больше убеждалась в том, что он замечательный человек, с очень добрым сердцем. Именно благодаря ему в школе всегда царила, царит и будет царить атмосфера домашнего уюта, теплого настроения, счастья, любви. За тридцать с лишнем лет работы в школе ему удалось создать обстановку взаимопонимания и уважения между учениками и учителями. Его провожали на пенсию со слезами признательности на глазах*».

Помимо медали "За доблестный труд во время Великой Отечественной войны" Николай Николаевич был награжден медалями "За трудовое отличие", "Ветеран труда", "В память 850-летия Москвы" и знаком "Отличник народного просвещения". В 1993 г. ему было присвоено звание "Почетный гражданин города Истры". В 2015 г. на входе в бывшую школу им. Крупской была установлена памятная доска[143], на ней написаны такие слова: «*Беккер Николай Николаевич / 1976 – 2010 гг. / Директор Истринской муниципальной образовательной средней школы № 2 / Почетный гражданин Истринского района*».

На пенсии Николай Николаевич пробыл всего два года, умер в 2012 г. Его могила находится на старом Истринском кладбище на почетном месте. В 2020 г. там была похоронена супруга директора Надежда Федоровна (Фадеевна) Беккер.

Дочь Марина Борисовна сообщила, что родители познакомились в Лучинской школе, когда папа был ее директором, а мама учителем немецкого языка. У обоих это был второй брак. С 1967 г. Надежда Федоровна преподавала в Котеревской школе, была завучем, а после ухода И. И. Герасина с должности директора заняла его место.

1965–1972: Директор Брыковской школы Анисимова

Изо 9–24. Завуч Е. С. Щеглакова (слева) и библиотекарь школы М. С. Бобылева, нач. 1960-х.

Следующим директором школы стала **Екатерина Сергеевна Анисимова** (ур. **Щеглакова**, 1928 – † 2006). В Истринском архиве сохранилось ее личное дело с автобиографией.

Родилась Екатерина 2 февраля 1928 г. в дер. Плешково Ханинского района Тульской области в семье крестьянина. В 1930 г. отец стал кадровым военным, семья часто переезжала из-за смены мест службы. В автобиографии полное имя родителя не указано, его удалось установить на сайте "Память народа"[144]. Сергей Лаврентьевич Щеглаков во время войны служил майором Госбезопасности, был командиром подразделения СМЕРШ, награжден медалью "За оборону Москвы". Погиб летом 1944 г. на территории Латвии, похоронен в г. Даугавпилс (Латвия). Мать Екатерины звали Василиса Тимофеевна.

В 1947 г. Екатерина окончила школу, стала работать в колхозе. Спустя два года поступила на учебу в Загорский педагогический институт им. Крупской и окончила его в 1951 г. Была направлена на работу в Филатовскую школу Истринского района учительницей русского языка и литературы (ее фамилия упоминалась в другой книге автора[145]). В 1954 г. вступила в ряды КПСС. В 1958 г. была переведена на работу завучем в Брыковскую школу.

После перехода Н. Н. Беккера на работу в ГорОНО место директора школы в Брыково освободилось. В архивном деле сохранилось заявление завуча Е. С. Щеглаковой, датированное 28 января 1965 г. В нем она просила о переводе на должность директора, написала, что «*С работой я знакома и справлюсь с нею*». Как потом оказалось, действительно справлялась, работала хорошо. Через некоторое время Екатерина вышла замуж за учителя физкультуры Сергея Андреевича Анисимова.

Екатерина Сергеевна возглавляла большой коллектив, Брыковская СШ относилась к числу одной из самой крупных в Истринском районе, число учеников в ней с каждым годом возрастало. Так в 1967 г. обучалось 749 школьников[146], в 1971 г. было уже 846 учеников[147]. В следующем году ученики и учителя перешли в новую школу, построенную в пос. Глебовский. Уже в первый год работы школы в ней училось 1040 учеников. Директором Глебовской средней школы была назначена Е. С. Анисимова. На новом месте она проработала 17 лет.

За многолетний педагогический труд была удостоена высокой государственной награды – ордена Трудового Красного Знамени (в интернете написано о награждении орденом Ленина – это ошибка). Екатерина Сергеевна также была награждена медалью "Ветеран труда", юбилейными медалями 50 лет и 60 лет победы в войне, знаком "Отличник народного просвещения", знаком "За успехи в народном хозяйстве СССР". В 1989 г. она вышла на пенсию, уволилась с должности директора, но продолжала работу простым учителем. Жила в поселке Глебовской фабрики.

Умерла Екатерина Сергеевна 20 марта 2006 г., похоронена на Брыковском кладбище. Род Анисимовых продолжается, жива дочь Елена.

с 2003: Культурно-просветительский центр “Преображение”

К началу XXI в. бывшее здание Брыковской школы оказалось заброшено, с отрезанными коммуникациями и постепенно превращалось в руины. В пристроенной части (бывшем физкультурном зале) находилась автомастерская, в основном корпусе жили бомжи.

Изо 9–25. КПЦ “Преображение” в отремонтированном здании бывшей Брыковской школы, 2016, (архива центра).

В таком состоянии в 2003 г. здание было приобретено Культурно-просветительским центром (КПЦ) “Преображение”. Новые хозяева решили восстановить заброшенное школьное здание. По информации, предоставленной сотрудником центра С. Яшиной: «*Пять лет члены КПЦ “Преображение” и его добрые знакомые — преподаватели и студенты московского Свято-Филаретовского института, друзья братства из разных городов России, — восстанавливали здание бывшей школы, стараясь все, что могли, делать своими руками: штукатурили, красили, укрепляли фундамент, бетонировали подъездные площадки, оборудовали отстроенное помещение. За все время в работе приняли участие несколько тысяч человек*».

Нынешний руководитель КПЦ Алексей Андреевич Наумов вспоминает: «*19 августа 2008 г. бывшее здание усадьбы было торжественно открыто и освящено. На этом событии присутствовали многие известные люди. Так, народный артист России Сергей Юрьевич Юрский сказал, что потрясен увиденным и считает, что новое здание возникло благодаря “культуре братства, самоограничению и творческому духу”. По мнению Сергея Юрьевича, этот дом воплощает “смысл существования... Преображенского содружества братств – соединение веры и Церкви с жизнью, высокого богословия с творчеством и культурой”. Он добавил также, что “местные жители получили подарок, этот дом – украшение этого пространства”*»[148].

Создан специальный сайт, на нем приведены такие слова: «*Культурно-просветительский центр “Преображение” – межрегиональная общественная организация, созданная в 2003 году для реализации музейных и исторических проектов. С 2011 года Центр входит в состав Совета православных общественных объединений при Синодальном отделе по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Русской Православной Церкви. Выставки Центра, посвященные как знаменитым, так и малоизвестным историческим лицам и событиям неизменно пользуются популярностью и признанием профессионалов*»[149].

Центр проводит научно-практические и богословские конференции, встречи с представителями культуры и общественными деятелями, открытые лекции; осуществляются информационные и благотворительные проекты, к участию в которых приглашаются люди, стремящиеся действовать на благо общества. Организуются выставки на исторические темы в разных городах на светских и церковных площадках. Для детей и молодежи организуются исторические экспедиции, выездные лагеря. В последние годы в здании КПЦ “Преображение” в Брыково проводятся благотворительные рождественские праздники для детей и взрослых жителей Истринского района, устраиваются христианские встречи и праздники для молодежи.

В приложении–9 приведены фотографии, сделанные в КПЦ “Преображение”.

Глава 10. Брыково в годы советской власти

Написание современной истории Брыково и соседнего Красного поселка первоначально не входило в планы настоящей книги, материалы для этого отрезка времени не собирались. Но, наверное, ничего не сказать о советском периоде истории было бы неверно. Поэтому решено было хотя бы кратко отразить события последнего столетия на брыковской земле. Отразить в надежде, что читатель не будет слишком строгим к автору из-за многих пропущенных важных событий. Так, например, о местных колхозах речи здесь почти не будет. Описывать полноценную (не краткую) современную историю – это отдельная, большая работа. Может, за это кто-то и возьмется. А предлагаемый далее материал – это лишь наброски к основным событиям советского периода и нашего времени.

Брыково в довоенные годы

Приход к власти большевиков в наших краях не отмечен какими-либо бурными событиями, незначительные волнения случились в монастырях, находившихся в городах Звенигород и Воскресенск. В сельской же местности в целом смена власти прошла спокойно. Точно также можно сказать, что во время Гражданской войны на западе Подмосковья боевых столкновений или восстаний не происходило (наподобие тех, что имели место на Тамбовщине или в Ярославле).

Изменение территориального деления Истринского района

Немного остановимся на территориальном делении, как оно менялось в разные годы.

Местность по берегам речки Мологощи, о которой идет речь в настоящей книге, в давние времена входила в древнерусскую волость или стан Войничи, земля относилась к Рузской десятине, потом к Рузскому уезду. Волость Войничи, как административная единица, была ликвидирована в результате реформы, осуществленной в конце XVIII столетия, когда образовался Воскресенский уезд, к которому эти земли отошли. Новое территориальное образование просуществовало недолго (чуть более десятка лет). Потом Воскресенский уезд был расформирован, земли на короткое время (3–4 года) вновь отошли к Рузскому уезду. А в начале XIX в. в результате очередной реформы упомянутая территория была включена в Звенигородский уезд. После этого более века вплоть до революции никаких территориальных изменений не происходило.

Если брать шире (в границах современного Истринского района), то в XVII – XVIII в. были земли, входившие в Дмитровскую десятину (с. Куритниково, с. Васильевское и др.), Волоколамскую десятину (с. Бужарово, с. Савельево и др.), Звенигородскую десятину (с. Славково, с. Онуфриево и др.). Но большая часть земель относилась к Загородской десятине (с. Дарна, с. Телепнево и др.).

После прихода к власти большевиков территориальная принадлежность также неоднократно менялась. В начале 1921 г. президиум Моссовета принял решение о выделении из состава Звенигородского уезда самостоятельного Воскресенского уезда с центром в г. Воскресенске с присоединением к нему трех волостей из Рузского уезда. Данный уезд просуществовал до 1929 г., когда постановлением президиума ВЦИК Московская губерния, все ее уезды и волости были упразднены. Большая часть территории Воскресенского уезда вошла в состав Воскресенского района Московской области. Одновременно был организован Ново-Петровский район, которому отошли несколько волостей, находившихся на западе бывшего Звенигородского уезда. 27 декабря 1930 г. Воскресенск был переименован в г. Истру (по названию реки), а район — в Истринский район. Ново-Петровский район изменения не затронули.

В 1957 г. Истринский район был упразднен, а его территория вошла в состав Красногорского района. Но уже в 1960 г. Истра была отнесена к категории городов областного подчинения, а Истринский район восстановлен из части Красногорского района и упраздненного Ново-Петровского района. С февраля 1963 г. в течении двух лет наш район вновь не существовал как самостоятельная административная единица, большая его часть входила в состав Солнечногорского района. В январе 1965 г. Истринский район был восстановлен, территория его с тех пор существенных изменений не претерпела. 11 марта 2017 г. в границах упраздненного Истринского района было образовано новое муниципальное образование – городской округ Истра. Надо признать, не лучшее решение властей, которое приводит порой к путанице. Когда где-то встречается адрес с указанием «г. о. Истра», то непонятно, где это находится – в самом г. Истра или на территории бывшего района.

Брыково в первые годы советской власти

Теперь поговорим о самом селении и бывшей в нем усадьбе.

В архиве ЦГАМО обнаружен протокол «*Президиума Воскресенского Уисполкома РК и КД* [рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов] *24-го июля 1923 г.*». В одном из его пунктов написано: «*Утвердить Договор Общегот. отд. с гр-ном Потаповым на сдачу в аренду дома бывш. Карпова в селе Брыкове Лучинской волости*»[1]. Следует отметить, что самый поздний по датировке исторический документ, в котором явно упоминается усадебный дом Карповых. Как ранее уже говорилось в предыдущей главе, бывшее господское здание в последующие годы было приспособлено под школу и просуществовало до войны.

По данным энциклопедии "Истринская земля": *«В 1924 г. село* [Брыково] *насчитывало 33 хозяйства, в которых проживали 95 мужчин и 97 женщин. У них было 175 десятин земли (в том числе пашни — 110), они также имели 29 рабочих лошадей и 40 коров. В 2 хозяйствах работали столяра, в 2 — сапожники. Здесь были: школа первой ступени (бывшее земское училище, 84 ученика), инвалидный дом, мельница. При селе находился хутор Комарова (1 хозяйство, 8 жителей, 5 дес.)*»[2]. По информации справочника за тот же год в с. Брыково находился «*Дом хроников*»[3] (он же «*инвалидный дом*»?), его местонахождение и годы существования остались неизвестны. Можно лишь предположить, что это мог быть бывший госпиталь, работавший в годы Первой мировой войны.

В 1926 г. в газете "Московская деревня" была напечатана заметка следующего содержания: «*У нас в селе Брыкове, Лучинской волости, развелось очень много самогонщиков и шинкарей*[i]. *Недавно волмилиция* [волостная милиция – Авт.] *поймала за самогоноварение гражданку А. Самозванову, которая с досады выдала шинкарку Газову. Общество решило покончить с шинкарями, закрыло чайную и составило протокол на шинкарствовавшего приказчика этой чайной. Так общество селения Брыково совместно с милицией выметает из села самогон*»[4].

В начале 1930-х годов по всей стране Советов происходила коллективизация, организовывались товарищества по совместной обработке земли (ТОЗ), предшественники колхозов. Эти изменения не приняла часть зажиточного населения, их власти называли кулаками. В районной газете "Истринская стройка" в апреле 1933 г. была напечатана небольшая заметка, в которой сообщалось, что в Букаревском сельсовете три товарищества собирались преобразовать в сельскохозяйственные артели. В тексте говорилось, что «*в селении Букарево в ТОЗе "Дружба" кулаки Филатов В. А., Филатов Т. открыто на собрании выступили против сельскохозяйственной артели*»[5]. И в конце заметки было написано, что этих кулаков «*выгнали из колхоза*».

Образование Красного поселка

В 1940 г. около Брыково стал строиться новый населенный пункт – Красный поселок. Он находился по другую сторону от Богоявленской церкви (с южной стороны). К 60-летнему юбилею поселка в районной газете была напечатана статья об истории его появления, воспоминаниями поделился староста поселения Н. К. Горюнков:

«...В далеком предвоенном времени расширенное заседание парткома, профкома, администрации птицефабрики № 2 совместно с руководством Брыковского сельского совета и земельным отделом Истринского района лучшим производственникам фабрики на поляне около Брыковской церкви были выделены земельные участки по 0,11 га для строительства жилых домов. Среди счастливчиков оказались тогда зоотехник В. А. Орловский, ветврач К. А. Кузнецова, строители фабрики К. И. Горюнков, М. М. Орлов, И. М. Родченко, Обыденников, Дьячков и многие другие ударники и стахановцы. Сразу же начались строительные работы и уже через месяц-полтора здесь стояло несколько домов, привезенных из ближайших деревень и ближних районов Подмосковья. Перешли жить в новые дома из барачного жилья фабрики Первойкины, Родченковы, Дашунины, Горюнковы, Панченко... Организовались улицы Московская, Советская, Гражданская, Центральная»[6].

---

[i] Одно из значений слова «*шинкарь – торговец нелегальными спиртными напитками*» (интернет).

Водяная мельница на речке Мологоща (Маглуша)

Несколько заметок, напечатанных в местной прессе в предвоенные и послевоенные годы, посвящены мельнице при с. Брыково. Находилась мельница рядом с плотиной на речке Маглуша.

Дореволюционная история мельницы

Запруда на речке Мологоще и мукомольная мельница существовали издавна, они неоднократно упоминались в настоящей книге. Стоит напомнить некоторые факты и привести новые сведения.

Для начала остановимся на планах, на которых показана запруда. На приведенных изображениях видно, что плотина на речке свое местоположение не меняла, и существует, как минимум, два с половиной века (самый старый план изо 10–01 датирован 1770 г.). Если в половодье плотина разрушалась, то ее потом восстанавливали.

В одном из дел ОПИ ГИМ имеется договор («*Письмо договорное*»[7]) служителя брыковского имения Самарокова с крестьянином графа С. П. Ягужинского Некрасовым, документ датирован 1781 г. В нем говорится про мельницу «*о двух поставах*» при с. Богоявленском на р. Мологоще (подробнее «*о поставах*» можно почитать в другой книге автора[8]). Указано, что имеется «*два водяных наружных колеса*», изба покрыта соломой, а территория огорожена забором. Текст договора написан трудночитаемым почерком. Из тех слов, которые удалось разобрать, стало понятно, что речь идет об аренде Некрасовым мельницы на пять лет с платой 26 руб. в год.

В "Экономическом примечании Рузского уезда" за 1798 г. сказано: «*На вышеписанной речке* [Мологоща] *мучная мельница о двух поставах, действие имеет всякое время кроме разлития воды, пользуется оную сам владелец*»[9]. В другом архивном деле за 1815 г. говорится, что мельница покрыта тесом, работает круглый год, кроме половодья. Написано, что «*При оной мельнице плотина насыпная на двух быках, деревянные. Чрез пруд мост, изба с чуланом и двором, крыты соломою новыя*»[10]. Говорится также, что рядом была «*кузница об одном горне, крыта тесом*».

В составленной в 1825 г. описи имения Брыково записано: «*на речке Мологоще имеется мукомольная о двух поставах мельница, крыта тесом*». В отчетах дворянской опеки за 1836-1837 гг. можно прочитать: «*Мукомольная мельница о 2 поставах, при ней изба с чуланом и двором, крыты соломою. Приносит доходу в год по 300 р. ассигнациями*»[11].

Все приведенные цитаты относились ко времени, когда имение принадлежало дворянам Квашниным-Самариным или находилось под опекой. Упоминание о мельнице можно найти и в более поздних документах. Так в архивном деле 1849 г. есть такие слова: «*направо от речки и от пруда мельница мукомольная наливная о двух поставах и при оной мельничное строение с огородною землею и домом для мельника*»[12]. В это время имение принадлежало врачу П. Н. Кильдюшевскому.

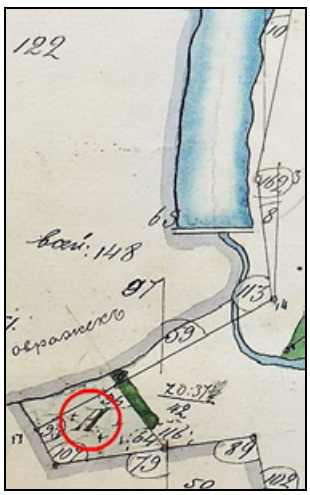
Фамилия этого помещика оказалась связана с мельницей, об этом рассказывалось в третьей главе. Напомним вкратце суть дела. Когда-то давно еще в конце XVIII в. клирики Богоявленской церкви договорились с тогдашними владельцами имения Квашниными-Самариными, что люди помещиков пользуются плотиной, мельницей и церковной землей (около 30 дес.), которая большей частью была малоплодородна и находилась далеко от храма. А взамен церковнослужителям была предоставлена

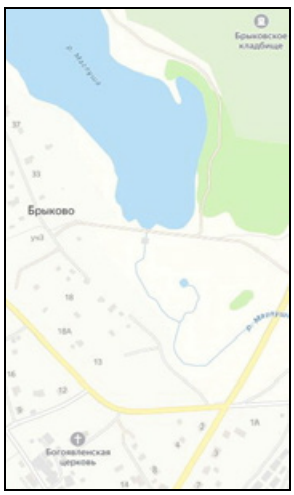
Изо 10–01. ПГМ, 1770.

Изо 10–02. План, 1849.

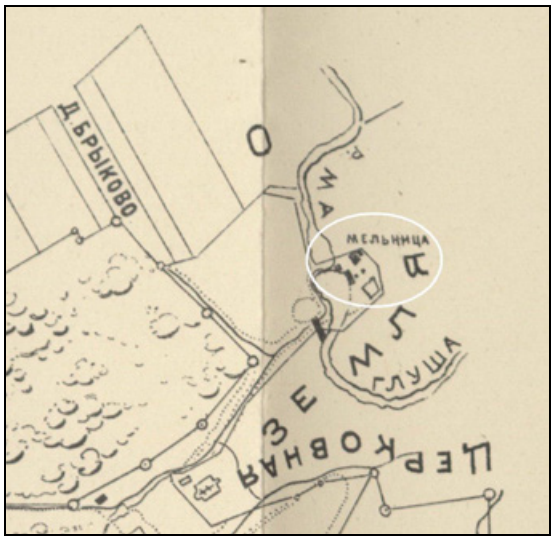

Изо 10–03. План, 1864.

Изо 10-04. Яндекс, 2024.

ближе расположенная помещичья земля (15 дес.) и еще выплачивалась руга. Эти договоренности были на словах, документы не оформлялись. Когда Кильдюшевский купил имение Брыково, то решил забрать у клириков свою землю. Однако мельницу не захотел возвращать, ссылаясь на то, что много лет ей пользовались помещики. Естественно, клирики с этим не согласились. Они считали (и были правы), что мельница находится на церковной земле и должна принадлежать храму. И требовали, чтобы помещик выплатил компенсацию за те годы, когда незаконно пользовался церковной мельницей.

Изо 10–05. Мельница на плане имения Брыково[13], 1900.

Так возник спор, который много лет разбирался в судах. Суд первой инстанции встал на сторону причта. Однако окончательное решение в 1872 г. было вынесено в пользу помещика Кильдюшевского. В результате 460 кв. саж. церковной земли вместе с мельничными постройками стали принадлежать хозяину имения. Попалась информация в архивном деле, согласно которой вдова помещика О. И. Кильдюшевская сдавала мельницу в аренду с платой 115 руб. сер. в год[14]. Мельница также упоминается в документах, относящихся ко времени помещиков Карповых. В 1879 г. арендатором мельницы был Михаил Петрович Карелин[15].

В архивном деле 1914 г. обнаружено описание построек, находившихся вблизи Брыково. Указана мельница «*при реке Маглуше*»[16], при ней стоял дом, в котором проживали один мужчина и три женщины (видимо, это был мельник и члены его семьи). Единственным изображением, на котором показана не только плотина, но и мельница, является карта имения Брыково 1900 г. (мельничные постройки обведены кружком, полный план приведен в приложении-9).

Мельница в первые годы советской власти

Ко времени прихода к власти большевиков история мельницы насчитывала уже более полутора веков. Понятно, что за столь длительное время деревянные постройки неоднократно ремонтировались, отстраивались заново (не исключено, что могли быть длительные перерывы в работе).

В первые годы советской власти мельница сдавалась в аренду. В 1923 г. с арендатора (фамилия не указана) было получено 400 руб.[17]. Через два года в районной газете “Голос деревни” было напечатано объявление: «*На 18-е мая 1925 г. Лучинский волостной исполнительный комитет в 12 час. дня назначает открытые торги на сдачу в аренду Брыковской мельницы. Общественные организации и частные лица, желающие принять участие в торгах, приглашаются прибыть в указное число в с. Брыково на мельницу*»[18]. О результатах торгов не сообщалось.

В 1929 г. арендатором мельницы был Федор Павлович Смирнов. О нем стало известно из архивного дела, в котором имеется его жалоба на лишение избирательных прав. Смирнову в прошении было отказано с мотивировкой, что помимо арендованной брыковской мельницы у него была собственная мельница в соседнем пос. Румянцево[19]. В следующем году на заседании Воскресенского райсовета было принято решение «*заключенный договор с гр. Смирновым на аренду Брыковской мельницы расторгнуть*»[20] и передать мельницу в ведение местного сельсовета. По какой причине было принято такое решение – не сообщалось.

В газете “Истринская стройка” в 1937 г. была напечатана заметка, в которой говорилось, что «*Брыковская мельница не работает. Ее ремонтируют, но ремонтируют преступно медленно*»[21]. Указывалась причина – бесхозяйственность. Как писали в другом номере районки: «*Мельничное хозяйство района беспризорно*». Тогда же был выполнен ремонт четырехкилометрового участка дороги от Волоколамского шоссе до мельницы.

Перед самой войной была произведена электрификация села Брыково. Откуда бралось электричество – осталось непонятно. До гидроэлектростанции на плотине им. Куйбышева, находившейся на р. Истра около с. Ламишино, по тогдашним меркам было далековато. Скорее всего, электричество вырабатывалось где-то поблизости. Ток мог подаваться от электростанции, установленной перед войной в Казанской церкви с. Глебово[22], до нее было всего 2 км. В принципе, могла быть установле-

на турбина и на плотине в Брыково. Однако по документам это произошло лишь в 1946 г.

Война не обошла стороной мельничные постройки. В одной из газетных статей есть такие слова: «*Возле деревни Брыково есть мельница. Во время оккупации нашего района немецкими захватчиками она была разрушена*»[23]. 29 декабря 1942 г. на заседании исполкома Истринского районного совета рассматривался вопрос о мельнице на речке Маглуше. Было отмечено, что она принадлежит колхозу "Красный Земледелец", а находится на территории другого колхоза "Трудовик" в том же сельсовете. Такая неразбериха привела к «*неработоспособности, запущенности и полной бесхозяйственности мельницы*»[24]. Было принято решение о скорейшей передаче мельницы с баланса первого колхоза на баланс второго. При этом было велено, чтобы колхоз "Трудовик" произвел смену жерновов «*в срок до 1 февраля 1943 г.*». Был установлен план помола зерна 60 тонн в месяц.

В 1944 г. в районной газете была напечатана статья о планах постройки **плотины и мельницы в дер. Зенькино**, которая находилась на р. Маглуша ниже по течению. В ней говорилось, что «*Речка эта достаточно полноводна для того, чтобы вертеть среднее водоналивное деревянное колесо, как, например, в Брыковской мельнице. Устройство небольшой плотины через речку не потребует слишком больших затрат, которые возместятся эксплуатацией двигательной силы колеса. Энергию реки можно использовать для многих работ и особенно строительных: драть дранку, пилить доски и пр. Таких колес по речке можно установить штуки 4—5, и их энергия дала бы большую пользу для колхозов и строительства*»[25].

В заметке, напечатанной в 1945 г. сообщалось, что «*по инициативе колхозников сельхозартели "6-й съезд Советов" была восстановлена и мельница* [Брыково]. *Сейчас эта мельница работает*»[26].

Брыковская ГЭС

В мае 1946 г. на первой сессии депутатов Брыковского с/с было принято решение о строительстве гидроэлектростанции (ГЭС) на плотине через р. Маглушу. Для увеличения напора воды было решено поднять уровень плотины на полметра, но так, чтобы избежать затопления «*огородов и сенных угодий*». Также была запланирована постройка моста через речку. Был разработан целый ряд мероприятий по проектированию ГЭС, заготовке лесоматериала и доставке его к месту строительства. Затраты решено было распределить между четырьмя соседними колхозами: "6-й съезд Советов", "Трудовик", "им. Кирова" и "им. Парижской коммуны"[27]. Был назначен начальник строительства Кириллов и утвержден срок сдачи 25 октября того же года.

В строительстве помогали шефы из Фрунзенского района Москвы. С небольшой задержкой ГЭС была построена. Ее штат состоял из трех человек: заведующего, он же мельник с окладом 500 руб. и двух дежурных электромонтеров с зарплатой по 350 руб. Первым заведующим оказался Смирнов.

ГЭС приносила людям несомненную пользу, об этом писал председатель Брыковского сельсовета П. Комарова в районной газете: «*В страдную пору уборки урожая, когда на счету был каждый человек, электричество высвободило десятки людей и тягловую силу. Мы механизировали молотьбу, сортировку зерна.* […] *значительно выросла стоимость трудодня*»[28].

В 1946 году колхозники Брыковского сельсовета построили на реке Маглуше гидростанцию. Теперь в избах колхозников ярко горят лампочки Ильича. Электроэнергия от гидростанции используется на сельскохозяйственных работах.
НА СНИМКЕ: общий вид Брыковской гидростанции.
Фото С. Резникова.

Изо 10–06. Брыковская ГЭС[29], 1948.

Изо 10–07. Современный вид на плотину, 2017.

Но, увы, так было далеко не всегда. Уже в следующем году в результате весеннего паводка нормальная работа сооружения была нарушена: «*была пробита одна из сторон гидростанции Брыковской плотины. Работа гидроэлектростанции затруднялась*»[30]. Во время ремонта пришлось забить 15 новых свай и основание плотины связать стальным тросом. Очевидно, работы были выполнены. Но в следующем 1948 г., а потом через год все повторилось. Какие только меры не предпринимались во время паводка: постоянное дежурство людей с баграми, ручная обивка льда, использование взрывчатки, оборудование дополнительных спусков воды[31]. Но ничего не помогало – стихия брала верх над людьми. Ремонт же плотины был трудоемким и дорогостоящим. Так на очередной сессии с/с осенью 1949 г. председатель колхоза "6-й съезд Советов" В. П. Булочников заявил: *«я израсходовал 16 т. рублей на ремонт плотины и электростанции»*[32].

Но даже когда ГЭС работала, электричества на всех потребителей не хватало, вводились ограничения. Исполком с/с в январе 1951 г. принял решение: «*Категорически воспретить гражданам пользоваться электро-приборами (электро-плитами, утюгами)*»[33]. В домах колхозников разрешено было иметь только по одной действующей лампочке в 25 свечей (ватт).

В 1953 г. на очередной сессии Брыковского с/с рассматривался вопрос «*О неудовлетворительном состоянии гидроэлектростанции и плотины*». Было отмечено, что *«В декабре месяце этого года прорвало плотину через реку "Маглуша", в связи с чем остановилась работа на гидроэлектростанции колхоза им. Кирова. Жители селений Кучи и Букарево, а равно также ферма продуктивного скота в этих селениях остались без света на продолжительное время. Восстановить плотину силами колхоза требуется не менее полгода с большими затратами денежных средств, к тому же материал на постройку плотины и средства в колхозе отсутствуют*»[34]. Решено было подключить указанные селения к высоковольтной линии, протянутой от Вельяминовской ГЭС. Это было временное решение «*на период постройки плотины колхоза "им. Кирова"*».

В 1957 г. на заседании с/с обсуждался все тот же вопрос – о восстановлении плотины «*у д. Брыково*». В 1960 г. вновь все повторилось. Было принято такое решение: «*В текущем году построить примитивную плотину без затрат денежных средств из земельного грунта для хранения воды на случай противопожарных мероприятий*»[35].

Итак, прошло 14 лет с момента строительства ГЭС. Судя по отрывочным сведениям, большую часть этого времени ток не вырабатывался. Причина – плотина строилась из дерева и не могла противостоять стихии. В 1962 г. на сессии с/с вновь поднимался вопрос о плотине на Маглуше … В конце концов от свой гидроэлектростанции отказались, когда в Брыково были подведена высоковольтная линия достаточной мощности, которой хватило всем потребителям.

Сейчас мельницы и ГЭС не существует. Когда они перестали существовать – сведений нет. Имеется только небольшая плотина, образующая запруду на речке Маглуше (см. изо 10–07).

Брыково в войну и в послевоенные годы

О войне с немцами уже говорилось в пятой и девятой главах, вернемся к этой теме еще раз.

Военные годы

21 декабря 1941 г. в газете "Известия" была напечатана статья, посвященная боевым действиям на нашей земле. Рассказывалось о приказе немецкого военноначальника Биттриха, написанном на командном пункте дивизии, находившемся в то время в Брыково[36]. В нем было предписано создать на рубеже р. Истра систему заграждений против наступавших советских войск. Однако это не помогло врагу сдержать наше наступление. В этой статье описано, что увидели своими глазами корреспонденты, которые побывали в Брыково спустя несколько дней после освобождения: «*стояли, лежали на боку и вверх колесами, и просто без колес, и сожженные, и целые танки, автомобили, мотоциклеты, автобусы, одним словом, то самое, что исколесило всю Европу и навело ужас на весь мир*».

Уже в наши дни в районной газете были напечатаны воспоминания местной жительницы Н. Панкратовой. В них рассказывалось, как осенью 1941 г.: «*копали мы на Фаворах, под Ново-Иерусалимским монастырем в дер. Высоково, в дер. Полево* […] *когда враг был уже в г. Волоколамске, все мы* […] *стали копать окопы на своих огородах в Брыково. Когда пришли немцы, они выгнали нас из окопа: "Рус, убирайтесь через час отсюда, куда хотите". Конечно же, за час мы ничего не смогли взять с собой, взяли только две буханки хлеба, картошки, капусты и отправи-*

лись из деревни. […] *Пришли мы домой через две недели. Немцы нашли зарытые нами в землю продукты питания, побили стекла домов, посуду, порезали коров. У нас стену пробили пулеметом, изрешетили всю, не дом, а сито... Но деревня осталась цела»*[37]. Были и жертвы среди населения: «*Был убит местный житель Колесов, не остановившийся при окрике "Хальт"*»[38].

Эти сведения дополняются еще одной газетной публикацией: «*Приближался фронт, начались налеты на Москву. Уже в сентябре в школе* [Красного] *поселка был открыт госпиталь, а в ноябре немцы заняли поселок. Начались погромы и грабежи. В ночь с 12 на 13 декабря всюду полыхали пожары, горели деревни Кучи, Дедешино, ярко полыхала Брыковская школа. Но сам поселок уцелел. Спасли подоспевшие разведчики на лыжах, которые взяли в плен немецких "факельщиков"*»[39].

Другим населенным пунктам Истринского района повезло меньше. Как написано в акте, составленном в январе 1942 г., из 272 домов на территории Брыковского сельсовета были разрушены и сожжены 67. Погибло 87 коров, 129 овец[40]. Напомним также, что сгорели два школьных здания.

В Красном поселке установлен памятник над захоронением павших воинов (в послевоенные годы сюда переносили останки наших солдат из других мест). По информации от старосты поселения Н. Горюнкова: «*В братской могиле, в парке Красного поселка лежат 169 защитников Москвы из дивизии И. В Панфилова, которые в основном умерли от ран в местном госпитале* [находившемся в Брыковской школе]»[41].

Тяжело пришлось тем, кому восстанавливал разрушенное хозяйство. В основном, это были женщины. Как вспоминала та же Панкратова: *«Здесь мне опять принесли повестку из сельского Совета — пилить лес — подтоварник, стройматериал для блиндажей и шпал. Железная дорога* […] *была разрушена, взорвана. И опять я со всеми вместе выпиливала свою норму»*. Вскоре после отступления немцев возобновила работу соседняя Глебовская птицефабрика.

Постепенно жизнь на освобожденной земле стала налаживаться. В районной газете в 1944, 1945, 1946 гг. печатались сообщения о том, что в избе-читальне Брыковского с/с работает драмкружок, ставятся спектакли. Заведующей избой-читальней была М. П. Малюкова.

Послевоенные годы

В первом январском номере районной газеты за 1946 г. была напечатана такая заметка: *«До оккупации нашего района немецко-фашистскими захватчиками село Брыково было электрифицировано. Немецкие варвары, разорив хозяйство колхоза, разрушили и электросеть. Сейчас электросеть восстановлена и после четырехлетнего перерыва в домах колхозников снова загорелись лампочки Ильича*[i]*. В первую очередь было электрифицировано помещение агитпункта Брыковского избирательного участка № 148. Активное участие в восстановлении электросети приняли демобилизованные воины тт. С. Булычев и Г. Дударев»*[42]. Очевидно, свет был подан от построенной на речке Маглуше ГЭС, о которой рассказывалось ранее.

В то время на селе было еще мало машин и тракторов, по-прежнему значительную роль в хозяйстве играли лошади. Об этом так и было напечатано в районной газете: «*Пока что конь является основной тягловой силой в наших колхозах*».

В 1950 г. в газете "Истринская стройка" была напечатана заметка, в которой отмечалась хорошая культмассовая работа: «*Брыковский клуб завоевал уважение среди колхозной молодежи*»[43]. Было прочитано 7 лекций, устраивались «*громкие читки художественной литературы*», проводились концерты, регулярно демонстрировались советские кинофильмы "Чапаев", "Валерий Чкалов" и другие (за первый квартал было проведено 26 киносеансов). При клубе работали спортивные секции футбола, волейбола и городков.

Согласно энциклопедии "Истринская земля": «*В 1955 г. деревня входила уже в укрупненный колхоз им. Кирова, тут работала семилетняя школа. По сведениям 1967 г., д. Брыково являлась отделением Глебовской птицефабрики, в деревне проживал 251 человек. В начале 1980-х гг. Брыково официально подлежало сносу; село отличалось низким благоустройством: телефона не было, подъездная дорога практически отсутствовала. Согласно переписи 1989 г., здесь было 20 хозяйств и 40 постоянных жителей.* […] *От усадьбы уцелели только остатки парка с террасными*

[i] Название «*лампочка Ильича*» возникло после поездки Владимира Ильича Ленина в 1920 г. в дер. Кашино Волоколамского уезда в честь запуска местной электростанции. Об этой поездке писали газеты, данный сюжет стал примером для всех других мест.

прудами. […] *Сейчас Брыково растворено в новопостроенном пос. Красном. Старожилы с сожалением говорят, что фактически их древнее село уже не существует. К счастью, Брыково пока считается самостоятельным селением. В 1999 г. здесь числилось 14 хозяйств и жило 27 человек, на 1 января 2003 г. в Брыкове числилось 118 постоянных жителей*»[44]. По данным Википедии (со ссылкой на перепись в 2010 г.) в Брыково числилось только 17 местных жителей.

Уроженец Брыково олимпийский чемпион Александр Газов

Завершая разговор об истории села, хотелось бы упомянуть знатных людей, уроженцев здешних мест. В 1953 г. в районной газете напечатаны некоторые их имена: «*Из деревень и сел нашего сельсовета за годы Советской власти вышло немало знатных людей. Бывший крестьянин Д. Комаров сейчас профессор, А. Баранов – директор одного из крупных московских предприятий, И.В. Булочников – полковник Советской Армии*»[45]. Но самым известным на всю страну стал другой человек. Он, кажется, единственный из наших современников, уроженцев Брыково, кто упоминается в энциклопедии “Википедия”[46].

В 1946 г. в Брыково родился будущий олимпийский чемпион **Александр Васильевич Газов**. Надо отметить, что фамилия Газов неоднократно встречалась в исторических документах. Так в 1882/83 учебном году среди учеников среднего отделения Брыковского училища обнаружена имя и фамилия сироты из Московского воспитательного дома «*Алексей Газов*»[47]. В одном из документов советского времени за 1918–1921 гг. среди подписей приходского совета Богоявленской церкви стоит «*Димитрий Газов*». Напомним также о газетной заметке, в которой говорилось про «*шинкарку Газову*». Если не все, то некоторые из перечисленных лиц, возможно, были родственниками будущего чемпиона.

Сведения о семье спортсмена обнаружены в “Хозяйственной книге” дер. Брыково. Главу семейства звали Василием Ивановичем (1908 г.р.), он работал главным механиком на одном из предприятий в Тушино (Москва)[48]. Его жену звали Татьяна Георгиевна (1916 г.р.), она трудилась в колхозе “Трудовик”. В семье было трое детей: Надя, Зина и Саша, мальчик был самым младшим.

Александр ходил в Брыковскую школу, стрельбой начал заниматься в 12 лет. Сначала вместе с отцом ходил на охоту, затем стал посещать секцию стендовой стрельбы. Как написано на одном из белорусских сайтов: «*В то же время Александр занимался конькобежным спортом, поэтому, когда в возрасте 14 лет он выполнил юношеский разряд по скоростному бегу на спринтерских дистанциях, задумался, с каким видом спорта все-таки связать жизнь. В 16 лет отец подарил Александру Газову настоящее оружие – ружье для спортивной стрельбы на круглом стенде. Выбор будущей спортивной карьеры был сделан. После прохождения службы в армии он перешел в пулевую стрельбу по движущимся мишеням*»[49].

Изо 10–08. Уроженец Брыково олимпийский чемпион А. В. Газов.

Александр Васильевич в 1976 г. на летней Олимпиаде в Монреале стал чемпионом в стендовой стрельбе. Четыре года спустя завоевал бронзовую медаль на Олимпийских играх в Москве. А. В. Газов также стал пятикратным чемпионом мира по стрельбе. Заслуженный мастер спорта СССР. Награжден орденом “Знак Почета”.

Ныне бывший спортсмен проживает в Белоруссии.

Заключение

Вот и закончился рассказ о селе, имении Брыково и его владельцах, о старинной Богоявленской церкви и ее служителях, о школе и ее учителях. Тем, кто заинтересовался этим замечательным местом, остается порекомендовать почитать следующее далее приложение. Там приведены подробные выдержки из наиболее интересных исторических документов по теме настоящей книги, включена личная переписка последних владельцев Карповых, собраны обнаруженные в разных источниках старые фотографии, карты, чертежи.

С одной стороны, такой подробной книги по истории Брыково еще не было. Но с другой стороны, осталось немало пробелов в истории, особенно по советскому периоду времени. Так, например, нет информации о настоятелях Богоявленской церкви в годы советской власти 1926–1928, 1932–1934 (возможно, в это время в храме никто не служил). Из всех священников, когда-либо находившихся на должности настоятеля Богоявленской церкви, найдены фотографии только двух последних батюшек (если не считать нынешнего настоятеля о. Андрея Васильева). Это фотографии о. Иоанна Колобашкина и о. Василия Сунгурова. К большому сожалению, за исключением первоначального проекта фасада, не удалось найти ни одного изображения усадебного дома в имении Брыково. И даже когда в советские годы в бывшем господском доме размещалась школа, ни одного ее фотоснимка в газетах не было напечатано. В связи этим остались сомнения, что усадебный дом имения в XX веке выглядел именно так, как на обложке настоящей книги.

Поэтому работу по изучению истории села Брыково и Богоявленской церкви, не следует считать завершенной. Автор будет рад получить новые сведения, старые фотографии, как по теме настоящего издания, так и вообще по всему Истринскому району. Если у кого-то найдутся замечания или дополнения к изложенному в книге материалу, то, пожалуйста, сообщайте об этом (координаты автора указаны на последней странице настоящего издания).

Изо 3к-01. Вид сверху на Красный поселок: в центре Богоявленская церковь, справа вверху двухэтажное здание КПЦ "Преображение" (бывшая Брыковская школа), фотограф «*Hramsohran*»[1], 2022.

Приложение
1. Справка о дореволюционной России

Меры длины, площади, веса, объема

1 **пуд** = 40 фунтов = 16,38 кг; 1 **фунт** = 96 золотников = 409,5 г; 1 **золотник** = 4,26 г.

1 **верста** = 500 саженей = 1066,8 м; 1 **сажень** = 3 аршина = 2,13 м.

1 **аршин** = 16 вершков = 71,1 см; 1 **вершок** = 4,45 см.

1 **десятина** = 2.400 квадратных саженей = 1,09 гектара.

1 **квадратная сажень** = 9 квадратных аршин = 4,55 кв.м. Когда при указании размера площади писали, например, *«137 саженей»,* то это следует понимать, как 137 квадратных саженей (кв.саж.).

1 **кубическая сажень (куб)** = 9,71 куб.м.

1 **четверть** (мера объема сыпучих тел) = 209,9 л.

В прежние времена на Руси существовала так называемая трехполосная система землепользования: одно поле (осенью) засевалось озимыми культурами, другое (весной) – яровыми, а еще одно оставалось под паром (незасеянным). Размеры двух последних полей были схожи с первым: «*а в дву потому ж*», то есть два других примерно такие же. Это означает, что для определения суммарной площади всей земли надо умножить площадь одного поля на три.

О стоимости денег

1 **деньга** = половина копейки; 1 **алтын** = 3 копейки; **гривна** имеет несколько значений, одно из них 10 копеек.

Вопрос о соотношении старых и современных денег непростой, существенно зависит от года. Несмотря на обилие публикаций, достоверных сведений о курсах пересчета в разные периоды времени найти не удалось. В конце XVIII столетия стоимость 1 серебряного рубля соответствовала около 5.000 рублей нынешних. Примерно тогда же помимо монет появились бумажные деньги, так называемые ассигнации. Они не пользовались доверием у населения и ценились ниже. Так в 1840-х гг. официальный курс пересчета составлял: 1 **руб.сер.** = 3,5 руб.асс. Тогда же ассигнации стали обменивать на кредитные банковские билеты, стоимость которых приравнивалась к серебряным монетам. С 1849 г. деньги в России стали едиными. Стоимость одного рубля начала XX в. примерно равнялась 1.200 современных рублей.

Оклады чиновников и служащих до революции были годовые. Например, начинающий учитель земской школы (без стажа) в конце XIX в. получал 200 рублей в год, потом стало 240. Это приблизительно соответствовало нынешним 24–29 тысячам рублей в месяц.

Населенные пункты до революции

Где-то, начиная с XVII столетия на Руси, всякое поселение в сельской местности независимо от числа жителей, как правило, называлось **селом**, если в нем была православная приходская церковь, или **деревней** – если храма не было. **Сельцо** от деревни отличалось наличием усадьбы помещика. В советские времена при выборе термина для поселений использовался принцип, основанный на числе постоянно проживающих жителей. Небольшие населенные пункты стали именоваться деревнями. Автор в своих книгах придерживается старого подхода.

Заштатный город – населенный пункт, пользовавшийся правами города, но не являвшийся административным центром уезда. По указу императрицы Екатерины II в 1781 г. село Вознесенское Московского уезда, находившееся близ Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, было преобразовано в г. **Воскресенск** с образованием одноименного уезда. По восшествии на престол Павел I в 1796 г. издал новый указ, по которому Воскресенский уезд расформировали, а город был переведен в разряд заштатных.

Служители Церкви

Пономарь, дьячок (прежде писали *«дьячек*»). С конца 1880-х гг. вместо них в составе причта стал **псаломщик** (ныне чтец, алтарник). Это все служители, не возведенные в степень священства. В их обязанности входило вносить в алтарь просфоры, вино, воду, возжигать и гасить свечи, готовить и подавать иерею кадильницу, убирать храм, топить в нем печь. Кроме того, они отвечали за правильное пение на клиросе и чтение молитв. Те из них, которые были искусны в духовном пе-

нии и чтении церковных текстов, а также достаточно хорошо знали катехизис, удостаивались «*посвящения в* ***стихарь***», т.е. права ношения специального богослужебного облачения.

Дьякон (прежде писали «*диакон*») – служитель первой, низшей степени священства. Не имеет права совершать богослужения самостоятельно. Основная обязанность дьякона заключается в помощи священнику при совершении таинств. Часто на этой должности оказывались люди с красивым, громким голосом.

Священник, иерей, пресвитер (а прежде **поп**) – служитель второй степени священства, имеющий право совершать богослужения и шесть из семи христианских таинств: крещение, миропомазание, евхаристия (причащение), покаяние (исповедь), брак (венчание) и елеосвящение (соборование).

Пономари, дьячки и псаломщики назывались еще **церковнослужителями** или **причетниками**, а священники и дьяконы – **священнослужителями**. Все вместе были клириками.

Церковный староста. Впервые должность упоминается в указах Петра I. Первоначально обязанность старосты состояла в приобретении и продаже свечей и хранении церковной кассы. Затем он стали ведать ремонтом храма, сбором пожертвований и соблюдением порядка. На эту должность избирали мирянина, пользующегося доверием прихожан и причта. Приветствовалось, если он был состоятельным человеком, готовым жертвовать личные средства на нужды храма. А вот обязательное знание грамоты не требовалось, достаточно было умения считать деньги. Церковного старосту избирали на общем сходе прихода каждые три года, одного и того же старосту могли переизбирать многократно. Избранных утверждали в должности в местной епархии.

Некоторые вышедшие из употребления слова

«*Болярин*» – синоним слова боярин. В XIX столетии, когда в России бояр уже не было, такое обращение обозначало влиятельного уважаемого человека, дворянина. Подобная форма обращения сохранялась преимущественно в церковном употреблении.

«*Восприемник*» – в просторечии крестный отец и крестная мать. Так называли лиц, которые при крещении младенцев и больных, лишенных дара речи, давали за них крещальные обеты и произносили Символ веры.

Слова «*построенная* ***клетцки*** *церковь*» означают, что она устроена на основе клети, основанием служит сруб на четыре угла, имеющий перекрытие на два ската подобно избе, реже на четыре ската.

«*Понял за себя*» – эти слова в метрической книге означают «взял в жены».

«*Поручитель*» – по-нашему свидетель или шафер, который своей подписью подтверждал акт бракосочетания в метрической книге. Поручители (как правило, несколько) были со стороны жениха и со стороны невесты. Поручители принимали участие в обручении и венчании, во время обхода жениха и невесты вокруг аналоя держали венцы над их головами.

Послужной список (ПС) **или формулярный список** (ФС) был основным документом для лиц, которые состояли на военной или гражданской службе в Российской империи. В него вносились сведения о прохождении службы, наградах, отпусках, участии в походах, о семейном положении и недвижимости, находящейся во владении. ПС и ФС заменял трудовую книжку.

«*Ревизские души*» — это мужчины (без различения возраста), которые платили подати (налоги) в Российской империи. Каждая ревизская душа считалась в наличии даже после смерти вплоть до следующей переписи (ревизии). Существовали с 1718 по 1887 г.

Временно обязанные крестьяне

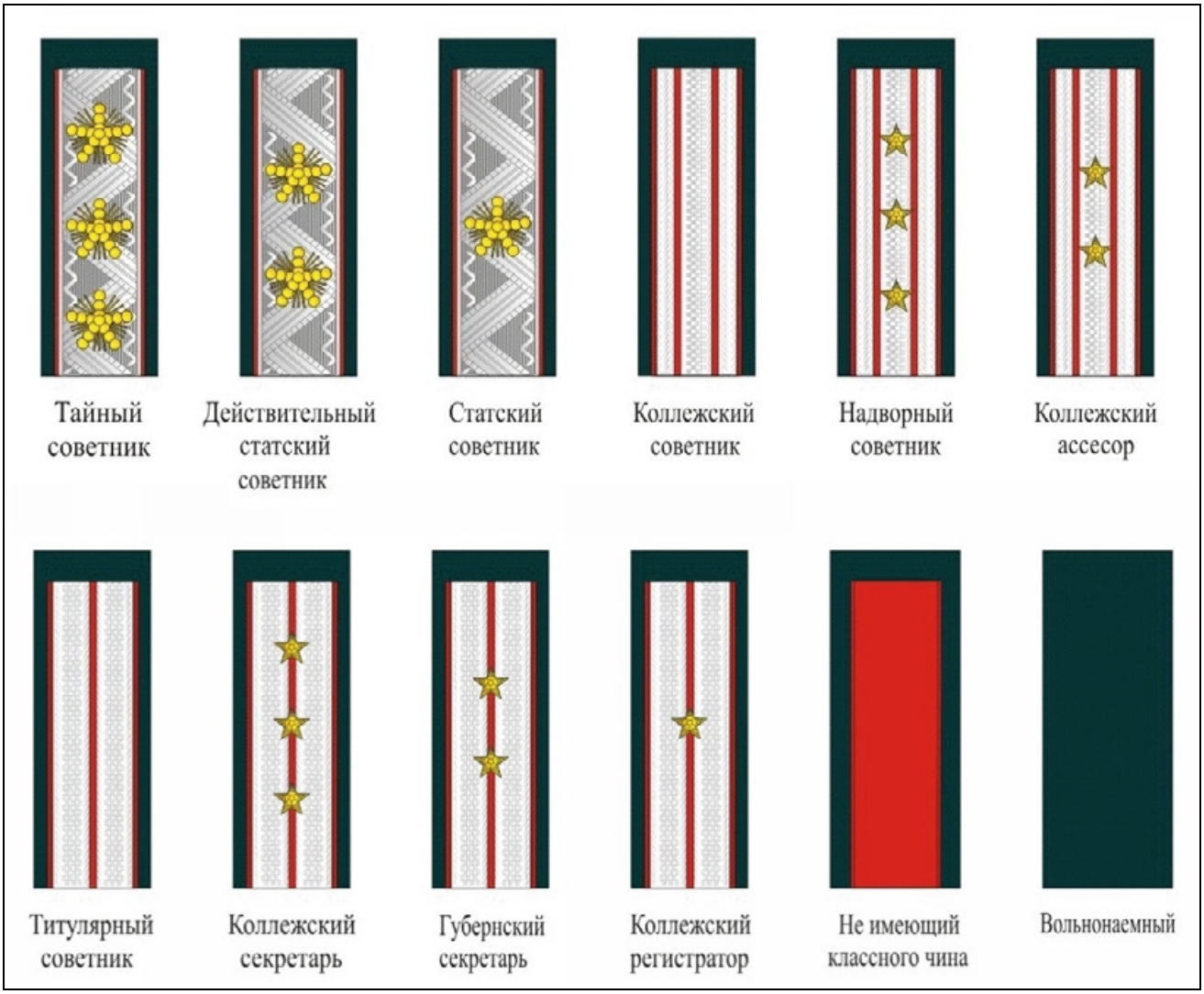
По реформе февраля 1861 г. крепостное право было ликвидировано, все помещичьи и казенные крестьяне Российской империи, и члены их семей получили личную свободу. Центральным вопросом реформы был вопрос о земле. Закон подчеркивал право собственности помещиков «*на всю землю в имении*», в том числе и «*на крестьянскую надельную*», а крестьяне объявлялись лишь пользователями этой надельной земли, обязанными отбывать за нее помещику установленные повинности – барщину или оброк. Крестьян после реформы называли «***временно обязанными***», т.е. обязанными помещикам за использование их земли.

Отношения между крестьянскими (сельскими) обществами и помещиками регулировалось «*уставными грамотами*», в которых устанавливалось количество предоставляемой земли и размер повинностей. По реформе в Московской губернии размер предоставляемого надела каждому крестьянину был равен 3 дес. 1200 кв.саж. (т.е. 3,5 дес.).

Позднее было установлено, что крестьяне в течение 49 лет должны были выкупить свои наделы. Для этой цели государство выделяло крестьянским обществам ссуду под 6% годовых. После выплаты всей суммы крестьяне из категории временно обязанных переходили в собственников земли. 3 ноября 1905 г. Николай II подписал манифест об отмене выкупных платежей за землю.

Табель о рангах Российской империи (фрагмент)

Класс	Гражданский чин	Равный армейский и морской чин
2	Действительный тайный советник.	Генерал от кавалерии, адмирал.
3	Тайный советник.	Генерал-лейтенант, вице-адмирал.
4	Действительный статский советник.	Генерал-майор, контр-адмирал.
5	Статский советник.	Бригадир.
6	Коллежский советник.	Полковник, генерал-адъютант, капитан 1-го ранга.
7	Надворный советник.	Подполковник, капитан 2-го ранга.
8	Коллежский асессор.	Майор, капитан 3-го ранга.
9	Титулярный советник.	Капитан, ротмистр.
10	Коллежский секретарь.	Штабс-капитан, штабс-ротмистр, мичман.
12	Губернский секретарь.	Поручик, унтер-лейтенант, мичман.
13	Провинциальный секретарь.	Подпоручик.
14	Коллежский регистратор.	корнет, прапорщик

Петлицы на мундирах гражданских чинов с 1885 г.

2. Дополнительные сведения о Собакиных

Царица Марфа

(по публикации в журнале “Наука и жизнь”[1]).

Иван IV Грозный, XVI в.

*Среди шести официальных браков русского царя Ивана IV самым непродолжительным и странным был третий – с **Марфой Собакиной**. Печальная судьба этой молодой красавицы очень кратко описана в исторической литературе. Она стала героиней оперы Римского-Корсакова "Царская невеста"; правда, либретто этого прекрасного музыкального произведения весьма далеко от истинных событий второй половины XVI века. Присутствует, как все помнят, Марфа Васильевна и в искрометной комедии Гайдая "Иван Васильевич меняет профессию".*

Бедная, бедная Марфа Собакина... Нет, я не о ранней смерти этой юной девы. Я о том, что о ней писали прежде и пишут в наши дни – как в исторических трудах, так и в художественных очерках, посвященных женщинам Средневековья. Ее величают то Марфой Сабуровой, то дочерью новгородского купца, то дочерью "незнатного боярина". Ее смерть связывают с преднамеренным отравлением, но кто-то говорит о ее пострижении в монастырь после года(!) супружеской жизни с царем Иваном Грозным. А уж сказка о том, что увидели ученые, когда вскрыли (почему-то в 1931 году, а не в 1929-м, как на самом деле) саркофаг этой царицы, вообще не выдерживает никакой критики.

Что же сегодня, в начале XXI столетия мы знаем о Марфе Собакиной? К сожалению, очень немного. Именно поэтому, когда в 2003 году по черепу, извлеченному из захоронения царицы Марфы, был реконструирован ее скульптурный портрет, написать что-то интересное об этой девушке из XVI века оказалось крайне сложно. История ее жизни в качестве царской невесты и жены государя умещается в короткий отрезок времени – всего в несколько месяцев 1571 года, когда сорокаоднолетний царь Иван Васильевич, овдовевший два года назад, решил вступить в третий брак.

Сведений о роде Собакиных и их самой знаменитой представительнице, которые можно было найти в летописях и других письменных источниках XV-XVI веков, сохранилось, как уже сказано, мало. Этим и объясняются разночтения в публикациях, упоминающих о третьей жене царя Ивана Васильевича. Если второй брак Грозного (с черкесской княжной Марией Темрюковной) был обусловлен политическими соображениями, то для третьего выбирали просто русскую красавицу дворянского рода. Для этого уже в 1570 году по всему государству провели перепись дворянских "девок" – кандидаток в невесты. Смотрины происходили в Александровой Слободе, куда были свезены 2000 самых красивых и здоровых девушек. В записках немцев И. Таубе и Э. Крузе, бывших тогда в России, сохранились сведения об этой церемонии. Когда девушек привозили на смотрины, царь "входил в комнату <...> кланялся им, говорил с ними немного, осматривал и прощался с ними".

Тщательный отбор оставил сначала 24, а затем только 12 кандидаток. Их, по воспоминаниям И. Таубе и Э. Крузе, осматривали уже обнаженными. Был при этом и врач, англичанин Елисей Бомелий, выпускник Кембриджа, приехавший на службу в Россию. "Доктор должен был осмотреть их мочу в стакане", так как у невесты царя не должно быть ни болезней, ни телесных изъянов.

Победительницей конкурса красоты, как сказали бы мы сегодня, стала дочь худородного дворянина из города Коломны – Василия Степановича Собакина Большого (или Старшего). Правда, наиболее осведомленные об этом событии нашей истории упомянутые И. Таубе и Э. Крузе напутали с происхождением царской невесты, назвав ее купеческой дочерью Григория (?!) Собакина.

Скульптурный портрет третьей жены Ивана IV Марфы Собакиной.

В Соборном приговоре – а без участия высших церковных иерархов не обходилось ни одно событие в семье государя – есть такая запись: "И о девицах много испытания бывшу, потом же надолзе времени избра себе невесту, дщерь Василия Собакина".

Мы не знаем, когда появилась на свет девочка Марфа, будущая русская царица. Поскольку в России наследование имущества в роду шло по мужской линии, то сведений о мальчиках всегда оставалось гораздо больше, чем о девочках. Не знаем мы и сколько лет ей было в 1571 году, когда происходили смотрины царской невесты.

Но вот 26 июня 1571 года царь Иван IV объявил о своей помолвке с Марфой Собакиной.

Кстати, в тот же день состоялась помолвка и старшего сына царя, царевича Ивана, с Е. Б. Сабуровой-Вислоухой. Каких только странных прозвищ не было у людей на Руси, а ведь постепенно, с XVI столетия, эти прозвища часто становились фамилиями. Вот и гадай, что именно в семье знатных псковских вотчинников Сабуровых стало поводом для клички, а потом – и родовой фамилии.

С момента помолвки начались события, достаточно обычные в жизни московской правящей элиты: борьба за наиболее "теплые" и выгодные места при особе русского царя. И, вероятно, поплатилась жизнью за это юная девушка, оказавшаяся песчинкой в водовороте придворных интриг.

В истории с третьей женитьбой Ивана Грозного очень важно то обстоятельство, что невеста была дальней родственницей и, видимо, протеже самого Малюты Скуратова – человека низкого происхождения, но могущественного фаворита царя. А породнившись с царской семьей, он смог бы еще более упрочить свое положение при московском дворе. Малюта присутствовал на третьей свадьбе царя как "дружка" жениха. В этом же качестве выступал тогда и зять Малюты Скуратова, молодой опричник Борис Годунов, женатый на одной из дочерей Малюты. (Так начиналась удивительная карьера будущего русского государя Бориса Федоровича!)

Уже после помолвки Марфа Собакина вдруг заболела и стала "сохнуть", как назвали в те времена летописцы состояние невесты царя. Ходили разные слухи и, прежде всего, о том, кому это могло быть выгодно. По одной из версий, Марфу Васильевну отравил кто-то из семьи то ли Романовых, то ли Черкасских – родни первой и второй жен Ивана Грозного. По другой – какое-то "зелье" Марфе передала ее мать, заботясь о "чадородии" будущей царицы. Это снадобье (или другое, если первое подменили) и стало, как считали, причиной болезни царской невесты. Кстати, именно об этом писал в своих записках "О Московии" Даниил Принц из Бухова, приезжавший в Москву в 1572 и 1578 годы: "Этим питьем она (Марфа. – Прим. авт.), может быть, хотела приобрести себе плодородие; за это и мать и придворного он (царь Иван. – Прим. авт.) казнил".

И тем не менее, несмотря на плохое самочувствие Марфы Собакиной, 28 октября Иван Васильевич сыграл в Александровской Слободе пышную свадьбу. Почему не в Москве? Дело в том, что 24 мая столица сгорела дотла, подожженная крымским ханом Девлет-Гиреем, и еще не восстановилась после бедствия. Царь Иван "положа на Бога упование, любо исцелеет" все же заключил этот третий брак. Свадьба была веселой. Известно, например, что из Великого Новгорода прибыли целая ватага скоморохов и подводы с ручными медведями – для царской свадебной потехи.

В свадебной церемонии, в разном качестве – кто "дружкой" царя, кто с "осыпалом", кто "за санями шел", кто "колпак держал", кто в "мыльне" (бане) присутствовал – приняли участие десять ближайших родственников Марфы Васильевны: отец и дяди, двоюродные братья с женами и без.

Через неделю, 4 ноября, сыграл свадьбу и царевич Иван Иванович. Праздники следовали один за другим. То был первый брак царевича из его трех – по настоянию отца он был расторгнут в 1575 г.

А между тем царица Марфа Васильевна не только не поправлялась, но чувствовала себя все

хуже и хуже и 13 ноября скончалась. Она фактически так и не стала женой русского царя – об этом существует специальная запись в церковных документах того времени. Ее наличие помогло Ивану Грозному, когда он обратился за разрешением на четвертый брак (всего их было, напомним, шесть). А на Руси уже и третий считался серьезным нарушением церковных канонов. Но когда третья жена царя Ивана умерла, он обосновывал свое прошение на новый брак тем, что темные силы дьявольские "воздвиже ближних многих людей враждовати на царицу нашу, еще в девицах сушу ... и тако ей отраву злую учиниша". Далее царь ссылался именно на то, что из-за болезни Марфы Собакиной он так и не вступил с ней в супружеские отношения – "девства не разрешил".

Пробыв в царицах лишь две недели (а вернее, проболев все это время), Марфа Васильевна Собакина вошла в историю России. И даже в этот короткий срок ее отец Василий Собакин Большой успел стать боярином, хотя "по худости рода" не имел на это никакого права, а его два брата, Меньшие Собакины, получили высокие чины окольничих. Однако наслаждаться этим карьерным взлетом им долго не пришлось. Варлаам Собакин Меньшой после смерти Марфы Васильевны был пострижен в монастырь. Его племянники (двоюродные братья царицы), которые, по мнению Ивана Грозного, "хотели было меня и с детьми чародейством извести", поплатились жизнью.

Трудно сказать, были ли подозрения царя беспочвенны: во всяком случае, ни малейших сведений о подобном заговоре в источниках XVI столетия нет. Тем не менее болезненной подозрительности и жестокости Грозного не было предела, и уже после 1574 года в послужных списках русского двора мы не встретим ни одного представителя рода Собакиных.

Царицу Марфу Васильевну похоронили в Москве, в кремлевском Вознесенском соборе – усыпальнице для женщин из царской семьи. Когда в 1929 году разбирали постройки Вознесенской обители и Чудова монастыря, сотрудники Оружейной палаты, спасая некрополь русских великих княгинь и цариц, перенесли их захоронения в подземную палату рядом с Архангельским собором Кремля. Там они хранятся и по сей день.

С 1970-х годов в научно-популярной и популярной литературе можно встретить сведения о биологическом феномене, который якобы наблюдали открывшие захоронение Марфы Собакиной. Сняв крышку с ее каменного саркофага, музейные работники будто бы увидели совершенно не тронутое тлением тело царицы – она лежала бледная, прекрасная и как живая (Р. Г. Скрынников. Иван Грозный. – М., 1975). А потом на глазах рассыпалась в прах.

Откуда автор книги почерпнул такие сведения? В документации того времени нет ничего, что могло бы подтвердить эту удивительную историю. В природных условиях средней полосы России случаи мумификации крайне редки, а уж связанный с Собакиной биологический феномен просто невозможен. Скорее всего, красивым вымыслом обросло другое явление, встречающееся в средневековых захоронениях, если саркофаг изготовлен из белого камня – известняка. Когда, например, вскрыли погребения сыновей Грозного, царевича Ивана и царя Федора, то увидели, что все ткани их одежды и саванов сохранили форму тел. А дело в том, что в процессе тления мышечной массы ткани заизвестковались и затвердели. Но стоило гробы вскрыть, как под воздействием свежего влажного воздуха саваны, быстро утратив жесткость, осели. Ничего другого не могло и быть.

Сохранившийся скелет царицы Марфы Собакиной по своему состоянию ничем не отличается от других из некрополя бывшего Вознесенского собора в Кремле. Пожалуй, только лучше, чем в некоторых захоронениях, сохранился до наших дней череп Марфы. Сегодня мы можем увидеть ее лицо. В 2003 году эксперт-криминалист и ведущий в России специалист по реконструкции облика человека по его останкам С. А. Никитин (из Бюро судебно-медицинской экспертизы при Комитете здравоохранения Москвы) восстановил портрет царицы Марфы Васильевны в виде скульптурного бюста, выполненного в бронзе.

Она действительно красива и молода. Как жаль, что судьба ее сложилась столь трагически. Мы пока не знаем причину ее ранней гибели. Но слишком велика вероятность, что умерла она не своей смертью. Борьба за власть и придворные должности, за возможность возвыситься, пребывая возле царского трона, шла постоянно. Дальнейшие исследования останков царицы Марфы Собакиной, возможно, позволят ответить на эту загадку русской истории. И тогда, как знать, может быть, и подтвердятся подозрения ее мужа – грозного русского царя Ивана IV.

3. Дополнительные сведения о Квашниных-Самариных

Первый русский лирический поэт

(статья Н. К. Телетовой в сборнике 1993 г.[2], публикуется с сокращениями).

Петр Андреевич Квашнин-Самарин *в русскую литературу вошел в 20 – 30-е гг. нашего* [XX] *века, когда в Государственный Исторический музей поступил большой архив его рода. Однако как даты жизни, так даже полная и правильная форма его фамилии до сих пор остаются спорными.* […]

Стихи-песни записаны были Петром Андреевичем на обороте хозяйственных бумаг поместья, которые относились к 1679–1681 гг. Дважды стоит подпись под стихами – Петр Квашнин. […] *Так, в конце XVII в. стольник царицы Прасковьи Федоровны Петр Квашнин писал превосходные в своем роде любовные стихи, почти полностью воспроизводящие поэтику, язык и приемы народной песни.* […]

В 1964 г. два автора – С. И. Котков и Н. П. Панкратова – выпустили своеобразную хрестоматию русского разговорного языка, использовав эпистолярное наследие квашнинского фонда. Они уточняют некоторые родственные связи членов семьи, впервые в печати называют отца, братьев, жену Квашнина-Самарина. […]

Публикуется «местническое» челобитие 1661 г. отца поэта Андрея Никитича, который просит царя заступиться за его род, которому «болши трехсот лет» и к которому хотят причислить себя Самарины, но они «числилис и служили по Смоленску», «в детях боярских» (чин низкий, следующий за последним дворянским чином «новика»). Однако комментатор этого документа, один из трех авторов книги, И. Г. Филиппова не поняла мысли просителя, который утверждает, что он – Самарин, но из тех, что Квашнины, т. е. принадлежит к славному роду этой фамилии. Предок Иван Квашня сражался в Куликовской битве 1380 г.; его-то славное имя, очевидно, вспоминает Андрей Никитич, говоря о более чем трехсотлетнем дворянстве. Самарины же смоленские не имеют двойной фамилии, не Самарины, что из Квашниных, а Самарины просто: «Они не наших Самариных Квашниных». Сам Андрей Никитич и все его предки и потомки писались Квашнины-Самарины, […]

В сборнике московской письменности XVII в. приводятся еще три биографически важных документа. Это «Сговорная» невесты Петра Андреевича, урожденной княжны Козловской, а теперь вдовы Ржевской, от 29 января 1698 г. с перечислением ее огромного приданого, которое по цветистости своего описания как бы само сказочно-поэтической принадлежности, где «четырнадцать перстней алмазных и лаловых», шубы всех мехов и цветов и многое другое. Упоминается вотчина ее – в Московском уезде, в Радонежском стану. Перечисленное в «Сговорной» смотрели, принимали брат деда Петра Андреевича – окольничий Федор Иванович и сын его стольник Юрий Федорович, князья Шаховские.

Венчание состоялось «у Богородицы Тверские, что за Страстные вороты».

Два последних документа – два варианта «Завещания-Духовной» Андрея Никитича. Ранний – 1 августа 1692 г., когда сын его Петр Андреевич не был женат. Другой не датирован, но установить время приблизительно можно. Это «Завещание» Петр пишет под диктовку отца, при этом присутствуют его жена (сноха Андрея Никитича) и младенец, их первенец Иван.

Забегая вперед, сообщим, что в 1700 г. Петр Андреевич служит вдали от дома, а в годы после свадьбы своей продолжает жить при дряхлом отце. Таким образом, «Завещание» № 2 составлено между концом 1698 г. и началом 1700 г. Очевидно, что завещатель вскоре умер, т. е. не позднее 1700 г., потому что опекавший старца Петр смог покинуть вотчину. […]

Отмечу в публикации 1972 г. удивительный сюжет о молодце, где печаль его находит самое напряженное выражение. Сюжет, не повторенный в других записях:

Светит светло светлый месяц
Со звезды со частыми,
Куды ты ни пойдешь,
Куды ни поедешь.
Вслед за тобою погонеся,
В руках держит
Свой булатный нож.

Серповидный месяц, словно восточный меч, – находка поэта, образная, усиливающая ощущение неизбежного, неотвратимого, преследующего даже с небес.

В 1977 г. исследователь старорусской песни Т. М. Акимова, говоря о песнях Квашнина-Самарина, особо отмечает прием повторов: «Литературное произведение держит слушателя (читателя) на уровне одной эмоции, возвращая к ней путем повторений».

Повторы как традиционные песенные рефрены переходят в самобытное, индивидуальное. Это касается, очевидно, повторения одного слова: Хорошо, хорошо мой милый друг в чистом поле ездит.

Исследователь отмечает женский, женственный в подавляющем большинстве, характер любовной лирики конца XVII в. в России, а также слабую сюжетную напряженность акцентированных на душевные переживания этих стихов-песен Квашнина-Самарина.

В 1981 г. выходит наша книжка по генеалогии Пушкина, в которой приводятся новые сведения о Квашниных-Самариных биографического характера, поскольку семья через брак сына Петра Андреевича Федора (1704– 1770) роднится со Ржевскими и, далее, с Пушкиными. […]

В опубликованных работах сведения о Квашнине-Самарине обрываются на первых годах XVIII в. Недостаточность материалов о нем не позволяла пока говорить и о датировке его поэзии: одни относили ее к 80-м гг., другие – к 90-м [1690-м]. *Большинство исследователей вовсе воздерживалось от попытки уточнить время ее создания.*

Начнем с генеалогии автора, достойной внимания с нескольких точек зрения.

На участие предка фамилии Ивана Родионовича Квашни в Донской битве указывает С. Б. Веселовский, сообщая: «...несомненно, этот род принадлежит к древнейшим родам, служившим московским князьям задолго до вел. кн. Дмитрия».

Сведения о роде в знаменитом труде П. В. Долгорукова совершенно неверны и, возможно, запутывают не одно поколение историков и тех, кто нуждается в анализе рода Квашниных-Самариных.

[…] *Отец поэта Андрей Никитич с братьями в сохранившихся документах впервые упоминается в 1649 г.; тогда им принадлежат земли в восьми уездах. Он много раз бывал в походах. С 1675 г. он, стольник, служит на воеводстве. Сначала это Самара (на Волге), в 1680 г. – Нижний Ломов, в 1686 г. он наместник в Угличе, в 1688 г. – воевода в Саранске. Женился Андрей Никитич в 1669 г. на княжне Аксинье (Ксении) Семеновне Шаховской, получившей в 1682 г. после смерти брата Петра поместье Брыково Рузского, а позже Звенигородского уезда (ныне Истринский район). Достается ей от Шаховских и поместье Мурансково, знаменитое впоследствии Мураново.*

Брыково до конца XIX в. – главное имение наследников рода Квашниных-Самариных. Там в 1697 г. Андрей Никитич завершает строительство деревянной церкви Богоявления, после чего Брыково именуют Богоявленское тож. Впоследствии его внук Федор Петрович на том же месте возведет каменную церковь, строительство которой завершит уже правнук Петр Федорович.

Надо полагать, что при перестройке скрыты были первые могилы, т. е. Андрея Никитича с супругой Аксиньей и, вероятно, сына его Петра Андреевича, не говоря о других братьях и сестрах как отца, так и сына. […]

Старший брат Андрея Никитича Павел был убит в 1671 г. «воровскими казаками», следующий брат, Михаил, умер, по-видимому, тоже рано; сестра Домна замуж выдана была – очевидно, без надела землею – за кн. Вяземского (имела от него сына Федора). Все земли этой ветви рода наследовал Андрей Никитич. У него пятеро детей – Михаил, Петр, Федор, Стефанида и Марфа (ее муж – Федор Леонтьевич Хрущев). И Михаил (р. 1669/1670 г.), и интересующий нас Петр – стольники царицы Прасковии Федоровны, что естественно по причине свойства с неугодным Петру I родом Голицыных. Михаил назван стольником в 1692 г., Петр – с 1686 по 1692 г. В 1692 г. делали перепись стольникам, поэтому дата эта – не завершения службы, но ее фиксации. Затем оба брата состоят в полку А. С. Шеина и, стало быть, с ним в Азовском походе 1696 г., когда, по видимости, погибает Михаил.

После этого Петр просит освободить его от азовской службы за старостью батюшки и принять сто рублей, что и было дозволено. Путь к Азову шел на юг, и неизбежное общение Петра Андреевича с местным населением, казачеством, должно быть отмечено как один из возможных источников его украинских стихов.

В 90-е гг. XVII в. все владения Петра располагались на владимирских землях. Только после смерти отца в первые годы XVIII в. ему отходит поместье Брыково.

Известна точная дата обручения П. А. Квашнина-Самарина – на следующий день после состав-

ления «Сговорной». Есть и интересные сведения о его невесте. Ею была Агриппина (Аграфена) Григорьевна, урожденная княжна Козловская (р. 1674), в первом браке (с 1692) Ржевская, овдовевшая в мае 1696 г. Мужем Аграфены был умерший в возрасте около 30 лет Михаил Алексеевич Ржевский, брат Юрия Алексеевича – прапрадеда. […]

Обручение Аграфены с Петром Андреевичем состоялось 30 января 1698 г. Сначала молодожены живут в Брыкове, а после смерти владельца его с 1700 по 1702 г. П. Квашнин-Самарин служит воеводой в Ярославле; в 1704 г. делит владения с младшим братом Федором. У Петра трое детей – сыновья Иван и Федор, дочь Федосья, в замужестве Черткова (мужа зовут Иван Васильевич, от него сын Николай, рано умерший).

О службе Петра Андреевича с 1702 по 1722 г. сведения не обнаружены. Объявляется его имя уже в последние годы жизни царя Петра, а подробная ретроспективная запись в связи с его смертью находится в протоколах сенатского архива. Здесь дан и его послужной список со времени начала действия Табели о рангах (январь 1722 г.), т. е. уже с новыми названиями чинов.

«1722 января 31 обер-кригс-комиссар (интендантская военная служба. – Н. Т.) Петр Андреев сын Квашнин-Самарин 51 года, крестьян в разных городах 189 дворов, у счетного дела в главном военном комиссариате; апреля 28-го 730 года пожалован в статские советники, а февраля 1-го 1731 определен герольдмейстером, а ноября 7-го 740 г. в действительные статские советники (4-й класс, равен генерал-майору. – Н. Т.) и от дел отставлен. Февраля 28-го 1722-го с смотра сенатского отмечен: был у того дела, а по окончании счета годится к коллежским делам (т. е. к службе в ранге полковника, 6-й класс.– Н. Т.). Умер». Обнаруживается и разъяснение отставки – сенатский указ от 3 ноября 1740 г. «по челобитью статского советника и герольдмейстера Петра Квашнина-Самарина об отставке его за старостью ото всех дел, с награждением ранга».

Уточняя службу Петра Андреевича, процитируем еще один документ: «...октября 5, 1725 Ея Императорское Величество изволила подписать патенты: ...на чин обер-кригс-комиссара: Петру Квашнину-Самарину». Таким образом, следует заметить, что когда Сенат составлял бумагу на умершего Петра Андреевича, то соединил его должности кригс-комиссара (1722) и обер-кригс-комиссара (1725), поскольку в обеих должностях он имел чин коллежского советника, равный полковнику (6-й класс). И только в 1730 г., при переводе в статскую службу, а вскоре и в герольдмейстеры, он получает чин статского советника, или бригадира (5-й класс). Прохождение службы в годы царствования Петра неясно, однако путь от стольника 90-х гг. до чина полковника через четверть века был проделан – и, вероятно, нелегкий и честный. Видно, что приход к власти Анны Иоанновны как бы активизировал Петра Андреевича: может быть, это было связано с воспоминаниями о стольнической службе юноши у Прасковии Федоровны, матери новой царицы.

Последний документ о П. Квашнине-Самарине – от 3 декабря 1740 г. Это запрещение продавать в Москве движимое имущество, о чем ему следовало справиться в юстиц-коллегии. Очевидно, был сделан заклад, и имущество не было свободно от обложений. В 1725–1730 гг. на Васильевском острове в Петербурге есть «двор обер-кригс-комиссара П. А. Квашнина-Самарина», место которого ныне неизвестно.

Сенатский документ позволяет предположительную дату рождения назвать окончательно – это 1671 г. Смерть Квашнина-Самарина произошла после 1740, но до 1749–1750 г., когда делается запись в Сенатском архиве. Издатели седьмого тома «Сенатского архива» из-за утраты первого листа подлинника датируют списки чинов этого сборника 1749–1750 гг. Однако составлялись они иногда спустя годы. К 40-м гг. его сын Федор давно женат на Анне Юрьевне Ржевской – племяннице умершего первого мужа своей матери Агриппины и сестре прабабки А. С. Пушкина. О его внуках и правнуках известно ныне довольно много.

Выделим здесь, что праправнуками поэта по этой линии были декабрист Захар Чернышев и сестра его Александра Муравьева.

О старшем сыне Петра Андреевича сведения отсутствуют – разве что упоминание в письме монаха Ионы супругам Квашниным, где он шлет привет их сыну, а своему другу Ивану Петровичу. Таким образом, анализируя биографию Квашнина-Самарина, приходится сделать вывод, что служба его в Москве стольником царицы началась, когда ему было 15 лет. В 25 лет он участвует в Азовском походе. Затем, по-видимому до свадьбы, Петр Андреевич живет при отце, в вотчине Брыково.

Чтобы писать стихи на уже ненужных домашних бумагах, надо быть дома. Это годы с 1696-го

по 1699-й, когда он прерывает свою азовскую службу и уже в своей вотчине по первому впечатлению записывает, варьируя, какие-то украинские песни или вирши. М. Н. Сперанский отмечает две записи, сделанные чужим почерком. Одна из них – украинская, весьма малограмотная. Она могла принадлежать кому-то из слуг, оставшихся при барине после похода. К этим же годам следует отнести и русские любовные стихи, обращенные к невесте или другому лицу.

Датировать лирику Квашнина-Самарина следует 1696–1699 гг. Что касается его стихов на хозяйственных бумагах деда, то они могут быть отнесены к тем же годам, так как Брыково принадлежало – до матери и ее брата – их отцу, князю Семену Ивановичу Шаховскому, и бумаги хранились, вероятно, там же, где и отцовские, т. е. в Брыкове. Сам дед умер за четыре года до появления на свет внука Петра.

* * *

Любовная лирика рождалась в России из песни. Именно фольклорной стихии удалось преодолеть церковные запреты и подготовить Россию к появлению поэзии чувства. […]

Примечательно, что лирика Квашнина-Самарина содержит в себе часто зачатки театрального действа в виде диалога. Это вопрошание дзевчиненки [девчиненки?], *ответ рыбаков и ее речь снова (1929, IV). Это ее упреки ему и молчание в ответ – диалогичное по сути (1932, VI, VII). Это ее жалобы мамушкам-нянюшкам на его неверность (1932, V). Это его отчаянье: «Придеся мне в Днепре утопити» – и ее утешение: «Стой, не топися, душу забудешь./ Перевенчаемся, кеды мене любишь» (1929, II).* […]

Квашнин-Самарин скорее прячет себя в фольклорной традиции, которую он любит и чтит, но волей или неволей в нее вторгается, как того требует его крепнущее индивидуальное творческое «я».

Закон лирики, песни, элегии-жалобы требует наличия препятствия для любящих. Появляются недруг, чужая сторона, охлаждение сердечное, соперник либо соперница, а то и просто непреодолимое Нечто. Это хорошо понимал и применял Квашнин-Самарин.

Поэт жил на стыке двух эпох. Кончалась древность, начинался петровский период. Его поэзия отразила традицию и нарождающееся новое мироощущение.

*** * ***

(статья в сборнике 2006 г.[3], публикуется с сокращениями).

Песня

[автор Петр Андреевич Квашнин-Самарин]

Свет моя, милоя-дарогая,
не дала мне на себе нагледетца,
на хорошой-прекрасной лик насмотретца.
Поиду ли я в чисто поля гуляти,
наиду ли я мастера-живописца,
я велю списать образ, ей, на бумаге,
хорошей-прекрасной лик на персоне.
Поставлю я во светлую светлицу.
Как взойдет на меня тоска и кручина,
поиду ли я в светлую светлицу,–
Спасову образу помолюся,
на персуну мила друга насмотрюся,
убудет тоски моей и кручины,
и великое тяжелое возрыданье.

Не по летнему солнышка на небе греет,
на всех красно солнышко обогрела,
одное меня, бедную, ознобила.
Ко всем милой друг заежжает,
он к одной ко мне, бедной, не заедет,
а хотя он ко мне и заедет,
он тайные мне он не скажет.

4. Дополнительные сведения о Карповых

Научные труды историка Геннадия Федоровича Карпова

(выдержки из словаря А. А. Половцова[4], публикуется с сокращениями).

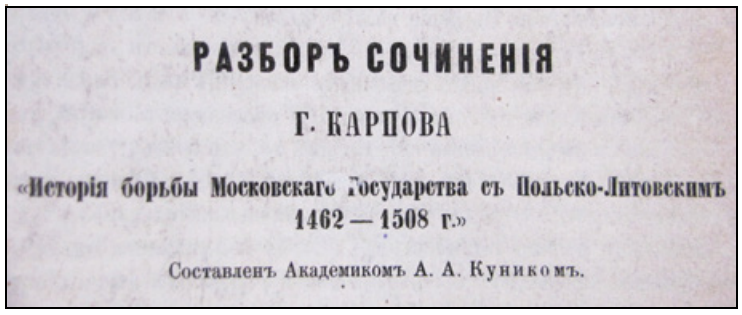
[…] *Один из ближайших учеников С. М. Соловьева, Г. Ф. Карпов направил свое внимание преимущественно на изучение процесса образования и устроения русскаго государства; последовательно он изучал самые решительные кризисы, какие пережила Московская Русь в работе над государственным объединением русскаго народа. Богатство и свежесть данных о древней русской жизни, извлеченных С. М. Соловьевым из его архивных работ, привлекли внимание и Г. Ф. Карпова преимущественно к изучению материала архивнаго. Первый ученый труд Г. О. Карпова "Очерки из истории российской церковной иерархии" (напечатан в «Чтениях Московскаго общества истории и древностей» кн. 3 и 4 за 1864 г.) посвящен был изучению церковно-нравственных сил, поддерживавших в русском народе стремление объединиться; в магистерской диссертации, напечатанной в 3 и 4 книгах «Чтений» Московскаго общества за 1866 г., автор разсмотрел объединительную деятельность великаго князя Иоанна Васильевича III и дал замечательную оценку многих источников для истории того времени, источников, известных и ранее, но впервые им критически разсмотренных. Впоследствии Г. Ф. Карпов обратился к вопросу о возсоединении Малой России с Великою; но состояние источников, необходимых для этой работы и в особенности ошибки некоторых прежних исследований по тому же вопросу, потребовали стольких предварительных критических исследований, что Г. Ф. Карпов целую докторскую диссертацию посвятил "Критическому обзору разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся за время 8 января 1651 г. – 30 мая 1672 г.". Тут он с большим уменьем и вместе с тем с большою смелостью выделил первоначальную, фактическую основу в повествованиях о Богдане Хмельницком, от позднейших прибавлений и баснословий; нередко ему приходилось не только опровергать вымыслы, но еще и указывать как и даже для чего в иных ученых трудах эти вымыслы поддерживались. Многие выводы и замечания Г. Ф. Карпова вызвали против него упреки в слишком пристрастном, московском отношении его к Богдану Хмельницкому; но лучшим ответом на подобныя обвинения могут служить слова в последней статье Г. Ф. Карпова "В защиту Богдана Хмельницкаго" («Чтения», 1889 г.), где он говорит: «Народ, могущий выставить из себя Богдана Хмельницкаго и не отступать в продолжение веков от раз высказаннаго своего обещания: «Боже утверди! Боже, укрепи чтоб есмы во веки все едино были» – такой народ заслуживает полнейшаго сочувствия и уважения».*

Кроме упомянутых выше трудов Г. Ф. Карпов написал еще, не считая мелких статей и заметок, следующия работы: "Митрополия киевския и московское правительство во время объединения Малороссии с Великою Россией" («Православное Обозрение», 1871, №№ 8, 9); «Начало исторической деятельности Богдана Хмельницкаго», М, 1873; "Дионисий Балибан, митрополит киевский. Из истории отношений киевской церковной иерархии к московскому правительству" («Православное Обозрение», 1874 г. № 1); "Мефодий Филимонович, епископ мстиславский и оршанский, блюститель киевской митрополии", (там же, 1875); "Костомаров, как историк Малороссии" (1871); "Переговоры об условиях соединения Малороссии с Великою Россией" (1872); "О крепостном праве в Малороссии" (1875); "Малороссийкие города в эпоху соединения с Великою Россиею" (1876). Кроме того, под редакциею Г. Ф. Карпова напечатаны: "Акты, относящиеся к истории южной и западной России", тт. X и XIV и четыре тома «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества»: тт. 35 и 54, заключающие "Памятники дипломатических сношений России с Польско-Литовским государством 1482 – 1560", т. 41 – "Памятники дипломатических сношений России с Крымскою и Ногайскою ордами и Турциею 1487 – 1533", и т. 53, заключающий "Памятник сношений с Немецким орденом за 1533 –1558 гг."; на средства Г. Ф. Карпова сделано издание фотографическаго снимка с Изборника 1073 г. в. кн. Святослава.

[Литература:] *«Чтения Москов. Общ. истории и древ. российск, 1892, I, – речь В. О. Ключевскаго; «Журн. Мин. Народ. Просвещ.», 1892, июнь, статья К.В. Барсова.*

Отзыв академика А. А. Куника на магистерскую диссертацию Г. Ф. Карпова

(публикация А. А. Куника[5]).

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ

Г. КАРПОВА

«Исторія борьбы Московскаго Государства съ Польско-Литовскимъ 1462 — 1508 г.»

Составленъ Академикомъ А. А. Куникомъ.

Титульная страница труда А. А. Куника, 1869.

Г. профессор Карпов принадлежит к числу тех кандидатов историко-филологическаго факультета Московскаго университета, которые, по распоряжению бывшаго министра народнаго просвещения А.В. Головнина, были избраны для обработывания, под руководством профессора, какого-нибудь предмета в строго научном виде. Профессором-руководителем его был известный историк С.М. Соловьев, который указал своему ученику на обработку предмета настоящей монографии. Выбор предмета бессомненно удачен: со времени великаго князя Ивана III многознаменательная борьба, долженствовавшая решить кому из двух славянских племен господствовать на северо-востоке Европы, принимала громадные размеры. К счастию, сохранились для нас в порядочном количестве разнородные известия о начале этой борьбы. Вместе с тем, обработывание этого предмета представляет, однако, большия затруднения, преодолеть которыя, вследствие происхождения и свойств источников, не может быть делом одного, будь он даже опытным историком. Посему молодой историк, предпринимающий такой труд, имеет тем более право на снисхождение и ему уже следует благодарность, если он представит читателю хоть некоторые главнейшие пункты тех замечательных событий с бо́льшей точностью и ясностью, чем это сделано его предшественниками.

Труд г. Карпова есть магистерская диссертация, от которой, при ограниченном ее объеме – она заключает в себе 291 страницу – нельзя конечно ожидать, чтобы она исчерпывала такой предмет и обсуждала бы его всесторонно с одинаковою обстоятельностью. Краткое изложение содержания диссертации представит наглядно размер задачи, за решение которой взялся автор.

Сама диссертация состоит из двух частей; первая составляет, так сказать, Введение во вторую.

Глава I (стр. 1–40): Князья. Между прочим, в этой главе идет дело об обращении удельных князей в служебные. Известная политика вел. кн. Иоанна III, присоединять оставшиеся удельныя княжества, имела следствием то, что князья, вытесненные из своих владений, искали себе убежища и защиты у литовских князей. Это дало повод к продолжительным раздорам между обоими государствами. С другой стороны, отъезды литовских князей из Литвы в Москву, куда их даже иногда звал вел. кн. Иоанн, не мало содействовали к усилению существующей вражды между Москвою и Литвою. Положение, которое занимали служебные литовские князья, автором не достаточно объяснено из общественнаго быта тогдашней Литвы.

Глава II (стр. 41–96): История завоевания Великаго Новгорода. Автор сам скромно сознается, что он об этом ничего новаго, кроме давно известнаго, не намерен сказать. Справедливо он замечает, что именно подчинение Новгорода Москвою сильно раздражило Литовцев. Действительно, они очень долго не могли равнодушно смотреть на завоевание Новгорода Москвой, хотя у них не доставало решительной воли и средств, чтобы усилить литовско-польскую партию в самом Новгороде.

Глава III (стр. 97–140): Степняки. Под этим названием особенно объясняются отношения Москвы и Литвы к остаткам Золотой Орды, к Казани и к образовавшейся новой татарской державе – к крымскому ханству. Хотя оба христианские государя старались привлекать на свою сторону Степняков, однако влияние последних на ход со́бытий осталось маловажным. В этой главе несколько отделов изложены не совсем ясно, что́ впрочем, отчасти может быть объяснено недостатком верных источников и разстройством дел у степных народов.

Во второй части монографии глава I (стр. 1–46) имеет надпись: Литва. Видно, что Литва, по постепенном усилении московской Руси великим князем Иоанном Васильевичем, уже почувствовала свою немочь и поэтому искала средств, чтобы остановить наступательное движение на нее Москвы. Это средство она напрасно думала найти в брачном союзе вел. князя Александра Казимировича с вел. княжной Еленой Иоанновной (в 1495 г.). Европейская брачная политика оказалась непри-

ложимою к московскому двору, хотя литовская Русь согласилась на разныя невыгодныя уступки и даже признала за великим князем московским титул: Государя всея Руси.

Глава II (стр. 47–66): Перед войной. В этой главе между прочим речь идет о союзе Москвы со Стефаном молдавским, о сношениях Москвы и Литвы с Крымом, при чем обнаруживается все превосходство московской политики пред литовскою.

Глава III (стр. 67–99): Война. Настоящая война началась под конец 1499 года Ведрошскою битвою, происходившею 15 июня 1500 г., был нанесен Литве чувствительный удар и она прибегала к помощи и посредничеству других земель, как напр., Венгрии и Ливонии, где попытка заключить наступательный союз с немецким орденом не имела продолжительнаго успеха. Впрочем, должно сознаться, что участие, которое принимала в этой войне Ливония, изложено почти мимоходом и то по односторонним русским источникам.

Глава IV (стр. 100–128): Перемирие. Кроме известий о посольствах от папы, от венгерскаго короля, от Польши и Литвы, здесь сообщается о признании со стороны Польши за московским великим князем титула: «Государя всея Руси». Этот факт действительно многозначителен: им представлялся великий князь московский защитником православия и русской народности вне пределов московскаго государства. Это знамя раз поднято, – и сын Иоанна, вел. кн. Василий Иоаннович, должен был следовать за ним.

Глава V (стр. 129–151): Бунт Глинскаго. Личность этого католическо-литовскаго отъезщика (в Москву) еще не достаточно объяснена автором. В конце этой главы автор сообщает в кратком виде результат своих исследований:

«Иван Васильевич прямо высказывал, что вся сила, на которую он опирается в борьбе с Литовско-Польским государством, это то, что он Государь русский и при том Православный. Он поддерживал Православие всюду, где можно, до того, что, на пример, Елене Ивановне он наказывал заботиться о том, чтобы ея Православные люди в Литве у Латын не женились и дочерей своих за них не давали. Но Литовцам чрезвычайно дорого обошлось Православие Московскаго Государя: в их глазах, не говоря об уделах, повидимому, ради Православия, был подчинен Москве Новгород и крепко к ней привинчен; сама Литва лишилась огромных областей; земли ея были разорены Московскими войсками, разграблены служебными князьями, внутри Государства явился страшный бунт, с юга все Русско-Литовския области опустошены и выжжены Татарами, и все это было из-за Православия Ивана Васильевича. Жалованныя грамоты, огромныя льготы жителям разоренных областей, были для Литовцев только временным облегчением, – и у них явилась мысль усилиться для отпора Москве. Но они хотели усилиться тем, что было в сущности главной причиной всех их несчастий, а именно: кроме обращения главных союзников Москвы, всех Православных в Католичество, еще более крепким политическим соединением Литовскаго Великаго Княжества с Королевским Польским».

Без сомнения, в этом Послесловии автор хотел высказать взгляд на свои труды. Выдержит ли этот взгляд строгую критику беспристрастных историков, откроется впоследствии. Мы же, не входя в подробности, что нас увлекло бы далеко, позволяем себе только заметить, что этот взгляд, по видимому, выработан отчасти под влиянием современных понятий и политических обстоятельств последних годов. Религиозный элемент, конечно, проявляется в сильной степени в период московско-литовской борьбы от 1462–1508; но другим, может быть, покажется, что дошедшие до нас источники только отчасти подтверждают верность высказаннаго автором взгляда.

Какие источники были в руках автора? По нашему мнению современные специалисты, при составлении исторических монографий, должны прежде всего, в виде введения или особой главы, отдать отчет об источниках, которые служили основанием их исследований. В книге же г. Карпова, мы даже не находим хоть краткаго библиографическаго обозрения источников, и читатель сам должен проследить весь труд, чтобы составить себе некоторое понятие о них. Между тем в настоящем случае особая критическая оценка источников была бы очень кстати. Сам автор в некоторых местах своего труда утверждает, что главный источник для изложения истории московско-литовской борьбы, начиная с 1487 г., заслуживает предпочтения пред подобным литовским источником, то есть, что русские статейные списки о литовско-польских делах несравненно богаче и достовернее тогдашних статейных списков литовской метрики. Хотя с этим мнением можно согласиться, однако желательно, чтобы оно было более отчетливо мотивировано в особой главе. От г. Карпова можно было ожидать такого описания и оценки, тем более, что он имел случай изу-

чать весь состав дошедших до нас статейных списков рассматриваемаго периода. Так как до сих пор они напечатаны лишь в виде отрывков, то читатель без такой оценки не может себе составить совершенно яснаго понятия об их достоверности. Как многими оффициальными документами, так и статейными списками должно пользоваться с осмотрительностью. Очевидно, что и в них истина то нарочно искажена, то «для краткости» выпущена. Сам автор в некоторых местах своей диссертации указывает на факты довольно красноречивые, из которых выходит, что и тогдашние московские сановники знакомы были с свойственными дипломатам хитростями, и даже с ведома великаго князя не стыдились прибегать ко лжи и к обманам. Во всяком случае, исторической критике предстоит еще, в отношении статейных списков, труд довольно обширный. Но должно все-таки сознаться, что г. Карпов изучил эти списки с большим усердием. Мы здесь не можем не указать на один результат, как прекрасный плод этого изучения. Известно, что со времени кн. Щербатова до Ив. Григоровича, главнаго редактора археологической комиссии по изданию актов Западной России, издаваемы были разныя выписки из статейных списков, хранящихся в Московском главном архиве и в литовской метрике, но отчасти, как доказано г. Карповым очень неудовлетворительно. Замечания, сделанные им в этом отношении, так дельны, что я предполагаю со временем, в особом списке, перечислить все до сих пор напечатанные отрывки из вышеупомянутых списков в исправленном хронологическом порядке.

Кроме рукописных статейных списков, г. Карпов конечно, пользовался и другими источниками, преимущественно русскими. С иноязычными источниками, как напр. ливонскими, польско-латинскими и пр. он, как кажется, менее знаком, хотя в них встречаются указания, годныя для всесторонняго изучения предмета.

Если спросим, в какой степени история борьбы между Москвою и Литвою в означенный период была разъяснена автором, то должны не колеблясь сознаться, что он оказал немаловажную услугу русской и исторической науке вообще. То, что до сих пор было написано польскими писателями, как напр. Лелевелем, Голембиовским, Бартошевичем, Нарбуттом и галицко-польскими историками, оказывается скудным и спутанным, потому что эти писатели не имели возможности ознакомиться с русскими статейными списками в полном их составе, и хотя начало и весь ход этой борьбы в означенный период в трудах Щербатова, Карамзина, Арцыбышева и Соловьева изложены несравненно лучше, но эти историки не имели ввиду, подробно описать и характеризовать все факты этой борьбы; поэтому мы должны обратить особое внимание на труд г. Карпова, который, посредством изучения неизданных статейных списков, доказал, каким переворотам подлежит наше знание о сношениях Московской Руси с иностранными державами в 15 и 16 столетиях, за что, по моему убеждению, было бы весьма справедливым, удостоить автора, за его поучительный труд, Уваровской награды.

Вступительная лекция по русской истории, читанная в Харькове

(публичное выступление историка Г. Ф. Карпова[6]).

Мм. Гг. [милостивые государи]

Харьковскому университету угодно было сделать мне предложение занять в нем кафедру по русской истории. Я принял это предложение с величайшею готовностию служить на пользу русскаго просвещения. Но причину предложения мне кафедры в здешнем университете я не могу приписать моим незначительным трудам по русской истории; эта причина объясняется тем, что я имел честь быть учеником товарищей и друзей Т. Н. Грановскаго и занимался русскою историей под руководством С. М. Соловьева, человека, посвятившаго всю свою жизнь служению науке на пользу и славу русскаго народа. Если я хотя в малом успею уравняться с этими прекрасными образцами, с людьми, которые мне передавали плоды науки, я буду считать себя вполне вознагражденным за всякие труды.

Мм. гг. Я считаю своим долгом с перваго слова предупредить вас о следующем: не ждите от меня никаких новых взглядов на науку, никаких новых теорий. Новыя идеи, новыя социальныя теории не очень часто являются на свет; новыя идеи выработываются человеческим обществом очень дорогою ценою, часто кровью, но во всяком случае с великим трудом и в очень долгие периоды. То-же, кажется, можно сказать и о количестве материала для знаний: открытие силы

пара, электричества, микроскопа не может еще быть поставлено рядом с изобретением книгопечатания, пороха и открытием употребления компаса. Все теперешния так называемыя старыя и новыя идеи суть только развитие основных идей, выразившихся в той или другой форме, а при случае – и в крайности. Все основныя идеи, которыя развивает и прилагает к жизни теперешнее европейское общество, имеют свое происхождение: старыя по времени в христианстве и в древней цивилизации, а более новыя, которыя суть развитие основных идей, в реформации и великой революции. Достигнув какой-нибудь действительно великой идеи и высказав, человечество начинает развивать и прилагать ее к жизни. Это приложение идеи к жизни обходится людям также очень дорого; часть общества обыкновенно развивает идею в крайность и тем вызывает в другой части сопротивление этой крайности, реакцию. Так общество обыкновенно качается; от анабаптистов к иезуитам, от террористов к бурбонам, от немецких чиновников с биреном к нигилистам с поляками. Обе крайности весьма непривлекательны и нужно их избегать сколько возможно везде – в жизни и в науке. Человечество, достигнув какой-нибудь великой идеи и накопив лишнее против прежняго количество фактов, необходимых для знаний, обыкновенно старается систематизировать эти факты, изобрести научные способы изложения и передачи их для преподавания. Поэтому, как не часто появляются новыя идеи и изобретения, так не часты и новыя серьезныя научныя системы. Разработка науки, даже при большом количестве лиц трудящихся над ней, идет не очень быстро. Однакож общая масса работ, например по русской истории за нынешнее столетие, представляет подавляющий своею громадностию материал. Конечно, в этой массе трудов только не многие являются лучшими, действительно опорными пунктами, около которых группируются остальныя работы. Поэтому, я думаю, будет достаточно, если мне удастся излагать пред вами науку так, как она выработана лучшими из ея представителей. Конечно, нужно будет стараться, чтобы такой способ изложения не был сухим сбором чужих мнений, чужих выводов, а был бы сколько возможно самостоятельным, систематическим сводом того, что уже сделано, или того, что мне самому удастся сделать.

Мм. гг. История, по определению С. М. Соловьева, есть первая из наук политических; она – народное самосознание. Народ без истории не заслуживает названия народа; это стадо животных, живущих только нынешним днем. История как наука имеет предметом изучения народы действующие, играющие или съигравшие ту или другую роль на мировой сцене – народы, оставившие или оставляющие после себя на земле не одне могильныя насыпи, эти бугры бездушные, но выработанныя ими идеи, учреждения и вообще памятники не только материальной, но и духовной их жизни. Особенный же жизненный интерес история получает для нас, когда она говорит о народах действующих теперь, об обстоятельствах, под которыми развилась их жизнь. Здесь она каждаго человека затрогивает за живое, потому что ни один из наших поступков не может получить точнаго и вернаго объяснения без знания предшествовавших наших поступков, без знания всех событий, среди которых мы живем и жили; а эти события слагаются вследствие общаго хода жизни нашего общества; а наше общество есть только продолжение предшествовавших обществ, и в настоящее время член целаго общества народов, взаимно друг на друга влияющих и живущих но законам, предначертанным для них Творцом мира, давшим людям свободу, в известной мере, руководить своими делами. Вследствие этого жизненнаго интереса истории, мы видим то, что каждый мыслящий человек, любящий свое отечество, обращается к истории для изучения судеб своего народа; честный политический деятель ищет в истории руководства и оправдания своих поступков; всякий образованный человек, пораженный тем или другим явлением в современной жизни народов, только посредством истории дает себе объяснение этих явлений. Кроме этого целый ряд ученых постоянно занимается тем, что отыскивает исторические памятники жизни народа, обнародывает их, указывает способ как с ними обращаться и узнавать из них настоящий истинный смысл событий; другие ученые, собирая все известные исторические факты, группируют их; вследствие правильной, научной, систематической группировки событий выясняются законы, по которым они совершались. Самая же действительная жизнь заставляет обыкновенно ученых обращать особенное внимание на те события в истории, которыя имеют влияние на явления настоящаго времени.

Всем вышесказанным определяется первоклассная политическая роль, придаваемая всеми истории как науке. Этим-же самым объясняется не одна любовь к истории, но и вражда к ней, ея

злостное искажение, какое себе позволяют делать некоторые для того, чтобы доказать, что цели, которых они добиваются в настоящее время, имеют оправдание в истории. Но это обращение с историей есть относительно честное обращение; так могут поступать даже люди просто увлекшиеся известною идеей. Но бывает хуже – когда люди неблагонамеренные не в состоянии подвести исторические факты под положения, которыя они заранее поставили, или по необразованию своему не умели этого сделать или, наконец; просто, не зная совсем исторических фактов, но инстинктивно понимая значение истории, они прямо объявляют, что занятие и изучение истории вредно: они начинают гнать ее. Так делали и делают люди различных классов общества и притом таких разнообразных направлений, что удивительно, как они приходят к одинаковому результату в своих поступках, После реставрации Бурбонов, из учебников французской истории были выкинуты все происшествия революционной эпохи и, взамен этого, разсказывалось царствование христианнейшаго короля Людовика XVIII; точно так-же, схоже с Бурбонами, поступала у нас часть общества в последнее время.

Мм. гг. Когда мы по старому учились грамматике, то знали три главных времени: настоящее, прошедшее и будущее; но, на наших глазах, у нас сделано открытие четвертаго главнаго времени – переходное время, переходное состояние. Сие время заменяет собою остальныя три: очень много обещает хорошаго в будущем, но особенно не в привлекательном виде является, когда оно заменяет собою настоящее время. Причина этому та, что все, что только у нас прежде накопилось дурнаго, все это выплыло теперь наверх, заявляя о своем существовании, и не только претендует на занятие места между другими проявлениями общественной жизни, но еще требует себе полнаго господства и устранения всего, что только может ему выставить противудействие. Те политическия учения, с которыми западная Европа почти уже совсем порешила, среди нашего переходнаго времени начали процветать. Первым делом было то, что провозгласили весьма старую общую фразу «долой авторитеты». Эта фраза совершенно не нужна в России уже потому, что, во-первых, она нам была давно известна по истории других народов, а во-вторых потому, что все, что может у нас считаться авторитетом, не только не считало за собою права ни в чем не делать уступок, что по видимому ему противоречит, а напротив того, русские авторитеты, например церковь и верховная власть, всегда следили за духом времени и еще старались предупредить и удовлетворить законным и действительным нуждам общества. Этим объясняется, с одной стороны, прочность наших авторитетов, а с другой – ненависть к ним тех, которые желали бы поставить себя и свои учения на место признаннаго народом и выработаннаго его историей. Но наши непрошенные руководители не думали об этом, а за фразой «долой авторитеты», начали удивительную своими размерами брань на все, что только считается в России авторитетом; верховная власть, церковь,– но только православная, национальность народа – все это обругано, осмеяно, затоптано в грязь.

История – наука политическая, поэтому и на ней, как на канве, в наше переходное время, вышивалось много скандальных политическаго тона цветов. Но надо заметить здесь, что история при сильных натяжках давала мало материала для проведения новых политических идей, и если давала, то только на то, чтобы обругать многое дорогое и ценное в прошедшем России. У нас занялись описанием самых скандальных и неприличных произшествий из русской истории, совершенно отделяя от причины их явления и от связи с другими событиями. Сюжет брался не из времен Анны Леопольдовны и истории господина бирена, но из времен Петра Великаго. Российская публика, на основании этих сочинений, только и толковала о Петре, как о кровожадном деспоте, пьянице и развратнике самаго низшаго разряда. Но не одного меднаго всадника тащили таким образом со скалы; после этого была перепета на известный тон почти вся Русская история. Но я не буду говорить об этой литературе, так-как она всем хорошо известна...

Нельзя сказать, чтобы серьезные ученые не считали долгом сделать возражения и замечания по поводу извращеннаго направления легкой исторической литературы. Они, с одной стороны, продолжали свои серьезная работы и думали свою думу без шуму, а с другой, хотя почти при полном отсутствии критики в наших журналах, на все такого рода историческия сочинения были сделаны ими замечания. Но так-как значительное число публики сочувствовало и поддерживало отрицательную литературу, то у серьезных людей часто опускались руки, потому что голос их был «гласом вопиющаго в пустыне», и они предоставляли самому ходу событий исправить рус-

ских людей. Для примера тому, в каком у нас пренебрежения серьезныя историческия сочинения и издания, можно указать на то, что издания общества истории и древностей российских (издания, имеющия за собою 50-летний авторитет) имеют подписчиков в России и за границей числом едва за 100 и никогда число их не превышало 150.

Брань посыпалась на русскую историю и русский народ в литературе: конечно она отразилась и на преподавании в русских учебных заведениях. Как-бы в соответствие замиранию русскаго народнаго самосознания совершилось удивительное дело: недавно было то, что в России во всех русских университетах, исключая московскаго, кафедра русской истории была незанята, так-что С. М. Соловьев являлся профессором русской истории московским и всея Руси. Поэтому нечего говорит о том пренебрежении, в каком находится русская история в наших средних учебных заведениях. Там все преподавание истории сосредоточивается на всеобщей истории, а русская считается как-то не главным предметом. Причина тому, кроме общаго настроения общества, отчасти и та, что учителя гимназии во время своего пребывания в университете по большей части совсем не слыхали русской истории. Они, при занятии места учителя истории в гимназии, должны были заниматься русскою историей сами по себе. Здесь им на помощь являлась современная журнальная историческая литература. А при ея отрицательном направлении, когда она еще являлась руководством для преподавания, то уже лучше бы совсем не преподавали ученикам истории их народа.

Теперь же скажу о том, как я смотрю на самое преподавание истории, котораго намерен и впредь держаться.

Выше было сказано, что история есть первая из наук политических, и после этого я указал, по какой главной причине интересуются и пользуются ею различныя лица, составляющия общество, – но с этой стороны история представляется удовлетворяющею особенно чувства, но не вполне ум. Одним средством для раздражения нервов, в каком бы то ни было отношении, история не может служить. Тем менее ее должно употреблять как средство для агитации, хотя бы в интересах праваго дела. Преподаватель всякаго предмета должен помнить, что аудитория не вече, а он не мужик – горлан, навязывающий свои идеи слушателям; а так-же и не москвич, попрекающий новогородцев их старыми изменами великим князьям. Это правило всего больше должен помнить преподаватель истории, так-как самый предмет его преподавания имеет так много щекотливаго и затрагивающаго жизнь со всех сторон. Обязанность его – преподавать хладнокровно науку; но он, конечно, не имеет права обходить подобные вопросы и даже обязан, как член общества, в котором живет, не относиться к национальному делу безразлично, а напротив, должен давать на вопросы ответ, как скоро они возникают. Но при этой публичной деятельности, историк должен дать обществу лучше разработанный серьезно, при помощи науки, материал, чем вместо этой разработки будут изложены, в виде истории, бродящия в обществе те или другия идеи.

Метод преподавания русской истории, котораго считаю долгом отчасти держаться, следующий. История – наука политическая, а политика имеет своим руководителем юриспруденцию. Но, для полной разработки истории во всех ея частях, требуется еще, как средство, филология. Особенно она необходима при наложении древней истории народов, первоначальнаго развития их обществ. Помощь филологии необходима уже здесь и потому, что бедность историческаго материала, за это время истории, всегда соответствует незначительному развитию общества; да и самый письменный и устный материал этого времени только и может получить значение после филологической разработки. При изложении же истории развившихся обществ, особенно же современных нам, мы, во-первых, имеем значительнее количество исторических материалов, язык которых близок к нашему, и поэтому не нуждаемся в тонкостях филологии; и во-вторых, разсматривая то, что интересует общество людей, замечаем, что все люди борются за свои интересы и стараются определить свои отношения друг к другу. Эта борьба идет через всю жизнь исторических народов, и для уяснения этой борьбы мы не можем обойдтись без помощи юридических наук. Как средство для занятия историею я получил не филологическое образование, а юридическое, и с величайшею благодарностию должен здесь упомянуть о лекциях К. П. Победоносцева, который читал гражданское право и уяснил нам эту азбуку юридических наук. Право, история и все науки политическия могут говорить об обществе людей только с того момента, когда между людьми возникает понятие о «моем» и «твоем». Как-только зараждается

между людьми это понятие, то возникает необходимость в определении их взаимных отношений; таким образом начинается общественная жизнь, а следовательно и история. Развитие отношении людей между собою, по поводу тех или других предметов, зависит уже от различных причин: от географическаго положения страны занимаемой народом, объема и соседства ея с другими странами, и т. п. Но история как наука, встретившись при своем начале с юридическими науками, не может разстаться с ними и после, не только потому, что юридические памятники народной жизни есть вместе и исторический материал, но и по следующему поводу. Каждое человеческое общество в своем историческом ходе развивает самостоятельные органы, посредством которых удовлетворяются те или другия его потребности, например: церковь и государство. Кроме того, как в каждом отдельном обществе, так и во всех в совокупности человеческих обществах, могут быть и поддерживаться более или менее оригинальные общественные порядки, например – казацкие и государственные порядки, республика и монархия. Когда один общественный орган в отдельном обществе или разные порядки в различных обществах, вследствие взаимнаго влияния, начинают развиваться в ущерб другим, или просто отживать свой век, то обыкновенно при этом бывает следующее явление: ни один общественный орган, ни один порядок не уступает своего места другому и не сходит с исторической сцены без борьбы. Такая борьба за влияние или даже за существование, в сущности, есть борьба идей. Каждая сторона выставляет при этой борьбе свои положения, а эти положения только и могут быть для нас понятны тогда, когда мы им придадим юридическую форму. В борьбе различных начал проходит вся жизнь исторических народов, и историк, наблюдая эту борьбу, должен находиться в положения безпристрастнаго зрителя, признающаго, до окончания процесса, обе стороны правыми. Историк – не судья, он не имеет права произносить приговор. Этот приговор высказывается в дальнейшей судьбе сторон. Если процесс идет о том – которой стороне жить и которой умереть, то Верховный Судия мира произносит этот приговор, и виноватый погибает. Погибший уже потому виноват, что он в продолжение своего существования, в мере данной ему для свободнаго действия, не накопил средств для победы противника. Только после произнесения этого приговора, историк может высказать свой взгляд на события и выказывать сочувствие даже к стороне падшей.

Сказавши несколько слов о приложении к истории в известной мере юридическаго метода, нужно сказать, какия же части жизни народа обхватывает собою история. Вот почти последнее и относительно серьезное требование, которое выставлялось у нас о том, что должна иметь своим предметом русская история. – Некоторые как бы негодовали на то, что история Карамзина есть «История Государства Российскаго» и что в «Истории России» Соловьева тоже имеется в виду главным образом история государства, а не излагается история народа. Такое положение не совсем верно. И Карамзин не мог обойтись без того, чтобы необращать внимания на народ, составляющий государство, а при сочинении «Истории России» принято за основание обращать внимание на все, в чем только проявлялась жизнь русскаго народа. Историю народа нельзя отделять от истории его государства. Всем известно, что государство только форма, а народ – содержание, выработавшее эту форму; каждое внешнее политическое событие резко отражается на внутренней жизни народа, принимавшаго участие в этом событии, даже тем, что он в это время существовал. Например, в состоянии ли мы исчислить все последствия, для русскаго народа и всей Европы, полтавской битвы или того, что мы испытываем вследствие разделов Польши. Наконец самая война есть только внешнее выражение внутренняго состояния общества. Для войны нужны, кроме людей, деньги; деньги правительство может получить только от народа; народ же может их давать, когда у него хорошо идет хозяйство; хорошее народное хозяйство может быть только тогда, когда, с одной стороны, государственныя учреждения пригодны для народа, а с другой – когда в самом народе господствуют нравственныя начала. Бывает и так, что народ силен только нравственными средствами, но денег у него нет, потому что его хозяйство дурно; а хозяйство у него дурно потому, что он не имеет образования, что у него нет средств для сбыта продуктов его промышленности, нет возможности сообщаться с другими народами, так-как пути сообщения захватили у него враги в минуту его несчастий. В таких случаях народ напрягает все свои силы, чтобы получить себе положение, которое необходимо ему для его существования: это напряжение сил опять-таки выражается войною. Успех и неудача в таких случаях служат самою лучшею мерою народных достоинств и недос-

татков в данный момент времени. – Далее – война бывает вследствие нравственных и материальных потребностей народа. Обе эти потребности отделять одну от другой нельзя, так-как оне взаимно связаны и друг друга объясняют, хотя та или другая потребность, в данном случае, по видимому может преобладать. Правительство во всех таких случаях, при нормальном состоянии общества, обыкновенно действует на первом плане. Но всякое правительство, в обширном смысле, есть только орган, посредством котораго народ формулирует, высказывает и удовлетворяет свои нужды.

Сейчас сказанное – все старыя, известныя положения, но их всегда нужно иметь в виду. Вследствие этих положений, мы не имеем права выкинуть из истории ничего, ни одного проявления жизни народа, где бы они ни высказывались: в песне ли пахаря, в мудрых ли законах; в сочинении мыслителя или в кровопролитной битве; в церковной службе или в народной промышленности; в произведении художника или в придворных интригах. Все эта проявления народной жизни связаны между собою, друг из друга исходят и взаимно друг друга объясняют. Но, вследствие этого громаднаго количества предметов, входящих в состав историй как науки, изучение и изложение ея становится чрезвычайно трудным для ея служителя. От него требуется как широта взгляда, так и значительная подготовка. Но кроме этого, самое главное требование, которое можно выставлять историку, это – живое и сердечное сочувствие к радостям и горю его народа: вера и убеждение в преобладание в обществах людей добра, а не зла; любовь ко всему прекрасному и доброму, любовь такая, чтобы она проникала все его существо, а не выражалась бы только на одних словах. Только с надеждою на помощь Божию, но с смиренным сознанием человеческой слабости, с любовию к нашему великому народу и глубоким уважением к святому делу образования осмеливаюсь взяться за изложение пред вами русской история.

Предметом лекций нынешняго академическаго года будет русская история со времени прекращения династии Рюрика до смерти Петра Великаго. Здесь, при каждом важном событии, я буду обращаться к изложению предшествующих ему явлений, объясняющих его. Кроме же лекций, я буду, с одной стороны, рекомендовать занятие литературою науки, а с другой стороны, будем заниматься, если будет время, чтением и толкованием важнейших исторических памятников разсматриваемой нами эпохи.

Завещание Геннадия Федоровича Карпова

(архивное дело ОПИ ГИМ[7]).

1890 года, Июня, 27 дня, по указу Его Императорскаго Величества Московский Окружный Суд […] *слушал дело об утверждении домашняго духовнаго завещания Действительнаго Статскаго Советника Геннадия Федоровича Карпова, умершаго, как видно из метрической выписи церковнаго причта, 24 апреля 1890 года, и о вводе во владение по сему завещанию вдовы его Анны Тимофеевны Карповой недвижимыми имениями в Звенигородском уезде Московской губернии* […]

“Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Аминь. Я, нижеподписавшийся Действительный Статский Советник Геннадий Федорович Карпов, находясь в здравом уме и твердой памяти, заблагорассудил составить и составить на случай моей смерти это духовное завещание в следующем:

1, все без изъятия недвижимое и движимое мое имение, мною благоприобретенное, могущее остаться после моей смерти, в чем бы оно не заключалось и где бы ни находилось, я завещаю супруге моей, Анне Тимофеевне Карповой в полную исключительную и независимую ея собственность и в неограниченное владение и распоряжение;

2, распорядившись, таким образом, своим имением, я не могу не выразить моего желания, чтобы супруга моя оставшуюся после меня библиотеку никому не отчуждала и не продавала, а передала в дар одному из сыновей или зятьев [нрзб], *который будет заниматься поучением русской истории или вообще историческими науками. Но, выражая это мое желание, я нисколько не стесняю и не ограничиваю первым пунктом жене моей права полной собственности на завещанное имение, 1890 года января 31 дня.*

Настоящее духовное завещание писал со слов Действительнаго Статскаго Советника Геннадия Федоровича Карпова и на бело переписывал Губерский Секретарь Иван Марвельев Баруцкий […]. *В том, что завещание это написано со слов завещателя действительнаго статскаго совет-*

ника Геннадия Федоровича Карпова и им собственноручно подписано, при чем он, завещатель Карпов, был в здравом уме и твердой памяти, свидетелем сего 31 января 1890 года был и подписуюсь отец его духовной Московской, Иверской, что на Ордынке, церкви священник Николай Иоаннов Мячин […]

Свидетелем сего января 31 дня 1890 года был и подписуюсь гвардии ротмистр Федор Федоров Пантелеев […], *Надворный Советник Николай Сергеевич Забелин".*

Представив в Суд изложенное духовное завещание для утверждения к исполнению, поверенный Анны Тимофеевны Карповой Присяжной Поверенный Ченбуков в особом заявлении объяснил, что после завещателя Геннадия Федоровича Карпова остались нижеследующия имения:

А). Недвижимыя имения в Покровском уезде Владимирской губернии:

1), ненаселенная земля при сельце Сушневе в отхожих пустошах Кочуговой, [нрзб] *с Петровым лугом, малой Комаровой, Емельяновой, Зычьки и оставшаяся за наделом крестьян при селении Степанове с пустошами Большой Комаровой и Александровой, Пунево тож, всего в количестве 1.742 дес. 1849 кв.саж., приобретенная Карповым за 40.000 руб.*

2), ненаселенная земля, оставшаяся за наделом крестьян при деревне Пекоцком Яму в количестве 80 десят., приобретенная за 450 руб.

3), земля в даче под названием 1/19 часть деревень Жоховой и Брызгуновой в количестве 137 десят. и сельце Осовце с деревнями Пепелевой, Жоховой, Погост, Тарасовой и Брызгуновой – 342 дес., приобретенная завещателем за 6.000 руб. и

4), мукомольная мельница на реке Пеше при сельце Пекоцком Яму [с] *30 десятинами земли, приобретенная за 8.250 руб.*

Таким образом, актовая сумма, сих четырех имений определяется в 54.700 руб., земская же оценка земли составляет 17.435 руб. А законная ея оценка по табели Министерства Финансов (около 2.332 дес. по 25 руб. за десятину) 58.300 руб. Кроме того, находящияся на той земле строения, именно мельница, кирпичный завод, кузница и трактир, незастрахованные, оценены Земской Управою в 18.439 руб. 50 коп.

Б). Недвижимыя имения в Звенигородском уезде, Московской губернии.

1), при селе Богоявленском, Брыкове тож и деревнях Кучах и Бокареве, в коем земли мерою 664 дес. 1854 кв.саж. и

2), при селе Глебове в отхожих пустошах Аверкиевой и Щукиной, в коих земли 20 дес. 806 кв.саж.

Оба эти имения стоят по табели по 30 руб. за десятину – 19.680 руб., по актам последняго приобретения оценены в 20.300 руб., а по земской оценке в 21.936 руб.

В). Библиотека историческаго содержания в 1000 экз., оцененная в 1.500 руб.

Г). Капитал, заключающийся в 160 акциях […] *и 40 акциях 2-й серии Общества Московско-Курской железной дороги, принадлежащих Карпову по квитанции* […] *1879 года* […] *на сумму 19.463 руб.* […]

Таким образом, общая активная ценность всех наследственных имений Карпова определяется в 120.138 руб. Но при этом все недвижимыя имения состоят в залоге у настоящей наследницы Анны Тимофеевны Карповой по пяти закладным крепостям, а именно: имение при сельце Сушневе в сумме 75.000 руб, при деревне Пекоцком Яму в сумме 2.000 руб., при селе Осовце в сумме 5.000 руб., мукомольная мельница на реке Пекше в сумме 7.000 руб. и оба имения в Звенигородском уезде в сумме 20.000 р. Кроме того, завещатель остался должным Товариществу Никольской Мануфактуры "Саввы Морозова сын и К" по счету за доставленный материал на сумму 8.654 руб. А всего долга на завещателя 117.654 руб.

В доказательство прав собственности к настоящему делу представлены […] *две купчие крепости. Одна, совершенная 27 ноября и утвержденная* […] *3 декабря 1874 года по реестру за № 3144, по которой Карповым приобретено имение при селе Богоявленском, Брыкове тож и деревнях Кучах и Бокареве. И другая, совершенная 12 марта и утвержденная 3 мая 1880 года по реестру за № 953, по которой Карповым приобретено имение при селе Глебове в отхожих пустошах Аверкиевой и Щукиной* […] *На имении Карпова в Звенигородском уезде запрещение, напечатанное в Сенатских Объявлениях 1882 года в № 32 под ст. 24428* […].

Некролог, написанный другом Василием Осиповичем Ключевским

(публикация в ЧОИДР[8]).

На мне лежит печальная обязанность почтить воспоминанием память нашего сочлена, много лет деятельно служившаго нашему Обществу и скончавшагося в нынешнем году. Говорю печальная обязанность, потому что всегда печально вспоминать о человеке, котораго уж нет между нами, но который еще много лет мог бы жить и действовать вместе с нами. Разумею нашего покойнаго сочлена и казначея Г. Ф. Карпова. Прошу позволения занять Ваше внимание не критическим этюдом из русской историографии, а простым отчетом в прерванной смертью деятельности, какой всегда хочется отдать себе, когда стоишь перед свежей знакомой могилой.

Довольно продолжительная ученая деятельность Г. Ф. К. останавливает на себе внимание своею последовательностью. Начиная изучение русской истории, он поразился в ней одним процессом, и это впечатление навсегда осталось руководящею нитью его ученых работ, постоянным предметом его исторических размышлений. Этот процесс – образование Московскаго государства, завязка и закрепление государственнаго единства русскаго народа. Неудивительно, что этот предмет произвел такое впечатление на покойнаго. Всякий наблюдательный и чуткий историк остановит свое внимание на этом процессе, одном из самых поучительных во всемирной истории. Но покойный всю жизнь уже не мог оторваться от этого факта, и этот факт стал центральным пунктом его историческаго миросозерцания. Это сообщило некоторое однообразие его ученым работам, но этим же поддерживалась сосредоточенная энергия его деятельности.

Думаю, что обстоятельства, при которых Г. Ф. К. начинал свои занятия русской историей, имели решительное влияние на выбор вопросов, которым он посвятил свою ученую деятельность, и что те же обстоятельства указали самое ея направление. То было время крайняго оскудения высшаго университетскаго преподавания русской истории. В шестидесятых годах университетския кафедры русской истории начали пустеть и, если не ошибаюсь, были годы, когда С. М. Соловьев оставался едва-ли не единственным профессором этого предмета в русских университетах, профессором русской истории московским и всея Руси, как мы тогда в шутку его называли. Под его ученое руководство стал начинавший тогда свою ученую деятельность магистрант Г. Ф. К. В 1863 г., когда Г. Ф. К. писал свое первое изследование: "Очерки из истории российской церковной иерархии", Соловьев издал столь памятный XIII т. своей Истории, которым оканчивал повествование о древней Руси и переходил к разсказу о новой России. Трудный и медленный ход образования и устроения Московскаго государства впервые в нашей историографии был изображен в полном, глубоко обдуманном повествовании со множеством новых подробностей, прямо и целиком вынесенных на свет из неизданных, преимущественно архивных источников. Два впечатления глубоко врезывались при чтении томов Истории, посвященных судьбам Московскаго государства, особенно тех из них, в которых описаны события XVII в. Ясно становилось во-первых, как мало знали у нас силы и условия, строившие этот своеобразный политический склад, называвшийся Московским государством, и во-вторых, – какой обильный материал для истории этого государства таится нетронутый в наших архивах. Этими впечатлениями и определился для Г. Ф. К. круг любимых предметов историческаго изучения, круг не широкий, но тем резче очерченный и тем сильнее возбуждавший энергию исследователя. Внимание его последовательно останавливалось на самых решительных кризисах, какие пережила Московская Русь в своей работе над государственным объединением русскаго народа. Нет нужды припоминать, что события, случившияся тогда на западной окраине русскаго государства, могли только укрепить в принятом направлении такого цельнаго ярославскаго великоросса, каким был Г. Ф. К. Первый его ученый опыт: "Очерки из истории российской церковной иерархии" (в Чтениях Общ. Ист. и Др. Росс. 1864 г.) был посвящен изучению церковно-нравственных сил, поддерживавших в XIV и XV вв. первые шаги Москвы на пути национальнаго объединения русской земли. Потом Г. Ф. К. попеременно останавливался на двух критических моментах, когда Москва после свойственнаго ей терпеливаго выжидания и осторожнаго разсчета средств и обстоятельств, отваживалась наконец предоставить мечу решить, быть или не быть ей политическим средоточием русской земли. В 1866 г. в тех же Чтениях издана была магистерская диссертация Г. Ф. К.: "История борьбы Московскаго государства с Польско-Литовским (1462–1508)". Здесь очень живо изображено, с какою находчивостью и удачею разстраивало мос-

ковское правительство запутанную игру разнообразных сил, сцеплявшихся рука с рукой для борьбы с ним, русскаго Новгорода Великаго, русских удельных князей, азиатских степняков и литовско-польскаго соседа Москвы. – Другим моментом было возсоединение Малороссии с Великой Россией в царствование Алексея Михайловича. Но к этому моменту. Г. Ф. К. приступил с чисто-великорусскою осторожностью. Здесь он встретил в литературе старый, запутанно сплетенный из увлечений, предразсудков и недоразумений, исторический миф о Богдане Хмельницком, который предстояло распутать и снять с прикрытаго им историческаго факта. Где историческая сказка держится не тем, что ее принимают за быль, а тем, что ею хотят прикрыть неприятную быль, там изследователю приходится не только возстановлять подлинный факт, но и разследовать, как могли или для чего хотели изменить его подлинный вид. Эту двойную работу, розыск затерявшейся исторической правды и разрушение тенденциознаго вымысла, и предпринял Г. Ф. К. в своей докторской диссертации 1870 г.: "Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся". Уже и в предшествующей диссертации очень заметно обнаружился твердо усвоенный автором прием вести изложение исторических фактов в неразрывной связи с тщательным критическим разбором источников. Идя этим путем, он взвесил и оценил сравнительное значение Литовской метрики и московских дипломатических статейных списков, как источников для истории борьбы Московскаго государства с Польско-Литовским. Обращаясь к изучению истории Малороссии в XVII веке, Г. Ф. К. начал работу тщательным разбором важнейших ея источников, которые сильно замутила и засорила продолжительная борьба этой страны с Польшей и с самой собой. Безспорная заслуга Г. Ф. К. состоит в том, что он с большой смелостью и уменьем отделил в этих источниках первоначальныя чистыя струи от позднейших примесей, которыми питалось баснословие о Богдане Хмельницком. Чтобы показать, в каком виде являются события малороссийской истории XVII в. после такой очистки ея источников, Г. Ф. К. сделал опыт критическаго изложения первых шагов Богдана Хмельницкаго на поприще освободителя своей родины от иноземнаго ига, издав в 1873 г. "Начало исторической деятельности Богдана Хмельницкаго". Это во многих отношениях любопытный и поучительный историко-критический этюд, в котором каждое данное бережно вынимается из стараго документа или сказания, отряхается от приставшей к нему пыли и ставится на свое место в ряду исторических фактов.

Но написав статью или книгу о занимавшем его предмете, Г. Ф. К. не разставался с ним, как с покончeнным делом. Любовь к неизданному архивному документу побуждала его вынести из архива и показать всем те столбцы и книги, над которыми он работал. Последния 12 лет своей жизни он посвятил изданию памятников, с которыми были связаны или соприкасались его изследования. Напечатанные им 4 тома "Памятников дипломатических сношений Московскаго государства" в XV – XVI в. (в Сборнике Императорскаго Русскаго Историческаго Общества) и 2 тома актов по делу о возсоединении югозападной Руси с Московской в XVII в. (в изданиях Археографической Коммиссии) входили в задуманный им обширный план полнаго систематическаго издания документов, касающихся деятельности московской дипломатии тех веков. Эти томы занимают видное место среди изданий подобнаго рода и долго будут поддерживать благодарное воспоминание об издателе среди занимающихся изучением русской истории.

Всегда приятно видеть в историческом изследователе тесную связь честнаго политическаго убеждения с направлением его ученых трудов. У покойнаго Г. Ф. К. пыльная архивная работа, посвященная изучению давней борьбы отечества с его врагами, согревалась твердым патриотическим настроением, – согревалась, но не разгорячалась. При обсуждении самых жгучих для него вопросов, в разгаре полемики, его не покидал трезвый и наблюдательный взгляд на историческия дела и лица, выработанный его привычкой относиться к житейским явлениям прямо и просто, без затейливых мудрований. Читая его последний, предсмертный труд: "В защиту Богдана Хмельницкаго", невольно останавливаешься на многих суждениях защитника, удивляясь их простоте, здравомыслию и внутренней убедительности. Такое отношение к изучаемому предмету было оправдано и награждено. В свое время покойному больно досталось от затронутых им местных предразсудков и возбужденных негодований за его будто бы слишком московское, предубежденное отношение к малороссийскому герою XVII в. и его делу. И что же? Уже лежа на постели, с которой ему не пришлось встать, он принужден был во имя своего стараго московскаго взгляда на Богдана Хмельницкаго защищать его от одного из тех местных отношений к нему, во

имя которых некогда возставали на московскаго изследователя, как на предубежденнаго обидчика украинскаго героя. При этом московский апологет украинскаго вождя от украинских обвинений выразил истинно-великорусское отношение к кости от костей своего племени, к украинской его ветви, закончив свою апологию Богдана следующими почтенными словами: "Народ, могущий выставить из себя Богдана Хмельницкаго и не отступать в продолжение веков от раз высказаннаго своего обещания: "Боже утверди! Боже, укрепи! чтоб есми во веки едино были – такой народ заслуживает полнейшаго сочувствия и уважения".

Да сохранится в нашем Обществе добрая память по его покойном члене, усердно ему служившем и радевшем и много потрудившемся на пользу той науки, которой оно служит!

Учреждение премии имени Геннадия Федоровича Карпова

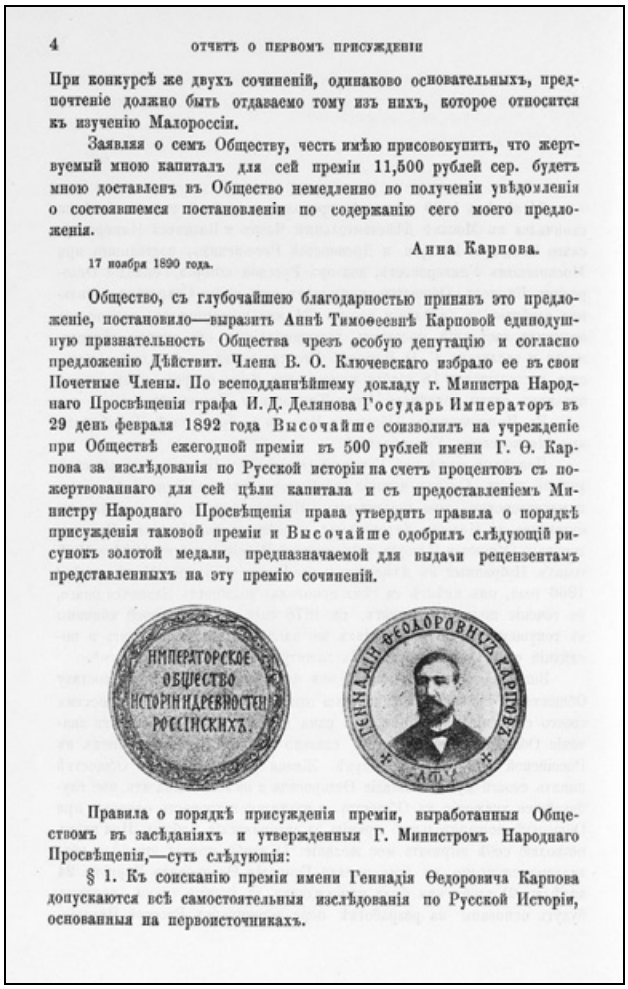
(отчет о присуждении премии[9]).

24 апрѣля 1890 г. послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни скончался въ Москвѣ Дѣйствительный Членъ и Казначей Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, состоящаго при Московскомъ Университетѣ, докторъ Русской исторіи, Геннадій Ѳедоровичъ Карповъ. Общество, выслушавъ отъ своего Секретаря печальное извѣстіе, въ засѣданіи своемъ 24 мая постановило:—первое изъ осеннихъ засѣданій посвятить воспоминаніямъ объ ученой дѣятельности и заслугахъ Г. Ѳ. Карпова. Это чрезвычайное засѣданіе Общества, состоявшееся 18 ноября тогоже года, было открыто слѣдующимъ письмомъ вдовы покойнаго Анны Тимоѳеевны Карповой:

Въ Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Покойный мужъ мой Геннадій Ѳедоровичъ Карповъ первый свой ученый трудъ „Очерки исторіи россійской церковной іерархіи", также и магистерскую свою диссертацію „Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ" напечаталъ въ Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ въ 1864 и 1870 годахъ. Избранный въ Дѣйствительные Члены Общества 15-го октября 1866 года, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ исполнялъ должность Казначея онаго, въ теченіе почти 12-ти лѣтъ, съ 1878 года по день своей кончины въ текущемъ году. Въ Чтеніяхъ же наконецъ напечаталъ онъ и послѣдній свой ученый трудъ: „Въ защиту Богдана Хмельницкаго".

Зная, какъ высоко цѣнилъ онъ честь принадлежать къ составу Общества и съ какою горячностью относился онъ къ обязанностямъ своего служенія при ономъ, я и сама научилась высоко ставить значеніе Общества, съ которымъ связано столько славныхъ именъ въ Россійской Исторической наукѣ. Желая увѣковѣчить въ Обществѣ память своего мужа Геннадія Ѳедоровича и вмѣстѣ выразить мое глубочайшее уваженіе къ Обществу, я изъявляю готовность основать при Обществѣ поощрительную премію за историческія работы. При этомъ позволяю себѣ выразить мое желаніе: 1) чтобы премія эта была объявляема ежегодно въ день памяти Геннадія Ѳедоровича Карпова 24 апрѣля; 2) чтобы она была присуждаема за ученые труды, которые будутъ основаны на разработкѣ первоисточниковъ Русской Исторіи.

4 ОТЧЕТЪ О ПЕРВОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ

При конкурсѣ же двухъ сочиненій, одинаково основательныхъ, предпочтеніе должно быть отдаваемо тому изъ нихъ, которое относится къ изученію Малороссіи.

Заявляя о семъ Обществу, честь имѣю присовокупить, что жертвуемый мною капиталъ для сей преміи 11,500 рублей сер. будетъ мною доставленъ въ Общество немедленно по полученіи увѣдомленія о состоявшемся постановленіи по содержанію сего моего предложенія.

Анна Карпова.

17 ноября 1890 года.

Общество, съ глубочайшею благодарностью принявъ это предложеніе, постановило—выразить Аннѣ Тимоѳеевнѣ Карповой единодушную признательность Общества чрезъ особую депутацію и согласно предложенію Дѣйствит. Члена В. О. Ключевскаго избрало ее въ свои Почетные Члены. По всеподданнѣйшему докладу г. Министра Народнаго Просвѣщенія графа И. Д. Делянова Государь Императоръ въ 29 день февраля 1892 года Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Обществѣ ежегодной преміи въ 500 рублей имени Г. Ѳ. Карпова за изслѣдованія по Русской исторіи на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго для сей цѣли капитала и съ предоставленіемъ Министру Народнаго Просвѣщенія права утвердить правила о порядкѣ присужденія таковой преміи и Высочайше одобрилъ слѣдующій рисунокъ золотой медали, предназначаемой для выдачи рецензентамъ представленныхъ на эту премію сочиненій.

Правила о порядкѣ присужденія премій, выработанныя Обществомъ въ засѣданіяхъ и утвержденныя Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія,—суть слѣдующія:

§ 1. Къ соисканію премій имени Геннадія Ѳедоровича Карпова допускаются всѣ самостоятельныя изслѣдованія по Русской Исторіи, основанныя на первоисточникахъ.

Листы издания ЧОИДР с информацией об учреждении премии им. Г. Ф. Карпова, 1894.

Переписка Карповых

Письмо Геннадия Федоровича супруге Анне Тимофеевне

1-е письмо[10]:

Милая Анет

Я слава Богу здоров. Писем от Тебя третий день не получаю, безпокоюсь о вашем здоровье, да и не сердишься ли Ты на меня, что я в такое время оставил Тебя одну. [нрзб]

Я бы Тебя просил выслать камень на железную дорогу […]

За сим будь здорова, Господь с Тобой, благословляю […] *любящий тебя муж.*

Г. Карпов. 9 февр. 87.

Сижу дома, делать нечего, об Вас все тоскую – скоро ли увижу. […]

Письма Анны Тимофеевны мужу Геннадию Федоровичу
(большинство писем написаны в усадьбе Сушнево)

2-е письмо[11]:

Милый Друг!

Сейчас только получила твое письмо от 9-го и узнала, что ты не приедешь в Сушнево. Разумеется делай, как думаешь лучше. Мне трудно отсюда судить, какие там у тебя дела, хотя и здесь Николай Егорович тебя ждет, потому что рабочие должны гулять. Распорядись письменно, что им делать на усадьбе. Может им хватит класть кирпича. Оранжерею ты велел оставить доделывать Филиппу, так говорил мне Николай Егорович. Мне удобно, если Ты приедешь к им, тогда я могу поехать на несколько дней в Москву. Детей можно послать в Сушнево с Олимпиадою. […]

Вспоминай о том, что и Лёля [дочь Елена] *и девочки здесь скучают. Зови кого только возможно из молодежи. Вообще помышляй о женихах. Ты мало об них думаешь.* [нрзб] *Василия Осиповича* [Ключевского] *и* [его сына] *Борю пригласи на мои именины.*

3-е письмо[12]:

Милый Друг!

Анюте лучше, Слава Богу, у нея оказалось застужено горло. Она поехала с больным горлом, я боялась ее удержать, думая, что Ты рассердишься, что я их не посылаю. Она застудила горло и шею, вероятно у нея тоже и лихорадка будет, так как она очень похудела и изменилась. В доме сыро и я сержусь на Олесова [управляющий имением Сушнево]. *Высушить его вдруг даже при теперешней чудной погоде сразу нельзя. Вообще я сержусь на всю прислугу.* […] *Приехать 1-го я могу в Москву, там с тобой спишемся. Маша сегодня захворала желудком, надеюсь что это не будет история, как с Анютою. Перекрести и поцелуй детей. Любящая тебя жена Анна Карпова.*

4-е письмо[13]:

[…] *Сегодня день рождения Юрочки, поздравляю тебя с новорожденным 8 лет. Слава Богу, вижу его восьмилетним, а думала что умру, не подержав его на руках. «Слава Богу, Добродетелю нашему всегда и ныне и присно во веки веков. Аминь». Вот что говорю от глубины моего сердца. Молю, чтобы Милость его Великая осталась с нами. Аминь.*

Господь с Вами, поцелуй и перекрести детей. Любящая тебя жена Анна Карпова.

Лекарства по этим рецептам привези, когда приедешь, не забудь. [21.04.1889]

5-е письмо[14]:

Милый Друг!

Очень рада и благодарю Бога, что у Вас там все здоровы. Девушка приехала и привезла нам письма. Погода холодная, как бы только не простудились. Наташе Слава Богу, лучше сегодня, днем температура 37,2, надеюсь, что больше не поднимется. Всё таки я с ней очень осторожно так, как и боюсь без настоящего доктора и вообще она простудлива. Поэтому не знаю, когда ее спущу, позволю походить и когда вымою, поэтому до тех пор не могу и думать уехать отсюда. Потому на счет Коли и девочек, как поступить, чтобы переправить их сюда. Колю бы только не задержать, его жалко, а Лёля может свободно ждать Алевтину, ей всё равно это. Колю бы хотелось переправить, как только он кончит, не задерживай его в городе. Но придумывай сам как устроить, мне отсюда трудно сказать. Прошу только береги детей, чтобы не простудились. Если увидишь Ключевскаго, зови его к нам с Борей летом. Господь с Вами, перекрести и поцелуй детей.

Любящая тебя жена Анна Карпова. Все другие дети здоровы.

6-е письмо[15]:

Милый Друг!

То что Вы собираетесь с Колею к Троице [в лавру]*, я тому очень рада и очень это одобряю. Одно только боюсь, что по этой холодной погоде, чтобы Коля не простудился.* […] *Нашел ли Ты конверт с записками о детских деньгах у меня в письменном столе. Еще забыла тебя попросить 2000* [руб.] *Восточного Займа, который куплен из дивиденда для Анюты, положить в отдельный конверт и надписать «Анюте на жемчуг» это ее подарок на рождение. Еще вынь из Лениного сундучка бриллиантовый крестик (их там два одинаковых, всё равно какой один Анюте, другой ея) и закажи Немировым-Колобинным, сделать точно такой для Наташи ко дню ее рождения 30-го Мая. Ей минет 16 лет, а мы с тем подарим крестики бриллиантовые и ей так же нужно одинаковый подарить. Мы здесь все Слава Богу здоровы. Господь с Вами. Поцелуй и перекрести детей.* […]

7-е письмо[16]:

Милый Друг!

Прошу не простуди только Колю. Погода опять сделалась холодная. Если поедешь к Троице, я немного побаиваюсь. Еще хотя и сердилась на Иринарха [племянник], *но всё таки думаю* […] *позволь ему ходить по Воскресеньям, особенно теперь девочки уедут и безобразия никакаго нельзя сделать. Малышкам едва ли он помешает учиться, они теперь не особенно им восхищаются. Костя* [племянник] *теперь должен скоро уехать, пускай они навидаются. Нельзя же уже так гнать Иринарха, хотя он и не особенно хороший мальчик. Ну Бог с ним. Сейчас получила депешу, что Коля выдержал хорошо. Очень рада и благодарю за это Бога. Поцелуй за это Колю и береги его пожалуйста в поездке. Особенно дай ему отдохнуть на другой день. Погода холодна, это надо иметь в виду. Здесь мы все слава Богу здоровы. Отчего не переправляешь лошадей* […]

8-е письмо[17]:

[…] *Что твое здоровье? Это меня очень беспокоит. Помогает ли тебе лечение молоком. Надеюсь получить от тебя письмо, утеши известием, приедешь ли Ты с Федею на праздники. Сегодня здесь был небольшой дождь с градом, чуть лучше прибило пыль. Очень холодно, везде топим. Мы здесь все Слава Богу. Хорошо бы было, если бы Вы приехали, но делайте как найдешь удобным для себя. В доме вероятно холодно, велите протапливать, но может и ничего, он так накалился за жаркую погоду. Господь с Вами, перекрести и поцелуй Федю.* […]

9-е письмо[18]:

[…] *Приехали благополучно, Благодарение Богу! Здесь прелесть, как хорошо. Береги детей. Умоляю не зови Барсова и не пей. Особенно береги Алевтину, я об ней более всех скучаю* […]

10-е письмо[19]:

Милый Друг!

Пришлось с тобою разъехаться. Погода настолько хороша, что я дольше оставаться в Москве ради детей не захотела. […] *Ты назначь срок, сколько мне теперь жить в Сушневе, я так и постараюсь устроить свои дела. Детей заставляй учиться, гоняй со двора. Господь с Вами* […]

11-е письмо[20]:

Милый Друг!

Анюта все еще не совсем поправляется, хотя сегодня боль в затылке лучше, но жар всё еще есть. Я не могу себе объяснить, какая это у нея болезнь и очень мучусь. Разумеется, если завтра не падет температура, то надо будет звать Глаголева. Анюта ужастно исхудала, просто страшно смотреть. Я так браню себя, что позволила ей полубольной переехать. […] *Погода прелесная. Но я целые дни сижу с Анютою и совсем не гуляю. Дети целый день на дворе даже Генаша, который с утра* […] *в саде. Им вообще здесь прелесть, жаль только, что Анна захворала. В доме сыро, Николай Егорович очевидно его не топил и не проветривал.*

Господь с Вами. Перекрести и поцелуй детей. Любящая тебя жена Анна Карпова.

12-е письмо[21]:

[…] *Получила сегодня твое письмо, рада, что Ты попадешь на Заседание с Государем; но все-таки очень желаю, чтобы Ты поскорее представился Государю и мог бы поскорее приехать. Хотя, разумеется это очень счастливо устраивается, что ты теперь в Петербурге. У нас Благодарение Бога всё идет хорошо. Юрочка и Оля поправляются и Генаша еще не заболевал. Завтра думаем вымыть Зиночку, и няня вернется к Генаше, что будет очень, очень хорошо. Завтра рождение Оленьки, я тоже хочу вымыться, пойти в церковь. Вечером думаем поехать в концерт студенческий. Абонемент нам при досадно совпадает с вечерами Музыкальнаго Общества. Кремянский уехал сегодня в очень хорошем расположении духа, ему предлагают здесь заниматься в Военном Госпитале и кроме того было несколько консультаций со здешними врачами. Он слушал с Глаголевым Федю и Сашу и кажется остался очень доволен. У Саши оказалась очень хорошая грудь, дыхание сильнее много нормального, но Кремянский советовал ему беречь сердце, он говорит, что у него оно не нормально развивается от чрезмерных гимнастических и физических упражнений. У Феди грудь не много слаба и следы бывшей болезни остались, но Кремянский говорит, что важного ничего нет и с возрастом это пройдет. Завтра поеду к мамаше. Зинаида Григорьевна приглашала Тиму, Лёлю и Анюту в свой 1-й Абонемент и они ездили*

с ней. Савва в Петербурге. Очень буду рада когда получу известие о твоем приезде. Дела много к лету, и хорошо если Ты дома, может я в Сушнево съезжу. Не забудь фотографии заказать у Левицкаго.

Целую крепко Любящая тебя жена Анна Карпова.

Письма Геннадия Федоровича своим детям

13-е письмо[22]:

Милые мои дочки Леля, Анюта, Наташа и Алевтина.

Благодарю вас за письма. Они меня очень радуют, но и наводят грусть: за чем я не с вами! Об этом, что я не с вами, очень жалею, но должен может быть еще целую неделю прожить в Петербурге. Здесь от моего имени печатается большая книга, которую я должен окончить и когда кончу, то говорят, что ее следует представить царю. Боюсь только, что пожалуй не успею кончить, но буду стараться. Царю представляться большое счастие, но оно мне грустно тем, что в это время не с вами мои милые детки.

Верю вашей ко мне любви. Бог милостив скоро увидимся, неделя скоро пройдет. Поцелуйте за меня маму, скажите чтобы она берегла свое здоровье, а вы старайтесь давать ей покой.

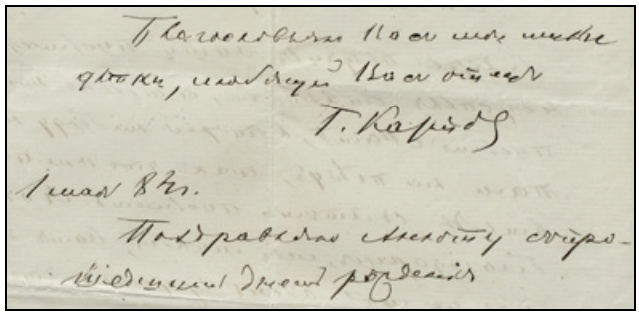
Благословляю вас и всех братьев и сестер, любящий вас отец Геннадий Карпов.

24 апреля 1884 года С-Петербург.

14-е письмо[23]:

Милые мои детки.

Вчера получил ваши письма, не успел ответить, а только написал письмо Маше, которое на беду не попало на поезд, так что оно получится вместе с этим письмом. Я очень благодарен, мои милые, вам за письма, но мне очень грустно что вас невижу. Вероятно в пятницу или в субботу вечером выеду и как буду рад вас перецеловать – это и сказать трудно. Мне очень – очень скучно без вас, как только теперь благополучно возвращусь, то буду стараться с вами не расставаться.

Конец письма детям, 1884.

Передайте Маме, сейчас я был у министра Народнаго Просвещения. Он принял меня чрезвычайно любезно; обязался немедленно доложить государю о приеме и что государь меня примет после четверга.

Благословляю вас мои милые детки, любящий вас отец Г. Карпов. 1 мая [18]*84 г.*

Поздравляю Анюту с прошедшим днем рождения.

Письма Клавдии Анатольевны Карповой сыну Геннадию

15-е письмо[24]:

Милый сын мой Геннадинька!

Желаю тебе быть здоровым, – посылаю тебе 15 р. сер. Напиши мне, сколько еще тебе нужно прислать денег, чтобы достало до самаго приезда твоего на лето. Еще уведомь сколько ты отдал портному Краузя и что узнал относительно помещения детей в Военное Училище.

Еще уведомь меня, когда кончатся экзамены и поподробнее и сколько тебе нужно окончательно денег, чтоб приехать в Иванцево потому что я должна занять денег для тебя или серебро продать […] *Любящая тебя душевно, мать К. Карпова.* [Иванцево?, нач. 1860-х?]

16-е письмо[25]:

Любезный мой друг и драгоценный сынок Генадий Федорович!

Я очень безпокоюсь, что здоров ли ты, мой Ангел до сих пор нам не отвечал. В последний раз мы к тебе четвергом писали я, Всеволод и Варенька с мужем, и ты никому не отвечаешь более месяцу. И я страшусь, здоров ли ты хоть бы. Иринарх написал, я бы немедля приехала. Ради бога уведомь меня, а то я праздник буду в неведении и сокрушаться об твоем здоровье. Хотя и далече от тебя живу, но буду покойна что Вы благополучны […] *дай бог, чтобы Вы были здоровы, тебе и Иринаришку мое благословение* […] *пожалуйста неделай издержек для свидания и Иринаришку не-*

отпускай. Я неимею средств заплатить за дорогу, у меня все серебро и ризы серебрянные заложены, говядины куска не на што купить […]

1863, 19 декабря, Клавдия Карпова. [Иванцево?]

Письмо Анатолия Федоровича Карпова брату Геннадию

17-е письмо[26]:

Брат Геннадий Федорович, 8/12.89

Лично я с тобой немог в среду поговорить, да и в Воскресение наверное неприложится. У меня взяли из жалованья начет на февраль месяц 13 р. 98 к., да за сажень дров 7 р. Так что я получил жалованья только 9 рублей, из них за комнату 7 рублей [отдал]. *Будь любезен, помоги сколько нибудь. Начет возвратят через три месяца с вычетом по 25 к. с рубля. А. Карпов.*

Письма сестры Варвары Федоровны Бабушкиной и ее мужа Дмитрия Константиновича

18-е письмо[27]:

Сентября 25, 1874 года.

Добрыя мои родныя, братец Генадий Федорович, и сестра Анна Тимофевна.

Благодарю вас за утешительное ваше письмо, конечно воля Божья, но все как то невольно тоскуешь и винишь себя. Иринарх мой сын, слава Богу выздоровел, но следы оспы остались на лице и глаза болят, но надеюсь что это все пройдет. А у меня глаз болит от самой Леночкиной смерти, вот уже пятый месяц от мая […]

Дмитрий Константинович привез из Ростова примочки, пользы нет. Дядинька [Ларий Анатольевич Карпов] *сделал мазь, и тоже пользы нет, и так думаю съездить к доктору в Ростов.*

Дай Бог, чтобы вы были здоровы и, также дети ваши. Это настоящее наказанье для Родителей, когда дети больны. Скажу вам, как время проводим в деревне. Лето у нас было в суетах и погода была довольно неблагоприятная. И я еще была убита горем, но теперь стала свыкаться с этим чувством и осень лучше лета. Дни прекрасныя, грибов много, я охотница за грибами ходить. И каждый день ходим в лес, штук сто и полтораста я принесу и белых грибов, также Дмитрий Константинович. Для меня развлечение большое грибная охота. Дядинька у нас был недавно и я его старика зманила идти за грибами, и он с удовольствием ходил, и мы ему брали, с ними отпустили домой. Мы довольно отварили и насушили, я привезу вам. Не знаю когда приехать, нынешнюю зиму я свободна. И также варенья довольно наварила, у нас было много крыжовнику. Не зная, любите ли вы это варенье, я на ваше имя варила.

И так прощайте мои дорогие братец и сестрица. Незнаю, как выразить мою благодарность за приложение пятидесяти руб., что для нас составляет много помощи при нашем состоянии. Дай Бог вам всех благ и милостей от Бога, много любящая вас сестра. Варвара Бабушкина.

19-е письмо[28]:

Любящий братец Геннадий Федорович.

Очень вам благодарен за внимание, извините, что долго не отвечали. Ваше письмо получили 6-го августа, у нас довольно трудна корреспонденция. У нас недавно был Ларий Анатольевич и просил написать от него Вам поклон, а также уведомить, получили ли Вы книги, которыя давали ему читать. Прошу Вас засвидетельствовать от меня почтение супруге Вашей Анне Тимофевне.

При желании Вам всего лучшего, остаюсь любящим Вас брат Д. Бабушкин.

Письмо племянника Иринарха Дмитриевича Бабушкина Геннадию Федоровичу

20-е письмо[29]:

Орехово, декабрь, 2 д., [18]*89 г. Добрый дядя!*

Письмо Ваше получил. Виноват. – Я живу слава Богу, дела благополучны. Я к вам опять с просьбой. Я оклеил комнату, купил теплые сапоги, брюки, шарф и носки и друг. мелочи. Никак нельзя обойтись, все нужно. Харчи то у нас очень дорого сходят, если считать со всем с чаем и хлебом бельем, [то получится] *16 руб. А еще меня хотели перевести куда нибудь в семейство, где за харчи нужно платить 20 р., а мне жалов.* [жалованье] *то 20. – Я конечно сказал, что мне так не удобно, во 1-х из чужих рук глядеть, а во 2-х дорого.*

Вы может быть подумаете, что я напрасно деньги трачу, т.е. на пустяки. – Нет, это можете справиться. Если я на охоту хожу, то с чужим ружьем, и хожу собственно для провождения

праздника. А потому я еще задолжал в роз. магаз. 17 руб. Ей Богу никак нельзя, всем нужно обзавестись. Дается только комната голая да койка. Теперь все купил, больше ничего не нужно будет. Я на днях получил письма из Иванцева, пишут, не могу ли я приехать на Рождество. Здесь насчет этого лучше Москвы отпускают, можно попроситься будет или нет.

Извините меня, что я вам вторично пишу, и прошу денег. Рад бы как нибудь сам пробыться, да жалованье то все почти съедаю. Прощайте, любящ. вас. И. Бабушкин.

Письма супругов Карповых родственнику архимандриту Леониду (Кавелину)

21-е письмо[30]:

Не знаю, как и благодарить добрейшаго Кума за память и истинно драгоценный подарок – за присылку нам на благословение от святых мощей великаго чудотворца Его иконы. Преподобнаго Сергия нашего общаго и постояннаго молитвинника, мы как русские люди в особенности почитаем.

Хотя на днях я и был в Москве, но не решился в первое время Вашего вступления в управление Лаврой беспокоить Вас своим посещением. В конце июля собираюсь в Казань на Ахреог. Съезд и перед отъездом на матушку Волгу, постараюсь заехать помолиться к Преподобному Сергию и повидаться с Вами. Семья наша, слава Богу, здорова и все кругом идет по старому; только после Вашего отъезда из наших краев все как-то стало пусто.

Еще раз от всей души благодарим за икону Преподобнаго Сергия и остаемся искренно Вас уважающие и любящие Геннадий и Анна Карповы.

22-е письмо[31]:

20-го апреля [1891]

Христос Воскресе!

Ваше Высокопреподобие Многоуважаемый Кум Отец Леонид!

Приношу Вам вместе с крестниками Вашими поздравление с Светлым Праздником Христовым. Желаем Вам добраго здоровья и спокойствия. Усердно благодарю Вас за внимание Ваше и присылку Вашей книги. […] *24-го апреля исполняется год смерти моего Геннадия Федоровича помяните его в Ваших молитвах* […] *Для меня этого года не существовало и кажется горе мое теперь сильнее чем было первое время. С искренным и глубоким почтением к Вам остаюсь Анна Карпова.*

Письма историка профессора Сергея Михайловича Соловьева Геннадию Федоровичу

23-е письмо[32]:

Ваше Высокоблагородие Геннадий Федорович.

Имею честь поздравить Вас с высокоторжественным праздником Рожеством Христовым.

Искренне желаю Вам доброго здравия и совершенного благополучия и всего прекрасного.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть Вашим покорным слугой С. Соловьев

Декабрь 24. [1880?]

24-е письмо[33]:

Его Высокоблагородию Геннадию Федоровичу.

По долгу крестьянскому считаю за приятную обязанность поздравить вас с Высокоторжественным праздником Светлого Христово Воскресения, желаю вам встретить и проводить в совершенном благополучии.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть ваш покорный слуга С. Соловьев.

1881 Апрель 11.

Письмо Анны Тимофеевны историку Василию Осиповичу Ключевскому

25-е письмо[34]:

Многоуважаемый Василий Осипович!

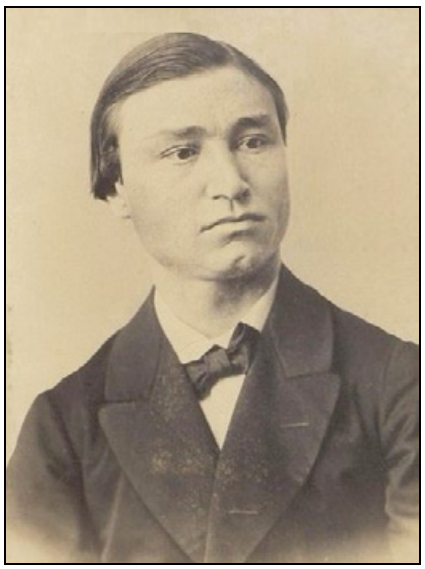
Простите, что безпокою Вас, но всё таки решаюсь просить Вас, не найдете ли Вы возможным пересмотреть и подготовить к печати читанное Вами в Обществе о Геннадии Федоровиче. Хотелось бы видить это и иметь. Может быть теперь по случаю праздников Вы будете сколько нибудь посвободнее и найдете свободные минуты для этого. Если можно, очень прошу Вас об этом, и буду Вам сердечно обязана за это.

С истинным к Вам уважением и благодарностью остаюсь Анна Карпова.

Краткие биографические сведения о супругах Карповых и их детях

(по книге Филаткиной Н. А. "Династия Морозовых"[35] (*текст набран курсивом*), с добавлением сведений с генеалогического сайта geni.com[36] и из архивных дел).

Геннадий Федорович Карпов (20.01.1839, Углич – † 24.04.1890, Москва, Болдино).

Г. Ф. Карпов[37].

А. Т. Карпова (ур. Морозова), (архив Ненароковых).

Один из любимых учеников историка С. М. Соловьёва. Учился в Борисоглебском духовном, Ростовском уездном училищах, Ярославском Демидовском лицее. Окончил Московский университет. Доктор русской истории, […] *действительный статский советник. Член Русского исторического общества, Археографической комиссии, Общества истории и древностей российских, а позже казначей этого общества. Кавалер орденов: св. Станислава 1 ст., св. Анны III ст., св. Владимира III ст.,* св. Владимира IV ст. *Друг В. О. Ключевского. Владелец усадьбы Брыково Звенигородского уезда Московской губернии* и Сушнево Покровского уезда Владимирской губернии. Начал строительство Боголюбской церкви на ст. Болдино близ имения Сушнево. Неоднократно избирался гласным земского собрания и мировым судьей Звенигородского уезда (в конце 1870-х – начале 1880-х гг.).

Геннадий Федорович прожил 51 год. *Отпевали в церкви Иверской Божией Матери на Большой Ордынке. Похоронен при церкви села Болдино Покровского уезда Владимирской губернии.*

Жена **Анна Тимофеевна Карпова** (ур. **Морозова,** *1849 – † 18.02.1924, Москва).*

Из рода купцов старообрядцев Морозовых, старшая дочь Тимофея Саввича и Марии Федоровны, сестра известного мецената Саввы Тимофеевича. *Пайщица Товарищества Никольской мануфактуры "Саввы Морозова сын и К°". Московская домовладелица (Большая Ордынка, 36 – 38). В браке с 8 января 1869 года, венчалась в московской Троицкой единоверческой церкви.* […] *В память о муже учредила Карповскую премию в Московском университете за лучшие исторические работы (вручалась ежегодно* [1893] *– 1917). Материально поддерживала Марфо-Мариинскую обитель и земские школы во Владимирской губернии. По сведениям М. Г. Смольяниновой, жертвовала средства на сооружение Музея изящных искусств, хотя и не входила в Комитет по его созданию. Пожертвовала 130 тыс. руб. на создание корпусов Староекатерининской больницы. Владелица усадьбы Брыково Звенигородского уезда Московской губернии и Сушнево Покровского уезда Владимирской губернии. В с. Болдино близ своего имения Сушнево открыла библиотеку для крестьян, построила и оборудовала больницу и* [достроила] *церковь во имя Боголюбовской Божией Матери (арх. Н. В. Карицкий, освящена 6.06.1893). Почетный член Общества истории и древностей российских и действительный член Православного Палестинского общества.*

Анна Тимофеевна прожила 74 года. *Похоронена на Рогожском кладбище в усыпальнице Морозовых-Тимофеевичей.*

В семье выросло 15 детей: шесть сыновей Тимофей, Федор, Александр, Николай, Георгий, Геннадий и девять дочерей Елена, Анна, Наталья, Алевтина, Мария, Клавдия, Ольга, Зинаида, Варвара. Род продолжается по нескольким ветвям. Всех внуков у историка насчитывается 54.

1. Тимофей Геннадиевич Карпов (9.01.1870, Москва – *† 1932, Архангельск).*

Т. Г. и М. Д. Карповы
(архив Смольяниновых).

Потомственный дворянин. Окончил юридический факультет Московского университета [в 1896 г.[38]]. *Статский советник. Служил в Московской судебной палате. Кандидат в директора Московского акционерного общества Экипажно-автомобильной фабрики "П. П. Ильин". Почетный мировой судья, предводитель дворянства Звенигородского уезда (1917). Гласный Московского губернского земского собрания. Член бюро для приискания занятий, состоящего под покровительством великой княгини Елизаветы Фёдоровны, председатель ревизионной комиссии Попечительного комитета Сергиево-Елизаветинского трудового убежища для увечных воинов Русско-японской войны, член Московского благотворительного общества 1837 года, член совета Варваринского сиротского дома Лобковых и пр. Староста Иверской церкви на Б. Ордынке (Москва)* [1915–1929]. *Почетный мировой судья Покровского уезда Владимирской губернии. Владелец имения Сушнево Владимирской губернии.* Владел также землями в Звенигородском уезде, подаренными матерью А. Т. Карповой. В 1916 г. проживал в Москве ул. Кузнецкая, д.11.

Убит уголовниками в тюрьме г. Архангельска.

Жена **Мария Дмитриевна Карпова** (ур. **Лепёшкина,** *1876, Москва – † 1943, Кушва, Свердловской обл.). Внучка московского городского головы С. Л. Лепёшкина, дочь Д. С. Лепёшкина, представителя старинного купечества, получившего дворянское звание. Московская домовладелица (Новокузнецкая ул., 11). Попечительница Александровской школы Благотворительного общества 1837 года и 4-й городской школы рукоделия. После 1917 года преподаватель иностранных языков. Умерла в ссылке.*

Родной брат Марии Владимир Дмитриевич Лепёшкин был женат на Анне Геннадиевне Карповой, родной сестре Тимофея.

В семье выросло 3 детей: сыновья Геннадий, Дмитрий и дочь Анна. Род продолжается.

2. Елена Геннадиевна Кривошеина (ур. **Карпова,** *22.03.1871, Москва – † 27.07.1942,* Франция).

Е. Г. и А. В. Кривошеины
(архив Смольяниновых).

Потомственная дворянка. В браке с 1892 г. Похоронена на кладбище Сен-Женевьев де Буа под Парижем.

Муж **Александр Васильевич Кривошеин** *(19.07.1857, Варшава – † 28.10.1921, Берлин). Известный государственный деятель. Сын Василия Федоровича Кривошееина и Юлии Ивановны, урожденной Яшинской. Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета. Сподвижник П. А. Столыпина. Пайщик Товарищества Никольской мануфактуры. Глава Крестьянского банка, с 1891 года кандидат в правление Общества Московско-Курской железной дороги, товарищ министра финансов (1906 – 1908), министр земледелия (1910 – 1916), член Государственного Совета, премьер-министр в правительстве Врангеля. Имел ордена Св. Станислава I ст. (1906), Св. Анны I ст. (1908), Св. Владимира II ст. (1912), Белого Орла (1913). Коллекционер западноевропейской живописи.*

Похоронен в Берлине, на кладбище Тегелъ.

В семье выросло 7 детей: пять сыновей Василий, Олег, Игорь, Всеволод, Кирилл и две дочери Ирина, Нина. Род продолжается.

Сын Всеволод стал монахом, в 1960 г. наречен епископом Брюссельским и Бельгийским.

3. Анна Геннадиевна Лепёшкина (ур. **Карпова,** 30.04.1872, Москва – *† ?.11.1919, Москва).*

Потомственная дворянка. Московская домовладелица (Пятницкая ул., 48). Похоронена на Донском кладбище.

Муж **Владимир Дмитриевич Лепёшкин** *(1869, Москва – † 1933). Потомственный дворянин. Из старинного купечества, внук московского городского головы С. Л. Лепёшкина.* […] *Гласный Московской городской думы (1901 – 1904).* […] *Член Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений. Цитолог. Почетный член Парижской академии наук. Сотрудник биологической станции в Аркашоне (Бордо, Франция). Автор 27 научных трудов. Попечитель Серпуховского 2-го Городского начального училища и член совета Городского ремесленного училища им. Г. П. Шелапутина.* Проживал на Пятницкой ул., 48.

А. Г. Лепёшкина (архив Смольяниновых).

Родная сестра Владимира Мария Дмитриевна Лепешкина была замужем за Тимофеем Геннадиевичем Карповым, родным братом Анны.

В семье выросло 5 детей: сын Сергей и четыре дочери Мария, Анна, Агриппина, Варвара. Род продолжается.

4. Наталья Геннадиевна Лихачёва (ур. **Карпова,** *4.06.1873, Москва – † 1957, Ленинград).*

Потомственная дворянка. В браке с 31 января 1894 г. *Похоронена на Смоленском православном кладбище.*

Муж **Николай Петрович Лихачёв** *(1862, Чистополь, Казанской губернии – † 1936, Ленинград). Потомственный дворянин.* […] *Окончил историко-филологический факультет Казанского университета.* […] *Историк, искусствовед, археолог, академик. Собиратель рукописей, документов XVII – XX веков, автографов деятелей науки и культуры. Автор* [160 научных] *трудов по вспомогательным историческим дисциплинам, по истории книги, древнерусскому и византийскому искусствам, по генеалогии боярства, дворянства, дьяков. Организатор и руководитель Музея палеографии. Член Археологической комиссии.* В 1925 г. избран действительным членом Академии наук СССР, в 1930 арестован и выслан в Астрахань. *Похоронен на Смоленском православном кладбище* в Ленинграде.

Н. Г. и Н. П. Лихачёвы[39].

В семье выросло 10 детей: шестеро сыновей Сергей, Николай, Геннадий, Алексей, Иван, Петр и четыре дочери Анна, Клавдия, Наталья, Мария. Род продолжается.

5. Федор Геннадиевич Карпов (4.06.1874, Москва – *† 3.06.1937, Франция).*

Потомственный дворянин. Окончил Петербургский технологический институт, инженер-технолог. Стажировался за границей. Статский советник. Директор правления Товарищества Никольской мануфактуры "Саввы Морозова сын и К°". [Председатель] *"Общества для содействия улучшению производства мануфактурной промышленности и московского отделения Совета торговли и мануфактур", выборный Московского биржевого общества. Заведующий кафедрой технологии волокнистых веществ Императорского Московского технического училища. Член совета Комиссаровского технического училища, то-*

Ф. Г. Карпов (архив Смольяниновых).

М. Д. Карпова (ур. Морозова), 1913.

варищ председателя Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Московского реального училища К. Ф. Воскресенского, член попечительского совета Московского прядильно-ткацкого училища. Почетный мировой судья Звенигородского уезда. В браке с 1901 года. В Звенигородском уезде владел землею вблизи с. Малинки и д. Полевшина (свыше 400 дес.), подаренной матерью А. Т. Карповой. Проживал в Москве на ул. Бол. Ордынка, д.41.

Жена **Маргарита Давыдовна Карпова** (ур. **Морозова,** *1880, Москва – † 21.09.1934, Франция).* Супруга доводилась мужу троюродной сестрой.

В семье выросло 3 детей: двое сыновей Андрей, Давид и дочь Мария. Род продолжается.

6. Александр Геннадиевич Карпов (7.08.1875, Брыково – † 28.12.1944, Франция).

А. Г. Карпов (архив К. Сабатье).

Е. А. Маршева.

Родился в селе Брыково Звенигородского уезда. Потомственный дворянин. По образованию *агроном 1 разряда. Гласный Московской городской думы. Директор правления Товарищества Никольской мануфактуры, директор Товарищества Окуловской писчебумажной фабрики,* […] *член правления Черноморского банка, выборный Московского биржевого общества, член Московской казенной палаты. Почетный мировой судья Звенигородского уезда.* […] *Участвовал своими средствами в постройке школы им. С. Т. Морозова в имении Филатово Звенигородского уезда.* В 1916 г. жил в Москве на Петроградском ш., д. 34. Во время Гражданской войны находился на юге России, входил в правления нескольких финансовых организаций. *После 1919 года в эмиграции.*

Похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа под Парижем.

Первая жена **Елизавета Павловна Карпова** (ур. **Рябушинская,** *7.05.1878, Москва – † 1921, Москва). Дочь П. М. Рябушинского. Брак бездетный.* […] *Во 2-м браке за архитектором Иваном Владиславовичем Жолтовским (1867 – † 16.07.1959, Москва). Похоронена на Новодевичьем кладбище.*

Вторая жена **Елена Александровна Карпова** (ур. **Маршева,** *1891 – † 1968, Ленинград).* […] *Актриса Московского Художественного театра и Театра-кабаре «Летучая мышь». В 1919 году оставила мужа и детей ради сцены.* В СССР вышла второй раз замуж за бывшего артиста Малого театра Михаила Яковлевича Муратова. *Умерла в Ленинграде, в Доме ветеранов сцены.*

Во втором браке с Маршевой родились дочери Анна и Кира. Они уехали с отцом в эмиграцию. Род продолжается.

7. А**левтина Геннадиевна Ненарокова** (ур. **Карпова,** 28.8.1876, Брыково – *† 15.11.1919, Москва).*

А. Г. и Н. В. Ненароковы (архив Смольяниновых).

Родилась в с. Брыково Звенигородского уезда. *Потомственная дворянка. В браке с 1899 года. Венчались в ц. с. Болдино Покровского уезда Владимирской губернии. Сотрудничала в учреждениях Общества Красного Креста. Владелица имения Завалино Покровского уезда Владимирской губернии. Похоронена в Донском монастыре.*

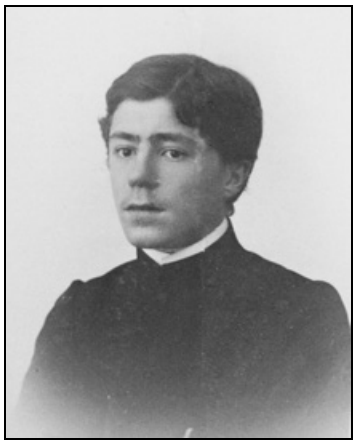
Муж **Николай Васильевич Ненароков** *(1867 – † 26.08.1919, Москва). Потомственный дворянин, сын Василия Фёдоровича Ненарокова и Елизаветы Николаевны Крузенштерн, внучки знаменитого мореплавателя, камергер. Окончил физико-математический факультет Московского университета. Действительный*

статский советник, камергер Двора Его Величества. С 1893 года земский начальник Покровского уезда, с 1906 года непременный член Владимирского губернского присутствия. В 1910 году на посту вологодского вице-губернатора, с 1912 года владимирский вице-губернатор. Также занимал общественные должности: с 1908 года – почетный мировой судья Покровского уезда, принимал участие во многих местных просветительных и филантропических учреждениях, в том числе Общества Красного Креста. Кавалер нескольких орденов.

Арестован в декабре 1918 года как заложник. Расстрелян 26 августа 1919 года после покушения на Дзержинского вместе с другими заложниками в Симоновом монастыре, похоронен в безвестной братской могиле.

В семье выросло 5 детей: двое сыновей Василий, Николай и три дочери Анна, Вера, Мария. Род продолжается.

8. Николай Геннадиевич Карпов *(16.04.1878, Москва – † 27.06.1912,* с. Болдино).

Н. Г. Карпов[40], 1897.

Потомственный дворянин. Крещен в Иверской церкви на Большой Ордынке. Восприемник *«Наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, Архимандрит Леонид»*[41] (Кавелин). В 1897 г. окончил Поливановскую гимназию, поступил в Московский университет на историко-филологический факультет. С 4-го курса уволился по причине нервного расстройства. *Пайщик Товарищества Никольской мануфактуры. Помещик Покровского уезда Владимирской губернии. Его брак не был признан семьей, что привело к сложностям в отношениях с родственниками. Похоронен в имении Сушнево Покровского уезда Владимирской губернии.*

Единственный из детей Карповых, кто умер до революции.

Супругу звали **Мария Николаевна** (ее происхождение осталось неизвестно). После свадьбы Карповы жили в г. Козельск Калужской губернии. У них родилось двое сыновей Всеволод и Георгий[42]. О судьбе детей сведений нет.

9. Мария Геннадиевна Смольянинова (ур. **Карпова,** *28.08.1879, Москва – † 24.09.1961, Москва).*

Потомственная дворянка. Воспитывалась у бабушки М. Ф. Морозовой, затем окончила институт благородных девиц. Помощница попечительницы Александрийской школы Благотворительного общества 1837 г. (1902). Венчались 14 апреля 1903 г. в ц. св. Николая (Новая Басманная, 4, здание богадельни кн. Куракиных).

Похоронена на Рогожском кладбище.

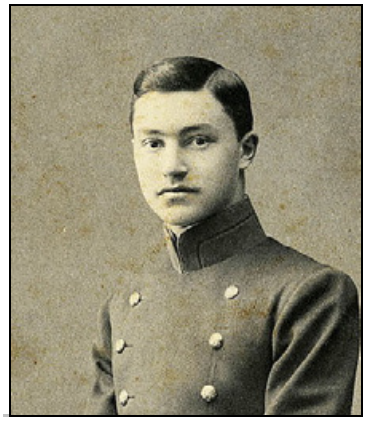

М. Г. и А. Н. Смольяниновы (архив Смольяниновых).

Муж **Алексей Николаевич Смольянинов** *(1879, Рязанская губ. – † 1932, Каган, Узбекистан). Потомственный дворянин, сын действительного статского советника, владельца меблированных комнат в Лубянском проезде (собственный дом) и зеркальной фабрики в Кириших близ Старой Рязани, поставщика Императорского Двора. Поручик, участник Первой мировой войны. Предводитель дворянства Спасского уезда Рязанской губернии, попечитель ряда местных школ и училищ, владелец усадьбы Никольское того же уезда и губернии. В 1917 году приговорен к пожизненному заключению, в 1921 году амнистия. Вновь арестован в 1923 году, сослан в Туркестан (ныне Узбекистан). Умер в ссылке. Реабилитирован в 1998 году.*

В семье родилось 4 детей: трое сыновей Николая, Александр, Геннадий и дочь Антонина, которая умерла в детстве. Род продолжается.

10. Георгий (Юрий) Геннадиевич Карпов (27.04.1881, Москва – † 1950-е?, Франция?)

Ю. Г. Карпов
(архив Смольяниновых).

Потомственный дворянин. В 1899 г. поступил в Московский университет, но, похоже, его не окончил[43]. *Председатель Звенигородской уездной земской управы, член Московского дворянского депутатского собрания.* [...] *Почетный мировой судья Звенигородского уезда.* В 1902 г. имел имение Полевшина в Звенигородском уезде. Проживал в Москве в доме матери ул. Бол. Ордынка, 36. *После 1917 года стал монахом на Афоне (Греция), затем жил в Югославии* [...]. *В годы Второй мировой войны в результате гонений на русских монахов покинул Афон, жил в миру.* По другим данным присоединился к одному из монастырей в Болгарии. *По некоторым сведениям умер во Франции.*

Женат не был и детей не имел.

11. К**лавдия Геннадиевна Головнина** (ур. **Карпова,** 20.06.1882, Сушнево – *† 31.12.1967*, США).

Б. С. и К. Г. Головнины
(из коллекции М. Золотарева).

Потомственная дворянка. Родилась в имении Сушнево, крещена в церкви с. Абакумово Покровского уезда. *В браке с 18 февраля 1905 года. После 1917 года в эмиграции (США).*

Скончалась в богадельне русского монастыря "Ново-Дивеево" под Нью-Йорком, похоронена на монастырском кладбище.

Муж **Борис Сергеевич Головнин** *(8.05.1878 – † 1920). Потомственный дворянин из старинного дворянского рода Калужской губернии. Офицер Белой армии, погиб под Иркутском (по официальной версии, умер от тифа, по семейной – убит красными).*

В семье выросло 6 детей: двое сыновей Дмитрий, Глеб (умер в детстве) и четыре дочери Варвара, Елизавета, Милица, Елена. Род продолжается.

12. Ольга Геннадиевна Кавелина (ур. **Карпова,** *2.03.1885, Москва – † 6.01.1972, Москва).*

О. Г. и А. М. Кавелины, 1904.

Потомственная дворянка. Крещена в церкви Иверской Божией Матери на Большой Ордынке. Восприемники: Федор Геннадьевич Карпов (брат), Наталья Геннадьевна Карпова (сестра). В браке с 19 сентября 1904 года.

Похоронена на Рогожском кладбище.

Муж **Александр Михайлович Кавелин** *(12.09.1879, Калужская губерния – † 30.03.1947, Москва). Из старинного рода дворян Калужской губернии. Окончил 1-й Кадетский корпус. Гвардии штабс-капитан, преподаватель Александровского военного училища.* Полковник, командовал полком в Первой мировой войне. *Среди его учеников был М. Н. Тухачевский, который после революции привлек А. М. Кавелина на должность инспектора 5-й Армии. Занимался организацией военных училищ в РСФСР. Всего им было создано 19 училищ. В 1926 году вышел в отставку. Преподавал в Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского. В годы ВОВ бухгалтер. Персональный пенсионер.*

Похоронен на Всесвятском кладбище [на Соколе], *перезахоронен на Ваганьковском.*

В семье выросли 4 дочери Надежда, Татьяна, Ольга, Нина. Род, видимо, продолжается.

13. Зинаида Геннадиевна Спешнева (ур. **Карпова,** 29.09.1886, Москва – *† 25.01.1977, Аскания-Нова).*

Потомственная дворянка. Крещена в Иверской церкви на Большой Ордынке. Восприемники: Александр Геннадиевич Карпов (брат), Алевтина Геннадиевна Карпова (сестра)[44].

Муж **Валериан Алексеевич Спешнев** (1880 – † 1945). *Из дворян, нотариус. «С 1918 юрисконсульт при Красной Армии до 1922, сослан в Тобольск, позже работал в Челябинске, умер в 1945 в Челябинске, примерно 70 лет от роду»*[45].

В семье выросло 3 детей: двое сыновей Пантелеймон, Георгий и дочь Зинаида. Род продолжается.

В. А. и З. Г. Спешневы.

14. Геннадий Геннадиевич Карпов (19.11.1887, Москва – *† до 15.04.1952,* Франция).

Потомственный дворянин. Крещен в Иверской церкви на Большой Ордынке. В 1905 г. поступил на физико-математический факультет Московского университета, но, не окончив его, в 1912 г. ушел[47]. *Пайщик Товарищества Никольской мануфактуры. Директор Товарищества Ново-Таволжанского свеклосахарного завода Боткиных. Член правления Русско-американской торговой палаты. После 1917 года в эмиграции. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа.*

Жена **Вера Николаевна Гучкова** *(1892, Москва – † 26.09.1965, Париж). Дочь московского городского головы Николая Ивановича Гучкова. Похоронена на кладбище Сен-Женевьев де Буа под Парижем.*

Брак бездетный.

Г. Г. и В. Н. Карповы[46],

15. Варвара Геннадиевна фон-Мекк (ур. **Карпова,** 27.11.1889, Москва – *† 1954, США).*

Потомственная дворянка. Крещена в церкви Иверской Божией Матери на Большой Ордынке. *Московская домовладелица (Большая Ордынка, 38). Председательница Попечительского совета женской гимназии Громогласовой. Автор биографии П. И. Чайковского, изданной в США в 1934 году. В браке с 1912 года.*

В. В. и В. Г. фон Мекк,
(из коллекции М. Золотарева).

Муж **Владимир Владимирович фон-Мекк** *(14.07.1877, Москва – † 16 мая 1932, Нью-Йорк, США). Потомственный дворянин из старинного рода выходцев из Лифляндии, принадлежал к семье известных железнодорожных магнатов России: сын председателя правления Московско-Рязанской ж. д.,* […] *камер-юнкер Высочайшего Двора, секретарь великой княгини Елизаветы Фёдоровны,* […] *член Попечительного комитета Сергиево-Елизаветинского трудового убежища для увечных воинов Русско-японской войны. В Русско-японскую войну – уполномоченный великой княгини Елизаветы Фёдоровны для помощи раненым. После войны – главноуполномоченный Российского Общества Красного Креста по эвакуации раненых пленных из Японии на родину. В Первую мировую войну – особоуполномоченный всех госпитальных складов.*

По данным Википедии: *«После Октябрьской революции Владимир Владимирович остался в России и устроился на работу в Малый театр.* […] *В 1923 году Владимир фон Мекк был направлен в Париж для отбора картин русских художников, проживающих за границей, для Передвижной выставки русского искусства в Америке. В Россию больше не вернулся, перебравшись из Парижа в США.* […] *Скончался Владимир Владимирович фон Мекк 16 мая 1932 в Нью-Йорке»*[49].

Брак бездетный.

О репрессированном Тимофее Геннадиевиче Карпове

(по материалам дела ГАРФ[50] и сайта “Заклейменные властью”[51])

О КАРПОВЕ Т. Г. — в ПОМПОЛИТ

КАРПОВ Тимофей Геннадиевич, родился в 1870. Окончил юридический факультет Московского университета, служил помощником предводителя дворянства; с 1918 — после революции поступил на советскую службу. Летом 1926 — арестован в Московской области и заключен в тюрьму. В сентябре 1926 — в юридический отдел Помполита была передана подробная справка по его биографии.

<15 сентября 1926>.

Карпов, Тимофей Геннадьевич, род. 1870 г., сын русского историка Г. Ф. Карпова и Анны Тимофеевны Морозовой. Отец Карпова из ярославских крестьян, сумел выбиться до профессуры, но тут же ее потерял, т. к. был запойный пьяница (умер от своей слабости [в] *1890 г.) и всю жизнь находился на иждивении своей богатой жены, носившей в себе резкие признаки неуравновешенности и дегенерации (родная сестра Александра — признанная душевнобольная истеричного типа, с самого замужества проведшая жизнь взаперти, мать ярких дегенератов, один из которых – самоубийца). Т. Г. Карпов рос очень больным мальчиком и при своих крайне ограниченных способностях, граничащих с прямой тупостью, с большим трудом и с запозданием окончил юридический факультет. Не имея возможности поступить на прямую казенную службу, пользуясь цензом землевладельца, служил “по выборам”, но первые годы тоже очень неудачно, так как вследствие непростительных промахов по службе, при всем своем трудолюбии и добросовестности, был принужден бросить — после официального выговора со стороны предводителя дворянства — службу во Владимирской губернии и кое-как перебрался в Московскую, где, наконец, “понаторел” настолько, что мог держаться в качестве второстепенного “деятеля” и даже, наконец, “помощника” предводителя дворянства. Незлобливый и честный по природе, К.* [Карпов] *ни разу в жизни не бывал “гонителем”, никогда не пытался агрессивно проводить те “правые воззрения”, коих придерживался, никто из “третьяго элемента” не страдал от него по службе, а, напротив, иные видели помощь. Об еврейских погромах говорил с нескрываемым отвращением (которое, впрочем, не афишировал). Позор его деятельности, кроме его безспорной ограниченности, мешало ему уразуметь, во-первых, его тщеславие и, во-вторых, окружение (за свою мягкость и порядочность с “врагами” заслужил себе прочную репутацию “дурачка”, но за него держались ради морозовских “цензов”, обеспечивавших его присным преобладание в земствах). Тщеславием же надо объяснять и его “церковную деятельность”, дающей ему возможность “фигурировать”, председательствовать и т. п., кроме чего он всю жизнь ничего не делал. Когда произошел переворот, Т. К.* [Карпов] *понял чутьем крестьянского внука его глубину, абсолютно бежал какой-либо контрреволюционной активности, ни в чем не последовав примеру его родных и братьев, а при первой возможности поступил на государственную службу, где, кажется, и заявил себя скромным и исполнительным, но опять-таки, при первой к тому возможности, тщеславным работником. Проживая в доме, населенном почти одними рабочими, которым прекрасно известно его прошлое, он, однако, пользуется с их стороны известным благожелательством. Т. К.* [Карпов] *в общем принадлежит к элементам, абсолютно безвредным, а при малейшем поощрении способен проявить себя, трудно сказать насколько полезным, но во всяком случае усерднейшим сотрудником власти.*

5. Материалы о Брыково в периодических печатных изданиях

Выдержки из книг В. и Г. Холмогоровых[52], 1881.

Богоявления Господня церковь в селе Богоявленском, Брыково тож **).*

(сноска*: *Село Брыково ныне Звенигородскаго уезда).*

Село Брыково в 186 (1678) г. находившееся Рузскаго уезда в Войничейской волости, было сельцом — вотчина князя Петра Семеновича Шаховскаго; в 7205 (1697) г. принадлежало стольнику Андрею Никитину Квашнину-Самарину, которым здесь и построена была в 1697 г. церковь во имя Богоявления Господня. Сведение об этом находим в приходных окладных книгах Патриаршаго Казеннаго Приказа за 7205 (1697) г. В них написано: «В нынешнем в 205 (1697) г. по указу святейшаго патриарха и по помете на выписке Андрея Денисовича Владыкина, велено новопостроенныя церкви Богоявления Господня, которую построил в Рузском уезде, в вотчине своей, в селе Брыкове стольник Андрей Никитин сын Квашнин-Самарин, на попа с причетники дани положить с попова, с дьячкова, с пономарева, с просвирницына, с одного двора вотчинникова, с 20 дворов крестьянских, да с церковной земли по памяти, какова вынесена из Поместнаго Приказу в нынешнем в 205 (1696) году сентября в 7 числе, за приписью дьяка Ивана Обрютина, с пашни с 10 четвертей в поле, а в дву потому ж, с 10 копен сена, по указной статье 20 алтын 3 деньги, заезда гривна, и те деньги велено имать с будущаго 206 (1698) года». В исходящей книге того же Приказа 7206 (1697) года записано: «сентября в 14 день по благословенной грамоте дан антиминс к освящению новостроенной церкви Богоявления Господня в Рузском уезде, в селе Брыкове; взял тоя ж церкви поп Иоанн и росписался». (См. Моск. Арх. Мин. Юст. Патр. Прик., кн. 138, стр. 135 и кн. 166, стр. 463).

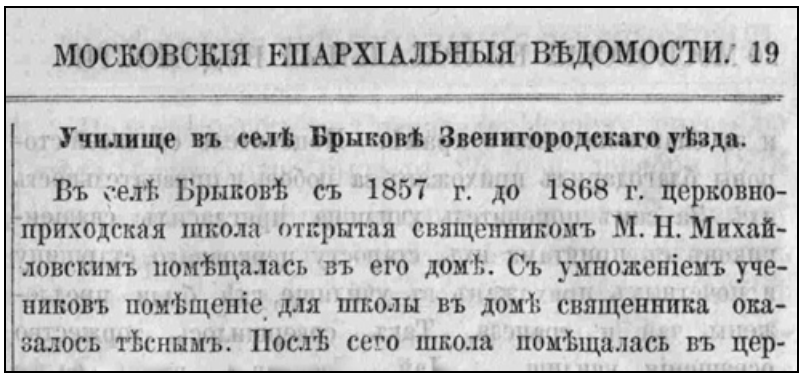
Богоявленская церковь в приходных книгах Патриаршаго Казеннаго Приказа писалась ежегодно с 7206 (1698) по 1713 год в Рузской десятине в следующем порядке: «церковь Богоявления Господня в селе Брыкове, в вотчине стольника Андрея Никитина сына Квашнина-Самарина дани 20 алтын 3 деньги, заезда гривна»; а в 1715—1739 гг. означено дани «рубль три деньги», т. е. 1 р. 1 ½ коп. (Там же, кк. 168—418). Село Брыково, получившее другое название по церкви Богоявленское с деревянною в нем церковью, после смерти Андрея Никитина Квашнина-Самарина, принадлежало в 1705 г. вдове его Аксинье, а в 1715 г. его сыну Петру Андрееву Квашнину-Самарину. При церкви находились в 1705 г. «двор попа Ивана Иванова, двор дьячка Ивана Абрамова»; в 1715 г. — «во дворе поп Марко Егоров, во дворе дьячек Григорий Алексеев». (См. Моск. Арх. Мин. Юст. переп. кн. 11457—11458, стр. 78 об. и Лантрат. кн. 1715 г. стр. 282об.).

«1722 г. декабря в ” “ день по указу (из Синодальнаго Казеннаго Приказа) и по присланной памяти Саввина монастыря Сторожевскаго, за пометою архимандрита Сильвестра, в Рузе, в Синодальном Десятильниче Дворе, города Рузы перед старостою поповским Успенским попом Филиппом Борисовым Рузские десятины села Брыкова церкви Богоявления Господня поп Марко Георгиев сказал по священству: в том селе Брыкове вышеписанная церковь построена и освящена в прошлом 206 (1698) году при святейшем Адриане патриархе, а по челобитью стольника Андрея Никитина сына Квашнина-Самарина, и дани с той церкви платится по окладу по рублю по три деньги на год, да казенных пошлин по 5 алтын по 4 деньги, ямских и полоняничных с дву дворов, а он поп Марко к той вышеписанной церкви посвящен в попы в прошлом 711 году преосвященным Феодосием архиепископом Сарским и Подонским на место бывшаго попа Ивана Иванова, а по прошению обер-крикс коммисара Петра Андреева сына Квашнина-Самарина, а на пропитание ему попу с причетники дано земли по 5 десятин в поле, а в дву потому ж, да сенных покосов 5 копен, да у той же церкви написано по переписным книгам 186 (1678) году приходских 11 дворов, а служба в той церкви бывает временная, а не повседневная. Тоя ж вышеписанныя церкви дьячек Григорий Алексеев, да пономарь Стефан Марков сказали в сущую правду: в том селе Брыкове у означенной церкви живут они по новоявленным памятям и даны им новоявленныя памяти по прошению того села вотчинника обер-крикс коммисара Петра Андреева сына Квашнина-Самарина, а даны те памяти дьячку — в 706 году, а пономарю в нынешнем 722 году, а кормятся они у тоя церкви вышеписанною землею и приходом с попом вообще». (См. Моск. Арх. Мин. Юст. Патр. Прик., вязка 449, № дела 825, стр. 39об.).

Село Брыково в 1762 году принадлежало статскому советнику Федору Петровичу Квашнину-Самарину. (Там же, сказки 3 ревизии по гор. Рузе, стр. 825).

Публикации в Московских епархиальных ведомостях

Училище в селе Брыкове Звенигородскаго уезда[53]**,** [1874].

МОСКОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ. 19

Училище въ селѣ Брыковѣ Звенигородскаго уѣзда.

Въ селѣ Брыковѣ съ 1857 г. до 1868 г. церковно-приходская школа открытая священникомъ М. Н. Михайловскимъ помѣщалась въ его домѣ. Съ умноженіемъ учениковъ помѣщеніе для школы въ домѣ священника оказалось тѣснымъ. Послѣ сего школа помѣщалась въ цер-

Московские епархиальные ведомости, 1874.

В селе Брыкове с 1857 г. до 1868 г. церковноприходская школа открытая священником М. Н. Михайловским помещалась в его доме. С умножением учеников помещение для школы в доме священника оказалось тесным. После сего школа помещалась в церковной сторожке. И здесь помещение для школы оказалось не удобным. Средств к постройке училища не находилось. В конце 1872 г. по приглашению священника, прихожанин, сельца Железникова крестьянин Алексей Михайлович, имеющий в г. Москве ящичное заведение, изъявил согласие построить училище. Звенигородский училищный совет разрешил ему постройку училища. С великою охотою он принялся за постройку его; подвигнутый единственно любовию к детям своих собратов, не имея у себя детей, не пощадил своего небольшаго достояния, употребив на постройку училища и на мебель 1000 рублей серебром. Училищный совет утвердил его попечителем училища.

Освящение училища совершено было прошлаго 1873 г. месяца ноября 25-го дня. К освящению попечитель привез из г. Москвы новую благолепную икону и три благоукрашенныя лампады, как к сей иконе, так и еще к двум иконам, прежде им пожертвованным, и портрет Государя Императора. Московский купец В. Г-чь Климушин, нарочито прибывший к освящению училища, привез с собою в училище картины, книги, доски, грифеля и карандаши. Сии вещи во время освящения лежали на столе. Училище было благоукрашено. Для благолепия служения при освящении училища, попечитель сделал новое полное облачение к двум недавно им же сделанным облачениям. На освящение училища к местному священнику для сослужения были приглашены два соседних священника села Глебова, священник Ф. Н. Виноградов и села Филатова священник Ф. Н. Новинский [правильно: Ф. И. Ильинский]. *Божественная литургия была совершена соборно с местным диаконом. Пение было стройное, пели ученики с причтом и прихожанами любителями пения, пели и посторонние посетители. Во время литургии слово было произнесено священником села Филатова. Стечение народа по случаю воскреснаго дня, из приходских деревень и окрестных селений было большое. После заамвонной молитвы, при колокольном звоне, из храма изнесены были святыя иконы в училище, где и было совершено молебное пение Спасителю и Божией Матери с водоосвящением. Пред окончанием молебна священником, законоучителем и наставником училища М. Н. Михайловским было сказано простое, задушевное слово. Местные жители, для детей которых устроено училище своему отцу духовному М. Н. Михайловскому принесли поздравление и благодарность за его труды и заботы по устройству училища и за обучение их детей; поднесли попечителю училища А. М-чу и супруге его В. В-не хлеб и соль, благодарили за устройство училища, за великое для их детей благодеяние и за великую жертву для их самих и за благопопечение о храме. Попечитель с своей стороны благодарил прихожан за любовь и признательность их. За сим попечитель училища пригласил священников с причтами их, старосту церковнаго, старшину и почетных прихожан в училище, где были предложены чай и трапеза. Так совершилось торжество освящения училища. Дай Господи, чтобы более было ревнителей и благопопечителей о народном образовании! Сильно чувствуется нужда в народном образовании! Очень приятно было видеть, как на другой день освящения училища, родители вели своих детей мальчиков и девочек в училище не только из приходских деревень, но и из окружных селений. На другой же день собралось учеников более 30-ти человек, и всех приняли в училище. Прежде же многим отказывали в приеме по тесноте училища.*

Е. М.

***Освящение храма в селе Богоявленском Брыкове, Московской губернии*[54],** [1876].

Годъ VIII-й. № 50. 12 Декабря 1876 года.

МОСКОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ЦЕРКОВНАЯ ГАЗЕТА

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Московские епархиальные ведомости, 1876.

В 1874 году священник Богоявленской церкви в селе Брыкове, видя свою церковь в ветхости, не имея никаких средств поддержать ее, стал придумывать средства возобновить храм; церковных денег было только 300 рублей, и решился устроить приходское попечительство, и оно с утверждения епархиальнаго начальства было устроено. Председателем этого попечительства был выбран соседний помещик Николай Владимирович Рукин и несколько членов. Из них особо уважаемые ревнители и благотворители храма были: попечитель Брыковскаго сельскаго училища крестьянин сельца Железникова Алексей Михайлович Михайлов, который, имея не большое заведение в Москве, почти все свои доходы с него жертвует или в церковь, или в училище, им же построенное; землевладелец Онисим Максимович Богачев, крестьянин села Брыкова Василий Павлович Шебарша, крестьянин деревни Дедешина Стефан Дементиев Журавлев и непременный член попечительства, 9 лет состоявший старостою церковным, сельца Зенкина крестьянин Федор Мартинович, во все время проходивший свою должность честно и верно. И вот с помощию помянутых членов попечительства и вместе с тем жертвователей началась строиться новая каменная трапеза и колокольня. По совету попечительства выбран был в строители храма человек с умом и честью и притом опытный в этом деле, временный Воскресенский купец Павел Григорьевич г. Купцов. Опытность его видна в том, что он недавно выстроил храм с основания в своем приходе, селе Телепневе Звенигородскаго уезда. Жертвы его неисчислимы, труды его незабвенны; ни одно дело не было сделано, чтобы он не разсмотрел его со всех сторон. Устраивая храм здесь, он не забывал и свой приход: в прошлом году он построил в селе Телепневе ограду вокруг церкви; но и это было сделано не без цели. В это время церковь села Брыкова ощущала сильную нужду в финансах; кирпич, на устроенном попечительством заводе, стоял без пользы, и вот он в это-то время, на свое почти ижливение, стал строить каменную ограду в своем приходе, поэтому кирпич был продан и этим поправились критическия обстоятельства церкви; при расчетах с подрядчиками много пошло и его собственных денег, да вообще, нет возможности перечислить всех его жертв и забот. Да наградит его Господь Бог за все его благодеяния и труды.

Члены попечительства, не жалея своих средств, всеми силами старались подвинуть дело к концу. И вот благодаря Создателя, труды священника и истощенных благодетелей не пропали даром, в нынешнем 1876 году все было окончено и 17-го октября совершилось торжественное освящение 2-х великолепно отделанных приделов во имя св. пророка Илии и святителя и чудотворца Николая. Первый придел освящал протоиерей Московской Софийской, на Лубянке, церкви, Павел Михайлович Волхонский; а 2-й придел освящал местный священник Михаил Никифорович Михайловский. Торжество было великое, так что в селах подобные случаи можно назвать редкостью; каждый придел освящали 5 священников и 3 диакона; для большаго благолепия членом попечительства Василием Павловичем был приглашен хор Воскресенских певчих. После поздней литургии протоиереем Павлом Михайловичем Волхонским сказано было слово. Погода благоприятствовала этому торжеству и стечение народа было громадное, так что очень много было прибывших и из Москвы; но особенно порадовал своим прибытием прежний благотворитель Богоявленской-Брыковской церкви и Брыковскаго училища Московский купец Василий Гаврилович Климушин с своею супругою; его благожелательства и жертвы, как сей час, так и всегда будут незабвенны у св. престола.

По окончании этого торжества, все уважаемые гости приглашены были строителем храма Павлом Григорьевичем на обед. От души желалось бы, чтобы везде в таких случаях, устраивали подобныя приходския попечительства. Дай Господи, чтобы поболее являлось подобных ревнителей и благотворителей св. храмов. Как приятно было видеть прихожан, которые с искренним благоговением падали на колена и произносили слова: «да будет благословенно имя Господа от ныне и до века».
Учитель Звенигородскаго уезда, Брыковскаго Богоявленскаго начальнаго училища Михаил Надеждин.

6. Дополнительные сведения о Богоявленской церкви

Дело о построении каменной церкви в селе Брыково, 1752

(выдержки из архивного дела ЦГАМ[55]).

Прошение лейтенанта флота Федора Петровича Квашнина-Самарина

Всепресветлейшая Державнейшая Великая Гд-рня [Государыня] *Императрица Елисавета Петровна Самодержица Всероссийская Гд-рня Всемилостивейшая.*

Бьет челом морскаго флота лейтенант Федор Петров сын Квашнин Самарин, а о сем мое прошение тому следуют пункты:

1. В вотчине моей Рузского уезда в селе Богоявленском, Брыково тож имеется деревянная церковь во имя Богоявления Г-дня, которая строение давнее быть, а ныне стала быть весма ветха, за которой ветхостию с-щеннослужение исправляется с трудностию.

2. Того ради я по обещанию своему желаю, что оную деревянную церковь разобрать, и вместо оной в том селе во имя означенного храма построить вновь каменную церковь, точию [только] *без указу строить не смею.*

И дабы высочайшим Вашего Императорскаго Величества указом повелено сие мое прошение в Переславской духовной консистории принять, по разобрании показанной деревянной церкви, по построении вновь каменной церкви дать указ.

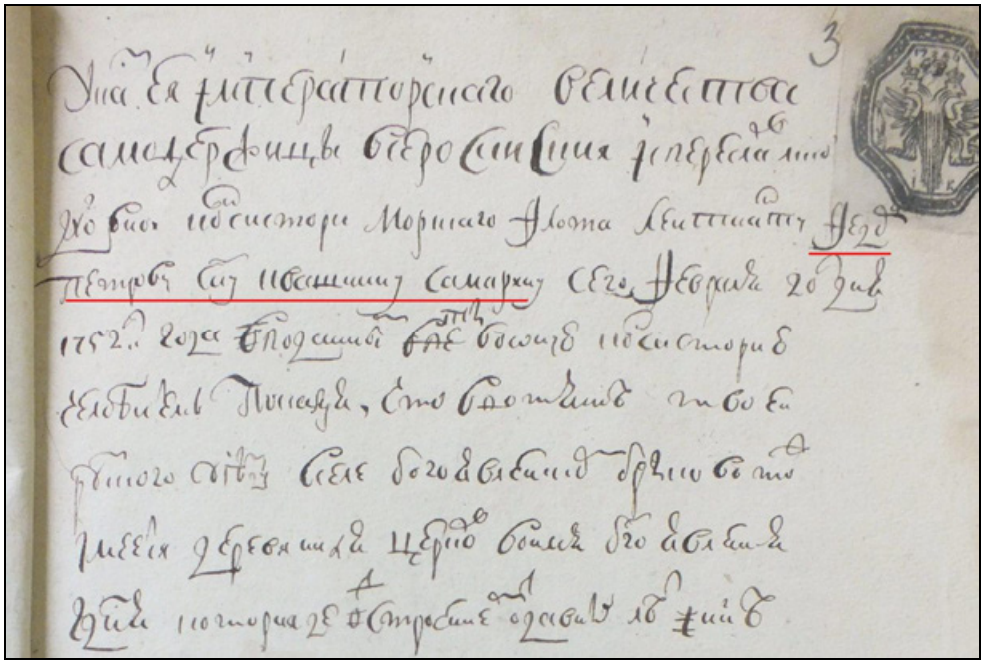
Февраля 20 дня 1752 года.

Всемилостивейшая гд-рня прошу вашего Императорскаго величества о сем моем прошении решение учинить, февраля дня 1752 года.

Прошение писал Московской духовной консистории подканцелярист Петр Песков и поданик [подлинник?] *надлежит в Переславской духовной консистории.*

[подпись:] *Федор Петров сын Квашнин Самарин руку приложил.*

Указ императрицы Елизаветы о построении церкви в селе Брыково

Указ из Переславской консистории о построении церкви (начало), 1752.

Указ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийския из Переславской духовной консистории морскаго флота лейтенанту Федору Петрову сыну Квашнину Самарину сего февраля 20 дня 1752 года. Поданным тобою в сию консисторию челобитем показал, что в вотчине твоей Рузского уезду в селе Богоявленском, Брыкове тож имеется деревянная церковь во имя Богоявления Г-дня, которая де строение от давних лет [нрзб] *стала бы весма ветха, за которою де ветхостию священно служение исправляется с трудностию. И* [нрзб] *де по обещанию своему желаешь оную деревянную церковь разобрать, и вместо оной в том селе во имя означеннаго храма построить каменную церковь. Просит дабы о разобрании показанной деревянной церкви, и о построении вновь каменной* [церкви] *дать тебе указ. Консистории твое ж челобитие наложенною Его Преосвященства Преосвященнейшаго Серапиона епископа Можайскаго и Волоколамскаго резолюциею велено дать Указ.*

Опись Богоявленской церкви, 1820

(архивное дело ЦГАМ[56]).

Опись Звенигородской округи села Брыкова церкви Богоявления Господня всему в оной церкви имуществу, учиненная ноября 19 дня, 1820 года.

А именно:

Церковь каменная как снаружи, так и внутри общекатурена и отбелена, на ней крыша железная светлозеленая, глава обита белым железом, на ней крест железной позлащен чрез огонь.

При той церкви паперть и колокольня каменныя, на ней крест железной, при колокольне прикладены по обеим сторонам две палатки каменныя с деревянною крышею.

В оной церкви иконостас столярной работы, выкрашен зеленою краскою и по местам позлащен. В ней царские двери с резьбою столярной работы, выкрашены под цвет иконостаса и по местам позлащены с пятью образами, в коих изображены Благовещение с Евангелистами живописными. Над ними дух Святый. В нижнем ярусе местных образов четыре живописные:

1. Спасителев, на нем риза медная посеребрена и по местам позлащена, венец медный позлащен.

2. Богородицын, на нем риза медная посеребрена и по местам позлащена, венцы медные позлащены.

3. Богоявления Господня, на нем риза медная посеребрена, венцы и дух святый позлащены.

4. Благовернаго князя Феодора Черниговскаго и чад его Давида и Константина. На нем риза медная посеребрена, а венцы и одежды на них позлащены.

Под коими местными образами четыре изображения живописные на парусине:

1. Жертва Авраамова, 2. Адам и Ева, 3. Жены Самарянины. 4. Плач Иакова.

Во втором ярусе над царскими дверьми тайная вечеря живописная и Господских двунадесятых праздников 6 живописных.

В третьем ярусе в средине образ Вознесения Господня и двенадцать Апостолов живописные, в верху распятие с предстоящими резное.

На южной двери изображение Архангела Гавриила живописное. На северной двери изображение Архангела Михаила живописное.

Клиросов 2 столярной работы, выкрашены под цвет иконостаса. При клиросах Хоругви на полотне с изображениями живописными Богоявления Господня и Архангела Гавриила.

За оными клиросами два образа живописные в киотах зеленых и по местам позлащенных:

1. Трех Святителей с медною ризою посребренною и по местам позлащенною.

2. Святителя Николая с медною ризою посребренною с венцами и Евангелием позлащенными.

***Во святом олтаре**.*

У царских врат две завесы: 1. Шелковая красная. 2. [нрзб] *белая.*

Престол и Жертвенник деревянные указанной меры, на них срачицы полотняные.

Одежд на престоле три: 1. Штофная зеленая. 2. Шитаго скаврату. 3. [нрзб].

Одежд на жертвеннике две: 1. Штофная зеленая. 2. Пергоеневая.

Антиминс на отласе с мощами освящен Преосвященным Феофилактом Епископом Переславским и Дмитровским в 1778 году марта в 4 день. Под ним литон шелковый материи.

Ковчег для хранения Святых Тайн сребренный и позлащен, со стразами, на нем Воскресение Господне, финиковое, около его сияние сребреное и позлащено. Дароносица сребреная.

Два креста: один сребреный, 2-й живописной и обложен весь серебром.

Два Евангелия: 1. Медное посребрено, средник и Евангелисты финиковые. 2. Обложено красивым бархатом, средник и Евангелисты сребреные.

Два Покрова штофные алый и желтый.

Двои сосуды с дискосами, блюдцами, звездицами и лжицами сребреные, в них вызолочено.

Два кадила медные, одно посребрено. Ковшечик сребреный, укропник медный.

Копие с медною ручкою.

Сосуды для благословеных хлебов, медные посребрены, и по местам позлащены.

Чаша водосвятная, медная посребрена. Кропило с медною справою.

Тарелок оловянных 3. Четыре подсвечника медные, большие.

Купель для крещения младенцев, медная.

Ящик для хранения сосудов при крещении младенцев, деревянный.

Ладаница жестяная. Лампад всех пред образами 16 медных.

Паникадило медное посребрено.

На горнем месте образ Нерукотворенный живописный.

Запрестольный образ Смоленския Божия Матери, на нем риза вся и венцы сребреные.

Животворящий крест живописный. Над жертвенником образ Знамения Пресвятыя Богородицы, на нем риза и венцы все сребреныя.

Иконостас подле жертвенника для 12 образов за стеклами. Под ним шкап для хранения вещей церковных. Шкап для хранения риз. Ковчег для ношения креста деревянный. Зеркало.

Сундук для хранения суммы, воска и свеч. Сундук для хранения книг духовных и тетрадей.

Сундук для продажи свеч с замками.

5 налоев, 2 обтянуты парусиной и окрашены, два окладных и один при престоле.

Два столика, обтянутые материями разными.

Внутренность церкви вся окрашена, в кумполе изображены четыре Евангелиста.

На стенах имеется 16 образов живописных в рамах:

1. Воскресение Господне в раме за стеклом. 2. Успение Божия Матери с медною посребреною ризою. 3. Коронование Божия Матери. 4. Адамова глава. 5. Варвары Мученицы. 6. Богоматери. 7, 8 и 9. Спасителевы. 10. Димитрия Чудотворца. 11 и 12. Архангелов. 13. Скорбящия с окладом и венцами медные. 14. Вход в Иерусалим. 15. Рождество Христово. 16. Воскресения Лазаря.

Святцы бумажные в раме за стеклом.

В трапезе 5 образов живописных в киотах, окрашенных зеленою краскою, из коих:

1. Над дверями Спасителя, Богоматери и Предтечи. 2. Знамения Пречистыя Богородицы с ризою и полями медными, венец серебреный, убрус и наручники железные. 3. Смоленские Богородицы, венец ризы и поля сребреные и позлащены, на иконостасе поля сребреные, убрус и подбородок жемчужные. 4. Богоявления Господня с венцами сребреными позлащеными. 5. [затерто].

Реестр ризниц.

Плащаница на алом атласе, шитая золотом и разными шелками.

Риз парчевых четыре. Риз бархатных четыре. Риз шелковых разных материй двое, все твердые.

Четыре Епитрахили парчевые. Четыре Епитрахили бархатные. Две Епитрахили шелковые разных материй.

Пять подризников шелковые разных материй. Три пояса шелковых разных материй.

Поручей три пары парчевых, две пары бархатных. Четыре пары шелковые разных материй.

Стихарей 2, один штофной голубой, другой тафтяной. Один орарь гризетовой.

10 пелен.

Воздухов 4 пары парчевых, 3 пары бархатных, 4 пары шелковых разных материй, 15 палатенцов.

Реестр книгам.

Апостол. Псалтырей следованных три, и одна малая. Служебник один.

Устав один, другой краткой бумажной. Евангелие толковое в двух томах.

Книги поучительных слов недельных и праздничных.

Год прологов. Миней месячных 12. Триоди посная и цветная. Два октоиха.

Три книги Миней: 2 общих и одна празничная. Ирмолог. Обиход нотной.

Два требника: большой и малой. Новый завет. Толкование на Литургию.

Книжица о получении прошения. Книжица на Богоявление Господне. Краткий лечебник.

Два шестоднева. Сокращенное Богословие. Табель на высокоторжественные дни.

Книжица на день возшествия и коронации.

Реестр панихидный. Увещание о прививании оспы. 6 книжиц разных служений.

Колоколов четыре: “1” 12 пуд, “2” 6 пуд, “3” 3 пуда, “4” 2 пуда.

У дверей церковных 4 замка висячих.

[подписи:] *священник Илья Тимофеев руку приложил,*

дьячек Иван Яковлев руку приложил,

пономарь Аверкий Лукьянов руку приложил,

церковный староста Михаил Лаврентиев [нрзб] *за неумение грамоты* [нрзб].

Опись Богоявленской церкви, 1862

(выдержки из архивного дела ЦГАМ[57]).

Главная опись Церковнаго и ризничнаго имущества церкви Богоявления Господня Московской Губернии, Звенигородскаго уезда, в селе Богоявленском, Брыкове тож.

Церковь во имя Богоявления Господня, зданием каменная, с таковою же колокольнею, верхи коих покрыты железом и выкрашены медянкою на масле; главы на церкви и колокольне покрыты железом и выкрашены краскою синяго цвета, кресты на церкви железный вызолоченный, на колокольне железный выкрашенный. При колокольне имеются две палатки каменныя, верхи коих покрыты железом и выкрашены медянкою на масле; церковь построена в 1778, иждивением покойнаго Генерала Аншефа Феодора Петровича Квашнина-Самарина.

Часть первая. Глава первая. Олтарь.

1.1. Святый Олтарь дубовый с таковою же декою, длины 1 ½ аршина, ширины 1 ¼ аршина, вышины 1 аршин 6 вершков. Срачица на нем белая полотничная.

2.2. Святый Антиминс желтаго атласа, Священнодействован Высокопреосвященнейшим Филаретом, Митрополитом Московским в 1847 году, 16 ноября. Литон шелковый.

3.3. Жертвенник дубовый с таковою же декою, длины и ширины 1 аршин и 1 ½ вершка, вышины 1 аршин и 5 вершков. Срачица на нем белая коленкоровая.

4.4. За Св. Престолом Животворящий Крест, живописный вышины до рукояти, и ширины 1 с ¼, выкрашенный, по местам позлащенная резьба с изображением в средине Воскресения Христова, по углам Василия Великаго, Григория Богослова, Иоанна Златоустаго и Николая Чудотворца, на обороте в средине Распятия Господня, по углам: Господа Саваофа, Богоматери, Иоанна Богослова и Марии Магдалины.

5.5. Образ Божия Матери Утоли моя печали, живописный, вышины до рукояти 12 вершков, ширины 11 вершков, на нем риза и венец сребренныя, 84 пробы, весу три фунта и 91 золотник, полагая за золотник по 20 коп. всего на семьдесят пять рублей и [80] *копеек серебром. На обороте, образ Святителя Николая с меднопосребренным венцом, весу сорок золотников.*

6.6. На горнем месте Образ Спаса Нерукотвореннаго, живописный, вышины 6 вершков, ширины 14 вершков, на нем риза меднопосребренная, а венец позлащен, в коих весу 1 фунт и 56 золотников.

7.7. За Жертвенником на стене: Образ Тайныя вечери, живописный, вышины 14 вершков, ширины 11 вершков, на нем риза меднопосребренная, в коей весу 3 фунта, в окрашенной за стеклом рамке.

8.8. Над Царскими вратами: Образ Воскресения Христова, иконнаго писания, вышины 7 вершков, ширины 5 вершков, на нем риза медно-посребренная, изображение же позлащенное, весу в ризе 86 золотников.

Глава вторая. Предолтарный иконостас.

9.1. Иконостас Лаковый, в два яруса, окрашен масляною краскою, с позлащенною резьбою по местам, с 16 полуколоннами, выкрашенными под малахид, у осьми [8] *– внизу капители вызолочены, базы выкрашены желтою краскою, у осьми снизу базы и капители вызолочены.*

В первом ярусе:

10.2. Царския врата окрашены под цвет иконостаса масляною краскою с позлащенною резьбою по местам, в средине коих образ Благовещения Богородицы продолговатокруглый, вышины 6 вершков, ширины 4 ½ вершка, живописный, и по углам 4 Евангелиста: Матфея, Марка, Луки и Иоанна, над ними резное из дерева высеребрянное изображение Св. Духа и вызолоченным резном сиянии.

11.3. По правую сторону царских врат: Образ Спасителя, живописный, верх полукруглый, вышины 1 арш. и 9 вершков, ширины 11 ½ вершков; на нем риза медно-посребренная, а венец позлащен; вверху на ризе вызолоченное изображение Св. Духа, весу в ризе и венцах 9 фунтов и 78 золотников, в позлащенной раме и с позлащенными отливами за стеклом.

12.4. На южной двери, которая вышины 2 аршина и ширины 15 ½ вершков, живописное изображение Архистратига Гавриила.

13.5. Против праваго клироса Образ Богоявления Господня о шести ликах, с изображением Св. Духа, живописный, верх полукруглый, вышины 1 аршин и 9 вершков, ширины 15 вершков, ризы меднопосребренные, а венцы позлащенные также и сияние Св. Духа, надпись на финифте, в оных

весу 10 фунтов и 78 золотников, в позлащенной раме и отливами за стеклом.

14.6. По левую сторону царских врат: Образ Божия Матери с предвечным Младенцем, верх полукруглый, живописный, вышины 1 аршин и 9 вершков, ширины 11 вершков; на нем риза меднопосребренная, а венцы вызолочены; вверху на ризе вызолоченное сияние и изображение Св. Духа, в ризе и венцах весу 9 фунтов и 78 золотников, в позлащенной раме и отливами за стеклом.

15.7. На северной двери, в коей вышины 2 аршина и 15 вершков, ширины 15 ½ вершков, живописный образ Архистратига Михаила.

16.8. Против леваго клироса Образ Благовернаго Князя Феодора Черниговскаго и чад его: Давида и Константина с изображением вверху Иисуса Христа, живописный, верх полукруглый, вышины 1 аршин и 9 вершков, ширины 15 вершков, на них ризы медно-посребренныя, а венцы позлащенные, надпись на финифте, весу в ризе и венцах 11 фунтов и 45 золотников, в позлащенной раме и отливами за стеклом.

2-й ряд:

17.9. В средине над Царскими вратами Всевидящее Око с 4 Ангельскими ликами, вышины ¼ аршин, ширины 13 ½ вершков.

18.10. По правую сторону: Живописный образ Живоначальныя Троицы, вышины и ширины 9 вершков, вверху коего образ Святаго Георгия Мелетийскаго [Митиленского? – Авт.] *и Св. Праведныя Анны, на парусине, вышины 4 вершка, ширины 13 ½ вершков.*

19.11. Живописный Образ Преображения Господня, вышины 9 вершков, ширины ¾ аршина, вверху коего образ Св. Равноапостолныя Феклы и Преподобномученицы Анастасии Римляныни, на парусине, иконнаго писания, вышины 4 вершка, ширины 13 ½ вершков.

20.12. Живописный образ Рождества Христова, вышины 9 вершков, ширины ¾ аршина, вверху него образ Преподобнаго Серапиона и Преподобномученицы Параскевы, на парусине, иконнаго писания, вышины 4 вершка, ширины 13 ½ вершков.

21.13. По левую сторону Живописный образ Успения Божия Матери, вышины и ширины 9 вершков, вверху него образ Преподобнаго Алимпия Столпника и Св. Великомученицы Анастасии на парусине, иконнаго писания, вышины 4 вершка, ширины 13 ½ вершков.

22.14. Живописный образ Сретения Господня, вышины 9 вершков, ширины ¾ аршина, вверху коего образ Пророка Моисея и Св. Петра Митрополита Московскаго, на парусине, иконнаго писания, вышины 4 вершка, ширины 13 ½ вер.

23.15. Живописный образ Рождества Пресвятыя Богородицы, вышины 9 вершков, ширины ¾ аршина, вверху коего образ Преподобнаго Феоктиста и Мученицы Татианы, на парусине, иконнаго писания, вышины 4 вершка, ширины 13 ½ вершков.

Во 2-м ярусе:

24.16. Над Царскими вратами Образ Тайныя Вечери, полукруглый, вышины 11 вершков, ширины 1 аршин и 6 вершков, живописный, с пятью в круге онаго живописными образами: а) вверху Спаса Нерукотвореннаго, по сторонам: б) Василия Великаго, в) Григория Богослова, г) Иоанна Златоустаго, д) Иакова брата Божия, которая в диаметре 8 вершков.

25.17. По правую сторону: Образ трех Апостолов Петра, Матфея и Марка, живописный, вышины 1 арш. и 3 вершка, ширины ¾ аршина.

26.18. Образ трех Апостолов Филиппа, Варфоломея и Симона, живописный, вышины 1 аршин и 3 вершка, ширины 1 аршин.

27.19. По левую сторону: Образ трех Апостолов Петра, Иоанна Богослова и Луки, живописный, вышины 1 аршин и 3 вершка, ширины ¾ аршина.

28.20. Образ трех Апостолов Фомы, Матвея и Андрея, живописный, вышины 1 аршин и 3 вершка, ширины 1 аршин.

В 3-м ярусе:

29.21. В средине Образ Вознесения Господня, верх полукруглый, живописный, вышины 1 ¾ аршина, ширины 1 аршин.

30.22. По правую сторону: Образ Пророка Моисея, живописный, вышины 1 ¾ арш., ширины 9 вершков.

31.23. В углу клеймо с живописным изображением входа Господня в Иерусалим, вышины 9 вершков, ширины 8 вершков.

32.24. По левую сторону: Образ Царя Давида живописный, вышины 1 ¼ арш., ширины 9 вершков.

33.25. В углу клеймо – с живописным изображением введения во храм Пресвятыя Богородицы, вышины 9 вершков, ширины 8 вершков.

34.26. Вверху над иконостасом Распятие Иисуса Христа.

Глава третья. Иконостасы и Иконы в прочих местах храма.

35.1. За правым клиросом образ трех Святителей Московских: Петра, Алексия и Ионы, живописный, вышины 1 аршин и 13 вершков, ширины 1 арш. и 3 вершка, на них риза медно-посребренная, а венцы позлащены, надпись на финифте, в ризе и венцах весу 12 фунтов и 34 золотника.

36.2. На стороне праваго клироса в киоте краснаго дерева с позлащенными отливами за стеклом два живописных образа: а) образ двунадесятых праздников, и б) – Всех Святых, оба вышины 7 вершков, ширины 5 вершков.

37.3. Около праваго клироса на налое [аналое] *образ двунадесятых праздников, живописный, вышины 10 вершков, ширины 8 вершков, в окрашенной и вверху позлащенной рамке за стеклом.*

38.4. Около праваго клироса Хоругва [хоругвь], *писанная на полотне, выкрашена масляною голубою краскою, а по местам позлащенная, с мишурными бахрамою и кистями, на переди изображение Богоявления Господня, на обороте Св. Апостол Петра и Павла, длины 2 аршина, ширины 1 аршин.*

39.5. За левым клиросом образ Николая Чудотворца, живописный, вышины 1 арш. и 8 вершков, ширины 1 арш. и 2 вершка, на нем риза меднопосребренная, а три венца позлащены, в коих весу 15 фунтов и 36 золотников, в окрашенной киоте за стеклом, надпись на финифте.

40.6. На стороне леваго клироса Образ Тихвинския Божия Матери, живописный, вышины 1 аршин, ширины ¾ арш., в окрашенном киоте за стеклом.

41.7. Около леваго клироса на налое Святцы 12 месяцев на бумажных листах, в выкрашенной рамке, и сверху позлащенной, вышины 10 вершков, ширины 8 вершков.

42.8. Около леваго клироса Хоругвь, писанная на полотне, выкрашена масляною голубою краскою, и по местам позлащенная, с мишурными бахрамою и кистями, на переди с изображением Воскресения Христова, на обороте Николая Чудотворца, длины 2 арш., шир. 1 аршин.

43.9. За левым клиросом в двери: Плащаница живописная на белом атласе поля алаго бархата, во круг с золотыми словами: Благообразный Иосиф …, с мишурною бахрамою, по углам 4 Евангелиста живописные, на белом атласе, длины в ней 1 ½ арш. ширины 9 вершков, гробница и футляр за стеклами, столярной работы, выкрашено масляною краскою.

44.10. Над плащаницею в двери за левым клиросом: а) образ Мученицы Марии, б) Мучеников: Иакова и Иакинфа и мученицы Варвары – со 4 частями мощей сих Святых, – с изображением вверху Господа Саваофа, живописный. Мощи в средине сего образа в сребренно-позлащенном малом ковчежце – с чеканным изображением на переди Спасителя, вокруг сего ковчежца 12 каменьев из стекла краснаго цвета, около сего ковчежца имеется малое сребренное сияние и осыпано 15 мельчайшими стразами, вышины сей образ 5 ½ вершков, ширины 4 ½ вершка, в окрашенном с позлащенными отливами киоте.

Над дверями храма северной и южной два образа:

45.11. а) Казанския Божия Матери, живописный, вышины 6 вершков, ширины 5 ½ вершков, на нем риза медно-посребренная, а венцы позлащены, весу в ризе и венцах 62 золотника, в киоте ореховаго дерева, с позлащенными отливами за стеклом.

46.12. Скорбящая Божия Матери, иконнаго писания, вышины 8 вершков, ширины 7 вершков, на нем риза медно-посребренная, 8 венцов и одежда на Богоматери медно-позлащенныя, весу во всем металле 1 фунт и 36 золотников, в окрашенном киоте с позлащенными отливами за стеклом.

Пред плащаницею за левым клиросом на стороне двери:

47.13. Образ Преподобнаго Сергия, иконнаго писания, вышины 14 вершков, ширины 4 ½ вершка, – с малым изображением вверху Пресвятыя Троицы – с отделкою же красок позлащенною, а вокруг с двенадцатыми вытесненными на красках малыми изображениями Святых: Божия Матери и Иоанна Предтечи, Архангелов Михаила и Гавриила и одного Серафима, Св. Апостол: Петра и Павла, Святителей Петра, Алексия и Ионы Московских, Леонтия, Иоанна и Никиты Ростовских, Преподобных Варлаама и Никона, Пафнутия Боровскаго, Кирилла Белозерскаго и Александра Свирскаго, Великомучеников Феодора Стратилата и Ирины, – в киоте ореховаго дерева с позлащенными от-

ливами и резьбою, за стеклом.

На стенах храма:

48.14. На южной стороне: Образ Архистратига Михаила, живописный, вышины 1 ¼ аршина, ширины ¾ аршина, в окрашенном киоте с позлащенными отливами и резьбою, за стеклом.

49.15. На северной стороне: Образ Великомученика Георгия Победоносца, живописный, вышины 1 ¼ арш., ширины ¾ аршина, в окрашенном киоте с позлащенными отливами и резьбою за стеклом.

Глава четвертая. Иконостасы и иконы в трапезе.

50.1. Иконостас в трапезе лаковый, окрашен масляною краскою, по местам с позлащенною резьбою, с четырьмя полуколоннами, окрашенными масляною же краскою.

Вверху под входной аркою:

51.2. В средине: Образ Спасителя, иконописный, вышины 8 вершком, ширины 7 вершков.

52.3. По правую сторону: Образ Богоматери, иконописный, вышины 8 вершков, ширины 7 вершков.

53.4. Образ Спаса Нерутвореннаго, иконописный, вышины и ширины 7 вершков, риза сребропозлащенная с таковыми же венцами без пробы, весу в оных 1 фунт и 1 золотник, полагая за золотник по 17 копеек сереб. всего сребра на шестнадцать рублей и [59] *копеек, в окрашенной с позлащенными отливами раме за стеклом.*

54.5. По левую сторону Образ Иоанна Предтечи, иконнаго писания, вышины 8, ширины 7 вершков.

55.6. Образ Успения Божия Матери, живописный, вышины и ширины 9 вершков, на нем риза медно-посребренная, а венец медно-позлащенный, – весу 2 фунта и 75 золотников, в окрашенной раме за стеклом.

Внизу по правую сторону входной арки:

56.7. Образ Знамения Божия Матери, живописный, вышины и ширины 12 вершков, на нем два венца сребро-позлащенные, без пробы, весу в них 35 золотников, полагая за золотник по 17 коп. сер. всего на пять рублей и [75] *копеек. Убрус и подрукавницы Китайскаго жемчуга: крупнаго 100, средняго 160, мелкаго 300 и мельчайшаго 400 жемчужин – с 30 разноцветными камнями из стекла, – китайскаго жемчуга на сей иконе по оценке опытных на девять рублей и* [45] *копеек. На полях 4 изображения: а) Великомученика Георгия, б) Преподобнаго Макария, в) Великомученика Иакова, г) Преподобнаго Ануфрия, на них 4 венца меднопозлащенные, оклад на Богоматери и 4 Святых медно-посребренный, в оном весу 1 фунт и 15 золотников, в окрашенной раме, за стеклом.*

57.8. По левую сторону арки: Образ Смоленския Божия Матери, живописный, вышины 7 ½ вершков, ширины 6 ½ вершков, на нем два венца сребропозлащенные и оклад сребренный, без пробы, весу в оных 58 золотников, полагая за золотник по 17 копеек, всего в окладе и венцах сребра на девять рублей и [80] *копеек серебром. Убрус и гривны китайскаго жемчуга двух сортов: крупнаго 150 и мелкаго 325 жемчужин, – с 18 разноцветными камнями из стекла; китайскаго жемчуга на иконе по оценке опытных на семь рублей и* [88] *копеек сер.; вверху сего – изображение Коронования Божия Матери, по сторонам два лика Ангелов, 4 венца и Корона на Богоматери сребропозлащенные, а ризы сребренныя, без пробы, весу в ризах и венцах 1 фунт и 4 золотника, полагая за золотник по 17 копеек, всего на семнадцать рублей. Внизу на меди позлащенной вычеканен тропарь Богоматери, – в окрашенной раме, за стеклом.*

Иконы на стенах Трапезы:

58.9. По правую сторону: образ Божия Матери трех радостей, живописный, вышины 7 вершков, ширины 5 вершков, в киоте краснаго дерева за стеклом.

59.10. В окрашенной киоте с позлащенными отливами за стеклом 4 образа:

а). Воскресения Христова, живописный, вышины 8 вершков, ширины 9 вершков, на нем риза медно-посребренная, а венец позлащенный, весу в оных 1 фунт и 58 золотников.

б). Тихвинския Божия Матери, иконнаго писания, вышины 8 ½ вершков, ширины 8 вершков, на нем венец сребренный без пробы, весу в оном 28 золотников, полагая за золотник по 17 копеек, всего на четыре рубли и [70] *копеек. Убрус Китайскаго жемчуга: крупнаго 30, средняго 245 и мелкаго 175, с 35 разноцветными камнями из стекла. Китайскаго жемчуга на сей иконе на шесть рублей и 2 копейки.*

60.12. в). Образ Рождества Христова, иконнаго писания, вышины 7 ½ вершков, ширины 6 ½ вер., на нем риза сребренная без пробы, в коей весу 70 золотников, полагая за золотник по 17 копеек, всего на одиннадцать рублей и [90] *копеек.*

61.13. Знамения Божия Матери, иконнаго писания, вышины 7 ширины 5 ½ вершков, на нем риза сребренная, без пробы, весу в оной 1 фунт 33 золотника, полагая за золотник по 17 копеек, всего сребра на двадцать один рубль и [93] *копейки. Убрус Китайскаго жемчуга: средняго 91 и мелкаго 135, коего, по оценке, на два рубли и* [71] *копейку.*

62.14. По левую сторону Образ Преподобнаго Макария живописный, вышины 7, ширины 5 вершков.

63.15. В окрашенном киоте за стеклами: Образ Спаса Нерукотвореннаго, иконнаго писания, вышины 7 вершков, ширины шесть вершков, на нем риза сребренная без пробы, весу в оной 61 золотник, полагая за каждый по 17 копеек, всего на десять рублей и [30] *копеек.*

64.16. Образ Усекновения Главы Иоанна Предтечи, вышины 6 вершков, ширины 7 вершков, живописный, на нем риза венец медно-посребренныя, в коих весу 1 фунт 12 золотников.

65.17. Образ Спаса Нерукотвореннаго, вышины 12 вершков, ширины 10 вершков, живописный, на нем три венца, без пробы, сребренные, в них весу 69 золотников, полагая за золотник по 17 копеек, всего на одиннадцать рублей и [73] *копеек.*

66.18. Образ Покрова Пресвятыя Богородицы, иконнаго писания, на кипарисной деке, вышины 8 вершков, ширины 7 ½ вершков, на нем риза медно-посребренная, одежда на Богоматери и Св. Романа Сладкопевца и в средине креста медно-посребренныя же, весу в ризе 3 фунта с четвертью, с 20 разноцветными камениями из стекла.

Глава пятая. Лампады, Подсвечники и Аналогии.

А). Лампады.

67.1. Паникадило медно-посребренное, трех-ярусное, с девятью цепями меднопосеребренными, с 20 подсвечниками, в коем весу без железа семь пудов.

68.2. Пред местными иконами: пред иконою Спасителя лампада медно-посеребренная о трех таковых же цепях, в коей весу 10 фунтов без железа. […]

Б). Подсвечники. […] *Около Св. Престола три подсвечника.*

В). Аналогии. […]

Часть вторая. Опись ризницы. Глава первая. Евангелия.

1.1. Евангелие большое в лист Московской печати 1800 года, печатано при Императоре Павле Петровиче, в меднопосеребрянном окладе с пятью изображениями на финифте: а) в средине Воскресения Христова, б) по углам четыре Евангелиста, сияния в круге изображений меднопозлащенныя, весу в нем во всем 18 ½ фунтов.

2.2. Евангелие среднее Московской печати 1762 года, печатано при Императрице Екатерине Алексеевне, обложено алым бархатом, в средине с изображением на финифте Воскресения Христова, вокруг коего оклад и сияние сребрянныя, 84 пробы и по углам 4 Евангелиста, чеканные на сребре 84 пробы, в коем весу 40 золотников, полагая за золотник по 20 копеек, всего сребра на восемь руб. серебром.

Глава вторая. Кресты наспрестольные. […]

Глава третья. Священнослужебные Сосуды. […]

Глава четвертая. Дарохранительницы. […]

Глава пятая. Кадила. […]

Глава шестая. Облачения Престолов и Жертвенников, воздухи, пелены и завесы.

А). Облачения Престола и Жертвенников. […]

Б). Воздухи. […] ***В). Пелены.*** […] ***Г). Завесы.*** […]

Глава седьмая. Облачения Священническия.

А). Ризы. […] ***Б). Епитрахили.*** […] ***В). Поручи.*** […] ***Г). Подризники.*** […]

Глава осьмая. Облачения диаконския и стихари причетническия. […]

Глава девятая. Блюда. […]

Глава десятая. Сосуды для освящения хлебов и водоосвящения. […]

Глава одиннадцатая. Иконы.

44.1. Образ Спасителя, вышины 3 ½ вершка, ширины 2 вершка, живописный, риза медно-посребренная, а венец медно-позлащенный, весу в ризе и венце 20 золотников.

45.2. Образ Сретения Божия Матери, живописный, вышины 3 вершка, ширины 2 вершка, риза медно-посребренная, а венец медно-позлащенный, в коих весу 19 золотников.

46.3. Образ Богоявления Господня, вышины 4 вершка, ширины 3 вершка, живописный, риза посребрена, а венцы позлащены, в коих весу 24 золотника.

47.4. Образ Иоанна Предтечи, Евангелиста Иоанна Богослова, Св. Апостол Петра и Павла, Святителя и Чудотворца Николая, Преподобных отец Сергия Радонежскаго и Саввы Звенигородскаго Чудотворца, – с изображением вверху Спаса Нерукотвореннаго образа, вышины 3 ½ вершка, ширины 5 ½ вершков, живописный во круг его оклад, одежда на Спасителе и венец на Иоанне Предтечи сребренныя, 84 пробы, в коих весу 7 золотников, полагая золотник по 20 коп., всего сребра на один рубль и [40] *копеек серебром.*

Все сии иконы находятся на полуколоннах предолтарнаго иконостаса.

Глава двенадцатая. Древности, не принадлежащия к Богослужению.

Знаки отличия Действительнаго Тайнаго Советника Петра Федорова Квашнина-Самарина.

48.1. Звезда сребропозлащенная, пробы, весу в оной 11 золотников, полагая за золотник по 17 копеек, всего сребра на один рубль и [80] *копеек.*

49.2. Орден Св. Анны сребропозлащенный без пробы, весу в нем 18 золотников, полагая за золотник по 17 копеек, всего на три рубли четыре копейки.

50.3. Большая пряжка с пояса сребропозлащенная [нрзб] *работы 84 пробы, весу в ней 65 золотников, полагая за золотник по 20 коп., всего сребра на тринадцать рублей.*

51.4. Малая пряжка сребропозлащенная, без пробы, в коей весу 1 золотник.

Глава тринадцатая. Колокола.

52.1. Первостепенный колокол, в коем весу 29 пудов и 37 фунтов.

53.2. Колокол – 12 пудов. 54.3. Колокол – 6 пудов. 55.4. Колокол – 3 пуда. 56.5. Колокол – 2 пуда.

Часть третья. Опись книгохранилища и письменности.

Глава первая. Печатныя книги Священнаго писания. […]

Глава вторая. Богослужебныя книги. […]

Глава третия. Прочия книги Духовнаго содержания.

7.1. Толкование на Евангелие на все дни, в полулист в кожаном переплете, Москва, 1698 года.

8.2. Толкование на Евангелие Воскресных и Праздничных, в полулист в кожаном переплете, Москва, 1797 года.

9.3. Книга поучительных слов недельных и праздников, Москва, 1776 года. […]

Глава четвертая. Книги историческия. […]

Глава пятая. Хозяйственные документы.

21.1. План на церковь, составленный и утвержденный Московским Губернаторским Архитектором Борисовым в 1840 году в рамке за стеклом.

22.2. Копия с плана Генеральнаго межевания, бывшаго в 1770 году и межевая книга на церковную землю вместе с владельческою.

23.3. Церковная печать.

Глава шестая. Билеты Сохранной Казны.

24.1. Билет Московской Сохранной Казны № 4423, 1848 г. мая 24 дня в 30 рублей серебром от Титулярнаго Советника г. Медианова, с коего проценты получаются в пользу причта за поминовение.

Метрика Богоявленской церкви, 1887

(архивные дела ИИМК[58] и ЦГАМ[59], приводятся только ответы на вопросы анкеты).

Метрика № 423 *для получения верных сведений о древне-православных храмов Божиих, зданий и художественных предметов.*

1) Московской епархии, Звенигородскаго уезда, церковь во имя Богоявления Господня в селе Богоявленском Брыкове тож.

3) Церковь основана и создана в 1762–1770 гг. В плане Генеральнаго межевания и межевой книге, составленных в 1770 г. церковь в плане значится и в межевой книге прямо сказано: церковь Богоявления Господня каменная. О прежде же бывшей церкви деревянной, построенной в 1698 году, не упоминается.

4) [Церковь] *каменная.*

5) Вотчинник Статский Советник Феодор Петрович Квашнин Самарин. В 1762 г. село Брыково принадлежало ему, как сказано в Генеральном плане. В 1770 г. он скончался и погребен при сей церкви.

6) Церковь близ селения, которое и именуется: "Брыково". Церковь в смежности с усадьбою владельческою и усадьбою причта, именуется село Богоявленское. Место гористое. Внизу протекает речка Мологоща.

7) К настоящему храму, существующему с 1770 г. в 1876 году приложена трапезная церковь двухпрестольная. В 1877-м году сложена новая колокольня.

9) Всё здание церкви (алтарь, настоящий храм, трапезная церковь и колокольня) представляет крест. Храм и настоящая церковь квадратные. Всё здание одноэтажное.

10) В настоящей церкви алтарь имеет малый полукруглый выступ.

11) Церковь в вышину до крыши фонаря имеет 6 сажень, в длину и ширину 4 сажени. Алтарь до крыши в вышину 7 арш., в длину 8 арш., в ширину 6 арш.

13) Алтарь и настоящий храм из кирпича. У трапезной церкви в цоколе белый камень.

14) В стенах средина насыпана бутом и залита известковым раствором. В стенах настоящаго храма кирпич разной формы и меры, тяжеловеснаго нет. В трапезной церкви кирпич тонкий. Кирпич везде обожженный. Стены в настоящем храме поправлены. Вставлялись колоды в окна и двери. Поправлялся цоколь – в нем много кирпича попрело. Связи в стенах железныя.

15) Наружныя стены гладкия. На углах алтаря и храма имеются выступы из кирпича с поясками.

16) У настоящей церкви карниз поясками из кирпича, у трапезной церкви из белаго камня.

18) Купол церкви покрыт железом крашенным. На алтаре и трапезной церкви [кровля] *шатровая на все скаты, железо на кровле выкрашенное новое.*

19) Фонарь глухой с гранями из кирпича. Фонарь устроен над сводом. На фонаре есть шея.

20) На церкви глава одна, покрыта белым железом.

21) Крест на церкви железный 4-х конечный железный позлащенный.

22) Окна широкия помещенныя над цоколем. В алтаре три окна в три света. Окна с перемычками прямыми. Над окнами сандрики. Наличники у окон гладкия из кирпича. В настоящем храме в окнах решетки железныя [нрзб] *с крюками. В трапезной церкви решетки из четырех угольнаго железа с поперечниками и кольцами.*

23) Входных дверей в церкви трое: с запада, севера и юга. Наружныя двери с севера и юга обшиты железными листами выкрашенными. Наличники у дверей валиками.

25) Паперть устроена с одной стороны. Камней с резьбою и надписями нет.

26) Церковь устроена в виде квадратной палаты. Алтарь от храма отделяется каменными стенами с тремя пролетами (двери царския и двое боковых). В настоящей один престол. Трапезная церковь устроена в виде палаты. В ней два придела. Трапеза от храма отделена глухою стеною с пролетом.

27) В настоящем храме свод в виде круговой дуги без опоры на столбах. В трапезной церкви крестовый свод, опирающийся на столбах. В трапезе своды разделяются двумя арками.

28) В трапезе в алтарях за иконостасами два столба гладкие без карнизов.

29) В настоящем храме в куполе лепныя украшения, над западной аркой наличники валиками лепныя. В алтаре есть впадины – одна для сосудохранительницы, другая для кадильницы и третья для кладезя.

30) Пол в алтаре из разноцветной лещади, в храме из белой плиты, в трапезе из белой лещади.

31) Алтарь в храме один без предалтарий. В алтаре свод полукруглый без опоры на столбах. В алтаре три окна. Помост в алтаре против храма возвышается на одну ступень. В алтаре окна расширены по случаю поставки колод, которых прежде не было. В трапезе алтари устроены в южной и северной сторонах, разделяются они арками. Между сими алтарями проход в храм. В трапезных алтарях по одному окну.

32) Престол дубовый с таковою же декою, длины 1 ½ арш., ширины 1 ¼ арш., вышины 1 арш. и 6 вершков.

36) Жертвенник в одном алтаре с крестом на открытом месте. Жертвенник дубовый с таковою же декою длиною и шириною 1 арш. и 1 ½ вершка, вышиною 1 арш. и 5 вершк.

37) Иконостас новаго устройства из дерева, выкрашенный белою краскою с позлащенными ко-

лоннами и по местам с позлащенною резьбою – в 4 яруса. Царские двери из двух створов – резныя. На верху их позлащенный крест.

38) Солея из белой лещади, окаймлена белым камнем. Выше помоста храма на одну ступень.

39) Амвон устроен из толстой белой лещади без сени.

40) Клиросы деревянные столярной работы выкрашенные белою краскою, двухсторонние, на обоих по кресту позлащенному.

50) Колокольня вновь построена в 1877 году на средства приходскаго попечительства. Столпообразная. Колокольня вышиною 33 арш. В нижнем ярусе длины 6 арш., ширины 8 арш.

51) Всех колоколов семь. 1. Большой колокол весом 123 п. 28 ф. с надписью: «При священнике Михаиле Михайловском и старосте Феодоре Мартынове, 1884 г. октября 12 д. Пожертвован сей колокол ко храму Богоявления Господня Воскресенским купцом Василием Степановичем Кухтиным с братьями Григорием и Ильею и женами их Евдокиею и Надеждою. За упокой родителей их Стефана и Марии, сродниками их. Лит в Москве на заводе Почетнаго Гражданина Андрея Дмитриевича Смагина. 2. Средний колокол в 29 пуд. и 37 ф. Вылит сей колокол на заводе Димитрия Самгина. 3. Малый колокол – 12 пуд 31 ф., 1803 г. февраля 23 дня. 4. Колокол 6 пуд. 5. Колокол 4 пуд. 6. Колокол 3 пуд. 7. Колокол 2 пуда. [Колокола № 4–7] *Без надписей.*

52) Стены настоящей церкви по местам расписаны живописным письмом. Купол в ней весь расписан. В алтаре одна картина Воскресение Христова, живописная, на потолочном своде.

53) Образ Спаса Нерукотвореннаго Образа иконнаго писания, писанный в 1808 году июля 11 дня. Находится на стене трапезы в общем киоте с другими образами. Киот без стекла.

60) Потир, дискос, звездица, лжица и блюдцы сребро-позлащенные 84 пробы с надписью: 1773 г. генваря дня. Анна Юрьева дочь Квашнина Самарина положила я вкладу в сию церковь оныя сосуды весом 3 ф. 60 золот. и завещаю сии сосуды, чтобы никому не трогать в роды родов.

1–3) Кто давал ответы на предложенные вопросы? Местный села Богоявленскаго Брыкова тож, Богоявленской церкви священник Михаил Михайловский. Воспитанник Московской Духовной семинарии II разряда курса 1852 года. Священствует 33 года.

4) [Время составления метрики:] *1886-го* [правильно: 1887] *года января 8-го дня.*

Клировая ведомость Богоявленской церкви, 1892

(выдержки из архивного дела ЦГАМ[60]).

Ведомость о церкви Богоявления Господня Звенигородского уезда, села Богоявленскаго Брыкова тож за 1892 год.

1. Настоящая церковь вместо бывшей деревянной, построенной в 1697 г. вотчинником Стольником Андреем Никитичем Квашниным-Самариным, вновь построена каменная в 1762–1770 г.г. вотчинником же Действительным Статским Советником Феодором Петровичем Квашниным-Самариным. В 1770 г. она была освящена и богослужение в ней совершалось на св. Антиминсе, перенесенном из деревянной церкви, выданным в 1698 г. по указу св. Патриарха Андриана. В 1778 г. выдан был новый св. Антиминс, священнодействованный в оном же Преосвященным Феофилактом Епископом Переславским и Дмитровским. В 1847 г. сей св. Антиминс переменен на настоящий, священнодействованный Высокопреосвященнейшим Филаретом Митрополитом Московским. В 1876 г. к ней приложена трапезная церковь с устройством в ней двух приделов при Священнике Михаиле Михайловском на сумму приходскаго попечительства и церкви, и октября 17 дня освящена. В 1877 г. построена новая колокольня. В 1884 г. реставрирован настоящий храм и октября 7 дня освящен.

2. Зданием каменная, крепкая.

3. Вся тёплая. Престолов в ней три: в настоящей церкви престол во имя Богоявления Господня. В трапезной церкви 2 престола: один во имя св. пророка Илии, другой во имя святителя и чудотворца Николая.

4. Утварью достаточна.

5. Причта положено было по штату: священник один, дьячек и пономарь. Ныне на лицо состоят священник и псаломщик.

6. Земли при сей церкви усадебной 1 десятина и 1.550 сажень, пашенной и сенокосной 32 десятины и 350 сажень. Из числа сей удобной земли 460 сажень, занятыя мельницей, пристройками к ней и ого-

родом, отношением Харьковской Судебной Палаты от 23 февраля 1872 года присуждены в собственность бывшаго землевладельца Кильдюшевскаго. Копия с плана Генеральнаго межевания и межевой книги на церковную землю с владельческою, по случаю производства дела о церковной земле представлены в Харьковскую Судебную Палату и доселе из оной не возвращены. При этом исходатайствована копия с Геометрическаго плана на оную церковную землю, составленнаго в 1858 году Звенигородским уездным землемером Амфилоговым, которая хранится в церковной ризнице. Землею владеют сами священноцерковнослужители. По условию с разрешения Епархиальнаго начальства по указу Московской Духовной Консистории от 27 февраля 1885 года за № 1074 отдано в десятилетнее арендное содержание 12 десятин, с 1884 г. по 1894 год крестьянам деревни Куч ценою за сто рублей в год.

7. Домы священноцерковнослужителей собственные, деревянные на церковной земле.

8. На содержание священноцерковнослужителей жалованья не получается ни от кого. По Государственному непрерывному доходному 4% билету […] *на тридцать рублей и по 4% билету Московской Конторы Государственнаго Банка* […] *на сто рублей, на вечное время получается процентов пять рублей и двадцать копеек. Содержание для двух членов причта достаточное.*

9. При сей церкви с разрешения Высокопреосвященнейшаго Филарета Митрополита Московскаго от 10 января 1857 года открыто было церковноприходское училище в доме священника, где помещалось до 1868 года. В 1868 г. по 1873 год ученики учились в церковной сторожке, построенной на церковной земле. В 1873 году попечителем училища крестьянином приходскаго сельца Железникова Алексеем М. Михайловым к сторожке было пристроено училищное помещение. В 1881 году попечителем училища Михайловым строжка и училище перестроены и расширены по случаю устройства квартиры для учителя. Всё здание застраховано в 2.000 рублей. Страховой полис за № 4208 из Московской Земской Управы выдан 29 сентября 1889 года.

10. Разстоянием сия церковь от Консистории в 60 верстах, от местнаго благочиннаго в 10 верстах.

11. Ближайшая к сей церкви Христорождественская, что в селе Филатове в 4 верстах.

12. Приписных к сей церкви никаких церквей не имеется.

13. Домовых церквей при сей церкви никаких нет.

14. Описи церковному и ризничному имуществу главная и дополнительная составлены 1868 года октября 20 дня, скреплены Московской Духовной Консисторией […] *печатью оной же Консистории. Составлены описи двух новых придельных храмов св. пророка Илии и святителя чудотворца Николая 1876 года октября 30 дня. Подлинныя описи представлены епархиальному начальству, копии же оных хранятся в церкви.*

15. Приходорасходныя книги о суммах свечной и церковной за шнуром и печатью Московской Духовной Консистории в 1891 году данныя ведутся исправно и хранятся в целости.

16. Копии с метрических книг с 1803 года хранятся в целости.

17. Исповедныя росписи с 1812 года хранятся в целости.

18. В обыскной книге, выданной за шнуром и печатью Московской Духовной Консистории в 1885 году […] *писанных листов 71, неписанных 129 листов.*

О причте означенной церкви

***Священник Михаил Никифоров Михайловский**, 62 лет, родился в Московской губернии, сын дьячка. Обучался в Московской Духовной Семинарии наукам: Богословским, Священному писанию,* […] *историям: церковной и Библейской, археологии, церковному Законоведению и учению о богослужебных книгах,* […] *математике и физике, сельскому хозяйству и медицине, языкам: латинскому, греческому и французскому. По окончании в оной Семинарии курса наук с аттестатом II разряда произведен Преосвященным Филофеем Епископом Дмитровским в означенное село Богоявленское, Брыково тож, к церкви Богоявления Господня во священника – 1853 г., мая 9 дня. Ставленую грамоту за подписанием Высокопреосвященнейшаго Филарета Митрополита Московскаго имеет.*

Безмездно [безвозмездно] *проходил должность наставника и законоучителя в церковноприходском училище в означенном селе Богоявленском, открытым им же священником в собственном доме с утверждения Высокопреосвященнейшаго Филарета Митрополита Московскаго – с 10 янв. 1857 г. по 19 сент. 1868 г.*

Состоял преподавателем Закона Божия и грамоты в земском начальном народном училище, открытом при означенном селе Брыкове – с 19 сент. 1868 г. по 5 марта 1876 г.

Безмездно обучал Закону Божию и грамоте питомцев Московскаго Императорскаго Воспитательнаго дома в сельском Богоявленском училище – с 10 апреля 1869 г. по 5 марта 1876 г.

Состоял в должности председателя приходскаго попечительства по постройке храма и устройству училища – с 26 мая 1872 г. по 11 марта 1876 г.

Состоял членом означеннаго попечительства – с 21 янв. 1866 г. по 1 янв. 1887 г.

Состоял общим духовником по благочинию заштатнаго города Воскресенска – с 22 ноя. 1883 г.

Состоит законоучителем в Богоявленском земском народном училище с утверждения училищнаго Совета и безмездно обучает Закону Божию питомцев Московскаго Императорскаго Воспитательнаго дома – с 5 марта 1876 г.

Утвержден Высокопреосвященнейшим Иоаникием Митрополитом Московским наблюдателем церковноприходских школ по ведомству Воскресенскаго благочиния – с 8 сент. 1886 г.

По Высочайше утвержденным правилам от 28 мая 1888 года состоит членом уезднаго Звенигородскаго Отделения епархиальнаго училищнаго Совета – с 11 ноября 1888 г.

Награжден наперстным бронзовым крестом на Владимирской ленте за 1853, 1854, 1855 и 1856 года – 26 дек. 1858 г.

Награжден набедренником за честное служение во священстве и за попечение о благоукрашении храма – 20 марта 1863 г.

По представлению епархиальнаго начальства за весьма честное и ревностное служение во священстве и за попечение о благоукрашении храма преподано благословение Святейшаго Синода – 4 мая 1867 г.

По определению училищнаго Совета за долговременные и полезные труды по училищу выдано в награду пятьдесят рублей – 13 сент. 1868 г.

По определению епархиальнаго начальства и по удостоверению Святейшаго Синода за весьма честное и ревностное служение во священстве и открытие приходскаго попечительства, в коем с 1866 года состоит членом Всемилостивейше Его Императорским Величеством награжден бархатною фиолетовою скуфьею – 12 апреля 1870 г.

По определению епархиальнаго начальства и по удостоверению Святейшаго Синода за долговременное и честное служение во священстве и ревностные труды по должности наставника в сельском народном училище Всемилостивейше Его Императорским Величеством награжден камилавкою – 8 апреля 1873 г.

По определению епархиальнаго начальства за особенную деятельность по отправлению духовных треб во время свирепствовавшей в 1871–1872 гг. эпидимической холерной болезни преподано благословение Святейшаго Синода – 19 мая 1873 г.

По определению епархиальнаго начальства указом Святейшаго Синода за № 947 за попечение в благоустройстве училища, за постройку храма, за 20-летнее прохождение должности наставника и законоучителя, и за 25-летнюю честную службы в сане священника преподано благословение Святейшаго Синода – 1 апреля 1878 г.

В награду похвальнаго действия ознаменованнаго учреждением в 1857 г. в своем доме и на свои средства училище, в коем ежегодно обучалось по удостоверению епархиальнаго начальства 25 приходских мальчиков и содержанием училища со дня открытия по засвидетельствованию начальства и удостоверению Кавалерской Думы Всемилостивейше сопричислен к ордену Св. Анны третьей степени – 3 февраля 1879 г.

По докладу г. Инспектора по ревизии школ, Звенигородским уездным училищным Советом отношением онаго за № 82 за хорошее преподавание Закона Божия и за хорошие успехи по пению в земском Богоявленском Брыковском народном училище объявлена благодарность – 29 апреля 1889 г.

По представлению епархиальнаго начальства и по удостоверению Святейшаго Синода за 35-летнюю честную службу в сане священства и за заслуги по духовному ведомству награжден наперстным крестом от Святейшаго Синода выдаваемым – 15 марта 1890 г.

В семействе у него:

Жена Александра Михайлова, 60 лет.

Дочь девица Ольга М. Михайловская, 29 лет, домашняя учительница.

Дочь вдова Елисавета М, 31 года, жена земскаго врача Георгия Тимофеева Родионова, проживает в г. Москве.

Сыновья: Павел. М. Михайловский холост, округа Московской Судебной Палаты присяжный

поверенный, проживает в Москве.

Николай М. Михайловский, женат, Московской Духовной Академии кандидат Богословия, преподаватель русскаго языка в Волоколамском духовном училище.

Дочь Александра М. – жена священника Василиевеликской села Лыкова Коломенскаго уезда церкви Петра Николаева Зверева.

Недвижимаго имения у самого и жены никакого нет. [В храме произнес за год:] *двенадцать проповедей.* [Поведения:] *очень хорошаго. В родстве с псаломщиком не состоит. Судим и штрафован не был. Под судом и следствием не состоит.*

Определением Епархиальнаго начальства, изложенным […] *Д. Консисторией 19 окт. 1892 г.* […] *за* […] *неисправное служение Литургии* […] *был подвергнут под начало в Иосифом Волоколамском монастыре на два месяца с запрещением священнослужения. По окончания эпитимии* [нрзб] *разрешено ему священослужение и дозволено приискать священ. место в другом приходе и подвергнуть там его особому надзору местнаго благочиннаго.*

***Псаломщик Александр Григорьев Синайский**, 50 лет, родился в Московской губернии, сын пономаря. Обучался в Коломенском духовном училище Катехизису, грамматикам: латинской, греческой, российской и славянской, арифметике, церковному уставу и нотному пению. По исключению в 1858 году из низшаго отделения онаго училища определен Дмитровской округи села Селевкина к Богородицерождественской церкви Преосвященным Леонидом епископом Дмитровским во дьячка – 4 янв. 1861 г.*

От сей церкви переведен Преосвященным Леонидом в означенное село Богоявленское, Брыково тож к церкви Богоявления Господня к той же должности – 24 янв. 1863 г.

В стихарь посвящен Преосвященным же Леонидом, грамоту имеет – 24 дек. 1863 г.

В семействе у него: Жена Анна Николаева, 46 лет.

Дети: Ольга Синайская, 23 лет, обучалась в местном приходском училище.

Александр Синайский, 18 лет. В 1890 году изключен из 3 класса Звенигородскаго Духовнаго училища.

Алексей Синайский, 11 лет. Окончил курс в местном приходском училище.

Недвижимаго имения у него и жены никакого нет. Читает порядочно. [нрзб] [Поведение:] *Довольно хорошее. В родстве со священником не состоит. Судим и штрафован не был. Под судом и следствием не состоит.*

О прихожанах означенной церкви.

Звенигородскаго уезда, Лучинской волости:

В селе Богоявленском: в доме причта членов семейства и проживающих: 2 [двора], *3* [м.п.], *2* [ж.п.].

В училище и церковной сторожке проживающих – 1 [дв.], *1* [м.п.].

В доме наследников землевладельца г. Карпова проживающих: 2 [дв.], *4* [м.п.], *6* [ж.п.]. *Все (дома) при церкви. Крестьян в селе Брыкове – 29* [дв.], *66* [м.п.], *81* [ж.п.], *в полуверсте от церкви.*

Крестьян в деревне Кучах – 41 [дв.], *104* [м.п.], *117* [ж.п.], *в одной версте от церкви.*

В деревне Букарево в доме землевладельца временнаго купца Павла Г. Купцова – 1 [дв.], *3* [м.п.], *4* [ж.п.], *в одной версте от церкви. В оной деревне крестьян – 4* [дв.], *8* [м.п.], *8* [ж.п.].

В сельце Красновидове в доме землевладельца Николая Владимировича Рукина и его имении проживающие – 3 [дв.], *14* [м.п.], *15* [ж.п.], *в двух верстах от церкви.*

Крестьян в сельце Зенкине – 32 [дв.], *90* [м.п.], *92* [ж.п.], *в трех верстах от церкви.*

Крестьян в деревне Ильине – 8 [дв.], *21* [м.п.], *22* [ж.п.], *в пяти верстах от церкви.*

Крестьян в деревне Хмолине – 11 [дв.], *44* [м.п.], *30* [ж.п.], *в четырех верстах от церкви.*

Крестьян в деревне Дедешине – 11 [дв.], *34* [м.п.], *44* [ж.п.], *в двух верстах от церкви.*

Крестьян в деревне Избищах – 7 [дв.], *21* [м.п.], *16* [ж.п.], *в пяти верстах от церкви.*

В сельце Железникове в доме землевладельцы Стефании Доминовны г. Милодовской проживающих – 1 [дв.], *1* [м.п.], *2* [ж.п.], *в трех верстах от церкви.*

В сельце Железникове, Медведкове тож крестьян – 11 [дв.], *42* [м.п.], *41* [ж.п.], *в трех верстах от церкви. Проживающих в означенных селениях разночинцев – 8* [дв.], *118* [м.п.], *114* [ж.п.]. […]

Рузскаго уезда, Васильевской волости: В сельце Павловском, Холуяниха тож, крестьян – 23 [дв.], *52* [м.п.], *57* [ж.п.], *в семи верстах от церкви. Проживающих в оном сельце разночинцев – 3* [дв.], *12* [м.п.], *26* [ж.п.], *в семи верстах от церкви. Препятствий в сообщении нет.*

Итого: 198 [дв.], *645* [м.п.], *677* [ж.п.]

Страхование от пожара Богоявленской церкви, 1910

(архивные дела ЦГАМ[61] и РГИА[62], подчеркивания слов соответствуют оригиналу).

9 ноября 1910 г. мы, нижеподписавшиеся, производили оценку строений, принадлежащих Богоявленской церкви в селе Брыкове ~~5-го~~ [исправлено на:] *1-го благочинническаго округа, Звенигородскаго уезда, Московской епархии. При осмотре оказалось, что Богоявленской церкви принадлежат нижеследующия строения:*

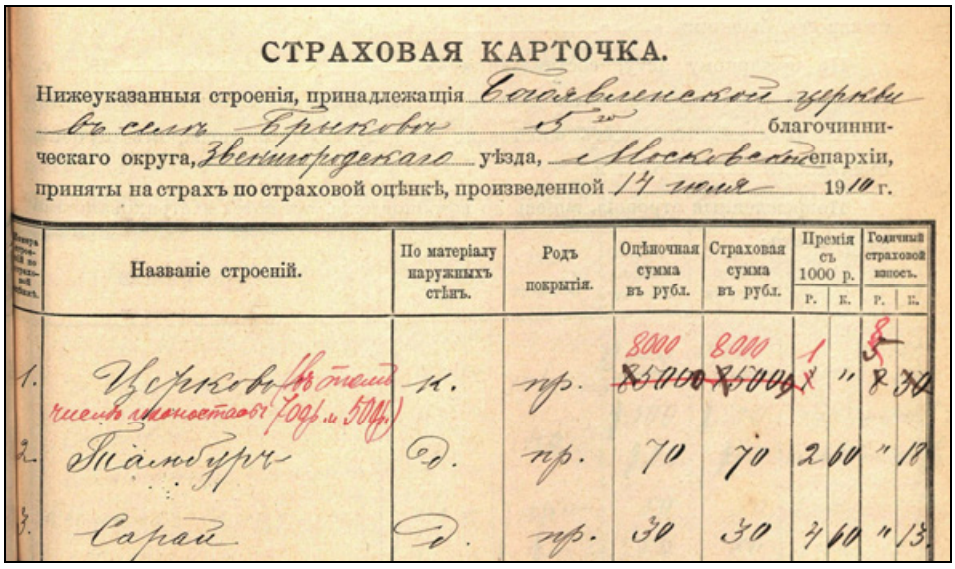
1. Богоявленская церковь – каменная, на каменном фундаменте, снаружи побелена известью, внутри оштукатурена, покрыта железом, окрашенным зеленою масляною краскою. Длина церкви, считая трапезу и колокольню – 16 саж., наибольшая ширина – 7 саж., высота до верха карниза – 3 ½ саж. На церкви имеется одна большая главка; больших окон – 23 шт., дверей наружных, створчатых, обшитых железом – 2 шт., деревянных – 1 шт., внутренних – 4 шт. Иконостас настоящей церкви длиною 9 арш., высотою 9 ½ арш. (оценен в 700 р.); иконостасы трапезной церкви – 2 шт., каждый длиною 6 ½ арш., высотою – 6 арш. (оценены в 500 р.). Трапезная церковь отапливается четырьмя изразцовыми печами. Колокольня в 3 яруса, общею высотою до верха карниза 10 саж. Ближайшая к церкви чужая постройка – земское училище с квартирою учителя находится с северо-западной стороны на разстоянии 10 саж. Настоящая церковь построена в 1770 году; трапезная в 1876 году, строение хорошо сохранилось. Оценка вместе с иконостасами и колокольней – 5000 [руб.]

2. Тамбур при церкви деревянный, длиною 1 ½ саж., шириною – 1 1/3 саж., покрыт железом, имеет четыре большия окна и одну дверь; построен в 1907 году, сохранился хорошо – 70 [руб.]

3. Сарай деревянный, бревенчатый, без пола, покрыт железом, длиною – 5 1/3 саж., шириною – 2 саж., высотою – 1 саж., одне створчатыя деревянныя ворота, строение сохранилось хорошо – 30.

Оценку составляли: Благочинный 5-го округа священник Сергий Владиславлев.

[подписи:] *священник Алексей Смирнов, священник Петр Зверев, псаломщик Василий Величкин, церковный стар. Сергей Гудович* […]

СТРАХОВАЯ КАРТОЧКА.

Нижеуказанныя строенія, принадлежащія Богоявленской церкви въ селѣ Брыковѣ 5-го благочинническаго округа, Звенигородскаго уѣзда, Московской епархіи, приняты на страхъ по страховой оцѣнкѣ, произведенной 14 іюля 1910 г.

№ по порядку	Названіе строеній.	По матеріалу наружныхъ стѣнъ.	Родъ покрытія.	Оцѣночная сумма въ рубл.	Страховая сумма въ рубл.	Премія съ 1000 р. р.	Премія съ 1000 р. к.	Годичный страховой взносъ. р.	Годичный страховой взносъ. к.
1.	Церковь (с иконостасом 700 р. и 500 р.)	к.	пр.	~~5000~~ 8000	~~5000~~ 8000	1	"	~~5~~ 8	~~30~~
2.	Тамбур	д.	пр.	70	70	2	60	"	18
3.	Сарай	д.	пр.	30	30	1	60	"	13

Страховая карточка Богоявленской церкви (начало), 1910.

Нижеуказанныя строения, принадлежащия Богоявленской церкви в селе Брыкове 5-го благочинническаго округа, Звенигородскаго уезда, Московской епархии, приняты на страх по страховой оценке, произведенной 14 июля 1910 года.

1. Церковь. По материалу наружных стен: к. [каменная]. *Род покрытия*: *пр.* [прочно]. *Оценочная сумма в рубл.: ~~5000~~* [исправлено на:] *8000. Страховая сумма в рубл.: ~~5000~~* [исправлено на:] *8000. Годичный страховой взнос: ~~5~~* [исправлено на:] *8.*

2. Тамбур. По материалу наружных стен: д. [деревянная]. *Род покрытия*: *пр. Оценочная сумма в рубл.: 70.* [руб.] *Страховая сумма в рубл.: 70. Годичный страховой взнос: 18* [коп.]

3. Сарай. По материалу наружных стен: д. Род покрытия: *пр. Оценочная сумма в рубл.: 30. Страховая сумма в рубл.: 30. Годичный страховой взнос: 13* [коп.]

[подпись:] *Благочинный 5-го округа священник Сергий Владиславлев.*

Опись Богоявленской церкви, 1918–1921

(архивное дело ЦГАМО[63]).

Церковь Богоявления Господня, что в селе Брыкове Звенигородскаго уе. Московск. Епархии. Опись храма и утвари церковной

Храм весь каменный с каменною же колокольнею, покрыт железом. Имеет три Престола: в холодной церкви в Алтаре престол дубовый, покрыт белой Срачицею, а верхняя парча из галуна. На престоле лежит Евангелие большое медное вызолоченное. Два креста медныя, вызолоченныя с эмалью. Ковчег медный с эмалью, находящийся в футляре деревянном за стеклом. Антиминс шелковый желтый, завернутый в Иллитон или в плат. Два утиральных плата. Запрестольныя иконы: Крест деревянный, крашен масляною краскою. Икона Божией Матери в ризе медная высеребрянная. 1 медный высеребрянный семисвечник и сбоку престола один медный подсвечник высеребрянный. По стене алтаря семь висячих икон в ризах медно-высеребрянныя. Жертвенник одет парча из галуна желтаго цвета. Над царскими вратами – дверьми – шелковая желтая завеса. Шкаф заделан в стене деревянный за стеклом для книг и вещей. Кадила серебрянная. Выносная свеча металлическая. Сосуды на Жертвеннике серебрянные: Чаша, Дискос, Звездица, Лжица, две металлическия тарелочки и ковшик. Две тарелочки медно высеребрянные. На Жертвеннике Икона Спасителя в серебряной ризе. Два висячих медныя высеребрянныя подсвечника и деревянный стол для облачений. Иконостас в холодном храме из трех ярусов. Царския двери. Вся живопись без риз писаны масляною краскою. Пред Иконостасом четыре больших подсвечника медныя высеребрянныя. Два клироса деревянных: на правом клиросе Икона Скорбящия Б. Матери в киоте без ризы за стеклом. На левом клиросе Икона Серафима Саровскаго без ризы, но с резьбой золоченой. Пред ними четыре подсвечника медныя высеребренныя. По стенам живопись писана маслеными красками. Одна пара хоругвей медныя высеребрянныя. Большая паникадила с 27 местами для свеч медная вызолоченная. Двое дверей южных и северных. Кроме того в холодном храме 13 окон. В этом храме находится выносная плащаница деревянная.

В теплом храме в правой стороне придел во имя Св. Пророка Божия Илии.

В Алтаре престол дубовый одет так же как и в холодном храме. На престоле: Евангелие большое металлическое. 2 креста металлических, один белый. Антиминс шелковый желтый и плат. 2 плата утиральных. Ковчег медный в футляре деревянном. Запрестольныя Крест и Божия Матерь металическия с эмалью. Трехсвечник медный высеребрянный. Жертвенник деревянный одет также как и в холодном храме, на нем икона Б. Матери Казанская в ризе высеребрянной. На Жертвеннике сосуды серебрянныя: Чаша, Дискос, Звездица, Лжица, две металлических тарелочки, ковшечек, все вызолоченое. По стенам Алтаря живопись. Шкаф деревянный за стеклами для уборки сосудов и воздухов. В Алтаре печь контромарка. Над Царскими дверьми завеса желтая шелковая. 2 крестильных ящика. 3 копия для просфор.

В левой стороне теплаго храма придел во имя Св. и Чудотворца Николая. В нем Престол дубовый, облачен так же, как и прочие престолы. На нем находятся: Евангелие бархатное золоченное. Два креста, из них один серебряный. Антиминс шелковый желтый, завернут в плат. Ковчек медный с эмалью в футляре деревянном за стеклами. Трехсвечник медный высеребрянный. Запрестольныя Крест и Божия Матерь металическия. Жертвенник. Икона на нем Св. и Чуд. Николая в ризе высеребрянная. На Жертвеннике сосуды серебрянныя вызолоченыя: Чаша, Дискос, Лжица, Звездица, две маленьких тарелочки, и две больших медно-высеребрянныя. Печь контромарка. Столик деревянный для облачений. Завеса желтая шелковая. По стенам Алтаря живопись из масленной краски.

Середина теплаго храма:

В арке: Крест деревянный. Подсвечник медно-высеребрянный. Икона Св. Пр. Илии в ризе медно вызолоченная. Икона Св. и Чуд. Николая в ризе медно-вызолоченная. Два Иконостаса деревянныя с колонами из трех ярусов, живопись на иконостасах и по всему храму писана масленными красками. В чеканке позолота, четыре клироса деревянных. Икона Иверской Божией Матери в ризе медно вызолоченная. Икона висячая Николая Чуд., в ризе медно высеребрянная. Хоругвей медно-вызолоченных четыре пары, а одна пара медно высеребрянная с эмалью. Подсвечников семь больших медно высеребряных. Медное кадило в Алтаре. 17 подсвечников медно высеребряных, привернутыя к иконостасу. 3 паникадилы медно высеребрянныя. 2 боковых иконостаса, с правой стороны

13 малых икон все в ризах, медныя, пред ними 2 подсвечника висячих медно-высеребрянныя. С левой стороны 9 икон без риз. Четыре выносных аналоя деревянных и три малых у престолов. Два стола выносных. Две печи израсцовых полудуховых. 4 выносных медно высеребряных подсвечника. Шкаф деревянный для книг. Шкаф деревянный для облачений. Церковный ящик деревянный и 2 стремянки для зажигания паникадил. Лампад медно-золоченных 9. Стаканчиков всех стеклянных 54. Окон в теплом храме 6 больших и 4 малых. Стенныя часы. Две табуретки. 1 стул. Сундук. Шкаф малый для свеч. Медная купель. Носящий Крест. Б. Матерь и проч. иконы по приходу деревянныя без риз. Облачений всех со стихарями девять. Облачений без стихарей девять, в этом числе и подержанные. 3 покрова для умерших и 1 покров на плащанице. Пелен всех для больших аналой и малых десять. Воздухов всех для сосудов двадцать. Ковров для Алтарей 6 больших и 4 малых. Водосвятная Чаша. Кувшин для Св. воды, мед. Крапило. Таз. Все медное, высеребрянное. 2 мед. чайника для воды. Двое мед. венцов. 3 малых металлических подсвечника. Сосуд мед. высер. для хлебов благословенных. 2 малых Евангелия и 1 крест, медно-вызолоченный. Колоколов: большой 123 пуд, средний 29 пуд, и малых 6 пуд. 2 мален. скамеечки. Веревка для колокола. Служебных книг: служебников всех 2. Миней месячных 12, и одна дополнительная. 2 Октоиха, Прологов 4. Одна цветная триодь. 2 постных триоди. Псалтырь. 2 часослова. 2 Апостола. 1 Ермологий. Метрическия книги хранятся с 1803 года включительно. 2 Кононника и всех прочия. Требников всех пять.

Церковный сарай деревянный, крыт железом. Сторожка, в ней находятся: калун, топор, ведро, деревянный стол, две скамейки.

[дописано вверху листов:] *Причтавого капитала 1.030 руб. и церковнаго капитала 559 руб. 61 коп. А всего вместе 1.589 руб. 61 коп. в билетах неприкосновенных. Вокруг церкви каменная ограда с вратами.*

[подписи:] *В верности выписи всего храма подписуемся. Члены приходскаго Совета Илья Малюков, Димитрий Газов, Василий Булочников.*

Список изъятых ценностей из Богоявленской церкви, 1922

(архивное дело ЦГАМО[64]).

Протокол Изъятия ценностей из цер. Брыкова 29.IV.1922 г. на основании Постановления В.Ц.И.К. от 23-го февраля с.г. и согласно мандата за № 825 от 26.IV представителями от Воскресенского исполкома т. Федосеева в присутствии представителей общины верующих свящ. Величкин, цер. староста Малюков, Газов, Горячев.

Изъяты для передачи в Горхран в фонд помощи голодающим цености, согласно имеющейся при общине заверенной описи при сем прилагаемой, при чем при приеме оказались следующие несоответствия против ценностей, указанных в описи: кадило (одно), чаши (две), дискосов (два), тарелочки (четыре), лжицы (две), ковши (один), звездиц (две), риз (одна), напрестольный крест (один).

Ценности поименованные в описи приняли: Федосеева, Величкин. Ценности сдали представители общины верующих: Малюков, Газов. Копию акта получил Горячев.

***Общая опись ценностей, изъятых из церкви Брыково** комиссией Воскресенского уезда т. Федосеева, вх. № 589, 3 мая 1922 г.*

Кадило (одно). Чаши (две), дискосов (два), тарелочки (четыре), лжицы (две), ковши (один), звездиц (две). Риз (одна). Напрестольный крест (один).

Примечание. В обмен за один сосуд, одну лжицу, один дискос, одну звездицу, одну тарелку, одну ризу и один напрестольный крест, получено лома серебра, равнаго весом перечисленных вещей, т.е. 3 ф. 91 з. [примерно 1,6 кг].

[подписи] *Представ. Верующ. Василий Величкин, И. Малюков, Газов, Горячев.*

Лучинской вол., Церковь Бриково. Наименование ценностей:

1. Одно Кадило серебряное.

2. Сосуды на жертвеннике серебряные: чаша, дискос, звездица, и лжица.

3. Икона Спасителя на жертвеннике на ней серебряная риза.

5. Чаша, Дискос, Звездица, Лжица, 2 тарелочки и ковшечек, серебренные вызолоченные. [Поверху написано:] *остались.*

6. Один крест серебряный.

Приход Богоявленской церкви в XIX-XX веках

(по данным клировых ведомостей архива ЦГАМ).

Состав прихода (расстояние от церкви в верстах):	Число дворов, количество душ (мужских/женских) по годам:							
	1813	**1825**	**1836**	**1842**	**1851**	**1863**	**1892**	**1916**
Богоявленское сельцо	-	-	-	-	-	1 7/6	5 8/8	-
Брыково село	20	22 111/116	20 96/98	17 93/92	22 83/84	28 70/77	29 66/81	33 104/111
Букарево деревня (1)	-	2 13/11	3 14/13	2 9/11	4 14/17	6 13/12	5 11/12	3 15/17
Дедешино деревня (1)	-	7 37/33	7 39/43	8 53/43	11 30/34	11 32/40	11 34/44	15 57/62
Железниково сельцо (3)	9	10 45/44	9 55/56	14 62/74	17 48/65	18 40/38	12 43/43	12 52/52
Зенькино сельцо (3)	-	20 77/81	20 90/90	20 84/93	14 71/77	25 67/75	32 90/92	38 111/113
Избище деревня (5)	-	5 23/26	5 22/21	6 28/27	6 21/30	6 12/17	4 21/16	7 29/36
Ильино деревня (5)	-	6 22/20	6 22/23	6 28/27	7 21/20	7 27/20	8 21/22	11 31/35
Красновидово сельцо (2)	8	1 18/15	1 12/7	1 10/12	1 17/14	1 6/8	3 14/15	2 3/4
Кучи деревня (0,5)	23	20 78/74	19 94/90	18 92/102	22 89/82	27 92/78	41 104/117	37 115/106
Павловское сельцо (7)	7	9 34/30	10 41/39	10 42/47	12 48/50	18 45/48	23 52/57	23 67/82
Хмолино деревня (4)	-	9 40/37	8 39/47	8 37/53	11 34/48	12 31/32	11 44/30	16 55/57
Всего	67	111 498/488 986	108 524/527 1051	107 533/581 1114	132 484/508 992	165 526/556 1082	198 645/677 1322	197 637/677 1314

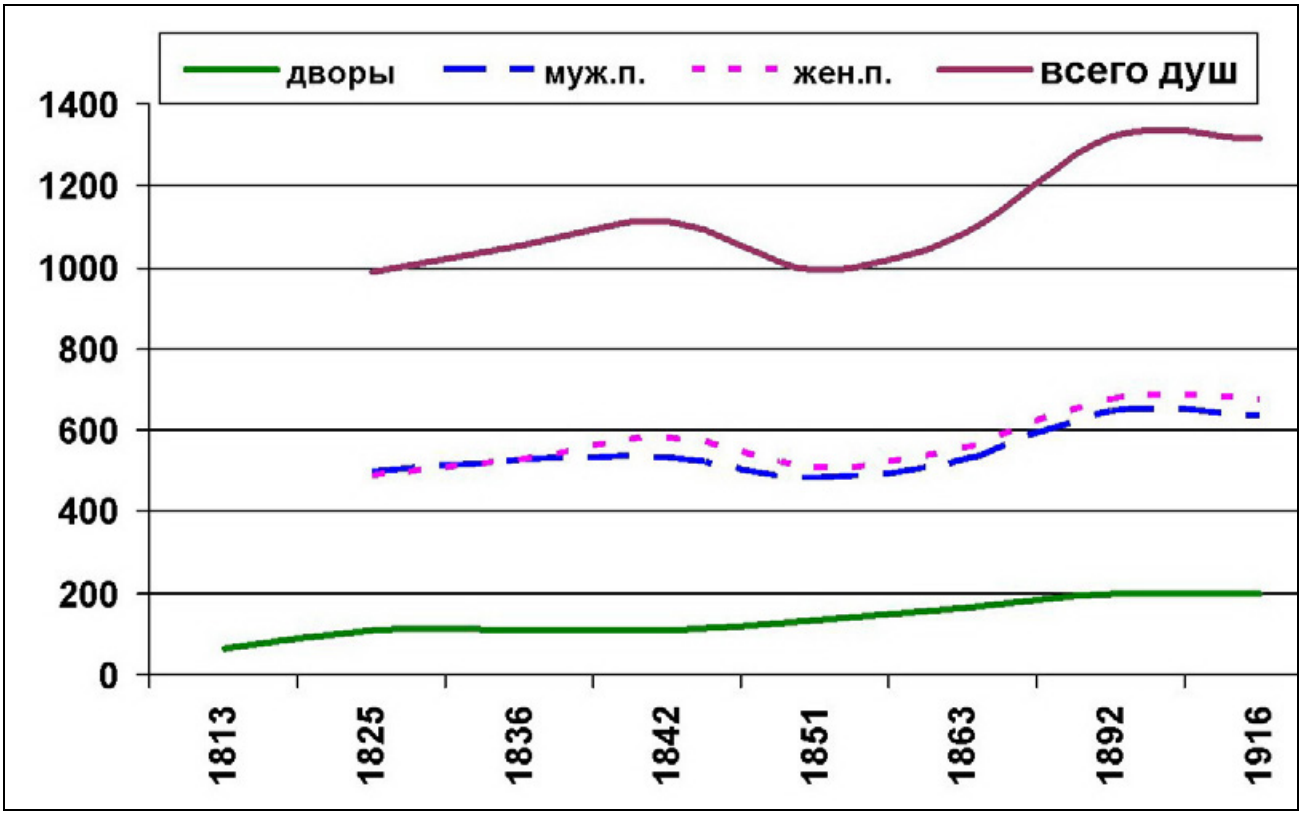

График изменения численности дворов и прихожан Богоявленской церкви в XIX и XX в.

Списки архивных дел с метрическими книгами и исповедными ведомостями

Подавляющее большинство сохранившихся метрических книг, исповедных ведомостей Богоявленской церкви с. Брыково хранится в московском архиве ЦГАМ (несколько экземпляров каким-то образом оказались во Владимирском ГАВО и Ярославском ГАЯО архивах). В настоящее время в этом архиве ведется оцифровка метрических книг (а также исповедных ведомостей и ревизских сказок). По мере готовности сканы книг выкладываются в открытый доступ на сайт архива[65] (так, по крайней мере, было на момент написания настоящей книги). Следует также сказать, что недавно запущен удобный сервис Яндекс-поиска[i] по рукописным текстам метрических книг и исповедных ведомостей многих архивов, включая ЦГАМ.

Список метрических книг для Богоявленской можно считать полным (хотя конечно, могут еще быть находки). А вот ситуация с исповедными ведомостями хуже. К сожалению, в фонде № 203 ЦГАМ в заголовках дел исповедных ведомостей в отличие от заголовков метрических книг названия церквей, как правило, не указаны (отмечен только уезд и год). В ходе работы над настоящей книгой были просмотрены десятки архивных дел с исповедными ведомостями Звенигородского уезда, но не все. Поэтому приводимый далее список дел для ведомостей далеко неполный.

Исповедные ведомости Богоявленской церкви

(архивы ЦГАМ, ГАЯО)

Это посемейные списки прихожан и клириков, ежегодно составлявшиеся настоятелем храма для учета тех лиц, кто был на исповеди своих грехов в Великий пост. Для каждого члена семьи в отдельной строке указывался возраст и степень родства с другими родственниками (жена, сын, сноха, теща и так далее), также ставилась отметка о прохождении исповеди или отсутствия на оной. Исповедки (так на своем жаргоне исследователи именуют данные документы) были введены в начале XVIII в. Со второй половины 1860-х гг. их заполнение перестало быть обязательным.

фонд	оп.	дело	год
Московский архив (ЦГАМ)			
203	747	43	**1740**
203	747	584	**1788**
203	747	598	**1789**
203	747	645	**1792**
203	747	661	**1793**
203	747	676	**1794**
203	747	690	**1795**
203	747	729	**1798**
203	747	738	**1799**
203	747	748	**1800**
203	747	756а	**1801**
203	747	784	**1804**
203	747	789	**1805**
203	747	804	**1806**
203	747	813	**1807**
203	747	854	**1812**
203	747	870	**1813**
203	747	880	**1814**
203	747	891	**1815**
203	747	927	**1818**
203	747	964	**1819**
203	747	980	**1820**
203	747	993	**1821**
203	747	1005	**1822**
203	747	1026	**1823**
203	747	1044	**1824**
203	747	1060	**1825**
203	747	1080	**1826**
203	747	1104	**1827**
203	747	1126	**1828**
203	747	1149	**1829**
203	747	1168	**1830**
203	747	1188	**1831**
203	747	1208	**1832**
203	747	1223	**1833**
203	747	1245	**1834**
203	747	1266	**1835**
203	747	1289	**1836**
203	747	1311	**1837**
203	747	1355	**1839**
203	747	1376	**1840**
203	747	1422	**1842**
203	747	1444	**1843**
203	747	1465	**1844**
203	747	1509	**1846**
203	747	1532	**1847**
203	747	1554	**1848**
203	747	1576	**1849**
203	747	1619	**1851**
203	747	1638	**1852**
203	747	1658	**1853**
203	747	1746	**1857**
203	747	1786	**1859**
203	747	1805	**1860**
203	747	1825	**1861**
203	747	1863	**1863**
203	747	1884	**1864**
203	747	1904	**1865**
607	1	911	**1800**
607	1	912	**1801–1805**
607	1	914	**1807–1816**
607	1	915	**1819–1829**
607	1	1908	**1806**
607	1	1910	**1812–1813**
607	1	1913	**1821**
607	1	1915	**1825–1826**
607	1	1918	**1830**
608	2	1734	**1799**
Ярославский архив (ГАЯО)			
582	1	437	**1779**
1200	4	79Б	**1780**

[i] Следует сказать, что Яндекс-поиск при обработке дореволюционных рукописных текстов дает много ошибок. Это понятно. Удивительно другое: как, учитывая мало разборчивые почерки, поиск вообще выдает какие-то результаты! С помощью этого сервиса удалось заметно обогатить генеалогический материал в настоящей книге, уточнить имена и даты жизни многих людей.

Метрические книги Богоявленской церкви

(архивы ЦГАМ, ГАЯО, ГАВО)

Это книги регистрации актов рождения, браков и смертей людей, которые вели настоятели каждого приходского храма. По данным интернета метрические книги стали заполняться с конца XVII в., для Богоявленской церкви самые старые сохранившиеся книги датированы концом XVIII столетия. Книги составлялись в двух экземплярах: первый (приходской) находился в церкви, в него оперативно вносились записи по мере регистрации актов. Второй экземпляр дублировал первый, он заполнялся по истечении очередного года и передавался в духовную консисторию. Формуляр метрических книг неоднократно менялся, с 1838 г. были введены специальные бланки трех видов (частей): о родившихся, о сочетавшихся браком и о умерших. С первых лет советской власти регистрация актов гражданского состояния была передана государственному органу (ЗАГС). На сайте УБД приведен список метрических книг с. Брыково по годам[66].

фонд	оп.	дело	год
Консисторские экз. (ЦГАМ)			
203	745	774	**1788**
203	745	781	**1789**
203	745	796	**1790**
203	745	808	**1791**
203	745	822	**1792**
203	745	836	**1793**
203	745	846	**1794**
203	745	859	**1795**
203	745	870	**1796**
203	745	881	**1797**
203	745	887	**1798**
203	745	904	**1799**
203	745	916	**1800**
203	745	930	**1801**
203	745	943	**1802**
203	745	954	**1803**
203	745	966	**1804**
203	745	1002	**1807**
203	745	1019	**1808**
203	745	1030	**1809**
203	745	1045	**1810**
203	745	1056	**1811**
203	745	1068	**1812**
203	745	1082	**1813**
203	745	1091	**1814**
203	745	1113	**1815**
203	745	1124	**1816**
203	745	1152	**1818**
203	745	1166	**1819**
203	745	1179	**1820**
203	745	1200	**1821**
203	745	1210	**1822**
203	745	1226	**1823**
203	745	1240	**1824**
203	745	1256	**1825**
203	745	1271	**1826**
203	745	1290	**1827**
203	745	1304	**1828**
203	745	1321а	**1829**
203	745	1333	**1830**
203	745	1355	**1831**
203	745	1369	**1832**
203	745	1379	**1833**
203	745	1413	**1835**
203	745	1395	**1834**
203	745	1432	**1836**
203	745	1449	**1837**
203	745	1466	**1838**
203	745	1488	**1839**
203	745	1514	**1840**
203	745	1547	**1841**
203	745	1579	**1842**
203	745	1610	**1843**
203	745	1642	**1844**
203	745	1674	**1845**
203	745	1704	**1846**
203	745	1729	**1847**
203	745	1758	**1848**
203	745	1787	**1849**
203	745	1813	**1850**
203	745	1838	**1851**
203	745	1861	**1852**
203	745	1890	**1853**
203	745	1917	**1854**
203	745	1946	**1855**
203	745	1974	**1856**
203	745	2003	**1857**
203	745	2033	**1858**
203	745	2060	**1859**
203	745	2087	**1860**
203	745	2115	**1861**
203	745	2140	**1862**
203	780	729	**1871**
203	780	739	**1873**
203	780	747	**1874**
203	780	756	**1875**
203	780	767	**1877**
203	780	774	**1878**
203	780	783	**1879**
203	780	791	**1880**
203	780	798	**1881**
203	780	813	**1882**
203	780	817	**1883**
203	780	826	**1884**
203	780	842	**1886**
203	780	852	**1887**
203	780	861	**1888**
203	780	870	**1889**
203	780	2264	**1891**
203	780	882	**1890**
203	780	2271	**1892**
203	780	2279	**1893**
203	780	2290	**1894**
203	780	2308	**1895**
203	780	2314	**1896**
203	780	2323	**1897**
203	780	2336	**1898**
203	780	2339	**1898**
203	780	2342	**1899**
203	780	2356	**1900**
203	780	2362	**1901**
203	780	3287	**1902**
203	780	3297	**1903**
203	780	3306	**1904**
203	780	3316	**1905**
203	780	3636	**1906**
203	780	3646	**1907**
203	780	3820а	**1908**
203	780	3932	**1909**
203	780	4061	**1910**
203	780	4187	**1911**
203	780	4196	**1911**
203	780	4324	**1912**
203	780	4463	**1913**
Приходские экз. (ЦГАМ)			
520	1	25	**1878–1894**
520	1	81	**1890–1895**
607	1	913	**1802–1813**
607	1	1909	**1810**
607	1	1911	**1814–1818**
607	1	1912	**1820–1823**
607	1	1914	**1824**
607	1	1916	**1826**
607	1	1917	**1828–1830**
607	1	1919	**1831–1832**
608	3	41	**1811**
608	4	250	**1858–1860**
Владимирский архив (ГАВО)[i]			
556	106	45	**1876–1901**
556	106	80	**1876–1901**
Ярославский архив (ГАЯО)			
582	1	437	**1779**
1200	4	79Б	**1780**

[i] Информация о наличии метрических книг Богоявленской церкви во Владимирском архиве опубликована на сайте Т. Максимовой http://www.maximovy.ru

7. Служители Богоявленской церкви и учителя Брыковской школы

Список составлен в ходе обработки множества исторических документов, архивных дел[i]. Служители перечислены в хронологическом порядке согласно занимаемым должностям в причте.

Священники (с 1857 г. они же законоучители в Брыковской школе)

1697–1711	(14 лет)	– **Иван Иванович**
1711–1722[ii]	(11 лет)	– **Марко Егорович**
1723–1739		– ?
… 1740 …		– **Стефан Маркович** (в 1722 пономарь)
1741–1747		– ?
… 1748 …		– **Василий Иосифович**
1749–1761		– ?
1762–1770	(8 лет)	– **Яков Васильевич** (в 1748 пономарь)
1771–1773		– ?
1774–1809	(35 лет)	– **Павел Васильевич** (до 1774 дьячок)
1810–1846, 1848	(37 лет)	– **Илья Тимофеевич Тихомиров**
1847		– **Никита Иванович Назаров**
1848		– **Павел Ильич Тихомиров**
1849–1853	(4 года)	– **Николай Алексеевич Зверев**
1853–1893	(40 лет)	– **Михаил Никифорович Михайловский**
1893–1917	(24 года)	– **Петр Николаевич Зверев**
1917–1925	(8 лет)	– **Василий Иванович Величкин** (до 1915 псаломщик и дьякон)
1926–1928		– ?
1929–1931	(2 года)	– **Иоанн Михайлович Колобашкин** (до 1929 псаломщик)
1932–1934		– ?
1935–1937	(2 года)	– **Василий Арсеньевич Сунгуров**
с 1990	(34 года)	– **Андрей Борисович Васильев**

Дьяконы: (штатная единица в причте введена в 1823, упразднена в 1848)

1823–1848	(25 лет)	– **Василий Васильевич Соболев**
1862–1875	(13 лет)	– **Егор Евграфович Румянцев** (на должности пономаря)
1914–1915	(1 год)	– **Василий Иванович Величкин** (на должности псаломщика)

Дьячки: (в 1885 должность переименована в псаломщики)

1697–1704		– ?
… 1705		– **Иван Абрамович**
1706–1722	(16 лет)	– **Григорий Алексеевич**
1723–1761		– ?
1762–1774	(12 лет)	– **Павел Васильевич** (с 1774 священник)
1775–1777		– ?
1778–1781	(3 года)	– **Андрей Яковлевич**
1781–1838	(57 лет)	– **Иван Яковлевич Зернов** (до 1781 пономарь)
1838–1845	(7 лет)	– **Николай Дмитриевич Покровский**
1845		– **Иван Михайлович Остроумов** (запрещенный дьякон, в 1846 пономарь)
1846–1852	(6 лет)	– **Василий Иванович Лавров** (до 1846 пономарь)
1852–1862	(10 лет)	– **Николай Федорович Троицкий**
1863–1885	(22 года)	– **Александр Григорьевич Синайский** (с 1885 псаломщик)

[i] В составлении списка и уточнении дат помогали исследователи А. Н. Инюкин и М. Б. Морозов.

[ii] Указанные даты не всегда означают крайние годы службы членов клира (время поступления и время увольнения-перехода). Это просто даты документов, в которых упоминается конкретное имя служителя. Следует также иметь в виду, что в некоторые годы должности церковнослужителей оставалась вакантными.

Пономари: (в 1875 должность была закрыта)

1697–1721		– ?
… 1722 …		– **Стефан Маркович** (в 1740 священник)
1723–1747		– ?
… 1748 …		– **Яков Васильевич** (с 1762 священник)
1749–1771		– ?
1772–1781	(9 лет)	– **Иван Яковлевич Зернов** (с 1781 дьячок)
1781–1823	(42 года)	– **Аверкий Лукьянович Лукин**
1823–1832	(9 лет)	– **Антип Захарович Александровский**
1833		– **Яков Матвеевич Беляев**
1834–1846	(12 лет)	– **Василий Иванович Лавров** (с 1846 дьячок)
1846		– **Иван Михайлович Остроумов** (запрещенный дьякон, в 1845 дьячок)
1847–1861	(14 лет)	– **Василий Алексеевич Былеев**
1861–1875	(14 лет)	– **Егор Евграфович Румянцев** (с 1862 диакон на должности пономаря)

Псаломщики: (с 1885)

1885–1896, 1899–1902 (14 лет) – **Александр Григорьевич Синайский** (до 1885 дьячок)

1896–1899, 1902–1915 (16 лет) – **Василий Иванович Величкин** (в 1914 диакон на должности псаломщика, с 1917 – священник)

1915		– **Леонид Петрович Никольский**
1916		– **Василий Павлович Булочников** (и.д.)
1917		– **Сергей Васильевич Моисеев**
1918		– **Сергей Васильевич Величкин** (и.д.)
1919–1920		– ?
1921–1929	(8 лет)	– **Иван Михайлович Колобашкин** (с 1929 священник)
1930–1937		– ?

Церковные старосты:

до 1818		– ?
1818–1824	(6 лет)	– крестьянин с. Брыково **Михаил Лаврентьевич**
1825–1826		– ?
1827–1835	(8 лет)	– крестьянин дер. Кучи **Стефан Васильевич**
1835–1836	(1 год)	– крестьянин с. Брыково **Илья Артемьевич**
1836–1839	(3 года)	– крестьянин с. Брыково **Ларион Максимович**
1840–1841		– ?
1842–1850	(8 лет)	– крестьянин с. Брыково **Дмитрий Васильевич**
1851–1856	(5 лет)	– крестьянин дер. Кучи **Егор Яковлевич**
1857–1867	(10 лет)	– крестьянин с. Брыково **Семен Иванович**
1867–1891	(24 года)	– крестьянин сельца Зенькино **Федор Мартынович**
1892–1901	(9 лет)	– крестьянин сельца Железниково **Иван Мартынович Мартинов**
1902–1918	(16 лет)	– крестьянин сельца Железниково **Сергей Мартынович Гудович**
1921		– ?
1922–1925	(3 года)	– крестьянин с. Брыково **Илья Алексеевич Малюков**
1926–1937		– ?

Учителя школы: (до 1918)

1856–1876	(20 лет)	– священник **Михаил Никифорович Михайловский**
1876–1880	(4 года)	– **Михаил Дмитриевич Надеждин**
1880–1885	(5 лет)	– **Клавдия Александровна Белоусова**
1885–1886	(1 год)	– **Зиновия Иосифовна Бобцева**
1887–1918	(31 год)	– **Михаил Михайлович Банников**

Попечители школы:

1873–1889	(16 лет)	– крестьянин сельца Железниково **Алексей Михайлович Михайлов**
1893–1910	(7 лет)	– дворянка сельца Зенькино **Марья Григорьевна Рукина**

8. Дополнительные сведения о священномученике Василии Сунгурове

Семейные фотографии Василия Арсеньевича Сунгурова

(Фотоснимки предоставлены правнуком священномученика Сергеем Ивановичем Афоничкиным).

Подпись на обороте: «*Мария 1905, Антонина 1915* [правильно: 1911], *Зинаида 1913, Виктор 1901, Анна 1907, Ольга 1909, Пелагея 1878, Василий, 1874, брат Илья Арсеньевич*», фотография 1914.

Подпись на обороте: «*Мария, Зинаида, Антонина, Анна, Ольга, Виктор, отец Василий, мать Пелагея*», фотография 1926.

Воспоминания Сергея Ивановича Афоничкина о дочерях священномученика

Прежде всего, хочется сказать, что из биографии детей о. Василия я знаю мало. В основном только то, что касается моей бабушки Ольги Васильевны. Про остальных детей бабушка немного рассказывала, и это было давно. Написал, что вспомнил с опасением добавить неточную информацию.

Чубарова (Сунгурова) Ольга Васильевна (6.07.1909 – † 02.06.1997)

Руководствуясь датами из архивного свидетельства о пожаре церковного дома в Волоколамском уезде (апрель 1909 года), матушка Пелагея спасалась через окно с четырьмя малолетними детьми и будучи на седьмом месяце беременности. Ольга Васильевна родилась спустя три месяца после пожара – в полной нищете.

На момент рукоположения в священнический сан о. Василия (1919 год) и назначения его настоятелем церкви св. Марии Магдалины в с. Улиткино дочке Ольге исполнилось 10 лет. Начиная с того времени Ольга Васильевна проходила свой долгий и богатый на различные испытания жизненный путь в этом селе. Получить достойное образование в те годы в небольшом селе было непросто. Ольга Васильевна закончила земскую школу и с детства была приучена к труду. Без ропота и недовольства трудолюбивая Ольга бралась за любую физическую работу. С начала в местной школе начального образования топила печку, мыла полы, следила за порядком на окружающей школу территории. После закрытия школы работала недалеко от дома сестрой-хозяйкой в санатории им. Горького. Всю свою жизнь трудилась с ранней весны до поздней осени на огороде – копала, сажала, носила тяжёлые вёдра с водой для полива, готовила на зиму сено для домашних животных.

В возрасте 26 лет Ольга Васильевна вышла замуж за односельчанина – Василия Яковлевича Чубарова. Как не раз любила вспоминать этот момент бабушка – главным критерием её согласия вступления в брак было участие в Таинстве Венчания. Времена для Церкви были непростые и не все бы пошли на такое. К счастью, возлюбленный согласился. Венчание состоялось, и молодая невеста переехала в дом мужа. У Василия Яковлевича был скромный по площади деревянный дом, который он делил со своими родными сёстрами – Матрёной, Анной, Александрой, Любовью и Марией. Позднее все сёстры выйдут замуж и покинут родительский дом.

Работал Василий Яковлевич в Москве заведующим продуктовым магазином. Семья имела корову. Не понаслышке знавшая все трудности сельского хозяйства Ольга во всём помогала мужу. Первым ребёнком в семье Чубаровых была девочка Нина (1936 год). Через два года родился мальчик Георгий. В предвоенное для страны время деревенским жителям медицина была практически недоступна. И заболев повальной в те годы детской инфекцией, оба ребёнка ушли из жизни очень рано. Нина, не дожив одного дня до года, Георгий в возрасте четырех лет.

Вскоре молодых супругов ждало ещё одно испытание. В продуктовом магазине, в смену, когда работал в том числе и Василий Яковлевич, выявили небольшую недостачу в кассе. Со слов самого Василия это было несправедливо, но его обвинили в краже и посадили в тюрьму (также забрали корову и перину). Спустя пару лет то ли из-за обострившейся в годы заключения болезни, то ли по истечению срока мужа Ольги Васильевны отпустили. В стране наступила Великая Отечественная Война. Как и для многих соотечественников в жизнь Ольги Васильевны пришли голод, страх смерти и ежедневный труд. В силу болезни мужа на войну не взяли. В январе 1942 года, вопреки тяжелейшем событиям, в семье родилась девочка Люба. Возможно, у родителей и была надежда, что рождённый в голодное военное время ребёнок выживет, но вероятно она была небольшой. Первым делом после рождения дочери, которое очень хотела исполнить вновь ставшая матерью Ольга, было крещение ребёнка. Даже трудно представить как в суровую холодную зиму с месячным ребёнком на руках Ольга с племянницей мужа Антониной (которой в те годы было 16 лет) шли через лес по сугробам 5 км в одну сторону и столько же обратно до действующей в ту пору церкви в честь святителя Николая Чудотворца, что в селе Гребнево. С тех пор, как говорила сама Ольга Васильевна, у моей Любочки появился ангел хранитель.

Трудности в семье продолжались. Спустя всего шесть месяцев после рождения дочери по болезни уходит из жизни опора и глава семьи – Василий Яковлевич. На помощь к оставшейся

одной с маленьким ребёнком дочке Ольге пришла её мама – Пелагея Алексеевна. Если бы не вера в Бога и сила укрепляющей нас в молитве благодати Божией, вспоминала позднее Ольга Васильевна, мы бы тогда не выжили.

Годы шли. Война завершилась, в стране потихоньку всё стало возрождаться. Дочка Люба – стала единственным дожившим до зрелых лет ребёнком в семье Чубаровых. В своё время она получила достойное техническое образование и всю жизнь работала учительницей математики в школе. Избранником её сердца стал мужественный инженер-конструктор Иван Николаевич Афоничкин. В дальнейшем у них родилось двое сыновей – Сергей и Владимир.

Уже упомянутая ранее "Гребневская" церковь в честь святителя Николая сыграла значимую роль в судьбе Ольги Васильевны. В ближайшем районе это была единственная церковь, которая не закрывалась на длительное время ни в военный период, ни в годы гонения на Церковь Христову. Выросшая в семье священника Ольга всегда тянулась к Свету Христову, на всех путях своей жизни она молилась дома и по возможности посещала храмы. После войны она долгие годы пела на клиросе в Гребнево. Знала и общалась со служившими там священниками – отцом Владимиром Соколовым и сосланным туда советской властью на непродолжительный период известным московским проповедником отцом Димитрием Дудко. Также в памяти Ольги Васильевны отложилась тёплая встреча дорогого батюшки Владимира в доме в с. Улиткино (остановка "Райки"). Об этом в своей книге "Под кровом Всевышнего" пишет дочка известного духовного писателя, доктора химических наук, профессора Николая Евграфовича Пестова (1892 – † 1982), матушка отца Владимира Соколова (1920 – † 1995), мать пятерых детей – Наталия Николаевна Соколова (1925 – † 2014). О походе к матушке Пелагее Алексеевне в дни святой Пасхи Н.Н. Соколова пишет так: «Однажды Володя мне сообщил, что будет один день ходить по селу Райки, где церковь была разрушена до основания. А отдыхать вечером будет у вдовы священника, старенькой матушки. <…> Володя так подробно описал мне дорогу, что я шла, как по знакомому месту, и скоро нашла нужную хатку. Проходя через лес, через поляны, я нигде не встретила ни души, один пёс Джек бежал то спереди, то позади меня. Но как же душа ликовала, до чего же было хорошо в весеннем лесу! А в хатке меня встретили как дорогую гостью – с поцелуями и поздравлениями. Милая дочь хозяйки усадила нас с Володей рядом, долго усердно угощала. Матушка её смиренно вспоминала прежние годы. Но вот стало темнеть, и мы поспешили в обратный путь».

Матушка Пелагея всегда была доброжелательной, открытой и готовой всегда помогать людям. В церковные праздники пекла пироги и с радостью делилась ими с жителями села. Для своих детей она всегда являлась добрым примером и любящей матерью.

Харламова (Сунгурова) Мария Васильевна (9.02.1905 – † 15.06.1986)

Мария Васильевна вступила в брак в возрасте 24 лет. Муж – Харламов Сергей Николаевич (1896 – 1974) родился в деревне Турабьево, расположенной на левом берегу реки Клязьмы. Сейчас деревня выделена в отдельный микрорайон города Щёлкова Московской области. Сергей Николаевич рос в многодетной (8 детей) семье. Его отец – Николай зарабатывал на жизнь кузнечным делом. Работа была физическая, тяжёлая. В среднем возрасте в связи с несчастным случаем на работе он потерял один глаз (отскочила раскалённая опалина металла).

С.Н. Харламов имел высшее образование и занимал высокую руководящую должность в конструкторском бюро им. Чкалова. За многолетний труд от предприятия получил большую квартиру в одном из элитных домов Москвы. Семья была высоко обеспеченной и имела прислугу. У Марии и Сергея в общей сложности родилось три девочки – Галина (1930), Серафима (1935) и Людмила (1940).

Однако, в 1940-х годах на долю семьи выпало тяжёлое испытание. В рабочее время Сергей Николаевич имел право ношения оружия, но по прибытию из служебной командировки обязан был его вовремя сдать. По каким-то причинам, видимо, просто забыл, С.Н. Харламов ненамного просрочил сдачу пистолета и его приговорили к десяти годам заключения. Арест происходил внезапно и ночью, на сборы было дано 10 минут. Также был дан приказ освободить квартиру всем членам семьи. Сергея Николаевича забрали, а жена с детьми дожидалась рассвета в подъ-

езде. Как вспоминала потом, Мария Васильевна, в те годы она с маленькими детьми сначала поехала в дом к маме Пелагеи Алексеевне в селе Улиткино, а через некоторое время их выслали в Ивановскую область.

Местом отбывания наказания выпал блокадный Ленинград. Как известно, те военные годы в этом городе были наполнены целым рядом жутких событий. Сергей Николаевич не без последствий для здоровья, но всё же пережил это испытание…

После войны С.Н. Харламова реабилитировали и дали сначала коммунальную, а потом и отдельную квартиру в Москве. Через какое-то время семья вновь жила в столице.

В 1970-е годы Харламовы построили дом в с. Улиткино и переехали туда жить. Сергей Николаевич работал главным энергетиком на фабрике в Подмосковном посёлке Свердловский, а его жена Мария Васильевна трудилась в больнице медицинской сестрой.

Все три девочки получили достойное образование. Галина обучалась по технической специальности и после учёбы устроилась инженером на научно-производственное предприятии в Подмосковном Фрязино. Её сестра Людмила также была работником умственного труда и трудилась в научно-исследовательском институте Москвы. У Серафимы был талант к биологии. Успешно освоив курс сельскохозяйственного университета, она долгие годы работала в ботаническом саду. Каждая в своё время вышла замуж и имела детей. У Галины родилась одна девочка (Инна), а у Серафимы и Людмилы по два ребёнка (Николай и Алла, Сергей и Ольга).

Докина (Сунгурова) Анна Васильевна (19.10.1907 – † 1978)

Анна Васильевна вышла замуж за односельчанина в 19 лет. Известна только его фамилия – Докин. Ольга Васильевна рассказывала, что они жили в Москве. Возможно, муж там работал и получил квартиру. Когда Анне исполнилось 20 лет, в семье родился первый ребёнок – Николай. Через четыре года ещё родилась девочка Антонина.

Николай рос шустрым и смелым, был лидером в компании мальчишек. Позднее работал и жил в Москве, воспитывал двоих детей – Василия и Константина. У сестры Антонины тоже было двое детей.

Сунгурова Антонина Васильевна (13.02.1911)

Со слов Ольги Васильевны её родная сестра Антонина была красивой, общительной и доброжелательной девушкой. Многие молодые люди мечтали с ней познакомиться.

Антонина имела среднеспециальное образование и работала где-то недалеко от Подмосковного города Фряново. Ещё говорила Ольга Васильевна, что Антонина, однажды, после мытья головы вышла ненадолго на улицу, а в то время был крепкий мороз суровой зимы. С тех пор у неё начались частые сильные головные боли.

Была ли она замужем достоверно неизвестно (в деревне говорили, что она вышла замуж за офицера и куда-то уехала). Скорее всего детей не имела. Из-за болезни (возможно, менингит) ушла из жизни совсем рано – ей было около 20 лет. Её могила находится на Новодевичьем кладбище в Москве.

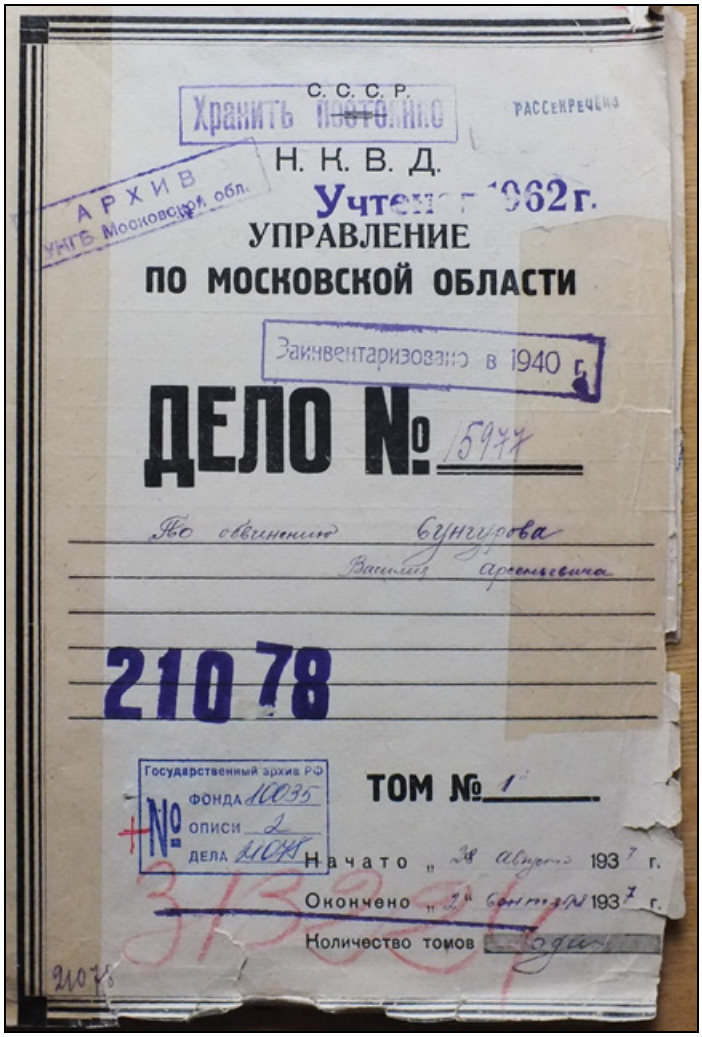
Свиридова (Сунгурова) Зинаида Васильевна (15.01.1913 – † 1964)

Недалеко от Анны Васильевны в Москве жила и семья Свиридовых. Так как семьи жили близко, можно предположить, что Зинаида познакомилась со своим будущем мужем в кругу друзей Анны и её мужа. У Зинаиды было два сына – Владимир и Анатолий (1931 – 1972). Захоронения Зинаиды и сына Анатолия находятся в с. Улиткино. Мужей Анны и Зинаиды родственники не знают, скорее всего они погибли в годы великой Отечественной войны.

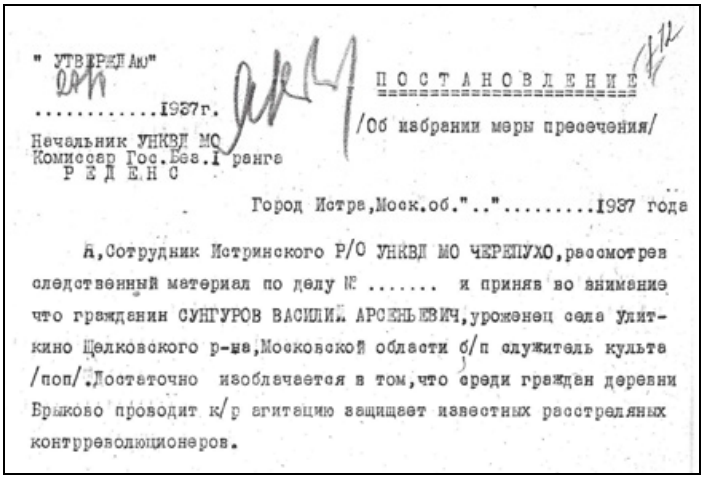
Следственное дело Василия Арсеньевича Сунгурова, 1937

(по материалам архивного дела ГАРФ[67]. Подчеркивание слов соответствует оригиналу, текст приводится с небольшими сокращениями, порядок следования листов изменен).

Талон ордера на арест

Обложка следственного дела ГАРФ.

" УТВЕРЖДАЮ"
.....1937г.
Начальник УНКВД МО
Комиссар Гос.Без.I ранга
Р Е Д Е Н С

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е
/Об избрании меры пресечения/

Город Истра,Моск.об."....."....1937 года

Я,Сотрудник Истринского Р/О УНКВД МО ЧЕРЕПУХО,рассмотрев следственный материал по делу № ..... и приняв во внимание что гражданин СУНГУРОВ ВАСИЛИЙ АРСЕНЬЕВИЧ,уроженец села Улиткино Щелковского р-на,Московской области б/п служитель культа /поп/.Достаточно изобличается в том,что среди граждан деревни Брыково проводит к/р агитацию защищает известных расстрелянных контрреволюционеров.

Постановление об аресте В. А. Сунгурова (начало).

[вверху штамп:] *КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР ОТДЕЛЕНИЕ НКВД СССР ПО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

ТАЛОН ОРДЕРА № 20103

2 сентября 1937г. НАЧАЛЬНИКУ ПРИЕМА АРЕСТОВАННЫХ

Примите арестованного Сунгурова Василия Арсеньевича […] *находится в Истринском* […] *УНКВД МО.*

Нач. Истринского р/о УНКВД МО лейтенант Гос. Безопасн. /Киселев/.

Постановление
(об избрании меры пресечения)

[слева вверху:] *"Утверждаю"* [не заполнено] *1937 г. Начальник УНКВД МО Комиссар Гос. Без. I ранга РЕДЕНС*

Город Истра, Моск. обл. [не заполнено] *1937 года.*

Я, сотрудник Истринского Р/О УНКВД ЧЕРЕПУХО, рассмотрев следственный материал по делу № [не заполнено] *и приняв во внимание, что гражданин СУНГУРОВ ВАСИЛИЙ АРСЕНЬЕВИЧ, уроженец села Улиткино Щелковского района, Московской области б/п* [беспартийный] *служитель культа (поп) достаточно изобличается в том, что среди граждан деревни Брыково проводит к/р агитацию, защищает известных расстрелянных контрреволюционеров,*

ПОСТАНОВИЛ:

Гражданина Сунгурова Василия Арсеньевича привлечь в качестве обвиняемого по ст.58 п.10 ч.1 УК РСФСР, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание обвиняемого под стражей.

Сотрудник Истринского РО УНКВД МО /ЧЕРЕПУХО/ [подпись].

Согласован: Нач. Истринского РО УНКВД МО Лейтенант Гос. Безопасности: /Киселев/ [круглая гербовая печать].

[поверх текста наложена резолюция:] *содержание под стражей санкционирую. 1.IX.37* [подпись]

ОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР ПО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
АВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ОРДЕР № 20103

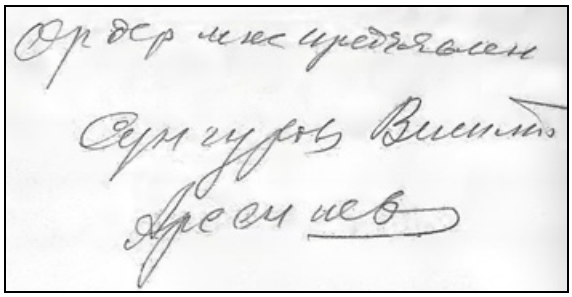
28 августа дня 193 г.

ыдан сотруднику Истринского р/о У.Г.Б.
вления НКВД СССР по Московской области
Пахомову на производство
обыска и ареста гр-на
Сунгурова
Василия Арсеньевича
дресу: д. Брыково

РИМЕЧАНИЕ. Все должностные лица и граждане обязаны оказывать
я имя которого выписан ордер, полное содействие для успешного вы-

Нач. Истринского р/о УНКВД МО
Лейтенант Гос Безопасн.
/Киселев/.

вка

Ордер мне предъявлен
Сунгуров Василий
Арсеньев

Ордер на проведение обыска,
роспись священника на обороте ордера.

Ордер на арест

[вверху штамп:] *НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР ПО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

ОРДЕР № 20103 28 августа дня 1937 г.

Выдан сотруднику Истринского р/о У.Г.Б. Управления НКВД СССР по Московской области Пахомову на производство обыска и ареста гр-на Сунгурова Василия Арсеньевича по адресу: д. Брыково.

Примечание: Все должностные лица и граждане обязаны оказывать [лицу], *на имя которого выписан ордер полное содействие для успешного выполнения.*

Нач. Истринского р/о УНКВД МО Лейтенант Гос. Безопасности /Киселев/.

[круглая гербовая печать]

Ордер мне предъявлен Сунгуров Василий Арсенев.

Протокол обыска

На основании ордера УГБ Управления НКВД по Московской Области № 20103 от 28 Августа мес. 1937 г. произведен обыск у гр. Сунгурова Василия Арсеньев. в дер. Брыково прожив. в доме Горячева.

При обыске присутствовали: Секретарь Букаревского сельсовета Колобашкина Вера Ефимовна.

Согласно данным указаниям задержаны гражд. Сунгуров.

Взято для доставления в УГБ Управления НКВД СССР по Московской Области следующее (подробная опись всего конфискуемого или реквизуемого):

Переписка личного характера и другое. Препятствий для изъятия не обнаружено. […]

На неправильности, допущенные при обыске и заключающиеся, по мнению жалобщика: жалобы не заявлены.

Копию с протокола получил […] *Сунгуров Василий Арсен., 29 августа 1937 г.*

Справка из сельсовета

[слева вверху штамп:] *Р.С.Ф.С.Р. БУКОРЕВСКИЙ СЕЛЬСКИЙ СОВЕТ. Истринского района Московской области. Августа 1937 г. № 98, с. Брыково.*

Справка Дана настоящая в том, что Сангуров [именно так написано – Авт.] *Василий Арсеньевич – 1876 г. происходит из гр-н Московской области Щелковского р-на, сел. Улиткино, в настоящее время проживает в селе Брыково со своей семьей с женой Сангуровой Пелагеей Алексеевной – 1874 г., происходящей из гр. Московской области Волоколамского р-на сел. Анненское. В настоящее время работает служителем священного культа при Богоявленской церкви в сел. Брыково Букаревского с/совета* […] *и удостоверяет Букаревский с/совет.*

Председатель [подпись], *Секретарь* [подпись], [круглая гербовая печать]

Справка о несудимости

Истринский Район Отд. РК Мил. Р/О УНКВД по МО

СПРАВКА О НЕСУДИМОСТИ (выдана по материалам данного района)

Фамилия и возраст Сунгуров 1876 г. Имя Василий. Отчество Арсеньевич.

Уроженец Московской обл. Истринского р-на, селен. Брыково.

Судившимся, розыскиваемым и зарегистрированным в районном отд. РК Милиции НЕ ЗНАЧИТСЯ

[подпись], *17/VIII 1937г.*

Справка из поликлиники

[слева вверху штамп:] *Истринский Районный отдел здравоохранения. Истринская поликлиника. Сунгуров Василий Арсеньевич 60 лет – здоров. Заразных заболеваний не найдено. К физическому труду годен. Авг.1937, Врач* [подпись], [треугольный штамп].

Паспорт (без фотографии)

Действителен: по 25 января 1941 года.

1. Имя, отчество, фамилия: Сунгуров Василий Арсеньтиевич.

2. Время и место рождения: 1876 г., д. Улиткино, Щелковского р-на, Мос. обл.

3. Национальность: русский.

4. Социальное положение: служащий.

5. Постоянное место жительства: д. Брыково, Истринского р-на, Мос. обл.

[серия и номер паспорта:] *БА № 631121*

9. Кем выдан паспорт: Отд. милиции Истринского р/о УНКВД Мос. обл.

10. На основании каких документов выдан паспорт: 3-х год. книжка БГ № 233144 24/III.33 г. Щелковским с/с. [подписи, круглая гербовая печать].

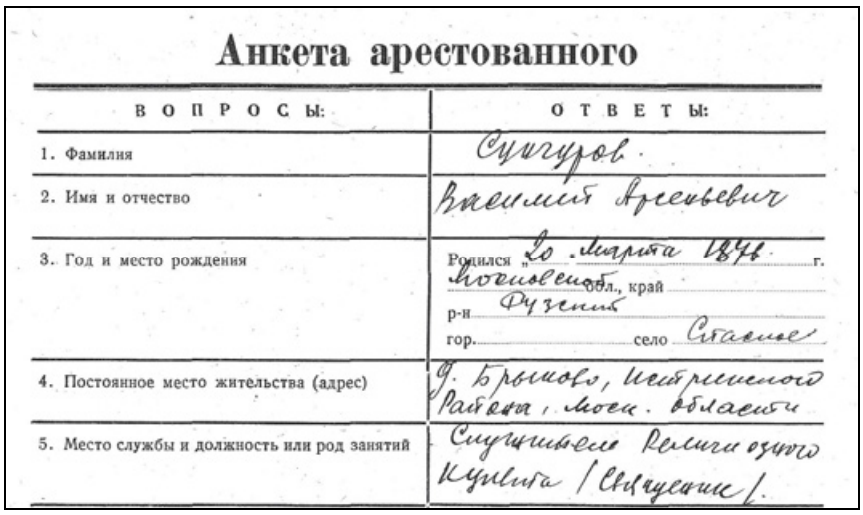
Дата выдачи: 25 января 36 года.

ПРОПИСКА

Московская область. ИСТРИНСКОЕ ОТД. МИЛИЦИИ. Прописан: 4.II.1936 Брыково

Нач. пасп. стола [подпись]

Анкета арестованного

Анкета арестованного

ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ:
1. Фамилия	Сунгуров.
2. Имя и отчество	Василий Арсеньевич
3. Год и место рождения	Родился „20 марта 1876 г. Московской обл., край р-н Рузский гор. село Спасское
4. Постоянное место жительства (адрес)	д. Брыково, Истринского Района, Моск. области
5. Место службы и должность или род занятий	Служитель Религиозного Культа / Священник /.

[Вопросы, ответы:]

1. Фамилия: Сунгуров.

2. Имя и Отчество: Василий Арсеньевич.

3. Год и место рождения: Родился 20 марта 1876 г. Московской обл., р-н Рузский, село Спаское.

4. Постоянное место жительства (адрес): д. Брыково, Истринского района, Моск. области.

5. Место службы или должность или род занятий: Служитель религиозного культа /священник/.

6. Профессия и профсоюзная принадлежность, № билета: Служитель религиозного культа.

7. Имущественное положение в момент ареста: из имущества ничего нет.

8. То же до 1929 года: в 1929 году имел одну корову. За неуплату налога изъята.

9. То же до 1917 года: ничего не было.

10. Социальное положение в момент ареста: Служитель религиозного культа священник.

11. Служба в царской армии и чин: не служил.

12. Служба в белой армии и чин: не служил.

13. Служба в Красной армии: не служил.

14. Социальное происхождение: Духовного звания – трапезник.

15. Политическое прошлое: В партиях не состоял.

16. Национальность и гражданство: русский, гр-н СССР.

17. Партийная принадлежность с какого времени и № билета: беспартийный.

18. Образование: Духовное училище.

19. Категория воинского учета: на учете не состоит.

20. Состоял ли под судом и следствием, а также приговор, постановление или определение: не судим.

21. Состояние здоровья: здоров.

22. Состав семьи: Жена – Сунгурова Пел. Алек., 61 г., иждивенка, д. Брыково, Истринский р-н, МО.

Подпись арестованного: Сунгуров.

1. Особые внешние приметы: [не заполнено]
2. Кем и когда арестован: 28 августа 1937. Истринск. РО УНКВД МО […]
Подпись сотрудника, заполнившего анкету, 31 августа 1937 г.

Протокол первого допроса

[вверху штамп:] *УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР ПО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ. УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

1937 г. августа мес. 31 дня. Я, Сотрудник Истринского РО УНКВД МО Агафонов, допросил в качестве обвиняемого
1. Фамилия: Сунгуров.
2. Имя и отчество: Василий Арсеньевич.
3. Дата рождения: 1876 г.
4. Место рождения: д. Спаское, Рузского района, Моск. обл.
5. Местожительство: д. Брыково, Истринского р-на, МО.
6. Нац. и граж. (подданство): русский, подданный СССР.
7. Паспорт: 5 год. выдан Истринским о/м.
8. Род занятий: служитель культа священник.
9. Социальное происхождение: из духовного звания трапезник.
10. Социальное положение а) до революции: служитель культа. Ничего не имели.
б) после революции: тоже самое.
11. Состав семьи: женат; жена Сунгурова Пелагея Алексеевна, 61 лет, живет д. Брыково, Истринского района, Моск. обл.
12. Образование: Духовное училище.
13. Партийность: беспартийный.
14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. а) до революции: не судим.
б) после революции: не судим.
15. Какие имеет награды при сов. власти: нет.
16. Категоря воинского учета-запаса и где состоит на учете: не состоит.
17. Служба в Красной армии: не служил.
18. Служба в белых и др. к.-р. [контрреволюционных] *армиях: не служил.*
19. Участие в бандах, к.-р. организациях и восстаниях: не участвовал.
20. Сведения об общественно-политической деятельности [не заполнено].

Показания обвиняемого Сунгурова Василия Арсеньевича, 31 августа 1937 г.

Вопрос: Когда и за что Вы судились?

Ответ: Никогда ни за что не судился.

Вопрос: Следствию известно, что в разговоре с Колобашкиным в марте 1936 года Вы распускали провокационные слухи о войне и скором падении Советской власти, дайте показание?

Ответ: В разговоре с Колобашкиным в 1936 году о войне я ему говорил, что обидно, что люди не могут жить мирно между собой, больше Колобашкину я ничего не говорил.

Вопрос: В 1936 году на похоронах родственницы гр-на Колобашкина за столом Вы распускали провокационные слухи о голоде на Украине и о жизни пограничных крестьян, дайте показания?

Ответ: На похоронах родственницы Колобашкина я был, но разговоров на политические темы я не вел.

Вопрос: В январе 1937 по дороге домой со ст. Холщевики в разговоре с Кустовым Вы клеветали [на] *Конституцию, дайте показание по данному вопросу?*

Ответ: С Кустовым домой в январе 1937 со ст. Холщевики я возвращался, но подобных разговоров я не вел.

Вопрос: В мае 1937 г. в разговоре с гр-ном Лебедевым Вы клеветали на Советскую печать, все написанное называли ложью, дайте показание?

Ответ: Лебедеву этого я не говорил.

Вопрос: Расскажите с кем вы имеете связь из быв. кулаков и служ. культа?

Ответ: Связи из быв. кулаков и служителей культа я ни с кем не имею.

[подпись] *к сему Сунгуров. Допросил:* [подпись].

Ф. 910

Д-13

УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ПО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ №_____

1937 г. августа мес. 31 дня. Я Сотрудник Щелковского ГО (должн., наимен. органа, фамилия)
УНКВД. Макаров допросил в качестве обвиняемого

1. Фамилия Сунгуров
2. Имя и отчество Василий Арсеньевич
3. Дата рождения 1876.
4. Место рождения д. Сычево, Рузского района, моск. обл.
5. Местожительство д. Брыково, Истринского р-на, мо
6. Нац. и граж. (подданство) русский, гражданин СССР.
7. Паспорт 5 год. выдан Истринск. орг. (когда и каким органом выдан, номер, категор. и место приписки)
8. Род занятий служитель культа священник (место службы и должность)
9. Социальное происхождение из духовного звания (род занятий родителей и их имущественное положение) крестьянин
10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)
    а) до революции служитель культа ничего не имели
    б) после революции тоже самое
11. Состав семьи Женат: жена Сунгурова Евлалия Алексеевна 61 год. Живет д. Брыково, Истринского района, моск. обл.

Сунгуров.

Протокол первого допроса В. А. Сунгурова (начало).

Фотографии арестованного В. А. Сунгурова.

Протокол второго допроса

Показания обвиняемого Сунгурова Василия Арсеньевича, 1 сентября 1937 г.

Вопрос: Признаете себя виновным в предъявленном Вам обвинении?

Ответ: В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю.

Вопрос: У следствия имеется достаточно материалов изобличающих Вас как контрреволюционера; почему упорно Вы продолжаете не сознаваться?

Ответ: Никогда контрреволюционной деятельностью я не занимался.

Вопрос: Следствием установлено, что в мае 1937 г. в разговоре с гр-ном Лебедевым вы клеветали на испанский народ, восхваляя при этом политику Гитлера, дайте показание?

Ответ: Подобных разговоров с Лебедевым я никогда не вел.

Вопрос: Когда и сколько раз Вы посещали квартиру евангелиста Трикоз? Дайте показание?

Ответ: Квартиру Трикоз я посещал в 1936 году, был у него не более 5 раз.

Вопрос: Следствием установлено, что Вы с гр-ном Трикоз занимались контрреволюционной деятельностью. Среди местных крестьян вели агитацию за развал колхоза, распускали провокационные слухи о войне и падении Советской Власти? Дайте показание?

Ответ: Посещая квартиру Трикоз мы никогда невели разговоров на политические темы; мое посещение было связано тем, что Трикоз хороший сапожник, и мы производили починку обуви.

[подпись] *к сему Сунгуров. Допросил:* [подпись].

Протокол третьего допроса

Показания обвиняемого Сунгурова В. А., г. Москва, 7 сентября 1937 г.

Вопрос: Чем занимались до революции?

Ответ: Я служил в церкви псаломщиком с 1898 по 1915 г. С 1915 по 1919 г. – дьяконом. С 1919 до момента ареста – священник. С 1898 по н/вр. проживал в пределах Волоколамского уезда, Ногинского, Щелковского, Истринского р-нов Московской обл. Больше нигде не был.

Вопрос: Какое Вы имели хозяйство до революции?

Ответ: В 1900-х годах я имел корову. Больше ничего не имел. В 1929–30 г.г. имел также корову, затем продал.

Вопрос: Значит в течение 40 лет у Вас источником дохода была служба в церкви?

Ответ: Да.

Вопрос: Вы признаете себя виновным в том, что до последнего вели контрреволюционную деятельность?

Ответ: Нет, не признаю.

Записано с моих слов верно, мне прочитано [подпись] *Сунгуров. Допросил:* [подпись].

Обвинительное заключение

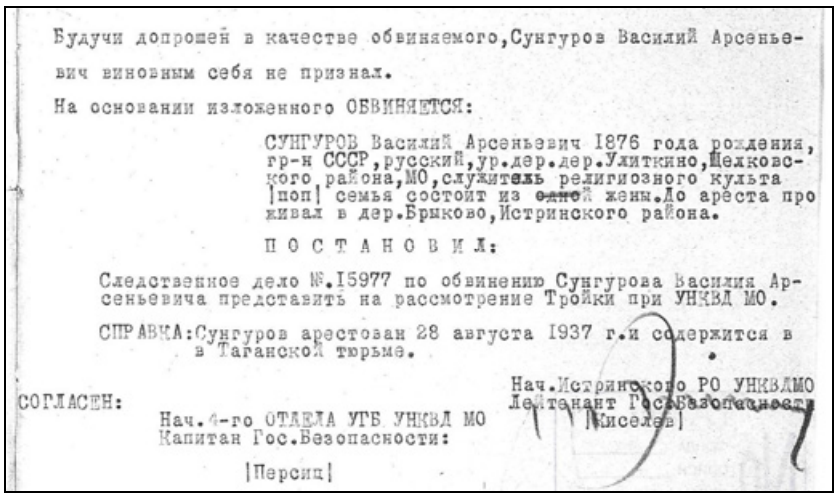
[слева вверху:] *"Утверждаю" Зам. Нач. УНКВД МО Майор Гос. Безопас. /ЯКУБОВИЧ/.*

Я, Начальник Истринского Р/О УНКВД МО Лейтенант госбезопасности КИСЕЛЕВ, 2 сентября 1937 года, рассмотрев следственное дело по обвинению служителя религиозного культа СУНГУРОВА Василия Арсеньевича 1876 года рождения, уроженца д. Спасское, Рузского района, Московской области, перед арестом проживал в д. Брыково, Истринского р-на, МО служитель религиозного культа – установил следующее:

СУНГУРОВ Василий Арсеньевич среди граждан села Брыково ведет активную контрреволюционную деятельность, распространяет гнусную клевету против советской власти, выступает в защиту известных контрреволюционеров террористов, восхваляет фашизм и клевещет на Сталинскую конституцию.

В марте месяце 1936 г. в разговоре с гр. Колобашкиным СУНГУРОВ говорил: "Скоро будет война, она пронесется быстро, так как вся молодежь и все колхозники настроены против советской власти, в войсках тоже настроены против советской власти, сейчас все молчат только потому, что в руках то у крестьян ничего нет." /Из показ. Свид. Колобашкина л. д. 8/. [лист дела № 8]

В этом же разговоре Сунгуров распускал провокационные слухи о страшном голоде на Украине, Сунгуров говорил: "На Украине страшная голодовка, все люди мрут с голода и бегут, а газеты пишут ложь, что там хороший урожай, у нас притесняют религию, а вот мне рассказывал приехавший из Себежа, что за границей колокольный звон, крестьяне выгоняют СКОТ пасти по 8-9 коров со двора, с границы всех колхозников и единоличников гонят потому, чтобы они не видели как там живут крестьяне." / л. д. 8/.

Будучи допрошен в качестве обвиняемого,Сунгуров Василий Арсеньевич виновным себя не признал.

На основании изложенного ОБВИНЯЕТСЯ:

СУНГУРОВ Василий Арсеньевич 1876 года рождения, гр-н СССР,русский,ур.дер.дер.Улиткино,Щелковского района,МО,служитель религиозного культа [поп] семья состоит из одной жены.До ареста проживал в дер.Брыково,Истринского района.

П О С Т А Н О В И Л:

Следственное дело №.15977 по обвинению Сунгурова Василия Арсеньевича представить на рассмотрение Тройки при УНКВД МО.

СПРАВКА:Сунгуров арестован 28 августа 1937 г.и содержится в в Таганской тюрьме.

СОГЛАСЕН: Нач.Истринского РО УНКВДМО Лейтенант Гос.Безопасности [Киселев]

Нач.4-го ОТДЕЛА УГБ УНКВД МО Капитан Гос.Безопасности:

[Персиц]

Обвинительное заключение В. А. Сунгурова (конец).

В мае месяце 1937 года, Сунгуров в разговоре с односельчаниным распускал провокационные слухи о Испанском народе, клевеща на советскую печать, Сунгуров говорил: "в газетах пишут ложь, что Испанские правительственные войска победят, на самом деле мятежники всю Испанию забрали" /л. д. 10/.

В мае 1937 года в разговоре с односельчаниным, Сунгуров говорил; "конституция выпущена, а нашего брата арестовывают еще больше". /пок. свид. Лебедева л. д. 10/.

Здесь же в разговоре с Лебедевым, Сунгуров говорил, в защиту известных расстрелянных контрреволюционеров: "вот арестовали вождей, сейчас арестовывают еще хуже чем раньше, нет гарантий за то что завтра не будешь арестован" /л. д. 10/.

В январе 1937 года в разговоре с односельчаниным, Сунгуров говорил: "сталинская конституция вышла, а нашего брата арестовывают еще больше", пок. свид. Кустова /л. д. 6/.

Будучи допрошен в качестве обвиняемого, Сунгуров Василий Арсеньевич виновным себя не признал.

На основании изложенного

ОБВИНЯЕТСЯ: СУНГУРОВ Василий Арсеньевич 1876 года рождения, гр-н СССР, русский, ур. дер. Улиткино, Щелковского района, МО, служитель религиозного культа (поп), семья состоит из одной жены. До ареста проживал в дер. Брыково, Истринского района.

ПОСТАНОВИЛ: Следственное дело № 15977 по обвинению Сунгурова Василия Арсеньевича представить на рассмотрение Тройки при УНКВД МО.

СПРАВКА: Сунгуров арестован 28 августа 1937 г. и содержится в Таганской тюрьме.

СОГЛАСЕН: Нач. Истринского РО УНКВД МО Лейтенант Гос. Безопасности /Киселев/.

Нач. 4-го ОТДЕЛА УГБ УНКВД МО Капитан Гос. Безопасности /Персиц/.

Постановление

[…] *1937 г., сентября 18 дня, Я, Воловщиков Нач. 3 отд. 4 отдела ГБ УНКВД МО, рассмотрев следственное дело № 15977 по обвинению гр-на Сунгурова Вас. Арсеньевича НАШЕЛ:*

1). Обвинительное заключение соответствует материалам дела и виновность обвиняемого полностью доказана.

2). Документы о соц. имуществ. положении имеются и находятся в порядке.

3). Документы о судимости имеются и находятся в порядке.

4). Вещественные доказательства: нет […].

ПОСТАНОВИЛ: Дело 15977 по обвинению гр-на Сунгурова В.А. представить на рассмотрение Тройки Упр. НКВД Моск. Области.

Ответственный докладчик [подпись].

«СОГЛАСЕН» ЗАМ. НАЧ. 4 ОТДЕЛА ГБ УНКВД МО КАПИТАН Государствен. Безопасности (СОРОКИН).

Приговор

[вверху штамп:] *ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА Заседания тройки при Управлении НКВД СССР по МО от 19.IX.1937 г.*

СЛУШАЛИ: 50. Дело № 15977 по обвин. СУНГУРОВА Василия Арсеньевича, 1876 г. р., ур. д. Спасское Рузского р-на, МО, священник. Обвиняется в том, что среди населения вел активную к./р. деятельность, распространял гнусную клевету на сов. власть, высказывался в защиту известных контрреволюционеров-террористов, восхвалял фашизм и клеветал на сталинскую Конституцию.

ПОСТАНОВИЛИ: СУНГУРОВА Василия Арсеньевича РАССТРЕЛЯТЬ.

Секретарь тройки [подпись], [круглая гербовая печать].

Ф. 896

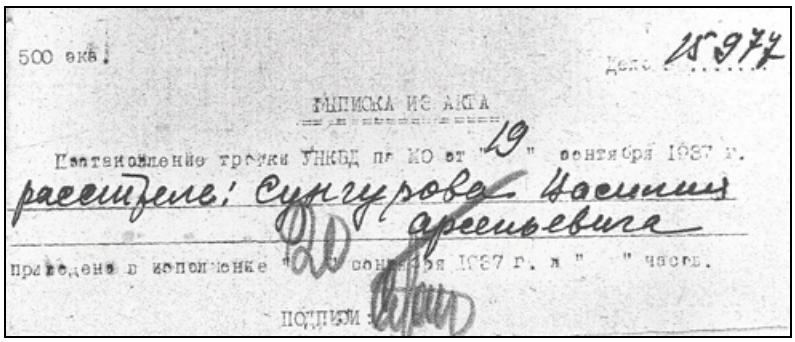
ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

заседания тройки при Управлении НКВД СССР по МО от „19" IX 1937 г.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
50. дело № 15977 по обвин. СУНГУРОВА Василия Арсеньевича, 1876 г.р. ур.д.Спасское, Рузского р-на, МО, священника. Обвиняется в том, что среди населения вел активную к-р деятельность, распространял гнусную клевету на сов. власть, высказывался в защиту известных контрреволюционеров-террористов, восхвалял фашизм и клеветал на сталинскую Конституцию.	СУНГУРОВА Василия Арсеньевича РАССТРЕЛЯТЬ

Секретарь тройки

Выписка из протокола о приговоре В. А. Сунгурова.

500 экз.

Дело 15977

ВЫПИСКА ИЗ АКТА

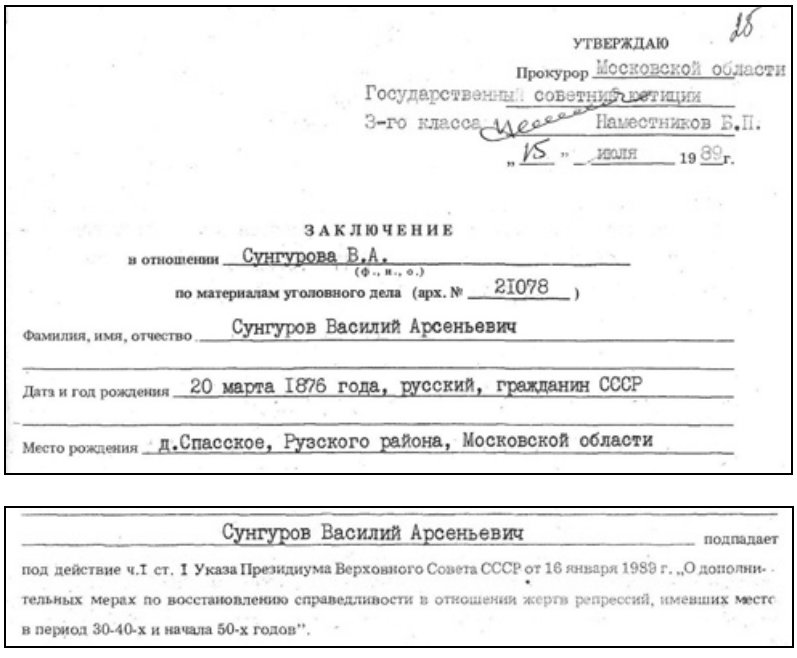
Постановление тройки УНКВД по МО от "19" сентября 1937 г.

расстреле: Сунгурова Василия Арсеньевича

приведено в исполнение "20" сентября 1937 г. в " " часов.

ПОДПИСИ:

Выписка из акта о расстреле В. А. Сунгурова.

УТВЕРЖДАЮ

Прокурор Московской области

Государственный советник юстиции

3-го класса Наместников В.П.

„15" июля 1989 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

в отношении Сунгурова В.А.
(ф., и., о.)

по материалам уголовного дела (арх. № 21078)

Фамилия, имя, отчество Сунгуров Василий Арсеньевич

Дата и год рождения 20 марта 1876 года, русский, гражданин СССР

Место рождения д.Спасское, Рузского района, Московской области

Сунгуров Василий Арсеньевич подпадает под действие ч.I ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. „О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов".

Заключение о реабилитации Сунгурова (начало и конец).

Выписка из акта о приведении в исполнение

Дело 15977

ВЫПИСКА ИЗ АКТА

Постановление тройки УНКВД по МО от 19 сентября 1937 г. о расстреле: Сунгурова Василия Арсеньевича приведено в исполнение 20 сентября 1937 г. в [не заполнено] *часов, подписи.*

Решение о реабилитации

[справа вверху:] *УТВЕРЖДАЮ. Прокурор Московской области, Государственный советник юстиции 3-го класса Наместников В. П., 15 июля 1989.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В отношении Сунгурова В. А. по материалам уголовного дела (арх. № 21078).

Фамилия, имя, отчество: Сунгуров Василий Арсеньевич.

Дата и год рождения: 20 марта 1876 года, русский, гражданин СССР.

Место рождения: д. Спасское, Рузского района, Московской области.

Сведения о партийности […]*: беспартийный. Место работы и должность до ареста: служитель религиозного культа.*

Место жительства до ареста: МО, Истринский р-он, д. Брыково.

Данные о родственниках: жена – Сунгурова Пелагея Алексеевна, 61 год.

Дата ареста, предъявленное обвинение, когда и каким органом было вынесено решение по делу:

арестован 28 августа 1937 года, обвинялся в антисоветской пропаганде /ст. 58 п. 10 УК РСФСР/, 19 сентября 1937 года заседанием тройки при Управлении НКВД СССР по МО назначена ВМН [высшая мера наказания].

Сунгуров Василий Арсеньевич подпадает под действие ч. 1 с. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. "О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов".

[подписи], *12 июля 1989 г.*

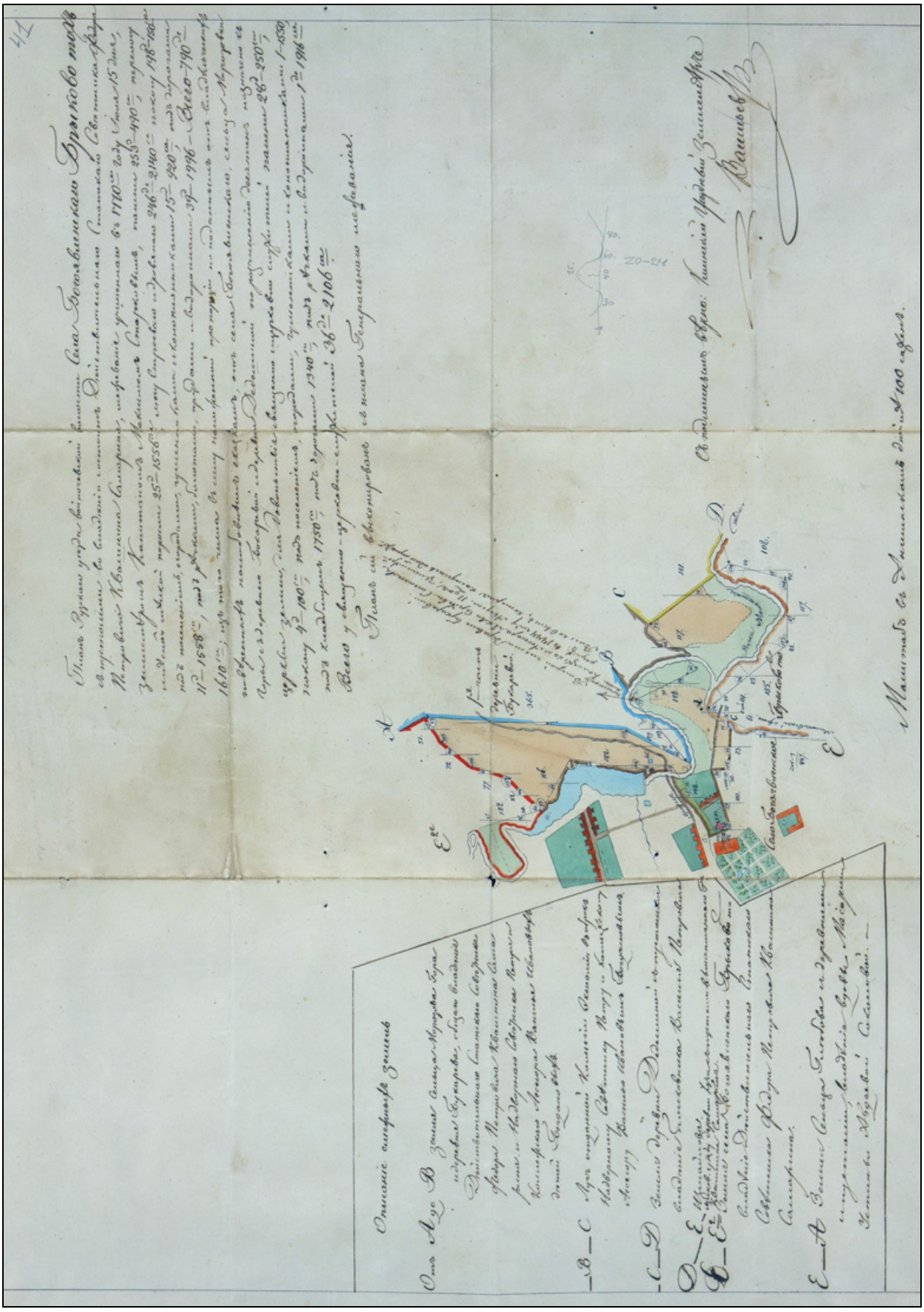
9. Изобразительные материалы по теме книги

Планы и карты местности

План Генерального межевания имения «*Павловское, Холуяново тож*»[68], 1769, владение графа З. Г. Чернышева, (Российский государственный архив древних актов – РГАДА).

План Генерального межевания окрестностей села Брыково[69], 1770,
владение Ф. П. Квашнина-Самарина, (РГАДА). – см. нахзац (форзац) настоящей книги.

План церковной земли с. Брыково[70], 1849, (ЦГАМ).

Левая часть плана имения Брыково[71], владение А. Т. Карповой, 1900,
(Отдел письменных источников Государственного исторического музея – ОПИ ГИМ).

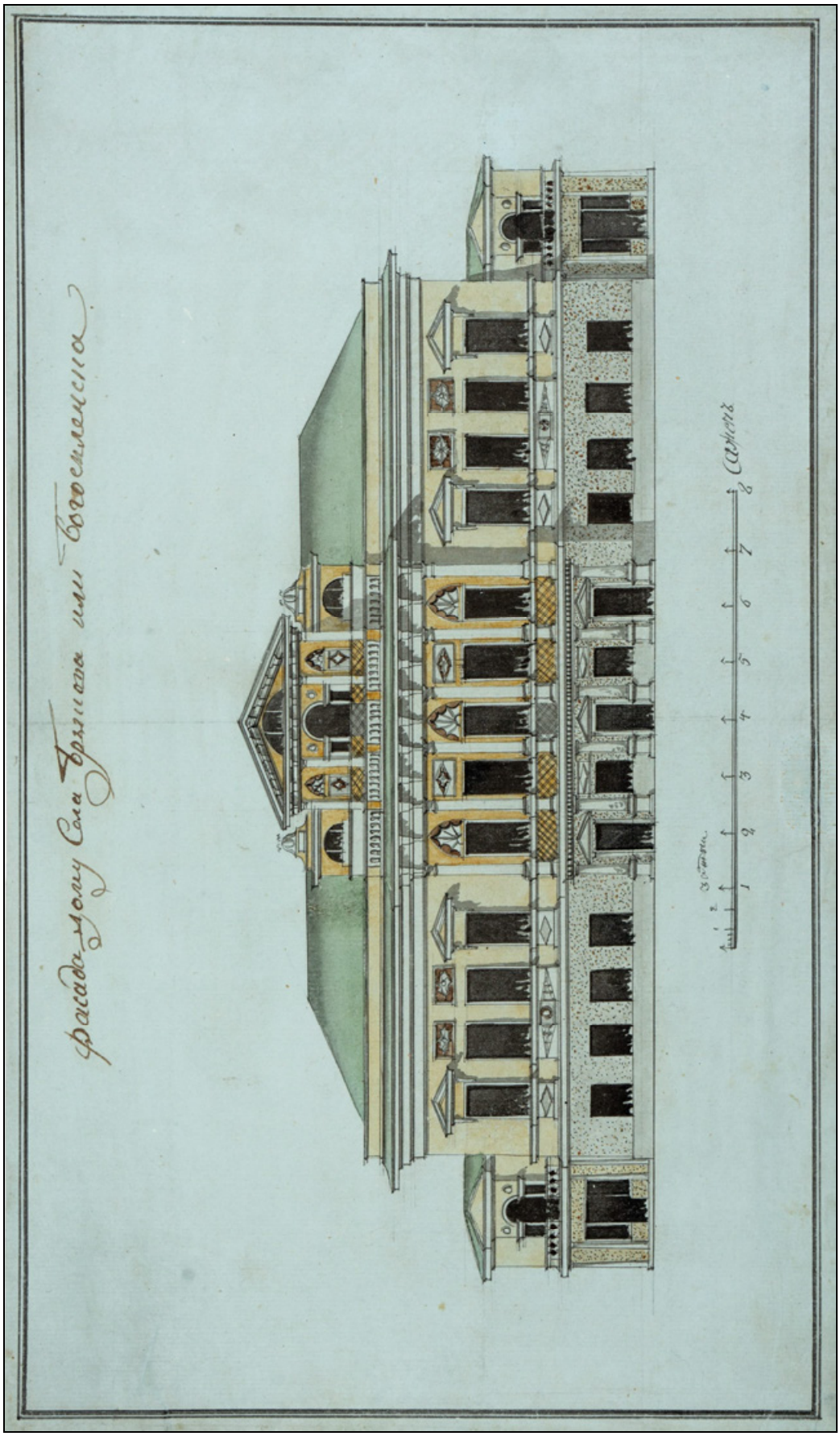

Правая часть плана имения Брыково, владение А. Т. Карповой, 1900,
(Отдел письменных источников Государственного исторического музея – ОПИ ГИМ).

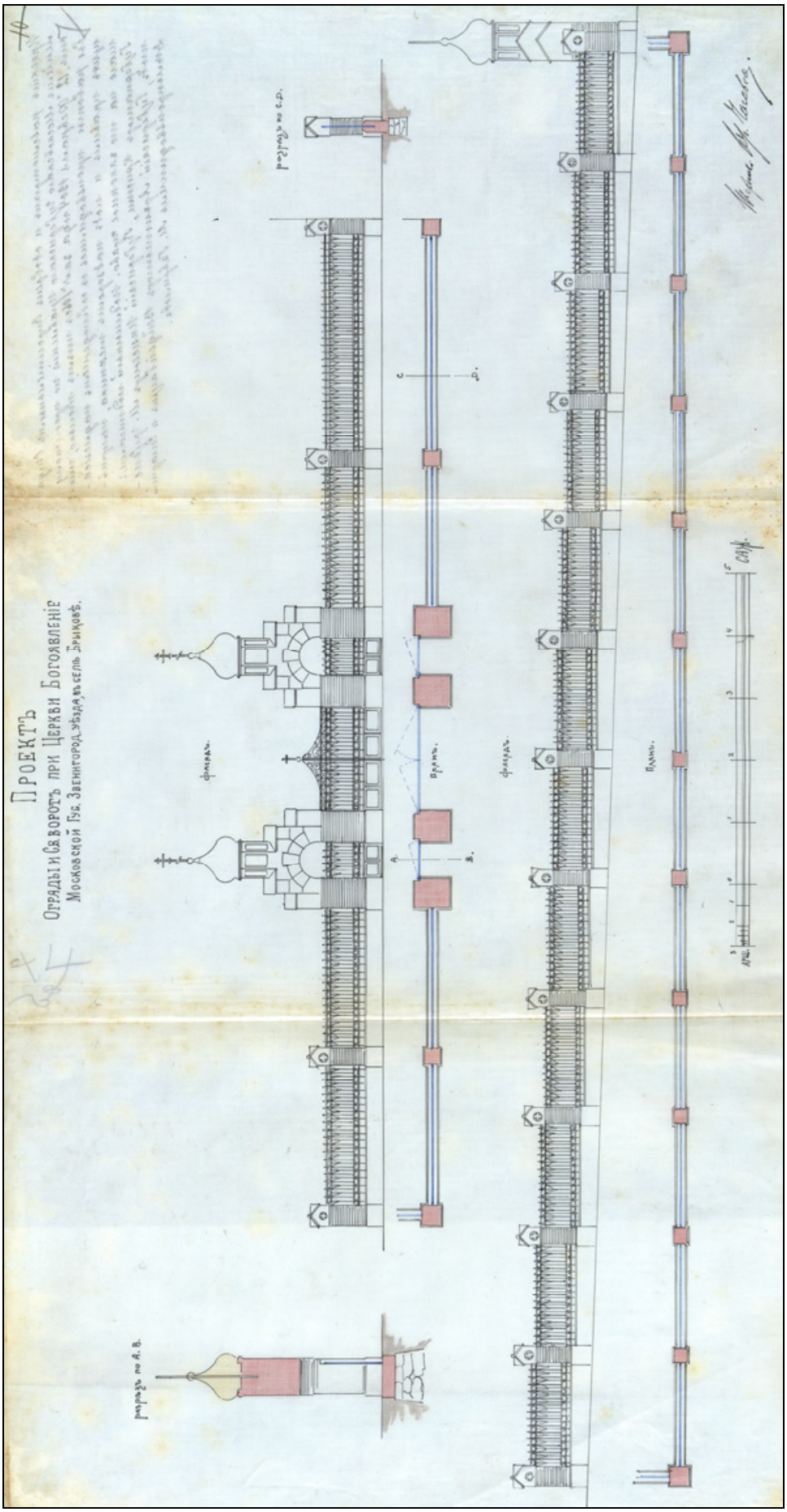

План крестьянской земли с. Брыково[72], 1866,
(Отдел письменных источников Государственного исторического музея – ОПИ ГИМ).

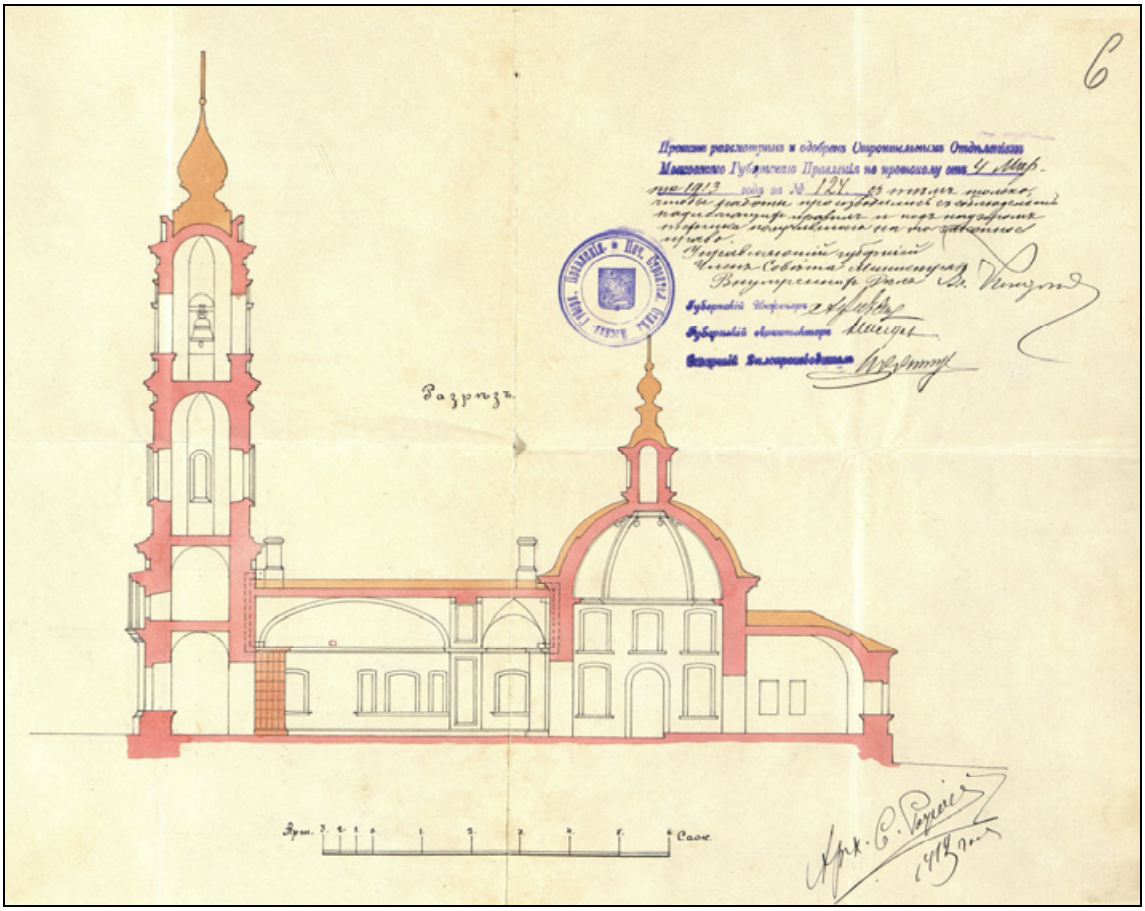
Исторические изображения усадьбы, церкви, часовни и школы

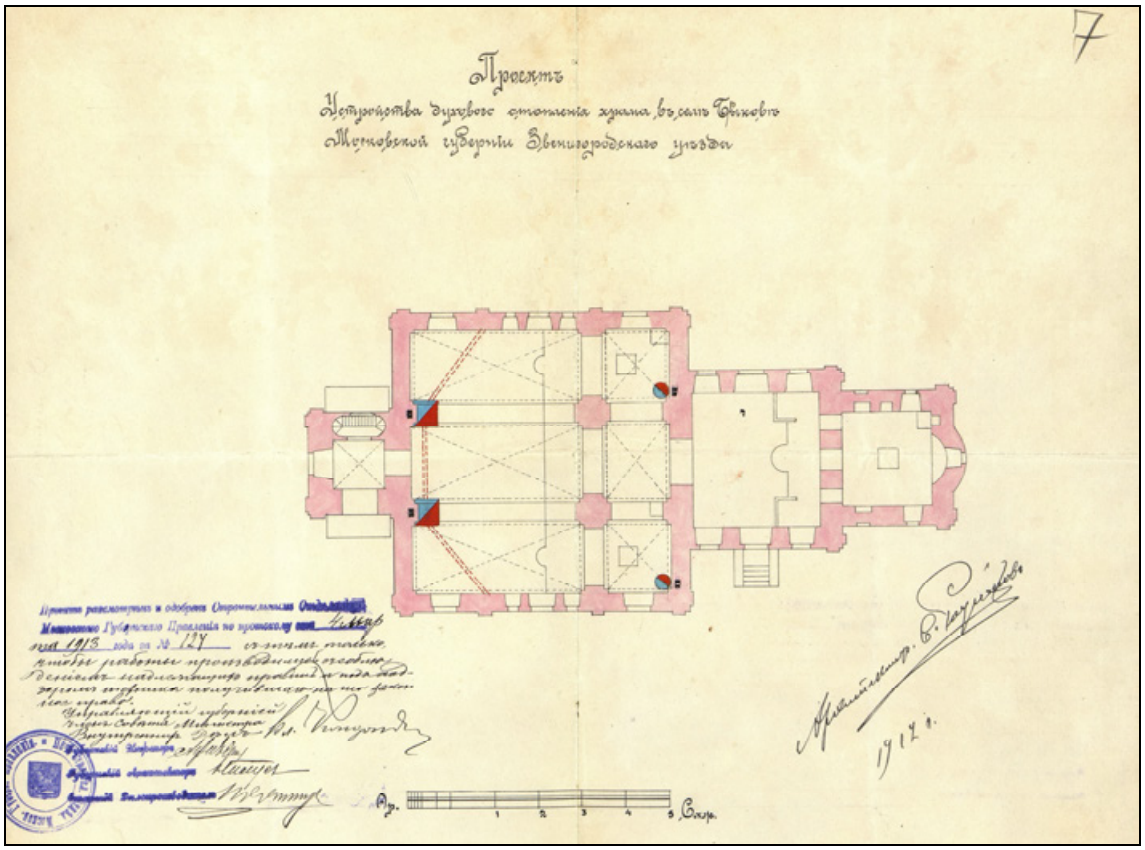
Проект фасада усадебного дома в имении Брыково[73], 1780-е – 1790-е,
(Государственный исторический музей – ГИМ).

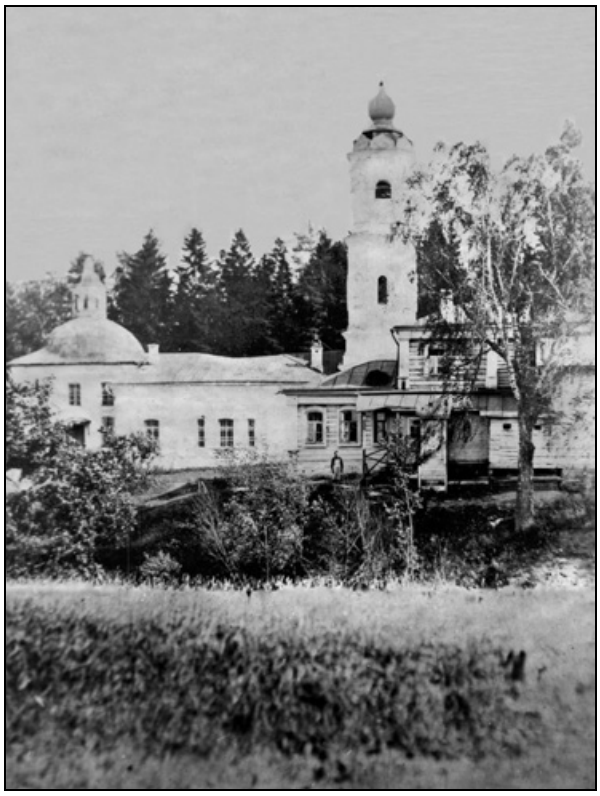
Чертеж ограды Богоявленской церкви с. Брыково[74], 1904, (ЦГАМ).

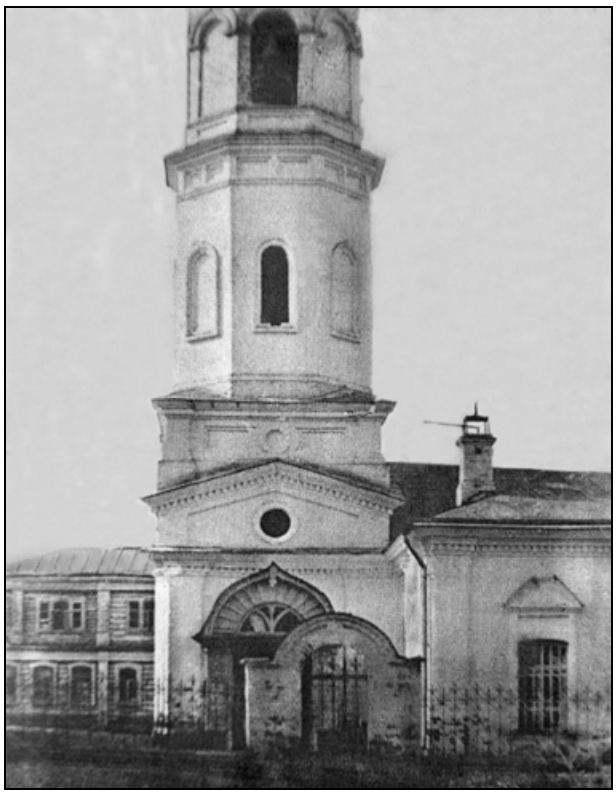
Разрез Богоявленской церкви с. Брыково[75], 1913,
(Государственное бюджетное учреждение "Центральный государственный архив города Москвы" – ЦГАМ).

План Богоявленской церкви с. Брыково[76], 1913, (ЦГАМ).

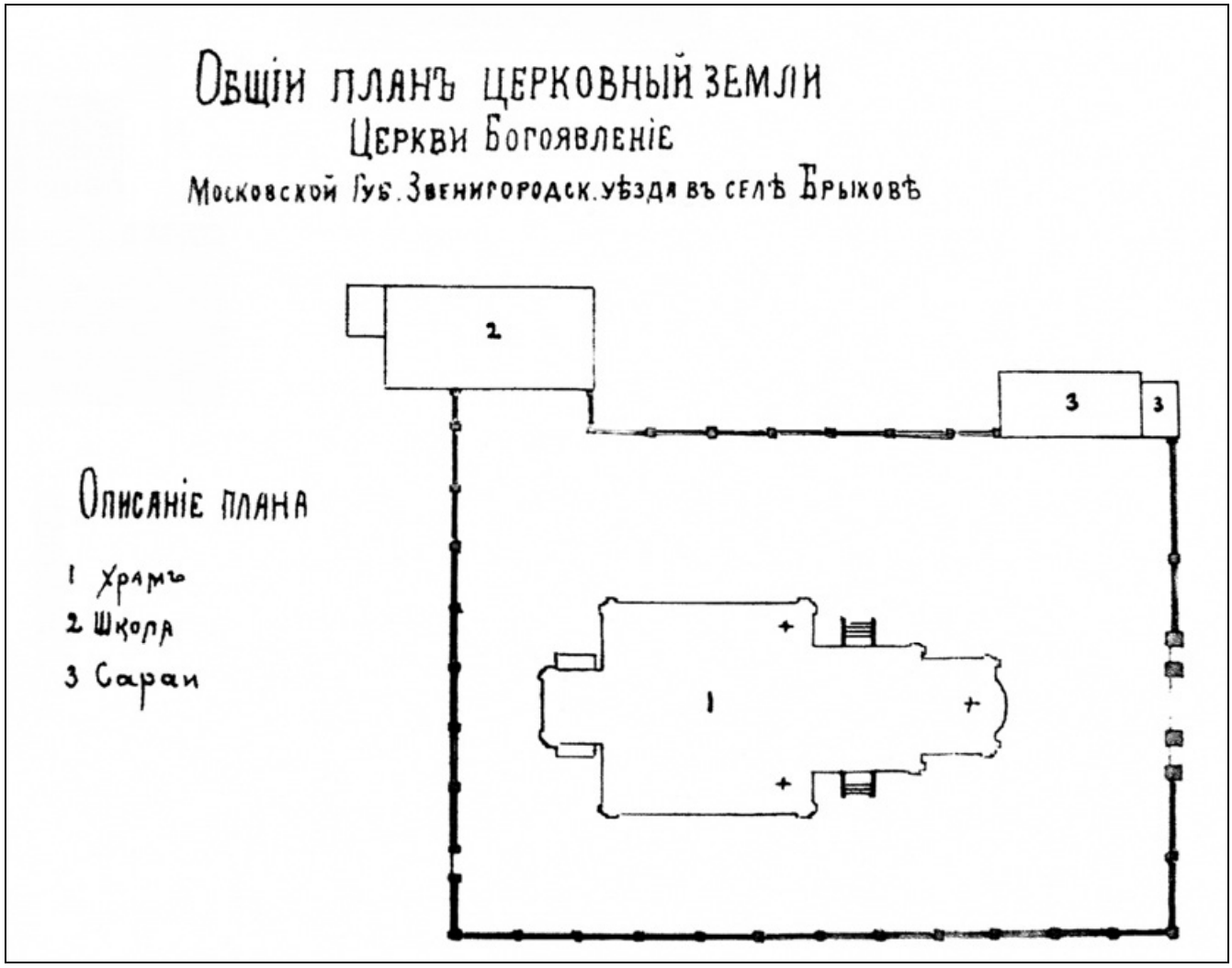
Богоявленская церковь и школа (справа), нач. XX в., (архив храма, отретушировано).

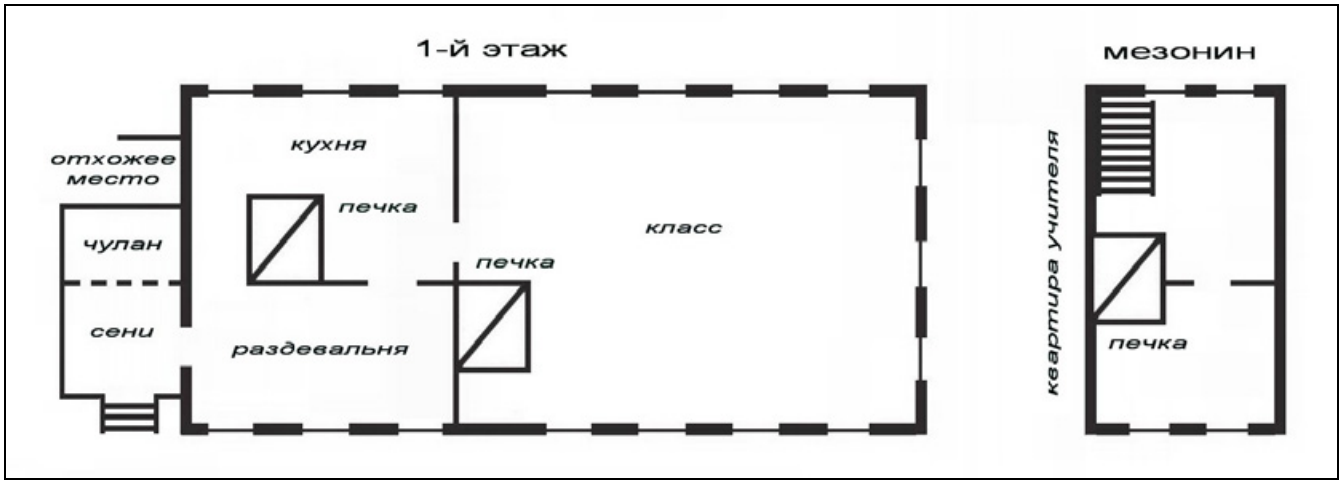
Богоявленская церковь и школа (слева), 1936, (архив храма, отретушировано).

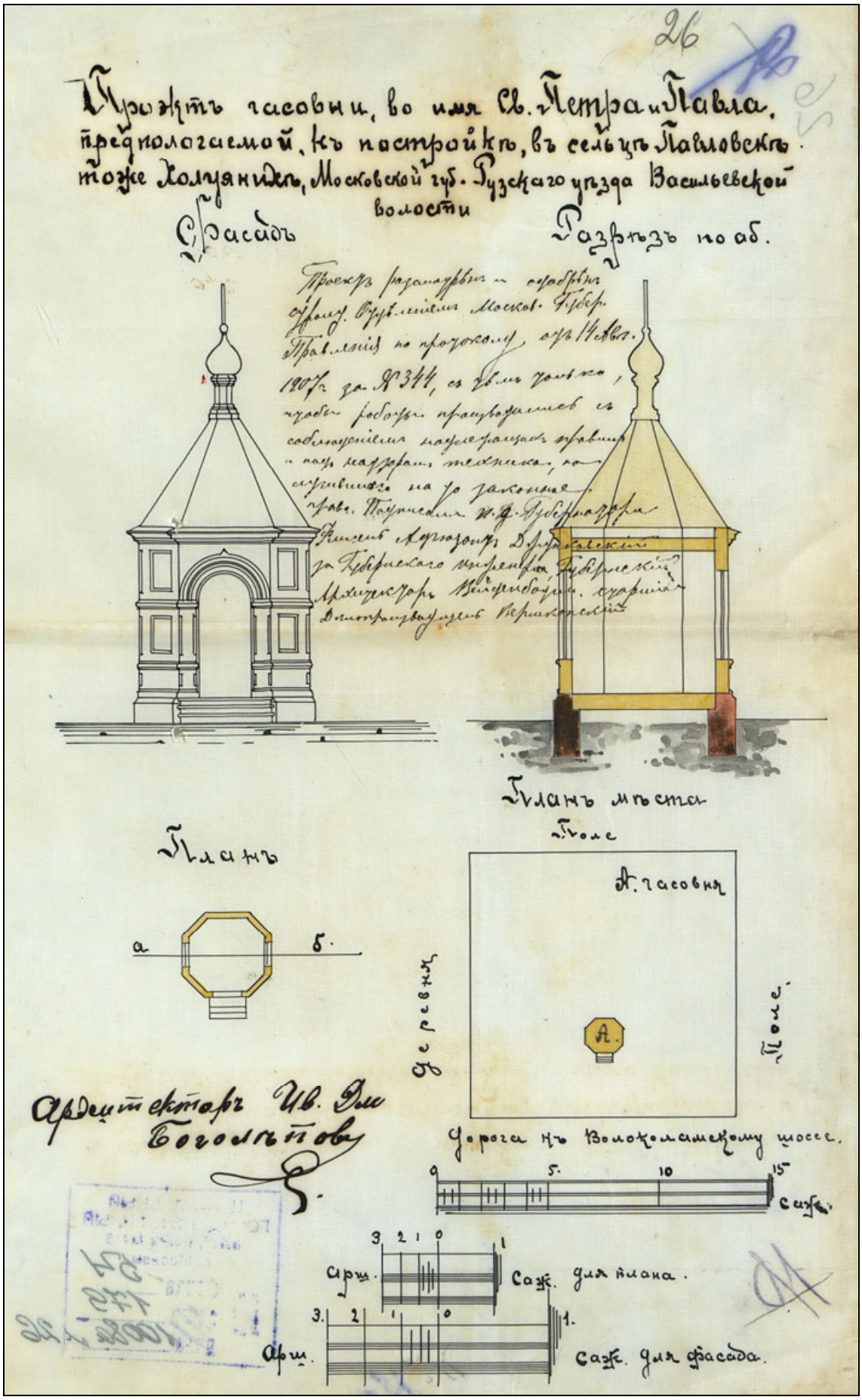
Богоявленская церковь, 1945 (кон. 1950-х?).

План огороженного земельного участка вокруг Богоявленской церкви[77], 1904, (ЦГАМ, отретушировано).

План земского училища с. Брыково[78], 1912, (ЦГАМ, реконструировано).

Чертежи и план часовни в «*сельце Павловском, тоже Холуяниха*»[79], 1907, (ЦГАМ).

Фотохроника разрушения и начала восстановления Божьего дома в Брыково

Богоявленская церковь (тракторный парк Глебовской птицефабрики), вид с востока, 1976,
(Паспорт Министерства культуры СССР).

Богоявленская церковь, вид с юго-востока, 1980-е.
(Государственный историко-художественный музей "Новый Иерусалим").

Руины трапезной и алтаря церкви, 1980-е, вид с юга и востока,
(Государственный историко-художественный музей "Новый Иерусалим").

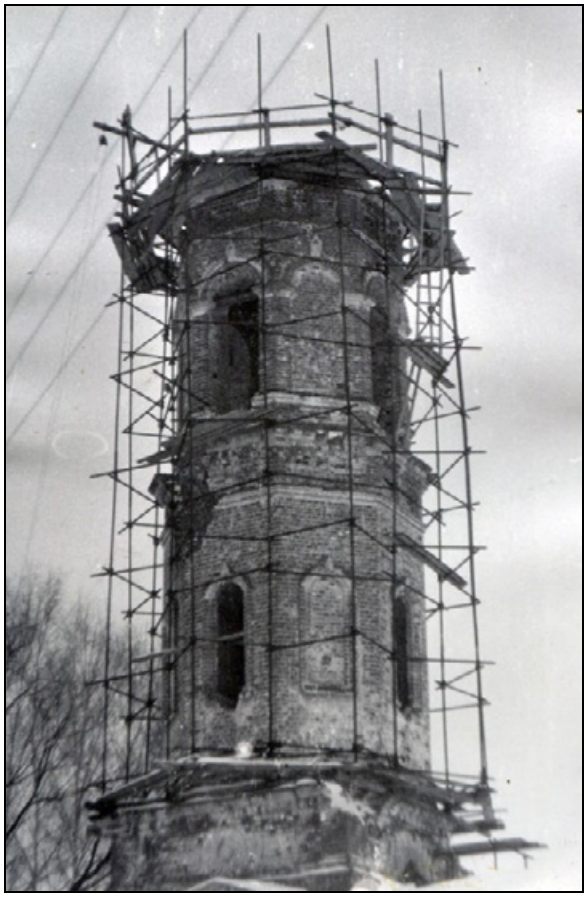

Руины трапезной церкви, 1980-е, (архив Богоявленского храма).

Руины церкви, 1980-е, (архив Богоявленского храма).

Колокольня, 1980-е, (архив Богоявленского храма).

Колокольня, фотограф Д. Дроздецкий, 1989.

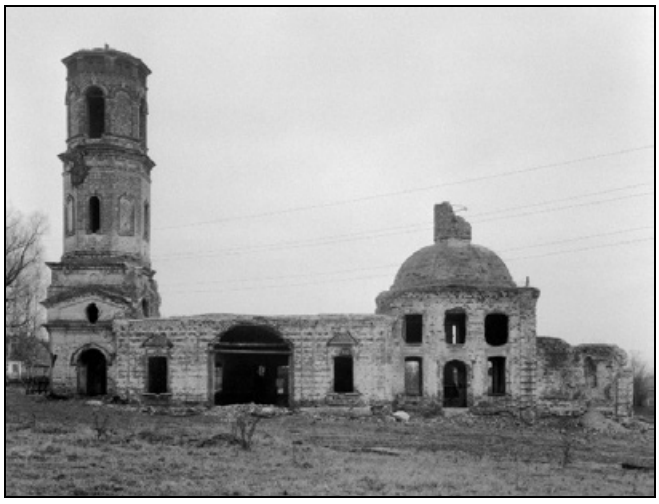
Богоявленская церковь, фотограф Д. Дроздецкий, 1989.

Три десятилетия Богоявленской церкви, 1976–2005

(снимки сделаны с южной стороны примерно с одного места в разное время)

Богоявленская церковь, 1976,
(Паспорт Минкульта СССР).

Богоявленская церковь, фотограф А. Зилов, 1982.

Богоявленская церковь, 1989,
(архив Богоявленского храма).

Богоявленская церковь,
фотограф А. В. Шатохин, 1995.

Богоявленская церковь,
фотограф А. Агафонов, 1999.

Богоявленская церковь, 2005.

Первое десятилетие возрождения Божьего дома

(фотоснимки из архива Богоявленского храма)

Настоятель о. Андрей Васильев, 1991.

Венчание в церкви, 1991.

Уборка территории, 1999.

Прихожане около церкви.

Трапезная, вид с севера, 2000.

Перезахоронение останков помещиков Квашниных-Самариных, 2000 (?)

Богоявленский храм, вид с севера, 2007.

Первая литургия в память священномученика Василия Сунгурова, 20.9.2013.
(сайт Истринского благочиния).

Трапезная храма. Слева Ильинский придел, справа Никольский, 2024.

Главный Богоявленский придел, 2024.

Надгробная плита П. А. Квашнина-Самарина, 2024.

Надгробная плита
П. Ф. Квашнина-Самарина, 2024.

На могильной плите П. А. Квашнина-Самарина написано: *«1742 года мая в 16 день по полуноще в 5 часу на память преподобного отца нашего Феодора Освященнаго преставися раб Божий статской действительной советник Петр Андреев сын Квашнин-Самарин. Жития его было от роду 69 лет и 7 месяцев. И дне рождение его в 18 того октября месяца. Тезоименитство его октября 5 дня. Погребе его Московскоего в Рузском уезде в селе Богоявленском Брыково тож того мая 22 дня в день святого мученика Василиска»*[80].

На могильной плите П. Ф. Квашнина-Самарина текст: «*Здесь покоится тело Действительнаго Тайнаго Советника Камергера и разных орденов Кавалера Петра Федоровича Квашнина-Самарина, скончавшагося 1815 года октября 19 дня пополудни в шестом часу, жития его было 72 года*».

Богоявленская церковь, вид с юга-востока, 2017.

Служение архиепископа Одинцовского и Красногорского Фомы в Брыково

Богоявленская церковь, 14.7.2023, (сайт Московской митрополии[81]).

Освящение Богоявленской церкви, 6.6.2024, (сайт Московской митрополии[82]).

Освящение Богоявленской церкви, 6.6.2024, (сайт Истринского благочиния[83]).

Брыковская средняя школа

(фотоснимки из семейных архивов бывших учеников Сергея Солдатова и Алексея Алексеева)

1-й класс Брыковской школы, в центре учительница Татьяна Александровна Иванова, 1960.

Слева Валентина Михайловна Архарова. Сидят (слева направо): Людмила Михайловна Комиссарова, неизвестная, Мария Григорьевна Гоголевская, Вера Григорьевна Алексеева. Стоит в центре Александр Александрович Потрасин (Патрахин?), слева его жена, справа неизвестная.

Учителя Брыковской школы, конец 1960-х.

Спортплощадка Брыковской школы.

Торжественная линейка в помещении Брыковской школы, начало 1960-х.
На переднем плане слева учительница Екатерина Яковлевна Арбузова и справа завуч Екатерина Сергеевна Щеглакова. Между ними на дальнем плане директор Николай Николаевич Беккер.

Выпуск вечерней школы, 1976.

Культурно-просветительский центр “Преображение”

(фотоснимки из архива центра)

Здание бывшей Брыковской школы, 2003.

Здание бывшей Брыковской школы, 2003.

Восстановление здания, 2005.

Восстановление здания, 2006.

Торжественное открытие КПЦ “Преображение”, в центре артист Сергей Юрьевич Юрский, 2008.

Наталья Дмитриевна Солженицына в КПЦ "Преображение". Слева от нее председатель Преображенского братства и первый проректор Свято-Филаретовского института Дмитрий Сергеевич Гасак. Справа духовный попечитель Преображенского братства священник Георгий Кочетков, 2015.

Детский рождественский праздник в КПЦ "Преображение", 2019.

Список источников и литературы

Примечание. Актуальность интернет-ссылок проверена 5 августа 2024 г.

(длинные интернет-адреса усечены, за полной ссылкой можно обратиться к автору nspnsp@mail.ru).

К введению:

1. **Носиков С. П. История села Филатово**, Рождественского погоста и Саввино – М.: 2020, 294 с.
2. **Носиков С. П. История сельца Глебово** и Казанской церкви – М.: 2021, с.250.
3. **Исторический атлас Московской** губернии: Доработанное репринтное издание военно-топографической карты Московской губернии 1860 года – СПб.: 2010, с.56.
4. **Истринская земля.** Серия "Энциклопедия сел и деревень Подмосковья". – М.: 2004, 848 с.

К главе 1:

1. РГИА. Ф.1350. Оп.312. Д.18. Л.45об, 46.
2. Герб рода князей Собакиных; URL: https://gerbovnik.ru/arms/312.html
3. Рузский уезд по писцовой книге 1567–1569 гг. Вып.4. – М.: 1997, с.159, 160.
4. РГИА. Ф.1350. Оп.312. Д.108. Л.286об, 287.
5. Панова Т. Д. Та самая царская невеста // "Наука и жизнь", 2006, №3, с.52–54.
6. Истринская земля. … с.258.
7. Разрядная книга 1475–1605 гг. Том I. Ч.I. – М.: 1977, с.324.
8. Собакины: древо рода (фрагмент); URL: https://rgfond.ru/rod/107105
9. Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины – М.: 1963, с.445.
10. Герб рода князей Шаховских; URL: https://gerbovnik.ru/arms/156.html
11. Истринская земля. … с.258.
12. ОПИ ГИМ. Ф.253. Д.31. Л.1.
13. Шаховской, Иван Леонтьевич Большой; URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Шаховской,_Иван_Леонтьевич_Большой
14. Князья Шаховские; URL: https://forum.svrt.ru/topic/7507-князья-шаховские/
15. **Телетова Н. К. Первый русский** лирический поэт П. А. Квашнин-Самарин // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 47. – СПб: 1993, с.301.
16. Протоиерей О. Пэнэжко. Храмы Истринского района. Часть 2. – Владимир: 2009, с.153.
17. Шаховской, Иван Леонтьевич Большой; URL: https://ru.wikipedia.org/ … (ссылка усечена)
18. Дворянские роды Российской империи. Т.1. Князья. – СПб.: 1993, с.259, 263.
19. Телетова Н. К. Первый русский … с.301.

К главе 2:

1. Герб рода Квашниных-Самариных; URL: https://gerbovnik.ru/arms/189.html
2. **Паглазова Н. М. Усадьба Богоявленское**, «Брыково тож», и ее владельцы // Русская усадьба, 2006, №12 (28), с.346.
3. ОПИ ГИМ. Ф.253. Д.17. Л.2–6.
4. Квашнины-Самарины: древо рода (фрагмент); URL: http://www.rgfond.ru/rod/10748
5. Телетова Н. К. Первый русский … с.299.
6. **Филиппова И. С. Песни** П. А. Самарина-Квашнина // Известия Академии наук СССР. Серия Литературы и языка. Т.31. Вып.1, 1972, с.65.
7. **Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники** по истории русского народного разговорного языка XVII – начала XVIII века. – М.: 1964, с.182.
8. РГИА. Ф.1399. Оп.1. Д.101. Л.8.
9. **Московская деловая** и бытовая письменность XVII века – М.: 1968, с.155–156.
10. Истринская земля. … с.263.
11. Московская деловая … с.197.
12. Московская деловая … с.198.
13. **Холмогоровы В. и Г. Исторические** материалы о церквах и селах XVI–XVIII столетий. Выпуск первый. Рузская десятина – М.: 1881, с.48.
14. Филиппова И. С. Песни … с.65.
15. РГАДА. Ф.350. Оп.1. Д.345. Л.265.
16. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.43. Л.44, 45об.
17. Козловские; URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Козловские
18. Ржевские; URL: https://forum.svrt.ru/topic/12378-ржевские/
19. Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники … с.214.
20. Телетова Н. К. Первый русский … с.300.
21. Салмина М. А. Литература Древней Руси: Биобиблиографический словарь – М.: 1996, с.87.
22. Морозова М. С. Забытый поэт П. А. Квашнин–Самарин // Вестник славянских культур, 2011, №1, с.60.
23. **Паглазова Н. М. Литературное наследие** владельцев усадьбы Брыково // Русская усадьба. Вып. 13–14 (29–30), М.: 2008, с. 853–854.
24. Василий Иванович Чертков ум. до 1734; URL: https://ru.rodovid.org/wk/Запись:324115
25. Герб рода Чертковых; URL: https://gerbovnik.ru/arms/73.html
26. Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени – М.: 2015, с.628, 629.
27. Истринская земля. … с.258.
28. Ржевский, Юрий Алексеевич; URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ржевский,_Юрий_Алексеевич
29. Ржевские; URL: https://forum.svrt.ru/topic/12378-ржевские/
30. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.208. Л.384об.
31. Портрет. Ф.П. Квашнина-Самарина (1704–1770); URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=566543
32. Портрет А. Ю. Квашниной-Самариной первая половина 1770-х; URL: https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/20173
33. Телетова Н. К. Забытые родственные связи А. С. Пушкина – Ленинград: 1981, с.29.
34. Квашнин-Самарин Федор Петрович; URL: https://adelwiki.dhi-moskau.de/ … (ссылка усечена)
35. ОПИ ГИМ. Ф.253. Д.65. Л.11.
36. ОПИ ГИМ. Ф.253. Д.65. Л.6.
37. ОПИ ГИМ. Ф.253. Д.73. Л.14, 16, 68
38. Графиня Прасковья Фёдоровна Воронцова, ур. Квашнина-Самарина (1750 – 1797); URL: https://ru.wikipedia.org/ … (ссылка усечена)
39. **Шереметевский В. В. Русский** провинциальный некрополь. Т. 1. – М.: 1914, с.391.
40. ЦИАМ. Ф.203. Оп.753. Д.653. Л.1.
41. Шереметевский В. В. Русский … с.11.
42. ИИМК Ф.Р-III Д.3510. Л.11.
43. Старк В. П. Портреты и лица, XVIII – середина XIX в. – СПб.: 1995, с.42.
44. РГАДА. Ф.1354. Оп.250. Д.Б–14к. Л.1.
45. ЦГАМ. Ф.210. Оп.11. Д.409. Л.23.
46. **Кусов В. С. Земли Московской** губернии в XVIII веке. Карты уездов. Описания землевладений. – М.: 2004, с.154.
47. Кусов В. С. Земли Московской … с.166, 170.
48. Носиков С. П. История села Филатово … с.25.
49. Старк В. П. Портреты и лица … с.41.
50. Салтыковы; URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Салтыковы
51. Старк В. П. Портреты и лица … с.41.
52. Портреты из Воронцовки – Тамбов: 2003, с.60.
53. Квашнин-Самарин, Пётр Фёдорович; URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Квашнин-Самарин,_Пётр_Фёдорович
54. **Дзюбанов С. Д. "Опасные"** связи … // Г. Р. Державин и его время. Вып.12 – СПб.: 2016, с.86.
55. Московское дворянство в 1812 году – М.: 1912, с.233, 236.
56. ЦГАМ. Ф.743. Оп.1. Д.199. Л.36.
57. ОПИ ГИМ. Ф.253. Д.77. Л.32.
58. ОПИ ГИМ. Ф.253. Д.78. Л.4, 23об.
59. Леонид (Кавелин), архимандрит. **Московский Звенигород** и его уезд в церковно-археологическом отношении. – М.: 1878, с.47.
60. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.286. Л.34.
61. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1113. Л.606.
62. Шереметевский В. В. Русский … с.766.
63. ЦГАМ. Ф.203. Оп.646. Д.212. Л.35.
64. ОПИ ГИМ. Ф.253. Д.76. Л.20.
65. РГИА. Ф.1350. Оп.312. Д.108. Л.286об.
66. ГИМ–54014/48. 1780–1790-е гг.
67. Истринская земля. … с.259.
68. ОПИ ГИМ. Ф.253. Д.77. Л.2.
69. ЦГАМ. Ф.743. Оп.1. Д.131. Л.23об.
70. ЦГАМ. Ф.743. Оп.1. Д.575. Л.20об.
71. РГАДА. Ф.1354. Оп.250. Д.Б–14к. Л.1.
72. ЦГАМ. Ф.203. Оп.757. Д.268. Л.6об.
73. ЦГАМ. Ф.4. Оп.1. Д.46. Л.50.
74. ЦГАМ. Ф.4. Оп.1. Д.4266. Л.40.
75. ЦГАМ. Ф.743. Оп.1. Д.131. Л.13об.
76. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1697. Л.98об.
77. ЦГАМ. Ф.50. Оп.12. Д.620. Л.127об, 128об.
78. РГИА. Ф.1350. Оп.312. Д.108. Л.286об, 287.
79. ЦГАМ. Ф.743. Оп.1. Д.575. Л.20об–22.
80. ОПИ ГИМ. Ф.253. Д.76. Л.39.
81. ЦГАМ. 203. Оп.643. Д.10. Л.1.
82. Семейство Чернышёвых. Из воспоминаний М.Д. Бутурлина; URL: http://tagino.narod2.ru/index/semejstvo_chernyshjovykh/0-31
83. Чернышёва, Елизавета Петровна; URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Чернышёва,_Елизавета_Петровна
84. Там же.
85. Тагино–страницы прошлого. Из воспоминаний М.Д. Бутурлина; URL: http://tagino.narod2.ru/index/semejstvo_chernyshjovykh/0-31
86. Квашнин-Самарин, Пётр Фёдорович; URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Квашнин-Самарин,_Пётр_Фёдорович
87. Дзюбанов С. Д. "Опасные" … с.80.
88. ЦГАМ. Ф.50. Оп.6. Д.7065. Л.1–3.
89. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.1570. Л.223об.
90. ОПИ ГИМ. Ф.253. Д.81. Л.1–4.
91. ЦГАМ. Ф.32. Оп.17. Д.13447. Л.1.
92. ЦГАМ. Ф.32. Оп.3. Д.7671. Л.4.
93. ЦГАМ. Ф.16. Оп.3. Д.1114. Л.1.

94. ЦГАМ. Ф.16. Оп.4. Д.3032. Л.323.
95. ЦГАМ. Ф.50. Оп.5. Д.8023. Л.25об.
96. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.1572. Л.48об.
97. Дзюбанов С. Д. "Опасные" … с.86, 87.
98. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.1575. Л.181об.
99. ЦГАМ. Ф.50. Оп.5. Д.8023. Л.47.
100. ЦГАМ. Ф.50. Оп.5. Д.8023. Л.25об.
101. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.1574. Л.12.
102. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.1575. Л.181.
103. ЦГАМ. Ф.50. Оп.5. Д.8525. Л.5об.
104. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.1571. Л.296.
105. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.1571. Л.1, 1об.
106. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.1572. Л.137.
107. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.1574. Л.37.
108. ЦГАМ. Ф.16. Оп.4. Д.3032. Л.13.
109. ЦГАМ. Ф.50. Оп.5. Д.8023. Л.49об.
110. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.1574. Л.10.
111. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.1573. Л.31.
112. **Московский некрополь**. Том 2 (К – П) – СПб: 1908, с.33.
113. ЦГАМ. Ф.127. Оп.24. Д.130. Л.3–4об.
114. ЦГАМ. Ф.50. Оп.5. Д.8023. Л.184об.
115. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.1570. Л.425.
116. ЦГАМ. Ф.50. Оп.5. Д.8525. Л.86.
117. ЦГАМ. Ф.50. Оп.5. Д.8023. Л.139об.
118. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.1576. Л.50, 50об.
119. ЦГАМ. Ф.50. Оп.5. Д.8023. Л.413.
120. ЦГАМ. Ф.50. Оп.12. Д.620. Л.125об, 126об.
121. ЦГАМ. Ф.50. Оп.5. Д.8526. Л.266об.
122. ЦГАМ. Ф.50. Оп.5. Д.8525. Л.69.
123. ЦГАМ. Ф.50. Оп.5. Д.8526. Л.69.
124. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2081. Л.295об.
125. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.654. Л.59.

К главе 3:

1. ЦГАМ. Ф.203. Оп.574. Д.21. Л.1.
2. Решения гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената – СПб.: 1871, с.820.
3. Портрет Павла Николаевича Кильдюшевского, 1850-е. МТ КП–431; URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=11540434
4. Портрет П. Н. Кильдюшевского. Картина. ЯХМ–52600/87; URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=31254317
5. Половцов А. А. Русский биографический словарь. Том 8 – СПб.: 1897, с.630.
6. ЦГАМ. Ф.433. Оп.41. Д.87а. Л.21.
7. Мартынов П. Л. Селения Симбирского уезда – Симбирск: 1903, с.200.
8. Баженов. Н. Статистическое описание соборов, монастырей, приходских и домовых церквей Симбирской епархии по данным 1900 года. – Симбирск: 1903, с.29.
9. ЦГАМ. Ф.156. Оп.1. Д.75. Л.1.
10. ЦГАМ. Ф.433. Оп.41. Д.87а. Л.18.
11. ЦГАМ. Ф.433. Оп.41. Д.87а. Л.17.
12. ЦГАМ. Ф.433. Оп.43. Д.35. Л.26.
13. ЦГАМ. Ф.4. Оп.10. Д.938. Л.2об.
14. ЦГАМ. Ф.433. Оп.46. Д.57. Л.2.
15. Половцов А. А. Русский … с.630.
16. ЦГАМ. Ф.433. Оп.46. Д.57. Л.3.
17. **П.Н. Кильдюшевский // Северная пчела**, 1858, № 272, с.1144.
18. ЦГАМ. Ф.433. Оп.64. Д.84. Л.30об.
19. ЦГАМ. Ф.433. Оп.64. Д.84. Л.37об.
20. ЦГАМ. Ф.4. Оп.10. Д.938. Л.19об, 20об.
21. ЦГАМ. Ф.433. Оп.62. Д.95. Л.2.
22. ЦГАМ. Ф.433. Оп.26. Д.33. Л.1.
23. ЦГАМ. Ф.16. Оп.16. Д.641. Л.1.
24. ЦГАМ. Ф.108. Оп.5. Д.112. Л.76об.
25. Нистрем К. М. Книга адресов жителей Москвы: Книга чиновников служащих 1855 – М.: 1854, с.352, 376.
26. ЦГАМ. Ф.108. Оп.5. Д.112. Л.1.
27. ЦГАМ. Ф.203. Оп.574. Д.21. Л.2об.
28. ЦГАМ. Ф.203. Оп.574. Д.21. Л.50.
29. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2308. Л.264об.
30. Указатель селений и жителей уездов Московской Губернии. Составлен по официальным сведениям и документам К. Нистремом. – М.: 1852, с.353.
31. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1334. Л.23об.
32. Змеев. Л. Ф. Русские врачи писатели.– СПб.: 1886, с.143.
33. Краткий обзор деятельности Медико-фармацевтического попечительства в Москве за 40 лет: 1834–1874 г.– М.: 1875, с.8.
34. П.Н. Кильдюшевский // Северная пчела … с.1144.
35. Щекин Илья Афанасьевич (1792–23 марта 1864); URL: http://prorossiu.ru/?page_id=1796
36. ГТГ Уч оп–349. Портрет Ольги Ильиничны Кильдюшевской (Ум.1861), 1868–1869; URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=4866916
37. Усадьба Приклонской Н.Н., палаты XVII века, Москва, Архангельский пер. Д.10 стр.2; URL: https://arhiv-palat.livejournal.com/180884.html
38. Усадьба Приклонской — Левашова — Кильдюшевского; URL: https://ru.wikipedia.org/ … (ссылка усечена)
39. ЦГАМ. Ф.4. Оп.10. Д.938. Л.9об.
40. ЦГАМ. Ф.4. Оп.17. Д.362. Л.13об.
41. ЦГАМ. Ф.2125. Оп.1. Д.1797. Л.130.
42. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.581. Л.672об.
43. ЦГАМ. Ф.420. Оп.1. Д.1359. Л.1.
44. Носиков С. П. История села Филатово … с.166–169.
45. Носиков С. П. История сельца Глебово … с.24–25.
46. ЦГАМ. Ф.66. Оп.3. Д.1157. Л.1.
47. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.29. Л.5.
48. ЦГАМ. Ф.2125. Оп.1. Д.1797. Л.152.
49. РГИА. Ф.577. Оп.20. Д.799. Л.22об.
50. ЦГАМ. Ф.17. Оп.41. Д.60. Л.114а.
51. ЦГАМ. Ф.16. Оп.192. Д.470. Л.5об.
52. Ткаченко О. В. Теплое. История Знаменской церкви и владельцев усадьбы. – М.: 2022, с.180.
53. ЦГАМ. Ф.17. Оп.44. Д.137. Л.219.
54. ЦГАМ. Ф.16. Оп.192. Д.470. Л.10.
55. Общий алфавит жителей Москвы – М.: 1898, с.112.
56. РГИА. Ф.577. Оп.20. Д.799. Л.5.
57. ОПИ ГИМ. Ф.253. Д.85. Л.43.
58. ЦГАМ. Ф.17. Оп.42. Д.42. Л.12.
59. ЦГАМ. Ф.17. Оп.43. Д.32. Л.233об.
60. ЦГАМ. Ф.142. Оп.23. Д.186. Л.23.
61. ЦГАМ. Ф.16. Оп.76. Д.68. Л.5об.
62. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.1593. Л.5.
63. ЦГАМ. Ф.433. Оп.42. Д.91. Л.38.
64. Московский некрополь. Том 2 (К – П) … с.38.

К главе 4:

1. Герб рода Карповых; URL: https://gerbovnik.ru/arms/2842.html
2. **Смольянинова М. Г. Сказание** о Морозовых. История моего рода (1770–2012) – М.: 2014, с.109.
3. **Лазарев Я. А. Ившин В. С.** Интеграция малой России и ее статус в трудах Г.Ф. Карпова (1839–1890) // Славяноведение, 2021, №2, с.116.
4. ГАЯО. Ф.549. Оп.1. Д.383. Л.2.
5. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.23. Л.27–28об.
6. ГАЯО. Ф.549. Оп.1. Д.650. Л.1.
7. Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1846 год. Часть вторая. – СПб: 1846, с.220.
8. ГАЯО. Ф.196. Оп.1. Д.3360. Л.1.
9. ЦГАМ. Ф.357. Оп.1. Д.1. Л.6об.
10. Карпов, Геннадий Фёдорович; URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Карпов,_Геннадий_Фёдорович
11. ГАЯО. Ф.230. Оп.1т3. Д.4332. Л.811.
12. Карпова А. Родословная дворянского рода Карповых // Сборник краеведческих исследовательских работ “Отечество”, 2023, №24, с.151.
13. ГАЯО. Ф.18. Оп.3. Д.127. Л.1172.
14. ГАЯО. Ф.18. Оп.3. Д.157. Л.45.
15. ГАЯО. Ф.151. Оп.2. Д.10153. Л.2об.
16. ГАЯО. Ф.196. Оп.1. Д.3360. Л.1–52.
17. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.11. Л.197.
18. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.11. Л.181, 181об.
19. ГАЯО. Ф.230. Оп.2. Д.1392. Л.1611об.
20. ГАЯО. Ф.18. Оп.3. Д.180. Л.103об.
21. ГАЯО. Ф.18. Оп.3. Д.189. Л.352об.
22. ЦГАМ. Ф.4. Оп.10. Д.905. Л.19.
23. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.23. Л.2.
24. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.11. Л.9.
25. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.21. Л.46–47.
26. Бабушкин Иринарх Дмитриевич (1868); URL: https://ru.openlist.wiki/Бабушкин_Иринарх_Дмитриевич_(1868)
27. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.11. Л.12об.
28. Справочная книга Ярославской губернии на 1909 г. – Ярославль: 1909, с.4.
29. ГАЯО. Ф.18. Оп.3. Д.180. Л.103об.
30. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том 28. Репринтное издание. – СПб.: 1991, с. 587.
31. Половцов А. А. Русский … с.535.
32. ГАЯО. Ф.230. Оп.1т6. Д.14236. Л.13.
33. ЦГАМ. Ф.357. Оп.1. Д.1. Л.4об.
34. **Барсов К.** Геннадий Федорович Карпов. (Некролог) // Журнал Министерства народнаго просвещения, 1890, №5, с.212.
35. ЦГАМ. Ф.418. Оп.26. Д.250. Л.52.
36. **Освящение храма во имя Боголюбивой** Божией Матери при станции Болдино. // ВЕВ, 1893, №13 неоф., с.381.
37. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.11. Л.210.
38. ЦГАМ. Ф.459. Оп.2. Д.2277а. Л.55об.
39. Отчет о состоянии и действиях Императорскаго Московскаго университета за 1878–58 академическом и 1858 гражданский годы. – М.: [1859].
40. **Агейчева Т. В.** Г.Ф. Карпов — ученик С. М. Соловьева // С. М. Соловьев и его эпоха – М: 2020, с.233.
41. ЦГАМ. Ф.4. Оп.10. Д.905. Л.2об.
42. Очерки из Истории Российской Иерархии: Церковная смута. Генн. Карпова // ЧОИДР – М.: 1864, т.4, с.103–206.
43. ЦГАМ. Ф.4. Оп.10. Д.905. Л.4об, 5об.
44. Протоколы заседаний Общества за 1887–1891 гг. // **ЧОИДР. Книга 160**. – М.: 1892, т.1, с.42.
45. Московский Университет. Из Альбома Политехнической выставки 1872 г; URL: https://pastvu.com/p/721467
46. Ученые степени и звания в Российской империи во второй половине XIX века; URL: https://spravochnick.ru/ … (ссылка усечена)
47. **Нечкина М. В.** Василий Осипович Ключевский. – М.: 1974. с.125.
48. ЦГАМ. Ф.4. Оп.10. Д.905. Л.3об, 4об.
49. Нечкина М. В. … с.136.
50. Агейчева Т. В. … с.233.
51. ЦГАМ. Ф.418. Оп.36. Д.65. Л.19.
52. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. 1462–1503 / Соч. Геннадия Карпова. – М.: 1867, Ч.1, 140 с.; Ч. 2, 152с.

53. ЧОИДР Книга 160. … с.43.
54. **Разбор сочинения** г. Карпова "История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. 1462–1508 г." / Сост. акад. **А.А. Куником**. – СПб: 1869, с. 4–6.
55. ЦГАМ. Ф.4. Оп.10. Д.905. Л.5об.
56. Университетская улица. Здание бывшего губернаторского дворца, отданное под Университет; URL: https://pastvu.com/p/765319
57. **Историко-филологический факультет** Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) – Харьков: 1908, вкладка в конце книги.
58. Историко-филологический факультет … с.107.
59. Лазарев Я. А. Ившин В. С. … с.118.
60. **Вступительная лекция** по русской истории, читанная 6-го сентября 1867 года Доцентом Геннадием Карповым. // Протоколы заседаний Совета Императорскаго Харьковскаго университета и приложения к ним … 1867, №7, с.615–627.
61. «Историк Геннадий Карпов». Исторический час с Дмитрием Володихиным (интервью с … Татьяной Агейчевой, 03.10.2021); URL: https://radiovera.ru/istorik-gennadij-karpov-istoricheskij-chas-s-dmitriem-volodihinym.html
62. Лазарев Я. А. Ившин В. С. … с.121.
63. Агейчева. Т. В. … 239.
64. **Критический обзор** разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся, за время: 8-е января 1654 – 30-е мая 1672 года – М.: 1870, 181 с.
65. ЦГАМ. Ф.357. Оп.1. Д.1. Л.15.
66. Критический обзор … с.171.
67. Агейчева. Т. В. ... с.239.
68. Лазарев Я. А. Ившин В. С. … с.122.
69. Альбом к столетию (1805–1905) Императорскаго Харьковскаго Университета – [Харьков?], 1905, с.10.
70. Альбом М. И. Семевскаго. – СПб.: 1888, с.233.
71. ЧОИДР Книга 160. … с.44.
72. Протоколы заседаний Совета Императорскаго Харьковскаго университета и приложения к ним. – Харьков: 1871, №1, с.285; 1871, №2, с.20.
73. Лазарев Я. А. Ившин В. С. … с.124.
74. Паглазова Н. М. Усадьба Богоявленское… с.354.
75. ЦГАМ. Ф.4. Оп.10. Д.905. Л.15.
76. Сосницкий. Д. А. Василий Ключевский и его научные связи // В. О. Ключевский: воспоминания и исследования – СПб.: 2017, с.164.
77. ГЕННАДИЙ ФЕДОРОВИЧ КАРПОВ. (Некролог.) // **Московские ведомости, 1890, №120**, с.6.
78. В защиту Богдана Хмельницкаго. Сочинение Геннадия Карпова. – М.: 1890, с.84.
79. **Филаткина Н. А. Забытой красоты** таинственные тени: жёны русских предпринимателей рубежа XIX-XX вв. – М.: 2022, с.91.
80. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.10. Л.9.
81. Московские ведомости, 1890, №120, с.6.
82. ЧОИДР Книга 160. … с.44.
83. МОСКВА, 28 апреля. // Московский листок, 1890, №117, с.2.
84. Круг церковного древнего знаменного пения. Ч. 1–3. / Предисл. Г. Карпова – СПб.: 1884, с.1.
85. Круг церковного древнего знаменного пения. Том I. Октоих.; URL: https://www.rusbibliophile.ru/ (ссылка усечена)
86. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.32. Л.215, 215об.
87. Изборник князя Святослава 1073 года. 950 лет древнейшему памятнику древнерусской литературы; URL: https://www.nntu.ru/frontend/web/ngtu/ (ссылка усечена)
88. Изборник Святослава 1073 года; URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Изборник_Святослава_1073_года
89. Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года: С греч. и лат. текстами // ЧОИДР, 1882, Кн. 4, с.1.
90. Изборник великого князя Святослава Ярославовича 1073 года / [С предисл. Геннадия Карпова]. – СПБ.: 1880, 266 с.
91. **Филаткина Н. А. Династия** Морозовых: лица и судьбы – М.: 2011, с.138.
92. РГИА. Ф.1571. Оп.2. Д.50. Л.1–2об.
93. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.32. Л.82.
94. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.21. Л.55–56.
95. Половцов А. А. Русский … Том "И – К" … с.535.
96. ЦГАМ. Ф.4. Оп.10. Д.905. Л.10.
97. ЦГАМ. Ф.357. Оп.1. Д.1. Л.28, 28об.
98. Список лицам, служащим по ведомству Министерства Народнаго Просвещения. 1889/90 учебный год. – СПБ.: 1889, с.702.
99. ЦГАМ. Ф.357. Оп.1. Д.1. Л.56.
100. Портрет Карпова Геннадия Федоровича.; URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=47416338
101. Барсов К. ... с.215.
102. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.10. Л.8.
103. РГИА. Ф.1571. Оп.2. Д.50. Л.1–1об.
104. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.11. Л.123.
105. ЦГАМ. Ф.17. Оп.47. Д.469. Л.12.
106. ЦГАМ. Ф.357. Оп.1. Д.1. Л.38об.
107. ЦГАМ. Ф.17. Оп.48. Д.405. Л.55.
108. ЦГАМ. Ф.17. Оп.48. Д.414. Л.15.
109. ЦГАМ. Ф.17. Оп.50. Д.570. Л.18.
110. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.131. Л.100.
111. **Носиков С. П. История Ивановской** суконной фабрики Цуриковых и Успенской церкви – М.: 2023, с.344–345.
112. РГАДА. Ф.1264. Оп.1. Д.106. Л.16.
113. ЦГАМ. Ф.203. Оп.757. Д.1360. Л.3об.
114. **Савинова Е. Н. Сельские усадьбы** московских предпринимателей конец XIX–начало XX в.– М.: 2008, с.374.
115. Филаткина Н. А. Русская усадьба в очерках и воспоминаниях (XVIII – начало XX в.) – М.: 2022, с.240.
116. Имение Карпова Сушнево. Барский дом; URL: https://pastvu.com/p/419953
117. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.16. Л.28.
118. ЦГАМ. Ф.357. Оп.1. Д.1. Л.18.
119. ЦГАМ. Ф.357. Оп.1. Д.52. Л.6об.
120. ЦГАМ. Ф.357. Оп.1. Д.1. Л.21об.
121. **Савинова Е. Н. Русская усадьба**. Серебряный век. – М.: 2008, с.275.
122. Освящение храма во имя Боголюбивой … с.390.
123. Филаткина Н. А. Забытой красоты … с.94.
124. Судьба века. Кривошеины – СПб: 2002, с.40.
125. Освящение храма во имя Боголюбивой … с.381.
126. ГАВО. Ф.556. Оп.1. Д.3363. Л.1–5.
127. Попова М.П. Атрибуция двух фотографий из имения Сушнево. // Материалы научно-практической конференции Владимиро-Суздал. Музей [№6]: – Владимир: 2000, с.11.
128. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.22. Л.2.
129. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.10. Л.3об.
130. Закладка храма в честь Боголюбской иконы Божией Матери, при станции Болдино. // ВЕВ, 1888, №18, с.674, 675.
131. Освящение храма во имя Боголюбивой … с.382.
132. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.16. Л.154.
133. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.32. Л.11, 12.
134. Владимирская губерния, имение Карпова "Сушнево". Церковь Боголюбовской Богоматери при станции Болдино; URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=1481239
135. Савинова Е. Н. Русская усадьба … с.279.
136. Освящение храма во имя Боголюбивой … с.382–389.
137. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.17. Л.36об.
138. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.1. Л.16об.
139. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.10. Л.15.
140. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.2. Л.32.
141. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.1. Л.44.
142. ЦГАМ. Ф.203. Оп.776. Д.477. Л.220.
143. Геннадий Федорович Карпов, его кончина и погребение. // ВЕВ, 1890, №10, с.340.
144. Отчет о первом присуждении Обществом премии Г. Ф. Карпова // **ЧОИДР Книга 168**. – М.: 1894, т.1, с.1
145. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.32. Л.1, 10.
146. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.1. Л.50об.
147. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.32. Л.15.
148. Попова М.П. Атрибуция двух фотографий из имения Сушнево. // Материалы научно-практической конференции Владимиро-Суздал. Музей – Владимир: 2000, с.11.
149. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.22. Л.19.
150. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.21. Л.85.
151. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.30. Л.5.
152. ЧОИДР. Книга 160 … с.40.
153. НИОР РГБ. Ф.131. К.32. Д.8. Л.1, 1об.
154. **Памятная книжка** Московской губернии на 1914 год. – М, 1913, с.269.
155. Смольянинова М. Г. Сказание … с.137.
156. Филаткина Н. А. Династия … с.137.
157. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.21. Л.48.
158. ГАРФ. Ф.Р–8409. Оп.1. Д.165. с.164.
159. ЦГАМ. Ф.203. Оп.757. Д.1360. Л.11.
160. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.2452. Л.339об.
161. Савинова Е. Н. Сельские усадьбы … с.331.
162. ЦГАМ. Ф.17. Оп.48. Д.414. Л.388об.
163. ЦГАМ. Ф.142. Оп.23. Д.186. Л.23.
164. ЦГАМ. Ф.357. Оп.1. Д.1. Л.16.
165. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.29. Л.6.
166. Московский Звенигород … с.47.
167. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.756. Л.232об–233.
168. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.16. Л.21, 21об.
169. Носиков С. П. История сельца Глебово … с.97–115.
170. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.32. Л.182.
171. ЦГАМ. Ф.17. Оп.48. Д.414. Л.320об, 415об.
172. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.2332. Л.21–22об.
173. Московская губерния в сельскохозяйственном отношении за 1885 год: период 1. Зима и весна. – М.: 1885, с.63, 66.
174. ЦГАМ. Ф.199. Оп.2. Д.897. Л.9, 9об.
175. Савинова Е. Н. Сельские усадьбы … с.88.
176. ЦГАМ. Ф.357. Оп.1. Д.52. Л.18.
177. ЦГАМ. Ф.357. Оп.1. Д.59. Л.9об.
178. Савинова Е. Н. Сельские усадьбы … с.87.
179. Спутник по Московско-Виндавской железной дороге – М: 1909, с.137
180. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.16. Л.145об.
181. ЦГАМ. Ф.210. Оп.11. Д.409. Л. 41.
182. ЦГАМ. Ф.203. Оп.757. Д.268. Л.6об.
183. Паглазова Н. М. Усадьба Богоявленское … с.346–364.
184. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.1. Л.39.
185. **Филаткина Н. А. Династия** … с.354–467.
186. Морозов, Тимофей Саввич; URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Морозов,_Тимофей_Саввич
187. **Морозова Т. П., Поткина И. В.** Савва Морозов – М.: 1998, с.11, 12.

188. Бурышкин П. А. Москва купеческая. Воспоминания – М.: 2002, с.96.
189. Алексеева-Маркезин А. Женщины с портретов Серова. М. Ф. Морозова; URL: https://proza.ru/2019/06/09/1207
190. ОПИ ГИМ. Ф.369. Оп.1. Д.17. Л.8, 10.
191. ОПИСАНИЕ КАРТИН В.А. СЕРОВА; URL: https://fondserova.ru/cherry-services/ … (ссылка усечена)
192. НИОР РГБ. Ф.246. К.110. Д.1. Л.250.
193. Баутдинов Г. А. Морозовы: предприниматели и благотворители – М. : 2017, с.42.
194. Савинова Е. Н. Счастье Анны Морозовой. // Караван историй, 2007, №8, с.188–190.
195. Смольянинова М. Г. Роль Морозовых в культурной жизни Москвы // Морозовы и Москва: Труды Юбил. науч.-практ. конф. . 26–27 дек. 1997 г. – М.: 1998, с.76.
196. Филаткина Н. А. Династия … с.137.
197. Дроздов М. С. Называть себя старообрядцем запрещено. Эпизод из биографии А. Т. Морозовой // Богородский край, 2002, №1 (13), с. 15.
198. ЦГАМ. Ф.16. Оп.110. Д.1564. Л.9, 9об.
199. Солдатёнковы: древо рода (фрагмент); URL: https://rgfond.ru/rod/103329
200. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.1. Л.10.
201. ЦГАМ. Ф.4. Оп.10. Д.905. Л.14.
202. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.10. Л.8.
203. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.21. Л.32–33об.
204. НИОР РГБ. Ф.148. К.6. Д.61. Л.17, 17об.
205. Филаткина Н. А. Забытой красоты … с.89.
206. ЦГАМ. Ф.142. Оп.23. Д.186. Л.23.
207. Адрес-календарь Москвы, изданный по официальным сведениям к 1 января 1874 – М.: 1874, с.89.
208. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.1. Л.95.
209. ЦГАМ. Ф.142. Оп.4. Д.2685. Л.65.
210. Дом Киреевских-Карповых на Большой Ордынке; URL: https://moscowsteps.com/dom-kireevskih-karpovyh
211. Дом Киреевских-Карповых; URL: https://um.mos.ru/houses/dom_kireevskikh_karpovykh/
212. Морозова Т. П., Поткина И. В. … с.46.
213. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.21. Л.34–35об.
214. ДОМ КИРЕЕВСКИХ–КАРПОВЫХ (Большая Ордынка, №41); URL: https://culture.wikireading.ru/23344
215. Филаткина Н. А. Династия … с.141.
216. ДОМ КИРЕЕВСКИХ–КАРПОВЫХ …
217. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.16. Л.77об.
218. Елизаветинская гимназия при Марфо-Мариинской обители (Большая Ордынка, №36); URL: https://culture.wikireading.ru/hQWC8E2Tif
219. ЦГАМ. Ф.418. Оп.305. Д.315. Л.27.
220. ЦГАМ. Ф.418. Оп.313. Д.287. Л.1.
221. ЦГАМ. Ф.418. Оп.319. Д.580. Л.11.
222. ЦГАМ. Ф.2121. Оп.2. Д.74. Л.105об, 106.
223. Филаткина Н. А. Забытой красоты … с.97.
224. Филаткина Н. А. Забытой красоты … с.93.
225. Агейчева Т. В. … с.234.
226. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.16. Л.45.
227. Носиков С. П. История села Филатово … с.183–188.
228. ЦГАМ. Ф.277. Оп.1. Д.2177. Л.9.
229. ЦГАМ. Ф.357. Оп.1. Д.197. Л.101об–109об.
230. ЦГАМ. Ф.357. Оп.1. Д.53. Л.5об.
231. ЦГАМ. Ф.357. Оп.1. Д.101. Л.1об.
232. ЦГАМ. Ф.357. Оп.1. Д.149. Л.113.
233. ЦГАМ. Ф.357. Оп.1. Д.149. Л.112об.
234. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.17. Л.4.
235. Морозова Т. П., Поткина И. В. … с.24.
236. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.22. Л.11.
237. Смольянинова М. Г. Сказание … с.117.
238. Отчет Звенигородскаго Саввинскаго Братства за 1900–1901 г. – М: 1901, с.8.
239. Звенигородский комитет помощи от наводнения в 1908 году. – Звенигород: 1910, с.26.
240. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.17. Л.12об, 36об.
241. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.17. Л.12об.
242. Филаткина Н. А. Династия … с.372.
243. КАРПОВЫ, обществ. деятели, ученые, предприниматели; URL: https://web.archive.org/web/20160304103506/http://mosenc.ru/encyclopedia?task=core.view&id=3089
244. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.22. Л.118.
245. Смольянинова М. Г. Сказание … с.119.
246. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.16. Л.26об
247. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.17. Л.36об.
248. ЦГАМ. Ф.357. Оп.1. Д.197. Л.125об.
249. Памятная книжка … 1914 год. … с.259.
250. ЦГАМ. Ф.65. Оп.22. Д.341. 1910. Л.26об.
251. Доклад Звенигородской уездной земской управы очередному Звенигородскому уездному земскому собранию. – 1915, с.4.
252. ОПИ ГИМ. Ф.369. Оп.19. Л.32об.
253. Носиков С. П. История села Филатово … 211–213.
254. Доклад №2а Звенигородской уездной земской управы о ремонтных и строительных нуждах земских школ Звенигородскаго уезда (за 1910 г.), с.20.
255. Памятная книжка … 1914 год. … с.269.
256. Пьяный председатель земской управы // Русское слово, 1909, №321, с.5.
257. ЦГАМ. Ф.142. Оп.1. Д.2687. Л.238.
258. Филаткина Н. А. Забытой красоты … с.97.
259. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.16. Л.9.
260. ЦГАМ. Ф.418. Оп.311. Д.410. Л.1.
261. Филаткина Н. А. Династия … с.409.
262. ЦГАМ. Ф.2121. Оп.2. Д.74. Л.95об, 96.
263. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.1905. Л.4, 6.
264. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.1904. Л.34.
265. ЦГАМ. Ф.203. Оп.782. Д.68. Л.244об, 245.
266. Похороны Н. Г. Карпова // Старый Владимирец, 1912, №144, с.3.
267. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.1904. Л.55.
268. Кривошеин Василий Александрович; URL: https://drozd.beloedelo.com/card_index/person/?60
269. Носиков С. П. История Ивановской … с.366–368.
270. Воспоминания инокини Серафимы (Ольги Александровны Кавелиной); URL: http://korolev.msk.ru/books/919/kalendar2006_04/h05-t.htm
271. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.21. Л.40–41.
272. ЦГАМО. Ф.719. Оп.1. Д.22. Л.50.
273. ЦГАМ. Ф.142. Оп.21. Д.221. Л.30.
274. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.23. Л.62.
275. ЦГАМО. Ф.3902. Оп.1. Д.4. Л.1,6,7.
276. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.16. Л.2.
277. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.16. Л.1, 1об.
278. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.19. Л.38об.
279. Гравюра. Книжный знак Карпова Геннадия Федоровича.; URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=5079960
280. Смольянинова М. Г. Сказание … с.149.
281. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.19. Л.23.
282. Смольянинова М. Г. Сказание … с.152.
283. Большая Ордынка ул., 41. Усадьба Киреевского-Морозова; URL: https://vladimirtan.livejournal.com/1133128.html?ysclid=luyam1majh333101981
284. Усадьба Сушнево (Петушинский район); URL: https://land.lib33.ru/site/publication/4323

К главе 5:

1. РГВИА. Ф.386. Оп.1(ч.1). Д.3657. Л.53.
2. Рузский уезд по писцовой книге … с.160.
3. Носиков С. П. История села Филатово … с.13–45.
4. Холмогоровы В. и Г. Исторические … с.48.
5. РГАДА. Ф.235. Оп.2. Д.138. Л.135об.
6. **Церковь Богоявления в селе Брыково** // ИВ, 2002, №46–48, с.3.
7. ГАЯО. Ф.1200. Оп.4. Д.21. Л.262.
8. ЦГАМ. Ф.203. Оп.753. Д.653. Л.1.
9. ОПИ ГИМ. Ф.253. Д.63. Л.20.
10. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1453. Л.58.
11. ИИМК. Ф.Р–III. Д.3510. Л.1.
12. Благовещенский И. Краткие сведения о соборах и церквах Московской епархии. – М.: 1874, с.52.
13. **Памятники архитектуры Московской** области: Иллюстрированный научный каталог, под общей редакцией Е.Н. Подъяпольской. Вып. 2. – М.: 1999, с.192.
14. ЦГАМ. Ф.206. Оп.1. Д.292. Л.1–3.
15. ОПИ ГИМ. Ф.465. Д.122. Л.61.
16. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2504. Л.31.
17. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2747. Л.3.
18. ИИМК. Ф.Р–III. Д.3510. Л.1.
19. Телетова Н. К. Первый русский … с.299.
20. Шереметевский В. В. Русский … с.393.
21. ИИМК. Ф.Р–III. Д.3510. Л.11.
22. Шереметевский В.В. Русский... с.165, 393, 808.
23. ЦГАМ. Ф.203. Оп.209. Д.1585. Л.1.
24. Церковь Богоявления в селе Брыково … с.3.
25. Московский Звенигород … с.47.
26. ЦГАМ. Ф.210. Оп.11. Д.1444. Л.80.
27. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.285. Л.1
28. ОПИ ГИМ. Ф.253. Д.78. Л.134об.
29. ЦГАМ. Ф.607. Оп.1. Д.87. Л.11.
30. ГАЯО. Ф.1200. Оп.4. Д.78. Л.388.
31. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1543. Л.232.
32. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.729. Л.542об.
33. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.845. Л.2741об.
34. ЦГАМ. Ф.203. Оп.752. Д.7465. Л.1.
35. ЦГАМ. Ф.203. Оп.752. Д.7467. Л.1.
36. Приходы церквей Звенигородского и Рузского уездов в XIX-XX веках; URL: http://www.istra-ltc.ru/publication/prihody-zvenigorodskogo.htm
37. Носиков С. П. История села Филатово … с.53–103.
38. ЦГАМ. Ф.203. Оп.207. Д.647. Л.1.
39. ОПИ ГИМ. Ф.253. Д.78. Л.134об.
40. ИИМК. Ф.Р–III. Д.3510. Л.10.
41. Диак. Н. П. Виноградов Материалы для истории церквей Московской епархии в эпоху Отечественной войны 1812 года. Выпуск 2. – М.: 1913, с.37.
42. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2747. Л.2, 5.
43. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.638. Л.27.
44. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.682. Л.6об.
45. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.682. Л.12.
46. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.936. Л.21об.
47. РГАДА. Ф.1207. Оп.1. Д.1370. Л.3.
48. ЦГАМ. Ф.203. Оп.646. Д.212. Л.42.
49. ЦГАМ. Ф.203. Оп.643. Д.344т.11. Л.161об–162.
50. ЦГАМ. Ф.203. Оп.757. Д.268. Л.5.
51. ЦГАМ. Ф.203. Оп.574. Д.21. Л.9об.
52. ЦГАМ. Ф.203. Оп.757. Д.268. Л.6об.
53. ЦГАМ. Ф.203. Оп.757. Д.3692. Л.6.
54. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.2472. Л.27.
55. РГАДА. Ф.1354. Оп.250. Д.Б–14к. Л.1.
56. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1794. Л.21.
57. ОПИ ГИМ. Ф.253. Д.17. Л.14.

58. ОПИ ГИМ. Ф.253. Д.78. Л.27.
59. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.286. Л.19.
60. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.1570. Л.119, 119об.
61. ЦГАМ. Ф.203. Оп.643. Д.10. Л.1.
62. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2009. Л.289.
63. ЦГАМ. Ф.203. Оп.643. Д.10. Л.22.
64. ЦГАМ. Ф.203. Оп.574. Д.21. Л.1об, 2.
65. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2308. Л.261.
66. ЦГАМ. Ф.210. Оп.11. Д.409. Л. 41.
67. ЦГАМ. Ф.203. Оп.643. Д.10. Л.13.
68. ЦГАМ. Ф.203. Оп.643. Д.10. Л.4об.
69. ЦГАМ. Ф.203. Оп.643. Д.10. Л.21об–22.
70. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1334. Л.20.
71. ЦГАМ. Ф.210. Оп.11. Д.488. Л.23об.
72. ЦГАМ. Ф.210. Оп.11. Д.1444. Л.15об.
73. ЦГАМ. Ф.203. Оп.649. Д.207. Л.2.
74. ЦГАМ. Ф.203. Оп.655. Д.151. Л.1об.
75. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2504. Л.31.
76. ЦГАМ. Ф.210. Оп.11. Д.2552. Л.1–34.
77. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.2452. Л.53.
78. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.80. Л.2об.
79. ЦГАМ. Ф.203. Оп.678. Д.176. Обложка.
80. ЦГАМ. Ф.203. Оп.648. Д.249. Л.1.
81. ЦГАМ. Ф.203. Оп.658. Д.100. Л.1–13.
82. ЦГАМ. Ф.203. Оп.669. Д.120. Л.1–10об.
83. ЦГАМ. Ф.203. Оп.678. Д.176. Л.1–4об.
84. ЦГАМ. Ф.203. Оп.646. Д.212. Л.9.
85. ЦГАМ. Ф.203. Оп.646. Д.3. Л.168, 184.
86. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1453. Л.58.
87. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.690. Л.429.
88. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1640. Л.68об.
89. ЦГАМ. Ф.203. Оп.447. Д.17. Л.1об.
90. Епархиальныя распоряжения. О разрешении строительных работ // МЕВ, 1870, №27, с.4.
91. **Освящение храма в селе Богоявленском** Брыкове Московской губернии Звенигородскаго уезда // МЕВ, 1876, №50, с.439.
92. ЦГАМ. Ф.203. Оп.661. Д.97. Л.12.
93. ЦГАМ. Ф.203. Оп.447. Д.17. Л.4.
94. Освящение храма в селе Богоявленском … с.439.
95. ЦГАМ. Ф.203. Оп.447. Д.17. Л.4об.
96. ЦГАМ. Ф.203. Оп.661. Д.97. Л.29.
97. ЦГАМ. Ф.54. Оп.167. Д.58. Л.7.
98. РГАДА. Ф.1207. Оп.1. Д.1396. Л.86.
99. Освящение храма в селе Богоявленском … с.439.
100. Соколов И. А. Торговцы чаем, сахаром, кофе. Т.2. – М: 2017, с.32, 33.
101. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.82. Л.13об, 14.
102. ЦГАМ. Ф.2125. Оп.3. Д.181. Л.259.
103. ЦГАМ. Ф.2125. Оп.1. Д.1078. Л.378об.
104. ЦГАМ. Ф.203. Оп.447. Д.17. Л.1, 1об.
105. ЦГАМ. Ф.203. Оп.757. Д.1360. Л.1об.
106. ЦГАМ. Ф.203. Оп.447. Д.17. Л.5.
107. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1211. Л.6об.
108. ИИМК. Ф.Р–III. Д.3510. Л.9об.
109. РГИА. Ф.799. Оп.33. Д.889. Л.32.
110. Благословение Святейшаго Синода // МЕВ, 1878, №27оф., с.98.
111. Памятники архитектуры Московской … с.192.
112. ЦГАМ. Ф.54. Оп.167. Д.58. Л.6.
113. Протокол съезда духовенства Московской епархии // МЦВ, 1880, №28оф., с.81–82.
114. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2504. Л.31.
115. ИИМК. Ф.Р–III. Д.3510. Л.2об, 6.
116. ИИМК. Ф.Р–III. Д.3510. Л.9об.
117. Токмаков И. Историко-статистическое и археологическое описание заштатного города Воскресенска и его окрестностей. – М.: 1905, с.10.
118. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.382. Л.261об, 262.
119. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.384. Л.306, 306об.
120. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.386. Л.311, 311об.
121. ИИМК. Ф.Р–III. Д.3510. Л.1–9об.
122. ЦГАМО. Ф.66. Оп.18. Д.4. Л.145об.
123. ЦГАМ. Ф.607. Оп.1. Д.482. Л.17.
124. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.2476. Л.13.
125. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.80. Л.2об.
126. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.80. Л.2об.
127. ЦГАМ. Ф.142. Оп.21. Д.221. Л.2.
128. ЦГАМ. Ф.210. Оп.11. Д.409. Л. 41.
129. Избу-читальню променяли на попа // ГД, 1924, №32.
130. ЦГАМ. Ф.54. Оп.158. Д.5. Л.5.
131. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.391. Л.103.
132. ЦГАМ. Ф.203. Оп.690. Д.327. Л.17, 17об.
133. ЦГАМ. Ф.203. Оп.477. Д.5. Л.12.
134. РГИА. Ф.799. Оп.33. Д.889. Л.32об.
135. ЦГАМ. Ф.203. Оп.746. Д.1737. Л.62а.
136. ЦГАМ. Ф.203. Оп.746. Д.1740. Л.4.
137. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.492. Л.10.
138. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.80. Л.2–3об.
139. ИИМК. Ф.1. Д.67 (1917 г.). Л.1–2.
140. ЦГАМО. Ф.66. Оп.18. Д.4. Л.144–145об.
141. ЦГАМО. Ф.660. Оп.1. Д.46. Л.48.
142. Жизнеописание мученика Строева. Составитель священник Павел Малкин. – М.: 2017, с.23.
143. ЦГАМ. Ф.Р–1215. Оп.1. Д.356. Л.17.
144. ЦГАМО. Ф.966. Оп.4. Д.1787. Л.12.
145. Истринская земля. … с.261.
146. ГАРФ. Ф.Р–7021. Оп.31. Д.101. Л.127.
147. Истринский архив. Ф.103. Оп.1. Д.3.
148. Истринский архив. Ф.103. Оп.1. Д.23. Л.62.
149. Истринский архив. Ф.103. Оп.1. Д.73. Л.11.
150. Церковь Богоявления в селе Брыково … с.3.
151. Святыни Истринской земли. – Дедовск, 2010, с.92.
152. Церковь Богоявления Господня, Красный, фасады; URL: https://sobory.ru/photo/198120
153. Во имя будущего // ЛП, 1989, №115, с.2.
154. Носиков С. П. История сельца Глебово … с.209–212.
155. Церковь отдана верующим // ЛП, 1990, №80, с.2.
156. Церковь Богоявления в селе Брыково … с.3.
157. Чтобы ожили храмы газета // ИВ, 1992, №124, с.3.
158. Церковь Богоявления в селе Брыково … с.3.
159. Святыни Истринской земли. – Дедовск: 2010, с.92.
160. ЦГАМ. Ф.203. Оп.646. Д.212. Л.11.
161. Архиерейское богослужение в Богоявленском храме п. Красный …; URL: https://mosmit.ru/news/2023/07/14/198157/
162. Освящение Богоявленского храма в п. Красный; URL: https://mosmit.ru/news/2024/06/06/208302/

К главе 6:

1. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.43. Л.44.
2. ГАЯО. Ф.1200. Оп.4. Д.21. Л.257.
3. ГАЯО. Ф.1200. Оп.4. Д.79Б. Л.65об.
4. ЦГАМ. Ф.206. Оп.1. Д.1338.
5. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1649. Л.194об.
6. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1697. Л.97об.
7. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1794. Л.22.
8. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.2366. Л.3.
9. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2156. Л.297об.
10. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2336. Л.149об.
11. ЦГАМ. Ф.206. Оп.1. Д.600.
12. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.286. Л.19.
13. ЦГАМ. Ф.607. Оп.1. Д.434. Л.12об.
14. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1166. Л.586об.
15. ЦГАМ. Ф.203. Оп.208. Д.752. Л.3.
16. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1543. Л.231об.
17. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1226. Л.711об.
18. ЦГАМ. Ф.203. Оп.208. Д.752. Л.2.
19. ЦГАМ. Ф.203. Оп.207. Д.647. Л.1.
20. ЦГАМ. Ф.203. Оп.207. Д.647. Л.13.
21. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1912. Л.288об, 289.
22. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2009. Л.290.
23. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1758. Л.477об, 478.
24. ЦГАМ. Ф.203. Оп.574. Д.21. Л.38об.
25. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1085. Л.1об.
26. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2254. Л.341.
27. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2358. Л.61об.
28. ЦГАМ. Ф.1574. Оп.1. Д.5. Л.289об.
29. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1643. Л.731.
30. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1453. Л.58.
31. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2543. Л.375об.
32. ЦГАМ. Ф.203. Оп.208. Д.546. Л.1.
33. ЦГАМ. Ф.607. Оп.1. Д.482. Л.18.
34. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1369. Л.1210об.
35. ЦГАМ. Ф.51. Оп.8. Д.235. Л.69об.
36. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1939. Л.284об.
37. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.618. Л.22об.
38. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2081. Л.294об, 295.
39. ЦГАМ. Ф.597. Оп.1. Д.106. Л.58об.
40. ЦГАМ. Ф.203. Оп.757. Д.3692. Л.7об.
41. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2336. Л.275об.
42. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1890. Л.342об.
43. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1202. Л.738об, 739.
44. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1334. Л.21об.
45. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2504. Л.35об.
46. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.845. Л.2754об.
47. Распоряжения епархиальнаго начальства // МЦВ, 1896, №11оф., с.22.
48. ЦГАМ. Ф.203. Оп.762. Д.366. Л.31.
49. ЦГАМ. Ф.607. Оп.1. Д.418. Л.56.
50. Освящение храма в селе Богоявленском … с.439.
51. Благословение Святейшаго Синода // МЕВ, 1878, №27оф., с.98.
52. ЦГАМ. Ф.203. Оп.646. Д.3. Л.168, 184.
53. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.654. Л.59.
54. ЦГАМ. Ф.203. Оп.757. Д.3692. Л.7об.
55. Носиков С. П. История села Филатово … с.67–72.
56. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1453. Л.58.
57. ЦГАМ. Ф.203. Оп.646. Д.212. Л.42.
58. ЦГАМ. Ф.203. Оп.643. Д.344т.11. Л.161об–162.
59. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2504. Л.31об.
60. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.2368. Л.4об, 25.
61. ЦГАМ. Ф.203. Оп.283. Д.30. Л.91об–92.
62. ЦГАМ. Ф.203. Оп.360. Д.108. Л.175, 394.
63. ЦГАМ. Ф.203. Оп.607. Д.9. Л.1об.
64. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1582. Л.158.
65. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1912. Л.288.
66. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2156. Л.295.
67. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1210. Л.29.
68. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1453. Л.58.
69. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2504. Л.31об.
70. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2206. Л.236об.
71. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.682 . Л.6об, 7.
72. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2156. Л.297.
73. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1245. Л.1321.
74. Носиков С. П. История сельца Глебово … с.338, 339.
75. ЦГАМ. Ф.98. Оп.1. Д.521. Л.141, 141об.
76. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2254. Л.339об.
77. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2279. Л.337об.
78. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1181. Л.3.
79. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1181. Л.3, 3об.
80. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1198. Л.1об.
81. РГАДА. Ф.1207. Оп.1. Д.1370. Л.3.
82. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1198. Л.642об.

83. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2308. Л.263об.
84. ЦГАМ. Ф.207. Оп.1. Д.2813. Л.84об.
85. ЦГАМ. Ф.203. Оп.574. Д.21. Л.12.
86. Московская хроника // МЦВ, 1893, №28, с.372.
87. ЦГАМ. Ф.207. Оп.1. Д.2813. Л.85об.
88. Высочайшия награды // МЦВ, 1884, №13оф., с.49.
89. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.2787. Л.217об, 218.
90. ЦГАМ. Ф.207. Оп.1. Д.2813. Л.85об.
91. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2350. Л.146об.
92. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1208. Л.108об.
93. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1210. Л.30об.
94. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1813. Л.379об.
95. ЦГАМ. Ф.203. Оп.574. Д.21. Л.2об.
96. ЦГАМ. Ф.203. Оп.574. Д.21. Л.37.
97. ЦГАМ. Ф.203. Оп.757. Д.268. Л.84об.
98. ЦГАМ. Ф.203. Оп.638. Д.199. Л.1
99. ЦГАМ. Ф.203. Оп.757. Д.3692. Л.92об, 93.
100. ЦГАМ. Ф.2131. Оп.2. Д.72. Л.83об.
101. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1885. Л.682.
102. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1334. Л.21об.
103. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1325. Л.1141.
104. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1334. Л.21об.
105. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.2476. Л.13.
106. ЦГАМ. Ф.203. Оп.640. Д.64. Л.16.
107. **Училище в селе Брыкове** Звенигородскаго уезда // МЕВ, 1874, №2, с.19.
108. Освящение храма в селе Богоявленском … с.439.
109. ЦГАМ. Ф.203. Оп.655. Д.151. Л.18об.
110. ЦГАМ. Ф.184. Оп.2. Д.459. Л.8об, 9.
111. ЦГАМ. Ф.203. Оп.757. Д.1027. Л.46.
112. ЦГАМ. Ф.203. Оп.757. Д.1468. Л.10.
113. ЦГАМ. Ф.203. Оп.757. Д.2034. Л.91об.
114. ЦГАМ. Ф.203. Оп.757. Д.1360. Л.1об.
115. Пожертвования в пользу голодающих Самарцев. // МЕВ, 1874, №6, с.70.
116. ЦГАМ. Ф.203. Оп.757. Д.2034. Л.83, 84, 86об.
117. ЦГАМ. Ф.203. Оп.757. Д.1360. Л.3.
118. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.11. Л.235–236.
119. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.845. Л.2741.
120. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2504. Л.33об.
121. Протокол заседаний съезда депутатов от духовенства Звенигородскаго училищнаго округа от 2 сентября 1882 года. // МЕВ, 1882, №26оф., с.89.
122. ЦГАМ. Ф.203. Оп.595. Д.145. Л.53.
123. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.845. Л.2740об.
124. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.2271. Л.27.
125. ЦГАМ. Ф.203. Оп.595. Д.145. Л.65об.
126. Распоряжения епархиальнаго начальства // МЦВ, 1898, №13оф., с.25.
127. Определения Святейшаго Синода // МЦВ, 1899, №1оф., с.1.
128. ЦГАМ. Ф.203. Оп.776. Д.79. Л.218об, 265об.
129. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2504. Л.35об.
130. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.396. Л.200.
131. **Дубинский А. Ю. Вифанская** духовная семинария: Алфавитный список выпускников 1881–1900 годов. – М.: 2002, с.33.
132. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.58. Л.47об.
133. Матюшин С. И. Священное Ваганьково – М.: 2008, с.213–216.
134. Михайловский Николай Михайлович; URL: http://kuz3.pstbi.ccas.ru/ … (ссылка усечена)
135. Носиков С. П. История Ивановской … с.246.
136. Дубинский А. Ю. Вифанская ... с.21.
137. Шереметевский В. В. Русский … с.315.
138. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.80. Л.4об.
139. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.2290. Л. 155об.
140. ЦГАМ. Ф.203. Оп.763. Д.368. Л.1.
141. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.80. Л.4об.
142. ЦГАМ. Ф.142. Оп.21. Д.221. Л.3.
143. Распоряжения епархиальнаго начальства // МЦВ, 1915, №25–26оф., с.274.
144. **Дубинский А. Ю. Московская** духовная семинария. Алфавитный список выпускников. 1901–1917 годов. – М.: 1998, с.59.
145. ЦГАМ. Ф.229. Оп.4. Д.2698. Л.3.
146. Леонид Петрович Никольский; URL: https://www.geni. com/people/Леонид-Никольский/6000000178351014831
147. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.80. Л.5об.
148. ЦГАМ. Ф.203. Оп.763. Д.113. Л.115.
149. (Фотография) // ИС, 1948, №138, с.1.
150. ЦГАМО. Ф.66. Оп.18. Д.4. Л.145об.
151. Истринский архив. Ф.103. Оп.1. Д.36. Л.1об, 2.
152. В сельской библиотеке // ИС, 1953, №116, с.2.
153. Распоряжение епархиальнаго начальства // Московский церковный голос, 1917, №1, с.7.
154. ЦГАМ. Ф.142. Оп.21. Д.221. Л.19.
155. ГАРФ. Ф.10035. Оп.1. Д.44566 (П–45862). Л.4.
156. ЦГАМ. Ф.1371,. Оп.1,. Д.94. Л.19об.
157. ГАРФ. Ф.10035. Оп.1. Д.44566 (П–45862). Л.1.
158. Моисеев Сергей Васильевич (1886); URL: https://ru.openlist.wiki/Моисеев_Сергей_Васильевич_(1886)
159. Моисеев Николай Сергеевич; URL: http://www.pstbi.ccas.ru/ … (ссылка усечена)
160. Храм Живоначальной Троицы в Остафьефо. История Храма; URL: http://www.hramostafevo.ru/node/42
161. Информация из документов, уточняющих потери; URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=7735718
162. ЦГАМО. Ф.7383. Оп.3. Д.1. Л.33.
163. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.80. Л.5об.
164. ЦГАМ. Ф.203. Оп.763. Д.153. Л.16.
165. ЦГАМО. Ф.660. Оп.1. Д.81а. Л.53.
166. Распоряжение епархиальнаго начальства // МЦВ, 1896, №10оф., с.20.
167. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.2314. Л.115об, 116.
168. ЦГАМ. Ф.592. Оп.1. Д.1265. Л.9об.
169. От правления Волоколамскаго духовнаго училища // МЦВ, 1895, №29оф., с.64.
170. ЦГАМ. Ф.203. Оп.399. Д.58. Л.213.
171. Распоряжение епархиальнаго начальства // МЦВ, 1909, №4оф., с.25.
172. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.85. Л.112об.
173. Избу-читальню променяли на попа // ГД, 1924, №32, с.2.
174. ЦГАМ. Ф.2303. Оп.1. Д.226. Л.4
175. ЦГАМО. Ф.2538. Оп.1. Д.139. Л.37.
176. " Руки у попа загребущие" // ГД, 1924, №47, с.3
177. "Гони, жених, монету!" // ГД, 1924, №24, с.3
178. ЦГАМО. Ф.2236. Оп.1. Д.250. Л.154.
179. Графов имеет смычку с попом Величкиным // ИС, 1937, №154, с.2.
180. ГАРФ. Ф.10035. Оп.1. Д.17058 (П–18445). Л.1.
181. ГАРФ. Ф.10035. Оп.1. Д.17058 (П–18445). Л.25.
182. Носиков С. П. История села Филатово … с.131.
183. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.2323. Л.106об.
184. ГАРФ. Ф.10035. Оп.1. Д.П–9498. Л.57.
185. ЦГАМ. Ф.2049. Оп.2. Д.561. Л.16.
186. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.81. Л.174об.
187. Распоряжение епархиальнаго начальства // МЦВ, 1912, №41оф., с.337.
188. Распоряжение епархиальнаго начальства // МЦВ, 1918, №8 , с.1.
189. ГАРФ. Ф.Р–1235. Оп.66. Д.456. Л.266об.
190. ЦГАМО. Ф.660. Оп.1. Д.210. Л.16.
191. ГАРФ. Ф.Р–1235. Оп.66. Д.456. Л.266.
192. ГАРФ. Ф.10035. Оп.1. Д.П–9498. Л.2.
193. Колобашкин Михаил Иванович; URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie37922684/
194. ЦГАМО. Ф.2538. Оп.1. Д.139. Л.1, 31.
195. КОЛОБАШКИНА Мария Ивановна, монахиня; URL: https://turkestanskaya-golgofa.info/ … (ссылка усечена)
196. протоиерей Андрей Борисович Васильев, 1955; URL: https://mosmit.ru/eparhy/kliric/3_119/

К главе 7:

1. Священномученик Василий Сунгуров; URL: http://blagoistr.ru/ (битая ссылка)
2. Священномученик Василий Сунгуров; URL: http://blagochinie.info/index.php/2013-03-03-14-54-52/349--cms-seo
3. Священномученик Василий Сунгуров; URL: https://lpblagochinie.ru/?page_id=3990
4. ЦГАМ. Ф.234. Оп.1. Д.1292. Л.160об, 161.
5. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1145. Л.358.
6. ЦГАМ. Ф.203. Оп.746. Д.563. Л.1353об, 1354.
7. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1703. Л.171об.
8. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1703. Л.171об.
9. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1258. Л.331.
10. ЦГАМ. Ф.51. Оп.8. Д.259. Л.292об.
11. ЦГАМ. Ф.203. Оп.752. Д.8548. Л.4.
12. ЦГАМ. Ф.203. Оп.210. Д.493. Л.2.
13. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1701. Л.68об.
14. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1063. Л.46.
15. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1008. Л.62.
16. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1701. Л.69.
17. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1826. Л.91.
18. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1671. Л.74.
19. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1197. Л.1041.
20. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2012. Л.185об.
21. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1297. Л.175об.
22. ЦГАМ. Ф.203. Оп.763. Д.48. Л.168.
23. Определение Святейшаго Синода // МЦВ, 1899, №51–52оф., с.416.
24. Распоряжения епархиальнаго начальства // МЦВ, 1905, №10оф., с.35.
25. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1883. Л.1518.
26. ЦГАМ. 203. Оп.744. Д.2543. Л.506об.
27. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1357. Л.283.
28. ЦГАМ. Ф.234. Оп.1. Д.1292. Л.160об, 161.
29. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1200. Л.897об.
30. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1657. Л.1521.
31. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1902. Л.226.
32. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1207. Л.204об.
33. ЦГАМ. Ф.203. Оп.587. Д.62. Л.27, 28.
34. ЦГАМ. Ф.203. Оп.587. Д.62. Л.28.
35. ЦГАМ. Ф.203. Оп.776. Д.698. Л.140об.
36. ЦГАМ. Ф.203. Оп.776. Д.529. Л.352об.
37. РГАДА. Ф.1204. Оп.1(ч.14). Д.23508. Л.30.
38. РГАДА. Ф.1204. Оп.1(ч.14). Д.23521. Л.30.
39. РГАДА. Ф.1204. Оп.1(ч.14). Д.23534. Л.112.
40. ЦГАМ. Ф.203. Оп.587. Д.66. Л.1
41. ЦГАМ. Ф.203. Оп.587. Д.62. Л.3.
42. ЦГАМ. Ф.203. Оп.587. Д.66. Л.1
43. ЦГАМ. Ф.203. Оп.587. Д.66. Л.44об.
44. Уволены за штат: // МЦВ, 1884, №21оф., с.79.
45. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1213. Л.465об.
46. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.1611. Л.200об.
47. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.4954. Л.8об.
48. **Жития новомучеников** и исповедников российских XX века. Московская епархия. Дополнительный том 4 – Тверь: 2006, с.167.
49. ЦГАМ. Ф.203. Оп.768. Д.29. Л.643об.
50. Отчет о состоянии Мариинскаго, Александро-Мариинскаго детскаго приюта при Московском Богоявленском монастыре за 1888–1889 учебный год // МЦВ, 1889, №17оф., с.51.
51. От правления Волоколамскаго духовнаго

училища. // МЦВ, 1890, №23оф., с.61.
52. От правления Волоколамскаго духовнаго училища. // МЦВ, 1894, №27оф., с.79.
53. Распоряжения епархиальнаго начальства. // МЦВ, 1898, №37оф., с.79.
54. О храме; URL: https://amelfinohram.ru/o-hrame/
55. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.2094. Л.172об, 173.
56. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.39. Л.61.
57. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2454. Л.122об.
58. Уволены заштат // МЦВ, 1891, №20оф., с.58.
59. Распоряжения епархиальнаго начальства. // МЦВ, 1910, №42оф., с.337.
60. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.4183. Л.409об, 410.
61. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.2110. Л.46об, 47.
62. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.2116. Л.12об, 13.
63. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.3205. Л.404об, 405.
64. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.39. Л.60об.
65. Подворье монастыря в селе Федоровское; URL: https://mbrsm.ru/podvore/
66. Церковь Иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радость в Федоровском; URL: http://temples.ru/card.php?ID=486
67. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.№3230. Л.195об.
68. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.3607. Л.21об.
69. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.3918. Л.14об.
70. Распоряжения епархиальнаго начальства. // МЦВ, 1910, №20–21оф., с.140.
71. ЦГАМ. Ф.203. Оп.480. Д.129. Л.2.
72. Церковь Николая Чудотворца в Жегалово городского округа Щёлково Московской области. 25 января 2020 года. Фот. Квасников Юрий Сергеевич; URL: http://temples.ru/show_picture.php?PictureID=281393
73. Храм святителя Николая, архиепископа Мир Ликийского Чудотворца города Щёлково (бывшее село Жегалово); URL: https://blagochinie.info/hrami/2012-03-23-07-29-14
74. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.39. Л.60об, 61.
75. Разрядный список учеников Перервинскаго духовнаго училища за 1913–14 учебный год // МЦВ, 1914, №29оф., с.473.
76. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.4267. Л.410об.
77. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.4140. Л.115об.
78. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.4408. Л.9об.
79. Распоряжение епархиальнаго начальства. // МЦВ, 1913, №5оф., с.44.
80. Распоряжение епархиальнаго начальства. // МЦВ, 1915, №28оф., с.310.
81. **Ровенский Е., иерей Андрей Пуганов.** Церковь святой мироносицы Марии Магдалины Улиткино. – 2008, с. 26.
82. Церковь Марии Магдалины в Улиткино; URL: http://temples.ru/card.php?ID=7960&print=1
83. РГИА. Ф.831. Оп.1. Д.235. Л.212–213.
84. ЦГАМ. Ф.2303. Оп.1. Д.236. Л.7об.
85. ЦГАМ. Ф.707. Оп.1. Д.1004. Л.70.
86. ЦГАМ. Ф.707. Оп.1. Д.476. Л.60.
87. Ровенский Е., иерей Андрей Пуганов … с. 36, 37.
88. ЦГАМО. Ф.2157. Оп.1. Д.1278. Л.6.
89. Ровенский Е., иерей Андрей Пуганов … с. 34.
90. Жития новомучеников … с.167.
91. ГАРФ. Ф.10035. Оп.2. Д.21078. Л.6.
92. Жития новомучеников … с.167.
93. ГАРФ. Ф.10035. Оп.2. Д.21078. Л.2.
94. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.375. Л.93об.
95. РГАДА. Ф.1204. Оп.1(ч.14). Д.23508. Л.30об.
96. ЦГАМ. Ф.203. Оп.768. Д.29. Л.643об.
97. Адрес-календарь Рязанской губернии на 1898 г. – Рязань: 1897, с.216.
98. РГАДА. Ф.1204. Оп.1(ч.14). Д.23514. Л.44.
99. РГАДА. Ф.1204. Оп.1(ч.14). Д.23508. Л.30.
100. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2543. Л.109об.
101. ЦГАМ. Ф.203. Оп.480. Д.91. Л.26.
102. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.94. Л.18об.
103. ЦГАМ. Ф.203. Оп.620. Д.25. Л.6.
104. Распоряжение епархиальнаго начальства // Московский церковный голос, 1917, №5, с.10.
105. Распоряжение епархиальнаго начальства // МЦВ, 1918, №3, с.2.
106. ЦГАМ. Ф.1787. Оп.1. Д.195. Л.4.
107. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.1608. Л.479об.
108. Распоряжение епархиальнаго начальства // МЦВ, 1892, №38оф., с.204.
109. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.2787. Л.214об.
110. Дубинский А. Ю. … с.95.
111. ЦГАМ. Ф.203. Оп.776. Д.698. Л.140об.
112. Распоряжение епархиальнаго начальства // МЦВ, 1892, №38оф., с.204.
113. ЦГАМ. Ф.203. Оп.478. Д.1. Л.190.
114. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.2894. Л.390об, 391.
115. Сунгуров Сергей Арсеньевич // Интернет-сайт Сайт ПСТГУ, URL: http://kuz3.pstbi.ru/ … (ссылка усечена)
116. Ровенский Е., иерей Андрей Пуганов … с.35.
117. ГАРФ. Ф.10035. Оп.2. Д.21078. Л.25.
118. Журнал №9 заседания Священного Синода Русской Православной Церкви от 20 апреля 2005 года; URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/1496072.html
119. Носиков С. П. Истринские новомученики на полигоне в Бутово. // ДН, 2018, №2, с.1, 7.
120. Курбатова Ж. Новомученики Щелковские: иконография храмовых росписей // МЕВ, 2018, №1, с.66–69.
121. Не стоит село без праведника // Отчий светильник, 2006, №8, с.1
122. Память священномученика Василия Сунгурова — новомученика Истринской земли; URL: https://mosmit.ru/news/2013/09/20/91611/
123. «Днесь радостно ликует Церковь Русская…» Имена новомучеников. Священномученик Василий Сунгуров 1878–1937; URL: https://mbrsm.ru/2024/ … (ссылка усечена)

К главе 8:

1. Исторический атлас Московской … с.56.
2. Истринская земля. … с.737.
3. Герб рода графов Чернышевых; URL: https://gerbovnik.ru/arms/20.html
4. Чернышевы: древо рода (фрагмент); URL: https://rgfond.ru/rod/10680
5. Новоспасский монастырь; URL: https://biography.wikireading.ru/284909
6. ЦГАМ. Ф.17. Оп.42. Д.143. Л.129, 130.
7. Памятная книжка Московской губернии на 1899 год. – М.: 1899, с.238.
8. Кусов В. С. Земли Московской … с.173.
9. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.2394. Л.79–80.
10. Исторический атлас Московской … с.56.
11. РГВИА. Ф.386. Оп.1 (ч.1). Д.3657. Л.53.
12. Истринская земля … с.738.
13. ЦГАМ. Ф.54. Оп.179. Д.1008а. Л.24.
14. **Учетная карточка [Деревня Холуяниха** (Лужки), часовня Апостолов Петра и Павла]; URL: http://www.istra-ltc.ru/chapel/luzhki.htm
15. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.394. Л.303.
16. О постройке нового каменного храма на погосте Мушкино; URL: http://www.istra-ltc.ru/archive/203-744-484.htm
17. Учетная карточка [Деревня Холуяниха …
18. РГИА. Ф.1350. Оп.312. Д.18. Л.45об–46.
19. Учетная карточка [Деревня Холуяниха …
20. Исторический атлас Московской … с. 56.
21. РГВИА. Ф.386. Оп.1 (ч.1). Д.3657. Л.53.
22. Истринская земля. … с.486, 487.
23. Кусов В. С. Земли Московской … с.157.
24. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.131. Л.112об.
25. ЦГАМ. Ф.17. Оп.43. Д.32. Л.296об.
26. ЦГАМ. Ф.17. Оп.71. Д.139. Л.291об.
27. **Бойко П. В.**, Бойко А. В. **Родовая книга** семьи Бойко-Михеевых: история в очерках и воспоминаниях – М.: 2013, с.372, 373.
28. Спутник по Московско-Виндавской … с.137.
29. Учетная карточка [Деревня Холщевики, часовня]; URL: http://www.istra-ltc.ru/chapel/holsheviki.htm
30. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.80. Л.60.
31. Учетная карточка [Деревня Падиково, часовня]; URL: http://www.istra-ltc.ru/chapel/padikovo.htm
32. Носиков С. П., Мамаев С. Ю., Малкин П. В. Сборник статей по материалам газеты Истринского благочиния “Духовная Нива” (2012–2014 годы). Выпуск 1. – Истра: 2014, с.40.
33. Бойко П. В., … Родовая … с.350.
34. Поклонный крест в Холщевиках // ДН, 2016, №1, с.2.
35. Истринская земля. … с.298.
36. Герб рода Волчковых; URL: https://gerbovnik.ru/arms/574.html
37. Кусов В. С. Земли Московской … с.185.
38. Словарь русских писателей XVIII века. Вып.1: А – И. –. Л.: 1988, с.173, 174.
39. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1333. Л.1132.
40. Шереметевский В. В. Русский … с.165.
41. ЦГАМ. Ф.4. Оп.14. Д.375. Л.9об.
42. Носиков С. П. История села Филатово … с.153, 154.
43. ЦГАМ. Ф.4. Оп.14. Д.376. Л.2об.
44. ЦГАМ. Ф.50. Оп.12. Д.620. Л.10об.
45. ЦГАМ. Ф.4. Оп.14. Д.375. Л.9об.
46. Носиков С. П. История сельца Глебово … с.79.
47. Герб рода князей Голицыных; URL: https://gerbovnik.ru/arms/2.html
48. Голицын, Николай Яковлевич; URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Голицын,_Николай_Яковлевич
49. А.Н. Голицын (1830–1911): последователь Черткова; URL: https://gpib.livejournal.com/23906.html
50. РГВИА. Ф.386. Оп.1 (ч.1). Д.3641. Л.9.
51. ЦГАМ. Ф.142. Оп.23. Д.88. Л.3.
52. ЦГАМ. Ф.184. Оп.9. Д.449. Л.136.
53. Центр Восстановительной Медицины и Реабилитации им. И. М. Сеченова; URL: https://cvmr.ucoz.com/index/0-2
54. Освящение храма свт. Луки Симферопольского в деревне Хмолино // МЕВ, 2019, №7, с.21.
55. Центр восстановительной медицины в Хмолино перепрофилируют; URL: https://истра.рф/ … (ссылка усечена)

К главе 9:

1. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2504. Л.31об.
2. ЦГАМ. Ф.203. Оп.357. Д.9. Л.79.
3. Игнатович А.Е. История школ г. Долгопрудного – М.: 2017, с.5.
4. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1068. Л.37.
5. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.2526. Л.14.
6. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1805. Л.59об.
7. Училище в селе Брыкове … с.19.
8. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.2183. Л.74.
9. ЦГАМ. Ф.17. Оп.41. Д.60. Л.57.
10. ЦГАМ. Ф.203. Оп.360. Д.106. Л.86.

11. Сборник статистических сведений по Московской губернии на 1869 год.– М.: 1869, с.115.
12. РГИА. Ф.799. Оп.33. Д.889. Л.36.
13. ЦГАМ. Ф.54. Оп.158. Д.5. Л.6.
14. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.131. Л.107.
15. ЦГАМ. Ф.184. Оп.6. Д.367. Л.85об.
16. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.134. Л.36.
17. ЦГАМ. Ф.203. Оп.357. Д.9. Л.80.
18. ЦГАМ. Ф.17. Оп.50. Д.570. Л.79об, 80.
19. ЦГАМ. Ф.495. Оп.1. Д.180. Л.10.
20. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.131. Л.101об.
21. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.133. Л.35об.
22. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.131. Л.101.
23. ЦГАМ. Ф.203. Оп.360. Д.106. Л.86.
24. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.131. Л.110.
25. ЦГАМ. Ф.17. Оп.54. Д.127. Л.42об.
26. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.2820. Л.301.
27. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.136. Л.61.
28. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.134. Л.36.
29. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.138. Л.13об.
30. Освящение храма в селе Богоявленском … с.439.
31. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.134. Л.35об.
32. Носиков С. П. История Ивановской … с.259–264.
33. Большая жизнь // Известия, 1945, №206, с.3.
34. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.138. Л.14.
35. ЦГАМ. Ф.184. Оп.5. Д.208. Л.4.
36. Труды десятаго губернскаго съезда врачей Московскаго земства – М.: 1890, с.91.
37. ЦГАМ. Ф.17. Оп.73. Д.59. Л.101.
38. Герб рода Рукиных; URL: https://gerbovnik.ru/arms/809.html
39. **У стен Нового Иерусалима.** История города Воскресенска-Истры. – М.: 2010, с.394.
40. ЦГАМ. Ф.142. Оп.23. Д.88. Л.3.
41. ЦГАМ. Ф.184. Оп.9. Д.449. Л.103.
42. У стен Нового Иерусалима. … с.402.
43. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.354. Л.11об.
44. ЦГАМ. Ф.189. Оп.3. Д.29. Л.20.
45. ЦГАМ. Ф.184. Оп.13. Д.104. Л. 12об.
46. Отчет благотворительнаго общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородскаго уезда за 1897–98 г. Год второй. – М.: 1898, с.12.
47. Отчет благотворительнаго общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородскаго уезда за 1898–99 г. Год третий. – М.: 1899, с.18.
48. Отчет благотворительнаго общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородскаго уезда за 1899–1900 г. Год четвертый. – М.: 1900, с.15.
49. Отчет благотворительнаго общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородскаго уезда за 1901–1902 г. Год шестой. – М.: 1902, с.19.
50. Отчет благотворительнаго общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородскаго уезда за 1903–1904 г. Год восьмой. – М.: 1904, с.18.
51. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.134. Л.34.
52. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.152. Л.57об.
53. Отчет Звенигородскаго уездного училищнаго совета земскому собранию, 1900–1901 – М.: 1901, с.16.
54. Отчет Звенигородского уездного училищного совета за 1905–1906 учебный год. С приложением списка личнаго состава школ. – М.: 1907, с.8.
55. РГИА. Ф.733. Оп.187. Д.254. Л.25об, 26.
56. Звенигородское уездное земское собрание. Очередная сессия 1910 года. Доклад №2а Звенигородской уездной земской управы о ремонтных и строительных нуждах земских школ Звенигородскаго уезда (за 1910 г.) – с.12.
57. ГИХМ Н-И. Ф.5. Д.60. Л.36.
58. ЦГАМ. Ф.608. Оп.1. Д.13. Л.42об.
59. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.857. Л.57об, 58.
60. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1904. Л.206об.
61. У стен Нового Иерусалима … с.210, 211.
62. ЦГАМ. Ф.142. Оп.23. Д.141. Л.1.
63. У стен Нового Иерусалима … с.123.
64. ЦГАМ. Ф.17. Оп.48. Д.414. Л.429об, 430.
65. ЦГАМ. Ф.17. Оп.56. Д.149. Л.16.
66. ЦГАМ. Ф.17. Оп.44. Д.129. Л.11об, 5.
67. Отчет благотв. общ-ва при Воскресенской земской лечебнице Звен. уезда за 1896–97 г. Год первый – М.: 1897, с.16.
68. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.3820б. Л.421об, 422.
69. ЦГАМ. Ф.65. Оп.32. Д.16. Л.153, 154.
70. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.2115. Л.447об, 448.
71. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.138. Л.13об.
72. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.136. Л.28об.
73. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.868. Л.122об, 123.
74. ЦГАМ. Ф.184. Оп.6. Д.509. Л.12.
75. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.2348. Л.273об, 274.
76. "Пострадавый даже до крове…": Жизнь и служение священномученика пресвитера Алексия Смирнова / Мякота С. Ф., Ларикова М. И., Носиков С. П. – М.: 2020, 296 с.
77. Большая жизнь. // Известия, 1945, №206, с. 3.
78. Носиков С. П. «Жизнь, отданная детям» (о судьбе учительницы Лучинской школы Е.И. Банниковой); URL: http://muzeifilatovo.ru/media/PDFs/BannikovaEI_2/Jizn,_otdannaya_detyam.pdf
79. ЦГАМ. Ф.459. Оп.4. Д.1622. Л.131об, 135об.
80. Отчет Звенигородского уездного училищного совета за 1898–1899 учебный год .– М.: 1899, с.41.
81. Отчет Звенигородского уездного училищного совета земскому собранию, 1900–1901 – М.: 1901, с.16.
82. Отчет Звенигородского уездного училищного совета за 1905–1906 учебный год. С приложением списка личнаго состава школ. – М.: 1907, с.8.
83. Труды Съезда. Часть вторая. Обзоры мероприятий по агрономической помощи …. Выпуск 2. – М.: 1911, с.242.
84. Звенигородское уездное земское собрание. Очередная сессия 1910 года. Доклад №4. Звенигородской уездной земской управы о кооперативных учреждениях – с.17.
85. Отчет благотворительнаго общества при Воскресенской земской лечебницы Звенигородскаго уезда. Год 14-й. – М.: 1911, с. 27.
86. ЦГАМО. Ф.3767. Оп.2. Д.1. Л.198.
87. Истринская земля. … с.528.
88. ЦГАМО. Ф.4341. Оп.17. Д.117. Л.5.
89. Лучинская школа в борьбе за реализацию решения СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) о школе // ИС, 1936, №2, с.3.
90. О Лучинской начальной школе // ИС, 1936, №2, с.3.
91. Как мы осуществляем постановление ЦК ВКП(б) и СНК о школе // ИС, 1936, №20, с.4.
92. ЦГАМ. Ф.372. Оп.3. Д.5698. Л.1.
93. ЦГАМО. Ф.660. Оп.1. Д.71. Л.56об.
94. Воскресенский уезд Московской губ. Общественно-Экономический сборник – Воскресенск: 1924, с.214.
95. ЦГАМО. Ф.3906. Оп.1. Д.551. Л.1.
96. ЦГАМО. Ф.660. Оп.1. Д.314. Л.77.
97. ЦГАМО. Ф.4341. Оп.17. Д.112. Л.19об.
98. Носиков С. П. История села Филатово … с. 271, 272.
99. Пионеры предотвратили крушение поезда // ИС, 1937, №32, с.4.
100. В стороне от школы (письмо учителей) // ИС, 1933, №81, с.4.
101. Что делает Балюков, когда в РОНО спят? // ИС, 1934, №42, с.4.
102. Группа московских пионеров, прибывшая в детский лагерь в Брыковскую школу // ИС, 1936, №87, с.4.
103. Квартиры учителей не ремонтируются // ИС, 1936, №90, с.4.
104. Брыковской школе нужна помощь // ИС, 1938, №188, с.3.
105. На уроке географии у учительницы Тумановой // ИС, 1940, №58, с.3.
106. Школьный ботанический участок // ИС, 1940, №89, с.4.
107. Истринский архив. Ф.3. Оп.3. Д.993. Л.18.
108. ГАРФ. Ф.Р–7021. Оп.31. Д.127. Л.43.
109. Красному поселку – 60 лет // ИВ, 2000, №140–141, с.1.
110. Истринский архив. Ф.3. Оп.3. Д.993. Л.25.
111. Навстречу новому учебному году // ИС, 1942, №90, с.1.
112. Спасибо Родине и вождю // ИС,1945,№29,с.2.
113. Брыковская средняя школа; URL: https://ok.ru/group/51102778064973/album/51914551656525/858075360845
114. Юные помощники // ИС, 1946, №74, с.1.
115. Районное учительское совещание // ИС, 1950, №106, с.2.
116. Слет юных натуралистов// ИС,1951,№124,с.1.
117. Истринский архив. Ф.103. Оп.1. Д.30. Л.21.
118. Истринский архив. Ф.103. Оп.1. Д.27. Л.35.
119. Истринский архив. Ф.103. Оп.1. Д.1. Л.11.
120. ЦГАМО. Ф.4341. Оп.6. Д.1119. Л.33.
121. Эволюция школьного образования; URL: https://ug.ru/evolyucziya-shkolnogo-obrazovaniya/
122. Истринский архив. Ф.103. Оп.1. Д.5. Л.13.
123. Истринский архив. Ф.103. Оп.1. Д.3.
124. Истринский архив. Ф.103. Оп.1. Д.13. Л.7об.
125. Истринский архив. Ф.103. Оп.1. Д.27. Л.30.
126. ЦГАМО. Ф.4341. Оп.6. Д.1119. Л.9.
127. Забота о благосостоянии трудящихся // ИС,1954, №67, с.2.
128. Дело чести строителей // ИС, 1954, №92, с.2.
129. Истринский архив. Ф.103. Оп.1. Д.44. Л.15.
130. Истринский архив. Ф.103. Оп.1. Д.62. Л.32.
131. Истринский архив. Ф.103. Оп.1. Д.77. Л.16.
132. Истринский архив. Ф.103. Оп.1. Д.88. Л.12.
133. Истринский архив. Ф.103. Оп.1. Д.135. Л.14.
134. Сендеров Б. В. Аварии жилых зданий – М.:1991, с.10,19.
135. Истринский архив. Ф.103. Оп.1. Д.180. Л.122.
136. Носиков С. П. История села Филатово … с. 274.
137. Покровская средняя школа. История и люди (часть вторая); URL: https://klub-mastera.narod.ru/ … (ссылка усечена)
138. Герасин Иван Иванович; URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_kartoteka1004947008/
139. Истринский архив. Ф.103. Оп.1. Д.5. Л.2об.
140. Задача, которую решать всем // ЛП, 1965, №20, с.2.
141. Старостенко А. Тысяча и одна судьба директора Беккера. Все начинается с дисциплины и доброты; URL: https://ug.ru/tysyacha-i-odna … (ссылка усечена)
142. «Создал нас и воспитал наш пламень»; URL: https://архив.истра.рф/novosti/obrazovanie/sozdal-nas-i-vospital-nash-plamen
143. В Истре увековечили память директора

школы; URL: https://istravest.ru/articles/4915/
144. Память народа; URL: https://pamyat-naroda.ru
145. Носиков С. П. История села Филатово … с. 217–219.
146. Истринский архив. Ф.103. Оп.1. Д.135. Л.5.
147. Истринский архив. Ф.103. Оп.1. Д.147. Л.12.
148. Наумов. А. А. Опыт возрождения усадебного комплекса Богоявленское, «Брыково тож»: от восстановления стен к преображению жизни // Русская усадьба. Вып. 22 (38). – СПб.: 2017, с. 542.
149. Преображение культурно-просветительский центр. О нас; URL: https://kp-f.ru/about.html

К главе 10:

1. ЦГАМО. Ф.660. Оп.1. Д.71. Л.56об.
2. Истринская земля. … с.261.
3. Воскресенский уезд Московской губ. Общественно-Экономический сборник – Воскресенск: 1924, с.218.
4. Принялись за самогонщиков // Московская деревня, 1926, №86, с.3.
5. ТОЗов больше нет. // ИС, 1933, №26, с.2.
6. Красному посёлку – 60 лет. Рассказывает староста поселка Н. К. Горюнков // ИВ, 2000, №140, с.1
7. ОПИ ГИМ. Ф.253. Д.81. Л.15.
8. Носиков С. П. История Ивановской … с.66, 67.
9. РГИА. Ф.1350. Оп.312. Д.108. Л.286об.
10. ЦГАМ. Ф.743. Оп.1. Д.131. Л.24.
11. ЦГАМ. Ф.50. Оп.12. Д.620. Л.125об, 127об.
12. ЦГАМ. Ф.210. Оп.11. Д.409. Л.23.
13. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.29. Л.6.
14. ЦГАМ. Ф.203. Оп.649. Д.207. Л.1.
15. ЦГАМ. Ф.203. Оп.757. Д.1468. Л.2об.
16. ЦГАМ. Ф.199. Оп.2. Д.897. Л.9, 9об.
17. ЦГАМО. Ф.660. Оп.1. Д.71. Л.68.
18. Открытые торги // ГД, 1925, №19, с.4.
19. ЦГАМО. Ф.2175. Оп.1. Д.6. Л.89.
20. ЦГАМО. Ф.4583. Оп.1. Д.9а. Л.134.
21. Мельничное хозяйство в районе развалено // ИС, 1937, №127, с.3.
22. Носиков С. П. История сельца Глебово … с.207.
23. Мельница снова работает// ИС,1945, №78, с.1.
24. Архив Истры. Ф.1. Оп.1. Д.29. Л.2.
25. Использовать энергию реки // ИС, 1944, №22, с.2.
26. Мельница снова работает// ИС, 1945, №78, с.1.
27. Истринский архив. Ф.103. Оп.1. Д.1. Л.10об.
28. Свет в домах колхозников// ИС, 1948, №10, с.2.
29. ИС, 1948, №23, с.2.
30. Электростанция подготовлена к весеннему паводку // ИС, 1948, №43, с.2.
31. Истринский архив. Ф.103. Оп.1. Д.17.
32. Истринский архив. Ф.103. Оп.1. Д.13. Л.4.
33. Истринский архив. Ф.103. Оп.1. Д.23. Л.53об.
34. Истринский архив. Ф.103. Оп.1. Д.36. Л.34.
35. Истринский архив. Ф.103. Оп.1. Д.73. Л.7об.
36. Конец Волоколамского направления // Известия, 1941, 301, с.2.
37. Я защищала город моей юности // ИВ, 1999, №51, с.3.
38. Красному поселку– 65 лет// ИВ,2005,№91, с.16.
39. Красному поселку – 60 лет // ИВ, 2000, №140–141, с.1.
40. Архив Истры. Ф.1. Оп.1. Д.4. Л.35.
41. Красному поселку – 65 лет // ИВ, 2005, №91, с.16.
42. Электрификация села Брыково // ИС, 1946, №1, с.4.
43. Центр культурно-массовой работы // ИС, 1950, №62, с.2
44. Истринская земля. … с.262, 263.
45. Сказка стала былью // ИС, 1953, №135, с.3.
46. Брыково (городской округ Истра); URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Брыково_(городской_округ_Истра)
47. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.131. Л.110об.
48. Истринский архив. Ф.103. Оп.3. Д.55. Л.47.
49. ГАЗОВ Александр Васильевич; URL: https://noc.by/olympic-games/team/chempiony-olimpijskih/gazov-aleksandr-vasilevich-strelba-pulevaya/

К заключению:

1. Церковь Богоявления Господня, Красный, общий вид в ландшафте; URL : https://sobory.ru/photo/475876

К приложению:

1. Панова Т. Д. Та самая царская невеста // “Наука и жизнь”, №3, 2006, с.52–54.
2. Телетова Н. К. Первый русский … с.293–307.
3. Песни П. А. Самарина-Квашнина // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 15 XVII век. – СПб.: Наука, 2006, с.466.
4. Половцов А. А. Русский … с.535, 536.
5. Разбор сочинения … А.А. Куником. … 6 с.
6. Вступительная лекция … с.615–627.
7. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.1. Л.39–42.
8. ЧОИДР Книга 160 … с.41–45.
9. ЧОИДР Книга 168 … с.3,4.
10. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.10. Л.8.
11. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.21. Л.28.
12. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.21. Л.32–33об.
13. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.21. Л.34–35об.
14. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.21. Л.35–36.
15. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.21. Л.40–41.
16. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.21. Л.46–47.
17. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.21. Л.42–43об.
18. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.21. Л.48, 48об.
19. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.21. Л.49–50.
20. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.21. Л.53–54.
21. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.21. Л.55–56.
22. РГИА. Ф.1571. Оп.2. Д.50. Л.1, 1об.
23. РГИА. Ф.1571. Оп.2. Д.50. Л.2, 2об.
24. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.11. Л.210.
25. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.11. Л.181–182об.
26. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.11. Л.173, 173об.
27. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.11. Л.8–9.
28. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.11. Л.9об.
29. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.11. Л.6, 6об.
30. НИОР РГБ. Ф.148. К.6. Д.61. Л.1, 1об.
31. НИОР РГБ. Ф.148. К.6. Д.61. Л.17, 17об.
32. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.11. Л.330.
33. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.11. Л.331.
34. НИОР РГБ. Ф.131. К.32. Д.8. Л.1, 1об.
35. Филаткина Н. А. Династия … с.371–411.
36. (Древо потомков Геннадия Федоровича Карпова); URL: https://www.geni.com/family-tree/index/6000000030708580607
37. Портрет Карпова Геннадия Федоровича, ГИМ; URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=47416338
38. ЦГАМ. Ф.418. Оп.305. Д.315. Л.29.
39. СПФ АРАН. Ф.246. Оп.2. Д.38. Л.4.
40. ЦГАМ. Ф.418. Оп.311. Д.410. Л.9.
41. ЦГАМ. Ф.4. Оп.10. Д.905. Л.22.
42. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.1904. Л.34.
43. ЦГАМ. Ф.418. Оп.313. Д.287. Л.1.
44. ЦГАМ. Ф.4. Оп.10. Д.905. Л.51об.
45. СПЕШНЕВ; URL: https://baza.vgd.ru/1/31520/
46. Портрет Веры Николаевны Карповой, урожденной Гучковой, с супругом.; URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=47415822
47. ЦГАМ. Ф.418. Оп.319. Д.580. Л.23.
49. Мекк, Владимир Владимирович фон; URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мекк,_Владимир_Владимирович_фон
50. ГАРФ. Ф.Р–8409. Оп.1. Д.165. Л.164.
51. “Заклейменные властью”; URL: https://pkk.memo.ru/letters_pdf/000155.pdf
52. Холмогоровы В. и Г. Исторические … с. 47–49.
53. Училище в селе Брыкове … с. 19–20.
54. Освящение храма в селе Богоявленском … с.439.
55. ЦГАМ. Ф.203. Оп.753. Д.653. Л.1–4.
56. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2747. Л.1–5.
57. ЦГАМ. Ф.203. Оп.646. Д.212. Л.7–43.
58. ИИМК. Ф.Р–III. Д.3510. Л.1–14.
59. ЦГАМ. Ф.454. Оп.3. Д.71. Л.47–51.
60. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2504. Л.31–36об.
61. ЦГАМ. Ф.203. Оп.746. Д.1737. Л.62а.
62. РГИА. Ф.799. Оп.33. Д.889. Л.32–33.
63. ЦГАМО. Ф.66. Оп.18. Д.4. Л.144–145об.
64. ЦГАМО. Ф.660. Оп.1. Д.46. Л.48–50.
65. Метрические книги; URL: https://cgamos.ru/metric-books/
66. Метрические книги ЦИАМ церквей Истринского района; URL: http://www.istra-ltc.ru/publication/metricheskie-knigi.htm
67. ГАРФ. Ф.10035. Оп.2. Д.21078. Л.1–25.
68. РГАДА. Ф.1354. Оп.250. Д.П–15с. Л.1.
69. РГАДА. Ф.1354. Оп.250. Д.Б–14к. Л.1.
70. ЦГАМ. Ф.210. Оп.11. Д.409. Л. 41.
71. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.29. Л.5.
72. ОПИ ГИМ. Ф.369. Д.29. Л.6.
73. ГИМ–54014/48.
74. ЦГАМ. Ф.54. Оп.158. Д.5. Л.7.
75. ЦГАМ. Ф.54. Оп.167. Д.58. Л.6.
76. ЦГАМ. Ф.54. Оп.167. Д.58. Л.7.
77. ЦГАМ. Ф.54. Оп.158. Д.5. Л.6.
78. ЦГАМ. Ф.184. Оп.13. Д.104. Л. 12об.
79. ЦИАМ. Ф.54. Оп.179. Д.1008а. Л.26.
80. Паглазова Н. М. Литературное наследие … 854.
81. Архиерейское богослужение в Богоявленском храме п. Красный Истринского округа; URL: https://mosmit.ru/news/2023/07/14/198157/
82. Освящение Богоявленского храма в п. Красный; URL: https://mosmit.ru/news/2024/06/06/208302/
83. Освящение Богоявленского храма в поселке Красный; URL: https://istra-blago.ru/archives/news/4350/

(Итого 1314 ссылок).

Список архивов, музеев и периодических печатных изданий

ВЕВ – Владимирские епархиальные ведомости.

ГАВО – Государственный архив Владимирской обл.

ГАРФ – Государственный архив Российской федерации.

ГАЯО – Государственный архив Ярославской обл.

ГД – “Голос деревни” (газета).

ГИМ, ОПИ ГИМ – Государственный исторический музей, отдел письменных источников.

ГИХМ Н-И – Государственный историко-художественный музей “Новый Иерусалим”.

ГМП – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

ГМИРЛИ – Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля.

ГНИМА – Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева.

ГРМ – Государственный Русский музей.

ГТГ – Государственная Третьяковская галерея.

ДН – “Духовная Нива” (газета Истринского благочиния).

ИВ – “Истринские вести” (газета).

ИИМК – Институт истории материальной культуры.

ИС – “Истринская стройка” (газета).

Архив Истры – Территориальный архивный отдел г. о. Истра, управление № 1 ЦГАМО.

ЛП – “Ленинский путь” (газета).

МЕВ, МЦВ – Московские епархиальные, церковные ведомости (журналы).

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

ПСТГУ – Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусств.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук .

ТОКГ – Тамбовская областная картинная галерея.

ЦГАМ – Главархив Москвы. ГБУ “ЦГА Москвы” (прежде назывался ЦИАМ).

ЦГАМО – Центральный государственный архив Московской области.

ЧОИДР – Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете.

На службу в Богоявленский храм, 2015.

Список принятых сокращений

авт. – автор.

ар., арш. – аршин.

ас., асс. – асессор, ассигнации (в зависимости от контекста).

бол. – большой.

быв. – бывший.

в. – век, вершок, верста (в зависимости от контекста).

в., вол. – волость.

га – гектар.

г. – год, господин, гильдия (от контекста).

г., гор., г.о. – город, городской округ.

гр. – гражданин.

губ. – губерния.

ГЭС – гидроэлектростанция

д. – дом, девочка (от контекста).

д., дер. – деревня.

д., дес. – десятина.

дв. – двор.

з. – золотник.

др. – другое.

зав. – заведующий.

ж.п. – женский пол.

изо – изображение.

им. – имени.

и.д. – исполняющий должность.

к., коп. – копейка.

кв.саж. – квадратная сажень.

кл. – класс.

кн. – князь, книга (от контекста).

кон. – конец.

к/р – контрреволюционный.

л. – лист.

м., М. – метр, мальчик, Москва (от контекста).

м.п. – мужской пол.

МГУ – Московский государственный университет.

МДК – Московская духовная консистория.

МДС – Московская духовная семинария.

МО – Московская область.

нач. – начало.

УНКВД – Управление Народного комиссариата внутренних дел.

НСШ – неполная средняя школа.

нрзб – не разборчиво (не разборчивое слово в рукописном тексте).

о. – отец (священник).

об. – оборот листа.

ок. – около.

п., пос. – поселок, пуд (от контекста).

ПС – послужной список.

р. – река.

р., руб. – рубль.

РПЦ – Русская Православная Церковь.

с. – страница, сын (от контекста).

с., саж. – сажень.

с., сел. – село, сельцо.

св., свт. – свеча, святой, святитель (от контекста).

сщмч. – священномученик

см. – сантиметр, смотри (от контекста).

СПб., С-П – Санкт-Петербург.

ст. – степень (ордена), станция, статский (от контекста).

СШ – средняя школа.

т., тыс. – тысяч.

т., тов. – товарищ.

у., уе. – уезд.

УБД – Утраченный Божий Дом (краеведческий проект, сайт).

УК – Уголовный кодекс.

ул. – улица.

ур. – урожденная.

ф. – фунт, фонд (от контекста).

Ф., Оп., Д. – фонд, опись, дело.

ФИО – фамилия, имя, отчество.

ФС – формулярный список.

ШКМ – школа крестьянской молодежи.

чел. – человек.

хор. – хорошо.

худ. – художник.

GPS – Global Positioning System (англ.), система глобального позиционирования.

URL – Uniform Resource Locator (англ.), адрес страницы в интернете.

Информация о проезде

На общественном транспорте. На электричке (Рижское направление) – до железнодорожной станции Холщевики. Далее пешком 2 км через поселок Красный, в конце него расположен храм, по левую руку по ходу движения.

Своим транспортом. Один из возможных вариантов проезда. Ехать по трассе “Новая Рига” М–9 (Е–22), на 72-м км (GPS 55.916, 36.600), свернуть направо в направлении Волоколамское шоссе, проехать 2,5 км до деревни Лужки. Там снова направо, ехать по Волоколамскому шоссе 4 км, после деревни Холщевики на светофоре повернуть налево, проехать железнодорожный переезд. Ехать прямо около 2 км, в конце Красного поселка повернуть налево. За поворотом сразу будет Богоявленский храм, около него площадка для стоянки автомобилей. Координаты храма GPS 55.93725, 36.71918.

Богослужения в храме проводятся по выходным дням и в церковные праздники в 9 утра. Накануне вечерние службы начинаются в будни в 16–00, в субботу в 17–00.

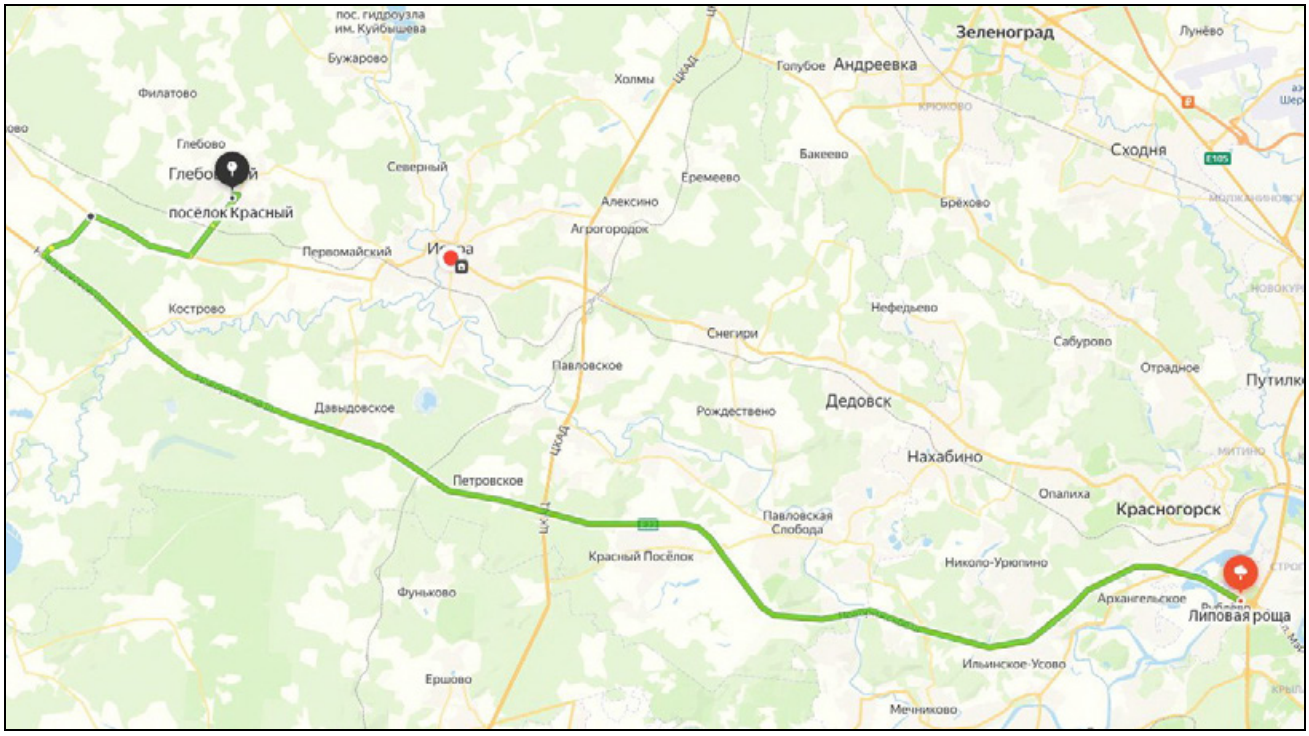

Схема проезда на автомобиле из Москвы (от МКАД) до Красного поселка (Брыково).

Контакты и координаты

143517, Московская обл, г.о. Истра, пос. Красный, ул. Центральная, д. 10А.
Тел. 8–498–729–51–07.
Сайт Богоявленского храма: https://bogojavlenskij.cerkov.ru
Настоятель: протоиерей Андрей Васильев, bogojavlenskij@inbox.ru

Дополнительная информация о храмах в Брыково и Хмолино, фотографии:

Сайт “Храмы России”: http://temples.ru/card.php?ID=1032
http://temples.ru/card.php?ID=23784
Сайт “Соборы.ру”: https://sobory.ru/article/?object=09498
https://sobory.ru/article/?object=39844

Об авторе

Сергей Павлович Носиков – выпускник Московского авиационного института 1979 года (радиофакультет). Кандидат технических наук. В настоящее время пенсионер, житель г. Истра Московской области. В 2022 г. было присвоено звание “Почетный гражданин городского округа Истра”.

Один из основателей проекта “Утраченный Божий Дом”, автор ряда книг краеведческой и историко-церковной тематики. Тексты книг автора можно бесплатно скачать с сайта УБД http://www.istra-ltc.ru/new.htm , они также доступны для свободного чтения онлайн на сайте главной библиотеки страны РГБ https://www.rsl.ru/ . На этих ресурсах через некоторое время будет размещена и данная книга.

Контакты: тел. 8–916–616–95–51, почта nspnsp@mail.ru . Обложки последних книг автора:

Носиков Сергей Павлович
История села Брыково и Богоявленской церкви (по материалам архивных исследований)
– М.: ООО "Сам Полиграфист", 2024, 424 с.

Верстка: С. П. Носиков.
Оформление обложки: С. Ю. Мамаев.

Заказ № 34784. Подписано в печать 29.08.2024 г.
Формат 210х297 мм. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «OneBook.ru». ООО «Сам Полиграфист».
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва».
www.onebook.ru

1770

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ НА

Счет сряшных.	Месяцы и день.	Имя, имя, отчество, фамилия и вероисповедной жены, и которым сряшом.	Лет жены.	Имя, имя, отчество, фамилия и вероисповедной мужа, и которым сряшом.	Лет мужа.
Августъ.					
11.	11.	Пономарь Николаевской, села Ливенского, Церкви Великомученицы Варвары Арсеньевой Купеческой Братовщины Ливенского Протопопства Церкви брачной.	20.	Отъ Священника Отроченской Николаевской, села Ливенского, Церкви Архангела Михаила Ливенского Протопопства Церкви брачной.	18

